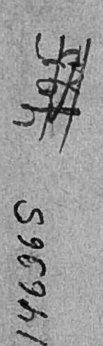

947.07
P642

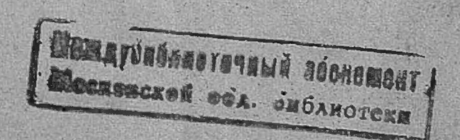
Баронъ А. Е. РОЗЕНЪ.

ЗАПИСКИ ДЕКАБРИСТА.

Съ портретомъ и приложеніями.

С.-Петербургъ.
1907.

Типографія Товарищества «Общественная Польза», Большая Подъяческая, 39.

„Записки декабриста“ барона А. Е. Розена перепечатываются нами съ изданія, выпущеннаго авторомъ въ Лейпцигѣ въ 1870 году. Нами исправлены многочисленные корректурные недосмотры заграничнаго изданія; стиль же автора, конечно, сохраненъ въ неприкосновенномъ видѣ. Къ „Запискамъ“ мы сочли нужнымъ присоединить разсѣянныя по журналамъ статьи и замѣтки Розена, по большей части дополняющія и разъясняющія „Записки“ или же характеризующія его взгляды. Въ приложеніяхъ мы даемъ и разсказъ П. И. Фаленберга, который, по плану Розена, долженъ былъ войти въ лейпцигское изданіе его „Записокъ“.

Портретъ Розена взятъ нами изъ изданія М. М. Зензинова: „86 декабристовъ“.

Во вступительной статьѣ изложено хранящееся въ Государственномъ Архивѣ и до сихъ поръ неизданное дѣло о Розенѣ Высочайше учрежденнаго Комитета по розысканію о злоумышленныхъ обществахъ.

П. Щеголевъ.

Баронъ Андрей Евгеніевичъ
РОЗЕНЪ.

Къ біографіи барона А. Е. Розена.

Къ изданію «Записокъ» А. Е. Розена нѣтъ необходимости прилагать біографическій очеркъ автора. Въ «Запискахъ» мы найдемъ тщательно и со всѣмъ вниманіемъ изложенную исторію жизненной судьбы автора. Въ настоящей же статьѣ мы имѣемъ въ виду дать нѣсколько общихъ замѣчаній о личности Розена, изложить на основаніи неизданныхъ архивныхъ матеріаловъ эпизодъ его участія въ декабрьскомъ движеніи и дать свѣдѣнія о періодѣ его жизни послѣ изданія «Записокъ».

1.

Розенъ родился и получилъ воспитаніе въ обстановкѣ, удивительно характерной, въ лонѣ сантиментально-буржуазной нѣмецкой семьи. Любовь Розена къ родителямъ проникнута насквозь чувствомъ искренней благодарности и благоговѣнія. Родители воспитывали его въ «святой вѣрѣ и доброй нравственности» и подавали сыну «отеческій примѣръ благочестія». Подъ этими вывѣтрившимися словами таилось значительное содержаніе: была создана непрерывная религіозная традиція и усвоены формы опредѣленнаго нравственнаго, въ духѣ рядового христіанства, отношенія къ міру и людямъ. Религіозное чувство, привитое Розену семьей, было впослѣдствіи лишь укрѣплено жизненными испытаніями. «Съ дѣтства,—пишетъ Розенъ,—не переставалъ я молиться; съ тѣхъ поръ сохранялъ я религіозное чувство, вопреки всѣмъ треволненіямъ въ юности, въ возмужалости и въ старчествѣ; съ тѣхъ поръ я не разставался съ этимъ сокровищемъ, безъ котораго невозможно быть постоянно спокойнымъ и довольнымъ. Куда идти, когда въ болѣзни нѣтъ надежды на возвращеніе здоровья? Что дѣлать, когда отлучаютъ человѣка отъ семьи и отъ общества и запираютъ его въ тѣснотѣ и въ темнотѣ? и т. д. Всегда и во всѣхъ случаяхъ нужно прибѣгнуть прямо ко Спасителю». Въ этихъ строкахъ ясно опредѣленъ характеръ религіозности Розена, чуждой какихъ-либо сомнѣній и безконечно далекой отъ мистицизма. Соотвѣтственно этому примитивно-религіозному чувству складывались и нравственныя воззрѣнія Розена. Миръ внутренній—отъ строгаго исполненія сво-

ихъ обязанностей, а обязанности къ Богу, къ людямъ, къ властямъ опредѣлены въ Священномъ писанiи. Начала демократизма, не глубокаго и не цѣльнаго, были положены въ дѣтствѣ, быть можетъ, пребыванiемъ въ Нарвскомъ народномъ училищѣ наравнѣ со сверстниками другихъ сословiй и положенiй.

Благонравный мальчикъ дѣлается офицеромъ: гвардейскiй полкъ—настоящая радость его жизни. Онъ—доброй души человѣкъ, любитъ своихъ подчиненныхъ, въ прiятельскихъ отношенiяхъ съ товарищами, онъ—душа общества. Даже въ своей средѣ онъ такъ и прозывается «душа». Но онъ службистъ. Въ эпоху крайней фрунтоманiи Розенъ поражаетъ спецiалистовъ-фронтовиковъ необыкновеннымъ знанiемъ и искуснымъ выполненiемъ всѣхъ головоломныхъ прiемовъ маршировки. Исполненiе служебнаго долга—вотъ священная его обязанность; онъ помнитъ, что самая ничтожная бездѣлица бываетъ началомъ успѣха по службѣ или многихъ непрiятностей. По знанiю устава и строевой службы Розенъ—исправнѣйшiй офицеръ. Былъ у него единственный недостатокъ: онъ поигрывалъ въ карты, да и то въ одинъ прекрасный день (еще въ 1822 году) онъ бросилъ это занятiе. Такимъ рисуется Розенъ по его собственнымъ признанiямъ въ «Запискахъ».

Послѣ этой характеристики съ нѣкоторымъ удивленiемъ читаешь о томъ, что этотъ примѣрный офицеръ былъ въ числѣ заговорщиковъ. Розенъ, очень много останавливающiйся на исторiи своей внѣшней жизни, очень скупъ на подробности о культурныхъ и общественныхъ влiянiяхъ. Можно даже думать, что его культурный уровень передъ декабрьской катастрофой не былъ весьма высокъ. Врядъ ли даже при такомъ страстномъ отношенiи къ службѣ, оставалось много времени на удовлетворенiе умственныхъ запросовъ. Правда, женитьба его на Малиновской (въ февралѣ 1825 года), несомнѣнно, заставила его вдумываться въ смыслъ окружающей его обстановки и тоньше относиться къ своимъ настроенiямъ. Появилась даже какая-то неудовлетворенность. Но это влiянiе женитьбы, конечно, далеко не объясняетъ его перехода на сторону радикаловъ и даже революцiонеровъ. Розенъ не былъ членомъ тайнаго общества, и воздѣйствiю кружка Рылѣева подвергся лишь въ послѣднiй мѣсяцъ и въ незначительной степени. Духъ времени и, быть можетъ, твердое сознанiе своихъ обязанностей по отношенiю къ ближнимъ толкнули Розена на революцiонный путь. Онъ не могъ противиться вѣянiямъ времени. Намъ не нужно искать особыхъ причинъ его участiя въ дѣлѣ: онъ былъ *рядовымъ* декабристомъ. И со всѣми другими рядовыми декабристами (впрочемъ, въ этомъ отношенiи не только съ рядовыми, а и съ вождями) Розена характеризуетъ половинчатость его чувствъ. У него хватило силы заявить себя революцiонеромъ въ день 14 декабря, но не хватило силъ примѣнить до конца революцiонный методъ дѣйствiй. Онъ возмутилъ свою часть роты, привелъ на площадь и ограничился тѣмъ, что удержалъ ее на одномъ мѣстѣ, и не осмѣлился двинуть ее на помощь возставшимъ.

Розенъ горько поплатился за этотъ «эпизодъ» своей жизни. Вѣдь, онъ вовсе не былъ революціонеромъ. Онъ былъ либералъ, преданный монархистъ, убѣжденный защитникъ священнаго начала собственности и врагъ крутыхъ и насильственныхъ мѣръ. Понятно, что, вернувшись изъ Сибири, въ 60—80 годахъ онъ «обожалъ» императора Александра II и несочувственно относился къ современному революціонному движенію, вожди котораго считали декабристовъ за своихъ родоначальниковъ.

2.

Дѣло Слѣдственной Комиссіи о Розенѣ слѣдующимъ образомъ излагаетъ исторію его участія въ обществѣ.

Первый допросъ Розену былъ сдѣланъ генералъ-адьютантомъ В. В. Левашевымъ, въ Зимнемъ дворцѣ, 22 декабря въ 11-мъ часу ночи. Левашевъ допрашивалъ Розена по заранѣе составленнымъ вопроснымъ пунктамъ и собственноручно записывалъ его отвѣты. Отъ Розена ждали откровенныхъ показаній, ждали, что онъ назоветъ членовъ тайнаго общества и главныхъ дѣйствующихъ лицъ 14 декабря. Самъ Николай Павловичъ появился въ залѣ во время допроса Розена, своимъ появленіемъ желая воздѣйствовать на откровенность Розена. Розенъ сохранилъ въ запискахъ картинное описаніе этого «явленія». Но ни Левашевъ, ни Николай I не достигли своей цѣли: показанія Розена были уклончивы и осторожны. Правдивый по своей природѣ, онъ даже колебался, подписывать ли ему ихъ или нѣтъ. Въ результатѣ ему пришлось подписать «правду и неправду».

Вотъ подлинный текстъ этого перваго допроса, извлекаемый нами изъ дѣла Слѣдственной Комиссіи. Мы приводимъ его съ сохраненіемъ своеобразнаго стиля и орѳографіи генерала-адъютанта Левашева.

Чинъ и имя ваше?—Лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка поручикъ б. Розенъ присягалъ по утру съ полкомъ и крестъ цѣловалъ.

Принадлежали ли вы обществу тайному?—Обществу тайному не принадлежалъ. Я былъ воспитанъ съ Рылѣевымъ, потому и остался съ нимъ знакомымъ. За всѣмъ тѣмъ со время выпуска моего изъ корпуса видѣлъ я его токмо два раза однажды у него, другой разъ у Оболенскаго.

Знаете ли вы что о намѣреніи 14-го числа?—Никакихъ слуховъ на счетъ 14-го числа до меня не дошло. Дней за восемь до сего, видѣлъ я Рылѣева и Оболенскаго; но разговоръ нашъ былъ совершенно чуждъ сему обстоятельству. Въ день происшествія генералъ собралъ всѣхъ офицеровъ нашего полка къ себѣ, поздравилъ съ новымъ Государемъ; прочелъ отреченіе Константина, манифестъ и присягу. Потомъ полкъ выстроился и я съ онымъ присягнулъ. Послѣ сего поѣхалъ я домой, одѣлся, чтобъ ѣхать во дворецъ; но доѣхавъ до Исаакіевскаго мосту, нашелъ, что далѣе за неустройствомъ не пропускали. Я возвратился въ полкъ къ баталіону, который засталъ

уже выходящимъ изъ казармъ. Вскорѣ оный назадъ воротили, велѣли переодѣться въ шинели и фуражки и опять построили. Тогда мы пошли съ ген. адъ. Комаровскимъ къ Исаакіевской площадѣ и остановились на Исаакіевскомъ мосту гдѣ приказано было зарядить ружье. На конецъ велѣно было итти впередъ. Гренадерскій зводъ пришелъ въ замѣшательство, а мой зводъ идущій позади кричалъ стой. Кап. Вяткинъ людей уговаривалъ, чтобы они шли впередъ; но они не двигались. Генералъ адъютантъ Комаровскій спрашивалъ о причинѣ ихъ упорства; они отвѣчали, что присягали императору Константину и противъ его не идутъ. Позади первая егерская рота по увѣщеванію г. Комаровскаго хотѣла тронуться, но мой зводъ закричалъ имъ и остановилъ. Въ самое то время пріѣзжалъ бригадный командиръ Г. Головинъ, которому я донесъ, что зводъ мой еще не присягалъ. Онъ людей моихъ уговаривалъ, но тщетно. Въ слѣдъ за симъ ружейныя пули начали до насъ долетать и причиняли нѣкоторый безпорядокъ; но я людей своихъ остановилъ, сказавъ имъ, что имѣю жену беременную, но что за всѣмъ тѣмъ охотно собою жертвую и стою передъ вами. Въ сіе время унтеръ офицеръ и 2-е рядовыхъ тронулись впередъ, но убоясь, чтобъ сіе не привело неустройства всѣму зводу, я ихъ остановилъ. Когда же два эскадрона конной гвардіи пошли въ обходъ, тогда я онымъ очистилъ мѣста, и на конецъ г. Бенкендорфъ взялъ насъ и поставилъ на бивакѣ въ 1-ю линію. Цѣлую ночь стоялъ я въ караулѣ на бивакѣ, а на другой день потребованъ былъ генераломъ и посаженъ подъ арестъ.

Все по истинѣ показалъ поручикъ баронъ Розенъ».

Послѣ этого допроса Розена не безпокоили до 8 января.

Къ этому времени съ гауптвахты зимняго дворца, онъ былъ переведенъ въ Петропавловскую крѣпость. Коммиссія на основаніи показаній другихъ опрошенныхъ уже составила себѣ опредѣленное мнѣніе о виновности Розена. Наиболѣе обильныя и чреватыя послѣдствіями показанія далъ, по своему обыкновенію, Е. П. Оболенскій. Такъ незадолго до второго допроса Розена Оболенскій сообщилъ коммиссіи о томъ, что Розенъ былъ освѣдомленъ о планахъ на 14 декабря. Позднѣе онъ же о совѣщаніи 11 декабря у Рылѣева показалъ, что, пріѣхавъ 11 декабря къ Рѣпину, онъ объявилъ планъ дѣйствій на 14 декабря и взялъ съ нихъ обѣщаніе содѣйствовать. При этомъ—пишетъ въ своихъ показаніяхъ Е. П. Оболенскій — «Розенъ представилъ мнѣ, что они, жертвуя всѣмъ для блага отечества въ столь важномъ случаѣ, каковъ нынѣ предстоитъ, желаютъ быть сколь возможно болѣе увѣренными въ содѣйствіи прочихъ членовъ, и потому предложилъ мнѣ собрать по одному члену отъ всѣхъ полковъ, которые согласны дѣйствовать къ общей цѣли для общаго совѣщанія». Александръ Бестужевъ показывалъ, что на совѣщаніи у Оболенскаго Розенъ сомнѣвался и началъ колебаться, но заговорщики подстрекнули его передъ товарищами, и онъ снова «загорѣлъ».

Кромѣ этихъ, сохранившихся на бумагѣ, показаній противъ Розена были,

конечно, и изустныя. [1]) Во всякомъ случаѣ 8 января комитетъ могъ предложить Розену слѣдующій вопросный пунктъ.

«1. При начальномъ допросѣ вы сдѣлали отрицательное показаніе на счетъ принадлежности вашей къ тайному обществу; но въ первыхъ ваши связи съ членами онаго, во вторыхъ показанія на васъ другихъ и въ третьихъ донесеніе вашего начальства ясно раскрываютъ, что вы принадлежали къ тайному обществу и, содѣйствуя намѣреніямъ его, поощряли солдатъ къ непослушанію.

2. При самомъ появленіи на Сенатскую площадь ротъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка, вы пріѣхали къ нимъ и, бросясь въ каре оныхъ, пробыли тамъ нѣсколько минутъ, а потомъ поспѣшно отправились въ полкъ свой, гдѣ первые огласили солдатамъ о дѣйствіяхъ на площади ротъ Московскаго полка, и произносили, что должно туда же идти и вашему баталіону.

3. Вы первые остановили стрѣлковый взводъ своего полка, убѣждали его тѣмъ, что онъ присягалъ государю цесаревичу, и угрожали заколоть шпагою перваго, кто двинетъ за гранадерскимъ взводомъ.

4. При такихъ доказательствахъ вашего соучастія въ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ членовъ общества, комитетъ требуетъ сознанія вашего въ томъ:

а) Когда и кѣмъ вы приняты въ общество и кого вы сами приняли?

в) Что побудило васъ вступить въ оное?

с) Въ чемъ заключалась прямая цѣль сего общества и какими средствами оно располагало достигнуть ее?

д) Кто именно изъ членовъ, гдѣ и въ какое время имѣли совѣщаніе о возмущеніи 14 декабря и какія на кого, и въ особенности на васъ возложены были обязанности?

е) Кто именно были извѣстны вамъ члены общества и кто изъ нихъ наиболѣе дѣйствовалъ въ исполненіи замысловъ онаго?

ф) Кто изъ офицеровъ вашего полка поощрялъ солдатъ къ отреченію отъ присяги и къ неповиновенію начальству?

д) Сверхъ сего вы должны объявить все то, что еще знаете и можете припомнить на счетъ тайнаго общества и происшествія 14 декабря.»

На эти вопросы Розенъ далъ слѣдующіе отвѣты:

«а, Никогда и никѣмъ не былъ принятъ въ тайное общество, никогда никакому не принадлежалъ и потому никого въ какое либо тайное общество принять не могъ.

в, Никогда не имѣлъ никакихъ побужденій, чтобъ вступить въ тайное общество.

с, Не знавши сего общества, не зналъ ни цѣли его, ни средства къ достиженію оной.

д, Въ послѣдствіи происшествій 14-го декабря оказалось, что членами тайнаго общества были князь Оболенскій и Рылѣевъ, съ коими я былъ знакомъ. Князя Обо-

---

[1]) Кромѣ слѣдственной коммиссіи по дѣлу декабристовъ роль Розена 14 декабря выяснялась еще и коммиссіей, учрежденной при Финляндскомъ полку. Извлеченіе изъ работъ этой коммиссіи было представлено и въ слѣдственную коммиссію.

ленскаго видѣлъ я въ пятницу 11-го числа декабря въ пять часовъ вечера у лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка штабсъ-капитана Рѣпина, гдѣ засталъ еще нѣсколько офицеровъ онаго полка: подпоручиковъ Базина, Бурнашева, Насакиныхъ 1-го и 2-го, Гольтгофа и Нумерса. Князь Оболенскій сообщилъ намъ между прочими посторонними разговорами, что несутся слухи, что скоро будемъ присягать новому Императору Великому князю Николаю Павловичу—на что были сдѣланы возраженія, что сего быть не можетъ, пока не будетъ извѣстно самовольное отреченіе отъ престола Государя Цесаревича. Еще говорилъ онъ, что покойнымъ Государемъ Императоромъ сдѣлано всемилостивѣйшее завѣщаніе, въ коемъ убавляется солдатамъ положенный срокъ службы и прибавляется имъ жалованье. Во время разговора уѣхалъ прапорщикъ Богдановъ, за коимъ пріѣхалъ братъ его. Было разсуждаемо о средствахъ, коихъ должно принять, если будутъ принуждать насъ къ присягѣ, и рѣшено было въ такомъ случаѣ не присягать, а въ случаѣ принужденія собраться на Сенатскую площадь и остаться вѣрноподданными Государю Цесаревичу.—«Что мы не одни въ семъ согласны, могу вамъ доказать завтра»,—сказалъ князь Оболенскій, —«пріѣзжайте ко мнѣ одинъ или двое, и убѣдитесь, увидя офицеровъ другихъ полковъ.» Съ симъ просили всѣ, чтобы я ѣхалъ съ прапорщикомъ Богдановымъ, на что я согласился.—Князь Оболенскій тотчасъ уѣхалъ, прочіе напившись чаю разъѣхались скоро.

Въ тотъ же вечеръ поѣхалъ я съ штабсъ-капитаномъ Рѣпинымъ навѣстить Рылѣева, котораго застали больного и читающаго всеобщую исторію; говорили о ней и потомъ о неизвѣстности прибытія въ столицу Государя Цесаревича, что оная даетъ поводъ къ разнымъ догадкамъ. Во время разговора пріѣзжали кавалергардскаго полка корнетъ Муравьевъ и офицеръ, мнѣ незнакомый, одѣтый въ сертукѣ съ краснымъ воротникомъ, кои чрезъ нѣсколько минутъ уѣхали. Посидѣвъ у Рылѣева всего съ четверть часа, поѣхали съ Рѣпинымъ къ полковнику Тулубьеву, коему сообщили слышанное нами, а потомъ разъѣхались по домамъ.

На другой день 12-го числа обѣдалъ у меня прапорщикъ Богдановъ, съ коимъ поѣхалъ вмѣстѣ къ князю Оболенскому; тамъ застали Рылѣева и шесть офицеровъ, всѣхъ мнѣ незнакомыхъ; повторенъ былъ разговоръ, который имѣли наканунѣ, съ прибавленіемъ, чтобъ и людей отговорить отъ присяги, когда къ оной будутъ принуждать, и вести ихъ на Сенатскую площадь. На что мною было сказано Рылѣеву и князю Оболенскому: что сіе могутъ только произвести полковой или баталіонные командиры—«такъ пусть офицеры одни, вѣрные Государю своему, явятся на площадь», возразили они;—а на вопросъ мой: что будетъ тамъ со стадомъ безъ пастыря? отвѣчали мнѣ: «все тамъ будетъ, увидите и узнаете».—Послѣ сего я тотчасъ поѣхалъ къ Рѣпину, пересказалъ ему слышанное и видѣнное, а на другой день сообщилъ тоже полковнику Тулубьеву, подпоручикамъ Насакинымъ и прапорщику Маренщильду; говоря, что мнѣ многое непонятно и что убѣжденъ только собственными чувствами, сохранить вѣрно присягу данную Государю.

е. На сей вопросъ данъ удовлетворительный отвѣтъ въ предъидущемъ пунктѣ.

ф. Никого не знаю изъ офицеровъ полка, кои поощряли бы солдатъ къ отреченію отъ присяги и къ неповиновенію начальства.

д. Ночью на 14-ое число декабря получилъ я увѣдомленіе отъ полка, дабы прибыть въ квартиру полковаго командира безъ трауера въ 8 часовъ утра: пока я одѣвался, пріѣхалъ ко мнѣ нашего полка прапорщикъ Ефимовъ, живущій по сосѣдству, дабы вмѣстѣ ѣхать со мною. По дорогѣ заѣхали къ штабсъ-капитану Рѣпину коего застали спящаго, и сообщая ему полковой приказъ поѣхали къ полковому командиру, который пріѣхалъ въ 9-ть часовъ и поздравилъ насъ съ новымъ Императоромъ. Я спросилъ его превосходительство: «гдѣ нашъ Государь Цесаревичъ»? Генералъ отвѣчалъ мнѣ: «вотъ я сейчасъ прочту и узнаете»; послѣ чего его превосходительство читалъ Высочайшій манифестъ и отреченіе отъ престола Государя Цесаревича. Вслѣдъ за симъ выводили роты къ мѣсту назначенному для присяги; та рота, къ коей я причисленъ, занимала караулы, я же присягалъ Государю Императору Николаю Павловичу вмѣстѣ съ полкомъ, потомъ поѣхалъ домой, заѣзжая опять къ Рѣпину съ извѣстіемъ: что намъ читали манифестъ, что Императоръ нашъ, Николай Павловичъ, и что весь полкъ присягалъ.

Во второмъ часу одѣлся, чтобы ѣхать во дворецъ къ назначенному выходу; въ сіе время пріѣхалъ ко мнѣ подпоручикъ Базинъ, говоря, что на площади множество войска и народу. Я въ полной формѣ поѣхалъ съ нимъ; доѣзжая до конца моста нельзя было далѣе ѣхать отъ тѣсноты, мы соскочили изъ саней, не знаю куда пошелъ подпоручикъ Базинъ, но я видя, на площади войско съ знаменами, вошелъ въ ближній каре л.-гв. Московскаго полка, гдѣ видѣлъ двухъ офицеровъ онаго полка, мнѣ незнакомыхъ; солдаты кричали ура Константину. Въ ту же секунду вышелъ изъ каре и поѣхалъ прямо въ полкъ, гдѣ у казармъ нашелъ полковниковъ Тулубьева и Окулова, капитана Вяткина и подпоручиковъ Насакина 2-го и Бурнашева; говорилъ имъ, что былъ въ каре возмутившихся, что всѣ полки идутъ къ площади и что намъ должно туда же идти. Полковникъ Тулубьевъ на то согласился, и я вбѣжалъ первый во дворъ казармъ и закричалъ на дворѣ: выходи! Въ сіе время собрались прочіе офицеры и самъ полковникъ Тулубьевъ въ этомъ же дворѣ, и тогда вошелъ я въ роту и сказалъ: выходи скорѣе, уже всѣ полки идутъ къ площади! болѣе не было мною сказано ни одного слова, и я стоялъ между прочими офицерами. Баталіонъ выстроился, одѣтый въ мундирахъ и киверахъ, и былъ тотчасъ распущенъ въ казармы съ тѣмъ, чтобы совсѣмъ раздѣваться; но чрезъ минуту получилъ опять приказаніе переодѣваться въ шинели и фуражки, и взять боевыхъ патроновъ. Тутъ баталіонъ скоро выстроился и генералъ-адъютантъ Комаровскій и бригадный командиръ генералъ-маіоръ Головинъ повели его къ Сенатской площади. Взойдя на мостъ выстроили взводы, на половинѣ онаго остановились въ сомкнутыхъ ротныхъ колоннахъ, и тамъ приказано было заряжать ружья;

по заряженіи сказано было: впередъ—карабинерный взводъ тронулся съ мѣста въ большомъ замѣшательствѣ, а мой стрѣлковый взводъ закричалъ громко три раза: Стой!—Капитанъ Вяткинъ тотчасъ обратился къ моему взводу, убѣждалъ людей, чтобы слѣдовали за карабинерами, но тщетно, и они продолжали кричать: стой!— Возвратился генералъ-адъютантъ Комаровскій и спрашивалъ людей: отчего они не слѣдуютъ за первымъ взводомъ? на что взводъ отвѣчалъ: «мы не знаемъ куда и на что насъ ведутъ, ружья заряжены, сохрани Богъ убить своего брата, мы присягали Государю Константину Павловичу, при присягѣ и у обѣдни цѣловали крестъ». Его Высокопревосходительство приказалъ имъ раздаться въ срединѣ, и подъѣхалъ къ позади стоящей второй ротной колоннѣ, которой часть было двинулась, но остановилась, и мой взводъ опять кричалъ стой! Генералъ-адъютантъ Комаровскій уѣхалъ, взводъ стоялъ смирно, и спустя нѣсколько времени, хотѣли идти впередъ унтеръ-офицеры Кухтиковъ и Степановъ и четыре человѣка съ праваго фланга: взводъ опять кричалъ стой! Я подбѣжалъ къ этимъ людямъ, возвратилъ ихъ на свои мѣста, угрожая заколоть шпагою того, кто тронется съ мѣста.

До сего не было мною сказано ни единаго слова; видя, что старанія ротнаго командира и убѣжденія генералъ-адъютанта остались тщетными, не смѣлъ полагать, что мои старанія были бы дѣйствительны, и къ тому народъ, который шелъ на островъ по обѣимъ сторонамъ моста, мимоходомъ говорилъ людямъ, что всѣ кричатъ на площади ура Константину! Въ сіе время пролетѣли три пули мимо меня и пятаго ряда, люди было осадили, но я ихъ остановилъ говоря: «Стой смирно и въ порядкѣ, вы оттого не идете впередъ, что вѣрны присягѣ, данной Государю, такъ стой же; я долженъ буду отвѣчать за васъ; я имѣю жену беременную, имѣніе, слѣдовательно жертвую гораздо бо̀льшимъ, чѣмъ кто либо, а стою впереди васъ; пуля, которая мимо кого просвистѣла, того не убиваетъ». Потомъ пришелъ бригадный командиръ, котораго я встрѣтилъ, донося, что мой взводъ еще не присягалъ; Его Превосходительство также убѣждалъ людей, чтобы впередъ идти, но тщетно.

Послѣ пушечныхъ выстрѣловъ, когда л.-гв. Конный полкъ взошелъ на мостъ, я поставилъ взводъ въ порядкѣ, паралельно къ мосту, лѣвымъ флангомъ къ манежу 1-го Кадетскаго корпуса; стоялъ тамъ, пока прошелъ полкъ и въ сіе время подъѣхалъ къ взводу генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, ясно изъяснилъ людямъ ихъ заблужденіе, кои единодушно закричали: Рады стараться! потомъ слѣдовалъ я со взводомъ за баталіономъ; взводъ присягалъ, и я былъ посланъ въ караулъ. На другой день арестованъ въ 4 часа по-полудни полковымъ командиромъ.»

8 марта отъ комитета Рылѣеву, кн. Трубецкому, Ив. Ив. Пущину и Каховскому былъ предложенъ слѣдующій вопросный пунктъ:

«Л. гв. Финляндскаго полка поручикъ баронъ Розенъ принадлежалъ ли къ числу членовъ тайнаго общества, когда и кѣмъ былъ принятъ и былъ ли на совѣщаніяхъ общества наканунѣ 14 декабря?»

На этотъ вопросъ спрошенныя лица дали слѣдующіе отвѣты:

Рылѣевъ:—«Принадлежалъ ли къ числу членовъ тайнаго общества поручикъ баронъ Розенъ, мнѣ неизвѣстно. За нѣсколько дней до 14 декабря былъ онъ у меня и потомъ видѣлъ я его у князя Оболенскаго; но при немъ говорено было только о средствахъ, какъ заставить солдатъ не присягать вновь; о цѣли же общества, то есть, чтобы симъ случаемъ воспользоваться для перемѣны образа правленія, не упоминали, и потому я полагаю, что онъ въ общество принятъ не былъ».

Трубецкой:—«О принадлежности означеннаго барона Розена я не имѣю возможности дать никакого свѣдѣнія, ибо не помню, чтобы я слышалъ его имя въ числѣ членовъ общества. Также былъ ли онъ у Рылѣева 13-го декабря не знаю; я кромѣ Рѣпина, о которомъ я прежде говорилъ, никогда не видалъ, и ни съ кѣмъ изъ онаго полка не разговаривалъ, и кажется, что никого изъ офицеровъ л. г. Финляндскато полка, исключая Рѣпина, не знаю».

Пущинъ:—«На означенный вопросный пунктъ симъ честь имѣю отвѣтствовать, что баронъ Розенъ, сколько мнѣ извѣстно, къ тайному обществу не принадлежитъ; на совѣщаніяхъ наканунѣ 14-го декабря я его не видалъ.

Каховской:—«Не знаю поручика барона Розена, и мнѣ не извѣстно принадлежалъ ли онъ къ тайному обществу».

По Финляндскому полку Розенъ тѣснѣе всего былъ связанъ съ штабсъ-капитаномъ Рѣпинымъ. Поэтому, комитетъ особенно настойчиво допрашивалъ о Розенѣ именно Рѣпина. Такъ 8-го марта комитетъ предложилъ Рѣпину отвѣтить на слѣдующій вопросный пунктъ.

«Изъ показаній вашихъ комитету извѣстно, что поручикъ баронъ *Розенъ* былъ членомъ тайнаго общества, или отъ кого вы слышали о томъ, и не имѣлъ ли онъ лично съ вами разсужденій о цѣли и намѣреніяхъ общества?»

На этотъ вопросъ Рѣпинъ отвѣтилъ.

«Утвердительно сказать, кѣмъ и когда поручикъ баронъ Розенъ былъ принятъ въ общество, я не могу; ибо въ то время не любопытствовалъ о семъ положительно узнать; но предполагаю, что сіе было почти въ одно время со мною, то есть дня за два до происшествія. Особенныхъ разсужденій о цѣли и намѣреніяхъ общества, онъ со мною лично не имѣлъ, но говорилъ, одинъ разъ, что ему извѣстно намѣреніе многихъ не присягать, и что онъ съ своей стороны не отказывается сдѣлать тоже.

19 Мая комитетъ задалъ штабсъ-капитану *Рѣпину* тотъ же вопросъ, но въ болѣе рѣзкой формѣ.

«На ясный и положительный вопросъ о поручикѣ баронѣ *Розенѣ* вы отозвались по прежнему словомъ, ничего не разрѣшающимъ, а именно, что *предполагаете*, что онъ принятъ въ общество въ *одно время съ вами*, то есть дни за два до происшествія, между тѣмъ, какъ вы приняты въ общество Свистуновымъ уже давно.

Объясните, почему же вы предполагаете, что онъ принятъ въ общество и именно

въ одно время съ вами, и на чемъ основано было показаніе ваше, что Розенъ членъ тайнаго общества?»

Рѣпинъ отвѣчалъ:

«Комитету извѣстно, что при пріемѣ въ общество никакихъ образовъ не существовало, что одно сообщеніе о намѣреніяхъ онаго и согласіе въ мнѣніяхъ составляло все, такъ называемое, принятіе. Поручикъ баронъ Розенъ былъ у Рылѣева и Оболенскаго, зналъ столько же, сколько и я, о намѣреніяхъ общества и также былъ на сіе согласенъ, а потому я и полагалъ его въ томъ же отношеніи къ обществу, какъ и самого себя.

Причина, по которой я считалъ свое принятіе съ того времени, какъ въ первый разъ былъ у Рылѣева, есть та, что сообщенное мнѣ прежде сего корнетомъ Свистуновымъ не полагалъ заслуживающимъ вѣроятія, и доказательствомъ, что я не имѣлъ тогда намѣренія дѣйствовать въ видахъ общества, есть то, что въ послѣдствіи никогда не искалъ ни видѣть корнета Свистунова, ни пояснить имъ сказаннаго; въ сентябрѣ мѣсяцѣ того года подалъ я прошеніе въ отставку, слѣдуя, въ семъ случаѣ, давно принятому намѣренію оставить военный родъ службы: въ октябрѣ отрапортовался я больнымъ; сдалъ команду надъ ротою, оставилъ полкъ, удалился отъ своихъ товарищей и жилъ въ совершенномъ уединеніи до того времени, какъ удостовѣрился отъ Рылѣева о дѣйствительности существованія общества и о намѣреніяхъ онаго при случаѣ новой присяги. Въ то же время слышалъ отъ *Розена* о томъ, что ему все сіе извѣстно, однимъ словомъ отношенія его къ обществу равны съ моими; но не зная, кто именно сообщилъ ему объ оныхъ, уличить его въ томъ, что онъ есть дѣйствительно членъ общества, не могу.»

Не добившись нужнаго признанія отъ Рѣпина, комитетъ 19 мая предложилъ князю Оболенскому слѣдующій вопросный пунктъ.

«Вы показываете, что 11 декабря, когда всѣ бывшіе у *Рѣпина* согласились на предложенныя вами мѣры, то баронъ *Розенъ* представилъ вамъ, что они, жертвуя всѣмъ для пользы отечества въ столь важномъ случаѣ, желаютъ быть сколь можно болѣе увѣренными въ *содѣйствіи прочихъ членовъ*, и потому предложили вамъ собрать по одному *члену* отъ всѣхъ полковъ, которые согласны дѣйствовать къ общей цѣли, для общаго совѣщанія, на что вы согласились и назначили ему быть у васъ на другой день.

Баронъ же *Розенъ* говоритъ, что вы, изложивъ вышеупомянутыя мѣры, присовокупили: «что мы одни согласны въ семъ—могу вамъ доказать завтра; пріѣзжайте ко мнѣ одни, или двое, и убѣдитесь увидя офицеровъ другихъ полковъ». Вмѣстѣ съ симъ всѣ просили его, *Розена*, чтобы онъ ѣхалъ къ вамъ съ *Богдановымъ*, на что онъ и согласился. Скажите чистосердечно, какъ это было, присовокупивъ къ тому, кѣмъ и когда принятъ въ общество баронъ Розенъ».

Оболенскій, по своему обыкновенію, отвѣчалъ весьма пространно.

«Сколько я могу вспомнить разговоръ мой, бывшій 11-го декабря у Рѣпина съ барономъ Розеномъ и прочими офицерами, я въ прежнемъ показаніи моемъ, не упоминая собственныхъ словъ барона Розена, но смыслъ разговора его со мною и прочихъ офицеровъ, дѣйствительно могъ ошибиться, принимая сдѣланные мнѣ вопросы о членахъ общества, готовыхъ содѣйствовать цѣли нашей, за предложеніе его о собраніи ихъ у меня; ибо вмѣстѣ съ вопросами о членахъ общества баронъ Розенъ и другіе офицеры говорили дѣйствительно, что въ столь важномъ случаѣ, какой нынѣ предстоитъ, гдѣ мы должны жертвовать жизнію своею для отечества, нельзя довольно быть осмотрительнымъ во всѣхъ случаяхъ, и необходимо твердо быть увѣреннымъ, что каждый членъ общества не нарушитъ даннаго имъ слова. Вслѣдъ за сими разсужденіями послѣдовало предложеніе о собраніи членовъ всѣхъ полковъ, для общаго совѣщанія:—при представленіи прежняго моего о семъ показанія, я упоминалъ, что оно было сдѣлано барономъ Розеномъ, и потому представилъ сіе комитету; нынѣ же противъ объясненія барона Розена, представляющаго мои собственныя слова, я совершенно ничего не могу представить комитету, исключая того, что, не упоминая сего обстоятельства довольно ясно, дабы сдѣлать утвердительное показаніе, я готовъ согласиться съ показаніемъ барона Розена, не имѣя никакого доказательства о противномъ:—баронъ Розенъ членомъ общества принятъ не былъ и извѣстился о существованіи онаго только 11-го декабря, если Рѣпинъ накануне ничего не объяснялъ ему, что мнѣ неизвѣстно».

На этомъ комитетъ и закончилъ свои разслѣдованія о виновности Розена. 2 іюня была выполнена послѣдняя формальность. Розену были предложены вопросные пункты, предлагавшіеся всѣмъ безъ исключенія привлеченнымъ.

1. Какъ ваше имя и отчество и сколько отъ роду лѣтъ?

2. Какого вы вѣроисповѣданія и каждогодно ли бываете на исповѣди и у святаго причастія?

3. Присягали ли на вѣрность подданства нынѣ царствующему государю императору?

4. Гдѣ воспитывались вы? если въ публичномъ заведеніи, то въ какомъ именно, а ежели у родителей или родственниковъ, то кто были ваши учителя и наставники?

5. Въ какихъ предметахъ старались вы наиболѣе усовершенствоваться?

6. Не слушали-ль сверхъ того особыхъ лекцій? въ какихъ наукахъ, когда, у кого и гдѣ именно? объяснивъ въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ, чьимъ курсомъ руководствовались вы въ изученіи сихъ наукъ?

7. Съ котораго времени и откуда заимствовали вы свободный образъ мыслей, то-есть отъ сообщества ли или внушеній другихъ, или отъ чтенія книгъ или сочиненій въ рукописяхъ и какихъ именно? кто способствовалъ укорененію въ васъ сихъ мыслей?

Отвѣчая на вопросы, Розенъ написалъ въ отвѣтъ:

«1. Мнѣ, нижеподписавшемуся, барону Андрею Евгеніевичу, сыну Розену, отъ роду двадцать шесть лѣтъ.

2. Вѣроисповѣданія лютеранскаго, ежегодно бывалъ на исповѣди и у святого причастія, выключая 1821 и 1822 года, въ коихъ находился съ полкомъ въ походѣ, не имѣлъ къ тому ни средства, ни случая.

3. Присягалъ на вѣрность подданства нынѣ царствующему государю императору Николаю первому декабря 14 дня 1825 года.

4. Воспитывался въ первомъ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ.

5. Старался наиболѣе усовершенствоваться въ предметахъ, касающихся до военнаго искусства и въ словесности.

6. Особыхъ лекцій не слушалъ ни въ какихъ наукахъ.

7. Не питая въ себѣ свободный образъ мыслей, мнѣ оный вовсе чуждъ; не старался заимствовать онымъ ни чтеніемъ такихъ книгъ или рукописей и не бывалъ никогда ни въ какихъ тайныхъ или особыхъ обществахъ».

Такимъ образомъ, уклончивость и сдержанность въ отвѣтахъ не покинули Розена до конца. Его нужно причислить къ немногочисленной группѣ тѣхъ декабристовъ, которые сохранили выдержку во время слѣдствія.

3.

Въ своихъ запискахъ Розенъ разсказалъ свою жизнь вплоть до момента появленія этого труда въ свѣтъ въ 1870 году. Онъ еще долго прожилъ. Старость его была ясна и безупречна. Пока могъ, онъ отдавалъ всѣ свои силы общественному служенію, былъ школьнымъ учителемъ, основалъ въ с. Каменкѣ крестьянскій банкъ на свой счетъ, два трехлѣтія состоялъ мировымъ посредникомъ. На послѣдокъ дней своихъ онъ предался занятіямъ литературнымъ. Въ 1876 году онъ напечаталъ въ Петербургѣ «Очеркъ фамильной исторіи бароновъ фонъ-Розенъ (1792—1876)». Онъ тщательно слѣдилъ за всей литературой о своихъ товарищахъ-декабристахъ и спѣшилъ исправлять ошибки и неточности и защищать ихъ память отъ нападокъ. Онъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ «Русской Старины». Въ 1883 году онъ издалъ на средства А. А. Краевсагоя собранное имъ «Полное собраніе стихотвореній кн. А. И. Одоевскаго».

Розенъ и въ глубокой старости отличался крѣпостью и физическимъ здоровьемъ. 83-лѣтній старикъ, онъ ѣздилъ верхомъ по хозяйству, игралъ на фортепіано и пѣлъ. Послѣдній годъ жизни онъ провелъ въ селѣ Викнинѣ, около Изюма въ Харьковской губерніи. Жена его, Анна Васильевна, умерла за 4 мѣсяца до него. Андрей Евгеніевичъ умеръ 19 апрѣля 1884 года.

Любезнымъ моимъ соузникамъ

и

соизгнанникамъ

посвящаетъ

сочинитель.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

При самомъ началѣ составленія этихъ Записокъ въ заточеніи, въ изгнаніи, на переходѣ изъ одной тюрьмы въ другую, во время переѣзда изъ одной страны изгнанія въ другую, сочинитель имѣлъ въ виду не многочисленную публику, но своихъ дѣтей, родныхъ и товарищей, съ которыми онъ провелъ примѣчательнѣйшую часть своей жизни—годы заточенія и изгнанія въ Сибири и на Кавказѣ.

Между тѣмъ времена и отношенія и событія измѣнились такъ быстро и такъ широко, что эти страницы могутъ представить занимательность и для круга постороннихъ читателей. Изъ лицъ, бывшихъ нашими судьями, всѣ уже скончались: изъ числа ста двадцати одного товарищей, осужденныхъ за заговоръ 1825 года, осталось въ живыхъ только четырнадцать, а между нами только трое изъ декабристовъ. Это событіе представляетъ теперь только историческую занимательность, и воспоминаніе о немъ не можетъ казаться ни предосудительнымъ для правительства, ни революціоннымъ или опаснымъ для публики. Нынѣ дѣло только въ томъ, чтобы по истинѣ выставить сущность историческаго факта и доставить принимающимъ участіе въ жребіи декабристовъ нѣкоторыя достовѣрныя свѣдѣнія относительно ихъ характера и участи.

Вторая часть моихъ Записокъ касается моей родины; а третья часть—нѣкоторыхъ изъ важныхъ современныхъ вопросовъ, новѣйшихъ великихъ событій, и громадныхъ преобразованій въ моемъ отечествѣ.

Донынѣ, въ журналахъ и газетахъ, русскихъ и иностранныхъ, напечатаны были только отрывки воспоминаній нѣсколькихъ моихъ товарищей: Е. П. Оболенскаго и Н. А. Бестужева о Рылѣевѣ, И. И. Пущина о Царскосельскомъ лицеѣ, И. Д. Якушкина о допросахъ слѣдственной комиссіи, Никиты М. Муравьева о дѣйствіяхъ комиссіи, М. С. Лунина о вліяніи тайныхъ обществъ, Н. В. Басаргина объ учи-

лицѣ колонновожатыхъ. Н. И. Тургеневъ, постоянный поборникъ за свободу крестьянъ, обнародовалъ на французскомъ языкѣ полное сочиненіе въ трехъ томахъ:—„La Russie et les Russes“.—Въ первомъ томѣ авторъ разбираетъ донесеніе слѣдственной комиссіи съ преднамѣренною цѣлью—облегчить участь сосланныхъ товарищей; въ двухъ остальныхъ томахъ, авторъ совершенно вѣрно и разительно изображаетъ состояніе Россіи и бытъ русскихъ до времени своего выѣзда за границу, лѣтомъ 1824 г., съ весьма важными документами и очень поучительными указаніями на дѣятелей русскихъ, въ первой четверти текущаго столѣтія.

Изъ писателей, не принадлежавшихъ къ тайному обществу, баронъ М. А. Корфъ описалъ восшествіе на престолъ императора Николая I, согласно съ донесеніемъ слѣдственной комиссіи, съ записками членовъ императорской фамиліи и высокопоставленныхъ лицъ по государственному управленію.

Е. Ковалевскій, въ своей книгѣ—„Графъ Блудовъ и его время“—коснулся только донесенія слѣдственной комиссіи 1826 года.

Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1868 года, за іюнь, напечатаны замѣтки о нѣкоторыхъ моихъ товарищахъ изъ записокъ Н. И. Греча.

Происшествіе 14 декабря 1825 года искажено до невѣроятности: въ доказательство привожу письмо государственнаго секретаря А. Н. Оленина къ дочери своей, отъ 24 декабря 1825 г. изъ Петербурга; письмо это напечатано въ 4 № „Русскаго Архива“ за 1869 годъ. Если мужъ достойный общаго уваженія и занимавшій такое важное мѣсто, могъ передать совершенно ложныя вѣсти объ этомъ происшествіи, то чего ожидать отъ людей, выдающихъ за истину все, что передавалось тогда и послѣ, по слухамъ и пересудамъ?

Изъ иностранныхъ писателей, находившихся тогда, или около того времени, въ Россіи и въ Петербургѣ, И. Г. Шницлеръ, хорошо ознакомившійся съ Россіею, всѣхъ вѣрнѣе и подробнѣе описалъ дѣйствія тайныхъ обществъ и происшествіе 14-го декабря, въ своемъ сочиненіи:—„Тайная исторія Россіи въ царствованіе Александра I и Николая I“.—Авторъ довольно вѣрно опредѣляетъ главный ходъ происшествія и выводитъ правдивое заключеніе изъ всего дѣла.

Неудовлетворительнѣе отзывы другихъ писателей, какъ-то: Ancelot—dix mois en Russie. Lesure-Annuaire de 1825. Dupre de St. Maure — Pétersbourg, Moscou, les Provinces. D'un Anglais anonnyme—Revelations of Russia.—Custine—la Russie en 1832; этотъ писатель смѣшалъ обстоятельства возстанія 14 декабря 1825 года съ возмущеніемъ на Сѣнной, во время холеры въ Петербургѣ, и съ возстаніемъ въ Старой Руссѣ въ 1838 году, въ военныхъ поселеніяхъ.

Большая часть моихъ товарищей могла бы гораздо обстоятельнѣе и занимательнѣе передать всѣ событія того времени, но ихъ давно уже не стало, а изъ малаго числа оставшихся въ живыхъ, успѣетъ ли кто исполнить это?—не знаю. Такія обстоятельства заставили меня употребить

небольшой остатокъ дней моихъ, чтобы совѣстливымъ образомъ передать то, что я самъ испыталъ, видѣлъ и слышалъ и что почерпнулъ изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ.

Предупреждаю моихъ читателей, что я старался быть безпристрастнымъ, что я не сохранилъ никакой горечи или вражды за претерпѣнныя испытанія, и припоминаю съ благодарностью все добро, оказанное мнѣ и моимъ товарищамъ въ теченіе всего этого времени, труднаго и печальнаго.

Я очень хорошо знаю, что характеръ и дѣйствія большей части людей опредѣляются духомъ времени и обстоятельствами, среди коихъ они развиваются, и потому не питаю злобы даже противъ тѣхъ, которые поступили съ нами жестоко и несправедливо.—Поэтому прошу родныхъ и друзей названныхъ мною лицъ не сѣтовать на меня, если въ моихъ запискахъ вашъ родственникъ или другъ выставленъ мною не такъ, какъ вы того желали или ожидали, или какимъ вы его знали сами, или какъ слышали о немъ отъ другихъ,—или, наконецъ, если я не съумѣлъ достойно оцѣнить его характеръ, его слова и дѣйствія.

Особенно прошу тѣхъ изъ моихъ читателей, которыми можетъ овладѣть чувство негодованія или грусти, при чтеніи различныхъ мною описанныхъ обстоятельствъ, чтобы они хорошо взвѣшивали и припоминали себѣ различныя отношенія, подъ вліяніемъ коихъ мы были преданы суду и подвергнуты осужденію,—тогда вы будете имѣть довольно основаній, чтобы объяснить и извинить причины, по коимъ поступлено было съ нами такъ, а не иначе.

Желаю опровергнуть всѣ ложныя сужденія о декабристахъ и объ ихъ противникахъ. Особенно теперь, въ наши дни, свидѣтельствующіе о величайшихъ политическихъ и административныхъ преобразованіяхъ, совершавшихся въ Россіи съ 1856 года, будетъ занимательно узнать примѣчательную часть исторіи предшествовавшаго времени во всѣхъ отдѣльныхъ частяхъ: тогда легко убѣдятся читатели, что сочинитель Записокъ ничего другого не имѣлъ въ виду, какъ только доставленіе вѣрныхъ свѣдѣній о стремленіяхъ и объ участи его друзей и товарищей.

Духъ времени, степень образованія, сила убѣжденій и обстоятельствъ, порознь и въ совокупности сильно вліяютъ на поступки и дѣйствія самыхъ лучшихъ изъ людей и снимаютъ укоризну съ ихъ памяти.

Въ заключеніе остается еще предупредить моихъ читателей, что отрывки моихъ Записокъ были въ 1868 году напечатаны въ нѣмецкомъ переводѣ въ журналѣ—„Die Grenzboten“—и потомъ въ отдѣльной книжкѣ „Aus den Memoiren eines Russischen Decabristen“.—Двѣ главы были переведены обратно на русскій языкъ съ нѣмецкаго и напечатаны въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ въ концѣ 1868 года и въ „Вѣстникѣ Европы“ въ концѣ 1869 года, безъ вѣдома и согласія сочинителя. Чтобы устра-

нить всякое искаженіе смысла, почти неизбѣжное при обратныхъ переводахъ, я рѣшился напечатать подлинникъ моихъ Записокъ безъ отлагательства, пока еще въ живыхъ нѣсколько товарищей, съ которыми я дѣлилъ заточеніе и изгнаніе.

* * * * *

Лейпцигъ, 3 февраля 1870.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Глава первая.

Дѣтство и молодость.

Дѣтство.—Ректоръ Радекеръ и школа.—Опредѣленіе въ кадетскій корпусъ.—М. Клингеръ и М. С. Перскій.—Выпускъ.—Лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ.—Отпускъ и братъ мой Отто.—П. И. Гречъ.—Возстаніе лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка.—И. В. Васильчиковъ.—Походъ Гвардейскаго корпуса. — Лемзаль. — Креславль. — Полоцкъ. — Бѣшенковицы. — Ищелна. — Минскъ. — Вильно.—Литва.—Другая дорога.—Луга.

Въ Эстляндской губерніи, въ родовомъ имѣніи Ментакѣ, родился я въ 1800 году. Издавъ уже часть Записокъ отца моего, считаю излишнимъ здѣсь распространяться о родителяхъ моихъ. Скажу только, что съ чувствомъ самой искренней благодарности и благоговѣнія, вспоминаю ихъ ежедневно: они сдѣлали все, что возможно было по ихъ средствамъ, для моего воспитанія. До двѣнадцатилѣтняго возраста учился я дома у гувернантки изъ Дерпта, Шарлотты Заамень, которая добросовѣстно и довольно успѣшно обучала меня начальнымъ основаніямъ учебныхъ предметовъ, такъ что при вступленіи моемъ въ Нарвское народное училище, я былъ въ числѣ старательныхъ и знающихъ учениковъ.

Родители мои, особенно незабвенная для меня нѣжная и благоразумная мать, имѣвшая больше досуга, чѣмъ отецъ, занятый службою по выборамъ и управлявшій своими помѣстьями, внушили мнѣ съ младенчества святую вѣру и нравственность. Религіозныя понятія, такъ часто измѣняющіяся въ теченіе жизни отъ обстоятельствъ, отъ общества, отъ чтенія, отъ сомнѣній, были глубоко запечатлѣны въ сердцѣ моемъ, не отъ молитвъ, вытверженныхъ наизусть, не отъ чтенія и толкованій Священнаго Писанія, но отъ ежечаснаго живого примѣра благочестія въ практической жизни моихъ родителей, отъ всегдашней покорности ихъ волѣ Божіей, отъ обходительности ихъ съ людьми и прислугою.

Съ тѣхъ поръ я не переставалъ молиться; съ тѣхъ поръ сохранялъ я религіозное чувство, вопреки всѣмъ треволненіямъ въ юности, въ возмужалости и въ старчествѣ; съ тѣхъ поръ я не разставался съ этимъ сокровищемъ, безъ котораго невозможно быть постоянно спокойнымъ и довольнымъ. Куда идти, когда въ болѣзни совѣщаніе самыхъ опытныхъ врачей опредѣляетъ, что нѣтъ надежды на возвращеніе здоровья? Что дѣлать, когда отлучаютъ человѣка отъ семьи и отъ общества и запираютъ его въ тѣснотѣ и въ темнотѣ? Къ кому обратиться, когда

человѣкъ правый, по подозрѣнію или по злобѣ человѣка вліятельнаго и коварнаго, терпитъ гоненіе и разореніе? Къ кому прибѣгнуть, когда въ своей семьѣ позоръ или обида, по коимъ нѣтъ ни гражданскаго, ни уголовнаго иска, нѣтъ заступничества отъ общества? Всегда и во всѣхъ случаяхъ,—прямо къ Спасителю: Онъ спасетъ непремѣнно, а до окончательнаго спасенія Онъ успокоитъ и укрѣпитъ васъ. Спросите у всѣхъ, много потерпѣвшихъ и пострадавшихъ, они скажутъ вамъ то же; спросите и у счастливцевъ, обращающихся къ Господу съ благодарностью, они скажутъ вамъ то же, что ихъ счастье скрѣпляется отъ вѣры и молитвы.

Въ 1812 году, когда гвардія двинулась на достославную битву противъ Наполеона, былъ я помѣщенъ въ Нарвское народное училище, гдѣ учился съ ровесниками изъ всѣхъ сословій, цеховъ и гильдій. Ректоръ Радекеръ, ученый классикъ, преподавалъ неутомимо, съ любовью къ своему высокому призванію. Нельзя безъ особеннаго уваженія вспоминать этого совѣстливаго труженика. Онъ училъ въ народномъ училищѣ языкамъ латинскому, нѣмецкому, исторіи и географіи. Каждый день уроки начинались въ 7 часовъ утра хоральнымъ пѣніемъ псалма или молитвы и объясненіемъ катехизиса. Кромѣ 6-ти часовъ въ день въ народномъ училищѣ, давалъ онъ частные уроки у себя на квартирѣ два часа до обѣда и два часа вечеромъ. Безпрерывныя занятія повредили его зрѣніе; за постоянные труды свои имѣлъ онъ только необходимо нужное для содержанія своего семейства, и никогда не роптал, никогда не просилъ прибавки жалованья, никогда не пропускалъ урока. Каждый ученикъ платилъ ему въ годъ пять рублей и одну сажень дровъ. Какое могло быть возмездіе для него? Развѣ успѣхи благонравныхъ учениковъ?—но развѣ множество заботъ отъ бо́льшаго числа лѣнивцевъ и шалуновъ не превышало радостей отъ учениковъ хорошихъ?

Добрый, честный Радекеръ! твоя награда въ твоей душѣ и въ мирѣ внутреннемъ, отъ сознанія строгаго исполненія обязанностей учителя. У тебя не было карманныхъ часовъ, ты не могъ глядѣть на минутную стрѣлку, да она и не позвала бы тебя на развлеченіе, она не указала бы тебѣ, сколько ты выработалъ цѣлковыхъ;—ты переходилъ отъ урока къ уроку по звону часовъ колокольныхъ. Дайте на каждый уѣздъ по десяти Радекеровъ, которые кромѣ наукъ передали бы ученикамъ своимъ исполненіе обязанностей, совѣстливость во всемъ—и въ десятокъ лѣтъ увидѣли бы дѣятелей новаго поколѣнія, которые щедро вознаградили бы труды и обезпечили бы охотно всѣ нужды полезнѣйшаго класса людей — наставниковъ и учителей.

Въ Нарвѣ жилъ я въ домѣ купца Г. Гетте, тогда извѣстномъ по свѣтской обходительности хозяйки, по истинной любезности и образованности ея пяти дочерей и единственнаго сына, моего соученика. Жители городскіе, пріѣзжіе изъ сосѣднихъ помѣстій, офицеры проходящихъ войскъ охотно посѣщали этотъ домъ. Праздники Рождества и Пасхи и каникулы провожалъ я у родителей въ деревнѣ, въ Ментакѣ. Поѣздки эти для меня очень памятны: лѣтомъ случалось путешествовать съ обратными подводами, доставлявшими вино въ Нарву, а мнѣ поручено было получить деньги. Для большей предосторожности просилъ я зашить эти деньги въ боковой карманъ моей куртки, которую не снималъ до прибытія домой. Ночлегъ бывалъ подъ шатромъ небеснымъ, близъ большой дороги, гдѣ мѣстность позволяла имѣть подножный кормъ. Вокругъ огромнаго костра помѣщался я съ мужиками; огонь, звѣзды, предстоящая радость скораго свиданія удаляли сонъ, хотя монотонный напѣвъ эстонца

ай-ду, ай-ду, ай-ду,—съ малыми переливами голоса, и его монотонная бесѣда, могли легко клонить ко сну. Всегдашній разговоръ крестьянъ, тогда еще крѣпостныхъ людей, имѣлъ главнымъ и исключительнымъ предметомъ—животъ и пищу. По пріѣздѣ домой, послѣ нѣжныхъ лобзаній съ родителями и сестрами, отецъ приносилъ ножницы, разрѣзывалъ нитки зашитаго кармана, повѣрялъ деньги и благодарилъ за исполненіе порученія.

Деревня лѣтомъ, для мальчика, родившагося и выросшаго въ этой деревнѣ, лучше и краше Неаполя и Ниццы—для взрослаго.—Послѣ обѣда отецъ отдыхалъ съ часъ, и, пока не засыпалъ, я долженъ былъ читать ему или газету, или изъ книги, большею частью изъ Вольтера. По вечерамъ, предъ ужиномъ, онъ слегка экзаменовалъ меня и разсказывалъ, какъ онъ шесть лѣтъ учился въ Лейпцигскомъ университетѣ и кто были лучшіе его профессоры и лучшіе товарищи.—Каникулы мои исчезали, какъ дымъ въ полѣ.

Въ 1814 году отецъ мой отвезъ меня въ Петербургъ для опредѣленія въ корпусъ; но поѣздка наша была безуспѣшна, по случаю продолжавшейся войны и отсутствія главныхъ начальниковъ. Я возвратился на прежнее мѣсто въ Нарву. Въ сосѣдствѣ города, въ Салѣ, жилъ нашъ родственникъ, баронъ И. О. Корфъ; съ двумя его младшими сыновьями учился я вмѣстѣ, и по субботамъ иногда ѣзжалъ съ ними въ Салу на воскресенье. Старикъ, радушный хлѣбосолъ, словоохотный, смѣялся надъ неудачею моего опредѣленія, и сказалъ:—«если хочешь, я опредѣлю тебя чрезъ сына моего Николая Ивановича»,—служившаго тогда въ Варшавѣ еще молодымъ офицеромъ въ гвардейской конной артиллеріи,—«только съ условіемъ: ты пришлешь мнѣ къ Пасхѣ сотню свѣжихъ яицъ».—По рукамъ.—Это было въ концѣ января 1815 года, и въ первыхъ числахъ марта я получилъ увѣдомленіе о зачисленіи моемъ въ 1-й кадетскій корпусъ.

Родители мои жили тогда въ Ревелѣ, послѣ пожара, истребившаго двухэтажный домъ въ деревнѣ. Мнѣ нужно было спѣшить въ Ревель, чтобы застать тамъ генерала Федора Федоровича барона Розена и адъютанта его, родного брата моего Отто; они возвращались изъ Парижа, ѣхали на зимнія квартиры въ Финляндію, и по дорогѣ отвезли меня въ Петербургъ, гдѣ и сдали безъ малѣйшихъ затрудненій.—Чрезъ нѣсколько часовъ братъ навѣстилъ меня, и въ корридорѣ свѣтломъ, встрѣтившись со мною, не узналъ меня: я былъ уже обстриженъ подъ гребенку и въ мундирѣ.

Сначала мнѣ было трудно по слабому знанію русскаго языка, но этому всего скорѣе можно было выучиться въ корпусѣ, гдѣ считалось, съ малолѣтнимъ отдѣленіемъ, до 1000 кадетъ, въ каждой ротѣ по 200. На другой день, за обѣдомъ, лишь только взялся за пирогъ съ кашей, какъ сосѣдъ локтемъ ткнулъ меня въ бокъ и сказалъ: «уродъ, развѣ не видишь, что у насъ *столбовой*!». Я отвѣтилъ ему такимъ же толчкомъ; дежурный офицеръ это замѣтилъ, разобралъ дѣло, и сдѣлалъ выговоръ сосѣду моему за грубость. А дѣло было очень просто: шалуновъ и лѣнтяевъ въ наказаніе оставляли безъ обѣда и во время стола ставили ихъ къ столбамъ обѣденнаго зала: отдѣленіе въ 20 кадетъ прятало въ такомъ случаѣ пироги за рукавъ или ватрушки за пазухи и по окончаніи стола тайно передавали голодному товарищу;—оттого и названіе *столбовыхъ*.

Директоромъ корпуса былъ тогда генералъ Максимиліанъ Клингеръ, глубокомысленный ученый писатель, скептикъ, знаменитый классическій писатель Германіи, но плохой директоръ: угрюмый въ обращеніи, скупой на слова, медленный въ походкѣ,

почему прозвали его бѣлымъ медвѣдемъ. Хорошо помню его, когда черезъ два года, бывъ уже унтеръ-офицеромъ и дежурнымъ по корпусу, приходилось рапортовать ему до пробитія вечерней зори. Строго было приказано входить къ нему безъ доклада, осторожно безъ шуму отпирать и запирать за собою двери, коихъ было до полдюжины до его кабинета. Всякій разъ заставалъ его съ трубкой съ длиннымъ чубукомъ, въ бѣломъ халатѣ съ колпакомъ, полулежачаго въ вольтеровскихъ креслахъ, съ закинутымъ пюпитромъ и съ перомъ въ рукѣ. Можетъ статься, онъ сочинялъ тогда своихъ «Братьевъ-близнецовъ», приписываемыхъ одно время геніальному Гете. Бывало, медленно повернетъ голову, выслушаетъ рапортъ, кивнетъ головой и продолжаетъ писать.

Душою управленія и обученія въ корпусѣ былъ инспекторъ классовъ, полковникъ, флигель-адъютантъ Михаилъ Степановичъ Перскій, который соединялъ въ себѣ всѣ условія образованнаго и способнаго человѣка по всѣмъ отраслямъ государственной службы. Въ молодости былъ онъ адъютантомъ великаго князя цесаревича Константина Павловича, во время итальянскаго похода Суворова. Бывъ самъ воспитанъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, онъ зналъ всѣ недостатки этого заведенія, и если онъ послѣ, бывъ директоромъ, не довелъ его до совершенства, то причиною тому были слабыя денежныя средства, отпускаемыя тогда на старинныя военно-учебныя заведенія, между тѣмъ какъ на новыя, на инженерное, на артиллерійское училище, на императорскій Царскосельскій лицей, щедро отпускаемы были деньги, даже вводили удобства съ роскошью. По этому случаю главный директоръ всѣхъ корпусовъ, графъ Коновницынъ, и директоръ Перскій часто повторяли, когда имъ ставили въ примѣръ новыя заведенія: «1-й кадетскій корпусъ бѣденъ средствами, но честенъ!»—Перскій зналъ состояніе корпуса и во время директорства принца Ангальта: особенно старался о введеніи въ употребленіе французскаго языка, поощрялъ кадетъ и учителей, самъ говорилъ съ кадетами по-французски, когда посѣщалъ ихъ въ ротѣ и въ классахъ. Бывали забавныя выходки, когда онъ поутру приходилъ въ роту и кадеты стояли въ строю послѣ общей молитвы, и разносили имъ булки: онъ подходилъ къ нѣкоторымъ, кланялся и вѣжливо разспрашивалъ о разныхъ разностяхъ. Когда сказалъ: «bon jour Monsieur Костюринъ, comment ça va?»—тотъ спокойно отвѣтилъ: «я не сова, Михаилъ Степановичъ!»—Кадеты вообще трунили надъ тѣми, которымъ онъ говорилъ: bon jour! и называли это масломъ къ булкѣ.

Дознано, что вездѣ, даже въ самомъ посредственномъ учебномъ заведеніи, можно многому научиться: то же самое можно сказать положительно о 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, хотя въ мою бытность тамъ бывали учителя, получавшіе не болѣе 150-ти рублей ассигнаціями жалованья въ годъ. Къ лучшему устройству корпуса не доставало хорошихъ учителей. Надзирателей, наставниковъ. Перскій могъ выбирать и назначать изъ офицеровъ артиллеріи и арміи, изъ числа лучшихъ прежнихъ питомцевъ корпуса, но откуда было взять хорошихъ учителей? Однако, несмотря на все это, много славныхъ сыновъ отечества получили свое образованіе въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ. Дѣятельность ума и тѣла, умѣренность и простота въ пищѣ, единодушіе въ товариществѣ,—вотъ главные рычаги на подъемъ и перенесеніе житейскихъ тяжестей,—къ этому всему съ дѣтства пріучаются офицеры изъ кадетъ. Въ кругу, такомъ многочисленномъ, разнонравныхъ и разноплеменныхъ юношей, открывается въ маломъ видѣ вся предстоящая жизнь общественная. Уже тогда безошибочно можно было предугадывать и предвидѣть способности и качества юныхъ товарищей, моихъ ровесни-

ковъ, которые на дальнемъ поприщѣ оправдали о себѣ мое мнѣніе. И. Ф. Веймарнъ и Фрейтагъ старшій не отличались ни ростомъ, ни красотою лица, ни красивою наружностью, но по способностямъ своимъ умственнымъ, по твердости духа, могли идти далеко впереди.—Желательно, чтобы воспитанниковъ отдавали въ корпусъ не раньше 14-ти лѣтняго возраста, съ запасомъ религіозныхъ и нравственныхъ правилъ, потому что военные наставники и учителя не имѣютъ ни случая, ни времени, заняться этою важною частью воспитанія: они ограничиваются внѣшнимъ соблюденіемъ формъ и пріемовъ, преподаваніемъ наукъ, и довольствуются безотчетнымъ послушаніемъ страха ради.

Съ искреннѣйшею признательностью вспоминаю еще теперь М. С. Перскаго, А. Х. Шмита—учителя фортификаціи и артиллеріи, М. И. Талызина—учителя русской словесности и исторіи, ротныхъ моихъ командировъ И. И. Хатова и К. К. Мердера, всегда бойкаго, бодраго, на славу учившаго свою роту ружейнымъ пріемамъ и маршировкѣ. Быстро переходилъ я изъ класса въ классъ, такъ что въ 1817 году былъ въ верхнемъ классѣ и-унтеръ офицеромъ; по фронтовой наукѣ перещеголялъ очень многихъ.

Живо вспоминаю свой восторгъ, когда въ сентябрѣ 1817 года совершенно неожиданно былъ потребованъ къ директору М. С. Перскому, и онъ объявилъ мнѣ торжественно, что, получивъ предписаніе представить четырехъ кадетъ къ выпуску въ гвардію, назначаетъ меня и надѣется, что выборъ его будетъ оправданъ. Кто самъ не испыталъ, тому трудно представить себѣ счастье кадета, назначеннаго къ выпуску; для меня оно было вдвое: въ необыкновенное время и прямо въ гвардію. По наукамъ и по экзамену былъ я удостоенъ 2-мъ; первымъ былъ Е. И. баронъ Корфъ, а ниже меня два брата Мих. и Вл. Ланевскихъ-Волкъ. Эти товарищи мои, въ ноябрѣ 1817 года, были произведены въ прапорщики: они обмундировались и навѣщали меня въ корпусѣ. Никто не зналъ причины, по коей я былъ оставленъ или забытъ. Благородный Перскій утѣшалъ меня предположеніями и обѣщаніемъ напомнить обо мнѣ. Наступилъ 1818-ый годъ; прошла зима; готовили новый общій выпускъ, и снова я былъ представленъ въ саперы по балламъ на экзаменѣ, наравнѣ съ другими.—Въ маѣ мѣсяцѣ учился нашъ баталіонъ на Кадетскомъ плацу; я командовалъ баталіономъ и замѣтилъ у воротъ между зрителями нѣсколько офицеровъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка. Лишь окончилось ученье, они вызвали меня по фамиліи и, поздравивъ меня, какъ сослуживца и товарища, вручили мнѣ печатный приказъ высочайшій, по коему императоръ Александръ Благословенный, въ бытность свою на конгрессѣ въ Аахенѣ 20-го апрѣля 1818 года, подписалъ мое производство въ прапорщики л.-г. Финляндскаго полка. Радость мою раздѣлилъ вполнѣ М. С. Перскій. Причину замедленія моего производства, по коему ниже меня стоявшіе товарищи по балламъ обошли меня, узналъ я послѣ. Въ замѣну баталіоновъ л.-г. Литовскаго и л.-г. Финляндскаго полковъ, поступившихъ въ число варшавской гвардіи, было повелѣно составить новые баталіоны, а по недостатку въ офицерахъ выпустить изъ 1-го и 2-го кадетскихъ корпусовъ по четыре кадета. Начальникъ штаба гвардейскаго корпуса Н. М. Сипягинъ нашелъ, что въ полкахъ довольно юнкеровъ на то, и согласился представить только 2-хъ въ Литовскій, переименованный тогда въ л.-г. Московскій, и 4-хъ въ л.-г. Финляндскій полкъ. Если бы изъ каждаго корпуса взять по три кадета, какъ слѣдовало по всей справедливости, то пришлось бы разъединить

двухъ родныхъ братьевъ Ланевскихъ. Одни увѣряли, что за нихъ просили родственники, а другіе, что Сипягинъ велѣлъ бросить жребій. Какъ бы то ни было, но я былъ обойденъ и остался въ корпусѣ еще на полгода, и потерялъ старшинство. Изъ 2-го кадетскаго корпуса имѣлъ ту же участь товарищъ мой В. М. Симборскій, который отыскивалъ старшинство, но безуспѣшно. Я помирился съ участью, съ обстоятельствомъ, по коему, несмотря на оказанную мнѣ несправедливость, все же былъ выпущенъ въ старую гвардію, между тѣмъ какъ другіе мои товарищи-кадеты, въ числѣ ихъ и достойнѣе меня, были произведены еще черезъ два мѣсяца послѣ меня въ саперы, въ піонерные баталіоны, въ артиллерію конную и пѣшую и въ армію. Этотъ исключительный случай былъ еще необыкновеннѣе тѣмъ, что въ первый разъ отъ основанія корпуса былъ я выпущенъ въ офицеры только одинъ-одинешенекъ, между тѣмъ какъ обыкновенные годовые выпуски считали сотни новыхъ офицеровъ.

Въ первое воскресенье моего офицерства посѣтилъ я корпусъ, чтобы повидаться съ прежними товарищами и явиться къ Перскому; онъ принялъ меня ласково и спросилъ: «знаешь ли, кто теперь послѣ государя важнѣйшій человѣкъ въ государствѣ?»— Я отвѣтилъ, не задумываясь: «Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ!»—Нѣтъ!— возразилъ онъ съ улыбкой:—новый прапорщикъ важнѣе всѣхъ!—То было опроверженіе поговорки военной: курица не птица, а прапорщикъ не офицеръ.—Перскій просилъ меня обращать особенное и постоянное вниманіе на малѣйшія подробности въ службѣ, во время ученій и служебныхъ обязанностей, потому что самыя ничтожныя бездѣлицы бываютъ началомъ успѣха въ службѣ или многихъ непріятностей. Онъ былъ совершенно правъ, и почерпнулъ эту опытность не изъ книгъ и наставленій, а изъ дѣйствительной жизни.

Лейбъ-гвардіи Финляндскимъ полкомъ командовалъ тогда генералъ Б. С. Рихтеръ. Баталіонами командовали тогда М. Я. Палицынъ, А. Ф. Ахлестышевъ и К. П. Офросимовъ. Старшими капитанами были князь А. И. Ухтомскій, А. Н. Маринъ, Веселовскій. Въ полку знакомство заводится скоро. Служба въ столицѣ, хотя и трудна, но для меня, какъ питомца корпуса, она была не тягостна. Страстно любилъ и люблю я русскаго солдата, а по знанію воинскаго устава и строевой службы, былъ я всегда въ числѣ исправнѣйшихъ офицеровъ.—Отецъ мой, имѣя многочисленное семейство, не могъ мнѣ много удѣлить на расходы, почему я не имѣлъ средствъ держать экипажъ, искать знакомствъ въ частныхъ домахъ или посѣщать театры. Жизнь моя беззаботно текла среди служебныхъ обязанностей, въ кругу товарищей и въ умственныхъ занятіяхъ по мѣрѣ возможности пріобрѣтенія книгъ. Въ полку, отъ полкового командира до послѣдняго прапорщика почти всѣ играли въ карты. Случалось мнѣ при дежурствѣ по баталіону рапортовать въ 9 часовъ вечера дежурному по полку штабсъ-капитану, барону Саргеру, и подходить къ карточному столу, не быть никѣмъ примѣченнымъ, оттого что, подходя, ступалъ я не по полу, не по ковру, а по колодамъ картъ, разбросаннымъ несчастливыми понтерами и банкометами. Постепенно началъ и я принимать участіе въ игрѣ, какъ постепенно новички начинаютъ курить, или нюхать табакъ и пить водку. Сначала выигрывалъ,—и незамѣтнымъ образомъ сдѣлался страстнымъ игрокомъ. Не жажда къ деньгамъ и къ прибыли увлекли меня, а легкое занятіе, развлеченіе въ безцеремонномъ кругу, угадываніе счастья были сперва наслажденіемъ, послѣ стали потребностью.

Въ 1819 году взялъ я отпускъ на три мѣсяца и поѣхалъ въ Ревель вмѣстѣ

съ братомъ моимъ Отто, прибывшимъ въ Петербургъ чтобы искать перевода въ гвардію. Слишкомъ четыре года не видѣлся съ родителями, переселившимися въ городъ съ тѣхъ поръ, какъ сгорѣлъ спокойный и удобный домъ ихъ въ деревнѣ. Больная мать моя, услышавъ радостный крикъ сестеръ, бросилась ко мнѣ на шею. Черезъ часъ воротился домой отецъ; всѣ мы были утѣшены свиданіемъ и сблизились сердцами, какъ будто никогда не разставались. По вечерамъ, когда я оставался наединѣ съ отцомъ, пользовался умною его бесѣдою и ученостью. Мать разспрашивала подробно, какъ провожу время, и съ нѣжною любовью предостерегла отъ любви злой и опасной. Современемъ познавалъ всю цѣну и истину совѣтовъ и замѣчаній матери. Она въ юности не получила блестящаго воспитанія, но въ высшей степени обладала здравымъ смысломъ, тѣмъ сокровищемъ, которое справедливо называютъ геніемъ человѣчества. Чрезвычайно вѣрно она отгадывала и обсуживала людей. Предостереженія и совѣты ея всегда бывали мнѣ полезны. Съ такимъ чуткимъ знаніемъ сердца она сохраняла всегдашнее благоволеніе къ ближнему и примѣрную покорность волѣ Божіей. Въ сомнительныхъ случаяхъ, когда трудно было рѣшить дѣло, она покорялась необходимости и твердила: «какъ Богу угодно!»

Ревель тогда славился гостепріимствомъ, красавицами и танцами. Балы у губернатора барона Будберга, графа Буксгевдена, барона Деллингсгаузена, графа Мантейфеля были изящны; рѣдко проходилъ день безъ танцевъ:—просто раздолье такому охотнику танцовать, какимъ я былъ въ свое время. Изъ числа молодыхъ женъ всѣхъ болѣе блистали графини Мантейфель, а изъ дѣвицъ—графиня Тизенгаузенъ. Танцоры были почти исключительно одни военные, всѣхъ полковъ гвардіи и арміи; на балъ являлись всегда въ чулкахъ и башмакахъ; въ красныхъ мундирахъ были два кавалергарда и шесть конно-гвардейцевъ. Лучше всѣхъ танцовали гр. Ферзенъ и бар. Мейендорфъ, впослѣдствіи герой Гроховскій; лучшимъ мазуристомъ былъ лейбъ-гусаръ Шевичъ.

Мнѣ было полезно и пріятно раздѣлять время отпуска съ братомъ моимъ Отто. Хотя онъ былъ пятью годами старше меня, но съ самаго дѣтства моего была между нами неразрывная симпатія, возраставшая съ годами и съ опытомъ. Въ Ревелѣ мы жили въ одной комнатѣ; каждый вечеръ онъ напоминалъ мнѣ, когда случалось ему замѣтить ошибку или даже когда я не держалъ себя какъ должно. Онъ обращалъ вниманіе на походку мою, на стойку, на сидѣнье; часто приводилъ мнѣ въ примѣръ генерала, князя Ливена, который во время похода или во время путешествія, когда прохаживался на квартирѣ или на станціи, ступалъ всегда граціозно, носками внизъ, расправляя колѣна. Вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ онъ меня напоминать и ему его ошибки или разсѣянности и неловкости.

Однажды обѣдали мы безъ гостей въ семейномъ кругу; во время обѣда подали мнѣ письмо съ почты; я узналъ почеркъ моего сослуживца П. И. Греча и положилъ письмо въ карманъ. Отецъ мой пожелалъ, чтобы я за столомъ прочелъ его: открывъ конвертъ, увидѣлъ въ немъ печатный приказъ и мое производство въ подпоручики. Отецъ не хотѣлъ вѣрить: подлѣ него сидѣлъ братъ мой Отто, который участвовалъ въ отечественной войнѣ 1812 года и былъ только поручикомъ арміи, между тѣмъ какъ я въ полтора года службы имѣлъ уже старшинство штабсъ-капитана арміи. Отецъ предложилъ пить за здоровье новопроизведеннаго; я отвѣтилъ воинскою пѣснею. Послѣ обѣда разсуждали о суетѣ суетъ за ширмами, подлѣ кровати больной матери,

которая жалѣла о неблагодарной службѣ сына. Можетъ статься, вмѣшалась тутъ частица материнскаго тщеславія; у ней, урожденной Сталь-фонъ-Голштейнъ, было два брата и семь сестеръ, у всѣхъ были многочисленныя семейства, у всѣхъ сыновья служили въ гвардіи. Мой старшій братъ Владиміръ служилъ въ конной артиллеріи; въ знаменитой батареѣ Маркова, и въ 1812, 13, и 14 годахъ получилъ за отличіе четыре чина и семь орденовъ; такъ мудрено ли, что мать скорбѣла о тугомъ производствѣ второго сына? Тутъ среди вздоховъ я замѣтилъ брату по-русски:—«ты малъ золотникъ, да дорогъ!» Отецъ спросилъ, что это значитъ, и остался доволенъ переводомъ смысла, а мать разсмѣялась. Провидѣніе готовило брату иной путь; мы все о немъ тогда соболѣзновали, а оно готовило и таило для него лучшее земное благо—милліоны рублей.

Три мѣсяца въ отпуску, да еще въ веселомъ тогда Ревелѣ, прошли скоро. Грустное чувство тяготило меня при въѣздѣ въ столичную заставу, при проѣздѣ мимо безчисленныхъ палатъ и домовъ, въ коихъ не имѣлъ ни родного, ни знакомца. За Исаакіевскимъ мостомъ встрѣтилъ перваго солдата моего полка, и пересталъ грустить. На квартирѣ встрѣтилъ меня товарищъ и соквартирантъ мой, Павелъ Ивановичъ Гречъ, переведенный въ нашъ полкъ изъ артиллеріи. Онъ былъ исправный служака, славный собесѣдникъ, величайшій шутникъ и мастеръ поострить и передразнивать, при чемъ онъ такъ живо умѣлъ говорить чужимъ голосомъ, что часто случалось изъ передней комнаты слышать того или другого офицера, которыхъ вовсе тамъ и не было,— а забавлялся Гречъ. День проводилъ онъ на службѣ или у брата своего, журналиста и грамматика. Вечеромъ былъ для меня праздникъ, когда онъ, возвратившись, разсказывалъ, гдѣ онъ былъ, что видѣлъ и слышалъ. Онъ ничего не пропускалъ: память и слухъ были у него такъ вѣрны и остры, что онъ помнилъ и распѣвалъ каждый маршъ каждаго гвардейскаго баталіона на большихъ парадахъ на Марсовомъ полѣ. Въ то время баталіоны проходили повзводно церемоніальнымъ маршемъ, каждый баталіонъ имѣлъ свой маршъ по назначенію Дерфельдена и Фишера, главныхъ капельмейстеровъ, а баталіоновъ было тогда 26, въ томъ числѣ саперный и гвардейскаго экипажа: прошу упомнить и спѣть 26 маршей! Чрезъ товарища и соквартиранта познакомился я съ братомъ его Николаемъ Ивановичемъ: въ Николинъ и въ Варваринъ день встрѣчалъ тамъ на пирахъ много литераторовъ разнородныхъ и разностепенныхъ. Карамзинъ, Гнѣдичъ, Жуковскій пріѣзжали съ поздравленіемъ, но не оставались обѣдать, потому что сами праздновали у себя, у родныхъ, у знати. Бесѣда за столомъ и послѣ стола была веселая, непринужденная; всѣхъ болѣе острилъ хозяинъ, отъ него не отставали Бестужевы, Рылѣевъ, Булгаринъ, Дельвигъ и другіе.

Сослуживецъ мой П. И. Гречъ дослужился до генеральскаго чина и умеръ въ 50-хъ годахъ, былъ вторымъ комендантомъ Петербурга. Императоръ Николай любилъ и отличалъ его: мнѣ передали, что когда Государь узналъ о его смерти, то сказалъ о немъ: «это одинъ изъ честнѣйшихъ людей, которыхъ встрѣчалъ въ моей жизни.»— Въ такомъ же родѣ отозвался Наполеонъ I о знаменитомъ врачѣ Ларрей, который въ походѣ въ Египтѣ, отказался, по совѣту его, облегчить страданія зачумленныхъ воиновъ опіумомъ, сказавъ, что его дѣло лечить, а не морить,—и съ полнымъ самоотверженіемъ, въ утомительнѣйшихъ походахъ, во время нестерпимаго жара, охотно уступалъ порцію воды и своего коня жаждавшему и устававшему солдату.

Осенью 1820 года, 16-го сентября, вбѣжалъ ко мнѣ посыльный изъ ка-

зармъ:—«Ваше благородіе! извольте спѣшить, полкъ собирается на набережной.»— Прибѣгаю къ сборному мѣсту,—солдатамъ раздавали боевые патроны. Офицеры съѣзжаются со всѣхъ концовъ, тѣснятся въ кружокъ, и каждый по-своему разсказываетъ, какъ взбунтовался л.-г. Семеновскій полкъ. Мы двинулись по командѣ, солдаты перекрестились, пошли по Гороховой улицѣ, повернули въ Малую Морскую и увидѣли, что конно-гвардейскій полкъ, подъ начальствомъ красавца А. Ф. Орлова, съ обнаженными палашами конвоируетъ семеновцевъ по Невскому проспекту. Наше назначеніе было также провожать Семеновскій полкъ до Петропавловской крѣпости, но какъ полкъ шелъ не сопротивляясь и безъ оружія, то принятая предосторожность оказалась лишнею и мы воротились въ казармы наши. Съ этого дня боевые не оставались патроны на рукахъ каптенармусовъ или въ ротномъ цейхгаузѣ; за исключеніемъ пяти патроновъ изъ шестидесяти на каждаго солдата, всѣ остальные сохранялись уже въ полковомъ цейхгаузѣ.

Лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ, основанный Петромъ Великимъ, былъ любимый полкъ Александра I. Когда изъ арміи переводили лучшихъ и красивѣйшихъ солдатъ въ гвардію, то императоръ лично отмѣчалъ отборныхъ людей въ любимый свой полкъ. Часто надѣвалъ мундиръ или сюртукъ этого полка,—цвѣтъ воротника былъ ему къ лицу. Полковой командиръ Я. А. Потемкинъ отличался отъ всѣхъ прочихъ безкорыстіемъ, справедливостью и вѣжливостью въ обхожденіи съ офицерами и съ солдатами; станъ его былъ примѣчательный, одѣвался онъ, какъ кокетка. Общество офицеровъ было самое образованное и строго держалось правилъ чести и нравственности. Солдаты семеновскіе отличались не одною наружностью, не однимъ щегольствомъ въ обмундированіи, не одною только образцовою выправкою и ружейными пріемами: но они жили гораздо лучше солдатъ другихъ полковъ, потому что большая часть изъ нихъ были отличные башмачники, султанщики, и обогащали свою артельную казну.—Когда Потемкинъ былъ назначенъ въ начальники 2-ой гвардейской дивизіи, то полкъ его принялъ полковникъ Шварцъ, командовавшій армейскимъ гренадерскимъ полкомъ, и извѣстный по своей строгости и по знанію фронтовой службы. При обученіи солдатъ онъ, безъ сомнѣнія, перемудрилъ свою профессію, когда на своей квартирѣ заставлялъ заслуженныхъ гренадеръ выпрямлять и вытягивать носокъ босой ноги, иной и раненой подъ Кульмомъ; линейкой въ рукѣ трогалъ то колѣно, то щиколку, то пятку; ввёлъ палочные удары, ругался самымъ площаднымъ образомъ, по примѣру другихъ начальниковъ, полагающихъ, что ругательство есть лучшее средство къ оживленію и обученію солдата. Между офицерами обнаружилось неудовольствіе; чѣмъ строже училъ полковой командиръ, тѣмъ снисходительнѣе и вѣжливѣе учили ротные командиры; неудовольствіе офицеровъ перешло къ солдатамъ. Ротою его величества командовалъ старшій капитанъ Кашкаревъ, ожидавшій со всякимъ днемъ производства въ полковники, и оттого не вникалъ съ должнымъ вниманіемъ въ свою обязанность, и тѣмъ увеличилъ неудовольствіе солдатъ до такой крайности, что четыре гренадера его роты обратились прямо къ корпусному командиру И. В. Васильчикову съ жалобою на своего полкового командира. Это было вечеромъ. Васильчиковъ приказалъ немедленно привести всю роту въ дворцовый экзерцирганзъ, или манежъ, освѣщенный лампами, и послѣ тщетныхъ увѣщаній и объясненій незаконнаго ихъ поступка, велѣлъ отвести всю роту въ Петропавловскую крѣпость. На другой день по очереди слѣдовало Семеновскому пол-

ку занять караулы въ городѣ, но солдаты ослушались, не одѣвались, объявляя, что какъ ихъ первая рота, ихъ голова, находится въ крѣпости, то ихъ ноги не могутъ идти въ караулъ. Главное начальство послало за Потемкинымъ, чтобы ихъ уговорить и напомнить имъ долгъ службы и присяги, но солдаты слушали его со слезами и настаивали, что безъ головы не пойдутъ въ караулъ. Никто изъ нихъ не брался за оружіе, въ шинеляхъ и фуражкахъ вывели ихъ на площадь казармъ, а оттуда проводили въ крѣпость, гдѣ они соединились съ первою своею ротою.

Императоръ былъ тогда на конгрессѣ въ Лейбахѣ, гдѣ Меттернихъ узналъ объ этомъ происшествіи 36-ью часами раньше его, потому что нашъ курьеръ Чаадаевъ былъ отправленъ черезъ сутки: донесеніе написалъ генеральнаго штаба штабсъ капитанъ Александръ Мейендорфъ. Императоръ былъ недоволенъ, что дипломатическій корпусъ зналъ о томъ прежде него и былъ растроганъ непокорностью любимаго полка своего; онъ написалъ краснорѣчивый приказъ, въ коемъ высказалъ все неудовольствіе и сожалѣніе. Полкъ былъ распредѣленъ во всѣ полки арміи. Офицеры были переведены въ армейскіе полки, съ повышеніемъ чиновъ по гвардейскому старшинству. Кашкаревъ былъ отданъ подъ судъ и еще нѣсколько офицеровъ, которые совершенно были оправданы. Подозрѣвали цѣль политическую, коей не было. Полковникъ Шварцъ былъ отчисленъ состоять по арміи, и хотя послѣ дослужился до чина генералъ-лейтенанта, но поприще его, сначала блистательное, помрачилось. Такъ кончилъ старый, знаменитый и лучшій полкъ Семеновскій, отличавшійся во всѣхъ походахъ Петра Великаго и стяжавшій безсмертную славу въ битвѣ подъ Кульмомъ. Изъ лучшихъ ротъ гренадерскихъ полковъ былъ составленъ новый Семеновскій полкъ.

Каждый безпристрастный человѣкъ воздастъ справедливость правдивой душѣ И. В. Васильчикова, его истинной благонамѣренности, его пламенной любви къ отечеству и къ государю; но онъ сдѣлалъ ошибку, сдѣлавъ изъ мухи слона. Всякій начальникъ впадетъ въ ту же ошибку, если будетъ дѣйствовать по внушенію или страсти своей, или подъ вліяніемъ напрасныхъ опасеній или предубѣжденій,—тогда всѣ устрашены были карбонаризмомъ. Когда есть законъ и судъ, то они должны были разобрать жалобу этихъ недовольныхъ, требовать къ допросу не массу, а уполномоченныхъ, выслушавъ показанія свидѣтелей, и дѣло было бы окончено правильно, тихо и спокойно. Наполеонъ I избѣгнулъ бы важнаго упрека исторіи, если бы онъ не приказалъ разстрѣлять герцога Энгіенскаго въ полночь, во рву Венсенской крѣпости, а предоставилъ бы рѣшеніе дѣла законному суду, который могъ бы разстрѣлять его на площади среди бѣлаго дня, и примѣръ этотъ былъ бы гораздо дѣйствительнѣе тайнаго убійства. Можетъ быть, и Васильчиковъ думалъ рѣшительною мѣрою прекратить изъявленія неудовольствій и жалобъ, но вышло противное: почти во всѣхъ полкахъ обнаружились различныя притязанія и домогательства солдатъ: въ одномъ полку за продажу экономическаго провіанта, въ другомъ—за шинели, выслужившія сроки, но еще не розданныя по рукамъ, въ третьемъ—за продажу эскадронными командирами навоза огородникамъ, въ четвертомъ—за строгое обращеніе съ ними въ казармахъ и на ученьяхъ. Васильчиковъ созвалъ офицеровъ каждаго полка въ квартиру полковыхъ командировъ. Въ обстоятельной рѣчи, съ намекомъ на происшествіе въ Семеновскомъ полку, дѣлалъ онъ отеческія наставленія, какъ исполнять долгъ службы, а въ заключеніе, по-

сматривая пристально то на того, то на другого изъ стоявшихъ въ полукружіи офицеровъ, сказалъ: «если бы я изъ среды вашей зналъ бы кого за вольнодумца, за безпокойнаго человѣка, за непокорнаго закону, то, повѣрьте мнѣ, я не сталъ бы съ тѣмъ церемониться; прощайте господа!»—Этими словами высказалъ онъ свое подозрѣніе, возбужденное измѣненіемъ жизни нѣсколькихъ офицеровъ въ каждомъ полку, которые изъ легкомысленныхъ вертопраховъ и игроковъ стали заниматься литературою и составлять свои кружки. Затѣмъ Васильчиковъ, въ сопровожденіи всѣхъ офицеровъ, обходилъ собранные баталіоны во дворахъ казармъ, напоминалъ солдатамъ обязанности, святость данной присяги и милости царскія, въ числѣ коихъ назвалъ отведенные для нихъ огороды подъ капусту и сокращенные сроки для мундира и шинели.

Необходимо было уничтожить всякій поводъ къ жалобамъ и натянуть ослабѣвшія струны военной дисциплины. Безпокойства въ Пьемонтѣ, вообще въ Италіи, служили предлогомъ къ походу. Священный союзъ вмѣшивался во всѣ внутреннія дѣла чужихъ государствъ, и нашъ гвардейскій корпусъ въ апрѣлѣ 1821 г. получилъ приказаніе выступить въ походъ. Нашъ полкъ выступилъ первый, недѣлею раньше былъ я отправленъ впередъ, съ командою хлѣбопековъ въ 60 человѣкъ. Маршрутъ велъ чрезъ Нарву, Дерптъ въ Лемзаль. Я радовался случаю видѣть родныхъ и родныя мѣста. Въ полной формѣ въѣхалъ я верхомъ въ Нарву, чтобы явиться къ коменданту; праздные горожане и мальчишки глазѣли на гвардейцевъ, и когда поравнялся съ кузницею, раздался рѣзкій голосъ: «остановись Р., погоди одну минуту, я скрѣплю хлябую подкову твоего коня!» То былъ молодой кузнецъ Гессе, бывшій мой соученикъ въ народномъ училищѣ; онъ такъ мастерски это исполнилъ, что его подкова держалась лучше прочихъ. Распредѣленіе команды по квартирамъ, пріемъ провіанта оставили мнѣ довольно досужнаго времени, чтобы навѣстить старыхъ учителей и нарвскихъ знакомцевъ. По прибытіи полка и по сдачѣ хлѣба и сухарей, отправился въ Дерптъ; команда шла безъ дневокъ, имѣла подводы для аммуниціи, и оттого могла прибыть къ назначенному мѣсту въ городъ, или въ мѣстечко, или въ село, за четыре или за шесть дней до прихода полка. Сначала трудно было вводить порядокъ на походѣ; послѣднія происшествія въ столицѣ и дешевая крѣпкая водка эстляндская обнаруживали худыя послѣдствія и требовали большой строгости. Даже въ моей небольшой командѣ я вынужденъ былъ наказать двухъ унтеръ-офицеровъ. Одинъ только день провелъ я въ Ментакѣ у брата моего Отто, который тогда уже былъ въ отставкѣ и имѣлъ отцовское имѣніе Ментакъ въ арендѣ. Отецъ мой нарочно пріѣхалъ изъ Ревеля, чтобы со мною увидѣться и благословить меня въ дальній походъ.

Въ шестнадцати верстахъ не доходя до Дерпта, на почтовой дорогѣ, повернулъ команду въ имѣніе Фитингофъ, къ старшему брату Владиміру, отставному артиллерійскому полковнику. Въ мундирѣ, во всѣхъ орденахъ, онъ встрѣтилъ мою команду, щедро угостилъ ее виномъ и пирогами и повезъ меня въ Дерптъ. Славный и красивый городъ по мѣстности. Площадь и улицы оживлены были студентами въ различныхъ одѣяніяхъ, поражающихъ своею странностью: кто въ тѣсной одеждѣ, кто въ широкой, разнаго цвѣта и покроя; одинъ остриженъ подъ гребенку, другой въ букляхъ, третій съ длинными волосами ниже плечъ. Головной уборъ былъ еще страннѣе: отъ шляпы до картуза всѣхъ возможныхъ формъ,—у многихъ были на головѣ

семеновскія фуражки. Между студентами имѣлъ я хорошаго пріятеля Эрнста Гетте; съ нимъ жилъ и учился въ Нарвѣ, послѣ онъ сдѣлался извѣстнымъ докторомъ и хирургомъ въ Петербургѣ, при Обуховской больницѣ. Онъ показывалъ мнѣ славный университетъ во всей подробности. Представлялся я старцу Кноррингу, бывшему главнокомандующему на Кавказѣ при императорѣ Павлѣ, во время присоединенія Грузіи къ Россіи; старый воинъ говорилъ не иначе, какъ съ закрытыми глазами. Вмѣстѣ съ братомъ моимъ явился я къ полицеймейстеру полковнику Ясинскому, котораго просилъ дать приказаніе, чтобы солдатамъ моимъ отведены были хорошія квартиры съ просторными печами. Мой братъ, слушая нашъ разговоръ, замѣтилъ, что съ такими просьбами я не далеко уйду:—какъ онъ, бывало, въ походѣ, схватитъ полицеймейстера за воротникъ, подыметъ его на полъ аршина отъ земли... и мигомъ устроено и улажено. Блюститель порядка и тишины смутился и возразилъ: «Какъ вы можете, баронъ, давать такіе совѣты молодому офицеру?»—«Хотите ли, отвѣтилъ тотъ, я сейчасъ васъ подыму за брата!»—Вспомнилъ Ясинскаго по другому позднѣйшему случаю: когда императоръ Николай навѣстилъ Дерптъ, то замѣтилъ, что жандармъ или полицейскій драгунъ держалъ саблю, или палашъ, не по формѣ, и приказалъ арестовать Ясинскаго. А. Х. Бенкендорфъ, въ добрую минуту, разсказалъ государю, что этотъ самый Ясинскій, узнавъ о кончинѣ императрицы Маріи Федоровны, горько заплакалъ и спросилъ: «какъ же это? кто теперь у насъ въ Россіи будетъ вдовствующею императрицею?» Государь приказалъ тотчасъ освободить его изъ-подъ ареста.

Въ Дерптѣ видѣлъ я въ послѣдній разъ моего дивизіоннаго начальника Потемкина. За бунтъ Семеновскаго полка были смѣщены оба начальника гвардейскихъ дивизій, первой—баронъ Розенъ, второй—А. Я. Потемкинъ; обоимъ даны были армейскія дивизіи. На мѣсто перваго изъ нихъ назначенъ былъ И. Ф. Паскевичъ, на мѣсто второго—К. И. Бистромъ. Начальникъ корпуснаго штаба А. Х. Бенкендорфъ замѣненъ былъ П. Ф. Желтухинымъ, И. Ф. Васильчикова смѣнилъ Ф. П. Уваровъ. Дисциплина до такой степени ослабѣла, что солдаты при встрѣчахъ съ офицерами не снимали фуражекъ. Нашего полка солдатъ грозилъ въ Дерптѣ полковнику своему Подобѣдову, что въ сраженіи пуститъ въ него первую пулю; солдатъ этотъ былъ прогнанъ сквозь строй. Новое начальство стало строже и взыскательнѣе.

Въ небольшомъ уѣздномъ городкѣ, въ Лемзалѣ, остановился полкъ на мѣсяцъ. Тамъ жилъ я въ загородномъ домикѣ ратсгера Миллера. Хозяева были до такой степени внимательны къ постояльцу, что, по утрамъ, прислуга подкарауливала у окна мое пробужденіе и въ ту же минуту приносила мнѣ кофе. Хозяйка узнала, что люблю спаржу, и съ того дня за каждымъ обѣдомъ и ужиномъ для меня особо стояло блюдо на столѣ со спаржею. По субботамъ къ вечеру пріѣзжали къ Миллеру наставники изъ окрестныхъ помѣстій, гг. Швабе и Фаберъ, питомцы германскихъ университетовъ. Бесѣда ихъ была всегда занимательна и поучительна, они отлично играли на вѣнскомъ роялѣ; въ воскресенье вечеромъ возвращались они къ своей должности. Пребываніе мое у г. Миллера останется всегда пріятнымъ для меня воспоминаніемъ; желаю, чтобы дѣти его находили такой радушный и родственный пріемъ, какимъ я наслаждался въ домѣ ихъ родителей. Это напоминало мнѣ гостепріимство моей матери для всѣхъ квартировавшихъ и проходившихъ офицеровъ; она сама признавалась, что дѣлаетъ это не изъ одной обязанности христіан-

ской, но также съ корыстнымъ убѣжденіемъ, что за то и ея сыновья вездѣ хорошо будутъ приняты.

Изъ Лемзаля полкъ пошелъ въ Креславль чрезъ Полоцкъ и Дриссу; въ обоихъ этихъ городахъ видѣлъ еще свѣжіе слѣды отечественной войны 1812 года. Вокругъ Полоцка еще лежали человѣческія кости; окопы были въ хорошемъ состояніи; въ монастырской стѣнѣ коридора видно засѣвшее 6-ти фунтовое ядро. Здѣсь Витгенштейнъ отрѣзалъ французамъ дорогу въ Петербургъ. Въ городѣ осмотрѣлъ я бывшее училище Іезуитовъ: въ храмѣ наукъ, весьма дѣятельномъ въ свое время, остались только бѣлыя стѣны и черные столы и скамейки. Въ соборѣ, переименованномъ изъ католическаго въ греко-русскій, присутствовалъ вечеромъ на бракосочетаніи чиновника. Невѣста была хороша собою, со вкусомъ одѣта и видна была чудно обутая ножка. По окончаніи обряда, при выходѣ изъ церкви, въ большомъ кругу офицеровъ-зрителей, разговоръ шелъ все объ этой чудной ножкѣ; къ разговору прислушивался внимательно начальникъ гвардейскихъ донскихъ казаковъ, храбрый генералъ Ефремовъ, и сказалъ въ свою очередь: «ну что вы, господа, находите тутъ хорошаго въ невѣстѣ, талью обхватить можно четырьмя пальцами, ноги тонкія, какъ точеныя, того и гляди что щиколка переломится, и всю ее сдуть можно. То ли дѣло у насъ на Дону: у женщины ноги здоровыя, такъ что полѣномъ не перешибешь; сама она толстая, высокая, сочная, такъ что можно прилѣпиться и не отлѣпиться!» — «У каждаго свой вкусъ!» былъ отвѣтъ съ различныхъ точекъ круга.

Креславль, какъ и всѣ жидовскія мѣстечки, наполненъ жидами, мелкими неутомимыми торговцами, ростовщиками, пьявицами окрестныхъ поселянъ. Здѣсь стоялъ я на одной квартирѣ съ штабсъ-капитаномъ И. В. Малиновскимъ, и познакомился съ нимъ короче. Въ столицѣ офицеры видаются только на ученьяхъ, въ службѣ; на походѣ и на стоянкахъ видались мы чаще и сошлись ближе. Онъ былъ воспитанъ въ Александровскомъ или Царскосельскомъ лицеѣ, изъ числа перваго выпуска, и отличался необыкновенною свѣтскою любезностью, и былъ тогда душою и сердцемъ славный товарищъ. Среди развлеченій походныхъ, шумной забавы, кутежа и картежной игры, никогда не покидало его чувство религіозное. Въ то время сомнѣній и безвѣрія—я никого не встрѣчалъ, кто съ такою искренностью, съ такою горячностью молился Богу, какъ онъ.

По выступленіи полка изъ Креславля, встрѣтилъ насъ на походѣ, въ селѣ Ребянишкахъ, генералъ-адъютантъ Дибичъ. Онъ осматривалъ войска, объявилъ, что императоръ доволенъ порядкомъ нашего похода, что въ Италіи народы усмирились, и что какъ по наступленіи осени теперь неудобно воротиться въ столицу, то назначены намъ зимнія квартиры въ смежныхъ губерніяхъ. Нашему полку, шедшему въ авангардѣ, пришлось идти въ Гродненскую губернію. На походѣ назначены были высочайшій смотръ и маневры всей гвардіи въ Бѣшенковичахъ. Офицеры всего гвардейскаго корпуса условились дать тамъ обѣдъ и праздникъ государю, и дѣйствительно праздникъ былъ единственный въ своемъ родѣ,—и блистательный и сердечный. По окончаніи маневровъ, посыпались награды орденами и чинами гораздо щедрѣе, чѣмъ за Бородино и за Лейпцигъ.—Мнѣ, по особенному обстоятельству, не суждено было лично участвовать въ пирахъ, а только складчиною денегъ: поздно вечеромъ прискакалъ за мною ординарецъ полкового командира М. Я. Палицына. Я немедленно явился и былъ принятъ ласковѣе обыкновеннаго: онъ

объявилъ, что полку назначено идти послѣ высочайшаго смотра въ Бѣлицу, Гродненской губерніи, что на пути нѣтъ постоянныхъ казенныхъ магазиновъ, что на него возложена обязанность продовольствовать полкъ на походѣ, что онъ назначаетъ меня для исполненія порученія. Я отговаривался неопытностью въ этомъ дѣлѣ, но онъ умѣлъ тронуть самую тонкую струну самолюбія молодого офицера, сказавъ, что тутъ общая польза цѣлаго полка, что онъ надѣется на меня, какъ на каменную стѣну, и проч., отсчиталъ двадцать тысячъ рублей, далъ мнѣ курьерскую подорожную, и я ускакалъ въ ту же ночь, потому что для перваго склада продовольствія имѣлъ я только четыре дня времени. По маршруту и по разстоянію пришлось заготовить провіантъ въ четырехъ мѣстахъ. На первыхъ трехъ пунктахъ дѣло шло безостановочно и скоро, съ помощью услужливыхъ и расторопныхъ жидовъ и высокихъ цѣнъ справочныхъ. Въ послѣднемъ мѣстѣ склада встрѣтилъ я большія затрудненія; справочныя цѣны были такъ низки, что по онымъ никто продать не хотѣлъ.—Въ мѣстечкѣ Воложинѣ обратился я къ богатому помѣщику графу Тышкевичу; онъ любезно принялъ меня, пригласилъ къ обѣду, но хлѣба не продалъ. У него въ первый разъ видѣлъ я бытъ старинныхъ польскихъ пановъ вельможныхъ: за полчаса до обѣда шелъ по длиннымъ корридорамъ замка барабанщикъ въ особенномъ нарядѣ, въ сопровожденіи двухъ пестро одѣтыхъ слугъ: съ разныхъ сторонъ, въ разныя двери вошли болѣе пятидесяти домашнихъ—аббатъ, подкоморжій, управители, учителя, секретари, бѣдные дальніе родственники и приживалки. За обиліемъ роскошной пищи не было занимательнаго разговора, кромѣ живого восторженнаго разсказа о подвигахъ послѣдней псовой охоты.—Съ досадой поскакалъ я обратно къ полковому командиру, разъяснилъ, что по справочной цѣнѣ купить невозможно, что навязывалъ исправнику деньги на продовольствіе по справкѣ, но тотъ денегъ не принялъ,—и спросилъ какъ поступить?—Палицынъ разрѣшилъ мнѣ купить по рыночной цѣнѣ, жиды свезли проворно муку, и порученіе о продовольствіи полка исполнено благополучно. Скакалъ я по этой дорогѣ днемъ и ночью по нѣсколько разъ туда и обратно, потому что, заготовивъ запасъ въ первомъ и во второмъ пунктѣ склада, я спѣшилъ обратно къ первому, чтобы сдать провіантъ хлѣбопекамъ, съ которыми шелъ сослуживецъ Як. Грибовскій. Жиды таинственно и ловко учили меня воровать: чтобы я въ контрактѣ съ ними выставилъ десять рублей за четверть муки въ девять пудовъ, а имъ платилъ только по девяти рублей, а они выдадутъ мнѣ расписку въ полученіи по десяти рублей. Я погрозилъ поколотить его за такіе совѣты, но онъ нисколько не смутился и продолжалъ:—«помилуйте! три тысячи четвертей—по рублю съ четверти: вѣдь деньги!—а деньги при томъ казенныя, отпускаются по справкамъ, и лишнія даромъ достаются полковому командиру и квартирмейстеру». Я показалъ ему дверь, сказавъ: «смотри! чтобы мука была хороша!» Мука была отличная, пріемщики хвалили; я пригласилъ Грибовскаго отобѣдать со мною на почтовой станціи; чрезъ нѣсколько минутъ вошелъ жидъ съ корзинкою.—«Ты зачѣмъ пришелъ?—Съ гостинцемъ къ вашему благородію, кушайте во здравіе!—Грибовскій перебилъ мое слово—къ чорту!—, спросивъ, что въ корзинкѣ?—Двѣ бутылки шампанскаго и два десятка лучшихъ грушъ!—Давай сюда!—и взятка стояла на столѣ моемъ. Я возвратилъ бутылки жиду; сослуживецъ мой задержалъ корзину съ грушами, попрекнулъ меня въ педантизмѣ, велѣлъ отнести бутылки къ себѣ на квартиру и соблазнилъ меня на грушу. И теперь досадую

за эту грушу,—а товарищъ мой былъ потомъ полковымъ адъютантомъ, послѣ полковникомъ гвардіи, сошелъ съ ума и умеръ въ больницѣ, разумѣется, не отъ этого шампанскаго и этихъ грушъ. Я выставилъ этотъ случай, чтобы указать на одно изъ тысячи искушеній, коимъ подвергается молодой офицеръ; и если не устоитъ, то—готовый взяточникъ или воръ, и попадетъ въ извѣстный разрядъ людей, утверждающихъ, что если не надуешь, то и не наживешь!

Зимнія квартиры были намъ назначены въ Гродненской губерніи: для штаба дивизіи въ Лидѣ, для штаба полка въ Бѣлицѣ. Мнѣ отведена была квартира на фольваркѣ замка Ищелны, принадлежавшаго тогда вдовѣ Лесковичъ, которая имѣла единственную взрослую дочь, панну Франциску. Вошедъ въ большой залъ, замѣтилъ на стѣнѣ большую золотую рамку, украшавшую не картину, а надпись на пергаментѣ:—«такого-то года, мѣсяца и числа императоръ Александръ I Благословенный удостоилъ своимъ посѣщеніемъ замокъ Ищелну».—Дочь хозяйки, свѣтски воспитанная, показала мнѣ брилліантовую стрѣлу, подаренную ей императоромъ, предъ которымъ она имѣла счастье играть на арфѣ. Для этого инструмента устроена была особая круглая диванная, съ высокимъ сводомъ по правиламъ акустики, возлѣ гостиной. Она играла съ большимъ искусствомъ и выраженіемъ. Воскресные дни бывалъ я у нихъ въ домовой церкви. Я жилъ отъ нихъ въ трехъ верстахъ; иногда проводилъ у нихъ длинные вечера, со старушкой игралъ въ цвикъ, при чемъ она безпрестанно подстрекала:—«Пане бароне, кто не азартуе, тотъ не профитуе!»—Съ дочерью читали вмѣстѣ Mathilde ou le retour du Croisè, Caroline Lichtfeld, творенія Шатобріана, и думы Ламартина. Она имѣла хорошенькую служанку изъ евреекъ, которую она обратила въ католическую вѣру. Всего охотнѣе и восторженнѣе бесѣдовала она со мною о религіи: кажется вмѣстѣ съ аббатомъ старались переманить меня въ католицизмъ, но я съ небольшимъ запасомъ богословья, собраннаго въ домѣ родительскомъ и въ нарвскомъ народномъ училищѣ отъ Радекера, отстаивалъ полноту и чистоту разумно-понятаго евангельскаго ученія противъ мудрствованій и толкованій всѣхъ отцовъ всѣхъ церквей, признавая только единую церковь Христову новозавѣтную.

Изрѣдка навѣщалъ я Малиновскаго, стоявшаго съ ротою въ Щучинѣ: тамъ была семинарія съ ректоромъ гостепріимнымъ, который угощалъ насъ по-русски отлично устроенною банею, по-нѣмецки—превосходнымъ мартовскимъ пивомъ, по-польски—25-тилѣтнею водкою. Пиво это получило свое названіе отъ солода, приготовляемаго въ мартѣ, когда ячмень выдаетъ лучшіе ростки. Водка была безъ всякаго сивушнаго запаха, желтоватаго цвѣта отъ бочки и отъ времени, и вкусомъ пріятнѣе рома и коньяка. Въ Щучинѣ постоянно жили два доктора: у одного изъ нихъ была прекрасная жена, она меня плѣняла своею миловидностью и скромнымъ, пріятнымъ обращеніемъ. Малиновскій дразнилъ меня ею, однако замѣтилъ, что она походила на вторую сестру его Анну, которую я въ первый разъ увидѣлъ два года спустя, и тогда не думалъ, что она будетъ моя суженая.

Въ Лидѣ были по праздникамъ и по воскресеньямъ балы самые веселые для походнаго офицера. Жители города и окрестностей принимали меня съ особеннымъ участіемъ, потому что братъ мой здѣсь стоялъ два года, бывъ бригаднымъ адъютантомъ въ литовскомъ корпусѣ. Для большаго простора помѣщенія, бальный залъ состоялъ изъ двухъ смежныхъ комнатъ, съ отнятіемъ поперечной капитальной стѣны,

ихъ раздѣлявшей, отчего залъ въ срединѣ имѣлъ небольшую ложбину и вальсируя мы кружились то подъ горку, то на горку; но это нисколько не мѣшало плясать и веселиться при освѣщеніи сальными свѣчами и подъ звуками жидовской музыки. Обыкновенно только съ разсвѣтомъ кончались танцы, и большею частью прямо отъ бала, не переодѣвшись, возвращался на квартиру за 30 верстъ и болѣе; и все не зналъ простуды и сокращалъ дорогу любимыми напѣвами.

Въ декабрѣ рота Малиновскаго занимала караулы въ Бѣлицѣ, въ полковомъ штабѣ: это время и эта мѣстность остались мнѣ навсегда памятными по непріятному воспоминанію. Въ штабѣ всѣ играли въ карты, въ банкъ и въ штосъ: съѣзжались игроки, и 1821 года, декабря 14-го, я игралъ и заигрался, проигралъ въ одинъ вечеръ или въ одну ночь всѣ мои наличныя деньги и еще порядочную сумму въ долгъ. Ослѣпленіе это, страшная необузданность мучили меня; я искалъ случая отыграться и только разстраивалъ свои дѣла еще хуже. Въ своемъ мѣстѣ разскажу какъ я побѣдилъ эту несчастную страсть въ началѣ 1823 года; съ тѣхъ поръ прошло 46 лѣтъ и я уже никогда болѣе не игралъ въ эти азартныя игры.

Въ февралѣ 1822 года баталіонъ нашъ выступилъ для занятія карауловъ въ корпусную квартиру, въ Минскъ. Я былъ отправленъ впередъ квартирьеромъ и долженъ былъ явиться начальнику штаба П. Ф. Желтухину, назначенному на мѣсто А. Х. Бенкендорфа. Тутъ былъ я свидѣтелемъ непріятной сцены и непростительной грубости со стороны начальника. Желтухинъ, обратившись къ гевальтигеру, штабъ-офицеру, и указавъ рукой на свой письменный столъ, спросилъ его:—«отчего перекладина между ножками поставлена ребромъ, а не плашмя, какъ я приказалъ?»—Гевальтигеръ отговорился невѣдѣніемъ, непониманіемъ приказанія.—«Я приказалъ, и довольно, а за непослушаніе я васъ впредь отправлю въ нужное мѣсто на веревкѣ.»—Такимъ обращеніемъ онъ думалъ поднять дисциплину, но внушилъ не столько страху къ себѣ, сколько презрѣнія и негодованія. Въ Минскѣ мы пробыли три недѣли: плохой театръ, два бала служили намъ развлеченіемъ; на одномъ изъ нихъ паръ сорокъ становились для общей кадрили, изъ которой составились отдѣльныя, и мнѣ пришлось быть въ парѣ съ И. Ф. Паскевичемъ, тогда дивизіоннымъ начальникомъ 1-й гвардейской дивизіи. Въ немъ трудно было отгадать блестящую громкую его будущность.—Котильонъ, безконечный вальсъ съ фигурами, продолжался три часа и больше; послѣ бойкаго и утомительнаго танца захотѣлось поужинать, но въ карманѣ было пусто. Между тѣмъ лейбъ-гусары приказали накрыть для себя отдѣльный столъ; за ихъ ужиномъ предсѣдательствовалъ ихъ полка флигель-адъютантъ Шепингъ; въ различныхъ углахъ сѣли ужинать офицеры различныхъ полковъ, но особо по полкамъ. Громко раздавались требованія: лафиту, сотерну, рябчиковъ, шампанскаго! — Мой ротный командиръ, баронъ И. И. Саргеръ, спросилъ меня, отчего я не ужинаю? — Денегъ нѣтъ! — отвѣтилъ я,—да, какъ видно, никто изъ нашего полка не ужинаетъ, вѣроятно, по той же причинѣ. — «Только-то!» возразилъ Саргеръ, лихой товарищъ. По его заказу въ одну минуту былъ накрытъ большой столъ, насъ было человѣкъ двадцать; подавали лучшія блюда, отборное вино; съ другихъ сосѣднихъ столовъ кричали — бургонскаго! —прислуга отвѣчала что въ л.-г. Финляндскій полкъ забрали все 1-го сорта. Нашъ столъ перещеголялъ всѣ столы, Саргеръ потиралъ себѣ руки, что полкъ обратилъ на себя общее вниманіе; это было ухарство по тогдашнимъ по-

нятіямъ. Послѣ ужина мы поблагодарили радушнаго хозяина, а онъ со смѣхомъ сказалъ, что и его кошелекъ пустой, и что всѣхъ насъ угостила его рота.—На другой день онъ собралъ всю роту, объявилъ, что онъ вчера издержалъ все ихъ жалованье, что заплатитъ имъ сполна чрезъ три недѣли по полученіи денегъ изъ Петербурга по почтѣ;—«рады стараться для вашего высокоблагородія»—былъ отвѣтъ роты, и Саргеръ остался вполнѣ доволенъ своею выходкою.

Чрезъ мѣсяцъ Баронъ Саргеръ уѣхалъ въ отпускъ, старшій по немъ офицеръ Румянцевъ былъ боленъ, меня назначили командовать ротою его высочества, и для того оставилъ я Ищелну и перебрался въ мѣстечко Желудокъ, помѣщика графа Тизенгаузена. Для постоянныхъ занятій солдатъ введены были нѣсколько новыхъ ружейныхъ пріемовъ и новый шагъ, по коему учили подымать ноги живо изъ-подъ себя и ударять ими въ землю съ темпомъ, отчего шагъ выходитъ не больше, какъ въ полъ аршина, и такимъ образомъ масса двигалась съ усиліемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень медленно достигала цѣли. Каждый день были ученья по два раза въ день.

Въ маѣ 1822 гвардейскій корпусъ получилъ повелѣніе возвратиться въ Петербургъ. Мы шли чрезъ Вильну, гдѣ маневры въ присутствіи императора продолжались четыре дня. Городъ очень красивъ своими зданіями и окрестными замками на сосѣднихъ высотахъ. Въ Вильнѣ имѣлъ я случай осмотрѣть клинику и былъ пораженъ видомъ двухъ больныхъ: у одного была въ головѣ водяная болѣзнь, растянувшаяся по всему объему головы до необыкновенной величины. У другого рука ниже локтя была привинчена къ носу, чтобы изъ нея, когда сростется, вырѣзать въ замѣну отпавшаго носа.—Два раза былъ я въ серебряной залѣ, гдѣ акціонеры держали значительный банкъ, и главный банкометъ не сходилъ съ своего мѣста до смѣны другихъ. Метавшій банкъ похожъ былъ на мумію; лицо его блѣдно-желтоватое, безъ движенія въ чертахъ; двигались только руки съ картами, и молчаливо получалъ и раздавалъ деньги. Тамъ на мѣлокъ не играли, и лучше,—потому что нельзя было проиграть больше наличной своей кассы. Возлѣ банкомета лежали пачки банковыхъ билетовъ на огромныя суммы, пачки ассигнацій, свертки золота, кучи червонцевъ и цѣлковыхъ. Изъ этой серебряной залы молодежь большею частью отправлялась въ такія мѣста, гдѣ, кромѣ денегъ, могла потерять и здоровье.

Побывавъ полтора года въ Литвѣ, познакомился я нѣсколько съ этою страною и ея жителями. Тогда дворяне или помѣщики отличались вообще дерзкимъ высокомѣріемъ противъ низшихъ сословій и бѣдныхъ, и лестью и искательствомъ предъ высшимъ и богатымъ. Сурово обращались они съ крестьянами, какъ съ рабами; главное и любимое занятіе была охота, а съ нею—нераздѣльныя картежничество и попойки. Зато ужъ, ежели между ними встрѣтишь образованнаго, благовоспитаннаго человѣка, то такой, въ любой странѣ, былъ бы украшеніемъ лучшаго общества.—Женскій полъ въ этомъ сословіи искони отличался привлекательностью и необыкновенною любезностью. Самый языкъ польскій, жесткій и шепелеватый въ выговорѣ мужчинъ, становится звучнымъ и мягкимъ въ устахъ женщинъ.—Крестьяне въ полномъ смыслѣ слова—рабы, и по своему положенію, и по своему наружному виду. Бѣдность во всемъ: ихъ давятъ съ одной стороны управитель или арендаторъ, а съ другой—жиды; оттого они на низшей ступени гражданственности

влачатъ печальную жизнь, среди невѣжества и нищеты. — Духовенство утѣшаетъ ихъ въ костелахъ по-латыни, чего они не понимаютъ, и грозитъ и стращаетъ по-польски только во время исповѣди; оно не защищаетъ ихъ противъ помѣщика или власти судебной и полицейской, потому что получаетъ содержаніе и защиту отъ дворянъ, а съ крестьянъ нечего брать. — Среднее сословіе: купцы, ремесленники, трактирщики, состояли изъ многочисленной массы жидовъ-торгашей, неутомимо дѣятельныхъ. Ни днемъ, ни ночью, во время частыхъ моихъ переѣздовъ и переходовъ, я ни разу не видѣлъ спящаго жида; питается онъ бѣдно, лукомъ и блинами, терпитъ ругательства и побои, готовъ бѣгать цѣлый день за пятакъ. Главный его двигатель — деньги: съ ихъ помощью откупается онъ легко, когда самъ попадется въ бѣду. Жиды потакаютъ безпечности крестьянъ, давая имъ взаймы деньги, а въ долгъ — водку, чтобы послѣ жатвы содрать съ нихъ по сту процентовъ и больше, снова обязать и одолжить ихъ, и потомъ разорить совершенно. Такой же печальный видъ предъявляютъ села, деревни, мѣстечки, пашни, луга и стада. Рѣдко случалось видѣть благоустроенное помѣстье образованнаго владѣльца. Большая часть изъ богатыхъ помѣщиковъ, пановъ, проживаетъ въ большихъ городахъ Европы и ввѣряетъ свои помѣстья и судьбу своихъ крестьянъ безсовѣстнымъ арендаторамъ. Поистинѣ, жалкая Литва!

Обратный походъ нашъ велъ насъ по другой дорогѣ. Маршрутъ нашей дивизіи указалъ на Динабургъ, Псковъ, Лугу и Гатчину; а 1-ая дивизія возвращалась по нашему первому пути, чрезъ наши Прибалтійскія губерніи. — Походъ по мѣстности мало населенной, не представляющей никакихъ красокъ приходы, — ни горъ, ни рѣкъ большихъ, ни лѣсовъ сбереженныхъ, ни селъ красивыхъ, ни образцовъ обработанныхъ полей или роскошныхъ луговъ, — былъ до крайности однообразенъ. Дороги въ худомъ состояніи вели по пескамъ, по болотистымъ низменностямъ, по лѣсамъ, изведеннымъ близъ дорогъ и селеній, такъ что походили болѣе на кустарники, въ коихъ собирали только бруснику.

Дисциплина введена была строгая. Исчезли ожиданія, и восторгъ, съ коими надѣялись мы, по выступленіи изъ Петербурга, побывать въ чужихъ краяхъ, подъ синимъ небомъ живописной монументальной Италіи, и доказать непреоборимость русскаго штыка. Однообразіе переходовъ и мѣстности перерывалось только солдатскими пѣснями. Эти пѣсни, сотни голосовъ, послушныхъ запѣвалѣ, съ бубнами и треугольниками и свистками, заставляли забывать и жаръ и усталость, — особенно когда проходили селенія и собирались жители поглазѣть на насъ.

Въ Динабургѣ навѣстилъ я въ землянкѣ бывшаго однополчанина, переведеннаго въ армейскій корпусъ и находившагося при крѣпостныхъ работахъ. Отдѣльныя каменныя стѣны имѣли грозный видъ, обшивка стѣнъ тесанымъ камнемъ стоила много денегъ и трудовъ. Солдаты за полверсты носили песокъ въ мѣшечкахъ, вмѣсто того, чтобы по настланнымъ доскамъ перекатить его на тачкахъ, въ десять разъ больше и скорѣе.

Въ Псковской губерніи ночевалъ я нѣсколько разъ въ деревняхъ раскольниковъ, и никто изъ нихъ не зналъ, отчего произошелъ ихъ расколъ и въ чемъ онъ состоитъ, а оправдывались въ различіи богослуженія и обрядовъ заученными словами: «такъ насъ отцы наши учили». — Въ Псковѣ путешественникъ невольно пораженъ бываетъ множествомъ старинныхъ церквей съ куполомъ

въ видѣ луковицы, и до того тѣсныхъ, что помѣщаютъ не болѣе ста прихожанъ. Зато на одной улицѣ десятки церквей, въ близкомъ одна отъ другой разстояніи. Въ былое время, когда и Псковъ велъ торговлю съ Ганзою, каждый усердный богомолецъ желалъ выстроить свою церковь для своей семьи и для своихъ родныхъ; оттого и такое множество и такая тѣснота церквей.

Городъ Луга не красивъ; но уѣздъ богатъ водами и лугами. Рота дневала въ 10-ти верстахъ отъ города; вечеромъ поѣхалъ туда, и засталъ кружокъ сослуживцевъ за рюмками. Стѣснительно и неловко человѣку трезвому явиться въ кругъ товарищей упоенныхъ, толкующихъ объ всемъ, что на умъ придетъ. Я выпилъ рюмку, но черезъ минуту одинъ изъ собесѣдниковъ замѣтилъ на мой счетъ: «Р. іезуитствуетъ, самъ не пьетъ и надъ нами издѣвается!» — Слово іезуитъ принималось за брань, съ пьянымъ нельзя объясниться, мнѣ оставалось только спросить: «да по скольку же рюмокъ выпили вы до моего прихода?» — по шести — «ну такъ давайте шесть!» — А пили прекрѣпкую тогда модную водку гольдвассеръ, почти спиртъ, съ плавающими золотыми звѣздочками. Выпилъ шесть, одну за другою, безъ остановки. — Теперь, господа, не только поровнялся съ вами, но за вами остается долгъ, потому что я выпилъ рюмку, когда съ вами поздоровался! — Ахъ, душа! душа! — данное мнѣ прозваніе въ полку — и пошли объятія и толки, и смѣхъ, и пѣсни: о картахъ нельзя было подумать. Послѣ полуночи разошлись и разъѣхались. Я ѣхалъ съ барономъ Саргеромъ на лихой его тройкѣ; ночь была свѣтлая, лунная, телѣга надежная, а для большей безопасности мы обхватились локтями, я правымъ, онъ лѣвымъ, чтобы центръ тяжести двухъ тѣлъ приходился на средину. Тогда всѣ курили трубку, кто изъ стамбулки, кто изъ пѣнковой; у Саргера была высокая, пѣнковая, подъ названіемъ венгерской или шампанской: слышу и гляжу, что онъ пыхтитъ губами, а дымъ не идетъ. — «Что за чертъ, трубка погасла!» ворчитъ сосѣдъ и опять пыхтитъ пуще прежняго, а дыму не видать. Гляжу пристальнѣе, и вижу, что онъ мунштукъ гнутаго чубука пялитъ все въ ухо вмѣсто рта, отчего и напрасно пыхтѣлъ и трубка его погасла. — На пятой верстѣ виднѣлся длинный постоялый дворъ. Саргеръ приказалъ кучеру тамъ остановиться для разбора жалобы на трактирщика. — «Полно, И. И., — сказалъ я положительно, — оставьте это до завтра, мы съ ротой здѣсь пройдемъ, и вы спокойно все разберете». — Нѣтъ, нельзя! я ужъ назначилъ, здѣсь ожидаютъ меня свидѣтели, стой! — Что тутъ было дѣлать: будь мой кучеръ и мои лошади, я закричалъ бы, пошелъ! — Сошли мы благополучно съ повозки; у крыльца ждали два унтеръ-офицера, свидѣтели и трактирщикъ. Саргеръ стоялъ, какъ столбъ, толково и кратко разспросилъ прикосновенныхъ дѣлу и порѣшилъ все сразу. Мы важно сѣли опять въ повозку, и, кажется, напряженіе ума и тѣла немного протрезвило насъ. Это — одинъ изъ тысячи подобныхъ эпизодовъ военной жизни тогдашняго времени, молодежи, участвовавшей въ войнѣ 1812 г. и молодежи, подражавшей ей.

Глава вторая.

Возвращеніе гвардіи и служба.

Петергофъ.—Грубое обхожденіе.—Вступленіе въ Петербургъ. — Знакомство. — Какъ отстать отъ страсти?—Какъ нажить богатство?—Наводненіе 7 ноября 1824 г.—Самоотверженіе А. Х. Бенкендорфа.—Николинъ день.—Балъ во дворцѣ.—В. Ф. Малиновскій.—А. А. Самборскій.—П. Ф. Малиновскій. - Сватовство.—Обрученіе.—Благословеніе матери.—Шагистика и темпистика.—Экзерцирмейстеръ.—Форма.—Свадьба.—Лагерь.—Прощаніе.—Ораніенбаумъ. — Характеристика.

Полкъ переночевалъ въ Гатчинѣ, офицеры были угощены во дворцѣ. 20-го іюля нашъ первый баталіонъ вступилъ въ Петергофъ: на слѣдующій день былъ я наряженъ въ караулъ къ петергофской заставѣ. Ожидали императора и весь дворъ, чтобы 22-го праздновать тезоименитство вдовствующей императрицы Маріи Федоровны. Временнымъ комендантомъ въ городѣ назначенъ былъ нашъ начальникъ штаба П. Ф. Желтухинъ, а плацъ-маіоромъ полковникъ л.-г. Павловскаго полка Августъ Мандерштернъ, извѣстный служака; упоминаю о такихъ мелочахъ потому только, что онѣ грозили мнѣ бѣдою. Я зналъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, и не сходилъ съ платформы до пробитія вечерней зори. Плацъ-маіоръ и дежурный по карауламъ полковникъ М. Ф. Митьковъ безпрестанно навѣщали меня и повторяли свои приказанія. Казаки, мои разсыльные, то и дѣло что скакали съ рапортичками моими о прибытіи генераловъ. Наконецъ, въ осьмомъ часу вечера пріѣхалъ государь; караулъ мой отдалъ ему честь, коляска его остановилась, онъ махнулъ рукою,—барабанъ умолкъ,—и мы первые изъ возвратившихся гвардейцевъ услышали его ласковое привѣтствіе:—«Я очень радъ, ребята, что васъ опять вижу».—Казакъ поскакалъ къ коменданту съ рапортомъ; пробили вечернюю зорю, и я радовался благополучному окончанію дня.— На другой день поутру получилъ приказаніе по смѣнѣ съ караула явиться къ коменданту. Признаюсь, что я крѣпко смутился, вспомнивъ его дерзкое и грубое обращеніе съ гевальтигеромъ въ Минскѣ, въ присутствіи многихъ подчиненныхъ.— Вхожу въ его квартиру въ петергофскомъ дворцѣ, остановился въ первой комнатѣ въ виду Желтухина, который при открытыхъ дверяхъ сидѣлъ въ другой комнатѣ за письменнымъ столомъ; возлѣ него по обѣимъ сторонамъ стояли адъютанты и офицеры генеральнаго штаба, Н. М. Муравьевъ, Штернгіельмъ и другіе. Комендантъ писалъ, говорилъ съ адъютантами и поглядывалъ на меня; наконецъ, онъ пальцемъ

сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобы подойти къ нему. Я спокойно оставался на мѣстѣ, полагая, что онъ зоветъ лакея или позади меня стоявшаго ординарца; знакъ этотъ повторялся еще два раза, я оглянулся назадъ и не трогался съ мѣста. Тогда онъ повелительнымъ голосомъ сказалъ: «Господинъ караульный офицеръ, пожалуйте сюда!» Я подошелъ къ самому столу, и, хотя не зналъ за собой никакой вины, но страхъ боялся грубаго слова. «Какимъ образомъ, продолжалъ онъ, пишете вы въ рапортахъ, что проѣхали чрезъ заставу генералъ-адъютанты Апраксинъ и Левашевъ и проч., а не отмѣтили, куда они ѣхали?» На этотъ первый запросъ на эту пустую придирку мнѣ легко было отвѣтить:—Ваше превосходительство! въ заглавіи моихъ рапортовъ выставлено: пріѣхавшіе въ Петергофъ, слѣдовательно всѣ они пріѣхали сюда. «Вы хотите оправдываться,—сказалъ онъ громко,—но какъ же вы рапортуете о пріѣздѣ генерала отъ инфантеріи князя Ливена, между тѣмъ какъ его здѣсь нѣтъ; одинъ князь Ливенъ—посломъ въ Лондонѣ, другой—въ чужихъ краяхъ?» Я объяснилъ, что шлагбаумъ отъ караульной платформы въ 30-ти шагахъ, тамъ унтеръ-офицеръ останавливаетъ экипажи, разспрашиваетъ о фамиліи и званіи, откуда и куда ѣдутъ, и если генералъ, то караулу кричитъ «вонъ!» для отданія чести, и потомъ уже приходитъ ко мнѣ съ запискою, на коей написано было генералъ отъ инфантеріи князь Ливенъ; промчалась большая карета, въ коей не могъ распознать лицъ, сидѣвшихъ въ глубинѣ кареты, и сверхъ того не имѣю чести лично знать князей Ливенъ. Желтухинъ, выслушавъ, сказалъ съ досадою. «Вижу, что вы хотите оправдываться фразами, прошу впередъ исправнѣе стоять на караулѣ». Я вышелъ какъ будто получилъ награду и благодарилъ Бога. Вечеромъ сказалъ мнѣ баталіонный командиръ М. Ф. Митьковъ, что Желтухинъ разспрашивалъ его о моей службѣ и о моемъ поведеніи, и когда получилъ отвѣтъ въ совершенную пользу мою, то возразилъ: «Въ такомъ случаѣ, этотъ офицеръ получилъ дурное образованіе».

Странное, непостижимое дѣло, что генералы, начальники, даже хорошо образованные, имѣютъ привычку вмѣнять себѣ за правило грубо и дерзко обращаться съ подчиненными; тѣмъ болѣе это покажется страннымъ, если сообразимъ, что они сами были подчиненными и знали послѣдствія такого обращенія. Они теряютъ уваженіе къ себѣ, довѣренность, и при удобномъ случаѣ оскорбленные подчиненные съ злорадствомъ выдаютъ начальника грубаго. Я могъ бы назвать много генераловъ, которые, по неумѣнью обращаться съ подчиненными, лишились средствъ быть полезными, занять мѣсто по своимъ способностямъ: они могли пользоваться уваженіемъ къ заслугамъ своимъ, но преданностью неограниченною, но любовью—никогда! Не знаю, какъ военные начальники обходились съ офицерами до 1812 г.; кажется—патріархально, а подчиненные отвѣчали сыновнымъ послушаніемъ. Послѣ 1812 года появились другія притязанія, другія требованія. Мнѣ разсказывалъ старый командиръ: «Бывало, въ арміи на ученьи, во время отдыха, офицеры соберутся въ кружокъ, бесѣдуютъ и смѣются, а какъ только командиръ скомандуетъ «смирно!», то всѣ бѣгомъ по своимъ мѣстамъ: капитанъ бѣжитъ и толкаетъ въ шею поручика, поручикъ подпоручика, а тотъ прапорщика, и всѣ какъ вкопанные на своемъ мѣстѣ. А теперь что? Закричишь «смирно!», да еще предъ гвардейскимъ полкомъ, а офицеры мѣрными шагами и преспокойно идутъ къ своимъ рядамъ, припѣвая или присвистывая изъ Ѳрейшюца! Личная честь и честь полка въ мое время поддерживаемы были настойчиво. Когда великій князь Константинъ Павловичъ, въ

минуту строптивости своей молодости, на полковомъ ученьи, съ поднятымъ палашомъ наскочилъ на поручика Кошкуля, чтобы рубить его, тотъ, отпарировавъ, отклонилъ ударъ, вышибъ палашъ изъ руки князя и сказалъ: «Не извольте горячиться». Ученье было прекращено, чрезъ нѣсколько часовъ адъютантъ князя пріѣхалъ за Кошкулемъ и повезъ въ Мраморный дворецъ. Кошкуль ожидалъ суда и приговора, какъ вдругъ отворяется дверь, выходитъ Константинъ Павловичъ съ распростертыми объятіями, обнимаетъ Кошкуля, цѣлуетъ его и благодаритъ, что онъ спасъ его честь, говоря: «Что сказалъ бы государь и что подумала бы вся армія, если бы я на ученьи во фронтѣ изрубилъ бы своего офицера?» Кошкуль впослѣдствіи командовалъ л.-г. Кирасирскимъ полкомъ его величества. Когда великій князь извинился передъ обществомъ офицеровъ всей кирасирской бригады, то рыцарски объявилъ, что готовъ каждому дать полное удовлетвореніе; на это предложеніе откликнулся М. С. Лунинъ: «Отъ такой чести никто не можетъ отказаться!», и съ тѣхъ поръ всегда былъ любимъ и покровительствуемъ великимъ княземъ.— Этому самому Лунину на ученьи сказалъ простодушный командиръ Депрерадовичъ: «Штабсъ-ротмистръ Лунинъ, вы спите?» Виноватъ, ваше превосходительство, спалъ и видѣлъ во снѣ, что вы бредите!—былъ отвѣтъ. Эти случаи достаточно высказываютъ духъ времени; лишне будетъ описать поединки полковника Уварова съ М. К. барономъ Розеномъ, Бистрома съ Карновичемъ и множество другихъ. Послѣ происшествія въ Семеновскомъ полку началась реакція. Въ л.-г. Егерскомъ полку въ Вильнѣ разжалованъ былъ полковникъ Н. Н. Пущинъ. В. С. Норовъ переведенъ былъ въ армію, когда бригадный командиръ, великій князь П. П., сказалъ ему: «Я васъ въ бараній рогъ согну!» Грубыя выходки вошли въ моду и принесли плоды худые, и довели до насмѣшекъ и до презрѣнія; между тѣмъ какъ законное взысканіе, выговоръ въ приказахъ, арестъ на гауптвахтѣ принимались и выдерживались съ достоинствомъ обоюднымъ, начальника и подчиненнаго.

Праздникъ въ Петергофѣ былъ въ полномъ смыслѣ слова царскій. Освѣщеніе сада, великолѣпнаго водомета Самсона, раскрывающаго пасть льва, изъ коей въ радужныхъ цвѣтахъ подымалась и разсыпалась огромная струя воды; иллюминованные корабли на взморьѣ; повсемѣстно музыка и пѣсни; катанье двора по освѣщеннымъ аллеямъ сада на малиновыхъ линейкахъ; тысячи народа въ различной одеждѣ: все это представляло очаровательное зрѣлище, рѣдко встрѣчающееся въ дѣйствительности, изображаемое только въ сказкахъ и невѣроятное для того, кто самъ его не видѣлъ. Но всего болѣе прельстила меня въ Петергофѣ, на другой день поутру, встрѣча съ императрицею Елизаветою Алексѣевной, ѣхавшей на откинутыхъ парныхъ дрожкахъ къ бесѣдкѣ Монплезиру, въ одеждѣ скромной, какъ лицо частное; но черты ея лица выражали все, что называется добродѣтелью.

По выступленіи полка въ Петербургъ, въ наши казармы на Васильевскомъ островѣ, на Невѣ, противъ Горнаго корпуса, явились мы къ новому полковому командиру, генералу Василію Никаноровичу Шеншину, отличившемуся въ Отечественной войнѣ знаменитымъ прикрытіемъ отступленія подъ Бауценомъ. Послѣ Рихтера и Палицына, онъ былъ уже третій мой полковой командиръ. Кромѣ достоинства воина, имѣлъ онъ всѣ качества честнаго, благороднаго и добраго человѣка.—Служба въ городѣ и въ казармахъ продолжалась по-прежнему. Съ небольшими денежными средствами служба въ столицѣ предлагала только утомленіе,

потерю здоровья и вдобавокъ—долги. Я жаждалъ дѣятельности: Кавказъ предлагалъ мнѣ жизнь боевую, славу. Я рѣшился просить о переводѣ моемъ за Кавказъ, въ Грузію, поближе къ Ермолову, въ полкъ Попова, стоявшій тогда въ крѣпости Гори. Шеншинъ сердечно отговаривалъ меня, увѣряя, что на Кавказѣ жизнь не жизнь и смерть не какъ смерть, а вездѣ тоска и ужасъ. Я остался непреклоннымъ, прошеніе мое пошло дальше, и чрезъ три недѣли получилъ рѣшительный, но лестный отказъ отъ корпуснаго командира и денежную награду. Служба шла своимъ чередомъ. Шеншинъ предложилъ мнѣ быть его полковымъ адъютантомъ, предложилъ мнѣ верховаго коня и экипажъ; я отказался единственно по той причинѣ, что не имѣлъ англизированнаго верховаго коня и экипажа.

Въ концѣ августа 1822 года, сослуживецъ мой И. В. Малиновскій ввелъ меня въ кругъ своего семейства, только что возратившагося изъ Ревеля съ морского купанья. Три сестрицы его, круглыя сиротки, жили тогда въ домѣ дяди своего со стороны отца, П. Ф. Малиновскаго, подъ крыломъ единственной тетки своей, со стороны матери, Анны Андреевны Самборской. Я радъ былъ познакомиться въ такомъ домѣ, имѣть вѣсти объ отцѣ моемъ, съ которымъ онѣ часто видались въ Ревелѣ, и хотя тогда не имѣлъ никакого намѣренія жениться, но средняя сестра Анна своимъ лицомъ, наружностью, голосомъ, одеждою, скромнымъ обхожденіемъ, вызвала во мнѣ чувство безотчетное. Съ перваго знакомства тайный голосъ нашептывалъ мнѣ, что она должна быть моею женою, что только съ нею буду счастливъ. Бывало, на вечерахъ и балахъ, въ кадрилѣ и котильонѣ, въ одинъ день я влюблялся не въ одну, а въ двѣнадцать хорошенькихъ женщинъ и дѣвицъ, а на слѣдующій день, поминай какъ ихъ звали, и по утру, и по-вечерамъ, вмѣсто вздоховъ любви, раздавалась моя пѣсня: «Солдатъ на рундукѣ», или: «Пусть волкомъ буду я, любите лишь меня?»—Но въ этотъ разъ по, временамъ, когда я ѣзжалъ въ этотъ домъ, постоянная скромность, всегда, одинаковое смиреніе, кротость постоянная, не могли не плѣнить. Съ того времени бойкая веселость моя немного пріутихла, больше сидѣлъ дома, охотнѣе сталъ заниматься чтеніемъ, становился терпѣливѣе, рѣже сталъ играть въ карты, хотя страсть къ игрѣ была такъ сильна, что въ церкви и дома сколько ни давалъ клятвъ отстать отъ игры, но въ самый день данной клятвы, вечеромъ и за полночь игралъ, и все игралъ бы пуще прежняго.

Однажды утромъ, въ октябрѣ 1822, бывъ въ какомъ то торжественномъ настроеніи души, стоялъ я долго у окна, глядѣлъ на темныя волны Невы и углубился въ размышленія. Скорбѣлъ о слабости воли при добрыхъ благородныхъ намѣреніяхъ. Сердце мнѣ твердило, что человѣкъ можетъ сдержать свое слово, стоитъ только захотѣть, и можно отстать отъ игры; разумъ отозвался, что выполненіе такого намѣренія непремѣнно послужитъ къ лучшему, что при азартной игрѣ пропадутъ милліоны рублей и всякое достояніе; а кто не играетъ, тотъ можетъ пріобрѣтать, и много ли, мало ли, можетъ назвать своимъ, а не пропадетъ оттого, что тузъ или десятка лягутъ направо или налѣво. Съ того дня я пересталъ играть въ азартныя игры, и это уже не стоило мнѣ никакой борьбы, такъ что въ тотъ же вечеръ изъ новгородскаго подворья, въ коемъ Филаретъ, послѣ знаменитый митрополитъ московскій, служилъ всенощную, зашелъ ко мнѣ мой побѣдитель въ картахъ и предложилъ сыграть съ нимъ, предоставляя мнѣ возможность

отыграться; но я не согласился, и теперь, когда пересматриваю свои записки, минуло уже 47 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я въ упомянутое утро пересталъ играть въ банкъ и въ штосъ. До этой счастливой минуты я также разсуждалъ и также чувствовалъ, но безъ успѣха. Безъ сомнѣнія, много къ тому содѣйствовала тайная любовь; но я не могъ назвать себя влюбленнымъ, сравнивая себя съ другими влюбленными, передающимися своей страсти, какъ я безотчетно предавался страсти къ игрѣ въ карты; моя любовь требовала нравственнаго усовершенствованія, такого образа мыслей, который состоитъ изъ сліянія умственнаго и нравственнаго стремленія и дѣйствуетъ на сердце и на характеръ. Мышленія мои становились возвышеннѣе и чаще; цѣль моей жизни получила другое направленіе. И въ этомъ сознаніи, что хотя слабо и медленно человѣкъ улучшается, есть уже блаженство выше всякихъ чувственныхъ наслажденій и шумныхъ развлеченій. Вопреки этой перемѣнѣ во мнѣ, замѣченной всѣми сослуживцами, сохранилъ я прозваніе *души* въ полку, какъ въ ротѣ лихой пѣсельникъ или запѣвала прозывается между товарищами *душою* роты.

Зимою 1823 года получилъ я кратковременный отпускъ. На пути навѣстилъ я брата моего Отто, который имѣлъ тогда отцовское имѣніе на арендѣ. Засталъ его въ маленькомъ, низенькомъ домикѣ, занесенномъ снѣгомъ, такъ что изъ оконъ только видно было небо. Напротивъ домика стояли голыя стѣны огромнаго сгорѣвшаго каменнаго дома, въ коемъ я родился. Братъ обрадовался моему пріѣзду, принялъ меня съ обычною любовью; но наружный видъ его выказывалъ заботу и трудъ. Подали чашки; среди дружеской бесѣды братъ часто вставалъ, ходилъ въ уголъ комнаты, нагибался, возвращался,—я не могъ примѣтить, что онъ тамъ дѣлалъ; наконецъ онъ принесъ оттуда чайникъ и налилъ славнаго чаю. «Что ты тамъ дѣлалъ въ углу, откуда принесъ чайникъ?»—Съ усмѣшкою отвѣтилъ онъ, что фарфоровый чайникъ стоялъ накрытый на мѣдномъ чайникѣ съ кипяткомъ. «Неужели у тебя нѣтъ самовара?» «Нѣтъ, онъ слишкомъ для меня дорогъ»—«Помилуй, 25 рублей ассигнаціями; онъ прослужитъ по крайней мѣрѣ десять лѣтъ, такъ неужели не можешь употребить на то 2 руб. 50 коп. въ годъ?»—«Нѣтъ, не могу по совѣсти; имѣніе у меня на арендѣ, отцу надобно платить въ срокъ, онъ живетъ въ городѣ; моя опытность, мое умѣнье еще очень недостаточны, потому долженъ во всемъ ограничивать мои собственные расходы».—Я понялъ все дѣло, отчего мятель занесла его окна? (рабочіе люди понадобились ему на другія производительныя работы); отчего въ пространной конюшнѣ въ 24 стойла стояла только тройка разномастныхъ и разнорослыхъ лошадей? отчего въ каретникѣ не было рессорнаго экипажа, а только бричка и двухколесная таратайка? Онъ во всемъ отказывалъ себѣ, зато исправно платилъ отцу; отецъ мой былъ доволенъ, и рѣшился передать имѣніе сыну, отъ котораго не могъ имѣть такого обезпеченія въ исправности платежей, какъ отъ чужого богатаго и опытнаго арендатора. Въ братѣ я видѣлъ труженика, связаннаго обязательствомъ, и не могъ не оправдывать его начинателя, новичка, который, прослуживъ десять лѣтъ въ арміи, участвовалъ въ войнѣ 1812 г., съ торжествомъ вступилъ въ Парижъ, но въ службѣ счастья не имѣлъ, и еще вовремя рѣшился употребить свои силы на другомъ поприщѣ. Въ своемъ мѣстѣ разскажу ниже, въ какой обстановкѣ и за какимъ самоваромъ я засталъ его черезъ 18 лѣтъ. Тутъ не бережливость, не скупость повели къ богатству, но правило—собрать собственнымъ трудомъ, и изъ собственной земли, свой запасный производительный капиталъ, для боль-

шихъ предпріятій по сельскому хозяйству. Трудности пріобрѣтенія собственнаго капитала научаютъ дорожить пріобрѣтеннымъ добромъ и быть осмотрительнымъ и осторожнымъ, между тѣмъ какъ предпріятіе на чужія деньги, взятыя взаймы, большею частью переходитъ опять въ чужія руки.

По возвращеніи моемъ изъ отпуска, принялъ я учебную команду. Для здоровья солдатъ и просторнѣйшаго размѣщенія ихъ въ казармахъ, повелѣно было помѣстить по очереди, по одному баталіону съ каждаго полка, въ окрестныхъ селеніяхъ вокругъ столицы.—Каждое лѣто стояли мы въ лагерѣ, въ Красномъ селѣ, отъ мая до августа; эти стоянки кончались маневрами и петергофскимъ праздникомъ. Осенью 1824 года стоялъ я съ учебною командою въ Новой деревнѣ, противъ Каменнаго острова; команда училась ежедневно въ манежѣ Каменноостровскаго дворца. 7-го ноября съ восходомъ солнца отправился въ манежъ; вѣтеръ дулъ такой сильный и порывистый, что я въ шинели не могъ идти и отослалъ ее на квартиру. Во время ученья замѣтили, что вода втекаетъ въ ворота, и когда отворили ворота, то она потокомъ стала втекать въ манежъ. Немедленно повелъ команду бѣглымъ шагомъ къ мосту, котораго плашкоуты уже были подняты водою до такой высоты, что досчатая настилка съ двухъ концовъ отдѣлилась совершенно и не было сообщенія. Тогда солдаты поставили нѣсколько досокъ наискось къ поднявшемуся мосту, и съ помощью большихъ шестовъ перебрались по одиночкѣ, побѣжали по мосту, и составили такую же переправку на другомъ берегу, гдѣ вода еще не выступила, оттого что правый берегъ рѣки былъ выше лѣваго. Пока добирались до квартиръ въ крестьянскія избы, вода начинала насъ преслѣдовать.—Крестьяне поспѣшно выгнали лошадей и рогатый скотъ по направленію къ Парголовскимъ высотамъ: на лошадяхъ ускакали; большая часть рогатаго скота утонула. Я собралъ мои вещи и книги; полъ моей квартиры былъ на четыре фута выше земли, и когда вода выступила изъ-подъ пола, перебрался на чердакъ и на крышу. Взору представилась картина необыкновенная: избы крестьянъ, дачи, дворецъ Каменноостровскій съ лѣвой стороны, дворецъ Елагинскій съ правой стороны, деревья, фонарные столбы,—все въ водѣ средь бушующихъ волнъ.—Часть Новой деревни, съ моей квартирою, была застроена въ видѣ остраго угла; къ этому углу по направленію вѣтра приплыло и остановилось множество барокъ и лодокъ съ Елагинскаго острова. Мнѣ удалось вскочить въ такую лодку и съ трудомъ пробраться вдоль деревни; солдаты мои захватили три лодки, и вмѣстѣ перевезли, плавая взадъ и впередъ, всю команду, казенную аммуницію на огромную барку, съ коей при постройкѣ на Елагинскомъ островѣ, была выгружена известка. Тогда было около полудня; сколько могли захватить, взяли съ собою хлѣба и расположились оставаться до послѣдней возможности въ этой случайной гавани. Глубины воды было уже на шесть футовъ; а въ случаѣ еще большаго прилива хотѣли выбраться изъ угла на просторъ и спастись какъ придется. Крестьяне послѣдовали нашему примѣру и пересѣли въ другія барки; большая часть крестьянъ оставалась на крышахъ своихъ домовъ, крестились, молились вслухъ и говорили о свѣтопреставленіи. Во второмъ часу порывистый вѣтеръ началъ утихать; вода быстро стала сбѣгать, такъ что еще до заката солнца могли мы оставить нашъ ковчегъ, и по приставшему и накопившемуся хламу всякаго рода съ трудомъ перебрались въ наши квартиры. Печи промокли, дрова отсырѣли, цѣлую недѣлю продожался угаръ. Отъ усталости уснулъ я на мокрой лавкѣ и спалъ богатырскимъ сномъ. На другой день осмотрѣлъ солдатъ

и казенныя вещи, не оказалось только одного погалища отъ штыка. Пошелъ въ Каменноостровскій дворецъ, гдѣ вода испортила всю мебель и дошла до нижнихъ рамокъ висѣвшихъ картинъ. Книги мои промокли, особенно многотомная исторія Карамзина и Дезодоара. Полковой командиръ, узнавъ различныя подробности отъ солдатъ и отъ крестьянъ, хотѣлъ меня представить къ наградѣ орденомъ, но я отблагодарилъ его и представилъ ему, что невидимая сила прислала мнѣ столько барокъ и лодокъ, что если бы я имѣлъ ихъ въ Галерной гавани или на Васильевскомъ острову, то могъ бы спасти людей и имущества на многія тысячи.

Кто самъ не былъ свидѣтелемъ этого наводненія въ 1824 году, тотъ едва ли можетъ себѣ представить весь ужасъ и особенность такого зрѣлища.—На Невскомъ проспектѣ богатый жилецъ проснулся поздно, подошелъ къ окну, и съ трепетомъ позвалъ слугу: «что ты видишь тамъ на улицѣ?»—«Графа М. А. Милорадовича, разъѣзжающаго на лодкѣ». «Ну, слава Богу!» сказалъ хозяинъ, перекрестившись, «я думалъ, что я съ ума сошелъ». Бревна, доски, полѣнья плыли по всѣмъ улицамъ. По Невѣ плыли дома противъ теченія изъ Галерной гавани; на крышахъ этихъ домовъ окоченѣвшими руками держались люди всѣхъ возрастовъ; императоръ стоялъ на балконѣ противъ Адмиралтейства и слышалъ, какъ несчастные умоляли его: «если Царь небесный насъ покинулъ, то ты, царь земной, спаси насъ!» Александръ въ слезахъ вымолвилъ: «дорого бы я далъ, если бы могъ спасти сихъ несчастныхъ!» Довольно было этого изъявленія для А. Х. Бенкендорфа, бывшаго въ тотъ день дежурнымъ генералъ-адъютантомъ и стоявшаго позади императора. Онъ въ то же мгновеніе сошелъ къ главному караулу; взялъ оттуда дежурнаго мичмана Петра Петровича Бѣляева 2-го и матросовъ гвардейскаго экипажа: по поясъ въ водѣ добрались они до набережной и сѣли въ дворцовый катеръ. Они догнали несчастныхъ, спасли всѣхъ безъ исключенія, и высадили ихъ въ сухопутныхъ госпиталяхъ, гдѣ дали скорую помощь этимъ людямъ, испуганнымъ, проголодавшимся и продрогшимъ. Бенкендорфъ о себѣ не думалъ, весь промокнувшій явился къ государю съ донесеніемъ, что желаніе его исполнено. Государь обнялъ его, велѣлъ ему подать бѣлье и мундиръ свой и наградилъ его, по-царски. Бѣляеву дали владимірскій крестъ, матросамъ медали и денежную награду.—Въ тотъ же день назначены были въ каждой части города комитеты подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютантовъ, которые назначали и выдавали вспомоществованія. Правительство помогало щедрою рукою; частныя лица наперерывъ другъ передъ другомъ подвизались въ благотворительности. Сердобольная жена супруга нашего Шеншина, съ сестрою Варварою Неклюдовой, сами кроили и шили бѣлье для бѣдныхъ неимущихъ. Улицы въ трое сутокъ были очищены отъ наплывшаго хлама и всякой скарби деревянной; все получило быстро прежній видъ опрятности и чистоты, только долго виднѣлись отсырѣвшіе фундаменты и нижніе этажи домовъ, и донынѣ сохраняются красныя черты на перекресткахъ улицъ, означающія, до какой высоты достигло наводненіе.

Съ наступленіемъ зимы перевели нашъ баталіонъ въ село Мурино и Рыбацкое. Въ началѣ декабря поѣхалъ я въ городъ, чтобы возвратиться къ 6-му числу къ ротному празднику 1-ой карабинерной роты; но 4-го пошелъ ледъ, мосты были разведены, а 5-го еще не было мостковъ для пѣшихъ, и полиція внимательно сторожила, чтобы никого не пускать чрезъ Неву. Долго стоялъ я до самаго вечера у биржевой набережной; уже смеркалось; человѣкъ шесть мужи-

ковъ или рабочихъ стояли близъ меня, жалѣя что не могутъ перейти на Выборгскую сторону. Вдругъ одинъ изъ нихъ, въ полушубкѣ, съ палочкою въ рукѣ, не говоря ни слова, спустился по ступенямъ гранитной набережной, вскочилъ на ледъ, и пошелъ. Я бросился за нимъ и въ саженяхъ пяти слѣдовалъ по его стопамъ. Часто онъ останавливался на нѣсколько секундъ, постукивалъ палочкою о льдины, и ломанною линіею, то туда, то сюда, а все подвигался; я все за нимъ, и ужъ послѣ примѣтилъ, что за мною слѣдовалъ еще одинъ, и мы втроемъ благополучно достигли другого берега. Бѣгомъ догналъ я моего отважнаго вожатаго, чтобы узнать отъ него, что за магическая или заколдованная палка у него въ рукахъ была? — «Я давнишній здѣсь перевозчикъ»,— отвѣтилъ онъ — «насквозь знаю крѣпость и связи льдинъ, а какъ было темно, то звукъ отъ удара палкою удостовѣрялъ меня, гдѣ понадежнѣе можно было перебраться».—На Выборгской сторонѣ нанялъ извозчика, и такъ на другой день могъ поздравить моихъ солдатъ и принять участіе въ ихъ празднествѣ, чѣмъ они дорожили тѣмъ болѣе, что изъ всѣхъ офицеровъ всего баталіона присутствовалъ я одинъ. Въ деревнѣ Рыбацкой жилъ я въ совершенномъ уединеніи: книги, гитара, пѣніе, ученіе, сокращали время скучной зимней стоянки въ деревнѣ, въ восьми верстахъ отъ столицы, куда я ѣзжалъ весьма рѣдко.—Въ этотъ Николинъ день были важныя новыя назначенія. Начальникъ нашей дивизіи Карлъ Ивановичъ Бистромъ назначенъ былъ командиромъ всей гвардейской пѣхоты, а дивизію его получилъ великій князь Николай Павловичъ.—Первую дивизію Ив. Фед. Паскевича получилъ великій князь Михаилъ Павловичъ, который, впослѣдствіи въ духовномъ своемъ завѣщаніи, написалъ своему душеприказчику Я. И. Ростовцеву, что такую-то шпагу его подарить Преображенскому полку, а другую—Семеновскому, въ воспоминаніе счастливѣйшаго времени изъ всей его жизни, когда онъ командовалъ бригадою.

12-го декабря былъ я въ зимнемъ дворцѣ на балу: императрица Марія Федоровна каждый годъ праздновала въ этотъ день рожденіе императора Александра I. Этотъ балъ былъ самый роскошный въ году, по торжественности и по времени года. Для меня было чрезвычайно занимательно наблюдать за различными лицами. Въ этотъ день патріотъ Н. С. Мордвиновъ получилъ андреевскую звѣзду. Какъ счастливы были лица, удостоившіяся улыбки царской или царскаго слова!— Сколько генераловъ стояли на вытяжку въ ожиданіи этого счастья! Сколько изъ нихъ выставляли себя напоказъ, въ ожиданіи глазъ не спускали съ малѣйшаго движенія государя! Зато пріятно было видѣть, съ какою непринужденностью, держа шляпу свою въ рукѣ не по формѣ, бесѣдовалъ съ государемъ оберъ-офицеръ, флигель-адъютантъ баронъ Строгоновъ, и что эта непринужденность доставляла удовольствіе самому государю. Бальная музыка отличалась особенною пріятностью и нѣжностью. Изъ танцовавшихъ дамъ и фрейлинъ всѣ порхали граціозно; брилліантовъ было много, красавицъ было мало. Изъ кавалеровъ особенно отличался Хрущовъ, преображенскій капитанъ, и не посчастливилось офицеру конно-гвардейскому, о которомъ государь замѣтилъ Орлову, полковому командиру, что онъ слишкомъ подскакиваетъ, что это неприлично или пренебреженіе.—На сторонѣ эрмитажной былъ устроенъ буфетъ: рядъ большихъ растворочныхъ дверей были по бокамъ развѣшены и украшены золотыми блюдами сверху до низу; тамъ просилъ я для себя чашку чаю: каково же было мое удивленіе, когда я, принявъ чашку изъ рукъ официанта, увидѣлъ

*

дерзкую руку, которая просунулась сзади меня и выхватила мою чашку! Я обернулся мигомъ и увидѣлъ съ моею чашкою новаго моего дивизіоннаго начальника Николая Павловича: онъ, отвѣдавъ чай, сдѣлалъ выговоръ официанту за худой чай и приказалъ мнѣ подать лучшаго.—Я понялъ, что онъ желалъ оказать ласку одному изъ своихъ новыхъ подчиненныхъ; до той минуты онъ замѣтилъ меня только на разводахъ по 1-му отдѣленію, занимавшихъ караулы во дворцѣ зимнемъ и въ его аничковскомъ.—Ужинъ былъ на славу, а царскій столъ, особо накрытый посреди столовой для царской семьи, былъ на чудо! Этотъ столъ окруженъ и украшенъ былъ цвѣтущими деревьями, лучшими цвѣтами, множествомъ гіацинтъ и нарцисовъ. По окончаніи ужина генералы тѣснились одинъ предъ другимъ, чтобы сорвать цвѣточекъ.—Офицеры за длинными столами, въ перемежку, не по полкамъ, требовали лучшихъ винъ и ѣли и пили на убой, и говоръ, сперва тихій, становился все громче, и веселѣе по числу опорожненныхъ бутылокъ бургонскаго — Кло-де-Вужо и шампанскаго-Клико.

Мысль о женитьбѣ не покидала меня; выборъ былъ мною сдѣланъ, но какъ было приступить, когда я не имѣлъ независимаго собственнаго моего состоянія. Со всею любовью, со всѣми лучшими намѣреніями, я не могъ предложить моей избранной никакихъ удобствъ жизни; не знаю, гордость ли или чувство независимости, не позволяли думать о томъ, чтобы жена питала мужа. Къ счастью моему, избранная моя была круглая сирота. Отецъ ея, Василій Федоровичъ Малиновскій, получивъ классическое образованіе въ университетѣ, путешествовалъ съ пользою и съ научною цѣлью по Германіи, Франціи и Англіи. Онъ отлично зналъ новѣйшіе языки европейскіе и древніе, евреевъ, грековъ и римлянъ. Чрезвычайная скромность и глубокая религіозность составляли отличительныя черты его характера. Въ часы досуга отъ службы въ иностранной коллегіи, перевелъ онъ на русскій языкъ прямо съ подлинника греческаго—Новый Завѣтъ, а изъ Ветхаго, съ еврейскаго—псалтырь, книгу Бытія, Притчи Соломоновы, Эклезіастъ, книгу Іова; многіе изъ его переводовъ и рукописей хранятся у жены моей. Въ царствованіе императора Павла былъ онъ назначенъ консуломъ въ Яссы; нѣсколько лѣтъ исправлялъ онъ эту должность такъ совѣстливо, такъ полезно, что жители Яссы долго хранили память о примѣрномъ его безкорыстіи. По интригамъ въ столицѣ, по искательству грека, былъ онъ отозванъ чрезъ пять лѣтъ, въ 1805 году, возвратился въ Петербургъ въ иностранную коллегію, съ небольшимъ серебрянымъ кубкомъ, съ единственнымъ подаркомъ, который онъ согласился принять отъ признательныхъ жителей въ день выѣзда; между тѣмъ какъ консулы возвращались оттуда и вывозили столько денегъ и шалей турецкихъ, что покупали себѣ дома и помѣстья.—Онъ былъ по службѣ въ близкихъ сношеніяхъ съ министромъ Чарторыжскимъ, былъ членомъ благотворительнаго общества, которое съ неутомимою дѣятельностью отыскивало бѣдныхъ и помогало имъ. Напечатавъ замѣчательную книжку свою—«О мирѣ и войнѣ»,—издавъ небольшой журналъ—«Осенніе вечера»—и бывъ извѣстенъ своею чистою любовью къ отечеству, обратилъ онъ на себя вниманіе вліятельныхъ лицъ, такъ что императоръ Александръ, когда въ 1811 году основалъ разсадникъ для лучшаго воспитанія русскаго юношества, назначилъ его директоромъ императорскаго Царскосельскаго лицея.—Товарищъ мой И. И. Пущинъ, воспитанникъ лицея, въ позднѣйшихъ запискахъ своихъ, напечатанныхъ въ Атенеѣ, въ Москвѣ, въ 1858 году, описывая день открытія лицея въ

присутствіи императора, выставилъ директора въ крайнемъ смущеніи. Малиновскій былъ необыкновенно скроменъ и проникнутъ важностью церемоніи, въ первый разъ въ жизни говорилъ съ государемъ, и долженъ былъ произне сти рѣчь, которая десятки разъ была переправлена предварительною цензурою: такъ мудрено ли, что онъ былъ смущенъ? и диво ли, что природа не дала ему голоса лихого баталіоннаго командира предъ фронтомъ?—Безмѣрные и постоянные труды ослабили его зрѣніе, разстроили его здоровье. Въ 1812 году лишился онъ домашняго своего счастья, примѣрной жены своей, а въ 1814 году, пробывъ слишкомъ два года директоромъ, скончался на мѣстѣ должности, въ такой бѣдности, что родной братъ похоронилъ его на свои средства.

Мать моей избранной, Софья Андреевна, была вторая дочь Андрея Афанасьевича Самборскаго, бывшаго священникомъ при нашей миссіи въ Лондонѣ до 1781 года, гдѣ женился на англичанкѣ, и откуда, въ царствованіе Екатерины II, вывезъ въ Россію усовершенствованныя земледѣльческія орудія и машины, сѣмена, домашнихъ птицъ, даже свиней; еще нынѣ земледѣльческія общества и учебныя фермы съ благодарностью вспоминаютъ его заслуги по части сельскаго хозяйства; онъ былъ дѣятельнымъ и дѣйствительнымъ членомъ экспедиціи государственнаго хозяйства отъ 1787 до 1799 года. По своему образованію имѣлъ онъ постоянно въ виду славу и пользу своего отечества. Въ Лондонѣ былъ онъ очень полезенъ для русскихъ чиновниковъ и путешественниковъ своими совѣтами и руководствомъ, по совершенному знанію англійскаго языка и по умѣнью распознавать людей. По назначенію императрицы Екатерины сопутствовалъ онъ наслѣдника престола и супругу его Марію Федоровну въ путешествіи ихъ по Европѣ въ 1781 году. Послѣ того назначенъ былъ наставникомъ и духовникомъ великихъ князей Александра и Константина, управлялъ школою земледѣлія близъ Царскаго села, а въ 1799 году опредѣленъ императоромъ Павломъ въ духовники къ великой княгинѣ Александрѣ Павловнѣ, эрцгерцогинѣ Австрійской, палатинѣ Венгерской, находился при ней въ Вѣнѣ и въ Венгріи до кончины ея въ 1801 году. Устроивъ тамъ церковь греко-русскую, путешествовалъ по Греціи, прожилъ нѣсколько времени въ Украйнѣ, на своей родинѣ, въ пожалованномъ ему помѣстьѣ императоромъ Павломъ. Въ деревнѣ онъ всячески старался о нравственномъ и вещественномъ преобразованіи крестьянскаго быта. Выписалъ хорошаго доктора, устроилъ больницу, и спасъ жителей отъ страшно распространившейся сифилитической болѣзни. Завелъ школу, хозяйство на иностранный ладъ, сырницу и проч. Еще нынѣ хранятся въ его Каменкѣ англійскіе плуги.—Онъ возвратился въ Петербургъ, гдѣ ему дозволено было имѣть свою домовую церковь. Домъ Самборскаго, на углу Литейной и дворцовой набережной, въ коемъ нынѣ устроена казарма артиллерійская, былъ его домомъ, въ коемъ онъ принималъ пріѣзжихъ изъ губерній съ радушіемъ. Въ его домѣ родился С. И. Муравьевъ-Апостолъ, когда родители его прибыли въ Петербургъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Многимъ землякамъ изъ всѣхъ состояній и сословій открывалъ онъ поприще: такъ М. М. Сперанскому и Н. М. Лонгинову.—Когда онъ продалъ домъ свой, то императоръ Александръ предложилъ ему квартиру въ Михайловскомъ замкѣ, гдѣ онъ на рукахъ старшей дочери своей Анны Андреевны, скончался въ 1815 году, на 76-омъ году своей подвижной и полезной жизни. О немъ можно сказать, что онъ по образованію и понятіямъ своимъ, опередилъ своихъ современниковъ на цѣлое столѣтіе. Часть духовенства православнаго соблазнялась тѣмъ, что онъ брилъ бороду и внѣ службы

носилъ сюртукъ и круглую шляпу, брилліантовый крестъ на андреевской лентѣ и анненскую звѣзду, украшенную алмазами.

Изъ семейства В. Ф. Малиновскаго три сына и три дочери остались бы въ совершенномъ сиротствѣ, если бы не имѣли любящихъ покровителей въ родномъ дядѣ со стороны отца—Павлѣ Федоровичѣ Малиновскомъ и въ родной теткѣ со стороны матери—Аннѣ Андреевнѣ Самборской, которые всѣми средствами обезпечивали нужды ихъ довольствомъ, даже роскошью, и замѣняли имъ любящихъ родителей. Это обстоятельство примиряло меня съ моимъ недоумѣніемъ; влеченіе сердца придало рѣшимость; я сталъ чаще навѣщать ихъ домъ, былъ всегда ласково принятъ. Павелъ Федоровичъ Малиновскій былъ младшій изъ трехъ братьевъ; старшій, Алексѣй Федоровичъ, сенаторъ—попечитель страннопріимнаго дома графа Шереметева въ Москвѣ и сотрудникъ Карамзина при доставленіи ему источниковъ изъ архива по русской исторіи.—П. Ф. въ молодости находился на службѣ при фельдмаршалѣ Салтыковѣ, участовалъ при взятіи штурмомъ Очакова, и красивою и пріятною наружностью обратилъ на себя вниманіе императрицы Екатерины и Потемкина— По гражданской службѣ производство его въ чины шло такъ быстро, что онъ, имѣвъ съ небольшимъ тридцать лѣтъ отъ роду, былъ уже въ чинѣ д. с. совѣтника и назначенъ директоромъ государственнаго ассигнаціоннаго банка; теперь вижу его подпись на всѣхъ ассигнаціяхъ, замѣненныхъ въ слѣдовавшемъ царствованіи депозитными билетами. Особенно благоволилъ къ нему и питалъ неограниченную довѣренность графъ Н. П. Шереметевъ, и въ своемъ духовномъ завѣщаніи, взявъ отъ него честное слово, назначилъ его душеприказчикомъ и попечителемъ, или опекуномъ, вмѣстѣ съ Данауровымъ, къ малолѣтнему единственному сыну своему графу Дмитрію Николаевичу. По кончинѣ завѣщателя П. Ф. оставилъ службу государственную, вышелъ въ отставку и посвятилъ себя юному питомцу, съ которымъ жилъ неотлучно до его совершеннолѣтія, въ огромныхъ палатахъ на Фонтанкѣ. Большая отвѣтственность, всегдашняя принужденность, церемонность, быть въ чужомъ домѣ хозяиномъ,— все это тяготило его, хотя и получалъ щедрое возмездіе деньгами и дарами, пока, по достиженіи совершеннолѣтія питомца, въ 1824 году, не переѣхалъ жить въ собственный домъ свой, на Шестилавочной улицѣ, на зиму, а на лѣто переѣзжалъ на красивую дачу свою, на Бѣлозерку, между Царскимъ селомъ и Павловскомъ, гдѣ нынѣ устроена больница для гвардейской кирасирской дивизіи, по стараніямъ великаго князя Михаила Павловича.

Близкая связь моя со старшимъ племянникомъ П. Ф., И. В. Малиновскимъ, моимъ сослуживцемъ, придавали мнѣ надежду на успѣхъ, и я уже имѣлъ на то согласіе моихъ родителей.

Служба моя шла какъ нельзя лучше. Начальники отличали меня, товарищи любили меня, а солдатики знали, что я страстно любилъ ихъ и что въ знаніи службы, какъ выражались въ то время, собаку съѣлъ. Въ службѣ военной испыталъ я то же, что бываетъ во всякой другой и во всякомъ состояніи и званіи: когда найдутъ исправнаго усерднаго человѣка, то на него наваливаютъ всѣ должности. Такъ наряжали меня въ караулъ по первому отдѣленію съ чужими баталіонами, назначали всегда въ самые почетные и безпокойные караулы во дворцахъ и на видныхъ, многолюдныхъ мѣстахъ въ городѣ. Въ лагерное время являлся всегда ординарцемъ къ государю, а послѣ лагеря поручали мнѣ учебныя команды. Служба всячески везла

мнѣ, какъ выражались тогда: самолюбію, тщеславію, надеждѣ на блистательное поприще было пищи и задатковъ довольно; но сердце не удовлетворялось похвалами въ приказахъ, казарменною бесѣдою объ ученьяхъ, а въ карты перестал играть давно.

Такъ наступилъ 1825 годъ съ надеждами и ожиданіями. 14 февраля рѣшился я просить руки Анны Васильевны Малиновской. Получивъ напередъ согласіе дяди и тетки, замѣнявшихъ ей отца и мать, я обратился самъ къ избранной мною. Помню, что это было въ субботу вечеромъ; мы сидѣли въ кабинетѣ дяди; я заранѣе затвердилъ рѣчь съ предложеніемъ, которую забылъ въ эту торжественную минуту, и просто и кратко, съ чистымъ сердцемъ, предложилъ ей мою любовь и дружбу, которыя донынѣ, при пересмотрѣ моихъ записокъ, свято хранилъ въ продолженіе 45-ти лѣтъ, и невѣста моя также свято сдержала данное мнѣ слово. Полученное согласіе исполнило меня счастьемъ, я почувствовалъ въ себѣ новыя силы. Лихой извозчикъ умчалъ меня на Васильевскій островъ. Въ казармѣ, въ квартирѣ Малиновскаго еще горѣли свѣчи; я вбѣжалъ къ нему: мы обнялисъ какъ братья. Чрезъ минуту вошелъ другой сослуживецъ мой Рѣпинъ. «Николай Петровичъ!», спросилъ я, «знаешь ли, кто изъ нашихъ товарищей свалился рожей въ грязь?»—такъ выражался онъ обыкновенно, когда извѣщали его о женитьбѣ.—А кто?—подхватилъ онъ съ насмѣхающейся улыбкой. «Это я!».—Что ты братецъ мой надѣлалъ! на комъ же?—Когда онъ узналъ, что на сестрѣ Малиновскаго, то отрекся въ этомъ случаѣ отъ принятаго своего убѣжденія, велѣлъ подать шампанскаго и искренно поздравилъ.

19 февраля 1825 года совершено было обрученіе протоіереемъ Н. В. Музовскимъ. Съ невѣстою моей былъ я соединенъ не однимъ обручальнымъ кольцомъ, но единодушіемъ въ нашихъ желаніяхъ и взглядахъ на жизнь. Въ тотъ вечеръ мы долго бесѣдовали наединѣ. Казалось, что мы уже вѣкъ были знакомы; душа откровенно слилась съ душою, и слезы полились обильно у меня, и дыханіе замирало; невѣста смутилась. Я былъ не изъ числа жениховъ театральныхъ, преклоняющихъ колѣна свои предъ невѣстою, лобызающихъ ея ручки и ножки и разсыпающихся въ клятвахъ любви и вѣрности. Нервы мои не выдержали прилива сильныхъ душевныхъ ощущеній, они разразились въ слезахъ и рыданіяхъ, а изъ слыхавшихъ это въ смежной комнатѣ,—чрезъ годъ спустя, по моемъ осужденіи въ ссылку,—приписывали это внутреннему упреку или раскаянію: они взрывовъ истиннаго счастья не знали! 19 февраля вполнѣ для меня день счастливый; число это вырѣзано на обручальномъ кольцѣ моемъ, а съ 1861 г. этотъ день сталъ еще счастливѣе, знаменательнѣе и славнѣе. Я ношу его на правой рукѣ на четвертомъ пальцѣ. Странно, что въ 1860 году лѣтомъ, этотъ палецъ такъ распухъ отъ воспаленія, что невозможно было снять колечко. Деревенскій фельдшеръ Григорій распилилъ его, а въ февралѣ 1861 г., до появленія манифеста объ освобожденіи крестьянъ, онъ былъ снова спаенъ и снова увеличилъ мое счастье. 21-го февраля, послѣ ученья въ манежѣ, поздравилъ меня великій князь Николай Павловичъ, узнавъ отъ духовника своего о моемъ обрученіи. 22-го уѣхалъ я въ Ревель, чтобы раздѣлить мою радость съ родителями, получить ихъ благословеніе и помочь къ уплатѣ моего картежнаго долга, на что они охотно согласились.

Добрѣйшая мать моя со всею подробностью разспрашивала меня о моей не-

вѣстѣ, о нравѣ ея, объ образованіи, о талантахъ, о наружности, съ головы до ногъ; каждымъ отвѣтомъ она оставаласъ очень довольна. Она по продолжительной болѣзни своей постоянно лежала въ постели, и не могла видѣть моей невѣсты въ Ревелѣ, гдѣ видалъ и узнавалъ ее отецъ мой; но она не довольствовалась описаніемъ и отзывомъ отца моего. Когда я кончилъ описаніе и, наконецъ, сказалъ ей, что моя Annette—ангелъ земной, то она улыбнулась и замѣтила тихимъ голосомъ: «Дай Боже, чтобы всегда было такъ! А то всѣ дѣвицы, пока ищутъ себѣ жениховъ, бываютъ ангелами и голосомъ, и поступками, и обхожденіемъ, но отчего же жены бываютъ дьяволы?» Я отвѣтилъ: «Это все отъ мужей!», и мы вмѣстѣ расхохотались. Мнѣ хорошо было смѣяться, потому что я былъ увѣренъ въ моемъ лучшемъ жребіи.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, заѣхалъ сперва въ казармы къ И. В. Малиновскому и вручилъ ему пакетъ въ синей бумагѣ съ четырьмя тысячами рублями, за выкупленный мой вексель по картежному проигрышу. Съ тѣхъ поръ до сегодня Богъ миловалъ и помогалъ прожить безъ долговъ, и всѣхъ прошу остерегаться ихъ пуще дьявола. Свиданіе съ невѣстою было чистою радостью обоюдною: я передалъ ей скромный подарокъ мой—колечко и шелковую матерію. Кажется, что никогда и нигдѣ женихъ въ моихъ обстоятельствахъ не дарилъ такъ мало, и что никогда невѣста не была такъ довольна, какъ моя. Зато я былъ женихъ безъ долговъ!

Только нѣсколько дней могъ я проводить съ невѣстою, потому что служба звала меня въ Ораніенбаумъ, гдѣ собиралась новая моя учебная команда. Въ это время благороднѣйшій полковой командиръ мой, В. Н. Шеншинъ, назначенъ былъ бригаднымъ начальникомъ 1-ой бригады, а Н. Ф. Воропановъ былъ уже четвертый мой полковой командиръ. Въ Ораніенбаумѣ удалось мнѣ два раза обращать на себя особенное вниманіе моего дивизіоннаго начальника великаго князя Николая Павловича. Въ первый разъ, когда я въ его присутствіи вступилъ въ дворцовый караулъ: съ параднаго мѣста повелъ караульный взводъ различными поворотами фронтомъ, а подошедъ къ крытымъ воротамъ дворца, повелъ рядами лѣвымъ флангомъ и, когда поровнялся со старымъ карауломъ и скомандовалъ «стой!», «во фронтъ!», и потомъ—«глаза на право!», то его высочество, прихлопнувъ рукою о правой своей ляжкѣ, воскликнулъ: «Вотъ оно! знаетъ свое дѣло! славно!». Всѣ остальныя продѣлки при смѣнѣ караула, при вступленіи на платформу были мною исполнены со щегольствомъ и безъ ошибки. Ружья были уже поставлены въ сошки, я съ карауломъ стоялъ за сошками, тогда его высочество подошелъ ко мнѣ, благодарилъ за знаніе дѣла, и потомъ, обнявъ обѣими руками вершину одной изъ старинныхъ неточеныхъ сошекъ, сказалъ съ чувствомъ: «Это еще сошка отца моего!» До обѣда былъ присланъ ко мнѣ адъютантъ его Кавелинъ съ изъявленіемъ благодарности отъ его высочества, послѣ обѣда повторилъ то же другой его адъютантъ Адлербергъ; а когда его высочество садился въ свою коляску, стоявшей у крыльца, противоположнаго моей караулкѣ, то издали привѣтствовалъ меня движеніемъ руки. Въ другой разъ получилъ опять благодарность, когда въ послѣднихъ числахъ марта представилъ мою учебную команду въ одинъ и тотъ же день съ командами отъ полковъ Измайловскаго, Павловскаго и Егерскаго; начальниками командъ были графъ Ламздорфъ, Сухановъ и Крыловъ; моя очередь была послѣдняя. Они представили команду въ одной линіи, унтеръ-офицеровъ отдѣльно отъ рядовыхъ, отчего прямая линія, по росту людей, была переломана; они такъ и учили ихъ въ манежѣ.

Я же, для лучшаго наблюденія за правильностью движеній и ружейныхъ пріемовъ, не обращалъ вниманія на унтеръ-офицерскій галунъ, ставилъ между ними по росту и рядовыхъ, потому что назначеніе тѣхъ и другихъ состояло въ томъ, чтобы учить другихъ. Товарищи мои предупредили меня, что за это мнѣ достанется, на что каждый разъ отвѣчалъ: «А мнѣ что за дѣло! Было бы только хорошо!» При осмотрѣ первыхъ трехъ командъ, его высочество подходилъ къ нимъ, здоровался и потомъ лично передавалъ командныя слова офицеру. Въ мою очередь я не допустилъ его до фланга шаговъ на пятьдесятъ, скомандовалъ «на караулъ!» и подошелъ къ нему съ рапортомъ. Онъ былъ видимо доволенъ, и чѣмъ дальше и больше училъ, тѣмъ все лучше и лучше, и слава моя прогремѣла по всѣмъ полкамъ.

Казалось, сама природа создала меня быть экзерцирмейстромъ, потому что эта наука не стоила мнѣ ни труда, ни большихъ приготовленій, какъ большей части моихъ сослуживцевъ. Глазъ, привыкшій съ малолѣтства къ порядку и къ симметріи, ростъ мой и тѣлосложеніе, звучный голосъ, знаніе устава, а всего больше—любовь и привязанность ко мнѣ солдатъ, сдѣлали изъ моей учебной команды одну изъ лучшихъ.

Иногда во время обученья въ манежѣ приходили смотрѣть офицеры; въ числѣ зрителей находился саперный полковникъ Люце, одинъ изъ совершенныхъ знатоковъ своего дѣла, передъ которымъ я пасую. Отучивъ часъ и распустивъ команду, я просилъ его сказать мнѣ откровенно свои замѣчанія.—Пріемы всѣ хороши и правильны,—сказалъ онъ,—шагъ хорошъ, равненіе превосходно, но въ стойкѣ чего-то не достаетъ.—А именно? Научите меня, прошу васъ; критикуйте, да только скажите.—«При стойкѣ прикажите людямъ прижать, сжимать заднія щеки, и будетъ тотчасъ другая стойка и выправка; этотъ секретъ я только вамъ передаю, потому что вижу, что вы до тонкости знаете дѣло!»—Этотъ архи-профессоръ въ обученіи солдатъ отвѣтилъ генералу К. И. Бистрому, спросившему его мнѣнія объ учившемся 1-омъ баталіонѣ л. г. Егерскаго полка:—«Хорошъ, ваше превосходительство, славно учится, но когда стоитъ на мѣстѣ, то жаль, что примѣтно дыханіе солдатъ; видно, что они дышутъ». (Однажды, въ Аничковскомъ дворцѣ, представилъ я ординарцевъ его высочеству; тамъ собраны были полковые и баталіонные командиры; его высочество разсуждалъ о введеніи новаго ружейнаго пріема, стоялъ съ ружьемъ въ рукахъ и объявилъ свое намѣреніе—представить на разрѣшеніе государя перемѣну одного пріема, чтобы при первомъ темпѣ *на караулъ!* ружье было бы спущено во всю лѣвую руку, потому что это представляетъ болѣе удобства, а когда скомандуютъ *на руку!* то пріемъ по новому темпу будетъ также легче и по дорогѣ.—Всѣ слушали съ благоговѣніемъ и одобрили мнѣніе, какъ вдругъ полковникъ Люце замѣтилъ: ваше императорское высочество когда скомандуютъ *товсъ!* (изготовься къ стрѣльбѣ), то пріемъ такой, по новому, не будетъ по дорогѣ».—Его высочество отступилъ шагъ назадъ, приложился ружьемъ прямо штыкомъ къ носу Люце и сказалъ:—ахъ ты носъ! проклятый носъ! мнѣ это въ голову не приходило.—У Люце былъ весьма широкій носъ, тавлинкой).

Когда я пріѣхалъ въ Петербургъ и явился новому полковому командиру, то молва о моихъ Ораніенбаумскихъ подвигахъ уже предупредила меня, и онъ осыпалъ меня, какъ умѣлъ, пріятнѣйшими похвалами. За разводомъ по 1-ому отдѣленію въ дворцовомъ экзерцигаусѣ или манежѣ его высочество взялъ меня подъ руку, прошелся такъ со мною вдоль манежа и изъявилъ мнѣ свое благоволеніе. Упоминаю объ этихъ давно минувшихъ обстоятельствахъ, чтобы указать съ какими достоинствами и

знаніями можно было въ то время легко выйти въ люди и получить значеніе, а также, чтобы сказать въ похвалу моихъ сослуживцевъ, что никто изъ нихъ не обнаруживалъ зависти, но, напротивъ того, радовались моимъ успѣхамъ, какъ справедливой дани за постоянную исправность и за знаніе службы. Педантомъ не былъ никогда; хотя въ одномъ случаѣ можно было почитать меня таковымъ: всегда, во всякое время, даже въ ночное, когда за полночь возвращался домой по пустыннымъ отдаленнымъ линіямъ Васильевскаго острова, соблюдалъ я строжайшую форму въ одеждѣ; шляпу треугольную носилъ всегда по формѣ поперекъ, хотя это часто и лѣтомъ и зимой вредило глазамъ моимъ. Кто судилъ меня по форменной одеждѣ, тотъ могъ называть меня педантомъ, или оригиналомъ, или выскочкой, какъ прозывали тѣхъ, которые всѣми средствами старались отличиться предъ другими. У меня была на то другая причина: въ первые годы моей службы, еще въ 1818 году, когда Н. М. Сипягинъ былъ начальникомъ штаба, то онъ самъ, и графъ М. А. Милорадовичъ, и Я. А. Потемкинъ, и вообще генералы щеголи или франты, а за ними и офицеры, носили зеленые перчатки и шляпу съ поля. Лѣтомъ, въ теплую погоду, отправился чрезъ Исаакіевскій мостъ для прогулки; подъ разстегнутымъ мундиромъ виденъ былъ бѣлый жилетъ, шляпа надѣта была съ поля, а на рукахъ зеленые перчатки, однимъ словомъ, все было противъ формы, по образцу тогдашняго щеголя. Съ Невскаго проспекта повернувъ въ Малую Морскую, встрѣтилъ императора Александра; я остановился, смѣшался, потерялся, успѣлъ только повернуть поперекъ шляпу. Государь замѣтилъ мое смущеніе, улыбнулся, и, погрозивъ мнѣ пальцемъ, прошелъ и не сказалъ ни слова. Я нанялъ извозчика, поскакалъ на квартиру и былъ въ нерѣшимости, сказать ли о случившемся полковому командиру или выждать, когда сдѣлаютъ запросъ по начальству? Я молчалъ—но долго съ безпокойствомъ ожидалъ послѣдствій этой встрѣчи; за такую вину переводили въ армейскіе полки, или цѣлый мѣсяцъ держали на гауптвахтѣ подъ строгимъ арестомъ. Запросовъ въ полкъ не было по этому случаю, и съ тѣхъ поръ я далъ себѣ слово свято соблюдать форму, что и сдержалъ до послѣдняго часу моей службы.

19 апрѣля 1825 г. совершено было мое бракосочетаніе въ полковой церкви, въ присутствіи всѣхъ офицеровъ. Полковые пѣвчіе, освѣщеніе полковой церкви и всей ограды полкового госпиталя, придали всему больше торжественности. Посаженными съ моей стороны были М. С. Перскій и М. Ф. Тулубьева, а со стороны невѣсты—П. Ф. Малиновскій и Н. Ф. Плещеева. Они съ шаферами проводили насъ до новой, хорошо убранной, квартиры, въ 3-ей линіи, между Среднимъ проспектомъ и Малою Невою. Поднесли чаю, шампанскаго и конфекты, пили за здоровье новобрачныхъ, и разъѣхались.—Я тотчасъ надѣлъ старый рабочій сюртукъ мой, и былъ съ женою какъ будто всегда жили вмѣстѣ. На третій день обѣдали у насъ всѣ офицеры полка. Послѣ обѣда П. И. Гречъ смѣшилъ всѣхъ, напоминая нашу совмѣстную жизнь въ маленькихъ квартирахъ и нашу опасность при наводненіи 7 ноября 1824 года, когда я спасся на баркѣ, а онъ на крышѣ караульни въ галерной гавани, и вызвалъ общій смѣхъ лаконическимъ разсказомъ, какъ полковой нашъ священникъ съ дежурнымъ офицеромъ при полковомъ госпиталѣ, въ день наводненія, смотрѣли изъ окна на Смоленское поле, и первый сказалъ со вздохомъ:—«ахъ! если бы я могъ достать лодку, я спасъ бы многихъ!»—«Есть лодка на заднемъ дворѣ», возразилъ Челяевъ—«прикажете подвести?»—«да ве-

селъ нѣтъ!»—«сейчасъ достану весла».—«грести не умѣю!»—«я за гребца»—«рулемъ править не умѣю».

Въ четвертый день послѣ свадьбы назначено было дѣлать обычные визиты; но ночью показался ладожскій ледъ на Невѣ, мостъ былъ разведенъ, на что мы съ женою нисколько не пеняли. Наше маленькое хозяйство было хорошо устроено, прислуга была усерднѣйшая, требованія наши были скромны, имѣли одно желаніе взаимнаго счастья. По окончаніи визитовъ, продолжавшихся три дня, мы принимали посѣщенія, а когда чрезъ двѣ недѣли окончился срокъ моего отпуска, мы перебрались въ Ораніенбаумъ къ моей учебной командѣ. Въ маѣ были дни прекрасные; мѣстность предлагала лучшія прогулки и пѣшкомъ, и на дрожкахъ, и въ лодкѣ; дни и часы всѣ были счастливые и слишкомъ скоро проходили. Однажды засталъ жену въ слезахъ; съ безпокойствомъ спросилъ о причинѣ: ей было какъ-то неловко отвѣтить; наконецъ, призналась, что среди безпрерывнаго счастья иногда приходила грустная мысль, что такое счастье, какъ наше, не можетъ долго продолжаться.

Въ концѣ мая полкъ выступилъ въ лагерь, въ Красное село. Служба была строгая; палатка его высочества была въ шестнадцати шагахъ отъ моей палатки. Его высочество былъ взыскателенъ по правиламъ дисциплины и потому, что самъ не щадилъ себя; особенно доставалось офицерамъ.—Въ жаркій день, когда мы были уже утомлены отъ ученья, а его высочество былъ не въ духѣ, раздосадованъ,—онъ протяжно запѣлъ штабъ-горнисту сигналъ бѣглаго шага. Мы побѣжали, а онъ звонкимъ голосомъ кричитъ:—«Кирасиры! что вы топчетесь на одномъ мѣстѣ? Подымайте ноги!»—и, провожая насъ галопомъ, началъ угощать до того времени еще не водившимися любезностями и ругательствами. Наконецъ велѣлъ трубить отбой, мы остановились: онъ подъѣхалъ къ нашимъ колоннамъ блѣдный, самъ измученный зубною болью, и какъ выражались тогда—пошелъ писать и выговаривать: скверно! мерзко! гадко! и то дурно, и то не хорошо, и того не знаете, и того не умѣете,—наконецъ, когда досада переполнилась, онъ прибавилъ: «все что въ финляндскомъ мундирѣ,—все свиньи! слышите ли, все свиньи!»—повернулъ коня и уѣхалъ.—Въ лагерѣ собрались мы у баталіонныхъ командировъ и объявили, что послѣ такой выходки нельзя оставаться въ этомъ полку; но какъ время къ поданію просьбъ въ отставку было назначено съ сентября по январь, слѣдственно такое прошеніе или требованіе всею массою офицеровъ о переводѣ въ армейскіе полки, будетъ принято за бунтъ, то положено было начать отъ каждаго чина, по жеребью, и выходить изъ полка. Толковали до вечерней зари, толки перешли въ другіе полки, и, разумѣется, дошли и до его высочества—Пріѣхалъ бывшій командиръ нашъ Шеншинъ въ финляндскомъ мундирѣ, уговаривалъ, упрашивалъ, обижался, если мы подумаемъ только, что въ немъ меньше чести, нежели въ офицерахъ, но все это были промахи; наконецъ, нашелся и переубѣдилъ, сказавъ:—«Господа я вамъ докажу ясно и непреложно, что его высочество даже въ пылу гнѣва и досады не думалъ о васъ и не могъ насъ обидѣть, зная хорошо, что государь императоръ, августѣйшій братъ его, чрезъ каждые семь дней носитъ нашъ мундиръ».—На другой день его высочество, послѣ ученья, подошелъ къ нашему офицерскому кругу и слегка коснулся вчерашняго дня, и слегка извинился. Но чрезъ двѣ недѣли намъ опять досталось послѣ того, какъ полковникъ П. Я. Купріяновъ, по близорукости или забывчивости, на баталіонномъ ученьи, удаливъ взводнаго офицера и не замѣтивъ, что за этимъ взводомъ замыкалъ

подпоручикъ Бѣличъ, приказалъ командовать унтеръ-офицеру.—Пошли объясненія вызовы на поединокъ, но онъ дѣйствительно этого не зналъ и не видѣлъ, былъ, напротивъ, особенно хорошо расположенъ къ Бѣличу, извинился вполнѣ удовлетворительно, и дѣло кончилось по-семейному, но не понравилось его высочеству.—На первомъ ученіи послѣ этого случая онъ выказалъ свое неудовольствіе: онъ видѣлъ въ вызовѣ нарушеніе дисциплины, и послѣ ученья, изложивъ сдѣланныя ошибки, прибавилъ:—«господа офицеры, займитесь службою, а не философіей: я философовъ терпѣть не могу: я всѣхъ философовъ въ чахотку вгоню!»

Лагерная стоянка и служба кончалась всегда общими маневрами, которые продолжались до четырехъ дней. Ночь проводили гдѣ приходилось—въ полѣ, близъ опушки лѣса, при дорогѣ, все по предварительнымъ расписаніямъ. Двѣ ночи его высочество съ адъютантами ночевалъ на сырой землѣ, въ трехъ шагахъ отъ меня и моего взвода, потому что ставка его расположена была между 1-ымъ баталіономъ Финляндскаго полка и 3-имъ баталіономъ Егерскаго полка, нынѣ Гатчинскаго. Маневры кончились благополучно. Генералъ Шеншинъ, ловкимъ занятіемъ позиціи для артиллеріи, отрѣзалъ непріятелю переправу, и остался побѣдителемъ.

Къ 22-му іюля перешли мы въ Петергофъ къ празднованію Марьина дня: въ этомъ году гостили во дворцѣ сестры и зятья царскіе—герцогъ Саксенъ-Веймарскій съ Маріей Павловной и принцъ Оранскій съ Анной Павловной. Въ день отъѣзда гостей стоялъ я въ караулѣ во дворцѣ и былъ свидѣтелемъ какъ императоръ Александръ, при послѣднемъ прощаніи съ ними, не только плакалъ, но рыдалъ; это обстоятельство было впослѣдствіи приписано его предчувствію о близкой кончинѣ своей.—Въ началѣ августа воротился я въ Ораніенбаумъ; въ день моего вступленія въ караулъ прибылъ туда императоръ и остался ночевать. Поздно вечеромъ, по пробитіи зори, часовой вызвалъ караулъ: мы стали подъ ружье, я видѣлъ государя, прогуливавшагося по плоской крышѣ дворца съ обнаженною головою, съ бѣлою фуражкою въ рукѣ. Онъ остановился въ виду караула, махнулъ фуражкой и распустилъ караулъ, а самъ остался на платформѣ. Онъ долго, долго прохаживался и часто останавливался, погруженный въ размышленіяхъ. Невольно я тогда припоминалъ 1818 и 1819 годы, когда, стоя въ караулѣ въ любимомъ его Каменноостровскомъ маленькомъ дворцѣ, походившемъ на домъ небогатаго частнаго человѣка, видалъ его часто въ саду, какъ онъ бодро и весело прохаживался по сиреневой аллеѣ—когда она цвѣла—и какъ онъ, для бо̀льшаго наслажденія благоуханіемъ, навѣвалъ его на себя бѣлымъ платочкомъ. Тогда слава его на конгрессахъ еще ободряла его, и тогда Меттернихъ былъ скромнѣе въ изображеніи страшилищъ университетовъ германскихъ, будто бы грозящихъ свѣтопреставленіемъ.

Въ хорошую, тихую погоду поплылъ я съ женою на катерѣ изъ Ораніенбаума въ Кронштадтъ, гдѣ ласково были приняты начальникомъ порта М. П. Коробкою и благочестивою его супругою. Осмотрѣвъ гавань, мы навѣстили Авинова и Андрея Лазарева, зятей Коробки; они съ прямодушіемъ моряковъ показывали намъ много рѣдкостей, собранныхъ ими при кругосвѣтныхъ путешествіяхъ. Кромѣ чучелъ животныхъ и различныхъ произведеній земли всѣхъ климатовъ, имѣли они одежды различныхъ народовъ новаго материка и острововъ.—Авиновъ долго жилъ и учился въ Англіи морскому искусству и выговаривалъ русскія слова съ англійскимъ произношеніемъ словъ. Андрей Лазаревъ отличался оригинальностью стараго

моряка даже въ одеждѣ своей; жена его А. М. была очень милая и пріятная женщина; старшая сестрица ея была замужемъ за Дурасовымъ, также морякомъ; единственный братъ ея готовился также въ морскую службу. Все семейство отличалось добродушіемъ и дышало счастьемъ семейнымъ. Старикъ адмиралъ, запечатавъ при мнѣ пакетъ, спросилъ у своей супруги, показывая ей приложенную печать: «скажи мнѣ, мамочка, хорошо ли я это сдѣлалъ?»—и потомъ, обратившись ко мнѣ, замѣтилъ: «совѣтую вамъ всегда и во всемъ сноситься и совѣтываться съ женою, тогда лучше и спокойнѣе живется».

Ораніенбаумъ богатъ живописными окрестностями, не только прелестно расположенными дачами Жадмировскаго, Мордвинова, Чичагова, но и подальше раскинутыми деревнями, какъ Вѣнки и Лаврики.

На зиму мы возвратились въ Петербургъ. Общество офицеровъ л.-гв. Финляндскаго полка въ общей массѣ далеко отстало въ образованности отъ офицеровъ Семеновскаго и Измайловскаго полковъ, въ свѣтскости отъ Кавалергардскаго, въ богатствѣ отъ Гусарскаго, но оно въ массѣ было единодушно, хотя состояло изъ смѣшенія всѣхъ оттѣнковъ различныхъ достоинствъ и недостатковъ. Въ числѣ образованныхъ и начитанныхъ были М. Ф. Митьковъ, Маринъ, Рѣпинъ, Д. Ахлестышевъ; въ числѣ любезныхъ и свѣтскихъ—Малиновскій, князь Ухтомскій, Бѣлевцовъ; въ числѣ положительныхъ и не увлекавшихся—Кусовниковъ, братья Ртищевы, Гречъ, Швейковскій, братья Насакины и Бурнашевы; въ числѣ оригиналовъ—баронъ Саргеръ, Протасовъ, братья Вяткины и Цебриковъ.—Маринъ старался вводить у себя литературные вечера; къ нему собирались разъ въ недѣлю Ознобишинъ, Гречъ, братья Грибовскіе и другіе; но все это не клеилось и было какъ-то натянуто. Достаточные между офицерами имѣли свой кругъ родныхъ и знакомыхъ, посѣщали театры и балы, и только для службы пріѣзжали въ казармы.

Картежъ въ казармѣ и на квартирахъ вольныхъ составлялъ главное развлеченіе и занятіе большинства офицеровъ. Играли съ утра до вечера и съ вечера до утра, когда только служебная должность не отвлекала. Мнѣ невозможно написать біографію каждаго сослуживца, но скажу, что дѣйствительно всѣ офицеры были ребята добрые и честные, безъ франтовства, безъ притязанія на мишурную блистательность. Конечно, большинство офицеровъ добивалось чиновъ, чтобы обезпечить себя службою и доходнымъ мѣстомъ, и выражало верхъ ожидаемаго блаженства своего, когда будетъ въ состояніи имѣть всегда un bon morceau, и свою карету, и пугнуть и давить встрѣчныхъ и поперечныхъ!—приговорка казарменная. Единодушіе всего общества, составленнаго изъ такой смѣси разнородныхъ частей, было примѣрное по чувству и по святости товарищества. Такъ дѣйствовало и отстаивало оно во всѣхъ трудныхъ непредвидѣнныхъ столкновеніяхъ между начальниками и подчиненными или между старшими и младшими; такъ оно дружно общими силами выводило товарища изъ бѣды и затрудненій; такъ поступило оно и съ выбывшимъ изъ полку товарищемъ, который, бывъ казначеемъ, имѣлъ несчастье проиграть казенныя деньги, тридцать тысячъ рублей, былъ лишенъ чиновъ и дворянства и сосланъ въ Сибирь на поселеніе въ 1819 году. Когда Финляндскій полкъ отличился въ 1824 году 7-го ноября при спасеніи людей и имуществъ отъ наводненія, то государь сказалъ Шеншину: «проси у меня, что могу сдѣлать для полка; офицеровъ представь къ наградѣ».—Все обще-

ство офицеровъ просило возвратить на родину сосланнаго товарища Калакуцкаго, и въ тотъ же день государь приказалъ это исполнить.

Съ 1822 года, по возвращеніи гвардіи съ похода въ Литву, замѣтно было, что между офицерами стали выказываться личности, занимавшіяся не одними только ученьями, картами, и уставомъ воинскимъ, но чтеніемъ научныхъ книгъ. Бесѣды шумныя, казарменныя, о прелестяхъ женскихъ, о поединкахъ, попойкахъ и охотѣ, становились рѣже, и вмѣсто нихъ все чаще слышны были сужденія о политической экономіи Сея, объ исторіи, о народномъ образованіи. Мѣсто неугасаемой трубки замѣнили на нѣсколько часовъ въ день книга и перо, и вмѣсто билета въ театръ, стали брать билеты на полученіе книгъ изъ библіотекъ.

Глава третья.

Масонскія, литературныя и тайныя общества.

От 1815 до 1825 года.

Масонство.—Литературныя общества.—Тайное общество.—Раздѣленіе общества на сѣверное и южное.—Открытіе новыхъ обществъ: соединенныхъ славянъ.—Патріотическое общество польское.—О сліяніи Польши съ Россіей.—Тампліеры.—Вселенскій орденъ Возрожденія.—Причина основанія тайныхъ обществъ.

Политическія тайныя общества существовали до царствованія Александра І-го, въ вѣкъ Екатерины ІІ-й, подъ видомъ религіозной цѣли. Образованные люди, не находя пищи для своихъ умственныхъ способностей ни въ государственной службѣ, ни въ частной жизни, уходили въ масонство: оно имѣло для нихъ заманчивость по своей таинственности, по своимъ внѣшнимъ формамъ, по доставленію имъ занятій, бесѣдъ и трудовъ литературныхъ. Вліятельнѣйшими масонами въ Россіи были сначала З. Г. Чернышевъ, И. В. Лопухинъ, Нартовъ, Новиковъ, Радищевъ, Гамалей,—послѣдній въ высшей степени безсребренникъ.

Масонство начало распространяться изъ Англіи въ 1771 году. Начало масонству было положено розенкрейцерами, которые въ XVI столѣтіи, съ основателемъ своимъ И. В. Андреемъ,—I. V. Andreae,—ученымъ писателемъ, уроженцемъ изъ Виртемберга, составили союзъ для общаго очищенія и улучшенія церкви и государства.

Во Франціи составилось общество *мартинистовъ*, основанное мистикомъ L. C. St. Martin, во второй половинѣ XVIII вѣка; онъ сочинилъ извѣстную книгу: «О заблужденіяхъ и объ истинѣ»—des erreurs et de la verité—и много другихъ книгъ; онъ нашелъ себѣ учениковъ и въ Россіи.

Позже, въ 1776 году, былъ основанъ другой орденъ *иллюминатовъ* профессоромъ Вейсгауптомъ въ Ингольштатѣ, въ Баваріи; профессоръ этотъ былъ воспитанъ іезуитами и возненавидѣлъ своихъ воспитателей. По тогдашней страсти къ тайнымъ братствамъ, онъ возмечталъ быть преобразователемъ и составилъ статуты *перфектибилистовъ* — усовершенствователей, *иллюминатовъ* — просвѣтителей. Для внѣшняго устройства ордена онъ принялъ масонскія формы, только вмѣсто піэтизма, мистицизма, шарлатанизма, вкравшихся въ масонство, онъ стремился къ свободѣ мыслей, къ здравому смыслу, и имѣлъ главною цѣлью нравственную дѣятельность. Объ этомъ орденѣ Александръ І-й требовалъ разъясненій отъ Сперанскаго.

Когда масонство перестало быть игрушкою или пустою формальностью и

стало болѣе извѣстнымъ по нравственной и матеріальной силѣ своей, тогда Екатерина II-я признала масоновъ и мартинистовъ за якобинцевъ: начались стѣсненія, развѣдыванія, отъ коихъ больше всѣхъ терпѣлъ Новиковъ [1]).

Императоръ Павелъ покровительствовалъ масонству, также и Александръ I-й; но въ 1822 году 13 апрѣля изданъ былъ указъ на имя министра внутрен. дѣлъ В. П. Кочубея, по коему повелѣно было закрыть всѣ масонскія ложи и взять подписки отъ всѣхъ служащихъ, военныхъ и гражданскихъ, въ томъ, что они обязываются не принадлежать ни къ какимъ ложамъ и тайнымъ обществамъ. Но еще до этого времени, кромѣ масонскихъ ложъ, существовали другія общества, пустившія такіе глубокіе корни, коихъ нельзя было вырвать одними указами.

Въ 1815 году возникло литературное общество «Арзамасъ». Первыми основателями были Блудовъ, Дашковъ, Жуковскій. Оно назвало себя этимъ именемъ по статьѣ Блудова: «Видѣніе въ Арзамасѣ, изданное обществомъ ученыхъ людей». Статья эта написана была по случаю отправленія художника Ступи въ Арзамасъ, для основанія школы живописи. Ступинъ хотѣлъ грубую арзамасскую живопись возвести въ искусство и образовать тамъ академію; оттого вышло названіе общества «Арзамасской академіи» или «Арзамасскаго ученаго общества» [2]). Общество это смолкло въ 1818 году и нашло себѣ подражателей въ основателяхъ общества «Соревнователей просвѣщенія и благотворительности».

Даже между военными составились литературныя общества или кружки, или вечера, въ гвардейскихъ полкахъ, особенно въ старомъ Семеновскомъ, въ Измайловскомъ. Въ бесѣдахъ по части исторіи и литературъ говорили также о якобинцахъ, о кортесахъ, о карбонарахъ и о тугендбундѣ. Молодежь всячески старалась быть участницей въ такихъ кружкахъ.

За литературными обществами слѣдовали по пятамъ политическія. Въ 1816 году полковникъ Александръ Николаевичъ Муравьевъ учредилъ политическое общество вмѣстѣ съ Никитою Мих. Муравьевымъ и съ кн. С. П. Трубецкимъ. Въ первыхъ совѣщаніяхъ участвовали братья М. И. и С. И. Муравьевы-Апостолы и И. Д. Якушкинъ. Въ 1817 году присоединился къ нимъ П. И. Пестель, и учредилось первое тайное общество: «Союзъ спасенія, или истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества». Уставъ былъ сочиненъ Пестелемъ; члены раздѣлились на три степени: братій, мужей и бояръ. Мужи имѣли право принимать новыхъ членовъ-братій; боярами называли основателей общества; изъ нихъ избирали старѣйшинъ, блюстителя и секретаря. Къ поименованнымъ членамъ присоединились: кн. Ф. Шаховской, Федоръ Глинка, Новиковъ, Лунинъ. Для принятія членовъ были введены и клятвы. Въ это время Мих. Ф. Орловъ, Гр. Мамоновъ и Н. И. Тургеневъ расположены были составить отдѣльное общество «Русскіе рыцари»; но послѣ нѣсколькихъ совѣщаній остались въ «Союзѣ спасенія», куда вступили новые члены: Мих. Н. Муравьевъ, Бурцовъ, Павелъ Колошинъ, Фонвизинъ, но съ условіемъ, чтобы отмѣнить въ уставѣ клятвы, слѣпое повиновеніе, насиліе, употребленіе страшныхъ средствъ, кинжала и яда. Уставъ составленъ былъ другой—Александромъ Муравьевымъ, Трубецкимъ и Колошинымъ [3]). Союзъ спасенія

---

[1]) Смотри: Московскіе мартинисты и Новиковъ, изслѣдованіе М. Н. Лонгинова. Русское масонство въ XVIII вѣкѣ А. Пыпина.

[2]) Смотри: „Графъ Блудовъ и его время", Ег. Ковалевскаго. 1866 г., стр. 108.

[3]) Въ приложеніяхъ помѣщаемъ дополняющую эти свѣдѣнія статью А. Е. Розена объ участіи М. Н. Муравьева въ тайномъ обществѣ. *Ред.*

переименованъ былъ въ «Союзъ благоденствія»; всѣ члены раздѣлены были на четыре отдѣленія: 1-е обязано было наблюдать за ходомъ частной и общественной благотворительности; 2-е—за умственнымъ и нравственнымъ образованіемъ, содѣйствовать воспитанію юношества примѣромъ, разговорами, сочиненіями, смотрѣть за школами; 3-е—за дѣйствіями судовъ; не отклоняться отъ должностей по выборамъ, исправлять эти должности съ усердіемъ и съ точностью; 4-е—заниматься по части политической экономіи: изыскивать средства общественнаго богатства, распространять народную промышленность, утверждать кредитъ, противиться монополіямъ.

Основатели общества и первоначальные члены составляли коренной союзъ; изъ нихъ избираемъ былъ совѣтъ коренного союза: блюститель и пять засѣдателей; предсѣдатель или блюститель назывался главою союза. Члены коренного союза вмѣстѣ съ совѣтомъ образовали коренную управу.

Коренной совѣтъ имѣлъ власть исполнительную въ союзѣ, *коренная управа* имѣла власть законодательную и была верховнымъ судилищемъ въ союзѣ. Всѣ распоряженія оставались въ рукахъ основателей общества или коренныхъ членовъ. Управы, состоявшія изъ 10-ти или 20-ти членовъ, раздѣлялись на дѣловыя, побочныя и главныя.

Дѣловая получала первую часть устава; когда въ ней было 10 членовъ, она могла учредить другую побочную.

Побочная становилась дѣловою, когда въ ней было не меньше десяти членовъ.

Главная принимала въ среду свою тѣ управы, кои завели три побочныя или три вольныя общества. Каждая управа имѣла своего блюстителя по избранію совѣта. Дѣла въ управахъ рѣшаемы были большинствомъ голосовъ. Члены имѣли право выходить изъ союза, оставить общество, но давъ обѣщаніе—хранить въ тайнѣ дѣла общества. Обрядовъ при принятіи новыхъ членовъ не было; вступающій давалъ только расписку, которая безъ вѣдома его была сожжена. Первая часть устава союза благоденствія была названа по цвѣту переплета *зеленою книгою*; вторая часть устава, написанная Трубецкимъ, не была одобрена кореннымъ союзомъ, и въ 1822 году была сожжена съ другими бумагами Алекс. Ник. Муравьевымъ.

Въ Москвѣ были двѣ управы, одна подъ предсѣдательствомъ А. Н. Муравьева, другая—кн. Шаховскаго.

Въ Петербургѣ были также двѣ: предсѣдателемъ одной былъ л. гв. Егерскаго полка поручикъ А. В. Семеновъ, а другой—полковникъ Бурцовъ. Въ Петербургѣ были еще вольныя общества, независимыя отъ союза благоденствія,—они были учреждены Оболенскимъ, Токаревымъ и Толстымъ.

Въ общихъ совѣщаніяхъ членовъ первоначальнаго общества «Союза спасенія» преобладали мысли или идеи о конституціонномъ правленіи, о монархическихъ учрежденіяхъ. Первую мысль о республикѣ подалъ Новиковъ своимъ проектомъ конституціи. Въ совѣщаніяхъ членовъ коренной Думы или управы союза благоденствія Пестель объявилъ, что изъ всѣхъ существующихъ образовъ правленія онъ предпочитаетъ республиканскій. Присутствовавшіе члены большею частью утверждали, что совѣщаніе это не имѣло никакого дѣйствія, что по оному не сдѣлано никакихъ распоряженій, кромѣ Тульчинской управы. Въ слѣдующихъ совѣщаніяхъ принято было предложеніе о введеніи республиканскаго правленія. Донесеніе слѣдственной комис-

сіи съ этого послѣдняго совѣщанія удостовѣряется въ намѣреніи о цареубійствѣ, основываетъ на ономъ всѣ обвиненія и приговоры суда, хотя ниже доказана будетъ несправедливость общаго обвиненія.

Между тѣмъ, число новыхъ членовъ увеличивалось, а изъ прежнихъ нѣсколько членовъ усомнились въ своемъ предпріятіи и рѣшились прервать всѣ сношенія съ тайнымъ обществомъ; въ числѣ ихъ былъ одинъ изъ первыхъ основателей общества А. Н. Муравьевъ. Зато рѣшительнѣе дѣйствовалъ на югѣ Пестель съ Юшневскимъ: онъ предложилъ съѣздъ уполномоченныхъ союза; главная управа согласилась на это, и въ Москву были посланы изъ Петербурга Н. И. Тургеневъ и Ф. Н. Глинка, а изъ Тульчина полк. Бурцовъ и подполк. Комаровъ. Кромѣ нихъ присутствовали въ собраніи М. А. и И. А. Фонвизины, М. Ф. Орловъ, П. Х. Граббе, И. Д. Якушкинъ, М. Н. Муравьевъ, Охотниковъ. Предсѣдательствовалъ Н. И. Тургеневъ. Пренія обнаружили разногласіе; Орловъ, Граббе, кн. Долгорукій и другіе письменно объявили свой выходъ изъ общества. Большинство остальныхъ членовъ видѣло невозможность продолжать засѣданія, боялось возбудить подозрѣніе полиціи, такъ что Н. И. Тургеневъ въ концѣ февраля 1821 года, отъ имени собравшихся уполномоченныхъ, объявилъ общество союза благоденствія уничтоженнымъ.—Бурцовъ и Комаровъ привезли это извѣстіе Тульчинской управѣ. Пестель и Юшневскій условились: 1) не признавать уничтоженія общества и 2) удалить всѣхъ слабосердыхъ, выставляя имъ всѣ опасности и трудности предпріятія. Въ собраніи Тульчинской думы Юшневскій произнесъ рѣчь въ духѣ устрашенія,—но не только никого не могъ удалить, но, напротивъ того, подстрекнулъ ихъ дѣятельность. Прежній уставъ, составленный Пестелемъ, вошелъ опять въ силу; члены раздѣлялись на братій, мужей и бояръ. Собраніе выбрало блюстителями Пестеля и Юшневскаго, а послѣ Никиту Муравьева, не бывшаго въ Москвѣ на съѣздѣ. Но въ Петербургѣ общество было совершенно разстроено, и только въ исходѣ 1822 года, по возвращеніи гвардіи изъ Литвы, оно снова устроилось; тогда оно названо было *Сѣвернымъ*, и раздѣлялось на *убѣжденныхъ* и на *соединенныхъ*, или *согласныхъ*. Верхній кругъ состоялъ изъ убѣжденныхъ, изъ основателей, и избиралъ членовъ думы, онъ одинъ только зналъ средства достиженія цѣли и время начатія дѣйствій. Никита Муравьевъ былъ начальникомъ возобновленнаго тайнаго общества, а въ концѣ 1823 года рѣшили имѣть трехъ главныхъ блюстителей, и къ нему присоединили кн. Трубецкого и кн. Оболенскаго; а когда Трубецкой переведенъ былъ въ Кіевъ, въ штабъ 1-ой арміи, то на мѣсто его избранъ былъ Рылѣевъ.

Тайное общество *Южное* отличалось необыкновенною дѣятельностью и рѣшимостью. Въ Тульчинской думѣ первенствовалъ Пестель. Директорами были Пестель и Юшневскій, къ нимъ былъ послѣ выбранъ еще С. И. Муравьевъ-Апостолъ. Тульчинская дума состояла изъ двухъ управъ: изъ Каменской, подъ предсѣдательствомъ полк. Давыдова и генерала кн. Волконскаго, и изъ Васильковской управы, подъ предсѣдательствомъ С. И. Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина. Въ январѣ 1823 года блюстители всѣхъ управъ съѣхались въ Кіевѣ; на бывшихъ тамъ совѣщаніяхъ читаны были отрывки изъ «Русской Правды», изъ конституціи, составленной Пестелемъ. Относительно покушеній на жизнь имп. фамиліи были толкованія, показавшія большое несогласіе и разногласіе. Для перехода отъ монархическаго правленія къ республиканскому, предположено было ввести временное правленіе,

начать дѣйствія въ 1823 году осенью, во время смотра въ лагерѣ подъ Бобруйскомъ; разсчитывали на содѣйствіе полковниковъ Повало-Швейковскаго и Норова; но смотръ былъ отмѣненъ.—Въ апрѣлѣ 1824 года положено было начать дѣйствія въ Бѣлой Церкви, на смотру 3-го пѣхотнаго корпуса, оттуда идти на Кіевъ и на Москву, изъ Москвы отрядить С. И. Муравьева-Апостола въ Петербургъ; но смотръ не состоялся, и проектъ лопнулъ.—Достовѣрно, что ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ не было уничтожено общество союза благоденствія, желали только высвободиться отъ сильнаго вліянія Пестеля и отъ пылкой рѣшимости южнаго общества. Главнымъ двигателемъ въ Петербургѣ былъ тогда Никита Муравьевъ, составившій конституцію по образцу сѣверо-американской при формѣ монархической. Въ томъ же 1824 г. Пестель пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ на бывшихъ совѣщаніяхъ, на коихъ присутствовали Трубецкой, Оболенскій, Рылѣевъ, М. И. Муравьевъ-Апостолъ и другіе, жаловался на бездѣйствіе сѣвернаго общества, на недостатокъ единодушія, на различіе статутовъ, сравнительно съ южнымъ обществомъ; предложилъ слитіе обоихъ, имѣть общихъ, блюстителей, рѣшать дѣла большинствомъ голосовъ. Предложеніе было принято, но оставалось разномысліе или различіе въ мнѣніяхъ между Никитою Муравьевымъ и Пестелемъ.

Дѣятельность дирекціи южнаго общества, съ помощью Васильковской управы, открыла 1825 году существованіе двухъ новыхъ тайныхъ обществъ: Соединенныхъ славянъ и—Патріотическаго общества Польскаго или Варшавскаго. 1825 года лѣтомъ, 3-й пѣхотный корпусъ стоялъ лагеремъ близъ мѣстечка Лещина Волынской губерніи, Житомирскаго уѣзда. Офицеры часто сходились, и Бестужевъ-Рюминъ открылъ тайное общество, основанное въ 1823 году артиллеріи подпоручиками Борисовымъ 2-ымъ и Борисовымъ 1-ымъ; оно состояло тогда изъ 36-ти членовъ. Цѣль общества заключалась въ соединеніи славянскихъ племенъ, посредствомъ федеративнаго союза съ республиканскимъ правленіемъ, съ удержаніемъ взаимной независимости. На восьмиугольной печати означены были восемь колѣнъ славянскаго племени: русскіе, сербы-хорваты, болгары, чехи, словаки, лужичане, словинцы и поляки, всѣхъ до 90 милліонов ъжителей.—Сергѣю Муравьеву-Апостолу и Бестужеву-Рюмину удалось присоединить новое общество къ Васильевской управѣ, къ южному обществу; для сношеній съ управой избраны были два посредника: пор. Горбачевскій для артиллерійскаго округа, а маіоръ Спиридовъ для пѣхотнаго округа. Бестужевъ-Рюминъ сообщилъ славянамъ новый проектъ, государственный завѣтъ, содержавшій только сокращеніе Русской Правды Пестеля; потомъ принялъ отъ нихъ присягу, снявъ съ своей груди образъ Спасителя, который былъ у меня въ рукахъ и описанъ мною въ слѣдующей главѣ.—Слѣдственная комиссія выставляетъ соединенныхъ славянъ людьми звѣрскими и кровожадными; а между тѣмъ, упоминая объ одномъ изъ самыхъ рѣшительныхъ членовъ, о Горбачевскомъ, сообщаетъ, что онъ при сдѣланномъ ему предложеніи о посягательствѣ на жизнь императора, сказалъ: «это противно Богу и религіи!» Далѣе, чрезъ двѣ страницы комиссія доноситъ, «что Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ и Бестужевъ-Рюминъ худо вѣрили Артамону Муравьеву въ намѣреніи ѣхать для убійства въ Таганрогъ, считая его самохваломъ, яростнымъ болѣе на словахъ, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ». То же относится къ Якубовичу и другимъ рѣзателямъ и тиграмъ на словахъ, подобно младенцу Дивову. Изъ числа 36-ти членовъ соединенныхъ славянъ, были осуждены верхов-

нымъ судомъ 23 человѣка; еще сверхъ того особеннымъ военнымъ судомъ въ Москвѣ приговорены были изъ славянъ: баронъ Соловьевъ, Мазгалевскій Быстрицкій, Сухиновъ, и Щипилла; Кузьминъ застрѣлился, что составляетъ 29 изъ 36-ти человѣкъ, и показываетъ, что сравнительно съ числомъ членовъ сѣвернаго и южнаго общества, правительство выказало особенную строгость къ соединеннымъ славянамъ, вѣроятно по случаю совершенно ложно распространившагося предубѣжденія объ ихъ кровожадности. Они имѣли довольно случаевъ и времени, чтобы доказать совершенно противное этому мнѣнію. Еще были особенно осуждены и допрашиваемы гораздо позднѣе насъ, въ іюнѣ 1827 года, до окончанія слѣдствія польскаго комитета, піонернаго баталіона капитанъ баронъ Игельстромъ и пор. Вегелинъ, поступившіе къ намъ въ Читинскій острогъ и въ Петровскую тюрьму. О соединенныхъ славянахъ остается еще присовокупить, что на послѣднемъ совѣщаніи, въ которомъ они присутствовали съ членами южнаго общества, постановлено было приготовиться и начать дѣйствовать въ августѣ 1826 года. Полк. Тизенгаузенъ при этомъ замѣтилъ, «что начать слѣдуетъ не черезъ годъ, а развѣ чрезъ десять лѣтъ» [1]).

Въ 1820 году образовалось общество недовольныхъ въ Вильнѣ, подъ руководствомъ профессора Лелевеля; первоначальная цѣль была научная, но послѣ студентъ Ѳома Занъ (Thomas Zan) составилъ новое общество *филаретовъ*, «друзей добродѣтели»; между сообщниками былъ знаменитый Адамъ Мицкевичъ. Попечитель Новосильцевъ нарядилъ слѣдствіе въ 1823 году; Занъ принялъ на себя всю отвѣтственность, и былъ сосланъ въ Сибирь. Въ 1821 году генералъ Уминскій въ Познани основалъ общество *косиньеровъ*, которое распространилось далеко.—Члены Масонской ложи тайно съѣхались въ Варшавѣ, составили тамъ средсточіе для обсужденія дѣлъ отечественныхъ и положили начало *патріотическому* обществу Варшавскому. Одинъ изъ главныхъ вождей былъ маіоръ Валеріанъ Лукасинскій, мужъ необыкновенной твердости, участвовавшій во всѣхъ походахъ Польскаго Легіона отъ 1806 до 1814 года, претерпѣвшій ужасныя муки и пытки. Арестованіе и наказаніе первыхъ основателей общества не послужили къ закрытію его, а, напротивъ того, только усугубили осторожность членовъ и заставили ихъ разъѣхаться, дѣйствовать повсемѣстно вразсыпную и отдѣльно. Съѣзды членовъ состоялись только во время ярмарокъ въ Балтѣ, въ Бердичевѣ и въ Кіевѣ. Между тѣмъ въ Варшавѣ ничего не могли вывѣдать отъ Лукасинскаго, и по недостатку въ доказательствахъ всѣмъ прочимъ обвиненнымъ объявлена была амнистія отъ Имп. Александра I. Послѣ этого члены Патріотическаго общества стали опять собираться. Одинъ кругъ тайныхъ членовъ остался неузнаннымъ, не примѣченнымъ; главными дѣятелями этого круга были подполковникъ Сѣверинъ-Крыжановскій, князь Антонъ Яблоновскій, казначей Гржимайло и секретарь Плихта; къ нимъ присоединился знаменитый заслуженный старецъ, графъ Станиславъ Солтыкъ.—Въ 1824 году нѣкто Гродецкій, въ Кіевѣ, получилъ порученіе отъ патріотическаго общества Варшавскаго развѣдать о тайныхъ обществахъ русскихъ; агентъ этотъ кружился недалеко отъ Пестеля вокругъ Тульчина безъ успѣха. Еще въ 1823 году кн. Яблоновскій и гр. Викторъ Оссолинскій провѣдали молву о заговорахъ между офицерами и, прибывъ въ Варшаву,

[1]) См. донес. слѣдств. комиссіи. Спб. 1826, военной типографіи главнаго штаба Е. И. В. 88 стран.; а во французскомъ переводѣ 136 стран.

передали о томъ обществу, которое по этому слуху дало порученіе Гродецкому. Съ другой стороны, въ томъ же 1824 году Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ и Бестужевъ-Рюминъ попали на слѣдъ тайнаго польскаго общества. Графъ А. Ходкевичъ познакомилъ ихъ съ Крыжановскимъ, чрезъ посредство котораго начались сношенія общества Варшавскаго съ управою Васильковскою. При первомъ свиданіи съ представителями Васильковской управы, Крыжановскій объявилъ прямо, что онъ не уполномоченъ къ заключенію окончательныхъ рѣшеній, что онъ только назначенъ для сближенія между обоими обществами, чтобы начать обоюдныя сношенія. Разговоры длились долго по различію вопросовъ о цѣли, но были безполезны по недостаточности уполномочія, даннаго Крыжановскому,—почему ничего нельзя было ни рѣшить, ни скрѣпить. Если Бестужевъ-Рюминъ изложилъ комитету на бумагѣ всю бесѣду, то ее нельзя назвать *конвенціей* съ Крыжановскимъ, который ни на что не соглашался безъ уполномочія; кромѣ того, никакая подпись съ обѣихъ договаривающихся сторонъ, не свидѣтельствуетъ о совершеніи такого акта. Было только опредѣлено, чтобы сношенія происходили не между членами обществъ, а чрезъ особыхъ выборныхъ комиссаровъ, для поддержанія сношеній между обоими обществами. Комиссарами были назначены Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ и Бестужевъ-Рюминъ съ одной стороны, Гродецкій и Чарковскій—съ другой. Не скоро послѣдовалъ отвѣтъ изъ Варшавы насчетъ продолженія переговоровъ; наконецъ кн. Сергѣй Волконскій привелъ Гродецкаго къ Пестелю, а въ 1825 году Пестель увидѣлся съ кн. Яблоновскимъ, имѣвшимъ инструкцію отъ патріотическаго общества; но Крыжановскій, бывъ тогда тоже въ Кіевѣ, по случаю кончины отца своего, избѣгалъ всякихъ сношеній съ русскою партіей. Совѣщаніе было въ присутствіи кн. Волконскаго. Пестель изложилъ цѣль тайнаго союза и сказалъ, «что ему необходимо знать намѣренія Польши, что нѣтъ средины; поляки должны быть или за насъ, или противъ насъ; мы можемъ добыть нашу свободу безъ всякой посторонней помощи, а если вы пропустите предлагаемый вамъ случай, то отложите всякую надежду на существованіе, какъ отдѣльная нація; и что мнѣ нужно знать, какой образъ правленія думаютъ они ввести у себя, когда отечество ихъ получитъ свою независимость?»—Кн. Яблоновскій отвѣтилъ на это искренно и безъ околичностей, что главная цѣль патріотическаго общества, отъ имени коего онъ говоритъ, состоитъ въ пріобрѣтеніи независимости съ границами, существовавшими до второго раздѣла Польши, что до всякаго дальнѣйшаго объясненія нужно знать, согласно ли русское общество на такое справедливое и умѣренное требованіе? Пестель возразилъ, «что это не представитъ затрудненій, и если окажется какое сомнѣніе относительно этого пункта, то слѣдуетъ предоставить рѣшеніе населенію этихъ губерній, желаютъ ли они остаться соединенными съ русскою націей или съ польскою?» Кн. Яблоновскій объявилъ, что касательно образа правленія, польское общество въ эту минуту еще ничего не рѣшило, а личное его мнѣніе клонится въ пользу монархическаго конституціоннаго правленія. Пестель былъ иного мнѣнія и горячо отстаивалъ преимущества республиканскаго, по образцу Соединенныхъ Штатовъ Америки. Такого рода преніе осталось безполезнымъ, потому что полякъ не допускалъ, чтобы русскіе заговорщики могли вмѣшаться въ правленіе его страны; онъ сказалъ: «если вы хотите управлять вмѣстѣ съ Россіей и Польшей, то это все то же, что обѣимъ странамъ оставаться подъ властью одного общаго владыки». Пестель перешелъ къ другому во-

просу: «что сдѣлаютъ поляки съ В. К. Константиномъ, когда начнется революція въ Россіи?» Кн. Яблоновскій обошелъ отвѣтъ, сказавъ, что патріотическое общество не разсчитывало на насильственныя мѣры, и отвергнулъ даже всякую мысль о цареубійствѣ. Крыжановскій еще прежде объявилъ Васильковской управѣ, «что никогда полякъ не обагрялъ руки своей кровью своего государя!» Яблоновскій обязался прямо въ одномъ пунктѣ: «что никакія обѣщанія или уступки со стороны цесаревича во время революціи, не остановятъ дальнѣйшаго хода ея». Пестель этимъ не довольствовался, онъ былъ обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ. Яблоновскій только согласился съ нимъ, чтобы для пропаганды въ Литовскомъ корпусѣ, назначить для надзора полк. Повало-Швейковскаго и гр. Петра Мошинскаго, дабы русскимъ не принимать въ общество поляковъ, а полякамъ не принимать русскихъ. Наконецъ, для скорѣйшаго хода переговоровъ, Яблоновскій прибавилъ, чтобы инструкціи были даны члену русскаго общества, имѣющему пребываніе въ Варшавѣ. Пестель обѣщалъ уполномочить для этого подполк. М. С. Лунина. Совѣщаніе кончилось тѣмъ, что назначено было съѣхаться опять въ Кіевѣ въ 1826 году, во время контрактовъ [1]), для рѣшенія переговоровъ.

При вступленіи на престолъ Александра I, прошло только восемь лѣтъ со времени третьяго раздѣла Польши. Три державы, раздѣлившія между собою остальную Польшу, сначала такъ мало были увѣрены въ безспорномъ владѣніи, что отъ русскаго правительства назначенные новые начальники и чиновники, въ округи Подольскую и Волынскую, получили приказаніе отсрочить свой отъѣздъ впредь до особаго приказанія [2]). Поляки равно ненавидѣли русскихъ и нѣмцевъ, особенно вредили Россіи во всѣхъ отношеніяхъ. Поляки мѣшали Россіи слѣдовать собственному ея естественному развитію, и заставляли ее вмѣшиваться въ чужія дѣла не-славянскія. Поляки заставили Россію забыть всю прежнюю вѣротерпимость, и еще теперь поджигаютъ ее противъ ея подданныхъ, принадлежащихъ другому вѣроисповѣданію.

На вѣнскомъ конгрессѣ Александръ I настаивалъ на созданіи новаго королевства Польскаго: онъ желалъ исправить несправедливость бабки своей, и возвратить полякамъ отечество. Какъ освободитель Европы, онъ хотѣлъ быть и освободителемъ Польши, ласкалъ себя славою сдѣлаться конституціоннымъ королемъ въ Варшавѣ. Важное дѣло это представляло различныя затрудненія съ различныхъ сторонъ. Лордъ Кестельрей предостерегалъ императора и писалъ ему: «что одинъ шагъ отъ неограниченной власти къ конституціонной свободѣ можетъ измѣнить ходъ столѣтія, что его предпріятіе можетъ вызвать полическія тревоги въ собственномъ его государствѣ». Императоръ отвѣтилъ, что надо положить предѣлъ домогательствамъ поляковъ, что чѣмъ долѣе останутся они стѣсненными, тѣмъ сильнѣе будутъ сопротивляться вліянію иноземному, и такая реакція по необходимости нарушитъ спокойствіе Россіи и всего сѣвера.—Александръ далъ полякамъ конституцію; они доказали, что были достойны имѣть ее, своими быстрыми успѣхами во всѣхъ отрасляхъ государственнаго правленія: въ десять лѣтъ заплатили государственный долгъ, завели лучшія фабрики, національное войско ихъ было лучшее въ цѣломъ

---

[1]) Смотри Journal de St-Petersbourg № 297—312. 1827 года изъ донесенія варшавской коммиссіи 3-го января 1827 года, составленнаго умершимъ барономъ Моренгеймомъ, который до представленія своего донесенія имѣлъ очень частыя совѣщанія съ Д. Н. Блудовымъ.

[2]) См. Зап. Д. Б. Мертваго. № 8-й и 9-й Русскаго Архива 1867.

мірѣ, примѣрно хорошо вели торговлю, подняли сельское хозяйство и выгодный сбытъ хлѣба; однимъ словомъ, начали процвѣтать.

Но послѣ аахенскаго конгресса все измѣнилось. Императоръ началъ опасаться оппозиціи польскихъ представителей на сеймѣ; высказывалась зависть русскихъ за предпочтеніе, оказанное полякамъ; много льготъ и преимуществъ, дарованныхъ конституціей, были отняты: намѣстникъ и Новосильцовъ стали самовластвовать безпрепятственно; такимъ образомъ прежняя ненависть вселилась въ душу поляковъ съ новою силою.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда начались переговоры между русскими и польскими тайными обществами. Русскій никогда не сдѣлается полякомъ; полякъ никогда не сдѣлается русскимъ, ни по вѣрѣ, ни по языку, ни по историческимъ своимъ преданіямъ. При невозможности совершеннаго сліянія по причинѣ неравенства въ образованіи верхняго слоя общества, и въ религіи низшихъ слоевъ общества у обоихъ народовъ, по различію въ стремленіяхъ народныхъ, въ относительномъ богатствѣ обѣихъ странъ, а главное еще препятствіе—по различію національныхъ характеровъ, Пестель и его товарищи хорошо знали, что нельзя перескочить чрезъ этнографическія, чрезъ историческія рогатки и перепоны, и что есть только единственное средство примиренія для взаимнаго блага обоихъ народовъ, а именно: конституція и союзъ федеративный, то есть—дать независимость Польшѣ, бывшему герцогству Варшавскому, отдѣльно отъ Литвы, и отъ Подоліи съ Волынью, отъ Украйны, и соединить всѣ эти отдѣльныя области, какъ и Финляндію и Прибалтійскій край общимъ союзомъ. Правленіе общаго союза изложено въ Русской Правдѣ Пестеля, по образцу Сѣверо-Американской республики. Общее центральное правленіе предоставляетъ каждой отдѣльной области право своего внутренняго устройства; отъ этого нисколько не потерпитъ единство народа во всемъ объемѣ государства, потому что это единство утверждено общимъ гражданскимъ правомъ, которое даетъ гражданину каждой отдѣльной области права туземца любой изъ другихъ областей.—Власть общаго центральнаго правительства распространяется на натурализацію, на торговлю, мореплаваніе, войско, ополченіе, почту, пути сообщенія и т. д. Если бы правленіе отдѣльной области оказало непослушаніе закону, то общее центральное правительство имѣетъ полную власть и всѣ средства принудить его къ тому, въ военное время—силою, а въ мирное время—по совѣщанію общаго совѣта союза; центральное правительство можетъ объявить всю область въ осадномъ положеніи, и остановить на время ея отдѣльное правленіе. Въ Швейцаріи существуютъ же благополучно кантоны союза, различествующіе между собою по внутреннему устройству, по вѣрѣ, по языку. Примѣръ въ гораздо большемъ размѣрѣ имѣемъ въ Американскихъ Штатахъ, гдѣ говорятъ на двадцати языкахъ, гдѣ въ каждомъ городѣ и на каждой улицѣ найдете церкви и молельни всѣхъ вѣроисповѣданій. Тамъ національность не разбирается по лицу, по вѣрѣ и языку; всѣ безъ различія граждане американскіе, съ равными правами гражданства; а въ Европѣ—Англія не умѣетъ справиться и ужиться съ Ирландіей, Австрія—съ мадьярами и славянами, Турція—съ греками, Россія—съ поляками.

Для дополненія этой главы остается упомянуть еще о двухъ обществахъ того времени, доказывающихъ, что тогда они были потребностью жизненной атмосферы.— Въ 1820 году штабсъ-ротмистръ гусарскаго принца Оранскаго полка, Маевскій,

основалъ тайное общество тампліеровъ; корень общества былъ въ Волынской губерніи. Маевскій назвалъ самъ себя гросмейстромъ ордена, а сообщники его, по выбору, занимали громкія мѣста: Карвицкій—намѣстника, Лаговскій—оратора, Булавскій—фельдмаршала, Загорскій—верховнаго судьи, Карпинскій—оберъ-секретаря. При всѣхъ этихъ громкихъ званіяхъ, общество не имѣло никакихъ средствъ. Маевскій, узнавъ въ 1825 году о существованіи тайныхъ обществъ въ Россіи, опасался, что останется въ сторонѣ отъ общаго хода, и рѣшился соединиться съ патріотическимъ обществомъ польскимъ, что и удалось ему послѣ большихъ затрудненій [1]).

Лейтенантъ русскаго флота Д. Пр. Завалишинъ, во время продолжительнаго кругосвѣтнаго плаванія, перебывалъ въ Англіи и въ Америкѣ, гдѣ имѣлъ случай на самомъ мѣстѣ оцѣнить всѣ учрежденія гражданской свободы. Плавая по неизмѣримымъ пространствамъ океана, останавливался въ Калифорніи и въ испанскихъ владѣніяхъ въ Америкѣ. Имѣвъ отъ самой юности своей религіозную наклонность, изучивъ хорошо Св. Писаніе, онъ учредилъ Вселенскій орденъ возрожденія для возстановленія истины. По возвращеніи въ Петербургъ, въ 1825 году, онъ сообщилъ статуты своего ордена Рылѣеву, Арбузову, нѣсколькимъ членамъ Сѣвернаго общества, представилъ оные на разсмотрѣніе и утвержденіе императора. Государь похвалилъ за усердіе къ добру, но не принялъ проекта. Главная цѣль ордена заключалась въ распространеніи правды по всему міру, преимущественно въ Россіи, для чего написаны были особыя правила. Полученный отказъ огорчилъ его и заставилъ его пристать къ тайному союзу и дѣйствовать уже безъ согласія и вѣдома государя. Статутовъ его я не читалъ, но слышалъ о нихъ отъ А. П. Бѣляева. Въ донесеніи слѣдственной комиссіи нѣтъ данныхъ положительныхъ, редакторъ и тутъ умѣлъ обойти сущность поважнѣе, но счелъ нужнымъ помѣстить въ выноскѣ мнѣніе Завалишина о Рылѣевѣ—«какъ о коварномъ злодѣѣ»—между тѣмъ какъ въ той же выноскѣ, двѣнадцатью строками ниже сказано, «Завалишинъ увѣрился въ томъ, что намѣренія Рылѣева могли быть чисты» [2]).

Остается прибавить еще нѣсколько строкъ о томъ, какъ могло случиться, что часть русской арміи и высшаго дворянства того времени, могли дойти до такой необыкновенной политической дѣятельности, когда за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ она ни въ чемъ не высказывалась. Сперва надо замѣтить, что многочисленныя либеральныя преобразованія, предпринятыя въ началѣ царствованія Александра I, имѣли тѣмъ больше вліянія на всѣ образованные классы общества, чѣмъ суровѣе они испытали притѣсненія при Павлѣ I и въ послѣднее время царствованія Екатерины II.

Къ тому же народная война 1812 года вызвала такую увѣренность въ народной силѣ и въ патріотической восторженности, о коихъ до того времени никакого понятія, никакого предчувствія не имѣли. Наконецъ, къ этому великому событію присоединились годы войны въ Германіи и во Франціи.

Послѣ вторичнаго взятія Парижа, русскія и прусскія войска стояли нѣсколько лѣтъ сряду въ крѣпостяхъ и въ городахъ Франціи. Между тѣмъ какъ прусскіе офицеры проникнуты были глубоко вкоренившеюся ненавистью къ французамъ, а частью и явнымъ отвращеніемъ къ французскимъ революціоннымъ идеямъ, и питали только

---

[1]) См. донесеніе варшавской слѣдст. ком. 3 января 1827 года.
[2]) См. „Донесеніе слѣдст. ком. 30 мая 1826“ въ тип. главнаго штаба Е. И. В. въ восьмую долю листа, стр. 53.

одно желапіе —какъ бы поскорѣе вернуться домой и жить въ прежнихъ отношеніяхъ,— то годы пребыванія русскихъ на землѣ фанцузской подѣйствовали на русскихъ совершенно иначе. Для молодыхъ людей изъ русскихъ дворянъ, именно въ гвардейскихъ полкахъ походъ по Германіи и Франціи былъ то же, что вступленіе въ новый міръ образованный, о коемъ до того времени имѣли понятіе только отдѣльныя или частныя лица. Подъ небомъ болѣе пріятнымъ и нѣжнымъ, посреди новыхъ отношеній, обнаруживавшихъ высшее образованіе, подъ вліяніемъ болѣе кроткихъ нравовъ и болѣе человѣколюбивыхъ взглядовъ на жизнь вообще, многіе изъ русскихъ офицеровъ пріобрѣли новыя идеи и новыя воззрѣнія на состояніе своей родины. Молодые люди, проведшіе большую часть своей жизни въ единообразіи отдаленныхъ русскихъ уѣздныхъ городовъ или среди шумныхъ вакханалій и пиршествъ столичныхъ, увидѣли вдругъ на цвѣтущихъ берегахъ Луары и Гаронны новый и лучшій міръ, прелестямъ коего они предались съ восторженностью. Досуги гарнизонной службы, огромныя разстоянія, на коихъ расположены были отдѣльныя части войска одна отъ другой, допускали такую свободу въ переѣздахъ и передвиженіяхъ, какой никто до того времени не полагалъ возможною. Борьба политическихъ партій, наполнявшая тогда Францію, находила въ молодыхъ иноземцахъ самыхъ внимательныхъ и самыхъ понятливыхъ зрителей и слушателей.

То были именно способнѣйшіе и дѣятельнѣйшіе молодые люди изъ русской гвардіи, которые съ упоеніемъ всасывали идеи гражданственности, свободы, правъ конституціонныхъ и углублялись со вниманіемъ и съ удивленіемъ въ жизнь того народа, для усмиренія котораго они пришли изъ дальняго востока. У многихъ возродилась мысль о возможности передать родной странѣ лучшія изъ благихъ преобразованій, и съ пылкою восторженностью молодость перескочила чрезъ глубокую бездну, отдѣлявшую ступени русской образованности отъ французской.

Когда пробилъ послѣдній часъ пребыванія во Франціи, то цвѣтъ офицеровъ гвардейскаго корпуса вернулся домой съ намѣреніемъ пересадить Францію въ Россію. Такъ образовались въ большей части лучшихъ полковъ масонскія ложи, съ чисто политическимъ оттѣнкомъ. Когда эти ложи были закрыты и уничтожены, то члены сошлись въ тайныхъ обществахъ, имѣвшихъ цѣлью добыть конституціонную форму для Россіи. Всѣ знали, что императоръ Александръ самъ возымѣлъ такое намѣреніе, и полагали дѣйствовать въ его духѣ, если примутся за приготовительныя мѣры. Но Александръ, устрашившись либеральныхъ движеній въ Германія, повернулъ дѣла въ другую колею, и молодое дворянство въ полкахъ осталось въ прямомъ противорѣчіи къ господствовавшей системѣ. Различныя обуздывающія мѣры оказались безполезными, потому что часть солдатъ заразилась французскимъ ядомъ, и желала для себя такого же обхожденія, къ какому она привыкла во Франціи. Самые ярые изъ заговорщиковъ наконецъ обратились къ идеалу республиканскому.

Еще прежде кончины Александра были частичныя возстанія въ Петербургѣ и на Россіи; кончина его подвинула къ начатію предпріятія еще не дозрѣвшаго. Полагали необходимымъ воспользоваться запутанностью дѣлъ вслѣдствіе отреченія Константина, и ударили тревогу до предварительнаго устройства возстанія.

Возстаніе началось почти одновременно въ двухъ мѣстахъ, и въ обоихъ было оно разбито. Участники имѣли дѣло съ политическою невозможностью и сами виноваты, если сдѣлались жертвами своей неосторожности. Однако должно признаться,

что дѣйствительно цвѣтъ гвардіи и вообще способнѣйшихъ молодыхъ людей отважились на ударъ 1825 года.—Многіе изъ офицеровъ почитали за заповѣдь чести раздѣлить опасность и бѣду съ мужами, которыхъ они знали за благородныхъ передовыхъ подвижниковъ новѣйшихъ идей. Увѣренность принадлежать къ числу лучшихъ людей, дѣйствовала гораздо сильнѣе, чѣмъ страхъ отъ смерти и изгнанія.

Такимъ образомъ заговорщики и мятежники 1825 года кажутся восторженными мечтателями, но которые должны быть судимы существеннымъ образомъ не по одному только политическому масштабу. Жестокая ихъ участь уже давно примирила и стерла виновность; а читателю, который нынѣ прочтетъ описаніе ихъ участи, дана возможность принять чисто человѣколюбивое участіе въ первой попыткѣ введенія въ Россіи западноевропейскаго либерализма.

Глава четвертая.

14-ое декабря 1825 года.

Кончина Александра I.—Присяга Константину.—Междуцарствіе.—Начало заговора.—Рѣшеніе заговора.—Присяга и возстаніе. Часть л.-г. Московскаго полка.—1-ый баталіонъ.—Лейбъ Гренадеры.—Гвардейскій экипажъ.—Разставленіе войска.—Уговорители и мирители.—Послѣднее убѣжденіе.—Очищеніе площади.—Толки.—Неудача.—Булатовъ.—Книга барона Корфа.—Возстаніе на югѣ.—Заключеніе.

27 ноября, рано утромъ, вхожу въ мою залу, вижу тамъ придворнаго полотера, нанятаго погодно для налощенія паркета. Съ таинственнымъ видомъ поклонился онъ мнѣ, и въ смущеніи спросилъ:—«Слышали ли вы о великомъ несчастіи? Императоръ умеръ въ Таганрогѣ».—Вѣсть эта поразила всѣхъ. Странные мы люди! все въ жизни нашей неизвѣстность! даже не знаемъ, что будетъ съ нами сегодня, завтра, или чрезъ недѣлю: но знаемъ одно лишь навѣрно, что непремѣнно рано ли, поздно ли,—всѣ мы разстанемся съ земною жизнью; а когда случится смерть человѣка, близкаго нашему сердцу, или сильнаго властелина, то сперва вѣрить этому не хотимъ; а если же видимъ самый трупъ, то слагаемъ причины на лекаря, на аптеку, на непредусмотрительность и забываемъ всеобъемлющій Промыслъ. Александру I было только 48 лѣтъ отъ роду, хотя онъ бывъ здороваго сложенія, изъ этого выводили, что онъ былъ отравленъ: развѣ люди молодые и здоровые не умираютъ безъ яду, кинжала и пули? Извѣстно, что Александръ въ послѣдніе годы своей жизни имѣлъ душевныя страданія. Въ борьбѣ съ Наполеономъ, бывъ главнымъ двигателемъ дѣлъ Европы, занималъ онъ первое мѣсто между современными ему вѣнценосцами; онъ повсюду былъ предметомъ удивленія, благодарности, высшихъ ожиданій для грядущаго времени. Женщины были безъ ума отъ его наружности и его любезности; мужи государственные, съ закоренѣлыми убѣжденіями въ пользѣ и необходимости власти неограниченной, называли его даже вѣнчаннымъ якобинцемъ. Онъ былъ тогда усердный поклонникъ правъ человѣчества, не на словахъ однихъ, но на самомъ дѣлѣ, что и доказалъ въ Парижѣ, въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ: добровольно далъ онъ конституцію Польшѣ и обѣщалъ то же своему отечеству на варшавскомъ сеймѣ,—и вдругъ перемѣнилъ свой образъ мыслей и дѣйствій въ политическомъ отношеніи. Кромѣ того, онъ страдалъ отъ внутреннихъ бореній религіозныхъ: онъ не могъ быть доволенъ самимъ собою. Тѣ же люди, которые величали его нѣсколько лѣтъ сряду освободителемъ, стали послѣ именовать его при-

тѣснителемъ. Мудрено ли, что, будучи одаренъ чувствительнымъ сердцемъ, онъ сталъ сомнѣваться въ самомъ себѣ? Развлеченія на конгрессахъ наскучили ему. Убѣдившись, что въ продолженіе 24-хъ лѣтняго царствованія своего не выполнилъ своихъ предначертаній въ пользу своего народа, сталъ онъ искать уединенія и даже изъявлялъ желаніе сойти съ престола. Тайный червь меланхоліи точилъ его сердце, и онъ предчувствовалъ близкую кончину свою. По цѣлымъ часамъ стоялъ онъ у окна, глядя все на одну точку въ раздумьи; вечеромъ, когда камердинеръ приносилъ свѣчи, онъ замѣчалъ ему часто: рано подаешь, какъ бы для покойника. 30-го августа, въ день своего ангела, онъ всегда щедро дарилъ храму Александро-Невской лавры; въ послѣдній же годъ онъ пудами подарилъ ладанъ и свѣчи. Предъ отъѣздомъ въ Таганрогъ, посѣтилъ онъ схимника, извѣстнаго совершеннымъ отреченіемъ отъ міра, и долго съ нимъ бесѣдовалъ о безсмертіи души. Въ Крыму лошади понесли и разбили передового фельдъегеря, котораго государь увидѣлъ на дорогѣ умирающимъ и тогда же сказалъ о немъ, что онъ предупредилъ его ненадолго для отбытія въ другой міръ. Дюжины такихъ случаевъ и выраженій доказываютъ вѣрность его предчувствія, и много ли надобно разстроенной и пережившей себя душѣ, чтобы все земное становилось невыносимымъ! Исторія и безпристрастное потомство воздадутъ должное его памяти, какъ царю, такъ и человѣку. Нѣтъ сомнѣнія, что всего чувствительнѣе для души Александра I отозвался ударъ по греческому или восточному вопросу, по коему Священный союзъ дѣйствовалъ противъ его убѣжденій и желаній; предъ нимъ ясно выказались ничтожество и вредъ этого Союза, главнаго дѣла его жизни, и напрасныхъ жертвъ, кои онъ приносилъ для поддержанія и сохраненія такого Союза.

Въ Петербургѣ всѣ сословія и возрасты были поражены непритворною печалью; нигдѣ не встрѣтилъ я веселаго лица. Къ вечеру вывели нашъ полкъ на улицу противъ госпиталя; К. И. Бистрамъ объявилъ о кончинѣ императора, поздравилъ съ новымъ императоромъ Константиномъ, поднялъ шляпу, воскликнулъ: Ура! и слезы покатились изъ глазъ его и многихъ воиновъ, бывшихъ въ походахъ съ Александромъ, который называлъ ихъ—«любезными товарищами». По командѣ раздалось «Ура!». Офицеры подписали присяжный листъ въ госпитальной комнатѣ и съ полкомъ разошлись по казармамъ и по квартирамъ. Съ такимъ же настроеніемъ духа присягнули другіе полки; чувство скорби взяло верхъ надъ всѣми другими чувствами,—и начальники, и войска такъ же грустно и спокойно присягнули бы Николаю, если бы воля Александра I была имъ сообщена законнымъ порядкомъ. Безпредѣльную любовь офицеровъ къ Александру могу засвидѣтельствовать клятвою офицеровъ во многихъ армейскихъ полкахъ въ 1812, 13, 14 годахъ: «не пережить любимаго государя!»

Во дворецъ пришла печальная вѣсть въ то самое время, когда въ храмѣ пѣли благодарственный молебенъ о выздоровленіи Александра. Великій князь Николай Павловичъ немедленно рѣшилъ присягнуть Константину Павловичу и лично принялъ присягу для своего старшаго брата отъ внутреннихъ карауловъ Зимняго дворца. Графъ М. А. Милорадовичъ и князь А. Н. Голицынъ старались отклонить и отговорить его отъ этого дѣйствія: имъ извѣстно было завѣщаніе Александра; но Николай Павловичъ замѣтилъ имъ рѣшительно: «кто не послѣдуетъ за мною и не присягнетъ старшему моему брату, тотъ врагъ и мнѣ и отечеству».—Съ каждымъ часомъ увеличивались толки, предположенія, ожиданія. Государственному совѣту извѣстно было

съ 1823 года, что въ архивѣ его хранится завѣщаніе Александра съ собственноручною его надписью: «хранить до моего востребованія, а въ случаѣ моей кончины раскрыть *прежде всякаго другого дѣйствія* въ чрезвычайномъ собраніи».— Копіи этого завѣщанія хранились въ сенатѣ и въ синодѣ въ Петербургѣ и въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ. Спрашивается: кого винить? Александра I ли, который въ свое время при жизни своей не обнародовалъ исключенія или отреченія по престолонаслѣдію? Верховный ли совѣтъ, который не исполнилъ своей обязанности и оправдывался неумѣстной отговоркою,—что мертваго не слѣдуетъ слушаться? Митрополита ли Филарета московскаго, который собственноручно написалъ царское завѣщаніе и хранилъ копію въ Успенскомъ соборѣ? Великаго князя ли Николая Павловича, который боролся съ братскою любовью,—могъ думать что принудительными средствами заставили старшаго брата отказаться отъ престола? или что тотъ преждевременно даже не имѣлъ права отказаться? или Николай думалъ этимъ предупредить всякій поводъ къ неудовольствіямъ и смутамъ, тѣмъ вѣроятнѣе, что еще до полученія вѣсти о кончинѣ императора ему были уже извѣстны цѣль тайнаго общества и члены его? Будь они всѣ частныя лица, то могли быть оправданы различными побужденіями; но, какъ сановники, люди государственные, какъ правители, они всѣ виновны: имъ слѣдовало дѣйствовать по закону, а не предаваться увлеченіямъ любви родственной или преданности безусловной подчиненности. Могу сказать утвердительно, что съ обнародованіемъ завѣщанія 27-го ноября всѣ присягнули бы безпрекословно Николаю Павловичу. По крайней мѣрѣ, возстаніе не имѣло бы предлогомъ вторичную присягу, при коей одна клятва нарушала другую клятву и обнаружила незаконность первой.

Фельдъегерь, доставившій вѣсть о кончинѣ Александра I, привезъ вмѣстѣ и доносы Майбороды и именные списки членовъ тайнаго общества. Копія съ этихъ списковъ была отправлена въ Варшаву къ новому императору. Между тѣмъ отъ 27-го ноября до 14-го декабря тянулось междуцарствіе. Императоръ Константинъ, которому присягнула вся Россія, остался спокойно въ Варшавѣ; твердо и неуклончиво отказался отъ права на престолонаслѣдіе; не принялъ поздравленій; не распечаталъ пакета министра, потому что надпись была сдѣлана на имя императора. Великій князь Михаилъ Павловичъ былъ посланъ навстрѣчу къ императору и остановился на станціи Неналь, Лифляндской губ., гдѣ ожидалъ его прибытія или вѣрной вѣсти объ отказѣ его отъ престола. Въ Петербургѣ все умолкло среди ожиданій; музыкѣ запретили играть на разводахъ; театры были закрыты; дамы одѣлись въ трауръ; въ церквахъ служили панихиды съ утра до вечера. Въ частныхъ обществахъ, въ кругу офицеровъ, въ казармахъ, разносились шопотомъ слухи и новости, противорѣчившіе одни другимъ. Разсказывали о духовномъ завѣщаніи Александра I; разсуждали о неотъемлемомъ правѣ Константина на престолъ, о недѣйствительности преждевременнаго его отреченія, когда престолъ еще не былъ упраздненъ, когда царствовавшій братъ не былъ лишенъ возможности имѣть еще своихъ прямыхъ наслѣдниковъ-дѣтей. Выставляли великодушіе великаго князя Николая, который по завѣщанію одного брата и по отреченію другого имѣлъ все право на престолъ, но не принялъ власти, чтобы не обидѣть брата и чтобы отстранить всякую причину къ возстанію. Я уже сказалъ, что онъ зналъ о существованіи тайнаго общества, о цѣли его: онъ имѣлъ именной списокъ большей части членовъ общества. О томъ знали и гр. Мило-

радовичъ и много приближенныхъ къ вел. кн. Николаю, которому адресованы были важнѣйшія бумаги въ Петербургъ, откуда сообщаемы были въ Варшаву. Какія же мѣры были приняты къ уничтоженію предстоявшихъ опасностей заговора или грозившаго возстанія?! Рѣшительно никакія. Во всемъ выказывалось колебаніе, недоумѣніе, все предоставлено было случаю: между тѣмъ какъ, по вѣрнымъ даннымъ, слѣдовало только арестовать Рылѣева, Бестужевыхъ, Оболенскаго и еще двухъ или трехъ декабристовъ, и не было бы 14 декабря. Но у страха глаза велики,—въ виду были отношенія семейныя. Правительственныя лица думали о сохраненіи своихъ мѣстъ и доходовъ,—прильнулись къ лицу, къ государю, оставивъ въ сторонѣ отечество и государство.

6-го декабря стоялъ я во внутреннемъ караулѣ въ Зимнемъ дворцѣ; выходъ къ обѣднѣ былъ многолюдный; до появленія царской фамиліи не было никакихъ бесѣдъ въ разныхъ кучкахъ, какъ водилось прежде: кое-гдѣ сходились офицеры и говорили вполголоса. Генералъ-адъютантъ В. В. Левашевъ имѣлъ особенно воинственный видъ и ни на шагъ не отходилъ отъ вел. кн. Николая. По окончаніи обѣдни, подошелъ ко мнѣ Оболенскій и сказалъ: «надо же положить конецъ этому невыносимому междуцарствію».

10-го декабря, вечеромъ, получилъ я записку отъ товарища капитана Н. П. Рѣпина, въ которой онъ просилъ меня немедленно пріѣхать къ нему; это было въ 8 часовъ. Я тотчасъ поѣхалъ, полагая, что онъ имѣлъ какую нибудь непріятность или бѣду; я засталъ его одного въ тревожномъ состояніи. Въ краткихъ и ясныхъ словахъ изложилъ онъ мнѣ дѣло важное, цѣль возстанія, удобный случай дѣйствовать для отвращенія гибельныхъ междоусобій. Тутъ рѣчи были безполезны: надлежало имѣть матеріальную силу, по крайней мѣрѣ нѣсколько баталіоновъ съ орудіями. Онъ просилъ моего содѣйствія къ присоединенію 1-го баталіона, въ чемъ я положительно отказался, командуя въ немъ только стрѣлковымъ взводомъ. Можно было положиться на готовность молодыхъ офицеровъ, но отнюдь не на ротныхъ командировъ. Осталась еще попытка—она могла удасться тѣмъ легче, что утверждали содѣйствіе полковника А. Ф. Моллера, командира 2 баталіона, давнишняго члена тайнаго общества. Съ Рѣпинымъ поѣхалъ я къ К. Ф. Рылѣеву: онъ жилъ въ домѣ американской компаніи у Синяго моста; мы застали его одного, сидѣвшаго съ книгою въ рукахъ—«Русскій ратникъ»,—и съ большимъ шерстянымъ платкомъ, обернутымъ вокругъ шеи по причинѣ болѣзни горла. Во взорахъ его выразительныхъ глазъ, всѣхъ чертахъ его лица, виднѣлась восторженность къ великому дѣлу; рѣчь его убѣдительная просто текла безъ всякой самонадѣянности, безъ надменности, безъ фигурныхъ фразъ и возгласовъ; вскорѣ пріѣхали Бестужевы и князь Щепинъ-Ростовскій и положили собраться при первомъ нужномъ случаѣ, смотря по полученію вѣстей изъ Варшавы.

11-го декабря поѣхалъ къ Рѣпину, гдѣ къ большому неудовольствію моему засталъ до 16-ти молодыхъ офицеровъ нашего полка, разсуждавшихъ о событіяхъ дня и частью уже посвященныхъ въ тайны главнаго предпріятія. Мнѣ удалось отозвать Рѣпина въ другую комнату, замѣтить ему неумѣстность и опасность такихъ преждевременныхъ откровеній, что въ минуту дѣйствія можно положиться на ихъ содѣйствіе. Юность легко приводится въ восторгъ, нѣтъ ей преградъ непреодолимыхъ, нѣтъ невозможности,—а чѣмъ больше затрудненій и опасностей, тѣмъ больше въ ней отваги. Изъ всѣхъ тутъ присутствовавшихъ не было ни единаго члена тайнаго общества, кромѣ хозяина.

12-го декабря, вечеромъ, былъ я приглашенъ на совѣщанія къ Рылѣеву и князю Оболенскому; тамъ засталъ я главныхъ участниковъ 14 декабря. Постановлено было, въ день, назначенный для новой присяги, собраться на Сенатской площади, вести туда сколько возможно будетъ войска подъ предлогомъ поддержанія правъ Константина, ввѣрить начальство надъ войскомъ князю Трубецкому, если къ тому времени не прибудетъ изъ Москвы М. Ф. Орловъ. Если главная сила будетъ на нашей сторонѣ, то объявить престолъ упраздненнымъ и ввести немедленно временное правленіе изъ пяти человѣкъ, по выбору членовъ государственнаго совѣта и сената. Въ числѣ пяти называли заранѣе И. С. Мордвинова, М. П. Сперанскаго и П. И. Пестеля. Временному правленію надлежало управлять всѣми дѣлами государственными съ помощью совѣта и сената до того времени, пока выборные люди всея земли Русской успѣютъ собраться и положить основаніе новому правленію. Навѣрно никто не зналъ, сколькими баталіонами или ротами, изъ какихъ полковъ, можно будетъ располагать. Въ случаѣ достаточнаго числа войска положено было занять дворецъ, главныя правительственныя мѣста, банки и почтамтъ для избѣжанія всякихъ безпорядковъ. Въ случаѣ малочисленности военной силы и неудачи, надлежало отступить къ Новгородскимъ военнымъ поселеніямъ. Принятыя мѣры къ возстанію были неточны и неопредѣлительны, почему на нѣкоторыя мои возраженія и замѣчанія князь Оболенскій и Булатовъ сказали съ усмѣшкою: «вѣдь нельзя же дѣлать репетиціи!» Всѣ изъ присутствовавшихъ были готовы дѣйствовать, всѣ были восторженны, всѣ надѣялись на успѣхъ, и только одинъ изъ всѣхъ поразилъ меня совершеннымъ самоотверженіемъ; онъ спросилъ меня наединѣ: можно ли положиться навѣрно на содѣйствіе 1-го и 2-го баталіоновъ нашего полка; и когда я представилъ ему всѣ препятствія, затрудненія, почти невозможность, то онъ съ особеннымъ выраженіемъ въ лицѣ и въ голосѣ сказалъ мнѣ: «да, мало видовъ на успѣхъ, но все-таки надо, все-таки надо начать; начало и примѣръ принесутъ плоды». Еще теперь слышу звуки, интонацію—все-таки надо,—то сказалъ мнѣ Кондратій Федоровичъ Рылѣевъ.

13-го декабря, въ воскресенье, навѣстили меня нѣсколько офицеровъ полка. На вопросъ ихъ, какъ слѣдуетъ поступить тому, кто въ день возстанія будетъ въ караулѣ, отвѣтилъ я положительно и кратко,—что тотъ для общей безопасности и порядка долженъ держаться на занимаемомъ посту. Если этотъ случай спасъ и наградилъ офицера, занимавшаго караулъ 14-го декабря въ сенатѣ, Якова Насакина, то я искренно тому радовался. Къ вечеру получилъ я частное увѣдомленіе о назначеніи слѣдующаго дня къ принятію присяги. Ночью вѣстовой принесъ приказъ полковой, по коему всѣмъ офицерамъ велѣно было собраться въ квартирѣ полкового командира въ 7 часовъ утра. Сонъ прошелъ; съ женою разсуждали объ обязанностяхъ христіанина, гражданина, о предстоящихъ опасностяхъ, о коихъ въ эти послѣдніе дни мы безпрестанно бесѣдовали; я могъ ей совершенно открыться,—ея умъ и сердце все понимали. Наконецъ съ молитвою предались волѣ Божіей. Наступилъ часъ разлуки.

14-го декабря, до разсвѣта, собрались всѣ офицеры у полкового командира генерала Воропанова, который, поздравивъ насъ съ новымъ императоромъ, прочелъ письмо и завѣщаніе Александра, отреченіе Константина и манифестъ Николая. Въ присутствіи всѣхъ офицеровъ я выступилъ впередъ и объявилъ генералу: «что если всѣ имъ читанныя письма и бумаги вѣрны съ подлинниками, въ чемъ не имѣю ника-

кой причины сомнѣваться, то почему 27 ноября не дали намъ прямо присягнуть Николаю?»—Генералъ въ замѣшательствѣ отвѣтилъ мнѣ: «Вы не такъ разсуждаете,—о томъ думали и разсуждали люди поопытнѣе и постарше насъ; извольте, господа, идти по своимъ баталіонамъ для присяги».—2-й нашъ баталіонъ полковника А. Ф. Моллера занялъ въ этотъ день караулы въ Зимнемъ дворцѣ и по 1-му отдѣленію. 1-й баталіонъ нашъ присягнулъ въ казармахъ, кромѣ моего стрѣлковаго взвода, который наканунѣ занялъ караулъ въ Галерной гавани и еще не успѣлъ смѣниться. Изъ казармъ поѣхали во дворецъ къ разводу нашего 2-го баталіона, разводъ былъ безъ парада. На Сенатской площади еще не было ни одного солдата. Воротившись домой, получилъ записку Рылѣева, по коей меня ожидали въ казармахъ Московскаго полка. Было 10 часовъ утра, лошади мои стояли запряженныя. Взъѣхавъ на Исаакіевскій мостъ, увидѣлъ густую толпу народа на другомъ концѣ моста, а на Сенатской площади каре Московскаго полка. Я пробился сквозь толпу, пошелъ прямо къ каре, стоявшему по ту сторону памятника, и былъ встрѣченъ громкимъ—Ура! Въ каре стояли князь Д. А. Щепинъ-Ростовскій, опершись на татарской саблѣ, утомившись и измучившись отъ борьбы во дворѣ казармъ, гдѣ онъ съ величайшимъ трудомъ боролся: переранилъ бригаднаго командира В. Н. Шеншина, полкового—Фридрихса, баталіоннаго полковника Хвощинскаго, двухъ унтеръ-офицеровъ, и наконецъ вывелъ свою роту; за ней слѣдовала и рота М. А. Бестужева 3-го и еще по нѣсколько десятковъ солдатъ изъ другихъ ротъ. Князь Щепинъ-Ростовскій и М. А. Бестужевъ 3-й ждали и просили помощи, пеняли на караульнаго офицера Якова Насакина, отчего онъ не присоединялся къ нимъ съ карауломъ своимъ? на это я подтвердилъ имъ данную мною инструкцію наканунѣ. Всѣхъ бодрѣе въ каре стоялъ И. И. Пущинъ, хотя онъ, какъ отставной, былъ не въ военной одеждѣ; но солдаты охотно слушали его команду, видя его спокойствіе и бодрость. На вопросъ мой Пущину, гдѣ мнѣ отыскать князя Трубецкого, онъ мнѣ отвѣтилъ: «пропалъ или спрятался,—если можно, то достань еще помощи, въ противномъ случаѣ и безъ тебя тутъ довольно жертвъ».

Народъ со всѣхъ сторонъ хлынулъ на площадь; полиція молчала. Войска еще не было никакого съ противной стороны. Поспѣшно поѣхалъ въ Финляндскія казармы, гдѣ оставался только нашъ 1-ый баталіонъ, куда только что успѣлъ воротиться мой стрѣлковый взводъ по смѣнѣ изъ караула въ Галерной гавани. 2-ой нашъ баталіонъ въ этотъ день занялъ караулы по 1-му отдѣленію во дворцѣ и въ городѣ, 3-й баталіонъ по очереди зимовалъ за городомъ по деревнямъ. Прошелъ по всѣмъ ротамъ, приказалъ солдатамъ проворно одѣться, вложить кремни, взять патроны и выстроиться на улицѣ говоря, что должно идти на помощь нашимъ братьямъ. Въ полчаса выстроился баталіонъ, подоспѣли офицеры; никто не зналъ, по чьему приказанію выведенъ былъ баталіонъ. Адъютанты скакали безпрестанно, одинъ изъ нихъ прямо къ бригадному командиру Е. А. Головину, съ приказаніемъ отъ корпуснаго Войнова вести баталіонъ. Мы тронулись ротными колоннами; у морского кадетскаго корпуса встрѣтилъ насъ генералъ-адъютантъ графъ Комаровскій верхомъ, который государемъ посланъ былъ за нашимъ баталіономъ. Насъ остановили на серединѣ Исаакіевскаго моста подлѣ будки; тамъ приказали зарядить ружья; большая часть солдатъ при этомъ перекрестилась. Бывъ увѣренъ въ повиновеніи моихъ стрѣлковъ, вознамѣрился сначала пробиться сквозь карабинерный взводъ, стоявшій впереди меня, и

сквозь роту Преображенскаго полка капитана Титова, занявшую всю ширину моста со стороны Сенатской площади.

Но, какъ только я лично убѣдился, что возстаніе не имѣло начальника, слѣдовательно не могло быть единства въ предпріятіи, и не желая напрасно жертвовать людьми, а также не будучи въ состояніи оставаться въ рядахъ противной стороны,— я рѣшился остановить взводъ мой въ ту минуту, когда графъ Комаровскій и мой бригадный командиръ скомандовали всему баталіону:—впередъ!—взводъ мой единогласно и громко повторилъ: стой! такъ что впереди стоявшій карабинерный взводъ дрогнулъ, заколебался, тронулся не весь, и только личнымъ усиліямъ капитана А. С. Вяткина, не щадившаго ни ругательствъ знаменитыхъ, ни мощныхъ кулаковъ своихъ, удалось подвинуть этотъ первый взводъ. Баталіонный командиръ нашъ, полковникъ А. Н. Тулубьевъ, исчезъ, бывъ отозванъ въ казармы, гдѣ квартировало его семейство.— Дважды возвращался ко мнѣ бригадный командиръ, чтобы сдвинуть мой взводъ, но напрасны были его убѣжденія и угрозы.—Между тѣмъ я остановилъ не одинъ мой стрѣлковый взводъ, за моимъ взводомъ стояли еще три роты, шесть взводовъ; но эти роты не слушались своихъ командировъ, говоря, что впереди командиръ стрѣлковъ знаетъ, что онъ дѣлаетъ. Былъ уже второй часъ пополудни; по мѣрѣ увеличенія числа войскъ, для оцѣпленія возмутителей полиція стала смѣлѣе и разогнала народъ съ площади, много народу потянулось на Васильевскій островъ вдоль боковыхъ перилъ Исаакіевскаго моста. Люди рабочіе и разночинцы, шедшіе съ площади, просили меня держаться еще часокъ и увѣряли, что все пойдетъ ладно. Въ это время вмѣстѣ съ отступающимъ народомъ, командиру нашей 3-й Егерской роты, капитану Д. Н. Бѣлевцову, удалось отвести свою роту назадъ, и перейти съ нею чрезъ Неву отъ академіи художествъ къ Англійской набережной, къ углу Сенатской площади; за этотъ открытый и мужественный поступокъ Бѣлевцовъ награжденъ былъ Владимірскимъ крестомъ съ бантомъ; остальныя двѣ роты оставались за моимъ взводомъ. Слишкомъ два часа стоялъ я неподвижно, въ самой мучительной внутренней борьбѣ, выжидая атаки на площади, чтобы поддержать ее тремя съ половиною ротами, или восемью стами солдатъ, готовыхъ слѣдовать за мною повсюду.

Между тѣмъ на Сенатской площади около восьми сотъ человѣкъ л.-г. Московскаго полка составили каре: рота М. А. Бестужева 3-го стояла лицомъ къ Адмиралтейскому бульвару, онъ по необходимости долженъ былъ наблюдать за тремя фасами, а четвертымъ, обращеннымъ къ Исаакіевскому собору, командовалъ утомившійся князь Щепинъ-Ростовскій. Это обстоятельство дало возможность М. А. Бестужеву спасти два эскадрона конногвардейцевъ, обскакавшихъ каре и построившихся на полуружейный выстрѣлъ отъ него. Весь фасъ каре, обращенный къ Сенату приложился, чтобы дать залпъ, но былъ остановленъ М. А. Бестужевымъ, который выбѣжавъ впередъ фаса, скомандовалъ: Отставь!—Нѣсколько пуль прожужжало мимо его ушей, и нѣсколько конногвардейцевъ свалилось съ лошадей.

Послѣ московцевъ прибылъ на площадь Сенатскую по Галерной улицѣ баталіонъ гвардейскаго экипажа. Когда баталіонъ этотъ собранъ былъ во дворѣ казармъ для принятія присяги, и нѣсколько офицеровъ, сопротивлявшихся присягѣ, были арестованы бригаднымъ командиромъ генераломъ Шиповымъ, то въ воротахъ казармъ показался Н. А. Бестужевъ I, въ то самое мгновеніе, когда съ площади послышались выстрѣлы ружейные противъ атаки конногвардейцевъ, и закричалъ солдатамъ:—

«нашихъ бьютъ! ребята, за мной!»—и всѣ ринулись за нимъ на площадь. Второпяхъ забыли прикатить за собою нѣсколько орудій, стоявшихъ въ арсеналѣ баталіонномъ; впрочемъ, всѣ надѣялись на содѣйствіе гвардейской конной артиллеріи. Баталіонъ этотъ, выстроившись въ колонну къ атакѣ, сталъ за каре л.-г. Московскаго полка, за фасомъ, обращеннымъ къ Исаакіевскому собору.

Потомъ присоединились три роты л.-г. гренадерскаго полка, приведенныя поручикомъ А. Н. Сутгофомъ, баталіоннымъ адъютантомъ Н. А. Пановымъ и подпоручикомъ Кожевниковымъ. Перебѣжавъ черезъ Неву, они вошли во внутренній дворъ Зимняго дворца, гдѣ уже стоялъ полковникъ Геруа съ баталіономъ гвардейскихъ саперъ. Комендантъ Башуцкій похвалилъ усердіе гренадеръ на защиту престола, но люди, замѣтивъ свою ошибку, закричали: «не наши!» и, повернувъ полукружіемъ около двора, вышли изъ дворца, прошли мимо государя, спросившаго ихъ:—«куда вы? если за меня, такъ направо, если нѣтъ, такъ налѣво!» Кто-то отвѣтилъ: «налѣво!» и всѣ побѣжали на Сенатскую площадь вразсыпную и были помѣщены внутри каре Московскаго полка, чтобы тамъ расчитать и построить ихъ поротно, чего еще не успѣли, какъ артиллерія начала дѣйствовать. Должно, однако, замѣтить, что Сутгофъ вывелъ свою роту въ полной походной аммуниціи, съ небольшимъ запасомъ хлѣба, предваривъ ее о предстоящихъ дѣйствіяхъ.

Всего было на Сенатской площади въ рядахъ возстанія больше 2000 солдатъ. Эта сила въ рукахъ одного начальника, въ виду собравшагося тысячами вокругъ народа, готоваго содѣйствовать, могла бы все рѣшить, и тѣмъ легче, что при наступательномъ дѣйствіи много баталіоновъ пристали бы къ возмутившимся, которые при 10-ти-градусномъ морозѣ, выпадавшемъ снѣгѣ съ восточнымъ рѣзкимъ вѣтромъ, въ однихъ мундирахъ, ограничивались страдательнымъ положеніемъ и грѣлись только неумолкаемыми возгласами: «Ура!» [1]). Не видать было диктатора, да и помощники его не были на мѣстѣ. Предложили Булатову: онъ отказался; предложили Н. А. Бестужеву I: онъ, какъ морякъ, отказался; навязали, наконецъ, начальство князю Е. П. Оболенскому, не какъ тактику, а какъ офицеру, извѣстному и любимому солдатами. Было въ полномъ смыслѣ безначаліе: безъ всякихъ распоряженій,—всѣ командовали, всѣ чего-то ожидали, и въ ожиданіи дружно отбивали атаки, упорно отказывались сдаться и гордо отвергли обѣщанное помилованіе.

Постепенно, смотря по разстоянію казармъ отъ дворца, собирались войска противной стороны: л.-гв. Конный полкъ приблизился къ площади со стороны Англійской набережной, баталіоны Измайловскаго и Егерскаго полковъ по Вознесенской улицѣ къ Синему мосту. Л.-гв. Семеновскій по Гороховой. Близъ Адмиралтейскаго бульвара стояло каре л.-гв. Преображенскаго полка,—тамъ присутствовалъ новый императоръ на конѣ съ многочисленною свитою; въ каре находился цесаревичъ, отрокъ семилѣтній, съ воспитателемъ своимъ. Впереди каре поставлены были орудія бригады полковника Нестеровскаго, подъ прикрытіемъ взвода кавалергардовъ, подъ командою поручика И. А. Анненкова. Позади каре баталіонъ л.-гв. Павловскаго полка; саперы стерегли дворецъ. Преданность войскъ къ престолу была не безусловная: она колебалась въ эту минуту. Когда 2-му батальону л.-гв. Егерскаго, нынѣ Гатчинскаго полка, приказано было двинуться впередъ отъ Синяго моста, и онъ уже тронулся, то по командѣ Яку-

[1]) Николай Павловичъ въ своей запискѣ о 14 декабря упоминаетъ, между прочимъ, о томъ, что рабочіе Исаакіевскаго собора, изъ-за забора начали бросать полѣньями въ него и его свиту.

Ред.

бовича:—«Налѣво кругомъ!»—весь баталіонъ обратился назадъ, несмотря на совершенную преданность престолу баталіоннаго командира полковника В. И. Буссе, который за этотъ случай не получилъ званія флигель-адъютанта, отличія, коего удостоились получить всѣ баталіонные командиры, кромѣ еще моего баталіоннаго командира А. Н. Тулубьева за то, что одинъ взводъ задержалъ три роты. Измайловскій полкъ въ тотъ день былъ также весьма ненадеженъ. Зато Конно-гвардейскій полкъ, подъ начальствомъ А. Ф. Орлова, молодецки пять разъ атаковалъ каре московцевъ и пять разъ былъ отбитъ штыками и залпами; два эскадрона ихъ были спасены отъ истребленія М. А. Бестужевымъ 3-мъ. Я уже сказалъ, что у солдатъ было не больше пяти патроновъ въ сумѣ; пулею раненъ былъ въ руку ротмистръ Веліо, а поручикъ Галаховъ—камнемъ, брошеннымъ изъ толпы народа.

Когда войско было разставлено такъ, что возмутители со всѣхъ сторонъ были окружены густыми колоннами, то народу уже немного оставалось на площади, и полиція уже смѣлѣе начала разгонять его съ Адмиралтейской площади и Дворцовой, гдѣ самъ императоръ, на конѣ, приказывалъ народу и упрашивалъ его разойтись по домамъ, чтобы не мѣшать движенію войскъ. Всѣ средства были употреблены государемъ, чтобы прекратить возмущеніе безъ боя, безъ кровопролитія.

Первый изъ тѣхъ, которые желали и старались уговорить возмутителей къ возвращенію въ казармы, былъ корпусный командиръ Войновъ; но всѣ его убѣжденія были напрасны, угрозы также, и кончилось тѣмъ, что изъ толпы народа кто-то пустилъ въ него полѣномъ такъ сильно въ спину, что у старика свалилась шляпа, и онъ принужденъ былъ удалиться Генералъ Бистромъ удерживалъ остальныя роты л.-гв. Московскаго полка отъ присоединенія ихъ къ возставшимъ товарищамъ, и уговаривалъ ихъ содержать караулы въ тотъ же вечеръ. Генералъ И. О. Сухозанетъ примчался къ каре, какъ бѣшеный, просилъ солдатъ разойтись, прежде чѣмъ станутъ стрѣлять изъ пушекъ; его спровадили и сказали: «стрѣляйте!». Великій князь Михаилъ Павловичъ, въ этотъ день только что возвратившійся изъ Неналя, съ самоотверженіемъ подъѣхалъ къ каре, сталъ уговаривать солдатъ, и едва не сдѣлался жертвой своей смѣлости. В. К. Кюхельбекеръ, видя, что великому князю можетъ удасться отклонить солдатъ, уже прицѣлилъ въ него пистолетомъ, Петръ Бестужевъ отвелъ его руку, пистолетъ далъ осѣчку; князь долженъ былъ удалиться. Графъ М. А. Милорадовичъ, любимый вождь всѣхъ воиновъ, спокойно въѣхалъ въ каре и старался уговорить солдатъ; ручался имъ честью, что государь проститъ имъ ослушаніе, если они тотчасъ вернутся въ свои казармы. Всѣ просили графа скорѣе удалиться; князь Е. П. Оболенскій взялъ подъ узду его коня, чтобы увести и спасти всадника, который противился; наконецъ, Оболенскій штыкомъ солдатскаго ружья кололъ коня его въ бокъ, чтобы вывести героя изъ каре. Въ эту минуту пули Каховскаго и еще двухъ солдатъ смертельно ранили смѣлаго воина, который въ безчисленныхъ сраженіяхъ и стычкахъ участвовалъ со славою и оставался невредимымъ: ему суждено было пасть отъ русской пули. Командиръ л.-гв. Гренадерскаго полка, полковникъ Стюрлеръ, старался отвести своихъ гренадеръ, отдѣлившихся отъ полка, и уговаривалъ ихъ возвратиться съ нимъ къ полку и къ долгу своему: пули Каховскаго и нѣсколькихъ солдатъ ранили его смертельно. Наконецъ, по приказанію государя, употреблено было еще послѣднее средство къ усмиренію: на извозчичьихъ саняхъ подъѣхалъ митрополитъ Серафимъ въ сопровожденіи кіевскаго митрополита Евгенія и нѣсколькихъ священниковъ, съ животво-

рящимъ крестомъ, умолялъ братьевъ христіанскою любовью возвратиться въ свои казармы. Серафимъ, равно какъ прежде него великій князь Михаилъ и графъ Милорадовичъ, обѣщалъ именемъ государя совершенное прощеніе всѣмъ возмутившимся, кромѣ зачинщиковъ. Его выслушали; воины осѣнили себя знаменіемъ креста, но мольбы его остались также тщетными; ему сказали: «поди, батюшка, домой, помолись за насъ за всѣхъ,—здѣсь тебѣ нечего дѣлать!».

День декабрьскій скоро кончается: въ исходѣ третьяго часа начинаетъ смеркаться; безъ сомнѣнія, въ сумерки нахлынулъ бы народъ, разогнанный полиціей; навѣрно, пристала бы часть войска. Императоръ долго не рѣшался на ultima ratio rerum, но видѣлъ, что медлить было нечего, и былъ вынужденъ прибѣгнуть къ этому средству, когда графъ Ф. К. Толь, прибывшій въ Петербургъ въ тотъ же день послѣ великаго князя Михаила, сказалъ ему: «Sire, faites balayer la place par la mitraille, ou renoncez au trône». Государь никогда не могъ простить ему этой выходки, хотя не пренебрегалъ его полезною службою и доказанными его знаніями и способностями полководца [1]).

Первый выстрѣлъ пушки, заряженной холостымъ зарядомъ, прогремѣлъ,—въ отвѣтъ послышалось: «ура!» —второй и третій посылали ядра, одно засѣло въ стѣнѣ сената, другое навѣсно полетѣло по направленію отъ угла сената къ академіи художествъ. Возстаніе опять отвѣтило громкимъ и звонкимъ: «ура!». Зарядили картечью; полковникъ Нестеровскій наводилъ пушки, самъ государь скомандовалъ: «первая!», но фейерверкеръ съ фителемъ началъ креститься; опять послышался тотъ же голосъ: «первая»; тогда поручикъ Илья Бакунинъ приложилъ фитиль; въ секунду картечь изъ орудій посыпалась градомъ въ густое каре. Возстаніе разбѣжалось по Галерной улицѣ и по Невѣ къ академіи. Пушки двинулись впередъ и дали другой залпъ картечью, однѣ по Галерной, другія—поперекъ Невы. Отъ вторичнаго, совершенно напраснаго залпа картечью, учетверилось число убитыхъ, виновныхъ и невиновныхъ, солдатъ и народа,—особенно по узкому дефиле или ущелью Галерной улицы. Три фаса московскаго каре бросились съ М. А. Бестужевымъ 3-мъ къ набережной, картечь ихъ провожала; на Невѣ онъ хотѣлъ построить людей по отдѣленіямъ, но ядра, пущенныя съ угла Исаакіевскаго моста, подломили ледъ, и много потонуло людей; безъ этого обстоятельства, можетъ быть, удалось бы Бестужеву занять Петропавловскую крѣпость. Лейбъ-гренадеры, гвардейскій экипажъ и четвертый фасъ московскаго каре бросились по Галерной, куда подвезли пушки и повалили солдатъ продольными выстрѣлами. По этому случаю л.-гв. Павловскій полкъ не могъ быть помѣщенъ въ Галерной улицѣ во время дѣла, какъ повѣствуетъ о томъ графъ Комаровскій въ своихъ запискахъ; но этотъ полкъ былъ поставленъ тамъ поздно вечеромъ, послѣ рѣшенія дѣла, и едва не арестовалъ Бестужева, когда тотъ, уже переодѣтый въ партикулярное платье, пробирался къ К. П. Торсону.

Почти покажется невѣроятнымъ, что изъ моихъ товарищей никто не былъ ни убитъ, ни раненъ: у многихъ шинели и шубы были пробиты картечныли пулями. Изъ

[1]) Въ запискѣ имп. Николая послѣдній моментъ изложенъ нѣсколько иначе. „Г.-ад. Васильчиковъ, обратившись ко мнѣ, сказалъ: „Sire, il n'y a pas un moment à perdre l'on n'y peu rien maintenant; il faut de la mitraille".—Я предчувствовалъ сію необходимость, но, признаюсь, когда настало время, не могъ рѣшиться на подобную мѣру! И меня ужасъ обнялъ:—„Vous voulez que je verse le sang de mes sujets le premier jour de mon régne!"—отвѣчалъ я Васильчикову.—„Pour sauver votre Empire",—сказалъ онъ мнѣ. Эти слова меня снова привели въ себя; опомнившись я видѣлъ, что или должно мнѣ взять на себя пролить кровь нѣкоторыхъ, и спасти почти навѣрно *все*, или, *пощадивъ* себя, жертвовать рѣшительно государствомъ".

залпа, сдѣланнаго противъ третьей атаки конной гвардіи, одна пуля сорвала у меня лѣвую кисточку отъ кивернаго кутаса и заставила рядъ стрѣлковъ наклонить головы въ бокъ; шутникъ это замѣтилъ и сказалъ: «что это вы кланяетесь головами не прямо, а въ сторону?». Особенно въ баталіонѣ гвардейскаго экипажа легли цѣлые ряды солдатъ; офицеры остались невредимы. Всѣ бросились съ площади по двумъ означеннымъ направленіямъ,—одинъ только остановился, подошелъ къ генералу Мартынову, чтобы черезъ него передать свою саблю великому князю Михаилу,—то былъ гвардейскаго экипажа лейтенантъ М. К. Кюхельбекеръ. Въ это самое время наскочилъ на него полковникъ піонернаго эскадрона Зассъ съ поднятою саблею, что заставило генерала Мартынова остановить его порывъ и сказать ему: «ай да храбрый полковникъ Зассъ! Вы видѣли, что онъ вручилъ мнѣ свою полусаблю!». Когда площадь очистилась отъ возмутителей, то конная гвардія повернула къ Исаакіевскому мосту на Васильевскій островъ. Я скомандовалъ на лѣво кругомъ и остановилъ взводъ возлѣ манежа 1-го кадетскаго корпуса. По прибытіи полкового командира изъ дворца, приказано мнѣ было вести мой взводъ во дворъ директора всѣхъ корпусовъ, въ 1-й Линіи, противъ Большого проспекта. Пріѣхалъ полковой священникъ; мнѣ приказано было отойти отъ моихъ людей. Я видѣлъ, что солдаты сомкнулись въ кругъ, священникъ сталъ ихъ разспрашивать и готовить къ присягѣ; тогда я быстро ворвался въ кругъ и громко, во всеуслышаніе, объявилъ священнику, что солдаты мои ни въ чемъ не винваты, они слушались своего начальника. Взводъ мой присягнулъ. Звѣзды горѣли на небѣ, а на землѣ бивачные огни въ разныхъ направленіяхъ; меня со взводомъ моимъ назначили занять Андреевскій рынокъ и караулить тамошній небольшой гостиный дворъ. Патрули ходили безпрестанно, и конные, и пѣшіе; послали за шинелями въ казармы. Съ 10-ти часовъ утра до 10-ти часовъ вечера щеголялъ я съ солдатами въ однихъ тонкихъ мундирахъ. Взводу принесли хлѣба изъ казармъ; негоціантъ Германъ Кноопъ, мой нарвскій знакомецъ, велѣлъ имъ дать пищу и по чаркѣ водки, а для меня принесъ бутылку отличнѣйшаго вина. Въ теченіе ночи очищали Сенатскую площадь, Галерную улицу и дорогу чрезъ Неву; раненыхъ отвезли въ госпитали, близъ прорубей находили различныя одежды. На другой день увидѣлся съ женою на два часа, чтобы разстаться надолго. Меня арестовали по высочайшему повелѣнію 15-го декабря рано утромъ.

Дѣйствія или дѣйствователи 14-го декабря обсуждены различнымъ образомъ: одни видѣли въ нихъ мечтателей, другіе—безумцевъ, третьи—бранили, называли ихъ обезьянами Запада, четвертые укоряли ихъ въ непомѣрномъ честолюбіи; иной порицалъ безусловно, другой жалѣлъ; мало кто судилъ безпристрастно, и то почти тайно, соображаясь съ достоинствами отдѣльной личности и выпуская изъ виду главную причину и главную цѣль. Газеты тогда не смѣли печатать правду; съ плеча постановили приговоръ свой,—что всѣ мятежники декабристы, были гадко одѣты, и всѣ имѣли звѣрскій видъ и отвратительную наружность. Совершившееся дѣло показало, что предпріятіе было явно начато среди бѣлаго дня. На большой площади, въ виду народа, нѣсколько человѣкъ дерзнуло обнаружить неудовольствіе и ожидало общаго участія для лучшей перемѣны. Правда, что первыя роты изъ л.-гв. Московскаго полка были выведены подъ предлогомъ вѣрности данной присягѣ Константину. Правда и то, что когда послышались возгласы въ толпѣ «лучше вмѣсто Константина конституцію!», и когда спросили нѣсколькихъ человѣкъ:

«кто это конституція?», то отвѣтили имъ: «это супруга Константина» [1]). Но также правда и то, что гренадерамъ и надежнымъ унтеръ-офицерамъ были объявлены другія причины,—а въ толпѣ посторонних хорошо знали эти причины!—Декабристамъ на площади легко было предвидѣть худой конецъ. Рылѣевъ, какъ угорѣлый, бросался во всѣ казармы, ко всѣмъ карауламъ, чтобы набрать больше матеріальной силы, и возвращался на площадь съ пустыми руками; слѣдовательно, они сознательно обрекли себя на жертву, обнаружили мужество, которое борется безъ всякой надежды на успѣхъ; и вышло, какъ мнѣ сказалъ Рылѣевъ: «а все-таки надо, все-таки надо!».

Однако успѣхъ предназначеннаго предпріятія былъ возможенъ, если сообразимъ всѣ обстоятельства. Двѣ тысячи солдатъ, и въ десятеро больше народу, были готовы на все по мановенію начальника. Начальникъ былъ избранъ, я жилъ съ нимъ вмѣстѣ подъ одною крышею шесть лѣтъ въ Читинскомъ острогѣ и въ Петровской тюрьмѣ за Байкаломъ. Товарищи знали его давно и много лѣтъ до рокового дня; всѣ согласятся, что онъ былъ всегда мужъ правдивый, честный, весьма образованный, способный, на котораго можно было положиться. Не знаю, отчего онъ не явился въ назначенный часъ въ назначенное мѣсто?! Онъ, я думаю, и самъ этого не зналъ: психологія или физіологія на то отвѣтитъ. Согласенъ, что онъ потерялъ голову, могу назвать его жалкимъ въ этотъ день: но подлости, измѣны, въ немъ не допускаю... Въ критическую минуту пришлось его замѣнить; изъ двухъ назначенныхъ ему помощниковъ, одинъ, полковникъ Булатовъ, имѣлъ способность и храбрость, но избралъ себѣ самъ отдѣльный кругъ дѣйствія; другой—капитанъ А. И. Якубовичъ съ повязкою на прострѣленномъ челѣ, съ безотвѣтною саблею, лихой рубака на Кавказѣ, — не принялъ начальства, онъ хотѣлъ дѣйствовать независимо. И въ самомъ дѣлѣ,—хотѣлъ ли онъ протянуть или затянуть дѣло,— но онъ игралъ роль двусмысленную: то подстрекалъ возмутителей, то обѣщалъ императору склонить ихъ къ покорности [2]). Предложили начальствовать Н. А. Бестужеву 1-му: онъ, какъ морякъ, отказался. Почти насильно поручили начальство князю Е. П. Оболенскому. Между тѣмъ уходило время; не было единства въ распоряженіяхъ: отчего сила, вмѣсто дѣйствующей, стала только страдательною. Московцы твердо устояли, и отбили пять атакъ л.-гв. коннаго полка. Солдаты не поддавались ни угрозамъ, ни увѣщаніямъ. Они не пошатнулись предъ митрополитомъ въ полномъ облаченіи съ крестомъ, умолявшимъ ихъ во имя Господа. Эта сила, на морозѣ и въ мундирахъ, стояла неподвижно въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, когда она могла взять орудія, заряженныя противъ нее. Орудія стояли близко подъ прикрытіемъ взвода кавалергардовъ, подъ командою члена тайнаго общества И. А.

[1]) Каховскій отрицаетъ этотъ фактъ. Въ письмѣ къ Левашеву онъ писалъ: „Несправедливо говорили, будто бы при возстаніи 14 декабря кричали: „Да здравствуетъ конституція“ и будто народъ спрашивалъ: „Что такое конституція? Не жена ли его высочества цесаревича?“ Это забавная выдумка. Мы очень знали бы замѣнить конституцію закономъ и имѣли слово, потрясающее сердца равно всѣхъ сословій въ народѣ: Свобода! Но нами ничто не было провозглашаемо, кромѣ имени Константина“. См. ст. П. Е. Щеголева о П. Г. Каховскомъ въ журналѣ „Былое“, 1906 г., янв., стр. 142. *Ред.*

[2]) Николай Павловичъ слѣдующимъ образомъ разсказываетъ о своей встрѣчѣ съ Якубовичемъ въ день 14 декабря: „Я замѣтилъ противъ себя офицера нижегородскаго драгунскаго полка, котораго чернымъ повязанная голова, огромные черные глаза и усы, а также вся наружность имѣли что-то особенно отвратительное; подозвавъ его къ себѣ, узналъ, что онъ Якубовскій (Якубовичъ); но, не зная, съ какой цѣлью онъ тутъ былъ, спросилъ его, чего онъ желаетъ. На сіе онъ мнѣ дерзко сказалъ: „я былъ съ ними, но, услышавъ, что они за Константина, бросилъ и явился къ вамъ“. Я взялъ его за руку и сказалъ: „Спасибо! вы вашъ долгъ знаете!“. *Ред.*

Анненкова. Нетрудно было приманить къ себѣ л.-гв. измайловскій полкъ, въ которомъ было много посвященныхъ въ тайны общества. Въ ту же ночь бритвою лишилъ себя жизни капитанъ Богдановичъ, упрекнувъ себя въ томъ, что не содѣйствовалъ. Она могла разогнать полицію, или арестовать полицію, и удержать народъ, доказавшій свою готовность вооружиться чѣмъ попало,—хоть полѣномъ. Наконецъ въ этотъ самый день занималъ караулы во дворцѣ, въ адмиралтействѣ, въ сенатѣ, въ присутственныхъ мѣстахъ 2-й батальонъ л.-гв. Финляндскаго полка, подъ начальствомъ полковника А. Ф. Моллера, стариннаго члена тайнаго общества; въ его рукахъ былъ дворецъ. Относительно Моллера я долженъ сказать, что наканунѣ, 13-го декабря, былъ у него Н. А. Бестужевъ, чтобы склонить его на содѣйствіе съ батальономъ; онъ положительно отказался, и среди переговоровъ ударилъ по выдвинутому ящику письменнаго стола, ящикъ разбился:—«вотъ слово мое, сказалъ онъ, если дамъ его, то во что бы ни стало, сдержу его; но въ этомъ дѣлѣ—не вижу успѣха, и не хочу быть четвертованнымъ».

На Адмиралтейскомъ бульварѣ, въ двадцати шагахъ отъ императора, стоялъ полковникъ Булатовъ, командиръ армейскаго егерскаго полка въ дивизіи Н. М. Сипягина, недавно прибывшій въ Петербургъ въ отпускъ. Онъ имѣлъ два пистолета, заряженныхъ за пазухой, съ твердымъ намѣреніемъ лишить его жизни: но рука невидимая удерживала его руку. Въ Булатовѣ всегда было храбрости и смѣлости довольно. Лейбъ-гренадерамъ хорошо извѣстно, какъ онъ въ отечественную войну съ своею ротою бралъ непріятельскія батареи, какъ онъ восторженно штурмовалъ ихъ, какъ онъ, подъ градомъ непріятельской картечи, во многихъ шагахъ впереди роты, увлекалъ людей куда хотѣлъ. Этотъ смѣлый воинъ, когда государь при личномъ допросѣ изъявилъ ему удивленіе свое, что видитъ его въ числѣ мятежниковъ, отвѣтилъ откровенно, что, напротивъ того, онъ удивленъ видѣть предъ собою государя.—«Что это значитъ?»—«Вчера слишкомъ два часа стоялъ я въ двадцати шагахъ отъ вашего величества съ заряженными пистолетами, и съ твердымъ намѣреніемъ убить васъ; но каждый разъ, когда хватался за пистолетъ,—сердце мнѣ отказывало».—Государю понравилось откровенное признаніе, и онъ приказалъ не сажать его въ казематы крѣпости, гдѣ мы всѣ содержались, но помѣстить его въ квартирѣ коменданта и дать ему хорошее содержаніе.—Чрезъ нѣсколько недѣль Булатовъ уморилъ себя голодомъ, выдержавъ ужасную борьбу: имѣя предъ собою хорошую и вкусную пищу, онъ сгрызъ ногти своихъ пальцевъ и сосалъ кровь свою. Эти подробности передалъ мнѣ плацъ-адъютантъ капитанъ Николаевъ, и прибавилъ: Булатовъ сдѣлалъ это отъ угрызеній совѣсти и глубокаго раскаянія. «Въ чемъ же онъ раскаивался, когда онъ никого не убилъ, и все стоялъ въ сторонѣ, какъ прочіе зрители?»—спросилъ я. «То Господу Богу Единому извѣстно!»—отвѣтилъ адъютантъ крѣпости.

Воспоминанія мои написаны были въ тридцатыхъ годахъ. Въ 1857 году напечатана была книга: «Восшествіе на престолъ императора Николая I», составленная барономъ М. А. Корфомъ, по запискамъ многихъ членовъ императорскаго дома и приближенныхъ ко двору. Если эти показанія разнятся съ моими, то это очень естественно, потому что составители записокъ, кромѣ великаго князя Михаила Павловича и А. Ф. Орлова, находились въ Зимнемъ дворцѣ, или окружали государя, и двигались съ нимъ только по Дворцовой и по Адмиралтейской площади, вдоль бульвара. Впрочемъ, разности эти столько же неважны, сколько разности въ описаніи какого бы то ни было сра-

женія, въ коемъ невозможно, чтобы одинъ человѣкъ вѣрно и точно обнялъ бы взглядомъ всѣ совершившіяся одновременныя дѣйствія и движенія, въ различныхъ мѣстностяхъ.

Баронъ Корфъ приводитъ положительные факты, изъ коихъ видно, что императоръ, бывъ еще великимъ княземъ, зналъ объ измѣненіи престолонаслѣдія, и еще до 27-го ноября зналъ о существованіи тайныхъ обществъ, и до 14-го декабря имѣлъ именной списокъ заговорщиковъ То же самое подтверждаетъ г. Устряловъ въ своемъ сочиненіи: «Царствованіе императора Николая I», напечатанномъ въ 1848 году. Говорили, что первыя страницы этой книги были пересмотрѣны самимъ императоромъ до напечатанія книги. Положительны были донесенія графа Витте, доносы Шервуда и Майбороды, особенно послѣдняго, бывшаго казначеемъ вятскаго пѣхотнаго полка полковника П. И. Пестеля, и промотавшаго въ Москвѣ нѣсколько тысячъ рублей при закупкѣ полковыхъ вещей. Кромѣ названныхъ доносчиковъ, былъ еще предостерегатель молодой офицеръ І. И. Ростовцевъ, адъютантъ генерала Бистрома. Нельзя причислить его къ доносчикамъ, потому что онъ 12-го декабря предварилъ членовъ общества Рылѣева и Оболенскаго, давъ имъ прочесть письмо, написанное великому князю Николаю Павловичу, благодѣтелю его семейства. Въ письмѣ своемъ предостерегалъ онъ его высочество отъ предстоящей опасности вообще, но не называлъ никого. Въ своемъ мѣстѣ, далѣе приложу подлинное письмо Оболенскаго ко мнѣ, относительно Ростовцева.—По всѣмъ этимъ даннымъ нетрудно сдѣлать выводъ, по какой причинѣ великій князь Николай Павловичъ 27-го ноября не исполнилъ завѣщанія императора Александра I. Упомянутыя два сочиненія приписываютъ эту причину братской любви; но всѣмъ извѣстно, что между обоими братьями, Константиномъ и Николаемъ, не было никогда особеннаго сочувствія или дружбы; сверхъ того, характеру Николая несродно было увлеченіе нѣжности или равнодушіе къ власти. Не вѣрнѣе ли будетъ заключеніе, если скажемъ, что имѣя въ рукахъ всѣ доносы, въ коихъ могли быть названы важныя лица, даже не принадлежавшія къ тайнымъ обществамъ, Николай видѣлъ въ одномъ краю Россіи брата своего Константина, наслѣдника престола по праву, во главѣ лучшей арміи по своему устройству и обученію,—въ другомъ краю А. П. Ермолова съ обстрѣленными и порохомъ пропитанными своими кавказцами,—въ Петербургѣ напрасно заподозрили К. И. Бистрома, идола гвардейскихъ солдатъ, и еще Н. С. Мордвинова и М. М. Сперанскаго и другихъ, извѣстныхъ по любви къ свободѣ,—на югѣ онъ видѣлъ въ Тульчинѣ и въ Бѣлой церкви генераловъ и полковыхъ командировъ Пестеля, Бурцова, Абрамова, Тизенгаузена, Арт. З. Муравьева и батарейныхъ начальниковъ—Ентальцова и Берстеля... Такія свѣдѣнія, подобные доносы, заставляли невольно призадумываться...

Въ тотъ же самый день, 14-го декабря, за 1.500 верстъ отъ Петербурга, былъ арестованъ полковникъ П. И. Пестель, главный двигатель общества на югѣ. Приказъ объ его арестованіи данъ былъ изъ Таганрога вслѣдствіе доноса Майбороды. Штабъ главной квартиры 2-й арміи вытребовалъ полкового командира подъ предлогомъ дѣлъ по службѣ; Пестель догадался, но не думалъ о возстаніи, просилъ только спрятать его Русскую Правду, и поѣхалъ въ Тульчинъ, гдѣ передъ заставой встрѣтили его жандармы и проводили уже какъ арестанта. 29-го декабря были арестованы братья С. и М. Муравьевы-Апостолы полковымъ командиромъ Черниговскаго пѣхотнаго полка; въ ту же ночь молодые офицеры, члены тайнаго общества Соединенныхъ Славянъ, Кузьминъ, Соловьевъ, Сухиновъ, Мазалевскій и другіе освободили арестантовъ, ра-

нили полкового командира Гебеля, и подняли шесть ротъ, расположенныхъ ближе къ полковому штабу. С. И. Муравьевъ выступилъ 31-го декабря съ намѣреніемъ присоединиться къ ближайшимъ сообщникамъ въ Кіевѣ. 1-го января была дневка въ Мотовиловкѣ; черезъ день повернулъ на Бѣлую Церковь, а между Устиновкой и Королевкой былъ онъ настигнутъ отрядомъ гусаръ генерала Гейсмара; онъ выстроилъ каре, не велѣлъ стрѣлять, и повелъ солдатъ въ атаку на орудія. Картечный выстрѣлъ ранилъ и повалилъ его, а когда онъ опомнился, то уже не могъ собрать солдатъ; онъ и Бестужевъ-Рюминъ были ими выданы гусарскому эскадронному командиру. Прочіе офицеры и М. И. Муравьевъ-Апостолъ были взяты въ плѣнъ, а младшій братъ его Ипполитъ Ивановичъ былъ убитъ во время атаки. Ротный командиръ Кузьминъ подъ арестомъ застрѣлился. Сухинову удалось дойти до Кишинева, чтобы перебраться за границу, но онъ былъ выданъ. Въ своемъ мѣстѣ возвращусь къ этому происшествію, теперь выведу заключеніе о 14-мъ декабря.

На упрекъ въ употребленіи для возстанія и переворота военной силы, которая назначена на охраненіе и на защиту общественнаго спокойствія, замѣчу только, что къ тому прибѣгли обдуманно для избѣжанія междоусобной брани, для быстраго введенія первоначальнаго новаго порядка. Напрасно много твердили и писали, что возстаніе 14-го декабря осадило Россію назадъ на полстолѣтія, и не позволитъ правительству привести въ скорѣйшее исполненіе свои благія намѣренія. Напротивъ того, оно было поводомъ къ изобличенію всѣхъ злоупотребленій старинныхъ и новыхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовавшее разслѣдованіе заговора указало не только на язвы государственнаго устройства, но и представляло средства къ вѣрнѣйшему и скорому излеченію. Новый государь въ нѣсколько мѣсяцевъ узналъ все состояніе Россіи лучше, нежели то удалось предшественникамъ его въ десятки лѣтъ. Время скоро сотретъ наименованіе мятежниковъ и вѣрноподданныхъ 14-го декабря, и соединитъ всѣхъ гражданъ для блага и для пользы общей. Конечно, такъ или иначе, благо устроилось бы и безъ 14-го декабря: но это уже зависѣло бы не отъ тайнаго общества, не отъ заговора,—а отъ правительства. 27-го ноября была сдѣлана ошибка; но въ десятыхъ дняхъ декабря, когда не оставалось никакого сомнѣнія въ чистосердечномъ отреченіи Константина отъ престола, когда Николаю извѣстны были имена главныхъ заговорщиковъ въ Петербургѣ, то становится непостижимымъ, почему не предпринималъ онъ никакихъ предупредительныхъ мѣръ? Дѣло выказалось и было очень просто: слѣдовало арестовать Рылѣева, Оболенскаго, Бестужевыхъ, много что десять человѣкъ, и не было бы кровопролитія 14-го декабря, а тамъ уже нетрудно было справиться по одиночкѣ съ отдѣльными членами тайныхъ обществъ. Ошибка важная со стороны государя; вотъ почему онъ и забыть не могъ этого рокового дня. При малѣйшемъ нарушеніи могильной тишины и дисциплины имѣлъ онъ привычку повторять: «ce sont mes amis du quatorze!» —Воспоминаніе государя о 14-мъ декабрѣ на смертномъ одрѣ своемъ въ 1855 году застало еще 25 ссыльныхъ въ Сибири, пережившихъ друзей. Впрочемъ, не одинъ Николай называлъ ихъ своими друзьями, но случалось мнѣ слышать иногда отъ сосланныхъ товарищей и родственниковъ ихъ:—«ce sont nos amis du quatorze»,—которые удружили намъ ссылкою». На это возражалъ я каждый разъ: «что лучше томиться въ Сибири, чѣмъ сгнить въ Шлиссельбургѣ и Бобруйскѣ».

Глава пятая.

Слѣдственная комиссія.

Арестъ.—Споръ за грамматику—Караульня кавалергардская. — Допросъ въ Зимнемъ дворцѣ.— Н. А. Бестужевъ I.—Холодъ и голодъ.—Сострадательный часовой.—Перемѣщеніе.—Петропавловская крѣпость.—Казематъ.—Одиночество.—Припоминанія.—Слѣдственная комиссія.—Допросъ въ крѣпости.—Дѣйствія комиссіи. — Пѣсни.— Кандалы. — Похороны. — Предчувствіе, сочувствіе. — М. Ф. Митьковъ.—Полночь.— Очная ставка.—Свиданіе.

По утру 15-го декабря, какъ я уже сказалъ, за мной пріѣхалъ полковой адъютантъ Грибовскій и отвезъ меня къ полковому командиру, гдѣ засталъ всѣхъ офицеровъ, кромѣ бывшихъ еще въ караулѣ съ 14-го декабря и еще не смѣнившихся. Генералъ вспомнилъ мое вчерашнее замѣчаніе по поводу присяги, упрекнулъ меня, что я замаралъ мундиръ, и спросилъ присутствовавшихъ: «кто изъ васъ отвезетъ Розена на главную гауптвахту зимняго дворца?»—никто не вызвался; тогда обратился онъ къ дежурному по полку капитану Д. А. Тулубьеву, и приказалъ отвезти меня въ своей каретѣ, а сани мои, по моему приказанію, ѣхали за каретой. Въ комендантской взяли мою шпагу, поставили ее въ уголъ, гдѣ ихъ стояло уже съ полдюжины, и отвели меня на гауптвахту, гдѣ уже другія сутки стоялъ караулъ отъ нашего полка. Въ числѣ караульныхъ офицеровъ стоялъ тутъ добрый мой товарищъ П. И. Гречъ; больше обыкновеннаго блѣдный отъ утомленія безпокойнаго караула, кивнулъ головою и сказалъ: «ахъ, душа! жаль тебя!» — Полковникъ А. Ф. Моллеръ, напротивъ того, раскраснѣвшись, ходилъ взадъ и впередъ и насвистывалъ въ явномъ смущеніи; я попросилъ у него позволенія написать къ женѣ моей и отправить ихъ съ кучеромъ моимъ, чтобы ее успокоить. Онъ сказалъ мнѣ откровенно, что это невозможно, но если имѣю что передать словесно, то охотно сдѣлаетъ, что самъ и исполнилъ, передавъ чрезъ кучера, что я здоровъ и остался въ зимнемъ дворцѣ.—Меня отвели потомъ въ длинную, узкую, заднюю комнату гауптвахты, гдѣ обыкновенно находятся караульные офицера и днемъ и ночью. Уголъ задней стѣны былъ отдѣленъ большимъ столомъ, за коимъ стоялъ диванъ, а на диванѣ спалъ К. В. Чевкинъ, имѣя въ изголовьѣ свой свернутый мундиръ генеральнаго штаба; онъ былъ арестованъ еще наканунѣ 14-го декабря за слишкомъ смѣлую бесѣду съ унтеръ-офицерами Преображенскаго полка въ воротахъ казармъ на Милліонной, которые пригласили его къ полковому командиру. Чевкина перевели въ другое мѣсто,

а ко мнѣ присоединили моего сослуживца капитана Н. П. Рѣпина. - При насъ смѣнился караулъ, вошелъ славный комендантъ Башуцкій, освѣдомился о числѣ арестантовъ и, увидѣвъ меня, воскликнулъ:—«что это, Боже мой! такой отличный офицеръ!»— но, догадавшись тотчасъ, что неумѣстно хвалить такого арестанта, хотѣлъ поправиться и прибавилъ: «то есть такой хорошей наружности!» — Тогда новый караулъ перевелъ меня съ Рѣпинымъ въ переднюю комнату, за стеклянную дверь первой перегородки отъ входа, гдѣ обыкновенно истопники складывали дрова на суточное отопленіе караульни. Изъ-за стеклянной двери мы видѣли, какъ конвой Преображенцевъ окружилъ А. А. Бестужева 2-го (Марлинскаго), который самъ явился во дворецъ съ повинною головою; онъ былъ одѣтъ какъ на балъ, и когда конвою велѣли идти съ нимъ, то самъ скомандовалъ: Маршъ! и пошелъ съ нимъ въ ногу.—Черезъ полчаса такимъ же порядкомъ отвели И. И. Пущина; тутъ я былъ растроганъ, когда въ минуту движенія конвоя, увидѣлъ молодого офицера, который бросился въ средину конвоя, чтобы обнять Пущина: то былъ батальонный адъютантъ л.-гв. Гренадерскаго полка С. П. Галаховъ.

Былъ уже двѣнадцатый часъ ночи; опять готовили конвой изъ 12 солдатъ Преображенскаго полка, не видать было арестанта; тогда вошелъ въ мою перегородку дежурный по карауламъ полковникъ Микулинъ, чтобы осмотрѣть меня и Рѣпина, не было ли у насъ спрятаннаго оружія; потомъ объявилъ, что приказано вести насъ къ государю. Конвой повелъ насъ по корридорамъ, по изгибамъ лѣстницы; въ это время я почувствовалъ, что меня кто-то дергаетъ за фалды мундира, оглянулся, и увидѣлъ полковника Микулина, который на походѣ ощупалъ въ моемъ карманѣ какую-то бумажку и вынулъ ее. Пришли въ другой этажъ, въ просторную освѣщенную переднюю, гдѣ безпрестанно приходили и уходили генералы и флигель-адъютанты. Неотвязчивый полковникъ спросилъ меня, отъ кого была записка, найденная въ моемъ карманѣ? Я отвѣтилъ, что не помню, но узнаю по почерку. Когда онъ показалъ мнѣ записку, то объявилъ, что она жены моей. — По окончаніи канонады на Сенатской площади просилъ я Рѣпина зайти къ ней и успокоить ее, потомъ отправилъ къ ней солдата; чрезъ два часа она написала мнѣ на бумажкѣ: «sois tranquile, cher ami Dieu, me soutient, ménages-toi».—Микулинъ возразилъ мнѣ, что это невозможно, или что жена моя не умѣетъ писать по-французски, потому что ясно видно, что не женщина къ мужчинѣ, а, наоборотъ, мужчина пишетъ къ женщинѣ.—«Не берусь быть судьею, въ какой степени жена моя знаетъ французскій языкъ, но ручаюсь, что въ этой запискѣ нѣтъ ошибки грамматической».—Помилуйте, да какъ же она пишетъ въ мужескомъ родѣ tranquille два *l* и *e*!—На счастье мое подошелъ адъютантъ государя полковникъ В. А. Перовскій и прервалъ непріятный споръ, сказавъ ученому грамматику —«Cessez donc mon cher, vous dites des bêtises».—Изъ царскаго кабинета чрезъ генералъ-адъютантскія и флигель-адъютантскія комнаты прошелъ И. В. Васильчиковъ въ слезахъ; за нимъ шелъ Нейдгардъ, начальникъ штаба. На поклонъ мой отвѣтилъ онъ вѣжливо и платкомъ утеръ слезы. Вошелъ мой бригадный командиръ, остановился предо мною съ невыразимымъ самодовольствомъ, смотрѣлъ на меня съ торжествующею улыбкою послѣ вчерашняго неловкаго положенія, и наконецъ удалился, когда я посреди конвоя скрестилъ руки на груди, по-наполеоновски, и готовился къ допросу. Дежурный адъютантъ поспѣшно вошелъ и объявилъ, что государь болѣе не принимаетъ, и приказалъ фельдъегерямъ отвести меня на гауптвахту кавалергардскаго полка, а Рѣпина на гауптвахту Преображенскаго полка.

Здѣсь въ полковой караульнѣ просидѣлъ я одну недѣлю. На другой день имѣлъ я радость увидѣться съ женою: она сидѣла въ саняхъ, я стоялъ на платформѣ и успокоилъ ее сколько возможно было. На третій день вступилъ въ караулъ И. А. Анненковъ, тотъ самый, который 14-го декабря прикрывалъ артиллерію, а чрезъ полгода былъ приговоренъ къ каторжной работѣ и къ вѣчной ссылкѣ. Надобно упомянуть здѣсь, что изъ гвардейскихъ и армейскихъ полковъ всего болѣе было членовъ тайнаго общества въ генеральномъ штабѣ и въ кавалергардскомъ полку. Странно было слышать сужденіе караульныхъ офицеровъ и гостей ихъ объ арестованныхъ однополчанинахъ; слава Богу, что такихъ чудаковъ было не много! Съ удовольствіемъ провелъ сутки съ ротмистромъ Тимковскимъ; во всемъ видна была непритворная его привязанность къ покойному императору Александру I; онъ не могъ безъ слезъ вспоминать его. 21-го декабря еще разъ увидѣлся я съ женою нѣсколько минутъ. 22-го послѣ обѣда пріѣхалъ за мною фельдъегерь; караульный офицеръ штабъ-ротмистръ Гудимъ Левковичъ, знаменитый въ свое время мазуристъ, проводилъ меня до саней, искренно пожелавъ мнѣ лучшаго окончанія дѣла. Приказано было отъ коменданта отвести меня въ Зимній дворецъ къ допросу.

На главной гауптвахтѣ Зимняго дворца ожидалъ я моей очереди. Въ 10 часовъ вечера съ конвоемъ отвели меня во внутренніе покои царскіе; чрезъ полчаса, уже безъ конвоя позвали меня въ третью комнату къ дежурному генералъ-адъютанту В. В. Левашеву. Онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, предъ нимъ лежали бумаги, — и началъ меня допрашивать по вопроснымъ пунктамъ, и писалъ мои отвѣты. Въ началѣ допроса отворились другія двери, вошелъ императоръ; я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, чтобы ему поклониться, онъ повелительно и грозно сказалъ:— «стой!» — Подошелъ ко мнѣ, положилъ свою руку подъ эполетъ моего плеча и повторялъ: «назадъ, назадъ, назадъ», подвигая меня и слѣдуя за мною, пока не ступилъ я на прежнее мѣсто къ письменному столу, и восковыя свѣчи, горѣвшія на столѣ, пришлись прямо противъ моихъ глазъ. Тогда болѣе минуты пристально смотрѣлъ онъ мнѣ въ глаза и, не замѣтивъ ни малѣйшаго смущенія, вспоминалъ, какъ онъ всегда доволенъ былъ моею службою, какъ онъ меня отличалъ, и прибавилъ, что теперь лежатъ на мнѣ важныя обвиненія, что я грозилъ заколоть перваго солдата, который вздумалъ бы двинуться за карабинернымъ взводомъ, что онъ требуетъ отъ меня чистосердечныхъ сознаній,—обѣщалъ мнѣ сдѣлать все, что возможно будетъ, чтобы спасти меня, и ушелъ.—Допросъ продолжался, я не могъ сказать всю правду, не хотѣлъ назвать никого изъ членовъ тайнаго общества и изъ зачинщиковъ 14-го декабря. Чрезъ полчаса опять вошелъ государь, взялъ у Левашева отвѣтные пункты, искалъ чего-то; именъ собственныхъ никакихъ не было въ моихъ показаніяхъ; еще разъ взглянулъ на меня съ благоволеніемъ, уговаривая быть откровеннымъ. — Императоръ былъ одѣтъ въ своемъ старомъ сюртукѣ Измайловскаго полка безъ эполетъ, блѣдность на лицѣ, воспаленіе въ глазахъ, показывали ясно, что онъ много трудился и безпокоился, во все вникалъ лично; все хотѣлъ самъ слышать; все самъ читать. Когда онъ ушелъ въ свой кабинетъ, то еще въ третій разъ отворилъ дверь, и въ дверяхъ произнесъ послѣднія слова, мною слышанныя изъ устъ его: — «тебя, Розенъ, охотно спасу!» —Когда Левашевъ дописалъ послѣдній пунктъ, то передалъ мнѣ прочесть бумагу, и приказалъ подписью засвидѣтельствовать истину моихъ показаній. Я просилъ его уволить меня отъ подписи, давъ ему разумѣть, что не могъ

показать всю правду. «Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ снова допросить васъ!»—Но отвѣты мои вторичные все-таки не могли назвать другихъ; о личныхъ моихъ дѣйствіяхъ мнѣ нечего было скрывать, потому что они были явны, въ виду многихъ, подъ открытымъ небомъ во время дневного свѣта: и такъ оставалось мнѣ подписать правду и неправду. Эта скрытность, или это пренебреженіе царскимъ милостивымъ обѣщаніемъ, вѣроятно, были одною изъ причинъ, почему 11-го іюля 1826 года, при утвержденіи приговора верховнаго уголовнаго суда, изъ общаго смягченія приговора для всѣхъ осужденныхъ въ каторгу, изъяты были только четверо: два брата Н. А. Бестужевъ 1-й, М. А. Бестужевъ 3-й, М. Н. Глѣбовъ и я, а можетъ быть за разсужденіе мое, высказанное полковому командиру въ присутствіи всѣхъ офицеровъ полка 14-го декабря по утру. Еще изъятъ былъ отъ смягченія весь 8-й разрядъ, приговоренный на поселеніе, кромѣ Бодиско 1-го.

Первые эти высочайшіе личные допросы государя были не для всѣхъ одинаковы, не для всѣхъ ласковы. Государь говорилъ съ каждымъ обвиненнымъ; послѣ того дѣлались допросы и были собственноручно записываемы генералъ-адъютантами Левашевымъ, Толемъ и Бенкендорфомъ по очереди, всего чаще первымъ изъ нихъ, который иногда въ нетерпѣніи, или отъ утомленія, или отъ неограниченной преданности, позволялъ себѣ странныя выходки. Напримѣръ: юному Бестужеву-Рюмину сказалъ онъ:—«vous-savez, l'empereur n'a qu'à dire un môt et vous-avez vécu!»—Полковнику М. Ф. Митькову сказалъ онъ:—«mais il y a des moyens pour vous faire avouer!»—такъ что Митьковъ нашелся вынужденнымъ замѣтить ему, что мы живемъ въ XIX вѣкѣ, и что пытка у насъ уничтожена закономъ.—Начальные допросы въ Зимнемъ дворцѣ не могли вникать во всѣ подробности, но только служили къ тому, чтобы государь лично могъ каждаго видѣть и узнать новыхъ сообщниковъ, за которыми тотчасъ отправляли во всѣ стороны фельдъегерей, жандармовъ и офицеровъ различныхъ частей. Одинъ изъ очень замѣчательныхъ допросовъ состоялся съ капитанъ-лейтенантомъ Н. А. Бестужевымъ. Надобно сказать напередъ, что 14-го декабря онъ хотѣлъ спастись бѣгствомъ чрезъ ближайшую границу въ Швецію: онъ дошелъ до Толбухина маяка, гдѣ караульные матросы его знали, какъ помощника Спафарьева, директора всѣхъ маяковъ. Тамъ онъ остановился, чтобы обогрѣться, но на бѣду узнала его жена одного матроса и донесла: тамъ его догнали и на третій день привели во дворецъ. Онъ былъ измученъ и голодомъ, и холодомъ. На счастье его проходилъ въ это время великій князь Михаилъ Павловичъ, такъ что Бестужевъ могъ обратиться къ нему съ просьбою, чтобы онъ приказалъ дать ему пищи, для подкрѣпленія силъ; иначе онъ не будетъ въ состояніи отвѣчать на допросѣ. Кстати въ этой-же комнатѣ стоялъ ужинъ для дежурныхъ флигель-адъютантовъ, и великій князь приказалъ ему сѣсть за столъ, и во время его ужина бесѣдовалъ съ нимъ нѣсколько минутъ. Извѣстны юморъ великаго князя и способность составлять каламбуры. Говорили, что онъ, по уходѣ Бестужева, обратился къ адъютантамъ своимъ, Бибикову и Анненкову и сказалъ имъ, перекрестившись:—«слава Богу, что я съ нимъ не познакомился третьяго дня, онъ пожалуй втянулъ-бы и меня!»—Государь принялъ Н. А. Бестужева ласково, былъ тронутъ его выраженіями и чувствами, исполненными высокой любви къ отечеству и сказалъ ему:—«Вы знаете, что все въ моихъ рукахъ, что могу простить вамъ, и если бы могъ увѣриться въ томъ, что впредь буду имѣть въ васъ вѣрнаго слугу, то готовъ простить вамъ».—«Ваше ве-

личество! въ томъ и несчастье,—отвѣтилъ Бестужевъ,—что вы все можете сдѣлать; что вы выше закона: желаю, чтобы впредь жребій вашихъ подданныхъ зависѣлъ отъ закона, а не отъ вашей угодности».—Въ томъ же духѣ говорили другіе, стараясь сколько возможно яснѣе представить зло отъ своеволія и самовластья. Они не могли укорять новаго государя, царствующаго только нѣсколько дней; они не могли имѣть личностей къ нему, слѣдовательно могли говорить безпристрастно. Съ гораздо большими подробностями и съ большею откровенностью могли они развить свои убѣжденія изустно и письменно предъ комитетомъ. Были, однако, примѣры: чистосердечное признаніе императору, мольбы къ нему о пощадѣ, спасали приведенныхъ въ зимній дворецъ. Такъ было съ Трубецкимъ, съ Раевскимъ, съ Бурцевымъ, который въ 1827—28 годахъ оказывалъ величайшую храбрость и величайшія заслуги въ турецкой и персидской войнѣ, какъ авангардный генералъ, такъ что о немъ печатно упоминалось въ каждой реляціи. Почти всѣ члены первоначальнаго тайнаго общества, не участвовавшіе въ тайныхъ совѣщаніяхъ 1824 года и 1825, и особенно послѣднихъ недѣль до 14-го декабря, были изъяты отъ преданія суду, и только временно удалены на Кавказъ, или оставлены въ мѣстахъ своего жительства подъ присмотромъ полиціи.

По окончаніи моего перваго допроса, повели меня обратно на главную гауптвахту дворца, за ту же перегородку, которую занималъ прежде; она была первая на правой рукѣ при входѣ въ первую караульную комнату. Свѣтъ получала комнатка отъ полустеклянной двери, а тепло чрезъ верхній край деревянной перегородки, слѣдовательно не могло быть ни свѣтло, ни тепло, а только сносно на нѣсколько часовъ. Я ожидалъ каждую минуту, что переведутъ меня или на другую гауптвахту, или въ крѣпость. Ночь проспалъ на стулѣ, облокотясь о большой столъ. На другой день видѣлъ, какъ безпрестанно приводили и уводили новыхъ арестантовъ, военныхъ и статскихъ, знакомыхъ и незнакомыхъ. Въ случаѣ слишкомъ многочисленнаго ихъ съѣзда, сажали нѣкоторыхъ на нѣсколько часовъ за мою перегородку, тогда приставляли еще другого часового съ ружьемъ, со строгимъ приказаніемъ, чтобы арестанты не говорили между собою; большой столъ служилъ намъ тогда внутреннею перегородкою. Такъ провели со мною по нѣсколько часовъ Поливановъ, гр. Булгари и много незнакомыхъ; всѣхъ долѣе, даже цѣлую ночь провелъ въ моей комнаткѣ полковникъ П. Х. Граббе, что особенно памятно для меня по бодрости его духа, по совершенному спокойствію его. Онъ былъ одѣтъ щеголемъ въ мундирѣ Сѣверскаго конно-егерскаго полка, со множествомъ орденовъ, въ числѣ ихъ георгіевскій крестъ. Когда на другой день вошелъ караульный полковникъ, то я съ негодованіемъ сказалъ ему:—«прикажите дать заслуженному полковнику хоть снопъ соломы: онъ цѣлый день и всю ночь провелъ здѣсь хуже, чѣмъ на бивуакахъ!—Наступили праздники рождественскіе, меня забыли,—между тѣмъ, я сидѣлъ въ узкихъ ботфортахъ, въ мундирѣ; къ счастью имѣлъ при себѣ шинель, которая меня грѣла. Всѣ проходящіе въ караульную смотрѣли въ стеклянную дверь мою, почему я перевернулъ стулъ такъ, что могъ сидѣть спиною къ дверямъ. Каждый день полковникъ и капитанъ новаго караула обходили всѣхъ арестантовъ. Въ пятый день пришла очередь полковнику В. И. Буссе, прежнему моему сослуживцу; я просилъ его послать на мою квартиру, чтобы принесли мнѣ сюртукъ, рейтузы, полусапожки и бѣлье. Чрезъ нѣсколько часовъ эти вещи были мнѣ доставлены; добрая жена моя прибавила мягкую сафьяную желтую подушку. Въ концѣ декабря рано смеркается; свѣчей мнѣ не давали, да и не зачѣмъ: потому что книгъ не было, а чрезъ

стеклянную дверь проникалъ свѣтъ огня караульныхъ, и отражалъ на противоположной стѣнѣ тѣни проходящихъ. Голоса разговаривающихъ были ясно слышны. Вообразите себѣ мое положеніе, когда я вечеромъ услышалъ голосъ родного брата моего Отто; я вскочилъ, увидѣлъ его, слышалъ, какъ онъ просилъ позволенія со мною видѣться. Я его видѣлъ, но не могъ говорить; онъ говорилъ, но меня видѣть не могъ...

Въ третій день праздника великій князь Михаилъ Павловичъ вошелъ въ караульную, остановился при входѣ у моихъ дверей и спросилъ:—«какъ! онъ все еще здѣсь»?—Мнѣ не хотѣлось ему сказать, что мнѣ не на чемъ даже лежать, что мнѣ холодно, и что я голоденъ. Дѣйствительно, мнѣ давали буквально къ обѣду и ужину по полутарелкѣ холоднаго супу, и по тоненькому кусочку ситнаго хлѣба, въ нѣсколько золотниковъ вѣсу. Помню, что когда полковникъ Микулинъ во второй разъ занялъ караулъ во дворцѣ, то, лично осмотрѣвъ, приказалъ, чтобы не давали мнѣ пищи больше той, которую я получалъ. Понятно, что это было не отъ скупости, не отъ жестокости, не отъ бережливости дворцовой кухни, а отъ безпечности и отъ несмѣтнаго числа неожиданныхъ гостей, стекавшихся со всѣхъ концевъ Россіи. Одинъ изъ товарищей моихъ, бывъ на допросѣ у государя, заявилъ, что его помѣщеніе невыносимо смрадно во дворцѣ;—«что же дѣлать,—отвѣтилъ государь,—всѣхъ теперь равно и одинаково содержать: это случайно и временно»!—Сонъ мой не могъ быть продолжителенъ; я легъ бы охотно на голый полъ, но на полу было нестерпимо холодно; въ моей коморкѣ, прежде нежели она стала моею резиденціею, складывались дрова на суточное отопленіе покоевъ караульныхъ. Ночью услышалъ я вполголоса зовущаго солдата:—«ваше благородіе, ваше благородіе!»—Я обернулся на стулѣ съ вопросомъ:—«что такое?»—«Извольте испить свѣжаго кваску, и вотъ еще мягкая булочка».—То и другое онъ передалъ мнѣ, просунувъ въ дверь. Я ѣлъ и пилъ съ жадностью, припоминая поговорку.—«хлѣбъ мягкій, да квасъ яшный,—проѣлъ бы цѣлую осеннюю ночь!»—Кормилецъ мой былъ солдатъ Преображенскаго полка; въ тотъ самый день, когда полковникъ Микулинъ строго приказалъ не давать мнѣ болѣе той пищи, которую онъ самъ осмотрѣлъ. Такихъ сострадательныхъ солдатъ нашелъ я четырехъ въ двѣнадцатидневную бытность мою на дворцовой гауптвахтѣ; кромѣ упомянутаго солдата, еще изъ полка, въ которомъ я служилъ, и изъ Л. Г. Измайловскаго и Егерскаго. Иногда я вслушивался внимательно въ ночные разговоры караульныхъ солдатъ; въ передней стояло ихъ человѣкъ до двѣнадцати:—«А жалко братъ! много молодцовъ запираютъ въ крѣпости, то и дѣло, что съ утра до вечера туда ихъ возятъ фельдъегеря!»—Можетъ статься, что состраданіе ихъ или вниманіе ко мнѣ было возбуждено тѣмъ обстоятельствомъ, что за другою перегородкою возлѣ печки, въ той же общей передней, содержались арестанты изъ гвардейскаго экипажа—два брата Бѣляевыхъ, Бодиско, Акуловъ, которымъ приносили такой же обѣдъ роскошный, какой приносили караульнымъ офицерамъ; крохъ отъ ихъ стола было бы достаточно на пропитаніе такого же еще числа арестантовъ; дворцовая казна не скупилась; но караульные начальники не умѣли распорядиться.

Наступилъ новый 1826 годъ; я встрѣтилъ его за тою же холодною перегородкою. 3-го Января вошелъ опять въ караульную великій князь Михаилъ Павловичъ и, повернувшись къ моей двери, сказалъ сердито:—«что это такое, онъ все еще здѣсь?!»—и тотчасъ вернулся. Чрезъ два часа флигель-адъютантъ полковникъ Веселовскій перевелъ меня чрезъ дворцовый корридоръ къ салтыковскому подъѣзду, гдѣ меня

помѣстили въ чистой комнатѣ, гдѣ была кровать съ тюфякомъ и чистымъ бѣльемъ. Къ двумъ запертымъ дверямъ амфилады комнатъ, были приставлены по одному часовому фурштадтскаго баталіона съ голыми саблями. Я бросился на постель, забылъ все горе, уснулъ, какъ блаженный, пока не разбудилъ меня стукъ сабель и бряцанье шпоръ конвоя. Вошелъ тотъ же Веселовскій, а за нимъ арестованный полковникъ Н. Н. Раевскій, котораго помѣстили въ комнатѣ рядомъ съ моею, заперли дверь и приставили часового. Попеременно начинали мы разговоръ, но часовые упрашивали не говорить; это не помѣшало намъ сообщаться нѣсколькими словами нараспѣвъ, какъ будто бы распѣвали въ полголоса каждый про себя. Величайшую тоску терпѣлъ мой сосѣдъ отъ запрещенія курить табакъ; на другой день увели моего сосѣда. Ему пришлось опять идти чрезъ мою комнату, онъ обнялъ меня со слезами и сказалъ:— «le même sort nous attend».—Слава Богу, пророчество для него не сбылось. Меня такъ долго держали во дворцѣ, что я началъ надѣяться на счастливый оборотъ, какъ 5-го января увидѣлъ изъ окна подъѣхавшаго къ салтыковскому подъѣзду моего бригаднаго командира; худое предвѣстіе, подумалъ я, и въ самомъ дѣлѣ: послѣ обѣда въ три часа вошелъ дежурный по карауламъ съ фельдъегеремъ, который отвезъ меня въ Петропавловскую крѣпость.

Съ стѣсненнымъ сердцемъ въѣхалъ я въ ворота крѣпости; меня привѣтствовали колокольные звуки крѣпостныхъ часовъ, старинныхъ курантовъ, звонившихъ протяжно каждый часъ мелодію—God save the king! Въ комендантскомъ домѣ засталъ я четырехъ офицеровъ л.-г. Измайловскаго полка Андреева, князя Вадбольскаго, Миллера и Малютина. Чрезъ полчаса вошелъ комендантъ на деревянной ногѣ, генералъ-адъютантъ Сукинъ, прочелъ пакеты, поданные фельдъегеремъ, и объявилъ намъ, что по высочайшему повелѣнію приказано держать насъ подъ арестомъ. Въ той же комнатѣ съ нами стоялъ пожилой мужчина съ просѣдью, въ статскомъ сюртукѣ, съ анненскимъ крестомъ, украшеннымъ брилліантами, на шеѣ. Комендантъ обратился къ нему, узналъ его, и воскликнулъ съ укоромъ:— «какъ! и ты здѣсь по этому же дѣлу съ этими господами?»—«Нѣтъ, ваше высокопревосходительство, я подъ слѣдствіемъ за растрату строительнаго лѣса и корабельныхъ снарядовъ».—«Ну, такъ слава Богу, любезный племянникъ»,—сказалъ комендантъ, и родственно пожалъ руку честнаго чиновника.—Плацъ-маіоръ крѣпости Е. М. Подушкинъ отвозилъ насъ по одиночкѣ; онъ спросилъ меня: «есть ли у васъ чистый платокъ носовой?»—«На что это?»—«Чтобы по формѣ завязать вамъ глаза».—Къ счастью, былъ у меня такой: иначе пришлось бы понюхать его табачный платокъ. Онъ завязалъ мнѣ глаза, взялъ подъ руку, свелъ съ крыльца и посадилъ въ сани съ нѣжнѣйшею заботливостью, чтобы я не споткнулся и не ушибся. Съ такою же предусмотрительностью помогъ мнѣ выйти изъ саней; опять взялъ подъ руку, предварилъ, что тутъ порогъ, тутъ шесть ступеней, потомъ повелительно произнесъ:—«фейерверкеръ! отопри 13-ый нумеръ!»—Зазвенѣли ключи, брякнули два замка, одинъ висячій, другой внутренній: мы вошли,—двери притворились. Тогда плацъ-маіоръ снялъ мой платокъ съ глазъ и пожелалъ мнѣ возможно скорѣйшаго освобожденія. Я просилъ, чтобы онъ приказалъ накормить меня; въ тотъ день я ничего не ѣлъ, а четырнадцать дней сряду во дворцѣ голодалъ каждый день. Плацъ-маіоръ затруднился моею просьбою, замѣтивъ, что обѣденная пора уже давно прошла; извинялся простотою крѣпостной кухни, вѣроятно, предполагая

меня въ числѣ избалованныхъ гастрономовъ, однако обѣщалъ прислать мнѣ тѣмъ охотнѣе, что я спросилъ только хлѣба и воды.

Въ кануркѣ моей было темно, что меня не поразило, потому что на дворѣ вечерѣло. Окно было забито плотною и частою желѣзною рѣшоткою; днемъ виднѣлась только узкая полоса горизонта и часть крѣпостного гласиса. Къ одной стѣнкѣ приставлена была кровать съ тюфякомъ и сѣросизымъ одѣяломъ, а у другой стоялъ столикъ и ставчикъ; пространство было трехугольное—два простѣнка каменныхъ кронверкской куртины, соединенные загородкою изъ стоячихъ бревенъ. Всѣ эти загородки только что были сдѣланы изъ сырого лѣсу въ два ряда, по двумъ продольнымъ стѣнамъ куртины, наружная стѣна имѣла трехугольныя, а внутренняя—четурехугольныя каморки или стойла, въ четыре аршина длины и три аршина ширины. Гипотенуза моего треугольника была почти въ шесть аршинъ длины. Въ дверяхъ было небольшое окошечко, завѣшенное снаружи холстомъ, дабы часовые, стоявшіе въ корридорѣ, могли во всякое время заглядывать за арестантами. Въ этомъ новосельи, лишь только вышелъ плацъ-маіоръ, я усердно помолился Богу; святой Его волѣ предалъ совершенно себя и жену мою, и всѣхъ близкихъ сердцу, и особенно всѣхъ плѣнныхъ и страждущихъ. Вскорѣ застучали шаги часовыхъ, звякнули замки,—сторожъ принесъ мнѣ лампаду, горшокъ супу и огромный кусокъ хлѣба. На три вопроса моихъ не получилъ отвѣта, и пересталъ спрашивать, зато жадно и проворно очистилъ горшокъ картофельнаго супу съ лавровымъ листомъ и фунта два хлѣба. Фейерверкеръ смотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, почему объяснилъ ему причину и продолжительность моего голода, но онъ, какъ нѣмой, взялъ посуду и ушелъ.

Куранты прозвонили 8 часовъ; протяжный гулъ—God save the king—еще звонилъ въ ушахъ, когда я уснулъ крѣпкимъ сномъ; проспалъ бы навѣрно цѣлые сутки, если бы не разбудилъ меня сторожъ ключами своими. Особенно непріятенъ для слуха былъ визгъ желѣзной задвижки отъ висячаго замка. Послѣ адскаго стука отворились двери,—вошли плацъ-адъютантъ Николаевъ, за нимъ мужчина высокаго роста въ черномъ фракѣ, за нимъ фейерверкеръ. Я присѣлъ на кровати и думалъ, что мнѣ привели еще товарища; канурка набилась биткомъ. Адъютантъ спросилъ меня здоровъ ли я и представилъ мнѣ доктора, который разспрашивалъ меня о моемъ здоровьи. Обоимъ отвѣтилъ я, что чувствую себя здоровымъ и что я сладко спалъ.— Извините, что мы васъ обезпокоили, возразили они, это по обязанности и по предписанію начальства,—и какъ вошли такъ и ушли. Я опять заснулъ и проспалъ до обѣда; но не становилось свѣтлѣе: окно было въ амбразурѣ крѣпостной стѣны,—ни разу не видѣлъ ни солнца, ни луны, только изрѣдка звѣзду на оконечности небосклона. Къ вечеру приносили лампаду: въ зеленомъ стаканѣ надъ водою плавало масло коноплянное, и свѣтильникъ въ поплавкѣ разсѣевалъ мракъ. У меня не было книги, и никому изъ насъ въ первое время книгъ не давали. Чѣмъ тѣснѣе и тошнѣе становилось одиночество въ стѣнахъ каземата, тѣмъ дальше и шире носилась мысль повсюду. Предстоящее было печально и неизвѣстно, настоящаго у меня не было, оставались со мною только воспоминанія прошедшаго. Признаюсь, не могу согласиться съ Байрономъ, что въ несчастьи всѣ воспоминанія минувшаго счастья только увеличиваютъ горе. Напротивъ того, я вспоминалъ прошедшее счастье съ восторгомъ и съ благодарностью, и припоминалъ стихъ Жуковскаго: «кто счастливъ былъ, тотъ жилъ сто лѣтъ».

Во всякое время могъ я себѣ представить присутствіе жены моей, не только черты лица, но даже всѣ движенія, и слышалъ голосъ ея, и мысленно бесѣдовалъ съ нею. Когда я хотѣлъ вызвать образы моихъ родителей и друзей, то мнѣ труднѣе было перевести ихъ къ себѣ, чѣмъ самому переселиться къ нимъ. Воображеніе и память иногда представляли мнѣ вызываемое лицо темнымъ образомъ, не подробно, не въ цѣлости,—въ такомъ случаѣ отъ лица переходилъ я мысленно въ домъ, въ которомъ оно жило; припоминалъ знакомыя мнѣ комнаты, разстановку мебели и другихъ памятныхъ предметовъ; и тогда уже въ эту готовую рамку, вставлялъ лицо, и чѣмъ лучше я помнилъ одежду и наружность того лица, тѣмъ яснѣе и продолжительнѣе впечатлѣвались въ моей мысли всѣ черты и всѣ оттѣнки лица, какъ будто дѣйствительно имѣлъ его предъ собою.

Мышленіе человѣка невольно занято безпрестанно, особенно въ темницѣ, гдѣ мысль отвлекается только мыслью. Счастливъ, кто съ дѣтства пріучаемъ былъ къ мышленію; кому образованіе дало обширный кругъ мышленій, тому и темница на время становится однимъ изъ лучшихъ университетовъ. Мы знаемъ, что величайшіе ученые и геніальные мужи искали по-временамъ глубочайшаго уединенія, гдѣ силы ихъ увеличивались, чтобы потомъ въ шумной практической жизни полезнѣе и лучше дѣйствовать на пользу общую. Это дознанное дѣло; но надобно, чтобы уединеніе или заточеніе зависѣли отъ меня, чтобы я самъ могъ себѣ назначить время и срокъ. Но сидѣть въ тюрьмѣ безъ надежды освободиться самому, безъ видовъ быть освобожденымъ, а напротивъ—въ ожиданіи или позорной смерти, или вѣчнаго заточенія, или изгнанія,—вотъ что поставитъ и лучшаго мыслителя въ великое затрудненіе, и можетъ изступить его и умъ и сердце, если онъ не имѣетъ полнаго упованія на Бога и крѣпкой вѣры въ Господа нашего Спасителя Іисуса Христа. Такое упованіе, такая вѣра поддерживали меня: такъ мудрено ли, что я легко выдержалъ всю тяжесть испытанія?

8-го января, по пробитіи вечерней зори, вошелъ плацъ-маіоръ, чтобы отвести меня въ комитетъ, собиравшійся ежедневно въ комендантскомъ домѣ. Опять завязалъ онъ мнѣ глаза, но на этотъ разъ такъ, что все лицо мое было закрыто, и повелъ меня къ санямъ; ѣхать было недалеко. У комендантскаго крыльца слышалъ говоръ людей, и сквозь батистовый платокъ могъ разглядѣть горящіе фонари каретъ. Передняя набита была слугами. Въ другой комнатѣ остановилъ меня плацъ-маіоръ, просилъ меня спокойно сѣсть и подождать его возвращенія. Я приподнялъ платокъ, увидѣлъ предъ собою притворенныя двойныя двери, позади себя ширмы сквозящія, за ширмами двѣ свѣчи и ни одного человѣка во всей комнатѣ. Не знаю почему пришла мнѣ мысль, что вдругъ отворятся двери и меня разстрѣляютъ? Вѣроятно, эта мысль пробудилась отъ таинственности плацъ-маіора и оттого, что завязали мнѣ глаза. Тутъ я сидѣлъ, по крайней мѣрѣ, цѣлый часъ. Съ завязанными глазами повели меня чрезъ комнату, ярко освѣщенную, гдѣ слышенъ былъ скрипъ множества перьевъ; въ слѣдующей комнатѣ такой же скрипъ перьевъ при совершенномъ безмолвіи.—Наконецъ въ третьей комнатѣ остановилъ меня плацъ-маіоръ, сказавъ вполголоса: «стойте на мѣстѣ». Съ полминуты была мертвая тишина, какъ послышался отрывистый голосъ: «снимите платокъ!»—то былъ голосъ великаго князя Михаила Павловича. Я увидѣлъ предъ собою длинный столъ. На главномъ концѣ сидѣлъ предсѣдатель комиссіи, военный министръ Татищевъ; по правую сторону его сидѣли великій князь Михаилъ Павловичъ, генералъ-адъютанты И. И. Дибичъ, П. А. Кутузовъ, А. Х. Бенкендорфъ; по лѣвую сторону князь

А. Н. Голицынъ, единственный изъ гражданскихъ сановниковъ, генералъ-адъютанты А. Н. Чернышевъ, Н. Н. Потаповъ, В. В. Левашевъ и, съ краю, флигель-адъютантъ полковникъ В. Адлербергъ въ должности временнаго секретаря. Главнымъ правителемъ дѣлъ назначенъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Д. Н. Блудовъ, но сей послѣдній никогда не засѣдалъ въ присутствіи комиссіи; говорили, что это по его личной настоятельной просьбѣ. Онъ завѣдывалъ всею канцеляріей, онъ собиралъ и сличалъ всѣ письменныя показанія, и по онымъ составилъ отчетъ слѣдственной комиссіи.—Все лица заслуженныя, достойныя уваженія по многимъ отношеніямъ, но невозможно признать въ нихъ судей свѣдущихъ и безпристрастныхъ. Допросы и дѣлопроизводство этой комиссіи походили на личные допросы императора и очередныхъ трехъ генералъ-адъютантовъ, только въ обширнѣйшихъ размѣрахъ и въ подробнѣйшихъ частностяхъ, потому что въ комиссіи безпрестанно бывали очныя ставки. Если эта слѣдственная комиссія по своему назначенію должна была составить судъ военный, то въ такомъ случаѣ дѣло могло быть рѣшено въ 24 часа безъ помощи законовѣдовъ, и одинъ главный аудиторъ указалъ бы на статью воинскаго устава, по коей каждый обвиненный въ государственной измѣнѣ весьма имѣлъ быть артибузированъ! Иначе и не возможно было принять эту слѣдственную комиссію, какъ за военный судъ; кромѣ единственнаго Голицына, всѣ члены были военные, и, слава Богу, что между ними были лица образованныя и честныя. Нельзя было ожидать суда, который долженъ былъ бы допустить и пренія, и защитниковъ опытныхъ,—но тогда этого у насъ не водилось; слѣдственная комиссія представляла зрѣлище, куда вызывали обвиненныхъ, а обвинители ихъ были вмѣстѣ и судебными слѣдователями и судьями.

Первый вопросъ былъ мнѣ сдѣланъ великимъ княземъ:

— Какимъ образомъ вы, командиръ стрѣлковъ, могли остановить три роты, стоявшія впереди вашего взвода?

— Ваше императорское высочество,—баталіонъ по сбору изъ казармъ былъ построенъ въ ротныя колонны, такимъ образомъ мой взводъ находился впереди трехъ егерскихъ ротъ.

— Извините, я не зналъ этого обстоятельства,—замѣтилъ мнѣ великій князь самымъ ласковымъ образомъ.

И. И. Дибичъ спросилъ меня, почему я остановилъ солдатъ посрединѣ Исаакіевскаго моста?—я отвѣтилъ, что, удостовѣрившись лично, что на Сенатской площади не было начальника, не было никакого единства и никакой точности въ распоряженіяхъ, что кромѣ того взводъ мой не присягнулъ новому императору, то считалъ за лучшее остановиться и не дѣйствовать.

— Понимаю,—сказалъ Дибичъ:—какъ тактикъ, вы хотѣли составить рѣшительный резервъ.—На это я ничего не возразилъ.

— Съ какого времени,—продолжалъ спрашивать Дибичъ,—вы находитесь въ тайномъ обществѣ? и кто принялъ васъ въ число членовъ?

— Я никогда ни въ какомъ тайномъ обществѣ не бывалъ.

— Можетъ быть, вы разумѣете, что для этого необходимы особенные обряды, знаки и условія, какъ въ обществахъ масонскихъ ложъ; если вы знали цѣль общества, то уже и были членомъ его?

— Я уже имѣлъ честь отвѣтить, ваше превосходительство, что меня никто не принималъ въ тайное общество, что это не могло бы остаться сокрытымъ.

Тутъ прервалъ мое слово П. В. Кутузовъ:—Вѣдь вы знали Рылѣева?

— Зналъ, ваше превосходительство; я съ нимъ вмѣстѣ воспитывался въ 1-омъ кадетскомъ корпусѣ.

— Развѣ вы и Оболенскаго не знали?

— Зналъ очень хорошо, мы были однополчане, сверхъ того онъ былъ старшимъ адъютантомъ всей гвардейской пѣхоты,—какъ же было мнѣ не знать его?

— Такъ чего же намъ больше еще надобно!—замѣтилъ добродушно Кутузовъ.

Полковникъ Адлербергъ прибавилъ:—На васъ показываютъ, что вы шпагою хотѣли заколоть второго стрѣлка съ праваго фланга, который уговаривалъ товарищей идти вслѣдъ за карабинернымъ взводомъ?

— Солдаты мои, г-нъ полковникъ, никогда во фронтѣ не разговаривали; одинъ изъ нихъ, не знаю—второй ли съ фланга, сдѣлалъ шагъ, чтобы подвинуться впередъ, тому грозилъ я шпагою, и обѣщалъ то же всякому, кто только тронется съ мѣста безъ моего приказанія.—Замѣчаніе полковника Адлерберга показало мнѣ, что добрые люди уже много разсказали обо мнѣ,—особенно мой бригадный командиръ и баталіонный и еще кто нибудь, кто имѣлъ причины опасаться моихъ показаній. Надѣюсь, что они совершенно успокоились.

Наконецъ, генералъ-адъютантъ А. И. Чернышевъ объявилъ, что я завтра получу письменные вопросы отъ комиссіи, и чтобы на каждый вопросъ написанъ былъ отвѣтъ по пунктамъ.

Весь этотъ допросъ былъ словесный. Предсѣдатель позвонилъ, вошелъ плацъ-маіоръ, тутъ же, въ присутствіи, завязалъ мнѣ глаза и вывелъ меня. Лицо было завѣшено платкомъ, дабы секретари и писаря, сидѣвшіе въ двухъ проходныхъ комнатахъ, не могли узнавать арестантовъ. Чрезъ нѣсколько минутъ вошелъ я въ мой 13-й нумеръ.

На третій день доставили мнѣ запечатанный пакетъ. Вопросы были почти тѣ же, только въ нихъ заключались новыя обвиненія съ поименованіемъ разныхъ лицъ и съ прибавленіемъ различныхъ показаній. Плацъ-маіоръ, отдавъ мнѣ пакетъ, сказалъ: «не спѣшите; обдумайте все».—Когда, пробѣжавъ глазами вопросные пункты, я встрѣтилъ имена собственныя, то тяжело становилось на сердцѣ: да неужели и всѣ они подвергнутся заточенію и суду?!

Уже извѣстно было о собраніи моихъ сослуживцевъ у Рѣпина, о совѣщаніяхъ, бывшихъ у Рылѣева и Оболенскаго; все это удостовѣрило меня, что комиссія предупреждена во многихъ отношеніяхъ. На все, что лично касалось меня, нетрудно было мнѣ отвѣтить—и на дѣйствія 14-го декабря; но совсѣмъ другое дѣло были совѣщанія до 14-ко декабря. Я былъ такъ счастливъ, что никто за меня даже не былъ арестованъ; никто изъ моихъ солдатъ не былъ ни наказанъ, ни удаленъ на Кавказъ. Мои отвѣты были причиною одной только очной ставки, о коей упомяну въ своемъ мѣстѣ. Написавъ всѣ отвѣты, я обратился въ комиссію съ просьбою, о позволеніи писать къ женѣ моей.

На другой же день я получилъ это позволеніе; я могъ писать одинъ разъ въ мѣсяцъ кратко, нѣсколько строкъ. Отвѣты жены моей доставляли мнѣ истинное утѣшеніе.

Еще просилъ я разрѣшенія получать книги изъ дому,—въ чемъ было отказано, а плацъ-маіоръ принесъ мнѣ псалтырь.

Комиссія засѣдала ежедневно. Великій князь сталъ пріѣзжать все рѣже и рѣже; нѣкоторые члены чередовались; арестованныхъ было уже довольно; но безсмѣнно

трудился А. И. Чернышевъ: онъ былъ главнымъ дѣятелемъ, неутомимымъ сыщикомъ при допросахъ. Д. Н. Блудовъ, правитель огромной канцеляріи комиссіи, составлялъ нѣчто цѣлое или выводъ изъ отдѣльныхъ показаній; исключилъ важнѣйшія дѣла, и выставилъ сплетни и разговоры,—въ чемъ каждый безпристрастный читатель печатнаго донесенія слѣдственной комиссіи легко можетъ удостовѣриться [1]). Основатели общества, самые дѣятельные члены, зачинщики заговора, очень часто были вызываемы въ комиссію. Пестеля до того замучили вопросными пунктами, различными обвиненіями, частыми очными ставками, что онъ, страдая, сверхъ того отъ болѣзни, сдѣлалъ упрекъ комиссіи,—выпросилъ листъ бумаги, и въ самой комиссіи написалъ для себя вопросные пункты:—«вотъ, господа, какимъ образомъ логически слѣдуетъ вести и раскрыть дѣло, по такимъ вопросамъ получите удовлетворительный отвѣтъ».—По разногласію показаній бывали очныя ставки, словесныя объясненія, вносимыя въ протоколъ иногда въ превратномъ смыслѣ. Вообще не всѣ члены комиссіи поступали совѣстливымъ образомъ,—иначе, какъ могъ бы Чернышевъ спросить М. А. Назимова:—«что вы сдѣлали бы, если бы были въ Петербургѣ 14-го декабря?» (Назимовъ былъ въ это время въ отпуску въ Псковѣ). Этотъ вопросъ былъ такъ неловокъ, что Бенкендорфъ, не давъ времени отвѣчать Назимову, привсталъ и, чрезъ столъ взявъ Чернышева за руку, сказалъ ему:—«écoutez, vous n'avez pas le droit d'adresser une pareille question, c'est une affaire de conscience».—Чернышевъ, какъ главный труженикъ въ комиссіи, вѣроятно, отъ усталости, отъ утомленія, отъ нетерпѣнія, забывался иногда въ своихъ замашкахъ, выходкахъ и угрозахъ, такъ что П. Х. Граббе былъ вынужденъ сказать ему правду, за что по оправданіи судомъ оставленъ былъ въ крѣпости подъ арестомъ на шесть мѣсяцевъ за дерзкіе отвѣты, данные комиссіи. При очныхъ ставкахъ—обыкновенно вызываемы были обвиненные сперва по одиночкѣ, и когда показанія ихъ разнствовали, то сводили ихъ вмѣстѣ для улики. Когда Чернышевъ прочелъ показанія Граббе, то спросилъ его: не упустилъ ли онъ чего, или не забылъ ли какого важнаго обстоятельства? На отрицательный отвѣтъ его, повели его въ другую комнату и призвали обличителя, который также оставался при высказанномъ своемъ мнѣніи. Тогда снова призвали Граббе, и Чернышевъ, извѣстный красавчикъ и щеголь, качаясь въ креслахъ, крутя то усъ, то жгутъ аксельбанта, съ улыбкою спросилъ: «что вы теперь, полковникъ, на это скажете?» Граббе съ негодованіемъ отвѣтилъ ему: «ваше превосходительство, вы не имѣете права мнѣ такъ говорить: я подъ судомъ, но я не осужденъ, и вамъ повторяю, что я показалъ правду, и не перемѣню ни единаго слова изъ моихъ показаній». Обличитель опомнился и сознался въ своей ошибкѣ; Чернышевъ поблѣднѣлъ сквозь румяна, и въ тотъ же вечеръ пожаловался государю на дерзость арестованнаго полковника.

Предсѣдатель комиссіи Татищевъ рѣдко вмѣшивался въ разборъ дѣла; онъ только иногда замѣчалъ слишкомъ ретивымъ отвѣтчикамъ: «вы, господа, читали все и Destutt-Tracy, и Benjamin Constant, и Benthame, и вотъ куда попали, а я всю жизнь мою читалъ только священное писаніе, и смотрите, что заслужилъ»—показывая на два ряда звѣздъ, освѣщавшихъ грудь его.

Каждый день плацъ-адъютантъ Николаевъ обходилъ казематы. Сначала былъ онъ

---

[1]) Блудовъ по матеріаламъ слѣдствія готовилъ статью для журналовъ о занятіяхъ; Николай Павловичъ заторопилъ комиссію съ представленіемъ донесенія. Тогда рѣшено было приспособить журнальную статью Блудова и сдѣлать изъ нея всеподданнѣйшее донесеніе. *Ред.*

очень молчаливъ и несловоохотливъ. Фейерверкеръ Соколовъ и сторожъ Шибаевъ были хуже нѣмыхъ: нѣмой хоть горломъ гулитъ или руками и пальцами дѣлаетъ знаки, а эти молодцы были движущіеся истуканы. Чтобы привести тѣло мое въ нѣкоторое равновѣсіе, я топтался на одномъ мѣстѣ, кружился, вертѣлся и скакалъ какъ могъ. Сонъ сокращалъ мнѣ большую часть неволи: я спалъ или дремалъ по двѣнадцати часовъ въ сутки. Пищу давали простую, но здоровую и достаточную,—не такъ худо и скудно, какъ во дворцѣ. Весьма часто, особенно по вечерамъ, имѣлъ потребность пѣть; пѣніе поддерживало грудь мою, замѣняло мнѣ бесѣду, и пѣніемъ выражалъ я расположеніе духа. Распѣвалъ и прозу, и стихи, и псалмы; самъ сочинялъ напѣвы, фантазіи; иногда повторялъ старинныя пѣсни. Такъ однажды запѣлъ «Среди долины ровныя, на гладкой высотѣ»; при второмъ куплетѣ слышу, что мнѣ вторитъ другой голосъ въ корридорѣ за бревенчатой перегородкой; я узналъ въ немъ голосъ моего фейерверкера. Добрый знакъ!—подумалъ я,—запѣлъ со мною, такъ и заговоритъ. Еще разъ повторилъ пѣсню, и онъ на славу вторилъ ей съ начала до конца. Когда онъ чрезъ часъ принесъ мой ужинъ, оловянную мисочку, то я поблагодарилъ его за пѣніе, и онъ рѣшился мнѣ отвѣтить вполголоса: «слава Богу, что вы не скучаете, что у васъ сердце веселое». Съ тѣхъ поръ мало-по-малу начинался разговоръ съ нимъ, и онъ охотно отвѣчалъ на мои вопросы.

— Скажи мнѣ, пожалуйста, Соколовъ (прозваніе фейерверкера), какъ мнѣ сдѣлать, чтобы получить книги? слышу, какъ мой сосѣдъ въ 16-мъ нумерѣ, наискось противъ моего нумера, цѣлыя ночи перелистываетъ книги.

— Сохрани васъ Боже отъ такихъ книгъ! онъ сердешный такъ много читаетъ и пишетъ, что уже написалъ себѣ желѣзные рукавчики.

— Что это значитъ?

— Да надѣли желѣзную цѣпь на обѣ руки вѣсомъ фунтовъ въ пятнадцать.

Это былъ юный Бестужевъ-Рюминъ, сильно замѣшанный по дѣлу южнаго общества и по сношеніямъ со славянами и поляками. Такими браслетами хотѣли вынудить его къ полному признанію; онъ на французскомъ языкѣ выражался лучше и легче, нежели на русскомъ,—а какъ онъ долженъ былъ писать въ комиссію по-русски, то ему дали лексиконы: вотъ отчего мнѣ слышно было по ночамъ поспѣшное и частое перелистываніе книги. Чрезъ нѣсколько дней услышалъ звукъ отъ цѣпей противъ моего каземата въ 15-мъ нумерѣ.

— Развѣ привезли кого новаго?—спросилъ я у Соколова.

— Нѣтъ, все тотъ же сидитъ, но также написалъ себѣ бѣду!

Это былъ Н. С. Бобрищевъ-Пушкинъ старшій, офицеръ генеральнаго штаба, отъ котораго комиссія добивалась узнать мѣсто, гдѣ хранилась «Русская Правда»,— конституція, написанная Пестелемъ. Она была уложена въ свинцовомъ ящикѣ и зарыта въ землю близъ Тульчина. Мѣсто было извѣстно только Пушкину и Заикину,—послѣдняго отправили туда съ фельдъегеремъ, гдѣ послѣ долгихъ поисковъ въ мерзлой землѣ, наконецъ, нашли и прямо передали въ собственныя руки императора.

— Много ли такихъ невольниковъ сидитъ въ желѣзахъ?

— Изъ тридцати моихъ нумеровъ до десятка будетъ. Въ такомъ же размѣрѣ было число и въ другихъ куртинахъ. Юноша гвардейскаго экипажа, мичманъ Дивовъ, котораго сторожа называли младенцемъ, также сидѣлъ въ узахъ. Воображеніе его было разстроено, случалось ему сообщать въ комиссію ужаснѣйшія небылицы.

сновидѣнія, кои возбуждали новыя разслѣдованія и дополняли сказки въ донесеніи комиссіи. Зато онъ впослѣдствіи былъ избавленъ отъ каторжной работы и находился въ крѣпостной работѣ въ Бобруйскѣ. Были и другіе, которые вынудительными средствами показывали или подтверждали, чего сами не знали, чтобы только избавиться отъ муки. Нѣкоторыхъ увѣряли, что только совершенная искренность и полнота признаній можетъ спасти ихъ самихъ и тѣхъ, которые приняли ихъ въ тайное общество. Такъ, Н. Н. Раевскій упрашивалъ П. И. Фаленберга быть искреннимъ: онъ признался, что князь А. И. Барятинскій принялъ его въ общество. Барятинскій въ томъ отпирался постоянно въ письменныхъ отвѣтахъ,—наконецъ, дали очную ставку въ комиссіи, и тамъ онъ отрицалъ, а Фаленбергъ утверждалъ, такъ что Барятинскій, желая спасти его, сказалъ Чернышеву: —«Вы сами видите, могъ ли я его принять въ тайное общество»? Несмотря на настойчивыя признанія, Фаленберга все-таки осудили въ каторгу по собственному его бездоказательному сознанію Благородный и честный товарищъ, прочитавъ въ нѣмецкомъ переводѣ мой отзывъ о немъ, въ коемъ была небольшая опечатка, исказившая смыслъ моего подлинника, вручилъ мнѣ чрезвычайно важное описаніе своего ложнаго самообвиненія. Онъ послѣ ложныхъ показаній на себя писалъ о томъ Левашеву и Чернышеву, но они не повѣрили ему и не продолжали разысканій. Наконецъ, онъ на другой день исполненія приговора просилъ къ себѣ пастора, чтобы пріобщиться св. тайнъ, и, укрѣпившись причащеніемъ, объявилъ Рейнботу все откровенно, и объяснилъ причины, по коимъ онъ вынужденъ былъ ложно обвинить себя.—«Das ist schrecklich!»,—вскричалъ пасторъ и ушелъ, и не осмѣлился возвысить голосъ въ защиту невинности [1]). Этотъ случай напоминаетъ правильность регламента, опредѣляющаго вѣрно, *что не довольно собственнаго признанія, надобно, чтобы оно подтвердилось еще всѣми обстоятельствами.* Наши судьи забыли это, а судьямъ необходимо это помнить каждый день при всякомъ случаѣ. Были въ числѣ моихъ товарищей и такіе, которые, кромѣ узъ на рукахъ или ногахъ, или одновременно на обоихъ мѣстахъ, содержались въ совершенномъ мракѣ, даже безъ лампады, и по-временамъ уменьшали имъ пищу и питье.

6-го марта плацъ-адъютантъ не приходилъ въ обычное время. Фейерверкеръ Соколовъ имѣлъ видъ таинственный и былъ одѣтъ въ новую шинель. Сторожъ Шибаевъ, инвалидъ л.-гв. Егерскаго полка, также былъ въ новой шинели, опрятно одѣтъ и выбритъ.—«Что, сегодня праздникъ?».—«Никакъ нѣтъ!».—«Чего же вы такъ принарядились?».—«Сегодня царя хоронятъ». Все было тихо вокругъ меня, какъ всегда; толстыя внѣшнія крѣпостныя стѣны со сводами и съ земляною насыпью не пропускаютъ шума; только черезъ амбразуры, сквозь окна съ рѣшеткою, доходитъ гулъ отъ колоколовъ. Вдругъ послѣ обѣда раздался пушечный выстрѣлъ другой,—безъ счету; насталъ конецъ погребальнаго обряда и печальной процессіи; а я, заключенный арестантъ безъ видовъ на освобожденіе, но съ ожиданіемъ казни, могъ ли я не радоваться смерти? не смерти Благословеннаго, а всѣхъ смертныхъ,—но преимущественно всѣхъ страждущихъ и несчастливыхъ? И въ самомъ дѣлѣ, послѣ перваго грома пушки я невольно воскликнулъ: «да здравствуетъ смерть!».

---

[1]) Разсказъ П. И. Фаленберга напечатанъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1827 г., кн. III, стр. 92—103, въ „Русской Старинѣ“ т. XXXVIII, 1883 г., іюнь, стр. 572—592, и въ послѣднее время въ книгѣ проф. Шимана „Ermordung Paul's und Nicolau's. Aufsteigung auf den Thron“. *Ред.*

Признаюсь, что мысль о смерти покоила душу мою, исполненную вѣры Христовой въ лучшую будущность. Отчего же люди боятся смерти? отчего предаются горести и унынію при кончинѣ друга? Оттого, что или вѣра ихъ не крѣпка, или они слишкомъ привязаны къ землѣ, къ случайностямъ.

18-го марта былъ день для меня памятный. Послѣ утренней молитвы я долго припоминалъ добрѣйшую и нѣжную мать. По необходимости и заведенному порядку собирался для движенія вертѣться и скакать, чтобы дать крови легкое обращеніе, какъ дѣлывалъ каждый день, но не могъ. Я легъ на постель, заложилъ обѣ руки подъ голову и горько заплакалъ. Часовой въ эту минуту приподнялъ завѣшенную снаружи тряпку съ окошечка въ дверяхъ: я вскочилъ, сталъ къ нему спиною, къ рѣшеткѣ, и слезы потекли обильно. Вотъ дамская истерика или нервный припадокъ!—подумалъ я;—вотъ что надѣлала крѣпость въ два мѣсяца, а что будетъ дальше?—Опять легъ, закрылъ глаза; мнѣ слышался голосъ матери, она меня утѣшала и благословляла. У кровати я бросился на колѣни, уперъ голову о край кровати; не знаю, какъ долго я молился, но душою былъ съ нею. Я всталъ, когда сторожъ отпиралъ замки и принесъ мнѣ обѣдъ; отломивъ кусочекъ хлѣба, велѣлъ ему унести обѣдъ. Въ этотъ же день къ вечеру была моя очередь писать къ милой женѣ моей; письмо это сохранилось; въ немъ прошу убѣдительно увѣдомить меня о моей матери. Черезъ три дня получилъ отвѣтъ, что хотя здоровье ея слабо, но ей не хуже. Впослѣдствіи, черезъ два мѣсяца, сообщила жена подробно, что мать моя скончалась именно 18-го марта, во второмъ часу пополудни, что она въ этотъ самый день по утру пріобщилась Св. Тайнъ и, въ присутствіи отца моего и двухъ сестеръ, объявила священнику и всѣмъ прочимъ присутствовавшимъ изъ родныхъ и прислуги, чтобы никто не укорялъ меня въ причинѣ ея смерти, что, напротивъ того, я изъ числа тѣхъ ея дѣтей, которыя отъ самой колыбели причиняли ей меньше заботъ и доставляли больше радостей, и что она до послѣдняго дыханія жизни сохранитъ ко мнѣ чистѣйшую любовь. Кто изъяснитъ это сочувствіе, это вѣдѣніе того, что совершалось въ ту же самую минуту за 350 верстъ отъ меня? Телеграфной проволоки тогда не водилось нигдѣ; телеграмма передала бы вѣсть и отвѣтъ; но кто передалъ мнѣ заукъ голоса? кто слилъ любовь?

Какъ всѣ простѣнки, всѣ углы и щели крѣпости, были напичканы арестантами, то по ихъ многочисленности и по запрещенію водить ихъ вмѣстѣ десятками или сотнями, невозможно было часто водить ихъ въ баню; моя очередь настала въ первый разъ въ половинѣ апрѣля. Снѣгъ уже сошелъ; погода стояла ясная; конвой проводилъ меня,—глазъ моихъ не завязали платкомъ. Только что спустился по корридорной лѣстницѣ и переступилъ за наружную дверь, какъ солнечный свѣтъ до такой степени поразилъ мое зрѣніе, что я мгновенно остановился и закрылъ глаза руками. Сквозь пальцы далъ имъ свѣта понемногу. Мнѣ казалось, что земля качается,—это ощущаетъ и морякъ, вышедшій на берегъ; свѣжій чистый воздухъ останавливалъ дыханіе. Слѣдуя вдоль внутренней стѣны кронверкской куртины, по длинному ряду оконъ, не могъ увидѣть никого изъ товарищей, потому что стекла были выбѣлены мѣломъ. Повернулъ направо вдоль куртины, посреди коей главныя ворота въ крѣпость, аллея, ведущая къ церкви и къ комендантскому дому. Надъ воротами замѣтилъ окно, коего стекла не были замазаны, и узналъ возлѣ окна пишущаго М. Ф. Орлова. Недалеко отъ воротъ стоялъ небольшой унтеръ-офи-

церскій караулъ. Можно себѣ представить, какъ я обрадовался, когда увидѣлъ тамъ моихъ стрѣлковъ; они поспѣшно собрались на платформу, дружно и громко отвѣтили на мое привѣтствіе, какъ бывало прежде въ строю. Баня была славная, чистая и просторная, она освѣжила и укрѣпила меня. На обратномъ пути замѣтилъ я возлѣ караула стоявшаго слугу моего Михайла, который странными движеніями лица, рукъ и ногъ выражалъ свою радость и свою преданность.—«Здорова ли Анна Васильевна?»—«Слава Богу, онѣ сейчасъ были здѣсь въ церкви и идутъ назадъ по аллеѣ». Я прибавилъ шагу и увидѣлъ, какъ она, покрытая зеленымъ вуалемъ, шла тихими шагами на разстояніи двухъ сотъ саженъ отъ меня; хотѣлъ къ ней броситься, но ея положеніе при послѣднихъ мѣсяцахъ беременности и отвѣтственность моего конвоя удержали меня; рукою посылалъ ей поцѣлуи, и пошелъ въ свой казематъ. Возвратившись, нашелъ его гораздо темнѣе прежняго, потому что при входѣ не могъ отличить стола отъ ставчика, и только виднѣлась бѣлая кайма сѣросизаго одѣяла. Это было слѣдствіемъ быстрой смѣны яснаго свѣта дневного полумракомъ каземата. Постепенно обозначались предметы въ моемъ нумерѣ; зато въ милліонъ разъ несноснѣе показался мнѣ казематный воздухъ,—одинъ разъ въ сутки выносили то, что всего вреднѣе для воздуха въ запертой кельѣ, и имѣетъ гибельное вліяніе на всякое здоровье.

На страстной недѣлѣ разрѣшено было императоромъ, что арестанты въ крѣпости могутъ получать книги духовнаго содержанія, трубки и табакъ. Это было уже дѣйствительное облегченіе для насъ и роскошь послѣ продолжительнаго лишенія. Давно уже отвыкнувъ отъ трубки, принялся за нее съ наслажденіемъ, чтобы по возможности оборониться отъ сырого и нестерпимаго воздуха. Жена моя прислала мнѣ нѣсколько частей Stunden der Andacht,—Часы благоговѣнія для распространенія истиннаго христіанства и домашняго благопочитанія, сочиненіе извѣстнаго Тшокке; нѣсколько томовъ, содержащихъ преимущественно сужденія о любви къ отечеству, объ обязанностяхъ гражданина, воззванія, во время войны 1812 и 1813 г. были задержаны цензурою нашей слѣдственной комиссіи. Однажды спросилъ я у плацъ-адъютанта Николаева, получаютъ ли товарищи мои табакъ, книги, бѣлье отъ своихъ родственниковъ? Онъ сказалъ мнѣ, что получаютъ тѣ, у которыхъ есть родственники и знакомые въ Петербургѣ, что онъ вчера отнесъ узелъ полковнику Михаилу Фотьевичу Митькову съ бѣльемъ и англійскимъ фланелевымъ одѣяломъ; но когда онъ узналъ отъ меня, что не всѣ арестанты, а, напротивъ того, весьма немногіе получаютъ такія вещи изъ дому, то онъ снова завязалъ узелъ, просилъ меня возвратить его, сказавъ, что онъ можетъ обойтись безъ этихъ вещей. Надобно при этомъ замѣтить, что здоровье Митькова уже давно было разстроено, несмотря на строгую умѣренность и на двухлѣтнее пользованіе его цѣлительными водами въ чужихъ краяхъ. Этотъ поступокъ его въ крѣпостныхъ стѣнахъ согласовался съ его характеромъ, съ его правилами. Я помню, когда прежде на парадахъ и маневрахъ онъ командовалъ нашимъ баталіономъ, и во время отдыха или привала приносили барону Саргеру большія корзины съ завтракомъ, то Митьковъ каждый разъ отказывался отъ угощенія, прося извинить его по нездоровью, но дѣйствительная причина заключалась въ томъ, что онъ не могъ раздѣлить эту закуску съ цѣлымъ баталіономъ своимъ. Это дѣлалось при людяхъ, скажетъ иной; но въ казематѣ не было зрителей и свидѣтелей, кромѣ одного только Николаева.

Чрезъ каждыя шесть недѣль навѣщали насъ, по приказанію государя, генералъ-адъютанты его: Сазоновъ, Стрѣкаловъ и Мартыновъ; послѣдній добродушно отозвался обо мнѣ сопровождавшему его коменданту и припоминалъ мнѣ, какъ въ его присутствіи отличалъ меня въ Красномъ Селѣ, въ Петергофѣ и въ Ораніенбаумѣ бывшій мой дивизіонный командиръ, нынѣ императоръ Николай.

Въ канунѣ 18 апрѣля, праздника Пасхи, пушечный выстрѣлъ возвѣстилъ о времени, въ которое православные собираются въ церковь. Въ полночь повторяемые выстрѣлы означали, что уже начали христосоваться. Громко воскликнулъ я въ казематѣ—«Христосъ воскресе!»,—никто не отвѣтилъ; некого было обнять въ такую минуту, когда съ восторженною любовью обнимаются и други, и недруги. На другой день похристосовался съ Соколовымъ и съ Шибаевымъ. Купечество въ этотъ день доставило намъ чрезъ крѣпостное начальство множество куличей, чаю и сахару. Трезвонъ отрывками проникалъ и наши стѣны, и узники разсуждали о безсмертіи и припоминали беззаботныя гулянія и пированія ликующаго народа. Товарищъ мой, князь А. И. Одоевскій, выразилъ свои чувства въ эту ночь слѣдующими стихами:

Пробила полночь... грянулъ громъ,
И грохотъ радостный раздался;
Отъ звона воздухъ колебался,
Отъ пушекъ въ сумракѣ ночномъ
По небу зарева бѣжали
И, разлетаяся во тьмѣ,
Меня, забытаго въ тюрьмѣ,
Багровымъ свѣтомъ освѣщали.
Я на конѣняхъ стоя пѣлъ,
Съ любовью къ небесамъ свободный взоръ летѣлъ...
И серафимовъ тьмы внезапно запылали
Въ надзвѣздной вышинѣ;
Ихъ пѣсни слышалися мнѣ;
Съ ихъ гласомъ всѣ міры гармонію сливали.
Средь горнихъ силъ воскресшій Богъ стоялъ,
И день, блестящій день сіялъ
Надъ сумраками ночи...
Стоялъ Онъ радостный средь волнъ небесныхъ силъ,
И полныя, любви, божественныя очи
На міръ спасенный низводилъ.
И славу Вышняго, и на землѣ спасенье
Я тихимъ гласомъ воспѣвалъ,
И мой, мой также гласъ къ Воскресшему взлеталъ:
Изъ гроба пѣлъ я воскресенье.

Комиссія оставила меня въ покоѣ отъ перваго допроса 8-го января. Въ концѣ апрѣля потребовали меня на очную ставку. Въ комиссіи присутствовали только генералъ-адъютанты Чернышевъ и Бенкендорфъ; первый прочелъ мнѣ краткую выписку изъ моихъ показаній и спросилъ: имѣю ли что дополнить, и заключаетъ ли она въ себѣ сущность моихъ показаній? Я подтвердилъ, и приказано было мнѣ дожидаться въ другой комнатѣ. Я услышалъ звонокъ, говоръ, но не могъ разслышать о чемъ говорили. Чрезъ пять минутъ призвали меня опять, и я увидѣлъ стоявшаго у стола однополчанина моего, подпоручика Богданова, въ мундирѣ при шпагѣ. Чернышевъ вторично прочелъ при немъ выписку и спросилъ: «можете ли вы теперь подтвердить ваши показанія?»—«Могу, ваше превосходительство».—Подпоручикъ Богдановъ вѣроятно полагалъ, что мною были переданы всѣ подробности совѣщанія, бывшаго у князя Оболенскаго 12-го декабря;—мнѣ легко было его разувѣрить и успокоить. При немъ объяснилъ, что хотя вмѣстѣ съ нимъ на моихъ дрожкахъ пріѣхалъ

я къ Оболенскому, но тамъ застали слишкомъ двадцать человѣкъ, помѣщавшихся въ трехъ комнатахъ, бесѣдовавшихъ въ различныхъ группахъ,—слѣдовательно не было общаго совѣщанія; отчего онъ не могъ слышать того, что слышалъ я. Кромѣ того, онъ чрезъ нѣсколько минутъ вышелъ, а я воротился домой одинъ.—Слава Богу, Богдановъ оставался при своей шпагѣ, а за то, что отказался отъ вступленія въ караулъ на Сенатскую гауптвахту 14-го декабря, долженъ былъ участвовать только въ походѣ сборныхъ гвардейцевъ, возмутившихся и отправленныхъ на Кавказъ.—Въ моихъ показаніяхъ комиссіи на заданный вопросъ: съ кѣмъ я ѣхалъ къ Оболенскому 12-го декабря—я долженъ былъ назвать Богданова—иначе имѣлъ бы очную ставку съ кучеромъ моимъ, и тогда дѣло показалось бы болѣе подозрительнымъ и опаснѣе для Богданова. Это была единственная очная ставка. Многихъ изъ моихъ соузниковъ безпрестанно водили на очныя ставки, и этимъ усугубляли муки тюремной жизни. Каждое различіе въ показаніяхъ, даже по самымъ маловажнымъ предметамъ, вызывало очную ставку, причемъ разстроенное здоровье вызванныхъ лицъ, малѣйшее измѣненіе памяти, смѣшеніе дней и чиселъ, служило поводомъ къ кривымъ толкамъ, сплетнямъ и искаженіямъ въ донесеніи слѣдственной комиссіи.

13-го мая въ седьмомъ часу утра разбудилъ меня плацъ-адъютантъ Николаевъ. Изъ корридора послышался его голосъ,—онъ велѣлъ призвать цирюльника.—Вставайте скорѣе А. Е.!—Что такое? опять въ комиссію?—Нѣтъ, въ домъ коменданта; ожидаетъ васъ радость: ваша супруга пріѣхала на свиданіе.—Въ мигъ я одѣлся, не хотѣлъ дождаться бородобрея. Мы вышли, и теплый душистый воздухъ упоилъ и освѣжилъ меня. У поворота поклонился мнѣ слуга мой Михайла; на площадкѣ стояла карета моя, и какъ только кучеръ Василій завидѣлъ меня, то ударилъ по воронымъ конямъ и лихо представилъ ихъ, объѣхавъ вокругъ меня.—Въ покояхъ коменданта обнялъ я мою Annette; она была въ глубокомъ траурѣ по кончинѣ матери моей. Видъ ея, слова и голосъ, радовали и утѣшали. При нашемъ свиданіи присутствовалъ все время комендантъ крѣпости, отчего бесѣда наша не могла быть искреннею, и касалась только родныхъ и домашнихъ отношеній.—По посредничеству В. В. Левашева, жена моя получила высочайшее соизволеніе на свиданіе со мною; приближалось время ея разрѣшенія отъ бремени, и она желала, чтобы мы еще разъ могли благословить другъ друга. Она передала мнѣ всѣ подробности о послѣднихъ часахъ жизни моей матери, скончавшейся 18-го марта, въ тотъ самый день, когда предчувствіе все мнѣ сообщило въ тотъ же самый часъ.—Я всячески старался успокоить жену насчетъ ожидающей меня участи; часъ промчался быстро; комендантъ не могъ продлить свиданія, и мы должны были разстаться. Не легко было и это второе разставаніе. Съ особенными чувствами возвратился я въ мой 13-й номеръ; я былъ спокойнѣе, увидѣвъ добрую жену мою, получивъ болѣе надежды, что она съ упованіемъ и съ вѣрою перенесетъ разлуку и предстоящее ей близкое разрѣшеніе.—Чаще и громче напѣвалъ я пѣсни, и на яву и во снѣ продолжалъ я бесѣды душевныя. На третій день получилъ я письмо отъ нее, въ которомъ увѣдомила, что свиданіе укрѣпило ее. Помню только, что я передалъ ей при комендантѣ послѣднія слова, слышанныя мною отъ императора; старался по возможности успокоить ее, что было мнѣ не трудно, потому что въ эти минуты свиданія я забылъ гдѣ я былъ; не видѣлъ я коменданта, не слышалъ курантовъ крѣпостныхъ часовъ, не думалъ о предстоящемъ мнѣ жребіи: я былъ какъ дома, я былъ счастливъ!

Глава шестая.

Верховный уголовный судъ.

17-го мая. - Алексѣевскій равелинъ.—Духовные утѣшители.—Рожденіе сына.—К. И Бистромъ.—Два столба.—Объявленіе приговора. - Лабораторный бастіонъ.—13 іюля.—Исполненіе приговора.—Пестель.—Рылѣевъ.—Муравьевъ-Апостолъ.—Бестужевъ-Рюминъ. - Каховской. - Соединенные славяне.—Именной списокъ преданныхъ суду.—Роспись приговора.—Примѣчанія—выводъ о тайныхъ обществахъ—выводъ о комиссіи и судѣ—что скажутъ правнуки.—Я. И. Ростовцевъ.

Мая 17-го было необыкновенное движеніе въ коридорѣ кронверкской куртины; безпрестанно уводили и приводили арестантовъ. Многіе изъ нихъ, незнакомымъ мнѣ голосомъ, проходя мимо дверей моихъ, привѣтствовали по номеру: «bon jour 13; Votre santé 13; portez vous bien 13!»—Послѣ обѣда Соколовъ сообщилъ мнѣ, что только часть арестантовъ водятъ въ комитетъ, гдѣ они подписываютъ какія-то бумаги и немедленно возвращаются.—«А какъ ты думаешь: къ лучшему или къ худшему для тѣхъ, которыхъ водятъ туда?» — «Богъ вѣсть!—кажись, что тѣмъ будетъ легче, которыхъ оставляютъ въ покоѣ».—Въ безпокойномъ ожиданіи, наконецъ, уснулъ, какъ вдругъ бряцанье ключей и замковъ, стукъ задвижки, меня подняли. Плацъ-адъютантъ пригласилъ идти съ нимъ въ комитетъ; часъ былъ пятый послѣ обѣда. Въ воздухѣ пахло цвѣтущею сиренью; птицы порхали и щебетали въ комендантскомъ саду, гдѣ онѣ сосредоточились поневолѣ, потому что вокругъ все холодныя каменныя стѣны, прижатыя съ трехъ сторонъ Невою. Меня повели чрезъ комнату писцовъ, не съ завязанными глазами и не въ прежнюю залу комиссіи, но вправо, въ другую залу, гдѣ за письменнымъ столомъ засѣдали Бенкендорфъ и сенаторъ Барановъ. Мнѣ подали написанные мною отвѣты на вопросы слѣдственной комиссіи, и спросили:—«Ваша ли эта рукопись?—добровольны ли ваши отвѣты?—не имѣете ли чего прибавить особеннаго?»—На первые два вопроса отвѣтилъ утвердительно, третій я отвергнулъ; тогда велѣли мнѣ подписать бумаги, что онѣ написаны мною безъ всякаго приневоливанія. Въ чертахъ лица Бенкендорфа я могъ прочесть, что мнѣ не сдобровать. Сенаторъ Барановъ не былъ членомъ слѣдственной комиссіи, но какъ вліятельный сенаторъ, и какъ членъ верховнаго уголовнаго суда, былъ назначенъ удостовѣриться въ подлинности письменныхъ показаній; слѣдовательно, выборъ жертвъ былъ сдѣланъ окончательно до суда,—оставалось только соблюсти внѣшнюю формальность и распредѣлить насъ по разрядамъ. Между тѣмъ, какъ въ этихъ письменныхъ показаніяхъ Пестель, Рылѣевъ, Сергѣй Муравьевъ-Апо-

столъ, Юшневскій, Бестужевъ, Штейнгель и другіе откровенно исповѣдывали свои убѣжденія, свою любовь къ отечеству, и открыли всѣ злоупотребленія и средства къ исправленію,—большинство подсудимыхъ отговаривалось отъ принятаго участія или отрекалось отъ первыхъ своихъ показаній, не изъ школьной боязни или изъ раскаянія, а просто по ясной причинѣ тайнаго суда или тайной канцеляріи и по совершенной безполезности метать бисеромъ при такой обстановкѣ, гдѣ увеличили бы наказаніе для себя, безъ всякой пользы для другихъ. Люди, свѣдущіе съ порядкомъ такого судопроизводства, поймутъ дѣло легко.—Знаменательное и чудное совпаденіе дней и мѣсяцевъ въ различныхъ годахъ по одному и тому же дѣлу. Я составилъ краткіе очерки или таблицы моихъ записокъ въ 1828, 1829, 1830 годахъ, началъ писать ихъ подробно въ сороковыхъ годахъ, и снова переписалъ и дополнилъ ихъ съ наступленіемъ 1886 года.—Читатели видѣли порядокъ судоустройства и судопроизводства 17-го мая 1826 года,—помните же съ благодарностью 17-ое мая 1866 года,—день, въ который въ томъ же Петербургѣ начались дѣйствія новыхъ судебныхъ учрежденій. Прощай, старинная юридическая практика, прощай, «слово и дѣло», и если даже старинные практиканты займутъ мѣста въ новыхъ судахъ, то уже не могутъ быть опасными при гласности засѣданій, при рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ присяжными, при публичности обвиненія и защиты,—при коихъ каждый присутствующій имѣетъ право слѣдить за ходомъ правосудія.

На обратномъ пути въ казематъ я съ жадностью глоталъ душистый майскій воздухъ; подлѣ забора сада сорвалъ свѣжей травки, прибавилъ шагу въ темницу, чтобы не разнѣжиться. Я цѣловалъ эту траву и, попадись мнѣ дерево, я обнялъ бы его, какъ друга. Съ 17-го мая движенія въ нашей кронверкской куртинѣ стали рѣже и тише: перестали звать въ комиссію для очныхъ ставокъ. Обычныя посѣщенія плацъ-маіора и плацъ-адъютантовъ, приходъ сторожа съ пищею, нарушали глубокую тишину, прерываемую въ отдѣльныхъ номерахъ, гдѣ пѣснью, гдѣ декламаціей, гдѣ вздохомъ.—Одинъ изъ арестантовъ, М. А. Фонвизинъ, сколько ни старался, но не могъ перенести затворничества; хотя духомъ онъ бодрствовалъ, но нервы не сносили такого состоянія, и, наконецъ, приказано было, чтобы не запирали его дверей ни задвижкою, ни замками, а чтобы часовой стоялъ въ его номерѣ. Не было средствъ переписываться другъ съ другомъ. Перья и бумагу по счету давали только для отвѣтовъ въ комиссію, да и не было такихъ сторожей, которые согласились бы передавать записки. Особенное было содержаніе тѣхъ 16-ти товарищей, которые сидѣли въ тайномъ отдѣленіи крѣпости, въ Алексѣевскомъ равелинѣ, гдѣ главнымъ надзирателемъ былъ особый гражданскій чиновникъ. Предъ окнами, въ близкомъ разстояніи отъ нихъ, стояла высокая каменная стѣна, а внутри равелина, гдѣ не было ни одного окна въ зданіи, стояло нѣсколько деревьевъ кленовыхъ въ тѣсномъ треугольномъ пространствѣ, куда изрѣдка по очереди приводили ихъ, по одиночкѣ, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. Тутъ Рылѣевъ сорвалъ кленовые листья, и, за неимѣніемъ бумаги, написалъ:

Мнѣ тошно здѣсь, какъ на чужбинѣ;
Когда я сброшу жизнь мою?
„Кто дастъ мнѣ крылѣ голубине,
„Да полечу и почію!“
Весь міръ какъ смрадная могила,
Душа изъ тѣла рвется вонъ;

Творецъ! ты мнѣ прибѣжище и сила,
Вонми мой вопль, услышь мой стонъ!
Приникни на мое моленье,
Вонми смиренію души:
Пошли друзьямъ моимъ спасенье;
А мнѣ даруй грѣховъ прощенье,
И духъ отъ тѣла разрѣши!

Е. П. Оболенскій такимъ же средствомъ нашелъ случай писать ему, и на кленовыхъ же листьяхъ получилъ слѣдующій отвѣтъ:

О, милый другъ! какъ внятенъ голосъ твой,
Какъ утѣшителенъ и сладокъ;
Онъ возвратилъ душѣ моей покой,
И мысли смутныя привелъ въ порядокъ...
Спасителю, сей истинѣ верховной,
Мы подчинить отъ всей души должны,
И міръ вещественный и міръ духовный.
Для смертнаго ужасенъ подвигъ сей —
Но онъ къ безсмертію стезя прямая,
И, благовѣствуя, речетъ о ней
Сама намъ истина святая:
„Блаженъ кого Отецъ мой изберетъ,
„Кто истины здѣсь будетъ проповѣдникъ;
„Тому вѣнецъ, того блаженство ждетъ,
„Тотъ царствія небеснаго наслѣдникъ".
Какъ радостно, о, другъ любезный мой,
Внимаю я столь сладкому глаголу,
И какъ орелъ на небо рвусь душой,
Но плотью увлекаюсь долу.
„Блаженъ, кто вѣдаетъ, что Богъ единъ,
И миръ, и истина, и благо наше.
Блаженъ, чей духъ надъ плотью властелинъ,
Кто твердо шествуетъ къ Христовой чашѣ.
Прямой мудрецъ! онъ жребій свой вознесъ,
Онъ предпочелъ небесное земному;
И, какъ Петра, ведетъ его Христосъ
По треволненію мірскому.
Душою чистъ и сердцемъ правъ,
Предъ кончиною—сподвижникъ постоянный,
Какъ Моисей съ горы Нававъ,
Узритъ онъ край обѣтованный".

По-временамъ, по особенному желанію арестантовъ, навѣщали насъ служителя церкви: православныхъ—казанскій протоіерей Петръ Ник. Мысловскій, протестантовъ и лютеранъ—анненской церкви пасторъ Рейнботъ. Оба отличнѣйшіе витіи съ благообразною наружностью; бесѣда ихъ была умна, назидательна и занимательна, иногда отклонялась она отъ предмета духовнаго и переходила къ политическому. Представляя гибельныя послѣдствія отъ либеральныхъ идей и отъ насильственныхъ переворотовъ, они, какъ вездѣ было тогда принято, ссылались на Францію, припоминали всѣ совершившіеся тамъ ужасы въ концѣ прошедшаго столѣтія и выводили, что она, послѣ многихъ искушеній и страданій, опять прибѣгла поневолѣ къ королю и довольствуется Людовикомъ XVIII. Такъ—но они забывали, что Франція стала счастливѣе и богаче, нежели какъ была прежде, и что народъ пріобрѣлъ права, коихъ прежде не имѣлъ. Вѣроятно, имѣли они причину выпустить изъ виду примѣры Швейцаріи, Голландіи, Англіи, Америки, имѣвшихъ гораздо прежде Франціи свои перевороты, борьбы политическія и религіозныя, послѣ коихъ обитатели этихъ странъ созрѣли къ быту лучшему. Безъ сомнѣнія, гораздо счастливѣе были бы тѣ народы, которые, не прибѣгая къ насильственнымъ мѣрамъ, къ возмущеніямъ и возстаніямъ, имѣли бы правителей, совѣстливо старающихся не о соб-

ственной своей власти или славѣ, но объ истинномъ благѣ народа. Это благо не можетъ продолжительно существовать безъ права, безъ закона, одинаково равнаго для всѣхъ, избавляющаго всѣхъ отъ причудъ самыхъ умныхъ и великодушныхъ правителей.

Съ половины іюня имѣлъ я безпокойства о женѣ моей; наступило время ея разрѣшенія. Пѣніе мое ежедневное умолкло. Фейерверкеръ Соколовъ и сторожъ Шибаевъ часто освѣдомлялись, не боленъ ли я? Сонъ мой сократился, а сновидѣнія представляли мнѣ жену больную, зовущую меня на помощь,—однимъ словомъ, вѣра будто ослабѣла. И въ казематѣ случилось, какъ обыкновенно замѣчено, что вездѣ хорошія вѣсти доходятъ медленно, опаздываютъ, между тѣмъ какъ худыя, горестныя долетаютъ скоро. Богъ далъ мнѣ перваго сына 19-го іюня; въ тотъ же день жена писала мнѣ двѣ строчки, но я получилъ ихъ только 21-го вечеромъ. Я радовался за нее, она перестала быть одинокою. Заочно въ молитвахъ благословлялъ сына и просилъ, чтобы Отецъ небесный замѣнилъ ему отца временнаго. Тогда я не имѣлъ надежды на свиданіе съ сыномъ, и ожидалъ ежедневно рѣшенія моей участи. Попрежнему опять напѣвалъ я пѣсни, а на полу все глубже и глубже выдалбливались ямки отъ безпрестанныхъ поворотовъ ноги.

Сторожъ Шибаевъ съ каждымъ днемъ становился словоохотнѣе; за ранами онъ числился въ гвардейской инвалидной бригадѣ и разсказывалъ о славныхъ походахъ л.-гв. Егерскаго полка. Онъ съ такою непритворною любовью отзывался о бывшемъ полковомъ командирѣ своемъ, К. И. Бистромѣ, или Быстровѣ, какъ называли его солдаты, что растрогалъ меня совершенно, когда увѣрялъ, что каждый день, поминая родителей своихъ въ молитвѣ, онъ также молился за Бистрома. Зато и генералъ этотъ, герой, любилъ солдатъ, какъ отецъ своихъ дѣтей. Бывало, онъ ѣдетъ въ отпускъ въ Черковицы на двѣ недѣли, и по возвращеніи, привѣтствуя батальонъ въ строю изъ гвардейскаго корпуса, прослезится отъ радости свиданія, хотя разлука продолжалась нѣсколько дней. Онъ все дѣлилъ съ солдатами: и жизнь и копейку. Когда 14-го декабря большая часть Московскаго полка осталась въ казармахъ, въ нерѣшимости, и уже трудно было удержать ихъ, то Бистромъ послалъ туда л.-гв. Егерскаго полка унтеръ-офицера Гурова, который спасъ ему жизнь въ битвѣ подъ Лейпцигомъ, чтобы возвѣстить имъ прибытіе свое въ казармы. Онъ только что показался имъ, и сказалъ краткое солдатское слово, какъ всѣ подчинились ему, выстроились, и выступили въ порядкѣ, чтобы на площади Сенатской занять ночной караулъ. Храбрый Бистромъ, идолъ солдатъ, не былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ, между тѣмъ какъ дюжина генераловъ гораздо ниже его, были удостоены этимъ отличіемъ. Слишкомъ два мѣсяца все подозрѣвали его тайнымъ причастникомъ возстанія или, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что онъ зналъ о приготовленіяхъ къ 14-му декабря, потому что большая часть его адъютантовъ были замѣшаны въ этомъ дѣлѣ, а старшій изъ нихъ былъ главнымъ зачинщикомъ и начальствовалъ надъ возставшими солдатами. Когда слѣдственная комиссія убѣдилась въ его неприкосновенности къ этому дѣлу, тогда государь пожаловалъ ему аксельбанты, самую лестную награду въ царствованіе Александра I.

Іюля 12-го по утру замѣтилъ я на Кронверкскомъ валу противъ моего окна работающихъ плотниковъ,—не понималъ, что они строятъ изъ бревенъ на крѣпостномъ валу. Часто посматривалъ я въ окно. Разъ увидѣлъ на томъ же мѣстѣ генералъ-адъютанта въ шляпѣ съ бѣлымъ султаномъ, въ сопровожденіи адъютанта. Около

полудня на томъ самомъ мѣстѣ, то подымали, то опускали два столба, послѣ не видно было ни одного человѣка, а только бревна, обтесанные брусья лежали на валу. Послѣ обѣда въ 4 часа плацъ-адъютантъ Николаевъ пригласилъ меня въ комитетъ; я собрался туда съ стѣсненнымъ сердцемъ, предполагая, что опять будетъ очная ставка или новый допросъ. Можно себѣ представить, какъ я былъ обрадованъ въ комендантскомъ домѣ, когда увидѣлъ нѣсколько комнатъ сряду наполненныхъ моими соузниками, и съ какимъ восхищеніемъ обнялъ знакомыхъ товарищей. Мнѣ сказали, что насъ собрали для объявленія намъ приговора. Нѣкоторыхъ изъ товарищей искалъ я напрасно: или ихъ совсѣмъ тутъ не было, или они состояли въ высшихъ разрядахъ и уже были потребованы къ выслушанію приговора. Въ двухъ комнатахъ, ближайшихъ къ залѣ присутствія, были собраны осужденные по разрядамъ,—такъ что, когда 1-ый вступилъ въ присутствіе, то 2-ой разрядъ занялъ мѣсто его, а на мѣсто 2-го собрался 3-й разрядъ,—такъ слѣдовали всѣ разряды одинъ послѣ другого, а по прочтеніи приговора, выходили также по разрядамъ въ другую дверь амфилады комнатъ,—и каждый разрядъ отдѣльно былъ размѣщенъ по крѣпостнымъ нумерамъ, но не по прежнимъ мѣстамъ, а по порядку по числу лицъ, составлявшихъ разрядъ. Я принадлежалъ къ 5-му разряду,—всѣхъ было 12-ть. Съ полчаса имѣли времени разспрашивать другъ друга и утѣшать себя взаимно. Настала очередь моему разряду явиться въ присутствіе. Конвой съ ружьями стоялъ у всѣхъ дверей.

Ввели 5-ый разрядъ, состоявшій только изъ пяти человѣкъ; мы стали въ рядъ спиною къ окнамъ. Весь верховный уголовный судъ сидѣлъ предъ нами за большими столами, разставленными покоемъ по тремъ стѣнамъ залы. Предъ нами, въ срединѣ, сидѣлъ митрополитъ съ нѣсколькими архіереями; по правую сторону генералы; по лѣвую сенаторы. Въ числѣ генераловъ замѣтилъ тотчасъ Бистрома въ слезахъ; за нѣсколько минутъ до того, онъ видѣлъ осужденнаго любимаго адъютанта своего Е. П. Оболенскаго; еще нѣсколько лицъ изъ судей военныхъ выражали или участіе, или негодованіе. Изъ сенаторовъ что-то многіе показались мнѣ непристойно и дерзко любопытными: они наводили на насъ не только лорнеты, но и зрительныя трубки. Можетъ быть, это было изъ участія и состраданія: имъ хотѣлось хоть видѣть одинъ только разъ и въ послѣдній разъ тѣхъ осужденныхъ, которыхъ они же осудили, никогда не видѣвъ ихъ и никогда не говоривъ съ ними до осужденія. Посреди залы стоялъ оберъ-секретарь сената Журавлевъ и громкимъ внятнымъ голосомъ прочелъ наши сентенціи. Верховный уголовный судъ приговорилъ нашъ разрядъ 10-го іюля—сослать въ каторжную работу на десять лѣтъ, а потомъ на поселеніе навѣчно. Императоръ 11-го іюля смягчилъ этотъ приговоръ товарищамъ моимъ Н. П. Рѣпину и М. К. Кихельбекеру на 8 лѣтъ; Бодиско по молодости лѣтъ избавилъ отъ каторжной работы, замѣнивъ ее крѣпостною работою. М. Н. Глѣбовъ и я ожидали, что и намъ прочтутъ какое облегченіе, но вмѣсто того Журавлевъ умолкъ, и велѣно было вести насъ въ казематы. Причину этому исключенію, которому изъ 121 осужденныхъ подверглись только 4, а именно: Н. А. Бестужевъ 1-й, М. А. Бестужевъ 3-й, М. Н. Глѣбовъ и я, изъ числа всѣхъ осужденныхъ въ каторжную работу, и еще весь 8-ой разрядъ, приговоренный на поселеніе, приписываю, какъ я, кажется, уже сказалъ выше, 14-му декабрю, и особенно ко мнѣ доброму расположенію императора, когда онъ былъ моимъ дивизіоннымъ начальникомъ. Всякій читатель пойметъ, что съ моей стороны, никакая злоба личная не могла быть поводомъ моихъ поступковъ. Вся эта процессія и цере-

монія продолжалась нѣсколько часовъ среди глубочайшей тишины. Въ 3-мъ разрядѣ только М. С. Лунинъ, когда прочли сентенцію, и Журавлевъ ссобенно разстановочно ударялъ голосомъ на послѣднія слова—на поселеніе въ Сибири навѣчно,—по привычкѣ подтянувъ свою одежду въ шагу, замѣтилъ всему присутствію:—«хороша вѣчность—мнѣ уже за пятьдесятъ лѣтъ отроду!»—онъ скончался отъ апоплексическаго удара въ изгнаніи въ 1845 году: такъ, почти 20 лѣтъ тянулась для него эта вѣчность. Можетъ быть, что по этому обстоятельству въ позднѣйшихъ сентенціяхъ, по дѣлу Петрашевскаго, упущено было слово: «навѣчно». Еще въ 8-мъ разрядѣ Н. С. Бобрищевъ-Пушкинъ 1-й, при выслушаніи своего приговора, трижды перекрестился предъ присутствіемъ. И. И. Пущину, захотѣвшему говорить, запретили говорить. Мы были не въ судѣ, не предъ судьями; тутъ нечего было и сказать и возражать: было бы то же, что спорить съ конвоемъ или съ палачомъ. Верховный уголовный судъ утвержденъ былъ 1-го іюня. Онъ состоялъ изъ членовъ государственнаго совѣта, правительствующаго сената, святѣйшаго синода; къ нимъ по волѣ государя причислены были графъ Юрій Головкинъ, графъ Ланжеронъ, баронъ Григорій Строгоновъ, генералъ Войновъ, графъ Оперманъ, графъ Ламбертъ, вице-адмиралъ Синявинъ, Бороздинъ, Паскевичъ, Эмануэль, Комаровскій, Бащуцкій, Закревскій, Бистромъ и тайный совѣтникъ Кушниковъ. Судъ началъ засѣданія въ сенатѣ 15-го іюня, подъ предсѣдательствомъ князя Лопухина, обязанность генералъ-прокурора исполнялъ князь Лобановъ-Ростовскій, производителемъ былъ оберъ-прокуроръ Журавлевъ. Занятія суда продолжались двѣ недѣли. Судъ состоялъ изъ 80 членовъ и выбралъ изъ среды своей комитетъ для распредѣленія преступниковъ по разрядамъ; членами комитета были избраны графъ П. А. Толстой, Васильчиковъ, Сперанскій, Строгоновъ, Комаровскій, Кушниковъ, сенаторъ Энгель, Д. О. Барановъ и графъ Кутайсовъ.

Выходя изъ комендантскаго дома, увидѣлъ близъ воротъ и предъ домомъ, толпу адъютантовъ генеральскихъ, полковыхъ и лакеевъ, собравшихся изъ любопытства. Пока мы шли пятеро вмѣстѣ, мудрено ли, что послѣ разлуки и заточенія, обрадовались свиданію и вели разговоръ веселый, живой и дружескій?!.. это обстоятельство было передано за крѣпостныя стѣны, какъ доказательство нашего хвастовства или гордаго пренебреженія. Меня повели въ баталіонъ лабораторный, гдѣ заперли въ комнату довольно просторную съ большимъ окномъ, въ которомъ только нижнія стекла были выбѣлены мѣломъ. На стѣнахъ увидѣлъ нацарапанныя имена нѣсколькихъ арестантовъ, изъ которыхъ осужденъ былъ одинъ только графъ З. Г. Чернышевъ. Мнѣ сначала показалось странно находиться въ просторной комнатѣ, довольно свѣтлой. Въ молитвѣ предался во всемъ всемогущему и вселюбящему Господу Богу, и Ему поручилъ я все, что было мнѣ дорого и мило, и всѣхъ моихъ ближнихъ по сердцу, и по заповѣди,—вспомная слова Спасителя на крестѣ: «Отче! прости имъ; ибо не знаютъ, что дѣлаютъ». Это совершенно примѣнимо къ нашему синедріону. Солнце смерклось, а все было нетемно въ іюльскую ночь, отчего не могъ уснуть, хотя нѣсколько разъ ложился на кровать. Зато было просторнѣе прохаживаться взадъ и впередъ по комнатѣ, въ девять шаговъ длины. Плацъ-адъютантъ Николаевъ предупредилъ меня, что рано поутру придетъ за мною, что приговоръ приведенъ будетъ въ исполненіе. Я ожидалъ немедленнаго отправленія въ дальній путь.

Іюля 13-го, до разсвѣта, вывели меня на площадку крѣпостную, гдѣ уже выстроено было большое каре, въ четыре шеренги, изъ л.-г. Павловскаго полка и

крѣпостныхъ артиллеристовъ. Меня ввели въ каре, гдѣ было уже нѣсколько человѣкъ изъ моихъ товарищей и куда безпрестанно вводили другихъ. Я обрадовался свиданію, всѣ обнимались и знакомые, и незнакомые, искали друзей и пріятелей,—но тщетно искалъ я Рылѣева: тогда мнѣ сказали, что онъ, въ числѣ пяти главнѣйшихъ сообщниковъ, осужденъ на позорную казнь. — Всѣ сообщали другъ другу свои сентенціи: князь С. Г. Волконскій былъ особенно бодръ и разговорчивъ; Г. С. Батенковъ грызъ щепку и обнаруживалъ негодованіе; А. И. Якубовичъ бросилъ свой бѣлый султанъ со шляпы и прохаживался одинъ задумчиво и пасмурно; Е. П. Оболенскій пополнѣлъ въ крѣпости и получилъ розовыя щеки отъ здоровья; И. И. Пущинъ, по обыкновенію, былъ веселъ и заставлялъ громко хохотать цѣлый собравшійся кружокъ. Никто не обнаруживалъ унынія; страданія видны были только на больныхъ: такихъ было гораздо больше половины. Изъ моряковъ не было никого въ нашемъ каре. Вокругъ насъ, за линіей солдатъ, прохаживались отдѣльно генералъ-адъютанты Бенкендорфъ и Левашевъ и конвойные офицеры. Товарищъ мой, полковникъ П. В. Абрамовъ, громко звалъ капитана Польмана, начальника каре, который не откликнулся; тогда Бенкендорфъ спросилъ его, «что ему надобно?»—Онъ изъявилъ желаніе передать родному брату своему л.-г. Павловскаго полка капитану новые свои золотые эполеты, которые скоро пригодятся ему при производствѣ въ полковники. Бенкендорфъ охотно согласился и приказалъ офицеру передать ихъ брату. Въ этомъ каре стояли мы слишкомъ полчаса, оттуда раздѣлили насъ на отдѣленія, каждое окружено было многочисленнымъ конвоемъ. Въ одномъ отдѣленіи находились офицеры, осужденные изъ 1-й гвардейской дивизіи и генеральнаго штаба, гвардейскихъ кавалерійскихъ дивизій особо,—въ другомъ офицеры 2-ой гвардейской дивизіи, саперы и піонеры,—въ третьемъ офицеры арміи,—въ четвертомъ служившіе въ гражданской службѣ,—пятое отдѣленіе состояло изъ моряковъ и отправлено было въ Кронштадтъ, гдѣ исполненъ былъ приговоръ въ присутствіи флота. Въ такихъ отдѣленіяхъ вывели насъ изъ крѣпостныхъ воротъ на гласисъ кронверкской куртины. Спиною къ Петербургской сторонѣ стояло войско, по одной ротѣ и по одному эскадрону съ каждаго полка гвардейскаго корпуса, съ заряженными пушками. На Кронверкскомъ валу видна была висѣлица, тогда узналъ я работу видѣнныхъ мною плотниковъ изъ окна моего каземата.—Отдѣленія наши стояли въ ста саженяхъ разстоянія одно отъ другого, возлѣ каждаго отдѣленія пылалъ костеръ и стоялъ палачъ. По гласису, между войскомъ и отдѣленіями, разъѣзжалъ верхомъ генералъ-адъютантъ Чернышевъ,—въ этотъ разъ безъ румянъ. Красивый гнѣдой конь его съ гордою поступью, но безъ хвоста, былъ съ голой рѣпицей: вѣроятно, слишкомъ рано утромъ не успѣли убрать, или плохо убрали сѣдока и коня!..

При каждомъ отдѣленіи находился генералъ; при нашемъ 2-мъ былъ мой бывшій бригадный начальникъ Е. А. Головинъ. По старшинству разрядовъ вызывали насъ впередъ по одиночкѣ; каждый долженъ былъ стать на колѣни; палачъ ломалъ шпагу надъ головою, сдиралъ мундиръ и бросалъ ихъ въ пылающій костеръ. Ставъ на колѣни, я сбросилъ съ себя мундиръ, прежде чѣмъ палачъ могъ до меня дотронуться, за что генералъ закричалъ ему: «дери съ него мундиръ»! Шпаги и сабли были заранѣе уже подпилены, такъ что палачъ безъ всякаго усилія могъ ихъ переломить надъ головою,—только съ бѣднымъ Якубовичемъ поступилъ онъ неосторожно, прикоснувшись его головы, пробитой черкесской пулею надъ правымъ вискомъ. Съ И. Д. Якуш-

кипа также неосторожно содрали кожу съ чела. Послѣднимъ изъ нашего отдѣленія былъ М. И. Пущинъ, который по приговору былъ разжалованъ въ рядовые до выслуги безъ лишенія правъ дворянства, слѣдовательно, законъ запрещалъ ломать надъ нимъ саблю,—о чемъ онъ замѣтилъ генералу, но тому было не до закона, и, не выслушавъ его, приказалъ и надъ нимъ переломить саблю. Въ огонь вмѣстѣ съ мундирами были брошены и ордена второпяхъ. Процессія эта продолжалась слишкомъ часъ; на насъ надѣли полосатые госпитальные халаты, и тѣми же отдѣленіями повели обратно въ крѣпость. Я взялъ подъ руку всѣми искренно уважаемаго, заслуженнаго полковника моего М. Ф. Митькова, который больной поступилъ въ крѣпость и здѣсь еще болѣе разстроилъ здоровье.

Народу, зрителей было не мало, только около входа въ крѣпость предъ подъемнымъ мостомъ толпилась куча небольшая. Наканунѣ дали знать, что рѣшеніе будетъ на Волковомъ полѣ. Народъ, повсюду любопытный, на этотъ разъ или самъ не хотѣлъ присутствовать, или было еще слишкомъ рано, или полиція не допустила. Когда насъ повели обратно, то на Кронверкскомъ валу висѣлица еще ждала обреченныхъ жертвъ,—тамъ еще никого не было. Мы обратились въ ту сторону, перекрестились,—и каждый по своему просилъ Бога принять съ любовью нашихъ товарищей, опередившихъ насъ рвеніемъ и отшествіемъ отъ міра сего. На висѣлицу и на повѣшенныхъ народъ могъ глядѣть долго, до поздняго вечера, но только издали, потому что она стояла на высокомъ валу за рвомъ непроходимымъ, на мѣстѣ неприступномъ. Не знаю, чему приписать причину, что казнь не была совершена на нашихъ глазахъ, въ нашемъ присутствіи—деликатности ли? или обдуманной осторожности, или неисправности? Конечно, не хотѣли утаить ее, она должна была служить примѣромъ и страшилищемъ, но все какъ-то не клеилось одно съ другимъ—съ народнымъ духомъ и съ гласностью. Говорили послѣ, что Чернышеву сдѣлано было замѣчаніе за то, что казнь была не одновременна съ нашей экзекуціей, другіе говорили, что перекладина была забыта въ мастерской. Меня отвели въ прежнюю мою Кронверкскую куртину, но въ другой нумеръ, сосѣдній, въ 14-ый, въ которомъ Рылѣевъ провелъ последнюю ночь своей земной жизни. Я вступилъ туда, какъ въ мѣсто освященное; молился за него, за жену его, за дочь Настеньку; тутъ писалъ онъ послѣднее, всѣмъ извѣстное письмо, изуродованное переписчиками. Изъ оловянной кружки пилъ я недопитую имъ воду. Возлѣ меня въ 15 нумерѣ посаженъ былъ товарищъ мой Н. П. Рѣпинъ; двойная бревенчатая стѣна отдѣляла наши стойла или казематныя кельи. Въ моемъ прежнемъ 13-мъ нумерѣ наискось противъ меня, сидѣлъ въ тотъ день М. А. Назимовъ; ему, сердечному, суждено было видѣть ужасную казнь на валу: до ночи висѣли тѣла мертвыхъ, разрѣшившихся и освободившихся душъ безсмертныхъ.

Очевидцы послѣднихъ часовъ жизни Павла Ивановича Пестеля, Кондратія Федоровича Рылѣева, Сергѣя Ивановича Муравьева-Апостола, Михаила Павловича Бестужева-Рюмина, Петра Андреевича Каховскаго [1]), были протоіерей П. Н. Мысловскій, плацъ-маіоръ Е. М. Подушкинъ, плацъ-адъютантъ Николаевъ, фейерверкеръ Соколовъ и нѣсколько солдатъ въ крѣпости, а на мѣстѣ казни находились, кромѣ названныхъ: петербургскій плацъ-маіоръ Ар. Аф. Болдыревъ, городской полицеймейстеръ гвардейскаго генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ В. Д. Вольховскій и еще

---

[1]) Розенъ ошибается: Каховскаго звали Петромъ Григорьевичемъ. *Ред.*

*

нѣсколько солдатъ. Послѣдній день и послѣднюю ночь 12-го іюля осужденные на смерть провели въ нумерахъ Кронверкской куртины. П. И. Пестель отъ начала до конца сохранялъ необыкновенную твердость духа, безъ малѣйшаго волненія, въ готовности принять и вытерпѣть всѣ муки. Образованіемъ своимъ онъ былъ обязанъ не столько хорошимъ наставникамъ и учебнымъ заведеніямъ, сколько отличнымъ способностямъ своимъ и великой цѣли всей жизни. Много лѣтъ трудился онъ надъ «Русскою Правдою», которая не многимъ кому извѣстна отъ начала до конца, а подлинникъ въ свинцовомъ ящикѣ, закопанный въ мерзлую землю, близъ деревни Курнасовки, Заикинымъ и Пушкинымъ, переданъ въ собственныя руки императора, какъ я уже упомянулъ выше. При каждой двери квартиры его былъ придѣланъ колокольчикъ, такъ что онъ всегда успѣвалъ прятать свои бумаги отъ нежданныхъ гостей. Весь трудъ свой сообщилъ онъ самъ Алексѣю Петровичу Юшневскому, бывшему интенданту 2-ой арміи, мужу большого ума, съ самыми строгими правилами нравственности. Отдѣльныя части «Русской Правды» сообщалъ онъ и посторониимъ и П. Д. Киселеву, и многимъ членамъ, отъ которыхъ могъ ожидать дѣльныхъ примѣчаній или дополненій[1]). Сущность «Русской Правды» заключала въ себѣ распредѣленіе обширнѣйшей въ мірѣ страны на области и округи по мѣстности и по составу населенія, но притомъ—единство Россіи. Какъ нынѣ Финляндія, такъ могло бы существовать и Царство Польское 1815 года,—но никогда не было ни помышленія, ни рѣчи, ни сдѣлки объ отреченіи Россіи отъ Польши; перенесеніе правительственныхъ мѣстъ въ Нижній Новгородъ; освобожденіе всѣхъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости и надѣленіе всѣхъ землею въ собственность; общинное управленіе крестьянъ; гласное судопроизводство, съ присяжными по дѣламъ уголовнымъ; преобразованіе войска и уменьшеніе срока обязательной службы. Всѣ собесѣдники Пестеля безусловно удивлялись его уму положительному и проницательному, дару слова и логическому порядку въ изложеніи мысли. Коротко знавшіе и ежедневно видавшіе его, когда онъ былъ еще адъютантомъ графа Витгенштейна, сравнивали его голову съ конторкою со множествомъ отдѣленій и выдвижныхъ ящиковъ: о чемъ бы ни заговорили, ему стоило только выдвинуть такой ящикъ, и изложить все съ величайшею удовлетворительностью. Составитель и редакторъ отчета или донесенія слѣдственной комиссіи, собравъ матеріалъ свой изъ частныхъ разговоровъ, показаній, мнѣній нѣсколькихъ членовъ общества, выставляетъ Пестеля, какъ честолюбца непомѣрнаго, думавшаго только о собственной своей славѣ, о своемъ личномъ повышеніи. Кто хочетъ вѣрно оцѣнить Пестеля, тотъ долженъ знать его «Русскую Правду». Насчетъ замѣчаній о его дѣйствіяхъ, какъ полкового командира, должно помнить, что они сдѣланы Майбородою, предателемъ, который былъ его казначеемъ, истратилъ для себя полковыя деньги въ Москвѣ,—куда посланъ былъ для покупки офицерскихъ вещей и казенныхъ,—и былъ великодушно спасенъ Пестелемъ отъ стыда и отъ суда. Относительно замѣчанія Рылѣева, что въ Пестелѣ можно скорѣе предугадывать Наполеона, чѣмъ Вашингтона, то оно было извлечено изъ частной бесѣды его послѣ перваго знакомства съ нимъ, когда Пестель укорялъ сѣверное общество въ бездѣйствіи и предложилъ соединить сѣверное съ южнымъ. Въ роковую ночь онъ пріобщился св. тайнъ у пастора Рейнбота, который изъявилъ ему свою готовность сопутствовать ему до

[1]) О „Русской Правдѣ“ см. въ статьѣ Н. П. Павлова-Сильванскаго о Пестелѣ въ „Русскомъ біографическомъ словарѣ“. *Ред.*

послѣдней минуты; но Пестель благодарилъ и отказалъ ему въ предложеніи, замѣтивъ, что довольно будетъ напутствованія одного священника русскаго, что онъ самъ приготовился на все и что у всѣхъ христіанъ Спаситель единъ. Пестель оставался спокойнымъ до послѣдняго мгновенія, онъ никого ни о чемъ не просилъ; равнодушно смотрѣлъ, какъ заковали ноги его въ желѣзо,—и когда подъ конецъ надѣли петлю, когда изъ-подъ ногъ столкнули скамейку, то тѣло его оставалось въ спокойномъ положеніи, какъ будто душа мгновенно отдѣлилась отъ тѣла, отъ земли, гдѣ онъ былъ оклеветанъ, гдѣ трудился не для себя, гдѣ судили его за намѣренія, за мысли, за слова, и просто умертвили. Ссылаюсь на рѣшенія и доказательства лучшихъ и опытнѣйшихъ юристовъ.

Я не пишу біографій моихъ товарищей и соузниковъ, а только кратко касаюсь послѣднихъ минутъ ихъ земной жизни, припоминая главныя черты ихъ характера. Въ моихъ запискахъ я уже не разъ упоминалъ о Кондратіи Федоровичѣ Рылѣевѣ. Вся жизнь его, отъ самаго выпуска изъ 1-го кадетскаго корпуса въ конную артиллерію, дышала любовью къ отечеству. Прочтите его сочиненія—вы повсюду найдете эту любовь, готовую принять всѣ муки адскія, лишь бы быть полезнымъ своей странѣ родной. Читайте думу «Волынскій», «Исповѣдь Наливайки», поэму «Войнаровскій»—вы въ нихъ услышите и увидите самого Рылѣева. Всего тѣснѣе и искреннѣе былъ онъ связанъ съ Оболенскимъ и съ Николаемъ и Александромъ Бестужевыми; двое первыхъ написали біографію Рылѣева; мнѣ остается только досказать, что онъ въ досужные часы отъ дѣлъ Американской торговой компаніи, коей онъ былъ секретаремъ, хаживалъ въ губернское правленіе; вызывался хлопотать за людей безграмотныхъ, бѣдныхъ или притѣсненныхъ, такъ что въ послѣдніе годы всѣ такіе просители хорошо его знали. Я уже доказалъ, какъ онъ безусловно и охотно жертвовалъ собою при возстаніи 14-го декабря; онъ предвидѣлъ неудачу, но хотѣлъ явнаго возстанія, явнаго требованія правъ, въ полномъ убѣжденіи, что иначе народу не получить того, что ему слѣдуетъ. Онъ былъ душою этой попытки; съ радостью принималъ онъ на себя всю отвѣтственность; самъ просилъ императора и комиссію и комитетъ, чтобы его не щадили, но чтобы облегчили участь товарищей его, о чемъ даже упоминается и въ донесеніи слѣдственной комиссіи. Только не знаю, откуда редакторъ донесенія почерпнулъ, что будто бы Рылѣевъ самъ не являлся на Сенатскую площадь, когда я самъ видѣлъ его тамъ; но ему не зачѣмъ было долго тамъ оставаться, потому что онъ дѣятельнѣе всѣхъ другихъ собиралъ силы со всѣхъ сторонъ,—ѣздилъ по всѣмъ казармамъ, по карауламъ, искалъ отдѣльныхъ лицъ, не явившихся къ сборному мѣсту. Онъ только не могъ принять начальства надъ войскомъ, не полагаясь на свое умѣнье распорядиться и еще наканунѣ избравъ для себя обязанность рядового. Въ казематѣ, въ послѣднюю ночь, получилъ онъ позволеніе писать къ женѣ своей; онъ началъ, отрывался отъ письма, молился, продолжалъ писать. Съ разсвѣтомъ вошелъ къ нему плацъ-маіоръ со сторожемъ, съ кандалами, и объявилъ, что черезъ полчаса надо идти: онъ сѣлъ дописать письмо, просилъ, чтобы между тѣмъ надѣвали желѣзы на ноги. Соколовъ былъ пораженъ его спокойнымъ видомъ и голосомъ. Онъ съѣлъ кусочекъ булки, запилъ водою, благословилъ тюремщика, благословилъ во всѣ стороны соотчичей, и друга и недруга, и сказалъ: «я готовъ идти!»

Въ 12-омъ нумерѣ кронверкской куртины заключенъ былъ наканунѣ казни

Сергѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ 2-ой. Его пламенная душа, его крѣпкая и чистѣйшая вѣра, еще задолго до роковой минуты внушали протоіерею П. Н. Мысловскому такое глубокое почитаніе, что онъ часто и многимъ повторялъ: «когда вступаю въ казематъ Сергѣя Ивановича, то мною овладѣваетъ такое же чувство благоговѣйное, какъ при вшествіи въ алтарь предъ божественною службою». Такъ чисты были его помышленія, такъ сердце его исполнено было любви къ Спасителю и къ ближнему. Бесѣды его были всегда назидательны и утѣшительны. Съ юныхъ лѣтъ предметомъ любимой мысли его было—благо отечества; для него учился онъ старательно сперва дома, послѣ въ корпусѣ путей сообщенія генерала Бетанкура, наконецъ въ Парижѣ; служилъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку, откуда, послѣ возстанія полка въ 1820 году, при распредѣленіи цѣлаго полка по всѣмъ полкамъ арміи, переведенъ былъ въ Черниговскій пѣхотный полкъ подполковникомъ. Для отечества онъ готовъ былъ жертвовать всѣмъ; но все еще казалось до такой степени отдаленнымъ для него, что онъ иногда терялъ терпѣніе; въ такую минуту онъ однажды на стѣнѣ Кіевскаго монастыря, карандашомъ выразилъ свое чувство. В. Н. Лихаревъ открылъ эту надпись.

Toujours rêveur et solitaire,
Je passerai sur cette terre,
Sans que personne m'ait connu;
Ce n'est qu'au bout de ma carrière,
Que par un grand trait de lumiére,
L'on verra ce qu'on a perdu.

Душа его была достойна и способна для достиженія великой цѣли. Въ послѣднія минуты жизни онъ не имѣлъ времени думать о себѣ. Возлѣ его каземата въ 16-омъ нумерѣ сидѣлъ юный другъ его Михаилъ Павловичъ Бестужевъ-Рюминъ; нужно было утѣшать и ободрять его. Соколовъ и сторожа Шибаевъ и Трофимовъ не мѣшали имъ громко бесѣдовать, уважая послѣднія минуты жизни осужденныхъ жертвъ. Жалѣю, что они не умѣли мнѣ передать сущность послѣдней ихъ бесѣды, а только сказали мнѣ, что они все говорили о спасителѣ Іисусѣ Христѣ и о безсмертіи души. М. А. Назимовъ, сидя въ 13-омъ нумерѣ, иногда могъ только разслышать, какъ въ послѣднюю ночь С. И. Муравьевъ-Апостолъ, въ бесѣдѣ съ Михаиломъ Павловичемъ Бестужевымъ-Рюминымъ читалъ вслухъ нѣкоторыя мѣста изъ пророчествъ и изъ Новаго Завѣта.

Въ числѣ осужденныхъ Муравьевыхъ были члены изъ четырехъ домовъ, связанныхъ между собою близкимъ и дальнымъ родствомъ. С. И. и М. И. Муравьевы-Апостолы, получившіе сложное фамильное имя отъ предка по матери, гетмана Данилы-Апостола,—они были двоюродные братья Арт. и Зах. Муравьева, шурина графа Е. Ф. Канкрина,—и приходились троюродными братьями Никитѣ Михайловичу и Александру Михайловичу Муравьевымъ, которыхъ отецъ былъ наставникомъ Александра I. Александръ Николаевичъ Муравьевъ, бывшій Нижегородскимъ гражданскимъ губернаторомъ незадолго до кончины своей, былъ старшій сынъ генерала Н. Н. Муравьева, извѣстнаго основателя и директора школы колонновожатыхъ въ Москвѣ.

Михаилу Павловичу Бестужеву-Рюмину было только 23 года отроду. Онъ не могъ добровольно разстаться съ жизнью, которую только началъ; онъ метался какъ птица въ клѣткѣ, и искалъ освободиться, когда пришли къ нему съ кандалами. Предъ выходомъ изъ каземата онъ снялъ съ груди своей образъ Спасителя несущаго крестъ,

овальный, вышитый двоюродною сестрою, оправленный въ бронзовый обручъ, и благословилъ имъ сторожа Трофимова. Я видѣлъ этотъ образъ, предложилъ мѣняться, но старый солдатъ не согласился ни на какія условія, сказавъ, что постарается отдать этотъ образъ сестрѣ Бестужева. На этомъ образѣ дали клятву двѣнадцать членовъ тайнаго общества союзныхъ славянъ.

Петръ Андреевичъ Каховской, въ послѣдній день заточенія, 12-го іюля, содержался въ казематѣ подъ другимъ сводомъ кронверкской куртины, не подъ надзоромъ Соколова и Шибаева, почему, къ сожалѣнію, я не имѣлъ подробныхъ вѣрныхъ свѣдѣній о послѣднихъ часахъ его жизни. Онъ былъ очень молодъ, службу свою началъ онъ въ лейбъ-гвардіи Гренадерскомъ полку[1]), и по домашнимъ обстоятельствамъ вышелъ въ отставку. Между тѣмъ какъ насъ вывели на площадь предъ гласисомъ для рѣшенія приговоровъ, то пятерыхъ товарищей, осужденныхъ на смертную казнь, повели въ саванахъ и въ кандалахъ въ крѣпостную церковь, гдѣ они еще при жизни слушали свое погребальное отпѣваніе. Когда мы уже возвратились съ гласиса въ крѣпость, то ихъ шествіе изъ церкви потянулось къ кронверкскому валу. На пути Сергѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ не переставалъ утѣшать и ободрять своего юнаго друга Михаила Бестужева-Рюмина, и разъ обернулся къ духовному отцу П. Н. Мысловскому и сказалъ ему, что онъ очень сожалѣетъ, что на его долю досталось сопровождать ихъ на казнь какъ разбойниковъ; на это замѣчаніе священнослужитель отвѣтилъ ему утѣшительными словами Іисуса Христа на крестѣ къ сораспятому съ Нимъ разбойнику. Когда дошли до мѣста висѣлицы, то они еще разъ обнялись между собою, стали въ рядъ на высокую скамейку, и когда петли были уже надѣты, когда столкнули скамейку, то тѣла Пестеля и Каховскаго остались повисшими; но Рылѣевъ, Муравьевъ и Бестужевъ испытали еще одно ужасное страданіе. Палачъ, нарочно выписанный изъ Швеціи или Финляндіи, какъ утверждали, для совершенія этой казни, вѣроятно не зналъ своего дѣла. Петли у нихъ не затянулись, они всѣ трое свалились, и упали на ребро опрокинутой скамейки и больно ушиблись. Муравьевъ со вздохомъ замѣтилъ, «что и этого у насъ не сумѣли сдѣлать»; этотъ язвительный упрекъ былъ вызванъ сильною болью отъ раны въ голову 3-го января, которая еще не зажила. Пока снова установляли скамейку, перетянули веревки, прошло нѣсколько минутъ, и продлилась мука отъ вторичной борьбы съ другою вторичною смертью. Весь день оставались на позорной выставкѣ. Съ приближеніемъ ночи сняли трупы; одни говорили, что ночью въ лодкѣ перевезли тѣла въ рогожахъ и зарыли на берегу Гутуева острова, другіе же утверждали—на прибрежіи Голодая, еще другіе—что ихъ зарыли во рву крѣпостномъ съ негашеною известью близъ самой висѣлицы. Такъ кончилось рѣшеніе суда 13-го іюля. Прилагаю именные списки преданныхъ суду и приговоренныхъ по разрядамъ.

---

[1]) Невѣрно:—въ л.-г. Егерскомъ. *Ред.*

Списокъ

лицамъ, преданнымъ по высочайшему повелѣнію верховному уголовному суду по манифесту отъ 1-го іюня 1826 г.

Сѣвернаго общества.	Южнаго общества.	Соединенныхъ славянъ.
1. Князь Сергѣй Петровичъ Трубецкой, полк. л.-гв. Преображенскаго полка, дежурный шт.-офицеръ 4-го пѣх. порпуса.	1. Пестель, Павелъ Ивановичъ, полковникъ, командиръ Вятскаго пѣх. полка	1. Борисовъ 2-й, Петръ Ивановичъ, подпоручикъ 8-ой артиллерійской бригады.
2 Рылѣевъ, Кондратій Федоровичъ, отставной конной артиллеріи подпоручикъ, секретарь американской компаніи.	2. Муравьевъ - Апостолъ 1-ый, Сергѣй Ивановичъ, подполк. Черниговскаго пѣх. полка.	2. Борисовъ 1-й, Андрей Ивановичъ, отставной артиллеріи подпоручикъ.
3. Князь Оболенскій, Евгеній Петровичъ, поручикъ л.-г. Финляндскаго полка, старшій адъютантъ команд. гвардейскою пѣхотою Г. Бистрома.	3. Бестужевъ-Рюминъ, Михаилъ Павловичъ, подпоручикъ Полтавскаго пѣх. полка.	3. Спиридовъ, Иванъ Матвѣевичъ, маіоръ Пензенскаго пѣх. полка.
4. Муравьевъ, Никита Михайловичъ, капитанъ гвардейск. генеральнаго штаба.	4. Муравьевъ - Апостолъ 2-й, Матвѣй Ивановичъ, отставной подполковникъ.	4. Горбачевскій, Иванъ Ивановичъ, подпоручикъ 8-й артил. бригады.
5. Каховскій, Петръ Григорьевичъ, отставной гвардіи поручикъ.	5. Юшневскій, А. П., 4-го класса, ген.-интендантъ 2-й арміи.	5. Бечасновъ, Владим. Александр., прапорщикъ 8-ой артил. бриг.
6. Князь Щепинъ-Ростовскій, Дмитрій Александр., штабсъ-кап. л.-г. Московскаго полка.	6. Князь Волконскій, Сергѣй Григорьевичъ, генералъ-маіоръ.	6. Пестовъ, Александръ Семеновичъ, подпоручикъ 9-ой артил. бриг.
7. Бестужевъ 2-й, Александръ Александровичъ, шт.-капитанъ л.-г. Драгунскаго полка, адъютантъ Герцога Александра Виртембергскаго.	7. Давыдовъ, Василій Львовичъ, отставной гусарскій полковникъ.	7. Андреевичъ 2-ой, Яковъ Максимовичъ, подпоручикъ 8-ой артил. бриг.
8. Бестужевъ 3-й, Михаилъ Александровичъ, шт.-кап. л.-г. Московскаго полка.	8. Князь Барятинскій, Александръ Ивановичъ, ротм. Л. Г. Гусарскаго полка, адъютантъ графа Витгенштейна.	8. Люблинской, Юльянъ Казимировичъ, дворянинъ Волынской губерніи.

Сѣвернаго общества.	Южнаго общества.	Соединенныхъ славянъ.
9. Арбузовъ, Антонъ Петровичъ, лейтенантъ гв. экипажа.	9. Поджіо 2-ой, Александръ Викторовичъ, отставной подполковникъ.	6. Тютчевъ, Алексѣй Ивановичъ, капитанъ Пензенскаго пѣх. полка.
10 Бестужевъ 1-ый, Ник. Алекс., капитанъ-лейтенантъ 8-го экипажа.	10. Муравьевъ, Артамонъ Захарьевичъ, полков. командиръ Ахтырскаго гусарскаго полка.	10. Громницкій, Петръ Федоровичъ, поручикъ Пензенскаго пѣх. полка.
11. Пановъ, Николай Алексѣевичъ, поручикъ л.-г. Гренадерскаго полка.	11. Повало - Швейковскій, Иванъ Семеновичъ, полк. командиръ Саратовскаго пѣх. полка.	11. Кирѣевъ, Иванъ Васильевичъ, прапорщикъ 8-ой артиллер. бригады.
12. Сутгофъ, Александръ Николаевичъ, поручикъ л.-гв. гренадерскаго полка.	12. Вадковской, Федоръ Федоровичъ, прапорщикъ Нѣжинскаго кон.-егер. полка.	12. Фурманъ, капитанъ Черниговскаго пѣх. полка.
13. Кюхельбекеръ 1-ый, Вильгельмъ Карловичъ, коллежскій асессоръ.	13. Тизенгаузенъ, Василій Карловичъ, полк. коман. Полтавскаго пѣх. полка.	13. Веденяпинъ 1-ый, подпоручикъ 9-ой артил. бригады.
14. Пущинъ 1-ый, Иванъ Ивановичъ, коллежскій асессоръ.	14. Враницкій, полковникъ квартирмейстерской части.	14. Веденяпинъ 2-ой, прапорщикъ 9-ой артил. бригады.
15. Князь Одоевскій, Александръ Ивановичъ, корнетъ л.-гв.Коннаго полка.	15. Крюковъ 2-ой, Николай Александровичъ, поручикъ генеральнаго штаба.	15. Шимковъ, Иванъ Федоровичъ, прапорщикъ Саратовскаго пѣх. полка.
16. Якубовичъ, Александръ Ивановичъ, капитанъ Нижегородскаго драгун. полка.	16. Фаленбергъ, Петръ Ивановичъ, подполковникъ генеральнаго штаба, старшій адъютантъ главнаго штаба 2-ой арміи.	16. Мозганъ, Павелъ Дмитріевичъ, подпоручикъ Пензенскаго пѣх. полка.
17. Цебриковъ, Никол. Романовичъ, поручикъ л.-гв. Финляндскаго полка.	17. Лореръ, Николай Ивановичъ, маіоръ Вятскаго пѣхотнаго полка.	17. Ивановъ, Илья Ивановичъ, провіантскій чин. 10-го класса.
18. Рѣпинъ, Николай Петровичъ, шт.-капитанъ л.-гв. Финляндскаго полка.	18. Краснокутскій, Семенъ Григорьевичъ, оберъ-прокуроръ сената, д. с. сов.	18. Фроловъ, Александръ Филипповичъ, поручикъ Пензенскаго пѣх. полка.
19. Муравьевъ, Александръ Николаевичъ, полковникъ гвардейскаго генеральнаго штаба.	19. Лихаревъ, Владиміръ Николаевичъ, подпоручикъ генеральн. штаба.	19. Мозгалевскій, подпоручикъ Саратовскаго пѣх. полка.
20. Якушкинъ, Иванъ Дмитріевичъ, отст. капитанъ л.-г. Семеновскаго полка.	20. Вольфъ, Фердинандъ Богдановичъ, шт.-лекарь при главной квартирѣ 2-ой арміи.	20. Лисовскій, Николай Федоровичъ, поручикъ Пензенскаго пѣх. полка.
21. Фонвизинъ, Михаилъ Алекс., отставной генералъ-маіоръ.	21. Крюковъ 1-ый, А. А., поруч. Кавалергардскаго полка, адъютантъ гр. Витгенштейна.	21. Выгодовскій, Павелъ Фомичъ, канцеляристъ.

Сѣвернаго общества.	Южнаго общества.	Соединенныхъ славянъ.
22. Князь Шаховской, Федоръ, отставной маіоръ.	22 Поджіо 1-ый, Іосифъ. Алекс., отставной шт.-капит. гвардіи.	22. Берстель, подполк., ком. легкой роты № 2, 9-ой артил. бригады.
23. Лунинъ, Михаилъ Сергѣевичъ, подполковникъ л.-г. Гродненскаго гусар. полка.	23.✓ Аврамовъ, Павелъ Васильевичъ, полковникъ, командиръ Казанскаго пѣх. полка.	23. Шахиревъ, поручикъ Черниговскаго пѣхот. полка.
24. Мухановъ, Петръ Александровичъ, шт.-капитанъ л.-г. Измайловскаго полка.	24. Норовъ, Василій Сергѣевичъ, отставной подполковникъ.	Всего славянъ 23.
25. Митьковъ, Михаилъ Фотьевичъ, полковникъ л.-г.Финляндскаго полка.	25. Ентальцевъ, Андрей Васильевичъ, подполковникъ, команд. конно-артил. роты № 27-г-с.	
26. Завалишинъ, Дмитрій Иринарховичъ, лейтенантъ 8-го флотскаго экипажа.	26. Ивашевъ, Василій Петровичъ, ротмистръ Кавалергардскаго полка, адъютантъ графа Витгенштейна.	
27. Батенковъ, Гаврила Степановичъ, подполковникъ корпуса инженеровъ путей сообщенія.	27. Басаргинъ, Николай Васильевичъ, поручикъ л.-гв. Егерскаго полка, старшій адъютантъ главнаго штаба 2-ой арміи.	
28. Баронъ Штейнгель, Владиміръ Ивановичъ, отставной подполковникъ.	28. Корниловичъ, Алек. Осиповичъ, шт.-капитанъ гвардейскаго генеральнаго штаба.	
29. Торсонъ, Константинъ Петровичъ, капитанъ-лейтенантъ, старшій адъютантъ начальн. морского штаба.	29. Бобрищевъ - Пушкинъ 1-ый, Николай Сергѣевичъ, поручикъ генерал. штаба.	
30. Князь Голицынъ, Валеріанъ Михайловичъ, камеръ-юнкеръ.	30. Бобрищевъ - Пушкинъ 2-ой, Павелъ, Сергѣевичъ поручикъ генеральнаго штаба.	
31. Бѣляевъ 1-ый, Александръ Петровичъ, мичманъ Гвард. экипажа.	31. Заикинъ, подпоручикъ генеральнаго штаба.	
32. Бѣляевъ 2-ой, Петръ Петровичъ, мичманъ Гвардейскаго экипажа.	32.✓ Аврамовъ, Иванъ Борисовичъ, поручикъ генеральнаго штаба.	
33. Дивовъ, мичманъ Гвардейскаго экипажа.	33. Загорѣцкій, Николай Александровичъ, поручикъ генерал. штаба.	
34. Бестужевъ 4-ый, Петръ Александровичъ, мичманъ 27 флотск. экип.	34. Поливановъ, отставной полковникъ.	

Сѣвернаго общества.	Южнаго общества.	
35. Свистуновъ, Петръ Николаевичъ, корнетъ Кавалергардскаго полка.	35. Баронъ Черкасовъ, Алексѣй Ивановичъ, поручикъ генерал. штаба.	
36. Анненковъ, Иванъ Александровичъ, поручикъ Кавалергардскаго полка.	36. Фохтъ, Иванъ Федоровичъ, капитанъ Азовскаго пѣх. полка.	
37. Кривцовъ, Сергѣй Ивановичъ, подпоручикъ лейбъ - гвардіи конной артиллеріи.	37. Графъ Булгари, Николай, поручикъ Кирасирскаго ея величества полка.	
38. Муравьевъ 2-ой, Александръ Михайловичъ, корн. Кавалерг. полка.	Южнаго Общества 37.	
39. Нарышкинъ, Михаилъ Михайловичъ, полковникъ Тарутинскаго пѣх. полка.		
40. Фонъ - деръ - Бригенъ, Александръ Федоровичъ, отставной полковникъ.		
41. Пущинъ 2-ой, Михаилъ Ивановичъ, капитанъ л.-г. Конно - піонернаго эскадрона.		
42. Бодиско 1-ый лейтенантъ Гвардейскаго экипажа.		
43. Кюхельбекеръ 2-ой, Михаилъ Карловичъ, лейтенантъ Гвард. экипажа.		
44. Мусинъ-Пушкинъ, лейтенантъ Гвард. экипажа.		
45. Акуловъ, лейтенантъ Гвардейскаго экипажа.		
46. Вишневскій, лейтенантъ Гвардейскаго экипажа.		
47. Бодиско 2-ой, мичманъ Гвардейскаго экипажа.		
48. Горской, статскій совѣтникъ.		
49. Графъ Коновницынъ, Петръ Петровичъ, подпор. гвардейскаго генеральнаго штаба.		
50. Оржицкій, отставной штабъ-ротмистръ.		
51. Кожевниковъ, подпоручикъ л.-г. Измайловскаго полка.		

Сѣвернаго общества.	Сѣвернаго общества.	Всѣхъ обвиняемыхъ.
52. Фокъ, подпоручикъ л.-г. Измайловскаго полка. 53. Лаппа, подпоручикъ л.-г. Измайловскаго полка. 54. Назимовъ, Михаилъ Александровичъ, шт.-капит. л.-г. Конно-піонернаго эскадрона. 55. Баронъ Розенъ, Андрей Евгеньевичъ, поручикъ л.-г. Финляндскаго полка. 56. Глѣбовъ, Михаилъ Николаевичъ, коллежскій секретарь. √ 57. Андреевъ 2-ой, подпоручикъ л.-г. Измайловскаго полка.	58. Толстой, Владиміръ Сергѣевичъ, прапорщикъ Московскаго пѣх. полка. 59. Графъ Чернышевъ, Захаръ Григорьевичъ, ротмистръ Кавалергардскаго полка. 60. Чижовъ, лейтенантъ 2-го флотскаго экипажа. 61. Тургеневъ, Николай Ивановичъ, дѣйст. ст. совѣтникъ.	Сѣвер. Общества 61—Южнаго 37.—Славянъ 23—Всего 121.—Имена и отчества нѣсколькихъ моихъ товарищей не означены, потому что или не имѣлъ чести быть лично съ ними знакомымъ, или не могъ получить достовѣрныхъ свѣдѣній. Въ Читѣ мы были вмѣстѣ 85 человѣкъ, съ 20-ю другими встрѣтился на поселеніи и на Кавказѣ, съ 16-ю не встрѣчался никогда.

Роспись

приговора верховнаго уголовнаго суда надъ государственными преступниками іюля 10-го дня 1826 года.

Имена.	Приговоръ 10-го іюля.	Смягченіе приговора по высочайшему повеленію 11-го іюля.
1. Полковникъ Пестель. 2. Подпоручикъ Рылѣевъ. 3. Подполк. Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ. 4. Подпор. Бестужевъ-Рюминъ. 5. Поручикъ Каховскій.	четвертовать.	Предоставлено верховному уголовному суду смягчить мучительную казнь другою, болѣе легкою. Судъ опредѣлилъ повѣсить.
I разрядъ. 1. Полковн. князь Трубецкой. 2. Поручикъ князь Оболенскій. 3. Подполк. Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ. 4. Подпоручикъ Борисовъ 2-ой.	Весь 1-ый разрядъ приговоренъ къ смертной казни отсѣченіемъ головы.	Всѣмъ дарована жизнь съ ссылкою въ вѣчную каторжную работу. Нижепоименованнымъ вмѣсто вѣчной каторги опредѣлена 20-ти-лѣтняя каторжная ра-

Имена.	Приговоръ 10-го іюля.	Смягченіе 10-го іюля.
5. Подпоручикъ Борисовъ 1-ый. 6. Подпоручикъ Горбачевскій. 7. Маіоръ Спиридовъ. 8. Шт.-ротм. князь Барятинскій. 9. Кол. ас. Кюхельбекеръ 1-ый. 10. Капитанъ Якубовичъ. 11. Подполк. Поджіо 2-ой. 12. Полк. Артамонъ Муравьевъ. 13. Прапорщикъ Вадковскій. 14. Прапорщикъ Бечасновъ. 15. Полковн. Давыдовъ. 16. 4-го класса Юшневскій. 17. Шт.-кап. А. Бестужевъ 2-ой. 18. Подпоручикъ Андреевичъ. 19. Капитанъ Никита Муравьевъ 1-ый. 20. Кол. ас. Пущинъ 1-ый. 21. Ген.-м. князь Волконскій. 22. Капитанъ Якушкинъ. 23. Подпоручикъ Пестовъ. 24. Лейтенантъ Арбузовъ. 25. Лейтенантъ Завалишинъ. 26. Полк. Повало-Швейковской. 27. Поручикъ Пановъ. 28. Поручикъ Сутгофъ. 29. Шт.-кап. князь Щепинъ-Ростовскій. 30. Мичманъ Дивовъ. 31. Дѣйств. ст. сов. Тургеневъ.		бота: Матвѣю Муравьеву-Апостолу, Кюхельбекеру 1-му, Александру Бестужеву 2-му, Никитѣ Муравьеву 1-му, князю Волконскому, Якушкину.
II разрядъ. 1. Капитанъ Тютчевъ. 2. Поручикъ Громницкій. 3. Прапорщикъ Кирѣевъ. 4. Поручикъ Крюковъ 2-ой. 5. Подполковникъ Лунинъ. 6. Корнетъ Свистуновъ. 7. Поручикъ Крюковъ 1-ый. 8. Полковникъ Митьковъ. 9. Поручикъ Басаргинъ. 10. Поручикъ Анненковъ. 11. Штабъ-лекарь Вольфъ. 12. Ротмистръ Ивашевъ. 13. Подпоручикъ Фроловъ. 14. Подполковникъ Норовъ. 15. Капит.-лейтенантъ Торсонъ. 16. Кап.-лейт. Николай Бестужевъ 1-ый. 17. Шт.-кап. Михаилъ Бестужевъ 3-й.	Весь 2-ой разрядъ приговоренъ къ политической смерти по силѣ указа 1753 года апрѣля 29, т. е. положить голову на плаху, а потомъ сослать въ вѣчную каторжную работу.	Сослать въ каторжную работу на 20 лѣтъ съ тремя исключеніями. Норова на 15 лѣтъ, а Николая Бестужева 1-го и Михаила Бестужева 3-го въ каторжную работу навѣчно, т. е. ничего не смягчили Бестужевымъ.

Имена.	Приговоръ 10-го іюля.	Смягченіе 10-го іюля.
III разрядъ. 1. Подполк. баронъ Штейнгель. 2. Подполк. Батенковъ.	Сослать въ вѣчную каторжную работу.	Сослать въ работу на 20 лѣтъ.
IV разрядъ. 1. Штабсъ-капитанъ Мухановъ. 2. Генералъ-маіоръ Фонвизинъ. 3. Шт.-капитанъ Поджіо 1-ый. 4. Подполковникъ Фаленбергъ. 5. 10-го класса ч. Ивановъ. 6. Подпоручикъ Мозганъ. 7. Шт.-кап. Корниловичъ. 8. Маіоръ Лореръ. 9. Полковникъ Аврамовъ. 10. Поручикъ Бобрищевъ-Пушкинъ 2-ой. 11. Прапорщикъ Шимковъ. 12. Корнетъ Александръ Муравьевъ 2-ой. 13. Мичманъ Бѣляевъ 1-ый. 14. Мичманъ Бѣляевъ 2-ой. 15. Полковникъ Нарышкинъ. 16. Корнетъ князь Одоевскій.	Сослать въ каторжную работу на 15 лѣтъ, и потомъ на поселеніе навѣчно.	Сослать въ каторжную работу на 12 лѣтъ, а потомъ на поселеніе.
V разрядъ. 1. Штабсъ-капитанъ Рѣпинъ. 2. Кол. секр. Глѣбовъ. 3. Поручикъ баронъ Розенъ. 4. Лейт. Кюхельбекеръ 2-ой. 5. Мичманъ Бодиско 2-ой.	Сослать въ каторжную работу на 10 лѣтъ, а потомъ на поселеніе навѣчно.	Рѣпина и Кюхельбекера сослать въ каторжную работу на 8 лѣтъ. Бодиско 2-го по молодости въ крѣпостную работу. Барона Розена и Глѣбова безъ смягченія на 10 лѣтъ въ каторжную работу.
VI разрядъ. 1. Полк. Александръ Муравьевъ. 2. Дворянинъ Люблинскій.	Сослать въ каторжную работу на 6 лѣтъ, а потомъ на поселеніе.	Муравьева сослать на житье въ Сибирь, не лишая чиновъ и дворянства. Люблинскаго сослать въ каторжную работу на 5 лѣтъ, потомъ на поселеніе.
VII разрядъ. 1. Подпоручикъ Лихаревъ. 2. Подполковникъ Ентальцевъ. 3. Поручикъ Лисовскій. 4. Полковникъ Тизенгаузенъ. 5. Подпоручикъ Кривцовъ. 6. Прапорщикъ Толстой.	Сослать въ каторжную работу на 4 года, а потомъ на поселеніе.	Сослать въ каторжную работу на 2 года и потомъ на поселеніе.

Имена.	Приговоръ 10-го Іюля.	Смягченіе 11-го Іюля.
7. Ротмистръ графъ Чернышевъ. 8. Поручикъ Аврамовъ. 9. Поручикъ Загорѣцкій. 10. Полковникъ Поливановъ. 11. Поручикъ баронъ Черкасовъ. 12. Поручикъ графъ Булгари. 13. Канцеляристъ Выгодовскій. 14. Подполковникъ Берстель. 15. Полковн. фонъ-деръ-Бригенъ.		Берстеля и графа Булгари сослать въ крѣпостную работу на 2 года.
VIII разрядъ. 1. Подпоручикъ Андреевъ 2-ой. 2. Подпор. Веденяпинъ 1-ый. 3. Дѣйств. ст. сов. Краснокутскій. 4. Лейтенантъ Чижовъ. 5. Камеръ-юнкеръ князь Голицынъ. 6. Штабсъ-капитанъ Назимовъ. 7. Поручикъ Бобрищевъ-Пушкинъ 1-ый. 8. Подпоручикъ Заикинъ. 9. Капитанъ Фурманъ. 10. Маіоръ князь Шаховской. 11. Капитанъ Фохтъ. 12. Подпоручикъ Мозгалевскій. 13. Поручикъ Шахиревъ. 14. Полковникъ Вроницкій. 15. Лейтенантъ Бодиско 1-ый.	Лишить чиновъ и дворянства и сослать на поселеніе.	Поступить по приговору, а Бодиско 1-го написать въ матросы.
IX разрядъ. 1. Подпор. графъ Коновницынъ. 2. Штабсъ-ротмистръ Оржицкій. 3. Подпоручикъ Кожевниковъ.	Лишить чиновъ и дворянства и сослать въ Сибирь.	По лишеніи чиновъ и дворянства написать въ солдаты въ дальніе гарнизоны.
X разрядъ. 1. Капитанъ Пущинъ 2-ой.	Лиш. чин. и двор. и написать въ солд. до высл.	Поступить по приговору.
XI разрядъ. 1. Мичманъ Петръ Бестужевъ 4-ый. 2. Прапорщикъ Веденяпинъ. 3. Лейтенантъ Вишневскій. 4. Лейт. Мусинъ-Пушкинъ. 5. Лейтенантъ Акуловъ. 6. Прапорщикъ Фокъ. 7. Поручикъ Цебриковъ. 8. Подпоручикъ Лаппа.	Лишить только чиновъ съ написаніемъ въ солдаты съ выслугою.	Распредѣлить въ дальніе гарнизоны; но Цебрикова по важности вреднаго примѣра, поданнаго имъ присутствіемъ его въ толпѣ бунтовщиковъ въ виду его полка, какъ недостойнаго благороднаго имени, разжаловать въ солдаты безъ выслуги и съ лишеніемъ дворянства.

Въ распредѣленіи разрядовъ есть странности непонятныя: раздѣленіе и присужденіе наказаній выходитъ предрѣшенное. Сентенціи 2-го разряда не разнствуютъ отъ сентенцій 1-го разряда, а осужденіе совершенно различно. Въ одной сентенціи сказано, что онъ измѣнилъ свой прежній образъ мыслей, а между тѣмъ наказанъ наравнѣ съ тѣми, которые не измѣнили своему образу мыслей. Въ нѣсколькихъ сентенціяхъ сказано, что отстали отъ умысла на цареубійство,—а между тѣмъ они наказаны за этотъ умыселъ. О М. А. Назимовѣ сказано, что участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество одного товарища, между тѣмъ какъ совершенно освобождены отъ наказанія очень многіе, принявшіе новыхъ членовъ. Есть даже осужденія за дерзкія слова въ частномъ разговорѣ. Смягченія приговора суда предоставлены личной милости царя. На милость образца нѣтъ; но внимательный и безпристрастный читатель спроситъ: отчего 11-го іюля при смягченіи наказаній, по приговору верховнаго уголовнаго суда, въ пяти первыхъ разрядахъ изъ числа 71-го человѣкъ, государь исключилъ изъ этой милости только Николая Бестужева 1-го, Михаила Бестужева 3-го, Михаила Глѣбова и Андрея Розена и весь 8-ой разрядъ, кромѣ Бодиско 1-го. Догадки мои сообщены уже выше. Но длинная оговорка въ сентенціи Николая Цебрикова въ послѣднемъ разрядѣ заставляетъ безошибочно заключить, что при этихъ именахъ особенно вспомнили тѣхъ людей, которыхъ послѣ, въ продолженіе всего царствованія своего, и еще при послѣдней минутѣ своей жизни, государь не переставалъ припоминать и называть «mes amis du quatorze», своими пріятелями 14-го декабря.

Такъ окончились существованіе тайныхъ обществъ, заговоръ, возстаніе, судъ и исполненіе приговора. Нельзя было оставить безъ наказанія нарушеніе существующаго закона. Не только русскіе, но и иностранцы предвидѣли наказаніе жестокое, почему Англія и Франція, чрезъ представителей своихъ, маршаловъ Веллингтона и Мортье, прибывшихъ въ Петербургъ для поздравленія Николая I съ восшествіемъ на престолъ, просили о помилованіи и о пощадѣ государственныхъ преступниковъ. Названныя державы прошли чрезъ горнила возстаній и революцій; онѣ хорошо знали, чѣмъ вызываются мятежи и чѣмъ они устраняются. Особенно Англія сочувствовала общественному дѣлу, бывъ убѣждена въ недостаточной опорѣ тогдашняго русскаго судопроизводства. Императоръ Николай I отвѣтилъ Веллингтону, что онъ удивитъ Европу своимъ милосердіемъ.

Журналы и газеты русскіе твердили о безчеловѣчныхъ умыслахъ, о безнравственной цѣли тайныхъ обществъ, о жестокосердіи членовъ этихъ обществъ, о звѣрской ихъ наружности. Но тогда журналы и газеты выражали только мнѣніе и волю правительства; издатели не смѣли имѣть своего мнѣнія, а мнѣнія общественнаго не было никакого. Изъ русскихъ одинъ только Н. М. Карамзинъ, имѣвшій доступъ къ государю, дерзнулъ замолвить слово, сказавъ: «Ваше величество! заблужденія и преступленія этихъ молодыхъ людей суть заблужденія и преступленія нашего вѣка!»

Здѣсь представляется важнѣйшій вопросъ: «можно ли было избѣгнуть основанія тайныхъ обществъ?» Всякая тайна, въ семействѣ ли, или въ клубѣ, или въ полку, или въ обществѣ частномъ, есть дѣло не хорошее и всегда опасное, тѣмъ болѣе, когда члены, повѣренные тайны, бываютъ многочисленны и цѣль ихъ касается не одного лица, или особаго предпріятія торговаго или промысловаго, а

цѣлаго строя народа и государства. Это не артели, не ассоціаціи для работъ и различныхъ устройствъ, гдѣ цѣль общества извѣстна и для всѣхъ явна. Опытъ достаточно показалъ, что къ составленію серьезныхъ тайныхъ обществъ прибѣгали донынѣ только въ крайнихъ случаяхъ: такія общества почти никогда не имѣли опредѣленной цѣли. Дѣйствія ихъ были неудовлетворительны, потому что были тайны. Въ государствѣ, въ коемъ обнаруживается несправедливость, своевластіе, притѣсненіе со стороны правителей, тамъ безъ составленія тайнаго общества, люди честные и образованные, не зная лично другъ друга, составляютъ сами собою общество противъ порока и безпорядка. Безъ сомнѣнія, въ странахъ, въ коихъ водится хоть сколько нибудь свободы тисненія, хоть сколько нибудь гласности и въ коихъ каждое частное лицо можетъ передать печатно и устно свои убѣжденія по дѣлу общественному, тамъ на что тайное общество? Оно было бы безсмысліемъ. Но въ Россіи, только что избавленной отъ «слова и дѣла», отъ «тайныхъ канцелярій», — не было ни одной основы государственной; всѣ прежніе и новые законы подчинены были неограниченной власти государя, озареннаго европейскою славою, наименованнаго Благословеннымъ и избавителемъ Европы, даровавшаго конституцію Польшѣ, Финляндіи, свободу крестьянамъ Прибалтійскихъ губерній, мужа умнаго, добраго, искренно желавшаго блага для своего отечества и вмѣстѣ съ тѣмъ лишеннаго всѣхъ средствъ сдѣлать что нибудь для гражданственной жизни своего отечества. Александръ I, въ послѣднее десятилѣтіе своего царствованія, свалилъ все бремя государственнаго управленія на плечи Аракчеева, на слугу ему вѣрнаго, но не государственнаго мужа, а самъ подчинился наущеніямъ Меттерниха и подъ конецъ предался мистицизму и думалъ только о спасеніи собственной души своей.

Составъ слѣдственной комиссіи подробно изложенъ въ 4-ой главѣ. Въ этой комиссіи не было судьи: всѣ члены ея, болѣе или менѣе, были обвинители. Они могли заподозрѣвать кого угодно, но не имѣли права осудить безъ доказательствъ. 17-го мая 1826 года эта комиссія выбрала 121-го виновнаго. Верховный уголовный судъ не судилъ, не рядилъ, а только приговорилъ 10-го іюля по спискамъ и указаніямъ слѣдственной комиссіи. Жертвы заранѣе были обречены комиссіей. Н. И. Тургеневъ въ своемъ сочиненіи: «La Russie et les Russes, 3 tomes, Bruxelles 1847» — въ первомъ томѣ, желая облегчить участь своихъ товарищей, перебираетъ подробно, построчно, все донесеніе слѣдственной комиссіи. Лучшіе юрисконсульты Европы опредѣлили, что слѣдовало бы исключить большую половину изъ списка осужденныхъ, а именно всѣхъ не участвовавшихъ въ двухъ возстаніяхъ; а если число 121 было непремѣнно необходимо, то можно было бы дополнить его другими именами изъ болѣе важныхъ членовъ, оставленныхъ безъ наказанія. Великій князь Константинъ Павловичъ, при чтеніи приговора суда, замѣтилъ: «тутъ главнѣйшихъ заговорщиковъ недостаетъ; слѣдовало бы перваго осудить или повѣсить Михаила Орлова». Комиссія доискивалась до важнѣйшихъ лицъ изъ государственныхъ мужей. Она довѣдывалась, не принадлежали ли къ обществу Сперанскій, Мордвиновъ, Ермоловъ, П. Д. Киселевъ, Меншиковъ и другіе? Если она заподозрѣвала ихъ по образу мыслей, то по тому же самому безспорно надлежало бы признать ей за перваго и за главнаго члена самого имп. Александра I. По этому случаю и по дознаніямъ по дѣлу Польскаго общества, задержанъ былъ въ казематѣ Г. С. Батенковъ 20 лѣтъ, а А. О. Корниловичъ изъ Читинскаго острога былъ фельдъегеремъ обратно вывезенъ въ

Петропавловскую крѣпость въ Петербургъ. Кто внимательно вникнетъ въ донесеніе слѣдственной комиссіи, тотъ легко найдетъ, что большая часть обреченныхъ жертвъ была осуждена не за дѣйствія, а за разговоры и наговоры на нихъ. Мало ли что говорится въ кругу задушевныхъ товарищей? Мало ли кого посылаемъ въ адъ и уничтожаемъ словомъ? А между тѣмъ отъ слова до дѣла разстояніе неизмѣримо. Припомните вышесказанное мною о томъ, какъ содержались по этому дѣлу арестанты въ крѣпости, ихъ казематы; припомните, что на заточеннаго, для вынужденія сознанія, надѣвали наручники, кандалы, на нѣкоторыхъ и то и другое одновременно, уменьшали пищу, безпрестанно тревожили сонъ ихъ, отнимали послѣдній слабый свѣтъ, проникавшій чрезъ амбразуру крѣпостной стѣны въ окошечко съ рѣшеткою частаго переплета желѣзныхъ пластинокъ, и согласитесь, что эти мѣры стоили испанскаго сапога британскаго короля Іакова II и всѣхъ прочихъ орудій пытки. Пытка при Іаковѣ продолжалась нѣсколько минутъ, часовъ, иногда въ присутствіи короля, а наша крѣпостная продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ. Можете ли вы себѣ представить, что грезится человѣку въ такомъ положеніи и какъ легко ему проговориться и прописаться, не щадя ни себя, ни другихъ! Комиссія съ особеннымъ пристрастіемъ налегала на обвиненіе въ намѣреніи совершить цареубійство. Верховный уголовный судъ во всѣхъ своихъ сентенціяхъ ставилъ главнымъ преступленіемъ намѣреніе цареубійства и выставилъ четырехъ человѣкъ и соединенныхъ славянъ, какъ кровопійцъ, какъ звѣрей кровожадныхъ. Комиссія сама печатно объявила, что такія предложенія были сдѣланы только Артам. З. Муравьевымъ, Ф. Ф. Вадковскимъ, И. Д. Якушкинымъ и А. И. Якубовичемъ; но та же комиссія упоминаетъ, что на такія предложенія смотрѣли какъ на внушенія личной мести или удальства, или хвастовства, и что такія предложенія вовсе не были приняты присутствовавшими членами. Почему же эта самая комиссія, послѣ всѣхъ своихъ запросовъ, изслѣдованій, и собственныхъ своихъ выводовъ, не исключила обвиненія въ томъ, что, какъ оказалось послѣ, было предметомъ только предложенія, но тогда же было отмѣнено или отсрочено? [1])

На этотъ вопросъ нетрудно отвѣтить. Комиссіи и верховному уголовному суду также необходимо было налегать главнѣйшимъ образомъ на это уголовное преступленіе для повода къ осужденію, какъ имъ необходимо было скрыть и умолчать о главныхъ приготовленныхъ мѣрахъ къ освобожденію крестьянъ изъ крѣпостной зависимости и къ преобразованію всѣхъ частей государственнаго управленія, потому что это могло бы вызвать сочувствіе въ народѣ къ осужденнымъ государственнымъ преступникамъ [2]). Зато императорскій манифестъ отъ 13 іюля 1826 г. утверждаетъ, «что слѣдственной комиссіи, посредствомъ усердія и точности и безпристрастія, и съ помощью самыхъ убѣдительныхъ мѣръ, удалось смягчить сердца самыхъ закоренѣлыхъ преступниковъ, возбудить въ нихъ угрызенія совѣсти и понудить ихъ къ откровеннымъ чистосердечнымъ признаніямъ».

Большая часть осужденныхъ и сосланныхъ моихъ товарищей покоится въ могилѣ, и осталась только въ памяти своихъ родныхъ и близкихъ знакомцевъ. Ихъ знали

---

[1]) Смотри донесеніе слѣдственной комиссіи, напечатанное въ военной типографіи главнаго штаба, страницы 11, 27, 38, 44, 48, 49 50, 51, 55, 56, 58, 59, 66, 67.

[2]) Въ журналахъ комиссіи записано постановленіе объ исключеніи при печатаніи изъ доклада предположеній декабристовъ объ улучшеніи быта солдатъ, объ уничтоженіи крѣпостного права. *Ред.*

только до изгнанія; мало слышали о жизни ихъ и трудахъ въ Сибири; теперь знаютъ очень немногихъ, переживших тридцатилѣтнее изгнаніе. Изъ ста двадцати одного товарища, остались только 14, въ этомъ числѣ только трое изъ декабристовъ. Скоро не останется никого; вотъ почему спѣшу окончить пересмотръ и довершеніе моихъ главъ. По милостивому манифесту отъ 26-го августа 1856 года возвратились на родину сперва только 14 человѣкъ; послѣ нихъ еще 6. Противъ своего желанія, по предписанію начальства сосланъ изъ Сибири въ Москву Дмитрій Иринархович Завалишинъ въ 1864 году. Рѣшился оставаться въ прежнемъ мѣстѣ заточенія въ Петровскомъ заводѣ за Байкаломъ одинъ только Иванъ Ивановичъ Горбачевскій. Далѣе, въ 19-ой главѣ, за 1856-ой годъ, названы сроки и имена всѣхъ 20-ти товарищей, возвращенныхъ по манифесту, и прощенныхъ царствующимъ Александромъ II.

Что скажутъ правнуки моихъ товарищей, читая донесеніе слѣдственной комиссіи и рѣшеніе верховнаго уголовнаго суда? Въ защиту нравственныхъ достоинствъ членовъ тайнаго общества достаточно будетъ замѣтить, что императоръ Николай I пренебрегъ повѣрьемъ, что никогда не слѣдуетъ довѣряться бывшему заговорщику, и призналъ полезнымъ не отвергать услугъ бывшихъ членовъ тайнаго общества, не осужденныхъ или помилованныхъ, или безусловно прощенныхъ до приговора суда. Изъ нихъ назначилъ онъ трехъ министрами, четырехъ—генералъ-губернаторами въ Петербургъ, въ Ригу, въ Вильну, въ Кіевъ. Изъ числа членовъ тайнаго общества имѣлъ онъ отличнаго корпуснаго командира и войскового атамана, трехъ передовыхъ дѣйствователей въ турецко-персидской войнѣ, дежурнаго генерала, начальника собственной своей канцеляріи III отдѣленія. Воспитаніе въ военно-учебныхъ заведеніяхъ большинства юношей русскаго дворянства ввѣрено было главному надзору бывшаго члена тайнаго общества Я. И. Ростовцева.

Не называю начальниковъ дивизій и губернаторовъ; не называю бывшихъ членовъ тайнаго общества, оставившихъ службу и посвятившихъ свое достояніе и свои досуги на пользу общую: ихъ много! Приблизительно можно легко себѣ представить многочисленность ихъ, если сообразить, что ими тѣсно набиты были Петропавловская крѣпость со всѣми ея казармами, куртинами, казематами, равелинами,—всѣ гауптвахты петербургскія, крѣпостцы Финляндіи, Шлиссельбургъ, даже въ Нарвѣ и въ Ревелѣ сидѣли арестанты. Мною названы только должностныя лица на высшихъ служебныхъ мѣстахъ, потому что они должны быть извѣстны большинству народа и арміи,—а сверхъ того въ доказательство, что эти лица смолоду готовили себя на службу, не одну только воинскую, но и гражданскую, общественную. Если они не могли отвратить всѣхъ бѣдствій въ царствованіе Николая I, то это оттого, что они при всѣхъ честныхъ и возвышенныхъ стремленіяхъ своихъ, и какъ бы велико ни было ихъ усердіе, но все-таки составляли каплю въ морѣ, сравнительно съ общею массою начальниковъ, арендаторовъ и ненадежныхъ чиновниковъ. Они принуждены были подчиниться общепринятому, порядку, форменному, застегнутому, занумерованному, нисколько не соотвѣтствовавшему истинной славѣ государя и истинному благу государства. Они частенько должны были подчиняться волѣ, неограниченной никакимъ закономъ.

Въ предыдущей статьѣ я назвалъ Я. И. Ростовцева, который скончался 6-го февраля 1860 года, совершивъ почти окончательно трудъ огромнѣйшій по званію предсѣдателя редакціонной комиссіи, по дѣлу освобожденія крестьянъ. Издатели

*

«Колокола» бранятъ его предателемъ, измѣнникомъ и безпощадно порицаютъ его за циркулярное наставленіе его, данное всѣмъ военно-учебнымъ заведеніямъ въ сороковыхъ годахъ, въ коемъ главный смыслъ, «что совѣсть должно имѣть только въ собственныхъ и въ семейныхъ своихъ отношеніяхъ, а по вступленіи въ службу воинскую или гражданскую совѣсть замѣняется волею и приказаніемъ начальства». Издатели «Колокола» забыли источникъ подобнаго приказанія. Ростовцевъ, какъ орудіе, имѣлъ несчастье подписать такую бумагу; онъ не могъ быть сочинителемъ или поводомъ такого приказа. Приказъ этотъ совершенно согласовался съ убѣжденіемъ единодержавнаго властителя, высказаннымъ имъ самимъ нѣсколько разъ, при личныхъ своихъ допросахъ въ декабрѣ 1825 года. Государь объявлялъ свою волю, и вся Россія скрѣпляла и исполняла ее беспрекословно. Винить Ростовцева за такую бумагу будетъ все то же, что винить монаха Тецеля за торгъ отпускными свидѣтельствами за грѣхи,—или министровъ Людовика XIV за промахи и ошибки государя, увѣрившаго самого себя, что въ немъ, въ его лицѣ, сосредоточено все государство. По этому обвиненію Ростовцева, прилагаю въ подлинникѣ письмо Евгенія Петровича Оболенскаго ко мнѣ отъ 20-го марта 1860 года; онъ зналъ его короче и лучше многихъ. Вотъ собственныя слова его о Я. И.

«А кончина Якова Ивановича какъ болѣзненно отозвалась у всѣхъ тѣхъ, которые умѣли его цѣнить! Теперь начинаетъ пробуждаться къ нему сочувствіе; теперь начинаютъ говорить, что въ послѣдній годъ своей жизни онъ выказалъ тѣ душевныя качества, которыхъ никто въ немъ не подозрѣвалъ. Много и много пострадалъ покойникъ отъ клеветы и недоброжелательства. Ученіе о совѣсти, за которое на него такъ напалъ Герценъ, Яковъ Ивановичъ послалъ мнѣ въ копіи то, что имъ было предписано для руководства по военноучебнымъ заведеніямъ. Смыслъ слѣдующій: личною совѣстью мы руководимся въ нашихъ отношеніяхъ личныхъ и тайныхъ—она осуждаетъ наши злыя помышленія и дѣла, она ободряетъ нравственныя побужденія и дѣла; но въ жизни общественной, въ тѣхъ нашихъ дѣяніяхъ, которыя явны и видимы всѣми, личную нашу совѣсть замѣняетъ совѣсть общественная—верховная власть, которая караетъ за нарушеніе законовъ или порядка и награждаетъ за гражданскія или военныя доблести. То же самое повторилъ и профессоръ Кавелинъ въ курсѣ законовѣдѣнія, напечатанномъ во всеобщее свѣдѣніе. Тутъ есть юридическая тонкость, но не въ той силѣ какъ ее представилъ Герценъ. Судья опредѣляетъ по закону наказаніе за вину явную,—совѣсть можетъ его лично обличить въ подобномъ проступкѣ, и внутренній голосъ скажетъ: осуди себя самого, прежде нежели осудишь другого; но онъ тутъ долженъ заставить замолчать свою совѣсть и подписать осужденіе по долгу судьи. Но довольно о почившемъ. Послѣднее его предсмертное слово была просьба государю—не оставлять крестьянскаго вопроса, порѣшить его, не откладывать въ долгій ящикъ. Однимъ словомъ, онъ сложилъ свою жизнь при рѣшеніи этого вопроса, и освобожденіе крѣпостного населенія нашей православной Руси неразрывно будетъ соединено съ его именемъ. Память объ его отношеніяхъ ко мнѣ будетъ для меня отраднымъ воспоминаніемъ до конца моей жизни».

Подлинникъ этого письма, написаннаго Е. П. Оболенскимъ изъ Калуги отъ 20-го марта 1860 года, хранится у меня.

Глава седьмая.

О причинахъ основанія тайныхъ обществъ вообще

и объ актѣ обвинительномъ въ особенности.

Главная причина.—Донесеніе слѣдственной комиссіи.—Мнѣніе Н. И. Тургенева, И. Г. Шницлера и другихъ. — Выводъ изъ обвиненій. — Разборъ донесенія Никиты Муравьева. — Взглядъ на это дѣло М. С. Лунина.—Письмо Е. П. Оболенскаго.

Всѣхъ подсудимыхъ спрашивали: «что побудило васъ вступить въ тайное общество?»—Главная общая причина была едина, но отвѣты были различны, чтобы уменьшить для себя степень наказанія. Такъ, одни отвѣтили: любовь къ отечеству; другіе—обѣщаніе императора на варшавскомъ сеймѣ 15-го марта 1818 года; третьи—мода и примѣръ самыхъ образованныхъ и нравственныхъ мужей въ обществѣ; четвертые—злоупотребленія начальниковъ; пятые—грабительство и воровство бюрократіи; еще другіе—обскурантизмъ, всеподавляющая темнота сравнительно съ государствами благоустроенными; еще другіе—общая повсемѣстная безурядица сверху и снизу. Все это заключало въ себѣ довольно побужденій, чтобы желать переворота и содѣйствовать ему.

Французская революція 1789 года выгнала къ намъ тысячи выходцевъ, между ними людей весьма образованныхъ изъ высшихъ классовъ, но также много умныхъ аббатовъ и всякихъ учителей. Первые изъ нихъ имѣли вліяніе на высшій кругъ нашего общества по образованію и по тонкости въ общежитіи; вторые—по религіи и вкрадчивости въ дѣла семейныя; послѣдніе въ перемежку съ аббатами—заняли мѣста воспитателей и, сами убѣжавъ отъ революціи, посѣяли въ русскомъ дворянскомъ юношествѣ первыя сѣмена революціи. Это юношество возмужало, участвовало въ войнахъ 1813, 1814 и 1815 годовъ, ознакомилось съ учрежденіями другихъ государствъ и вступило въ союзы или общества для преобразованія своего отечества. Члены общества собирались въ своихъ кружкахъ, всѣ знали ихъ по ихъ умственнымъ занятіямъ, по ихъ жизни благонравной, по заслуженному уваженію, которое явно имъ оказывалось и въ полкахъ и въ обществѣ; такъ мудрено ли, что наблюдатели, жаждавшіе познаній, искавшіе занятій и значенія въ обществѣ, пристали къ нимъ и сдѣлались членами, сперва литературныхъ и ученыхъ обществъ, а потомъ тайныхъ политическихъ? Можно сказать утвердительно, что всѣ образованные люди, или имѣвшіе притязаніе быть такими, принадлежали къ тайному обществу, если не

по спискамъ, то по цѣли и по собственному стремленію. Они были также подстрекаемы крайнею необходимостью: они видѣли ясно, что императоръ, спаситель Европы, возстановитель Польши, освободитель крѣпостныхъ людей Прибалтійскихъ губерній, поощритель просвѣщенія, распространитель Евангелія, вдругъ началъ по наущеніямъ Меттерниха подавлять всякое народное движеніе къ вещественному и умственному улучшенію. Сталъ умалять льготы, данныя Польшѣ; по козням Аракчеева, Фотія и Магницкаго отрѣшилъ отъ должности князя А. Н. Голицына и лучшихъ профессоровъ педагогическаго института, и не только въ своемъ отечествѣ, но и въ другихъ странахъ останавливалъ ходъ впередъ, и отказалъ въ помощи грекамъ. При такихъ данныхъ, они видѣли, что частное, одиночное, тайное ихъ дѣйствіе на пользу народа, обратится въ ничто и потому рѣшились на дѣйствіе совокупное и явное. На помощь государя пропала вся надежда, а зло, самоволіе высшихъ и самоуправство низшихъ начальниковъ, обнаруживали страшную наглость,—такъ что А. А. Бестужевъ могъ правдиво отвѣтить комиссіи на вопросъ — «въ чемъ же состояли эти злоупотребленія?» — «У насъ кто смѣлъ, тотъ грабитъ, а кто не смѣлъ, тотъ крадетъ!»

Избавлю себя и читателей отъ длиннаго перечня всѣхъ главныхъ злоупотребленій и недостатковъ, вызвавшихъ основаніе тайныхъ обществъ. Все это зло еще въ свѣжей памяти и раскрывается еще яснѣе въ новѣйшее время, послѣ 19-го февраля 1861 года, какъ въ разысканіяхъ управъ новаго земства, такъ и въ новѣйшей печати. Здѣсь отмѣчу только, что въ донесеніи слѣдственной комиссіи не сказано ни слова объ истинной цѣли тайныхъ обществъ,—о средстахъ, принятыхъ къ истребленію зла,—объ освобожденіи крестьянъ, обо всѣхъ подробностяхъ нововведеній по всѣмъ частямъ государственнаго устройства, особенно по части народнаго образованія. Н. И. Тургеневъ, въ своемъ сочиненіи:—«Россія и русскіе» — въ трехъ томахъ, на французскомъ языкѣ, развернулъ всѣ существовавшіе недостатки по правдѣ безъ преувеличеній. Увѣряю, что редакторъ донесенія слѣдственной комиссіи зналъ о цѣли обществъ гораздо лучше и подробнѣе многихъ, потому что былъ въ дружбѣ и въ связи со многими главнѣйшими членами тайнаго общества, и вотъ одна изъ главныхъ причинъ, почему Н. И. Тургеневъ такъ безпощадно отдѣлалъ докладчика, что даже увлекся до того, что, въ своемъ справедливомъ негодованіи, укорялъ его даже преступленіями предка. Докладчикъ или редакторъ имѣлъ деликатность просить государя, чтобы уволить его отъ присутствованія при личныхъ допросахъ. Изъ подсудимыхъ никто не видѣлъ его въ лицо во время допросовъ; подсудимые сначала даже не знали, что ему поручено было составить донесеніе изъ всѣхъ письменныхъ показаній и что онъ послѣ призванъ былъ въ верховный судъ для справокъ, въ чемъ засвидѣтельствовали письменно Оболенскій и Волконскій [1]). Подсудимые никакого притязанія не имѣли на то, чтобы онъ былъ ихъ адвокатомъ или защитникомъ; но они имѣли право требовать, чтобы главныя показанія, относящіяся къ дѣлу, были непремѣнно выставлены съ полнымъ безпристрастіемъ, безъ пропуска важнѣйшихъ обстоятельствъ. Г-нъ Ковалевскій въ упомянутой своей книгѣ пишетъ на страницѣ 169-й: «Отказаться отъ возлагаемаго на него порученія онъ полагалъ невозможнымъ, пока состоитъ на службѣ, считая

[1]) «Графъ Блудовъ и его время», Ег. Ковалевскаго, Спб. 1866., въ типографіи II отдѣленія е. и. в. канцеляріи, стр. 176 и 177.

строгое исполненіе обязанностей первымъ долгомъ гражданина». Но строгое исполненіе обязанностей предписывало не утаивать главныхъ обстоятельствъ дѣла, а если правительство требовало этого непремѣнно, то въ такомъ случаѣ взять назадъ свое донесеніе или оставить службу. Далѣе г-нъ Ковалевскій на стр. 178-й пишетъ: «въ строгомъ юридическомъ значеніи обвиненіе это слишкомъ важно: оно состоитъ въ подлогѣ, сдѣланномъ съ предположенной и заранѣе обдуманной цѣлью». Подлога допускать невозможно; также не допускаю, чтобы вредъ подсудимымъ былъ сдѣланъ съ обдуманною цѣлью; но безпристрастный и внимательный читатель донесенія, отъ начала до конца, удостовѣрится, что донесеніе составлено съ безпримѣрнымъ легкомысліемъ, съ лихорадочною торопливостью и съ угожденіемъ верховной власти. Куда же въ это время дѣвалось высокое убѣжденіе Блудова, которое онъ не выставилъ напоказъ, но хранилъ въ душѣ своей и сообщилъ въ частномъ письмѣ къ женѣ своей (можетъ быть, по окончаніи своего донесенія):—«Правда, Правда! она лучше всего въ мірѣ. Служеніе ей есть служеніе Богу, и я молю Его, чтобы наши дѣти во всю жизнь были ея обожателями, исповѣдниками, а буде нужно и страдальцами [1])». Невольно прослезишься, когда читаешь, что человѣкъ съ такимъ убѣжденіемъ могъ отклониться отъ правды хоть на минуту. Верховный уголовный судъ не судилъ, но осудилъ, приговорилъ 121 человѣка, распредѣливъ ихъ на двѣнадцать разрядовъ, руководствуясь донесеніемъ слѣдственной комиссіи, и кончилъ все многосложное дѣло тысячелистное въ двѣ недѣли. Не вхожу ни въ какое личное обвиненіе, сдѣланное Н. И. Тургеневымъ: онъ хорошо знаетъ и твердо помнитъ, что было между нимъ и Д. Н. Блудовымъ; но прочтите все, что напечатано въ донесеніи слѣдственной комиссіи, тогда вы должны согласиться съ Н. И. Тургеневымъ, что донесеніе написано какъ эпиграмма, въ шуточномъ тонѣ. Докладчикъ или редакторъ издѣвался, когда затрагивалъ «Русскую Правду» Пестеля, когда выбиралъ отрывки изъ частныхъ разговоровъ, сообщалъ бредни заточенныхъ или выписку изъ катехизиса соединеныхъ славянъ, и т. д. Всѣ эти нелѣпости и сплетни вѣрно выставлены въ сочиненіи Н. И. Тургенева,—совѣтую читателю прочесть эту книгу [2]) и убѣдиться въ истинѣ моихъ словъ. Здѣсь обращаюсь только къ главнѣйшему обвиненію со стороны комиссіи, по коему послѣдовали главнѣйшіе приговоры суда—къ обвиненію въ цареубійствѣ; надѣюсь этимъ доказать правдивость моего собственнаго мнѣнія о докладчикѣ или сочинителѣ донесенія и обличить его въ непростительной торопливости, въ безпримѣрномъ легкомысліи и въ неумѣстномъ угожденіи высшей власти [3]). Въ донесеніи сказано:

На стран. 10: «чтобы уставъ, проповѣдывавшій насиліе, употребленіе страшныхъ средствъ кинжала, яда, былъ отмѣненъ, и вмѣсто онаго принять другой изъ устава «Tugendbund».

Стран. 11: «князь Шаховской изъявлялъ готовность на ужаснѣйшее преступленіе, но впослѣдствіи онъ отсталъ отъ общества и жилъ въ отдаленной деревнѣ».

---

[1]) «Графъ Блудовъ и его время», стр. 116.

[2]) La Russie et le Russes par N. Tourgueneff. Bruxelles 1847, trois tomes.

[3]) Донесеніе слѣдственной комиссіи 30-го мая 1826 г. Типографія главнаго штаба, въ восьмую долю листа, 88 страницъ, а во французскомъ переводѣ 136 страницъ. Въ послѣднее время Донесеніе перепечатано въ первомъ томѣ «Государственныхъ преступленій въ Россіи». (Сборникъ подъ ред. В. Базилевскаго), въ книгѣ «Декабристы», изд. В. М. Саблина и въ книгѣ «Процессъ декабристовъ». М. 1905. *Ред.*

Тамъ же: «Якушкинъ предложилъ себя въ убійцы, всѣ прочіе члены остановили его; Якушкинъ повиновался и на время разорвалъ связь съ обществомъ».

Стран. 20: «всѣ бывшіе съ ними члены отвергли предложеніе, какъ преступное».

Стран. 24: «генералъ Фонвизинъ утверждаетъ, что все окончилось предположеніями и признаніемъ, нѣсколько разъ повтореннымъ, что *никакая цѣль не оправдываетъ средствъ*».

Стран. 26: секретарь, титулярный совѣтникъ Семеновъ, прибавляетъ, что другіе члены общества не обнаруживали злодѣйственныхъ намѣреній противъ императорской фамиліи».

Стран. 31: «С. Муравьевъ-Апостолъ противился ихъ мнѣнію, онъ не хотѣлъ цареубійства».

Тамъ же: «Бестужевъ-Рюминъ осуждалъ намѣреніе сообщниковъ своихъ, доказывая, что члены императорской фамиліи по совершеніи революціи не будутъ опасны».

Стран. 35: «но смотра не было, потому даже не сдѣлано предложенія назначеннымъ въ убійцы и, можетъ быть, не рожденнымъ для злодѣйства офицерамъ и рядовымъ».

Стран. 37: «какъ!»—вскричалъ Никита Муравьевъ,—«они Богъ вѣсть что затѣяли: хотятъ всѣхъ истребить».

Стран. 38: «Никита Муравьевъ сказалъ: «я объявлю этимъ господамъ, что императорская фамилія священна».

Стран. 39: «Кривцовъ и А. М. Муравьевъ говорятъ, что, находя предложеніе Вадковскаго нелѣпымъ, сочли его за шутку».

Стран. 41: «Знаешь ли, Поджіо, что это ужасно!»—сказалъ Пестель.

Стран. 43: «Никита Муравьевъ нашелъ сей планъ равно и варварскимъ, и несбыточнымъ».

Стран. 44: «Пестель долженъ былъ согласиться оставить все въ прежнемъ видѣ, до 1826 года».

Тамъ же: «если бы императорская фамилія не согласилась принять его конституцію, то предложить республиканское правленіе».

Стран. 47: «положили начать возмущеніе не позднѣе августа 1826 года».

Стран. 48: «Горбачевскій сказалъ: «но это противно Богу и религіи».

Стран. 49: «Самъ Швейковскій убѣдительно, со слезами, просилъ товарищей не жертвовать собою, отложить всякое дѣйствіе; они согласились, однако, дали слово начать непремѣнно въ 1826 году».

Стран. 50: «Тизенгаузенъ сказалъ: «начинать чрезъ годъ! развѣ чрезъ 10 лѣтъ».

Тамъ же: «Артамону Муравьеву худо вѣрили, считая его самохваломъ и яростнымъ болѣе на словахъ, нежели въ самомъ дѣлѣ».

Тамъ же: «они разстались, твердя о планѣ на 1826 годъ между собою и соединенными славянами».

Стран. 51: «Пестель не одобрялъ ихъ плановъ, онъ зналъ невозможность исполненія, предвидѣлъ, что и въ 1826 году нельзя будетъ ни на что рѣшиться».

Стран. 55: «они старались удержать Якубовича отъ дѣла безполезнаго, даже вреднаго».

Тамъ же: «Рылѣевъ сказалъ Трубецкому: «Якубовича можно бы спустить съ цѣпи, да что будетъ проку?». Рылѣевъ хотѣлъ просить его на колѣнахъ, отложить хоть на мѣсяцъ или на два, грозя, если онъ не согласится, убить его или донести правительству. Якубовичъ сказалъ, что уступаетъ и отлагаетъ до мая 1826 года».

Стран. 56: «Фонвизинъ, Орловъ и Никита Муравьевъ говорили, что должно препятствовать Якубовичу всѣми возможными средствами, а въ крайности увѣдомить правительство».

Стран. 58: «Когда сказали Батенкову, что можно и во дворецъ забраться, то онъ возразилъ съ жаромъ: «сохрани, Боже! дворецъ, во всякомъ случаѣ, долженъ быть неприкосновеннымъ, священнымъ залогомъ безопасности общей».

Стран. 60: «что дѣлать, если государь не согласится на ихъ условія?».

Стран. 66: «но потомъ отклонилъ предложеніе, за невозможностью исполнить которое признали и всѣ другіе».

Тамъ же: «на очной ставкѣ Каховской призналъ, что Александръ Бестужевъ наединѣ уговаривалъ его не исполнять порученія, даннаго ему Рылѣевымъ 13 декабря».

Стран. 67: «Якубовичъ вызывалъ бросить жребій, кому изъ пяти присутствовавшихъ быть убійцею, и видя, что всѣ молчатъ, онъ сказалъ: «впрочемъ, я за это не возьмусь, у меня доброе сердце; я хотѣлъ мстить, но хладнокровно убійцей быть не могу».

Стран. 68: «Якубовичъ предлагалъ разбить кабаки и дозволить грабежъ; но предложеніе было единодушно отвергнуто всѣми членами. Оболенскій утверждаетъ, что Рылѣевъ съ жаромъ возставалъ противъ мысли разбить даже одинъ кабакъ, чтобы напоить солдатъ».

Тамъ же: «Рылѣевъ показываетъ: «мы хотѣли только захватить фамилію и держать ее подъ стражею до Великаго Собора (съѣзда представителей народа), который рѣшилъ бы судьбу всѣхъ».

Стран. 74: «Булатовъ продолжалъ: «дадимъ же другъ другу слово, что завтра, если средства ихъ не соразмѣрны замысламъ, то мы не пристанемъ къ нимъ». Якубовичъ на это согласился. Такъ, всѣ тѣ, которыхъ заговорщики назначили своими начальниками въ рѣшительный день, заранѣе готовились ихъ бросить».

Приведенными выписками, слово въ слово, изъ донесенія слѣдственной комиссіи, само собою рушится положительное и доказательное обвиненіе всѣхъ подсудимыхъ въ намѣреніи цареубійства; но донесенію нужно было опереться на этомъ важномъ преступленіи, чтобы отклонить вниманіе русскихъ и иностранцевъ отъ дѣйствительной политической цѣли тайныхъ обществъ.

Слѣдственная комиссія, какъ видно изъ моихъ вышеприведенныхъ выписокъ, обвиняетъ даже за намѣренія; но законы воздерживаются отъ взысканія за намѣренія, потому что какъ бы они ни были преступны, но могутъ быть добровольно оставлены безъ исполненія, по какому бы то ни было побужденію. Если намѣреніе, какое бы то ни было, отброшено и забыто до выполненія его, то закону нѣтъ дѣла до намѣренія. Такъ, донесеніе комиссіи заключаетъ въ себѣ множество страшныхъ обвиненій противъ Пестеля; но послѣдняя манифестація, послѣднее публичное его объявленіе, о коемъ упоминается въ донесеніи, уничтожаетъ всѣ

предыдущія обвиненія. Комиссія доноситъ на стран. 51-й, что «Пестель не одобрилъ плана комитета (о возмущеніи и цареубійствѣ, о коихъ выше было упомянуто), но предвидѣлъ, что даже въ 1826 году невозможно будетъ предпринять ничего рѣшительнаго»; несмотря на то, онъ погибъ на висѣлицѣ! Осужденіе Пестеля противно правосудію. Такъ точно по донесенію комиссіи безвинно осудили на изгнаніе полковника фонъ-деръ-Бриггена, не бывшаго въ Петербургѣ 14 декабря, а только за то, что слышалъ о самохвальствѣ Якубовича и сообщилъ о томъ Трубецкому; въ томъ же донесеніи сказано на стран. 56-й, «что положено было препятствовать Якубовичу всѣми возможными средствами отъ исполненія своего намѣренія, а въ крайности увѣдомить правительство». Несмотря на то, что предложеніе Якубовича было принято за безразсудное хвастовство, докладчикъ или редакторъ изъ этого создаетъ проектъ, сообщенный такимъ-то лицамъ, и эта передача вѣсти или молвы послужила поводомъ къ осужденію и изгнанію такихъ людей, которые противились убійству и противъ которыхъ въ донесеніи не было никакого другого обвиненія. Слѣдственная комиссія не хотѣла понять разницы между совершившимся возстаніемъ и намѣреніемъ совершить его съ одной стороны, а съ другой съ намѣреніемъ совершить цареубійство; она не только осудила мятежниковъ за ихъ дѣйствія, но вмѣнила имъ въ преступленіе и преступныя слова и выраженія, не имѣющія ничего общаго съ возстаніемъ, даже противорѣчащія возстанію. Слѣдственная комиссія подвергла позорной казни и изгнанію не только сообщниковъ возстанія, но и тѣхъ, которые желали возстанія или только разсуждали о возстаніи, не принявъ въ ономъ никакого дѣйствительнаго участія. Она нашла равно виновными возмутителей и лицъ, разсуждавшихъ только о возмущеніи. Но кромѣ этой несообразности мы видимъ изъ донесенія, что редакторъ очернилъ подсудимыхъ, не имѣвшихъ защитника или адвоката, а за неимѣніемъ свидѣтельствъ или доказательствъ, онъ прибѣгалъ къ шуточкамъ, къ выходкамъ, какъ, напримѣръ, сообщая о пошлыхъ сужденіяхъ и правилахъ патріотизма, о либеральныхъ мнѣніяхъ и проч.,—вотъ, что заставило Н. И. Тургенева сказать съ негодованіемъ, весьма простительнымъ: «Вездѣ случалось видѣть, какъ погибали люди, великодушные за преданность свою общественному благу или своему убѣжденію; только Россіи предоставлено было видѣть, какъ погибали такіе люди вслѣдствіе шуточекъ и эпиграммъ со стороны тѣхъ, которые судили и обрекали ихъ на смерть».

Слѣдственная комиссія, дознавъ, что заговоръ этотъ возбудилъ въ Европѣ толки и пересуды о Россіи, видѣла въ этомъ все затрудненіе своей задачи. Россія знала, что это происшествіе привело Европу въ сомнѣніе относительно ея силы, что Европа перестанетъ вѣрить могуществу этого колосса, подверженному также опасности со стороны Польши. Положили скорѣе уничтожить такое общее мнѣніе въ Европѣ, скрыть дѣйствительную цѣль, увѣрить иностранные кабинеты, что въ европейскихъ журналахъ и газетахъ все изложено въ превратномъ видѣ, чтобы обмануть дипломатическій міръ. Это мнѣніе подтверждается не только, во-первыхъ, донесеніемъ слѣдственной комиссіи, которое есть не что иное, какъ обвинительный актъ по уголовному процессу, но, во-вторыхъ, правительственнымъ распоряженіемъ, чтобы донесеніе это сообщено было германскому союзу и другимъ кабинетамъ. Баронъ Анштетъ, посолъ и полномочный министръ при сеймѣ въ Франкфуртѣ, передалъ ноту президенту сейма 15 іюля 1826 года, съ приложеніемъ донесенія. Въ нотѣ сказано:

«По принятымъ правиламъ его императорскаго величества обнародывать всѣ об-

стоятельства относительно всѣхъ преступныхъ предпріятій и проектовъ тайныхъ обществъ, открытыхъ въ Россіи, подписавшійся считаетъ своимъ долгомъ сообщить германскому союзу еще дополнительныя свѣдѣнія въ доказательство, что правительство не отстранитъ себя отъ той системы гласности, которая покажетъ судопроизводство во всемъ блескѣ независимости; поэтому, позволяю себѣ представить германскому союзу окончательное донесеніе».

Сеймъ принялъ документъ съ благодарностью и сообщилъ его центральной комиссіи въ Майнцъ, какъ будто безпокойства въ Россіи, вслѣдствіе подражанія статутамъ Тугендбунда, могли имѣть связь съ демагогическими движеніями въ Германіи.

Замѣчу здѣсь кстати, что г. Шницлеръ печаталъ свою «Тайную исторію Россіи подъ правленіемъ Александра I и Николая I» въ 1842 году, не знавъ тогда, что Н. И. Тургеневъ въ томъ же году печаталъ свои три тома: «Россія и русскіе» и очень сожалѣлъ, что не могъ прочесть ихъ до изданія своей исторіи, слѣдовательно, они писали независимо другъ отъ друга, а черпали изъ общаго источника,—изъ донесенія слѣдственной комиссіи.

Документъ этотъ—донесеніе слѣдственной комиссіи—былъ просто обвинительный актъ, составленный въ пять мѣсяцевъ съ неимовѣрною поспѣшностью; если сообразить, что заподозрѣнныхъ было слишкомъ шестьсотъ, которыхъ вмѣстѣ со свидѣтелями надо было привести въ Петербургъ изъ-за тысячи верстъ, изъ всѣхъ мѣстъ обширной Россіи. Правильный ходъ суда былъ обойденъ, весь процессъ былъ веденъ при замкнутыхъ дверяхъ, безъ допусканія адвокатовъ, безъ возраженій. Чернышевъ замѣтилъ П. Н. Свистунову: «Вы здѣсь не для оправданія себя, а для обвиненія»; оттого документъ этотъ не имѣетъ никакой законной силы доказательствъ, хотя и былъ подписанъ девятью важными лицами [1]), заслуживающими уваженія, но они были назначены государемъ, пользовались его особенною довѣренностью; но независимость ихъ мнѣнія ничѣмъ не доказана. Было ли, по крайней мѣрѣ, соблюдено безпристрастіе?—Нѣтъ; судили и рядили по различному предвзятому масштабу,—иначе, что означаетъ, или какъ назвать въ обвинительномъ актѣ умалчиваніе именъ трехъ основателей Союза Благоденствія, бывшихъ позднѣе членами новаго тайнаго общества, изъ которыхъ двое оставили общество въ 1821 году, а третій еще оставался дѣятельнымъ членомъ? Л. А. Перовскій, князь И. А. Долгорукій, И. А. Бибиковъ. Всѣ трое, особенно тотъ, кто занималъ должность блюстителя управы, были до такой степени причасны дѣлу, что о нихъ донесеніе упоминаетъ въ трехъ случаяхъ [2]); однако, всѣ трое освобождены были отъ суда и, какъ сказано въ донесеніи, «заслужили при милостивомъ прощеніи вашего императорскаго величества совершенное забвеніе кратковременнаго заблужденія, извиняемаго отмѣнною ихъ молодостью». Однако, о другихъ членахъ, также помилованныхъ и прощенныхъ государемъ, упоминается поименно въ донесеніи. Въ благоустроенныхъ государствахъ милость оказывается послѣ судоговоренія.

Сочинитель или редакторъ донесенія обдуманно избѣгалъ рѣзкихъ словъ:—заговоръ, возмущеніе, возстаніе; онъ по возможности уменьшалъ значеніе событія и пока-

---

[1]) Предсѣдатель—Татищевъ, члены—великій князь Михаилъ Павловичъ, князь Голицынъ, Голенищевъ-Кутузовъ, Чернышевъ, Бенкендорфъ, Левашевъ, Потаповъ, скрѣпилъ Блудовъ.

[2]) Донесеніе слѣдственной комиссіи, смотри стран. 8-ю, 18-ю въ выноскѣ и послѣднія строчки 21-й страницы.

залъ искусство, какъ скрыть важнѣйшія обстоятельства, главную цѣль общества, коихъ прямое изложеніе раскрыло бы грѣхи правительства предъ иностранцами, и вмѣстѣ съ тѣмъ показало бы печальную сторону отечества всѣмъ истинно русскимъ. Хотя темницы, казематы и гауптвахты въ Петербургѣ переполнены были арестантами и комиссія уменьшила число подсудимыхъ до 121-го, однако, нѣкоторые, изъ числа преданныхъ суду, сами старались затруднить комиссію, въ надеждѣ обезоружить ее множествомъ прикосновенныхъ къ дѣлу, и для этого они вынуждены были прибѣгать къ безконечнымъ показаніямъ на другихъ сообщниковъ. Комиссія обошла многихъ: она старалась преимущественно выставить все то, что могло послужить къ осмѣянію заговора и заговорщиковъ, какъ будто только и было толковъ и переписокъ, что о цареубійствѣ. Редакторъ съ особеннымъ самодовольствіемъ останавливался на утопическихъ мечтаніяхъ нѣсколькихъ членовъ,—на мнѣніяхъ, оторванныхъ отъ общей связи показанія,—на противорѣчіяхъ, оказавшихся при частныхъ бесѣдахъ въ различное время, при различныхъ обстоятельствахъ,—на безначаліи, господствовавшемъ въ союзѣ сѣвернаго общества,—на пылкости и рѣшимости южнаго общества,—на запутанности предпріятій и предложеній, вопреки коимъ, однако, блюстители управъ умѣли двигаться къ цѣли съ непоколебимымъ постоянствомъ. Далѣе сочинитель донесенія не преминулъ указать на всѣ выраженія раскаянія со стороны нѣсколькихъ подсудимыхъ, не для того, чтобы возбудить участіе, на которое имѣетъ право всякое искреннее раскаяніе, но чтобы ясно доказать, что они по собственному сознанію гнались за цѣлью, болѣе безсмысленною, чѣмъ преступною. Такъ обдуманно помѣщены слова Рылѣева:—«если кто заслужилъ казнь, вѣроятно нужную для блага Россіи, то, конечно, я, несмотря на мое раскаяніе и совершенную перемѣну образа мыслей» (страница 62-ая). Хотѣли увѣрить, что эта совершенная перемѣна заключаетъ въ себѣ осужденіе всего предпріятія, между тѣмъ какъ эта перемѣна относилась къ употребленнымъ средствамъ и орудіямъ, къ принятымъ мѣрамъ. Въ невозможности умолчать о намѣреніи цареубійства, сочинитель донесенія останавливается почти на каждой страницѣ на этихъ отвратительныхъ лютостяхъ, надъ этими звѣрскими и кровожадными выходками нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ, бывшихъ членами союза, но придумавшихъ убійство сумасбродно, очертя голову, по личному особенному своему побужденію. Онъ или выпускаетъ изъ виду всѣ предложенныя преобразованія, задуманныя улучшенія, или же выставляетъ все въ такомъ искаженномъ видѣ, въ такой несвязности, что невозможно заключить изъ всего этого о благомъ стремленіи разсудительныхъ людей, любившихъ добро и свое отечество.

Однимъ словомъ, донесеніе старалось утаить все то, что надо было скрыть отъ иностранцевъ, а также то, о чемъ не должны были вѣдать русскіе. Однако, изъ этого пристрастнаго донесенія слѣдственной комиссіи иностранцы умѣли вывести заключеніе гораздо правильнѣе тѣхъ туземцевъ, которые находили, что комиссія, въ изложеніи событія, была слишкомъ снисходительна, скромна и великодушна. Все это не помѣшало дойти до другого заключенія: что такое дѣло мужей, подобныхъ Муравьевымъ, Тургеневу, Пестелю и другимъ, съ умомъ и сердцемъ, хотя и было предосудительно съ точки государственнаго пониманія, но нельзя заклеймить дѣятелей названіемъ безумцевъ, дѣйствовавшихъ будто бы безъ всякой важной на то причины, не имѣвшихъ никакой цѣли опредѣленной. Что Рылѣевъ, Оболенскій,

Бестужевы и другіе, отвергнувъ отъ себя намѣреніе или покушеніе на цареубійство, хотя и признали себя виновными предъ Богомъ и людьми въ знаніи этого намѣренія и предали свои головы карѣ закона, но вмѣстѣ съ тѣмъ они дали слѣдственной комиссіи такія объясненія, кои вполнѣ имѣли право на вниманіе редактора и заслуживали вполнѣ быть помѣщенными въ донесеніи. Они безъ малѣйшаго страха, съ удивительною откровенностью, указали на язвы отечества, выяснили всѣ злоупотребленія, раздирающія государство, доказали отсутствіе закона, недостатокъ гарантіи существовавшихъ правъ, продажность судей, чиновниковъ и должностныхъ всѣхъ вѣдомствъ. Они раскрыли всеобъемлющій обманъ, искаженіе права и закона, притѣсненіе меньшихъ отъ большихъ и поползновеніе всѣхъ ко злу. Много такихъ указаній были сдѣланы многими подсудимыми, но въ донесеніи комиссіи нѣтъ ни слова о нихъ; редакторъ не коснулся ни единаго изъ тѣхъ показаній, которыя могли бы возбудить участіе и сочувствіе всѣхъ благородно мыслящихъ людей. Донесеніе преднамѣренно обошло все это[1]). Для осужденія всѣхъ членовъ, не участвовавшихъ въ возстаніи въ Петербургѣ 14-го декабря 1825 года и въ Васильковѣ близъ Устиновки 3-го января 1826 года, нужно было прицѣпиться за какое либо важное преступленіе, и придрались къ цареубійству, о чемъ упоминается почти на каждой страницѣ донесенія, и очень часто страннымъ и непонятнымъ образомъ; такъ, на одной и той же страницѣ вверху повѣствуется о соглашеніи на убійство, а внизу—о ниспроверженіи такого предложенія со стороны всѣхъ присутствовавшихъ членовъ. Въ показанномъ случаѣ не было надобности упомянуть о томъ, но донесеніе имѣло на то особенную причину какъ можно больше и чаще налегать на такое обвиненіе, которое не освобождало отъ суда.

Верховный уголовный судъ располагалъ виновность по тремъ родамъ преступленій: 1) Цареубійство. 2) Основаніе тайныхъ обществъ для общей революціи. 3) Возмущеніе. По этимъ степенямъ положено было распредѣлить всѣхъ подсудимыхъ на разряды съ подраздѣленіями. Обвиненный во всѣхъ трехъ случаяхъ былъ помѣщенъ въ первые разряды, обвиненный въ двухъ случаяхъ—въ средніе разряды, а виновные въ одномъ случаѣ—въ послѣдніе разряды; всѣхъ разрядовъ было двѣнадцать. Редакторомъ донесенія верховнаго уголовнаго суда былъ М. М. Сперанскій; онъ донесъ, что, по убѣжденію суда, всѣ виновники заслуживаютъ смертной казни, всѣ лишились даже надежды на милость царскую. Распредѣленіе по разрядамъ и приговорамъ состоялось по большинству голосовъ. Члены синода признали виновность подсудимыхъ, но не подписали приговоровъ, извиняясь духовнымъ своимъ званіемъ.

Кончаю описаніе процесса. Признаю себя вполнѣ заслужившимъ наказанія по приговору, принявъ участіе въ возстаніи 14 декабря; лично за себя не имѣю никакого неудовольствія ни противъ редактора донесенія слѣдственной комиссіи, ни противъ редактора донесенія верховнаго уголовнаго суда. Въ Д. Н. Блудовѣ признаю охотно умъ и способности литератора и государственнаго мужа, необыкновенную дѣятельность и смѣтливость въ исполненіи должности министра трехъ различныхъ вѣдомствъ; высоко ставлю славу его, какъ предсѣдателя государственнаго совѣта при подписи новыхъ

[1]) Имп. Николай приказалъ правителю дѣлъ комиссіи составить сводъ мнѣній декабристовъ о необходимыхъ улучшеніяхъ. Этотъ сводъ напечатанъ въ «Русской Старинѣ» 1898, ноябрь. *Ред.*

положеній для крестьянъ, освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости; цѣню вполнѣ постоянную дружбу, бывшую между нимъ и лучшими честнѣйшими людьми: Жуковскимъ, Карамзинымъ, Дашковымъ, Вяземскимъ; но какъ сочинитель донесенія слѣдственной комиссіи, онъ заслужилъ укоръ по крайней мѣрѣ въ торопливости, въ легкомысліи и въ властеугодіи. Правильность моего вывода объясняется всего лучше помѣщенными мною въ этой главѣ выписками изъ донесенія слѣдственной комиссіи, въ коихъ редакторъ приводитъ обвиненія изъ показаній подсудимыхъ и тутъ же приводитъ *свидѣтельства, уничтожающія эти обвиненія*; это послѣднее обстоятельство уничтожаетъ всякое подозрѣніе въ умышленномъ подлогѣ. Напрасно г-нъ Ев. Ковалевскій пишетъ [1]): «обвиненіе Блудова есть обвиненіе друзей покойнаго», далѣе: «обвиненіе Тургенева важно еще потому, что сдѣлано въ книгѣ серьезной, прикрывается юридическимъ разборомъ и дало поводъ ко всѣмъ позднѣйшимъ толкованіямъ; оставленное безъ объясненій, оно перешло бы въ исторію и покрыло бы позоромъ память одного изъ честнѣйшихъ людей, а что онъ былъ такимъ, это покажетъ дальнѣйшее описаніе его жизни и гражданской дѣятельности». Нисколько въ этомъ не сомнѣваюсь. Развѣ Фридрихъ Великій не бѣжалъ съ перваго поля сраженія? развѣ Наполеонъ I не былъ разбитъ подъ Ватерлоо? развѣ Св. Августинъ до своего обращенія не былъ величайшимъ грѣховодникомъ? А между тѣмъ никто не усомнится въ храбрости Наполеона и святости Августина. Всякій человѣкъ можетъ ошибаться въ мнѣніяхъ, принадлежать къ различнымъ партіямъ, имѣть честолюбивые виды и стараніе выслужиться; но надо дѣйствовать и жить, какъ жили и дѣйствовали друзья Блудова,—въ тискахъ событій и гражданскихъ переворотовъ не отступать отъ своихъ правилъ,— тогда онъ избѣгнулъ бы искушенія отъ неумѣстнаго властеугодія. Повторяю слова защитника: «пусть судитъ потомство!»

Прилагаю разборъ Никиты Михайловича Муравьева [2]):

«Три причины вредили дѣйствіямъ комиссіи. 1-ая заключается въ отсутствіи началъ, въ несовершенствѣ судопроизводства и въ несообразности самого законоположенія. 2-ая—въ недостаткѣ письменныхъ свидѣтельствъ, кои состояли только изъ *Зеленой* книги, изъ двухъ начертаній конституціи Муравьева и Лунина, литературнаго отрывка, подъ названіемъ: «Разговоръ любопытный» и еще частныхъ писемъ и пѣсенъ; первый изъ сихъ документовъ есть отрывокъ устава тайнаго союза, второй—опыты конституціоннаго законодательства; эти послѣдніе не заслуживаютъ того, чтобы остановить вниманіе въ столь важномъ дѣлѣ. 3-ья причина заключается въ политическихъ соображеніяхъ, понудившихъ комиссію исключить или измѣнить нѣкоторыя обстоятельства и обратиться къ страстямъ толпы, чтобы поколебать въ общемъ мнѣніи сужденіе о лицахъ, которыхъ вліяніе и за тюремными затворами казалось опаснымъ».

«Тайный союзъ обвиняютъ въ томъ, что, въ продолженіе десяти лѣтъ, онъ постоянно стремился къ измѣненію отечественныхъ постановленій и къ водворенію новаго устройства, основаннаго на системѣ представительной. Въ самомъ дѣлѣ, таково было его назначеніе. Права союза основывались на самомъ свойствѣ живительныхъ началъ, имъ провозглашенныхъ, на потребностяхъ народа, на обѣтахъ власти, которыхъ гласное изъявленіе имѣетъ силу закона въ самодержавномъ правленіи:

---

1) «Графъ Блудовъ и его время», стран. 178.

2) Разборъ напечатанъ въ «Запискахъ декабристовъ». Вып. 2 и 3, Лонд., 1863. *Ред.*

рѣчь Александра I-го на сеймѣ варшавскомъ 1818 года. Эта рѣчь придаетъ законность трудамъ тайнаго союза».

«Одинъ изъ конституціонныхъ проектовъ написанъ въ монархическомъ духѣ. Наканунѣ 14-го декабря члены союза рѣшили, чтобы изъ всѣхъ губерній созваны были представители, чтобы эти представители опредѣлили новое законоположеніе для управленія государствомъ; чтобы представители Царства Польскаго были также созваны для постановленія мѣръ къ сохраненію единства державы. (Смотри страницы 45-ую и 46-ую изъ донесенія слѣдственной комиссіи 1826 года). Вотъ доказательство, что тайный союзъ никогда не имѣлъ странной мысли водворить образъ правленія по своему произволу».

«Тайный союзъ имѣлъ особенно въ виду охранить Россію отъ междоусобныхъ браней и отъ судебныхъ убійствъ, ознаменовавшихъ лѣтописи двухъ великихъ народовъ: англичанъ и французовъ. При обсужденіи такихъ вопросовъ, въ частныхъ разговорахъ или въ настоящихъ совѣщаніяхъ, нѣкоторые члены могли излагать неправильныя мнѣнія или даже предаться порыву страстей. На этихъ-то изъявленіяхъ комиссіею приписываются тайному союзу предположенія о цареубійствѣ. Справедливо ли будетъ, за случайно изъявленныя нѣкоторыми членами мнѣнія, винить тайный союзъ, какъ мы обвиняемъ конвентъ и англійскій парламентъ, разсуждавшіе о цареубійствѣ? Тайный союзъ не могъ ни желать, ни одобрять покушеній на царствующія лица, ибо таковыя предпріятія, даже подъ руководствомъ преемниковъ престола, не приносятъ у насъ никакой пользы, напримѣръ: Екатерина I, Петръ II, Анна, Елисавета, Петръ III, Екатерина II, Павелъ. Обвиненіе въ помыслѣ на цареубійство основано лишь на частныхъ разговорахъ и на мечтаніяхъ разстроенныхъ умовъ. Нѣкоторые изъ значительныхъ членовъ союза были отстранены отъ слѣдствія, не названы въ докладѣ и прощены подъ предлогомъ молодости и раскаянія. Власть имѣетъ право облегчить наказаніе и даже помиловать; но величіе законовъ и общественная совѣсть требуютъ предварительнаго судебнаго приговора. Благодарность и неожиданное снисхожденіе доставили орудіе противъ остальныхъ сочленовъ. Трудно допустить, чтобы члены почетнѣйшихъ семействъ въ Россіи, чтобы люди, отличавшіеся постояннымъ довѣріемъ сограждань и одобреніемъ правительства, исторгнувшіе уваженіе даже среди уничиженій и страданіе, которыми отягощала раздраженная власть,—трудно повѣрить, чтобы такіе люди помышляли только объ убійствѣ и безначаліи. Изъ трехъ приведенныхъ комиссіею письменныхъ свидѣтельствъ, письмо къ польскому обществу не было отправлено по незначительности содержанія, остальныя два свидѣтельства составляютъ опроверженіе мысли о цареубійствѣ (стр. 6, 10, 20). Наконецъ, скажемъ, что само правительство не вѣрило этому обвиненію, оно не допустило бы, чтобы братъ государя явился истцомъ и вмѣстѣ судьею въ собственномъ дѣлѣ».

«Другое, равно важное обвиненіе тяготѣетъ надъ южнымъ обществомъ. Тайная комиссія утверждаетъ, что оно намѣрено было располагать достояніемъ Россіи; что оно условилось съ польскимъ обществомъ отдать Польшѣ нѣкоторыя отобранныя отъ нея области, и что вслѣдствіе этого договора Пестель сочинилъ карту, на которой означены новыя границы (стр. 21). Не намъ опровергать это обвиненіе: то совершилъ уже варшавскій слѣдственный комитетъ, на который ссылается петербургская слѣдственная комиссія. Комитетъ послѣ одиннадцатимѣсячныхъ

разысканій утверждаетъ, что члены обоихъ обществъ ни въ чемъ не могли согласиться, не заключили никакого окончательнаго договора, и что между ними не было и разсужденія о присоединенныхъ къ Россіи областяхъ. (Смотр. донесеніе варшавскаго слѣдственнаго комитета). Когда двѣ комиссіи, облеченныя одинаковою властью, дѣйствуя въ одномъ духѣ и соглашаясь во всемъ, противорѣчатъ другъ другу въ одномъ только событіи, то должно заключить, что его не бывало. Славянское общество не слилось бы съ южнымъ обществомъ, если бы увидѣло въ немъ начало раздѣленія и раздробленія, противоположныя своей цѣли. Наконецъ, тайный союзъ, въ часъ рѣшительный, положилъ созвать представителей Царства Польскаго, для принятія мѣръ къ сохраненію единства державы (стр. 45)».

«Вмѣсто того, чтобы изложить обѣ конституціи, составлявшія одно изъ главныхъ обвиненій, комиссія довольствуется только замѣчаніемъ, что конституція Никиты Муравьева раздѣляла Россію на независимыя области, соединенныя общимъ союзомъ. Она не замѣтила, что независимость областей не согласуется съ монархическимъ правленіемъ, учрежденнымъ этою конституціей, и упускаетъ изъ виду не безъ цѣли, что областныя собранія не облечены державною властью. Областныя собранія, среди совокупныхъ губерній, вѣдая только распоряженіями и управами мѣстными, содѣйствовали единству управленія державнаго. Отдѣляя вѣтви управленія, она избавляла только власть исполнительную отъ посредничества между частными лицами и предоставляла это посредничество самостоятельной судебной власти. Такимъ образомъ прекратилось бы смѣшеніе властей, столь гибельное въ общественномъ устройствѣ Россіи (смотр. 18). Комиссія величается, что она открыла конституцію Пестеля, «Русскую Правду», зарытую близъ неизвѣстной деревушки (стр. 56). Но она совершила этотъ подвигъ, дабы вѣрнѣе укрыть «Русскую Правду» отъ народа, предавъ ее забвенію архивовъ. О Конституціи Пестеля въ донесеніи сказано нѣсколько словъ (въ примѣчаніи), изобличающихъ болѣе осмотрительность членовъ комиссіи, нежели заблужденія сочинителя. Мы раздѣляемъ затрудненіе членовъ, обвинявшихъ когда не было вины, обращавшихъ въ преступленіе то, что послужило впослѣдствіи руководствомъ правительству, скрывавшихъ то, что надлежало огласить».

«Донесеніе комиссіи исполнено подробностей, кои не имѣютъ прямого отношенія къ главному предмету. Личныя ощущенія членовъ, взаимныя ихъ отношенія, ихъ мечтанія, путешествія и разныя обстоятельства частной жизни занимаютъ много мѣста (стр. 6, 13, 25, 27, 34, 37, 55). Даже шутки и суетныя остроты помѣщены въ донесеніи, которое вело къ казни. Мы не станемъ всего опровергать: основанія потрясены, зданіе должно рушиться. Замѣтимъ однакожъ, что комиссія умалчиваетъ объ освобожденіи крестьянъ; она ничего не говоритъ о новомъ уложеніи, объ исправленіи судопроизводства, о преобразованіи войска, объ уничтоженіи военныхъ поселеній, о свободѣ торговли и промышленности, объ оказаніи помощи угнетенной Греціи и о другихъ правительственныхъ мѣрахъ, коихъ поочередно требовало и отчасти достигло свободное изъявленіе совокупной воли частныхъ лицъ. Эти упущенія скрываютъ отъ Россіи важную часть трудовъ тайнаго союза и препятствуютъ полному уразумѣнію его учрежденій. Причина этихъ упущеній очень ясна. Приступая къ этимъ вопросамъ, она возбудила бы народное участіе и народное сочувствіе, которое надлежало подавить; она говорила бы въ

пользу учрежденія, которое надлежало разрушить. Однако же комиссія отбросила политическіе разсчеты и слѣдовала внушенію чувствъ возвышенныхъ, когда она съ уваженіемъ отозвалась о пяти мученикахъ конституціоннаго дѣла. Она упомянула пророческое изреченіе Рылѣева: «если кто заслужилъ казнь, необходимую, можетъ быть, для будущаго блага Россіи—это я» (стр. 40, 13). Она даетъ точное понятіе о твердомъ поведеніи Каховскаго, употребившаго оружіе, когда просьбы и увѣщанія его остались безполезными; выставляетъ неутомимую дѣятельность Бестужева-Рюмина; даетъ точное понятіе о характерѣ Сергѣя Муравьева-Апостола, изображая, какъ полкъ освобождаетъ его изъ-подъ ареста и идетъ на вѣрную гибель, раздѣляя его участь; рѣзко выставляетъ неоспоримое его вліяніе надъ сообщниками и слѣпую къ нему довѣренность».

Прилагаю взглядъ М. С. Лунина на тайное общество:

«Тайное общество принадлежитъ исторіи. Правительство его вѣрно оцѣнило, говоря, что дѣло его есть дѣло цѣлой Россіи, и что оно располагало судьбою народовъ и правительствъ. Оно образуетъ лучезарную точку въ русскихъ лѣтописяхъ, подобно уложенію великой хартіи въ лѣтописяхъ британскаго королевства. Десять лѣтъ его скрытнаго существованія, отъ 1816 до 1826 года, при подозрительномъ, враждебномъ правительствѣ, доказываетъ мудрость его дѣйствій и народное къ нему сочувствіе. Главная доля его трудовъ была совершена въ этотъ періодъ времени, посреди опасностей и препятствій. Дѣйствуя вліяніемъ разумной силы на массу народа, оно сумѣло направить мысли, чувства, даже страсти различныхъ сословій къ практическому преобразованію самого правительства. Существенныя задачи конституціоннаго образа правленія были поставлены и опредѣлены такъ, что ихъ рѣшеніе становилось неизбѣжнымъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Общество сдѣлалось выраженіемъ народныхъ интересовъ, требуя, чтобы законы, управлявшіе страною и остававшіеся неизвѣстными даже судамъ, обязаннымъ соображать съ ними свои рѣшенія, были собраны и изданы послѣ разумной кодификаціи; чтобы гласность въ дѣлахъ государственныхъ замѣнила призракъ канцелярской тайны, которымъ они окружены и который мѣшаетъ ихъ ходу, скрывая отъ правительства и отъ народа злоупотребленія чиновниковъ; чтобы судопроизводство было быстро, а потому устное, открытое и даровое; чтобы администрація была подчинена твердымъ правиламъ, вмѣсто личнаго произвола, чтобы дарованія, въ какомъ бы сословіи они ни обнаружились, вызывались къ дѣйствію на общее благо, и чтобы выборъ должностныхъ людей опредѣлялся общественнымъ голосомъ, замѣщая ими невѣждъ и взяточниковъ; чтобы въ назначеніи и употребленіи казенныхъ суммъ отдавался гласный отчетъ; чтобы откупная монополія, ведущая къ развращенію и нищенству низшихъ сословій, была замѣнена другою системою налоговъ; чтобы обращено было вниманіе на судьбу защитниковъ отечества, количество войска уменьшено, срокъ службы сокращенъ, а жалованье солдата увеличено въ соразмѣрности съ его нуждами; чтобы военныя поселенія, не достигающія первоначальной цѣли, беззаконныя въ своемъ основаніи, были уничтожены, въ отвращеніе новыхъ злодѣйствъ и пролитія крови; чтобы торговля и промышленность освободились отъ произвольныхъ постановленій и устарѣлыхъ разграниченій, препятствующихся движенію; чтобы, наконецъ, положеніе духовенства, вполнѣ обезпеченное, сдѣлало его независимымъ и способнымъ къ исполненію своихъ обязанностей».

«Развитіе образованности было усилено новыми началами, которыя тайное общество ввело въ народную мысль. Оно разсѣяло почти общее предубѣжденіе о невозможности иного порядка вещей и внесло въ массы сознаніе той истины, что подчиненіе себя другимъ людямъ должно быть замѣнено повиновеніемъ закону. Оно искало доказать преимущества взаимной поруки, обращающей дѣло каждаго въ общее дѣло; важность суда присяжныхъ въ гражданскихъ и уголовныхъ искахъ и его внутреннюю связь съ гражданской свободой; необходимость гласности безъ ограниченій, которая не только должна быть допущена, но наложена какъ обязанность и обезпечена какъ право; злоупотребленія сословныхъ различій, источникъ зависти и озлобленій, разъединяющій людей вмѣсто сближенія ихъ. Тайное общество обратилось отъ факта къ праву, указывая на предѣлы всякой власти, поставленныхъ провидѣніемъ: на нравственность, разумъ, правосудіе и общую пользу, различные проблески одной и той же истины. Разлитіе просвѣщенія вообще разсматривалось имъ, какъ путь къ внутреннему порядку и справедливости, уваженію и могуществу. Чтобы достичь этой цѣли, оно обратилось ко всѣмъ сословіямъ, и они поняли его языкъ. Часто, но безъ послѣдовательности, повторявшіяся усилія правительства въ дѣлѣ просвѣщенія были замѣнены упрощенной методой, не требующей издержекъ, и основанной на небольшомъ числѣ правилъ, которыя—смотря потому, были-ли они ошибочны или вѣрны—не имѣли бы вредныхъ послѣдствій, или господствовали бы въ будущемъ».

«Тайное общество отстаивало независимость грековъ, покинутыхъ почти всѣми европейскими государствами; оно подняло голосъ противъ рабства и торга русскими, несовмѣстнаго съ Божьими и человѣческими законами; въ заключеніе оно обнаружило самымъ существованіемъ своимъ и обязанностью своихъ стремленій, что самодержавіе не соотвѣтствуетъ уже настоящему положенію народа, и что правительство, основанное на законахъ справедливости и разума, одно въ состояніи поднять его на степень, указанную ему въ семьѣ народовъ образованныхъ».

«Въ переходныя эпохи, переживаемыя обществами среди таинственнаго движенія къ преобразованію ихъ быта, встрѣчаются обстоятельства, когда становится необходимымъ вмѣшательство политическихъ людей, къ какому бы сословію они ни принадлежали, чтобы вызвать правительства и народы изъ застоя, порожденнаго дурнымъ общественнымъ устройствомъ и предразсудками, укоренившимися въ теченіе вѣковъ. Если такіе люди вышли изъ верхнихъ слоевъ, то гражданская дѣятельность становится для нихъ долгомъ, который они платятъ употребленіемъ умственныхъ силъ низшимъ сословіямъ, за свое превосходство предъ ними, купленное ихъ трудомъ и усиліями. Они пролагаютъ новые пути къ совершенствованію для возникающихъ поколѣній; направляютъ народныя стремленія къ общей пользѣ; сосредоточиваютъ умственную работу, совершенную одиноко, безъ взаимнаго воодушевленія; поддерживаютъ борьбу мнѣній, необходимую для общей гармоніи, и становятся сами властями по праву и на дѣлѣ, въ силу ихъ возсоздающей мысли и нравственнаго вліянія на согражданъ. Идеи ихъ оплодотворяютъ страну, которую орошаютъ,—какъ завоеватели опустошаютъ страну, куда вторгаются; ибо добро и зло для обществъ приходитъ отъ отдѣльныхъ лицъ. Жертва, на которую они себя обрекаютъ, свидѣтельствуетъ объ ихъ высшемъ призваніи, о вѣрности ихъ началъ и о законности ихъ власти».

«Тайное общество отвѣчало всѣмъ этимъ условіямъ, какъ въ основѣ своего

устройства, такъ и въ своихъ цѣляхъ и въ способѣ дѣйствій. Нравственный толчокъ отъ распространенныхъ имъ идей былъ такъ силенъ, что императоръ Александръ счелъ нужнымъ обѣщать, что даруетъ конституцію русскимъ, какъ скоро они будутъ въ состояніи оцѣнить ея пользу. (Смотри рѣчь при открытіи варшавскаго сейма 15-го марта 1818 года). Тайное общество встрѣтило такое обѣщаніе съ любовью и довѣріемъ, котораго заслуживалъ высокій санъ обѣщавшаго. Это былъ политическій залогъ; освящая цѣль общества, онъ придалъ ему новое рвеніе. Общество собрало и устремило всѣ силы, чтобы данное обѣщаніе сдѣлать независимымъ отъ временной воли лица, и научило націю понять, оцѣнить блага свободы и ихъ удостоиться. Важность его подвига такова, что стремленія общества, даже по его прекращеніи, встрѣчаются въ каждой правительственной мѣрѣ, внутри каждаго замѣтнаго событія послѣднихъ лѣтъ».

«Ошибки неизбѣжны въ такомъ колоссальномъ предпріятіи, которое, по сознанію самого правительства, должно бы удивить даже тѣхъ, кто его задумалъ. Ошибки были значительны. Отсутствіе принудительной силы, способной ввести порядокъ въ общее движеніе, сдѣлалось замѣтно въ самомъ началѣ. Общество, состоявшее сперва изъ небольшого числа основателей, испытало потомъ другое неудобство отъ умноженія своихъ членовъ. Взросшіе въ мертвящей средѣ, въ умственной праздности, они съ трудомъ могли держаться въ уровень съ высокимъ своимъ призваніемъ. Приходилось умѣрить ревность однихъ, подстрекать другихъ, успокаивать третьихъ и охранять общее согласіе. Единство въ дѣйствіи было нарушено. Тайное общество подраздѣлилось на *сѣверное* и на *южное*, по причинѣ разстояній, заставившихъ учредить два центра дѣятельности. Первый изъ этихъ отдѣловъ встрѣтилъ затрудненія со стороны новыхъ членовъ, которымъ было поручено на время управленіе дѣлами; второй же расширилъ сферу занятій и тѣмъ самымъ удвоилъ трудности своего положенія, соединившись съ обществомъ славянъ и войдя въ переговоры съ польскимъ обществомъ, котораго виды и побужденія, отчасти несходные, требовали умѣряющаго образа дѣйствія. Между тѣмъ измѣна глухо подкапывала основу зданія. Въ то самое время, смерть императора Александра, два отреченія отъ престола, двѣ разнорѣчащія присяги одно за другой, секретное завѣщаніе, найденное въ архивѣ,—все это смутило умы и вызвало событіе 14-го декабря въ Петербургѣ, а на югѣ отважное движеніе одного полка первой арміи».

«Враждебная партія ловко воспользовалась этими ошибками. Она состояла изъ той части дворянъ, которая боялась лишиться крѣпостныхъ и своихъ правъ, да изъ служащихъ-иностранцевъ, которые боялись потерять свои оклады. Вожатые этой партіи поняли, что конституціонный духъ—новое вино, для котораго нужны и мѣха новые; что паденіе самодержавія поведетъ за собою потерю ихъ мѣстъ, заставитъ ихъ сложить съ себя титулы и ордена, подобно актерамъ по окончаніи неудавшейся пьесы. Ни одно средство не было упущено, чтобы отклонить ударъ. Имъ удалось увѣрить правительство, что цѣль тайнаго общества—цареубійство и анархія. Но торжествующая партія впала сама въ ошибку, общую всѣмъ партіямъ: она неумѣренно воспользовалась успѣхомъ. Болѣе шести сотъ человѣкъ было арестовано и брошено въ казематы. При слѣдствіи, производимомъ тайной комиссіей, на основаніи придуманнаго по сему случаю положенія, нѣкоторые изъ содержавшихся въ казематахъ были закованы въ кандалы, посажены въ темныя ямы и пытаемы голодомъ; другіе—спутаны

попами, присланными выманить на исповѣди, для доноса, ихъ признаніе, или поколеблены своими обманутыми родными; почти всѣ подкуплены лживымъ обѣщаніемъ всепрощенія. Назначенъ былъ верховный уголовный судъ изъ сенаторовъ, военныхъ, моряковъ и духовенства. Это судилище, опираясь на доклады тайныхъ изслѣдованій и обсуживая не каждаго обвиняемаго отдѣльно, а по разрядамъ, приговорило: пятерыхъ къ четвертованію, тридцать одного къ отсѣченію головы, семьдесятъ шесть къ каторжной работѣ и къ ссылкѣ, наконецъ девятерыхъ къ разжалованію въ солдаты; и приговоръ свой произнесло оно, не допросивъ, даже не видавъ никого изъ нихъ. Оно спѣшило покончить дѣло, потому что наступали празднества коронаціи. Правительство замѣнило смертную казнь тридцати одного каторжною работою въ рудникахъ, съ содержаніемъ въ казематахъ; а верховный судъ, которому была предоставлена судьба пятерыхъ, счелъ милосердіемъ замѣстить колесованіе висѣлицею. Приговоръ надъ ними былъ исполненъ исподтишка на гласисѣ крѣпости, въ которой производился призракъ суда, и подъ прикрытіемъ военной силы, собранной наскоро. Невѣжество или смущеніе палачей продлило муку осужденныхъ на смерть, изъ которыхъ трое, сорвавшись съ ослабленной петли, упали и расшиблись до крови, а потомъ были опять повѣшены. Всѣ пятеро спокойно поддались своей участи, въ твердой увѣренности, что смертью скрѣпляли истину своихъ словъ и дѣйствій. Роднымъ повѣшенныхъ были отказаны ихъ тѣла, которыя брошены ночью въ яму съ раствореной известью; а на слѣдующій день церковь возблагодарила Бога за пролитую кровь».

«Послѣ этого государственнаго подвига, его главные дѣятели, такъ много повредившіе правительству, успѣли стать во главѣ правленія».

«Но господствующая партія, повидимому, ограничиваетъ свою дѣятельность однѣми полумѣрами и внѣшними измѣненіями. Она ищетъ сдѣлать правительство еще болѣе самодержавнымъ, чѣмъ въ сущности, а народъ болѣе національнымъ по внѣшности, чѣмъ на дѣлѣ. Тогдашняя власть, у которой на все доставало смѣлости, дошла до того, что ей надо было всего бояться. Ея общій ходъ—не что иное, какъ постепенное отступленіе, подъ защитой корпуса жандармовъ, передъ духомъ тайнаго общества, который обхватываетъ ее со всѣхъ сторонъ. Отъ людей можно отдѣлаться, но отъ ихъ идей нельзя! Сердца молодого поколѣнія обращаются къ сибирскимъ пустынямъ, гдѣ политическіе ссыльные блистаютъ посреди мрака, въ которомъ хотятъ ихъ скрыть. Жизнь въ изгнаніи есть непрерывное свидѣтельство истины ихъ началъ. Сила ихъ рѣчи заставляетъ и теперь не дозволять ея проявленія даже въ родственной перепискѣ. У нихъ все отнято: общественное положеніе, имущество, здоровье, отечество, свобода... но никто не могъ отнять народнаго къ нимъ сочувствія. Оно обнаруживается въ общемъ и глубокомъ уваженіи, которое окружаетъ ихъ скорбныя семейства; въ религіозной почтительности къ женамъ, раздѣляющимъ ссылку съ мужьями; въ заботливости, съ какою собирается все, что писано ссыльными въ духѣ общественнаго возрожденія. Можно на время вовлечь въ заблужденіе русскій умъ, но русскаго народнаго чувства никто не обманетъ» [1]).

---

[1]) Сочинитель этой статьи или этого взгляда на тайное общество, Михаилъ Сергѣевичъ Лунинъ, умеръ отъ апоплексіи въ декабрѣ 1845 г. въ Акатуѣ за Байкаломъ. Сочинитель разбора донесенія слѣдственной комиссіи, Никита Михайловичъ Муравьевъ 1-ый, умеръ отъ простуды 28-го апрѣля 1843 года въ Урикѣ близъ Иркутска. Далѣе въ описаніи нашей совмѣстной жизни въ Сибири, сообщу о нихъ нѣкоторыя подробности.

Сообщаю еще другое письмо Е. П. Оболенскаго ко мнѣ отъ 5-го февраля 1861 года:

«Прилагаю тебѣ копію,—тобой давно ожидаемую,—рѣшенія верховнаго уголовнаго суда надъ всѣми нами. Въ этой копіи ты не найдешь только характеристики виновности каждаго, означенной въ докладѣ. Копія съ этого доклада заняла бы слишкомъ много мѣста. Грустное чувство возбудило во мнѣ чтеніе доклада и самая характеристика виновности каждаго. Въ ней поражаетъ однообразность обвиненій на $^5/_6$ изъ 121 осужденныхъ: главной чертой—ужасный умыселъ—вызовъ къ исполненію—согласіе на исполненіе—и знаніе объ умыслѣ, какъ будто всѣ эти лица запечатлѣны характерами Палена, Орлова и ихъ сообщниковъ, исторически извѣстныхъ, умышленно ли, или по недостатку другого равносильнаго факта, въ основаніи обвинительнаго акта онъ выставленъ на первый планъ. Нельзя отрицать факта, но я вполнѣ отрицаю его юридическое значеніе, какъ пунктъ обвинительный. Ни одно изъ лицъ, на которыхъ падаетъ это обвиненіе, не соглашалось на него, какъ на цѣль общества, а говорило объ немъ, какъ говорятъ не о предметѣ ненависти или страха, съ личностью котораго наше существованіе невозможно; а о томъ, что могло бы быть въ неопредѣленной будущности, въ которой также неопредѣленно рисовалась конституція. На этомъ основаніи можно подвести подъ обвинительный актъ и каждую мысль, рождающуюся въ насъ, которая появилась и исчезла, но не менѣе того заявила свое присутствіе. То же самое обвиненіе лежитъ и на мнѣ въ достопамятный вечеръ, предшественникъ 14-го декабря. Обнявъ Каховскаго вмѣстѣ съ другими, я такъ мало помышлялъ объ исполненіи, что по совѣсти скажу, что не помню, чтобы я когда нибудь принесъ этотъ грѣхъ на святую исповѣдь. Онъ не тяготилъ мою совѣсть и исчезъ вмѣстѣ съ событіемъ 14 декабря, не оставивъ послѣ себя ни малѣйшаго слѣда; между тѣмъ довольно было времени на самоиспытаніе».

Прилагаю письмо друга моего въ подлинникѣ. Е. П. Оболенскій скончался 26 февраля 1865 года въ Калугѣ; о немъ придется еще не разъ упоминать въ моихъ запискахъ. Я передаю письменныя мнѣнія только трехъ моихъ товарищей, въ опровержение сотни перетолкованій о тайномъ обществѣ и членахъ его. Пересуды, мною прочитанные, отличаются безтолковостью. Читатель безпристрастный самъ сдѣлаетъ правильный выводъ изъ донесенія слѣдственной комиссіи Блудова и изъ доклада верховнаго уголовнаго суда Сперанскаго.

Глава восьмая.

Ссылка въ Читинскій острогъ.

Первая отправка въ Сибирь.—Предосторожность.—Облегченіе.—Свиданія.—Прощаніе съ братьями.—Новые арестанты.—Прощаніе съ женою.—Моя отправка.—Шлиссельбургъ. — Контръ - адмиралъ.—Ярославль.—Фельдъегерь.—Губернаторъ. — Благотворительность. — Красноярскъ. — Иркутскъ. — Крутой спускъ.—Грозная встрѣча.—С. Р. Лепарскій.—Цвингъ Ури.

Въ самый день исполненія приговора, 13-го іюля, начали отправку въ Сибирь. Не знаю, почему противъ принятаго порядка заковывали въ желѣзы дворянъ, осужденныхъ въ каторжную работу; такому сугубому наказанію подлежатъ только тѣ изъ каторжныхъ, которые подвергаются новому наказанію или покушаются на бѣгство. Нельзя было опасаться побѣга, потому что на каждаго ссыльнаго данъ былъ жандармъ для караула; всѣхъ отправляли на почтовыхъ съ фельдъегерями. Причину такой предосторожности приписали человѣколюбію, чтобы облегчить трудности дальняго пути, да еще къ тому въ кандалахъ. Говорили, что заботливое правительство опасалось мести и остервененія народа противъ насъ, чтобы насъ на дорогѣ не разодрали въ куски; другіе же утверждали, что оно этимъ средствомъ отправки хотѣло препятствовать распространенію вредныхъ понятій, опасныхъ слуховъ, кои сто человѣкъ слишкомъ легко могли передать народу на пространствѣ 6600 верстъ.

Изъ первыхъ отправили 13-го іюля восемь товарищей въ Нерчинскіе рудники: Оболенскаго, Трубецкого, Волконскаго, Давыдова, Якубовича, Арт. З. Муравьева и двухъ братьевъ Борисовыхъ. Послѣ нихъ отправляли, все по четыре человѣка, чрезъ день, весь разрядъ, приговоренный на поселеніе. Участь этихъ несчастныхъ товарищей была самая ужасная, хуже каторги, потому что, вмѣсто того, чтобы, согласно съ приговоромъ отправить, прямо на поселеніе въ менѣе отдаленныя мѣстахъ Сибири, ихъ размѣстили по одиночкѣ въ самой сѣверной ея полосѣ отъ Обдорска до Колымска, гдѣ земля не произрастаетъ хлѣба, гдѣ жители, по неимѣнію и по дороговизнѣ хлѣба, вовсе не употребляютъ его въ пищу. Иные вовсе не имѣли тамъ ни хлѣба, ни соли, потому что мѣстные жители ихъ не употребляли. Притомъ послѣ 10—12 тысячъ верстъ переѣзда, были содержимы подъ строжайшимъ арестомъ, въ мѣстахъ своего заключенія, въ холодной избѣ, не имѣя позволенія выходить изъ нея. Потомъ перемѣстили ихъ немного южнѣе отъ Березова до Якутска и на берегахъ Лены. Тѣмъ изъ нихъ, которые были сосланы въ Гижигинскъ, Средній и Верх-

ній Колымскъ, въ томъ числѣ М. А. Назимову, пришлось, въ плохой зимней одеждѣ, сдѣлать около 2500 верстъ въ оба пути, отъ Якутска до мѣста ихъ назначенія и обратно, верхомъ на перемѣнныхъ почтовыхъ якутскихъ лошадяхъ, имѣя ночлеги почти во все это время подъ открытымъ небомъ, на снѣгу, при 30 слишкомъ градусахъ морозу по Реомюру. Они первое время были совершенно одиноки; ни голосъ друга, ни лучъ солнца подъ сѣвернымъ полярнымъ кругомъ въ то время ихъ не грѣлъ, и естественно, что въ такой медленной, продолжительной пыткѣ, не трудно было нѣкоторымъ изъ нихъ лишиться ума, предаться отчаянію, не говоря уже объ утратѣ здоровья: первому изъ такихъ ужасныхъ несчастій подверглись князь Шаховской и Н. С. Бобрищевъ-Пушкинъ 1-й, второму — Фурманъ и Шахиревъ, третьему — почти всѣ остальные товарищи этого разряда.

Въ одномъ изъ названныхъ мѣстъ, въ Средне-Колымскѣ страдалъ и умеръ въ царствованіе императрицы Елизаветы изгнанникъ графъ Головкинъ, бывшій кабинетъ-министръ, за которымъ слѣдовала супруга его. Устное преданіе гласитъ тамъ, что въ праздничные дни его больного, силою приводили въ церковь, чтобы тамъ терпѣть поруганіе и слушать, какъ священникъ по окончаніи литургіи читаетъ обвинительный актъ его и приговоръ его враговъ.

Вслѣдъ за приговоренными на поселеніе, отправили разжалованныхъ въ солдаты, по крѣпостямъ и острогамъ сибирскимъ, откуда впослѣдствіи перевели ихъ на Кавказъ.

Въ августѣ прекратилась отправка, оттого, что насъ, осужденныхъ въ каторгу, не хотѣли всѣхъ соединить въ Нерчинскѣ, не хотѣли размѣстить и по частямъ по другимъ рудникамъ, опасаясь возстанія на большихъ заводахъ. Эта предосторожность была не лишняя, какъ послѣдствія доказали въ Нерчинскѣ, по предпріятію Сухинова, о чемъ разскажу ниже въ своемъ мѣстѣ. Въ августѣ, до коронаціи, командиръ Сѣверскаго конно-егерскаго полка, полковникъ Станиславъ Романовичъ Лепарскій, былъ назначенъ комендантомъ рудниковъ нерчинскихъ: ему велѣно было выбрать мѣсто за Байкаломъ, гдѣ удобнѣе можно было устроить временный острогъ, пока назначена будетъ другая мѣстность, для прочной постройки обширной тюрьмы, по образцу американской системы одиночной или пенитенціарной. Лепарскій избралъ для временнаго острога Читинскій острогъ, между Верхнеудинскомъ и Нерчинскомъ, на большой почтовой дорогѣ, въ 400 верстахъ отъ сего послѣдняго города. Въ ожиданіи его выбора и донесенія, остановили нашу отправку. Мы оставались еще въ крѣпости, гдѣ содержаніе арестантовъ послѣ рѣшенія приговора, было не такъ строго, какъ во время допросовъ.

Облегченіе нашего содержанія въ Петропавловской крѣпости состояло въ томъ: насъ по очереди, по одиночкѣ, выпускали изъ казематовъ въ переднія сѣни, гдѣ дверь и окно были открыты, гдѣ мы черезъ день, по 20 минутъ, могли дышать свѣжимъ воздухомъ. Кромѣ того, по одному разу въ двѣ недѣли, или черезъ десять дней, смотря по досугу трехъ инвалидныхъ офицеровъ, водили насъ, также по одиночкѣ, прогуливаться по крѣпости и по крѣпостному валу. Эта мѣра была необходима, потому что блѣдность и желтизна лица у многихъ показывали вліяніе спертаго, нечистаго и сырого воздуха; у меня оказалась цынготная болѣзнь, десны распухли, побѣлѣли, зубы болѣли и начали выпадать. На прогулку водилъ меня подпоручикъ Глуховъ. Другое очень важное облегченіе состояло въ томъ, что позволено было получать книги

изъ дому. Помню, съ какимъ удовольствіемъ читалъ всѣ романы Вальтера-Скотта; часы пролетали такъ быстро и незамѣтно, что часто не слышалъ звона курантовъ. Черезъ Соколова передавалъ книги другимъ товарищамъ. Случалось иногда въ день прочесть четыре тома и быть мысленно не въ крѣпости, но въ замкѣ Кенильвортъ или въ монастырѣ, или въ гостиницѣ Шотландской, или въ дворцахъ Людовика XI, Эдуарда и Елизаветы. Сердечно благодарилъ я сочинителя и радовался вечеромъ предстоящему утру. Ожиданіе скорой отправки и разстроенное здоровье не позволяли заняться болѣе полезнымъ чтеніемъ важныхъ книгъ. Желалъ имѣть книги о Сибири, но тогда не было никакихъ печатныхъ свѣдѣній о сей странѣ, кромѣ путешествій Мартынова, Мартуса и записокъ нѣсколькихъ лицъ, отправленныхъ съ миссіей въ Китай черезъ Кяхту. Всѣ эти свѣдѣнія были не полны, мѣстами совершенно ошибочны. Тѣ изъ моихъ соузниковъ, которые въ Петербургѣ не имѣли родственниковъ, получали книги изъ крѣпостной библіотеки: путешествіе Кука, исторію аббата Лепорта, и старыя вѣдомости на сѣроватой и синеватой бумагѣ. Однажды одинъ изъ товарищей моихъ переслалъ мнѣ листокъ отъ 1776 года; забавно было читать статью о Сѣверной Америкѣ, гдѣ безпрестанно упоминалось о мятежническомъ генералѣ Вашингтонѣ.

Черезъ недѣлю послѣ исполненія приговора племянникъ мой А. И. Моренгильтъ получилъ позволеніе со мною увидѣться и проститься. Свиданіе было въ комендантскомъ домѣ въ присутствіи плацъ-адъютанта. Благородный мой сослуживецъ, родственникъ и свадебный шаферъ, съ любящею душою утѣшилъ меня насчетъ жены моей и правдиво передалъ мнѣ, что она извѣщена о постигшей меня участи и съ христіанскою покорностью переноситъ это несчастье, что здоровье ея и сына посредственно, что она спрашиваетъ меня о моихъ нуждахъ въ дорогу и надѣется сама меня увидѣть. Чрезъ два дня прислала мнѣ жена одежду и бѣлье, а 25-го іюля пріѣхала сама съ сыномъ. Не умѣю выразить чувствъ моихъ при этомъ свиданіи: моя Анетта хотя въ слезахъ, но крѣпкая упованіемъ, твердая въ вѣрѣ и любви къ Богу, спрашивала о времени и о мѣстѣ нашего соединенія. Сынъ мой шестинедѣльный лежалъ на диванѣ и, какъ будто желая утѣшить насъ, улыбался то губами, то голубыми глазками. Возлѣ него стояла Марія Николаевна Смитъ, впослѣдствіи г-жа Паскаль, давнишняя подруга жены моей, которая, опасаясь худыхъ послѣдствій отъ свиданія для матери, бывшей вмѣстѣ съ кормилицей, согласилась проводить ее подъ видомъ няньки. Я упрашивалъ жену не думать о скоромъ слѣдованіи за мною, чтобы она выждала время, когда сынъ мой укрѣпится и будетъ на ногахъ, когда извѣщу о новомъ пребываніи моемъ; она безмолвно благословила меня образомъ, къ нему заклеены были тысяча рублей, а потому я не принялъ его: тогда были деньги для меня безполезны. Я просилъ только заказать для меня плащъ изъ сѣраго толстаго сукна, подбитый тонкою клеенкою; одежда эта очень мнѣ пригодилась послѣ въ дождь и холодъ. Еще просилъ я навѣщать вдову и дочь Рылѣева. Назначенный часъ свиданія прошелъ, мы разстались въ полной надеждѣ на свиданіе, гдѣ и когда бы то ни было. Особенно благословилъ сына-младенца. Поспѣшными шагами воротился въ мой казематъ, воздухъ былъ горькій отъ дыму повсемѣстно горѣвшихъ лѣсовъ; солнце имѣло видъ раскаленнаго желѣзнаго круга.

Продолжались отправки моихъ товарищей, разжалованныхъ въ солдаты, въ дальнія крѣпости сибирскія. Для доставленія болѣе простора Петропавловской крѣ-

пости, гдѣ мы занимали не только казематы, но и казармы и часть лабораторіи и монетнаго двора, отправили изъ осужденныхъ въ каторжную работу въ Шлиссельбургскую крѣпость и по крѣпостямъ Аландскихъ островов.

Разрѣшено было для оставшихся въ Петропавловской крѣпости имѣть еженедѣльныя свиданія съ ближайшими родными; такимъ образомъ, до моей отправки имѣлъ я свиданіе съ женою по одному часу въ недѣлю.—Пріѣхалъ со мною видѣться и проститься братъ мой Отто, покинувъ свои поля во время жатвы, свои луга, лѣсъ въ пожарѣ и молодую жену въ слезахъ отъ смерти перворожденнаго сына; братъ скрылъ отъ меня свое горе, только сочувствовалъ мнѣ и, противъ привычки своей, въ цѣлый часъ бесѣды не сказалъ ни единаго остраго слова, ни одной шутки. Съ нимъ былъ и младшій братъ мой Юлій, кадетъ 1-го кадетскаго корпуса, который горько плакалъ, и между прочимъ жалѣлъ, что осужденіе мое отняло у меня всякую возможность и всякое право на заслуженіе Георгіевскаго креста. Также навѣстилъ меня П. Ф. Малиновскій, и растрогалъ меня, напомнивъ, какъ онъ всегда желалъ и надѣялся, что я съ женою сбережемъ его старость, закроемъ ему глаза въ послѣднюю минуту жизни.—Лишь только распространилась вѣсть объ осужденіи государственныхъ преступниковъ, какъ добрѣйшая тетка А. А. Самборская и юная свояченица моя Марья Васильевна Малиновская изъ Харькова, денно и нощно, на почтовыхъ, поспѣшили къ женѣ моей. Пріѣздъ ихъ былъ истиннымъ для меня утѣшеніемъ; сестра жены моей лучше всѣхъ умѣла ее утѣшать и ободрять. Мнѣ чрезвычайно отрадно было съ ними увидѣться, и въ случаѣ неожиданной отправки, успокоила меня мысль, что жена моя и сынъ мой имѣютъ въ нихъ лучшихъ друзей.

Минулъ цѣлый годъ заточенія въ крѣпости. Зимою, послѣ первой отправки въ Сибирь, опорожненные нумера въ казематахъ были заняты новыми арестантами поляками, имѣвшими свѣдѣнія о тайномъ обществѣ въ Россіи. Они хорошо и лучше насъ повели свое дѣло, умѣли скрыть дѣйствія польскаго общества, и только нѣсколько человѣкъ, въ числѣ ихъ Графъ Мошинскій, Крыжановскій, Янушкевичъ, были сосланы въ Сибирь. Противъ моего нумера, на мѣстѣ отправленнаго Николая Бобрищева-Пушкина, былъ помѣщенъ полковникъ Ворцель. Онъ еще ничего не зналъ объ участи осужденныхъ; какъ будто напѣвая для себя французскую пѣсню, онъ спрашивалъ меня о трехъ лицахъ; нараспѣвъ долженъ былъ я отвѣтить ему о двухъ, что они повѣшены—Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ и Бестужевъ-Рюминъ, о третьемъ, что отправленъ въ Нерчинскіе рудники—С. Гр. Волковскій.

Послѣ 1827 года возобновились отправки въ Сибирь, все чрезъ день по четыре человѣка, въ сопровожденіи фельдъегеря и четырехъ жандармовъ. Чемоданъ былъ готовъ; шуринъ мой И. В. Малиновскій пріѣхалъ въ Петербургъ, и увидѣвъ на Исакіевскомъ мосту разносчика, продававшаго мѣхъ изъ молодыхъ оленей, купилъ его, а жена моя велѣла сшить изъ него сюртукъ, мѣхомъ наружу на ватѣ, подкладкою изъ ея шелковаго капота. Одежда эта была легкая, теплая и красивая; такая же была у двухъ братьевъ Н. и А. Муравьевыхъ и у Рѣпина. Сверхъ этого сюртука прислали мнѣ еще шубу, съ которою можно было выдержать любой морозъ. 3-го февраля, въ день ангела жены моей, былъ очередной день нашего свиданія и послѣднее прощаніе въ крѣпости. Я зналъ это потому, что въ этотъ день отправили Нарышкина, Лорера и двухъ братьевъ А. и П. Бѣляевыхъ; за ними слѣдовала очередь моя. Предупредивъ жену, снова упросилъ ее не слѣдовать за мною, пока сынъ мой не укрѣ-

пится послѣ прорѣзыванія зубковъ, пока не заговоритъ, не будетъ твердъ на ногахъ, чтобы могъ перенести и дальній путь и неизвѣстное житье. Тогда мы еще не имѣли достовѣрности, что строжайше запрещено было матерямъ взять съ собою дѣтей своихъ. Я представилъ ей, какъ необходимо для моего здоровья быть на свѣжемъ воздухѣ, что часовое свиданіе, разъ въ недѣлю, не можетъ для нее быть отраднымъ, когда видитъ, какъ заточеніе уноситъ тѣлесное здоровье. Дѣйствительно, съ наступленіемъ зимы, когда прекратились наши рѣдкія минутныя прогулки, когда скудная лампада съ поплавкомъ едва позволяла читать нѣсколько минутъ сряду, безъ особеннаго напряженія зрѣнія; когда желѣзныя печки съ жестяными трубами, по неосторожности или сонливости сторожей, прожигали рукавицу или засаленную тряпку, отчего испорченный воздухъ портился еще болѣе, что испытывали и прежніе обитатели казематовъ, почувствовалъ я медленное, но постоянное убавленіе силъ. Все, что можно было сказать женѣ моей въ присутствіи адъютанта, было ей сказано; въ принятіи денегъ отказался вторично. Позволено было каждому имѣть не болѣе девяноста пяти рублей ассигнаціями, и то не на своихъ рукахъ, а подъ храненіемъ фельдъегеря. Мы другъ друга благословили, она передала мнѣ іерусалимскій деревянный крестъ, бывшій на груди ея и на груди сына. Сына моего въ тотъ день невозможно было привести ко мнѣ, по случаю сильнаго мороза и золотушной сыпи, выступившей на лицѣ его. Вѣроятно плацъ - адъютантъ Николаевъ охотно продолжилъ бы послѣднее свиданіе, но это не облегчило бы разставанія. Мать сама кормила грудью сына, онъ вѣрно плакалъ о ней. Съ молитвою простились, и разстались съ крѣпкою надеждою на свиданіе.

Наконецъ 5-го февраля долѣе обыкновеннаго просидѣлъ у меня плацъ-адъютантъ и предупредилъ меня, что ночью придетъ за мною для отправки въ путь. Недолго было мнѣ сложить и уложить несложную одежду, бѣлье и нѣсколько книгъ. Зимою всѣхъ насъ отправляли около полуночи. Я имѣлъ часокъ, наединѣ, поручить себя и всѣхъ мнѣ дорогихъ и любезныхъ вселюбящему Господу. Куранты прозвонили въ 11 часовъ монотонную свою мелодію; я желалъ, чтобы это было въ послѣдній разъ для меня, для всѣхъ заточенныхъ. Соколовъ поспѣшно отперъ замокъ, раздвинулъ задвижки; я успѣлъ обнять его до входа плацъ-адъютанта, съ которымъ поѣхалъ въ комендантскій домъ. У крыльца стояли пять троекъ. Лишь только вошелъ въ комнату, какъ привели туда трехъ моихъ товарищей: Н. П. Рѣпина, М. Н. Глѣбова и М. К. Кюхельбекера, съ которыми я былъ въ одномъ разрядѣ. Мы дружно обнялись. У насъ была своя теплая одежда, только Кюхельбекеръ стоялъ въ фризовой шинели, что заставило меня придумать, какую одежду уступить ему изъ моей. Когда спросилъ его, имѣетъ ли что нибудь потеплѣе этой шинели, онъ распахнулъ ее и съ улыбкою показалъ мнѣ славный калмыцкій тулупъ. Въ той же комнатѣ были плацъ-маіоръ, два плацъ-адъютанта, фельдъегеръ и, прислонясь къ печкѣ, стоялъ въ черномъ фракѣ доктор, тотъ самый, который въ первый день моего арестованія въ крѣпости пришелъ освѣдомиться о первой проведенной ночи; на карнизѣ печки стояли склянки. Николаевъ сказалъ мнѣ, что докторъ присутствуетъ при каждой отправкѣ, чтобы подать помощь въ случаѣ обморока или особеннаго припадка. Для насъ онъ оставался зрителемъ. Среди нашей живой бесѣды вошелъ почтенный комендантъ генералъ-адъютантъ Сукинъ, за нимъ фейерверкеръ съ поднятою полою шинели. Комендантъ объявилъ намъ, что, по приказанію госу-

даря императора, отправляетъ насъ въ Сибирь въ желѣзахъ; съ послѣднимъ словомъ фейерверкеръ, позади стоявшій, опустилъ поднятый уголъ шинели, и объ полъ брякнулись четыре пары кандаловъ. Обручи вокругъ ноги были складные, ихъ надѣли, заперли замками, ключи передали фельдъегерю. Мы вышли, Рѣпинъ замѣтилъ, что такія шпоры слишкомъ громко побрякиваютъ; по лѣстницѣ трудно было спуститься, я держался за перила, товарищъ споткнулся и едва не упалъ; тогда плацъ-маіоръ подалъ намъ красные шнурки, коими завязываютъ пучки перьевъ. Одинъ конецъ шнурка привязали за кольцо, между двухколѣнчатыхъ кандаловъ, а другой конецъ съ поднятыми желѣзами—вокругъ пояса; такимъ образомъ могли мы двигаться живѣе и дѣлать шаги въ полъаршина. Услужливые жандармы встрѣтили насъ у крыльца, посадили по одиночкѣ въ сани, и мы тронулись въ дальвій путь, въ дальніе снѣга..

Свѣтъ луны и ярко горящихъ звѣздъ освѣщалъ нашу дорогу. Тихою рысью переѣхали Неву. Я все глядѣлъ на сторону Васильевскаго острова, благословлялъ жену и сына. Я зналъ, что жена въ эту минуту стояла на молитвѣ; она, извѣщая отца моего о моей отправкѣ и припоминая эту свѣтлую, звѣздную ночь, написала ему слова Паскаля: «Il n'y a rien de plus beau dans le monde que le ciel étoilé et le sentiment du devoir dans le coeur de l'homme». Мы поднялись на другой берегъ Невы у Мраморнаго дворца, поворотили къ Литейной, оттуда чрезъ Офицерскую улицу на Невскій проспектъ, мимо Александро-Невской лавры къ Шлиссельбургской заставѣ. Мало видѣли домовъ освѣщенныхъ, улицы въ ночное время были пусты, только слышны были отклики будочниковъ и изрѣдка встрѣчались запоздалые praзднователи масленицы. У заставы остановились, фельдъегерь вошелъ въ караульню; пока ямщики развязывали язычки колокольчиковъ, часовой возвысилъ шлагбаумъ, и удалыя тройки помчали насъ, измученныхъ долгимъ сидѣніемъ въ крѣпости. Морозъ безъ вѣтра освѣжилъ насъ; ямщики старались прокатить насъ на славу, приговаривая: «Масленица! соколики! гните ножки по бѣленькой дорожкѣ!»—и въ часъ достигли первой станціи. Въ нѣсколько минутъ были готовы другія тройки; на станціяхъ знали напередъ очередь нашихъ отправокъ чрезъ день; усердные ямщики заботливо обвертывали ноги наши сухимъ сѣномъ, чтобы имъ не холодно было отъ желѣза На этой станціи нѣсколько родственниковъ и друзей пріѣзжали еще проститься съ изгнанниками; П. Н. Мысловскій предупреждалъ объ очереди отправляющихся. Дм. А. Чистяковъ, почтенный знакомецъ въ семействѣ моей жены, вызвался самъ, чтобы ожидать меня на станціи и передать мнѣ деньги, но жена моя отказала ему въ исполненіи, знавъ напередъ, что я не соглашусь подвергнуть кого либо отвѣтственности по такому дѣлу. Благородный генералъ Кошкуль открыто помогъ старому другу въ Новой Ладогѣ во время проѣзда. Съ безпокойнымъ чувствомъ, съ мрачными думами приближался къ Шлиссельбургу; опасался, чтобы не оставили насъ въ его стѣнахъ; я зналъ, что нѣсколько человѣкъ изъ моихъ товарищей содержались тамъ послѣ приговора, а, право, нѣтъ ничего хуже, какъ сидѣть въ крѣпости. Тройки повернули вправо къ селенію—и я перекрестился. Перемѣнили коней, поскакали далѣе; еще виднѣлись стѣны, бывшія свидѣтелями храбрости русскихъ воиновъ, когда штурмовали ихъ противъ шведовъ. При штурмѣ, на бѣду, лѣстницы оказались короткими; пылкій Петръ, увидѣвъ невозможность, приказалъ отступить. «Скажи Петру»,—отвѣтилъ начальникъ атаки, князь Голицынъ, посланному,—«что я теперь принадлежу не ему, а Господу Богу'

впередъ, ребята!»,—взобрался самъ на плечи солдата, стоявшаго на высшей перекладкѣ, первый былъ на валу,—и крѣпость была взята.

Мы мчались чрезъ Тихвинъ, Устюжну, Мологу; гдѣ обѣдали, гдѣ ужинали, тамъ находили готовые блины и стерляжью уху, не хуже демьяновой, которая въ нѣсколько разъ прiѣлась намъ, какъ бѣдному Фокѣ, только не отъ потчиванiя хозяевъ, но отъ безпрестаннаго повторенiя одной и той же ухи, отъ жирнаго навара, такъ что за Костромою, на первой недѣлѣ поста, предпочелъ ухѣ квасъ съ тертымъ хрѣномъ, холодную похлебку, согрѣвающую лучше горячаго бульона. Около полуночи прiѣхали въ Рыбинскъ, гдѣ, въ первый разъ по выѣздѣ изъ столицы, собрались отдохнуть нѣсколько часовъ; на станцiи были двѣ комнаты; въ первой стояли столы и стулья, вторая, съ диванами, была занята проѣзжающими. Усталость требовала отдыха; мы расположились лечь на полъ, какъ вышелъ изъ задней комнаты заслуженный морякъ съ Георгiевскимъ крестомъ, въ сопровожденiи двухъ заспавшихся отроковъ, державшихъ въ рукахъ по подушкѣ и по узлу. Мы извинились, что, вѣроятно, неловкими шпорами нашими помѣшали имъ отдохнуть. «Прошу васъ, господа»,—отвѣтилъ проѣзжающiй,—«помѣняться со мною комнатами; въ моей теплѣе и есть диваны, тамъ вы лучше отдохнете. Вашъ путь далекъ, мой близокъ—до Петербурга». Незнакомецъ ѣхалъ для опредѣленiя сыновей въ морской кадетскiй корпусъ; онъ, на самомъ дѣлѣ, далъ добрый урокъ своимъ дѣтямъ. Тутъ имѣлъ я первый случай, изъ множества послѣдовавшихъ случаевъ, убѣдиться въ истинѣ, что несчастье человѣка есть чинъ выше генеральскаго или тайнаго совѣтника, для которыхъ отставной морякъ не уступилъ бы своей комнаты на станцiи.

Въ воскресенье къ раннему обѣду прiѣхали въ Ярославль; остановились на площади въ гостиницѣ, гдѣ на станцiи перемѣнили лошадей. На площади никого не было, народъ послѣ обѣдни обѣдалъ или отдыхалъ, или катался на Волгѣ. Пока намъ накрыли на столъ, ходилъ я взадъ и впередъ по комнатѣ, и послышалось мнѣ, будто кто-то нѣжною рукою стучитъ въ боковую дверь; я подошелъ—женскiй голосъ спросилъ: «здѣсь ли И. Д. Якушкинъ? гдѣ онъ? скоро ли будетъ?»—То была жена его и почтенная, умная теща его, Н. Н. Шереметьева. На вопросы ихъ ничего не могъ отвѣчать, только зналъ, что Якушкина давно перевезли изъ крѣпости въ другую, на финляндскiя острова. Онѣ уже давно жили въ этой гостиницѣ и напрасно ждали мѣсяцъ и болѣе, потому что его не прежде лѣта отправили въ Сибирь. Пока мы обѣдали, народъ сталъ собираться на площади; въ четверть часа такъ набилась она, что если бы бросить яблоко сверху, то оно не упало бы на снѣгъ, а легло бы на шапку или на плечо. Кони наши стояли внутри двора, ворота были заперты; сверхъ того, два жандарма стояли съ наружной стороны съ голыми саблями. Въ корридорѣ встрѣтили насъ Шереметьева и Якушкина, благословили насъ образками на дорогу. Когда мы сошли съ лѣстницы, то фельдъегерь грозно прикрикнулъ: «Тройка фельдъегерская впередъ! Жандармы, смотри, не отставать отъ меня!»; во дворѣ мы усѣлись въ сани. Какъ только часовые отперли ворота, то мы стрѣлой пустились чрезъ площадь, по узкому промежутку между безчисленнымъ народомъ; едва я успѣлъ снять шапку и поклониться народу, какъ въ мигъ всѣ съ поклономъ сняли шапки и фуражки. Кони помчали прямо чрезъ Волгу. Въ Читѣ разсказывалъ мнѣ товарищъ мой П. В. Абрамовъ,

слѣдовавшій также чрезъ Ярославль шестью днями раньше меня, что площадь также покрыта была народомъ, что онъ хотѣлъ снять шапку, но она была у него такъ крѣпко подвязана подъ подбородкомъ, что онъ не могъ ее снять, и вмѣсто того знаменіемъ креста благословилъ народъ на обѣ стороны; народъ поклонился, и слышны были возгласы: «Господи! и митрополита везутъ въ Сибирь!».

Особенное чувство наполняетъ мою душу, когда вижу многочисленное собраніе народа—въ церкви ли онъ стоитъ или зрителемъ на парадѣ, или дѣйствователемъ на пожарѣ и при наводненіи, или на гуляньѣ въ праздникъ, все равно,—все тѣснится въ душѣ мысль одна, но грустная, о странной его долѣ, о томъ, что онъ давно уже достоинъ лучшаго жребія. Печальное раздумье отклоняется только упованіемъ на всемогущаго Бога и внимательнымъ взглядомъ на отдѣльное лицо русскаго человѣка, у котораго взоръ и каждая черта лица твердятъ, что онъ рожденъ къ просторному развитію умственной и тѣлесной дѣятельности. Богъ наградитъ его за терпѣніе и за послушаніе, которое, при хорошемъ государственномъ устройствѣ, есть главная сила и главное условіе къ достиженію всего полезнаго и истинно великаго. Когда свѣтъ христіанской вѣры еще не озарялъ земли, то правители-язычники и идолопоклонники дѣлились съ народами своими, давали имъ права, уважали ихъ. Периклъ, управляя буйными аѳинянами, когда выходилъ изъ своего дворца, чтобы произнести публичную рѣчь, каждый разъ молилъ боговъ напоминать ему, что онъ будетъ говорить съ людьми свободными, и внушить ему все полезное народу. Правители-христіане слѣдуютъ ли этому примѣру? А, кажется, имъ было бы легче молить единаго Бога, чѣмъ Периклу всѣхъ боговъ миѳологіи.

Насъ мчали, дѣйствительно, по-фельдъегерски. Скакали день и ночь; въ саняхъ дремать было неловко; ночевать въ кандалахъ и въ одеждѣ было неспокойно; потому дремали на станціяхъ по нѣскольку минутъ во время перепряжки. Быстрая ѣзда какъ-то меньше утомляетъ Кострома, Макарьевъ, Котельничъ, Вятка, Глазовъ, Пермь, Кунгуръ, Екатеринбургъ, Камышловъ, Тюмень только мелькнули на нашемъ пути. Въ Глазовѣ ночевали, и на нѣсколько минутъ отомкнули желѣза, чтобы можно было перемѣнить бѣлье. Кажется, въ нашъ вѣкъ всѣ заразились наживаніемъ денегъ, отъ министра до поденщика, отъ полководца до фурлейта, отъ писателя до писаря, почему же и фельдъегерю не накоплять себѣ капиталецъ?—и нашъ проводникъ былъ достойный сынъ вѣка, и вотъ какимъ образомъ наполнялъ свой бумажникъ благопрі обрѣтенными деньгами. Отъ Тихвина онъ бралъ только четыре тройки, меня пригласилъ ѣхать съ нимъ, а моего жандарма посадилъ въ другіе сани, такъ-то прогоны на тройку за 3.000 верстъ остались въ его карманѣ; этимъ средствомъ онъ никого не обижалъ: ни старосты, ни ямщиковъ, ни почтовыхъ лошадей, потому что не тяжело везти одной тройкѣ одного моего товарища съ двумя жандармами; даже предъ казною былъ онъ правъ: она ему отпустила сумму опредѣленную, лишь бы довезъ арестантовъ. Но онъ не довольствовался сотнями рублей, онъ лучше умѣлъ устроить свои дѣла: лишь только кони готовы, онъ грозно спрашивалъ у старосты: «Много ли тебѣ слѣдуетъ получить прогонныхъ денегъ?»; если тотъ потребуетъ только половину, то приказываетъ фельдъегерской тройкѣ ѣхать позади, а жандармамъ ѣхать впереди. Въ такомъ порядкѣ мы ѣхали полною рысью; на иныхъ станціяхъ потише; тогда сосѣдъ мой дремалъ или притворялся спящимъ, и мы ѣхали разумно и благополучно, и довольно быстро. Если же староста требовалъ прогоновъ три четверти или сполна,

то гремѣлъ приказъ: «Фельдъегерская тройка впередъ! жандармы, не отставайте!»— и тутъ хоть попадись намъ рысаки Орлова, онъ заставитъ ихъ скакать во весь карьеръ; только и дѣло до слѣдующей станціи, что тычетъ саблею ямщика: «пошелъ! да пошелъ! ты огородникъ, а не ямщикъ! ты мертвыхъ возишь, а не фельдъегеря!». Случалось мнѣ рукавомъ шубы закрывать себѣ ротъ и носъ; быстрота ѣзды захватывала дыханіе. При такихъ продѣлкахъ пало у насъ семь лошадей до Тобольска. Я его упрашивалъ; однажды бранилъ его, когда ямщикъ такою продѣлкою лишился любимой лошадки своей, лѣвой пристяжной, сѣрой масти, и съ рыданіями обрѣзалъ постромки. Я хотѣлъ, чтобы онъ далъ ему на станціи расписку, по коей хозяинъ лошади получилъ бы 20 рублей серебромъ, хотя павшій конь его стоилъ вдвое дороже.—«Помилуйте! какъ вы можете просить за мошенника и жалѣть его? Онъ, бестія, нарочно запрягъ мнѣ больную или старую лошаденку; это старая замашка этихъ бездѣльниковъ; они меня не проведутъ!»—былъ отвѣтъ на всѣ мои просьбы и увѣщанія. На нѣсколькихъ станціяхъ татарскихъ и по сторонамъ Тюмени, надули молодца; брали полное число прогоновъ до послѣдней копейки, и возили такъ, что нельзя было придраться. Зато лишь только подъѣзжали къ станціи, то десятокъ ямщиковъ у подъѣзда подымали насъ изъ саней, чтобы конямъ не дать постоять ни полминуты, сами толкали сани съ мѣста и потомъ проваживали по цѣлому часу. Съ торжествомъ и съ улыбкою поглядывали на фельдъегеря, приговаривая: «Ничего, бачка! ничего, доѣдемъ; кони наши легки и быстры, какъ вѣтеръ».

22 февраля, рано утромъ, пріѣхали въ Тобольскъ; остановились у дома полицеймейстера, гдѣ встрѣтилъ насъ квартальный надзиратель, просилъ не выходить изъ саней и преучтиво провелъ насъ въ съѣзжій домъ. Мы удивились вмѣстѣ и вѣжливому пріему, и отводу подобнаго помѣщенія; «Итакъ, пришлось намъ побывать и въ полицейскомъ съѣзжемъ домѣ»,—замѣтилъ я Рѣпину, который смѣялся и острилъ. Между тѣмъ, почтовыхъ троекъ не отпустили, чемодановъ не вынимали, и вскорѣ разрѣшилась загадка. Мы ѣхали такъ скоро, что нагнали товарищей, отправленныхъ изъ Петербурга двумя днями раньше насъ; пока ихъ снарядили въ дальнѣйшій путь, насъ помѣстили въ полиціи, откуда чрезъ часъ перевезли въ домъ къ полицеймейстеру Алексѣеву, гдѣ намъ дали два дня отдыху, гдѣ насъ помѣстили въ его гостиныхъ и угостили какъ невозможно лучше на счетъ гражданскаго губернатора Бантыша-Каменскаго. Помню, что къ завтраку подали двѣнадцать родовъ различной рыбы, во всѣхъ видахъ, съ обильныхъ рѣкъ сибирскихъ, и сушеную, и вяленую, и соленую, и печеную, и жареную, и вареную, и маринованную. Отдыхъ былъ намъ нуженъ, и мы славно отдохнули. На третій день поутру отправили насъ въ дорогу, вмѣсто фельдъегеря дали въ проводники засѣдателя курганскаго окружного суда, И. М. Герасимова, бывшаго аудитора 15-й пѣхотной дивизіи барона графа В. Розена, удаленнаго изъ гвардіи послѣ семеновскаго возстанія; вмѣсто почтовыхъ лошадей давали обывательскихъ. Передъ самымъ выѣздомъ изъ Тобольска повезли насъ къ губернатору, который принялъ насъ вѣжливо, спросилъ, какъ здоровье наше переноситъ дальнюю ѣзду послѣ заточенія въ крѣпости? не нуждаемся ли въ чемъ? Потомъ, съ участіемъ образованнаго и честнаго главнаго начальника простившись съ нами и, обратившись къ Герасимову, сказалъ ему: «Они ваши арестанты, но обращайтесь съ ними, какъ съ людьми благородными».

Мы слѣдовали по главной дорогѣ, которая только одна и есть по всей Сибири

съ почтовыми станціями и съ прилежащими къ нимъ селами и деревнями, хотя огромныя пространства на югѣ этой страны гораздо болѣе населены. Города, по причинѣ малаго населенія всего края, отстоятъ одинъ отъ другого на сотни верстъ, нерѣдко на 400 верстъ. Въ Тарѣ мы не могли воспользоваться гостепріимствомъ городничаго Степанова, кавказскаго офицера временъ Ермолова, потому что ночью проѣхали городъ; но я узналъ послѣ отъ товарищей, что этотъ городничій принималъ ихъ у себя отлично хорошо, особенно отправленныхъ вскорѣ послѣ приговора; на своей квартирѣ предлагалъ не только отдыхъ, хлѣбъ-соль, но предлагалъ и бумажникъ свой. Однажды силою остановилъ онъ фельдъегеря, который поневолѣ покорился, потому что Степановъ объявилъ о себѣ, что онъ Николай I въ Тарѣ. Добрый человѣкъ не избѣгнулъ доноса; но отдѣлался благополучно, отвѣтивъ, что онъ такъ поступалъ по чувству состраданія и по предписанію евангельскому. Обывательскихъ лошадей перемѣняли въ волостныхъ правленіяхъ, гдѣ не разъ заставали мірскія сходки и удивлялись и радовались расторопному и умному ходу дѣлъ, ясному и простому изложенію мнѣній умныхъ мужиковъ. На ночлеги, или во время обѣда и ужина, останавливались въ чистыхъ и опрятныхъ избахъ, гдѣ хозяева радушно насъ угощали и ни за что не хотѣли платы. Вообще о Сибири и ея жителяхъ разскажу подробнѣе въ своемъ мѣстѣ, когда на обратномъ пути короче познакомился съ ними лѣтомъ. Здѣсь упомяну только о благотворительности сибиряковъ. Въ извѣстные дни и близъ мѣстъ, назначенныхъ для приваловъ ссыльныхъ, встрѣчалъ я толпу обывателей, на саняхъ и пѣшихъ, стоявшую при дорогѣ подъ открытымъ небомъ, вопреки морозу.—«Что эти люди тутъ дѣлаютъ?», спросилъ я ямщика.—«Они собрались изъ ближнихъ деревень и дожидаются партій *несчастныхъ*» (такъ въ Сибири называютъ ссыльныхъ), чтобы богатымъ продать, а бѣднымъ подарить пироги, булки, съѣстное, теплую обувь и что Богъ послалъ. Они знаютъ назначенные дни, въ которые слѣдуютъ ссыльные по этапамъ, дважды въ недѣлю, и соблюдаютъ между собою очередь; отъ нихъ узналъ я, что этотъ обычай ведется давно, по наставленію ссыльныхъ родителей и дѣдовъ. Повсемѣстно отъ Тобольска до читинскаго острога принимали насъ отлично и усердно, навязывали будки на сани, укутывали насъ, чѣмъ могли, и провожали съ благословеніями; иные шопотомъ говорили: «Вы наши сенаторы, зачѣмъ покинули царя и Россію?».

Путь нашъ велъ чрезъ города Тару, Каинскъ, Колывань, Томскъ, Ачинскъ, Красноярскъ, Канскъ, Нижнеудинскъ, Иркутскъ; девять городовъ на разстояніи 3.000 верстъ. Въ Красноярскъ мы въѣхали на колесахъ: по мѣстности и по почвѣ тамъ весною не долго держится снѣгъ. Волнистыя горы, желтокрасноватаго цвѣта, сбросили снѣгъ, дорога пылилась. Главная улица обстроена хорошими каменными домами въ два этажа; насъ остановили на площади противъ полицейскаго дома, гдѣ долго спорили, гдѣ намъ отвести квартиру? Въ это время подошелъ старецъ къ полицеймейстеру и просилъ позволенія принять насъ у себя. Почтенный купецъ Старцевъ предоставилъ намъ свои парадныя комнаты въ верхнемъ этажѣ, по-европейски меблированныя; угостилъ насъ по-барски обѣдомъ и ужиномъ, а вечеромъ по русски славною банею. Представилъ намъ сыновей своихъ женатыхъ и невѣстокъ; мы имѣли съ нимъ пріятную бесѣду о новомъ для насъ краѣ. Я обрадовался, что случай привелъ меня къ нему, и надѣялся получить отъ него рѣшеніе загадки; но какъ ни старался я, все было напрасно, старецъ отговорился незнаніемъ. Дѣло было вотъ въ чемъ: отъ города

Тюмени ямщики и мужики спрашивали насъ: не встрѣтили ли мы, не видѣли ли мы Афанасія Петровича? разсказывали, что съ почтительностью повезли его въ Петербургъ тобольскій полицеймейстеръ Алексѣевъ и красноярскій купецъ Старцевъ, что онъ въ Тобольскѣ, остановившись для отдыха въ частномъ домѣ, замѣтилъ генералъ-губернатора Капцевича, стоявшаго въ другой комнатѣ у полуоткрытыхъ дверей, въ сюртукѣ безъ эполетъ (чтобы посмотрѣть на него), и спросилъ его: — «что Капцевичъ! Гатчинскій любимецъ! узнаешь ли меня»?—что онъ былъ очень старъ, но свѣжъ лицомъ и славно одѣтъ; что народъ различно толкуетъ: одни говорятъ, что онъ бояринъ, сосланный императоромъ Павломъ, другіе увѣряютъ, что онъ родной его. Хозяинъ мой вѣрно зналъ дѣло, но таилъ. На обратномъ пути моемъ я зашелъ къ нему, но уже не засталъ его въ живыхъ, а дѣти его ничего о томъ не знали. Достовѣрно только, что отецъ ихъ и Алексѣевъ отвезли эту таинственную особу въ столицу.

22 марта пріѣхали мы въ Иркутскъ, слѣдовательно, проѣхали другія 3.000 верстъ вдвое долѣе, чѣмъ первыя отъ Петербурга до Тобольска; зато не загнали ни одной лошади и ночевали почти каждую ночь. Въ Иркутскѣ имѣли мы дневку и очень худое и сырое помѣщеніе въ острогѣ. Здѣсь мы разстались пріятельски съ Герасимовымъ; дорогою на станціяхъ и ночлегахъ имѣли много забавныхъ бесѣдъ и похожденій и, не зная, за что онъ прозвалъ меня то глотомъ, то львомъ; тогда слово это не могло имѣть нынѣшняго значенія, а вѣроятно онъ понималъ его по-своему, и употреблялъ его каждый разъ, когда городскіе и путевые властители дѣлали ему прижимки за лошадей и за квартиры и мнѣ удавалось однимъ словомъ выручать его изъ бѣды. Въ Иркутскѣ дали намъ въ проводники казацкаго урядника; со второй станціи переѣхали Святое море или Байкальское озеро, 60 верстъ на однихъ и тѣхъ же лошадяхъ; ямщики имѣли въ саняхъ запасныя доски, чтобы въ случаѣ попадающихъ широкихъ прососовъ или трещинъ, устроить мостъ на льду. Чрезъ трещины шириною въ аршинъ кони перескакивали съ такою быстротою, что длинныя сани не прикасались воды. Вообще по всей Сибири кони необыкновенно сносны, быстры, хотя на видъ малорослы; они безъ всякой натуги проскакиваютъ до 80 верстъ безъ корму, безъ остановки. На другой берегъ мы выѣхали у посольскаго монастыря; всѣ прекраснѣйшіе виды, коими наслаждался послѣ, въ лѣтнее время, были завѣшаны бѣлымъ саваномъ, и томительное однообразіе бѣлаго покрывала только изрѣдка дорогою прерывалось селеніемъ. За двѣ станціи до читинскаго острога показались юрты кочующихъ бурятъ. На послѣдней станціи въ Ключевой вмѣсто саней запрягли повозки, потому что около Читы и самого острога почти никогда не бываетъ снѣгу; тамъ значительная большая возвышенность мѣста имѣетъ почти всегда ясное небо, а когда изрѣдка выпадетъ снѣгъ, то не скрѣпляется на песчаномъ грунтѣ, легкій вѣтерокъ уноситъ его въ долины въ нѣсколько часовъ; это не мѣшаетъ морозамъ доходить до 40°, такъ что ртуть замерзала въ термометрѣ, и тогда только по спиртовому термометру узнавали силу мороза.

29 марта ѣхалъ я послѣднюю станцію съ Глѣбовымъ въ крытой повозкѣ, ямщикъ былъ бурятъ, сбруя коней была веревочная съ узлами. На десятой верстѣ отъ станціи поднялись въ гору, показалась долина Читы, а тамъ небольшое селеніе на горѣ, окруженное горами. Мы спускались шагомъ; вдругъ лопнула шлея коренной лошади, лошади понесли, переломился деревянный шкворень—въ одинъ мигъ мы были выброшены изъ повозки: Глѣбовъ чрезъ правую пристяжную скатился на землю,

ямщикъ выбросился въ сторону, я повисъ правою ногою на оглоблѣ, лѣвою на постромкѣ и на шлеѣ лѣвой пристяжной и обѣими руками ухватился за гриву коренной. Въ такомъ положеніи кони таскали меня двѣ версты, пока впереди насъ ѣхавшіе Рѣпинъ, Кюхельбекеръ и ямщикъ ихъ, видѣвшіе снизу горы мое бѣдствіе, не остановили коней и не сняли меня; въ кандалахъ, запутавшихся въ тяжъ, я самъ себѣ помочь не могъ. Не только остался я невредимъ, но даже одежда моя не была нигдѣ ни замарана, ни изодрана. Я скатился, какъ на масляницѣ скатываются мальчишки, ложась брюхомъ на салазки, съ тою разницею, что вмѣсто салазокъ подо мною была оглобля и постромки, и кони могли легко избить меня въ кусочки. Съ горы стащили опрокинутую повозку безъ передка, вложили новый шкворень, и чрезъ часъ подвезли насъ къ острогу,—небольшому строенію, обведенному частоколомъ. Мы ожидали найти нѣсколько товарищей, отправленныхъ изъ крѣпости прежде насъ, но они были помѣщены въ другомъ временномъ острогѣ, который могъ помѣстить не болѣе 24 человѣкъ.

Насъ встрѣтили ротный командиръ сибирскаго линейнаго баталіона капитанъ Ивановъ, плацъ-адъютантъ П. А. Куломзинъ, комендантскій писарь и часовые. Въ двухъ комнатахъ, вокругъ стѣнъ устроены были нары. Капитанъ спросилъ, не имѣемъ ли при себѣ денегъ или драгоцѣнныхъ вещицъ, кои запрещены? Я разстегнулся, снялъ съ шеи шелковый шнурокъ, на коемъ висѣли большой медальонъ съ портретомъ жены моей, нѣсколько перстней памятныхъ и небольшой медальонъ съ волосами родителей моихъ и со щепоткою земли изъ родины. Когда я отдалъ эти вещи капитану, онъ замѣтилъ на пальцѣ моемъ золотое колечко. «Это что у тебя еще на пальцѣ?»—Обручальное кольцо—«Долой его!»—Я замѣтилъ ему самымъ вѣжливымъ образомъ, что, бывъ арестованъ въ Зимнемъ дворцѣ и потомъ посаженъ въ казематъ, я постоянно носилъ кольцо, что отбирали ордена, перстни, табакерки, но что обручальнаго кольца ни у кого не отнимали.—«Долой его! тебѣ говорю»— Тутъ я разсердился за такую не вызванную ничѣмъ грубость и отвѣтилъ:—«Возьмите его вмѣстѣ съ пальцемъ;—сложилъ руки на крестъ на грудь, прислонился къ печкѣ и ожидалъ развязки. Адъютантъ не далъ капитану времени вымолвить слово, сказалъ ему что-то на ухо, взялъ у него шнурокъ съ портретомъ и перстнями и вышелъ. Между тѣмъ писарь перебиралъ наши вещи и книги изъ чемодановъ, и все записывалъ. Чрезъ полчаса возвратился адъютантъ и, вручая мнѣ портретъ жены моей, сказалъ, что комендантъ позволилъ мнѣ носить обручальное кольцо и возвращаетъ мнѣ портретъ съ условіемъ, чтобы носилъ его не напоказъ, и что другія памятныя вещи будутъ сбережены. Такъ окончилась благополучно первая встрѣча въ Читѣ. Конечно я сдѣлалъ бы лучше, если бы отдалъ ему обручальное кольцо: всего лишившись, я могъ бы лишиться и этого или послѣ выпросить его у коменданта; но грубое обращеніе было невыносимо для меня, оно вызвало гнѣвъ. Послѣ того капитанъ Ивановъ, во все время пребыванія моего въ острогѣ, обходился со мною постоянно вѣжливо.

На другой день посѣтилъ насъ комендантъ нашъ генералъ-маіоръ Станиславъ Романовичъ Лепарскій, пожилой холостякъ, коренной кавалеристъ, командовавшій слишкомъ двадцать лѣтъ сѣверскимъ конно-егерскимъ полкомъ, котораго шефомъ былъ императоръ, бывъ еще великимъ княземъ. Когда въ полкахъ гвардіи случались непріятности между офицерами, вслѣдствіе коихъ приходилось пере-

вести ихъ въ другіе полки армейскіе, то такъ называемыхъ безпокойныхъ перемѣщали въ полкъ Лепарскаго, который умѣлъ обходиться со всѣми, умѣль житъ, не наживая себѣ личныхъ враговъ, и на печати своей вырѣзалъ елку съ надписью: «не перемѣняется». Хотя онъ полвѣка провелъ въ строевой службѣ въ манежахъ, на ученьяхъ и въ походахъ, но видно было, что онъ въ юности получилъ хорошее образованіе. Онъ былъ питомцемъ іезуитовъ въ Полоцкѣ, зналъ языкъ латинскій, свободно и правильно выражался и писалъ по-французски и по-нѣмецки, читалъ классическихъ писателей на этихъ языкахъ, но главное дѣло—онъ былъ вполнѣ честный человѣкъ и имѣлъ доброе сердце. Если кто изъ моихъ соузниковъ безусловно не согласится съ выраженнымъ мнѣніемъ моимъ, то дѣйствія Лепарскаго, о коихъ упомяну далѣе, докажутъ правдивость словъ моихъ. Старецъ съ участіемъ разспрашивалъ: какъ мы совершили дальній путь, не нуждаемся ли въ пособіи лекаря, и прибавилъ, что охотно будетъ содѣйствовать къ облегченію нашего жребія. Одежда моя невольно обратила на себя его вниманіе: я носилъ сюртукъ изъ шкуръ молодыхъ оленей, мѣхомъ наружу. «Вы только что успѣли пріѣхать въ Сибирь и уже успѣли завести себѣ одежду по здѣшнему климату и изъ здѣшнихъ мѣховъ; вѣрно, трудно было достать ихъ въ Петербургѣ?» Я объяснилъ, что близъ столицы Архангельская губернія изобилуетъ оленями; наконецъ просилъ у него позволенія писать къ женѣ моей, на что онъ положительно объявилъ, что всѣмъ намъ строжайше запрещено писать.

Мы не могли видѣться съ товарищами, прибывшими въ Читу прежде насъ; они жили въ другомъ временномъ острогѣ, также за частоколомъ; стража окружала насъ днемъ и ночью, а отъ вечерней до утренней зари запирали наши комнаты на замокъ. Чрезъ два дня пріѣхала къ намъ другая партія нашихъ: Лихаревъ, Кривцовъ, Тизенгаузенъ и Толстой. Послѣ нихъ чрезъ два дня еще Люблинскій, Выгодовскій, Лисовскій и Загорѣцкій, а за ними, черезъ два дня, фонъ-деръ-Бриггенъ, Ентальцевъ, Черкасовъ и И. Б. Абрамовъ 2-ой. Намъ было тѣсно, но не скучно; цѣпи наши не давали намъ много ходить, но по мѣрѣ того, какъ мы стали къ нимъ привыкать и пріучились лучше подвязывать ихъ на ремнѣ или вокругъ пояса, или вокругъ шеи на широкой тесьмѣ, то могли ходить въ нихъ даже скоро, даже вальсировать. Между домикомъ и частоколомъ было пространство въ двѣ сажени шириною, по коему прохаживались нѣсколько разъ въ день. Въ апрѣлѣ дни были довольно теплые, но ночи были холодныя. Въ концѣ мая оттаяла земля на столько, что можно было приняться за земляную работу. 24-го мая, поутру, насъ вывели съ вооруженнымъ конвоемъ на открытое, просторное мѣсто, гдѣ встрѣтили товарищей, приведенныхъ туда же изъ другого острога. Свиданіе было радостное, оно повторялось дважды въ день, по утру отъ 8-ми до 12 часовъ, а послѣ обѣда отъ 2-хъ до 5-ти часовъ. На площадкѣ лежали заступы, кирки, носилки и тачки. Первая наша работа началась тѣмъ, что мы сами вырыли фундаментъ къ новой нашей темницѣ и ровъ въ сажень глубины для частокола въ пять саженъ вышиною. Невольно припомнили, какъ швейцарцевъ заставили построить для самихъ себя крѣпость Цвингъ-Ури. Каждый день, кромѣ дней воскресныхъ и праздничныхъ, въ назначенный часъ, входилъ въ острогъ караульный унтеръ-офицеръ съ возгласомъ: «Господа! пожалуйте на работу!» Обыковенно выходили мы съ пѣснями хоровыми, работали по силамъ, безъ принужденія: этимъ снисхожденіемъ были мы обязаны нашему коменданту, который,

имѣвъ свою инструкцію, въ коей было предписано, чтобы употребить насъ въ работу безпощадно, умѣлъ представить, что мы послѣ продолжительнаго путешествія, послѣ долговременнаго содержанія въ крѣпости, не въ состояніи совершать усиленную работу,—что между нами есть люди пожилые, и слабаго здоровья, и раненые; онъ получилъ изъ Петербурга разрѣшеніе за подписью А. Х. Бенкендорфа поступить относительно работъ по своему соображенію.

Глава девятая.

Пребыванiе въ Читѣ

Чита.—А. Г. Муравьева.—Е. П. Нарышкина.—А. В. Ентальцева.—Е. И. Трубецкая.—М. Н. Волконская.—Острогъ.—Работа—Академiя.—Музыка.—Снятiе желѣзъ.—Н. Д. Фонвизина.—А. И. Давыдова.—П. Г. Анненкова.—Сухиновъ и попытка къ освобожденiю.

Въ концѣ мая зазеленѣлись горы и луга. Читинскiй острогъ, бывшiй этапъ или мѣсто ночлега для проходящихъ партiй ссыльныхъ въ каторгу, въ небольшомъ селенiи — съ ветхою деревянною церковью, съ двадцатью дворами горнозаводскихъ крестьянъ, съ домомъ обергиттенфервальтера Смолянинова, съ небольшимъ хлѣбнымъ магазиномъ, съ амбаромъ для складки угольевъ,—находится между Байкальскими и Нерчинскими горами, на почтовой дорогѣ, ведущей въ Нерчинскъ, на возвышенной мѣстности, окруженной съ двухъ сторонъ высокими горами. Рѣчка Чита изливается въ виду селенiя въ рѣку Ингоду и образуетъ прелестную долину. Съ сѣверной стороны видно озеро Ононское; на берегахъ его дневалъ Чинхисъ-Ханъ, совершалъ судъ и расправу на походѣ изъ Китая въ Россiю. Преданiе мѣстное устное гласитъ, что въ огромныхъ котлахъ кипятили воду или растопляли смолу и обваривали и судили непокорныхъ монголовъ. Потомки монголовъ, буряты, еще теперь кочуютъ въ окрестностяхъ Читы, изобилующихъ травами и водами: они кочуютъ съ войлочными юртами или палатками, днемъ всегда на конѣ съ ружьемъ, также съ лукомъ и стрѣлами, для сбереженiя пороха. Часть бурятъ становится осѣдлою, занимается успѣшно хлѣбопашествомъ и не хуже миланцевъ орошаетъ свои поля посредствомъ искусно прорытыхъ канавъ и проведенныхъ бороздъ, по направленiю теченiя горныхъ истоковъ. Наклонная мѣстность и паденiе воды указываютъ сами вѣрнѣйшее нивеллированiе. Возвышенная мѣстность Читы хотя увеличивала силу морозовъ, доходившихъ до 37-и по спиртовому термометру, но вмѣстѣ съ тѣмъ способствовала къ очищенiю воздуха. Небо почти всегда было ясное, кромѣ августа мѣсяца, когда по нѣскольку дней сряду громъ гремѣлъ безпрерывно, за коимъ слѣдовалъ дождь проливной, начинавшiйся необыкновенно крупными каплями. Гористая мѣстность раздавала и продолжала такой грохотъ, такiе раскаты, какiе послѣ Читы случалось мнѣ слышать только на Кавказѣ. Послѣ сильнѣйшихъ дождей въ нѣсколько часовъ, улицы были сухи: вода повсюду имѣла стокъ. Еще примѣчательна была сила электричества въ воздухѣ:

малѣйшее прикосновеніе къ суконному платью или шерстяному платку извлекало искры, производило трескъ.

Вообще климатъ былъ самый здоровый; растительная сила была неимовѣрная, оттого въ пять недѣль, отъ іюня, когда прекращались ночные морозы, до половины іюля, когда начинались осенніе морозы, поспѣвали хлѣбъ и овощи. Изъ различныхъ породъ овощей почти всѣ были неизвѣстны за Байкаломъ; сажали и сѣяли только капусту и лукъ Товарищъ нашъ А. В. Поджіо первый возрастилъ въ оградѣ нашего острога огурцы на простыхъ грядкахъ, а арбузы, дыни, спаржу и цвѣтную капусту и колораби—въ парникахъ, прислоненныхъ къ южной стѣнѣ острога. Жители съ тѣхъ поръ съ удовольствіемъ стали сажать огурцы и употреблять ихъ въ пищу. Долина Читинская знаменита своею флорою, почему и называется садомъ или цвѣтникомъ Сибири. Формы цвѣтовъ изумительны; разнообразіе лилій «арисъ», вообще луковичныхъ растеній, безчисленно; цвѣта такъ ярки и блестящи, что наши сосѣди китайцы, вѣроятно по этимъ цвѣтамъ составляли свои краски.

Жители Читы были малочисленны и бѣдны, какъ всѣ заводскіе крестьяне: въ двадцати хатахъ жили они хлѣбопашествомъ и рыбнымъ промысломъ изъ рѣки Ингоды и озера Ононскаго, изобилующаго особенно жирными и большими карасями. Обязанность и заводская работа крестьянъ заключалась въ выжиганіи угля и въ доставкѣ его въ Нерчинскіе рудники. Мѣстнымъ ихъ начальникомъ былъ горный чиновникъ Смоляниновъ, который въ первые четыре мѣсяца нашего пребыванія доставлялъ намъ пищу на собственныя наши деньги; казна отпускала намъ провіантъ и по двѣ копѣйки мѣди въ сутки на человѣка. Въ три съ половиною года нашего пребыванія въ Читѣ, этотъ старинный острогъ получилъ другой видъ отъ многихъ новыхъ построекъ и отъ новыхъ жильцовъ бездомныхъ. Сначала было нашихъ всего тридцать человѣкъ въ Читѣ. Восемь товарищей, которыхъ я назвалъ выше, были отправлены тотчасъ послѣ приговора въ Нерчинскіе рудники въ подземныя работы, а остальныхъ держали въ крѣпостяхъ Шлиссельбургской и Аландскихъ острововъ, откуда всѣ прибыли къ намъ въ августѣ, когда окончилась постройка новаго временнаго острога, который могъ насъ всѣхъ помѣстить, хотя и тѣснѣйшимъ образомъ. До общаго соединенія подъ общею крышею, жили мы, напередъ прибывшіе въ Читу, въ двухъ крестьянскихъ домахъ, обведенныхъ частоколами, и сходились съ товарищами другого острога только во время работы. Когда вырыли фундаменты для новой тюрьмы и частокола, то начали заливать глубокій и широкій оврагъ подлѣ самой почтовой дороги; промоины грозили перерѣзать всю дорогу отъ стока горныхъ водъ. Въ нѣсколько дней вода уносила работу цѣлаго лѣта, такъ что въ слѣдующемъ году принуждены были устроить плотину бревенчатую, которая удержала нашу насыпь изъ песку и земли. Эту часть оврага мы прозвали «Чортовой Могилой». Книгъ было у насъ сначала очень мало, строжайше было намъ запрещено имѣть чернила и бумагу; зато бесѣда не прекращалась; впослѣдствіи составился хоръ отличныхъ пѣвцовъ. Въ первоначальномъ маленькомъ кругу нашемъ развлекали насъ шахматы и пѣсни С. И. Кривцова, питомца Песталоцци и Фелленберга; бывало запоетъ: «Я вкругъ бочки хожу»,—то Ентальцевъ въ восторгѣ восклицаетъ: «Кто повѣритъ, что онъ въ кандалахъ и въ острогѣ»?—а Кюхельбекеръ дразнилъ его, что Песталоцци хорошо научилъ его пѣть русскія пѣсни. Черезъ часовыхъ и сторожей могли бы достать карты, но, по общему соглашенію, положили и сдержали слово,—не играть

въ карты, дабы удалить всякій поводъ къ распрямъ и ссорамъ. Тѣснота нашего помѣщенія не позволяла содержать наши каморки въ совершенной опрятности; спали и сидѣли мы на нарахъ, подкладывая подъ себя войлокъ или шубу; подъ нарами лежали чемоданы и сапоги. Ночью, при затворенныхъ дверяхъ и окнахъ, спирался воздухъ; двери отворялись съ утреннею зарею, которую я ни разу не проспалъ, и тотчасъ выходилъ на воздухъ освѣжиться.

Одна душа жила въ Читѣ, о которой я душевно соболѣзновалъ,— Александра Григорьевна Муравьева, урожденная графиня Чернышева. Мужъ ея, Никита Михайловичъ, уже въ февралѣ прибылъ въ Читу; супруга его разсталась съ двумя дочерьми и сыномъ, передавъ ихъ бабушкѣ Екатеринѣ Федоровнѣ Муравьевой, и поспѣшила въ Сибирь, чтобы съ мужемъ раздѣлить изгнаніе и всѣ испытанія. Но какъ жестоко была она обманута, когда по пріѣздѣ въ Читу ей было объявлено, что она съ мужемъ вмѣстѣ жить не можетъ, а только дозволяется ей имѣть свиданіе съ нимъ дважды въ недѣлю по одному часу въ присутствіи дежурнаго офицера, какъ водилось въ Петропавловской крѣпости въ Петербургѣ. Въ первый разъ увидѣлъ я эту славную жену, когда повели насъ на работу противъ ея квартиры. Наемный домикъ ея находился черезъ улицу противъ временнаго перваго острога, въ которомъ содержался мужъ ея; дабы имѣть предлогъ увидѣть его хоть издали, она сама открывала и закрывала свои ставни. Кромѣ мужа, имѣла она въ острогѣ зятя своего А. М. Муравьева, двоюроднаго брата своего графа Захара Григорьевича, единственнаго наслѣдника огромнаго маіората, котораго доискивался военный министръ А. И. Чернышевъ, но онъ получилъ отказъ отъ государственнаго совѣта. Членъ совѣта Н. С. Мордвиновъ доказалъ, что истецъ, не бывъ ни въ какомъ родствѣ съ этимъ семействомъ, не имѣетъ права на его достояніе. Имѣніе, фамилія и графскій титулъ перешли къ Кругликову, который женился на старшей сестрѣ изъ семьи, на графинѣ Софьѣ Григорьевнѣ.

Наша милая Александра Григорьевна, съ добрѣйшимъ сердцемъ, юная, прекрасная лицомъ, гибкая станомъ, единственно бѣлокурая изъ всѣхъ смуглыхъ Чернышевыхъ, разрывала жизнь свою сожигающими чувствами любви къ присутствующему мужу и къ отсутствующимъ дѣтямъ. Мужу своему показывала себя спокойною, даже радостною, чтобы не опечалить его, а наединѣ предавалась чувствамъ матери самой нѣжной. Къ тому же она знала, что при дѣтяхъ никто не могъ ее замѣнить для истиннаго воспитанія. Бабушка любила и берегла ихъ, какъ глазъ свой, но ея любовь, ея дѣйствія были не любовь, не дѣйствія матери; черезъ годъ умеръ единственный сынъ, а дочери послѣ лишились здоровья. Я полагалъ сначала, что такое странное отлученіе мужа и жены въ Читѣ продолжится недолго, и есть только слѣдствіе недоразумѣнія. Но это распоряженіе оставалось неизмѣннымъ еще три года, пока не перевели всѣхъ насъ въ постоянную государственную темницу, заботливо и капитально устраивавшуюся во время всего нашего пребыванія въ Читинскомъ острогѣ. Здоровье Александры Григорьевны ослабѣвало годъ за годомъ, жизненныя силы угасали, но душевныя еще превозмогали до назначеннаго часу, до Петровской тюрьмы, гдѣ нашла свою могилу.

Въ концѣ мая прибыла въ мѣсто нашего заточенія Елисавета Петровна Нарышкина, урожденная графиня Коновницына, въ сопровожденіи Александры Васильевны Ентальцевой. Онѣ были подвергнуты подобной же участи А. Г. Муравье-

вой: могли только дважды въ недѣлю, по одному часу, видѣться съ мужьями. Страданія ихъ были усугублены отъ близкаго разстоянія острога мужей: онѣ могли только глядѣть другъ на друга сквозь тѣсныя щели частокола или когда случалось проходить околицею мѣсто нашихъ работъ, и притомъ не слышать родного слова, не пожать родной руки. Признаюсь, я каждый день благодарилъ Бога, что жена моя рѣшилась свято исполнить мою просьбу, оставалась при сынѣ, пока не поставитъ его на ноги, пока не прорѣжутся зубки и не будетъ въ состояніи выразиться словами. Всѣ эти условія были бы лишни и безполезны, если бы вышло разрѣшеніе матерямъ взять съ собою дѣтей своихъ. Къ счастью, Е. П. Нарышкина, разставшись съ родными и съ родиною, не оставила тамъ дѣтей; она имѣла дочь, которой лишилась въ Москвѣ до осужденія мужа. Отъ роду было ей 23 года; единственная дочь героя-отца и примѣрной матери, урожденной Корсаковой, она въ родномъ домѣ значила все, и всѣ исполняли ея желанія и прихоти. Въ первый разъ увидѣлъ я ее на улицѣ, близъ нашей работы при Чертовой Могилѣ,—въ черномъ платьѣ, съ тальей тонкой въ обхватъ; лицо ея было слегка смуглое съ выразительными умными глазами, головка повелительно поднятая, походка легкая, граціозная. Въ своемъ мѣстѣ разскажу о ней подробнѣе, когда ближе познакомился съ нею въ Курганѣ на поселеніи. Въ Читѣ жила она въ одномъ домикѣ съ Муравьевой, трудно было ей одиночество. Муравьева, кромѣ мужа, имѣла въ острогѣ зятя и двоюроднаго брата; то тотъ, то другой пересылалъ ей вѣсточку, а Нарышкина все одна да одна, тѣмъ еще болѣе, что съ другими дамами не была она довольно сообщительна, оттого и страдала больше отъ одиночества. Такое состояніе супруговъ было тягостное; но прибытіе нашихъ женъ имѣло во всѣхъ отношеніяхъ самое благодѣтельное вліяніе на весь бытъ нашъ. Намъ запрещено было писать самимъ, во время нахожденія нашего въ каторжной работѣ, нѣсколько нашихъ товарищей были совершенно забыты и покинуты родными; можетъ быть таковъ былъ бы жребій и многихъ, если бы наши дамы не пріѣхали къ мужьямъ своимъ, не переписывались бы съ нашими родными, и письмами своими, и вліяніемъ, и родствомъ не поддерживали памятованія о многихъ. Онѣ были нашими ангелами хранителями и въ самомъ мѣстѣ заточенія: для всѣхъ нуждающихся открыты были ихъ кошельки, для больныхъ просили онѣ устроить больницу. А. Г. Муравьева черезъ тещу свою Екатерину Федоровну Муравьеву получила отличную аптеку и хирургическіе инструменты; товарищъ мой, бывшій штабъ-лекарь Ф. Б. Вольфъ, жилъ въ этой больницѣ, всегда успѣшно помогалъ больнымъ. Мы даже изустно не могли благодарить нашихъ благодѣтельницъ, оттого что только издали и изрѣдка видѣли ихъ сквозь щели частокола, или когда проходили мимо нашихъ работъ, или прогуливались по гористымъ окрестностямъ.

Александра Васильевна Ентальцева въ дѣтствѣ лишилась своихъ родителей, не имѣла дѣтей, и поспѣшила къ мужу, чтобы раздѣлить и облегчить его участь. Ей приходилось только нѣсколько мѣсяцевъ быть съ нами въ Читѣ, потому что мужъ ея приговоренный въ каторжную работу на одинъ только годъ, въ скоромъ времени уѣхалъ отъ насъ. Поселеніе въ первые годы было для нихъ гораздо хуже, имъ назначено было жить въ Березовѣ, гдѣ холодъ, безконечныя ночи мало согрѣвали и мало освѣщали жизнь изгнанниковъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ они были переселены въ лучшее мѣсто, гораздо южнѣе, въ Ялуторовскъ, гдѣ мужъ ея скончался въ 1847 году, а жена не получила разрѣшенія возвратиться на родину, и долго еще

терпѣла незаслуженное изгнаніе, и оставила бы тамъ старческія кости свои, если бы не воротилъ ее домой манифестъ Александра II, отъ 26-го августа 1856 года.

Къ осени 1827 года былъ достроенъ большой острогъ съ пятью отдѣленіями. Въ сентябрѣ прибыли восемь нашихъ товарищей изъ Нерчинска: Трубецкой, Оболенскій, Арт. З. Муравьевъ, Давыдовъ, Волконскій, Якубовичъ, А. И. Борисовъ 1-й и П. И. Борисовъ 2-й, и каждую недѣлю прибывали остальные изъ дальнихъ крѣпостей. Первымъ изъ нихъ сопутствовали двѣ дамы, еще два ангела-хранителя: княгиня Трубецкая и Волконская. Екатерина Ивановна Трубецкая, урожденная графиня Лаваль, еще въ 1826 году, тотчасъ по отправкѣ мужа изъ Петропавловской крѣпости, первая изъ всѣхъ нашихъ женъ, отправилась вслѣдъ за нимъ, въ сопровожденіи отцовскаго секретаря. Въ Красноярскѣ сломалась карета, заболѣлъ провожатый, медлить было некогда; она пересѣла въ тарантасъ и безъ чиновнаго проводника, только съ прислугою, прискакала въ Иркутскъ. Мужъ ея уже съ фельдъегеремъ прибылъ въ Нерчинскъ, ей оставалось ѣхать только 700 верстъ; она обратилась къ губернатору Б. И. Цейдлеру, чтобы имѣть нѣкоторыя необходимыя свѣдѣнія и получить проводника. Тутъ начались самыя горькія для нее испытанія: мѣстное начальство имѣло повелѣніе употребить всѣ средства, чтобы удержать женъ государственныхъ преступниковъ отъ слѣдованія за мужьями. Губернаторъ представилъ ей сперва затрудненія жизни въ такомъ мѣстѣ, гдѣ находится до 5000 каторжныхъ, гдѣ ей придется жить въ общихъ казармахъ съ ними, безъ прислуги, безъ малѣйшихъ удобствъ. Она этимъ не устрашилась и объявила свою готовность покориться всѣмъ лишеніямъ, лишь бы ей быть вмѣстѣ съ мужемъ. На слѣдующій день тѣ же препятствія со стороны губернатора, который объявилъ, что имѣетъ приказаніе взять отъ нея письменное свидѣтельство, по коему она добровольно отказывается отъ всѣхъ правъ на преимущества дворянства, и вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ всякаго имущества—недвижимаго и движимаго, коимъ уже владѣетъ и какое могло бы достаться ей въ наслѣдство. Ек. И. Трубецкая безъ малѣйшаго возраженія подписала эту бумагу, въ увѣренности, что съ этимъ отреченіемъ открыла себѣ путь къ мужу. Не тутъ-то было: нѣсколько дней сряду губернаторъ не принималъ ее, отговариваясь болѣзнью. Наконецъ онъ рѣшился употребить послѣднее средство: уговаривалъ, упрашивалъ и, увидѣвъ всѣ доводы и убѣжденія отринутыми, объявилъ, что не можетъ иначе отправить ее къ мужу, какъ пѣшкомъ съ партіею ссыльныхъ по канату и по этапамъ. Она спокойно согласилась на это; тогда губернаторъ заплакалъ и сказалъ: вы поѣдете. Въ это самое время прибылъ въ Иркутскъ нашъ комендантъ Лепарскій изъ Петербурга; онъ былъ глубоко тронутъ рѣшимостью княгини Трубецкой, и содѣйствовалъ къ прекращенію этихъ уговоровъ. Женщина съ меньшею твердостью стала бы колебаться, условливаться, замедлять дѣло переписками съ Петербургомъ, и тѣмъ удержала бы другихъ женъ отъ дальняго напраснаго путешествія. Какъ бы то ни было, не уменьшая достоинствъ другихъ нашихъ женъ, раздѣлявшихъ заточеніе и изгнаніе мужей, долженъ сказать положительно, что княгиня Трубецкая первая проложила путь, не только дальный, неизвѣстный, но и весьма трудный, потому что отъ правительства дано было повелѣніе отклонить ее всячески отъ намѣренія соединиться съ мужемъ. Ек. Ив. Трубецкая была не красива лицомъ, не стройна, средняго росту, но когда заговоритъ,—такъ что твоя краса и глаза— просто обворожитъ

спокойнымъ пріятнымъ голосомъ и плавною, умною и доброю рѣчью, такъ все слушалъ бы ее. Голосъ и рѣчь были отпечаткомъ добраго сердца и очень образованнаго ума отъ разборчиваго чтенія, отъ путешествій и пребыванія въ чужихъ краяхъ, отъ сближенія со знаменитостями дипломатіи.

Чрезъ нѣсколько недѣль послѣ отъѣзда княгини Трубецкой изъ Петербурга, выѣхала княгиня Марья Николаевна Волконская, урожденная Раевская. Отецъ ея, знаменитый герой 1812 года Н. Н. Раевскій, не соглашался на отъѣздъ дочери. Онъ зналъ, что дочь его, юная, недавно замужемъ, соединила судьбу свою съ княземъ С. Г. Волконскимъ, который за сраженіе подъ Лейпцигомъ произведенъ былъ въ генералы, и по лѣтамъ своимъ могъ быть отцомъ ея; онъ зналъ, что она не по личной страсти, не по своей волѣ вышла замужъ, но только изъ любви и послушанія къ отцу; кромѣ этого, могъ ее удержать грудной младенецъ, первородный сынъ, требовавшій присутствія матери. Она рѣшилась исполнить тотъ долгъ свой, ту обязанность, которая требовала болѣе жертвы, болѣе самоотверженія; сказала больному престарѣлому отцу, нѣжно любимому, что ѣдетъ только на время для свиданія съ мужемъ; сына оставила у бабушки, у статсъ-дамы въ Зимнемъ дворцѣ и немедленно уѣхала въ Сибирь. Въ Иркутскѣ ждали ее тѣ же продѣлки, долженствовавшія остановить княгиню Трубецкую, она также дала подписку въ добровольномъ отреченіи отъ всѣхъ правъ состоянія и имуществъ; такая подписка была взята отъ всѣхъ нашихъ дамъ, слѣдовавшихъ за мужьями въ Сибирь, также отъ жены моей, которая по данному мнѣ слову не могла пріѣхать ко мнѣ раньше, и ей суждено было заключить число женъ, раздѣлившихъ добровольно изгнаніе мужей; она пріѣхала ко мнѣ въ 1830 году и встрѣтила меня на походѣ изъ Читинскаго острога въ Петровскую тюрьму. М. Н. Волконская, молодая, стройная, болѣе высокаго, чѣмъ средняго роста, брюнетка съ горящими глазами, съ полусмуглымъ лицомъ, съ немного вздернутымъ носомъ, съ гордою, но плавною походкою, получила у насъ прозванье «la fille du Gange», дѣвы Ганга; она никогда не выказывала грусти, была любезна съ товарищами мужа, но горда и взыскательна съ комендантомъ и начальниками острога. Княгини Трубецкая и Волконская были первыя изъ прибывшихъ женъ къ мужьямъ своимъ, онѣ должны были ѣхать и дальше, и опаснѣе, и труднѣе—въ Нерчинскъ. Положеніе ихъ было страшное; сначала еще не было подробной инструкціи начальникамъ, которые боялись запросовъ свыше и доносовъ снизу. Собственнныя ихъ переписки при разстояніи 7.000 верстъ шли медленно; родственники сначала не знали, куда обратиться для высылки денегъ—къ дежурному генералу Потапову или къ А. Х. Бенкендорфу, оттого въ первое время терпѣли недостатокъ и подверглись многимъ лишеніямъ не только отъ мѣстной скудости, но и отъ недостатка въ деньгахъ; довольно сказать, что онѣ терпѣли зимою 1826 года и отъ холода и отъ голода. Страннымъ показалось бы, если бы я вздумалъ подробно описать, какъ онѣ сами стирали бѣлье, мыли полы, питались хлѣбомъ и квасомъ, когда страданія ихъ были гораздо важнѣе и другого рода, когда видѣли мужей своихъ за работою въ подземельи, подъ властью грубаго и дерзкаго начальства. По присоединеніи ихъ въ Читу перемѣнился и образъ ихъ жизни. Пересылка писемъ и денегъ шла чрезъ губернатора и нашего честнаго коменданта С. Р. Лепарскаго; суммы денегъ были неограничены, но только не находились въ нашихъ собственныхъ рукахъ, а израсходовались чрезъ комендантскую канцелярію. Посылкамъ не было конца; приходъ почты разъ въ недѣлю составлялъ важную эпоху;

впослѣдствіи, въ 1828 году, дозволено было получать русскіе и иностранные журналы и газеты [1]).

Въ сентябрѣ 1827 года всѣхъ насъ, кромѣ М. С. Лунина, остававшагося въ отдѣльной избушкѣ, перемѣстили изъ временныхъ остроговъ на новоселье—во вновь устроенный общій острогъ. Комендантъ размѣщалъ насъ по комнатамъ, всѣхъ покоевъ было четыре для насъ, общія сѣни и дежурная для офицера. Въ одну комнату помѣстилъ онъ восемь вновь прибывшихъ товарищей изъ Нерчинска; въ остальныя три комнаты онъ распредѣлилъ насъ не по старшинству разрядовъ, а по собственному распоряженію; въ одну, прозванную нами Москвою, расположились большею частью московскіе уроженцы; другая названа была нами Новгородомъ, по причинѣ громкихъ безпрестанныхъ политическихъ преній; третья, въ которой я находился съ 17-ю товарищами, названа была нами Псковомъ, младшею сестрою Новгорода.

Вмѣсто наръ, заказаны были на собственныя деньги кровати, не для того, чтобы спокойнѣе спать, но чтобы держать комнаты въ большей опрятности; подъ кроватями можно было мыть и мести полъ. Столъ былъ у насъ общій, обѣдали по своимъ комнатамъ, накрывали на столъ сами, по очереди, по дежурству, сами ставили самовары. По примѣру повсемѣстнаго содержанія остроговъ, было и намъ позволено изъ среды своей избрать старосту или хозяина, который въ нуждахъ общихъ и частныхъ относился или къ дежурному офицеру или, чрезъ его посредство, прямо къ коменданту. Хозяинъ распоряжался артельною суммою, заказывалъ припасы, но не имѣлъ ни копейки на рукахъ, а по его запискѣ платила комендантская канцелярія. Въ двадцати саженяхъ отъ острога находилась наша кухня и кладовая съѣстныхъ припасовъ. Хозяинъ или староста, во время дня, имѣлъ позволеніе ходить туда въ сопровожденіи конвойнаго; хозяинъ избираемъ былъ на три мѣсяца; первымъ хозяиномъ былъ избранъ И. С. Повало-Швейковскій, который со своимъ баталіономъ первый вступилъ въ Парижъ въ 1814 году; онъ исполнялъ должность хозяина два срока сряду. Пища была у насъ простая и здоровая; часто удивлялся я умѣренности и довольству тѣхъ товарищей, которые привыкли всю жизнь свою имѣть лучшихъ поваровъ и никогда безъ шампанскаго вина не обѣдали, а теперь безъ сожалѣнія о прошломъ, довольствовались щами, кашею, запивали квасомъ или водою. Гастрономовъ было много между нами, они сознавались, что никогда теперь не терпѣли отъ голода, но зато никогда досыта не наѣдались. Я уже сказалъ, что половина моихъ товарищей были или небогаты, или были забыты родными, другіе были очень богаты. Никита Михайловичъ Муравьевъ съ братомъ своимъ Александромъ получали ежегодно по 40 тысячъ рублей ассигнацій сверхъ посылокъ. Чрезъ каждые три мѣсяца, при выборѣ новаго хозяина, каждый изъ артели назначалъ, сколько могъ дать по своимъ средствамъ въ общую артельную сумму, которою распоряжался хозяинъ, на пищу, чай, сахаръ и мытье бѣлья. Одежду и бѣлье носили мы всѣ собственныя; имущіе покупали и дѣлились съ неимущими. Рѣшительно все дѣлили между собою: и горе и копейку. Дабы не тратить денегъ даромъ или на неспособныхъ портныхъ, то нѣкоторые изъ числа товарищей сами кроили и шили платья. Отличными закройщиками и портными были П. С. Бобрищевъ-Пушкинъ, Оболенскій, Мозганъ, Арбузовъ. Щегольскіе фуражки и башмаки шили Бестужевы и Фалленбергъ; они трудами своими сберегали

[1]) О юридическомъ положеніи женъ декабристовъ см. статью П. Е. Щеголева въ сборникѣ „Къ свѣту". *Ред.*

деньги, коими можно было помогать другимъ нуждающимся внѣ нашего острога. Когда священникъ Казанскаго собора Мысловскій узналъ эти подробности нашей жизни отъ А. О. Корниловича, то поспѣшилъ сообщить ихъ женѣ моей и замѣтилъ ей, что въ Читѣ, въ острогѣ, ведутъ жизнь истинно апостольскую.

Общія работы наши продолжались по-прежнему: отъ мая до сентября, когда можно было рыться въ землѣ, мы засыпали Чертову Могилу, исправляли почтовую дорогу, сажали, поливали и пололи въ огородѣ, который доставлялъ намъ овощи и картофель на цѣлый годъ. Когда послѣ И. С. Повало-Швейковскаго избрали меня быть старостою или хозяиномъ, то на годовой запасъ, въ большихъ сороковкахъ, посолилъ 60 тысячъ огурцовъ: валили въ перемежку рядъ огурцовъ и рядъ листьевъ черной смородины и укропу, до верху бочки, потомъ заливали все изъ большихъ артельныхъ котловъ кипяткомъ съ разсоломъ. Съ тѣхъ поръ у меня иначе не солили огурцовъ въ боченкахъ, для домашняго потребленія, и такимъ образомъ соленые огурцы держались превосходно цѣлый годъ до свѣжихъ огурцовъ. Отъ сентября до мая водили насъ ежедневно по два раза въ особенную просторную избу, въ коей устроены были ручныя мельницы съ жерновами; каждому приходилось молоть по два пуда ржи на урокъ. Сначала работа эта была трудная, пока рука не привыкла. Здоровые товарищи доканчивали уроки больныхъ или слабосильныхъ; я съ удовольствіемъ мололъ всегда за М. Ф. Митькова. Работы нерѣдко сопровождались пѣніемъ самымъ гармоническимъ. П. Н. Свистуновъ былъ регентомъ и капельмейстеромъ; лучшіе голоса были басъ—братьевъ Крюковыхъ, теноръ—Щепина-Ростовскаго, сопрано—Тютчева. Церковное пѣніе Барятинскаго пѣли они необыкновенно хорошо; въ церковь насъ никогда не водили, кромѣ одного раза въ годъ, въ недѣлю великаго поста для пріобщенія святыхъ таинъ; но въ большіе праздники приходилъ къ намъ священникъ и служилъ молебствія наканунѣ. Никогда не забуду, какъ трогательна и превосходна была служба и пѣніе въ острогѣ въ великую субботу предъ Христовымъ воскресеніемъ въ 1828 году, когда въ 9 часовъ вечера, по пробитіи вечерней зори, послѣ восторженнаго восклицанія: Христосъ воскресе! вдругъ зазвенѣли цѣпи узниковъ, бросившихся въ объятія съ братолюбивыми лобызаніями. Этотъ восторгъ не былъ нарушенъ разгавливаніемъ; часовые заперли двери на замокъ и мы мысленно продолжали обнимать нашихъ отдаленныхъ родныхъ, благословляя ближнихъ не по мѣстности, но по сердцу. Для насъ, по тюремному положенію, раздалось радостное Христосъ воскресе! тремя часами раньше, чѣмъ для наслаждавшихся свободою.

Въ часы досужные отъ работъ имѣли мы самое занимательное и поучительное чтеніе; кромѣ всѣхъ журналовъ и газетъ, русскихъ, французскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ, дозволенныхъ цензурою, имѣли мы хорошія библіотеки Н. М. Муравьева, С. Г. Волконскаго и С. П. Трубецкого. Невозможно было одному лицу прочитать всѣ журналы и газеты, получаемые отъ одной почты до другой, почему они были распредѣлены между многими читателями, которые передавали изустно самыя важныя новости, открытія и событія. Сверхъ того, многіе изъ моихъ товарищей получили классическое образованіе; бесѣды ихъ были полезнѣе всякой книги; нѣкоторыхъ изъ нихъ мы упросили читать намъ лекціи въ продолженіе долгихъ зимнихъ вечеровъ. Никита Муравьевъ, имѣвъ собраніе превосходнѣйшихъ военныхъ картъ, читалъ намъ изъ головы лекціи стратегіи и тактики, —Ф. Б. Вольфъ—о физикѣ, химіи и анатоміи, П. С. Бобрищевъ-Пушкинъ 2-ой—о высшей и прикладной матема-

тикѣ, А. О. Корниловичъ и П. А. Мухановъ читали исторію Россіи, А. И. Одоевскій—русскую словесность. Съ особенною любовью вспоминаю здѣсь Одоевскаго: онъ имѣлъ терпѣніе заниматься со мною четыре года; и донынѣ храню главныя правила, написанныя его рукою; а между тѣмъ онъ никогда не писалъ своихъ стиховъ, кромѣ «Колыбельной пѣсни» сыну моему Кондратію, другой—сыну моему Евгенію, а мнѣ посвятилъ «Послѣднюю Надежду».

Насъ запирали въ 9 часовъ вечера; по пробитіи зори, не позволяли имѣть свѣчи, а какъ невозможно было такъ рано уснуть, то мы или бесѣдовали въ потемкахъ, или слушали разсказы М. К. Кюхельбекера о кругосвѣтныхъ его путешествіяхъ и А. О. Корниловича изъ отечественной исторіи, которою онъ прилежно занимался, бывъ издателемъ журнала «Русская Старина». Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ имѣлъ Корниловичъ съ профессоромъ Куницынымъ свободный входъ въ государственный архивъ, гдѣ почерпнулъ любопытныя свѣдѣнія, особенно о царствованіяхъ императрицъ Анны и Елисаветы. Чрезъ полгода мы лишились нашего отличнаго собесѣдника: фельдъегерь, который привезъ къ намъ Вадковскаго изъ Шлиссельбугской крѣпости, увезъ отъ насъ Корниловича. Впослѣдствіи мы узнали, что его отвезли обратно въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ снова допрашивали его по дѣлу польскихъ тайныхъ обществъ, коихъ члены заняли наши упраздненные казематы. Наконецъ, въ 1834 году отправили его на Кавказъ солдатомъ, гдѣ онъ вскорѣ скончался отъ болѣзни.

Образованность умныхъ товарищей имѣла большое вліяніе на тѣхъ изъ насъ, которые прежде не имѣли ни времени, ни средствъ обогатиться познаніями. Нѣкоторые изъ нашихъ начали учиться иностраннымъ языкамъ, изъ нихъ изумительные успѣхи сдѣлалъ Дм. Ир. Завалишинъ 1-ый, который, кромѣ греческаго и латинскаго, научился писать и выражаться на тринадцати языкахъ; для важнѣйшихъ изъ нихъ находилъ онъ учителей между товарищами, а для прочихъ главныхъ ключемъ и словаремъ служило для него Евангеліе. Многіе изъ нашихъ изучили не только языкъ книжный, но и разговорный. Въ послѣднемъ отношеніи всего забавнѣе было съ англійскимъ языкомъ по выговору словъ: сколько споровъ и сколько смѣху! и сколько звуковъ, нисколько не соотвѣтствовавшихъ сложенію буквъ! Такъ что М. С. Лунинъ, знавшій до совершенства этотъ языкъ, всегда упрашивалъ:—«читайте, господа, и пишите по-англійски сколько хотите, только не говорите на этомъ языкѣ!»—Комнаты наши были тѣсны, заставлены по всѣмъ четыремъ стѣнамъ кроватями; некуда было помѣстить станокъ столярный или токарный. Нѣкоторые желали учиться играть на скрипкѣ и на флейтѣ, но совѣстно было терзать слухъ товарищей; по этой причинѣ избралъ я для себя самый скромный, тихій, но и самый неблагодарный инструментъ—чеканъ; съ помощью печатнаго самоучителя разобралъ я ноты и каждый вечеръ употреблялъ на то условные полчаса. На этомъ инструментѣ учился со мною П. И. Фаленбергъ. На слѣдующій годъ позволили выстроить во дворѣ острога два домика; въ одномъ помѣстили въ двухъ половинахъ станки, столярный, токарный и переплетный. Лучшими произведеніями по симъ ремесламъ были труды Бестужевыхъ, Бобрищева-Пушкина, Фролова и Борисова 1-го. Въ другомъ домикѣ поставлены были рояль и фортепіано; туда по распредѣленнымъ между нами часамъ приходили играть по очереди и на скрипкѣ, на флейтѣ, на гитарѣ Ф. Ф. Вадковскій превосходно игралъ на скрипкѣ, П. Н.

Свистуновъ на віолончели; на рояли игралъ А. П. Юшневскій съ такою бѣглостью, что чѣмъ труднѣе были ноты, тѣмъ пріятнѣе для него, такъ что онъ радовался тѣмъ нотамъ, отъ коихъ трещали его пальцы; онъ также игралъ на скрипкѣ, и вмѣстѣ съ Свистуновымъ, съ Вадковскимъ, Крюковымъ 2-ымъ, составляли отличный квартетъ, который 30-го августа, когда было у насъ шестнадцать именинниковъ, въ первый разъ игралъ для всѣхъ насъ въ большомъ острогѣ, гдѣ въ «Новгородѣ» взгромоздили кровати, очистили комнату для помѣщенія оркестра и слушателей. Живописью занимались Н. А. Бестужевъ—акварелью; онъ со всѣхъ насъ снялъ портреты. Н. П. Рѣпинъ и И. В. Кирѣевъ сняли виды Читы и внутренность острога. Я. М. Андреевичъ писалъ масляными красками алтарный образъ Спасителя, носящаго крестъ; образъ подаренъ имъ Читинской церкви съ надписью. Н. А. Загорѣцкій ножомъ и циркулемъ сдѣлалъ деревянные стѣнные часы. К. П. Торсонъ построилъ модели жатвенной машины и молотильной.

Черезъ годъ по прибытіи нашемъ въ Читу, разстались мы съ шестымъ разрядомъ нашихъ товарищей, которымъ наступилъ срокъ перебраться на поселеніе. Разстались, мы радуясь за нихъ, что будетъ имъ свободнѣе насъ, они—жалѣя, что покидаютъ насъ въ узахъ и за частоколомъ; но вышло на дѣлѣ, что намъ было лучше, нежели имъ. Общество умныхъ и честныхъ людей украшаетъ столько же жизнь въ тюрьмѣ, сколько общество бездѣльниковъ можетъ помрачить жизнь на волѣ. Поселенцамъ нашимъ сначала было очень худо въ мѣстахъ отдаленнаго сѣвера и въ одиночествѣ; чрезъ нѣсколько лѣтъ перевели ихъ въ мѣста обитаемые южнѣе, гдѣ могли жить не съ бѣлыми медвѣдями, и гдѣ соединяли товарищей по два и по три вмѣстѣ. Я уже упомянулъ, до чего довели одиночество и печальная мѣстность нѣкоторыхъ изъ нашихъ соизгнанниковъ VII разряда, отправленныхъ на поселеніе прямо изъ Петропавловской крѣпости.

Въ началѣ августа 1828 года прибылъ фельдъегерь въ Читу, никого не привезъ и не увезъ, ничего не узнали о причинѣ пріѣзда его, никакая не воспослѣдовала перемѣна для насъ. Въ концѣ Сентября ожидали коменданта въ острогъ; онъ вошелъ въ полной парадной формѣ, съ новою лентою чрезъ плечо, собралъ насъ всѣхъ въ кружокъ и объявилъ, что императоръ, во вниманіе къ нашему поведенію, всемилостивѣйше приказалъ снять съ насъ кандалы .Я уже сказалъ, что они были намъ надѣты не по прежнимъ правиламъ, также не для удержанія насъ отъ побѣга во время пути, потому что мы по прибытіи на мѣсто, носили ихъ еще полтора года. Какъ бы то ни было, но мы послѣ узнали, что государь 8-го іюля, въ день Казанской Божіей Матери, выходя изъ храма, приказалъ отправить фельдъегеря въ Читу, съ повелѣніемъ: снять желѣзы съ тѣхъ государственныхъ преступниковъ, которые того заслужили хорошимъ своимъ поведеніемъ. Комендантъ получилъ это повелѣніе въ началѣ августа, но рѣшился утаить его на время, пока не получитъ отвѣта на запросъ. Онъ зналъ невозможность снять кандалы только съ нѣкоторыхъ изъ насъ; если же снялъ бы со всѣхъ, то подвергалъ себя упреку и заподозрѣнію со стороны высшихъ властей, которыя могли бы смѣнить его и дать намъ такого молодца, что Боже упаси!—Онъ желая держаться на этомъ мѣстѣ для нашей же пользы, донесъ, что всѣ равно отличаются хорошимъ поведеніемъ, и спрашивалъ позволенія снять желѣзы со всѣхъ насъ безъ исключенія, что и было дозволено и исполнено. Унтеръ-офицеръ пришелъ съ ключами, отомкнулъ замки канда-

ловъ, они въ послѣдній разъ брякнули объ полъ и мнѣ было какъ-то жаль съ ними разстаться: онѣ часто вторили моимъ пѣснямъ, когда для такта ударялъ ногою объ ногу, какъ шпорами. Въ первыя ночи по снятіи желѣзъ, все еще казалось, что они на ногахъ, потому что ноги привыкли лежать въ такомъ положеніи, чтобы не было ни очень больно, ни очень холодно отъ нихъ; наконецъ и ходить и спать безъ нихъ было гораздо легче и лучше, но пѣть безъ нихъ было мнѣ грустнѣе. Не помню, кому изъ насъ удалось вымѣнять одну пару кандаловъ; изъ нихъ сковали памятныя вещи, донынѣ имѣю крестъ и кольцо полировки Якубовича. Иному покажется, что я такъ подробно и нѣжно упоминаю о желѣзахъ для того только, чтобы болѣе напоминать о нихъ или похвастать ими. Я хотѣлъ подтвердить собственнымъ опытомъ, что страданія или мученія за правду, за идею и изъ любви къ ближнимъ доставляютъ также свои усладительныя утѣшенія. Въ это время я былъ избранъ въ должность хозяина или старосты и смѣнилъ Повало-Швейковскаго. По общимъ нуждамъ моихъ товарищей имѣлъ случаи побывать иногда у коменданта: онъ принималъ меня всегда чрезвычайно вѣжливо и часто повторялъ о своемъ странномъ положеніи: «Что скажутъ и напишутъ обо мнѣ въ Европѣ? скажутъ, что я бездушный тюремщикъ, палачъ, притѣснитель; а я дорожу этимъ мѣстомъ только для того, чтобы защитить васъ отъ худшихъ притѣсненій, отъ несправедливостей безсовѣстныхъ чиновниковъ. Какая польза мнѣ отъ полученныхъ чиновъ и звѣздъ, когда здѣсь даже некому ихъ показать? Дай Богъ, чтобы меня скорѣе освободили отсюда, но только вмѣстѣ съ вами».

Въ 1828 году пріѣхала къ мужу Наталья Дмитріевна Фонвизина, урожденная Апыхтина. По причинѣ малолѣтства двухъ сыновей, она не могла пріѣхать раньше. Еще очень молодая и хорошая собою, она до замужества имѣла такое религіозное стремленіе, что хотѣла удалиться въ монастырь и посвятить себя только Богу. Потомъ, вышедъ замужъ за благороднѣйшаго человѣка, за генерала М. А. Фонвизина, она раздѣляла страданія и изгнаніе мужа, также покорялась волѣ Божіей, но нервы ея такъ разстроились, что она постоянно хворала. Мужъ ожидалъ ея пріѣзда съ величайшимъ нетерпѣніемъ, безпрестанно любовался ея портретомъ; о ней упомяну въ своемъ мѣстѣ еще нѣсколько разъ. Ей суждено было лишиться мужа по возвращеніи на родину,—выйти замужъ вторично за товарища моего Ив. Ив. Пущина и вторично овдовѣть.

Въ томъ же году пріѣхала въ Читу Александра Ивановна Давыдова, супруга Василія Львовича, которая оставила большое семейство, почему ей надобно было устроить дѣтей и помѣстить ихъ у родныхъ до отъѣзда въ Сибирь. Необыкновенная кротость нрава, всегда ровное расположеніе духа и смиреніе отличали ее постоянно. Василій Львовичъ Давыдовъ, отличавшійся въ гусарахъ, и въ обществѣ, и въ ссылкѣ своею прямотою, бодростью и остроуміемъ, былъ поселенъ въ Красноярскѣ, гдѣ скончался въ октябрѣ 1855 года, и только нѣсколько мѣсяцевъ не дожилъ до манифеста освобожденія.

Въ томъ же году прибыла въ Читу Прасковья Григорьевна, невѣста Ив. А. Анненкова; свадьба была не гласная, зато гласное ей было дано позволеніе ѣхать къ жениху отъ самого императора, къ которому она геройски обратилась съ просьбою, послѣ маневровъ при Бѣлой Церкви. Императоръ въ добрый часъ принялъ ее ласково, съ участіемъ, и приказалъ ей выдать три тысячи рублей на дорогу, между

тѣмъ какъ уже сочетавшимся женамъ для соединенія съ мужьями были оказываемы всевозможныя препятствія. Съ нею было у насъ въ Читѣ всѣхъ восемь дамъ. Онѣ вели переписку со всѣми нашими родными и были посредниками между живыми и умершими политическою смертью. Сами онѣ вели жизнь, исполненную самопожертвованія; свиданія съ мужьями, по два раза въ недѣлю, по одному часу, продолжались такимъ порядкомъ четыре года, до нашего переселенія въ другую тюрьму, въ Петровскій желѣзный заводъ.

Сначало было всѣхъ насъ въ Читѣ 82 человѣка, а по отъѣздѣ шестого разряда на поселеніе, Толстого въ Грузію, и Корниловича въ Петропавловскую крѣпость, осталось насъ 70 человѣкъ и 7 дамъ; А. И. Ентальцева уѣхала съ мужемъ на поселеніе. Вновь прибывшихъ, осужденныхъ не вмѣстѣ съ нами, но особымъ судомъ, привезли къ намъ: К. Ев. Игельстрома, А. И. Вегелина и Рукевича и трехъ бывшихъ офицеровъ Черниговскаго полка: барона Соловьева, Мазалевскаго и Быстрицкаго.

Всякому невольнику безпрестанно на мысль приходитъ воля. Всѣ думали, какъ бы освободиться всѣмъ вмѣстѣ, и въ томъ числѣ и наши безвинно страждущія дамы; о томъ же думали другіе изгнанники на каторжной работѣ, внѣ нашего острога. Въ нерчинскихъ рудникахъ, гдѣ работали сначала восемь нашихъ товарищей, оставалось еще нѣсколько человѣкъ изъ бывшихъ офицеровъ Черниговскаго пѣхотнаго полка, осужденныхъ не съ нами вмѣстѣ, но особеннымъ военнымъ судомъ, за освобожденіе Сергѣя и Матвѣя Ивановичей Муравьевыхъ - Апостоловъ изъ-подъ ареста, въ полковомъ штабѣ. Тамъ были Быстрицкій, Мазалевскій, баронъ Соловьевъ и Сухиновъ; послѣдній изъ нихъ рѣшился поднять всѣхъ каторжныхъ, съ ихъ помощью освободить насъ изъ острога и предоставить намъ дальнѣйшія предпріятія. Большинство нерчинскихъ рудокоповъ согласилось; условлено было обезоружить караулъ и начать рано утромъ слѣдующаго дня, какъ за день до того, предатель открылъ все дѣло, и Сухиновъ съ главными зачинщиками были закованы. Все дѣло было донесено въ Петербургъ; нарядили военный судъ; нашъ комендантъ былъ предсѣдателемъ суда. Сухинова и еще десять человѣкъ приговорили къ смерти; наканунѣ исполненія приговора Сухиновъ самъ повѣсился на бакаушкѣ печи своей тюрьмы, другіе были разстрѣляны, а Соловьева, Мазалевскаго и Быстрицкаго перевели къ намъ въ Читу, дабы отклонить ихъ отъ подобныхъ предпріятій. Вѣроятно, по этой же причинѣ предпочли держать насъ особенно, не вмѣстѣ съ другими преступниками, въ большихъ рудникахъ. Утверждаютъ, что эта мысль представлена была императору генералъ-губернаторомъ восточной сибири Лавинскимъ, которому государь, при прощаніи съ нимъ въ москвѣ, послѣ коронаціи, сказалъ: «Смотри же, ты отвѣчаешь мнѣ за этихъ господъ!»—на что генералъ-губернаторъ отвѣтилъ, что всякій надзоръ будетъ невозможенъ, если они будутъ распредѣлены въ различныхъ мѣстахъ различныхъ рудниковъ Сибири.

Въ Читѣ караулила насъ рота пѣхоты и полсотня сибирскихъ казаковъ. Нѣсколько человѣкъ изъ нашихъ товарищей крѣпко занялись приготовленіями къ побѣгу, особенно изъ высшихъ разрядовъ, приговоренныхъ на двадцатилѣтнее заточеніе. Другіе же, сперва въ меньшинствѣ, а потомъ въ большинствѣ, видѣли явную невозможность такого предпріятія и откровенно доказывали это и противодѣйствовали рѣшительно. Съ карауломъ было бы не трудно справиться, солдаты были намъ очень преданы, они волею или неволею передали бы свое оружіе; слѣдовательно,

изъ острога могли бы освободиться и выйти изъ воротъ частокола и изъ селенія; но куда идти?—На югъ, чрезъ Манчжурію и Даурію въ Китай, былъ бы путь ближайшій за границу—но китайцы выдали бы; кромѣ того, до достиженія границы достаточно было бы полсотни казаковъ, которые, преслѣдуя насъ денно и ночно, не давая намъ часового покоя, могли бы извести насъ въ недѣлю. Отъ мѣстныхъ жителей кочующихъ бурятъ, не было бы никакой защиты, они за одежду и за шапку застрѣлили бы насъ, какъ пушного звѣря. Другой путь указывалъ на юго-востокъ, добраться до берега Амура въ лодкахъ и по направленію рѣки плыть къ Великому Океану, и спастись въ Америку. Но до достиженія Амура и океана предстояли тѣ же препятствія, какія встрѣтились бы по первому направленію къ китайской границѣ и, не достигнувъ еще Амура, были бы преслѣдуемы вдоль обоихъ береговъ Ингоды и Шилки, изъ прибрежныхъ селеній захватили бы, или затопили бы нашу безсильную флотилію. На западъ—дорога вела 4000 верстъ до границъ Европейской Россіи; на такомъ протяженіи представлялись сотни преградъ для бѣгущей кучки. На сѣверъ— путь велъ по тундрамъ безхлѣбнымъ къ Ледовитому морю. По одиночкѣ легче представлялась возможность укрыться и освободиться: ежегодно изъ Нерчинска спасаются бѣгствомъ нѣсколько человѣкъ отдѣльно. Трое изъ сосланныхъ черкесовъ добрались до своей родины чрезъ озера Аральское и Каспійское. Но одиночное бѣгство изъ нашего острога имѣло бы неминуемымъ слѣдствіемъ строжайшія мѣры противъ оставшихся арестантовъ; никто не хотѣлъ взять на себя такую отвѣтственность. Другое дѣло было съ тѣми, которые жили на поселеніи, гдѣ они были разсѣяны по одиночкѣ, но и тамъ побѣгъ одного имѣлъ бы жестокое послѣдствіе для другихъ. М. С. Лунинъ сдѣлалъ для себя всевозможныя приготовленія, досталъ себѣ компасъ, пріучалъ себя къ самой умѣренной пищѣ, пилъ только кирпичный чай, запасся деньгами, но, обдумавъ все, не могъ приняться за исполненіе; вблизи все караулы и пѣшіе и конные, а тамъ неизмѣримая, голая и голодная даль. Въ обоихъ случаяхъ— удачи и неудачи, все та же отвѣтственность за новыя испытанія и за усиленный надзоръ для остальныхъ товарищей по всей Сибири.

Глава десятая.

Тюрьма за Байкаломъ въ Петровскомъ желѣзномъ заводѣ.

Походъ.—Дорога.—Буряты.—Сборы жены моей въ Читу.—Выѣздъ изъ Москвы.—Свиданіе. Ононскій боръ. — Селенга. — Старовѣры. Семейскіе. — Тарбагатай. — Десятниково. — Петровскій заводъ.— Тюрьма.—К. П. Ивашева.—Укоръ.—Окна.—Гибель Рѣпина и Андреева.—Рожденіе сына.—Вольфъ и Арт. З. Муравьевъ.—Механика.—Поэзія.—М. С. Лунинъ.—А. П. Юшневскій.—Недомолвка.— Люлька.—Отъѣздъ.

Въ Читѣ жили мы четыре года; это заключеніе острожное было временное, потому что постоянное готовилось для насъ недалеко отъ Верхнеудинска, въ петровскомъ желѣзномъ заводѣ, когда въ первый годъ нашего прибытія въ Читу посланы были инженерный штабъ-офицеръ съ помощниками, чтобы выстроить огромную тюрьму, по образцу исправительныхъ домовъ американскихъ. Это новое капитальное зданіе было окончено лѣтомъ 1830 года, и комендантъ нашъ получилъ повелѣніе переселить насъ туда. Сборы наши были не важны: уложили чемоданы, подарили жителямъ овощи и плоды огорода и всю деревянную посуду нашего хозяйства. Назначено было идти двумя отрядами, потому что дорогою предстояло худое тѣсное размѣщеніе по мѣстности не населенной. Первую партію велъ плацъ-маіоръ подполковникъ Лепарскій, племянникъ нашего коменданта, а вторую самъ комендантъ; каждая партія имѣла достаточное число конвойныхъ солдатъ и казаковъ. Для вещей были наняты подводы; ѣхать было дозволено только больнымъ и еще раненымъ, какъ Фонвизину, Трубецкому, Лунину, Волконскому, Якубовичу, Швейковскому, Митькову, Давыдову и Абрамову. При каждой партіи былъ избранъ хозяинъ или староста,—для первой А. Н. Сутгофъ, для второй—я; старосты также, подъ конвоемъ часовыхъ, съ кашеварами и котлами и провизіей, приходили на ночлегъ наканунѣ партій, чтобы приготовить пищу. Чрезъ каждые два дня перехода имѣли дневки; походъ нашъ въ слишкомъ семь сотъ верстъ продолжался сорокъ восемь дней. Дамы наши провожали насъ нѣсколько переходовъ, но, не имѣвъ спокойныхъ помѣщеній, поѣхали впередъ до Верхнеудинска, откуда дорога вела по мѣстамъ хорошо населеннымъ.

Первый отрядъ выступилъ 4-го августа 1830 г. а на другой день—второй. Жители Читы провожали насъ со слезами непритворными и съ благословеніями, потому что пребываніе наше доставило имъ множество денегъ и выгодъ: они хорошо об-

строились и получили для украшенія деревни лучшіе дома коменданта, кн. Трубецкой, Волконской, и Анненковой. Муравьева, Нарышкина и Давыдова жили въ наемныхъ домахъ, которые онѣ хорошо перестроили. До Верхнеудинска вела дорога почтовая, при станціяхъ былъ только станціонный домикъ и нѣсколько избъ; по всему протяженію, обитаемому бурятами, не было никакихъ селеній, почему на мѣстахъ, назначенныхъ для ночлеговъ и дневокъ, были свезены на время нашего похода бурятскія юрты, палатки конусообразныя изъ войлоковъ, въ коихъ помѣщались мы по четыре человѣка въ каждой. Нѣсколько такихъ юртъ, поставленныхъ въ одинъ рядъ, представляли видъ небольшого лагеря; кругомъ расположены были караулы и пикеты. Кухня была на открытомъ воздухѣ; во время ненастья устраивали мы навѣсъ изъ жердей и вѣтвей. Чистый осенній воздухъ, днемъ довольно теплый, ночью съ морозомъ до восьми градусовъ, и мѣстность возвышенная и движеніе укрѣпляли наше здоровье. Нѣсколько дней сряду переходили мы изъ долины въ долину, со всѣхъ сторонъ горы, такъ что слѣдъ пути виденъ былъ на версту, а тамъ поворотъ, и опять новая гора и новая долина. Мѣстами показывались бурятскіе табуны, большею частью все бѣлыя и свѣтлосѣрыя лошади малорослыя; при нихъ конные пастухи съ ружьями, луками и стрѣлами и двухколесныя арбы съ войлочными юртами, съ женами и дѣтьми. Буряты питались охотою, рыболовствомъ, ѣли и падаль, почему сибиряки прозвали ихъ *дошлыми*. Эти потомки монголовъ, какъ нѣкогда предки ихъ, довольствовались малымъ; немудрено, что Чингисъ-Ханъ предпринималъ дальнѣйшіе походы съ многочисленнымъ воинствомъ безъ запасныхъ магазиновъ въ мѣстахъ безлюдныхъ. Наши проводники и подводчики изъ бурятъ не имѣли при себѣ ни хлѣба, ни припасовъ, а дважды въ сутки по очереди удалялись изъ лагеря, на полчаса убѣгали въ лѣсокъ и насыщались тамъ одною брусникою. Постепенно они стали сближаться съ нами, нѣсколько человѣкъ знали по-русски, служили толмачами или переводчиками для своихъ товарищей. Цѣлая куча ихъ собралась вокругъ столика, за коимъ Трубецкой и Вадковскій играли въ шахматы; лица зрителей выражали не простое любопытство, но знаніе этой игры. Одному изъ нихъ предложили сыграть партію; онъ побѣдилъ лучшихъ нашихъ игроковъ, объяснивъ имъ, что эта игра съ дѣтства имъ знакома и перешла къ нимъ изъ Китая.

Всѣхъ болѣе подстрекалъ ихъ любопытство товарищъ нашъ М. С. Лунинъ: онъ, по причинѣ ранъ боевыхъ, имѣлъ позволеніе ѣхать въ повозкѣ, которая была закрыта; онъ и спалъ въ ней и днемъ не выходилъ изъ нея нѣсколько переходовъ сряду; какъ только отрядъ остановится на ночлегъ или на дневку, то толпа окружала его повозку, выжидая часа, когда онъ выйдетъ или покажется; но кожаныя завѣски были днемъ задернуты, и не видать было таинственнаго человѣка, въ которомъ предполагали увидѣть главнѣйшаго преступника. Однажды вздумалъ онъ показать себя и спросилъ, что имъ надо? Переводчикъ объявилъ отъ имени предстоявшихъ, что желаютъ его видѣть и узнать, за что онъ сосланъ. «Знаете ли вы вашего Тайшу?» — «Знаемъ». Тайша есть главный мѣстный начальникъ бурятъ. «А знаете-ли вы Тайшу, который надъ вашимъ Тайшею, и можетъ посадить его въ мою повозку или сдѣлать ему *угей*» (конецъ)? — «Знаемъ». — «Ну такъ знайте, что я хотѣлъ сдѣлать угей его власти, вотъ за что я сосланъ.» — О! о! о! раздалось во всей толпѣ, и съ низкими поклонами, медленно пятясь назадъ, удалились дикари отъ повозки и ея хозяина. — Часть небольшая этого кочующаго племени приняла христіанскую вѣру, живетъ

осѣдло, въ избахъ, успѣшно занимается земледѣліемъ; прочіе всѣ идолопоклонники, имѣютъ своихъ жрецовъ, шамановъ, которые, питая ихъ суевѣріе, кривляются, ломаются, вертятся до обморока и въ состояніи головокруженія пророчествуютъ и заклинаютъ. Въ особенныхъ мѣстахъ скрытыхъ находятся ихъ капища. Неопрятность этихъ дикарей доходитъ до высшей степени; бѣлья они не знаютъ, носятъ шубы на голомъ тѣлѣ, обувь изъ козьихъ шкуръ, всегда въ мѣховой шапочкѣ, волосы на головѣ бреютъ, оставляя только длинную сплетенную косичку. Глаза небольшіе, прищуренные, — лобъ низкій, узкій, плоскій, лицо четыреугольное съ выдающимися скулами,— цвѣтъ лица блѣдножелтоватый, составляютъ особенность наружнаго вида ихъ племени. Между собою они называютъ себя не бурятами, а менду; привѣтствіе ихъ: амуръ менду!—этими словами мы съ ними встрѣтились и простились. Почти на двѣсти верстъ тянулись ихъ кочевья. Подвигаясь ближе къ Верхнеудинску, встрѣчали мы чаще селенія, но небольшія, и до самаго города ночевали все въ юртахъ, отлично хорошо устроенныхъ, не пропускающихъ вѣтра. Въ холодныя ночи разводятъ огонь посреди юрты, дымъ выходитъ сверху чрезъ отверстіе, которое изнутри закрывается войлочною задержкою. Вокругъ огня располагается все семейство бурята; на войлокахъ валяются голыя дѣти: взрослыя дубятъ зубами звѣриныя кожи, точатъ стрѣлы, льютъ пули, валятъ войлоки. Лакомство и любимую пищу богатыхъ бурятъ составляетъ кирпичный чай; это сборъ отпавшихъ и испорченныхъ листьевъ съ чайнаго дерева, кои, посредствомъ вишневаго клея или другого клейкаго вещества, сдавливаются въ формахъ, наподобіе плоскихъ кирпичей, длиною въ футъ, шириною въ пять вершковъ, толщиною въ два вершка, оттого и названіе кирпичнаго чая. Отъ такого кирпича отрубаютъ топоромъ небольшой кусочекъ, толкутъ его въ порошокъ, варятъ въ котлѣ, подсыпая немного соли и муки, подбавляя немного молока или масла, или жиру, или сала, и пьютъ его съ наслажденіемъ изъ деревянныхъ лакированныхъ чашекъ, поглубже и побольше блюдечекъ нашихъ чайныхъ чашекъ. Буряты всѣ охотники до табаку, курятъ его изъ коротенькихъ мѣдныхъ трубочекъ изъ латуни, изъ одного листа чубукъ и трубка, которая, въ видѣ малѣйшаго полушарика, вмѣщаетъ въ себѣ добрую щепотку табаку; закуривая трубочку, они втягиваютъ въ себя весь дымъ; эти трубочки такъ малы по причинѣ дороговизны табаку, который нынѣ разводится уже во многихъ мѣстахъ южной Сибири. Вотъ единственное ихъ наслажденіе. Безъ сомнѣнія, кочующіе буряты скоро послѣдуютъ примѣру своихъ осѣдлыхъ соплеменниковъ, живущихъ въ довольствѣ.

За двѣ недѣли до выступленія нашего изъ Читы получилъ я письмо отъ жены моей изъ станціи Степной, гдѣ она была задержана цѣлыхъ три недѣли страшнымъ наводненіемъ, иначе она застала бы меня еще въ Читѣ. Сыну моему минуло четыре года; жена моя долго затруднялась, кому довѣрить его воспитаніе. Добродѣтельная тетка А. А. Самборская отговорилась преклонными лѣтами и разстроеннымъ здоровьемъ. Старшій братъ жены моей не соглашался на отъѣздъ ея и всѣми возможными доводами отговаривалъ ее. Между тѣмъ здоровье бѣдной жены моей значительно пострадало отъ четырехлѣтней разлуки и горести, особенно когда получила рѣшительный отказъ ѣхать вмѣстѣ съ сыномъ. Генералъ - адъютантъ Дибичъ обнадеживалъ супругу И. Д. Якушкина, которая не могла ѣхать тотчасъ къ мужу, имѣя на рукахъ двухъ малолѣтнихъ сыновей, и все надѣялась на обѣщаніе Дибича. Когда жена моя лично обратилась съ просьбою къ генералъ-адъютанту А. Х. Бенкендор-

*

фу, то онъ объявилъ ей невозможность взять съ собою сына, и когда жена моя напомнила ему обѣщаніе, данное Дибичемъ, то возразилъ ей положительно: «C'est impossible, c'est une étourderie de la part du général; si vous voulez partir sans votre fils, il n'y aura jamais de retour pour vous, jamais».—Это была не пустая угроза, но придуманная мѣра, потому что по смерти двухъ моихъ товарищей А. П. Юшневскаго и А. В. Ентальцева вдовы ихъ просили позволенія возвратиться на родину и получили отказъ. Потомъ Бенкендорфъ прибавилъ: «Si vous avez besoin de quelque autre secours, j'intercederai auprès de Sa Majesté». Жена моя съ сокрушеннымъ сердцемъ отвѣтила: —«Je vais pour ne pas revenir, et je n'ai plus rien prier, quand on me refuse mon fils».—Бенкендорфъ былъ растроганъ до слезъ и просилъ: «По крайней мѣрѣ когда поѣдете, то дайте мнѣ знать, я пришлю вамъ нужныя бумаги». Жена моя, возвратившись домой, была какъ ошеломленная; съ того мгновенія сдѣлался такой шумъ въ ея головѣ, что она съ трудомъ могла слышать, какъ будто безпрестанно находилась въ лѣсу, въ коемъ бурею качаются вѣтви и листья; этотъ недугъ продолжался нѣсколько лѣтъ, и послѣ возобновлялся повременамъ при душевныхъ смущеніяхъ. Въ продолженіе разлуки со мною вела она жизнь совершенно затворническую, посвящала себя сыну и уѣхала въ деревню на Украйну. Страданія ея увеличивались, любящіе родные скорбѣли, но не знали какъ помочь,—тогда, при грозившей бѣдѣ явился ангелъ-утѣшитель—младшая сестра жены моей, Марья Васильевна, юная годами, но сильная душою. Она, — услажденіе сестры во время ея горести,—съ твердою вѣрою уговорила ее ѣхать и брала на себя сбереженіе и воспитаніе сына моего. Она умѣла успокоить жену мою и укрѣпить ее въ печальные дни, она же сняла съ нее главную заботу, единственное препятствіе къ нашему соединенію. Сборы въ дорогу продолжались недолго. Жена увѣдомила Бенкендорфа о времени своего отъѣзда и получила немедленно отъ него отвѣтъ и четыре пакета на имя губернаторовъ тобольскаго, енисейскаго, иркутскаго и нашего коменданта.

Положено было ѣхать всѣмъ семействомъ вмѣстѣ до Москвы, чтобы тамъ матери разстаться съ сыномъ, дабы дальнѣйшія дороги, изъ коихъ одна должна была вести мать въ Сибирь, а другая сына въ Петербургъ, могли бы обоимъ облегчить первые дни мучительной разлуки. Въ Москвѣ всѣ родственники моихъ товарищей навѣщали жену мою съ искреннѣйшимъ участіемъ, которое преимущественно умѣли выразить Ев. Мих. Нарышкина, впослѣдствіи княгиня Голицына, и всѣ графини Чернышевы, сестры нашей Алекс. Григ. Муравьевой; особенно Вѣра Григорьевна, нынѣ графиня Паленъ, со слезами просила взять ее съ собою подъ видомъ служанки, чтобы она тамъ могла помогать сестрѣ своей. Такъ, другая сестра ея, Наталія Григорьевна, послѣ супруга знаменитаго военачальника и покорителя Карса, Н. Н. Муравьева, просила тогда позволенія у императора дѣлить съ сестрою изгнаніе и лишенія. Не беру на себя подробно описать послѣдній день, проведенный матерью съ сыномъ; маленькій Евгеній былъ мальчикъ чувствительный, умный и послушный; мать уже давно приготовила его къ предстоящей разлукѣ, обѣщала свиданіе и возвращеніе. Изъ прощающихся съ нею въ послѣднія минуты случился тутъ предъ самымъ отъѣздомъ хорошій и близкій знакомецъ съ юныхъ лѣтъ, первый воспитанникъ перваго выпуска изъ императорскаго царскосельскаго лицея, гвардейскаго генеральнаго штаба полковникъ В. Д. Вольховскій. Жена моя не хотѣла уѣхать первая, посадила сына

въ карету и благословила его; когда тронулась карета, она сѣла въ свою коляску, и изъ тѣхъ же воротъ повернула въ противную сторону. Лишь только отъѣхала въ другую улицу, коляска спустилась на бокъ отъ небрежно застегнутой пряжки задняго рессорнаго ремня, и выломила три спицы задняго колеса. Жена моя должна была воротиться въ тѣ же покои, въ коихъ простилась съ сыномъ. Къ счастью, В. Д. Вольховскій увидѣлъ этотъ непріятный случай, поѣхалъ къ каретнику Рейхардту, честному хорошему мастеру, который увѣрялъ жену, что эта коляска хотя и дорогая, но не только довезетъ ее за Байкалъ безъ починки, но и благополучно привезетъ ее обратно. Старикъ мастеръ былъ такъ пораженъ этимъ случаемъ, что рвалъ на себѣ волосы; наканунѣ пробовали коляску съ тяжелою дорожною поклажею, катали ее по городу, по мостовой нѣсколько часовъ, чтобы потомъ подтянуть ремни; самъ мастеръ, убѣдившись въ исправности винтовъ, приказалъ подмастерью подтянуть ремни, а тотъ второпяхъ видно согрѣшилъ. Въ три часа все было готово, новыя три спицы были выкрашены и краска просохла; эта коляска проѣхала послѣ того слишкомъ шестнадцать тысячъ верстъ безъ починки; тысячу разъ благодарили славнаго мастера Рейхардта. Можно себѣ представить, какъ эти три часа показались безконечными для бѣдной матери; въ первую минуту она хотѣла послать воротить карету, но одумалась, припомнивъ взаимную борьбу перваго разставанья. В. Д. Вольховскій, въ которомъ она тогда не могла предугадывать будущаго брата и отца для ея сына, проводилъ ее послѣдній, а далѣе провожалъ ее Господь.

Іюня 17-го жена моя выѣхала изъ Москвы и нисколько не отставала отъ почты, ѣхавшей съ письмами. До Тобольска она отдохнула только въ Нижнемъ-Новгородѣ у губернскаго почтмейстера Михайлова, съ женою котораго она издавна была знакома, и еще въ Перми, въ гостепріимномъ домѣ князя Максютова. Въ Тобольскѣ, отославъ письмо Бенкендорфа къ генералъ-губернатору И. А. Вельяминову, получила отъ него предложеніе услугъ и согласилась взять въ проводники до Иркутска почтальона Сѣдова, съ помощью котораго не могло быть никакой остановки. Въ Красноярскѣ она послала другое письмо Бенкендорфа къ губернатору Степанову и немедленно отправилась далѣе. Въ Иркутскъ она прибыла 31-го іюля, тамъ была она задержана нѣсколько дней. Хотя не могли ей дѣлать такихъ препятствій, какъ княгинѣ Трубецкой, однако и отъ нея потребовали письменнаго отреченія отъ всѣхъ правъ состоянія. Во многомъ помогли ей совѣты умной княжны Варвары Шаховской, свояченицы А. Н. Муравьева, бывшаго тогда уже старшимъ совѣтникомъ губернскаго правленія въ Иркутскѣ. Августа 4-го поставили коляску на парусную лодку, отчалили, поднялась буря и качала ее до 7-го; она не могла пристать къ берегу у Посольскаго монастыря, но, къ счастью, могла войти въ заливъ въ 9-ти верстахъ отъ монастыря, въ коемъ жена моя и попутчики отслужили благодарственный молебенъ. Оттуда отъѣхала нѣсколько станцій и должна была остановиться въ Степной гдѣ приливы воды съ береговъ Селенги и Уды, наводняли тогда всѣ окрестности. Десять дней жила она въ бѣдной деревушкѣ въ амбарѣ; вода стала спускаться, но жена должна была оставить свою коляску, переправиться нѣсколько верстъ на лодкѣ, и съ трудомъ и съ опасностью добралась до слѣдующей станціи. Слуга оставался при колякѣ, она съ служанкою сѣла въ перекладную телѣгу и мчалась далѣе, мчалась, потому что сибирскіе почтовые кони иначе не возятъ. Хотя еще въ Читѣ предъ выступленіемъ нашимъ получилъ я письмо ея изъ Степной, но по случаю навод-

ненія невозможно было ожидать ее въ опредѣленный день, а по близости мѣста можно было ожидать ее ежедневно. Жену мою опередила въ Иркутскѣ нѣсколькими днями Марья Казиміровна Юшневская, которая не была задержана наводненіемъ.

27-го августа нашъ отрядъ имѣлъ дневку въ Ононскомъ бору, небольшой деревнѣ, гдѣ мы помѣщены были въ юртахъ. На переходахъ я только обѣдомъ кормилъ свой отрядъ, а послѣ обѣда отправлялся впередъ для заготовленія къ слѣдующему дню. Въ Ононскомъ бору была дневка, я провелъ цѣлый день съ товарищами, стоялъ въ одной палаткѣ съ братьями Бестужевыми и Торсономъ; они, какъ бывшіе моряки, приготовили себѣ и мнѣ по матросской койкѣ изъ парусины, которую привѣшивали къ четыремъ вбитымъ кольямъ, такъ что мы не лежали на землѣ.

Послѣ обѣда легли отдохнуть, но я не могъ уснуть. Юрты наши были поставлены близъ большой дороги, ведущей въ лѣсъ, черезъ мостикъ надъ ручьемъ. Услышавъ почтовый колокольчикъ и стукъ телѣги по мостику, выглянулъ изъ юрты и увидѣлъ даму въ зеленомъ вуалѣ. Въ мгновеніе накинулъ на себя сюртукъ и побѣжалъ навстрѣчу. Н. А. Бестужевъ пустился за мною съ моимъ галстухомъ, но не догналъ; впереди пикетъ часовыхъ бросился остановить меня, но я пробѣжалъ стрѣлою; въ нѣсколькихъ десяткахъ саженей отъ цѣпи часовыхъ остановилась тройка и съ телѣги я поднялъ и высадилъ мою добрую, и кроткую и измученную Annete. Часовые остановились; въ первую минуту я предался безотчетной радости, море было по колѣно; но куда вести жену? Она едва могла двигаться послѣ такой ѣзды и такихъ душевныхъ ощущеній. Къ счастью, пришелъ тотчасъ плацъ-адъютантъ Розенбергъ, который увѣдомилъ, что получилъ предписаніе отъ коменданта помѣстить меня съ женою въ крестьянской избѣ и приставить часового. Вопросы и отвѣты о сынѣ и родныхъ длились нѣсколько часовъ.

Мнѣ надобно было отпустить ужинъ товарищамъ, жену уговорилъ зайти къ Е. П. Нарышкиной. Лишь только приблизился къ юртамъ, какъ съ восторгомъ встрѣтили меня; товарищи были счастливы моимъ счастьемъ, обнимали меня; Якубовичъ цѣловалъ мои руки, Якушкинъ вскочилъ въ лихорадкѣ, онъ ожидалъ свою жену вмѣстѣ съ моею, каждый по-своему изъявлялъ свое участіе. Меня не допустили до кухни, другіе справляли мою обязанность. Я хотѣлъ угостить жену артельною кашею, но Давыдовъ предупредилъ меня, и изъ своей смоленской крупы на бульонѣ сварилъ для нее такую кашицу, какой лучшій поваръ вкуснѣе не сваритъ. На другой день послѣ обѣда я выступилъ съ моимъ конвоемъ и съ котлами; жена моя догнала меня въ почтовой повозкѣ; весь переходъ я провожалъ ее пѣшкомъ и бесѣдовалъ съ нею. Я не хотѣлъ присѣсть, потому что далъ себѣ слово дойти пѣшкомъ до Петровскаго. Дѣло это было не важное, однако, въ нѣсколькихъ мѣстахъ представлялись затрудненія; конвойные мои часто присѣдали на телѣги, возившія провизію и посуду. Пріѣхали къ широкому ручью безъ моста, они остановились и предложили мнѣ сѣсть,—«Нѣтъ, братцы, спасибо! поѣзжайте впередъ, я перейду»,—и благополучно прошелъ по водѣ въ полсажени глубиною; на десятой верстѣ вся одежда и бѣлье на мнѣ обсушились. Въ первые дни жена моя могла пройти со мною не далѣе версты, а черезъ недѣлю, когда приблизились къ Селенгѣ, она ходила уже по шести и болѣе верстъ; погода стояла ясная, съ 10-ти до 2-хъ часовъ солнце такъ грѣло, что она могла ходить въ холстинчатомъ капотѣ. Одну ночь привелось ей ночевать въ бурятской юртѣ; тамъ читала она полученныя письма

отъ сына и родныхъ. Ночлегъ этотъ понравился ей всего болѣе оттого, что прямо надъ головою виднѣлось, сквозь отверстія дымового, звѣздное небо.

Черезъ нѣсколько дней мы достигли береговъ Селенги, самыхъ прелестныхъ и величественныхъ. Представьте себѣ рѣку широкую, коей берегъ съ одной стороны окаймленъ высокими скалами, состоящими изъ разноцвѣтныхъ толстыхъ пластовъ, указывающихъ на постепенное свое образованіе отъ временъ начальныхъ, допотопныхъ. Гранитъ красный, желтый, сѣрый, черный, смѣняется со шпатомъ, шиферомъ, и камнемъ известковымъ, мѣловымъ и песчанымъ. Въ нѣкоторыхъ извилинахъ дорога проложена по самому берегу рѣки, слѣва—вода, быстро текущая, прозрачная, чистѣйшая, а справа скалы высятся саженъ на шестьдесятъ, мѣстами въ видѣ полусвода надъ головою проѣзжающаго, такъ что неба не видать. Далѣе вся скалистая отвѣсная стѣна горитъ тысячью блестокъ всѣхъ цвѣтовъ. По обѣимъ сторонамъ рѣки холмы перерѣзываютъ равнину, на равнинѣ издали видны огромныя массы гранита, какъ бы древніе замки съ башнями; вѣроятно, эти массы подняты были землетрясеніемъ, изверженіемъ огня; берега Байкальскаго озера подтверждаютъ такое предположеніе и въ самомъ озерѣ, называемомъ также Святымъ моремъ, есть мѣста неизмѣримой глубины, бездонныя. Палласъ, знаменитый путешественникъ въ царствованіе Екатерины великой, описываетъ эту страну и ставитъ ее съ Крымомъ въ число самыхъ красивыхъ и самыхъ величественныхъ изъ всѣхъ имъ видѣнныхъ; не знаю, былъ ли онъ на Кавказѣ и за Кавказомъ?—Точно, природа тамъ красавица, но не достаетъ тамъ людей, способныхъ и умѣющихъ ею наслаждаться; населеніе небольшое пользуется привольною и плодородною почвою съ величайшею безпечностью и лѣностью.

Отъ города Верхнеудинска мы свернули съ большой дороги влѣво; черезъ три перехода прибыли на дневку въ обширное селеніе Тарбагатай, похожее съ перваго взгляда на хорошія села ярославскія, приволжскія, по наружному виду жителей и просторныхъ домовъ. Здѣсь и на протяженіи пятидесяти верстъ кругомъ живутъ все *Семейскіе*: такъ понынѣ называются обитатели нѣсколькихъ деревень, которыхъ дѣды и отцы были сосланы въ царствованіе Анны Ивановны въ 1733 году и Екатерины великой въ 1767 году за расколъ; большею частью изъ Дорогобужа и изъ Гомеля. Имъ дозволено было продать все свое имущество движимое и переселиться въ Сибирь съ женами и дѣтьми, отчего и получили наименованіе Семейныхъ или Семейскихъ. Прибывъ за Байкалъ въ Верхнеудинскъ, явились тамъ комиссару, который отъ начальства имѣлъ повелѣніе поселить ихъ отдѣльно въ пустопорожнемъ мѣстѣ. Комиссаръ повелъ ихъ, въ концѣ великаго поста, въ дремучій боръ по теченію рѣчки Тарбагатай, позволилъ имъ самимъ выбрать мѣсто и обстроиться какъ угодно, давъ имъ четыре года льготы отъ платежа подушныхъ податей. Каково было удивленіе этого чиновника, когда посѣтилъ ихъ черезъ полтора года и увидѣлъ красиво выстроенную деревню, огороды и пашни въ такомъ мѣстѣ, гдѣ за два года былъ непроходимый лѣсъ. Это волшебство было вызвано трудолюбіемъ, но также и деньгами и бѣглыми. Какъ семейскимъ позволено было на родинѣ продать все свое имущество, то прибыли въ Сибирь съ деньгами; лишь только сосѣди узнали о прибытіи ихъ, то они и много ссыльныхъ мастеровыхъ изъ окрестъ лежащихъ рудниковъ, прибѣжали къ нимъ на помощь, и дѣло шло быстро и хорошо. Отъ Верхнеудинска на ночлегахъ и дневкахъ насъ помѣщали не въ юртахъ, но въ большихъ селеніяхъ. Въ Тарбагатаѣ мы дневали,

и имѣли время и случай разсмотрѣть все подробно. Мнѣ отведена была квартира у крестьянина, одного изъ братьевъ Чабуниныхъ: дома въ нѣсколько горницъ, съ большими окнами, крыши тесовыя, крыльца крытыя; въ одной половинѣ дома обширная изба для рабочихъ, съ русской печкой для стряпанья и печенія; въ другой половинѣ отъ трехъ до пяти чистыхъ горницъ, съ голландскими печками; полы всѣ покрыты коврами собственнаго издѣлія, столы и стулья крашеные, зеркала съ ирбитской ярмарки. Избы и дома у нихъ не только красивы углами, но и пирогами: хозяйка наша Пестимья Петровна, угостила насъ на славу щами, ветчиною, осетриною, пирожками и кашицами изъ всѣхъ возможныхъ крупъ, отъ гречневой до манной и рисовой. Во дворѣ подъ навѣсомъ стояли все кованыя телѣги, сбруя была сыромятная, кони были дюжіе и сытые, а люди, люди! ну, право, все молодецъ къ молодцу—красавицы не хуже донскихъ—рослыя, бѣлолицыя и румяныя.—День былъ воскресный, мужчины расхаживали въ суконныхъ синихъ кафтанахъ, женщины—въ душегрѣйкахъ шелковыхъ съ собольими воротниками, а кокошники—одинъ лучше и богаче другого. Однимъ словомъ, все у нихъ соотвѣтствовало одно другому: отъ дома до плуга, отъ шапки до сапога, отъ коня до овцы,—все показывало довольство, порядокъ, трудолюбіе. Одно только поражаетъ пріѣзжаго, что въ такомъ обширномъ селеніи нѣтъ церкви, а только часовня и молельня. Семейскіе принадлежатъ не къ вреднымъ сектамъ, въ коихъ при богослуженіи предаются разврату или безчеловѣчно себя истязаютъ и уродуютъ; они только не имѣютъ священника, придерживаются древнихъ книгъ до временъ Никона, и имѣютъ старинные образа; изъ среды своей избираютъ чтеца и служителя. Можно причислить ихъ къ расколу безпоповщины. Какъ всѣ старообрядцы, они не употребляютъ ни табаку, ни чаю, ни вина, ни лекарствъ,—все это почитаютъ за грѣхъ; они не прививаютъ оспы, но видно вѣра ихъ крѣпка, ни одного не встрѣтилъ между ними рябаго; они богомольны, прилежно читаютъ священное писаніе и строго соблюдаютъ обряды свои.

Народъ сильный и здоровый поддерживаетъ свою крѣпость, свое здоровье—прилежнымъ трудомъ и здоровою пищею. Въ мясоѣдъ каждый день имѣютъ говядину или свинину, въ постъ—рыбу; не только въ домѣ и въ амбарахъ видны довольство и обиліе, но и въ сундукахъ хранятся капиталы. Между поселянами нѣсколько хозяевъ нажили до 100 тысячъ рублей подрядами и доставками хлѣба, зерномъ или мукою и торговлею съ китайцими; дорогою цѣною продаютъ имъ отборную пшеницу, черные мерлушки, шкуры черныхъ ягнятъ и овецъ. Поля и обработка полей представляютъ совершенство, между тѣмъ какъ въ недальнемъ отъ нихъ разстояніи селенія и пашни старожиловъ показываютъ крайнюю бѣдность и разореніе. «Отчего сосѣди ваши такъ бѣдны?»—спросилъ я хозяина моего. — «Какъ имъ не быть бѣдными,—отвѣтилъ онъ,—когда въ рабочую пору пѣтухъ пропоетъ съ зарею, то мы уже на полѣ и пашемъ въ прохладѣ, а старожилъ только что просыпается да принимается варить для себя кирпичный чай; пока онъ дотащится до поля, солнце уже высоко; мы оканчиваемъ первую упряжку и отдыхаемъ, а онъ въ жаръ мучаетъ себя и скотину свою; ни у него, ни у коня нѣтъ силъ, такъ и запашка жалкая. Сверхъ того старожилы пьянствуютъ, не берегутъ копейки, оттого и не собираютъ капиталовъ.» — Н. А. Бестужевъ замѣтилъ богатому хозяину, почему въ деревнѣ они не заводятъ у себя машинъ для облегченія и ускоренія работъ, напримѣръ, молотильную и вѣяльную?—

Хозяинъ отвѣтилъ: — «Для молотьбы у насъ цѣпы и сушеные снопы въ овинахъ; случается что въ урожайные годы, при дешевизнѣ цѣнъ, хлѣбъ нашъ безъ вреда можетъ пролежать въ амбарѣ семь лѣтъ и больше; а для вѣянья хлѣба служитъ намъ широкая лопата. Не знаю, сколько ваша машина провѣетъ въ день?» — Четвертей двадцать. — «Такъ моя лопата и моя рука провѣютъ не меньше» — возразилъ онъ, вытянувъ сильную руку, коей кисть была шириною въ три вершка, и показавъ намъ лопату широкую, вздымающую до получетверика зерна. Весь наружный видъ этихъ людей превосходный; они блаженствуютъ, имѣютъ свое общинное правленіе, выбираютъ своихъ старостъ; на мірской сходкѣ раскладываютъ всѣ подати и повинности земскія, никогда не бываютъ въ долгу, рекрутъ ставятъ исправно. Между ними нѣтъ сословій съ преимуществами, они имѣютъ дѣло только съ исправникомъ и засѣдателемъ, съ которыми умѣютъ ладить.

На другой день ночевали мы также въ деревнѣ Семейской и нашли тотъ же бытъ и тотъ же достатокъ. Хозяинъ нашъ, Федоръ Ивановичъ Заиграевъ, принялъ насъ по европейски. Онъ нажилъ себѣ большое состояніе подрядами въ Тарбагатаѣ, но непріятности съ начальствомъ заставили его переселиться въ сосѣднюю деревню, гдѣ онъ отказался отъ торговыхъ оборотовъ. Еще имѣли мы дневку въ третьей обширной деревнѣ Семейскихъ, въ Десятниковѣ; тамъ на квартирѣ нашей застали 110-ти лѣтняго бодраго старца, который прибылъ сюда въ числѣ первыхъ Семейскихъ изгнанниковъ въ царствованіе императрицы Анны Ивановны въ 1733 году; ему было тогда тринадцать лѣтъ отъ роду, онъ хорошо помнилъ всѣ обстоятельства дальняго переселенія и первоначальнаго устройства. Старецъ словоохотный разсказывалъ, какъ они прибыли въ мѣсто необитаемое, какъ трудились, что наемный поденщикъ получалъ тогда по пяти копеекъ мѣди въ сутки, что ни онъ, ни родители, ни земляки не жалѣли о родинѣ, потому что переселились цѣлыми семействами и родствами, что страна изгнанія доставила имъ вѣротерпимость и довольство. Старецъ жилъ въ домѣ своего младшаго четвертаго сына, которому было уже за 70 лѣтъ. Прадѣдъ, хотя уже самъ не работалъ, но имѣлъ привычку носить всегда топоръ за поясомъ, и рано утромъ самъ будилъ внуковъ на работу. Онъ повелъ меня къ тремъ старшимъ сыновьямъ своимъ и съ простительнымъ тщеславіемъ показалъ мнѣ, гдѣ для каждаго изъ нихъ онъ выстроилъ особенный большой домъ, съ дворами и амбарами, и для каждаго дома по водяной мельницѣ. «Для чего ты, дѣдушка, такъ много выстроилъ мельницъ?» — спросилъ я старца. — «А посмотри-ка, поля-то какія у насъ!» — сказалъ онъ, показывая рукою на окрестъ лежащія возвышенности и горы, коихъ всѣ овраги и вершины были вспаханы; почва родитъ славнѣйшую пшеницу, коей бѣлизна муки не уступитъ крупичатой мукѣ московскихъ калачей и французскихъ булокъ, а кромѣ того находилъ я пріятный вкусъ и запахъ пшеничный, который бываетъ въ удачныхъ свѣжихъ малороссійскихъ поленицахъ. По богатству и довольству поселянъ мнѣ представилось, что вижу трудолюбивыхъ русскихъ въ Америкѣ, а не въ Сибири; но въ этихъ мѣстахъ Сибирь не хуже Америки, земля также привольная, плодородная; жители управляются сами собою, сами открыли сбытъ своимъ произведеніямъ и будутъ блаженствовать, пока люди безтолковые не станутъ вмѣшиваться въ ихъ дѣла, забывая, что устроенная община въ продолженіе вѣка лучше всѣхъ постороннихъ понимаетъ дѣйствительную выгоду свою.

Намъ оставалось еще четыре перехода до новаго мѣста заточенія; я упросилъ же-

ну ѣхать впередъ, чтобы пріискать квартиру для себя и для прислуги и запастись всѣмъ необходимымъ на первое время. Съ послѣднимъ ночлегомъ кончилась моя должность хозяина. Здѣсь, наканунѣ прибытія въ Петровскій заводъ, получили письма и важныя новости о іюльскомъ переворотѣ во Франціи, совершившемся въ три дня. Это было хорошее предзнаменованіе, и тѣмъ радостнѣе, что предпослѣднія газеты извѣщали насъ объ указахъ Карла X-го, уничтожившихъ нѣкоторыя главныя основы закона. Всякому походному человѣку пріятно приблизиться къ цѣли похода; не такъ было для насъ, приближавшихся 22 сентября къ новой тюрьмѣ. Послѣднія версты до селенія вели лѣсомъ, который, по мѣрѣ приближенія нашего къ Петровскому заводу, становился все рѣже; наконецъ видны были только кустарники и болота, за ними довольно высокія горы къ сѣверу и востоку. Въ широкой и глубокой долинѣ показалось большое селеніе, церковь, заводъ съ каменными трубами и домами, ручей, за ручьемъ виднѣлась длинная красная крыша нашей тюрьмы;—все ближе и ближе и наконецъ увидѣли огромное строеніе на высокомъ каменномъ фундаментѣ о трехъ фасахъ, изъ коихъ главный, или передній, былъ вдвое длиннѣе боковыхъ фасовъ; множество кирпичныхъ трубъ; наружныя стѣны всѣ безъ оконъ, только въ срединѣ передняго фаса было нѣсколько оконъ у выдавшейся пристройки, гдѣ была караульня, гауптвахта и единственный входъ. Когда мы вошли, то увидѣли окна внутреннихъ стѣнъ, крыльца и высокій частоколъ, отдѣляющій все внутреннее пространство на восемь отдѣльныхъ дворовъ; каждый дворъ имѣлъ свои особенныя ворота; въ каждомъ отдѣленіи помѣстили по пяти и по шести арестантовъ. Каждое крыльцо вело въ свѣтлый корридоръ шириною въ четыре аршина; въ немъ, на разстояніи двухъ саженъ двери отъ двери, были входы въ отдѣльныя кельи; каждая келья въ семь аршинъ длины и въ шесть ширины, но почти совершенно темныя, оттого что эти кельи получали свѣтъ изъ корридора чрезъ окно, прорубленное надъ дверью и забитое желѣзною рѣшеткою. Было такъ темно въ этихъ комнатахъ, что днемъ нельзя было читать въ нихъ, нельзя было разсмотрѣть стрѣлки карманныхъ часовъ. Днемъ позволяли отворять двери въ корридоръ и въ теплое время занимались въ корридорѣ, но продолжительно ли бываетъ тепло? Въ сентябрѣ начинаются морозы и продолжаются до іюня, и пришлось сидѣть въ потьмахъ или круглый день со свѣчою.

Первое впечатлѣніе было самое непріятное, тѣмъ болѣе, что было неожиданное. Какъ могли мы предполагать, что, проживъ четыре года въ Читѣ, гдѣ хотя и было тѣсно, но было свѣтло, насъ безъ всякой причины станутъ наказывать строже, лишать даже дневного свѣта. Признаюсь, мнѣ крайне жаль было тѣхъ товарищей, которымъ еще оставалось двѣнадцать лѣтъ прожить въ этой тюрьмѣ, между тѣмъ какъ чрезъ два года мнѣ предстоялъ переѣздъ на поселеніе. Два отдѣленія въ тюрьмѣ, 1-е и 12-е—послѣднее, какъ крайнія, были назначены для женатыхъ. Жены нисколько не колебались раздѣлить тюремное заточеніе съ мужьями, что запрещено было въ Читѣ по случаю тѣснаго и общаго помѣщенія; а здѣсь комнатка была отдѣльная для каждаго. Въ нашемъ отдѣленіи жили Трубецкая, Нарышкина, Фонвизина и жена моя. С. П. Трубецкой говаривалъ часто: «на что намъ окна, когда у насъ четыре солнца»! А. Г. Муравьева и Е. И. Трубецкая не могли ночевать въ тюрьмѣ, потому что тутъ строжайше запрещено было помѣстить дѣтей; двери каждой кельи запирались задвижками и замками по пробитіи вечерней зори, а грудные младенцы и маленькія дѣти часто нуждаются

въ ваннахъ, въ горячей водѣ,—гдѣ это достать ночью въ тюрьмѣ? Матери ночевали въ своихъ домахъ: А. Г. Муравьева у своей дочери Софья (Nono),—нынѣ С. Н. Бибикова, примѣрная жена и счастливая мать; Е. И. Трубецкая у своей Саши, вышедшей замужъ за Ребиндера, достойнѣйшаго ученаго мужа, бывшаго попечителемъ двухъ учебныхъ округовъ; счастливые супружествомъ, они недавно скончались; жена прежде мужа. Въ эту тюрьму пріѣхала Камилла Петровна Дантю, милая невѣста нашего В. П. Ивашева; она добровольно и охотно дѣлила жребій мужа и послѣдовала за нимъ на поселеніе въ Туринскъ. Здѣсь она кончила земную жизнь свою 30 декабря 1839 года, и черезъ годъ, 28 декабря 1840 года, мужъ послѣдовалъ за нею. Дѣти ихъ были возвращены въ Россію и хорошо воспитаны добрыми родственниками. Каждый убиралъ свою келью по своему вкусу и по своимъ средствамъ. Общая кухня находилась посреди тюремнаго двора, въ отдѣльномъ строеніи. Каждый дворъ можно было совершенно отдѣлить отъ прочихъ,—стоило только запереть ворота, что могло служить предосторожностью въ случаѣ какихъ либо безпокойствъ. Такое же пространство, какое занимало все тюремное строеніе, было обведено высокимъ частоколомъ, такъ что вся площадь подъ тюрьмою и обведеннымъ мѣстомъ составляла квадратъ. Это загороженное пространство служило намъ мѣстомъ прогулки; зимою мы устроили тамъ горы и катались на конькахъ. Корридоръ велъ по всему зданію, но для спокойствія и чтобы не было такъ шумно отъ проходящихъ изъ одного отдѣленія въ другое, то комендантъ приказалъ затворить корридорныя двери между отдѣленіями, такъ что арестантъ, чтобы изъ № 1 перейти въ № 7, долженъ былъ перейти черезъ дворъ, а не по корридору. Вѣрный планъ всей тюрьмы приложенъ въ концѣ книги.

На другой день нашего прибытія въ петровскую тюрьму прошелъ комендантъ по нѣсколькимъ отдѣленіямъ и подвергся упрекамъ отъ трехъ моихъ товарищей, спросившихъ его: почему онъ, знавъ планъ тюрьмы и ежегодно осматривавъ постройки, не представилъ начальству своему несообразность такого лишенія дневного свѣта, послѣ того, какъ мы уже четыре года въ Сибири не были лишены его и что намъ хотѣли сдѣлать улучшеніе, а вышло новое наказаніе безъ новой вины? Комендантъ хорошо понялъ всю основательность и справедливость такихъ замѣчаній, онъ былъ растроганъ и выразилъ мнѣ послѣ всю непріятность своего положенія: что планъ былъ утвержденъ высочайшею волею, что если бы онъ самъ отъ себя рѣшился бы просить за насъ, то подумали бы, что онъ хочетъ быть нашимъ ходатаемъ или что онъ нами подкупленъ, тогда назначили бы на его мѣсто другого, который могъ бы притѣснять насъ и дѣлать намъ тысячу непріятностей. Тутъ кстати упомянуть, что всѣ дѣла канцелярскія, переписка съ родственниками чрезъ посредство нашихъ женъ, доставленіе посылокъ, расчеты денежные артельные были всегда въ совершенной исправности; честность его была безусловна и служила лучшею защитою противъ несправедливыхъ домогательствъ со стороны его подчиненныхъ. Старикъ-комендантъ полстолѣтія привыкъ курить табакъ, турецкій дюбекъ, доставляемый ему въ замшевыхъ мѣшкахъ въ опредѣленные сроки. Случалось, что или не во время его выслали, или почта по времени года и по разстоянію не могла доставить посылку, однимъ словомъ—онъ двѣ недѣли былъ безъ табаку. Зная, что М. С. Лунинъ куритъ такой же табакъ, онъ приходилъ къ нему въ нумеръ и просилъ трубки; тотъ, узнавъ причину, отчего онъ куритъ съ такимъ

наслажденіемъ, предложилъ ему взаймы цѣлый мѣшокъ. Комендантъ отказался, сказавъ: «Если я у васъ возьму, то это не бѣда, я вамъ съ благодарностью возвращу; но если мои подчиненные узнаютъ, что я у васъ беру взаймы, то они тоже возьмутъ у васъ и уже никогда вамъ не отдадутъ».

Съ наступленіемъ зимы намъ невозможно было читать и заниматься въ коридорѣ отъ холода; тогда цѣлый день въ комнаткѣ горѣли наши свѣчи, отчего страдало слабое зрѣніе, такъ что я долженъ былъ прибѣгнуть къ помощи очковъ. Наши жены, въ особенности Трубецкая, Муравьева, Волконская и Нарышкина, краснорѣчиво описывали роднымъ наше мрачное жилище; жена моя послала князю Одоевскому портретъ сына его, сидящаго въ своемъ нумерѣ въ полумракѣ, какъ въ пещерѣ. Комендантъ, съ своей стороны, представилъ по начальству, что мрачныя кельи наши могутъ имѣть худыя послѣдствія для тѣхъ, которые имѣютъ слабое здоровье или наклонность къ меланхоліи. Наконецъ, весною комендантъ объявилъ намъ съ радостью, что, по ходатайству графа Бенкендорфа, императоръ повелѣть соизволилъ, чтобы въ наружной стѣнѣ каждой кельи прорублено было окно. Это было исполнено въ маѣ мѣсяцѣ; окно имѣло сажень длины и четыре вершка вышины, съ желѣзною рѣшеткою, такъ что человѣкъ не могъ пролѣзть въ него; передѣлка эта была самая пріятная и полезная для насъ. Внѣшнія работы наши продолжались, какъ по-прежнему въ Читѣ, лѣтомъ на дорогахъ, въ огородѣ, зимою мололи на ручныхъ мельницахъ; въ досужее время каждый занимался по своей охотѣ; въ книгахъ не было недостатка, для ученія было болѣе удобствъ. А. И. Одоевскій дважды въ недѣлю работалъ со мною. По средамъ проводилъ съ нами день старый морякъ К. П. Торсонъ и занималъ насъ разсказами о кругосвѣтномъ путешествіи своемъ, читалъ намъ свои записки, сообщалъ свои труды по механикѣ. Товарищи посѣщали насъ и нашихъ сосѣдей, такъ что по вечерамъ оживлялся нашъ корридоръ на два часа, до барабаннаго боя вечерней зори. Съ женою жилъ я уединеннѣе прочихъ товарищей; оттого что были у насъ постоянныя занятія; всѣ наши часы были распредѣлены даже для прогулки вдоль стѣны частокола. Жена моя почти каждый день въ 10 часовъ утра ходила на свою квартиру для устройства небольшого хозяйства; въ небольшомъ ящикѣ съ крышкою поваръ приносилъ ежедневно нашъ обѣдъ въ караульную, откуда часовой доставлялъ въ нашъ корридоръ; въ печи мы грѣли кушанье и сами убирали и выметали нашу келью. Жена моя понынѣ, по прошествіи съ того времени сорока лѣтъ, съ восхищеніемъ припоминаетъ свою жизнь въ петровской тюрьмѣ.

Въ іюлѣ 1831 года оставили насъ двое изъ нашихъ товарищей: Н. П. Рѣпинъ и М. К. Кюхельбекеръ, бывшихъ со мною въ одномъ разрядѣ, но при утвержденіи приговора верховнаго уголовнаго суда имъ былъ сбавленъ срокъ каторжной работы, а Глѣбову и мнѣ ничего не сбавили. Осенью того же года дошла до насъ вѣсть, что Рѣпинъ сгорѣлъ вмѣстѣ съ товарищемъ Андреевымъ, который поступилъ изъ Петропавловской крѣпости прямо на поселеніе въ Киренскъ, Иркутской губерніи и былъ переведенъ оттуда въ Верхнеудинскъ; на пути въ новое мѣсто жительства остановился ночевать на берегу Лены, въ Верхоленскѣ, гдѣ былъ поселенъ Рѣпинъ, въ 200 верстахъ отъ Иркутска. Рѣпинъ нанялъ квартиру у купчихи; сѣни отдѣляли его покои отъ хозяйскихъ. Можно себѣ представить, какъ отрадно было ихъ свиданіе и какъ длилась ихъ бесѣда за полночь. Хозяйская служанка

спала въ сѣняхъ и почуяла дымъ; она пошла къ хозяйкѣ осмотрѣть покои и печи, и ничего не замѣтила; съ хозяйкою вмѣстѣ воротилась въ сѣни, гдѣ дымъ уже клубился. Начали стучать въ двери Рѣпина — отвѣта не было; стучали въ ставни — не было отвѣта. Собрались люди, и когда выломали дверь, то мгновенно огонь вспыхнулъ и пламя хлынуло навстрѣчу — не было возможности для спасенія. Когда послѣ вошли въ сгорѣвшую горницу, то нашли обгорѣвшіе трупы: одинъ — Рѣпина, покороче, у самыхъ дверей, другой — Андреева, подлиннѣе, у окна. Остатки тѣлъ обоихъ были положены въ общій гробъ и похоронены на мѣстномъ кладбищѣ. Могли заподозрѣвать, что они убѣжали и сами подожгли домъ. Губернаторъ пріѣхалъ въ Верхоленскъ для слѣдствія, но трупы ясно свидѣтельствовали несчастное происшествіе. Должно предполагать, что они долго заговорились, что или не погасили свѣчки, или отъ трубокъ затлѣло одѣяло — и они угорѣли; когда же огонь ихъ коснулся, то заставилъ очнуться и искать спасенія, но уже не имѣли ни голоса, ни силы; присутствіе памяти при этомъ объясняется тѣмъ, что тѣла ихъ найдены не на кроватяхъ, а одного у дверей, другого у окна; слѣдовательно, помнили мѣсто и хотѣли выбиться. Это несчастье случилось въ апрѣлѣ 1832 г.; нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, узнавъ уже давно объ этомъ бѣдственномъ случаѣ прямымъ путемъ, получилъ я письмо отъ Рѣпина какъ бы съ того свѣта; письмо, чтобы дойти до петровской тюрьмы, пошло сперва изъ Иркутска въ Петербургъ, въ III отдѣленіе собственной царской канцеляріи, оттуда назадъ въ Иркутскъ и за Байкалъ. Съ грустью невыразимою читалъ я письмо сгорѣвшаго соузника и стараго сослуживца. Въ письмѣ знакомилъ онъ меня съ бытомъ поселенца; незадолго до отъѣзда своего изъ тюрьмы, онъ надѣялся еще на счастливый и скорый оборотъ въ жизни. Н. П. Рѣпинъ, внукъ адмирала Карцова, директора морского кадетскаго корпуса, служилъ сначала въ конной артиллеріи, участвовалъ въ войнѣ 1813 и 1814 годовъ и послѣ войны переведенъ былъ въ гвардію. Онъ былъ одаренъ необыкновенною памятью, много читалъ и вполнѣ имѣлъ даръ слова; разговоръ его былъ неисчерпаемый и всегда занимательный и оживленный. Съ твердостью стоическою переносилъ онъ заточеніе и ссылку; помню, что одинъ только разъ онъ призадумался, когда узналъ о кончинѣ зятя своего, оберъ-секретаря сената Юнкера, и жалѣлъ о сестрѣ и малолѣтнихъ дѣтяхъ ея, которымъ онъ съ радостью замѣнилъ бы отца. Съ Андреевымъ видѣлся я только въ домѣ коменданта Сукина, когда насъ посадили въ крѣпость, и еще на гласисѣ въ день исполненія приговора; онъ служилъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскомъ полку. Я слышалъ отъ близко знавшихъ его, что онъ былъ очень умный, добрый и образованный молодой человѣкъ. Сибирякъ позже разсказывалъ мнѣ, будто бы они погибли отъ руки убійцъ, которые знали, что у нихъ были деньги, ограбили, убили и подожгли домъ. Навѣрно знаю, что такъ убиты были въ Енисейскѣ наши товарищи Лисовскій и Абрамовъ 2-й.

Круглый годъ уже прожили въ новой тюрьмѣ, когда долженъ былъ разстаться съ женою по случаю приближенія родовъ. Она наняла другую квартиру, домъ отставного чиновника Занадворова, гдѣ жила Трубецкая, пока ей строили собственный домъ. Всѣ наши дамы, кромѣ жены моей, имѣли собственные дома, и всѣ, кромѣ Юшневской, Фонвизиной и Нарышкиной, имѣли дѣтей. Тоскливо и грустно было намъ разставаться. За недѣлю до разрѣшенія жены отъ бремени, мнѣ позволено было оставаться при ней; на квартирѣ находился при мнѣ часовой, который смѣнялся чрезъ сутки, и провожалъ меня, какъ нянька, когда изъ квартиры выходилъ я на работу и

на мельницу. 5-го сентября родился второй сынъ мой Кондратій; съ любовью принялъ сына на руки; впослѣдствіи очень часто, когда родились еще три сына и дочь, терзала меня грустная мысль о будущности ихъ. Съ того времени я далъ себѣ слово употребить все стараніе, чтобы самому воспитать дѣтей и указать путь, по коему человѣкъ, независимо отъ гражданскихъ отношеній, могъ быть счастливымъ и полезнымъ во всякомъ сословіи и во всякомъ мѣстѣ. Добрѣйшая жена моя, уже по рожденіи перваго сына, доказала, что вполнѣ умѣла быть вмѣстѣ и матерью, и кормилицею, и нянькою; она одна выполняла три должности, какъ водится въ народѣ у самыхъ бѣдныхъ людей, но и у нихъ есть и бабушки, и тетушки, и сестрицы, но у нея ихъ не было въ Петровскомъ. Лишь только мать поправилась силами, то осталась одна; я долженъ былъ возвратиться въ тюрьму, откуда только дважды въ недѣлю имѣлъ позволеніе навѣщать ее на нѣсколько часовъ. Это время было тягостно.

Хотя въ петровской тюрьмѣ каждый изъ насъ имѣлъ особенную свою келью и больше простора и покоя, чѣмъ въ Читѣ, хотя артель и здѣсь была общая и по-прежному старались всѣ обезпечивать нужды всѣхъ,—однако, по разъединенію нашего помѣщенія, позволившаго каждому отдѣлиться или избрать для себя тѣсный кругъ по сердцу и уму, исчезла та идеальность, которая одушевляла всѣхъ въ тѣсномъ общемъ острогѣ читинскомъ. Годы, здоровье, разстроившееся съ продолжительностью заточенія, должны были содѣйствовать къ тому. На работу выходили уже не съ хоровыми пѣснями, рѣже собирались въ общій кругъ, составился десятокъ кружковъ по родству, по наклонности характера. Иной становился все задумчивѣе въ одиночествѣ, чего въ Читѣ случиться не могло. Самую дѣятельную жизнь изъ всѣхъ моихъ товарищей въ петровской тюрьмѣ вели Ф. Б. Вольфъ и Ар. З. Муравьевъ, первый изъ нихъ былъ ученый отличный докторъ медицины, второй—практическій хирургъ; они въ сопровожденіи караульнаго вѣстового могли во всякое время выходить изъ тюрьмы, чтобы помогать больнымъ. Старикъ нашъ, комендантъ, лечился только у Вольфа, также много заводскихъ чиновниковъ и рабочихъ; пріѣзжали также страждущіе недугами изъ окрестныхъ и дальнихъ мѣстъ. Вольфъ справлялся съ большою аптекою съ помощью А. Ф. Фролова, который помогалъ растирать, толочь, варить и процѣживать лекарства. Слава Вольфа распространилась далеко, и послѣ каторжной работы увеличилась слава въ Иркутскѣ и подъ конецъ въ Тобольскѣ, гдѣ онъ скончался въ 1854 г., оставивъ небольшой капиталъ, собранный самымъ безкорыстнымъ постояннымъ трудомъ, своему бѣдному товарищу и помощнику, А. Ф. Фролову.

Ар. З. Муравьевъ пускалъ кровь, выдергивалъ зубы, ставилъ вантузы или банки, перевязывалъ раны. Бывъ командиромъ Ахтырскаго Гусарскаго полка, онъ навѣрно не думалъ сдѣлаться фельдшеромъ; находясь въ отпуску за границею, онъ въ университетахъ съ жадностью слушалъ лекціи хирургіи и посѣщалъ клиники; на поселеніи онъ продолжалъ помогать больнымъ, пока не имѣлъ несчастье переломить себѣ руку, послѣ чего онъ хворалъ и скончался въ 1845 году, въ селеніи Малой Разводной, близъ Иркутска. Во всю бытность мою въ Читѣ и въ Петровскомъ заводѣ, въ продолженіе шести лѣтъ, мы не знали смерти въ кругу нашихъ товарищей въ острогѣ и въ тюрьмѣ; обстоятельство довольно примѣчательное, если сообразить, что по принятымъ расчетамъ смертности изъ 75 человѣкъ ежегодно умираютъ двое; насъ было 82 человѣка, и не всѣ молодые люди, было нѣсколькимъ и по 60-ти лѣтъ отъ роду. Вѣроятно, къ этому способствовала жизнь однообразная, пища умѣренная, не сложная.

Я уже сказалъ, что въ Петровскомъ былъ казенный желѣзный заводъ: плавили всякую чугунную посуду, вытягивали шинное желѣзо, проволоку и пр. Въ томъ-же заводѣ была устроена водяная пильная мельница, которая уже десять лѣтъ оставалась безъ употребленія, и считали ее совершенно поврежденною. Начальникъ завода, узнавъ отъ плацъ-адъютантовъ, что между нами есть механики, занимающіеся этою наукою, просилъ коменданта, чтобы онъ позволилъ имъ осмотрѣть машины завода. Н. А. Бестужевъ и К. П. Торсонъ согласились. Каково-же было удивленіе горныхъ чиновниковъ и мастеровыхъ, когда чрезъ день, послѣ нѣкоторыхъ поправокъ и переставокъ, машина пильная стала дѣйствовать на славу!—Н. А. Бестужевъ сработалъ отличные часы съ горизонтальнымъ маятникомъ; тогда пришла ему мысль устроить часы съ астрономическимъ маятникомъ, которые вполнѣ замѣнили бы хронометры и обошлись бы гораздо дешевле; мысль эту привелъ онъ въ исполненіе двадцать лѣтъ спустя, когда былъ уже поселенъ въ Селенгинскѣ. Когда скончалась всѣми нами любимая и уважаемая А. Г. Муравьева, то Н. А. Бестужевъ собственноручно сдѣлалъ деревянный гробъ со всѣми винтами и ручками и съ внутреннею и внѣшнею обивкою; онъ же вылилъ гробъ свинцовый для помѣщенія въ него деревяннаго гроба. У Бестужева были руки золотые, онъ же былъ хорошій живописецъ. Торсонъ занимался все приготовленіемъ моделей молотильныхъ машинъ, вѣяльныхъ, сѣяльныхъ и косильныхъ. Послѣ, бывъ на поселеніи въ городѣ Селенгинскѣ, онъ строилъ эти машины, но не имѣлъ полнаго успѣха, по причинѣ неустойки работниковъ, по слабости своего здоровья и еще по скудости денежныхъ средствъ. Въ нашей петровской столярной прилежно работали столы, стулья, кресла, скамейки, комоды, шкапы; лучшими столярами были: Фроловъ, Бобрищевъ-Пушкинъ 2-ой, Борисовъ 1-ый.

Вдохновенными поэтами были у насъ А. И. Одоевскій, П. С. Бобрищевъ-Пушкинъ 2-ой и В. П. Ивашевъ; первый изъ нихъ никогда не писалъ стиховъ своихъ на бумагѣ, а сочинялъ всегда на память и диктовалъ другимъ. Такъ сочинилъ онъ поэму «Князь Василько Ростиславичъ» и множество мелкихъ стихотвореній на разные случаи. Лира его всегда была настроена; часто по заданному вопросу отвѣчалъ онъ экспромтомъ премилыми стихами; въ такія минуты игралъ румянецъ на его ланитахъ и глаза сверкали огнемъ. Онъ дѣйствительно имѣлъ большое дарованіе, но-какъ случается съ истиннымъ талантомъ, онъ пренебрегалъ имъ. П. С. Бобрищевъ-Пушкинъ 2-й сочинилъ замысловатыя басни, звучными стихами передалъ псалмы и чудное посланіе Апостола Павла о любви. В. П. Ивашевъ написалъ поэму «Стенька Разинъ». Библіотека, журналы, газеты доставляли обильное и безконечно разнообразное чтеніе; напряженно занимались науками, съ такою же любовью какъ занимались ими въ читинскомъ острогѣ. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ собирались на часъ отъ 12-ти до 20-ти товарищей для слушанья священнаго писанія, или проповѣди изъ лучшихъ духовныхъ книгъ; чтецами были Корниловичъ изъ англійскихъ проповѣдниковъ, Оболенскій и Пушкинъ изъ французскихъ, я изъ нѣмецкихъ; мы переводили иностранные подлинники безъ пера, а прямо читая по русски вслухъ иностранную книгу, на что нужно имѣть нѣкоторый навыкъ, какъ музыканту, играющему à livre ouvert. Въ церковь водили одинъ только разъ въ году для причащенія. По-прежнему мы сами между собою запретили себѣ игру въ карты, хотя легко можно было скрыть ее отъ стражи въ отдѣльныхъ

кельяхъ; зато мы позволяли себѣ, вопреки запрещенію, имѣть бумагу и чернила писали и переводили цѣлыя сочиненія.

Изъ числа всѣхъ товарищей оригинальнѣе всѣхъ жилъ М. С. Лунинъ. Онъ, занималъ 1-й нумеръ, совершенно темный, гдѣ невозможно было прорубить окна, потому что къ наружной стѣнѣ его кельи была пристроена унтеръ-офицерская караульня. Онъ не участвовалъ въ нашей артели, пилъ кирпичный чай, часто постился по обряду католической церкви, въ которую онъ перешелъ уже давно, былъ въ Варшавѣ ученикомъ и приверженцемъ извѣстнаго Мейстера. Третья часть его кельи, къ задней стѣнѣ, была отдѣлена завѣсою; за нею надъ помостками стояло большое распятіе, присланное изъ Рима, гдѣ оно освящено было папою. Въ продолженіе дня нѣсколько разъ слышны были латинскіе возгласы: «Dominus vobiscum». При всемъ этомъ онъ никогда не былъ ханжею; когда выйдетъ съ нами на работу, то любо было смотрѣть на его красивый станъ, на развязную походку, на опрятную одежду, и любо было слушать его умный и живой разговоръ. Кто навѣщалъ его въ кельѣ, тотъ всегда оставался довольнымъ его свѣтскою бесѣдою и его шутками. Однажды зашелъ къ нему Мухановъ, любившій мѣняться вещами, и спросилъ его о состояніи здоровья и что онъ подѣлываетъ? «Je viens de prier Dieu pour le salut de mon âme et pour la conservation de mes effets». Крѣпко досадовалъ онъ на Виктора Гюго за его романъ «Notre Dame de Paris», за сравненіе Эсмеральды; онъ сказалъ, что если бы отъ него зависѣло, то онъ уничтожилъ бы всѣ экземпляры и имѣлъ терпѣніе сжечь все это твореніе, бывшее въ его рукахъ, на восковой свѣчѣ по листочкамъ. Будущность нашу на поселеніи рисовалъ онъ самыми мрачными красками, утверждая, что всѣмъ намъ предстоятъ только три дороги, кои всѣ поведутъ къ погибели: одни женятся, другіе пойдутъ въ монахи, третьи сопьются. Самъ имѣлъ онъ бѣдственную участь на поселеніи помимо означенныхъ трехъ дорогъ: онъ жилъ на поселеніи совершенно уединенно, окружилъ свой собственный домикъ частоколомъ, какъ острогъ, калитка была всегда заперта, слугою и сторожемъ имѣлъ бурята. Вѣроятно, эта странность возбудила подозрѣніе: посланные чиновники отъ высшаго начальства явились къ нему неожиданно для обыска и отправили всѣ найденныя у него бумаги и рукописи въ Петербургъ, вслѣдствіе чего онъ былъ перемѣщенъ въ окрестность Нерчинска, гдѣ содержался подъ строгимъ присмотромъ. Ему было уже подъ семьдесятъ лѣтъ; ему запретили всякую переписку, даже съ сестрою, и въ 1845 году, 8 декабря, онъ скончался въ Акатуѣ, безъ болѣзни, во время послѣобѣденнаго сна, отъ апоплексическаго удара. Въ молодости своей и во время войны 1812 года служилъ онъ въ Кавалергардскомъ полку, но такъ какъ скупой отецъ его давалъ ему скудныя средства на жизнь въ столицѣ, то онъ вышелъ въ отставку, добрался до Парижа, гдѣ онъ за плату давалъ уроки французскаго и англійскаго языковъ; нѣсколько лѣтъ сряду содержалъ онъ себя собственнымъ трудомъ во Франціи и Англіи, даже исправлялъ должность адвоката подъ именемъ M. Michel. Когда отецъ его умеръ, то возвратился онъ въ отечество, вступилъ опять въ службу и послѣднее время служилъ въ лейбъ-гвардіи Гродненскомъ гусарскомъ полку въ Варшавѣ, гдѣ былъ любимъ великимъ-княземъ Константиномъ до такой искренности, что когда въ декабрѣ 1825 г. получено было повелѣніе арестовать Лунина, то князь послалъ за нимъ, чтобы предупредить его и доставить ему случай спастись бѣгствомъ заграницу; но Лунинъ предпочелъ раздѣлить участь товарищей.

Большія достоинства имѣлъ Алексѣй Петровичъ Юшневскій, бывшій генералъ-интендантъ 2-й арміи. Онъ былъ стоикъ во всемъ смыслѣ слова, съ твердыми правилами, умомъ и сердцемъ любилъ свое отечество, и безъ малѣйшаго ропота переносилъ всѣ испытанія и лишенія. Казалось, что онъ даже вызывалъ ихъ для себя, чтобы доказать, что онъ готовъ переносить и больше и не жалѣетъ никакихъ пожертвованій. Очень тѣсно былъ онъ связанъ съ П. И. Пестелемъ, который для него не имѣлъ сокровенной мысли, все ему сообщалъ и дорожилъ его мнѣніемъ и совѣтомъ. Юшневскій былъ женатъ на вдовѣ, не имѣлъ дѣтей, но одну падчерицу; жена его, Марья Казиміровна, пріѣхала къ нему въ одно время съ моею женою. Супруги жили въ петровской тюрьмѣ, въ стѣсненномъ положеніи, оттого что имѣніе Юшневскаго было подъ запрещеніемъ; даже наслѣдникъ его, родной братъ, не могъ онымъ вполнѣ распоряжаться, пока не кончилась ревизія интендантскихъ дѣлъ 2-й арміи. Это дѣло, долго тянувшееся, огорчало Юшневскаго въ тюрьмѣ потому, что если бы комиссія при ревизіи обвинила его въ чемъ нибудь, то онъ былъ лишенъ возможности оправдаться. Можно себѣ представить радость и восторгъ старца, когда, по прошествіи 8 лѣтъ, прислали ему копію съ донесенія комиссіи высшему начальству, въ коей было сказано, что бывшій генералъ-интендантъ 2-й арміи, А. П. Юшневскій, не только не причинялъ ущерба казнѣ, но, напротивъ того, благоразумными и своевременными мѣрами доставилъ казнѣ значительныя выгоды. Такое донесеніе дѣлаетъ честь не только почтенному товарищу, но и предсѣдателю названной комиссіи, генералу Николаю Николаевичу Муравьеву, правдивому и честному, впослѣдствіи заслужившему народное прозваніе Карскаго. Въ 1839 году Юшневскій былъ поселенъ въ Оёкѣ, близъ Иркутска, съ нѣкоторыми товарищами; одинъ изъ нихъ, Ф. Ф. Вадковскій, въ 1844 году захворалъ опасно, умеръ 7 января, и похороны его совершились 10 января. Товарищи сговорились отнести гробъ въ церковь, чего Юшневскій не могъ сдѣлать, потому что голова его не терпѣла холода, а ему пришлось бы идти по улицѣ съ непокрытою головою въ сильный морозъ; по этой причинѣ онъ пришелъ въ церковь одинъ и сталъ подлѣ гроба у изголовья умершаго товарища. Когда священникъ сталъ читать Евангеліе, то Юшневскій внезапно упалъ и тутъ же окончилъ жизнь свою. Присутствовавшій товарищъ, Вольфъ, старался ланцетомъ пустить кровь, но все было напрасно,—его не стало. Онъ окончилъ свои страданія 10 января 1844 г. въ церкви, при чтеніи Евангелія, бывъ окруженъ женою и друзьями. Я хорошо помню, какъ онъ мнѣ разсказывалъ въ петровской тюрьмѣ о внезапной кончинѣ отца своего, пораженнаго ударомъ молніи, и какъ онъ желалъ для себя кончину безболѣзненную и мгновенную. Желаніе его было исполнено. Тѣло его покоится возлѣ тѣла Вадковскаго въ Разводной, близъ Иркутска.

Желалъ бы о каждомъ изъ товарищей сказать нѣсколько подробностей, но вышло бы повтореніе однѣхъ и тѣхъ же похвалъ о твердости духа въ перенесеніи заточенія и изгнанія, о постоянномъ христіанскомъ смиреніи, о нравственныхъ достоинствахъ. Въ описаніи страданій моихъ товарищей и тюремной жизни старался я отбросить всѣ краски мрачныя, чтобы не подвергнуться упреку въ преувеличиваніи перенесеннаго горя или заподозрѣнію въ возбужденіи состраданія. Къ чему это? Рылѣевъ сказалъ:

„Кто брошенъ въ дальные снѣга
За дѣло чести и отчизны,
Тому сноснѣе укоризны,
Чѣмъ сожалѣніе врага".

Вотъ почему не упоминаю подробно о болѣзни и продолжительныхъ страданіяхъ А. И. Барятинскаго, прекратившихся только съ кончиною его въ 1844 году, 19-го августа, въ Тобольскѣ; о трогательныхъ напѣвахъ П. В. Абрамова, постоянно вспоминавшаго свой славный казанскій полкъ; напѣвы умолкли со смертью его въ 1838 г. въ Оёкѣ;—о семи женихахъ съ обручальными кольцами, безъ надежды на сочетаніе съ предметомъ любви;—о восьми женатыхъ, навсегда отторгнутыхъ отъ женъ и дѣтей, трое изъ нихъ дожили до вѣсти, что жены ихъ вышли замужъ за другихъ. Какими словами слѣдовало бы описать каждаго изъ тридцати слишкомъ юношей, брошенныхъ сперва въ темницу, потомъ въ Сибирь, чтобы пополнить роковое число 121-ой жертвы. Въ дальнѣйшемъ повѣствованіи представится случай говорить еще о многихъ товарищахъ, съ которыми встрѣтился на поселеніи въ Западной Сибири, на Кавказѣ, или о которыхъ имѣлъ точныя свѣдѣнія по перепискѣ съ ними съ Западною и съ Восточною Сибирью.

Приблизилось время ѣхать на поселеніе; срокъ окончанія тюремной жизни наступалъ 11-го іюля 1832 года, и какъ мнѣ было извѣстно, что родственники жены моей просили о поселеніи насъ въ Курганѣ, Тобольской губерніи, и какъ жена моя ожидала разрѣшенія отъ бремени въ концѣ августа, то упросилъ ее ѣхать впередъ до Иркутска, похлопотать тамъ о нужныхъ бумагахъ, такъ что по прибытіи моемъ въ Иркутскъ мы могли бы въ тотъ же день отправиться въ дальній путь и пріѣхать на мѣсто до ея родовъ. 2-го іюля понесъ я сына моего Кондратія въ тюрьму, чтобы крестный отецъ его, Е. П. Оболенскій, и товарищи благословили его; младенецъ былъ одѣтъ въ свѣтло-голубую шинель, сшитую крестнымъ отцомъ; онъ нисколько не смутился, увидѣвъ моихъ товарищей, обнимавшихъ и цѣловавшихъ его. Жена моя простилась со слезами; дамы наши крѣпко боялись за ея здоровье, за состояніе, въ коемъ она была съ маленькимъ ребенкомъ, въ ожиданіи имѣть скоро другого. Всѣхъ болѣе безпокоилась о ней А. Г. Муравьева: она прислала ей складной стулъ дорожный, предложила тысячу вещей, уговаривала при плаваніи чрезъ Байкалъ взять корову, дабы младенецъ во всякое время могъ имѣть парное молоко. К. П. Торсонъ сдѣлалъ для сына морскую койку; Н. А. Бестужевъ сдѣлалъ винты и пряжки и привѣсилъ койку на надежныхъ ремняхъ къ крайнему обручу отъ накидки колясочной, такъ что эта койка была лучшею висячею люлькою; ребенку было хорошо лежать, матери было спокойнѣе; за люлькою висѣла занавѣска, чтобы защитить отъ вѣтра.

3-го іюля уѣхала жена моя; безъ остановокъ достигла она Байкала; тамъ не было казенныхъ перевозныхъ судовъ, тогда еще не было пароходовъ Мясникова, и она наняла рыбацкое судно парусное, на коемъ помѣстила коляску и нѣсколько попутчиковъ. Плаваніе было самое бѣдственное: посреди озера поднялся противный вѣтеръ и качалъ ихъ нѣсколько дней; сынъ мой захворалъ; можно себѣ представить положеніе матери. Запасное молоко, взятое съ берега, прокисло; варенаго младенецъ не принималъ; съ трудомъ поили его отваромъ изъ рисовыхъ крупъ; накопецъ, онъ не принималъ никакой пищи—мать была въ отчаяніи. На пятый день буря затихла, вѣтеръ подулъ попутный, и черезъ нѣсколько часовъ пристали къ берегу. Жена моя донынѣ съ восторгомъ выражаетъ чувство блаженства, припоминая, когда она ступила на землю, когда сынъ ея больной, измученный, голодный, освѣжившись свѣжимъ молокомъ, уснулъ сладко; а она, сидя возлѣ него на полу, еще качалась всѣмъ тѣломъ, какъ на морѣ, и благодарила Бога за спасеніе сына. Отъ Лиственной станціи

до Иркутска было ей недалеко; она пріѣхала туда 12-го, ожидала меня на слѣдующій день и напрасно ждала еще двѣ недѣли. Всѣ наши расчеты во времени и всѣ наши предосторожности и мѣры рухнули отъ вѣтра и отъ неисправности канцелярской. Замедленіе моего пріѣзда въ Иркутскъ имѣло двѣ причины: генералъ-губернаторъ Лавинскій въ то время осматривалъ свои губерніи, и канцелярія его забыла къ 11 іюля предувѣдомить коменданта о мѣстѣ моего назначенія. Лепарскій получилъ эту бумагу только 20 іюля и въ тотъ же день меня отправилъ. Такимъ образомъ, пришлось мнѣ девять дней оставаться въ тюрьмѣ долѣе опредѣленнаго срока. Въ продолженіе всей бытности моей въ каторжной работѣ не было никакого сбавленія нашихъ сроковъ; но послѣ моего отбытія на поселеніе, чрезъ три мѣсяца, значительно сбавленъ былъ срокъ всѣмъ моимъ тюремнымъ товарищамъ по случаю рожденія великаго князя Михаила Николаевича въ 1832 году.

---

*

Глава одиннадцатая.

Переѣздъ изъ Восточной Сибири въ Западную.

Прощаніе съ тюрьмою.—Лагуны Селенги.—Байкалъ.—Буря. — Кн. В. М. Шаховская. — Сообщеніе. – Населеніе.—Исправникъ.—Трудолюбіе.—Смышленность. — Промышленность. — Опрятность.—С. Г. Краснокутскій.—Н. С. Бобрищевъ-Пушкинъ.—А. Н. Муравьевъ.—Верещагинъ.—Ф. М. Башмаковъ.—Горскій.—Фирстово деревня.—Гр. Мошинскій.—Кн. Сапгушко.—Крыжановскій.—Старый знакомецъ.

Въ Ильинъ день 1832 года простился я съ товарищами и съ тюрьмою: охотно съ тюрьмою, но грустно съ оставшимися товарищами. Душевно уважалъ ихъ, и теперь вспоминая, уважаю и люблю ихъ. Со многими ли изъ нихъ опять увижусь? Всѣ ли дождутся своего освобожденія? Много воспоминаній и много испытаній породнили меня съ ними! Не менѣе грустно было мнѣ проститься съ нашими дамами: онѣ съ полнымъ сомоотверженіемъ дѣлали все для облегченія нашего состоянія, а сами терпѣли гораздо больше насъ; и съ ними желалъ я опять увидѣться, но гдѣ? когда? Отвѣта не было. У тюремныхъ воротъ стояли двѣ тройки, при нихъ унтеръ-офицеръ и рядовой, мои проводники. Почтенный комендантъ Лепарскій приказалъ позвать меня въ особенную караульную комнату, гдѣ простился со мною, и простосердечно сказалъ мнѣ, что жалѣетъ, что не прежде былъ знакомъ со мною на волѣ. Я просилъ его беречь моихъ товарищей, какъ онъ поступалъ до того времени. Когда спустился по ступенямъ караульни, то еще разъ увидѣлъ товарищей, стоявшихъ подъ сводомъ воротъ, и голосомъ, движеніемъ рукъ, выраженіемъ лицъ еще разъ простились. Я ѣхалъ съ М. Н. Глѣбовымъ до Верхнеудинска, тамъ я разстался съ нимъ; онъ былъ поселенъ недалеко отъ этого города въ селеніи Кабанкахъ, гдѣ онъ прожилъ девятнадцать лѣтъ; сначала велъ мелочную продажу въ лавочкѣ, потомъ скучалъ и все жаждалъ и скучалъ, и умеръ въ 1851 году. Я безъ отдыха, не скакалъ, а летѣлъ, какъ птица изъ клѣтки; чудные берега Селенги мелькнули предъ глазами, дни и ночи ясные освѣщали всѣ предметы гдѣ яркими, гдѣ блѣдными красками, но душа попеременно была то въ Иркутскѣ у жены и сына, то у товарищей въ оставленной мною тюрьмѣ. Не доѣхавъ до посольскаго монастыря, гдѣ главная пристань судовъ, велѣлъ я по совѣту проводниковъ своротить по берегу Селенги, къ другой пристани Чертовкиной, откуда большія рыбацкія суда, отправляющіяся въ Иркутскъ, чрезъ устье Селенги входятъ въ Байкалъ. Лишь толь-

ко приблизились къ селенію Чертовкину, какъ увидѣли въ верстѣ оттуда плывущій баркасъ; у пристани не застали другихъ судовъ, и оставалось одно средство—догнать отплывшее судно. Пошелъ, ямщикъ, пошелъ! Неслись мы лихо по деревнѣ, какъ вдругъ услышалъ пронзительный крикъ, повторявшійся нѣсколько разъ отрывисто. Я оглянулся—увидѣлъ человѣка, бѣгущаго за моею повозкою, махающаго рукою, и какъ онъ упалъ, выбившись изъ силъ. Я воротился, поднялъ его, и узналъ въ немъ, въ крестьянской одеждѣ, моего петровскаго конвойнаго солдата Визгунова, георгіевскаго кавалера, который за годъ передъ тѣмъ вышелъ въ отставку и просилъ меня усердно взять его съ собою. «Самъ братъ не знаю, куда ѣду, и мѣста нѣтъ тебѣ, любезный другъ; но когда устроюсь на поселеніи, охотно приму тебя, ты въ Иркутскѣ узнаешь, гдѣ я буду поселенъ». Между тѣмъ онъ не нуждался, пользовался хорошимъ здоровьемъ, выгоднымъ мѣстомъ у селенгинскихъ рыбаковъ и перевозчиковъ, своихъ земляковъ. Откуда эта привязанность? я не давалъ ему ни копейки, узналъ онъ меня, когда во время болѣзни жены моей, онъ былъ безсмѣннымъ моимъ стражемъ; быть можетъ, заслуженный воинъ дорожилъ ласковымъ словомъ и хлѣбомъ-солью. Какъ часто грѣшимъ мы противъ людей, упрекая ихъ въ неблагодарности и выставляя имъ въ примѣръ привязанность собаки, кошки и коня; но если бы мы берегли людей, какъ многіе страстно берегутъ и холятъ собакъ и коней, то право люди были бы привязаннѣе, вѣрнѣе, лучше и полезнѣе для всѣхъ.

Далѣе поскакали по берегу рѣки цѣликомъ чрезъ поля и луга. Чрезъ полчаса поравнялись съ плывущимъ баркасомъ; изъ всей силы кричалъ я судовщикамъ: остановитесь! возмите насъ съ собой!—А дашь ли 25 рублей?—Охотно!—А 30 рублей?—Изволь!—А 35 рублей?—Хорошо!—А 40 рублей?—Дамъ. Живѣе лодку!—и два рыбака спустились съ баркаса въ небольшую лодку и причалили къ берегу. Съ проводниками моими мы быстро пересѣли, былъ у меня только чемоданъ, салфетка съ хлѣбомъ и съ бутылкою чуднаго вина отъ Е. И. Трубецкой на дорогу. Я не имѣлъ времени запастись провіантомъ на случай противнаго вѣтра; къ тому же вѣтеръ дулъ попутный, съ нимъ можно было переплыть Байкалъ въ пять часовъ. По Селенгѣ баркасъ плылъ съ помощью бичевой, которую медленно влачили три человѣка, съ кормчимъ было всего шесть человѣкъ. Поперекъ баркаса, во всю ширину его, стоялъ тарантасъ съ поднятыми оглоблями, въ немъ замѣтилъ я сѣдую голову и военную шинель. Маленькая лодка, быстро перерѣзывая прозрачную воду Селенги, догнала судно. Взобравшись туда, поклонился старику-попутчику, приказалъ унтеръ-офицеру заплатить всѣ деньги кормчему, и просилъ сего послѣдняго употребить всѣ усилія, чтобы сегодня переплыть Байкалъ, и что я готовъ въ такомъ случаѣ щедро наградить его работниковъ. Эти байкальскіе моряки, проводившіе всю жизнь на озерѣ, возившіеся съ рыбою, были медленнѣе водоземныхъ, не знали, что значитъ спѣшить и торопиться,—были хладнокровны и равнодушны ко всему, кромѣ живота своего. Было три часа пополудни, до устья Селенги оставалось плыть верстъ шестнадцать, они располагали прикрѣпить бичевую къ дереву, чтобы отобѣдать на суднѣ. «Успѣемъ, говорили они, вѣтеръ попутный, завтра рано перелетимъ, лишь бы благополучно выбраться изъ Селенги, изливающейся въ Байкалъ многими рукавами, затрудняющими плаваніе по множеству мелей и шхеръ». Баркасъ остановился у самаго берега; я уговорилъ моихъ проводниковъ выйти на берегъ и тянуть бичевую, пока перевозчики отобѣдаютъ и

отдохнуть. Молодцы-солдаты, перекусивъ хлѣба, тотчасъ послѣдовали за мною; втроемъ потянули, и шагъ за шагомъ все подвигались впередъ. Соскочивъ съ баркаса на берегъ, я повредилъ себѣ ногу въ самомъ сгибѣ у пятки, вѣроятно оступился; но съ каждымъ шагомъ было все больнѣе и больнѣе; до того ли мнѣ было, когда я зналъ, что жена моя, безъ вѣсти обо мнѣ, вѣрно въ сильномъ безпокойствѣ проводитъ каждую минуту разлуки, продолжавшейся многими днями долѣе опредѣленнаго срока! Я тянулъ за бичевую до вечерней зари. Крѣпко усталъ, а перевозчики собирались прикрѣпить бичевую къ берегу и поужинать. Кормчій божился, что вечеромъ опасно выбираться въ море, по извилистымъ рукавамъ рѣки, что съ утреннею зарею въ часъ времени выплывемъ изъ Селенги, а тамъ натянемъ парусъ. Для меня вечеръ казался свѣтлымъ, луна въ первой четверти довольно свѣтила; но я былъ съ ушибленной ногою, попутчики-солдаты были утомлены, несвѣдущи съ плаваніемъ, незнакомы съ мѣстностью, и мы должны были покориться волѣ кормчаго. Я завернулся въ шинель, легъ на палубѣ, слышалъ какъ попутчикъ въ тарантасѣ разспрашивалъ обо мнѣ моихъ проводниковъ, и скоро уснулъ.

Когда я на другое утро проснулся, то уже не видѣлъ береговъ Селенги: мы были на открытомъ озерѣ, парусъ былъ натянутъ, но вѣтеръ слабѣлъ съ каждою минутою, наконецъ, парусъ повисъ; жестяной вымпелъ на мачтѣ скрипѣлъ, ворочаясь направо и налѣво, остановился, и мы стали въ двадцати верстахъ отъ устья рѣки. Можно себѣ представить мою досаду; упреки были напрасны; рыбаки разлеглись на палубѣ и сказали спокойно: не сегодня, такъ завтра доплывемъ. Я имѣлъ досугъ разглядѣть Байкалъ или Святое море во всѣхъ направленіяхъ и во всѣхъ видоизмѣненіяхъ: берега его высокіе и волнистые тянутся грядами, то скалисты, кремнисты, то покрыты зеленью, гдѣ лѣсомъ, гдѣ травою, гдѣ пескомъ и глиною. Повсюду кругомъ видно вулканическое образованіе, и можно смѣло согласиться съ естествоиспытателями, утверждающими, что Селенга, Байкалъ, Ангара составляли прежде одну рѣку. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ озера не могли измѣрить дна; тамъ, гдѣ Ангара вытекаетъ изъ Байкала, стоятъ два огромнѣйшіе камня по самой срединѣ, которые служатъ какъ бы шлюзами; возлѣ камней, къ сторонѣ Байкала, дно неизмѣримо; тутъ явный слѣдъ вулканическаго дѣйствія, а къ сторонѣ рѣчной, къ Ангарѣ, дно не глубоко. Берега озера украшены одною только природою, нѣтъ нигдѣ слѣдовъ труда человѣческаго. Посольскаго монастыря башня, станція почтовая и нѣсколько хижинъ напоминали обитаемость этой страны.—Поврежденную ногу примачивалъ я холодною водою; просилъ рыбаковъ накормить моихъ проводниковъ за плату (у нихъ былъ семидневный запасъ, иначе не пускаются на переправу черезъ Байкалъ). Я вытащилъ изъ корзинки кусокъ хлѣба, когда попутчикъ мой, сидѣвшій все въ тарантасѣ, какъ въ Вольтеровыхъ креслахъ, пригласилъ меня раздѣлить съ нимъ супъ изъ курицы и кашу.—«Не прикажете ли водочки?»—«Если у васъ есть запасъ недѣли на двѣ, то охотно соглашаюсь, а если у васъ меньше того, то легко могу обойтись безъ водки, отъ коей уже слишкомъ семь лѣтъ отказался поневолѣ».—Я хорошо сдѣлалъ, потому что у хлѣбосольнаго попутчика была только одна бутылка водки. Мы скоро познакомились. А. П. Злобинъ находился тогда по особымъ порученіямъ при генералъ-губернаторѣ, былъ до того начальникомъ солеваренныхъ заводовъ въ области Якутской, а послѣ главнымъ начальникомъ рудниковъ. Онъ былъ въ большой горести, недавно лишившись люби-

мой супруги, съ которою счастливо прожилъ двадцать лѣтъ; осталось у него семеро дѣтей, изъ которыхъ 18-тилѣтняя дочь управляла хозяйствомъ, и заботилась о малолѣтнихъ братьяхъ и сестрахъ. Въ Якутскѣ познакомился онъ съ товарищемъ моимъ А. А. Бестужевымъ (Марлинскимъ), ласково принятымъ въ домѣ его и дававшимъ уроки его дѣтямъ. Попутчикъ мой былъ занимательный человѣкъ по своей горной части, исправлялъ свою должность съ рвеніемъ, и былъ дѣльный и полезный на своемъ мѣстѣ.

На третій день поднялась буря. Баркасъ нашъ на якорѣ качался съ канатомъ, какъ люлька. Съ боку баркаса, къ длиннымъ веревкамъ, были привязаны четыре осетра, гостинецъ Злобина своимъ иркутскимъ пріятелямъ; осетры безпрестанно подымались изъ воды и ныряли, но освободиться не могли. Насъ качало днемъ и ночью; глаза мои раскраснѣлись отъ первыхъ ясныхъ дней на морѣ, отъ отраженія солнца на водѣ, отъ вѣтра; только отрывками читалъ я Göthe's Genius; эта книжка была въ моемъ карманѣ. Отъ качанія мнѣ дѣлалось дурно, и большею частью лежалъ я днемъ на палубѣ, а ночью въ низкой каютѣ, куда влѣзалъ ползкомъ. Чѣмъ больше было мое нетерпѣніе, тѣмъ неодолимѣе становились препятствія; послѣ двухдневной бури безпрестанно дулъ противный вѣтеръ. Уже шесть дней качались на одномъ мѣстѣ; съѣстные запасы истощались; черезъ сутки пришлось бы воротиться въ Чертовкину по рукавамъ Селенги, и опять терять время. Въ осьмой день собрали крошки сухарей. Злобинъ хотѣлъ пожертвовать осетромъ, я отговорилъ; у рыбаковъ опытныхъ и запасливыхъ было еще хлѣба и водки на нѣсколько дней. Они увѣряли, что иногда случалось ждать попутнаго вѣтра до двухъ недѣль. Часто сходятся крайности: такъ столкнулись остальной черствый хлѣбъ моего щедраго попутчика, раздѣлившаго со мною все, что у него было съѣстного, съ моею бутылкою токайскаго вина, даннаго мнѣ на дорогу отъ Е. И. Трубецкой. Это чудное вино изъ погреба знаменитаго гастронома графа Лаваля хотѣлъ я беречь для жены моей въ случаѣ болѣзни, а пришлось его пить на Байкалѣ. Оно подкрѣпило моего попутчика; у рыбаковъ и проводниковъ хватило еще на разъ сухарей и водки, и рѣшено было въ полдень воротиться въ Чертовкину. Вдругъ желѣзный вымпелъ завизжалъ и началъ вертѣться вокругъ; рыбаки засмотрѣлись и опредѣлили, что будетъ: или штиль, или подуетъ вѣтеръ попутный.—„Подыми мачту! прикрѣпи парусъ!“—вѣтеръ попутный. Злобинъ сошелъ съ своего сѣдалища, самъ держалъ конецъ паруса, прибавили еще другой, вѣтеръ становился порывистѣе, и мы не плыли, а летѣли. Чрезъ нѣсколько часовъ пристали мы къ берегу близъ почтовой станціи. Тутъ узналъ я, что жена моя, переправившаяся съ Посольской пристани, провела семь дней на Байкалѣ, какъ я провелъ на немъ десять дней. Двѣ станціи до Иркутска проскакалъ по-курьерски, прибылъ туда около полуночи; о квартирѣ жены узналъ въ полиціи.

Служанка отперла двери, въ другой комнатѣ виденъ былъ свѣтъ лампады, и слышенъ голосъ жены моей, убаюкивающей засыпающаго сына. Радость свиданія была невыразима, и мы обѣщали другъ другу впредь самовольно не разлучаться; въ чертахъ лица жены прочелъ я болѣзнь сына. Дѣйствительно, онъ былъ опасно боленъ, не ѣлъ, не пилъ, обыкновенная его блѣдность стала еще блѣднѣе; мать подняла младенца, поднесла ко мнѣ, долго онъ смотрѣлъ на меня пристально, какъ вдругъ поднялъ ручку и улыбнулся; съ той минуты ему стало лучше. Во время этой тяжелой разлуки и бо-

лѣзни сына, добрая жена моя была осыпана ласками и вниманіемъ Пр. М. Муравьевой и добрѣйшею родною сестрицею ея, княжною Варварой Михайловной Шаховской. В. М. Шаховская во все время своего пребыванія при родной сестрѣ въ Верхнеудинскѣ и въ Иркутскѣ, была неутомимая защитница и утѣшительница всѣхъ нашихъ узниковъ Читинскихъ; дружественнымъ своимъ посредничествомъ доставляла нашимъ роднымъ и далѣе все то, что не могло быть передаваемо чрезъ нашихъ женъ и чрезъ коменданта по почтовому сообщенію. Александръ Николаевичъ Муравьевъ 1-ый, соскучившись праздною жизнью въ Верхнеудинскѣ, просился на службу и, бывъ давно полковникомъ гвардейскаго генеральнаго штаба и обвѣшенный орденами русскими и иностранными за Отечественную войну 1812 года, не отказался вступить въ должность городничаго въ уѣздномъ городѣ, откуда переведенъ былъ въ Иркутскъ въ той же должности, гдѣ онъ много дѣлалъ добра для горожанъ и для города. Въ обратный проѣздъ мой чрезъ Иркутскъ я засталъ его уже предсѣдателемъ губернскаго правленія. и только-что получилъ новое назначеніе исправлять должность тобольскаго гражданскаго губернатора. Я душевно обрадовался, что такому благонамѣренному, свѣдущему и приготовившемуся человѣку представился большой кругъ дѣйствій послѣ многихъ лѣтъ бездѣйствія. На другой день навѣстилъ насъ докторъ и совѣтовалъ отложить поѣздку; но мы имѣли предъ собою далекій путь и осень, незачѣмъ было медлить тѣмъ, которые всего болѣе надѣялись на помощь Божію. Я поѣхалъ въ загородный домъ губернатора, къ И. Б. Цейдлеру, тамъ получилъ подорожную и проводника казацкаго урядника, и 4-го августа, послѣ обѣда, переправились на паромѣ чрезъ прозрачнѣйшую въ мірѣ Ангару. Вечеръ былъ теплый, маленькій выпалъ дождь, но лишь поднялись съ парома, солнце освѣтило одну изъ столицъ Сибири: показались мѣстами хорошія опрятныя зданія, зелень садовъ и зеркальныя поверхности Иркуты и Ангары. Каждый шагъ велъ къ новой жизни; вся эта дорога, по коей я шесть лѣтъ передъ тѣмъ ѣхалъ зимою, представляла мнѣ все новые виды и картины оживленныя. Очень часто во всю дорогу вмѣстѣ съ женою благодарили за изобрѣтательность Торсона и Н. А. Бестужева, за спокойную висячую койку, въ коей сынокъ лежалъ такъ же хорошо, какъ въ люлькѣ, и къ великой радости нашей замѣтили въ слѣдующій день, когда кормили его кашицею и стукнула ложечка, что у него прорѣзался первый зубокъ. Вѣроятно, вся болѣзнь его была отъ зубовъ; ему становилось все лучше и лучше.

Земледѣліе и скотоводство процвѣтаютъ повсюду, гдѣ климатъ позволяетъ ими заниматься. Большая почтовая дорога отъ Тобольска до Нерчинска есть главный путь сообщенія или главная жила огромнаго тѣла, предназначеннаго къ доставленію изобильныхъ средствъ существованія для многочисленныхъ поколѣній потомства. Въ царствованіе Екатерины II называли Сибирь золотымъ дномъ, тогда богатство вѣсили золотомъ; хотя въ самомъ дѣлѣ горы ея и русло рѣкъ, и дно болотъ доставляютъ много золота, но почва ея плодородная даетъ больше. Много мѣстностей обширныхъ въ губерніяхъ Енисейской, Томской, Иркутской даютъ сороковое зерно; много земель тамъ не терпятъ удобренія или унавоживанія, какъ черноземъ нашей Украйны. Направленіе теченія главныхъ рѣкъ, Оби, Енисея, Лены со всѣми втекающими боковыми рѣками, идетъ въ Сѣверный океанъ и затрудняетъ торговлю, особенно внѣшнюю. Юговосточная часть Сибири имѣетъ судоходство въ Великій океанъ. Еще не настало время для каналовъ; безконечное протяженіе отъ Охотскаго моря до Волги имѣетъ сообщеніе водное, которое прерывается только въ трехъ мѣстахъ, и то на пространствахъ не

очень значительныхъ. Отъ урочища Нотары близъ Великаго океана, могутъ плыть суда Маею, Алданомъ, Леною; изъ Качуги на Ленѣ перевозятъ гужомъ до Байкала; оттуда Ангарою, Енисеемъ до села Маковскаго девяносто верстъ волокомъ; оттуда водою Кетью, Обью, Иртышомъ, Тоболомъ, Турою, Тагилью или прямо изъ Тюменя по Турѣ, минуя Тагиль, волокомъ прямо до Перми, и оттуда Камою въ Волгу. Слѣдовательно, на этомъ исполинскомъ разстояніи отъ Охотска до Петербурга въ 10 тысячъ верстъ, если плыть водою, то встрѣтятся только въ трехъ мѣстахъ препятствія: въ Качугѣ, въ селѣ Маковскомъ и въ Тюмени. Умноженіе населенія, капиталы, промышленность и гражданское устройство отвратятъ препятствія и дадутъ всему полезный и должный ходъ. Помню, какъ часто товарищъ мой Артамонъ Захарьевичъ Муравьевъ проклиналъ Ермака за завоеваніе Сибири, содѣлавшейся мученіемъ и гробомъ для ссыльныхъ, — такъ, но въ этомъ страна не виновата. Развѣ сѣверныя полосы нашихъ Архангельской, Вологодской, Олонецкой и Пермской губерній также не могли служить мѣстомъ изгнанія? Даже если Сибирь не доставитъ никакой особенной выгоды для Россіи, то страна, съ увеличиваніемъ населенія, съ посѣянными въ ней сѣменами, обѣщаетъ отдѣльно самой себѣ счастливую и славную будущность. Много истинно хорошаго сдѣлалъ для нея Сперанскій своимъ сибирскимъ уложеніемъ; это хорошее, безъ сомнѣнія, еще лучше разовьется, когда страсть къ централизаціи и къ подведенію всего къ одной общей формѣ, не помѣшаетъ дальнѣйшему развитію тѣхъ силъ, кои уже находятся въ Сибири.

Рѣка Енисей своимъ теченіемъ раздѣляетъ Сибирь на двѣ половины, на Восточную и Западную; первая гориста, прорѣзана рѣками изъ горныхъ источниковъ; воды быстры, чисты, прозрачны; вторая имѣетъ болѣе равнинъ, рѣки текутъ лѣниво, вода мутная; но почва обѣихъ частей плодородна, кромѣ всей сѣверной полосы. Земледѣльцы Восточной Сибири сбываютъ свои произведенія въ многочисленныхъ горныхъ заводахъ и частью на китайской границѣ; земледѣльцы Западной Сибири производятъ для внутренняго потребленія и сбываютъ сало, масло, мыло, кожи оптовымъ торговцамъ, которые скупаютъ все на ярмаркахъ, бывающихъ въ каждомъ уѣздномъ городѣ и въ значительныхъ селахъ по три раза въ годъ. Все населеніе состоитъ изъ полутора милліоновъ жителей, въ томъ числѣ небольшое число туземцевъ: остяковъ, самоѣдовъ, тунгусовъ, бурятъ и якутовъ; большая часть состоитъ изъ ссыльныхъ, изъ сброда всякихъ преступниковъ и безымянныхъ бѣглыхъ, которые въ Европейской Россіи всячески старались освободиться отъ рекрутства неправильнаго и отъ притѣсненія помѣщика. Изъ этой смѣси разнородныхъ племенъ и жителей различныхъ губерній образуется нѣчто новое, особенное, сибирское. Правительство прилагало все стараніе къ водворенію ссыльныхъ поселенцевъ. Въ царствованіе Александра I были отпускаемы на это значительныя суммы. На большой дорогѣ въ Енисейской губерніи и въ Иркутской близъ Бирюсы устроены были новыя селенія по плану: большое каре въ срединѣ составляетъ огромную площадь, отъ средины каждаго фаса перпендикулярно тянутся широкія улицы застроенныя; все селеніе имѣетъ видъ креста. Дома построены красивые съ двумя просторными половинами для двухъ семействъ; окна свѣтлыя; крыши тесовыя, выкрашенныя красною краскою. Для перваго обзаведенія поселенцевъ казна отпустила довольно денегъ на закупку лошадей, коровъ, земледѣльческихъ орудій и сѣмянъ; но мѣстные распорядители дали имъ такихъ клячъ, что невозможно было ими работать, вся прочая принадлежность также была негодная, и лѣнивые поселенцы почти всѣ разбѣжались. Я самъ видѣлъ эти новыя селенія совершенно покинутыя; люди,

оставшіеся сторожить строенія, разсказывали мнѣ, что и мѣсто для селенія было выбрано худое, безводное, неудобное для земледѣлія; опять вина мѣстнаго начальства, которое могло бы имѣть благодѣтельное вліяніе, если бы по совѣсти исполняло свои обязанности.

Въ царствованіе Екатерины II и Павла былъ Лоскутовъ комиссаромъ въ Киренскѣ,—то, что нынѣ уѣздный исправникъ. Современники его, очевидцы, называли его чудакомъ и разсказывали, что онъ днемъ и ночью носилъ высокіе ботфорты, ложился спать одѣтый и проч., но всѣ понынѣ благословляютъ его память. Дѣятельность его была необыкновенная: онъ устроилъ отличныя дороги, мосты, во всѣхъ селеніяхъ ввелъ большую исправность, коей по привычкѣ слѣдуетъ уже третье поколѣніе. Въ бывшемъ его округѣ донынѣ найдете въ крестьянскихъ домахъ большую опрятность, отлично допеченый хлѣбъ и славнѣйшій квасъ. Бывало,—разсказывали они,—комиссаръ прискачетъ неожиданно въ деревню, зайдетъ въ избу, спроситъ кусокъ хлѣба, и если хлѣбъ нехорошъ отъ нерадѣнія, то хозяйкѣ розги. Въ другой избѣ спроситъ квасу, и если квасъ слишкомъ жидокъ, или перекисъ, или если лѣтомъ подаютъ его теплый, то хозяйкѣ розги, и всѣ хозяева и всѣ семейства благодарили комиссара. Разумѣется само собою, что я не ставлю въ примѣръ такое средство; но есть много другихъ средствъ, съ коими благонамѣренный начальникъ можетъ сдѣлать пропасть добра. Нынѣ чиновники преимущественно только думаютъ какъ нажить побольше денегъ, и людей прижимаютъ взятками больнѣе, чѣмъ чудакъ, комиссаръ розгами.

Въ томъ же городѣ жилъ отставной подполковникъ Яковлевъ, бывшій тридцать лѣтъ городничимъ въ Красноярскѣ; онъ получалъ 700 рублей пенсіи, имѣлъ семейство, и по дешевизнѣ съѣстныхъ припасовъ жилъ безъ долгу, безъ милостыни и очень просто. Одинъ изъ моихъ товарищей, разсуждая въ кругу чиновниковъ о службѣ, о гражданскихъ обязанностяхъ, привелъ въ примѣръ безкорыстіе и честность отставного городничаго.—«Помилуйте!—возразилъ окружный судья,—онъ человѣкъ не честный, а просто дуракъ, глупецъ, трусъ! онъ или не умѣлъ, или боялся взять, за что же тутъ хвалить его?»—Для такого судьи честность въ мірѣ не существуетъ; правительство не можетъ обратить на путь истины такого закоренѣлаго, закаленнаго нравоучителя, если всякое злоупотребленіе его, всякая кривда, каждая взятка не будутъ преданы гласности; съ гласностью невольно явится въ немъ страхъ и совѣсть, или онъ лишиться мѣста безвозвратно. При тогда существовавшихъ отношеніяхъ я не виню этого судью: представьте себѣ юношу, который начинаетъ свою службу канцеляристомъ, бьется десятокъ лѣтъ для полученія благословеннаго чина коллежскаго регистратора; каждый день онъ видитъ, какъ отецъ его, чиновникъ опытный, умѣетъ брать взятки, какъ улучшаетъ онъ свое благосостояніе, какъ обстраивается домишкомъ и амбарчиками; каждый день отецъ подстрекаетъ сына слѣдовать его примѣру. Сынъ беретъ копейками, чтобы послѣ брать сотнями и тысячами, какъ поступаетъ отецъ. Сынъ научается смотрѣть на взятки, какъ на благопріобрѣтенное законнымъ образомъ достояніе; безчестіе и плутовство прививается къ нему, какъ прививаютъ оспу: такъ мудрено ли что такимъ образомъ увеличивается число вредныхъ и злонамѣренныхъ чиновниковъ?—Въ Сибири донынѣ чиновниковъ не много, на каждый округъ въ 250.000 квадратныхъ верстъ, имѣющій до 40.000 жителей, придется по девяти чиновниковъ: окружный судья съ тремя засѣдателями, земскій исправникъ съ тремя засѣдателями и окружный стряпчій. Если бы каждый изъ нихъ довольствовался тыся-

чью рублями въ годъ, то пришлось бы на каждаго поселянина погодно по $22^1/_2$ копейки; но кто опредѣлитъ, сколько чиновнику нужно? гдѣ предѣлъ желаніямъ чиновника, который, получая по 500 рублей ассигнаціями жалованья, живетъ съ большимъ семействомъ не хуже, не бѣднѣе наслѣдственнаго богача.

Упоминая о жителяхъ Сибири вообще, не могу описывать особенно племена кочующія, изъ коихъ я познакомился только съ бурятами. Я не жилъ съ жалкими обитателями ужасной сѣверной полосы Сибири, въ коей, отъ Обдорска до Верхне-Колымска, жили мои товарищи, съ которыми увидѣлся послѣ на пути и въ Курганѣ и на Кавказѣ: И. Ф. Фохтъ, А. В. Ентальцевъ, В. Н. Лихаревъ, В.К. Тизенгаузенъ, М. А. Назимовъ. Въ этихъ тундрахъ погибли товарищи мои Шахиревъ, Фурманъ, Бобрищевъ-Пушкинъ 1-ый, Шаховской, двое послѣднихъ лишились ума, Враницкій, который за годъ до своей кончины былъ перемѣщенъ въ Пелымь, гдѣ Фонъ-деръ-Бриггенъ тщетно старался его развлекать и поддерживать. Въ тѣхъ мѣстахъ безлюдныхъ, гдѣ полгода сряду не показывается солнце, гдѣ земля, вѣчно холодная, оттаиваетъ только на полфута глубины, гдѣ люди питаются рыбою и дичью, ѣздятъ по промысламъ на оленяхъ и на собакахъ, гдѣ нѣтъ огородовъ, нѣтъ посѣвовъ,—тамъ все малоросло, все угрюмо, все печально, все холодно.—Отъ средней полосы Сибири до юга—народъ все видный, здоровый, смышленый; ямщики славные, земледѣльцы трудолюбивые. Занимательно видѣть, какъ они къ почвѣ примѣняютъ земледѣльческія свои орудія, какъ ловко устроенъ Сибирскій плугъ въ Курганскомъ округѣ и въ другихъ мѣстахъ. Для молотьбы зимою они поливаютъ токъ и тѣмъ составляютъ зеркальный полъ изо льда, отчего хлѣбъ хорошо вымолачивается и не имѣетъ въ себѣ пыли. Вмѣсто цѣповъ они въ иныхъ мѣстностяхъ употребляютъ деревянный цилиндръ изъ лиственницы, сибирскаго дуба, въ два аршина длины и въ десять вершковъ поперечника: къ окружности прикрѣпляютъ зубцы длиною въ четыре вершка, рядовъ восемь, по восьми зубцовъ въ ряду, и съ помощью желѣзныхъ стержней, прикрѣпленныхъ къ центру боковыхъ круговъ цилиндра, или катка, въ кои придѣлываются оглобли, катаютъ по разложеннымъ снопамъ. Этотъ механизмъ ведется у нихъ съ прошедшаго столѣтія. Когда они молотятъ горохъ, то къ простой телегѣ, къ спицамъ колесъ привязываютъ небольшія цѣпы, и катаютъ телегу взадъ и впередъ по разложенному гороху. Даже когда молотятъ обыкновенными цѣпами, то напрасно не дадутъ удара по соломѣ, какъ бываетъ въ нашихъ деревняхъ: они кладутъ снопы сушенаго хлѣба въ два ряда, комлями или соломою внутрь, а колосьями въ наружную сторону, тогда въ два ряда молотятъ, двигаясь взадъ и впередъ; въ это время старушки и дѣти раскладываютъ другой такой же рядъ сноповъ, и когда молотильщики переходятъ къ другому разложенному ряду, то тѣ же старухи и дѣти идутъ къ перемолоченному первому ряду, выбираютъ солому или переворачиваютъ снопы, чтобы еще помолотить, если въ колосьяхъ еще осталось зерна. Во многихъ селеніяхъ земледѣліе въ цвѣтущемъ состояніи, но особенно достойно замѣчанія прилежаніе забайкальскихъ бурятъ, которые орошаютъ пашни и луга, даже продовольствуютъ часть Иркутской губерніи.

Этимъ кочевымъ дикарямъ, не очень давно, когда Трескинъ былъ иркутскимъ губернаторомъ, впервые раздаваемы были сохи и косы. Первопашецъ разказывалъ Н. А. Бестужеву, какимъ образомъ три работника должны были управлять одною сохою: одинъ велъ лошадь, другой держалъ соху, третій отворачивалъ пластъ земли,

поднятый сошникомъ, потому что они еще не знали употребленія лемеха. А нынѣ бурята кормятъ жителей забайкальскихъ и соперничаютъ съ семейскими, даже опередили ихъ въ орошеніи полей, луговъ и огородовъ. Эти недавно дикіе, кочевавшіе потомки монголовъ, ставъ осѣдлыми, занимаются успѣшно ремеслами; они славные столяры, плотники, кузнецы. Бурятъ требуетъ только формы, такъ называетъ онъ модель или образецъ, и сдѣлаетъ по ней какъ нельзя лучше. Хорошо они выдѣлываютъ кожи, мѣха, и скатываютъ войлокъ. Сосѣдъ его, руссkій старожилъ, еще привыкъ называть его *дошлымъ*, потому что буряты кочующіе питаются всякою падалью, но эти дошлые служатъ явнымъ и славнымъ примѣромъ, какъ въ короткое время можно преобразовать не отдѣльнаго человѣка, но цѣлое племя, когда умѣютъ взяться за дѣло съ лучшей стороны. Буряты даже стали изобрѣтательны: для переправы чрезъ рѣки, гдѣ еще не устроены правильныя сообщенія, гдѣ нѣтъ даже лодокъ и карбасовъ, тамъ они имѣютъ выдолбленныя колоды вродѣ корыть, кои хотя и могутъ поднять значительную тяжесть, но такъ вертки, что надобно большое умѣнье не только управлять ими, но даже просто сидѣть въ нихъ, и то на самомъ днѣ съ протянутыми ногами, потому что лавочкѣ нѣтъ мѣста. Эти двѣ колоды или два корыта ставятъ они рядомъ поперекъ рѣки, повозку помѣщаютъ такъ, что правое переднее и заднее колесо были въ одномъ корытѣ, а лѣвыя колеса въ другомъ, дабы такое положеніе не позволяло корытамъ расходиться, но удерживало ихъ отъ боковой качки; повозка переправляется съ большею безопасностью нежели на плоту или на карбасѣ: тотъ и другой могутъ случайно покачнуться на бокъ. Съ большею еще смышленостью они ускоряютъ при осеннихъ морозахъ переходъ чрезъ рѣку, что называютъ *заморозить* ее, посредствомъ отколотыхъ береговыхъ льдинъ, кои сцѣпляютъ вмѣстѣ морозомъ. Теченіе рѣки имъ не мѣшаетъ, потому что на снастяхъ становятъ свой карбасъ перевозный все далѣе и далѣе въ рѣку, по мѣрѣ какъ подвигается работа; съ противоположеной стороны дѣлаютъ то же самое; въ двѣ или три ночи промежутокъ загораживается самъ собою наноснымъ льдомъ, между тѣмъ какъ ниже по рѣкѣ не стало сплавныхъ льдинъ. Такая же смышленость видна при сплавкахъ дровъ по самымъ быстрымъ рѣкамъ: изъ легкихъ бревенъ дѣлаютъ раму величиной по количеству дровъ, спускаютъ ее на воду, прикрѣпляютъ къ берегу жердями и кольями; тогда просто бросаютъ дрова въ раму, наблюдая, чтобы они ложились на перекрестъ рядъ послѣ ряда, рама и крестообразное расположеніе препятствуютъ имъ расплываться.

Отъ различія климата и почвы и отъ неизмѣримыхъ разстояній бываетъ необыкновенное различіе въ цѣнахъ на хлѣбъ и на съѣстные припасы. Въ сѣверной полосѣ и на востокъ до Иркутска, ржаная мука доходитъ до трехъ рублей серебромъ и болѣе за пудъ, между тѣмъ какъ въ Иркутскѣ пудъ стоитъ 60 копеекъ, а въ Минусинскѣ и въ Курганѣ 10 копѣекъ. Пшеница хорошо родится за Байкаломъ и во всей южной полосѣ. Говядина въ населенныхъ мѣстахъ повсюду дешева, можно имѣть ее по одной копейкѣ за фунтъ. Сибирская лошадь крестьянская для работы покупается лучшая за 15 рублей, корова за 6 и за 8 рублей. Изъ этого видно, что матеріальная жизнь тамъ не дорога. Сахаръ, колоніальные и бакалейные товары привозятъ купцы во время ярмарокъ. Фабричная промышленность въ совершенномъ дѣтствѣ; въ нѣкоторыхъ городахъ появляются заводы мыловаренные, кожевенные и салотопные. Въ 40 верстахъ отъ Иркутска находится обширная Тельминская суконная фабрика, выдѣлывающая порядочныя сукна изъ туземной шерсти.

Въ бытность мою въ томъ краю составилось общество овцеводовъ, подъ предсѣдательствомъ губернатора Цейдлера, которое изъ Саксоніи пригнало стадо хорошихъ овецъ; оно прибыло благополучно, убыль отъ дальнаго пути замѣнилась приплодомъ во время дороги, но стадо постепенно извелось; не климатъ, не кормъ, но вѣроятно недосмотръ былъ тому причиною.—Сермягу, холстъ, пестрядь и ковры ткутъ въ деревняхъ для собственнаго употребленія. Тюмень продаетъ ковры собственнаго издѣлія. Зимою, населеніе при большой дорогѣ, имѣетъ довольно заработковъ: перевозятъ чай, китайскіе товары, золото и серебро въ Россію европейскую, оттуда обратно, преимущественно изъ Ирбита идетъ значительная кладь до Иркутска. Этотъ городъ всѣхъ сибирскихъ городовъ занимаетъ первое мѣсто по торговлѣ и по богатству купцовъ, которые кромѣ того славятся благотворительностью и образованностью: Кузнецовы, Медвѣдниковы, Баснины, Кондинскіе; сыновья ихъ получили окончательное образованіе въ Англіи.—Купцы прочихъ городовъ особенно Западной Сибири, имѣютъ въ оборотѣ не собственные капиталы, а болѣе закупаютъ какъ комиссіонеры на деньги купцовъ казанскихъ и ирбитскихъ, или вообще богатѣйшихъ, посылающихъ сало, масло, кожи въ наши дальнѣйшіе портовые города. Въ Иркутскѣ главное складочное мѣсто товаровъ европейскихъ, китайскихъ и американской компаніи.—Съ недавняго времени сильно распространилось добываніе драгоцѣнныхъ металловъ: Уралъ, Алтай, Саянъ и Нерчинскія горы богаты ими, и безъ сомнѣнія заключаютъ въ нѣдрахъ своихъ еще много сокровищъ не открытыхъ. Частные золотопромышленники добываютъ золото еще въ большемъ количествѣ изъ розсыпей въ Томской губерніи по рѣчкѣ Кундустуюлу и въ Иркутской губерніи по рѣчкѣ большой Бирюсѣ. Добыванія доведены до общаго свѣдѣнія и правительствомъ и частными лицами въ журналахъ и газетахъ. Чихачевъ пишетъ о томъ съ знаніемъ дѣла. Въ 1863 году добыто было на казенныхъ и на частныхъ промыслахъ *шлиховаго золота* въ Восточной Сибири болѣе тысячи пудовъ, въ Западной Сибири десятая доля означеннаго количества, а въ Пермской и Оренбурской губерніяхъ болѣе трехъ сотъ пудовъ, всего 1459 пудовъ золота.—*Серебра* выплавлено въ 1863 году на казенныхъ и частныхъ заводахъ болѣе тысячи пудовъ.—*Свинца* 70.000 пуд.—*Мѣди* 286.000 пуд.—*Чугуна* 14 милліоновъ пуд.—*Желѣза кричнаго и пудлингового* 10 милліоновъ пуд.—*Соли самосадочной* 30 милл:, *каменной* 2 милл:, *выварочной* 8 милл.—*Каменнаго угля* $9^1/_2$ милл.—*Петролея и нефти* слишкомъ 500.000 пудовъ.

Жалѣю только, что вольные работники и вообще механики, мастеровые, конторщики и приказчики при этихъ заводахъ, какъ я слышалъ, наживаютъ много денегъ, проживаютъ ихъ въ пьянствѣ и въ развратѣ въ пользу ловкихъ и предпріимчивыхъ маркитантовъ, и такимъ образомъ, не доставляя пользы себѣ, отнимаютъ сильныхъ работниковъ отъ земледѣлія и увеличиваютъ число безполезныхъ и вредныхъ людей.

Картина большой почтовой дороги въ Сибири представляетъ предметы, свойственные странѣ мало населенной. Городъ отъ города отстоитъ на 500 верстъ; деревня отъ деревни на 30 верстъ; зато горы, лѣса и рѣки въ большомъ размѣрѣ тянутся на сотни верстъ. Жители, коренные русскіе, также мало представляютъ разнообразія: тамъ лица, одежда, языкъ не разнствуютъ такъ рѣзко, какъ мы то видимъ въ Европейской Россіи отъ Петербурга до Одессы, гдѣ почти каждая губернія имѣетъ свой нарядъ, свое произношеніе, свое нарѣчіе. Зато въ Сибири самымъ пріятнымъ образомъ поражаетъ васъ опрятность; не только столы, скамейки и полы чисто вымыты, но даже

стѣны и крыльцо моютъ мыломъ; печи всегда выбѣлены. Села и деревни имѣютъ видъ наряднѣе и веселѣе уѣздныхъ городовъ, гдѣ строенія все деревянныя и гдѣ сосредоточиваются чиновники и приказные. Губернскіе города походятъ на наши города, и нѣсколько улицъ обстроены каменными зданіями въ нѣсколько этажей, имѣютъ красивыя церкви и большія площади. Меньшій изъ губернскихъ городовъ Красноярскъ, но онъ красивъ мѣстностью, при впаденіи Качи въ Енисей, окруженъ съ трехъ сторонъ горами, улицы вымощены природой мелкимъ щебнемъ и пескомъ. Тутъ я уже не засталъ знакомца моего купца Старцева, у котораго желалъ разспросить о таинственномъ лицѣ, объ Афанасіи Петровичѣ, который въ первый проѣздъ мой въ 1827 году былъ главнымъ предметомъ разговоровъ и общаго любопытства отъ Тюмени до Красноярска. Старцевъ умеръ, дѣти не знали его тайны. Но здѣсь увидѣлся я и познакомился съ двумя соизгнанниками, соузниками, которыхъ засталъ въ крайне жалкомъ состояніи.

Семенъ Григорьевичъ Краснокутскій, бывшій оберъ-прокуроръ сената и родственникъ Кочубея, былъ сосланъ прямо на поселеніе изъ Петропавловской крѣпости въ Якутскъ, оттуда по просьбѣ родныхъ переведенъ въ лучшій южный округъ, въ Минусинскъ. Тамъ жилъ съ нимъ вмѣстѣ нашъ С. И. Кривцовъ, и зналъ его здоровымъ и бодрымъ; но чрезъ нѣсколько лѣтъ почувствовалъ онъ большое разслабленіе въ ногахъ, въ колѣнахъ и въ бедрахъ, такъ что не могъ ходить иначе, какъ опираясь подъ руку и на плеча проводниковъ, иначе ноги его плелись, какъ веревки, и наконецъ ноги отнялись совершенно. Тогда перевезли его въ Красноярскъ, гдѣ тщетно лекаря городскіе и деревенскіе и бухарскіе и армянскіе употребляли различныя средства, покупаемыя цѣною золота, но все напрасно. Родные посылали ему денегъ, онѣ были безполезны; родные просили для него позволенія пользоваться Сибирскими минеральными водами, въ этомъ было имъ отказано. Я видѣлъ его, когда онъ уже два года не вставалъ съ постели; глаза его блестящіе и живые, цвѣтъ лица его пергаментный показывали живость ума и разрушенія тѣла. Въ церковь возили его изрѣдка, въ особенной, для него устроенной тачкѣ, въ которой онъ лежалъ во время литургіи, такъ катали его обратно на квартиру, и по улицѣ за городъ, для укрѣпленія его свѣжимъ воздухомъ и движеніемъ тачки.—Я долженъ былъ ему разсказывать подробно о друзьяхъ его, оставшихся въ Петровской тюрьмѣ; онъ слушалъ съ жадностью, но мнѣ трудно и мучительно было глядѣть на него. Я простился съ нимъ съ тяжелымъ сердцемъ; еще страдалъ онъ два года, не покидая своей постели; былъ перевезенъ въ Тобольскъ, гдѣ смертью избавился отъ мученій въ 1841 году.—Отъ него пошелъ я къ другому товарищу, который не меньше его достоинъ былъ сожалѣнія и участія.

Николай Сергѣевичъ Бобрищевъ-Пушкинъ 1-й, служившій въ генеральномъ штабѣ, былъ также сосланъ прямо на поселеніе въ Туруханскъ. Раздраженное воображеніе въ Петропавловской крѣпости, особенно когда комитетъ добивался у него, куда онъ вмѣстѣ съ Заикинымъ зарылъ «Русскую Правду» Пестеля, раздражилось еще болѣе въ дальной ссылкѣ, гдѣ не встрѣтилъ ни брата, ни друга; въ безпрестанной борьбѣ съ самимъ собою онъ сошелъ съ ума. Тогда перемѣстили его въ Красноярскую больницу, гдѣ я навѣстилъ его. У него была особенная комната въ отдѣльномъ флигелѣ, была старательная прислуга, онъ ни на что не жаловался. Мы были сосѣдями по казематамъ Кронверкской куртины Петропавловской крѣпости, но въ Красноярскѣ увидѣлись

въ первый разъ; я передалъ ему вѣсти о родномъ братѣ его Павлѣ Сергѣевичѣ, съ которымъ я особенно сдружился въ Читѣ и душевно уважалъ и полюбилъ его. Онъ слушалъ съ видимымъ наслажденіемъ и восторгомъ, только изрѣдка перерывалъ мою рѣчь, замѣчая:—«за что же моего младшаго и лучшаго брата наказали строже меня?»— До слезъ былъ онъ растроганъ, когда передалъ ему въ подробности жизнь дѣятельную и духовную этого любимаго брата; но вдругъ ни къ селу, ни къ городу сталъ онъ убѣждать меня въ необходимости завоеванія Турціи, и разсказывалъ какъ всего легче взять Константинополь. Выслушавъ всѣ стратегическія средства и тактическія мѣры, я долженъ былъ еще выслушать выдуманныя имъ средства противъ холеры. Бѣдный разстроенный человѣкъ понесъ такую чепуху, заговорилъ стихами. Пора было разстаться: онъ—въ восторгѣ отъ своихъ изобрѣтеній, я—въ глубокой скорби отъ его восторга. Чрезъ полгода послѣ того освободили брата его Павла Сергѣевича и весь четвертый разрядъ государственныхъ преступниковъ: имъ уменьшенъ былъ срокъ каторжной работы по случаю рожденія великаго князя Михаила Николаевича. Тогда оба брата были соединены въ Тобольскѣ, гдѣ младшій братъ своею любовью и своими трудами берегъ и содержалъ несчастнаго разстроеннаго брата.

Павелъ Сергѣевичъ скончался въ Москвѣ въ 1865 году, а умалишенный братъ пережилъ его, не вѣритъ смерти брата, и теперь добрѣйшая сестрица его Марья Сергѣевна, въ Тульской губерніи, Алексинскаго уѣзда, въ деревнѣ Коростино, своими нѣжными попеченіями замѣняетъ ему любимаго брата Павла, котораго онъ всегда слушался.

Погода благопріятствовала нашему путешествію; дорога была отличная по всей Томской губерніи, частью отъ природы, отъ грунта земли, частью отъ стараній бывшаго губернатора Токарева. Содержатели станцій, хозяева домовъ въ городахъ, въ которыхъ останавливались ночевать, были исполнены вниманія и гостепріимства. Въ концѣ августа достигли мы границы Тобольской губерніи; повсюду спрашивали меня, скоро ли будетъ новый губернаторъ тобольскій Александръ Николаевичъ Муравьевъ, который въ 1826 году вмѣстѣ съ нами приговоренъ былъ верховнымъ уголовнымъ судомъ къ каторжной работѣ, но при конфирмаціи всемилостивѣйше повелѣно было, безъ лишенія чиновъ, орденовъ и правъ дворянства, сослать его въ Сибирь на жительство. Сначала отправили его въ Якутскъ, на пути съ береговъ Лены воротили его, и все его семейство, и перемѣстили въ Верхнеудинскъ. Чрезъ два года получилъ онъ тамъ должность городничаго, потомъ былъ городничимъ въ Иркутскѣ, послѣ предсѣдателемъ губернскаго правленія, и потомъ губернаторомъ въ Тобольскѣ. Во всѣхъ этихъ должностяхъ въ Сибири дѣлалъ онъ много добра, и оставилъ по себѣ память безкорыстнаго и полезнаго слуги отечества. Очень часто случалось ему при письменномъ изъявленіи своего мнѣнія, при докладахъ правительственныхъ актовъ быть одному противъ мнѣнія многихъ; случалось, что при такихъ важныхъ дѣлахъ, кои представляемы были на высочайшее усмотрѣніе, государь отмѣчалъ собственноручно—«согласенъ съ мнѣніемъ Муравьева.» Но трудно было ему держаться надолго противъ происковъ цѣлой ватаги недоброжелателей и взяточниковъ, которымъ показалось преступленіемъ, что губернаторъ ничего ни беретъ даже съ откупщиковъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ борьбы съ интригами и доносами, и послѣ совѣстливаго управленія губерніей, онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Таврической

казенной палаты. Въ концѣ царствованія Николая былъ онъ по собственному желанію переименованъ въ генералъ-маіоры, а по воцареніи Александра II былъ онъ назначенъ губернаторомъ Нижегородскимъ, когда созываемы были губернскіе комитеты для улучшенія быта крестьянъ и предварительныхъ мѣръ ихъ освобожденія; тутъ онъ былъ совершенно на своемъ мѣстѣ, какъ мужъ, приготовившійся къ важному перевороту. Дворянство этой губерніи было во всемъ передовое, по своему самоотверженію и великодушію губернаторъ за отличіе произведенъ былъ въ генералъ-лейтенанты, и когда уже старость и слабое зрѣніе заставили оставить общественную службу, то былъ уволенъ съ званіемъ сенатора и скончался въ Москвѣ въ 1863 году.

Когда пріѣхали въ городъ Тару, мы остановились у почтоваго двора и спросили, гдѣ останавливаются проѣзжающіе? Не желая войти въ почтовую контору, я пошелъ прямо къ крыльцу; на лѣстницѣ стоялъ почтмейстеръ въ парадномъ мундирѣ, встрѣтилъ меня съ поклономъ и величалъ меня превосходительнымъ. Я тотчасъ догадался за кого онъ меня принимаетъ и, сказавъ, что я не губернаторъ, а ссыльный, просилъ его указать мнѣ отдѣльную комнату для жены моей съ младенцемъ. «Сдѣлайте мнѣ честь и остановитесь у меня; въ случаѣ внезапнаго пріѣзда губернатора есть у меня еще комнаты для него; прошу покорнѣйше, супруга ваша и вы здѣсь отдохнете спокойно». Онъ ввелъ насъ въ свои пріемныя комнаты и просилъ позволенія представить намъ жену свою. Вошла его супруга, молодая и миловидная, и послѣ нашихъ привѣтствій мужъ обратился къ ней, взялъ ее за руку и, указавъ на жену мою, сказалъ ей прерывающимся голосомъ:—«вотъ, другъ мой, прекрасный и высокій примѣръ, какъ должно исполнять священныя свои обязанности; я увѣренъ, что ты, въ случаѣ несчастья со мною, будешь подражать этой супругѣ». Ласковые хозяева угостили насъ, уложили нашего младенца на парадномъ диванѣ и всячески уговаривали насъ остаться у нихъ по крайней мѣрѣ сутки; но мы спѣшили, остались здѣсь только часа на три. Въ это время посѣтили насъ неожиданно двое ссыльныхъ, проживавшихъ тогда въ Тарѣ: Флегонтъ Мироновичъ Башмаковъ, знаменитый батарейный командиръ въ Отечественную славную войну 1812 года; послѣ заключенія мира оставался съ батареею во Франціи въ корпусѣ Воронцова, а по возвращеніи съ корпусомъ въ Россію въ 1818 году имѣлъ несчастье утратить или проиграть казенную сумму и былъ разжалованъ въ солдаты. Въ 1826 году, по принятому участію въ возстаніи Черниговскаго пѣхотнаго полка, былъ онъ сосланъ на поселеніе въ Сибирь и жилъ въ Тарѣ въ крайней бѣдности. Ни несчастье, ни старость, ни нужда не могли согнуть храбраго артиллериста; онъ умеръ въ Тобольскѣ въ 1859 году, имѣвъ 90 лѣтъ отъ роду. Статскій совѣтникъ Граббе-Горскій также былъ въ молодости артиллеристомъ, имѣлъ георгіевскій крестъ за храбрость, вышелъ въ отставку послѣ войнѣ съ Наполеономъ и служилъ въ сенатѣ. Декабря 14-го онъ показывался на сенатской площади посреди каре возставшихъ ротъ, въ парадной формѣ, въ шляпѣ съ плюмажемъ. Онъ долго арестованъ былъ въ крѣпости и былъ сосланъ въ Березовъ на жительство, безъ лишенія чиновъ, дворянства и орденовъ; послѣ переведенъ былъ въ Тару, гдѣ климатъ не такъ суровъ, какъ въ Березовѣ, и гдѣ, послѣ тяжкой болѣзни, скончался въ одиночествѣ.

Вѣжливый и добрый почтмейстеръ Верещагинъ проводилъ насъ такъ же ласково, какъ встрѣтилъ; кажется, онъ на время только согласился служить въ Сибири для скорѣйшаго повышенія въ чинъ коллежскаго ассесора; тогда экзамены были строгіе и пытливые. Мы ночевали въ тотъ день въ селеніи у вдовы; къ ней собрались

три сестры, также вдовы, всѣ въ черныхъ одеждахъ, въ печали. Я старался заговорить ихъ, жена моя ихъ утѣшала, и нашъ самоваръ и душистый чай немного ихъ разсѣялъ. На слѣдующій день 29-го августа перемѣнили лошадей въ богатомъ селѣ Рыбинскомъ, гдѣ хозяинъ, крестьянинъ-земледѣлецъ, имѣлъ просторный домъ, съ хорошею мебелью, съ зеркалами, картинами, коврами, какъ случалось мнѣ видѣть только у семейскихъ за Байкаломъ. Бойкіе кони помчали насъ до слѣдующей станціи чрезвычайно быстро; жена моя привыкла къ этой ѣздѣ, но по временамъ ощущала боли, возвращавшіяс періодически чрезъ нѣсколько минутъ. Пріѣхалъ на станцію въ Фирстово деревню, видѣлъ, что предположенія наши и разсчеты не сбылись. Жена моя должна была лечь въ постель; я тотчасъ разослалъ людей за бабкою, и чрезъ часъ Богъ даровалъ намъ сына. Сынъ мой Василій, родившійся на пути, на почтовой станціи, былъ самымъ спокойнымъ и кроткимъ младенцемъ изъ всѣхъ моихъ дѣтей.

Намъ невозможно было долго оставаться на мѣстѣ, потому что въ сентябрѣ увеличивались морозы по ночамъ, днемъ шелъ дождь или было сыро; все это не благопріятствовало путешествію съ больною женою и двумя младенцами. Чрезъ семь дней окрестили Василія: пригласили священника изъ Рыбинскаго села, а изъ Фирстовой деревни позвали самаго бѣднаго мужика и самую бѣдную женщину въ воспріемники отъ купели.

Въ девятый день, съ помощью Божіей, мы пустились въ дальнѣйшій путь: добрѣйшая жена моя заранѣе придумала какъ распорядиться получше. Кондратій продолжалъ лежать въ своей висячей матросской койкѣ, Василій то н колѣнахъ, то у груди матери. Въ два дня прискакали благополучно въ Тобольскъ.

Въ Тобольскѣ имѣли спокойную квартиру и пріятный отдыхъ: я навѣстилъ полицеймейстера Алексѣева, который такъ радушно принялъ меня, когда съ товарищами въ 1827 году мы отправлены были въ Читу. Утѣшительно было для меня свиданіе съ товарищемъ В. Н. Лихаревымъ, съ которымъ цѣлый годъ прожилъ въ Читинскомъ острогѣ, откуда онъ поселенъ былъ въ Кондинскомъ монастырѣ и наконецъ переведенъ въ Курганъ. Меня навѣстилъ графъ Мошинскій, сосланный по дѣлу польскаго тайнаго общества въ 1827 году; на другой день я пошелъ къ нему и засталъ у него изъ сосланныхъ его земляковъ за возстаніе въ 1830 году: князя Романа Сангушко, служившаго тогда рядовымъ въ линейномъ батальонѣ, и полковника Крыжановскаго, служившаго съ большимъ отличіемъ въ арміи Наполеона, въ Испаніи, подъ начальствомъ извѣстнаго Хлопицкаго. Занимательно было слушать ихъ бесѣду и сужденія; я видѣлъ у нихъ портретъ Скржинецкаго, пуговицу 4-го полка, почерки замѣчательныхъ лицъ и планы сраженій 1831 года. Тутъ опять имѣлъ я доказательство, что когда встрѣтишь совершенно образованнаго поляка, то онъ вдвое привлекательнѣе всякаго другого, какой бы то ни было національности; о нихъ и объ ихъ участи разскажу ниже, въ своемъ мѣстѣ. На минуту зашелъ я къ прокурору Криднеру, оказавшему вниманіе женѣ моей, когда она ѣхала ко мнѣ чрезъ Тобольскъ; онъ принадлежалъ къ числу немногихъ людей, которые стары только числомъ лѣтъ, а молодость и дѣятельность сохраняютъ до могилы; ему было 80 лѣтъ, но на охотѣ и въ работѣ былъ онъ бодрѣе и веселѣе молодежи. Чрезъ три дня выѣхали изъ Тобольска, повернули на югъ съ большой дороги, и на другой день ночевали въ Ялуторовскѣ; здѣсь увидѣлся съ двумя товарищами,

съ которыми годъ прожилъ въ Читѣ: съ А. В. Ентальцевымъ и съ В. К. Тизенгаузеномъ. Первый изъ нихъ жилъ тамъ съ женою, жаловался на нездоровье, на скуку и вспоминалъ свою конную батарею и утраченную карьеру. Тизенгаузенъ уже въ 1815 году командовалъ полкомъ во Франціи, въ корпусѣ графа М. С. Воронцова, и одинъ изъ старшихъ лѣтами изъ числа всѣхъ товарищей, строилъ большой деревянный домъ съ колоннами, имѣлъ въ виду устроить клубъ, но лишь только домъ былъ достроенъ, то сгорѣлъ отъ злобы плотника. Дважды старикъ выстраивалъ снова, и въ третій разъ лишился дома отъ пожара; но онъ все не унывалъ, изъ остатковъ обгорѣвшихъ стѣнъ опять сколачивалъ домикъ свой, прилежно трудился въ саду и въ огородѣ и вполнѣ былъ увѣренъ, что доживетъ до своего освобожденія.

Въ одинъ день невозможно было доѣхать до Кургана, особенно съ двумя младенцами трудно было ѣхать ночью. Мы остановились на послѣдней станціи отъ Кургана въ Бѣлозерскѣ. Содержатель станціи объявилъ мнѣ, что засѣдатель земскаго суда желаетъ меня видѣть. Вошелъ Герасимовъ, который проводилъ меня отъ Тобольска до Иркутска. Я обрадовался свиданію, а онъ снова отрекомендовалъ себя: «Я титулярный уже совѣтникъ и имѣю собственный домъ». Эти слова и выраженіе голоса такъ краснорѣчиво высказали самодовольство, что я обнялъ старика и искренно поздравилъ его, пожелавъ ему скорѣе быть коллежскимъ асессоромъ. Послѣднюю станцію пришлось нѣсколько верстъ ѣхать по глубокому песку, лѣсомъ, потомъ равниною, на коей по обѣимъ сторонамъ дороги показывались вдали большія деревни; наконецъ увидѣлъ колокольню курганской церкви, Тоболъ, лѣниво текущій въ низкихъ плоскихъ берегахъ, кое-гдѣ обнизанныхъ кустарникомъ. Чувство невыразимой грусти охватило сердце при мысли, что въ этомъ мѣстѣ окончишь жизнь изгнанника. Это чувство, эта мысль останавливали дыханіе при взглядѣ на жену мою и на малютокъ; все ближе, ближе, глядѣлъ на церковь, вспоминалъ товарищей, прежде меня поселенныхъ въ Курганѣ, и бодро и бойко подъѣхали къ дому полиціи.

Глава двѣнадцатая.

Поселеніе въ Курганѣ.

Курганъ.—М. А. Назимовъ.—И. Ф. Фохтъ.—В. Н. Лихаревъ.—Коцебу.—Окрестность.—Ярмарки.—Общество.—Масляница.—Печаль.—Новоселье.—Нарышкины.—Н. И. Лореръ.—Поляки.—А. Ф. фонъ деръ-Бриггенъ.—Миннхъ.—Горе и радость.—Раздача земли.—Мусинъ-Пушкинъ.—Земледѣліе.—Хозяйство. — Петерсонъ.—Посѣтители.—Воспитаніе. — Паденіе.—Болѣзнь.—Ожиданіе. —Пріѣздъ цесаревича.—А. В. Енохинъ.—В. А. Жуковскій.—Свиданіе.— Освобожденіе.—Сборы въ дорогу.—Выѣздъ изъ Сибири.

1832 года 19 сентября поутру пріѣхали мы въ Курганъ. Явившись къ городничему, освѣдомился я о квартирѣ М. А. Назимова, который самымъ дружескимъ образомъ принялъ насъ въ небольшомъ, опрятномъ домикѣ. Я уже не разъ упоминалъ о Назимовѣ въ предыдущихъ книгахъ моихъ, здѣсь скажу только, что онъ своими правилами, дѣйствіями, образомъ жизни приготовилъ для вновь прибывающихъ товарищей самый лучшій пріемъ и самое выгодное мнѣніе со стороны мѣстныхъ жителей. Хотя каждый часъ мой принадлежалъ моему семейству, но всегда утѣшительно было имѣть вблизи и въ виду такого товарища, съ которымъ изгнанникъ, даже одинокій, не можетъ скучать или сказать, что онъ одинъ. Судьба свела меня съ нимъ здѣсь въ первый разъ, зато съ этихъ поръ въ дальнѣйшемъ странствіи нашемъ встрѣчались мы не разъ, о чемъ разскажу ниже. Въ Курганѣ засталъ я еще товарища И. Ф. Фохта, бывшаго капитана Азовскаго полка, уроженца курляндскаго, недавно сюда переселеннаго изъ Березова; онъ держался твердо своихъ правилъ и своихъ мнѣній, любилъ спорить и противорѣчить, но это не мѣшало ему быть сердобольнымъ къ страждущимъ и больнымъ, исключительно посвятивъ себя леченію другихъ; онъ завелся аптекою, пользовалъ удачно и доставлялъ себѣ средства къ жизни. В. Н. Лихаревъ, совершенная противоположность аккуратности Фохта, всегда умный и тонкій въ бесѣдахъ, никогда не думалъ о завтрашнемъ днѣ, жилъ въ обществѣ чиновниковъ, одѣвался щеголевато и все должалъ; всѣ вѣрили ему, всѣ любили его; онъ былъ недавно перемѣщенъ сюда изъ Кондинска, а во время прибытія моего въ Курганъ находился подъ предлогомъ болѣзни въ Тобольскѣ, гдѣ имѣлъ больше развлеченія. Въ тотъ же день товарищи нашли для меня удобное помѣщеніе, куда мы перебрались чрезъ нѣсколько часовъ. Добрая жена моя особенно нуждалась въ отдыхѣ; но всѣхъ менѣе могла имѣть покой, бывъ вмѣстѣ и кормилицею и нянькою; зато называла она отдыхомъ, когда была подъ крышею, и не нужно было пересаживаться съ дѣтьми въ экипажъ.

Курганъ получилъ свое наименованіе отъ стараго городища, находящагося въ 5-ти верстахъ отъ города, возлѣ довольно высокаго кургана, на которомъ встарину построенъ былъ острогъ, окопанный рвомъ, для защиты караула отъ набѣга киргизскихъ ордъ. Городъ построенъ на лѣвомъ берегу Тобола, имѣетъ три улицы продольныя съ пятью перекрестными переулками; строенія все деревянныя, кромѣ двухъ каменныхъ домовъ, одинъ изъ нихъ красивый о двухъ жильяхъ посрединѣ площади, чиновника Розинга. Коцебу въ своей книгѣ «Достопамятнѣйшій годъ моей жизни» по ошибкѣ назвалъ домъ этотъ принадлежащимъ Розену; въ этомъ домѣ помѣщены были всѣ присутственныя мѣста уѣздныя. На углу площади стоялъ другой домъ каменный, купеческій, не оштукатуренный. Какъ все пространство, занимаемое городомъ, имѣетъ склонъ къ Тоболу, то улицы и дворы, па песчаномъ грунтѣ, почти всегда были сухи и опрятны; лѣтомъ можно было жаловаться только на пыль. Мало садовъ, мало тѣни и зелени, нѣсколько кущей тощихъ березъ за городомъ, однимъ словомъ, видъ города не привлекателенъ; всѣ почти уѣздные города въ Сибири походятъ болѣе на села и большія деревни. курганъ имѣлъ не больше 2.000 жителей и одну трехпрестольную церковь. Купцы Курганскіе большею частью вели торгъ на деньги иногородныхъ богатыхъ купцовъ; они имѣли на другомъ берегу Тобола свои заводы—кожевенный, салотопный, мыловаренный; за городомъ, въ березовой рощѣ стояли кирпичные сараи. Уѣздное училище имѣло до 50 учениковъ и самыхъ старательныхъ учителей. Особенное, общее уваженіе заслужилъ тамъ священникъ Стефанъ Знаменскій; всѣ чиновники были къ намъ хорошо расположены мнѣ пріятно припоминать ихъ и выразить имъ искренюю мою признательность.

Въ Курганѣ показывали мнѣ домикъ съ красными ставнями, въ коемъ, въ царствованіе имп. Павла, жилъ изгнанникомъ извѣстный литераторъ Коцебу; онъ былъ сосланъ по наговорамъ и доносамъ дипломатовъ и придворныхъ, и обязанъ былъ случаю, что чрезъ годъ его освободили: императоръ былъ въ театрѣ когда представляли пьесу Коцебу: «Лейбъ-кучеръ Петра III». Императору такъ понравилась драма, что приказалъ призвать къ себѣ автора. Когда ему сказали, что онъ въ ссылкѣ, то повелѣлъ тотчасъ воротить его. По возвращеніи императоръ принялъ его чрезвычайно ласково, осыпалъ его вниманіемъ и поручилъ ему описать новый свой Михайловскій дворецъ. Я встрѣчалъ много жителей курганскихъ, которые очень хорошо его помнили, и разсказывали мнѣ, какъ онъ каждый день прохаживался скорыми шагами по берегу Тобола, писалъ по нѣскольку часовъ въ день, а по вечерамъ раскладывалъ карты—грандпасьянсъ, и все гадалъ о своемъ возвращеніи. Только купецъ Кузнецовъ былъ имъ недоволенъ за то, что Коцебу въ своемъ описаніи Кургана, упоминая объ отцѣ его, о хозяинѣ квартиры, не нашелъ ничего лучшаго сказать о немъ, какъ только, что отъ него постоянно сильно несло лукомъ. Меня очень занимала эта книга, подъ заглавіемъ: «Достопамятнѣйшій годъ моей жизни», я нашелъ, что высшее общество въ Курганѣ по образу жизни сохранило до моего прибытія въ этотъ городъ всѣ свои привычки и преданія старины во всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ; впрочемъ, тридцать три года составляютъ небольшой промежутокъ времени.

Въ двухъ верстахъ отъ Кургана, по направленію къ городищу, видѣлъ въ сторонѣ, при большой дорогѣ, домикъ, со вкусомъ выстроенный, комнаты окрашенныя, съ красивою печкою, все такъ пропорціонально и мило,—въ немъ жилъ шесть лѣтъ бывшій мой однополчанинъ въ гвардіи С. Калакутскій, сосланный въ

1818 году за растрату казенныхъ денегъ,—онъ ихъ проигралъ. Въ Курганѣ занималъ онъ должность по откупамъ и выстроился внѣ города особо. Когда при страшномъ наводненіи Петербурга 7 ноября 1824 года отличился л.-г. Финляндскій полкъ, то по просьбѣ офицеровъ и командира, благороднѣйшаго В. Н. Шеншина, былъ Калакутскій прощенъ и возвращенъ на родину.

Въ бытность нашу въ тюрьмѣ и въ каторжной работѣ, въ Читѣ и въ Петровскомъ, не ограничивали суммы денегъ, высылаемыхъ нашими родными; но на поселеніи, гдѣ каждый самъ могъ располагать своими деньгами и самъ расходовалъ ихъ, дозволено было получать ежегодно холостому не болѣе тысячи рублей ассигнаціями, по нынѣшнему курсу серебромъ 285 рублей $71^1/_2$ копейки, а женатому не болѣе 571 рубля 43 копеекъ. Эта сумма была очень достаточна въ Курганѣ по дешевизнѣ необходимыхъ съѣстныхъ припасовъ: пудъ муки ржаной по нынѣшнему курсу на серебро 7 копеекъ, фунтъ говядины $^1/_2$ копейки, пудъ пшеничной муки 12 копеекъ, возъ сѣна 25 копеекъ, куль или четверть овса 50 копеекъ, индѣйка 10 копеекъ, гусь 7 копеекъ, курица 5 копеекъ, десятокъ яицъ $1^1/_2$ копейки. По воскресеньямъ, а послѣ только по субботамъ, собирались поселяне на базаръ и привозили свои произведенія, такъ что горожанинъ зависѣлъ отъ купца только по части колоніальныхъ и красныхъ товаровъ. Я бывалъ во всѣхъ окрестныхъ деревняхъ, въ Новой деревнѣ, въ Смоляной, въ Большой и Малой Чаусовой и другихъ; повсюду встрѣчалъ поселянъ трудолюбивыхъ, которые, по малоцѣнности своихъ сельскихъ произведеній, не могли быть капиталистами, но почти всѣ они жили въ избыткѣ и въ довольствѣ. При выѣздѣ изъ большихъ деревень замѣтилъ я отдѣльныя избы, составлявшія небольшую улицу: въ нихъ тѣсно жили вновь прибывшіе поселенцы, безъ денегъ и съ надеждою нажить ихъ; тамъ можно было встрѣтить въ нѣсколькихъ шагахъ другъ отъ друга обитателей великой, и малой, и бѣлой Россіи, татарина, цыгана, еврея и армянина. Одинъ шутникъ изъ нихъ назвалъ такой переулокъ Большой Милліонной; слышны были различные напѣвы, національныя мелодіи; видите различныя пляски, но одежду и наряды общаго русскаго покроя. Капиталы наживали ростовщики, подрядчики, содержатели харчевень, почтовыхъ станцій и вообще торгаши.

Курганъ оживлялся въ годъ во время ярмарки. Тргъ продолжался каждый разъ три дня: продавцы и покупатели располагались въ своихъ телѣгахъ или саняхъ, въ два ряда, вокругъ площади и вдоль большой набережной улицы. Купцы пріѣзжіе разставляли товары въ гостиномъ каменномъ дворѣ въ лавкахъ или во временныхъ досчатыхъ балаганахъ и холщевыхъ палаткахъ: они пріѣзжали изъ Ирбита, Казани, Тобольска, Шадринска и Тюмени. Съ утра до вечера все было въ движеніи: почти всякій продавецъ былъ вмѣстѣ и покупатель. По сторонамъ и по угламъ стояли шалаши съ самоварами, со сбитнемъ, съ пряниками и закусками, возлѣ шалашей острили балагуры, мальчики играли на гармоникѣ, разносчики толкались взадъ и впередъ съ коробами, съ лотками и предлагали сапоги, рукавицы, армяки, шапки, посуду и сбрую. Одинъ продавалъ кожаные панталоны, коихъ нѣсколько паръ висѣли у него на плечахъ, но чтобы больше прельстить покупщиковъ, то каждый разъ надѣвалъ на себя продажную пару желтыхъ лоснящихся панталонъ, шагалъ въ нихъ, подпрыгивалъ, выхвалялъ ихъ доброту и преудачно и скоро сбывалъ свой товаръ. Лавки съ краснымъ товаромъ были осаждаемы женщинами, которыя выбирали для себя ситцы, платки и ленты. Надобно сказать, что и въ Сибири женщины любятъ наря-

жаться, отказываются охотно отъ многихъ удобствъ въ жизни, лишь бы имѣть хорошія обновы; замужнія женщины со вкусомъ итальянокъ умѣютъ навязывать свои платочки на головѣ красивѣе всякаго чепчика. Недалеко отъ площади, па берегу Тобола, видите сотни всадниковъ и тысячу лошадей: русскіе, киргизы и цыгане наперерывъ гарцуютъ; кони не рослы, но бойки, сильны и дешевы; вы спросите цѣну саврасому коню, вамъ отвѣтятъ:—два мѣшка, или три мѣшка; мѣшкомъ называется 25 рублей мѣдною монетою. Въ Сибири мало золотой и серебряной монеты въ обращеніи, все бумажки и мѣдныя деньги; мѣдную монету имѣютъ они въ небольшихъ мѣшкахъ, вмѣщающихъ по 25 рублей; счетъ всегда такъ вѣренъ, что смѣло можете принять безъ счету.

Сходно закупилъ я годовой запасъ для домашняго хозяйства у екатеринбургскаго купца Соколова, и показалось мнѣ страннымъ, что онъ съ меня запрашивалъ меньше, чѣмъ съ другихъ покупателей; но онъ на другой день объяснилъ мнѣ, что сибиряки любятъ торговаться, а съ меня онъ не запрашивалъ, полагая, что мнѣ цѣны извѣстны.

Въ каждомъ сибирскомъ уѣздномъ городѣ общество чиновниковъ ограничивается небольшимъ числомъ 13-и: городничій, земскій исправникъ съ тремя засѣдателями, окружный судья съ тремя засѣдателями, уѣздный стряпчій, почтмейстеръ, казначей и лекарь. Это небольшое число, хотя по своимъ должностямъ и семейнымъ отношеніямъ иногда бываетъ раздѣлено на партіи и живетъ въ несогласіи, но отлученіе отъ всякаго другого общества, дальнія разстоянія городовъ, несуществованіе помѣстныхъ дворянъ въ Сибири и необходимость въ обращеніи съ людьми заставляютъ ихъ забыть обиды, скоро примириться,—лучшимъ тому поводомъ служатъ семейные и годовые главные праздники. Каждый празднуетъ именины свои и всѣхъ членовъ своего семейства: наканунѣ или за два дня разсылаютъ съ приглашеніями слѣдующаго содержанія: N.N. приказалъ кланяться и просить пожаловать въ такой-то день па закуску, на обѣдъ и на вечеръ съ супругою.—Поутру начинаются поздравленія и закуска, въ два часа начинается обѣдъ вкусный и многоблюдный; послѣ обѣда всѣ разъѣзжаются по домамъ спать, а вечеромъ въ 6 часовъ собираются съ семействами на чай, на танцы и на ужинъ, что продолжается до трехъ или четырехъ часовъ утра; выходитъ, что цѣлый день пиръ горой, вродѣ дивнаго пира графа Воронцова-Дашкокова, даннаго на масляницѣ 1847 года, на которомъ, также въ одинъ и тотъ же день, былъ завтракъ съ танцами, обѣдъ и балъ съ ужиномъ.—Во время танцевъ подаютъ лимонадъ, черносливъ, изюмъ, миндаль, сушеные фрукты за неимѣніемъ свѣжихъ. Дамы одѣты парадно и по близости Урала украшены разноцвѣтными каменьями и бриллiантами; танцуютъ очень хорошо и охотно; оркестръ составляютъ: віолончель, двѣ скрипки и кларнетъ, охотники артисты изъ городскихъ обывателей и ссыльныхъ. Иногда пріѣзжаютъ родственники изъ другихъ городовъ. Нетанцующіе мужчины играютъ въ вистъ или въ бостонъ. Всѣ чиновники приглашали всѣхъ моихъ товарищей на семейные праздники; но не всѣ они посѣщали ихъ, я ограничилъ эти посѣщенія только домомъ городничаго; жена моя не выѣзжала изъ дому, бывъ безпрерывно занята дѣтьми; несмотря на то, не переставали, до послѣдняго дня нашего пребыванія въ Курганѣ, приглашать насъ на именины.

Еще было въ году общее увеселеніе публичное въ послѣдній день масляницы: сколачивали огромныя сани изъ связанныхъ шести дровень, намощеныхъ досками;

по четыремъ угламъ скрѣплены четыре столба съ перекрестными перекладинами у верхнихъ концовъ, въ серединѣ перекладинъ горизонтально привязано колесо, на колесѣ сидитъ и ломается шутъ или скоморохъ, въ ступицу вложенъ шестъ съ развѣвающимся значкомъ. Подъ такимъ балдахиномъ, на намощеныхъ доскахъ, уставлены скамейки для чиновниковъ и музыкантовъ; шестерикъ лошадей съ форейторомъ возятъ этотъ экипажъ. Такъ разъѣзжаютъ чиновники по всѣмъ улицамъ отъ одного знакомаго до другого, хозяйки принимаютъ ихъ ласково съ блинами и съ виномъ и лобызаются со всѣми въ прощальный день предъ наступленіемъ великаго поста. Несмѣтное число троекъ, паръ и одиночекъ, городскихъ и деревенскихъ жителей, слѣдуютъ за этой процессіей съ колокольчиками и пѣснями, что продолжается до поздняго вечера.

Въ Курганѣ, вскорѣ по нашемъ пріѣздѣ, узнали мы о кончинѣ дяди жены моей и благодѣтеля нашего Павла Федоровича Малиновскаго: онъ провожалъ лѣто на роскошной дачѣ своей, на Бѣлозеркѣ, между Царскимъ Селомъ и Павловскомъ; осенью появилась въ тѣхъ мѣстахъ холера, и онъ сдѣлался ея жертвою 9-го сентября 1832 года. Ни единой не было родственной руки при немъ, чтобы закрыть ему глаза; послѣдней услуги этой ожидалъ онъ отъ меня и отъ жены моей, о чемъ часто прежде мнѣ говаривалъ; но мы были далеко; прочіе родные были въ Украйнѣ.—Значительное наслѣдство дяди досталось брату его, сенатору Алексѣю Федоровичу Малиновскому и тремъ братьямъ жены моей. Духовное завѣщаніе его, которое онъ далъ мнѣ читать въ 1825 году, было подписано шестью свидѣтелями изъ важныхъ лицъ; одною статьею завѣщанія онъ отказалъ женѣ моей значительную часть изъ благопріобрѣтеннаго своего имущества; но никто не нашелъ этого акта, и некому было отыскивать копію или мѣсто явки. У меня осталась благодарность за доброе его намѣреніе и за доказанную мнѣ любовь и довѣренность.

4-го декабря, въ день именинъ моей матери, мы перебрались изъ наемной квартиры въ собственный домъ, который купили за три тысячи рублей ассигнаціями, по случаю перемѣщенія окружного судьи въ Тобольскъ совѣтникомъ. Сосѣди наши съ двухъ сторонъ прислали намъ хлѣбъ-соль съ изъявленіями лучшихъ пожеланій. Домъ небольшой съ мезониномъ былъ теплый, довольно помѣстительный, имѣлъ большой садъ, разведенный на цѣлой десятинѣ, съ крытою аллею изъ акацій и съ тѣнистыми березами и липами. Сообщество добрыхъ товарищей Назимова и Фохта вскорѣ увеличилось для всѣхъ насъ самымъ неожиданнымъ и пріятнымъ образомъ. Въ концѣ 1832 года 13 октября, по случаю рожденія великаго князя Михаила Николаевича, были сбавлены сроки каторжной работы и тюремнаго заключенія всѣмъ моимъ соузникамъ Петровскимъ; такъ что четвертому разряду, которому по сентенціи надлежало оставаться тамъ на работѣ еще два года, досталось неожиданно отправиться на поселеніе. Въ Курганъ назначены были М. М. Нарышкинъ и Н. И. Лореръ; они прибыли къ намъ въ мартѣ 1833 года и оживили и украсили наше тѣсное общество; вскорѣ возвратился къ намъ и В. Н. Лихаревъ, лечившійся въ Тобольскѣ.

Каждую недѣлю по пятницамъ проводилъ я по нѣсколько часовъ въ самой пріятной бесѣдѣ у Нарышкиныхъ. Михаилъ Михаиловичъ Нарышкинъ началъ военную службу въ 1813 году, въ полку родного брата своего Кириллы; послѣ переведенъ былъ въ л.-гв. Московскій полкъ, произведенъ въ полковники л.-гв. Измайловскаго полка, откуда по своему желанію переведенъ былъ въ Тарутинскій полкъ, квартировавшій

тогда въ Москвѣ. Получивъ совершенно свѣтское и блестящее воспитаніе, сохранялъ онъ скромность, кротость и религіозность; былъ человѣкъ съ примѣрною душою, руководимый христіанскою любовью, а потому все было легко ему переносить. Онъ охотно помогалъ другимъ, никогда не жаловался, когда по ночамъ, иногда по цѣлымъ суткамъ и по цѣлымъ недѣлямъ облегчалъ страданія любимой имъ жены, часто хворавшей отъ растройства нервовъ. Елизавета Петровна, единственная дочь, обожаемая славнымъ отцомъ и нѣжною матерью, получила лучшее образованіе, имѣла сердце доброе, но разстроенное здоровье тяготило ее еще болѣе въ разлукѣ съ матерью, среди лишеній общественныхъ развлеченій и среди единообразія жизни изгнаннической. Въ особенности худо бывало ей осенью и весною; въ это время я не разъ полагалъ, что она не выдержитъ и не перенесетъ; но вѣра и любовь превозмогли тѣлесныя страданія. Важнымъ днемъ былъ для насъ четвергъ, когда приходила почта; по пятницамъ мы отдавали наши письма городничему, который отсылалъ ихъ въ канцелярію губернатора, оттуда въ собственную канцелярію императора въ III отдѣленіе, а потомъ были разсылаемы по адресу. Въ пятницу мы сообщали другъ другу вѣсти о родныхъ, и новости олитическія изъ газетъ. Хотя въ Курганѣ не имѣли средствъ получать журналы на всѣхъ языкахъ, однако имѣли важнѣйшія газеты русскія и иностранныя. Нарышкины получали и занимательнѣйшія книги изъ новѣйшихъ сочиненій, не имѣя никакой общественной должности—всякая служба участныхъ лицъ, всякое предпріятіе фабричное, промышленное, были намъ запрещены—имѣли мы много досужаго времени, которое каждый изъ насъ старался употребить съ пользою. Всѣ по средствамъ старались облегчать нужды страждущихъ ближнихъ—помощью, совѣтомъ и примѣромъ. Въ Сибири мало докторовъ, по одному на округъ въ 40,000 жителей на пространствѣ 500 верстъ; но какъ вездѣ много больныхъ, то они доставляли много случаевъ для дѣятельности. Моя домашняя аптека имѣла всегда запасъ ромашки, бузины, камфары, уксусу, горчицы, и часто доставляла пользу. Въ леченіи такими средствами превосходила жена моя всѣхъ другихъ; ея лекарства, предписаніе пищи и питья, излечивали горячки и труднѣйшія болѣзни. Случалось, что слѣпые и глухіе приходили изъ дальнихъ мѣстъ просить помощи по наслышкѣ о славѣ врачеванія. Всѣхъ насъ прилежнѣе занимался по этой части И. Ф. Фохтъ, который исключительно читалъ только медицинскія книги, имѣлъ лекарства сложныя, сильныя, лечилъ горожанъ и поселянъ. —Нарышкинъ разъѣжалъ по деревнямъ и помогалъ гдѣ могъ. Назимовъ чертилъ планы для обстраивающихся въ городѣ, для сооруженія новыхъ церквей въ селеніяхъ и начертилъ планъ для новой Курганской церкви по плану храма въ селѣ Большой Каменкѣ, въ имѣніи жены моей; онъ много читалъ и писалъ. В. Н. Лихаревъ цѣлый годъ жилъ въ Тобольскѣ по болѣзни; когда воротился въ нашъ кругъ, то получилъ печальное извѣстіе, что жена его вышла замужъ; та же участь постигла І. В. Поджіо; это обстоятельство сокрушило Лихарева такъ, что при блестящихъ способностяхъ, при большомъ запасѣ серьезныхъ познаній, онъ не могъ или не хотѣлъ употребить ихъ съ пользой. Чрезъ семь лѣтъ пули черкесскія положили конецъ его тревожной жизни въ цѣпи застрѣльщиковъ въ дѣлѣ подъ Валерикомъ на Кавказѣ.—Н. И. Лореръ никогда не унывалъ, онъ былъ весьма пріятный собесѣдникъ: богатый запасъ анекдотовъ, разсказываемыхъ имъ мастерски съ примѣсью словъ изъ языковъ французскаго, англійскаго и нѣмецкаго, съ особенными оборотами, хоть не всегда грамматическими, заставляли часто смѣяться отъ всего сердца.— Я старал-

ся употребить мои досуги на приготовленіе быть наставникомъ и учителемъ дѣтей моихъ: много читалъ, писалъ, сочинялъ повѣсти народныя въ подражаніе—„Поговоркамъ стараго Генриха“ или „мудрости добраго Ричарда“—знаменитаго Франклина; перевелъ «Исторію итальянскихъ республикъ»; сундукъ большой наполненъ былъ моими рукописями.

Кромѣ товарищей моихъ, жили въ Курганѣ нѣсколько ссыльныхъ поляковъ за возстаніе въ 1830 году: Важинскій, Раевскій, Кн. Воронецкій; позднѣе прибыли по случаю пойманныхъ эмиссаровъ—Клечковскій съ супругою, Савицкій, Черминскій и еще нѣсколько молодыхъ людей, назначенныхъ въ солдаты въ линейные Сибирскіе баталіоны. Они достойны были участія и сожалѣнія, особенно тѣ, которые страдали не за возмущеніе, а только по подозрѣнію, что они принимали у себя эмиссаровъ или давали имъ лошадей своихъ для дальнѣйшаго слѣдованія, хотя и не знали этихъ людей лично, и не знали тайнаго ихъ намѣренія. Кому изъ нихъ позволяло здоровье, тотъ охотился—любимое занятіе поляка. Бѣдный Клечковскій имѣлъ здоровье разстроенное, былъ разлученъ съ дѣтьми, впослѣдствіи и жена его лишилась здоровья. Возвращены были на родину Савицкій, Черминскій и кн. Воронецкій; послѣдній былъ старецъ восьмидесяти лѣтъ, съ глубокими сабельными ударами на лицѣ и на головѣ; но пользовался завиднымъ здоровьемъ, румянецъ игралъ на изрубленныхъ ланитахъ; каждый день ужинъ его состоялъ изъ десятка круто сваренныхъ яицъ. По безлюднымъ улицамъ Кургана часто слышны были пѣніе или насвистываніе національной польской пѣсни. 3-го мая собирались они у себя торжественно и праздновали память Костюшки. Польскіе сосланные солдаты прилежно работали по найму, гдѣ случалось, въ саду, въ огородахъ, при постройкахъ. Въ то же время явилось къ намъ нѣсколько солдатъ и пожилыхъ военныхъ поселянъ, сосланныхъ за возстаніе и бунтъ военнаго поселенія въ Старой Руссѣ. Солдатамъ и поселянамъ было невыносимо, нестерпимо—состояніе и порядокъ, введенные Аракчеевымъ, и поддерживаемые убійственною строгостью; они возстали въ бѣшенствѣ и неистово, безчеловѣчно поступили съ начальниками: били ихъ, кололи, сажали живыхъ на колъ, однимъ словомъ, дышали только местью и злобою. Разсказы стариковъ-поселянъ исполняли ужасомъ всякаго слушателя. Событіе это дало поводъ другимъ опомниться и дало урокъ въ предусмотрительности, не для наказанія совершившагося преступленія, но для отвращенія зла по возможности.

Въ одной съ нами губерніи, немноог сѣвернѣе, былъ поселенъ товарищъ нашъ А. Ф. Фонъ-деръ-Бриггенъ, въ городѣ Пелымѣ: годъ провели мы вмѣстѣ въ Читинскомъ острогѣ, откуда онъ поступилъ на поселеніе; шесть лѣтъ мы не видались, когда, къ общей радости нашей, перевели его въ Курганъ, и онъ оживилъ и украсилъ нашъ кружокъ. Служивъ уже во время войны 1812 года и бывъ полковникомъ л.-гв. въ Измайловскомъ полку, онъ вышелъ въ отставку, собрался ѣхать въ 1825 году въ чужіе края, имѣлъ уже паспортъ и кредитивы банкира Ливіо на Гамбургъ въ карманѣ, когда болѣзнь его супруги, урожденной Миклашевской, удержала его еще на зиму, во время коей онъ лишился своего капитала, по неявкѣ въ срокъ своего кредитива, и по внезапному банкротству Ливіо; былъ арестованъ, осужденъ и сосланъ. Онъ былъ отлично образованъ, имѣлъ самыя честныя правила и добрѣйшее сердце; прочтите, что о немъ говоритъ Н. И. Тургеневъ въ своемъ сочиненіи: «Россія и русскіе», напечатанное на французскомъ языкѣ въ 1847 году. Въ возстаніи и въ возмущеніи

Фонъ-деръ-Бриггенъ не участвовалъ, а былъ осужденъ за образъ мыслей, за слова, за бесѣды, какъ четыре пятыхъ изъ числа всѣхъ моихъ соузниковъ. Онъ переносилъ свое несчастье съ необыкновенною твердостью; пріятная наружность его, румянецъ во всю щеку, изысканность въ одеждѣ показывали довольство и спокойствіе; даже въ минуты, когда при чтеніи или объявленіи глупаго приказа и безтолковой правительственной мѣры случалось ему твердить:—c'est atroce!—то за этимъ тотчасъ опять появлялась спокойная улыбка. Супруга его не могла за нимъ слѣдовать по малолѣтству трехъ дѣтей, а послѣ, кажется, нездоровье препятствовало ей въ томъ. Иногда бывало грустно ему, но скучно никогда; онъ имѣлъ множество умственныхъ занятій. Я сохранилъ нѣсколько занимательныхъ писемъ его, писанныхъ ко мнѣ изъ Пелыми; въ одномъ изъ нихъ описываетъ онъ жизнь Миниха, томившагося тамъ въ изгнаніи двадцать одинъ годъ, въ продолженіе всего царствованія императрицы Елисаветы. Подробности о томъ слышалъ онъ отъ дѣтей очевидцевъ. Минихъ жилъ въ томъ самомъ домѣ, который, по начерченному имъ самимъ плану, построенъ былъ для Бирона; послѣдній чрезъ годъ возвращенъ въ Ярославль, на дорогѣ встрѣтилъ Миниха, который занялъ его мѣсто въ Пелыми, гдѣ никогда не выходилъ изъ дому; а чтобы подышать воздухомъ, дозволено было ему прохаживаться по плоской кровлѣ дома. Днемъ онъ занимался чертежами, моделями, чтеніемъ газетъ; по вечерамъ игралъ въ бостонъ съ караульнымъ офицеромъ и съ камердинеромъ; никогда не пропускалъ часа возвращенія стада съ пастбища, тогда выходилъ на крышу, любовался имъ и прислушивался къ звонку и бряканью колокольчиковъ и ботловъ. Когда по воцареніи Петра III онъ былъ вызванъ обратно, облеченъ опять въ достоинство фельдмаршала, то, проживъ 20 лѣтъ въ Пелымѣ, не зная этого мѣста, приказалъ ямщику вести себя три раза вокругъ города, и потомъ пустился въ обратный путь. Жизненныя силы были необыкновенны, какъ и предпріимчивость и сила воли въ глубокой старости, доказательствомъ тому служитъ совѣтъ, данный Петру III въ минуту нерѣшимости и опасности. Минихъ жилъ на свободѣ еще четыре года въ своемъ помѣстьѣ въ Курляндіи, оставивъ по себѣ славную память не только великаго полководца, но сотрудника Петра Великаго и основателя лучшихъ учебныхъ заведеній того времени.

Въ 1834 году получилъ я извѣстіе о кончинѣ отца моего, всегда нѣжно любимаго и глубоко уважаемаго; ему было уже 74 года отроду. Апоплексія затруднила ему всякое движеніе одной половины тѣла; онъ скончался въ полной памяти въ кругу дочерей и внуковъ. Припоминалъ всѣхъ отсутствующихъ дѣтей, передалъ всѣмъ краткія наставленія; назвавъ мое имя, онъ сказалъ: «настанетъ время, когда всѣ будемъ свободны, то время будетъ самое счастливое!» Упоминая о благотворительности, онъ замѣтилъ, что люди бѣдные гораздо щедрѣе раздаютъ милостыню, чѣмъ люди богатые; первые даютъ охотно, послѣдніе никогда не имѣютъ довольно для самихъ себя. Послѣднюю недѣлю онъ не принималъ никакой пищи, а только нѣсколько разъ въ день глоталъ нѣсколько капель свѣжей воды изъ чайной ложечки. Вѣсть печальная смѣнилась въ ту же недѣлю вѣстью радостною: свояченица моя Мар. Вас. Малиновская была съ теткою и съ сыномъ моимъ въ Ревелѣ; она успѣла еще повидаться съ умирающимъ отцомъ моимъ, который зналъ и любилъ ее. Тогда рѣшилась ея участь: она вышла замужъ за достойнѣйшаго человѣка, за Вл. Д. Вольховскаго, пріѣхавшаго изъ Кавказа, гдѣ онъ былъ начальникомъ главнаго штаба. Я радовался отъ всей души за обоихъ супруговъ, они вполнѣ заслуживали такого взаимнаго счастья; столько же радовался я за сына моего.

Въ концѣ 1834 года донесено было на ссыльныхъ поляковъ, что они въ Сибири составляютъ новый заговоръ, зачинщикомъ называли Пулавскаго. По этому случаю былъ присланъ свиты его величества генералъ-маіоръ Мусинъ-Пушкинъ, служившій въ лейбъ-гусарахъ, для изслѣдованія дѣла. Къ счастью, выборъ палъ на человѣка благороднаго и правдиваго. Заподозрѣны были и нѣсколько человѣкъ изъ моихъ товарищей, но дѣло вскорѣ объяснилось, обвиненные были оправданы. Всѣхъ болѣе невинно пострадалъ Мошинскій: императоръ былъ уже согласенъ на совершенное его прощеніе съ возвращеніемъ ему графскаго достоинства; но доносъ, въ коемъ и онъ былъ предумышленно поименованъ, уничтожилъ эту обѣщанную милость, и онъ еще на два года остался въ изгнаніи. Въ эти два года одолѣли его семейныя несчастія: онъ безъ памяти любилъ жену свою, а жена вышла замужъ за другого, за гусарскаго офицера. Когда онъ возвращенъ былъ для жительства въ Черниговъ, то было ему тѣснѣе чѣмъ въ Тобольскѣ, дѣтямъ его отъ второго брака не дали правъ дворянства, и онъ наконецъ самъ освободился отъ надзора полиціи, съ дѣтьми удалился въ чужіе края, откуда нѣтъ вѣсти о немъ. Мусинъ-Пушкинъ имѣлъ еще именное повелѣніе отъ императора— освѣдомиться въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ онъ на пути своемъ встрѣтитъ кого изъ моихъ товарищей (именовавшихся во всѣхъ письменныхъ докладахъ государственными преступниками), объ ихъ образѣ жизни, о поведеніи, не терпятъ ли притѣсненій, или не имѣютъ ли какихъ просьбъ. Дорога его пролегала чрезъ Курганъ; онъ собралъ насъ на квартирѣ своей; при видимомъ душевномъ смущеніи онъ исполнилъ данное ему порученіе. Когда я бъявилъ ему мою просьбу, то тутъ же дали мнѣ листъ бумаги, чтобы изложить ее письменно. Я просилъ позволенія купить участокъ земли для занятія сельскимъ хозяйствомъ.—Въ томъ же году пріѣхалъ въ Петербургъ командиръ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, баронъ Григорій Владиміровичъ Розенъ, и по дружбѣ къ славному свояку моему В. Д. Вольховскому, представилъ ту же просьбу мою прямо императору при личномъ свиданіи; тогда государь только замѣтилъ, что Р. хочетъ жить въ Сибири помѣщикомъ.—Однако на вторичное представленіе Мусина-Пушкина воспослѣдовало разрѣшеніе; чтобы близъ города отвели каждому изъ насъ по 15-ти десятинъ пахатной земли; вслѣдствіе чего высланъ былъ губернскій землемѣръ и вкопалъ столбы межевые по границѣ городской земли. Участки Назимова, Лорера, Фохта и мой находились въ смежности, а Нарышкина и Лихарева, подальше отъ города, заключали пастбища и луга, что было очень кстати, потому что Нарышкинъ для конскаго завода имѣлъ отличнаго жеребца орловскаго завода и хорошихъ заводскихъ кобылицъ.

Смежные участки съ моею землею были мнѣ уступлены товарищами на пользованіе. Весною принялся ретиво за работу: 60 десятинъ обработанной земли доставляли большое поле дѣятельности. Съ городской стороны поле мое было окаймлено Бошняковскимъ озеромъ; берегъ былъ песчаный и солонцеватый и не произрасталъ даже травы; это безплодное мѣсто удобрилъ я огромною кучею золы, выброшенной изъ мыловареннаго завода въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ; это удобреніе въ два года оказало пользу. Надобно было загородить поле, чтобы городской скотъ не топталъ его. Поле было такъ близко отъ городского дома, что пѣшкомъ могъ дойти туда въ четверть часа. Мои пашни были превосходны отъ природы: почва черноземъ, и въ большей части Курганскаго округа не было ни единаго камня. Такая почва не терпитъ удобренія, однако, несмотря на то, унавозилъ нѣсколько десятинъ подъ горохъ, который удался на чудо. Изъ земледѣльческихъ орудій

употреблялъ я такъ называемый двуконный сибирскій плугъ, устроенный вродѣ бельгійскаго, весьма легкій и удобный. Слѣдуя совѣтамъ Теэра, ввелъ я экстирпаторъ, катокъ изъ лиственичнаго дерева и особеннаго устройства желѣзныя бороны. Трехпольное хозяйство обратилъ въ многопольное и плодоперемѣнное. Нѣкоторыя попытки были удачны, только гималайскій ячмень и картофель росли такъ худо, что едва возвращали мнѣ сѣмена. За деньги трудно было достать людей въ страдную пору, какъ сибиряки называютъ время жатвы; населеніе не густое, каждый занятъ на своемъ полѣ; но стоило только объявить по ближнимъ деревнямъ, что приглашаю сто человѣкъ на помочь въ назначенный заранѣе день, то могъ быть увѣренъ, что непремѣнно прибудутъ даже съ излишкомъ. Почему же эти люди не соглашаются придти за деньги, когда во время жатвы охотно даютъ по рублю и болѣе на человѣка? потому что сибиряки, обезпечивъ свои крайнія нужды, любятъ веселиться, и помочь для него то же, что угощеніе и балъ. Послѣ ужина плясали всю ночь подъ музыку.

По дешевизнѣ хлѣба невозможно было имѣть прибыльнаго дохода отъ земледѣлія; но неразлучное съ нимъ скотоводство вознаграждало трудъ. Катокъ и экстирпаторъ очень пригодились; сосѣдніе хлѣбопашцы приходили смотрѣть на дѣйствіе этихъ орудій, ловко было употребить ихъ на поляхъ безъ камней.

Однажды когда работалъ въ саду и дѣти помогали поливать цвѣты, прибѣжалъ кучеръ впопыхахъ съ объявленіемъ, что пріѣхалъ и спрашиваетъ меня генералъ. Начальникъ пѣхотной дивизіи и Омской области, генералъ-лейтенантъ Петерсонъ, осматривалъ свои войска, широко и далеко расположенныя, по этому случаю завернулъ въ Курганъ. Зная лично отца моего, онъ желалъ видѣть меня. Я и дѣти мои представились ему въ нашемъ рабочемъ нарядѣ съ лопатой и съ лейками. Мнѣ было необыкновенно пріятно и утѣшительно бесѣдовать съ нимъ; онъ вполнѣ былъ честный и благонамѣренный человѣкъ, и убѣдившись въ невозможности точнаго исполненія своихъ обязанностей по части областного гражданскаго управленія, не бывъ въ силахъ уничтожить злоупотребленія, предпочелъ лучше бросить выгодное и почетное мѣсто и оставить службу, чѣмъ быть орудіемъ или виновникомъ несправедливости. Онъ пользовался довѣренностью высшаго начальства, отъ императора получилъ 20 тысячъ рублей на подъемъ, на дорогу въ Сибирь, но, слѣдуя совѣсти, вышелъ въ отставку.

Въ продолженіе года поступало для подписи и рѣшенія ооблагстн оначальника до десяти тысячъ бумагъ, въ томъ числѣ и дѣла на цѣлой дести бумаги по искамъ и жалобамъ, такъ что невозможно было все прочесть, а еще менѣе вникнуть въ каждое дѣло во всей подробности. Къ тому же гдѣ найти все честныхъ и способныхъ помощниковъ и чиновниковъ? Такъ что если онъ самъ умышленно и преднамѣренно не дѣлалъ зла, то не могъ уничтожить или устранить злоупотребленія другого. Много было въ ходу различныхъ средствъ, чтобы подкупить его самого: прямыя попытки были невозможны, потому прибѣгли къ хитростямъ: такъ, въ день общаго пріема, выслушавъ всѣ просьбы и жалобы, онъ удалился въ свой кабинетъ, когда слуга донесъ, что въ пріемной комнатѣ оставленъ ящикъ, зашитый въ клеенку и запечатанный, на имя генерала. Въ немъ нашли богатѣйшій халатъ и славную шубу тысячную. Спросили ординарца, часового—кто вошелъ съ такимъ ящикомъ?—но какъ было различить приносителя въ числѣ сотни просителей, входившихъ и выходившихъ. Полиція

тщетно дѣлала разысканія, послѣ чего на площади по барабанному бою эти вещи были проданы въ пользу богоугодныхъ заведеній. Когда убѣдились, что этотъ генералъ взятокъ не беретъ, то старались склонить къ тому генеральшу: катаясь въ саняхъ, она замѣтила на мосту стоявшую женщину съ отличными мѣхама собольими и чернобурыхъ лисицъ, предлагавшую купить ихъ; когда торговка пришла на квартиру, то оставила тамъ мѣха, а сама скрылась безъ слѣдовъ; разумѣется, что и эти мѣха были проданы съ публичнаго торгу, а выручка облегчила участь многихъ бѣдныхъ. Я уже имѣлъ счастье назвать начальниковъ, которые взятокъ не брали и старались выводить это зло; но старанія ихъ остались напрасными; подчиненные ихъ съ другими правилами умѣли происками удалить отъ должности такихъ полезныхъ начальниковъ. Много было говорено и писано по этому предмету, и хотя вездѣ найдутся люди корыстолюбивые, однако, не сомнѣваюсь, что гласность непремѣнно уменьшитъ зло и изведетъ его современемъ, по очень простой причинѣ—для чего мнѣ подкупать, когда безъ взятокъ и безъ происковъ дѣло рѣшится публично по правдѣ и по закону. Въ своемъ мѣстѣ я укажу нѣсколько губерній, въ коихъ съ давнихъ поръ уже такія взятки и вообще подкупы не существуютъ.

Изъ лицъ, посѣтившихъ насъ въ Курганѣ долженъ упомянуть еще о почтенной вдовѣ генералъ-лейтенанта де Сентъ-Лорана съ дочерью. Супругъ ея былъ предмѣстникомъ Петерсона и умеръ отъ болѣзни, во время объѣзда по области. Вдова съ дочерью-красавицей, возвращались въ Петербургъ; онѣ чрезвычайно ласково и мило приняли у себя въ Омскѣ жену мою, когда она въ 1830 года ѣхала ко мнѣ. Тогда жена моя познакомилась и съ дочерью, вышедшею послѣ замужъ за благороднаго поляка К... который служилъ въ гвардейской конной артиллеріи: когда батарея въ 1831 года дошла до границы Царства Польскаго, то онъ объявилъ своему главному начальнику И. О. Сухозанету, что совѣсть его запрещаетъ ему идти далѣе противъ своей родины. За это онъ былъ сосланъ въ Омскую гарнизонную артиллерію тѣмъ же чиномъ. Тамъ онъ женился, чрезъ годъ былъ онъ прощенъ, съ дозволеніемъ возвартиться въ Варшаву.—Товарищъ мой Назимовъ имѣлъ утѣшеніе видѣть у себя родного племянника своего А. Д. Озерскаго, который путешествовалъ по Уралу и Алтаю съ генераломъ де Сентъ-Альдегондомъ, отпросился изъ Тобольска на два дня, чтобы посѣтить родного дядю; этотъ молодой человѣкъ, хорошо образованный и отлично учившійся въ горномъ кадетскомъ корпусѣ, чрезвычайно мнѣ понравился; все въ немъ предвѣщало полезнаго слугу отечества.—Изъ ученыхъ былъ у насъ астрономъ Федоровъ, который во многихъ мѣстахъ Сибири повѣрялъ и опредѣлялъ широту и долготу мѣстъ и дѣлалъ различныя наблюденія; онъ первый встрѣтился мнѣ изъ русскихъ, который, превосходно знавъ русскій языкъ, говорилъ съ нѣмецкимъ произношеніемъ, оттого что много лѣтъ учился въ Дерптскомъ университетѣ; такъ случалось мнѣ въ Кронштадтѣ встрѣтить стараго моряка капитана Авинова, который говорилъ по-русски съ англійскимъ произношеніемъ и акцентомъ, побывавъ лѣтъ десять въ Лондонѣ, для усовершенствованія себя въ морскомъ исскуствѣ. Г-нъ Федоровъ имѣлъ богатый запасъ новѣйшихъ астрономическихъ инструментовъ; только пасмурная погода мѣшала ему въ точнѣйшихъ наблюденіяхъ. Почти ежегодно пріѣзжали то генералъ-губернаторъ, то гражданскій: Сулима, князь Горчаковъ, Муравьевъ, Повало-Швейковскій и начальники жандармскаго округа генералы Масловъ и Фалькенбергъ. Всѣ оказывали вниманіе и готовность защищать насъ отъ всякихъ притѣсненій. Мы были такъ счастливы, что никого не обременяли жалобами.

Во время поселенія моего въ Курганѣ, увеличилось семейство мое рожденіемъ сына и дочери; двое старшихъ подростали. Воспитаніе и обученіе дѣтей моихъ начиналось отъ самой колыбели; примѣрная мать была ихъ кормилицею, нянькою, вторымъ провидѣніемъ. Еще не умѣли говорить, а мать ихъ понимала.

Въ 1836 году 22 декабря, въ день рожденія жены моей, былъ сильнѣйшій морозъ; она сама не могла ѣхать къ обѣднѣ, я пошелъ въ церковь одинъ, и когда обѣдня окончилась, купилъ отъ церковнаго старосты нѣсколько десятковъ тоненькихъ свѣчей, чтобы ими освѣтить рождественскую елку для дѣтей, что у насъ дѣлалось въ первый день праздника, дабы не нарушить постановленія поста въ сочельникъ. Возвращаясь домой, пошелъ въ обходъ къ заднему крыльцу, отъ коего вокругъ двора настланы были въ два ряда планки, чтобы въ ненастное время можно было ходить не по грязи въ баню, въ прачешную, въ амбаръ и въ конюшню. Поворотивъ къ крыльцу, я такъ поскользнулся, такъ сильно упалъ, оттого что обѣ руки были заняты, то и не могъ опираться и, выпустивъ изъ рукъ свѣчи, уже не могъ встать. Окно спальни жены было противъ этого мѣста, я опасался, чтобы жена моя въ это время не выглянула изъ окна и не испугалась, собралъ послѣднія силы, чтобы привстать, но лишь только хотѣлъ ступить на правую ногу, она уже не могла меня держать и я, упавъ снова, лишился чувствъ. Люди внесли меня и положили на кровать. Когда привели меня въ чувство, то уже не могъ двигать ногою, боль была такъ нестерпима, что когда разрѣзывали сапогъ и раздѣли меня, то невольно стоналъ и кричалъ отъ малѣйшаго прикосновенія. Послали за окружнымъ докторомъ, тотъ былъ тогда въ разъѣздахъ; когда воротился, то объявилъ, что онъ не хирургъ, не знаетъ, что именно у меня повреждено, какая кость или какая жила. На бедрѣ была сильная опухоль и краснота, приставили множество піявокъ, чрезъ день припарки изъ травъ и льняного сѣмени — все напрасно. Боль не давала мнѣ уснуть ни на минуту. Можно себѣ представить положеніе бѣдной жены моей, которая тогда грудью кормила дочь мою Инну. Смущенныя дѣти перестали рѣзвиться, видя мать въ слезахъ, а меня въ постели. Товарищи чередовались при мнѣ по ночамъ, особенно Назимовъ. Въ первый день праздника бросили мнѣ кровь изъ руки; для подкрѣпленія меня сномъ давали мнѣ опіумъ; это средство усыпляло къ летаргическому сну, послѣ котораго чувствовалъ себя еще слабѣе и хуже. Стали являться добрые люди изъ деревень, пользовавшіе отъ различныхъ болѣзней травами, предлагали употребить симпатическія средства, заговаривать. Другіе утверждали, что большая главная кость отъ бедра до колѣна раскололась, другіе — что нога вся уже сохнетъ. Анатоміи никто не зналъ. Я полагалъ, что если кость переломана, то срастется, молился, крѣпился, и терпѣлъ сколько могъ.

До апрѣля мѣсяца пролежалъ я на кровати, вся нервная система разстроилась до невѣроятности. Когда поддерживалъ больную ногу обѣими руками, спускалъ обѣ ноги съ кровати и, опираясь на плеча слугъ, привставалъ на одну здоровую ногу, то чувствовалъ, что правая нога въ бедрѣ держится на ниткѣ. Въ маѣ постепенно сталъ ходить на двухъ костыляхъ, причемъ больная нога, согнувшись, висѣла безъ всякаго употребленія и не касалась земли вершка на три. Движеніе и воздухъ были необходимы для поддержанія жизненныхъ силъ; каждый день я ѣздилъ на дрогахъ; или влачился по двору на двухъ костыляхъ, кои подтягивали плечи, что причиняло грудную боль; однимъ словомъ, здоровье разстроилось совершенно. Состояніе болѣзненное

приковало меня еще болѣе къ сидячей жизни, къ кресламъ. Писать было трудно, потому что я не могъ сидѣть прямо, оттого что нога моя не могла согнуться въ прямой или острый уголъ съ туловищемъ, она не имѣла свободнаго сгиба у бедра, и позволяла мнѣ сидѣть только въ полулежачемъ положеніи, развалиться на спинку креселъ; при ѣздѣ на спокойныхъ дрогахъ опускалъ больную ногу чрезъ подножку. Родные въ столицахъ совѣщались съ опытными хирургами, но какъ никто не зналъ, въ чемъ состояло поврежденіе, то и не могли предписать средствъ дѣйствительныхъ. Всего болѣе помогали мнѣ примочки *арники*, онѣ уменьшали боль. Вообще, положеніе мое было грустное, оно лишило меня здоровья и средствъ быть полезнѣе моему семейству. Тогда я началъ съ удвоеннымъ стараніемъ готовиться быть наставникомъ и учителемъ дѣтей моихъ. Прилежно занимался учебными книгами, читалъ руководства Песталоцци, Фелленберга и другихъ воспитателей. Сельское хозяйство стало дѣломъ побочнымъ, только давалъ приказанія работнику, и не всегда имѣлъ время повѣрять исполненіе. На бѣдственное паденіе, на послѣдствія его я съ самаго начала смотрѣлъ не какъ на случай слѣпой и несчастный, не винилъ скользкихъ планокъ, настланныхъ по двору и покрытыхъ въ тотъ день льдомъ, потому что сколько разъ подвергался гораздо большимъ опасностямъ лишиться жизни, отъ пули, отъ мороза, отъ мятели, отъ огня, отъ угара, отъ воды, отъ паденій съ верховыхъ лошадей, отъ опрокидываній экипажей, отъ спуска съ горы близъ Читинскаго острога и проч., и каждый разъ невидимая десница Всевышняго хранила и берегла. Эта же самая десница могла на этотъ разъ подвергнуть меня бѣдѣ, чтобы ею вести къ лучшей цѣли. Такимъ убѣжденіемъ утѣшалъ я жену и товарищей. Чрезъ полгода выяснилось и сбылось, что нѣтъ худа безъ добра.

Въ началѣ 1837 года разнеслись слухи, что наслѣдникъ престола цесаревичъ Александръ Николаевичъ предприметъ путешествіе по Сибири и проѣдетъ чрезъ Курганъ. Въ апрѣлѣ уже стали выѣзжать лошадей для его экипажей, пріучать форейторовъ, а въ случаѣ проѣзда въ ночное время объѣзжали коней ночью съ фонарями и факелами, кои держали въ рукахъ особенные ѣздовые, скакавшіе по обѣимъ сторонамъ упряжныхъ коней. Эти приготовленія забавляли многихъ; боялись и пугались только матери форейторовъ и ѣздовыхъ. Ожиданіе и приготовленія составляли главный предметъ разговоровъ. Въ кругу товарищей мы тоже разсуждали и спрашивали другъ друга: должно ли намъ пользоваться этимъ случаемъ и просить наслѣдника престола о возвращеніи нашемъ на родину?—Но какая представлялась будущность лицамъ, осужденнымъ на гражданскую смерть?—Какое утѣшеніе могли имѣть наши родственники, наши дѣти, когда увидятъ насъ безъ званія, безъ правъ, подъ бдительнымъ надзоромъ полиціи, что могло стѣснять ихъ самихъ?—Какое могло быть облегченіе намъ самимъ въ свѣтѣ при осужденіи на совершенное бездѣйствіе?—Сверхъ того, если бы посредничество, ходатайство цесаревича и могло избавить насъ отъ вѣчнаго изгнанія, то самая небольшая часть изъ всѣхъ нашихъ соизгнанниковъ пользовалась бы этою милостью, между тѣмъ какъ большинство нашихъ, разбросанныхъ по всѣмъ направленіямъ Сибири, остались бы исключеными?—Различныя подобныя соображенія указывали, что не о чемъ просить, оставаться въ страдательномъ бездѣйствіи. Когда получили извѣстіе, что цесаревичъ уже прибылъ въ Тобольскъ, что коснется только Западной пограничной полосы Сибири, что поѣдетъ чрезъ Ялуторовскъ и Курганъ на Оренбургъ и прибудетъ въ нашъ городъ къ 6-му іюню, то съ приближе-

ніемъ этого дня возрастало мое безпокойство; не о личномъ моемъ положеніи, оно будущности жены и дѣтей, и тѣмъ болѣе, что болѣзнь моя не обѣщала мнѣ никакой возможности быть еще надолго ихъ защитникомъ или помощникомъ. Въ такой борьбѣ нетрудно было мнѣ рѣшиться: за три дня до пріѣзда небывалаго гостя объѣхалъ я всѣхъ моихъ товарищей и объявилъ имъ неизмѣнное твердое намѣреніе мое — искать личнаго свиданія съ цесаревичемъ и поручить ему судьбу моего семейства, когда меня не станетъ. Никогда не простилъ бы себѣ, если бы пропустилъ этотъ навѣрно единственный случай, чтобы спасти семейство, если не тотчасъ, то по крайней мѣрѣ современемъ. Товарищи, все бездѣтные, оправдали и одобрили мою рѣшимость.

5-го іюня, послѣ обѣда, народъ въ праздничной одеждѣ повалилъ по Тобольской дорогѣ навстрѣчу къ наслѣднику престола, котораго ожидали къ ночи. Кромѣ горожанъ стеклось множество людей обоего пола изъ окрестныхъ и дальнихъ деревень и расположились по обѣимъ сторонамъ дороги въ двухъ верстахъ отъ города. Уже стало вечерѣть, но лѣтнія ночи на сѣверѣ никогда темны не бываютъ; однако хитрый промышленникъ, хозяинъ небольшой свѣчной фабрики или лавки, имѣвшій въ запасѣ нѣсколько пудовъ, воспользовался случаемъ, чтобы распродать свой товаръ. Онъ навалилъ его на телѣги, подъѣхалъ къ народу и, объявивъ, что наслѣдника должны встрѣчать ночью съ горящими свѣчами, въ полчаса распродалъ весь товаръ. Народъ въ ожиданіи сидѣлъ на краю дороги, держа въ рукахъ горящія свѣчи. Свѣчи догорали на прибыль продавца; наконецъ въ первомъ часу ночи проскакалъ передовой фельдъегерь, а за нимъ и высокій посѣтитель промчался со свитою въ нѣсколькихъ колясках и дормезахъ. Квартира была отведена въ домѣ окружного судьи; путешественники послѣ минутнаго ужина улеглись спать, а народъ прибѣжавшій столпился противъ дома, тянулся по улицѣ и ожидалъ пробужденія и лицезрѣнія наслѣдника. Въ пятомъ часу утра поѣхалъ я туда; остановивъ дроги близъ густой толпы зрителей подвигался на костыляхъ къ квартирѣ цесаревича, но издали встрѣтилъ меня нашъ городничій и настоятельно просилъ, чтобы я не подвергнулъ его бѣдѣ и отвѣтственности, что адъютантъ генералъ-губернатора строжайше предписалъ не допускать до наслѣдника никого изъ государственныхъ преступниковъ. Я замѣтилъ ему, что такое приказаніе кажется мнѣ сомнительнымъ, потому что если эта мѣра была бы необходима, то навѣрно начальство дало бы ему предварительное предписаніе, что съ нами не стали бы церемониться, а просто или запретили бы выходъ изъ дому, или заперли бы въ надежное мѣсто. Но я долженъ былъ уступить усиленной просьбѣ добраго городничаго и воротился, чтобы отыскать жандармскаго штабъ-офицера подполковника Гофмана, сопровождавшаго цесаревича. Гофмана просилъ я доставить мнѣ случай лично просить его высочество; онъ не могъ этого сдѣлать, но услужливо предложилъ, чтобы я передалъ ему письменное прошеніе, и обѣщалъ непремѣнно вручить; но узнавъ, что я не написалъ никакого прошенія, и желая мнѣ быть полезнымъ, просилъ подождать немного на улицѣ, пока онъ освѣдомится о возможности исполненія моего желанія.

Пока я ждалъ возвращенія подполковника, подошелъ ко мнѣ видный мужчина въ шинели съ бобровымъ воротникомъ, въ военной клеенчатой фуражкѣ и сказалъ мнѣ: «Вѣрно вы Р...; Андрей Ивановичъ Крутовъ навязалъ мнѣ на душу, чтобы непремѣнно, въ случаѣ проѣзда чрезъ Курганъ, васъ навѣстить и помочь отъ вашей болѣзни; пожалуйте ко мнѣ на квартиру». Это былъ А. В. Енохинъ, лейбъ-медикъ его высочества. Въ минуту раздѣли меня ловкіе фельдшера; я легъ

на диванъ и Енохинъ, ощупавъ больное мѣсто обѣими руками, поворотивъ меня на лѣвый бокъ, тотчасъ объявилъ, что у меня *половинный вывихъ впередъ*, что кость выбита изъ чашечки; но такъ какъ прошло уже полгода со дня вывиха, то въ эту минуту нельзя было мнѣ помочь, а если бы помощь была оказана въ день паденія, то въ тотъ же день я могъ бы танцовать на этой вывихнутой ногѣ. Онъ на листѣ бумаги бѣгло описалъ поврежденіе и разныя средства, кои еще можно было употребить. Когда я началъ одѣваться, вбѣжалъ Гофманъ второпяхъ и звалъ меня къ цесаревичу. Фельдшера помогли мнѣ одѣться; чрезъ три дома я былъ уже на квартирѣ нашего царственнаго гостя, гдѣ принялъ меня генералъ-адъютантъ А. П. Кавелинъ и объявилъ напрямикъ, что невозможно исполнить моего желанія, что въ инструкціи запрещено допустить меня, что я могу передать прошеніе, которое онъ самъ вручитъ наслѣднику. Узнавъ, что я не имѣлъ письменнаго прошенія, спросилъ меня, о чемъ я желаю просить. Я отвѣтилъ, «что для себя собственно ни о чемъ не могу просить, потому что въ безпомощномъ больномъ состояніи не могу ни пользоваться милостью, ни заслужить ее, но желалъ просить государя-цесаревича за жену и за дѣтей, чтобы они не были покинуты и забыты, когда меня не будетъ съ ними». Генералъ Кавелинъ совѣтовалъ мнѣ тотчасъ написать прошеніе и доставить ему чрезъ полчаса до обѣдни, потому что прямо изъ церкви поѣдутъ въ дальнѣйшій путь. Въ сѣняхъ онъ приказалъ ожидавшему тутъ священнику начать обѣдню въ шесть часовъ и отслужить ее поспѣшнѣе, дабы они въ тотъ же день успѣли прибыть въ Златоустъ къ ночлегу, слишкомъ за 200 верстъ. На крыльцѣ встрѣтилъ флигель-адъютанта С. А. Юрьевича, котораго зналъ еще въ кадетскомъ корпусѣ; онъ просилъ меня передать поклоны Е. П. Нарышкиной отъ братьевъ ея, графовъ Григорія и Алексѣя Коновницыныхъ. При выходѣ моемъ изъ двора, цесаревичъ стоялъ у окна.

У крыльца моего стояли дрожки исправника. «Кто пріѣхалъ?»—«Генералъ!»—отвѣтилъ кучеръ. Народъ называетъ генераломъ всякаго превосходительнаго, будь онъ врачъ, профессоръ или начальникъ департамента внѣшней торговли. Къ величайшей радости увидѣлъ у себя достойнѣйшаго Василія Андреевича Жуковскаго; онъ утѣшалъ жену мою, ласкалъ полусонныхъ дѣтей, съ любовью обнималъ ихъ, хотя они впросонкахъ дичились и маленькая дочь заплакала. Когда я объявилъ ему о неуспѣшныхъ попыткахъ лично просить цесаревича и что генералъ Кавелинъ совѣтовалъ написать прошеніе, то онъ сказалъ мнѣ: «Вы теперь не успѣете: сейчасъ ѣдемъ; но будьте спокойны, я все представлю его высочеству,—тринадцать лѣтъ нахожусь при немъ и твердо убѣдился, что сердце его на мѣстѣ; гдѣ онъ только можетъ сдѣлать какое добро, тамъ сдѣлаетъ его охотно». Недолго можно было намъ бесѣдовать. Жена моя въ прежнее время встрѣчалась съ нимъ у Карамзиныхъ. Онъ удивился, что мы уже читали въ Сибири его новѣйшее произведеніе «Ундину»; съ похвалою отозвался о нѣкоторыхъ ему извѣстныхъ стихотвореніяхъ А. И. Одоевскаго; до крайности сожалѣлъ, что въ Ялуторовскѣ не могъ видѣться съ И. Д. Якушкинымъ и просилъ меня написать ему, какъ это случилось. Не доѣхавъ двухъ станцій до Ялуторовска, имѣлъ онъ несчастье, что ямщики его переѣхали женщину, не успѣвшую отбѣжать съ дороги, и колесомъ передавили ей ногу. Жуковскій приказалъ остановиться, помогъ перенести бѣдную женщину въ карету, отвезъ ее до слѣдующей станціи, далъ ей денегъ и написалъ земскому начальству,

чтобы оно всячески позаботилось о ея излеченіи и проч. Въ это время цесаревичъ далеко опередилъ его, и онъ не могъ пробыть въ Ялуторовскѣ ни одной минуты, догоняя поѣздъ. Душѣ отрадно было свиданіе съ такимъ человѣкомъ, съ такимъ патріотомъ, который, несмотря на заслуженную славу, на высокое и важное мѣсто, имъ занимаемое, сохранялъ въ высшей степени смиреніе, кротость, простоту, прямоту и безъ всякаго тщеславія дѣлалъ добро, гдѣ и кому только могъ. И послѣ свиданія въ Курганѣ онъ неоднократно просилъ за насъ цесаревича; одно изъ писемъ своихъ заключилъ онъ припиской: «будьте увѣрены, не перестанемъ быть вашими старыми хлопотунами». Словами не умѣю выразить вполнѣ благодарность за его дѣятельное участіе; оно навѣрно уже доставило ему одно изъ лучшихъ наслажденій. Все, что онъ говорилъ о характерѣ наслѣдника, служило залогомъ будущаго счастья Россіи. Родственники и знакомцы, увидѣвшіе Жуковскаго по возвращеніи его въ Москву и въ Петербургъ, спросившіе его, какъ онъ насъ нашелъ и какъ переносимъ участь свою, получили въ отвѣтъ: «со смиреніемъ и съ терпѣніемъ». Жуковскій былъ пораженъ частью видѣнной имъ Сибири и ея жителями: онъ вмѣсто хижинъ, бѣдности и унынія нашелъ красивыя села, довольство и бодрость; разсказалъ намъ, что и наслѣдникъ пріятно пораженъ былъ дружною радостью и живою преданностью, съ коими народъ ссыльный встрѣтилъ его отъ Тюмени до Кургана, какъ лучше и живѣе не могли бы его встрѣтить въ городахъ при Волгѣ.

Въ то время, когда былъ у меня Жуковскій, цесаревичъ собирался къ обѣднѣ и приказалъ жандармскому штабъ-офицеру: «Скажите этимъ господамъ (такъ онъ намекнулъ о насъ), чтобы они были у обѣдни; тамъ я могу ихъ видѣть». Инструкція такого случая не предвидѣла. Городничій тотчасъ разослалъ нарочныхъ по нашимъ домамъ, чтобы насъ созвать въ церковь. Цесаревичъ со всею свитою стоялъ предъ алтаремъ главнаго придѣла, по бокамъ стояли мои товарищи и Е. П. Нарышкина. Чиновники помѣстились впереди народа, вдоль боковыхъ придѣловъ, сколько храмъ могъ помѣстить людей; большая часть народа стояла внѣ церковной ограды, близъ экипажей. Во время литургіи цесаревичъ нѣсколько разъ оглядывался на моихъ соизгнанниковъ со слезами въ глазахъ и совершенно особенно наклонился и осѣнилъ себя знаменіемъ креста, когда священникъ произнесъ молитву: «О недугующихъ, страждущихъ, плѣненныхъ и о спасеніи ихъ».—Восторженные, изступленные крики «ура» возвѣстили отъѣздъ его. Народъ искренно радовался, что увидѣлъ его. Ему было тогда девятнадцать лѣтъ отъ роду; по наружности статный, тонкій, *талыстый*, какъ тогда выражались, на лицѣ кротость, благоволеніе, но также явные признаки утомленія и усталости отъ такого безконечнаго путешествія и, вообще, тѣлесной натуги. Енохинъ утверждалъ, что каждому офицеру легче служить, чѣмъ наслѣднику престола: первый послѣ ученія или маневровъ, или развода ложится отдыхать сколько ему угодно, а наслѣдникъ ѣдетъ представляться во дворецъ или самъ принимаетъ представляющихся ему, или спѣшитъ на ученіе и на смотръ другой части войска и по цѣлымъ днямъ отдыха не знаетъ. Когда онъ уѣхалъ изъ Кургана, то никто тогда не предугадывалъ въ немъ освободителя крѣпостного народа и великаго преобразователя. На всѣхъ лицахъ была радость отъ свиданія; только нѣсколько боязливыхъ старухъ, испуганныхъ адскою быстротою длиннаго поѣзда, состоявшаго изъ полдюжины колясокъ и столькихъ же каретъ и дормезовъ,—всѣ съ фо-

рейторами,—перекрестились и сказали: «Слава Богу, что мы всѣ остались въ живыхъ». Дѣйствительно, быстрота ѣзды была адская: по 20 верстъ въ часъ. Въ церкви Кавелинъ увидѣлъ стараго товарища и однополчанина своего, А. Ф. Фонъ-деръ-Бриггена, и пріятельски кивнулъ ему головою; онъ же принялъ его въ члены тайнаго общества. Впрочемъ, подобныя встрѣчи случались довольно часто; одинъ шелъ одной дорогой, а другой—другою, но всѣ оставшіеся на свободѣ дѣйствовали прямо, честно, человѣколюбиво, а если кто изъ нихъ натягивалъ струны слишкомъ круто, то, вѣроятно, изъ усердія и преданности царю и отечеству, а не изъ жестокости или грязной корысти. До сегодня непостижимо для меня, почему Фонъ-деръ-Бриггенъ [1]) не былъ включенъ въ число освобожденныхъ отъ изгнанія ходатайствомъ цесаревича, когда Кавелинъ могъ всѣхъ болѣе къ тому содѣйствовать, зная, что цесаревичъ не чуждался насъ и что, напротивъ того, сказалъ сопровождавшему его полковнику, Владиміру Ивановичу Назимову, который спросилъ у него дозволенія навѣстить изгнаннаго М. А. Назимова: «Я очень радъ, что ты имѣешь случай навѣстить родственника, который въ несчастьи». Путь наслѣдника велъ его чрезъ Саратовъ; тамъ генералъ Арнольди представилъ ему всѣхъ артиллерійскихъ офицеровъ поименно, и когда назвалъ по фамиліи моего младшаго брата, то цесаревичъ спросилъ у него,—не такъ, какъ обыкновенно водилось, что спрашивали о важныхъ сановникахъ—не родня ли вамъ командиръ отдѣльнаго кавказскаго корпуса», но онъ спросилъ: «Не имѣете ли родственника въ Сибири?». Когда братъ мой отвѣтилъ, что есть у него тамъ въ несчастьи и изгнаніи кровный братъ родной, то цесаревичъ, въ присутствіи всѣхъ, сказалъ ему: «Радуюсь, что могу вамъ передать, что видѣлъ брата вашего; хотя онъ на костыляхъ, но здоровье его можетъ поправиться, и я уже просилъ за него государя императора».

Въ день отъѣзда цесаревича изъ Кургана, 6-го іюня 1837 года, былъ Троицынъ день и храмовой праздникъ въ нашемъ городѣ. Народъ проводилъ этотъ день за городомъ въ четырехъ верстахъ, у стараго займища близъ кургана, высокаго холма, отъ коего городъ получилъ свое названіе. Тамъ, на берегу Тобола, въ близкомъ лѣсочкѣ народъ прогуливался, пилъ чай, щелкалъ орѣхи, слушалъ пѣсни и гармонику. Къ вечеру я поѣхалъ туда съ дѣтьми; знакомые и незнакомые изъ горожанъ и поселянъ обступили меня съ вопросами, выражавшими не пустое любопытство, но прямое участіе: «Видѣли ли вы наслѣдника? что онъ вамъ сказалъ? обѣщалъ ли освободить? Дай, Боже, всѣмъ вамъ избавленія!». 8-го августа узнали мы, что цесаревичъ съ перваго ночлега своего послѣ Кургана, изъ Златоустскаго завода отправилъ фельдъегеря съ письмомъ къ государю, въ которомъ просилъ объ освобожденіи нашемъ, о возвращеніи насъ на родину. Говорили, что государь выразился, что этимъ господамъ путь въ Россію ведетъ чрезъ Кавказъ и всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: назначить насъ рядовыми въ отдѣльный кавказскій корпусъ и немедленно отправить на службу. Въ одно время получили мы это извѣстіе отъ генералъ-губернатора и отъ прибывшаго въ Курганъ капитана графа Коновницына, который въ лагерѣ подъ Краснымъ Селомъ выпросилъ себѣ позволеніе проводить сестру свою, Е. П. Нарышкину, изъ Сибири на родину.

Другой товарищъ мой, И. Ф. Фохтъ, просилъ и получилъ позволеніе оставаться

[1]) Дѣло разъяснилось позднѣе: онъ незадолго передъ тѣмъ просился въ гражданскую службу и получилъ должность въ земскомъ судѣ.

въ Курганѣ по случаю хронической болѣзни, гдѣ онъ и скончался чрезъ пять лѣтъ, въ 1842 году. Ко мнѣ пріѣхалъ корпусный штабъ-докторъ съ предписаніемъ отъ генералъ-губернатора освидѣтельствовать меня: въ состояніи ли я предпринять такое дальнее путешествіе? Почтенный докторъ не мало удивился, когда я объявилъ ему мою готовность; онъ понялъ, наконецъ, что ѣду не для себя, но чтобы вывести изъ Сибири жену и дѣтей. Товарищи мои: Нарышкинъ, Назимовъ, Лореръ и Лихаревъ справились въ дорогу; чрезъ недѣлю уѣхали они въ Тобольскъ, откуда были отправлены на Кавказъ на почтовыхъ, чрезъ Казань и Ростовъ-на-Дону. Весь Курганъ провожалъ ихъ самыми усердными благопожеланіями. Въ уваженіе моей болѣзни и моего семейства, мнѣ было разрѣшено генералъ-губернаторомъ, княземъ Д. И. Горчаковымъ, ѣхать прямо изъ Кургана чрезъ Оренбургъ и Саратовъ, и дали мнѣ время собираться и устроиться къ дорогѣ.

Начались сборы въ дорогу и продажа и раздача вещей. Курганскіе жители радовались перемѣнѣ нашей участи, но были и такіе, которые, испытавъ жизнь на Кавказѣ, бытъ солдатскій, соболѣзновали искренно и уговаривали остаться лучше въ Курганѣ. Жаль было мнѣ продать только подарокъ моей свояченицы М. В. Вольховской, который достался мнѣ совершенно нечаяннымъ образомъ: однажды провелъ я вечеръ у Нарышкиныхъ; онъ игралъ симфоніи Бетховена; возвратившись домой, еще слышались мнѣ мелодическіе звуки и въ тотъ же вечеръ, наканунѣ отхода почты, написалъ въ Тифлисъ о впечатлѣніи отъ музыки и прибавилъ мысль Гердера, что струнный инструментъ, иногда съ сопровожденіемъ пѣнія, составляетъ необходимую вещь для умноженія счастья въ семейной жизни. Чрезъ четыре мѣсяца, пока письмо мое шло чрезъ Петербургъ въ Тифлисъ, пока свояченица моя дала порученіе въ Петербургъ, извозчикъ привезъ прямо къ крыльцу моему отличное, звучное фортепіано.—Два года жила у насъ старушка Ирина Качалиха, которая помогала женѣ моей только при качаніи люльки, когда она сама кормила грудью младшаго ребенка и въ то же время случалось укладывать спать старшаго. Эта старушка, строжайшая постница, никогда не употреблявшая говядины, а рыбу только въ Пасху и въ величайшіе праздники, горько заплакала, когда получила въ подарокъ остальной запасъ муки и крупы и разныя старыя вещи; благодарность свою выразила она просто возгласомъ къ женѣ моей:—«Кто мнѣ продѣнетъ теперь нитку въ иголку, даже и это ты для меня дѣлала добродушно!»

6-го сентября 1837 года назначено было выѣхать. Та же самая коляска московскаго каретника Рейхгарта, которая довезла жену мою за Байкалъ, помѣстила ее съ дочерью и съ младшимъ сыномъ; а я съ обоими старшими ѣхалъ въ тарантасѣ, всегда открытомъ,—иначе не могъ садиться; сидѣнное мѣсто было улажено такъ, чтобы споснѣе было для больной ноги. Послѣ обѣда, въ третьемъ часу, заѣхали въ церковь, гдѣ духовный отецъ Стефанъ Знаменскій служилъ напутственный молебенъ. Въ сопровожденіи до слѣдующей станціи уважаемаго и любимаго А. Ф. фонъ-деръ-Бриггена, прямо изъ церкви, пустились въ дальній путь съ тою же покорностью волѣ Божіей, съ тою же довѣренностью на защиту Его, съ какими изъ одной крѣпости переходили въ другую,—съ упованіемъ, что и въ другой, новой странѣ изгнанія, на Кавказѣ, найдемъ также Божій свѣтъ и людей такихъ же добрыхъ, какихъ находили въ Сибири. Разставаясь съ страною

изгнанія, съ грустью вспоминалъ любимыхъ товарищей-соузниковъ и, благословляя ихъ, благословлялъ страну, обѣщающую современемъ быть не пугалищемъ, не мѣстомъ и средствомъ наказанія, но вмѣстилищемъ благоденствія въ высшемъ значеніи слова. Провидѣніе, быть можетъ, назначило многихъ изъ моихъ соизгнанниковъ и многихъ поляковъ ссыльныхъ быть основателями или устроителями лучшей будущности Сибири, которая, кромѣ золота и холоднаго металла и камня, кромѣ богатства вещественнаго, представитъ современемъ драгоцѣннѣйшія сокровища для благоустроенной гражданственности. Люди, съ пріобрѣтеніемъ необходимыхъ личныхъ правъ и положительныхъ законовъ, будутъ умѣть сохранять ихъ съ нравственною силою для нравственной пользы. Сибири, можетъ быть, предстоитъ въ своемъ родѣ назначеніе Сѣверной Америки, куда также за политическія и религіозныя мнѣнія волею и неволею переселились изгнанники и молитвою и трудами вызвали въ новомъ мірѣ всѣ тѣ блага, коихъ такъ долго, такъ тщетно еще ищетъ міръ старый и опытный. Залогомъ хорошей будущности Сибири служатъ уже нынѣ три обстоятельства: она не имѣетъ сословій привилегированныхъ, нѣтъ въ ней дворянъ-владѣльцевъ, нѣтъ крѣпостныхъ, чиновниковъ въ ней немного. Сверхъ того, народъ хорошо справляется на мірскихъ сходкахъ, трудится большею частью на землѣ привольной и исправно выполняетъ всѣ государственныя повинности.

Глава тринадцатая.

Отъ Кургана до Тифлиса.

Тимофей Тимофеевъ. — Уралъ. — Волга. —Раскольники. —Встрѣчи въ Саратовѣ—Воронежъ.—Каменка. — Земля донская. — Екатериноградъ. — А. И. Якубовичъ. — Кавказскія горы. — Пришибъ Урюхъ.—Дурдуръ.—Владикавказъ.—Дарьяльское ущелье.—Казбекъ и Коби.—Крестовая гора.—Гутъ-гора.—Койшаурская долина.—Гартискаръ.

. . . Хотя я судьбой, на зарѣ моихъ дней,
О южныя горы, отторгнутъ отъ васъ,
Чтобъ вѣчно ихъ помнить, тамъ надо быть разъ:
Какъ сладкую пѣсню отчизны моей,
Люблю я Кавказъ
Лермонтовъ.

Изъ Кургана былъ мнѣ данъ въ проводники квартальный надзиратель Тимофей Тимофѣевъ, отставной поручикъ, который выслужился изъ сдаточныхъ рекрутъ и по старости отдыхалъ не на лаврахъ, а питался полицейскими доходами, утѣшаясь темными воспоминаніями давно прошедшей старины. Онъ воевалъ подъ Аустерлицемъ, былъ взятъ въ плѣнъ подъ Фридландомъ, отправленъ во Францію, оттуда волонтеромъ вмѣстѣ съ французами пошелъ въ Испанію, осаждалъ Сарагоссу, дрался противъ ножей Палафокса. Онъ припоминалъ только мѣста, гдѣ было лучшее пиво, хорошая водка и сладкій виноградъ. Балагуръ, какъ всякій старый солдатъ, онъ толковалъ посвоему о любомъ предметѣ, и когда годовалая дочь моя изрѣдка бывало заплачетъ, то просилъ позволенія у матери спѣть ей испанскую пѣсню, но вмѣсто болеро просто ревѣлъ тирольскую. Проводнику моему дана была особая инструкція отъ генералъ-губернатора князя Горчакова, по коей, въ случаѣ болѣзни или боли въ ногѣ, позволено было остановиться на пути. Мнѣ невозможно было сѣсть въ коляску по причинѣ моихъ двухъ костылей, къ тому еще боковой толчокъ рессорнаго экипажа былъ бы слишкомъ чувствителенъ больному бедру. Гораздо спокойнѣе было сидѣть въ открытомъ низкомъ тарантасѣ, на большой кожаной подушкѣ. Путешествіе на почтовыхъ всегда торопливо; на станціяхъ нѣтъ спокойнаго ночлега, дорожные люди проѣзжающіе гонятъ другъ друга; труднѣе всѣхъ было женѣ моей: она заботилась обо мнѣ и о трехъ мальчикахъ на ногахъ и кормила грудью Ину; во время ѣзды перебирала узлы и никогда не заставляла ждать себя, когда староста или смотритель объявляли, что лошади готовы; зато отъ раскрыванія груди для кормленія дочери, получила ка-

шель, и отъ кратковременнаго сна въ дорогѣ заболѣли глаза ея. Въ хорошую погоду все было хорошо и легко; но мы поднялись въ дорогу 6 сентября, слѣдовательно; въ такое время года 3500 верстъ ѣзды обѣщали болѣе худой и мокрой погоды. Дѣти мои славно выдерживали утомленіе отъ дороги, потому что мать во всемъ предупреждала ихъ нужды.

Близъ города Челябинска переѣхали мы границу Сибири и въѣхали въ Оренбургскую губернію. Безпрестанные дожди не позволяли жнецамъ убирать и свозить снопы, на поляхъ необозримыхъ лежала рожь на корню и гнила, воздухъ зараженъ былъ гнилымъ запахомъ, какъ бываетъ въ мѣстахъ, гдѣ мочатъ коноплю и ленъ. Мы нѣсколько станцій все подымались на Уралъ, но непримѣтно, все плоскими возвышенностями; глаза тщетно искали длиннаго высокаго хребта, темносиней полосы на горизонтѣ; все подымались рысью, пока наконецъ достигли одной изъ главныхъ уральскихъ высотъ и пріѣхали въ Златоустовскій заводъ, знаменитый оружейными фабриками. Кони стали въ грязи, пока со станціи не отправили навстрѣчу другихъ лошадей, кои повлекли насъ въ гору, по обширно застроенному селенію, въ опрятную, теплую гостиницу. Городъ стоитъ на высокомъ мѣстѣ, обитаемъ одними только мастеровыми и рабочими. Стукъ молота въ желѣзодѣлательныхъ заводахъ не умолкаетъ ни днемъ, ни ночью. Уральскія горы наружностью не привлекательны ни высотою, ни скалами, ни лѣсомъ, зато во внутренности своей хранятъ онѣ множество драгоцѣнныхъ камней, а отъ Златоустова до Міяскаго завода, щедро дарятъ металлами отъ желѣза до золота. Поселяне на большой дорогѣ мало различествуютъ отъ сибиряковъ; они большею частью также переселенцы, но деревни и жилища ихъ гораздо беднѣе. Тутъ же показались помѣщичьи усадьбы, чего въ Сибири не видать. Губернскій городъ Уфа, на прелестномъ мѣстоположеніи при стеченіи двухъ рѣкъ, обстроенъ хорошо и правильно. Проѣхавъ еще два города Оренбургской губерніи, Бугульму и Бугуруслань, мы въѣхали въ губернію Симбирскую.

Всѣ низовыя земли богаты Волгою, которая всячески питаетъ обширнѣйшую часть Россіи, почему издавна названа кормилицею. Подъѣзжая къ Самарѣ, издали увидѣли мачты судовъ, различныхъ видомъ и величиною. Торговая дѣятельность придавала особенную жизнь всему городу, хорошо обстроенному. Мы остановились на половину дня; тотчасъ появились разнаго рода люди съ предложеніемъ товаровъ и услугъ. Разносчикъ продалъ астраханскіе арбузы. Никогда, ни прежде, ни послѣ, не случалось мнѣ полакомиться такими вкусными арбузами, засахарившимися отъ избытка собственной сладости и сочности.—«Отчего астраханскіе арбузы такъ хороши, что когда петербургскіе разносчики разносятъ свои парниковые арбузы, то для приманки возглашаютъ ихъ астраханскими?»—спросилъ я разносчика.—«Развѣ тамъ особенная земля для нихъ, особенный климатъ?»—Нѣтъ, не то, а вотъ что: когда нашъ великій царь Петръ путешествовалъ по землѣ своей, то, прибывъ въ Астрахань, онъ изъ кармана своего вынулъ арбузныя сѣмечки, привезенныя имъ изъ Голландіи, роздалъ по нѣскольку хозяину и сосѣдямъ и далъ имъ подробное наставленіе, какъ садить ихъ и какъ ходить за ними; съ тѣхъ поръ появились лучшіе арбузы въ Астрахани.—«Вѣрю, братецъ, вѣрю этому», возразилъ я и передалъ разносчику, какъ Петръ переселилъ соловьевъ изъ Ярославля въ Петербургъ, какъ онъ перевелъ славную породу лошадей изъ острова Эзеля и земель Прибалтійскихъ въ богатую лугами Вятку. За разносчикомъ вошелъ булочникъ-нѣмецъ съ отличными булками и сухарями; когда

онъ узналъ, что везутъ меня изъ Сибири на Кавказъ, то съ особенно важною миною замѣтилъ: aus der Hölle in die Hölle—«изъ ада въ адъ». Волгу переплыли мы на суднѣ въ ясный теплый вечеръ. Отъ перепадавшихъ сильныхъ дождей рѣка мѣстами выступила изъ береговъ, а мѣстами образовала островки. Безпрестанныя извилины теченія увеличивали красоту ея. Съ перевозчиками бесѣда шла все о Волгѣ, пѣсню запѣли о матушкѣ-Волгѣ. Прибрежные жители все люди промышленные и зажиточные; почва повсюду плодородная; въ каждомъ городѣ, въ каждомъ большомъ селеніи есть пристань; во время судоходства всѣ эти мѣста кипятъ дѣятельностью: тогда еще не было пароходовъ. На Волгѣ кормилъ я ложечкою годовалую дочь, и по стуку ложечки узналъ, что первый ея зубокъ прорѣзался на Волгѣ.

Въ городахъ видѣлъ я много колонистовъ, иностранныхъ переселенцевъ: по образу жизни они чуждаются русскихъ, но русскіе имъ не мѣшаютъ, напротивъ того, охотно имъ услуживаютъ не изъ личной корысти, а просто по доброй своей природѣ, и воздаютъ справедливость полезнымъ трудамъ нѣмцевъ. Около Вольска, вообще во всей Саратовской губерніи, много раскольниковъ; они сами не знаютъ, въ чемъ заключается различіе ихъ вѣроисповѣданія отъ общаго православнаго; они отдѣляются по преданіямъ, по соблюденію обрядовъ своихъ праотцевъ; они имѣютъ свои часовни, особенные образа, особенное богослуженіе. Табакъ, чай, кофе—для нихъ зелье, ядъ, запрещенныя произрастенія. Многіе раскольники вина вовсе не употребляютъ, вообще живутъ умѣренно, трудолюбиво, и можно безъ всякаго опасенія оставить имъ ихъ причудливости, если они не вредны для нравственности. Должно соблюдать вѣротерпимость для такихъ раскольниковъ и подтвердить правило Фридриха Великаго, сказавшаго: «хочу, чтобы въ моемъ государствѣ каждый подданный могъ искать вѣчнаго блаженства по своему убѣжденію». Въ странахъ, гдѣ слѣдовали такому правилу, тамъ не было сектъ или расколовъ; а, напротивъ, гдѣ преслѣдовали за вѣру, гдѣ насильно хотѣли вводить единство догматовъ, тамъ церковь разъединялась. Преслѣдованіе и гоненіе французскихъ протестантовъ распространили общество различныхъ братствъ въ Германіи. Преслѣдованіе англійскихъ протестантовъ пересадило расколы въ Сѣверную Америку, гдѣ число сектъ несмѣтно, пока вѣротерпимость и крайняя многосложность не произведутъ единства. Филиппъ II съ инквизиціею былъ главнымъ распространителемъ реформаціи, и при всемъ фанатизмѣ и стараніи въ пользу своей вѣры, былъ онъ главнымъ орудіемъ противъ католицизма. Такъ, въ Россіи, когда при Іоаннѣ Грозномъ, при Алексѣѣ Михайловичѣ, при царевнѣ Софіи, позднѣе при Аннѣ и Елизаветѣ гнали за вѣру, тогда составились секты между переселенцами, которые въ новомъ мѣстѣ своего жительства переманивали людей въ свою вѣру, скрывали бѣглецовъ и бродягъ отчаянныхъ, которые изъ благодарности переходили въ ихъ общества и становились самыми усердными соревнователями и распространителями новаго раскола. Безъ сомнѣнія, есть расколы очень вредные, совершенно безнравственные, безчеловѣчные, кои по этой причинѣ должны быть искореняемы, какъ, напримѣръ, секта скопцовъ и секта, допускающая повальный грѣхъ. Но староверовъ или старообрядцевъ вообще полагаю совершенно безвредными. Какая нужда въ томъ, что они по-своему складываютъ персты при знаменіи креста? что они имѣютъ свои образа старинные? что табаку не курятъ и не нюхаютъ? что вина не пьютъ? Все это никому не вредитъ. Я не пишу разбора о всѣхъ раскольникахъ, я о нихъ уже упоминалъ въ двухъ главахъ, когда мнѣ случалось съ ними встрѣтиться, какъ теперь на берегахъ

Волги, и замѣтить, что можно ихъ оставить въ покоѣ, тѣмъ болѣе, что они исправно платятъ подати, выполняютъ всѣ земскія повинности и трудятся много и полезно. Прошло то время, когда они скрывались на островкахъ Волжскихъ, въ камышѣ или въ подземельяхъ, и дай Богъ, чтобы такое время никогда не возвратилось. Гоненіе, давленіе, притѣсненіе—всегда вызываютъ возстаніе, отраженіе, сопротивленіе. Успѣхи истиннаго образованія, стараніе благомыслящаго правительства и духовенство, проникнутое истинно Христолюбивымъ духомъ, незамѣтно, безъ вынудительныхъ мѣръ и въ скоромъ времени, въ теченіе жизни двухъ или трехъ поколѣній, уничтожатъ всѣ расколы вредные и безвредные.

Въ Саратовѣ ожидала меня радость: тамъ я надѣялся увидѣться съ роднымъ братомъ моимъ Юліемъ, послѣ продолжительной разлуки, когда онъ, бывъ еще кадетомъ, простился со мною въ Петропавловской крѣпости. Остановившись въ гостиницѣ, узналъ я, что братъ мой только за три недѣли передъ тѣмъ женился на А. А. Кривской и что живетъ въ Саратовѣ. Немедленно послалъ къ нему сказать, что родственникъ пріѣхалъ изъ Ревеля и желаетъ его видѣть; чрезъ полчаса встрѣтилъ брата въ корридорѣ, и не могъ узнать его, такъ онъ выросъ и перемѣнился; но онъ меня узналъ тотчасъ, по лицу ли или по костылямъ—не знаю,—но радость наша была искренна и полна. Въ тотъ же вечеръ поѣхалъ съ нимъ къ молодой женѣ его. Сколько пріятныхъ и сладостныхъ впечатлѣній!—На другой день имѣлъ удовольствіе познакомиться съ дядею жены его, съ П. Я. Кривскимъ, бывшимъ тогда главнымъ начальникомъ Эльтонскихъ соляныхъ промысловъ. Вечеромъ встрѣтилъ у брата товарища по корпусу, начальника конной батареи Томича. Съ особеннымъ чувствомъ навѣстилъ я родную сестру Сергѣя Муравьева-Апостола, Екатерину Ивановну, супругу саратовскаго губернатора Бибикова. Она разсказала мнѣ, какъ, близъ Петербурга, на станціи, имѣла свиданіе съ другимъ братомъ своимъ Матвѣемъ Ивановичемъ, когда везли его въ Сибирь изъ финляндской крѣпости вмѣстѣ съ А. А. Бестужевымъ, какъ она, при самомъ грустномъ расположеніи души, должна была невольно смѣяться отъ остротъ и шутокъ Бестужева во время завтрака.—Осенняя погода гнала меня къ мѣсту, но проводникъ мой заставилъ меня пробыть лишній день въ Саратовѣ: невѣстка моя задарила его, онъ отъ восторга выпилъ порядкомъ и неосторожно закусилъ десятью фунтами винограда и фруктами, неизвѣстными въ Сибири; старикъ просто объѣлся и вылечился банею.—Прямая дорога въ Грузію вела изъ Саратова чрезъ Царицынъ и Камышинъ по тракту въ Астрахань; но мы желали еще увидѣться съ братомъ жены моей въ Харьковской губерніи, почему пришлось сдѣлать большой кругъ. Легко было уговорить проводника ѣхать чрезъ Воронежъ, чтобы тамъ поклониться мощамъ угодника Митрофана. Богомольный Тимофей Тимофеевичъ восхитился этимъ предложеніемъ и мы поѣхали. Милый, любезный братъ мой проводилъ насъ верхомъ нѣсколько верстъ, показывалъ намъ поле артиллерійскихъ ученій. Любо было глядѣть на молодца-наѣздника, который увѣрялъ меня, что въ маневрахъ конной батареи заключается совершенная поэзія.

Изъ Саратовской губерніи повернули въ Тамбовскую, чрезъ Балашовъ и Новохоперскъ достигли Воронежа. Главныя двѣ улицы этого города обстроены большими каменными зданіями по-столичному. Гостиница на площади предлагала всевозможный комфортъ дорожному человѣку. Мы пріѣхали часу въ третьемъ: поздно было идти въ церковь. Послѣ обѣда, на дрожкахъ, поѣхалъ къ цейхгаузу временъ Петра Вели-

каго, по берегу рѣки, гдѣ стояла первая верфь его, и радовался постройкамъ и пространству Воронежа. Старожилы сказали мнѣ, что городъ замѣтно увеличился и украсился съ тѣхъ поръ, какъ мощи Святителя Митрофана привлекли несмѣтное число богомольцевъ. На слѣдующій день въ дорожныхъ экипажахъ поѣхали прямо въ монастырь, въ главный храмъ, гдѣ покоятся мощи. Благочестивый архіепископъ Антоній приказалъ насъ пригласить въ свою домовую церковь, гдѣ онъ въ тотъ день самъ служилъ литургію; къ сожалѣнію, мы должны были отказаться, бывъ связаны маленькими дѣтьми: жена моя была съ груднымъ младенцемъ на рукахъ. Мы отслушали обѣдню при самомъ гробѣ Митрофана. При входѣ въ просторную церковь, украшенную великолѣпнымъ алтаремъ, колоннами голубоватаго цвѣта съ золотыми карнизами и капителями; видна въ правой сторонѣ близъ окна гробница, подъ малиновымъ бархатнымъ покровомъ съ золотыми кистями. На стѣнѣ у ногъ Святителя виситъ большой образъ Божьей Матери въ богатѣйшей ризѣ, украшенной бриллiантами и жемчугомъ. Началась торжественная служба; священниковъ и дьяконовъ было числомъ до десяти, въ богатомъ облаченіи, пѣвчіе пѣли хорошо,—все вызывало къ молитвѣ. По окончаніи литургіи пришелъ гробовой іеромонахъ съ ключомъ, снялъ бархатное покрывало, отперъ золотую раку, и мы увидѣли мощи, обложенныя со всѣхъ сторонъ чудодѣйствующими шапочками, нарукавчиками, стружками, сткляночками. Богомольцы подступали по очереди, и каждый за добровольное приношеніе получалъ вещи освященныя. Я отошелъ осматривать храмъ со всѣхъ сторонъ; въ это время подошелъ ко мнѣ монахъ уже въ лѣтахъ, онъ вѣрно зналъ откуда ѣду, потому что спросилъ меня о Трубецкомъ и о Нарышкинѣ,—то былъ Потемкинъ, бывшій полковникъ, отрекшійся отъ міра. Тимофей Тимофеичъ набилъ цѣлую котомку разными вещами освященными, для Сибири. Помолившись, отправились въ дальнѣйшій путь въ сопровожденіи любопытныхъ.

На всѣхъ станціяхъ Воронежской губерніи запрягали намъ отличнѣйшихъ лошадей. Эта губернія изобилуетъ конскими заводами; по рѣкѣ Битюгѣ славятся кони битюцкіе, росту средняго, но сильные и быстрые. На первой станціи отъ Воронежа запрягли такихъ коней, что безъ оглядки съ удовольствіемъ можно было смотрѣть на нихъ; ямщикъ правилъ молодцомъ, кони мчали на возжахъ; невольно сказалъ я ямщику, что такимъ конямъ только царя возить.—«Да они царя обратно и возятъ»,—отвѣтилъ ямщикъ: — «ожидаемъ царя изъ Тифлиса; кони застоялись, надо было ихъ проминать».—Несмотря на глубкую грязь, мы ѣхали скоро. Сбруя была изъ широкихъ сыромятныхъ ремней, чрезъ шлеи висѣли ремни съ кожаными кистями.—«Тимофей Тимофеичъ, если мы встрѣтимъ царя и спроситъ насъ, откуда ѣдемъ и какъ съѣхали на Воронежъ, то что ты отвѣтишь?»—«Скажу, что намъ захотѣлось помолиться и поклониться гробу Святителя Митрофана; этого никакая власть запретить не можетъ».—Этимъ убѣжденіемъ успокоился мой проводникъ. На слѣдующей танціи встрѣтили великую княгиню Елену Павловну: она возвращалась съ Вознесенскихъ маневровъ; шестнадцать лошадей влачили огромную карету по грязи, паръ съ лошадей подымался какъ дымъ. Близъ Корочи встрѣтили Рижскій драгунскій полкъ, возвращавшійся изъ Вознесенска съ музыкою и съ пѣснями; дѣти мои были въ восторгѣ и удивленіи отъ молодцовъ-драгунъ и множества сѣрыхъ лошадей.—При закатѣ солнца въѣхали въ Харьковъ. Мы расположились ѣхать всю ночь, но Чугуевскій почтосодержатель остановилъ, не хотѣвъ дать лошадей подъ коляску жены моей

за то, что подорожная была изъ Кургана до Тифлиса. Когда же онъ увидѣлъ, что я спокойно расположился оставаться на станціи, то велѣлъ закладывать и проводилъ насъ услужливо. Онъ былъ единственный почтосодержатель, который зналъ немного географію Россіи, что почтовый трактъ изъ Сибири въ Грузію велъ не черезъ Воронежъ и Харьковъ.

Изъ города Изюма поднялись въ гору на Кремянецъ, спустились на равнину, гдѣ въ шести верстахъ отъ города увидѣли церковь, пространное село съ усадьбою въ обширной долинѣ, прорѣзанной Донцомъ и Каменкою. Направо и налѣво и впереди темнѣли отдѣльныя дубовыя рощи, правый берегъ Донца окаймленъ лѣсомъ. Мѣстность вообще чудная!—Второе радостное свиданіе съ роднымъ было свиданіе съ И. В. Малиновскимъ: мы застали брата, преисполненнаго любви, въ большихъ хлопотахъ съ предводительскимъ секретарэмъ своимъ Адарюковымъ; подорожная была у него въ карманѣ, чтобы ѣхать къ намъ навстрѣчу до Саратова. Добрая и умная жена его Марья Ивановна, урожденная Пущина, родная сестра моего товарища, согрѣла насъ сердечною любовью—только и слышно было: располагайте нами и домомъ. Три дня отдыхали мы въ Каменкѣ: бѣдная жена моя ужасно кашляла. Костыли мои не позволяли мнѣ много ходить.

Крестьяне не нуждались: обильная жатва видна была въ огромныхъ скирдахъ. Посѣтилъ больницу, гдѣ засталъ повара Алексѣя, который въ былое время часто кормилъ меня самыми вкусными обѣдами у Анны Андреевны; поваръ страдалъ послѣднія недѣли своей жизни отъ водяной въ головѣ. При больницѣ была хорошая деревенская аптека и свѣдущій фельдшеръ; этотъ порядокъ поддерживался со временъ Андрея Афанасьевича Самборскаго, который постоянно заботился объ истинномъ благѣ крестьянъ. Судъ стариковъ, по приговору коего наказывали провинившихся, водился отъ его времени. Тетка наша Анна Андреевна, въ память отца своего, выстроила въ селѣ церковь по плану Софійскаго собора въ Царскомъ Селѣ. Служба божественная въ Каменкѣ совершалась съ особеннымъ благоговѣніемъ; хоръ пѣвчихъ имѣлъ отличные голоса. Дружески увидѣлись, дружески разстались.

Чрезъ степи Екатеринославскія мы въ два дня достигли Дона; этотъ разъ мы не были задержаны перевозомъ, но ѣхали по широкому временному мосту, устроенному нарочно для царя, проѣхавшаго наканунѣ при возвращеніи своемъ изъ Тифлиса; чрезъ нѣсколько дней назначено было разобрать мостъ и возвратить весь матеріалъ городу Ростову. Первый ночлегъ въ землѣ донскихъ казаковъ имѣли мы въ небольшомъ селѣ въ домѣ священника, у котораго за сутки передъ нами ночевалъ царь съ Орловымъ. Мы не встрѣтили царя оттого, что онъ изъ Аксая повернулъ на Новочеркаскъ, когда мы ѣхали изъ Ростова въ Аксай. Почтенный пастырь не могъ выразить словами полноту своего счастья, когда разсказывалъ, какъ онъ угостилъ высокаго гостя чаемъ, какъ онъ былъ удостоенъ бесѣдою, которая была кратковременна, потому что у царя болѣли зубы такъ сильно, что былъ вынужденъ ставить піявки. Земля донскихъ казаковъ по большой дорогѣ мало населена, но по сторонамъ расположены сто десять станицъ. Почтовые дворы тѣсны, а въ нѣсколькихъ мѣстахъ замѣняются землянками. Станица Аксай свидѣтельствовала своими каменными зданіями и лавками о прежнемъ благосостояніи края; въ проѣздъ мой всѣ большіе дома были необитаемы, грозили совершеннымъ разрушеніемъ, безъ оконницъ или безъ стеколъ, половина желѣзныхъ крышъ свалилась. Мнѣ говорили

любители старины, что новое уложеніе разорило край по прекращеніи торговли казаковъ на Дону. Защитники новаго устройства, введеннаго Чернышевымъ, доказывали необходимость онаго вслѣдствіе различныхъ разбоевъ и злоупотребленій, бывшихъ на Дону въ то время, когда процвѣталъ край торговлею и промышленностью. На обратномъ пути я лучше познакомился съ этою страною и ея замѣчательными обитателями и снова убѣдился, что отдѣльный разбой, злоупотребленіе нѣсколькихъ людей никогда не должны быть причиною такихъ мѣръ, которыя впослѣдствіи могутъ притѣснять или разорять цѣлое населеніе. Взыщите съ виновныхъ по закону, защищайте безвинныхъ, которые столько лѣтъ со славою служили. Донское войско есть единственное въ своемъ родѣ: содержаніе его ничего не стоило правительству; съ вѣрой и правдою служило оно Россіи въ годину бѣдствій,—оставьте ему его особенность, его привычки и одежду и бороду, не мѣшайте ему плавать по Дону съ хлѣбомъ и съ виномъ; пускай онъ машетъ тамъ весломъ въ мирное время для обогащенія края, какъ машетъ онъ безстрашно въ военное время своею нагайкою и саблею для защиты государства. Уже давно военная исторія доказала, что въ аванпостной службѣ, для развѣдыванія о непріятелѣ, для внезапнаго нападенія въ цѣломъ мірѣ нѣтъ войска лучше казаковъ. Лѣтописи 1812 года наполнены ихъ удальствомъ.

Проѣхавъ землю Донскую, въѣхали въ область Кавказскую. Въ Ставрополѣ узналъ я, что мои товарищи, выѣхавшіе изъ Сибири прежде меня, были уже размѣщены по полкамъ на Кавказской линіи. Только А. И. Одоевскій былъ отправленъ въ Грузію, и мнѣ назначено было ѣхать въ Тифлисъ. Любящіе родные это устроили. Тамъ ожидало меня свиданіе со старшимъ сыномъ моимъ Евгеніемъ. Близъ Георгіевска, съ правой стороны почтовой дороги, видны Бештау, Машукъ, Змѣиная, Желѣзная и Верблюжая горы, окружающія прежній Горячеводскъ и давшія названіе новому городу Пятигорску. Екатериноградъ—большое селеніе или станица линейныхъ казаковъ съ таможнею и карантиномъ. Хозяинъ моей квартиры, казачій урядникъ, объявилъ мнѣ, что мнѣ придется остаться у него дня два, пока не отправится оказія въ Владикавказъ. Чтобы узнать дѣло навѣрно, я пошелъ къ начальнику станицы, къ маіору Макарову, котораго засталъ въ постели съ растянутою переломленною ногою; вокругъ стояло нѣсколько человѣкъ черкесовъ, они посыпали рану бѣлымъ порошкомъ. Мои костыли вызвали также участіе больного. Маіоръ, лихой наѣздникъ, танцоръ и славный офицеръ, страдалъ не отъ ружейной пули или сабельнаго удара, но имѣлъ несчастье выскочить изъ коляски, которую понесли лошади, и переломить себѣ ногу ниже колѣна. Доктора перевязали, кость срослась, но перевязка была сдѣлана неправильно, нога приросла немного криво. Макаровъ, бывъ всегда щеголемъ, велѣлъ снова переломить себѣ ногу и снова лучше перевязать; тутъ прикинулось воспаленіе; европейскіе и азіатскіе лекаря тщетно прилагали свое стараніе—онъ умеръ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ продолжительныхъ страданій, оставивъ молодую, премилую жену. Для большей безопасности Макаровъ совѣтовалъ мнѣ дождаться отправки команды, и подъ ея прикрытіемъ слѣдовать по всей военной дорогѣ до Владикавказа, какъ обыкновенно ѣзжали всѣ по казенной и по собственной надобности. Только курьерамъ и важнымъ воинскимъ начальникамъ даютъ летучіе конвои казаковъ.

Въ передней комнатѣ больного маіора встрѣтилъ меня заслуженный пожилой

воинъ съ георгіевскимъ крестомъ и владимірскимъ бантомъ; онъ навѣрно освѣдомился заранѣе, откуда я ѣду, и спросилъ: «позвольте узнать, не видали ли А. И. Якубовича, моего прежняго начальника? Я штабсъ-капитанъ Кулаковъ, его бывшій вахмистръ».—Когда отвѣтилъ ему, что я жилъ съ Якубовичемъ шесть лѣтъ подъ одною крышею въ острогѣ, что оставилъ его въ добромъ здоровьѣ, то старый воинъ, прослезившись, разсказывалъ мнѣ, какъ Якубовичъ жилъ въ Екатериноградѣ, дѣлалъ безпрестанные набѣги на хищниковъ; добычу коней и овецъ дѣлилъ справедливо на всю команду, не взявъ ничего для себя,—однимъ словомъ былъ роднымъ отцомъ для солдатъ. На Кавказѣ многіе помнятъ о его подвигахъ или слышали о храбрости его. Высокое чело его у самаго виска пробито было черкесскою пулею; рана эта никогда не заживала. Онъ имѣлъ несчастье въ Сибири, что всѣ родные забыли его, не писали, не помогали ему. Когда наступилъ срокъ его перемѣщенія изъ Петровской тюрьмы на поселеніе, то онъ основалъ небольшую школу и устроилъ мыловаренный заводъ, и такъ исправно и удачно производилъ дѣло, что не только самъ содержалъ себя безбѣдно, но помогалъ другимъ безпомощнымъ товарищамъ и посылалъ своимъ роднымъ гостинцы, ящики лучшаго чаю. Крѣпко и явно преслѣдовалъ онъ попрошаекъ-самозванцевъ, выдававшихъ себя за жертвы 14 декабря. Онъ скончался отъ горячки въ Енисейскѣ въ 1845 году. На квартирѣ встрѣтилъ меня хозяинъ у крыльца и предложилъ мнѣ пару фазановъ, доставившихъ намъ очень вкусное и нѣжное жаркое, зажаренное казакомъ по-кавказски. Хозяинъ много и долго разсказывалъ о подвигахъ генерала Засса, о страшилищѣ черкесовъ, съ которымъ имѣлъ случай видѣться чрезъ годъ. Дважды въ недѣлю отправлялись почта, проѣзжающіе, провіантъ и казенныя вещи изъ Екатеринограда во Владикавказъ; это разстояніе въ 105 верстъ называется *военною дорогою*, а отправки съ вооруженными проводниками называются *оказіями*.

Рано утромъ волы двинули телѣги съ провіантомъ за станицу и остановились на равнинѣ; туда же ѣхали наши экипажи, почтальонъ съ письменными и посылочными чемоданами и карета вольнаго семейнаго аптекаря; наконецъ привлекли заряженную пушку, при ней артиллеристъ съ дымящимся фитилемъ, за пушкою прибыла команда пѣхоты и прискакалъ конный конвой, десятокъ казаковъ. Казаки раздѣлились по обѣимъ сторонамъ транспорта, пѣхота отрядила авангардъ и арьергардъ, барабанщикъ ударилъ подъемъ, и медленнымъ ровнымъ шагомъ воловьимъ потянулся длинный рядъ обоза. Чрезъ полчаса густой туманъ разсѣялся, и неожиданно представилась зрѣнію чудная картина — Кавказскія горы. Какъ бѣлыя облака на горизонтѣ, отъ Каспія до Понта, тянулись горы длиннымъ рядомъ, блистали отъ солнечныхъ лучей, какъ полированный кристаллъ, волнисто переливались и сливались цвѣтъ снѣжный и серебристый; ледяныя вершины отсвѣчивались то золотистымъ, то розовымъ цвѣтомъ; весь хребетъ высокихъ горъ прерывался въ двухъ мѣстахъ громадными исполинами: Эльбрусомъ и Казбекомъ. Величіе и красота этой картины поражаютъ, но описать ихъ невозможно. Видъ этихъ горъ издали можно сравнить съ облаками на горизонтѣ въ осеннее время, когда при закатѣ солнца послѣдніе лучи его освѣщаютъ разновидныя оконечности облаковъ. Такую картину уловляемъ на минуту, она только призракъ исчезающій, а Кавказскія горы — величественная дѣйствительность. Въ ясную погоду горы видны изъ Георгіевска. За нѣ-

сколько недѣль прежде меня ѣхали по этой же дорогѣ товарищи мои А. И. Одоевскій и М. А. Назимовъ; когда близъ Георгіевска показались имъ Кавказскія горы и въ это мгновеніе пролетѣла стая птицъ по направленію къ горамъ, то Назимовъ просилъ поэта привѣтствовать спутниковъ и Кавказъ. Одоевскій, сидѣвшій на почтовой телѣжкѣ, рядомъ съ нимъ, отвѣтилъ:

— „Куда несетесь вы, крылатыя станицы?
Въ страну-ль, гдѣ на горахъ шумитъ лавровый лѣсъ,
Гдѣ граютъ радостно могучія орлицы
И тонутъ въ синевѣ пылающихъ небесъ?
И мы на югъ! туда, гдѣ яхонтъ неба рдѣетъ
И гдѣ гнѣздо изъ розъ себѣ природа вьетъ,—
И насъ, и насъ, далекій путь влечетъ;
Но солнце тамъ души не отогрѣетъ,
И свѣжій миртъ чела не обовьетъ.
Пора отдать себя и смертью и забвенью!
Но тѣмъ ли, послѣ бурь, намъ будетъ смерть красна,
Что насъ не сѣвера угрюмая сосна,
А южный кипарисъ своей покроетъ тѣнью?—
И что не мерзлый ровъ, не снѣговой увалъ
Насъ мирно подарятъ послѣднимъ новосельемъ,
Но, кровью жаркою обрызганный чакалъ,
Гостей бездомныхъ прахъ разброситъ по ущельямъ?

Наше движеніе нисколько не походило на путешествіе по своей землѣ и въ мирное время. Вооруженное прикрытіе, пушка, всѣ военныя предосторожности напоминали страну вражескую и заставляли каждаго быть готовымъ къ бою и къ оборонѣ. Вся Кабарда есть обширная равнина съ превосходнѣйшими пастбищами: изъ ущелій горъ, въ весеннее, лѣтнее и осеннее время, когда вездѣ хорошій подножный кормъ, спускаются отважные горцы-наѣздники на добычу, обижаютъ и грабятъ безпечныхъ путешественниковъ. Эти нападенія и грабежи заставили принять строгія предосторожности.—Мы двигались шагъ за шагомъ, такъ что я могъ на костыляхъ не отставать отъ команды и бесѣдовать съ солдатами. Почти на каждой верстѣ представлялось памятное мѣсто, гдѣ горцы отбили почту или грабили проѣзжаго, или ранили офицера, убили солдата, увели коней, угнали воловъ. Транспорты казенныхъ вещей и провіанта шли на волахъ, которые дважды въ недѣлю возили по своей дистанціи отъ одной крѣпостцы до другой и были содержаны на счетъ казны линейнымъ баталіономъ, занимавшимъ караулъ въ крѣпостцѣ. На половинѣ перехода сдѣлали привалъ на часокъ; у каждаго была своя закуска, своя прибаутка. Послѣ отдыха тронулись прежнимъ порядкомъ, и часу въ пятомъ пополудни пришли на ночлегъ въ Пришибскую крѣпость. Только не воображайте себѣ крѣпости съ каменными стѣнами, глубокими рвами и подъемными мостами. Земляной окопъ съ четырьмя бастіонами, окружающій казарму, два-три дома и духанъ или постоялый домъ или кабакъ,—вотъ крѣпость на военной дорогѣ. При въѣздѣ и выѣздѣ поставлены палисады, на валу— пушки и денно и ночно старательный караулъ, который мало надѣется на валъ и на пушку, но много на штыкъ свой. Весь гарнизонъ такой крѣпости состоитъ изъ одной или изъ двухъ ротъ, изъ двухъ офицеровъ и доктора. Дважды въ недѣлю видятъ они проѣзжающихъ на ночлегѣ и по очереди конвоируютъ ихъ. Но въ Чечнѣ, въ Дагестанѣ, въ мѣстахъ частыхъ набѣговъ, гдѣ устроены такія же крѣпостцы, тамъ офицеры и солдаты, кромѣ самихъ себя и непріятеля, никого не видятъ; не знаютъ прогулки внѣ крѣпости; а если нужда велитъ идти за дровами или пищею и кормомъ, то выходятъ не иначе, какъ съ вооруженными проводниками.

На другой день продолжали путь тѣмъ же порядкомъ, но съ другимъ конвоемъ, съ другою пушкою. Дорога чрезвычайно однообразна по обширной равнинѣ. Травы растутъ на ней необыкновенной вышины и питательности. Кабардинцы пасутъ своихъ овецъ, доставляющихъ имъ одежду и пищу.—Послѣ обѣда мы прибыли на ночлегъ въ Урюхъ, въ такую же крѣпость, но только объемомъ больше первой. Тутъ женатые солдаты имѣли свои хаты, кои съ казармами, съ больницею и магазиномъ составляли селеніе. Ротный командиръ былъ женатый, держалъ все въ величайшемъ порядкѣ и повиновеніи, одѣвался по-черкесски и съ жаромъ разсказывалъ о боевой жизни, объ экспедиціяхъ, въ коихъ онъ участвовалъ. Въ третій день прибыли мы въ Ордонскую крѣпость, обширнѣе двухъ первыхъ, тутъ былъ штабъ баталіоннаго командира П. П. Нестерова, бывшаго адъютанта В. Д. Вольховскаго. Нестеровъ при производствѣ изъ штабсъ-капитановъ гвардіи въ капитаны, былъ переименованъ въ подполковники съ назначеніемъ командиромъ линейнаго кавказскаго баталіона. Этотъ молодой штабъ-офицеръ въ десять лѣтъ заслужилъ чинъ генералъ-лейтенанта, получилъ дивизію и былъ украшенъ четырьмя звѣздами. Такихъ примѣровъ на Кавказѣ не мало, гдѣ въ одно лѣто можно двадцать разъ отличиться и двѣсти разъ подставлять лобъ мѣткой пулѣ или вѣрному удару кинжаломъ или шашкою. Баталіонный командиръ былъ въ разъѣздахъ, но по привязанности и преданности къ начальнику своему приказалъ намъ отвести собственную квартиру свою и доставить намъ дорожнымъ всѣ возможныя удобства. Нестеровъ кончилъ жизнь несчастливо: онъ лишился ума или отъ печали о кончинѣ дѣтей своихъ, или отъ обманутой любви, или отъ меланхоліи.

На слѣдующій день миновали мы крѣпость Дурдуръ, гдѣ оказывался иногда недостатокъ въ водѣ. Далѣе имѣли привалъ въ Минаретѣ, на берегу Терека, у каменной башни; эта мѣстность отличается необыкновенною свѣжестью зелени кустарниковъ и травъ. Верстъ за десять до Владикавказа пѣшій конвой и обозы продолжали идти шагомъ, а почта и путешественники, у кого были запряжены кони, поѣхали рысью впередъ. Близъ дороги видны отдѣльные дворы переселившихся мирныхъ черкесовъ, поступившихъ въ подданство Россіи. Я приказалъ ямщику, (нанятому прямо изъ Екатеринограда, остановиться и зашелъ въ ближайшій отъ дороги дворъ. Тутъ жилъ горецъ-земледѣлецъ; его одежда, обувь, осанка,—все чисто-черкесскія; но домъ, ограда, домашняя скарбь составляли слабое и бѣдное подражаніе русскому крестьянскому быту. Провожатый мой Тимофей Тимофеичъ уговаривалъ меня не входить въ домъ и въ самомъ дѣлѣ былъ въ большомъ безпокойствѣ; предостерегалъ отъ коварства мирныхъ черкесовъ, но я отдѣлался шутками, полагаясь на храбреца, сражавшагося противъ ножей Палафокса, обѣщалъ ему въ случаѣ нужды дружно поддержать его двумя костылями. Внутри дома на стѣнѣ висѣли ружья, шашки и кинжалы. Хозяйка со взрослою дочерью и съ дѣтьми очищали просо; хозяинъ поднесъ мнѣ питье изъ проса вродѣ кумыса или водки непріятнаго вкуса. Изъ сосѣдняго двора прибѣжали черкешенки, но ни одной между ними нельзя было назвать красавицей. Мужчины, хотя также не отличались красотою лицъ, но невольно обращали на себя вниманіе стройностью стана, хорошо примѣренною одеждою, маленькою гладко обутою ногою и ловкостью походки. Наскоро осмотрѣлъ я еще на дворѣ соху, бороны, арбу,—все было въ плохомъ состояніи: вѣроятно, и поля ихъ были не лучше. Безъ сомнѣнія, когда черкесъ

привыкнетъ, то и онъ можетъ сдѣлаться хорошимъ земледѣльцемъ; въ такомъ дѣлѣ нужно время. Черкесъ-хозяинъ говорилъ немного по-русски и, казалось, былъ доволенъ своимъ новымъ положеніемъ. Тимофей Тимофеичъ обрадовался, когда я съ сыновьями усѣлись въ тарантасъ; жена моя съ дочерью не выходили изъ коляски. Чрезъ часъ мы въѣхали въ Владикавказъ, гдѣ были приняты въ домѣ коменданта, полковника Широкова, получившаго письмо о нашемъ пріѣздѣ; кромѣ того, добрые родные прислали къ намъ навстрѣчу вѣрнаго стараго слугу Никифора Гребенника съ полнымъ кошелькомъ простыхъ и двойныхъ абазовъ—грузинской монеты, цѣнностью и вѣсомъ въ 20 и въ 40 копѣекъ серебромъ, для раздачи услужливымъ проводникамъ чрезъ горы.

Владикавказъ, у подножія кавказскихъ горъ, на берегу Терека, довольно населенный городъ: имѣетъ 4.000 жителей, нѣсколько улицъ, больницу и запасные магазины. Я пошелъ на кладбище, чтобы отыскать могилу П. П. Коновницына, узнавъ прежде отъ сестры его Е. П. Нарышкиной, что изъ Петербурга мать отправила металлическую доску съ надписью. Долго ходилъ, искалъ и не нашелъ его могилы. Священникъ и причетникъ указали мнѣ мѣсто и разсказали, что онъ проѣздомъ заболѣлъ, лежалъ въ больницѣ и умеръ отъ холеры. Эта болѣзнь свирѣпствовала до такой степени, что въ сутки умирало до ста и болѣе человѣкъ, такъ что не успѣвали хоронить порознь и положить тѣла въ гробы, но рыли общую могилу и зарывали тѣла сотнями, какъ на полѣ битвы. 6-го ноября поѣхали изъ Владикавказа по лѣвому берегу плавно и ровно текущаго Терека, все по холмистой мѣстности, съ горки на горку. Тутъ въ узкомъ мѣстѣ встрѣтилъ и остановилъ княгиню Дадіанъ, урожденную баронессу Лидію Григорьевну Розенъ, которая спѣшила вслѣдъ за мужемъ своимъ, отправленнымъ за недѣлю прежде съ фельдъегеремъ въ Бобруйскую крѣпость; послѣ узналъ я причину; при встрѣчѣ я могъ только передать княгинѣ успокоительную вѣсть, что супругъ ея хорошо выноситъ быструю, трудную ѣзду; отъ души пожелалъ ей скорѣйшаго соединенія съ нимъ и освобожденія изъ крѣпости. Съ нею ѣхала теща ея. Отъ страданій собственныхъ и отъ вида чужихъ страданій, невозможно ни уйти, ни скрыться; такъ подымаясь на Кавказскія горы, первая встрѣча была съ прекраснѣйшими очами, но очи эти были въ слезахъ и выразили двойное страданіе за себя и за встрѣчныхъ. Мы пожали другъ другу руки и съ тѣхъ поръ не видѣлись. Пространная покатость горъ представила къ вечеру величественную иллюминацію: снизу вверхъ бѣжалъ огонь широкими полосами, то быстро, то медленно, смотря по силѣ вѣтра: осетинцы жгли свои пастбища и отавы для удабриванія ихъ къ слѣдующей веснѣ. Чудный фейерверкъ по правую сторону дороги, а по лѣвой Терекъ съ каждою верстою становился все быстрѣе и шумнѣе. Такъ прибыли мы на ночлегъ въ Ларсъ.

На другой день продолжали подыматься въ гору. Дорога была очень хороша и довольно широка. Горы мѣстами покрыты были лѣсомъ, кустарникомъ; но когда приблизились къ ущелью Дарьяльскому, то можно было видѣть только отвѣсныя скалы, межъ ними Терекъ, а надъ Терекомъ полосу неба. На вершинахъ скалъ показывались избы осетинъ, скирды хлѣба, узкое поле, нѣсколько воловъ,—все это по причинѣ значительной высоты виднѣлось въ уменьшительномъ видѣ. Чѣмъ выше въ гору, тѣмъ величественнѣе дорога, проложенная на краю самаго русла Терека. Тутъ можно было

видѣть часть старинной дороги, высѣченной въ скалѣ; въ одномъ мѣстѣ скала пробита въ видѣ крытыхъ воротъ, но до того низенькихъ, что снимали кузовы каретъ и колясокъ, и на рукахъ перекатывали ихъ нѣсколько саженъ. Сколько было потери времени отъ перетяжки рессорныхъ ремней. Теперь поднятое и выравненное русло рѣки составляетъ лучшее шоссе. На небольшомъ разстояніи, гдѣ мѣстность и русло не позволили продолжать дорогу, гдѣ страшный обвалъ зарылъ ее, тамъ накинутъ мостъ чрезъ рѣку и проложена славная дорога на правомъ берегу съ полверсты, откуда другой мостъ ведетъ опять къ лѣвому берегу Терека. Мосты охраняются часовыми, караулъ имѣетъ казарму и больницу; прохладный влажный воздухъ въ этомъ ущельи даетъ скорую помощь и излеченіе страждущимъ больною грудью. На правомъ берегу, недалеко отъ мостовъ, видна отвѣсная скала, которая сверху до низу въ нѣсколько саженъ шириною, представляетъ черноватую полосу, какъ бы огнемъ и дымомъ запаленную. Тутъ весною горная вода течетъ и падаетъ съ такою быстротою и силою, что, пѣнясь и крутясь, вырываетъ, перекатываетъ и перебрасываетъ тяжелые обломки скалы гранита и сыпятся крупныя искры; это мѣсто называется: «бѣшеная балка».

Раздался выстрѣлъ... ударъ ружья повторялся сотни разъ отъ скалы въ скалу; дѣти мои отвѣтили дружнымъ «ура!» Терекъ такъ шумѣлъ, что невозможно было слышать обыкновеннаго разговора, должно было кричать во все горло; надобно прибавить, что я ѣхалъ осенью и могъ себѣ представить какъ бушуетъ Терекъ весною, когда таютъ снѣга. Досадно, что не умѣю описать картину этого единственнаго въ своемъ родѣ пути. При такихъ величественныхъ видахъ, какъ на Кавказѣ, душа тѣснится, умаляется, смиряется и вмѣстѣ съ тѣмъ, сознавая свое назначеніе, возносится гораздо выше Кавказа, до небесъ; она постигаетъ видимое, но ощущеній своихъ выразить не можетъ словами. Напрасно останавливаю перо, чтобы придумать вѣрное изображеніе; это не удалось вольному путешественнику поэту Пушкину, ни Грибоѣдову, ни невольнымъ странникамъ А. А. Бестужеву (Марлинскому), ни Одоевскому. Всего лучше отрывками нарисованъ Кавказъ поэтомъ Лермонтовымъ, который волею и неволею нѣсколько разъ скитался по различнымъ направленіямъ чудной страны и чудесной природы.

Къ вечеру достигли Казбека, гдѣ ночевали. Здѣсь небольшая церковь, хорошій домъ для проѣзжающихъ, вблизи домъ владѣльцевъ князей Казбековыхъ: одинъ изъ братьевъ служилъ въ военной службѣ, навѣстилъ меня, чтобы освѣдомиться объ Якубовичѣ, старомъ сослуживцѣ. Мы благополучно подымались въ гору, гораздо круче пришлось намъ спускаться на другой день 8-го ноября. Рано поутру выѣхали и скоро доѣхали до слѣдующей станціи Коби. Тутъ небольшой домикъ для путешественниковъ, другой такой же для духанщика, въ сторонѣ землянки для ротнаго командира и для роты, которая смѣняется по очереди. Въ февралѣ и въ мартѣ случаются такіе снѣговые обвалы или увалы, что зарываютъ людей и прекращаютъ сообщеніе на цѣлыя недѣли; тогда никакого средства нѣтъ переѣхать, пока солдаты не очистятъ заваленнаго мѣста. Однажды эти обвалы стѣснили ложе Терека и заставили теченіе воды принять болѣе къ правому берегу. Это неудобство заставило думать о другомъ направленіи дороги, по коему не мѣшали бы ни обвалы, ни ущелья Терека; проложена была въ горахъ новая дорога, и начали эту работу, когда баронъ Г. В. Розенъ былъ корпуснымъ командиромъ на Кавказѣ.

Услужливый штабсъ-капитанъ Черняевъ, совершенно вродѣ Максима Макси-

мыча, описаннаго Лермонтовымъ въ романѣ «Герой нашего времени», предложилъ свои услуги, принесъ дѣтямъ моимъ свѣжаго молока, и объявилъ, что имѣетъ повелѣніе отъ своего начальства проводить насъ чрезъ самыя опасныя мѣста. Онъ жалѣлъ, что у насъ помѣщеніе такое тѣсное и холодное, и очень охотно предложилъ бы намъ свою землянку, если бы она была удобнѣе, и прибавилъ:—«впрочемъ, если не поздно, и если вы можете въ полчаса собраться въ путь, то засвѣтло спустимся; который теперь часъ?»—Двѣнадцатый въ исходѣ.—«Такъ соберитесь, сейчасъ запрягутъ лошадей, а я и солдаты мои готовы, одно только условіе: чтобы супруга ваша не выходила изъ коляски, пока не доѣдемъ до мѣста».

Запрягли лошадей въ пять минутъ, мы проворно сѣли въ экипажи; штабсъ-капитанъ сѣлъ на коня; за нимъ 36 человѣкъ солдатъ пошли ускореннымъ шагомъ. Штабсъ-капитанъ часто подъѣзжалъ къ моему тарантасу, и вродѣ добраго Максима Максимыча бесѣдовалъ и заговаривалъ о быломъ времени, когда онъ служилъ подъ начальствомъ А. П. Ермолова. Теперь еще вижу его усмѣшку, его кавказскія замашки, его маленькаго рыжаго коня, который спокойно и смѣло ступалъ по самому краю пропасти, или по невысокой насыпи изъ нанесенныхъ небольшихъ камней, положенныхъ на краю дороги, чтобы зимою или въ грязную пору экипажи не скатились въ бездну. Изъ-подъ копыта выбивались камушки въ пропасть, тогда стукъ и гулъ отъ паденія ихъ раскатывался и повторялся по всей долинѣ, а штабсъ-капитанъ спокойно покуривалъ трубочку, и когда я упрашивалъ его не ѣхать по такому опасному мѣсту, то онъ улыбаясь отвѣчалъ мнѣ: «мы и наши кони привыкли къ такимъ мѣстамъ; случается часто мнѣ одному ѣздить по этой дорогѣ, кажись мѣста довольно, а бестія рыжакъ все тянетъ къ краю да къ пропасти, и все, знаете, какъ-то тутъ ѣхать веселѣе и виднѣе». Солдаты еще прибавили шагу и приблизились къ мѣсту, гдѣ семейство осетинъ поселялось возлѣ дороги единственно съ цѣлью, чтобы оказать помощь путешественникамъ и доставить имъ убѣжище въ случаѣ непогоды и мятели. Мы подарили нѣсколько монетъ этимъ пустынникамъ, получающимъ провіантъ отъ правительства. Изъ дому, сложеннаго изъ камней и глины, вышелъ новый сѣдой проводникъ, представился намъ изломанными русскими словами: «я князь Циклауровъ, сестру вашу Вольховскую знаю, сына вашего понесъ на рукахъ, когда они горы переѣхали». Я пожалъ руку старику и отблагодарилъ его по жалобѣ его на бѣдность. Когда императоръ Николай, за нѣсколько дней до нашего проѣзда, на минуту остановился на этомъ мѣстѣ, то старикъ показалъ ему заслуженную свою саблю съ серебрянымъ темлякомъ и сказалъ: «темлякъ есть, а хлѣба нѣту!» На такое лаконическое прошеніе императоръ приказалъ отпускать ему провіантъ пожизненно. Мы достигли Крестовой горы и остановились; штабсъ-капитанъ поднесъ намъ стаканъ минеральной воды, вкусомъ пріятно кисловатой. День былъ не ясный, гораздо ниже насъ плавали облака по Чертовой долинѣ, тучи другого яруса начали собираться надъ головою, и пошелъ пушистый снѣгъ большими густыми хлопьями. Прибавь шагу!—скомандовалъ штабсъ-капитанъ; солдаты по ровному мѣсту пустились бѣглымъ шагомъ, кони слѣдовали рысью. Штабсъ-капитанъ замѣтилъ, что густой снѣгъ какъ будто свѣту отнимаетъ и спросилъ:—«Который часъ теперь на часахъ вашихъ?» Я посмотрѣлъ—«двѣнадцатый въ исходѣ»,—приложилъ часы къ уху—часы стояли; они стояли уже въ Коби. Штабсъ-капитанъ стянулъ брови, замѣтилъ, что незаведенные часы насъ обманули, и что воротиться будетъ хуже.

Стало смеркаться, когда мы приблизились къ Гутъ-горѣ: по покатости Гутъ-горы вела дорога подъ прямымъ угломъ и очень круто. Солдаты веревками и цѣпями, прикрѣпленными къ дрогѣ и къ задней оси, придерживали экипажи, которые сверхъ того были съ тормазами. Когда тарантасъ былъ спущенъ до поворота, и повернулъ направо по другой линіи прямого угла, то штабсъ-капитанъ приказалъ остановиться, подъѣхалъ ко мнѣ и спросилъ:—«не угодно ли вамъ посмотрѣть, какъ спускается коляска вашей супруги?» Почти отвѣсно, по скату крутому, вела узкая дорога, по одной сторонѣ ея гора какъ стѣна, по другой сторонѣ бездонная пропасть. Жена моя не могла думать о себѣ, она держала на рукахъ дочь, и послѣ разсказывала мнѣ, что всѣми силами должна была опираться ногами о передній ящикъ, чтобы самой не выпасть изъ коляски или не выронить ребенка. Дорога была не хороша отъ дождей, и отъ камней, коляска качалась; штабсъ-капитанъ грозно воскликнулъ:—«не качай коляски!» одинъ изъ солдатъ отвѣтилъ:—«темно, ваше благородіе!» «А что вамъ свѣчи надо, что ли?» коляска перестала качаться, ее спускали на рукахъ. Спустившись съ Гутъ-горы, увидѣли близъ дороги огонекъ на Койшаурской станціи. Намъ оставалось еще спускаться съ Койшаурской горы версты на три. Штабсъ-капитанъ спросилъ команду: «не устали ли, ребята?»—«Никакъ нѣтъ-съ, ваше благородіе, рады стараться!» Однако съ караульнаго поста Койшаурскаго, взяли еще 12 человѣкъ въ помощь, и въ совершенной темнотѣ стали спускаться все въ прямомъ направленіи. Штабсъ-капитанъ безмолвствовалъ, солдаты тихомолкомъ про себя говорили и ворчали: «что онъ задумалъ ночью переправить такіе экипажи и израненнаго (такъ называли меня по костылямъ моимъ) да маленькихъ дѣтей! этого никогда не бывало!» Я объяснилъ солдатамъ, что часы надули насъ, что нѣтъ еще бѣды никакой, что съ такимъ начальникомъ, да съ такимъ конвоемъ можно безопасно спуститься по всему аду. Въ это мгновеніе зазвенѣла желѣзная цѣпь подъ коляской—«это что?» спросилъ штабсъ-капитанъ. — «Цѣпь перетерлась пополамъ, ваше благородіе.» —«Тѣмъ лучше!» сказалъ полубасомъ штабсъ-капитанъ, теперь вамъ не на что надѣяться, какъ только на самихъ себя!» Солдаты усердно поддерживали, кто за веревку, кто за рессоры, за ремни. У меня на козлахъ сидѣлъ старый слуга Никифоръ, присланный родными навстрѣчу до Владикавказа, онъ указалъ мнѣ на огни у подошвы горы, гдѣ жилъ окружной начальникъ князь Аваловъ; тамъ назначенъ былъ ночлегъ. Признаюсь, непріятно было ѣхать ночью по такому мѣсту, видѣть еще далеко подъ собою нѣсколько огней, и знать, что рядомъ, вдоль всего спуска, на одинъ шагъ отъ дороги ужасная пропасть, которая поглотила уже много повозокъ и поклажи. Проѣзжающіе большею частью спускаются или верхомъ, или пѣшкомъ и не иначе, какъ днемъ. Мы доѣхали въ десятомъ часу вечера.

Штабсъ-капитанъ Черняевъ на рукахъ своихъ поднялъ жену мою изъ коляски и сказалъ: «Извините, что въ такое позднее время провелъ васъ чрезъ страшныя мѣста!» Окружный начальникъ и жена его не хотѣли вѣрить глазамъ своимъ, когда увидѣли на крыльцѣ жену мою и четырехъ дѣтей и въ самомъ дѣлѣ, не на шутку бранили штабсъ-капитана. Съ позволеніемъ его я созвалъ въ одну шеренгу славныхъ проводниковъ-солдатъ и каждому самъ вручилъ подарокъ. Особенно благодарилъ штабсъ-капитана. Хозяинъ и хозяйка радушно и ласково приняли и угостили насъ; жена моя и дѣти крѣпко устали и истомились, легли отдохнуть. Я вышелъ на крыльцо, вечеръ былъ тихій и теплый; небо очищалось отъ облаковъ, мѣстами заиграли звѣзды,

слабо освѣщавшія горы и долины; все было покрыто какою-то таинственностью; глазу и воображенію все представлялись громадныя горы, бездонныя пропасти, крутыя ущелья. Изъ грузинскаго духана переливались звуки русской пѣсни, тамъ пѣли солдаты, насъ проводившіе. Шумъ и гулъ Терека былъ замѣненъ нѣжнымъ журчаніемъ Арагвы, которая текла въ двухъ шагахъ отъ окна моего, и сладко меня усыпила. Рано поутру проснулся; на крыльцѣ встрѣтилъ адъютанта Розена, виднаго собою и хотя дорожнаго, но одѣтаго щеголемъ, и ѣхавшаго съ молодою женою обратно въ Петербургъ. Онъ сѣлъ на коня и пустился догонять карету, которую шестнадцать паръ воловъ влачили въ Койшаурскую гору. Утро было совершенно ясное. Сѣверъ былъ отгороженъ исполинскими ширмами или перегородкою. Солнце освѣтило нашъ вчерашній послѣдній спускъ и показало намъ новую картину за горой, еще превысокую гору, разноцвѣтныя скалы и обрывы, покрытые зеленью, высочайшіе чинары, дикій виноградъ, плющъ, все въ полной зелени, барбарисъ,—все въ это осеннее время дышало югомъ, дышало Грузіей. Красоты Койшаурской долины безчисленны; мнѣ случалось видѣть изображенія нѣкоторыхъ мѣстъ Кавказскихъ горъ, даже мастерской кисти, но все это не удовлетворяетъ, оттого что представляетъ только отрывокъ или осколокъ красоты. Не всѣмъ суждено побывать тамъ, но побывавшіе вѣрно всѣ согласятся со мною, что этотъ край дѣйствительно чудный по природѣ своей, и только не достаетъ въ немъ жителей, которые умѣли бы наслаждаться и пользоваться краемъ.

Мы ѣхали двѣ станціи полною рысью и ночевали въ уѣздномъ городѣ Душетѣ; на другой день проѣхали Мцхетъ, прежнюю резиденцію грузинскихъ царей, на самомъ берегу Куры. Чѣмъ становился я нетерпѣливѣе, тѣмъ медленнѣе стали подвигаться къ цѣли. Дождь промылъ дорогу, лошади и экипажи скользили и раскатывались; наконецъ, доѣхали до послѣдней станціи Гартискара, гдѣ, на бѣду, не было лошадей и откуда идетъ другой трактъ на крѣпость Гори. Мы принуждены были выжидать обратныхъ лошадей; пока ихъ кормили, прошло мучительныхъ пять часовъ; между тѣмъ, все лилъ дождь, все пытало терпѣніе. Непріятность новаго моего назначенія, неизвѣстность новаго мѣста жительства были на время стерты радостною надеждою на свиданіе съ сыномъ и съ испытанными родными въ постоянной и чистой любви, въ продолженіе всей нашей разлуки. Дѣти замѣтили мое безпокойство и сами смутились ожиданіемъ. «Мы сегодня такъ поздно доѣдемъ, что никого не увидимъ до утра»; на это нетерпѣливое мое замѣчаніе, а можетъ быть и обдуманное предисловіе отвѣтилъ старикъ Никифоръ, что никогда не будетъ поздно, что Анна Андреевна и Марья Васильевна ожидаютъ во всякое время, что для всѣхъ дѣтей уже давно кроватки готовы, все устроено и придумано, какъ доставить намъ отдохновеніе послѣ такого дальняго пути. «Я радъ за тебя, мой другъ, и за дѣтей», сказалъ я женѣ,—«но я долженъ отказаться отъ родного и гостепріимнаго крова; я остановлюсь въ гостиницѣ; ты знаешь, почему?». Жена моя безъ всякаго возгласа покачала головою и обычнымъ, нѣжнымъ, спокойнымъ голосомъ возразила мнѣ безъ малѣйшаго упрека: «Я все дѣлила съ тобою, мы вмѣстѣ были въ тюрьмѣ, почему же теперь разставаться на нѣсколько дней?». Я не долженъ былъ остановиться у родныхъ въ домѣ начальника главнаго штаба не оттого, что онъ занималъ второе мѣсто въ краю, а я, какъ рядовой, стоялъ на низшей ступени чиновъ,—родство этого не разбираетъ; но еще въ Читѣ узналъ я, что генералъ Н. Н. Раевскій, командиръ нижегородскаго драгунскаго полка, былъ аре-

стованъ на гауптвахтѣ за то, что пригласилъ къ себѣ на обѣдъ бывшаго моего союзника З. Г. Чернышева, рядового. Вотъ почему я не могъ остановиться у родныхъ.

Дождь лилъ цѣлый день; мы выѣхали предъ вечеромъ. Стемнѣло совершенно, тащились шагомъ; впереди ѣхалъ казакъ обратно съ двумя заводными лошадьми, которыя рядомъ были привязаны одна къ другой; дорога была узка, съ одной стороны скала, съ другой—пропасть; колеса раскатывались, какъ сани, отъ скользкой глины. Лошадка казачья, заводная, крайняя, поскользнулась, поводъ, къ счастью, перервался, и конь съ визгомъ и шумомъ скатился на десятки саженъ въ пропасть—и былъ таковъ; но казакъ остался невредимъ съ остальными конями; несмотря на это, я все торопилъ ямщика. Наконецъ, завидѣли огни Тифлиса, пріѣхали и остановились въ гостиницѣ Матассо. Чрезъ полчаса сынъ мой старшій былъ въ моихъ объятіяхъ.

Глава четырнадцатая.

Грузія въ 1838 году.

Свиданіе съ сыномъ.—Тифлисъ.—Караванъ-Сарай.—Бани.—Южная грязь.—Бивакъ на Алгеткѣ.—Бѣлый ключъ.—Смотръ.—Смѣщеніе начальниковъ.—Неудовольствіе.—Особенности края.—Новое назначеніе.—Греки.—Моя палка.—Обратно въ Тифлисъ.—В. Д. Вольховскій.—Первый лиценстъ.—Быстрое возвышеніе.—Благодарность.—А. И. Одоевскій.—Посланіе къ отцу.—А. А. Бестужевъ.—Обратно чрезъ Кавказскія горы.

10-го ноября былъ счастливый день моего свиданія съ сыномъ моимъ Евгеніемъ и съ добрѣйшими родными. Сердце хотѣло выскочить отъ радости; такое чувство ощущалъ я раза три въ жизни, не болѣе. У сына моего были правильныя черты лица, глаза и взоръ выражали умъ и доброту; голосъ его былъ пріятный и каждое слово было умѣстно и умно. Ростъ его, цвѣтъ лица, движенія, походка выказывали нѣкоторую болѣзненность или изнѣженность. Въ первый разъ увидѣлъ онъ отца, о которомъ родственники передавали ему лучшее понятіе и мнѣніе, учили почитать и любить его; но люди посторонніе, чужіе, могли однимъ словомъ, однимъ взглядомъ внушить ему противныя чувства или недоумѣнія, что впослѣдствіи отчасти и оказалось. Матери своей онъ не помнилъ, потому что разлученъ былъ съ нею на четвертомъ году отъ рожденія. Братьевъ и сестру увидѣлъ онъ въ первый разъ; ближайшимъ по крови роднымъ пришлось начать знакомство личное не съ колыбели; по счастливому возрасту оно завязалось скоро. Отроку предстояло съ новымъ свиданіемъ съ родителями новая разлука съ тѣми родными, съ которыми онъ гораздо тѣснѣе былъ связанъ, которые столько лѣтъ замѣняли ему отца и мать. Счастливое дѣтство все легко принимаетъ, легко забываетъ и прежнюю радость, и прежнее горе за минутную новую радость; и я въ счастливую минуту свиданія забылъ прошедшее горе и благодарилъ Бога. Тетка моя, Анна Андреевна, нисколько не перемѣнилась—ее поддерживало счастье свояченицы моей, Маріи Васильевны, которую увидѣлъ я въ первый разъ женою и матерью; ее узналъ бы я вездѣ. В. Д. Вольховскій радостно привѣтствовалъ насъ и дружески укорялъ насъ за то, что мы не остановились на его квартирѣ; я видѣлъ предъ собою въ лицѣ заслуженнаго начальника штаба того же скромнаго, безукоризненнаго, дѣятельнаго слугу

отечества, какимъ онъ былъ во всю жизнь свою, какимъ готовился быть съ самаго начала своего труднаго поприща, какимъ я видѣлъ его въ 1821 и 1822 году въ Вильнѣ и въ Родошковицахъ, гдѣ всѣ, которые знали его хорошо въ то время, видѣли въ немъ мужа, съ истинными достоинствами и съ правомъ стоять въ ряду мужей, описанныхъ Плутархомъ.

На слѣдующій день, лишь проснулся и подошелъ къ окну, то увидѣлъ, что въ Тифлисѣ всѣ предметы и лица имѣли особенный не-европейскій отпечатокъ; дома съ плоскими крышами, армяне съ навьюченными верблюдами, грузины съ арбами, женщины, покрытыя чадрами, ослы съ вязанками дровъ, кони съ кожаными мѣхами на спинѣ, налитыми водою или кахетинскимъ виномъ. Персіяне провели мимо оконъ моихъ славныхъ персидскихъ жеребцовъ въ подарокъ императору отъ шаха. Протяжные звуки словъ грузинскихъ и армянскихъ, въ коихъ особенно слышны буквы гортанныя и въ носъ произносимыя, перемѣшивались съ живыми отрывистыми словами русскаго солдата. Только женщинъ такъ мало на улицахъ, что едва встрѣтится одна на сорокъ человѣкъ мужчинъ. Чрезъ часъ возобновилась радость свиданія со старшимъ сыномъ: каждая минута знакомила и сближала насъ все болѣе и болѣе; братья стали искреннѣе между собою. Своякъ мой предупредилъ меня, что я назначенъ въ мингрельскій егерскій полкъ, расположенный въ одной изъ самыхъ здоровыхъ мѣстностей Грузіи, но что могу остаться въ Тифлисѣ, пока здоровье мое не поправится. Въ 11 часовъ утра явился я къ корпусному командиру; онъ принялъ меня въ своемъ кабинетѣ въ присутствіи двухъ жандармскихъ штабъ-офицеровъ и моего проводника; съ участіемъ разспрашивалъ о здоровьѣ, увидѣвъ меня на двухъ костыляхъ; вспомнилъ нашихъ общихъ родственниковъ и, наконецъ, спросилъ, какъ и чѣмъ можетъ онъ мнѣ быть полезнымъ и гдѣ на первое время желаю остановиться для поправленія здоровья. Я поблагодарилъ за участіе, объяснилъ, что такой солдатъ, какъ я, не можетъ ни служить, ни драться, и просилъ позволенія отправиться въ полкъ на мѣсто назначенія и тамъ выжидать, какъ лучше устроиться. Онъ совершенно одобрилъ мое намѣреніе и сказалъ, что онъ и своякъ мой будутъ мнѣ полезнѣе тамъ, чѣмъ здѣсь, и что въ настоящую минуту онъ даже не знаетъ, останется ли онъ при своей должности. Я раскланялся, дошелъ до половины кабинета и, замѣтивъ у дверей моего проводника, Тимофѣя Тимофѣевича, возвратился къ генералу и представилъ ему моего проводника, имѣвшаго счастье служить унтеръ-офицеромъ подъ его начальствомъ, когда онъ командовалъ 1-мъ егерскимъ полкомъ. «Неужели еще съ того времени есть у меня сослуживцы?», сказалъ онъ и сталъ его разспрашивать о быломъ, и пока Тимофѣичъ разсказывалъ ему похожденія свои и осаду Сарагоссы, я былъ уже на квартирѣ у Матассо.

Вечеромъ съ большимъ наслажденіемъ былъ я въ тифлисской купальнѣ; городъ получилъ свое названіе отъ теплыхъ минеральныхъ источниковъ. Пришлось мнѣ ѣхать мимо Караванъ-Сарая, или по гостиному двору; въ открытыхъ лавкахъ были разложены и развѣшены гранаты, ранеты, груши, бергамоты, виноградъ разноцвѣтный. Въ другой лавкѣ, по этой же линіи, сидѣлъ портной, окруженный одеждою всякаго рода; онъ шилъ и починивалъ все, что нужно было для проходящихъ; въ третьей стояли штофы и бутылки съ водками и винами; на жаровнѣ пекли чурекъ или грузинскій хлѣбъ вродѣ блиновъ; парили баранину и плау или пилавъ; мѣста эти биткомъ набиты народомъ съ ранняго утра до поздняго вечера; щеки

приходящихъ и отходящихъ нарумянены виннымъ жаромъ, бороды подкрашены, глаза на выкатѣ, безъ выраженія, и все слышны протяжные возгласы и распѣвы словъ односложныхъ безъ трели, безъ рулады.

Далѣе, въ верхнихъ рядахъ сложены красные товары отъ шелковаго платочка до кашемировой шали, отъ коленкора до тончайшей кисеи Индіи, шелковыя матеріи и ковры всѣхъ цѣнъ; въ особенныхъ лавкахъ развѣшено симметрически богатѣйшее и щегольское оружіе: ружья, пистолеты, шашки и кинжалы. Въ воротахъ городскихъ бань встрѣтилъ нѣсколько грузинокъ; онѣ выказывали только по одному черному глазу; съ головы до ногъ все покрыто чадрою, и предоставляютъ воображенію рисовать ихъ прелести. Я прошелъ чрезъ два двора; ванщикъ повелъ меня въ особенное отдѣленіе; ванны высѣчены изъ камня, полъ каменный, скамейки каменныя, стѣны каменныя. Просидѣвъ минутъ десять въ теплой ваннѣ въ 27°, я вышелъ съ помощью ванщика и легъ на широкую скамейку; между тѣмъ, усердный грузинъ уже натеръ мыломъ фланелевые пузыри и началъ мыть меня по-своему, однако, съ условіемъ, чтобы онъ не трогалъ правой ноги моей. По очереди поднималъ онъ то правую, то лѣвую руку мою, теръ ихъ мыломъ, давилъ въ изгибахъ, то складывалъ, то вытягивалъ, такъ что кости затрещали; потомъ началъ тѣ же продѣлки съ лѣвою ногою и дѣйствовалъ съ изступленіемъ; я радъ былъ, что онъ не переломилъ костей здоровой ноги моей; отъ ударовъ его иногда было больно. Снова повелъ меня въ ванну и началъ окачивать. Эта баня освѣжила и укрѣпила меня, какъ бываетъ послѣ морского купанья въ хорошій лѣтній день; можетъ быть, его удары и ухватки замѣняли электрическое треніе морскихъ волнъ. Жаль только, что полъ тифлисскихъ бань былъ холодный; также въ комнатѣ, гдѣ я одѣвался, было не тепло; это неудобство бываетъ только во время зимнихъ недѣль.

Самый пріятный день провелъ я у родныхъ; Вольховскій жилъ въ большомъ инженерномъ домѣ на Эриванской площади; тогда семейство его украшала одна дочь, шестью недѣлями старше моей дочери, одного съ нею имени. У родныхъ встрѣтилъ княгиню Долгорукую, урожденную графиню Надежду Григорьевну Чернышеву, младшую сестру нашей незабвенной А. Г. Муравьевой; мнѣ отрадно было раздѣлить съ нею воспоминанія; хотя цвѣтъ лица, глазъ, волосъ былъ совершенно различный у обѣихъ сестеръ, но голосъ, станъ, движенія, манеры совершенно одни и тѣ же и та же прямота и искренность въ бесѣдѣ. Въ четвертый день моего прибытія въ Тифлисъ отправился въ новое мѣсто назначенія съ полнымъ уже семействомъ: съ нами поѣхалъ и старшій сынъ мой. Въ Тифлисѣ наняли лошадей до селенія Цинскаръ, въ сорока верстахъ отъ города, за двѣсти сорокъ рублей ассигнаціями. Колонисты, обитающіе тифлисское предмѣстье на Курѣ, противъ монастыря св. Давида, согласились везти насъ за эту цѣну, но когда наканунѣ отъѣзда день лилъ сильный дождь, то отказались, увѣряя, что нѣтъ никакой возможности ѣхать при такой дорогѣ. Вообще, всякому путешественнику, желающему ѣхать по Грузіи, совѣтую ѣхать верхомъ. Первыя десять верстъ мы ѣхали довольно скоро, потомъ лошади стали уставать; дорога вела по берегу Куры, покрытому виноградниками и садами; почва глинистая съ мелкимъ известковымъ щебнемъ совершенно размокла. Коляску съ трудомъ дотащили до станціи Коды; тарантасъ остановился подъ горою въ двухъ верстахъ отъ станціи; пока отправили ко мнѣ навстрѣчу другихъ лошадей, пока я доѣхалъ, было уже за полночь. На другой день отправились далѣе; на четвертой

верстѣ кони измучились; еще двинулись на одну версту и остановились на берегу Алгетки, противолежащій берегъ коей весь покрытъ былъ виноградниками. Ямщиковъ отправили по селеніямъ, чтобы они наняли быковъ и арбу, чтобы на нее взвалить сундуки, чемоданы и тѣмъ облегчить экипажи.

Къ счастью, дождь пересталъ. Къ вечеру пригнали быковъ и пару буйволовъ. Вѣрнѣе было дождаться утра и потому рѣшились ночевать тутъ подъ открытымъ небомъ. Собрали хворосту, сухихъ вѣтвей, зажгли костеръ и долго сидѣли вокругъ огня; дѣти забавлялись и пѣли. Евгеній особенно хорошо и твердо переносилъ эту обстановку, не обнаруживалъ никакого утомленія, хотя вздохи невольные на яву и во снѣ доказывали, что мысль его переносилась къ тѣмъ, которые такъ долго, такъ любовно, такъ нѣжно замѣняли ему родителей. Звѣзды указали, что время уже за полночь; мы сѣли въ экипажи и уснули. Рано утромъ поднялся нашъ таборъ; и хотя ѣхали шагомъ, но все подвигались впередъ и, по терпѣливой силѣ воловъ, благополучно доѣхали до Цинскаръ, гдѣ ожидали насъ полковыя лошади, отправленныя навстрѣчу; на нихъ мы ѣхали веселѣе, сперва лѣсомъ, и еще до заката солнца увидѣли селеніе Бѣлый Ключъ и полковыя казармы. Мы подъѣхали къ квартирѣ полкового командира, гдѣ указали намъ отдѣльный домъ, меблированный и освѣщенный. Разумѣется, что такой встрѣчѣ были обязаны свояку моему. Чрезъ часъ пришелъ къ намъ полковой командиръ, полковникъ П. С. Казачковскій, предложилъ свои услуги, угостилъ насъ гостепріимно и просилъ насъ быть у него, какъ дома. На слѣдующій день мы устроили свою кухню и жили въ этомъ домѣ двѣ недѣли, пока нашли отдѣльный домъ, принадлежавшій провіантскому комиссіонеру, отданному подъ судъ. Домикъ имѣлъ четыре комнатки, но намъ было здѣсь гораздо лучше, спокойнѣе, подальше отъ штаба, гдѣ безпрестанное движеніе подчиненныхъ и солдатъ невольно обезпокоивало.

Селеніе Бѣлый Ключъ, штабъ-квартира мингрельскаго, тогда егерскаго полка, получило свое названіе отъ ключа, надъ коимъ стоятъ четыре каменныхъ выбѣленныхъ столба. Селеніе въ пятидесяти верстахъ отъ Тифлиса, на возвышенномъ мѣстѣ; въ окрестностяхъ, хотя изрѣдка, видны сѣверныя березы, отчего климатъ здѣсь здоровѣе, лѣтній жаръ стерпимѣе. Длинный рядъ домиковъ обитаемъ офицерами и женатыми солдатами. Казармы выстроены отдѣльно близъ ключа. На пригоркѣ въ дубовой рощѣ находится больница, въ ней особенныя отдѣленія для полковой церкви и для цейхгауза. Полковой цейхгаузъ, въ коемъ хранятся новая аммуниція, новые мундиры, убранъ и разставленъ, какъ лучшій модный магазинъ. Всѣ строенія, кромѣ одного каменнаго дома, въ коемъ дивизіонный начальникъ живетъ лѣтомъ, срублены и сколочены изъ нетолстыхъ бревенъ или изъ кольевъ, сплетенныхъ прутьями; дома съ обѣихъ сторонъ обмазаны глиною и выбѣлены; всѣ имѣютъ видъ опрятный, но грѣютъ мало въ ненастную и холодную погоду. Безпрестанно топился каминъ, жгли фруктовыя деревья и дубъ, но при всемъ томъ нигдѣ не случалось мнѣ такъ мерзнуть, какъ въ Грузіи. Это неудобство есть принадлежность всѣхъ теплыхъ странъ, гдѣ въ увѣренности на продолжительное тепло считаютъ излишнимъ брать предосторожность противъ кратковременнаго холода. Нѣтъ двойныхъ рамъ, нѣтъ печей хорошихъ, нѣтъ двойныхъ половъ: послѣдній недостатокъ замѣняется теплыми персидскими и грузинскими коврами,—необходимою принадлежностью офицера на мѣстѣ и на походѣ. Полкъ состоялъ изъ шести баталіоновъ, изъ которыхъ два или три по очереди

были въ походѣ, въ экспедиціяхъ. Въ числѣ солдатъ было множество поляковъ, сосланныхъ туда въ 1831 году, молодецъ къ молодцу, служили исправно; какъ въ Курганѣ, вечеркомъ, въ переулкахъ, случалось слышать ихъ національную пѣсню, опровергающую послѣднія слова Костюшки, такъ и въ Грузіи раздавались эти звуки, когда солдаты изъ лѣсу выносили дрова въ казармы. Караулы, ученья, вообще, служба исполнялась такъ исправно, какъ въ столицѣ. Въ числѣ офицеровъ встрѣтилъ прежняго сослуживца, капитана Добринскаго, который, по подозрѣнію участвованія въ нашемъ дѣлѣ, былъ переведенъ изъ гвардіи въ Грузію тѣмъ же чиномъ. Здѣсь онъ женился на грузинкѣ, жилъ въ моемъ сосѣдствѣ и казался счастливымъ. У него иногда заставалъ я офицеровъ; большею частью все одна и та же бесѣда объ экспедиціяхъ, о наѣздничествѣ, объ отчаянномъ сопротивленіи горца, объ удаломъ конѣ, объ острой шашкѣ, о дагестанскомъ кинжалѣ. Презанимательно было слушать о воинскихъ подвигахъ; кавказцы почти всѣ мастерски и краснорѣчиво разсказываютъ: красота природы, безпрестанная опасность, презрѣніе смерти, продолжительное уединеніе при стоянкѣ въ отдѣльныхъ крѣпостяхъ придаютъ имъ особенную живость, ловкость выраженія и охоту высказаться хоть рѣдко, но зато мѣтко.

Мои костыли, мое болѣзненное состояніе освобождали меня отъ всякой службы, но за порогъ дома выходилъ я не иначе, какъ въ форменной солдатской шинели. Однажды только въ Бѣломъ Ключѣ пришлось надѣть мундиръ, по случаю инспекторскаго смотра, произведеннаго лично дивизіоннымъ начальникомъ генераломъ Фроловымъ. Я сталъ на лѣвомъ флангѣ въ ряду со слабыми и больными, которые не поступили въ лазаретъ. Генералъ не дошелъ до нашей отдѣльной команды, какъ полковой командиръ поспѣшно приблизился и повторялъ по строю нашему: «разжалованные впередъ! къ дивизіонному начальнику!» Вышло впередъ человѣкъ пятьдесятъ; полковникъ въ другой разъ подошелъ прямо ко мнѣ и сказалъ: А. Е. васъ вызываетъ впередъ, собираютъ всѣхъ разжалованныхъ. «Извините меня, г-нъ полковникъ, я не разжалованный, а, напротивъ, пожалованный»,—и остался на своемъ мѣстѣ и былъ совершенно правъ. По окончаніи смотра, когда полкъ разошелся, генералъ потребовалъ меня къ себѣ на квартиру и обошелся со мною чрезвычайно любезно; обѣщалъ возвратиться весною на все лѣто и опять увидѣться со мною; но онъ ошибся вдвойнѣ за себя и за меня; насъ обоихъ перемѣстили. Учебныя занятія мои увеличились со времени соединенія моего со старшимъ сыномъ; ему было 12-й годъ, по стараніямъ свояченицы моей онъ сдѣлалъ большіе успѣхи во многихъ научныхъ предметахъ, а съ тѣхъ поръ какъ она вышла замужъ, какъ кругъ ея жизни расширился по обязанностямъ супруги и матери, сынъ мой имѣлъ постояннаго учителя, который чрезъ два года былъ замѣненъ другимъ наставникомъ; они оба, каждый по-своему, передали ему познанія и приложили стараніе къ его воспитанію. Теперь по нѣкоторымъ предметамъ пришлось мнѣ самому учиться и приготовиться наканунѣ къ слѣдующему на другой день уроку. Младшія дѣти начинали учиться, такъ что время мое было распредѣлено съ утра до вечера, и каждый день показывался мнѣ днемъ слишкомъ короткимъ. Жена моя опасно заболѣла въ Бѣломъ Ключѣ; вѣроятно, болѣзнь накопилась отъ утомленій и заботъ во время дальняго пути въ худое время года; но вѣра, сила воли, воздержаніе и умѣренность въ пищѣ скоро поправили разстроенное здоровье. Во время болѣзни она отняла отъ груди дочь, которая безъ этой груди вѣроятно не выдержала бы такого путешествія.

Въ декабрѣ листокъ Инвалида, присланный мнѣ полковымъ командиромъ, передалъ мнѣ весьма непріятную вѣсть: корпусный командиръ баронъ Г. В. Розенъ былъ назначенъ сенаторомъ; мѣсто и должность не по чину его, потому что младше его генералы были членами государственнаго совѣта. Начальникъ штаба В. Д. Вольховскій былъ назначенъ бригаднымъ командиромъ, также мѣсто не по званію, потому что начальники штабовъ на правахъ дивизіонныхъ начальниковъ, по перемѣщеніи получали начальства надъ дивизіями; слѣдовательно, оба назначенія показывали неудовольствіе или наказаніе, и были слѣдствіемъ послѣдняго обозрѣнія края самимъ императоромъ. Мнѣнія служащихъ на Кавказѣ были раздѣлены по этому случаю: одни радовались перемѣнѣ начальниковъ какъ всякой другой перемѣнѣ; другіе жалѣли, что лишались начальниковъ испытанныхъ, извѣстныхъ по безкорыстію, по справедливости и дѣятельности своей, которые семь лѣтъ управляли и воевали съ успѣхомъ и часто получали награды и благодарности. Ермоловцы,—такъ называю сослуживцевъ и обожателей Алексѣя Петровича,—желали имѣть прежняго своего начальника; ожиданіе ихъ не сбылось, назначили на это мѣсто Е. А. Головина, вскорѣ послѣ него А. И. Нейдгардта, но тотъ и другой не отвѣтствовали своему назначенію. Когда же послѣ нихъ графъ М. С. Воронцовъ получилъ мѣсто намѣстника кавказскаго, то правдиво выразилъ, что изъ всѣхъ управленій этимъ краемъ послѣ Ермолова, самая дѣятельная и полезная администрація была въ бытность барона Г. В. Розена. Отчего же такая вдругъ немилость послѣ величайшей довѣренности?—Система централизаціи, желаніе имѣть въ различныхъ краяхъ у иноплеменныхъ обитателей все одинаковое управленіе гражданское, одну форму судоустройства, общее раздѣленіе страны на губерніи и уѣзды заставили отправить сенатора Гана въ Тифлисъ, чтобы тамъ на мѣстѣ собрать всѣ нужныя свѣдѣнія и составить новый проектъ. Какъ водится, сенатору даны были особые чиновники и секретари, люди все незнакомые съ новою страною, и пошли писать!—Не знаю, что они писали, знаю только, что страна была раздѣлена на губерніи и уѣзды, повсюду явились новые чиновники, и судьи и исправники, судили разноплеменныхъ горцевъ, не понимавшихъ ни языка, ни суда. Сенаторъ и чиновники его могли бы составить такой же проектъ въ Петербургѣ или въ Костромѣ, или у себя дома,—все равно, онъ былъ готовый вездѣ. Такіе гости въ отдаленной странѣ отъ центра правительства, вдали отъ высшей власти невольно становились особымъ центромъ происковъ; услужливыхъ людей всегда и вездѣ довольно, они предлагали свои мнѣнія, свои замѣчанія и писали доносы. Кто изъ гостей не слушалъ ихъ, тотъ старался самъ вывѣдывать. Одинъ изъ такихъ попалъ въ Манглисъ, въ штабъ-кртиру эриванскаго карабинернаго полка, нашелъ тамъ злоупотребленія, преувеличилъ ихъ, приписалъ ихъ и другимъ войскамъ кавказскаго корпуса, и вотъ откуда взятъ былъ матеріалъ для очерка положенія всего края.

Императоръ въ самомъ лучшемъ расположеніи духа присталъ къ берегу Чернаго моря, и хотя въ Кутаисѣ встрѣтилъ его пожаръ запаснаго хлѣбнаго магазина, но продолжалъ весело свое путешествіе, весьма затруднительное по дорогамъ гористымъ; бодро переносилъ неудобства, то шелъ пѣшкомъ, то самъ понуждалъ пристяжныхъ коней, гдѣ колеса вязли въ грязи до самой оси. Въ каждомъ городкѣ, повсюду, гдѣ расположено было войско, хоть одна рота, онъ останавливался, все осматривалъ, всѣмъ былъ доволенъ. За нѣсколько станцій до Тифлиса, наканунѣ

въѣзда, перемѣнилось это расположеніе; никто не зналъ причины. Въ Тифлисѣ жители встрѣтили его съ радостью и съ восторгомъ. На другой день назначенъ былъ парадный разводъ отъ эриванскаго карабинернаго полка, коимъ командовалъ флигель-адъютантъ князь Дадіанъ, зять корпуснаго командира; разводъ былъ на площади при стеченіи народа. Вдругъ императоръ приказалъ военному губернатору Брайко сорвать аксельбантъ съ полкового командира, что было тотчасъ исполнено, отправить его съ фельдъегеремъ въ Бобруйскую крѣпость и тамъ отдать его подъ судъ. Гнѣвъ царскій вызванъ былъ доносомъ: обвиняли полкового командира, что онъ употреблялъ солдатъ, какъ людей крѣпостныхъ, на всякую работу, даже въ винокуренномъ заводѣ, что обременялъ ихъ такими работами, отъ коихъ больница была переполнена его солдатами, что людей слабыхъ, до выздоровленія, выгоняли изъ больницы на работу, что солдаты пасли его гусей и пр Такія дѣйствія вызвали бы гнѣвъ самаго хладнокровнаго и мудраго стоика. Но кто могъ поручиться за вѣрность доноса? Не лучше ли было бы приказать разслѣдовать дѣло? Какая нужда, что обвиненный былъ зять корпуснаго командира—развѣ подъ военнымъ мундиромъ уже нѣтъ правдивой безпристрастной души для разбора дѣла? Развѣ тѣ же доносчики не могли открывать утайки правды или пристрастія суда? Корпусный командиръ, вѣрою и правдою прослуживъ полстолѣтія, съ покорностью перенесъ огорченіе. Другому флигель-адъютанту, также командовавшему полкомъ, государь замѣтилъ на общемъ представленіи: «Я полагалъ, что вамъ лестнѣе носить мой вензель на эполетахъ, чѣмъ быть содержателемъ извозчиковъ на тифлисской биржѣ». Донесено было на этого полковника, что онъ отъ себя держалъ въ городѣ извозчиковъ дрожечныхъ изъ солдатъ своего полка. Наконецъ, когда императоръ уѣхалъ изъ Тифлиса, то недалеко за городомъ случилась еще бѣда: по всей Грузіи, по всему Закавказью возилъ его одинъ и тотъ же кучеръ и получилъ въ Тифлисѣ 500 рублей вознагражденія; когда этотъ самый кучеръ хотѣлъ опять сѣсть на козлы, чтобы везти чрезъ горы до Владикавказа, то царскій кучеръ замѣтилъ ему, что онъ уже довольно получилъ, пусть теперь другой получитъ награду, и взялъ другого кучера. Подъѣхали къ спуску, надобно было тормозить, но менторъ на козлахъ не позволилъ остановиться, кони понесли, форейторъ оробѣлъ, повернулъ коней круто къ горной стѣнѣ—и коляска опрокинулась на самомъ краю пропасти. Съ этого мѣста чрезъ горы государь ѣхалъ все верхомъ на казачьей лошади.

Люди безпристрастные, въ томъ числѣ и полковые командиры, замѣтили, что всѣ они болѣе или менѣе также виновны, какъ князь Дадіанъ, потому что на Кавказѣ, а особенно въ Грузіи, ничего не сдѣлаешь безъ солдата. Населеніе туземное живетъ для себя въ нѣгѣ и въ праздности. Безъ помощи солдата не получите ни полѣна дровъ, ни капли воды, ни куска печенаго хлѣба. Всѣ ремесленники, отъ сапожника до портного, отъ кузнеца до каретника, отъ плотника до столяра, замѣняются солдатами. Разумѣется, что офицеры даютъ солдатамъ вознагражденіе. Безъ помощи солдата вы въ Грузіи недалеко уѣдете, а въ сторону отъ большой дороги—ни шагу; если хотите ѣхать въ коляскѣ, то не подвинетесь съ мѣста безъ помощи полковыхъ обозныхъ лошадей. Грузинъ можетъ вамъ служить только верховою лошадью или арбою съ буйволами. Полки, баталіоны и роты расположены въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ ни кола, ни двора грузинскаго, нѣтъ ни одного туземца,—какже тамъ обойтись безъ помощи солдата? Богатые офицеры ни за какую цѣну не най-

дутъ вольнаго работника,—и развѣ работа унижаетъ солдата? развѣ худо, что онъ, кромѣ ружейныхъ пріемовъ, научается ремеслу, пріобрѣтаетъ копейку и, когда переживетъ срокъ службы, можетъ обезпечить свою старость? Главное тутъ условіе, чтобы начальники были человѣколюбивы и справедливы; если они при работѣ солдата хорошо его кормятъ и еще даютъ ему плату, то солдатъ совершенно доволенъ и благодаренъ. Я не извиняю дѣйствій начальниковъ, служившихъ въ кавказской резервной дивизіи и осужденныхъ за непростительное обращеніе съ рекрутами и за безчеловѣчное употребленіе ихъ для собственныхъ своихъ безплатныхъ работъ, которые, вмѣсто того, чтобы доставить кавказскому боевому корпусу здоровыхъ молодыхъ солдатъ, зарывали въ землю умершихъ отъ изнуренія и отъ чрезмѣрнаго труда. Это дѣло было строжайше разслѣдовано въ 1846 г. правдивымъ Суворовымъ, княземъ Италійскимъ; главные виновники были строго наказаны. Я и не оправдываю князя Дадіана, если онъ употреблялъ своихъ солдатъ на работы въ собственномъ имѣніи своемъ, на винокуренномъ заводѣ, гдѣ могли пострадать и здоровье, и нравственность солдатъ. Судъ на мѣстѣ доказалъ бы все ясно; а его увезли, сдали полкъ и безъ допросовъ поручено было производство дѣла флигель-адъютанту Катенину, который послѣ командовалъ Преображенскимъ полкомъ и оренбургскимъ корпусомъ. Дадіанъ былъ разжалованъ въ солдаты, потомъ удаленъ на жительство въ Вятку, возвращенъ въ Москву и совершенно прощенъ Александромъ II. Высшіе начальники были всѣ смѣщены, и думали, что всѣмъ злоупотребленіямъ положенъ конецъ. Все это дѣло имѣло бы другой оборотъ, если бы государь во время путешествія и обозрѣнія края имѣлъ при себѣ одного по очереди изъ мѣстныхъ начальниковъ, которые могли бы объяснить многія особенности страны и жителей, и быта. Во всю дорогу сидѣлъ возлѣ него графъ А. Ф. Орловъ, который самъ въ первый разъ находился въ этомъ краю. Можетъ быть, царскому неудовольствію содѣйствовали предубѣжденія, внушенныя журналами иностранными, статьями различныхъ путешественниковъ иностранцевъ, писавшихъ по слухамъ, а не по свѣдѣніямъ изъ достовѣрныхъ источниковъ.

Въ половинѣ декабря мы были обрадованы пріѣздомъ нашей добрѣйшей тетки, Анны Андреевны. Къ празднику она возвратилась въ Тифлисъ, гдѣ ея присутствіе было необходимо для моей свояченицы. В. Д. Вольховскій предположилъ выжидать выздоровленія супруги и весною оставить Кавказъ. Мое семейство было все на-лицо, я наслаждался этимъ счастьемъ. На праздникахъ приходили къ намъ наряженные солдаты и кантонисты, представляли оперу «Мельникъ» и свои водевильчики со своими прибаутками и остротами; главное дѣло было въ нарядѣ, причемъ первое мѣсто занимали генеральскіе толстые, изъ соломы сплетенные эполеты и звѣзды изъ разноцвѣтной бумаги. Дѣти мои веселились по-своему; каждый день, по окончаніи уроковъ, гуляли мы по окрестностямъ, едва покрытымъ снѣгомъ, хотя морозъ доходилъ до 10-ти градусовъ, что рѣдко случается въ Грузіи; мѣстные жители смѣялись, что мы перевезли морозъ изъ Сибири. Собирались купить домикъ, въ которомъ жили, и намѣревались перестроить его весною. Странно случается въ жизни,—лишь только-что исполнилось желаніе—быть ближе къ роднымъ, чтобы обѣ сестры были вмѣстѣ, какъ вдругъ чрезъ три недѣли поразила насъ вѣсть о новой разлукѣ. 22-го января, вечеромъ, когда окончили повтореніе уроковъ, услышали колокольчикъ подъ окномъ; вошелъ Г. Ф. Фе, присланный Вольховскимъ, чтобы сообщить

намъ радостную вѣсть о переводѣ моемъ въ Пятигорскъ. Чрезъ три дня пришелъ полковой командиръ съ бумагою и, поздравивъ меня, сказалъ, что бумага о моемъ переводѣ написана въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. И въ самомъ дѣлѣ, военный министръ сообщилъ корпусному командиру, что «государь императоръ всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ, во вниманіе къ разстроенному здоровью рядового изъ государственныхъ преступниковъ А. Р. перевести его немедленно въ городъ Пятигорскъ и доставить ему всѣ средства къ излеченію». По этому приказу я былъ переведенъ въ 3-й кавказскій линейный баталіонъ. Кому былъ я обязанъ этою милостью или этимъ вниманіемъ—до сего дня не знаю навѣрно. Изъ двухъ предположеній одно: тотчасъ по свиданіи со старшимъ сыномъ писалъ я В. А. Жуковскому и просилъ его передать мою благодарность главному содѣйствователю къ тому, наслѣднику цесаревичу; вмѣстѣ съ тѣмъ упомянулъ, что разстроенное здоровье, изувѣченная нога не позволяютъ мнѣ служить. Вѣроятно, что цесаревичъ просилъ вторично за меня, какъ и послѣ того еще нѣсколько разъ просилъ отца за меня, за дѣтей моихъ и за многихъ моихъ товарищей. Или облегченіе это доставилъ мнѣ графъ А. Х. Бенкендорфъ по донесенію жандармскаго штабъ-офицера Гринфельда, который донесъ своему шефу, что я прибылъ изъ Сибири больной и изнуренный на двухъ костыляхъ, больной же немедленно отправился изъ Тифлиса въ полкъ.

На масляницѣ собирались мы въ обратный путь; ѣхали на колесахъ, хотя земля покрыта была снѣгомъ и мѣстами подлѣ казенныхъ оградъ вьюга намела горки снѣгу, какъ бываетъ на сѣверѣ. Ночь провели мы въ греческой деревнѣ Цынскарахъ, въ просторной саклѣ. Въ небольшомъ селеніи обитало нѣсколько греческихъ семействъ, потомки издавна переселившихся грековъ. Хозяева и гости сидѣли на лавкѣ предъ небольшимъ очагомъ, возлѣ коего съ двухъ боковъ сидѣли и лежали сосѣди; на всѣхъ отражался яркій огонь съ очага и красиво обрисовывалъ лица, отъ природы прекрасныя и правильныя. Ребенокъ лежалъ въ люлькѣ, мать поила его изъ рожка. Греки-красавцы живутъ по примѣру грузинъ, занимаются земледѣліемъ очень худо и слабо, питаются чурекомъ и чихиремъ, самымъ плохимъ виномъ, и всему въ цѣломъ мірѣ предпочитаютъ виноградный спиртъ. Никто изъ нихъ никогда не слыхалъ ни объ Аристидѣ, ни о Периклѣ, ничего не знали даже о Колокотрони, о Боцари. Отъ грековъ осталось у нихъ только названіе и наружный видъ,—остался трупъ бездушный. Въ Грузіи есть нѣсколько колоній переселенцевъ изъ Виртемберга и Бадена; вѣроятно, отъ нѣмецкаго трудолюбія и умѣнья ожидали важной помощи для земледѣлія и винодѣлія; но въ этомъ краю до сихъ поръ ожиданія не сбылись. Переселенцы долго боролись съ климатомъ. Посреди живописныхъ горъ съ роскошнѣйшею растительностью лежатъ смертоносныя долины, въ коихъ въ извѣстное время года, особенно во время жатвы, свирѣпствуютъ желтыя горячки. Въ другихъ долинахъ нѣтъ здоровой воды для питья. Впрочемъ, эти недостатки и неудобства составляютъ только исключенія, а вообще природа здѣсь поставила себѣ памятникъ красоты и величія. Люди, съ теченіемъ столѣтій, мало оставили здѣсь слѣдовъ своей жизни и своихъ трудовъ,—только нѣсколько развалинъ древнихъ храмовъ, множество надписей на горныхъ скалахъ и остатки оружія. Отъ М. В. Вольховской достался мнѣ клинокъ шпаги, прикрѣпленной къ рукояткѣ, вродѣ предлиннаго кинжала, съ круглыми ножнами, такъ что походитъ совершенно на посохъ или на палку. Эта палка была найдена въ пещерѣ при штурмѣ черкесскаго аула солдатомъ мингрель-

скаго полка, поднесена полковнику Казачковскому, который подарилъ ее начальнику штаба. Клинокъ этотъ по ковкѣ, по опредѣленію знатоковъ-спеціалистовъ, принадлежитъ ко времени крестовыхъ походовъ, а по гербу и по имени принадлежалъ Леопольду герцогу Лотарингскому, который велъ крестоносцевъ чрезъ Кавказъ и, при осадѣ Акра, имѣлъ раздоръ съ Ричардомъ, Львинымъ Сердцемъ. Черкесы передѣлали шпагу въ кинжалъ и палку. Эта палка съ 1842 года—повсюду постоянный, неразлучный спутникъ—была со мною недавно въ Парижѣ, гдѣ обратила на себя вниманіе знатока древностей. На пути изъ Страсбурга въ Марсель сидѣлъ со мною въ вагонѣ знакомый аббатъ, который, обнаживъ клинокъ, прочелъ всѣ знаки герба, весьма сложнаго, съ величайшею подробностью геральдики; то пояснялъ «les armes», то «le blason» и возвратился къ XII столѣтію. Исторія повѣствуетъ, что, со времени похода аргонавтовъ до переселенія народовъ и въ продолженіе крестовыхъ походовъ, различныя племена проходили чрезъ Кавказскія горы; остатки многихъ племенъ этихъ оставались тутъ, сохранили свой первообразъ, свой языкъ, но не оставили ничего примѣчательнаго. Грузины въ своихъ сакляхъ, всѣ горцы въ раскинутыхъ аулахъ, по горамъ неприступнымъ, живутъ такъ, какъ будто прибыли только вчера, чтобы на завтра выбраться въ другое мѣсто. Гдѣ гора и скала, тамъ и жилище у нихъ готово. Русскій солдатъ на Кавказѣ, если порядкомъ хочетъ кого выбранить или укорить, то скажетъ: «экая ты Азія!».

На другой день пріѣхали въ Тифлисъ. Дорога была твердая и легкая отъ морозу. Сады на берегу Куры, склоны горъ къ сѣверу покрыты были снѣгомъ, когда въ это время обыкновенно уже цвѣтутъ миндальныя деревья. Въ городѣ не было снѣгу; городъ со всѣхъ сторонъ окруженъ горами, лежитъ какъ въ котлѣ; если тамъ изрѣдка и выпадаетъ снѣгъ, то въ десять часовъ утра его уже нѣтъ отъ солнечныхъ лучей. Лѣтомъ жаръ мучителенъ, тѣмъ болѣе, что температура воздуха мало уменьшается ночью, вѣтеръ не проникаетъ въ этотъ котелъ, раскаленный солнцемъ. Зато грозы здѣсь вдвое величественнѣе и страшнѣе: удары грома раскатываются безпрерывно, каждый ударъ отражается отъ горы до горы нѣсколько разъ, въ продолженіе гула и раската слѣдуетъ другой ударъ, третій, и такъ далѣе, какъ батальоный огонь; послѣ этого начинается дождь крупными каплями и потомъ льется, какъ изъ ведра, такъ что съ горъ текутъ потоки, смывающіе каменные фундаменты; такъ, въ томъ году такой дождь снесъ цѣлый уголъ дома, въ коемъ жилъ военный губернаторъ. Смеркалось, когда мы приближались къ городу; фонари были зажжены, дрожки повсюду были въ движеніи, пѣшеходы торопились, изъ нихъ на десятокъ офицеровъ или солдатъ приходилось по одному грузину или армянину.

До выѣзда моего изъ Бѣлаго Ключа получилъ я письмо отъ В. Д. Вольховскаго, въ коемъ онъ писалъ, что при непріятной перемѣнѣ въ его службѣ, онъ радуется, по крайней мѣрѣ, что новое его назначеніе не можетъ мнѣ теперь препятствовать остановиться на его квартирѣ. Въ передней его я не видѣлъ ординарца и вѣстового, какъ бывало прежде. Радушно и искренно встрѣтили насъ хозяинъ, хозяйка съ двумя дочерьми, изъ нихъ новорожденная у груди, и добрѣйшая тетка, общая намъ мать. У нихъ мы жили слишкомъ двѣ недѣли. Мнѣ сначала грустно было видѣть В. Д. лишеннаго прежней должности и средствъ продолжать полезную службу въ странѣ, гдѣ онъ прослужилъ лучшіе годы своей жизни съ совершеннымъ самоотверженіемъ. Онъ не обижался, не оскорблялся новымъ назначеніемъ, и когда я замѣ-

тилъ ему, что начальникъ штаба не можетъ отвѣчать за корпуснаго командира, что неудовольствіе на послѣдняго не должно распространяться на перваго, то онъ возразилъ мнѣ, что косвеннымъ образомъ отвѣчаетъ и начальникъ штаба.

По разстроенному здоровью хотѣлъ онъ оставить Кавказъ за годъ предъ тѣмъ, но, бывъ лично обязанъ барону Г. В. Розену, не хотѣлъ покинуть его въ такое время, и рѣшился выждать высочайшій смотръ, чтобы раздѣлить съ любимымъ начальникомъ все, что могло случиться, какъ прежде раздѣлялъ съ нимъ и славу боевую, и труды управленія, и награды, и благодарности царскія. Безъ ропота, безъ сожалѣнія готовился онъ къ новой должности; прослуживъ 20 лѣтъ въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ, онъ не занимался фронтовою службою, но для своего новаго назначенія ежедневно сталъ брать уроки въ ружейныхъ пріемахъ. Когда я откровенно выразилъ мое мнѣніе, что я тотчасъ подалъ бы въ отставку, выжидалъ бы время, когда все объяснится, и тогда опять вступилъ бы въ службу, то онъ съ этимъ не согласился, въ твердомъ убѣжденіи, что должно всегда и вездѣ служить отетеству, и что онъ оставитъ службу только въ одномъ случаѣ: если убѣдится, что лишенъ будетъ всѣхъ средствъ быть полезнымъ. Бригада его стояла въ дѣйствующей арміи, гдѣ ожидали его большія непріятности, по личной ненависти къ нему фельдмаршала Паскевича. Здѣсь посвящаю нѣсколько страницъ памяти В. Д. Вольховскаго, скончавшагося въ 1841 году. Жизнеописаніе его было напечатано на слѣдующій годъ его шуриномъ и товарищемъ по лицею И. В. Малиновскимъ; тамъ сочтены всѣ сраженія, въ которыхъ онъ участвовалъ, и всѣ награды, имъ полученныя, отъ перваго крестика до трехъ послѣднихъ звѣздъ; тамъ весь формулярный списокъ, по коему можно было судить о воинскихъ подвигахъ, и заключить, что онъ сталъ бы современемъ однимъ изъ лучшихъ полководцевъ; между тѣмъ какъ онъ самъ часто говаривалъ, что не имѣетъ дарованія, необходимаго тактику. Здѣсь хочу я только упомянуть объ истинныхъ внутреннихъ достоинствахъ человѣка, часто не замѣчаемыхъ или сокрытыхъ отъ глазъ самыхъ проницательныхъ наблюдателей, которые нерѣдко приписываютъ чрезмѣрному честолюбію то, что проистекало изъ самаго чистаго нравственнаго источника, изъ самыхъ твердыхъ правилъ человѣколюбія, честности и изъ любви христіанской.

В. Д. Вольховскій, первый воспитанникъ императорскаго царскосельскаго лицея, по окончаніи экзамена въ 1817 году, былъ первымъ по выпуску, и немедленно приготовился къ другому экзамену по военнымъ наукамъ, чтобы поступить прямо въ гвардейскій генеральный штабъ. Бывъ еще молодымъ офицеромъ, участвовалъ онъ въ первой экспедиціи въ Хиву въ 1819 году съ Бергомъ и пріобрѣлъ уваженіе людей, бывшихъ съ нимъ въ сношеніяхъ. Чрезъ три года былъ онъ принятъ капитаномъ Бурцовымъ въ тайное общество, имѣвшее цѣлью распространить общественное благоденствіе; члены обязывались, каждый по своимъ силамъ, распространять полезныя знанія, занимать должности самыя трудныя и даже низшія по чину и званію, чтобы и въ такихъ мѣстахъ дѣйствовать въ пользу справедливости и безкорыстія. Члены не скрывали этой цѣли отъ лицъ, достойныхъ имъ содѣйствовать, и поступали тайно только тамъ, гдѣ недоброжелательство или невѣжество могло имъ противопоставить препятствія.—Въ 1821 году видѣлся я съ нимъ въ первый разъ въ Минскѣ, потомъ въ Вильнѣ, въ кругу молодежи; всегда кроткій и смиренный, умѣлъ онъ отклонять пустословіе, умнымъ взглядомъ и словомъ останавливалъ онъ непристойныя выходки, за-

щищалъ жертву злословія или уходилъ, когда карты и вино замѣняли разговоръ. Не имѣя никакой помощи изъ родительскаго дома, жилъ онъ чрезвычайно умѣренно и разсчетливо въ артели съ Бурцевымъ, Семеновымъ, Искрицкимъ и Калошинымъ; изъ своего жалованья и наградныхъ денегъ дѣлился онъ съ отцомъ своимъ. Въ 1824 году былъ онъ въ экспедиціи въ Бухару съ полковникомъ Мейендорфомъ. Въ 1825 году вышелъ онъ въ отставку, полагая быть полезнѣе въ гражданской службѣ, гдѣ имѣлъ бы меньше расходовъ и больше средствъ помогать ослѣпнувшему отцу; но мѣсто, обѣщанное ему Оленинымъ, президентомъ академіи, было между тѣмъ отдано другому. Начальникъ штаба гвардейскаго корпуса А. И. Нейдгардтъ упрашивалъ его оставаться въ военной службѣ и словесно и письменно отговаривалъ его отъ отставки и съ радостью содѣйствовалъ къ назначенію его опять въ прежнюю военную службу. Онъ получилъ откомандировку въ Бухару, откуда возвратился лѣтомъ 1826 года.—Когда началась война на Кавказѣ противъ Персіи, то отправили туда Вольховскаго, гдѣ онъ въ продолженіе всей войны персидско-турецкой имѣлъ трудную и важную должность оберъ-квартирмейстера; всѣ движенія и расположенія войскъ не давали ему покоя ни днемъ, ни ночью. Авангардомъ начальствовалъ славный товарищъ его Бурцевъ и наполнялъ своими подвигами всѣ военныя реляціи. Въ то время встрѣтился съ Вольховскимъ совоспитанникъ лицея, знаменитый поэтъ Пушкинъ, и передалъ намъ, какъ онъ засталъ труженика измученнаго усталостью. Непостижимо, откуда и отчего возродилась ненависть къ нему Паскевича? Никогда Вольховскій не открывалъ этой причины, даже не намекалъ о ней; однажды спросилъ онъ преемника своего по должности, только что прибывшаго прямо изъ Варшавы: — «Вспоминаетъ ли меня фельдмаршалъ?» — «Онъ никому не скрываетъ, что онъ васъ ненавидитъ», — былъ отвѣтъ. Десять лѣтъ послѣ того я могъ себѣ объяснить это дѣло: во время венгерской войны, когда генералъ Д. Е. Сакенъ назначенъ былъ принять тамъ участіе и средоточить главные резервы, то фельдмаршалъ въ часъ негодованія сказалъ: «одну я сдѣлалъ глупость въ жизни, что на Кавказѣ не велѣлъ повѣсить Сакена и Вольховскаго». Сакенъ, достойный и храбрый генералъ, былъ у него начальникомъ штаба, когда Вольховскій былъ оберъ-квартирмейстеромъ; они оба имѣли безпрестанныя съ нимъ сношенія, получали и исполняли его приказанія... Всегда бѣда подчиненному, который бываетъ свидѣтелемъ промаховъ тщеславнаго начальника.

Въ 1830 году Вольховскій поѣхалъ въ отпускъ, проводилъ жену мою въ Москву, а къ зимѣ спѣшилъ въ Петербургъ. Когда онъ представлялся Дибичу въ Мраморномъ дворцѣ, то какъ только графъ Забалканскій увидѣлъ его издали входящаго, то устранилъ много генераловъ, стоявшихъ впереди, съ распростертыми объятіями встрѣтилъ прибывшаго полковника и предложилъ ему другую службу въ другомъ мѣстѣ: тогда готовились дѣйствовать сперва противъ Людовика Филиппа, послѣ противъ поляковъ. Вольховскій былъ произведенъ въ генералы на тридцатомъ году своей службы, назначенъ былъ находиться при отдѣльномъ Литовскомъ корпусѣ, коимъ командовалъ баронъ Г. В. Розенъ, съ которымъ ближе познакомился. Когда по окончаніи войны Розенъ назначенъ былъ командовать отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ, то предложилъ Вольховскому мѣсто начальника штаба. Въ этой должности служилъ онъ шесть лѣтъ въ самое трудное время, когда фанатикъ Кази Мулла и ученики его постоянно раздували пламя войны и возмущенія; когда ежегодно русское оружіе присваивало себѣ части берега Чернаго

моря и проникало все далѣе въ горы съ другой стороны, съ берега Каспійскаго до горъ Дагестанскихъ. Человѣку, который участвовалъ во всѣхъ главнѣйшихъ экспедиціяхъ, столько лѣтъ находился въ этой странѣ, зналъ ее хорошо, который совершенно чуждъ былъ даже мысли о корысти, совѣстливо исполнялъ свою обязанность,—такому человѣку дали бригаду въ окрестностяхъ Минска! Но именно въ такихъ случаяхъ выказывается достоинство и характеръ человѣка: безъ ропота, безъ жалобы, безъ отвѣта готовъ онъ былъ служить вездѣ; какъ онъ прежде не возносился, не гордился при возвышеніи своемъ, такъ теперь не обижался униженіемъ. Въ Пятигорскѣ я жилъ съ нимъ два мѣсяца подъ одною крышею; встрѣчалъ тамъ явную противоположность ему, смѣщенныхъ съ должностей генералъ-адъютанта и атамана Кавказскаго,—тайный червь точилъ ихъ сердце, всегдашній разговоръ ихъ былъ о нанесенной имъ обидѣ,—они сами себя мучили. Вольховскій никогда не вторилъ ихъ жалобамъ; у него на умѣ были не звѣзды, не аксельбанты, не деньги,—онъ думалъ о существенной пользѣ, которую могъ принести повсюду, гдѣ находился. Прослуживъ больше полугода на новомъ мѣстѣ, убѣдившись, что всякій другой генералъ фронтовикъ и шагистикъ голосистый могъ быть полезнѣе его въ бригадѣ, вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ жены своей въ Каменкѣ, въ Изюмскомъ уѣздѣ, гдѣ жалѣлъ только, что онъ по своему чину не могъ быть избранъ въ уѣздные судьи, чтобы на невидномъ мѣстѣ сдѣлать множество добра непримѣтнымъ образомъ. Тамъ, въ уединеніи, онъ прилежно читалъ и изучалъ Теэра и другихъ раціональныхъ сельскихъ хозяевъ, дѣятельно старался объ улучшеніи быта крестьянскаго. Среди этихъ занятій что-то тянуло его къ берегамъ Днѣпра, ближе къ родинѣ, или сосѣди были не совсѣмъ по душѣ ему, какъ совершенно неожиданно посѣтило его горе: онъ лишился второй дочери своей, которая цвѣла здоровьемъ и красотою, уже бѣгала и начала говорить—и въ нѣсколько дней ея не стало. Онъ перенесъ этотъ ударъ съ христіанскою покорностью, утѣшалъ пораженную печалью жену и словомъ и примѣромъ.

Лѣтомъ 1840 года онъ долженъ былъ ѣхать въ Москву по дѣламъ сестры своей. Тамъ онъ увидѣлъ любимаго и уважаемаго прежняго своего начальника, барона Г. В. Розена, утомленнаго болѣзнью, а еще болѣе страждущаго отъ участи зятя и отъ пренебреженія, въ коемъ онъ оставленъ былъ уже два года. Вольховскій тотчасъ написалъ графу А. Х. Бенкендорфу, описалъ, въ какомъ состояніи увидѣлъ своего бывшаго начальника, и просилъ, чтобы графъ, какъ сослуживецъ и товарищъ барона, ходатайствовалъ у императора за заслуженнаго старца. Бенкендорфъ написалъ ему отвѣтъ съ фельдъегеремъ и спросилъ, о чемъ именно онъ можетъ просить государя и что онъ готовъ исполнить такое благородное заступничество. Вольховскій сообщилъ Розену все, что онъ желалъ сдѣлать для его успокоенія, и уговаривалъ его откровенно сообщить свои желанія, въ надеждѣ, что это будетъ исполнено готовностью Бенкендорфа. Но всѣ убѣжденія были напрасны: обиженный старецъ, прослужившій 48 лѣтъ безъ укора, не могъ рѣшиться на прошеніе, между тѣмъ фельдъегерь ждалъ отвѣта, и ждалъ напрасно. Тогда Вольховскій просилъ объ облегченіи участи кн. Дадіана, сосланнаго въ Вятку; просьба эта была исполнена, и страждущій отецъ имѣлъ утѣшеніе видѣть дочь свою и зятя, которому дозволено было жить въ окрестностяхъ Москвы. Въ краткомъ очеркѣ характера и правилъ Вольховскаго мнѣ невозможно упоминать о всѣхъ благород-

ныхъ поступкахъ его; коснусь только одной еще черты, поражающей особенно въ наше время, когда всѣ поклоняются деньгамъ. Отцовское небольшое имѣніе, которое онъ освободилъ отъ залога и оттого, кромѣ права наслѣдства, оно должно было перейти въ его владѣніе, онъ уступилъ въ пользу братьевъ и сестры, помогалъ ежегодно изъ своего жалованья, изъ коего не откладывалъ для себя ни копейки. Въ послѣдніе годы своей службы получилъ онъ аренду на 12 лѣтъ; при отставкѣ взялъ онъ эти деньги впередъ, употребилъ часть на улучшеніе хозяйства, а остальную отдалъ роднымъ. Въ превратностяхъ жизни всегда отрадно встрѣтить человѣка съ такою душою, съ такими правилами; онъ поддерживаетъ вѣру въ добродѣтель.

На другой день моего пріѣзда въ Тифлисъ получилъ я приказаніе явиться къ бывшему корпусному командиру. Онъ уже переѣхалъ тогда изъ квартиры главнокомандующаго и жилъ въ частномъ домѣ доктора Прибеля. Когда я выразилъ ему мое соболѣзнованіе, то онъ сказалъ:—«Я испыталъ, что нехорошо служить слишкомъ долго». Онъ только ожидалъ пріѣзда Е. А. Головина, чтобы слѣдовать за семействомъ въ Москву. Отъ него поѣхалъ я къ новому начальнику штаба, полковнику П. Е. Коцебу, который отъ родныхъ моихъ получилъ просьбы доставить мнѣ возможныя облегченія; онъ объявилъ мнѣ свою готовность быть мнѣ полезнымъ; но куда помѣстить солдата на двухъ костыляхъ, который даже не годился въ канцелярскую должность, потому что больная нога не позволяла мнѣ прямо сидѣть?—Съ особеннымъ наслажденіемъ увидѣлся въ Тифлисѣ съ милымъ товарищемъ моимъ А. И. Одоевскимъ, послѣ шестилѣтней разлуки, когда разстался съ нимъ въ Петровской тюрьмѣ. Онъ между тѣмъ поселенъ былъ въ Тельмѣ близъ Иркутска, послѣ въ Ишимѣ и въ одно время со мною назначенъ солдатомъ на Кавказъ, гдѣ служилъ въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку въ одно время съ удаленнымъ туда Лермонтовымъ. Назначеніемъ въ солдаты и освобожденіемъ своимъ изъ Сибири Одоевскій обязанъ былъ своему посланію къ отцу въ стихахъ, которое изъ III-го отдѣленія собственной его величества канцеляріи, куда отправляема была вся наша корреспонденція, передано было императору Николаю и такъ понравилось ему по выраженнымъ чувствамъ любви сына къ отцу, а можетъ быть, и за поэтическое выраженіе или сожалѣніе о прошломъ, что приказалъ тотчасъ освободить Одоевскаго отъ вѣчнаго поселенія въ Сибири и перевести его рядовымъ на Кавказъ. Одни укоряли Одоевскаго за такую выходку, другіе извиняли его тѣмъ, что поэту все дозволяется: и кадить, и льстить, и проклинать, и благословлять—лишь бы отборными, музыкальными стихами. Въ народѣ конечно идетъ поговорка:—«что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ». Поэтъ самъ смотрѣлъ на эти стихи, какъ на единственную пилу, которою онъ могъ перепилить желѣзную рѣшетку своей темницы и выйти на волю. Съ намѣреніемъ помѣщаю здѣсь это стихотвореніе, чтобы послѣ не искажали его и не придавали ему другого смысла. Одоевскаго засталъ я въ Тифлисѣ, гдѣ онъ находился временно по болѣзни. Часто хаживалъ онъ на могилу своего Грибоѣдова, воспѣлъ его память, воспѣлъ Грузію звучными стихами, но все по-прежнему пренебрегалъ своимъ дарованіемъ. Всегда безпечный, всегда довольный и веселый, какъ истинный русскій человѣкъ, онъ легко переносилъ свою участь; бывъ самымъ пріятнымъ собесѣдникомъ, заставлялъ онъ много смѣяться другихъ и самъ хохоталъ отъ всего сердца. Въ томъ же году я еще два раза съѣхался

*

съ нимъ въ Пятигорскѣ и въ Желѣзноводскѣ; просилъ и умолялъ его дорожить временемъ и трудиться по призванію; мое предчувствіе говорило мнѣ, что недолго ему жить; я просилъ совершить трудъ на славу Россіи. Чрезъ годъ, находясь въ экспедиціи на берегу Чернаго моря, захворалъ онъ горячкою и въ походной палаткѣ, на рукахъ К. Е. Игельстрома, отдалъ Богу душу, исполненную любви.

Посланіе къ отцу.

Какъ недвижимы волны горъ,
Обнявшихъ тѣсно мой обзоръ
Непроницаемою гранью;
За ними, полный жизни міръ,
А здѣсь я, одинокъ и сиръ,
Отдалъ всю жизнь воспоминанью.
Всю жизнь, остатокъ прежнихъ силъ,
Теперь въ одно я чувство слилъ,
Въ любовь къ тебѣ, отецъ мой нѣжный,
Чье сердце такъ еще тепло,
Хотя печальное чело
Давно покрылось тучей снѣжной.
Проснется-ль тайный сводъ небесъ,
Заговоритъ ли дальній лѣсъ,
Иль золотой зашепчетъ колосъ —
Въ лунѣ, туманной выси горъ
Всегда мнѣ видится твой взоръ,
Вездѣ мнѣ слышится твой голосъ.
Когда-жъ объ отчій твой порогъ,
Пыль чуждую съ изсохшихъ ногъ,
Стрясетъ твой первенецъ-изгнанникъ,
Войдетъ — растаетъ весь въ любовь,
И небо въ душу приметъ вновь,
И на землѣ не будетъ странникъ...
Нѣтъ, не входить мнѣ въ отчій домъ,
И не молиться мнѣ съ отцомъ
Передъ домашнею иконой;
Не утѣшать его сѣдинъ,
Не быть мнѣ отъ заботъ, кручинъ
Его младенцевъ обороной!
Меня чужбины вихрь умчалъ
И бросилъ на девятый валъ
Мой челнъ, скользившій безъ кормила.
Очнулся я въ степи глухой,
Гдѣ мнѣ не кровною рукой,
Но вьюгой вырыта могила.
Съ тѣхъ поръ, займется ли заря,
Молю я солнышко-царя
И нашу свѣтлую царицу:
Меня, о, солнце, воскреси
И дай мнѣ на святой Руси
Увидѣть хоть одну десницу.
Взнеси опять мой бѣдный челнъ,
Игралище безумныхъ волнъ,
На океанъ твоей державы,
Съ небесъ мнѣ кроткій лучъ пролей,
И грѣшной юности моей
Не помяни ты въ царствѣ Славы!

Александръ Одоевскій.

Ишимъ. 1837 г.

Много русскихъ поэтовъ умерли преждевременно, въ молодыхъ лѣтахъ, много и насильственною смертью: Грибоѣдовъ, Рылѣевъ, Пушкинъ, Бестужевъ, Лермонтовъ. Александръ Александровичъ Бестужевъ 2-ой былъ произведенъ во второй

разъ въ офицеры, находился въ Тифлисѣ, когда получилъ вѣсть о кончинѣ Пушкина. Тогда писалъ онъ къ старшему брату своему Николаю въ Сибирь: — «Въ монастырѣ св. Давида, на могилѣ Грибоѣдова слушалъ я панихиду, которую просилъ служить въ память Пушкина; когда священникъ возгласилъ за упокой боярина Александра, и боярина Александра, я заплакалъ, зарыдалъ; мнѣ казалось, мнѣ чувствовалось, что отецъ духовный уже поминаетъ и меня». — Грибоѣдова также звали Александромъ. Въ томъ же году Бестужевъ былъ изрубленъ черкесами. Во время сраженія при мысѣ Адлерѣ находился онъ въ должности адъютанта при Вольховскомъ и нѣсколько разъ напрашивался идти въ цѣпь застрѣльщиковъ. Генералъ замѣтилъ ему, что никакой нѣтъ надобности подвергать себя опасности, что тамъ начальниковъ довольно и еще прибавилъ — «у васъ и безъ того довольно славы!» — Но Бестужевъ просилъ неотступно, громко при свидѣтеляхъ, и когда дѣло завязалось и загоралось все живѣе, когда выстрѣлы черкесскіе раздавались все чаще, все ближе, когда надобно было дать приказаніе къ отступленію всей цѣпи застрѣльщиковъ, то Вольховскій не могъ не отправить Бестужева. Въ сопровожденіи двухъ тѣлохранителей пошелъ онъ къ цѣпи, отдалъ приказаніе, велѣлъ горнистамъ трубить наступленіе, что съ одного фланга было тотчасъ исполнено, но какъ дѣйствіе происходило въ густыхъ кустарникахъ, перерѣзанныхъ оврагами, и другой флангъ могъ не слышать даннаго сигнала, то Бестужевъ шелъ къ нему вдоль растянутой цѣпи. Цѣпь застрѣльщиковъ не могла равняться по мѣстности: кустарникъ, папоротникъ, сплетенные дикимъ виноградникомъ, препятствовали скорому и свободному сообщенію и скрывали часто и своихъ и чужихъ. Въ такомъ мѣстѣ двѣ черкесскія пули ранили Бестужева въ грудь. Тѣлохранители взяли его на руки, чтобы вынести, онъ уговаривалъ ихъ умирающимъ голосомъ оставить его умирающаго; черкесы ударили въ шашки, одинъ изъ тѣлохранителей былъ убитъ, другой спасся, а Бестужевъ былъ такъ изрубленъ на части, что по окончаніи сраженія не нашли никакихъ слѣдовъ изрубленнаго трупа. Три поэта, три Александра, трое погибли насильственною смертью, каждому изъ трехъ было тогда по 37-ми лѣтъ отроду. Одоевскаго также звали Александромъ; онъ родился поэтомъ, приближался его 37-ой годъ — эти сравнительныя сходства были источникомъ моего предчувствія. — Отъ Бестужева осталось много сочиненій, изъ коихъ часть была напечатана еще до 1825 года. Съ 1832 года писалъ и печаталъ онъ подъ именемъ Марлинскаго, — это имя онъ самъ для себя выбралъ въ воспоминаніе бесѣдки Марли въ Петергофѣ, гдѣ онъ служилъ въ лейбъ-гвардіи драгунскомъ полку. — Его русскіе повѣсти и разсказы могутъ служить образцомъ легкости и плавности слога. Н. А. Полевой ставилъ его въ рядъ лучшихъ прозаиковъ того времени. Его Амалатъ-Бекъ и Мулла Нуръ еще теперь читаются съ удовольствіемъ; мѣстная природа и мѣстная жизнь описаны превосходно. В. А. Перовскій, тогда генералъ-губернаторъ оренбургскій, просилъ государя о переводѣ Бестужева въ оренбургскій край, чтобы описать край и знакомить читателей съ кочующими жителями степей, на что получилъ отвѣтъ, что Бестужева слѣдуетъ послать не туда, гдѣ онъ можетъ быть полезнѣе, а туда, гдѣ онъ можетъ быть безвреднѣе; — черкесы покончили это недоумѣніе и лишили трехъ сестеръ и трехъ ссыльныхъ братьевъ единственной родной опоры. — А. И. Одоевскій никогда ничего не печаталъ, даже рѣдко самъ писалъ свои стихи, но диктовалъ ихъ охотно своимъ пріятелямъ. Нѣко-

торыя мелкія стихотворенія его были напечатаны Пушкинымъ въ «Литературной Газетѣ». А. П. Бѣляевъ имѣлъ полное собраніе стиховъ вдохновенной музы. Въ читинскомъ острогѣ сочинилъ онъ на смерть Веневитинова «Умирающій Художникъ» — какъ будто написалъ для себя; я помню отрывокъ:

Нѣтъ! — сновъ небесныхъ кистью смѣлой
Одушевить я не успѣлъ;
Гласъ пѣсни, мною недопѣтой,
Не дозвучитъ въ земныхъ струнахъ;
И я — въ нетлѣніе одѣтый...
Ее дослышу въ небесахъ. —
Но на землѣ — гдѣ въ чистый пламень
Огня души я не излилъ,
Я умеръ весь... и грубый камень,
Обычный кровъ нѣмыхъ могилъ,
На черепъ мой остывшій ляжетъ
И соплеменнику не скажетъ,
Что рано выпала изъ рукъ
Едва настроенная лира,
И не успѣлъ я въ стройный звукъ
Излить красу и стройность міра.

Въ мартѣ собрались снова въ путь, обратно чрезъ Кавказскія горы. До Койшаурской долины, до квартиры окружнаго начальника князя Авалова, ѣхали мы на колесахъ. Гостепріимные хозяева такъ же радушно приняли насъ, какъ въ первый проѣздъ нашъ въ Грузію. Тяжелые экипажи отправили на волахъ, а сами поѣхали въ двухъ саняхъ, на двухъ тройкахъ до Коби, безъ остановки; только мѣстами было страшно, гдѣ сани раскатывались къ краю пропасти. Горы и все на горахъ покрыто было снѣгомъ, но бѣлизна снѣга отсвѣчивалась различными оттѣнками на вершинѣ горъ, въ долинѣ, въ ущеліи и въ пропасти. Въ Коби я радъ былъ увидѣться съ штабсъ-капитаномъ Черняевымъ и снова благодарилъ его. Изъ Владикавказа до Екатериноградской станицы, по военной дорогѣ, мы этотъ разъ ѣхали безъ оказіи, имѣя при себѣ семь вооруженныхъ солдатъ. На половинѣ дороги ночевали. Въ это время года нѣтъ большой опасности, оттого что кони горцевъ тощи и нѣтъ подножнаго корму. Въ опредѣленныхъ, мѣстахъ возлѣ самой дороги мирные черкесы сваливали строевой лѣсъ для постройки деревень, въ коихъ назначено было поселить женатыхъ солдатъ и выслужившихся; имъ назначено было вспомоществованіе, провіантъ и порохъ. Земли плодородны: можно надѣяться на успѣхъ и на пользу этихъ поселеній; ворчали и роптали только мирные черкесы и кабардинцы на тяжелую работу при доставкѣ бревенъ и на предстоявшее уменьшеніе пространства прежнихъ пастбищъ. Въ двухъ верстахъ по сторонамъ дороги видны были ихъ кошары и стоги сѣна.—Отъ Георгіевска повернули мы налѣво и благополучно прибыли въ Пятигорскъ 18-го марта. У большой каменной гостиницы встрѣтилъ насъ комендантскій ординарецъ и спросилъ: «откуда и кто изволитъ ѣхать?»—«Изъ Тифлиса рядовой Розенъ» — «Не можетъ быть-съ, ваше превосходительство, комендантъ приказалъ узнать-съ». — Вѣроятно, онъ принялъ меня за одного изъ родственниковъ однофамильцевъ, служившихъ на Кавказѣ. — «Скажи, братецъ, коменданту, что точно рядовой».—«Не можетъ быть-съ!»—повторилъ ординарецъ.—Лѣтомъ того же года случилось мнѣ еще забавнѣе слышать на бульварѣ изъ устъ прекрасной и щегольски разряженой дамы:—«не можетъ быть!»

Глава пятнадцатая.

Кавказскія минеральныя воды.

Пятигорскъ.—Александровскій источникъ.—К. Х. Рожеръ.—„Не можетъ быть".—Товарищи и оскорбленіе.—Зассъ.—А. А. Вельяминовъ.—Шотландская колонія.—Пасторъ Ланге.—Миссіонеры.—Желѣзноводскъ.—Кисловодскъ, Нарзанъ.—Отставка.—Не поминай лихомъ.—Могила.—П. Х. Граббе.—1-го Мая.—Ѣзда на долгихъ.—Кавказъ 1839.

Уже давно литографированы и фотографированы виды Пятигорска; въ газетахъ и журналахъ часто помѣщаемы были статьи о цѣлительныхъ свойствахъ его источниковъ, такъ что излишне было бы объ этомъ распространяться. Годъ за годомъ воздвигаются тамъ новыя зданія и украшенія. Въ краткихъ словахъ упомяну о Пятигорскѣ, какъ онъ былъ въ 1838 году. Городъ построенъ на лѣвомъ берегу Подкумка на покатости Машука, имѣетъ одну главную улицу съ бульваромъ, который ведетъ въ гору, на коей разсажена виноградная аллея близъ Елизаветинскаго источника, гдѣ устроена крытая галлерея. Въ различныхъ мѣстахъ горы, въ недальнемъ разстояніи, бьютъ сѣрные ключи различной температуры, отъ 21° до 37° теплоты; при нихъ устроены роскошная обширная купальня Николаевская и скромныя купальни Александровская, Ермоловская, Сабанѣевская, Варварціевская и Елизаветинская. При тихой погодѣ лѣтомъ, при туманѣ зимою, по всему городу распространяется сильный сѣрный запахъ. Главнымъ начальникомъ, комендантомъ города былъ прежній мой сослуживецъ и хорошій товарищъ В. М. Симборскій; онъ дружески встрѣтилъ меня и во всю бытность мою въ Пятигорскѣ оказывалъ мнѣ много вниманія. Изъ мингрельскаго егерскаго полка былъ я переведенъ въ линейный кавказскій 3-й баталіонъ, котораго штабъ расположенъ былъ въ Кисловодскѣ; командиромъ былъ почтенный штабъ-офицеръ, участвовавшій въ войнѣ 1812 года, подполковникъ Принцъ. Моя обмундировка была окончена въ одинъ день, стоило только перемѣнить воротникъ, погончики и пуговицы.—Чрезъ мѣсяцъ пріѣхали наши родные изъ Тифлиса, наняли большой отдѣльный домъ, въ которомъ жили вмѣстѣ. В. Д. Вольховскому необходимо было пользоваться водами для подкрѣпленія здоровья, которое много потерпѣло отъ постояннаго труда и писанія: случалось ему сиживать за письменнымъ столомъ до обморока.

Докторовъ было много въ Пятигорскѣ въ военной больницѣ, при источникахъ для больныхъ посѣтителей, при мѣстныхъ войскахъ, и еще были пріѣзжіе врачи. Я просилъ совѣта у главнаго военнаго штабъ-лекаря Лебединскаго; онъ предписалъ мнѣ Александровскія ванны № 1-ый. Эта славная ванна высѣчена въ скалѣ, дно ея и оба бока имѣютъ трещины, изъ коихъ минеральный ключъ течетъ безпрестанно; у правой стѣнки ванны просверлено отверстіе, для спуска воды, когда она подымется выше подбородка. Во всѣхъ другихъ ваннахъ, если больной посидитъ въ нихъ хоть десять минутъ, то все-же испаряется вода, перемѣняетъ температуру, или—что бываетъ хуже—слишкомъ горячую воду разводятъ холодною. № 1-ый дѣлаетъ большое исключеніе: природный жаръ его воды можно вытерпѣть, вода все въ одинаковой силѣ—37°. Больной спускается въ ванну по тремъ высѣченнымъ въ скалѣ ступенькамъ; лишь опуститъ ногу въ ванну, то въ первое мгновеніе покажется, что обварилъ ее; какъ только сѣлъ въ ванну, то становится легче дышать, оттого что мгновенно является испарина; въ ваннѣ можно высидѣть не болѣе 8-ми или 10-ти минутъ. Вышедъ изъ ванны, ложился я въ боковой комнатѣ на деревянную широкую скамейку, выпивалъ нѣсколько стакановъ этой горячей воды, послѣ чего градомъ катился потъ. Вода совершенно прозрачна и чиста, но заключаетъ въ себѣ столько сѣры, что когда ванщики подставляютъ деревянные кресты подъ протокъ воды, то въ два или три дня эти кресты покрываются сѣрою въ палецъ толщиною и получаютъ видъ каменныхъ крестовъ; самаго чистаго стекла стаканъ тускнѣетъ мгновенно отъ этой воды; воздухъ въ этой комнатѣ такъ напитанъ сѣрою, что серебряные эполеты, пуговицы въ минуту пожелтѣютъ, даже серебряная монета, которая была у меня въ кошелькѣ, въ карманѣ, пожелтѣла. Послѣ каждой ванны растягивалъ я больную ногу по силамъ моимъ и уже послѣ пятой ванны чувствовалъ и слышалъ, какъ больное мѣсто хрустѣло и постепенно вытягивалось; послѣ двадцати ваннъ я могъ носкомъ больной ноги дотрагиваться земли. Вода притомъ сильно очищала желудокъ. Лебединскій былъ въ восторгѣ, а у меня уже начинались обмороки по возвращеніи домой. Докторъ все увѣрялъ, что это къ лучшему, что надобно взять еще двадцать ваннъ; наконецъ я такъ ослабѣлъ, что почти двигаться не могъ; тогда рѣшился просить совѣта у другого врача и, къ счастью моему, попалъ на отличнаго.

Не только мнѣ, но и всему семейству моему, оказалъ Карлъ Христіановичъ Рожеръ величайшія услуги; онъ исполнялъ свои обязанности не по одной только любви къ наукѣ, но и по любви къ человѣчеству. Постоянно вспоминаю его съ особеннымъ чувствомъ благодарности. Онъ учился въ Дерптскомъ университетѣ на казенный счетъ. Не имѣвъ никакого посторонняго покровительства, онъ, по окончаніи курса, назначенъ былъ уѣзднымъ лекаремъ въ Тару, Тобольской губерніи. Прилежно сталъ онъ учиться русскому языку, самъ отыскивалъ бѣдныхъ больныхъ въ городѣ и въ округѣ, лечилъ безвозмездно, излечивалъ отъ труднѣйшихъ болѣзней, такъ что молва о немъ разнеслась по пустыннымъ мѣстамъ Сибири и дошла до Тобольска. Генералъ-губернаторъ И. А. Вельяминовъ вызвалъ его въ Тобольскъ, гдѣ кругъ дѣятельности его расширился по городу и въ обширной городской больницѣ. Когда по границѣ Сибири, въ Оренбургскомъ краю, появилась холера, то Рожеръ былъ туда отправленъ для наблюденія и пользованія; болѣзнь губительная не проникла въ Сибирь. Когда Вельяминовъ получилъ другое назначеніе, то поручилъ Рожера брату своему Алексѣю Александровичу, командовавшему войсками на кавказской линіи; съ того времени Рожеръ по-

стоянно дѣйствовалъ въ Пятигорскѣ. Онъ запретилъ мнѣ брать Александровскія ванны, далъ мнѣ три недѣли отдыха, потомъ предписалъ ванны Сабанѣевскія, которыми я пользовался до іюля мѣсяца. Пятигорскъ, безлюдный тихій городокъ зимою, вдругъ въ половинѣ мая переполнился пріѣзжими и закипѣлъ. Посѣтители были большею частью изъ нашихъ степныхъ губерній, немного изъ обѣихъ столицъ, а всего болѣе было офицеровъ кавказскаго корпуса. Достовѣрно, что минеральныя воды въ Пятигорскѣ, въ Желѣзноводскѣ и въ Кисловодскѣ не уступаютъ въ цѣлебныхъ силахъ никакимъ другимъ водамъ въ цѣломъ мірѣ; природная лабораторія даетъ имъ такую температуру, что не нужно разводить ихъ: для различныхъ болѣзней есть источники различной теплоты. Если городъ и число жителей увеличились не довольно скоро и значительно, то причиною тому не минеральныя воды, не врачи мѣстные, не климатъ, но дальнее разстояніе, неудобства на пути отъ самаго Харькова, по донской землѣ, гдѣ не было станцій для ночлега. Кромѣ того, расходы на пути, пребываніе на водахъ стоютъ дороже, чѣмъ поѣздка въ Баденъ-Баденъ или въ Виши, чѣмъ жизнь за границей, гдѣ дешевле и въ двадцать разъ лучше можно имѣть квартиру и столъ, все готово, все отборно. Донынѣ, пока нѣтъ туда сообщенія по желѣзной дорогѣ, Пятигорскъ остается лечебницею для кавказскихъ воиновъ и для жителей южной Россіи. Правительство много содѣйствуетъ къ пользѣ и къ украшенію города: построены огромный домъ для раненыхъ офицеровъ, больницы, купальни, ресторація. Графъ Орловъ-Денисовъ выстроилъ большой домъ для больныхъ и раненыхъ Донского войска.

Пестрота одежды, формъ, моды чрезвычайно разительна въ Пятигорскѣ, оттого что, кромѣ русскаго и европейскаго покроя, можно видѣть и азіатскій. По вечерамъ бульваръ наполненъ прогуливающимися; близъ Николаевскихъ ваннъ играетъ военная музыка; тутъ я въ первый разъ услышалъ Норму. Офицеры въ черкесскомъ нарядѣ гарцуютъ на славнѣйшихъ черкесскихъ коняхъ. Разъ въ недѣлю бываютъ собранія, танцуютъ здоровые и больные, играютъ въ карты, какъ вездѣ. Машукъ служитъ хорошимъ мѣстомъ для прогулки, на вершинѣ Эолова арфа немного разстроена; посѣтители охотно ѣздятъ за городъ семь верстъ въ Шотландскую колонію. По возможности избѣгалъ я общей прогулки: при встрѣчѣ съ офицерами я долженъ былъ каждый разъ останавливаться: иначе не могъ снять фуражки, какъ опираясь на двухъ костыляхъ; иногда выходилъ съ дѣтьми, чтобы они могли слышать музыку; тогда садились надъ гротомъ подъ бѣлою акаціей, а навстрѣчу идущіе офицеры стали сворачивать въ другую сторону или обращались назадъ, чтобы не заставить меня останавливаться. Была встрѣча и забавная: предъ обѣдомъ, когда было мало гуляющихъ, пошелъ я съ дѣтьми по бульвару, по полукруглому обходу Николаевскихъ ваннъ по горѣ къ Ермоловскимъ ваннамъ; дѣти рѣзвились, шутили, бѣгали; по другой сторонѣ широкой аллеи шли двѣ дамы, прехорошенькія и разряженныя; одна изъ нихъ обратилась ко мнѣ лицомъ и спросила: — «служивый! служивый! чьи это дѣти? — Мои, сударыня. — Не можетъ быть! — сказала она. Другая дама, шедшая съ нею, дернула ее за мантилью и шепнула ей на ухо; я невольно засмѣялся, поклонился и благодарилъ за откровенность. Она приняла меня въ солдатской шинели за дядьку-инвалида. Она была жена военнаго, знала, что старый солдатъ при дѣтяхъ есть славнѣйшая нянька: онъ ихъ сбережетъ какъ глазъ свой, умѣетъ ихъ забавлять играми и сказками. Русскій солдатъ вездѣ годится.

Военныя экспедиціи на Кавказѣ кончаются въ іюнѣ, тогда прибыли нѣсколько изъ моихъ сибирскихъ товарищей: Нарышкинъ съ женою, Одоевскій; осенью пріѣхали Назимовъ и Вегелинъ, Валеріанъ Голицынъ, Кривцовъ и Цебриковъ; трое послѣднихъ были уже произведены въ офицеры и собирались въ отставку. Въ числѣ посѣтителей были замѣчательныя лица, съ которыми часто встрѣчался въ Пятигорскѣ и въ Желѣзноводскѣ. Генералъ-адъютантъ Ностицъ былъ боленъ безъ болѣзни; его тѣлосложеніе было самое крѣпкое, его мужество и отчаянная храбрость были испытаны и доказаны геройскими подвигами; казалось, невозможно было разстроить ничѣмъ такое здоровье. Въ 1824 году, когда онъ командовалъ армейскимъ кавалерійскимъ полкомъ, когда зимою начальникъ штаба 2-ой арміи П. Д. Киселевъ ѣхалъ по мѣсту расположенія полка, то графъ Ностицъ встрѣтилъ его на почтовой станціи при 20° морозѣ и представилъ ему ординарцевъ. Киселевъ принялъ ихъ, но приказалъ командиру при такомъ морозѣ не безпокоиться, сказавъ, что онъ въ этотъ разъ не осматриваетъ войско и знаетъ, что на слѣдующей станціи расположена также часть его полка, гдѣ навѣрно все исправно. Генералъ на двухъ курьерскихъ тройкахъ, въ сопровожденіи полковника Абрамова и старшаго адъютанта своего Басаргина, поскакалъ далѣе, графъ Ностицъ оставался на крыльцѣ. Каково же было удивленіе Киселева, когда, прибывъ на слѣдующую станцію, былъ опять встрѣченъ графомъ Ностицемъ, который представилъ ему другихъ ординарцевъ. Какимъ образомъ могъ онъ перегнать курьерскія тройки зимою? Онъ при 20° морозѣ сѣлъ на лихого коня своего, и по извѣстной ему ближайшей дорогѣ опередилъ генерала. Объ этомъ случаѣ упоминаю не какъ о подвигѣ, но какъ о доказательствѣ крѣпчайшаго сложенія и сильной воли. Я часто видался съ нимъ: въ бесѣдахъ, въ выходкахъ старался онъ сохранять обычную свою живость и бодрость, но червь точилъ его сердце, честь его была оскорблена однимъ царскимъ словомъ на парадѣ, и духъ его былъ убитъ. Чрезъ два мѣсяца, по возвращеніи съ минеральныхъ водъ въ полтавское свое имѣніе, онъ скончался.

Генералъ Зассъ, страшилище черкесовъ, оставилъ по себѣ продолжительное воспоминаніе на Кавказѣ. Экспедиціи, бои были для него забавою, потребностью, какъ травля для охотника, какъ вода для рыбы. Двѣ недѣли, проведенныя въ покоѣ, наводили тоску на него или возрождали болѣзнь, между тѣмъ какъ неожиданный ночной набѣгъ и опасность вылечивали его въ минуту. Говорили, что будто онъ преувеличивалъ опасности въ своихъ реляціяхъ и иногда тревожилъ напрасно; но достовѣрно, что онъ своею личностью наводилъ величайшій страхъ на неустрашимыхъ черкесовъ. Въ храбрости его никто не сомнѣвался, между тѣмъ онъ съ горцами употреблялъ и различныя хитрости, то притворяется больнымъ, лежа въ постели, окруживъ себя лекарствами, при завѣшенныхъ окнахъ, принимаетъ уполномоченныхъ отъ горцевъ, говоритъ о дѣлѣ умирающимъ голосомъ,—и въ ту же ночь несется съ отборною дружиною и штурмуетъ ихъ аулъ. Въ другой разъ, когда онъ вознамѣрился выманить непріятеля въ значительномъ числѣ, онъ распустилъ слухъ о болѣзни своей и чрезъ три дня приказалъ сдѣлать всѣ приготовленія къ мнимымъ похоронамъ, гробъ опустили въ могилу, изъ пушекъ стрѣляли возлѣ кладбища. Горцы, возрадуясь его смерти, собрались толпами въ назначенное сборное мѣсто, гдѣ «умершій» Зассъ на своемъ гнѣдомъ конѣ, съ

летучимъ отрядомъ, обработалъ ихъ порядкомъ. Случилось, что одинъ изъ уполномоченныхъ отъ черкесовъ, возвратившись изъ прочнаго окопа, главной квартиры Засса, умеръ скоропостижно, и враги распустили слухъ, что онъ былъ отравленъ по приказанію Засса; слухъ о такомъ злодѣйствѣ пробѣжалъ по ауламъ. Зассъ приказалъ объявить начальнику главнаго аула, что въ назначенный день отправитъ къ нимъ депутата отъ себя для объясненія этого дѣла. Черкесы собрались во множествѣ и были удивлены, когда въ лицѣ депутата узнали самого генерала Засса въ сопровожденіи одного только переводчика! Личное его появленіе безъ тѣлохранителей, краткое объясненіе дѣла уничтожили всякое подозрѣніе и еще болѣе увеличили страхъ и уваженіе горцевъ къ герою. Извѣстно, что черкесы, при пораженіи въ битвѣ, стараются выносить тѣла убитыхъ родныхъ и товарищей: однажды въ жаркой битвѣ черкесы бѣжали, казаки, преслѣдуя, тѣснили ихъ въ самомъ близкомъ разстояніи, тогда Зассъ замѣтилъ смѣлаго черкеса, который, пренебрегая опасностью, влачилъ тѣло убитаго собрата и непремѣнно попалъ бы въ плѣнъ. Зассъ остановилъ казаковъ, подскакалъ къ смѣлому черкесу, сказалъ ему, чтобы онъ спокойно вынесъ тѣло и бросилъ ему кошелекъ свой на дорогу. Такимъ поступкомъ онъ внушилъ къ себѣ удивленіе дикаго врага, который по его неустрашимости, видѣлъ въ немъ человѣка заколдованнаго. Глаза Засса были всегда налиты кровью отъ постояннаго воспаленія; раны его не мѣшали ему безпрестанно воевать; раздробленная ступня ноги поддерживалась перевязкою. Любимымъ оружіемъ былъ у него кинжалъ, а конь его гнѣдой, когда идетъ шагомъ, то весь отрядъ слѣдуетъ не иначе какъ рысцою. На кавказской линіи помнятъ сотни геройскихъ подвиговъ Засса. Послѣ недолгой отставки дали ему дивизію или отрядъ во время венгерской войны, по окончаніи онъ опять вышелъ въ отставку; его элементъ былъ Кавказъ.

Когда я прибылъ на Кавказъ, то войсками на всей линіи командовалъ Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ, бывшій начальникъ штаба у Ермолова. При знаніи края, военнаго искусства, имѣлъ онъ необыкновенное хладнокровіе и спокойствіе, которое иногда при важныхъ и опасныхъ случаяхъ выводило Ермолова изъ терпѣнія. Летаютъ депеша за депешой о вторженіи персіянъ, а онъ лежитъ себѣ на диванѣ и диктуетъ приказанія. Онъ понравился императору Николаю своею прямотою: когда онъ въ Ставрополѣ представилъ царю свой штабъ, то нѣкоторыхъ изъ представлявшихся назвалъ по фамиліи, прибавивъ о полковникѣ Ольшевскомъ, что тотъ правая его рука, а объ остальныхъ сказалъ: а фамилій этихъ господъ я и самъ не знаю. Много имѣлъ онъ странностей: въ экспедиціяхъ дюжины верблюдовъ носили его кухню; онъ любилъ хорошо покушать. Все, что онъ покупалъ, все, что заказывалъ, непремѣнно должно было заключать одну или нѣсколько дюжинъ; понадобится ли перочинный ножъ или сапоги, или что нибудь изъ провизіи,—все это покупалось по дюжинѣ. На Кавказѣ оставилъ онъ память добрую, не только какъ опытный хорошій военачальникъ, но какъ истинно добрый человѣкъ. Вскорѣ послѣ проѣзда императора онъ заболѣлъ и скончался. Фельдъегерь привезъ ему царскую награду Владиміра 1-ой степени и засталъ его еще въ живыхъ. Вельяминовъ прочелъ рескриптъ и сказалъ—«поздно». Старшій Адъютантъ корпуснаго штаба Альбрантъ воспѣлъ главныхъ вождей того времени на Кавказѣ въ подражаніе извѣстной пѣсни Беранже: «t'en souviens-tu?»

Воспоминаніе горской экспедиціи 1832 г. Гр. Цукато.

Не помнишь ли, товарищъ славной брани,
Когда мы шли, неся и смерть и страхъ,
Когда ударъ могучей русской длани,
Вздрогнувъ, позналъ нашъ непокорный врагъ?
Когда, дрожа, со страхомъ передъ нами,
Свободы знамя горецъ преклонилъ,
Когда, у насъ горючими слезами,
Какъ робкій рабъ пощады онъ молилъ?
Не помнишь ли, какъ на скалахъ Галгая,
Нашъ громъ за сводомъ дальнихъ облаковъ
Гремѣлъ и, горы грозно потрясая,
Борьбу небесныхъ прерывалъ громовъ?
Забылъ ли ты, когда Мюратъ кавказскій,
Нашъ храбрый *Зассъ*, летя впередъ съ мечемъ,
Въ Герменчукѣ насъ велъ на приступъ адскій
И взялъ завалъ, въ окопъ влетя орломъ?
Не помнишь ли, товарищъ мой прекрасный,
Когда въ лѣсу, средь неприступныхъ скалъ,
Нашъ злобный врагъ готовилъ пиръ ужасный
И дерзко звалъ на гибельный завалъ;
Когда пошли—и бездны задрожали...
Вольховскій велъ тогда со славой насъ;
Тамъ каждый шагъ мы кровью обагрили,
Но смѣло шли,—и страхъ склонилъ Кавказъ.
Не помнишь-ли, когда видъ горъ сердитый
Невольный страхъ на сердце наводилъ,
Когда Кавказъ, чалмою тучъ обвитый,
Стоялъ въ снѣгу, какъ грозный Азраилъ.
Забылъ ли ты, когда мы кочевали
На снѣжномъ полѣ подъ шатромъ небесъ,
Когда мы въ тучахъ, какъ въ волнахъ, стояли
И слилась тьма, какъ гроба занавѣсъ.
Забылъ ли ты, когда насъ *Розенъ* смѣлый
Чрезъ бездны въ бездну Гимрскую провелъ,
Когда кавказцамъ, воинъ посѣдѣлый,
Онъ новый лавръ побѣдой пріобрѣлъ;
Когда на льдистомъ темѣ Гимридата
Нашъ *Вельяминовъ* знамя водрузилъ,
И въ пасти страшной Гимрскаго оврага
Онъ колыбель злодѣевъ сокрушилъ.
Не помнишь ли... но, нѣтъ... я перестану,
Товарищъ мой, былое вспоминать;
Когда отъ бури жизни я устану,
Съ семьей родной дни буду доживать,
Пріиди тогда, молю, въ мою ты хату,
Ее огнемъ любви ты озари;
Съ тобой молиться будемъ мы Пенату,
Любви святой воздвигнемъ алтари!

Въ семи верстахъ отъ Пятигорска находится Шотландская колонія, такъ названная по первымъ туда переселившимся шотландцамъ, хотя главная часть жителей изъ Виртерга. Я видѣлся тамъ съ однимъ изъ первыхъ переселенцевъ, съ пасторомъ Патерсономъ, который, не имѣвъ болѣе паствы, жилъ частнымъ человѣкомъ въ собственномъ домѣ, занимался садоводствомъ и шелководствомъ. Садъ его былъ превосходно расположенъ недалеко отъ подножія Бештау, котораго горные потоки денно и нощно орошали садъ по всѣмъ направленіямъ, по указанію хозяйскаго заступа; тамъ видѣлъ я кусты и штамбы алыхъ и бѣлыхъ розъ центифолій, вышиною въ двѣ и три

сажени. Жители большею частью занимаются земледѣліемъ и по сосѣдству съ городомъ хорошо сбываютъ свои произведенія, плоды и овощи. Сначала боролись они съ великими неудобствами, пока не привыкли къ климату, не приспособились къ почвѣ и къ сосѣдямъ; сверхъ того черкесы часто ихъ тревожили, такъ что работникъ, слѣдуя за плугомъ, отправляясь изъ дому за сѣномъ или хлѣбомъ, всегда имѣлъ при себѣ ружье заряженное; въ полѣ и на покосѣ отдыхалъ вооруженный. Часто уводили ихъ коней, угоняли рогатый скотъ и овецъ, пока наконецъ мѣры правительства и собственная ихъ опытность не доставили имъ больше безопасности. Теперь рѣдко случается, въ три или четыре года разъ, что нѣсколько отважныхъ черкесовъ дѣлаютъ набѣгъ на Пятигорскъ, на Кисловодскъ и окрестности ихъ. Отчаянные головорѣзы, какъ коршуны, спускаются на предмѣстье, и при первой тревогѣ, часто безъ всякой добычи, ускакиваютъ во свояси. Большею частью они пользуются туманами, когда казацкіе телеграфы не могутъ передавать сигналовъ, или казаки не успѣютъ доскакать прежде непріятеля. Телеграфами казацкими называю выставленныхъ часовыхъ, по три человѣка вмѣстѣ, которые, соображаясь съ мѣстностью, устраиваютъ себѣ каланчу и сверху ея караулятъ по очереди. Конь караульнаго осѣдланъ и взнузданъ, а двое товарищей и кони ихъ отдыхаютъ до своей очереди. Днемъ, въ случаѣ тревоги, выставленныя вѣхи, клочки сѣна или связка сухой травы или прутьевъ передаютъ вѣсть отъ каланчи до каланчи, отъ пикета до пикета, до станицы, до города, куда приказано. Въ ночную пору они вмигъ зажигаютъ эти пуки сухой травы или сухихъ вѣтвей, и по такому сигналу команды уже въ готовности прежде, нежели летучіе часовые успѣютъ доскакать и передать подробныя свѣдѣнія. Помню, какъ мой баталіонный командиръ, старый офицеръ съ 1812 года, всегда досадовалъ на Засса, когда тотъ, навѣщая Пятигорскъ или Кисловодскъ, принималъ уполномоченныхъ и старѣйшинъ отъ черкесовъ, которые при этомъ случаѣ вывѣдывали новыя тропинки и лѣсочки для будущихъ набѣговъ.

Въ Шотландской колоніи познакомился я съ пасторомъ Ланге, членомъ базельской миссіи. Онъ восемнадцать лѣтъ съ вѣрою и любовью наставлялъ своихъ прихожанъ словомъ и примѣромъ. Случалось мнѣ встрѣчать добросовѣстныхъ и хорошихъ пасторовъ, но нигдѣ не видѣлъ человѣка, который такъ безкорыстно и такъ исключительно занимался своею обязанностью. Онъ зналъ коротко всѣхъ прихожанъ своихъ, ихъ погрѣшности и недостатки. Дѣти, при немъ родившіяся, были имъ же обучаемы религіи, онъ же пріобщалъ ихъ таинству Святого Причащенія на семнадцатомъ году ихъ жизни и слѣдилъ за ними, какъ за родными дѣтьми. Гдѣ не могъ дѣйствовать прямо и переступить за порогъ сокровенной домашней жизни, тамъ прибѣгалъ онъ къ своей каѳедрѣ и говорилъ по воскреснымъ днямъ въ молитвенномъ домѣ; церкви не было въ селеніи. Никогда не писалъ онъ своихъ проповѣдей, а послѣ пламенной молитвы обращался устно къ приходу и говорилъ съ необыкновенною привлекательностью и съ полнымъ убѣжденіемъ. Онъ былъ женатъ, имѣлъ четырехъ дѣтей и въ домѣ своемъ былъ образцомъ кротости и терпѣнія; онъ не держалъ ни лошади, ни коровы, довольствовался жалованьемъ отъ миссіи, а отъ прихожанъ получалъ самое умѣренное вспомоществованіе сельскими произведеніями. Въ семейной жизни его, въ обращеніи съ паствою я видѣлъ въ немъ знаменитаго вальдбахскаго Оберлина, часто бесѣдовалъ съ нимъ объ этомъ незабвенномъ пасторѣ, умѣвшемъ распространить благо духовное и вещественное и въ тридцать лѣтъ преобразовать изъ общины ни-

щихъ и развращенныхъ людей общину нравственныхъ и богатыхъ гражданъ близъ Мюльгаузена. Ланге жалѣлъ, что здоровье его и дарованіе не позволяли ему руководить также работами прихожанъ своихъ. Колонія имѣла нѣкоторыя привилегіи, въ томъ числѣ право винокуренія; но какъ нѣсколько членовъ его прихода сами крѣпко пили, служили поводомъ къ распространенію гибельной страсти, а всѣ его увѣщеванія оставались много лѣтъ тщетными, то объявилъ имъ, что онъ долженъ ихъ оставить, передать мѣсто достойнѣйшему, который можетъ имъ больше сдѣлать добра; а если желаютъ, чтобы онъ оставался у нихъ, то согласился съ однимъ только условіемъ: чтобы они отказались отъ привилегіи курить вино. Вещественная выгода одержала верхъ; напрасны были мольбы и желанія благочестивыхъ семействъ: Ланге возвратился на родину въ Лозанну.

Въ Тифлисѣ навѣстилъ я товарища Ланге, пастора Дитрихса, мужа среднихъ лѣтъ, но преждевременно посѣдѣвшаго отъ неимовѣрно напряженныхъ трудовъ. Онъ также былъ членъ базельской миссіи, выучился восточнымъ языкамъ, перевелъ Евангеліе на нѣсколько нарѣчій для просвѣщенія магометанъ. Миссія купила домъ въ Шушѣ, устроила типографію, печатала книги; опытные миссіонеры словомъ и дѣломъ распространяли слово Божіе, находили прилежныхъ учениковъ, обращали въ христіанство, какъ вдругъ, вслѣдствіе навѣтовъ и зависти, дано было повелѣніе закрыть типографію и прекратить дѣйствіе миссіонеровъ. Изъ нихъ у пастора Ланге встрѣтилъ я Зарембу, ревностнаго служителя Богу и ближнимъ. Онъ безъ ропота, безъ укора ждалъ новаго назначенія изъ Базеля. Ему досталось ѣхать въ Константинополь; на другой же день полученія новаго назначенія отправился въ путь, готовъ былъ идти на край свѣта, къ дикарямъ, лишь бы служить Богу по данному обѣту. Всѣ они не знали нѣги и прихотей, довольствовались самою умѣренною пищею, скромною одеждою, сберегая казну, составленную для общаго блага. Въ нихъ, видимо, обнаруживалась сила вѣры; они съ вѣрою соединяли отличное образованіе. Можетъ быть, удачное дѣйствіе миссіонеровъ въ Закавказіи, особенно между персидскими армянами, также служило поводомъ къ неудовольствію на корпуснаго командира, тогда же смѣщеннаго. Послѣ я узналъ, что Ланге умеръ на родинѣ, а Дитрихсъ пріобрѣлъ въ Москвѣ любовь и довѣренность новаго прихода. О Зарембѣ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній послѣ того, какъ въ Шотландской колоніи слушалъ его проповѣдь, оригинальную, сильную и хорошо принаровленную къ понятіямъ слушателей.

Въ концѣ іюня большая часть пользовавшихся сѣрными ваннами переѣхали по совѣту докторовъ, кто въ Желѣзноводскъ, кто въ Кисловодскъ, кто въ Эссентуки въ водамъ щелочнымъ. Мы поѣхали въ Желѣзноводскъ, шестнадцать верстъ отъ города. Помѣщеніе тамъ было тѣсное, въ небольшихъ домикахъ, въ двухъ порядочныхъ домахъ казенныхъ у подошвы горы. Отъ источника № 1, вдоль покатости горы, ведетъ широкая тропинка къ остальнымъ десяти источникамъ. Густая тѣнь орѣшника, кизиля, клена и бересты даетъ всегдашнюю прохладу; по сторонамъ дорожки поставлены скамейки; посѣтители должны непремѣнно встрѣчаться, потому что нѣтъ другой дорожки, а лѣсокъ въ такомъ дикомъ и заросшемъ состояніи, что трудно пройти по немъ; къ тому еще онъ и опасенъ отъ множества большихъ змѣй. Молодой офицеръ Преображенскаго полка Раевскій забавлялся охотою змѣиною и съ большою ловкостью очень часто возвращался съ трофеями; на плечѣ, на концѣ палки висѣлъ обвитый добитый змій, длиною въ двѣ сажени. Желѣзныя воды чрезвычайно цѣлебны и укрѣпляютъ

нервы, только не должно пользоваться ими безъ совѣта врача опытнаго. Жена моя не могла взять болѣе пяти ваннъ, потому что слишкомъ волновали кровь. Воды различны по силѣ, теплотѣ и вкусу. Я бралъ ванны № 7-го. Чрезъ нѣсколько ваннъ, когда садился обѣдать, то казалось, что супъ пахнетъ желѣзомъ, хлѣбъ желѣзомъ, однимъ словомъ всякое кушанье, а запахъ этотъ исходилъ изъ поръ руки моей, когда подносилъ ко рту хлѣбъ и кушанье. Одинъ источникъ не имѣетъ купальни: онъ употребляется только для питья; вкусъ воды совершенно чернильный; она особенно полезно дѣйствуетъ противъ глистовъ. Необходимую провизію доставляютъ колонисты изъ Шотландки; всего помѣщается больныхъ не болѣе восьмидесяти человѣкъ, кромѣ солдатъ, имѣющихъ свою отдѣльную больницу. Зимою живутъ здѣсь только сторожа. Въ Желѣзноводскѣ поплатился я за неосторожность, за нарушеніе докторскаго предписанія: я скушалъ ломтикъ арбуза и такъ заболѣлъ холериной, что умѣніе и дружеское усердіе Рожера съ трудомъ поставили меня на ноги. Домикъ нашъ стоялъ на покатости горы подлѣ небольшого ручья; однажды дождь полилъ какъ изъ ведра, такъ что вода протекла чрезъ фундаментъ по всѣмъ комнаткамъ. По тѣснотѣ строеній и по живительности воздуха, посѣтители по возможности бываютъ долѣе подъ открытымъ небомъ; возлѣ меня, на берегу ручья, подъ деревомъ, собирался кружокъ каждый вечеръ, бесѣдовали далеко за полночь. Умныя и сатирическія выходки доктора Мейера, вѣрно нарисованнаго въ «Героѣ нашего времени» Лермонтова, поэзія Одоевскаго и громкій и веселый смѣхъ его еще понынѣ слышатся мнѣ.

Въ концѣ іюля большая часть посѣтителей перебиралось въ Кисловодскъ; тамъ чудная мѣстность, воздухъ живительный. Кисловодское ущелье представляетъ одну изъ прелестнѣйшихъ картинъ: возвышенности тѣнистыя, ручей съ шумомъ падаетъ съ плиты на плиту, соединяется съ другими ручьями и втекаетъ въ Подкумокъ, прорѣзывающій широкую долину; на берегу ручья на холмѣ — ресторація и нѣсколько красивыхъ домиковъ. Свѣжесть травъ такъ необыкновенна отъ влаги и отъ тѣни. Далѣе въ сторонѣ отъ ущелья тянется въ одну линію слобода, гдѣ всякая конурка, всякій чердакъ заняты посѣтителями. Но главная приманка въ Кисловодскѣ — славный источникъ Нарзанъ, по-черкески — *Богатырская вода*. Ключъ кипитъ въ полномъ смыслѣ слова, выбиваетъ бѣлую пѣну, клубится, подымаетъ воду на полсажени глубиною. Вода эта живитъ, подкрѣпляетъ, возбуждаетъ аппетитъ, пьютъ ее по шестнадцати стакановъ въ день, не ощущая никакого отягощенія въ желудкѣ; вкусомъ она пріятно кисловата; охотники пили ее съ кахетинскимъ или съ донскимъ виномъ, вмѣсто лимонада. Мнѣ было запрещено купаться въ Нарзанѣ; онъ слишкомъ раздражаетъ нервы. Купавшіеся въ этой водѣ увѣряли, что, побывъ въ ней нѣсколько минутъ, чувствовали какъ будто иголки кололи по всѣмъ порамъ, тѣло мгновенно краснѣло и горѣло; люди полнокровные получали сильную головную боль. Большую часть больныхъ, встрѣченныхъ мною въ Пятигорскѣ съ блѣдными лицами, двигавшихся едва съ помощью палки, видѣлъ я подъ конецъ курса въ Кисловодскѣ со свѣжестью и съ румянцемъ на лицѣ, бойкихъ во всѣхъ движеніяхъ; малосильные стали богатырями. Кто пилъ Нарзанъ нѣсколько недѣль сряду, тому трудно разставаться съ нимъ. Отъѣзжающіе наполняютъ имъ кувшины и возятъ съ собою сколько возможно, а когда допьютъ послѣдній, то грусть, тоска непобѣдимая исторгаетъ у кого вздохи, какъ разлука съ другомъ. Нарзанъ живитъ больного и разслабленнаго, но все на время опредѣленное. Тамъ постоянно жилъ и лѣтомъ и зимой баталіонный мой

командиръ, подполковникъ Принцъ; увидѣвъ его дѣтей, отличающихся красотою и свѣжестью, я замѣтилъ ему, что этимъ онъ обязанъ дѣйствію Нарзана.— «Напротивъ того»,—сказалъ онъ,—«ни я, ни дѣти мои рѣшительно никогда не пьемъ этой воды, но воздухъ и мѣстность Кисловодска вѣрно къ тому содѣйствовали».—Въ концѣ августа и въ сентябрѣ разъѣзжаются посѣтители, и до слѣдующаго лѣта пустѣютъ и умолкаютъ гульбища и слободки. Я возвратился въ Пятигорскъ, какъ въ деревню; по бульвару ходилъ съ дѣтьми, почти никого не встрѣчалъ, горожане въ будней одеждѣ ходили по сторонамъ улицы.

Минеральныя воды доставили нѣкоторое облегченіе больной ногѣ, но разстроили мои нервы до крайности. Съ прекращеніемъ купанья возобновились учебныя занятія со старшимъ сыномъ моимъ по нѣскольку часовъ въ день, съ младшими дѣтьми по часу, такъ что весь день проходилъ однообразно, но скоро и полезно. Старшаго сына моего Евгенія готовилъ я въ училище правовѣдѣнія—новое заведеніе, обѣщавшее великую пользу государству и съ большими преимуществами для воспитанниковъ. Знакомство мое въ городѣ было весьма ограничено: изрѣдка навѣщали меня Рожеръ и Симборскій. Послѣдній, мой прежній сослуживецъ, сохранилъ особенное ко мнѣ участіе и вниманіе. Однажды—я помню, это было 22 ноября—сидѣлъ онъ у меня вечеромъ, вспоминалъ старину и сталъ уговаривать меня подать прошеніе объ увольненіи меня отъ службы. «Ты уже годъ лечился и мало получилъ облегченія, пройдетъ еще годъ и другой, можетъ быть, ногѣ будетъ лучше, а нервы разстроятся еще больше, что сдѣлаешь тогда? Проси! вѣдь не бѣда если откажутъ: чрезъ годъ можешь опять просить». Для меня явная была невозможность служить. Генералъ Зассъ предлагалъ мнѣ нѣсколько разъ сдѣлать съ нимъ экспедицію, вызывался заказать для меня такое сѣдло, на которомъ могъ бы усидѣть съ больною ногою и прибавилъ, что если пуля и шашка черкесскія пощадятъ васъ, то непремѣнно будете произведены въ офицеры, какъ всѣ ваши товарищи. Я отказывался и благодарилъ его. Совѣтъ Симборскаго болѣе соотвѣтствовалъ моему собственному желанію; но полагалъ, что надо еще выжидать, чтобы не подвергнуться отказу. Добрый геній, въ добрый часъ внушилъ добрый совѣтъ старому сослуживцу; лишь только онъ уѣхалъ, я сѣлъ къ письменному столу, и прошеніе мое на имя графа А. Х. Бенкендорфа, который всегда былъ лучшимъ мировымъ посредникомъ, было готово въ полчаса.

Я просилъ объ увольненіи меня отъ службы по разстроенному здоровью, и о позволеніи окончить дни мои на родинѣ. Прошеніе отправилъ я незапечатанное чрезъ жандармскаго полковника Юрьева. Къ новому году 1839 г. поѣхалъ въ Петербургъ начальникъ войскъ на Кавказской линіи П. Х. Граббе; въ то время Бенкендорфъ представилъ мое прошеніе, а Граббе не только аттестовалъ меня самымъ лучшимъ образомъ, но, по собственному своему побужденію, лично просилъ императора за дѣтей моихъ, чтобы открыть имъ дорогу къ будущности. Въ отвѣтъ онъ получилъ примѣчаніе: «на то еще не настало время»; а на представленіе Бенкендорфа отъ 10-го января воспослѣдовало всемилостивѣйшее увольненіе меня вовсе отъ службы, съ тѣмъ, чтобы я жилъ безвыходно на родинѣ подъ надзоромъ полиціи.

Шуринъ мой И. В. Малиновскій первый сообщилъ мнѣ радостную вѣсть, которую передалъ ему А. Н. Мордвиновъ, начальникъ III отдѣленія собственной канцеляріи императора. Чрезъ три дня подтвердилъ мнѣ радостную вѣсть мой прежній сослуживецъ В. М. Симборскій, которому начальникъ главнаго штаба П. Е. Коцебу

писалъ, чтобы онъ меня увѣдомилъ о томъ прежде, нежели бумага официальная успѣетъ дойти до Ставрополя и оттуда обратно въ Пятигорскъ, по обыкновеннымъ всѣмъ инстанціямъ чрезъ другого начальника штаба, подполковника Траскина. — Комендантъ мой радовался за меня, поздравилъ съ освобожденіемъ отъ двойной бѣды, и признался мнѣ, почему онъ такъ настоятельно уговаривалъ меня проситься въ отставку, и почему онъ за меня безпокоился. Лѣтомъ, по окончаніи экспедиціи прибылъ въ Пятигорскъ корпусный командиръ; на другой день былъ балъ въ залѣ ресторація, комендантъ безотлучно находился при главномъ начальникѣ. Танцовали кадриль, и главнаго гостя поразили наружность и манеры танцовавшаго офицера съ княжною Ухтомскою, почему онъ спросилъ коменданта:—«Кто танцуетъ напротивъ меня?» — «Это прапорщикъ Голицынъ».— «Какой?» — «Который прежде служилъ въ преображенскомъ полку, а въ 1826 году былъ осужденъ и сосланъ въ Сибирь». — «А кто сидитъ въ другой парѣ и такъ громко бесѣдуетъ съ дамою своею?» — «Это прапорщикъ Кривцовъ, который прежде служилъ въ гвардейской конной артиллеріи и также былъ сосланъ въ 1826 году».—«А много ли всѣхъ такихъ господъ здѣсь?»— Комендантъ хотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ быть мнѣ полезнымъ и отвѣтилъ:—«Изъ произведенныхъ вновь въ офицеры есть еще одинъ только Цебриковъ, но изъ рядовыхъ находится здѣсь Нарышкинъ, Одоевскій и еще одинъ, заслуживающій особеннаго вниманія: онъ женатъ, имѣетъ большое семейство, а здоровье пропало, и ходитъ на двухъ костыляхъ».—«Кто это?»—«Розенъ»—«Какой Розенъ, тотъ ли, который служилъ л.-гв. въ финляндскомъ полку?»—«Тотъ самый».—«Его слѣдовало непремѣнно повѣсить». — Комендантъ сообщилъ этотъ разговоръ Траскину, который просилъ его не говорить мнѣ объ этомъ, чтобы не тревожить меня. Я благодарилъ Бога, что избавился отъ двухъ бѣдъ, только не могъ объяснить себѣ, какимъ образомъ человѣкъ на такомъ важномъ мѣстѣ, въ такихъ лѣтахъ, примѣрно богомольный,—какимъ образомъ могъ онъ питать такую злобу, такое злопамятство? какимъ образомъ вѣрноподданный не могъ простить помилованному самимъ царемъ? Безъ сомнѣнія, тутъ скрывалось чувство другое: никому изъ подчиненныхъ не желаю быть свидѣтелемъ слабости или промаха, или ошибки своего начальника; въ такую минуту ему лучше было бы провалиться сквозь землю; честолюбивый или тщеславный начальникъ непремѣнно возненавидитъ такого свидѣтеля [1]).

Февраля 4-го праздновалъ я отставку мою, разрѣшенную въ Петербургѣ 10-го января; по командѣ объявленіе о томъ дошло до меня не раньше марта. Добрѣйшая жена моя была совершенно счастлива, но мы не могли тотчасъ подняться въ дальнюю дорогу по двумъ причинамъ: была распутица, и жена моя въ началѣ апрѣля ожидала своего разрѣшенія отъ бремени, оттого отложили выѣздъ до мая. Въ эти два мѣсяца послѣ великой радости посѣтили насъ печаль и болѣзни. Въ концѣ марта появился коклюшъ въ городѣ и въ окрестностяхъ. Болѣзнь такъ усилилась, что у всѣхъ дѣтей моихъ, при удушливомъ кашлѣ, текла кровь изъ носу и слезы смѣшаны были съ кровью. 3-го апрѣля родилась вторая дочь моя Софья, а 10-го

[1]) Въ злопамятствѣ всѣхъ враговъ декабристовъ превзошелъ самъ Николай Павловичъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующая его резолюція, положенная на просьбѣ матери П. А. Муханова о возвращеніи сына на родину въ Московскую губернію: „Согласенъ; но, ежели Закревскій согласится, все-таки надо будетъ за нимъ *строжайше* смотрѣть; ибо я зналъ лично его скрытный характеръ, не заслуживавшій никакого довѣрія, что и доказалъ“. Чтобы оцѣнить эту резолюцію, необходимо отмѣтить, что резолюція была положена 15 іюня 1853 г. *Ред.*

ея уже не стало: къ ней также присталъ коклюшъ. Между тѣмъ у второго сына моего, Кондратія, сдѣлалось такое сильное воспаленіе въ боку, что всѣ старанія Рожера, проводившаго по нѣскольку часовъ сряду возлѣ его кровати, наблюдавшаго за нимъ, подслушивавшаго каждое дыханіе его, каждое біеніе сердца, остались тщетными. 11-го приказалъ я рыть могилу для дочери; за полночь послалъ сказать копателямъ, чтобы рядомъ вырыли другую для сына. Уже за день передъ тѣмъ докторъ далъ ему мускусъ, въ десять часовъ вечера едва примѣтно было дыханіе. Рожеръ ушелъ и не сказалъ ни слова, я стоялъ у кровати больного, облокотившись на высокія перила ея. Подошла бабка, опытная въ ухаживаніи за больными, дѣятельная и здоровая женщина, взглянула, повела рукою по челу умирающаго и сказала мнѣ положительно: «Пусть мать и братья простятся съ нимъ».—Больная жена моя съ трудомъ подошла къ кровати, благословила сына, молилась и возвратилась съ молитвою къ трупу дочери. Братьевъ и сестру я разбудилъ, они съ нимъ простились, заплакали и опять уснули. Близко отъ кровати умирающаго было окно; я отдернулъ занавѣску; на небѣ звѣзда ярко горѣла. Богу поручилъ сына съ мольбою, чтобы сохранилъ еще его здѣсь на землѣ, если опредѣлилъ ему добро и счастье. Когда я поднялъ край его одѣяла, то холодъ изъ-подъ одѣяла обхватилъ руки мои, какъ въ лѣтній жаръ, когда отпираешь двери ледника, обдаетъ тебя холодъ. Ни малѣйшаго слѣда дыханія; бабка приставила зеркальце къ губамъ, никакой надежды — тогда велѣлъ я рыть другую могилу. Не знаю, долго ли я стоялъ, опершись на высокія перила кровати, то вытягиваясь на костыляхъ, то облокотясь о перила,—взоръ не могъ отвернуться отъ лика восьмилѣтняго сына, который уже много доставилъ мнѣ утѣшенія. Стало свѣтать, я погасилъ лампу; всѣ въ домѣ спали, кромѣ жены моей, которую я могъ видѣть чрезъ отворенныя двери; она все молилась. Солнце начало всходить, бабка и служанка собрались вымыть тѣло, приготовляли все къ тому нужное. Часовъ въ семь утра замѣтилъ я малѣйшую блестящую точку на челѣ сына, чрезъ минуту другую, еще тонкую лоснящуюся черту по всему челу. Послалъ за Рожеромъ, тотъ взглянулъ и объявилъ тихимъ голосомъ: «Есть признакъ жизни, не знаю, надолго ли».—Чрезъ часъ выступила еще черта испарины; къ полудню слабо шевелились вѣки, дыханіе было непримѣтно; къ вечеру сынъ мой сталъ дышать и изрѣдка открывать глаза, но все тѣло его недвижимо. Докторъ, заставъ его на другой день еще въ живыхъ, объявилъ, что только смертельный холодъ могъ уничтожить такое сильное воспаленіе; онъ не далъ ему никакого лекарства, никакой пищи до слѣдующихъ сутокъ, когда больной могъ проглотить капли отвара изъ рисовыхъ крупъ. Если бы не было при этомъ постороннихъ людей, опытныхъ, спокойныхъ, то можно было бы все неестественное приписать моему воображенію или разстроеннымъ нервамъ моимъ.

13-го апрѣля похоронилъ я дочь на южномъ скатѣ Машука; съ могилки видны двѣ дороги въ Кисловодскъ и въ Желѣзноводскъ; влѣво отъ дорогъ течетъ въ плоскихъ берегахъ Подкумокъ, дорога на родину заслонена солдатскою слободою. Черезъ нѣсколько дней поставилъ деревянный крестъ съ надписью, а чрезъ четыре года поручилъ Рожеру замѣнить деревянный крестъ каменнымъ. Часто съ дѣтьми ходили и ѣздили на могилку. Умиравшій сынъ мой Кондратій съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе оживалъ и укрѣплялся; до перелома его болѣзни навѣстилъ меня добрый пасторъ Ланге; я просилъ его молиться за дѣтей моихъ: «Я это уже исполнилъ,—отвѣчалъ онъ,—и сердце вѣсть получило, что нѣтъ надежды для дочери,

но сынъ вашъ выздоровѣетъ». Такое предвидѣніе дано ему было молитвою. Во многихъ случаяхъ напоминалъ онъ мнѣ отца Оберлина, который часто бесѣдовалъ съ Господомъ и въ затруднительныхъ случаяхъ, когда колебался въ предпріятіяхъ или рѣшеніяхъ своихъ, умѣлъ по-своему молитвою получить указаніе, коего исполненіе никогда не сопровождалось раскаяніемъ.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля прибылъ въ Пятигорскъ генералъ П. Х. Граббе, отправляясь въ знаменитую экспедицію подъ Ахулго. Мнѣ пріятно было воспользоваться случаемъ, чтобы съ нимъ увидѣться и благодарить его. Онъ радовался, что я получилъ отставку и что увидѣлъ меня въ черномъ сюртукѣ. Я не могъ не радоваться искренно, что послѣ послѣдняго моего свиданія съ нимъ въ 1825 году, подъ стражею и въ худшихъ ожиданіяхъ, увидѣлъ его, какъ главнаго начальника славныхъ войскъ кавказской линіи. Граббе одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, который во всю жизнь, въ различныхъ и очень трудныхъ обстоятельствахъ, никогда не измѣнялъ строжайшимъ правиламъ честности и благородства. Когда Барклай де-Толли сдалъ армію въ 1812 году Кутузову, то передалъ ему списокъ генераловъ и офицеровъ, на которыхъ можно положиться, въ томъ числѣ онъ упомянулъ о конно-артиллерійскомъ подпоручикѣ Граббе. Въ Отечественную войну былъ онъ временно адъютантомъ у Ермолова. Алексѣй Петровичъ не любилъ М. И. Платова, и однажды, когда онъ въ бесѣдѣ всячески ругалъ его, ординарецъ объявилъ, что пріѣхалъ атаманъ. А. П. вскочилъ навстрѣчу ему съ распростертыми объятіями, называлъ его благодѣтелемъ своимъ, отцомъ роднымъ и наговорилъ ему тысячу похвалъ. Граббе въ ту же ночь написалъ письмо своему генералу, представилъ ему, что, послѣ вчерашняго двуличнаго поступка его, онъ уже болѣе не можетъ оставаться при немъ и уѣхалъ въ главную квартиру штаба всей арміи. Послѣ Отечественной войны командовалъ онъ лубенскимъ гусарскимъ полкомъ; бригадный командиръ приказалъ ему собрать въ манежъ всѣхъ офицеровъ верхами, и когда объявилъ, что хочетъ видѣть одиночную ѣзду, что въ то время не водилось, то Граббе приказалъ отпереть ворота и скомандовалъ: «Господа офицеры, по домамъ!» — За это отняли у него полкъ и назначили въ другой, гдѣ полковой командиръ былъ моложе его въ чинѣ. Онъ написалъ тогда П. М. Волконскому, бывшему начальнику главнаго штаба, что можно его разжаловать, но, по тогдашнему чиноначалію и чинопочитанію, нельзя его, какъ старшаго полковника, оставить подъ командою младшаго. Императору Александру I это было представлено въ хорошую минуту: онъ засмѣялся и велѣлъ перевести его въ полкъ къ самому старому полковнику, — въ сѣверскій конно-егерскій, полковника С. Р. Лепарскаго. Я уже упомянулъ выше, какъ онъ, бывъ въ крѣпостномъ заточеніи, велъ себя въ комитетѣ или въ слѣдственной комиссіи, и почему онъ не попалъ въ ссылку. Въ турецкую войну 1827 года онъ съ казаками, въ лодкахъ, поплылъ къ Рущуку, подъ перекрестнымъ огнемъ непріятеля съ обоихъ береговъ, и оказалъ чудеса храбрости. На маневрахъ подъ Вознесенскомъ, гдѣ онъ командовалъ драгунскою дивизіей, императоръ Николай такъ былъ доволенъ имъ и дивизіей, что на парадѣ подалъ ему руку, сказавъ: «Теперь все старое забыто!» — На кавказской линіи замѣнилъ онъ Вельяминова и вникалъ во все полезное: замѣтивъ, что баталіонъ куринскаго полка подошелъ къ Подкумку въ виду Пятигорска и что солдаты сняли сапоги, чтобы пройти въ бродъ, что на этомъ мѣстѣ солдаты часто переправлялись по прямому сообщенію изъ Горячеводска въ

*

Пятигорскъ, онъ приказалъ начальнику строительной части, полковнику Чайковскому, немедленно построить мостъ для пѣшеходовъ. Полковникъ отговаривался, что при всѣхъ прежнихъ начальникахъ края никогда тутъ не было моста. «Здоровье людей для меня дороже всѣхъ прежнихъ обыкновеній, чтобъ мостъ былъ готовъ какъ можно скорѣе, у васъ есть матеріалъ». Въ двѣ недѣли мостъ былъ готовъ и, навѣрно, многимъ спасъ здоровье. На Кавказѣ дѣйствія его воинскія были затрудняемы командиромъ кавказскаго отдѣльнаго корпуса Головинымъ, которому въ различныхъ случаяхъ подчиненъ былъ начальникъ войскъ кавказской линіи. Послѣ онъ имѣлъ важныя порученія по личной довѣренности Николая въ Константинополѣ и въ Вѣнѣ; отличился въ венгерской войнѣ, оборонялъ Балтійское прибрежье въ крымскую войну; Александръ II назначилъ его атаманомъ донскихъ казаковъ, чтобъ привести въ порядокъ запутанное поземельное устройство и всю администрацію, возвелъ его въ графское достоинство. Всегда отрадно сердцу, когда такой человѣкъ занимаетъ важное мѣсто: онъ могъ имѣть неудачи, особенно въ сраженіяхъ, отъ несвоевременнаго прибытія отдѣльныхъ частей, отъ вялаго исполненія приказаній подчиненными, но онъ нигдѣ и никогда не поступалъ противъ совѣсти и чести.

Довольно трудно было подняться въ дорогу съ большимъ семействомъ. Отставному рядовому трудно было ѣхать на почтовыхъ въ нѣсколькихъ экипажахъ, и вообще остановки на станціяхъ съ семействомъ вдвое тягостнѣе и непріятнѣе. Поэтому рѣшили ѣхать на собственныхъ лошадяхъ, на долгихъ. Каждый день объѣзжали коней и почти каждый разъ били они,—но все благополучно, благодаря крѣпкому устройству сибирскаго тарантаса; разъ свалили старый заборъ на площади, другой разъ палисадникъ, а о столбикахъ и говорить нечего. — Хотя дѣти мои все еще кашляли, коклюшъ продолжался, но добрый Рожеръ, оказывавшій всегда искреннее участіе семейству моему, совѣтовалъ мнѣ скорѣе выѣхать, бывъ увѣренъ въ облегченіи отъ перемѣны воздуха. 1-го мая пустились въ обратный путь далекій; погода была теплая и ясная.

Мы ѣхали отъ 50 до 60 верстъ въ сутки, выбирали по возможности лучшее мѣсто для ночлега и даже продолжали учебныя занятія дорогою. Въ Ставрополѣ остановились мы на одинъ день; тамъ я видѣлъ В. М. Голицына уже въ отставкѣ, онъ былъ переименованъ въ гражданскую службу, послѣ переселился въ тульскую губернію, но долго никто не могъ ходатайствовать ему позволенія переѣхать въ Москву. Еще навѣстилъ я родственника жены моей, генеральнаго штаба полковника Ф. П. Сохатскаго, начальника съемки, весьма начитаннаго и прилежнаго ученика Дидро, Вольтера и Руссо. Дорогою я не зависѣлъ отъ станціонныхъ смотрителей, вѣчныхъ враговъ всѣхъ проѣзжающихъ: останавливался, гдѣ и сколько хотѣлъ. Въ хорошихъ селахъ при удобномъ помѣщеніи, имѣлъ дневки; жена моя все такъ устраивала, что вездѣ было спокойно. Скоро приблизились къ границѣ кавказской области.

Прощай, Кавказъ! Слишкомъ уже 140 лѣтъ гремитъ оружіе русское въ твоихъ ущельяхъ, чтобы завоевать тебя окончательно, чтобы покорить разноплеменныхъ обитателей твоихъ, незначительныхъ числомъ, дикихъ, но сильныхъ въ бою, неодолимыхъ за твердынями неприступныхъ горъ твоихъ; иначе, русскій штыкъ-богатырь давно довершилъ бы завоеваніе. Правда, что сначала война была непостоянна, набѣги дѣлались до Кубани, до Терека; изрѣдка переправлялись чрезъ

Кавказъ для защиты грузинъ противъ персіянъ и горцевъ; но въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ не щадили ни людей, ни денегъ, имѣли еще важную выгоду, что въ 1801 году, манифестомъ императора Павла, вся Грузія присоединена была къ Россіи безъ боя, по волѣ и по безсилію послѣдняго царя ея, Георгія. Мы давно уже владѣемъ равнинами по сю сторону Кавказа; владѣнія наши по ту сторону горъ, въ Закавказьи, простираются далѣе прежней границы Персіи, а все еще Кавказъ не нашъ; ни путешественникъ, ни купецъ, ни промышленникъ не посмѣютъ ѣхать за линію безъ воинскаго прикрытія, безъ опасенія за жизнь свою и за имущество. Имена Зубова, Лазарева, князя Циціанова, Котляревскаго, Ермолова, Паскевича, Розена напоминаютъ намъ длинный рядъ блестящихъ и геройскихъ подвиговъ, коихъ было бы достаточно для покоренія многихъ государствъ, но оказались безполезными до сихъ поръ противъ горцевъ-дикарей. До Ермолова военная сила наша была незначительна въ тѣхъ мѣстахъ; она увеличивалась при особенныхъ, важныхъ экспедиціяхъ только временно. Ермоловъ имѣлъ постоянно не болѣе 40.000 войска, но мастерски владѣлъ этою силою, умѣлъ быстро направить ее, куда нужно было, держалъ враговъ въ непрестанномъ страхѣ,—одно имя его стоило цѣлой арміи. Нынѣ съ линейными казаками у насъ больше 110.000 воиновъ на Кавказѣ постоянно; мы хотя и подвигаемся въ завоеваніяхъ, но медленно, ненадежно и дорого. Кажется, что самое начало было неправильное; мы подражали прежнему старинному образу дѣйствій: какъ Пизарро и Кортесъ, перенесли мы на Кавказъ только оружіе и страхъ, сдѣлали враговъ еще болѣе дикими и воинственными, вмѣсто того, чтобы приманить ихъ въ завоеванныя равнины и къ берегамъ рѣкъ различными выгодами, цвѣтущими поселеніями. Англичане также стрѣляютъ ядрами и пулями въ индійцевъ и въ китайцевъ, но привозятъ къ нимъ, кромѣ огнестрѣльнаго оружія, всякія орудія для выгоднаго труда, торговлю, образованіе, вѣру и, по доказанному опыту, вѣрную надежду на будущее благосостояніе. Россія также старалась дѣйствовать мирными средствами: она по обѣимъ сторонамъ Кавказа поселила иностранныхъ колонистовъ, но въ маломъ объемѣ; она послѣднее время стала селить женатыхъ солдатъ и отставныхъ по военной дорогѣ въ Кабардѣ; но эти поселенія служатъ не приманкою, а угрозою и страшилищемъ. Кто исчислитъ всѣ жертвы, кои государство ежегодно приноситъ людьми и деньгами? Эти значительныя пожертвованія уже не позволяютъ отстать отъ начатаго дѣла; кромѣ того, Кавказъ намъ нуженъ въ будущности для сообщеній торговыхъ. Много уже сдѣлано, остается довершить, но только не исключительно однимъ оружіемъ. Много горцевъ уже поступили добровольно въ подданство Россіи; они извѣстны подъ общимъ названіемъ *мирныхъ черкесовъ*; этимъ людямъ слѣдовало дать всевозможныя льготы и выгоды, оставить имъ пока ихъ судъ и расправу, не навязывать имъ нашихъ судей-исправниковъ. Благосостояніе покоренныхъ или добровольно покорившихся горцевъ доставило бы намъ въ нѣсколько лѣтъ больше вѣрныхъ завоеваній и прочныхъ, чѣмъ сто тысячъ воиновъ и сто милліоновъ рублей могли бы это совершить. Пока не покорившіеся горцы видятъ, что покорные намъ братья ихъ ведутъ жизнь не лучше непокорныхъ, до тѣхъ поръ будутъ они противиться до послѣдней крайности. Въ ермоловское время офицеры на Кавказѣ терпѣть не могли мирныхъ черкесовъ; они ненавидѣли ихъ хуже враждебныхъ, потому что они переходили и измѣняли безпрестанно, смотря по обстоятельствамъ, куда

ихъ звали страхъ или корысть, или месть. Нынѣ, однако, мы уже имѣли нѣсколько примѣровъ, что даже фанатизмъ, изувѣріе Казы Муллы,—побѣжденнаго Розеномъ подъ Гимрами,—Гамзатъ-Бека и Шамиля не могло склонить многихъ мирныхъ черкесовъ къ измѣнѣ противъ Россіи даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ русскіе гарнизоны не были въ сосѣдствѣ. Хорошее управленіе не меньше русской храбрости можетъ ускорить окончательное покореніе и сдѣлать его прочнымъ. Желаю, чтобы назначеніе главнокомандующихъ пало на генераловъ достойнѣйшихъ, съ энергіей; чтобы вся страна была бы современемъ украшеніемъ и пользою Россіи. Потомство не забудетъ главныхъ сподвижниковъ въ этомъ дѣлѣ; потомство соберетъ плоды съ земли, орошенной кровью храбрыхъ, и съ лихвою возвратитъ себѣ несмѣтныя суммы, издержанныя предками на это завоеваніе. Прощай, Кавказъ! Красуйся не одною природою, но и благосостояніемъ твоихъ обитателей! [1]).

---

[1]) Продолженіе въ XX главѣ.

Глава шестнадцатая.

Отъ Дона до Балтійскаго моря.

Піявицы.—Донъ.—Ростовъ-на-Дону.—Славянскъ.—Каменка.—Святыя Горы.—Украйна.—Малороссіянинъ.—Прощальный обѣдъ.—Разставаніе.—Чугуевъ.—Гр. А. А. Аракчеевъ.—Военное поселеніе.—Харьковъ.—Черниговъ.—Могилевъ.—Полоцкъ.—Бѣдность въ Бѣлоруссіи.—Гаряй.—Шоссе и телеграфъ.—Псковъ.—Сороковой боръ.—Кярово.—Нарва.

По землѣ донскихъ казаковъ дорога была хороша, но версты показались мнѣ длиннѣе обыкновенныхъ, по сравненію съ временемъ ѣзды; на ночлегѣ узналъ я, что, дѣйствительно, со времень Екатерины II тамъ верстовые столбы поставлены были на разстояніи 700 саженъ. Близъ берега рѣчки Вонючаго Ерлыка, на постояломъ дворѣ, обѣдали трое нѣмцевъ изъ Гамбурга; они пріѣхали на почтовыхъ, чтобы закупить піявокъ. Они послѣ обѣда вытащили изъ крытой длинной повозки нѣсколько деревянныхъ боченковъ, наполненныхъ піявками; чрезъ каждые три дня они промываютъ ихъ, перемѣняютъ воду и выбрасываютъ пропавшихъ; это дѣлалось у нихъ съ удивительною быстротою: по наклоненному плоскому жолобку съ водою они движеніемъ пальцевъ пропускали каждую и отдѣляли живыхъ въ особенный боченокъ со свѣжею водою. Боченки ихъ сдѣланы были изъ тончайшихъ шелевокъ, также и посуды для промыванія, кои они укладывали одну въ другую, какъ походные стаканчики. Жители окрестныхъ деревень приносили имъ при мнѣ въ мѣшочкахъ по нѣскольку фунтовъ піявокъ, крестьяне этою продажею ежегодно выручаютъ столько денегъ, что могутъ уплатить ими казенныя подати и повинности; за фунтъ получали по 50 копеекъ серебромъ, въ фунтѣ было до 200 штукъ, такъ что эти нѣмцы=промышленники продавали ихъ въ Гамбургѣ и въ Парижѣ по полуфранку за штуку и такимъ образомъ, за исключеніемъ всѣхъ путевыхъ издержекъ, получали на каждый рубль десять рублей барыша. Они ѣздятъ за этимъ товаромъ даже за кавказскую линію: должно быть, что въ Европѣ уменьшилось количество піявокъ, или употребленіе ихъ стало гораздо значительнѣе, или распространились болѣзни, требующія такого рода кровопусканія. Во всякомъ случаѣ, выгодно разводить ихъ тамъ, гдѣ мѣстность позволяетъ.

Когда подъѣхалъ къ Дону, то не узналъ въ нѣмъ ту же рѣку, чрезъ которую за два года передъ тѣмъ переѣхалъ по временному мосту, наведенному для проѣзда царя. Донъ выступилъ изъ береговъ, имѣлъ видъ обширнаго озера; новый берегъ былъ въ

13-ти верстахъ отъ постояннаго берега у Аксайской станицы. Въ большомъ селеніи была пристань на возвышенномъ мѣстѣ, тамъ стояли суда перевозныя, и казенныя и частныя. Начальникъ этой флотиліи увѣрялъ меня, что сегодня меня переправить не можетъ, потому что ожидаетъ изъ Тифлиса свояченицу корпуснаго командира Головина. «Такъ позвольте, я найму вольныхъ перевозчиковъ».—«Также невозможно до переѣзда свояченицы корпуснаго командира, потому что мы не знаемъ, сколько у нея экипажей, а два баркаса должны быть всегда въ готовности на экстренный случай для курьера или фельдъегеря».—«Когда же пріѣдетъ свояченица?»—«Мы уже два дня ожидаемъ ее каждый часъ». Мнѣ пришлось бы нѣсколько дней прожить въ селеніи, кормить 13 лошадей: обождать стоило бы порядочно кромѣ потери времени; я рѣшился прибѣгнуть къ самому убѣдительному средству: пошелъ къ начальнику, и въ минуту все было готово, экипажи и кони помѣщены были на двухъ судахъ, всѣ усердно помогали, и мы поплыли съ веслами и съ парусомъ. Мѣстами выглядывали макушки верстовыхъ столбовъ съ цифрами 12, 11, 10. Перевозчики и кормчій безмолвствовали, я обратился къ послѣднему съ вопросомъ: «Скажи, пожалуйста, на Волгѣ я слышалъ славную пѣсню о матушкѣ-Волгѣ, вѣрно, у васъ есть также пѣсня своя для вашего *тихаго* Дона, дай послушать!»—«Была своя пѣсня, и пѣли ее въ свое время, когда у насъ плавали кораблики донскіе, а нынѣ ужъ лѣтъ двадцать какъ не слыхать этой пѣсни». Въ концѣ царствованія Александра I были сдѣланы измѣненія въ донскомъ быту. Въ Аксаѣ развалины большихъ каменныхъ домовъ даютъ станицѣ видъ печальный и разоренный. Больныя дѣти мои утомились отъ переправы, третій сынъ мой Василій былъ еще очень боленъ; мы спѣшили къ ночлегу въ Ростовъ-на-Дону, чтобы на всякій случай имѣть лекаря и лекарство.

Здѣсь имѣли дневку; больному стало легче безъ помощи аптеки. Городъ обширенъ, нѣкоторыя улицы хорошо обстроены, на берегу складочные магазины. Здѣсь сосредоточивается главная торговля по Дону, здѣсь склады товаровъ, запасовъ и снарядовъ для портовъ Закавказья. Хозяинъ нашей квартиры, отставной чиновникъ, много разсказывалъ о злоупотребленіяхъ откупщиковъ питейнаго сбора, подрядчиковъ и поставщиковъ провіанта и о фабрикантахъ фальшивыхъ ассигнацій. Хорошій городской извозчикъ повезъ меня въ Нахичевань, въ двухъ верстахъ отъ Ростова; тамъ въ церковной оградѣ близъ алтаря былъ я на могилѣ генерала барона Владиміра Ивановича Розена, отца бывшаго корпуснаго командира на Кавказѣ. Заслуженный воинъ въ царствованіе Екатерины былъ главнокомандующимъ войсками, расположенными по Дону и по Кавказской линіи. Два сына его и дочь поставили ему скромный памятникъ. Городокъ Нахичевань населенъ большею частью армянами. Ростовъ еще богатъ различными заводами, имѣетъ верфь и примѣчательную ярмарку. Судовщики жаловались на обмеленіе Дона; это общій недостатокъ нашихъ рѣкъ, изливающихся въ моря Азовское и Черное. По необозримымъ равнинамъ воды не имѣютъ довольно стоку, и русло запружается со временемъ все болѣе и болѣе; весною воды выступаютъ изъ плоскихъ береговъ своихъ, разливаются далеко, и потомъ, когда стекаются обратно въ свою ложбину, то съ береговъ приносятъ песку и земли и заваливаютъ русло; еще способствуютъ къ тому множество водяныхъ мельницъ съ своими плотинами и греблями. Такъ, Донецъ, притокъ Дона, на большомъ протяженіи бываетъ судоходенъ только во

время половодья, въ продолженіе только нѣсколькихъ недѣль въ году. Путь нашъ велъ по безконечнымъ степямъ чрезъ Бахмутъ. Взору представлялись все луга, овчарни или кошары.

Поздно вечеромъ пріѣхали въ Славянскъ; на Торцѣ не было моста, паромъ стоялъ у другого берега, не могли докричаться перевозчиковъ. Воротиться на ночлегъ въ постоялый дворъ, пришлось бы ѣхать назадъ слишкомъ шесть верстъ. За мною остановились съ кладью извозчики. Какъ быть?—Извозчики увѣряли, что товарищи ихъ переѣхали рѣку въ бродъ, но что они отстали отъ нихъ и не знаютъ, какъ проѣхать. Я забылъ урокъ путевой въ Александровѣ близъ Пятигорска, гдѣ на мосту близъ водяной мельницы лѣвая пристяжная сорвалась у перилъ и свалилась въ рѣку, а лѣвая дышловая повисла на нашильникахъ, кои пришлось перерѣзать, чтобы удержать коляску на мосту; приказалъ Евтуху отстегнуть лѣвую пристяжную, коня черкесскаго, и на немъ ѣхать по рѣкѣ частою ломаною линіей, чтобы провѣрить бродъ. Конь мѣстами шелъ въ водѣ по брюхо, однако дошелъ до другого берега и также вернулся ломаною линіей; всѣ мы зорко примѣчали направленіе. Пристегнули коня и пустились въ бродъ; коляска слѣдовала близко за тарантасомъ; конямъ тяжело было возить, но взяли крикомъ и, къ счастью, не попали въ яму или на камень. Дѣтямъ эта переправа была забавою, они не знали опасности, а добрая жена моя всегда вѣрою и довѣренностью побѣждала страхъ. Славянскъ имѣетъ видъ пустынный, похожъ на Тару и на Ачинскъ, солитъ водою, засыпаетъ пескомъ въ вѣтренную погоду, наводитъ тоску, но зато знаменитъ по цѣлительной силѣ своихъ соленыхъ озеръ, куда съѣзжается ежегодно много больныхъ и получаютъ совершенное выздоровленіе, особенно страждущіе золотухою во всѣхъ возрастахъ. Славянскъ вывариваетъ соль, хотя не въ большомъ количествѣ, но обстраивается частными лицами, имѣетъ зданія общественныя, купальни и военную больницу, устроенную генераломъ Панютинымъ.

Отрадно было свиданіе наше съ родными въ Каменкѣ. Здѣсь засталъ я В. Д. Вольховскаго въ отставкѣ: онъ жалѣлъ, что не могъ продолжать службу для общей пользы, но какъ не хотѣли его употребить по способностямъ его, то онъ принужденъ былъ оставить ее въ лучшей порѣ жизни: ему было сорокъ лѣтъ, при большомъ запасѣ знаній и опытовъ. За оказанную ему несправедливость нашелъ онъ лучшее возмездіе въ совѣсти своей и въ семействѣ своемъ. Онъ въ деревнѣ праздности не зналъ, вставалъ рано, учился англійскому языку, читалъ много и готовился управлять имѣніемъ жены своей по правиламъ раціональнаго хозяйства. Въ Каменкѣ я прожилъ шесть счастливыхъ недѣль; дѣти мои поправились здоровьемъ, три семейства: моего шурина, моего свояка и мое — жили въ огромномъ домѣ; душою дома была наша добрѣйшая тетка Анна Андреевна Самборская. Я видѣлъ Каменку въ полной красотѣ ея; мѣстность дѣйствительно хороша.

Навѣстилъ памятныя мѣста, заведенія временъ А. А. Самборскаго: часовню, больницу, бесѣдку въ сторожевомъ лѣсу; молился въ новой церкви благолѣпной, гдѣ служба и пѣніе и усердіе богомольцевъ невольно располагаютъ душу къ молитвѣ. Тишина, порядокъ въ церкви безпримѣрны и введены стараніями шурина моего И. В. Малиновскаго, по системѣ исправнаго ротнаго командира; впослѣдствіи порядокъ этотъ вошелъ въ привычку прихода, и скажу, что нигдѣ, ни въ столицахъ, ни въ деревняхъ, не находилъ такого благоговѣнія прихожанъ во

время божественной службы. Въ крестьянскихъ хатахъ видѣлъ опрятность и довольство, хотя это было въ маѣ мѣсяцѣ, когда запасы истощены бываютъ. Съ Вольховскимъ ѣздилъ въ лѣсъ Чернещинскій или Чепельскій хуторъ, принадлежащій къ Каменкѣ, находящійся въ 30 верстахъ оттуда. Тамъ мы пробыли два дня, и хотя самый лѣсъ не доставлялъ намъ особеннаго удовольствія (мѣстами онъ порядкомъ пострадалъ отъ порубки старинныхъ управителей и отъ пожара), но бесѣды Вольховскаго въ маленькомъ домикѣ, гдѣ мы ночевали, для меня памятны: въ нихъ отражалось смиреніе христіанское и добродѣтели гражданина.

Въ другой разъ поѣхали мы вмѣстѣ въ Святыя горы, имѣніе А. М. Потемкипа на берегу Донца. Это одна изъ красивѣйшихъ мѣстностей, которыя случалось мнѣ видѣть. Одна изъ церквей высѣчена въ громадной мѣловой горѣ; бѣлизна стѣны издали просвѣчивается на значительной высотѣ сквозь темной зелени тѣнистыхъ деревьевъ; въ эту церковь можно всходить или по ступенямъ покатости горы, или по подземному ходу. У подножія горы другая церковь просторная, близъ коей нѣсколько домовъ и усадьба раскинуты по самому берегу Донца, а на противоположномъ берегу красовались вѣковые дубы. Встарину здѣсь былъ монастырь, но преданіе говоритъ, что здѣсь спасали не людей, а посредствомъ подземнаго хода, выкопаннаго почти на версту въ самой горѣ, туннелемъ скрывали добычу, привезенную Донцомъ, и спасали грабежъ и грабителей. Это заставило императрицу Екатерину дать повелѣніе объ упраздненіи монастыря и подарить это живописное, величественное мѣсто Потемкину Таврическому. Теперь оно принадлежитъ его наслѣднику, который согласился на устройство новаго монастыря, въ пользу котораго супруга его Татьяна Борисовна не щадитъ благъ земныхъ. На обратномъ пути осмотрѣли мы винокуренный заводъ новаго устройства съ паровымъ котломъ; производство работы совершается легче и скорѣе. Онъ былъ устроенъ въ большомъ размѣрѣ для затора въ 120 четвертей. Въ бору мы видѣли, какъ гнали смолу, а на большой дорогѣ встрѣтили тысячи косарей, отправлявшихся изъ Курской и прилежащихъ къ ней губерній: въ Екатеринославскую, въ Херсонскую, за Донъ и за Кубань, чтобы косить траву и убрать сѣно. Обширные луга на югѣ нуждаются въ работникахъ—хорошій работникъ во время сѣнокоса получаетъ по рублю серебромъ въ сутки; это почти цѣна поденщику въ богатомъ Нью-Іоркѣ.

Случилось мнѣ быть на Изюмской ярмаркѣ, видѣть тамъ движеніе народа и небольшой оборотъ въ торговыхъ дѣлахъ. Главные обороты капиталовъ совершаются въ Харьковѣ и въ портовыхъ городахъ азовскихъ. Важнѣйшія произведенія края составляютъ шерсть и пшеница; шерсть сбываютъ въ Харьковѣ, пшеницу на водяныхъ мельницахъ по Донцу и Оскалу, частью возятъ ее прямо сухимъ путемъ въ Маріуполь, въ Бердянскъ и въ Таганрогъ за 400 верстъ и выручаютъ умѣренную цѣну за вычетомъ дальняго провоза. Донецъ становится судоходнымъ отъ Луганскаго завода, а до этого мѣста суда плаваютъ только въ полую воду, въ продолженіе двухъ или трехъ недѣль въ году. Мало кто пользуется этимъ кратковременнымъ, но лучшимъ способомъ перевоза.

Быстро и пріятно протекли шесть недѣль въ Украйнѣ въ кругу добрѣйшихъ родныхъ. Недоставало только шурина моего Андрея Васильевича, который за нѣсколько дней до нашего пріѣзда уѣхалъ въ Крымъ и не хотѣлъ насъ опечалить выставкою печальныхъ развалинъ мужа, котораго въ 1825 году всѣ знали по при-

мѣрной твердости, по богатству знаній и по всѣмъ задаткамъ на пользу отечества. За 14 декабря онъ долго содержался подъ арестомъ на Охтѣ, былъ оправданъ, оставался въ гвардейской конной артиллеріи, участвовалъ въ Турецкой войнѣ, откуда вернулся больной въ Каменку, гдѣ находился подъ полицейскимъ надзоромъ, и въ бездѣйствіи искалъ подкрѣпленія жизненныхъ силъ въ томъ, что сокращаетъ жизнь преждевременно и жалко. 1 іюля назначили мы продолжать нашъ дальній путь. Шуринъ мой Ив. Вас., управлявшій 15 лѣтъ всѣмъ имѣніемъ, созвалъ всѣхъ крестьянъ на прощальный обѣдъ; всѣ разговѣлись въ клунѣ, гдѣ намощены были доски вмѣсто столовъ и скамеекъ. Я пилъ изъ общей завѣтной чарки за ихъ здоровье и благодарилъ стариковъ за совѣтъ, который они дали женѣ моей, когда она въ 1830 году, собираясь ѣхать ко мнѣ, спросила ихъ: «Должно ли ей оставить сына и слѣдовать за мною?» Они сказали ей: «у сына вашего есть другая мать— тетка и сестра ваша, а мужъ одинъ въ далекой сторонѣ, въ несчастьи,—Богъ не велѣлъ оставить его!» При послѣдней чаркѣ дѣти мои дружно воскликнули: ура! По окончаніи сытнаго обѣда украинскаго, они пожелали намъ счастливаго пути, а я пожелалъ имъ здоровья и довольства, чтобы они никогда не знали нужды. Потомъ при выходѣ изъ клуни, взглянувъ на прелестную долину съ опрятными бѣлыми хатами, раскинутыми посреди зелени садовъ, обратился еще разъ къ старикамъ и сказалъ имъ: «Вы, братцы, слава Богу! теперь расходитесь по своимъ домамъ, у всѣхъ васъ есть свой уголъ спокойный, берегите его и семейства ваши, дѣтей научайте добру; а я странствую безъ мѣста, безъ собственной крыши, и не знаю, когда и куда Господь приведетъ къ отдыху». Нѣсколько стариковъ, въ особенности громко три брата Колесниковъ или Заднѣпрскихъ: Кирила, Игнатъ и Емельянъ, возразили: «Андрей Евгеньевичъ, пріѣзжайте жить къ намъ, мы вамъ выстроимъ хоромы, лучше этихъ», указывая на обширную усадьбу М. В. Вольховской и на другую, тогда почти достроенную И. В. Малиновскаго.—«Спасибо, братцы, все какъ Богу угодно!» были мои послѣднія къ нимъ слова.

Какъ хорошо и прекрасно ни было въ Каменкѣ, а все надо было разстаться съ лучшими родными и съ прелестною мѣстностью благословенной страны. Отъ меня зависѣлъ выборъ мѣста жительства, жена моя владѣетъ третьею частью Каменки, почему же предпочелъ я Украйнѣ уголокъ сѣвера, мѣстность плоскую, почву безплодную, болотную Эстляндскую губернію? Она—моя родина! Тутъ, на берегахъ Варяжскаго моря, потомки рыцарей меченосцевъ давно уже забыли вѣковыя войны и своеволіе, а сохранили мужество, вѣрность данному слову и постоянное стремленіе къ истинной образованности. Религіозность и честность составляютъ отличительную черту ихъ характера. Меня манили вдаль не только любовь къ родинѣ, но и гражданское устройство люда вольныхъ.

На другой день ночевали мы въ Чугуевѣ, гдѣ расположенъ былъ штабъ поселенія перваго кавалерійскаго корпуса. Городъ опрятнѣйшій, но до крайности однообразный: дома выстроены по цѣлымъ улицамъ по одинаковому плану, въ равномъ разстояніи, съ одинаковыми фасадами, все напоминаетъ неподвижный строй солдатъ. Въ концѣ города въ большомъ строеніи, окруженномъ садомъ, находится больница, содержанная въ величайшемъ порядкѣ. Военное поселеніе поддерживается, хотя при началѣ его устройства были важныя сопротивленія и кровавыя возмущенія. Такіе же случаи повторились позднѣе въ Новгородской губерніи, пока на-

конецъ опытъ не указалъ на невозможность и невыгоду такого предпріятія. Графъ Аракчеевъ, по примѣру австрійскаго пограничнаго войска и самобытнаго состава и содержанія нашего войска Донского, представилъ, по желанію Александра I, проектъ, въ коемъ изложилъ средство имѣть всегда въ готовности многочисленную армію, для пополненія которой не нужно брать рекрутъ, и на содержаніе коей не нужно ни одной копейки. Такое предложеніе, малѣйшая возможность исполненія, были заманчивымъ сокровищемъ единодержавному вѣнценосцу, въ такое время, когда онъ вмѣшивался во всѣ политическія дѣла Европы, когда онъ готовъ былъ отправить свои войска и въ Италію и въ Испанію, когда многочисленныя арміи поглощали главнѣйшіе доходы государства. Если бы этотъ проектъ былъ сперва разсмотрѣнъ свѣдущими людьми, то, безъ сомнѣнія, былъ бы отвергнутъ,—даже если бы исполненіе не представляло никакихъ затрудненій, то по неминуемымъ вреднымъ послѣдствіямъ. Барклай былъ противъ основанія поселеній. Государь согласился на предложеніе усерднаго, но недальновиднаго слуги и далъ ему полную власть распорядиться. На сѣверѣ съ пѣхотою, на югѣ съ конницею начались опыты первоначальныхъ поселеній. Несмѣтныя суммы были отпущены министромъ финансовъ Гурьевымъ по требованіямъ Аракчеева; временщикъ надменный иногда на лоскуткѣ бумаги, оторванной отъ конверта, писалъ свои требованія министру для выдачи нѣсколькихъ милліоновъ рублей. Строгость и точность при первоначальномъ поселеніи солдатъ были невыносимы; офицеры бѣдные, не избалованные, не могли выдержать такой службы, гдѣ ежедневно должны были вмѣшиваться въ семейную жизнь поселянъ и поселенцевъ, записывать каждую курицу, считать каждое яйцо, наказывать за малѣйшее отступленіе отъ аракчеевскихъ предписаній. Они стали выходить въ отставку изъ военнаго поселенія, потому что переводъ въ дѣйствующую армію былъ имъ отказанъ; а когда изъ отставки стали опредѣляться въ гражданскія должности, то Аракчеевъ принялъ мѣры, чтобы никто изъ вышедшихъ въ отставку изъ военныхъ поселеній не былъ принятъ ни въ какую службу, ни военнаго, ни гражданскаго вѣдомства. Разумѣется, что неудовольствія возрастали съ трехъ сторонъ: у офицеровъ, у государственныхъ крестьянъ и у вооруженныхъ постоянныхъ ихъ сокваргирантовъ. Послѣдствіемъ общаго неудовольствія были кровавыя побоища въ Старой Руссѣ, гдѣ злоба и месть не знали мѣры, и крестьяне и солдаты ужаснымъ образомъ рѣзали, мучили, сажали на колъ своихъ главныхъ начальниковъ. Можно себѣ представить, какой оборотъ приняло бы такое возстаніе, если бы поселенія были разведены по нѣсколькимъ смежнымъ губерніямъ. Это случилось въ 1832 году.

Въ концѣ 1826 года Аракчеевъ уже самъ убѣдился опытомъ въ несбыточности своего плана: $^7/_8$ изъ общаго числа поселенныхъ солдатъ продолжали получать содержаніе отъ казны; только $^1/_8$ часть производила для своего собственнаго пропитанія. Дѣти мужского пола, родившіяся въ округѣ поселеннаго полка, не могли замѣнить рекрутъ и пополнить въ полку число убылыхъ солдатъ. Кромѣ того, государство лишилось доходовъ съ земель государственныхъ, отведенныхъ подъ поселеніе, а крестьяне были повсюду недовольны: и на сѣверѣ и на югѣ. Съ кончиною Александра I кончилась власть Аракчеева. Всѣ трепетали предъ нимъ, всѣ боялись его, никто не любилъ его. Бывало, когда собирался государственный совѣтъ съ предсѣдателемъ своимъ княземъ Лопухинымъ, то по цѣлымъ часамъ выжидалъ пріѣзда Аракчеева, при появленіи котораго всѣ члены вставали и не садились, пока онъ не сядетъ. Обхожденіе

его было самое грубое; бывъ военнымъ министромъ во время войны въ Финляндіи, онъ подло поступилъ съ графомъ Буксгевденомъ и оклеветалъ его, какъ оказалось по формальному судопроизводству. Александръ I, занятый преимущественно дѣлами европейскими, предоставлялъ ему дѣла русскія; онъ былъ совершенно увѣренъ въ его преданности. Аракчеевъ жилъ уединенно, никакихъ не имѣлъ частныхъ связей—ни семейныхъ, ни дружественныхъ; къ тому былъ вполнѣ безкорыстенъ, не просилъ для себя никакой награды, ни денегъ, и что было ему подарено царскими щедротами императора Павла, то по завѣщанію возвратилъ казнѣ. Въ 1825 году былъ случай, который заставлялъ сомнѣваться въ безусловной преданности и любви его къ императору: любимая его домоправительница или ключница была умерщвлена прислугою, выведенною изъ терпѣнія ея причудами и строгостью, тогда Аракчеевъ предался такому отчаянію, что забылъ царственнаго друга, который, самъ больной, звалъ его къ себѣ въ Таганрогъ, чтобы тамъ утѣшать его. Для обоихъ пробилъ послѣдній часъ; исторія безпристрастная воздастъ каждому по дѣйствіямъ и заслугамъ каждаго, лѣтъ чрезъ 55, за большую премію по завѣщанію Аракчеева, и, кажется, Аракчеевъ заплатитъ за похвалу себѣ $^1/_8$, а за нареканіе $^7/_8$ выставленной суммы. Уже давно Аракчеева не стало, при Николаѣ онъ ничего не значилъ и жилъ въ Грузинѣ, какъ схимникъ; но память о немъ такъ жива въ народѣ, что недавно слушалъ споръ двухъ извозчиковъ, изъ которыхъ одинъ одержалъ верхъ и заставилъ молчать другого, сказавъ ему вмѣсто логическихъ доводовъ: «ну, что ты толкуешь? что ты знаешь? вотъ я, напримѣръ, видалъ графа Аракчеева и пережилъ его!»

Въ началѣ водворенія военнаго поселенія Чугуевскаго были случаи сопротивленія поселянъ. Генералъ Коробкинъ употребилъ самыя рѣшительныя мѣры, громилъ толпу картечью, бывъ вынужденъ къ тому обстоятельствами, и безвинно подпалъ нареканію отъ высшаго начальства. Генералъ Лисаневичъ употребилъ кроткія мѣры и убѣжденія, не имѣвшія успѣха, и также подвергнулся нареканію. Графъ Аракчеевъ самъ прискакалъ на курьерскихъ изъ Петербурга; на пути изъ Харькова отправилъ фельдъегеря къ Лисаневичу съ предписаніемъ принять немедленно рѣшительныя мѣры къ приведенію непокорныхъ къ повиновенію. На четвертый день послѣ фельдъегеря прибылъ самъ Аракчеевъ и, къ великому неудовольствію своему, нашелъ, что Лисаневичъ не понялъ его словъ—рѣшительныя мѣры. «Я вамъ покажу, какъ слѣдовало бы вамъ дѣйствовать». — Въ селеніи по направленію изъ Петровскаго въ Балаклею собраны были зачинщики и вліятельнѣйшія лица изъ недовольныхъ, а чтобы поселяне изъ крестьянъ и солдаты поселенные не могли имѣть стачки между собою, то солдаты расположены были лагеремъ въ 20-ти верстахъ отъ селенія. Аракчеевъ въ присутствіи многочисленной свиты лично допрашивалъ ослушниковъ, утверждавшихъ, что, безъ вѣдома государя милостиваго, отняли у нихъ прежніе ихъ луга и поля и заставляютъ ихъ же косить эти луга и обрабатывать эти поля для войска. Въ числѣ зачинщиковъ предстали шесть человѣкъ изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ, украшенныхъ цѣлымъ рядомъ медалей и крестовъ за походы Суворова и за достославную войну Отечественную 1812 года. Аракчеевъ увѣщевалъ ихъ именемъ государя и, обращаясь къ нимъ, какъ къ лицамъ заслуженнымъ и привыкшимъ къ воинской дисциплинѣ, требовалъ отъ нихъ, чтобы они уговорили введенныхъ въ заблужденіе братьевъ. Они увѣряли въ своей безпредѣльной преданности царю, но изъявили сомнѣніе, чтобы мѣра несправедливости согласна была съ его

волею. Тогда Аракчеевъ, не бывъ въ состоянiи разувѣрить ихъ, приступилъ къ угрозамъ. Два баталiона были вытянуты вблизи, онъ въ послѣднiй разъ увѣщевалъ ихъ и объявилъ, что если они немедленно не образумятся и не покорятся, то прогонитъ ихъ шпицрутенами сквозь строй.—«Ваше превосходительство»,—сказалъ одинъ изъ ветерановъ, георгiевскiй кавалеръ, унтеръ-офицеръ Чернявскiй,—«мы стояли подъ пушками турокъ и двадесяти языковъ и не боялись смерти, не побоимся ее и теперь за правое дѣло».—Свидѣтели изъ свиты поражены были твердостью Чернявскаго, спокойствiемъ въ лицѣ, спокойною рѣчью и прослезились. Аракчеевъ при себѣ велѣлъ прогнать сквозь строй ослушниковъ. Чрезъ каждое прогнанiе чрезъ тысячу человѣкъ приказывалъ остановить ихъ и спросить ихъ, покоряются ли они?—или не было отвѣта, или былъ отвѣтъ отрицательный. Опять прогнали чрезъ баталiонъ, и опять напрасно. Пятеро человѣкъ лишились жизни подъ ударами. Чернявскiй прошелъ десять разъ, замертво былъ отвезенъ въ больницу въ Балаклею, гдѣ умеръ чрезъ нѣсколько дней, не испустивъ ни единаго вздоха, ни жалобы на личное страданiе свое. Аракчеевъ могъ бы удалить и сослать такихъ ослушниковъ съ прежними заслугами и, вѣроятно, достигъ бы своей цѣли усмиренiя. Шпицрутены и смертная казнь усмирили толпу, но видно, что тутъ была и личная жестокость, которая всего явнѣе выказалась, когда въ 1825 году поваръ его зарѣзалъ его ключницу, и онъ на колѣняхъ умолялъ генерала Фрикена и адъютанта своего Б. К. Тизенгаузена объ открытiи убiйцы. Цѣлыя недѣли томился онъ отчаянiемъ и пылалъ одною местью; отпустилъ себѣ бороду, забылъ отечество, забылъ приглашенiе царственнаго благодѣтеля спѣшить къ нему въ Таганрогъ. Въ домовой церкви просилъ онъ громко о выдачѣ ему убiйцы. Наконецъ убiйца былъ открытъ. Осень была морозная, на дворѣ подъ окномъ разъяреннаго всемогущаго временщика засѣкли убiйцу въ нѣсколько разсроченныхъ прiемовъ, и все Аракчеевъ стоялъ у окна и впивался въ истязанiе. Убiйство совершено было изъ мести повара, у котораго дочь или сестра 17-ти лѣтъ находилась въ услуженiи у ключницы, которая ревновала къ дѣвушкѣ, безпрестанно привязывалась къ ней напрасно и подвергала ее даже тѣлеснымъ наказанiямъ къ неудовольствiю домохозяина. Наконецъ лопнуло терпѣнiе отца, или брата, и въ роковой день, когда ключница послѣ обѣда отдыхала на диванѣ, раздѣтая и завернутая шелковымъ голубымъ одѣяломъ, подкрался поваръ съ ножомъ и перерѣзалъ ей горло. По этому дѣлу много прислужниковъ свидѣтелей или недовольныхъ были сосланы въ Сибирь въ работу.

Въ Харьковѣ остановились на цѣлый день. Городъ, одинъ изъ самыхъ примѣчательныхъ губернскихъ городовъ, пятый во всей имперiи по своимъ торговымъ оборотамъ, отличается хорошими зданiями, университетомъ, гимназiями, частными учебными заведенiями, институтомъ и ярмарками, на которыя собираются, какъ въ средоточiе, купцы изъ великой, малой, новой и бѣлой Россiи. Неправильность улицъ, площадей нисколько не вредитъ наружному виду, который много выигрываетъ отъ мѣстности неровной, отъ высотъ окрестныхъ, отъ трехъ рѣчекъ. Ботаническiй садъ содержанъ съ большимъ старанiемъ; кромѣ тропическихъ произрастенiй, разводимыхъ въ теплицахъ, есть много примѣчательныхъ деревьевъ, кустовъ, травъ, растущихъ подъ открытымъ небомъ, пересаженыхъ изъ разныхъ странъ сѣверныхъ и южныхъ. Дѣти мои обрадовались, увидѣвъ растенiя, кои они узнавали сами, видѣвъ прежде ихъ изображенiя на картинкахъ. Услужливый ботаникъ слѣдилъ за

нами и былъ очень доволенъ, когда я въ маленькомъ деревцѣ, вышиною въ два фута, узналъ сибирскій кедръ и разсказывалъ ему о видѣнныхъ мною кедровыхъ лѣсахъ. Этотъ экземпляръ былъ ему присланъ Турчаниновымъ изъ Иркутска.— Харьковскій университетъ славился ученостью своихъ профессоровъ. Если бы студенты изъ всѣхъ университетовъ вмѣстѣ съ запасомъ учености выносили бы также запасъ нравственныхъ достоинствъ, то всѣ наши университеты ежегодно доставляли бы намъ нѣсколько сотъ полезнѣйшихъ людей. На бѣду, отличнѣйшій врачъ, ученѣйшій правовѣдъ, безъ нравственныхъ началъ, могутъ быть обманщиками и торгашами жизни и правосудія. Желательно и необходимо, чтобы увеличилось число педагоговъ въ частныхъ и общественныхъ воспитательныхъ заведеніяхъ. Между нѣсколькими отличными наставниками и учителями изъ чужихъ странъ, получили прежде и очень много посредственныхъ и даже негодныхъ; а теперь никакихъ не стало—ни своихъ ни чужихъ. Университетъ увлекъ меня. Новѣйшія событія такъ устрашили правительства, что они приписываютъ всю вину германскимъ университетамъ и, вмѣсто улучшенія университетовъ, думаютъ болѣе, какъ ограничить кругъ ихъ дѣйствій или какъ ихъ совершенно отмѣнить. Это будетъ все равно, что запретить употребленіе огня, потому что онъ горитъ и освѣщаетъ.

Изъ Харькова поворотили въ сторону отъ почтовой дороги, ведущей въ Полтаву, и поѣхали на Ахтырку, на Гадячъ и Нѣжинъ. Почва земли все та же черноземная, произрастающая до сего времени безъ всякаго удобренія. Во многихъ мѣстахъ видѣлъ я значительные селитренные заводы, для коихъ употребляютъ навозъ и землю: въ нѣсколько рядовъ стоятъ правильно наброшенныя большія кучи, наподобіе землянокъ въ лагерномъ расположеніи; они составлены изъ слоевъ земли и навоза, какъ обыкновенно въ раціональномъ хозяйствѣ составляютъ компотъ для унавоживанія полей; эти кучи поливаются водою, и когда масса земли и навоза приходитъ въ броженіе, то изъ этой массы и смѣси вывариваетсяселитра. Вмѣсто дровъ употребляютъ на топливо навозъ и солому или кизякъ.—Въ Черниговской губерніи видѣлъ большія поля, засаженныя табакомъ, какъ въ сѣверныхъ губерніяхъ такія же пространства засаживаются картофелемъ.—Городъ Нѣжинъ примѣчателенъ своими жителями, которые большею частью все греки; торговля довольно значительна; городъ имѣетъ лицей, основанный княземъ Безбородко и вообще есть лучшій городъ во всей губерніи. Черниговъ примѣчателенъ своею древностью и бѣдностью. При въѣздѣ въ городъ видите на возвышеніи большое каменное зданіе безъ оконницъ, съ развалившеюся желѣзною крышею, съ большою надписью изъ вызолоченныхъ буквъ: «домъ генералъ-губернатора».—Сначала жилъ въ немъ князь Рѣпнинъ, переѣхалъ потомъ въ Полтаву, а преемники его должности стали жить постоянно въ Харьковѣ, гдѣ общественная жизнь предлагаетъ больше удобствъ и развлеченій. Не знаю, почему забросили генералъ-губернаторскій домъ въ Черниговѣ; стѣны каменныя, плотныя, пригодились бы для помѣщенія больницы или учебнаго заведенія или запаснаго магазина. Городъ на славной судоходной рѣкѣ Деснѣ, но я не видѣлъ тамъ ни единаго судна или катера. Дома деревянные, ветхіе, представляютъ видъ разоренія. Въ соборѣ видѣлъ царскія врата предъ алтаремъ, изъ чистаго серебра, подарокъ Мазепы; тамъ же въ подземномъ сводѣ видѣлъ я мощи святого и былъ пораженъ величиною гигантской руки его. Церковный служитель замѣтилъ, что нынѣ мало усердныхъ поклонниковъ св. мощей приходятъ къ нимъ,

особенно съ тѣхъ поръ, какъ стали странствовать преимущественно въ Воронежъ къ гробу Митрофанія. Всему своя пора и свое назначеніе.

Переправившись чрезъ Днѣпръ, мы въѣхали въ Бѣлоруссію. Могилевъ довольно значительный городъ, хотя населеніе уменьшилось съ тѣхъ поръ, когда здѣсь расположена была главная квартира 1-ой арміи; воспоминаніемъ того времени остались большой экзерциргаузъ и просторная больница.—На Деснѣ же находится мѣстечко Гомель, гдѣ на возвышенномъ берегу достраивался дворецъ князя Паскевича; жители окрестностей были недовольны управителями новаго владѣльца и вспоминали былое время, когда они принадлежали графу Румянцеву. Паскевичъ купилъ это огромное имѣніе, заложенное въ казну; чрезъ нѣсколько лѣтъ Николай I подарилъ ему весь долгъ въ кредитныя учрежденія, и этимъ значительно обогатилъ безъ того уже богатаго отъ подарковъ маіоратами и деньгами. Безъ сомнѣнія, слѣдуетъ награждать заслуги, оказанныя отечеству, но на все есть мѣра.— Одинъ день провелъ я въ Чечерскѣ, въ любимомъ мѣстѣ пребыванія гр. Чернышевой: всѣ зданія въ полуразрушенномъ видѣ, паркъ въ безпорядкѣ, видно, что новый владѣлецъ рѣдко сюда заглядывалъ, да онъ и не могъ имѣть привязанности къ этому мѣсту, чуждому ему по рожденію. Маіоратъ достался полковнику Кругликову, который женился на старшей наслѣдницѣ, а прямой единственный наслѣдникъ, родной братъ ея, графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, былъ лишенъ всѣхъ правъ и сосланъ въ Сибирь послѣ 14-го декабря. Въ Чечерскѣ только башня надъ воротами съ большими часами содержана была въ порядкѣ, часы шли и звонили и напоминали путешественнику, что время все уноситъ, унесетъ и учрежденіе маіоратовъ или заповѣдныхъ имѣній. Пространная оранжерея красовалась плодами; садовникъ разсказалъ мнѣ, что графиня пила чай не иначе, какъ съ собственными лимонами, которые были зрѣлѣе и ароматнѣе привозныхъ. За нѣсколько рублей купилъ я полную корзину персиковъ и абрикосовъ и получилъ въ подарокъ отличный букетъ цвѣтовъ. Необитаемый домъ, необитаемое помѣстье всегда приводятъ къ печальнымъ размышленіямъ. Да правда и то, что вся Бѣлоруссія невольную наводитъ тоску: направо — бѣдность, налѣво — бѣдность, крестьяне изнурены, храмы Божіи и въ праздникъ были пусты, въ то время уніаты снова возвращены были въ православіе, и хотя не понимали прежде латинской обѣдни, но привязаны были къ ней по привычкѣ. Жители большею частью имѣли видъ больной и недовольный; поля ихъ были такія же тощія, какъ и стада ихъ. Въ бывшемъ имѣніи Сапѣги видны слѣды моста или деревянной бревенчатой мостовой, въ длину на семь верстъ; съ тѣхъ поръ какъ имѣніе въ рукахъ нѣсколькихъ помѣщиковъ, никто изъ нихъ или не хочетъ, или не въ силахъ поддерживать такую дорогу по болоту, и не понимаю, какъ тамъ проѣзжаютъ весною и осенью. Мы ѣхали лѣтомъ и въ разрушенныхъ мѣстахъ сворачивали въ сторону.

Уѣздные города и мѣстечки видомъ не лучше и не богаче деревень, но еще грязнѣе отъ жидовъ. Безспорно, жиды своими процентами и широкимъ кредитомъ разорили помѣщиковъ и крестьянъ, а какъ теперь уже болѣе некого разорять, какъ имъ запрещено держать шинки и постоялые дворы на арендѣ, то и сами стали нуждаться.—Шкловъ встарину знаменитъ былъ своимъ богатствомъ, когда Екатерина II подарила это мѣстечко любимцу своему Зоричу; нынѣ это мѣстечко самое бѣдное и ничтожное. Вообще Витебская губернія немногимъ лучше Могилевской,

только губернскій городъ обширнѣе, строенія гораздо лучше, улицы хорошо вымощены, и Двина тамъ болѣе покрыта судами, нежели Днѣпръ у Могилева. — Въ Полоцкъ пріѣхалъ я нѣсколько дней послѣ бывшаго тамъ пожара, который уничтожилъ самую бѣдную, худо застроенную часть города. Двадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я съ полкомъ стоялъ въ этомъ городѣ. Католическая церковь между тѣмъ переименована была въ греко-россійскую; на томъ мѣстѣ, гдѣ стояли строенія іезуитскаго учебнаго заведенія, теперь находится полоцкій кадетскій корпусъ съ обширнымъ, хорошо содержаннымъ плацпараднымъ мѣстомъ. Въ коридорной стѣнѣ видно ядро полевого орудія, до половины вошедшее въ стѣну, выше ядра вставлено число 1812. Тогда Витгенштейнъ прогналъ оттуда французовъ. Старшій братъ мой Владиміръ, участвовавшій въ сраженіяхъ подъ Полоцкомъ и громившій тамъ изъ своихъ пушекъ, находился въ очень опасной позиціи противъ непріятельской батареи, и далъ себѣ слово, если война оставитъ его въ живыхъ, непремѣнно отыскать это мѣсто и на немъ благодарить Бога. Чрезъ девять лѣтъ онъ поѣхалъ въ Полоцкъ исполнить данное слово, долго искалъ этого мѣста и все тщетно: дорога была проведена по другому направленію, лѣсокъ и кустарникъ были вырублены, новыя строенія стояли на новыхъ мѣстахъ, и никакъ не могъ навѣрно опредѣлить мѣсто, на коемъ стояли его орудія. И я нашелъ перемѣны въ городѣ и окрестностяхъ, какъ иначе и быть не можетъ, только Двина по-прежнему извивалась и носила барки съ хлѣбомъ въ Ригу.

Земледѣльцы, за исключеніемъ нѣсколькихъ крестьянъ—богатыхъ, добрыхъ владѣльцевъ и небольшого числа однодворцевъ,—борятся съ нуждою и съ песчаною неблагодарною почвою. Нарѣчіе у нихъ особенное, бѣлорусское, и хотя этотъ край, встарину русскій, присоединенъ былъ опять къ Россіи по первому раздѣлу Польши въ 1772 году, но въ этотъ длинный промежутокъ времени жители нисколько не подвинулись впередъ въ благоустройствѣ, и повсемѣстно выказывается крайняя бѣдность. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ пронеслись у нихъ ложные слухи, будто правительство дозволяетъ крестьянамъ помѣщичьимъ переселиться въ Сибирь и на Кавказъ, и многія тысячи бѣднаго народа поднялись въ дорогу. Тогда нѣсколько баталіоновъ разувѣрили ихъ и обратили во-свояси. Католическое духовенство никакого не имѣло полезнаго вліянія на паству свою, напротивъ того, поддерживало народъ въ невѣжествѣ и въ суевѣріи. Увидимъ плоды отъ православнаго духовенства. Въ жителяхъ Бѣлоруссіи никакой нѣтъ живости, нѣтъ торговой промышленности, нѣтъ тщательнаго земледѣлія; тамъ безпрестанные неурожаи, безпрерывный голодъ; правда, что почва у нихъ не завидная, но такая же въ смежныхъ губерніяхъ вознаграждаетъ трудъ земледѣльца. Кажется, какъ будто они земли своей не любятъ или что у нихъ нѣтъ охоты трудиться дома, между тѣмъ какъ я не знаю землекоповъ лучше бѣлорусскихъ: они отличные канавщики, работаютъ дешево и скоро, отправляются на заработки въ Петербургъ, въ прибалтійскія губерніи, мастерски обкладываютъ земляныя насыпи дерномъ, а у нихъ въ губерніи не видѣлъ ни одной порядочной канавы. Мнѣ случалось останавливаться у однодворцевъ, шляхтичей, бѣднѣйшихъ дворянъ, занимающихся лично всѣми деревенскими работами; дома ихъ построены лучше крестьянскихъ, и если они не живутъ въ довольствѣ, то, по крайней мѣрѣ, опрятно, не хуже мелкопомѣстныхъ дворянъ великорусскихъ, имѣющихъ не болѣе трехъ или пяти душъ, не работающихъ сами, и скудно питающихся трудами своихъ

крѣпостныхъ рабочихъ. Однодворцы были довольны своею землею, своимъ бытомъ, но жаловались только на частый и безочередный наборъ рекрутъ изъ ихъ сословія, которое и безъ усиленнаго рекрутства современемъ изведется само собою и сольется съ народомъ.

Съ переѣздомъ въ Псковскую губернію видны села гораздо обширнѣе и дома гораздо лучше устроенные, чѣмъ въ Бѣлоруссіи. Большія пространства полей засѣяны льномъ, что составляетъ главное произведеніе края и всегда находитъ сбытъ въ Ригѣ. На сотню верстъ не видать мѣстности, которая отличалась бы какимъ нибудь привлекающимъ видомъ. Я ѣхалъ на Опочку. Равнина, песокъ, болото, изведенный лѣсъ, кустарникъ смѣнялись по очереди. Въ хорошую и въ худую погоду такія мѣста наводятъ тоску на путешественника, особенно когда онъ не несется быстро на почтовыхъ по 200 верстъ въ сутки, а на своихъ—по 60-ти. Лѣсъ всегда составляетъ красоту, гдѣ онъ сбереженъ и доставляетъ матеріалъ строевой, но изведенный лѣсъ, мелкій кустарникъ показываютъ разореніе и небреженіе. По такой мѣстности ѣхали мы нѣсколько часовъ сряду и невольно жаловались на печальную природу. Вдругъ налѣво, вдали за кустарниками, показался стеклянный куполъ подъ зеленою крышею; отъѣхавъ полверсты, могли примѣтить плоскую крышу, потомъ показались верхній и нижній ряды оконъ, а когда выѣхали изъ кустарника, мы ахнули отъ удовольствія. Домъ красивый въ итальянскомъ вкусѣ, съ плоскою крышею, по коей прохаживались двѣ дамы; отъ большой дороги къ дому вела терраса въ три отступа, въ нѣсколькихъ мѣстахъ были придѣланы широкія лѣстницы или ступени, выкрашенныя подъ бѣлый и подъ дикій мраморъ; бѣлизна лѣстницы и зелень свѣжаго дерна украшали себя взаимно; въ разныхъ направленіяхъ стояли невысокія колонны подъ разноцвѣтный мраморъ, а на колоннахъ большія корзины съ цвѣтами. Тутъ все было искусство—и домъ, и садъ, и насыпныя террасы.—Чье это помѣстье?—спросилъ я у перваго попавшагося навстрѣчу крестьянина.—«Гарайской барыни»—А какъ по фамиліи?—«Не знаю».—Мнѣ оставалось ѣхать двѣ версты до ночлега, гдѣ узналъ, что владѣлица была Марья Ивановна Лореръ, урожденная Корсакова. Деверь ея Н. И. Лореръ провелъ много лѣтъ со мною въ Читѣ, въ Петровскомъ и въ Курганѣ; Е. П. Нарышкина была ея племянница, и какъ жена моя познакомилась съ нею еще въ Петербургѣ, то я тотчасъ поѣхалъ туда. Сперва искалъ хозяйку въ саду; наслаждался порядкомъ, цвѣтниками, плодами; зашелъ въ оранжерею, гдѣ садовникъ объявилъ, что она только что воротилась въ домъ. Умная, образованная женщина, приняла меня чрезвычайно ласково и пріятно; бесѣда была занимательна. Все устройство въ домѣ былъ комфортъ образцовый; домъ и садъ свидѣтельствовали, что хозяйка долго жила въ Италіи. Вечеромъ, когда простился съ нею, мнѣ стало грустно за нее. Она жила въ этомъ домѣ, давно уже лишилась мужа, дѣтей не имѣла, воспитанницу выдала замужъ и осталась одна-одинешенька; не было родной души, съ кѣмъ раздѣлить, что Богъ послалъ; наслѣдниковъ много, ожидающихъ наслѣдства, а никого нѣтъ, кто утѣшилъ и успокоилъ бы ея старость. Гарай показываетъ, какъ вкусъ и искусство превращаетъ самую плоскую мѣстность и болото въ мѣстность пріятную и красивую. Хоть на маломъ пространствѣ глазъ отдохнулъ отъ видовъ пустынныхъ, однообразныхъ.

На другой день пріѣхали въ городъ Островъ, застроенный хорошими каменными и деревянными домами, съ правильными фасадами и съ вымощенными улицами. Лѣтъ 20 прошло съ тѣхъ поръ, какъ былъ въ Островѣ, и теперь узнать не могъ: причиною

скорой перемѣны къ лучшему было проложеніе новаго шоссе ковенскаго, доставившаго городу различныя выгоды отъ удобнаго сообщенія. Шоссейныя работы хороши и прочны; за Островомъ шоссе проведено чрезъ болото. Недалеко отъ города видѣлъ я первый телеграфъ въ Россіи,—телеграфное сообщеніе устроено отъ Петербурга до Варшавы: четыре кантониста охотно показали мнѣ свою опрятную казарму съ хорошими кроватями. Особенный служитель готовилъ имъ пищу, а они дежурили по часамъ по очереди и передавали съ башенки сигналы, днемъ ворочая большой указатель по нумерованному кругу, а ночью выставляли фонари. Въ совершенно туманную, ненастную погоду безмолвствуетъ телеграфъ. Надъ казармою въ верхнемъ этажѣ чистая комната меблированная, а надъ нею обсерваторія съ машиною, куда никого не пускаютъ изъ постороннихъ. Не прошло десяти лѣтъ отъ учрежденія этой телеграфической линіи, какъ начали вводить электро-магнитные телеграфы, которые обходятся гораздо дешевле и дѣйствуютъ гораздо быстрѣе и вѣрнѣе. Подъѣзжая къ Пскову, мы ѣхали по новому шоссе, лошадей надобно было держать безпрестанно на вожжахъ: дорога такъ была хороша и легка, что экипажъ катился самъ собою; но странно, чѣмъ ближе подвигались къ городу, тѣмъ болѣе городъ удалялся въ сторону; загадка скоро объяснилась. Шоссе ведетъ не чрезъ Псковъ,—это сдѣлано не для прямого направленія, не изъ бережливости казенныхъ денегъ, не для сокращенія разстоянія, потому что отъ станціи «Крестцы» подъ прямымъ угломъ проложено прямо на Псковъ такое же широкое славное шоссе на шесть верстъ. «За что же губернскій городъ оставленъ въ сторонѣ?»—спросилъ Николая одинъ изъ его приближенныхъ.—«Ты этого не знаешь, про то мы знаемъ!» былъ отвѣтъ.

Псковъ примѣчательно богатъ исторіей своей и воспоминаніями. Еще стоятъ толстыя стѣны кремля, древнія церкви, изъ которыхъ послѣ молитвы народъ дружно собрался, и одинъ, безъ помощи старшаго брата Новгорода, защищался противъ Стефана Баторія, безъ помощи со стороны Іоанна Грознаго, которому онъ покорился безъ боя. Карамзинъ въ приложеніи къ своей исторіи упоминаетъ лѣтопись, описавшую съ величественною простотою, какъ царскій посолъ Долматовъ долго сидѣлъ на паперти и долго ждалъ отвѣта отъ собраннаго вѣча, и какъ люди вольные, окончивъ свое совѣщаніе и не нашедъ возможности сопротивляться, съ прерывающимся отъ слезъ голосомъ возвѣстили послу, что покоряются. Новгородъ и Псковъ, встарину знаменитые, ожидаютъ еще полной исторіи своей; вѣрные источники ея хранятся въ архивахъ русскихъ и всѣхъ ганзейскихъ городовъ. Теперь эти города съ прежнимъ Волховомъ и съ прежнею Великою, съ тою же землею, съ тѣмъ же климатомъ начинаютъ походить на разоренныя мѣстечки... Въ Псковѣ остановился я въ большомъ постояломъ дворѣ, занялъ хорошія комнаты, но экипажи и кони стояли въ крытомъ дворѣ, который легко помѣстилъ бы до трехсотъ лошадей, но крыша сквозила, не защищала ни отъ солнца, ни отъ дождя; спросилъ хозяина, почему онъ не поддерживаетъ такихъ построекъ. «Не стоитъ труда, не для кого. Бывало обозы и проѣзжающіе безпрестанно останавливаются у насъ, а теперь все мимо; по цѣлымъ недѣлямъ не видать никого».—При въѣздѣ въ городъ построены огромныя казармы для гренадерской дивизіи. Я объѣхалъ городъ, зашелъ въ соборъ, гдѣ церковный служитель показалъ мнѣ хранящіеся тамъ мечи Гавріила и Довмонта съ надписью: honorem meum nemini dabo, которые я уже видѣлъ въ 1822 году. Мало нынѣ такихъ

мечей и такихъ могучихъ рукъ, которыя могли бы владѣть ими; зато теперь удачный залпъ изъ орудій, расчитанное движеніе колоннъ скорѣе и съ меньшимъ кровопролитіемъ рѣшаютъ дѣло въ нѣсколько дней, въ нѣсколько часовъ.

Въ Псковѣ навѣстилъ я мать моего достойнѣйшаго любви и уваженія товарища М. А. Назимова. Старушка почтенная была разбита параличемъ, лежала въ кровати, и когда я подошелъ къ ней, чтобы поцѣловать ручку, то она обняла мою голову, склонила ее къ сердцу, заплакала и сказала:—«такъ ты съ моимъ сыномъ жилъ въ Сибири!»и благословила меня. Я готовъ былъ возвратиться въ Грузію, если бы могъ этимъ выручить товарища и возвратить его матери. Сынъ отличался нѣсколько разъ, поименованъ былъ въ военныхъ реляціяхъ, наконецъ получилъ отставку и вернулся на родину чрезъ три года; но уже матери на засталъ... Изъ Пскова поѣхали прямою дорогою на Гдовъ и Нарву. Первый ночлегъ имѣли въ монастырѣ Елизарія, расположенномъ весьма романтическимъ образомъ: высокіе холмы, рѣчка, сосновыя рощи, строенія, церковь, кладбище, все вмѣстѣ составляло премилую картину. Настоятель принялъ насъ гостепріимно. На слѣдующій день имѣли въ виду огромное зеркало Псковскаго озера, теряющагося вдали съ водами озера Чудскаго. Поздно вечеромъ пришлось ѣхать по Сороковому бору, о которомъ столько же преданій о разбойникахъ, сколько встарину бывало о нихъ въ лѣсахъ Муромскихъ. Во время нашего проѣзда въ самомъ дѣлѣ слѣдили за шайкою бѣглыхъ, грабившихъ въ богатыхъ селеніяхъ; мы проѣхали благополучно, все шагомъ, все по пескамъ.—Въ Гдовѣ помѣстили насъ въ залѣ дворянскаго собранія, въ предлинной залѣ, сколоченной изъ досокъ, обитыхъ обоями, съ высокимъ диваномъ во всю ширину залы для почетныхъ дамъ; кое-какъ размѣстились. Близъ города, на другой день, ожидала меня большая радость.

Въ шести верстахъ отъ Гдова находится Кярово, село графини А. И. Коновницыной; дочь ея Е. П. Нарышкина въ то время гостила у матери. Я пріѣхалъ къ нимъ поутру въ пятницу, въ день недѣльный, въ который всегда въ Курганѣ навѣщалъ ее по приходѣ почты. Можно себѣ представить нашу радость свиданія. Графиня жалѣла и бранила, почему не пріѣхалъ прямо къ ней со всѣмъ семействомъ; она уже давно знала жену мою и старшаго сына. Я обѣщалъ это поправить на другой день проѣздомъ и могъ извиниться болѣзнью сына моего Василья. Мнѣ пріятно было быть въ Кяровѣ, гдѣ изрѣдка отдыхалъ отъ трудовъ славный, прямой и смѣлый графъ Петръ Петровичъ Коновницынъ. Въ церкви поклонился я праху его; надъ могилою стоялъ бронзовый его бюстъ. Въ саду видѣлъ множество яблонь, взращенныхъ имъ и супругою изъ зеренъ; всѣ деревья эти покрыты были плодами; на небольшомъ возвышеніи графъ воздвигнулъ памятникъ другу и сослуживцу. Коновницынъ прославился въ Отечественной войнѣ, проходилъ всѣ чины, былъ военнымъ министромъ, а подъ конецъ жизни былъ директоромъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній; но что всего важнѣе—онъ всегда былъ совершенно честный и благонамѣренный патріотъ. Мѣстность вокругъ Гдова самая жалкая и печальная; не будь тамъ хорошо воздѣланныхъ полей, садовъ и плодовъ, я подумалъ бы, что это мѣсто не можетъ быть обитаемо. Эта мысль моя встрѣтилась съ мыслью Нарышкиной, и мы почти въ одно слово выговорили, что такая природа обрѣтается только въ плоскихъ мѣстностяхъ западной Сибири. Впрочемъ, не всегда мѣстность сама по себѣ составляетъ единственную красоту; стройте,

сажайте, осушайте болота хорошими канавами, удобряйте поля, заводите хорошія стада, и окрестности Гдова поровняются съ равнинами Бельгіи.—На другой день заѣхалъ опять въ Кярово со всѣмъ семействомъ; тамъ простились съ Нарышкиной, которая чрезъ недѣлю собиралась ѣхать обратно на Кавказъ къ мужу; я всегда искренно жалѣлъ, что не могъ жить опять въ ихъ сосѣдствѣ, какъ въ Курганѣ.

Поздно вечеромъ пріѣхали въ Нарву и остановились на ночлегъ на Ивановской сторонѣ. У хозяевъ разспрашивалъ о прежнихъ мнѣ знакомыхъ жителяхъ; большая часть изъ нихъ или переселились въ вѣчность или въ другіе города. Съ удовольствіемъ узналъ я, что одинъ изъ прежнихъ моихъ учителей, г-нъ Паулъ, еще здравствуетъ. Поутру въ седьмомъ часу поѣхалъ къ нему до начатія классовъ, а кучеру приказалъосмотрѣть тормазъ, чтобы безопасно спуститься съ крутой горы. Предосторожность была напрасная; спускъ прежній былъ такъ срытъ и уравненъ, что можно было съѣхать рысью. Вмѣсто прежняго плавучаго моста черезъ Нарову, увидѣлъ отличный каменный мостъ на аркахъ съ чугунными украшеніями. Городъ и дома въ немъ не измѣнились. У прежней квартиры знакомаго учителя постучался въ дверь, ее отперла старушка Анна, которая служила у г-жи Гетте, гдѣ я былъ въ пансіонѣ, и три года сряду будила меня каждое утро въ шесть часовъ, чтобы не опоздать въ классы. Вошедъ въ комнату, увидѣлъ за кофейнымъ столомъ дѣвицу лѣтъ четырнадцати, живой портретъ покойной матери своей, а отецъ сидѣлъ на томъ самомъ стулѣ, у того же окна, съ тою же трубкою и съ тѣмъ же лицомъ, какъ прежде видалъ его за двадцать пять лѣтъ назадъ. Мы оба обрадовались свиданію, а я восхищался, что онъ нисколько не перемѣнился.—Я двѣнадцать лѣтъ даю уроки, и чувствую, какъ они, а особенно повторенія, изводятъ и иступляютъ человѣка; онъ сорокъ лѣтъ преподавалъ и повторялъ одно и то же и совершенно сохранилъ свою бодрость и свѣжесть. — Отъ него поспѣшилъ въ училище, гдѣ нашелъ прежнюю скамейку и столъ, на которомъ вырѣзаны были знакомыя мнѣ имена. Ученики вмѣсто семи часовъ собирались теперь въ восемь. Изъ училища пошелъ въ церковь и тамъ помолился такъ же чистосердечно, какъ въ юности. По выходѣ изъ церкви часы на башнѣ ратуши пробили 8; изъ русской церкви раздался благовѣстъ, и эти знакомые звуки тронули меня больше, чѣмъ звонъ Бріенскаго колокола ласкалъ слухъ Наполеона I.—Я былъ уже на родинѣ! Но во время моего отсутствія городъ причисленъ былъ къ петербургской губерніи, а пограничный столбъ передвинутъ за шесть верстъ отъ береговъ Наровы до берега Черной рѣчки, куда проложено шоссе. Выѣздъ изъ города велъ также по новому направленію: прежде надобно было ѣхать чрезъ весь городъ, а нынѣ прямо чрезъ Петровскія ворота, не въѣзжая въ городъ. Дождь накрапывалъ порядкомъ. Какъ только проѣхали Черную рѣчку, остановились и вышли изъ экипажей. Дождь пересталъ, облака исчезли, солнце просіяло; жена и дѣти меня обнимали со слезами радости; всѣ мы благодарили Бога, а младшій сынъ мой Владиміръ, по наущенію матери, серьозно и важно продекламировалъ стихи Жуковскаго: «О, родина святая!»—

Некрологъ товарищей,

умершихъ въ изгнаніи, убитыхъ на Кавказѣ, скончавшихся по возвращеніи на родину.

Годъ.	Мѣсяцъ и число	Имя и прозвище.	Мѣсто кончины.
1826	Іюля 13	П. И. Пестель.	
—	—	К. Ф. Рылѣевъ.	на валу Кронверкской курт. Петропавловской крѣпости въ С. Петербургѣ.
—	—	С. И. Муравьевъ-Апостолъ.	
—	—	М. П. Бестужевъ-Рюминъ.	
—	—	П. А. Каховскій.	
1832	Апр. 15	Н. П. Рѣпинъ.	сгорѣли въ Верхоленскѣ.
—	—	Андреевъ.	
—	Дек. 25	А. С. Пестовъ.	въ Петровской тюрьмѣ.
1834		Заикинъ.	
		Враницкій.	въ Туринскѣ.
		Веденяпинъ.	
1834		Ф. М. Шаховской.	во Владикавк. отъ холеры.
1836		П. П. Коновницынъ.	убитъ на мысѣ Адлеръ Чернаго моря.
		А. А. Бестужевъ 2.	въ Тимурханъ-Шурѣ.
		А. О. Корниловичъ.	въ Эксп. изрубл. на оруд.
1837		Берстель.	въ Верхне-Удинск. окр.
1838		И. Ф. Шимковъ.	въ Оекѣ Иркутск. губ.
1839		П. В. Абрамовъ.	на Кавказѣ.
1839		Дивовъ.	на Кавказѣ на берегу Чернаго моря.
1840		А. И. Одоевскій.	въ Верхне-Удинскѣ.
—		Я. М. Андреевичъ.	въ сраженіи на Валерикѣ на Кавказѣ.
		В. Н. Лихаревъ.	
—	Дек. 28	В. П. Ивашевъ.	въ Туринскѣ.
1841		С. Г. Краснокутскій.	въ Тобольскѣ.
1842		И. Ф. Фохтъ.	въ Курганѣ.
1843	Апр. 28	Н. М. Муравьевъ 1.	въ Урикѣ бл. Иркутска.
—		П. Д. Мазганъ.	на Кавказѣ.
1844	Янв. 7	Ф. Ф. Вадковскій.	въ Оекѣ бл. Иркутска.
—	— 10	А. П. Юшневскій.	въ Разводной бл. Иркутска.
—	Авг. 19	А. И. Барятинскій.	въ Тобольскѣ.
1845	Мая 10	И. С. Повало-Швейковскій.	въ Курганѣ.
	Янв. 27	А. В. Ентальцевъ.	въ Ялтуровскѣ.
—	Сент. 10	А. И. Якубовичъ.	въ Енисейскѣ.
—	Нояб. 5	А. З. Муравьевъ.	въ Разводной бл. Иркутска.
—	Дек. 8	М. С. Лунинъ.	въ Акатуѣ.
1846	Авг. 11	В. К. Кюхельбекеръ 1.	въ Тобольскѣ.
1848	Янв. 8	О. В. Поджіо 1.	въ Урикѣ бл. Иркутска.
—		И. И. Ивановъ.	въ Каменкѣ на Ангорѣ.
—		Чижовъ.	
1849	Окт. 23	М. Ф. Митьковъ.	въ Красноярскѣ.

Годъ.	Мѣсяцъ и число.	Имя и прозвище.	Мѣсто кончины.
1850	Янв. 14	Н. А. Пановъ.	въ Урикѣ бл. Иркутска.
1851		К. П. Торсонъ.	въ Селенгинскѣ.
—		М. Н. Глѣбовъ.	въ Кабанк. за Байкал.
—		П. Ф. Громницкій.	въ Черемоховѣ бл. Иркутска.
1853	Нояб. 24	А. М. Муравьевъ 2.	въ Тобольскѣ.
1854	Февр. 12	П. А. Мухановъ.	въ Иркутскѣ.
—	Апр. 30	М. А. Фонвизинъ.	въ Марьинѣ бл. Броницъ Моск. губ.
—	Мая 30	Н. А. Крюковъ 2.	въ Минусинскѣ.
—	Сент. 30	П. И. Борисовъ 2.	въ Разводной бл. Иркутска
—	—	А. И. Борисовъ 1.	(оба брата въ одинъ день.)
—	Дек. 21	М. М. Спиридовъ.	въ селѣ Дрокино бл. Красноярска.
—	— 24	Ф. Б. Вольфъ.	въ Тобольскѣ.
—	—	В. С. Норовъ.	въ Ревелѣ.
1855	Мая 14	Н. А. Бестужевъ 1.	въ Селенгинскѣ.
	Окт.	В. Л. Давыдовъ.	въ Красноярскѣ.
		А. И. Черкасовъ.	по возвращ. на родину.
1856	Янв.	А. И. Тютчевъ.	въ Минусинскѣ.
—	—	И. Б. Аврамовъ.	убиты у себя на дому въ Туру-
—	—	Лисовскій.	ханскѣ до манифеста 1856.
		Поливановъ.	
		Фурманъ.	
		Шахиревъ.	
		Выгодовскій.	
		Лаппа.	
		Вишневскій.	
		Бодиско 2.	
		Люблинскій.	
		В. С. Толстой.	
		Булгари.	
		Мозгалевскій.	
		Оржицкій.	
		Кожевниковъ.	на Кавказѣ.
		Мусинъ-Пушкинъ.	
		Граббе-Горскій.	въ Тарѣ.
1857		П. А. Бестужевъ 4.	въ Петербургѣ.
—	Авг. 11	И. Д. Якушкинъ.	въ Москвѣ.
1858	—	В. К. Тизенгаузенъ.	въ Нарвѣ.
1859	Апр. 3	И. И. Пущинъ.	въ селѣ Марьино бл. Броницъ.
1859	Іюля 27	А. Ф. фонъ-деръ-Бриггенъ.	въ Петергофѣ.
		Д. А. Щепинъ-Ростовскій.	въ Ярославской губ.
		Ф. М. Башмаковъ.	въ Тобольскѣ.
		М. К. Кюхельбекеръ 2.	въ Баргузинѣ.
		В. А. Бечасновъ.	въ Смоленщинѣ близъ Иркутска.
		В. М. Голицынъ.	въ С.-Петербургѣ.
1860		А. И. Вегелинъ.	въ Одессѣ.

Годъ.	Мѣсяцъ и число.	Имя и прозвище.*	Мѣсто кончины.
—	Нояб. 22	С. П. Трубецкой.	въ Москвѣ.
1861		Н. В. Басаргинъ.	во Владимірской губ.
1862		З. Г. Чернышевъ.	въ Римѣ.
1863	Янв. 2	М. М. Нарышкинъ.	въ Москвѣ (въ Донскомъ монаст.)
—	Окт. 29	Г. С. Батенковъ.	въ Калугѣ.
—	Дек. 18	А. Н. Муравьевъ.	въ Москвѣ.
1864	Мая 3	С. И. Кривцовъ.	въ Орлѣ.
1865	Февр. 13	П. С. Бобрищевъ-Пушкинъ 2.	въ Москвѣ (Ваганьковское кладб.)
—	— 26	Е. П. Оболенскій.	въ Калугѣ.
—	Нояб. 28	С. Г. Волконскій.	въ селѣ Воронкахъ Черниговской губ.
—		П. П. Бѣляевъ 2.	
1866	Іюня 21	И. В. Кирѣевъ.	въ Тулѣ.
—		Н. Р. Цебриковъ.	въ Петербургѣ.
		А. А. Арбузовъ.	
		В. И. Штейнгель.	въ Петербургѣ.
		К. Е. Игельстромъ.	въ Таганрогѣ.
		В. Н. Соловьевъ.	
		М. И. Кукевичъ.	
		Мазалевскій.	
1869		В. П. Колесниковъ.	
	Февр. 20	И. И. Горбачевскій.	въ Петровскомъ за Байкаломъ.
—	Мая 25	М. И. Пущинъ 2.	въ Бобруйскѣ.

Некрологъ женъ,

слѣдовавшихъ за мужьями въ заточеніе и изгнаніе, погребенныхъ въ Сибири, умершихъ по возвращеніи на родину.

Годъ.	Мѣсяцъ и число.	Имя и прозвище.	Мѣсто кончины.
1833	Нояб. 22	Александра Григорьевна Муравьева.	въ Петровск. за Байкаломъ.
1839	Дек. 30	Камилла Петровна Ивашева.	въ Туринскѣ.
1854	Окт. 14	Катерина Ивановна Трубецкая.	въ Иркутскѣ.
1858		Александра Васильевна Ентальцева.	въ Москвѣ.
1863		Марія Николаевна Волконская.	въ Москвѣ.
—		Марія Казимировна Юшневская.	въ Кіевѣ.
1867	Дек. 11	Елизавета Петровна Нарышкина.	въ Гарѣ, Псковской губерніи.
1869	Окт. 10	Наталія Дмитріевна Пущина, бывшая вдова М. А. Фонвизина.	въ Москвѣ (въ Покровскомъ монастырѣ).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Глава семнадцатая.

Краткій очеркъ исторіи моей родины.

Источники историческіе. — Меченосцы. — Покореніе страны. — Основаніе городовъ и замковъ. — Плеттенбергъ. — Казнь Икскуля. — Вторженіе русскихъ. — Осада Ревеля. — Эстляндія признаетъ власть Швеціи, когда Лифляндія и Курляндія покорились власти Польши. — Конфискованіе дворянскихъ помѣстій при Карлѣ XI.—Паткуль.—Ревель сдается на капитуляцію Петру Великому.— Улучшеніе быта крестьянъ.—Освобожденіе крестьянъ.—Дѣйствія дворянъ.—Исправленіе ошибки.— Быстрое развитіе.—Привилегіи.

— „Любовь моя къ тебѣ спокойна и проста,
Хоть одинаково твоя безповоротно,
Не знаютъ вовсе льстивыхъ словъ ея уста,
И въ изліянія вступаютъ неохотно.
Но если жизнь моя нужна — она твоя;
Мой трудъ — и онъ принадлежитъ тебѣ всецѣло.
И только мысль моя одна вполнѣ моя,
Одна дороже мнѣ, чѣмъ кровь моя и тѣло!..“

М.

Эстляндія граничитъ къ западу Варяжскимъ или Балтійскимъ моремъ, къ востоку—Чудскимъ озеромъ или Пейпусомъ. Отъ Пскова до Нарвы обхватила ее Россія,—не для того, чтобы мощною дланью опустошить или задавить ее, но чтобы утвердить права ея гражданскія и допустить освобожденіе коренныхъ жителей-туземцевъ отъ ига крѣпостного состоянія, между тѣмъ какъ Россія сама еще не пользовалась такими правами и терпѣла у себя крѣпостную зависимость крестьянъ.

Эстляндія не можетъ хвалиться хорошимъ климатомъ, она не имѣетъ почвы плодородной. Но, несмотря на болота и на землю съ пескомъ, щебнемъ, булыжникомъ, плитнякомъ, она столько произрастаетъ хлѣба, что встарину могла имъ надѣлить города ганзейскіе, а нынѣ отпускаетъ его въ Петербургъ и за границу.

Древнѣйшія времена Эстляндіи задернуты непроницаемою завѣсою, скрывающею отъ всѣхъ насъ истинное начало каждаго возрождающагося государства. Въ первомъ столѣтіи христіанскаго лѣтосчисленія неутомимый путешественникъ и естествоиспытатель Страбонъ не коснулся сѣверо-восточныхъ странъ Европы; онъ по наслышкѣ упоминаетъ только объ этихъ мѣстахъ, какъ о странѣ, гдѣ воютъ

хищные звѣри и гдѣ Борей, денно и ночно, со страшнымъ ревомъ, вырываетъ съ корнями крѣпчайшія деревья. Въ концѣ перваго столѣтія Тацитъ передаетъ намъ первыя свѣдѣнія о сѣверо-восточныхъ жителяхъ Европы, въ безсмертномъ своемъ сочиненіи: «De situ, moribus et populis Germaniae». Онъ описываетъ обитателей этой страны, образъ ихъ жизни совершенно въ такомъ видѣ, въ какомъ я засталъ эстовъ въ началѣ XIX вѣка. Наружный видъ, характеръ, жизнь народа не измѣнились до означеннаго времени: тѣ же курныя лачужки, или хаты, прикрывали отъ непогоды людей и животныхъ.

Въ продолженіе тысячи лѣтъ эсты, или эстонцы, или эстляндцы, народъ племени финскаго, умножались и разселялись отъ береговъ Балтійскаго моря до горъ Уральскихъ. Никакой памятникъ этого періода не оставилъ никакого слѣда о дѣйствіяхъ или трудахъ эстовъ. Только съ половины XII столѣтія исторія Эстляндіи имѣетъ достовѣрныя лѣтописи, кои повѣствуютъ объ этой странѣ подъ собирательнымъ именемъ Ливоніи или Задвинской области (подъ этимъ названіемъ разумѣютъ они наши нынѣшнія прибалтійскія губерніи: Лифляндскую, Эстляндскую и Курляндскую).

Я не пишу подробной исторіи всей страны; а для желающихъ имѣть точныя свѣдѣнія указываю только на главные историческіе источники:

Даленъ, «Исторія Швеціи».—Dusburg, «Chron. Russiæ».—Gadebusch, «Лифлянд. лѣтописи». — Kelch, «Исторія Лифляндіи».—Arendt, «Лифляндская лѣтопись». — Plettenberg, «Донесеніе магистру въ Пруссіи, изъ архива Кенигсбергскаго». — Sartorius, «Ист. Ганзейскаго Союза».—Russow, «Лѣтопись».—«Herberstein Comentar».— Heidenstein, «De bello Moscov».—Possevin, «Moscovia». — Oderborn. J. R. M., «Ducis vita». — Fletscher, «Comment». — «Лѣтописи Новгородскія и Псковскія въ примѣчаніяхъ къ исторіи государства россійскаго Карамзина». — Ф. Г. Бунге, «права прибалтійскихъ губ. 1849».—Также новѣйшія сочиненія Пабста, Бока, Эккардта, Ширрена и Бинеманна».

Въ половинѣ XII вѣка буря пригнала нѣсколько бременскихъ купцовъ къ прибрежію Балтійскому, гдѣ туземцы были идолопоклонники. Купцы начали торговать, были прогнаны, явились снова и построили замокъ или крѣпостцу Икскуль въ 1158 году. Тогда монахъ Мейнгардъ началъ проповѣдывать тамъ христіанскую вѣру и переселился къ устью Западной Двины. Преемникъ его, епископъ Бартольдъ, положилъ основаніе городу Риги въ 1170 году. Эсты возстали, убили епископа, но не могли выгнать христіанъ изъ укрѣпленнаго мѣстечка. Папа Иннокентій III утвердилъ новаго Епископа Албрехта Буксгевцена и для его поддержанія основалъ въ 1204 году новый орденъ братства креста Господня или *Меченосцевъ*, которымъ поручено было покорить всю страну, защищать церковь, съ условіемъ, что завоеванныя земли поступятъ къ нимъ въ потомственное владѣніе. Изъ рыцарей одни переселились въ Эстляндію съ благою цѣлью и изъ религіознаго усердія, другіе скучали дома въ праздности, послѣ крестовыхъ походовъ въ Палестину, искали занятій и приключеній; еще другіе были увлечены корыстью: папы обѣщали награды земныя и небесныя. Эти причины безпрестанно вызывали въ Эстляндію рыцарей изъ Скандинавіи, изъ Бранденбурга, изъ Помераніи, изъ Гольштиніи, изъ Вестфаліи, почти изъ всѣхъ странъ Европы. Дознано, что эти рыцари дрались превосходно и знали отлично хорошо ремесло военное.

Меченосцы завоевали всю Эстляндію и соединились послѣ того съ рыцарями тевтонскаго ордена въ 1238 году. Соединеніе обоихъ орденовъ рыцарей было утверждено папою Григоріемъ IX. Въ продолженіе 322 лѣтъ Эстляндія была управляема 46-ью Гермейстрами. Рыцари безпрестанно воевали съ русскими, съ литовцами, съ поляками, съ семигаллами, съ самогитами и сверхъ того противъ своихъ епископовъ и противъ своихъ вассаловъ и крѣпостныхъ людей. Въ тѣсномъ углу у прибрежья Балтійскаго моря они защищали свои завоеванія въ теченіе трехъ съ половиной вѣковъ. Мечомъ добыли страну себѣ, также мечомъ удержали ее за собой противъ сильнѣйшихъ сосѣдей и противъ непокорныхъ туземцевъ.

Правила первоначальнаго ордена рыцарей были строги и суровы. Рыцари, братья креста Господня, братья-Меченосцы, жили вмѣстѣ, спали безъ подушки, ѣли простую пищу, ничего не смѣли держать подъ замкомъ, дабы удалить даже помышленіе о личной или частной собственности; имъ было запрещено даже говорить съ женщиною. Вновь поступающаго брата предостерегали о всѣхъ лишеніяхъ. Ему твердили во всей подробности: «нашъ законъ повелѣваетъ — ѣшь, когда ты сытъ, и постись, когда ты голоденъ; бодрствуй, когда тебя клонитъ ко сну, и спи, когда спать не хочется; покинь отца, и мать, и брата, и сестру, и въ награду за безпрестанный трудъ орденъ предлагаетъ тебѣ только хлѣба, воды и рубища».

Все существованіе этихъ рыцарей состояло въ совершенномъ самоотверженіи; главная ихъ обязанность ограничивалась войною и молитвою. Они не дорожили жизнью, потому что вѣрили въ жизнь будущую, и твердили: «живъ Богъ и жива душа моя!»—Часть этихъ первыхъ рыцарей только что возвратилась съ неудачнаго крестоваго похода изъ Іерусалима, другая часть ихъ посвятила себя обращенію язычниковъ въ христіанство; большинство изъ нихъ искало работы для своего оружія и коня-клеппера. Сначала рыцари не имѣли другого помѣщенія, какъ подъ открытымъ небомъ и въ жалкихъ курныхъ лачугахъ у враждебныхъ туземцевъ.

По завоеваніи и покореніи Эстляндіи, потомки первыхъ рыцарей и вновь прибывшихъ начали строить бурги, или укрѣпленные замки, для взаимной своей защиты. Послѣ, когда они получили ленныя помѣстья отъ римскихъ папъ и отъ своихъ гросмейтровъ, для своихъ наслѣдниковъ до пятаго колѣна, и, наконецъ, когда эти ленныя помѣстья стали потомственною и полною ихъ собственностью, то начали устраивать дворы и усадьбы.—Богатѣйшіе изъ рыцарей не наслаждались покоемъ; доспѣхамъ и оружію некогда было заржавѣть. Лѣтописецъ сообщаетъ, что одинъ изъ нихъ, въ холодную зиму, нѣсколько недѣль сряду не имѣлъ крыши и въ минуту, когда непріятель скрылся изъ глазъ его, сказалъ съ досадою: «если бы я былъ римскимъ императоромъ, я отдалъ бы половину имперіи за натопленную теплую комнату». Русскіе современники двухъ Іоанновъ—III и IV—называли эстляндскихъ рыцарей «дворянами Божіими!» Такъ мудрено ли было, что они умѣли присвоить себѣ привилегіи отъ папъ, отъ императоровъ и королей и гермейстровъ.

Смуты, мятежи и войны заставили короля датскаго Вольдемара III продать округи Гарріенъ и Вирландъ съ городами Ревелемъ, Везенбергомъ и Нарвою гросмейстру Дюзмеру за девятнадцать тысячъ марокъ серебра въ 1347 году. Купчая совершена была въ Маріенбургѣ въ Пруссіи; датчане передали всю страну ордену рыцарей.—Ревель, основанный Вольдемаромъ II, находился подъ властью Даніи цѣлое столѣтіе. Привилегіи рыцарей были подписаны въ Данцигѣ въ день святой Мар-

гариты. Эсты же (народъ) не имѣли никакихъ правъ: они зависѣли отъ своеволія своихъ господъ; а господа имѣли права на жизнь и на смерть своихъ крѣпостныхъ людей. Рыцари начали устраивать общественныя зданія, коихъ еще нынѣ видны остатки и развалины: Фитингофъ построилъ монастырь св. Бригитты въ 1407 г. Икскуль построилъ епископскій замокъ въ Ревелѣ на вышгородѣ въ 1534 г. Борхъ построилъ замокъ Боркгольмъ и Фегефейеръ въ 1477 г. Замокъ Эцъ построенъ былъ раньше, одновременно съ основаніемъ Везенберга.

Въ это время въ 1492 году великій князь русскій, Іоаннъ III, построилъ крѣпость Ивангородъ на правомъ берегу Наровы, противъ города Нарвы. Шведы заняли эту новую крѣпость, но русскіе взяли ее обратно, и владѣли временно также Нарвою, иначе они не могли бы устроить башни и высокія каменныя стѣны съ бойницами въ Ивангородѣ, отдѣленномъ отъ Нарвы только рѣкою; крѣпость эта стоитъ еще и нынѣ, и поддерживается починками. Въ томъ же году Іоаннъ III былъ до крайности озлобленъ противъ дворянъ и гражданъ ревельскихъ, которые велѣли казнить русскаго, въ силу своихъ законовъ, за дѣланіе фальшивой монеты. Великій князь требовалъ выдачи судей, осудившихъ его подданнаго. Требованіе это не было исполнено, и гнѣвъ его и месть обратились противъ всѣхъ нѣмецкихъ купцовъ въ Новгородѣ: они были лишены имуществъ, посажены въ темницы и сосланы въ Архангельскъ, во всякомъ случаѣ месть эта послужила поводомъ къ пополненію истощенной казны.

Гермейстръ Вальтеръ Плеттенбергъ съ 1495 года управлялъ съ величайшею энергіей въ теченіе сорока лѣтъ. Войны его и битвы чрезвычайно примѣчательны. Онъ переступилъ русскія границы, опустошилъ островъ, Красное, Изборскъ, грозилъ уже Ивангороду, когда повальная болѣзнь принудила войско воротиться. Тогда русскіе быстро вторгнулись въ Ливонію, опустошили Дерптъ, Ригу, Маріенбургъ, Феллинъ, Оберъ-Паленъ, Вирландъ, окрестности Нарвы. Русскіе извели до сорока тысячъ ливонцевъ, сами имѣли уронъ неважный, только потеряли отрядъ подъ начальствомъ Александра Оболенскаго, отрѣзанный при Гельметѣ. Осенью того же года Плеттенбергъ опять взялся за оружіе, одержалъ побѣду подъ Псковомъ, гдѣ ему удалось заключить выгодный миръ, потому что противникъ его, Іоаннъ III, занятъ былъ на югѣ и на западѣ татарами и поляками. Плеттенбергъ воспользовался миромъ, освободился отъ зависимости гросмейстра тевтонскаго ордена, откупилъ свою ленную зависимость отъ маркграфа Альберта. Съ того дня гермейстры стали совершенно независимы; они получили верховныя права, могли чеканить собственную свою монету. Императоръ Карлъ V далъ Плеттенбергу титулъ князя римской имперіи; этотъ титулъ переходилъ на всѣхъ его преемниковъ-гермейстровъ.

Во время правленія Плеттенберга распространено было въ Эстляндіи ученіе Лютера Андреемъ Кнеппеномъ и Тегельмейстеромъ.

Сильная вражда закипѣла между рыцарями и гражданами ревельскими за то, что послѣдніе въ 1535 году осудили и казнили рыцаря Икскуля, убившаго въ городѣ одного изъ своихъ крѣпостныхъ людей, который безъ законнаго вида, безъ дозволенія господина своего, искалъ въ городѣ службы, работы и убѣжища. Граждане отказали всѣмъ требованіямъ рыцарей, оправдываясь своими любскими правами, утвержденными законнымъ порядкомъ императоромъ, королями датскими и гермейстрами. Наконецъ комитетъ изъ выборныхъ лицъ обоихъ окончилъ эту ссору;

несмотря на это, ненависть и притязанія не прекратились. Такая же вражда господствовала между купцами и ремесленниками различныхъ цеховъ. Купцы мѣшали имъ ввести непосредственную торговлю съ иностранцами, не хотѣли даже допустить, чтобы жены и дочери ремесленниковъ могли также одѣваться и наряжаться, какъ жены и дочери купцовъ. Гермейстръ прекратилъ споры чрезъ посредниковъ, но зависть осталась прежняя. Любекъ отправилъ своихъ пословъ въ Ревель, чтобы возобновить свои прежнія торговыя привилегіи, однако переговоры ни къ чему не повели, и съ 1552 года прекратилась торговля между обоими городами.

Величайшая опасность грозила всей странѣ отъ Іоанна IV Грознаго, царя всей земли русской. Безпокойства, затрудненія Ливоніи достигли высшей степени: большое число рыцарей были намѣрены лучше предаться власти или Даніи, или Швеціи, или Польши. Русскіе уже вступили въ Ливонію, въ рядахъ ихъ были и татары подъ начальствомъ Шигъ-Алея; они сожгли Нарву, взяли Эцъ, Нейгаузенъ, Лаисъ. Князь Шуйскій взялъ Дерптъ. Русскіе набрали несмѣтное число сокровищъ и послѣ этихъ завоеваній стали требовать сдачи Ревеля. Рыцари, купцы и граждане помирились въ это время и стали укрѣплять городъ. Они просили помощи у короля датскаго, но король боялся русскихъ и вмѣстс войска послалъ ревельцамъ окороковъ, масла, пороху и свинцу. Ревель защищался и держался. Гермейстръ Фюрстенбергъ отказался отъ власти по преклоннымъ лѣтамъ своимъ; мѣсто его занялъ Кетлеръ, послѣдній гермейстръ. Опустошительная война эта, главныя сраженія и битвы описаны въ исторіи и въ романахъ и повѣстяхъ. Русскіе отряды потянулись къ Ревелю, а въ это время въ 1560 году эсты гарріенскаго и віикскаго округовъ возстали противъ рыцарей, господъ своихъ, жаловались на тягость барщины и повинностей, на слабую защиту противъ русскихъ, и объявили, что намѣрены окончательно освободиться отъ власти помѣщиковъ и подчиниться только власти Ревеля. Магистратъ ихъ отговаривалъ. Рыцари укрѣпились въ замкѣ Лоде, гдѣ эсты осадили ихъ; но Меннигаузенъ сдѣлалъ отчаянную вылазку, разбилъ ихъ и усмирилъ.

Между тѣмъ русскіе обложили Ревель, не давали покою, горожане не смѣли выходить за стѣну. Кетлеръ не былъ въ состояніи помочь городу и предпочелъ уступить польскому королю Сигизмунду Августу большую часть Ливоніи, а взамѣнъ получить часть Курляндіи и Семигалліи съ титуломъ герцога.

Такимъ образомъ прекратилось правленіе гермейстровъ въ прибалтійской странѣ, раздробившейся на герцогство курляндское и на княжество лифляндское, составленное изъ епископствъ летгальскаго и рижскаго, извѣстнаго въ свое время подъ названіемъ княжествъ задвинскаго. Ревель и Эстляндія добровольно подчинились въ 1561 году покровительству шведскаго король Эрикса XIV, который подтвердилъ всѣ права и привилегіи города и рыцарства. Примѣру Ревеля послѣдовали Падисъ, Пернау, Вейсенштейнъ, Гапсаль и Лоде.

Ревель защищался съ помощью шведовъ противъ Іоанна Грознаго и противъ Магнуса въ 1571 г. Напрасно рыцари Крузе и Таубе уговаривали своихъ земляковъ, чтобы они покорились Іоанну; также напрасно Іоаннъ Грозный обѣщалъ милости и утвержденіе привилегій. Дворяне и граждане Ревеля рѣшились лучше умереть, чѣмъ сдаться.

Въ 1574 г. Ревель увидѣлъ въ своихъ стѣнахъ дружину шотландскую подъ начальствомъ Архибальда Динробена изъ Сютерланда, которая чрезъ Швецію была

послана на помощь Ревелю. Эти шотландцы не могли ужиться съ ревельцами; они грабили горожанъ и, наконецъ, когда ихъ отрядили на помощь городу Везенбергу, то они на пути поссорились между собою; часть изъ нихъ была убита, другая передалась русскимъ или попалась въ плѣнъ. Везенбергъ былъ сильно осажденъ русскими, но также сильно защищенъ Понтусомъ Делагарди. Окрестности Ревеля были опустошены русскими и татарами. У рыцарей не доставало силъ, чтобы отстоять свои замки и защитить крестьянъ; также не доставало у нихъ денегъ на жалованье людямъ дворовымъ, хорошо вооруженнымъ и привыкшимъ къ бою. Въ слѣдующемъ году Клаусъ Унгернъ, намѣстникъ датскаго короля въ Аренбургѣ, созвалъ комиссаровъ въ Гапсаль, чтобы передать этотъ городъ съ замками Лоде и Леаль верховной власти Даніи. Онъ вызвалъ на службу всѣхъ дворовыхъ людей; но когда узналъ о побѣдахъ русскихъ подъ начальствомъ князей Никиты Романовича и Тотмакова, то сталъ уговаривать и ревельцевъ, чтобы они подали прошеніе королю датскому, императору нѣмецкому, и всѣмъ государямъ вообще о помощи и защитѣ. Прошенія эти ни къ чему не повели, а только увеличили неудовольствіе короля шведскаго.

Тогда въ 1577 году, 23, января началась знаменитая осада Ревеля. Четыре лагеря, подъ начальствомъ Мстиславскаго, Шереметева, Шерлатова и Припкова, охватили Ревель полукружіемъ; въ четвертомъ лагерѣ находились татары съ Мурзой Булатомъ, на берегу озера Іервекюль. Стрѣльцы, тогдашнее постоянное войско, составляли пятый лагерь по обѣимъ сторонамъ горы Дениса. Осада продолжалась до 13 марта; чудеса храбрости были оказаны съ обѣихъ сторонъ. Храбрый Шереметевъ-Кольцовъ далъ обѣщаніе царю взять Ревель или умереть и былъ пораженъ пушечнымъ ядромъ. Жители Ревеля и гарнизонъ, подъ начальствомъ старца Горна и сына его, устояли противъ атакъ. Шенкенбергъ, сынъ монетчика или золотыхъ дѣлъ мастера, съ четырьмя сотнями вооруженныхъ крестьянъ изъ Гарріенскаго округа, дѣлалъ удачныя вылазки изъ крѣпости и заслужилъ себѣ прозваніе Ганнибала. Русскіе копали траншеи, проводили мины, плели туры, взяли монастырь Св. Бригитты, сожгли всѣ корабли въ гаванп, а 13 марта сожгли свои лагерныя постройки, и сняли осаду.

Лѣтомъ того же года сильная русская армія потянулась къ Пскову. Іоаннъ Грозный самъ велъ ее и двинулся на Ригу. Городъ сдался безъ обороны. Полюбинкій, польскій комендантъ въ Вольмарѣ, открылъ тайну, что герцогъ Магнусъ имѣлъ тогда въ виду освободить всю страну отъ власти Россіи, чтобы послѣ въ силу тайныхъ условій, уступить ее Польшѣ и герцогу курляндскому. Лѣтописи русскія и ливонскія подробно повѣствуютъ, какъ Іоаннъ Грозный явился съ войскомъ предъ Венденомъ, чтобы наказать герцога и рыцарей,—какъ въ продолженіе пяти дней штурмовали безстрашные и озлобленные воины его,—какъ триста рыцарей защищались отчаянно, и когда истощились всѣ усилія, то единодушно согласились лучше умереть, чѣмъ покориться и предать женъ и дѣтей на поруганіе. Они пріобщились Св. Тайнъ и, пока прощались между собою, Генрихъ Буземанъ пошелъ въ нижній этажъ, гдѣ подъ сводомъ были поставлены четыре бочки пороху, и бросилъ въ одну горящій уголь. Такъ кончили жизнь люди, дорожившіе честью и независимостью.

Въ концѣ года Карлъ IX, король шведскій, завладѣлъ почти всею Ливоніей. Пять лѣтъ послѣ того въ 1582 г. вся Ливонія была опять завоевана Ходкевичемъ

и стала польскою. Король Стефанъ Баторій былъ первый изъ вѣнценосцевъ, вступившихъ въ Ригу. Поляки насильно обращали ливонцевъ въ католичество.

Шведы тринадцать лѣтъ, 1570—1583, вели войну безпрерывную съ русскими. Шведы взяли Нарву и Ивангородъ. Яковъ Делагарди завоевалъ Ямъ, Копорье и дошелъ до Новгорода. Послѣ нѣсколькихъ сраженій русскіе должны были заключить перемиріе, потому что спѣшили на югъ отстаивать свои границы и земли отъ набѣговъ татаръ казанскихъ, астраханскихъ и крымскихъ.

Итакъ, Эстляндія подъ управленіемъ рыцарей, выборныхъ гермейстровъ, сохраняла свою независимость, свою самобытность въ теченіе трехъ съ половиною столѣтій. Съ 1561 года Эстляндія находилась подъ властью шведскихъ королей, въ продолженіе полутораста лѣтъ, пока русскіе, подъ руководствомъ Петра Великаго, не научились побѣждать своихъ побѣдителей. Часть Финляндіи, Нарва, Рига были уже въ рукахъ русскихъ, только Ревель держался еще такъ упорно, что русскія лѣтописи упоминаютъ о томъ словами:—«нѣмцы сидѣли на смерть!»—Комендантъ Паткуль принялъ всѣ мѣры обороны; но многолюдство, тѣснота въ городѣ, повальныя болѣзни, сверхъ того русскіе отвели воду, которая изъ Оберзе, или Бумажнаго озера, проведена была въ городъ. Ропотъ жителей увеличивался съ каждымъ днемъ, но Паткуль не сдавался. Магистратъ и старѣйшины, безъ вѣдома коменданта, послали депутацію къ русскимъ и отдали городъ, заключивъ капитуляцію, утвержденную Петромъ Великимъ 16 августа 1710 года.

Изложивъ вкратцѣ главныя событія до присоединенія Эстляндіи къ Россіи, представлю важнѣйшія перемѣны въ устройствѣ края и въ общественной жизни дворянства и крестьянства.

Когда Эстляндія стала подвластна королю шведскому, то король изъявилъ желаніе начать преобразованіемъ крестьянскаго состоянія, такъ какъ Швеція никогда не имѣла крѣпостныхъ людей; можетъ быть, кромѣ человѣколюбія, дѣйствовала тутъ и политика, чтобы съ помощью освобожденныхъ крестьянъ легче можно было обуздать своеволіе и удальство рыцарей-дворянъ. Какъ бы то ни было, но дворянство эстляндское безпрекословно ограничило власть свою надъ крѣпостными людьми, уменьшивъ, по крайней мѣрѣ, барщину, опредѣливъ степени работъ по уложенію Вакенбуха. Затѣмъ были утверждены всѣ права и льготы дворянъ, которые по прекращеніи жизни боевой, стали образовываться научно и нравственно. Неожиданно грозила имъ бѣда: король Карлъ XI счелъ нужнымъ предписать конфискованіе всѣхъ помѣстій, подаренныхъ дворянству. Это распоряженіе было постановлено въ Стокгольмѣ на сеймѣ 1630 года. 1681 г. это же самое опредѣленіе сообщено было дворянскому собранію въ Ригѣ, и всѣ помѣстья, подаренныя или заложенныя, или отданныя въ ленъ гермейстрами, епископами и королями, были отобраны въ казну шведскую. Въ 1685 году эта самая мѣра распространена была на Эстляндію, послѣ того какъ она уже 124 года пользовалась защитою Швеціи. Напрасно доказывали несправедливость, незаконность такого распоряженія, напрасно просили отмѣны повелѣнія, уничтожающаго всякое право собственности. Всѣхъ сильнѣе и мужественнѣе взялся за это дѣло неустрашимый Іоаннъ Рейнгольтъ Паткуль. Онъ былъ посланъ депутатомъ въ Стокгольмъ; онъ слишкомъ годъ безпрестанно уговаривалъ короля, который твердилъ, что не видитъ никакой несправедливости въ конфискованіи, потому что эта редукція относится до всего государства. На возраженіе Паткуля, что представители шведскіе

согласились на редукцію, но въ Лифляндіи на то не объявлено никакого мнѣнія, король отвѣтилъ, что опредѣленіе шведскаго сейма обязательно для Лифляндіи. Паткуль доказывалъ противное и устно и письменно, и былъ осужденъ на смерть, какъ, государственный преступникъ.

Умеръ Карлъ XI, не смягчивъ приговора надъ Паткулемъ. При Карлѣ XII, кипѣла сѣверная война, со всѣми бѣдствіями войны, болѣзни и голода. Тогда Петръ Великій далъ обѣщаніе возобновить и утвердить всѣ права и привилегіи, нарушенныя шведскимъ королемъ, и въ концѣ іюня 1710 года городъ Рига и дворянство и гарнизонъ сдались на условіяхъ, заключенныхъ Шереметевымъ отъ имени Петра. И тутъ и при капитуляціи Ревеля, обнаружились плоды трудовъ Паткуля и довѣренности къ нему Петра Великаго.

Съ тѣхъ поръ, какъ Эстляндія поступила въ составъ Русской державы и подъ ея защиту, исчезли всѣ поводы къ бранямъ внѣшнимъ и междоусобнымъ; дворянство еще болѣе успѣвало въ образованіи. Почти всѣ члены этого привилегированнаго сословія довершали свое воспитаніе и обученіе въ лучшихъ иностранныхъ университетахъ. Они вѣрою и правдою служили государю и отечеству; они улучшали доходность своихъ имѣній рачительнымъ хозяйствомъ; но съ крѣпостными людьми своими обходились еще сурово и жестоко, и мало заботились объ истинномъ благѣ своихъ крѣпостныхъ людей, какъ это водилось повсюду, гдѣ существовало крѣпостное состояніе или право собственности человѣка надъ человѣкомъ, или господина надъ рабомъ.

Въ началѣ царствованія Александра Благословеннаго, дворянство эстляндское по собственному побужденію ограничило барщину, которая издавна, еще во время шведскаго владычества, производилась по Вакенбуху, по регламенту земледѣльческихъ работъ. По этому регламенту число рабочихъ дней каждаго крестьянскаго двора опредѣлялось не числомъ душъ совершеннолѣтнихъ, не тяглами, но количествомъ земли, предоставленной въ пользованіе крестьянскому двору. Величина или пространство имѣнія не исчислялись тогда квадратными верстами или десятинами, но *гаками*, пахатною землею. Гакъ заключалъ въ себѣ 24 десятины въ трехпольномъ хозяйствѣ; лѣса, луга и выгоны въ расчетъ не входили, и обозначались только на межевыхъ планахъ. Еще понынѣ всѣ раскладки на общественные и государственные сборы, по соглашенію дворянства, составляются не по числу ревизскихъ душъ, не по числу десятинъ, а по *гакамъ*.

Въ 1804 году сдѣланы были измѣненія и дополненія, кои извѣстны подъ названіемъ «Ревизіи Вакенбуха». Сверхъ еженедѣльной барщины, каждый крестьянскій дворъ долженъ былъ отправлять работы вспомогательныя или отрабатывать дни добавочные—во время уборки сѣна и хлѣба 12 дней, вываживанія навоза или удобренія 3 дня, молотьбы до Рождественскихъ праздниковъ по 2 дня въ недѣлю, для построекъ весной и осенью по 1 дню, для перевозки сельскихъ произведеній лѣтнимъ и зимнимъ путемъ по 3 дня. Кромѣ того, каждый крестьянскій дворъ платилъ помѣщику еще особенныя ежегодныя подати—овцу, курицу, масла, яицъ, льна мѣшокъ, лучину, мочалку, вѣники; такіе налоги на имущества вкоренились обычаемъ и назывались какъ бы на смѣхъ—*податью правосудною:* Gerechtigkeitsabgabe. Здѣсь кстати замѣтить, что когда въ 1804 году состоялась ревизія Вакенбуха, то предводителемъ дворянства былъ помѣщикъ Розенталь, на-

ходившійся при Вашингтонѣ во время войны за независимость Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.

Въ 1816 году эстляндское рыцарство (такъ еще понынѣ называетъ себя дворянство во всѣхъ актахъ по дѣламъ общественнымъ), движимое человѣколюбіемъ, духомъ времени и убѣжденное въ великодушіи Александра, просило государя освободить сословіе крестьянъ отъ оковъ крѣпостного состоянія. Александръ уже давно желалъ этого для всего народа русскаго, нерѣдко говаривалъ о томъ частнымъ образомъ Сперанскому, Карамзину и другимъ своимъ приближеннымъ и наконецъ публично заявилъ о томъ на сеймѣ варшавскомъ 15 марта 1818 года. Примѣчательно, что въ то время, когда эстляндское дворянство сдѣлало такое предложеніе, то въ Германіи еще водились люди крѣпостные въ Виртембергѣ, въ Мекленбургѣ, въ Лузаціи, въ Гогенцоллернъ-Сигмарингенѣ. Императоръ Александръ принялъ это предложеніе съ восторгомъ, однимъ почеркомъ пера уничтожилъ въ одно мгновеніе рабство въ Эстляндіи и утвердилъ новое уложеніе, законы, для эстляндскихъ крестьянъ. Это уложеніе доставило крестьянамъ личную свободу, свой судъ и расправу въ низшей инстанціи въ общинномъ судѣ, смягченіе тѣлеснаго наказанія; вмѣстѣ съ тѣмъ закономъ проложенъ былъ путь къ переходу освобожденныхъ крестьянъ въ число фермеровъ или арендаторовъ.

Безспорно, что работы эстляндскихъ крестьянъ до 1804 и даже до 1816 года были тягостнѣе работъ всѣхъ остальныхъ русскихъ крестьянъ, со времени указа императора Павла, постановившаго, что каждый крестьянинъ обязанъ работать на помѣщика по три дня въ недѣлю.

Дворянство эстляндское доказало свое человѣколюбіе добровольнымъ ограниченіемъ своей власти; но вмѣстѣ съ тѣмъ оно сдѣлало ошибку важную, давъ личную свободу крестьянамъ, не обезпечивъ въ то же время ихъ существованія прочными постановленіями относительно пользованія землею. Освобожденные крестьяне могли переходить отъ одного помѣщика къ другому, они перестали быть рабами или крѣпостными отдѣльнаго помѣщика, но зато оставались въ нѣкоторой зависимости отъ цѣлаго сословія дворянъ, отъ корпораціи дворянъ эстляндскихъ, оттого что закономъ они принуждены были оставаться въ предѣлахъ Эстляндіи. Самая малая только часть, излишекъ 140.000 душъ, мужского пола имѣла право выселиться изъ губерніи куда угодно. Вакенбухъ или регламентъ земледѣльческихъ работъ терялъ постепенно свою силу. Крестьяне стали переходить внутри губерніи съ мѣста на мѣсто, гдѣ барщина казалась имъ легче или гдѣ Вакенбухъ былъ уже замѣненъ добровольными обоюдными условіями. Это послѣднее обстоятельство много способствовало улучшенію земледѣлія: условія добровольнаго контракта обозначали въ точности еженедѣльныя работы по урокамъ. Контракты были заключаемы на срокъ; строгое выполненіе условій обезпечивалось обоюдными выгодами; въ спорныхъ случаяхъ рѣшала самая безпристрастная судебная власть неподкупная.

Помѣщики дознали свою выгоду; они теперь только могли навѣрно разсчитывать время и силу; съ меньшимъ числомъ рабочихъ стали производить больше и лучше. Съ того времени начали приступать къ осушенію болотъ, къ устройству поливныхъ луговъ, къ проведенію подземныхъ канавъ, къ дренажу, къ нивеллированію, къ улучшенію земледѣльческихъ орудій и машинъ. Умственная сила помѣ-

щиковъ, усовершенствованіе земледѣлія развили физическія силы работниковъ и доказали имъ осязательно, что въ трудѣ заключается дѣйствительный капиталъ. Мужики нисколько не изнурялись, не утомлялись при урочныхъ работахъ, напротивъ того: они стали проворнѣе, ловчѣе, развязнѣе; работая лучше для помѣщика, начали лучше и старательнѣе работать для себя и, убѣдившись, что съ исправною упряжью работа идетъ скорѣе и легче, берегли рабочихъ коней и воловъ своихъ и господскихъ.

Часть крестьянъ, въ надеждѣ найти для себя мѣста выгоднѣйшія у другого помѣщика, переходила изъ своей общины въ другую, съ увольнительнымъ свидѣтельствомъ отъ прежняго помѣщика; такіе люди не радѣли о своихъ поляхъ, имѣя въ виду получить или лучшія, или пространнѣйшія; кромѣ того, и самая перемѣна мѣста имѣла для нихъ прелесть новизны. Съ другой стороны, часть помѣщиковъ стала выживать крестьянъ, чтобы присоединить отнятыя у нихъ поля къ своимъ господскимъ полямъ. Другая часть помѣщиковъ, весьма незначительная, принялась перемѣщать цѣлыя деревни къ оконечностямъ своихъ владѣній раздавала имъ новыя поля съ возмездіемъ, матеріалы и средства къ перенесенію и такимъ образомъ сосредоточивала поближе къ своимъ господскимъ полямъ, хорошія тучныя пашни и огороды старинныхъ деревень. Такія перемѣщенія и перенесенія дозволены были закономъ съ условіями. Однако здравый ясный умъ помѣщиковъ обозначилъ и назвалъ такое дѣйствіе словомъ: «*взорваніе*—sprengen». Это *взорваніе* имѣло естественное послѣдствіе: крестьяне потеряли всякое ручательство, всякую возможность сохранять надолго свои мѣста; для кого же было имъ старательно обрабатывать и удабривать пашни, когда помѣщикъ могъ или прогнать ихъ, или обмѣнить поля?—Помѣщики удвоили, утроили пространство господскихъ полей и сумму своихъ доходовъ, а взорванные крестьяне и добровольно переселившіеся стали должниками несостоятельными, бѣднѣли и роптали. Корысть или ошибочная предусмотрительность всегда вводятъ въ заблужденіе; такъ, нѣсколько помѣщиковъ, опасаясь выхода или переселенія своихъ крестьянъ, давали имъ взаймы денегъ и хлѣба изъ собственныхъ своихъ и изъ мірскихъ магазиновъ, имѣя въ виду, что должникъ помѣщику или крестьянской общинѣ лишается по закону права выселиться, пока не заплатитъ всѣхъ долговъ. Такіе должники въ нѣсколько лѣтъ становились совершенно несостоятельными, дѣлались бобылями, батраками, закабаленными работниками при господскомъ дворѣ. Они злонамѣренно портили господскихъ коней, воловъ, земледѣльческія орудія, сами обнищали, и вмѣсто прибыли доставляли убытокъ владѣльцу.

Я сказалъ, что только малая часть помѣщиковъ поступала такимъ образомъ, и долженъ прибавить, что не всѣ изъ нихъ были побуждаемы корыстолюбіемъ: они хотѣли производить работы наемными людьми, какъ то водится въ странахъ, опередившихъ насъ въ воздѣлываніи земли. Но большинство помѣщиковъ не только что не *взорвали* ни одного тягла, но, напротивъ того, по закону и по обоюднымъ соглашеніямъ, устроили новые крестьянскіе дворы при прежнихъ деревняхъ и на новыхъ мѣстахъ старались объ истинномъ благѣ крестьянъ, выстроили молельни на свой счетъ и училища народныя для дѣтей; а все дворянство общимъ иждивеніемъ учредило семинарію для приготовленія и образованія наставниковъ въ народныя училища.

Эстляндскіе крестьяне не могутъ купить всѣхъ земель крестьянскихъ на наличныя

деньги; но обоюдныя добровольныя условія, контракты, добровольное соглашеніе на продажу крестьянской земли крестьянамъ съ разсрочками платежа или посредствомъ займа частнаго окончатъ это важное предпріятіе для выгоды обѣихъ сторонъ.

Эстляндское дворянство въ общемъ собраніи 1839 года, безъ всякаго посторонняго вынужденія, но единственно желая улучшить состояніе крестьянъ, изъявило свою готовность расширить права ихъ, споспѣшествовать этому дѣлу, хотя бы то стоило пожертвованій. Дворянство избрало свой комитетъ и поручило ему представить къ слѣдующему общему собранію свои мнѣнія и предложенія по этому предмету.

Опредѣленіе дворянства въ полномъ собраніи 1842 года составляетъ эпоху важную въ исторіи развитія правъ эстляндскихъ крестьянъ. Дворянство согласилось добровольно ограничить свое абсолютное полное право собственности, дабы обезпечить существованіе крестьянъ,—отчужденіемъ или уступкою слишкомъ половины своей земельной собственности, которую предоставляла навсегда исключительному пользованію крестьянскаго сословія. Императоръ Николай собственноручнымъ рескриптомъ выразилъ дворянству свою благодарность за такое истинно патріотическое дѣло и назначилъ главный комитетъ остзейскій. Дворянство съ своей стороны избрало комиссію для составленія главныхъ предложеній къ первому общему собранію. Іюня 9-го дня 1846 года государь утвердилъ представленныя комитетомъ главныя основанія новыхъ законовъ для крестьянъ эстляндскихъ.

Въ 1847 году, по желанію государя, дворянство избрало новую свою комиссію и поручило ей представить такія измѣненія и дополненія, кои, споспѣшествуя общему благу Эстляндіи, вмѣстѣ съ тѣмъ, по возможности, согласовались бы съ постановленіями лифляндскаго дворянства по дѣламъ крестьянскимъ. Всѣ совѣщанія и опредѣленія въ общемъ собраніи 1847 года доказываютъ цѣль благороднаго стремленія дворянъ, потому что они во время этихъ засѣданій уменьшили существовавшую барщину на 25%. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что всякая барщина преграждаетъ путь къ благосостоянію крестьянъ, а потому не уменьшеніе обязательнаго труда, но скорѣйшее замѣненіе его оброкомъ или арендою, или продажею въ собственность становится необходимостью. Новое уложеніе, или новое гражданское устройство для крестьянъ эстляндскихъ, утверждено императоромъ Александромъ II въ 1856 году съ тѣмъ, чтобы непремѣнно было приведено въ дѣйствіе въ теченіе десяти лѣтъ. По всей губерніи занялись размежеваніемъ и окончательнымъ отдѣленіемъ земли помѣщичьей отъ земли крестьянской; на всѣхъ планахъ у помѣщиковъ эти земли отдѣлены красною чертою. Далѣе въ своемъ мѣстѣ укажу рѣшеніе и ходъ крестьянскаго дѣла.

Утверждаютъ, что эсты, происшедшіе отъ племени гуннскаго, финскаго, потомки чуди бѣлоглазой, что эсты неспособны усовершенствоваться; а чтобы доказать безошибочность этого мнѣнія, опираются на историческій фактъ, что сѣверо-восточные обитатели Европы—эсты—описанные Тацитомъ, остались все еще на той же самой ступени, нисколько не подвинулись впередъ. Соглашаюсь съ ними отчасти, но только переставляю число и годъ, и скажу—они мало измѣнились до 1816 года. Развѣ удивительно, что народъ не подвинулся впередъ въ образованіи и въ нравахъ, когда не переставали обращаться съ этимъ народомъ, какъ съ рабами, какъ съ машинами, какъ съ вьючными животными! Со времени обращенія народа въ христіанскую вѣру до начала прошедшаго столѣтія народъ ничего не зналъ о христіанской ре-

лигіи кромѣ звука имени Христа Спасителя. Рыцари не имѣли досуга проповѣдывать; первые епископы и даже монахи проповѣдывали только мечомъ; эсты не знали ни латинскаго, ни нѣмецкаго языка, такъ какъ же могли они понимать своихъ обращателей? Они только работали, они только терпѣли, и когда уже не были въ силахъ болѣе терпѣть, то трижды возставали противъ господъ своихъ. Когда, гораздо позже, послѣ періода рыцарства, послѣ реформаціи, Эстляндія находилась подъ господствомъ Швеціи, то эстляндскіе помѣщики пригласили пасторовъ изъ Германіи. Эти новые проповѣдники Евангелія не могли въ краткое время научиться языку, не имѣвшему ни одной книги, ни печатной, ни писаной. Пасторъ надрывался на каѳедрѣ, но слушалъ и понималъ его и умилялся только господинъ съ семействомъ своимъ, потому что эсты такъ же мало понимали нѣмецкую проповѣдь, какъ они прежде мало понимали латынь католической обѣдни. Нѣмецкіе пасторы сначала, не зная языка эстовъ, мало заботились о большинствѣ своихъ прихожанъ. Во дни воскресные и праздничные, по окончаніи богослуженія, они забавлялись въ церковной оградѣ стрѣльбою въ цѣль, выѣздкою коня. Они сладко ѣли, много пили, брали подати, требовали рабочихъ дней, устраивали свои усадьбы. За все это эсты получали множество тычковъ отъ своихъ пасторовъ, розогъ отъ своихъ господъ, палокъ отъ приказчиковъ,—такъ скажите: какъ же могли они при такихъ условіяхъ сдѣлать успѣхи въ цивилизаціи? Они были рабы и оставались рабами. Помню, какъ въ дѣтствѣ моемъ жестоко наказывали лѣнивыхъ и нерадивыхъ эстовъ: раздѣтыхъ до нага, привязывали ихъ къ столбу, сѣкли съ головы до ногъ; зимою на дворѣ окачивали ихъ водою, выдумывали всякаго рода унизительныя наказанія; и если не достигли окончательнаго изведенія этихъ людей, то эсты этимъ обязаны только обстоятельству, какъ выразился одинъ изъ нарвскихъ докторовъ, Г. Орслефъ, что внутренность ихъ была просолена, а наружность закопчена: (по намеку на соленую салакушку, ихъ любимую пищу, и на ихъ образъ жизни въ курныхъ избахъ). Возьмите любого образованнаго англичанина, француза, нѣмца, поступайте съ нимъ, какъ поступали съ эстами до начала XIX столѣтія, и я ручаюсь вамъ, что если первое поколѣніе этихъ образованныхъ людей будетъ въ силахъ противостоять невѣжеству, грубости и тупоумію, то слѣдующее поколѣніе непремѣнно будетъ такъ же упрямо, такъ же грязно, такъ же глупо и нерадиво, какими были эсты временъ Тацита.

Въ четверть столѣтія отъ 1816 до 1842 года эсты видимо подвинулись въ своемъ благосостояніи, особенно жители окрестныхъ городовъ и селеній, расположенныхъ при большихъ дорогахъ. Эсты стали опрятнѣе въ одеждѣ, они прорубили окна въ своихъ избахъ, вывели печныя трубы, кони и вся упряжь приняли лучшій видъ, пьянство значительно уменьшилось. Трудолюбивые и промышленные эсты внесли уже полтора милліона рублей серебромъ въ дворянскую кредитъ-кассу. Къ этой благодѣтельной перемѣнѣ способствовали новые законы 1816 г. и содѣйствовали помѣщики. Тѣлесное наказаніе ограничено, въ нѣкоторыхъ помѣстьяхъ совершенно уничтожено, своеволіе и самоуправство господина исчезли. Отличные лютеранскіе пасторы, знавшіе до совершенства языкъ эстонскій, суть главные распространители грамотности и истиннаго ученія христіанскаго; имъ помогли моравскіе братья, Гернгутеры, строго наблюдавшіе за благочестіемъ. Съ каждымъ годомъ эсты дѣлали новые успѣхи и, наконецъ, убѣдились, что дворяне-помѣщики желаютъ имъ добра. Воспоминанія о жестокой старинѣ, о худомъ съ ними обращеніи, напомнятъ имъ, что такъ водилось

повсемѣстно по привычкѣ, иначе не умѣли обходиться съ людьми, пока сами не были научены лучшему обращенію. Эсты до сего времени не перестаютъ питать нѣкоторую ненависть къ *самсакъ* (такъ они на своемъ языкѣ называютъ помѣщиковъ); но эта ненависть скоро уляжется, и я увѣренъ, что въ слѣдующемъ поколѣніи вы не найдете болѣе эста въ такомъ грубомъ и дикомъ состояніи, въ какомъ онъ находился и жилъ во времена Тацита.

Племя эстовъ, чуждое дворянамъ-помѣщикамъ по своему происхожденію, чуждое имъ по языку, по нравамъ, по обычаямъ, стоящее на совершенно иной ступени образованности, не могло имѣть сочувствія къ своимъ господамъ; напротивъ того, рабство, несправедливости и страхъ, должны были внушить имъ величайшее отвращеніе и даже злобу. Отношеніе между большинствомъ и меньшинствомъ обитателей Эстляндіи, или между крестьянами и господами, было точно такое же, какъ отношеніе индѣйцевъ мексиканскихъ къ сподвижникамъ Пизарро и Кортеца. Положеніе эста было несравненно грустнѣе положенія дяди Тома въ Америкѣ, по описанію Миссъ Бичеръ-Стоу. Введенныя уже преобразованія, предстоящія новыя реформы уничтожатъ ненависть. Въ матеріальномъ отношеніи, если при началѣ перехода отъ барщины къ арендѣ, уменьшатся доходы помѣщика, то эта утрата вознаградится возвышеніемъ цѣнности земли, какъ она уже возвысилась съ 1816 года на 100%. Существовавшее вѣковое зло наконецъ срѣзано. Конечно, одними писаными законами нельзя вдругъ перемѣнить людей; но научите ихъ понимать эти законы, то увидите, какъ быстро появится повиновеніе къ этимъ законамъ и стараніе къ поддержанію и выясненію этихъ законовъ.

Относительно дворянства Эстляндской губерніи я долженъ замѣтить, что оно отличалось въ концѣ прошедшаго столѣтія и въ началѣ текущаго классическимъ образованіемъ, заимствованнымъ изъ лучшихъ иностранныхъ университетовъ. Въ нашемъ вѣкѣ эстляндскіе дворяне отличаются усердною службою государю и своему мѣстному отечеству, особенно въ рядахъ воинства. Невозможно имѣть лучшихъ офицеровъ и должностныхъ по нравственности, честности и точности при исполненіи обязанностей. Отъ самой колыбели пріучаютъ дѣтей къ порядку и добронравію и прилежанію. Когда молодые люди вступаютъ на службу, хотя бы это было въ отдаленнѣйшія мѣстности Россіи, то они все-таки остаются подъ бдительнымъ надзоромъ и контролемъ родныхъ и земляковъ своихъ. Худое поведеніе, безчестный поступокъ удаляетъ ихъ навсегда изъ лона ихъ семейства. Кто подвергаетъ себя такому несчастью,—будь онъ хоть губернскій предводитель дворянства, какъ то случилось за пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ съ однимъ предводителемъ, который безотчетно издержалъ небольшую сумму дворянскихъ денегъ,—то немедленно исключаютъ его изъ сословія дворянъ. Несчастный сохранилъ свой чинъ превосходительства, свой владимірскій крестъ на шеѣ, но уже не смѣлъ являться въ собраніе въ рыцарскую залу и ни въ какое публичное собраніе дворянъ. Такой же участи подвергъ себя въ этомъ столѣтіи другой дворянинъ, злостно-несостоятельный должникъ.

Исправность въ исполненіи обязанностей служебныхъ, строгая нравственность становятся качествами врожденными у эстляндскихъ дворянъ и вкореняются тщательнымъ воспитаніемъ. Главные начальники изъ коренныхъ православныхъ русскихъ людей воздавали имъ полную справедливость, полагаясь охотно на ихъ точность и совѣстливость въ исполненіи данныхъ порученій. Солдаты любили ихъ за знаніе

службы, за справедливость и за трезвость. Не знаю—соревнованіе ли или зависть, или обидчивость оскорбленнаго честолюбія заставили нашего знаменитаго А. П. Ермолова сказать императору Александру I, спросившему его, когда тотъ со славой пріѣхалъ изъ Кавказа въ 1820 году,—«чѣмъ тебя наградить?»—«Ваше величество! сдѣлайте меня нѣмцемъ, тогда я буду имѣть счастье находиться ближе къ особѣ вашей и пользоваться вашей довѣренностью».—Такое выраженіе могло быть вызвано только негодованіемъ личнымъ или ложнымъ кваснымъ патріотизмомъ, предполагающимъ, что только тотъ русскій, котораго фамилія кончается на *овъ* или на *инъ* или кто публично осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ. Окончаніе фамильнаго прозвища или различіе вѣроисповѣданія не входитъ въ принадлежность гражданина. Тезка и сослуживецъ Ермолова, А. П. Никитинъ, созвалъ полковыхъ командировъ кавалерійскихъ полковъ одной изъ дивизіи своего корпуса; въ числѣ шести было пять православныхъ. Къ нимъ обратился Никитинъ и сказалъ: «вы, господа, креститесь, а кладете солдатскія деньги въ карманъ себѣ, а вотъ командиръ (указывая на шестого изъ татаръ некрещеныхъ) не крестится, а все сполна отпускаетъ и людямъ и лошадямъ». Такъ прямой русскій каждому воздаетъ должное. Какъ будто губерніи Эстляндская, Лифляндская, Курляндская, хотя на особыхъ правахъ, не составныя части общей Россіи, какъ губерніи Смоленская, Могилевская и Харьковская! Какъ будто въ смыслѣ государственной связи и общей жизни государственной въ нашемъ великомъ отечествѣ всѣ жители прибалтійскихъ губерній, пользующіеся особыми правами, не такіе же полноправные русскіе, какъ жители всѣхъ другихъ частей Россіи. Пора и у насъ сроднить племена, признающія отечество единымъ нераздѣльнымъ. И у насъ водились поляне, хорваты, кривичи, древляне и чуди, такъ неужели Россія Бѣлая, Червонная, Новая, Малая, Великая—все различныя Россіи, все различныя отечества? Предубѣжденіе, основанное на предразсудкахъ, на фанатизмѣ, на неправильныхъ понятіяхъ, всегда останется предубѣжденіемъ.

Въ числѣ различныхъ привилегій, дворяне эстляндскіе до прошедшаго года имѣли исключительное право владѣть дворянскими помѣстьями въ Эстляндіи. Что касается личнаго моего убѣжденія, то я врагъ всѣхъ привилегій, всѣхъ монополій, не люблю никакихъ исключительныхъ правъ въ пользу отдѣльныхъ сословій или отдѣльныхъ лицъ; но долженъ сознаться, что дворянство, особенно до начала текущаго столѣтія, съ величайшею разборчивостью расширяло кругъ своего сословія и оттого могло поддерживать свои права и отвѣчать за каждаго новаго члена своего. Для Эстляндіи право это приносило пользу важную, оттого что всѣ общественныя должности занимаются лицами выборными, служащими свой положенный срокъ безъ жалованья. Милліонеры не гнушались самою мелкою должностью и исправляли ее въ свое трехлѣтіе съ примѣрнымъ усердіемъ. Нетрудно было и избирать: всѣ члены наперечетъ были каждому извѣстны. Что же касается нѣкоторыхъ привилегій горожанъ, ремесленниковъ и цеховыхъ, то онѣ такъ уродливы и такъ несоотвѣтственны потребностямъ современнымъ, что сами собою рушились.

О милыхъ моихъ землячкахъ дворянскаго и городского сословія я долженъ сказать, что онѣ отличаются разительною статностью свѣжестью и необыкновенно нѣжнымъ и бѣлымъ цвѣтомъ лица, какого подобнаго я нигдѣ не встрѣчалъ въ другихъ странахъ; эта нѣжность и бѣлизна происходятъ не отъ климата, не отъ воды, не отъ средствъ косметическихъ, но отъ воспитанія съ дѣтства. Кромѣ наруж-

ныхъ достоинствъ онѣ отличаются религіозностью, вѣрностью аккуратностью и передаютъ эти хорошія качества изъ рода въ родъ. Домовитость ихъ извѣстна, а аккуратность ихъ иногда вводитъ въ бѣду мужей, командующихъ полками, потому что они, по врожденной страсти къ порядку, склонны вмѣшиваться въ хозяйство полковое. Женщины въ крестьянскомъ сословіи опрятны, трудолюбивы и честны, но не хороши собою ни лицомъ, ни статностью; вѣроятно, это происходитъ отъ грубыхъ и тяжелыхъ работъ; онѣ молотятъ и косятъ и безпрестанно трудятся.

Глава восемнадцатая.

Возвращеніе на родину.

Родина.—Братъ Отто.—Ментакъ.—Морское купанье.—Учебныя занятія.—Эцъ.—Большая Солдина — Царская милость. — Новое горе.—Толки и переписка. —Письмо къ цесаревичу.—Дѣло идетъ все хуже. — Обученіе. — Неудача отъ водевилей. — Отправка въ дворянскій полкъ. — А. И. Крутовъ. — Внимательность вел. кн. Михаила Павловича.—Производство въ офицеры.—Измѣненія въ сельскомъ хозяйствѣ. — Фермажъ. — Указъ 2-го апрѣля 1842 г. — Освобожденіе отъ полицейскаго надзора.

Изложивъ кратко главныя происшествія въ моей родинѣ съ 1158 года, обращаюсь къ продолженію моихъ повѣствованій—къ возвращенію на родину. Истинно—родина святая! И какое счастье, какая радость возвратиться въ нее послѣ ссылки! Все по обѣимъ сторонамъ дороги было мнѣ знакомо, все было родное отъ неба до земли, только въ нѣсколькихъ мѣстахъ замѣтилъ новыя усадьбы. Вайварскія горы, послѣ сибирскихъ и кавказскихъ, показались мнѣ не исполинскими, но все же прелестными: море Балтійское или Варяжское видно было у Вайвары, Пейтгофа, Раустфера и Чудлей въ различныхъ переливахъ синяго, сѣраго и бѣлаго цвѣта. Обрадовался встрѣчѣ съ работающими эстами; физіономіи были все тѣ же, но большую нашелъ перемѣну въ одеждѣ, въ упряжи,—все было опрятнѣе и прочнѣе и красивѣе. Ночевали въ Іевве, чтобы на другой день поутру быть на могилахъ родителей. Оставалось намъ ѣхать еще семнадцать верстъ до мѣста моего рожденія, до Ментака, тогда собственное помѣстье брата моего Отто. Вправо отъ дороги, на 9-ой верстѣ отъ станціи, показалась отдѣльная высокая роща мызы Каллины, гдѣ родился отецъ мой. Наконецъ, доѣхали до горки, съ коей начинается граница Ментака. Отсюда все было знакомо мнѣ—отъ большого гранитнаго камня, разсѣченнаго молніемъ, до каждаго стараго дерева. Прежнія рощи кое-гдѣ исчезли, на ихъ мѣстѣ были густыя жнивы и стояли большіе сараи для складки хлѣба и клевера. Наконецъ сквозь рощи просвѣчивались бѣлыя стѣны Ментакскихъ зданій; мелькнули два столба верстовыхъ въ видѣ обломковъ колоннъ,—символическаго знака масонскаго,—поставленные отцомъ моимъ; показались пяти, шести и осмиугольные сѣнные сараи, построенные имъ же въ тѣнистыхъ рощахъ, а рощи эти—прелесть,—любимыя мѣста отца моего. Между тѣмъ безпрестанно повторялъ: «пошелъ! пошелъ!» Сердце хотѣло выскочить, дыханіе остановилось, я уже

пе могъ разглядѣть строеній. На крыльцѣ стояли невѣстка моя Юлія и сестра Каролина. Не помню, какъ сошелъ съ тарантаса и очутился въ объятіяхъ любимаго брата.

Братъ мой Отто постарѣлъ лицомъ, волосы посѣдѣли, но душой, предпріимчивостью былъ такой же, какимъ зналъ его прежде. Послѣ многихъ и долгихъ странствій находился я опять въ тѣхъ стѣнахъ, въ коихъ стояла колыбель моя. Огромный каменный домъ послѣ пожара былъ перестроенъ и внутри иначе устроенъ братомъ и предлагалъ всѣ возможныя удобства новѣйшаго времени. Въ пятнадцать лѣтъ братъ мой сдѣлался богачемъ; началъ земледѣліемъ, устроилъ пространство полей, луговъ и доходовъ, купилъ еще большія помѣстья, взялъ на откупъ два уѣзда и Кронштадтъ; кромѣ того, дѣятельность его нашла довольно еще времени, чтобы быть комиссіонеромъ эстляндскаго дворянства и сбывать произведенія его,—вино и хлѣбъ,—въ Петербургъ. Многосложныя дѣла эти, опасная отвѣтственность безпрестанно вырывали его изъ семейнаго круга. Онъ передалъ мнѣ весь нижній этажъ, я жилъ въ его домѣ на всемъ готовомъ, какъ въ волшебномъ замкѣ, гдѣ по мановенію руки накрывался столъ лучшими яствами и винами, подавали экипажъ къ крыльцу—однимъ словомъ, все что нужно было для жизни, все было даровое и даровано съ любовью и съ наслажденіемъ. Помню какъ часто, когда братъ возвращался изъ частыхъ поѣздокъ по дѣламъ, встрѣчалъ онъ меня со слезами радости и благодарности къ Богу, что могъ меня такъ принять и успокоить. Добрая жена моя радовалась моей радости и безотлучно находилась при больномъ сынѣ Василіѣ. Дѣти мои скоро сдружились съ дѣтьми брата; дочь моя Инна весело бѣгала по большимъ комнатамъ, по большой красивой лѣстницѣ и сказала, что она уже довольно ѣздила, что не надобно другого постоялаго двора. Наши два семейства наполнили домъ; столъ накрывался какъ для многочисленныхъ гостей; кромѣ родныхъ, были учитель, гувернантка, надзирательиица и секретарь. По вечерамъ, послѣ уроковъ зимою, для забавы и движенія училъ я мальчиковъ ружейнымъ пріемамъ и маршировкѣ; дочь моя становилась въ шеренгу, когда маршировали подъ музыку. Лѣтомъ послѣ уроковъ бродили по рощамъ и полямъ, знакомились съ сельскимъ хозяйствомъ; у брата было чему поучиться по этой части. Жниво или стерно было густо какъ щетка; мы пріѣхали въ Ментакъ 15 августа, хлѣбъ былъ сжатъ, при насъ еще долго собирали картофель, съ сотни десятинъ, изъ него выкуривали водку, которая превращалась въ золото. Все уродилось такъ обильно въ томъ году, что молотьба продолжалась двумя мѣсяцами долѣе обыкновеннаго времени.

Чрезъ недѣлю по пріѣздѣ моемъ на родину поѣхалъ я съ невѣсткою въ Ревель, чтобы тамъ явиться губернатору Павлу Бенкендорфу и посѣтить моихъ двухъ замужнихъ сестеръ, Варвару и Елисавету, по сію и по ту сторону Ревеля. Я спѣшилъ воспользоваться правомъ путешественника, потому что въ указѣ моей отставки было сказано, чтобы я безвыѣздно находился въ предѣлахъ мѣста жительства. Свиданіе съ сестрами, съ ихъ семействами было истиннымъ наслажденіемъ. Знакомыя мнѣ прежде дѣти стали мужами и взрослыми дѣвицами; съ отроками, съ юношами вступилъ въ новое знакомство. Чрезъ нѣсколько дней поѣхали обратно уже втроемъ, невѣстка моя ѣздила за дочерью, которая все лѣто гостила у тетки своей графини Делагарди близъ Гапсаля. Племянницѣ моей Лилли было четырнадцать лѣтъ, отъ природы была она одарена умомъ и любезностью и граціозностью въ высшей степени; часто услаждала она наше пребываніе въ Ментакѣ. Я уже сказалъ, какъ хорошо мнѣ было въ Ментакѣ,

гдѣ каждый шагъ напоминалъ мнѣ моихъ родителей, мое дѣтство и отрочество, какъ счастливы были братъ и невѣстка имѣть насъ у себя подъ одною крышею; но, кромѣ любви къ родному мѣсту, къ роднымъ, въ каждомъ человѣкѣ есть любовь къ своему углу, къ своему горшку щей, гдѣ онъ дома, а не въ гостяхъ, и эта любовь заставила меня просить брата, чтобы онъ далъ мнѣ для пребыванія другой домъ, въ другомъ его помѣстьи, въ замкѣ Эцъ, гдѣ я по сосѣдству съ Іевве имѣлъ искуснаго доктора для больного сына. Братъ мой немедленно изъ Дерпта вызвалъ печниковъ, приказалъ все устроить и красить, такъ что я 29-го января могъ туда переѣхать съ семействомъ.

1-го іюля перебрался на нѣсколько недѣль для морского купанья въ помѣстье Сакгофъ, гдѣ нанялъ отдѣльный домикъ на краю крутой скалы. У подножія скалы, въ близкомъ разстояніи отъ морского берега, столѣтнія beresты или ульмы своею тѣнью придавали прохладу въ знойный день, а во время бури движеніемъ вѣтвей и шелестью листьевъ вторили шуму волнъ. Каждый день я купался, ходилъ по берегу моря, никогда не умолкавшаго; даже при совершенномъ штилѣ все слышно было движеніе, все видима была безконечность, и все вызывало размышленія и надежды; я бесѣдовалъ съ волнами, отвѣчалъ на плески ихъ пѣснями, восхищался безконечно разнообразными видами заката солнца, восхода луны и отраженія звѣзднаго неба на зеркалѣ неизмѣримомъ. Жена моя и младшія дѣти не купались, она страдала головною болью и получала облегченіе каждый разъ, когда съ работою или съ книгою посидитъ часокъ на балконѣ. Здоровье второго и третьяго сына было совершенно разстроено быстрою перемѣною климата сибирскаго и кавказскаго, коклюшъ разбилъ ихъ груди; они пили козье молоко, были все на воздухѣ, въ движеніи и получили облегченіе. Лучшее для меня купанье было, когда море волновалось отъ западнаго вѣтра вода становилась теплѣе, соленѣе, когда съ трудомъ могъ держаться на костыляхъ противъ волнъ, подымавшихъ и опрокидывавшихъ меня чрезъ костыли, и не разъ прикачивали меня къ обломку гранитной скалы. Съ балкона и съ берега ежедневно видны были корабли и купеческія суда, плывшія на всѣхъ парусахъ, то изъ Петербурга, то въ Петербургъ. Одинъ изъ фрегатовъ особенно красовался въ виду нашемъ, дѣлалъ быстрыя движенія и повороты, какъ послушнѣйшій верховой конь; онъ будто манилъ кого и обѣщалъ довести до желанной пристани. Хозяинъ нашего лѣтняго домика г-нъ Левизъ отличался необыкновенною скромностью при высокой образованности и изысканной начитанности. Сестрицы его осыпали жену мою и дѣтей самою предупреждающею внимательностью. Въ концѣ іюля разстался я со старшимъ сыномъ моимъ Евгеніемъ; братъ мой Отто отвезъ его въ Петербургъ въ училище правовѣдѣнія на экзаменъ, который онъ выдержалъ отлично хорошо, такъ что изъ числа 100 экзаменовавшихся кандидатовъ только 30 могли поступить въ комплектъ, и онъ былъ въ числѣ этихъ 30-ти не послѣдній. Сынъ мой доставилъ мнѣ этимъ большое утѣшеніе и хотя онъ во многихъ предметахъ уже безъ меня былъ приготовленъ моею своячениею и послѣ учителями, однако иные предметы, коимъ учился почти три года подъ моимъ исключительнымъ руководствомъ и въ коихъ онъ отъ новыхъ соучениковъ своихъ въ училищѣ не отставалъ, придали мнѣ больше увѣренности въ моихъ учительскихъ занятіяхъ и польстили самолюбію. Особенно поразилъ онъ экзаменаторовъ въ латинскомъ языкѣ знаніемъ всѣхъ исключительныхъ правилъ грамматики.

Осенью, возвратившись въ Эцъ, я получилъ новаго ученика въ замѣну старшаго сына, племянника Эвальда, второго сына брата моего Отто, мальчика добронравнаго, искренняго, со всѣми врожденными склонностями къ военному поприщу. Нахожу, что у насъ въ Россіи вообще ученикамъ труднѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ; здѣсь, кромѣ родного языка, онъ учится еще тремъ иностраннымъ. Сколько надобно на то времени лишняго въ сравненіи съ учениками въ Англіи, во Франціи и въ Германіи, гдѣ они преимущественно учатся языку отечественному и на ономъ всѣмъ другимъ предметамъ; знаніе иностранныхъ языковъ почитается у нихъ роскошью, а у насъ необходимостью. Тамъ на родномъ языкѣ они учатся основательнѣе всѣмъ наукамъ и болѣе имѣютъ времени къ тому, между тѣмъ какъ у насъ прибавочное занятіе иноземною словесностью отнимаетъ время и оттого даетъ знаніе поверхностное. Я нисколько не противъ обученія иностраннымъ языкамъ, признаю всю пользу ихъ, всю красоту и богатство литературное; но пусть имъ обучаются тѣ, которые имѣютъ къ тому случай съ малолѣтства, которые готовятся къ обращенію съ чужими краями по службѣ, по торговлѣ, по усовершенствованію въ наукахъ; но не вижу никакой необходимости, по коей дѣти обоего пола, всѣхъ сословій, во всѣхъ высшихъ училищахъ и пансіонахъ непремѣнно должны учиться, по крайней мѣрѣ, двумъ иностраннымъ языкамъ, чтобы послѣ позабыть ихъ совершенно.

Возвратившись съ морского купанья, постепенно началъ я ощущать больше силъ въ больной ногѣ, такъ что на мгновеніе могъ опереться кончикомъ носка, и чрезъ нѣсколько недѣль съ радостью бросилъ одинъ изъ костылей, замѣнивъ его палкою. Это было для меня великимъ облегченіемъ не только въ движеніяхъ, но для груди моей, которая пострадала отъ принужденнаго подыманія плечъ въ теченіе шести лѣтъ. Въ Эцѣ жилъ я съ семействомъ моимъ въ большомъ домѣ; братъ мой навѣщалъ меня такъ часто, какъ позволяли ему дѣла его.

Каждый вечеръ собирались ко мнѣ на полчаса надзиратели работъ и амбарщики; я записывалъ всѣ работы, всѣхъ работниковъ бывшихъ въ тотъ день на работѣ, отмѣчалъ въ спискахъ поименно; велъ всѣ приходы и расходы. Такимъ образомъ научился я сельскохозяйственной бухгалтеріи, которая впослѣдствіи мнѣ очень пригодилась. Мнѣ хорошо было жить въ Эцѣ: когда съ дѣтства мнѣ знакомый корчмарь изъ Ментака, Левъ Бѣляевъ, землякъ Ломоносова, навѣстилъ меня тутъ въ первый разъ, то сказалъ мнѣ: «ты живешь какъ въ храмѣ Божіемъ».— Вѣроятно, разумѣлъ онъ высокіе каменные своды во всѣхъ комнатахъ, вмѣсто плоскихъ потолковъ,—или благочестивую жизнь и христіанскія дѣйствія жены моей, о чемъ молва не умолкала.—Съ одной стороны дома изъ оконъ видны были церковь и кладбище, въ коемъ покоится прахъ родителей моихъ, куда часто хаживалъ; съ другой стороны видна была почтовая дорога въ Ревель; а съ третьей стороны — усадьба и помѣстье сосѣда полковника Толя. Съ четвертой стороны, за хорошимъ фруктовымъ садомъ видны были со двора и съ почтовой дороги развалины и стѣна съ двумя оконницами древняго замка Эцъ, о коемъ упоминается во всѣхъ лѣтописяхъ рыцарскихъ временъ. — Добрые сосѣди навѣщали меня и не обижались, что я не отдавалъ имъ визитовъ; они знали, что мнѣ запрещенъ былъ выѣздъ изъ мѣста жительства. Изъ прежнихъ знакомыхъ, которыхъ я зналъ въ домѣ отца моего, засталъ только троихъ, извѣстныхъ умомъ и остротою—К. Бреверна, Ф. Толя и К. Врангеля; прочіе въ цѣломъ уѣздѣ были новаго поколѣнія, мнѣ лично не знакомаго.

Чрезъ гражданскаго губернатора Бенкендорфа получилъ я дозволеніе переѣхать на жительство въ Большую Солдину, подъ предлогомъ сосѣдства города Нарвы, гдѣ жена и дѣти мои могли имѣть по близости свою православную церковь.

3-го апрѣля 1841 года переѣхали на новоселье.—На родныхъ могилахъ просили у Бога благословенія. У іевской почтовой конторы остановилъ меня почтмейстеръ и вручилъ мнѣ деньги за курганскій домъ, который купленъ былъ Клечковскимъ, однимъ изъ сосланныхъ туда поляковъ.—При возвращеніи моемъ на родину, имѣлъ я великое утѣшеніе, что въ томъ же самомъ году никто изъ моихъ соузниковъ не оставался въ тюрьмѣ Петровской или въ каторжной работѣ: высшій разрядъ осужденныхъ былъ поселенъ въ іюлѣ мѣсяцѣ по различнымъ мѣстностямъ Сибири.

Въ среду на святой недѣлѣ пріѣхали въ Большую Солдину; почтовая дорога пылилась, а на поворотѣ близъ Ольгины ѣхали по проселочной дорогѣ, и въ виду деревни завязла коляска такъ, что крестьяне съ рычагами подняли переднія колеса изъ болота. Домикъ подъ ветхою крышею, скотный дворъ полуразвалившійся, конюшня, сарай и баня,—все выказывало разрушеніе. Внутри домика было не лучше.— Земля была плодородна; луга были роскошны отъ влажности почвы; но зато на пространствѣ одиннадцати квадратныхъ верстъ больше девяти составляли болото. Крестьяне были разорены частью оттого, что владѣльцы отдавали имѣніе въ аренду, частью отъ переселенія крестьянъ-старожиловъ, а на ихъ мѣстахъ новые пришельцы не умѣли извлекать выгоды отъ сосѣдства съ городомъ, а, напротивъ того, городъ развращалъ и разорялъ ихъ. Въ двѣнадцати дворахъ было только шесть хозяевъ, обрабатывавшихъ господскія поля, остальные были все бобыли или батраки. Изъ 160-ти жителей обоего пола едва было 30, которые жили въ довольствѣ и работали исправно. Двумъ хозяинамъ купилъ я лошадей, другимъ помогалъ деньгами, но все напрасно, пришлось держать еще наемныхъ работниковъ и рабочихъ коней. На Ѳоминой недѣлѣ прибыли плотники изъ смоленской и вологодской губерніи, каменщики изъ ярославской, и съ ними началъ постройки безъ архитектора, безъ подрядчика; самые смѣтливые изъ плотниковъ помогали мнѣ совѣтами. Работа шла чрезвычайно скоро, оттого что каждую субботу, за нѣсколько часовъ до вечерней зари, расчитывался и расплачивался со всѣми. Кого замѣтилъ въ лѣности, нерадѣніи или незнаніи своего дѣла, того безъ хлопотъ отставлялъ отъ работы по заключенному добровольному условію. Въ двѣ недѣли была выстроена новая баня; пока мы жили въ старомъ домѣ, гдѣ не только вѣтеръ продувалъ сквозь щели, но и дождь пробивалъ крышу и потолокъ. — 7-го мая жена моя благополучно родила пятаго сына Андрея и чрезъ двѣ недѣли перемѣстилъ я мать съ новорожденнымъ, съ дочерью и съ сестрою въ новую баню, а съ учениками кочевалъ я въ старомъ домѣ изъ одной комнаты въ другую, наконецъ, въ сѣни; между тѣмъ покрыли новую крышу, передѣлали комнаты, конопатили стѣны и обшили ихъ тесомъ, клали новыя печки и оклеили новыми обоями. Кромѣ бани, я долженъ былъ выстроить еще шесть новыхъ строеній: людскую, конюшню, амбары, погреба и скотный дворъ. Братъ мой совѣтовалъ мнѣ не торопиться, полагалъ, что въ краткое лѣто не окончу и предложилъ мнѣ на зиму возвратиться въ Эцъ. Въ сентябрѣ онъ заѣхалъ къ намъ изъ Петербурга въ самый тотъ день, когда жена моя изъ временнаго помѣщенія перебралась на новоселье въ устроенный домъ. Работники сами дивились сложной и спѣшной работѣ своей; если были ошибки и промахи въ постройкѣ, то виноватъ я одинъ, что вздумалъ быть архитекторомъ безъ всякой опытности по этой части.

Въ томъ же году было бракосочетаніе наслѣдника престола цесаревича Александра Николаевича. Пріятели мои увѣдомили меня изъ Петербурга, что въ этотъ торжественный день женихъ, при выходѣ изъ отцовскаго кабинета, сказалъ одному изъ своихъ приближенныхъ: «не повѣришь, какъ милостивъ государь, отецъ мой: онъ сыновей Р... возвелъ въ прежнее дворянское достоинство отца».— Пріятели поздравляли меня, а я тщетно ждалъ объявленія. Послѣ узналъ я, что дѣйствительно императоръ согласился исполнить просьбу сына, съ особеннымъ участіемъ и неоднократно ходатайствовавшаго за дѣтей моихъ, но что въ тотъ же самый день, когда бумага была написана, получено было донесеніе на М. С. Лунина, о секретной его перепискѣ, вслѣдствіе чего онъ былъ перемѣщенъ изъ поселенія въ Нерчинскъ, подъ строгій присмотръ, и ожидаемая милость для дѣтей моихъ была отложена.—Въ слѣдующемъ 1842 году получилъ я предписаніе отъ новаго губернатора, чтобы я вмѣстѣ съ женою явился къ нему 16-го апрѣля въ день бракосочетанія наслѣдника престола для выслушанія царской милости. Жена моя не могла ѣхать со мною по причинѣ болѣзни: она рѣдко выходила изъ дому, вообще не хотѣла думать о выѣздахъ, потому что мнѣ запрещено было выѣзжать. Я самъ тоже былъ нездоровъ, но радостное ожиданіе облегченія участи моихъ дѣтей, придало мнѣ бодрости, и я пустился въ путь на курьерскихъ, чтобы не опоздать къ назначенному часу. Губернаторъ И. Е. Гринвальдъ принялъ меня съ искреннимъ участіемъ, поздравилъ съ монаршею милостью и подалъ мнѣ бумагу. Я началъ читать съ особеннымъ біеніемъ сердца, но условіе милости перемѣнило радостное и благодарное чувство на негодованіе. Положивъ бумагу на столъ, я объявилъ губернатору, что не имѣю права согласиться на такое условіе. Вотъ содержаніе бумаги, съ которой имѣю скрѣпленную копію. Бумага была не конфиденціальная или тайная, а просто явная и циркулярная, и вызовъ былъ публичный.

Графъ Бенкендорфъ увѣдомилъ гражданскаго губернаторства отъ 28 марта 1842 г., что всемилостивѣйше повѣлено сыновей моихъ, записанныхъ въ кантонисты, помѣстить, буде пожелаетъ сего отецъ и мать, въ казенныя учебныя заведенія съ тѣмъ, чтобы они утверждаемы были въ правахъ дворянства только по выпускѣ изъ заведеній, если заслужатъ сей милости нравственнымъ поведеніемъ, хорошими правилами и успѣхами въ наукахъ, и чтобы имъ не дозволять носить фамилію *отцовъ ихъ*, но именоваться по отечеству. Его величеству благоугодно, чтобы изложенная монаршая милость объявлена была вашимъ превосходительствомъ Розену и его женѣ 16-го числа будущаго апрѣля мѣсяца, въ ознаменованіе дня бракосочетанія государя наслѣдника цесаревича. Сообщая о сей высочайшей волѣ вашему превосходительству къ исполненію, покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, о послѣдующемъ меня увѣдомить для дальнѣйшихъ съ моей стороны распоряженій, доставивъ вмѣстѣ съ тѣмъ ко мнѣ, въ случаѣ изъявленія отца желанія на помѣщеніе въ казенныя заведенія дѣтей его, требуемыя при семъ свидѣтельства о крещеніи и здоровьи сихъ послѣднихъ.

Рѣшиться было недолго и нетрудно; совѣсть и здравый смыслъ говорили ясно, что я не имѣлъ права отказаться отъ достоянія, принадлежащаго не собственно мнѣ, но моимъ предкамъ и моимъ потомкамъ. Губернаторъ желалъ меня утѣшить, замѣтилъ, что дѣти мои, воспитанныя мною, поймутъ современемъ, почему я отрекся бы отъ имени родового, что время можетъ все опять перемѣнить и проч., на что я

возразилъ ему чистосердечно, что можетъ быть дѣти мои или внуки стали бы укорять меня въ подобномъ отреченіи, и что вообще, какъ могу я отдать или бросить то, что мнѣ не принадлежитъ? Главнѣйшая собственность человѣка — фамильное имя его, потому что оно переходитъ къ нему вмѣстѣ съ рожденіемъ его, остается при немъ въ теченіе всей его жизни и остается его принадлежностью за предѣлами его гроба. Въ заключеніе просилъ у него позволенія доставить ему сегодня же письменной отзывъ мой на имя графа Бенкендорфа. Возвратившись въ гостиницу, выложилъ на столъ бумагу и перья, прочелъ еще разъ роковое отношеніе — или предложеніе, или условіе, или договоръ, или искушеніе; обмакнулъ перо и ничего писать не могъ. На сердцѣ было не ладно, не хорошо; долго ходилъ я по комнатѣ взадъ и впередъ, зналъ, о чемъ писать, но не зналъ какъ писать. Сильнѣйшій въ мірѣ властелинъ предлагаетъ условіе рядовому, желая ему благодѣтельствовать, а рядовой принимаетъ благодѣяніе за позоръ и за жесточайшее наказаніе. Признаюсь, я былъ оскорбленъ, я былъ обиженъ, и все ходилъ, ходилъ по комнатѣ,—вдругъ услышалъ одинъ протяжный звукъ отъ удара въ соборный колоколъ, чрезъ нѣсколько минутъ два такихъ удара, чрезъ четверть часа три такихъ удара сряду, и вспомнилъ, что въ церквахъ читаютъ двѣнадцать евангелій о страданіяхъ Іисуса Христа,—въ тотъ день былъ великій четвергъ. Мысль моя отторглась отъ дѣла земного, отъ земныхъ страстей, отъ обидъ и оскорбленій людскихъ. Мнѣ предсталъ Спаситель, запечатлѣвшій въ этотъ день основаніе святой любви, долготерпѣнія, снисхожденія къ ученику неблагодарному и къ злобѣ разъяренной толпы. Съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія и смиренія перенесся къ нему молитвою и просилъ его помощи, просилъ его заступничества, и въ такомъ настроеніи души безъ малѣйшей гордости или злобы просилъ его избавить отъ подобнаго искушенія искушающаго меня. Спокойно и тихо сѣлъ за письменный столъ, въ четвертый разъ прочелъ бумагу и остановился на словахъ — отцовъ ихъ, по коимъ могъ догадаться, что милость эта относилась не исключительно къ моимъ дѣтямъ, но также относительно моихъ женатыхъ товарищей. Послѣднія строки въ бумагѣ требовали доставленія свидѣтельствъ о крещеніи и здоровьи моихъ дѣтей для опредѣленія,—и тутъ мысль о разлученіи съ ними въ такомъ нѣжномъ возрастѣ, (старшему было десять лѣтъ, младшему годъ) опять начала смущать меня. Убѣдительно просилъ я графа Бенкендорфа исходатайствовать мнѣ милость, чтобы сыновья мои могли оставаться подъ моимъ руководствомъ до достиженія 14-ти лѣтняго возраста, и чтобы имъ дозволено было сохранить фамилію предковъ, которую я ношу и которою не могу располагать лично. Прошеніе вручилъ я въ тотъ же вечеръ губернатору незапечатаннымъ, какъ дѣлалъ со всѣми письмами моими къ Бенкендорфу и вообще жандармскому начальству; это дѣлалъ я для того, чтобы отъ себя и отъ нихъ отстранить кривые толки. До выѣзда моего, въ страстную пятницу, посѣтилъ меня единый въ живыхъ дядя мой, братъ матери, Сталь фонъ Голштейнъ; хотя семнадцать лѣтъ не видѣлъ его, но узналъ тотчасъ при входѣ его въ дверь, чему старецъ много обрадовался, какъ вѣрнѣйшему доказательству, что мало постарѣлъ и мало перемѣнился. Я отдохнулъ не прежде, какъ возвратившись въ родной кругъ, къ доброй и кроткой женѣ моей и къ милымъ дѣтямъ, которыя стали для меня еще милѣе и дороже съ той минуты, какъ грозила разлука и мрачная будущность.

По описанному обстоятельству гласному пошли различные толки. Люди разсудительные и понимающіе дѣло воздерживались отъ всякихъ сужденій по этому дѣлу

и даже избѣгали разговоровъ о немъ. Люди положительные и откровенные сказали, что все это нехорошо, и что, вѣроятно, тутъ кроется недомолвка или недоразумѣніе. Люди матеріальные и розорившіеся удивлялись, о чемъ хлопочутъ, и увѣряли, что они съ радостью позволили бы переименовать дѣтей своихъ по фамиліи хоть чертополохами, лишь бы принимали ихъ на воспитаніе въ казенныхъ заведеніяхъ.

Въ то время велъ я жизнь самую дѣятельную: четыре ученика занимали меня цѣлый день за уроками и въ часы отдыха. Кромѣ учебныхъ занятій управлялъ я хозяйствомъ, вмѣстѣ съ учениками ходилъ и ѣздилъ по пашнямъ и лугамъ, заставлялъ ихъ дежурить по очереди, передавать приказанія, выдавать запасы изъ амбаровъ, считать и повѣрять копны хлѣба и сѣна. Въ безпрерывной дѣятельности дни проходили какъ часы, только здоровье не всегда отвѣтствовало трудамъ каждаго дня. Чрезъ мѣсяцъ получилъ я отъ губернатора отвѣтъ на письмо мое къ графу А. Х. Бенкендорфу, «что государь императоръ повелѣть соизволилъ четырехъ малолѣтнихъ сыновей вашихъ оставить при васъ до достиженія ими 14-тилѣтняго возраста»,—о родовомъ имени ни слова.

Въ тотъ же день обратился съ просьбою къ истинному благодѣтелю моему, къ наслѣднику цесаревичу, чрезъ посредство стараго товарища по корпусу, генерала С. А. Юрьевича. Я просилъ ходатайства цесаревича о сохраненіи моимъ дѣтямъ прозвища отцовъ; напомнилъ о заслугахъ моихъ предковъ въ Россіи при Іоаннѣ III, еще за два вѣка до присоединенія Эстляндіи къ Россіи· упомянулъ, что нашъ русскій Леонидъ — графъ Остерманъ Толстой, былъ потомокъ изгнанника, что министръ князь Меньшиковъ также потомокъ изгнанника и очень много другихъ со временъ Анны и Елисаветы, и всѣ они сохранили и удержали свои родовыя имена; что, не сравнивая себя съ ихъ предками, которые были первыми сановниками съ властью и вліяніемъ, не вижу причины, по коей мои дѣти или внуки не могли со славою именоваться моимъ прозвищемъ. Въ заключеніе увѣрялъ я цесаревича, моего освободителя, что совѣстливо воспитываю дѣтей моихъ въ страхѣ Божіемъ, что сердце мое, голова моя, порукою въ истинѣ словъ моихъ.

Чрезъ нѣсколько недѣль, 26 іюня, получилъ я слѣдующій отвѣтъ графа Бенкендорфа генералу Юрьевичу:

«Вслѣдствіе отношенія вашего превосходительства отъ 5 іюня № 201, съ просьбою, поступившей на имя его императорскаго высочества государя наслѣдника цесаревича отъ прикосновеннаго къ происшествію 14 декабря 1825 года проживающаго въ Эстляндской губерніи Розена Андрея, имѣю честь увѣдомить васъ, что подобная просьба была повергаема въ минувшемъ апрѣлѣ на высочайшее воззрѣніе, и его величество изволилъ изъявить на оную свое согласіе. Что-же касается до домогательства просителя о сохраненіи дѣтямъ его фамиліи отца, то поелику въ высочайше утвержденномъ мнѣніи господина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Блудова, господина министра юстиціи графа Панина и моемъ, на счетъ опредѣленія въ военно-учебныя заведенія дѣтей, рожденныхъ отъ государственныхъ преступниковъ, вступившихъ въ бракъ въ дворянскомъ состояніи до постановленія о нихъ приговора, — сказано, чтобъ дѣтямъ симъ не дозволять носить фамиліи отцовъ ихъ, но именоваться по отчеству, я за симъ нахожу съ моей стороны невозможнымъ входить со всеподданнѣйшимъ докладомъ къ государю императору по означенной просьбѣ Розена».

Въ надеждѣ, что время все смягчитъ и устроитъ, продолжалъ я занятія въ школѣ и въ полѣ, какъ неожиданно получилъ съ эстафетою отношеніе губернатора съ приложеніемъ копіи съ бумаги министра внутреннихъ дѣлъ, Льва Перовскаго, отъ 23 сентября 1842 года:

«Нынѣ его величеству благоугодно высочайше повелѣть: сыновей Розена, зачисленныхъ кандидатами въ дворянскій полкъ, помѣстить въ отдѣленіе новгородскаго баталіона военныхъ кантонистовъ, съ оставленіемъ ихъ, согласно послѣдовавшимъ прежде высочайшимъ повелѣніямъ, при родителяхъ до достиженія ими 14-лѣтняго возраста».

Всѣ новыя домогательства съ моей стороны могли только еще болѣе испортить все дѣло: я рѣшился молчать и выжидать. Время оправдало надежду.

Въ обученіи дѣтей моихъ я сталъ руководствоваться программою военныхъ учебныхъ заведеній. Въ сосѣдствѣ моемъ квартировало капральство гренадерскаго Фридриха-Вильгельма III полка, и я упросилъ унтеръ-офицера обучить моихъ сыновей всѣмъ ружейнымъ пріемамъ и маршировкѣ, дабы это не показалось имъ диковинкою или тягостью въ отдѣленіи новгородскихъ кантонистовъ. Между тѣмъ, продолжали они учиться языкамъ латинскому, нѣмецкому, французскому, а у матери учились они англійскому языку. Кромѣ учебныхъ предметовъ, занимало ихъ сельское хозяйство и сельскія работы.

Въ 1843 году имѣлъ счастье принять въ маленькомъ домѣ добрѣйшую тетку, А. А. Самборскую, общую мать нашу, и свояченицу мою, М. В. Вольховскую, съ единственною дочерью и двумя племянницами покойнаго ея мужа. Онѣ оставили теплый, ясный край, обширный домъ, всѣ удобства жизни, чтобы съ нами раздѣлить наше уединеніе и услаждать нашу жизнь на холодномъ и сыромъ сѣверѣ. Не могу забыть встрѣчи съ моею свояченицею; взглядъ ея, черты лица показывали глубокую скорбь о смерти лучшаго друга, а между тѣмъ старалась не дать ее почувствовать ни дочери, ни роднымъ, принимая участіе во всемъ, что до всѣхъ насъ касалось, а печаль скрывала въ себѣ и для себя одной.

Уединенная, но спокойная и мирная жизнь наша въ Солдинѣ испытала новое горе неожиданною перемѣною поприща моего старшаго сына Евгенія, который не пожелалъ доучиться въ училищѣ правовѣдѣнія и промѣнялъ тогу юриста на колетъ и шапку уланскую. Мнѣ оставалось только небольшое утѣшеніе, что я не упустилъ случая и не жалѣлъ никакихъ средствъ, чтобы доставить ему лучшую дорогу для полезной жизни. Трудно, даже невозможно отцу заранѣе опредѣлить родъ службы для сына: способности, дарованія, наклонности развиваются послѣ, въ юношескомъ возрастѣ, и часто случается, что молодой человѣкъ вступаетъ въ свѣтъ противъ своего первоначальнаго назначенія. Мнѣ крайне прискорбно было, что сынъ мой не докончилъ курса,—отъ него самого зависѣло послѣ вступить въ службу, куда угодно. Всегда имѣютъ мнѣніе невыгодное о молодомъ человѣкѣ недоучившемся, и это имѣетъ свое основаніе. Но главное дѣло въ томъ, чтобы сынъ, не исполнившій волю родителей, умѣлъ быть счастливымъ и довольнымъ,—тогда обѣ стороны будутъ вполнѣ удовлетворены. Прошу всѣхъ юношей не страшиться трудовъ научныхъ и до зрѣлости возраста искать не однихъ только наслажденій чувственныхъ, матеріальныхъ.

Въ 1845 г. лишился я младшаго сына моего Андрея, мальчика съ рѣдкими способностями, кои увеличивались съ возрастающею болѣзненностью. Ему не по-

могли лекарства, онъ страдалъ сухоткою; только любовь матери поддерживала его. Охотно отдалъ я его Богу, по вѣрѣ моей, по страданіямъ его и по предстоявшему ему назначенію въ новгородскіе кантонисты, съ запрещеніемъ носить прозвище родовое. Я выбралъ мѣсто для его могилы на старинномъ кладбищѣ Ювалы, на высокомъ берегу Наровы, близъ водопада. Какъ онъ былъ соименный мнѣ, то, не нарушая запрещенія, имѣлъ право написать на могильномъ крестѣ, вмѣсто чужого прозвища, свое родовое. Добрая жена моя и понынѣ груститъ о разлукѣ съ нимъ; при обоюдныхъ ихъ страданіяхъ, онъ умѣлъ утѣшать ее, а ея душа находила наслажденіе въ непрерывной предупредительности нуждъ страждущаго сына.

Въ слѣдующемъ году получилъ предписаніе отправить двухъ сыновей моихъ въ дворянскій полкъ къ экзамену. Тяжела была разлука для меня и для матери; сыновья крѣпились и бодрились, чтобы насъ успокоить. Я во всѣхъ отношеніяхъ приготовилъ ихъ для отвращенія всякихъ недоразумѣній и непріятностей. Самъ не могъ ихъ отвести,—мнѣ даже въ Нарву запрещенъ былъ въѣздъ,—такъ что добрая тетка Самборская, предъ отъѣздомъ въ Петербургъ, на прощанье сказала мнѣ, что ѣдетъ умереть туда, чтобы прахъ ея покоился на Охтѣ, въ общей могилѣ ея родителей; а если умру у васъ, то вы не можете проводить тѣло мое даже до нарвскаго собора. Предчувствіе ея исполнилось: она скончалась въ Петербургѣ въ 1844 году въ самый день Свѣтлаго Христова Воскресенія.

Андрей Ивановичъ Крутовъ, тотъ самый, который въ 1837 году, въ проѣздъ государя цесаревича по Сибири, чрезъ городъ Курганъ, просилъ убѣдительно А. В. Енохина навѣстить меня въ изгнаніи и помочь моей ногѣ. А. И. Крутовъ въ 1812 г., на 17-мъ году отъ рожденія, былъ выпущенъ изъ 1-го кадетскаго корпуса офицеромъ въ армію, когда готовились отразить нашествіе Наполеона. Онъ участвовалъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ и былъ взятъ въ плѣнъ подъ Смоленскомъ, на половинѣ горѣвшаго моста, и отосланъ во Францію, гдѣ онъ находился два года, сперва въ Суасонѣ, послѣ въ Парижѣ, а по заключеніи мира возвратился въ свое отечество. Въ 1818 году былъ онъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ, а въ 1825 г. вышелъ въ отставку капитаномъ и черезъ годъ былъ назначенъ инспекторомъ академіи художествъ. Эту должность занималъ онъ слишкомъ 25 лѣтъ, исполнялъ ее самымъ ревностнымъ образомъ, служилъ безъ производства, почему прозвали его вѣчнымъ капитаномъ, между тѣмъ какъ, по способностямъ своимъ и по продолжительной службѣ, онъ во всякомъ другомъ вѣдомствѣ давно могъ быть превосходительнымъ. Возмездіе за исправную службу находилъ онъ въ исполненіи обязанностей и въ сношеніяхъ съ образованными художниками. Въ 1851 году была упразднена его должность, и онъ былъ награжденъ чиномъ коллежскаго совѣтника и щедрою пенсіей. Тетка моя была замужемъ за его дядею; въ дѣтствѣ Крутовъ часто бывалъ въ домѣ моихъ родителей, пріѣзжалъ изъ Нарвы на все время каникулъ, и уже тогда мать моя предсказывала о немъ, что онъ будетъ благодѣтельствовать ея дѣтямъ. Мать моя крѣпко вѣрила въ возмездіе, и предсказаніе ея сбылось совершенно для меня. А. И. Крутовъ принялъ моихъ дѣтей съ любовью; онъ лично представилъ ихъ въ дворянскій полкъ, присутствовалъ при ихъ экзаменѣ и всячески старался за нихъ. Начальникомъ полка былъ тогда благородный Н. Н. Пущинъ, человѣкъ много испытанный: изъ полковниковъ былъ разжалованъ въ солдаты и опять дослужился до генеральскаго чина. Сыновья мои были приняты, за экзаменъ ихъ похвалили, а

*

они забавлялись сначала, мистифицируя своего учителя унтеръ-офицера, который со всевозможнымъ стараніемъ и краснорѣчіемъ объяснялъ и показывалъ имъ ружейные пріемы, и какъ только скомандуетъ и они исполнятъ команду, то не могъ довольно надивиться ихъ ловкости и понятливости, а имъ это дѣло было давно знакомо. Трудно себѣ представить мою радость, мое счастье, когда я удостовѣрился, что ихъ не послали въ Новгородъ, въ батальонъ кантонистовъ, и когда они увѣдомили меня, что во всѣхъ спискахъ они поименованы по родовой фамиліи. До сего времени не знаю, какъ это было сдѣлано, но внутренній голосъ твердилъ мнѣ, что это совершено было по содѣйствію государя цесаревича. Чрезъ два года поступилъ и младшій сынъ мой Владиміръ въ тотъ же корпусъ, и когда цесаревичъ, послѣ кончины дяди своего Михаила Павловича, принялъ начальство надъ всѣми военно-учебными заведеніями, то мнѣ на душѣ стало легче.

Третій сынъ мой, Василій, усердствуя въ ученіи, повредилъ своему здоровью. Боль въ груди, изверженіе крови горломъ, повели его въ мартѣ 1848 г. въ больницу, гдѣ врачи сомнѣвались въ его выздоровленіи. Чрезъ двѣ недѣли великій князь Михаилъ Павловичъ посѣтилъ больницу, остановился предъ кроватью моего сына и пристально посмотрѣлъ на дощечку, висѣвшую на стѣнѣ надъ изголовьемъ кровати, съ надписью фамиліи и рода болѣзни. Сказавъ нѣсколько словъ своему начальнику штаба, Ростовцеву, вполголоса, обратился къ больному: «Ничего, не бойся; когда мнѣ было столько лѣтъ отроду, сколько теперь тебѣ, то у меня также было воспаленіе въ груди, и я харкалъ кровью, а теперь, ты видишь, я здоровъ и силенъ, какъ быкъ». Онъ велѣлъ тотчасъ написать для больного сына моего билетъ отпуска на одиннадцать мѣсяцевъ и увѣдомить меня, что онъ не перестанетъ заботиться о моихъ дѣтяхъ, какъ отецъ. Увѣдомленіе это хранится между официальными документами. Великій князь Михаилъ, строптивый по нраву, имѣлъ доброе сердце; онъ скончался чрезъ годъ отъ апоплексіи, приключившейся во время смотра войскъ въ окрестности Варшавы. Благоволеніе его ко мнѣ распространялось и на моихъ товарищей по изгнанію; онъ не былъ злопамятенъ.

Въ 1851 году 7 августа двое сыновей моихъ были выпущены въ офицеры въ артиллерію, вмѣстѣ въ одну батарею. За недѣлю до ихъ выпуска данъ былъ указъ правительствующему сенату о возведеніи ихъ въ дворянское достоинство, съ измѣненіемъ послѣдняго слога родового прозвища.

Непостижима для меня, и навѣрно для каждаго здравомыслящаго, эта манія, эта несообразность отнять фамильное прозвище, достояніе родовое. Могла ли быть отъ этого польза государству или обществу, или правительству? Было ли тутъ намѣреніе уязвить отца или дѣтей, или родовое потомство? но это противорѣчило бы манифесту, изданному послѣ осужденія, въ коемъ императоръ объявилъ, чтобы никто не дерзнулъ упрекнуть родственниковъ за преступленіе родственника. Если это было сдѣлано безъ всякаго преднамѣренія, то не стоило труда и подумать о томъ. Если принять это за личную месть, то какое могло быть соотношеніе между сильнѣйшимъ самодержцемъ и мною? Если приписать это прежней любви или за старинную тему: «кого люблю, того и наказую», то избави, Боже, отъ такой любви!

Покажется еще болѣе невѣроятнымъ, что лишеніе родового прозвища касалось и дочерей нашихъ; однако, вопреки всей строгости начальницъ воспитательныхъ заведеній, соученицы для избѣжанія огорченій, согласились всѣ между собою называть и звать себя не по фамиліи, а по имени и отчеству.

Въ 1853 году младшій сынъ мой Владиміръ, отличившійся также примѣрнымъ поведеніемъ и прилежаніемъ, выпущенъ былъ въ конную артиллерію; по этому случаю воспослѣдовалъ такой же указъ сенату. Въ сентябрѣ того же года имѣлъ я радость видѣть у себя всѣхъ трехъ моихъ артиллеристовъ: двое старшихъ были переведены изъ Полтавской губерніи въ Литву и проѣздомъ гостили нѣсколько дней, а младшій имѣлъ отпускъ предъ отправленіемъ на службу въ свою конную батарею. Могу сказать по правдѣ и съ благодарностью, что эти молодые офицеры проникнуты истиннымъ благородствомъ.

Я проводилъ дорожныхъ сыновей до Печоры, Псковской губерніи. Въ подземномъ храмѣ служили напутственный молебенъ; въ катакомбахъ поклонились гробамъ защитниковъ Пскова и обнялись и простились у гроба Назимова, сподвижника Скопина-Шуйскаго.

Въ краткихъ словахъ упомяну здѣсь о перемѣнахъ, состоявшихся въ управленіи небольшимъ помѣстьемъ Большой Солдины близъ Нарвы, начатыхъ мною и оконченныхъ въ теченіе десяти лѣтъ. Улучшеніе нравственности и опрятности между крестьянами принадлежитъ женѣ моей: она съ самыми ничтожными средствами умѣла поддерживать и распространять грамотность; обходительность ея съ людьми, всегда спокойная, кроткая, благоволящая, снимала постепенно кору жесткую съ черствыхъ и необученныхъ людей. Улучшеніе вещественнаго быта крестьянъ принялъ я на себя.

Въ 1841 году 3 апрѣля засталъ я шесть крестьянскихъ дворовъ посредственно исправныхъ, въ остальныхъ восьми не было ни одной лошади; въ четырехъ была совершенная несостоятельность, банкротство. Жители этихъ дворовъ оставались въ крестьянскомъ обществѣ и причислялись къ бѣдственному разряду бобылей или батраковъ. При такой слабой и ненадежной рабочей силѣ, былъ я вынужденъ содержать наемныхъ годовыхъ работниковъ, рабочихъ лошадей, свои земледѣльческія орудія. Невозможно было приняться за радикальное преобразованіе, безъ основательнаго знанія почвы и всѣхъ составныхъ частей всего имѣнія. Для этого въ слѣдующемъ 1842 г. приступлено было къ спеціальному межеванію и къ нивеллированію, послѣ чего могъ приняться за раздѣленіе полей, луговъ и за осушку части обширныхъ болотъ. Три небольшія деревни были отдѣлены такъ, что онѣ въ своихъ межахъ не заключили бы чрезполосностей, какъ водилось прежде. Все было разсчитано къ тому, чтобы повести крестьянъ отъ барщины или личной обязательной работы къ фермажу или оброку. Осенью 1842 года трое изъ крестьянскихъ хозяевъ тотчасъ согласились на мои условія. Невозможно было требовать отъ нихъ денежныхъ залоговъ, потому что они не имѣли капиталовъ. Чтобы обезпечить себя и устранить всѣ процессы, жалобы и судебныя дѣла, установлено было въ контрактѣ, что ежегодный взносъ платы долженъ быть производимъ въ три срока: въ Юрьевъ день, въ Михайловъ день и въ Срѣтеніе, и въ каждый изъ этихъ сроковъ впередъ. Кто въ назначенный день не внесетъ платы, тотъ обязанъ былъ передать свой участокъ другому фермеру той же деревни, а въ случаѣ, что не найдется такого охотника, то другому постороннему, а самъ несостоятельный хозяинъ могъ или искать себѣ другого мѣста, или поступить опять на барщину. Въ 1843 году четвертый хозяинъ перешелъ въ число новыхъ арендаторовъ, а въ 1845 году двѣнадцать хозяевъ изъ старожиловъ сдѣлались независимыми фермерами. Для большей приманки установилъ я фермажъ наслѣдственный и сверхъ того безъ всякихъ измѣненій арендной платы.

Въ уложеніи для крестьянъ прибалтійскихъ, лично освобожденныхъ въ Эстляндской губерніи въ 1816 году, законъ дозволялъ заключать контракты на фермажъ наслѣдственный, но такого рода аренды нигдѣ не состоялись или отъ недовѣрчивости крестьянъ, или изъ опасенія помѣщика связать себя договоромъ. Въ Большой Солдинѣ впервые, прежде чѣмъ во всѣхъ прочихъ помѣщичьихъ владѣніяхъ, предложенъ былъ такого рода фермажъ, не только наслѣдственный, но и въ цѣнѣ неизмѣняемый, вотъ почему въ этомъ имѣніи съ 1842 года съ 21-го апрѣля онъ введенъ былъ безъ всякихъ затрудненій. О послѣдствіяхъ, совершенно удовлетворительныхъ для обѣихъ сторонъ, упомяну ниже. Переходъ съ барщины къ фермажу сопряженъ былъ съ издержками для помѣщика: на это время надо было замѣнить ежегодно выбывавшую барщину наемными работниками и поденщиками. Крестьяне-же исправно выплачивали аренду; благосостояніе ихъ увеличивалось съ каждымъ годомъ. Смежность съ городомъ, большая дорога, новыя фабрики, извозы въ Петербургъ, близость приморской гавани предлагали безпрестанные заработки. Всѣ завелись лошадками; во дворахъ, въ коихъ не было ни одной въ 1841 году, имѣли въ 1855 году по три лошади. Долги въ запасный хлѣбный магазинъ были всѣ очищены. Въ податяхъ государственныхъ никогда не бывало недоимокъ. Обработка помѣщичьихъ полей производилась вольнымъ трудомъ. Расходы на земледѣльческія орудія и упряжь были очень значительны, особенно по нерадивости работниковъ, такъ что хозяйство съ наемными работниками доставляло выгодную ренту только въ годъ урожайный. По этой причинѣ, въ 1851 году, отдѣлилъ я четыре участка отъ помѣщичьихъ полей, и отдалъ ихъ въ аренду, но только временную—на двѣнадцатъ лѣтъ, предоставивъ себѣ право увеличивать ее по истеченіи срока. Отдѣльная же крестьянская земля остается на постоянныхъ условіяхъ въ рукахъ крестьянъ, имѣющихъ право пріобрѣсти ее покупкою въ полную личную собственность, что мною давно уже предложено крестьянамъ, и всѣ участки означены въ натурѣ и на отдѣльныхъ планахъ.

Въ 1842 году 2 апрѣля императоръ Николай издалъ указъ полезный и человѣколюбивый, коимъ онъ желалъ уничтожить барщину и тѣмъ положить начало къ освобожденію всѣхъ крѣпостныхъ людей во всей Россіи. Очевидецъ разсказывалъ мнѣ, что государь въ этотъ день приказалъ устроить къ вечеру конную кадриль въ дворцовомъ экзерциргаузѣ. По окончаніи ѣзды, въ ярко освѣщенномъ манежѣ, при гремящей музыкѣ, выѣзжая обратно во дворецъ, обратился онъ къ свитѣ своей и сказалъ близкимъ: «то, что я сдѣлалъ сегодня для Россіи, того наслѣдники мои не сдѣлаютъ никогда». Дѣйствительно, цѣль его была благая и великая. Онъ забылъ только назначить въ своемъ указѣ срокъ окончательный, въ какомъ именно году барщина повсемѣстно была бы замѣнена добровольными оброчными контрактами между помѣщиками и крестьянами. Срокъ десяти или двѣнадцати-лѣтній совершилъ бы это великое дѣло при жизни его, и навѣрно оно отклонило бы несчастную крымскую войну. Онъ не вѣрилъ въ возможность сопротивленія высочайшей волѣ. Помѣщики или не хотѣли содѣйствовать этому важному преобразованію, или не постигнули своевременной необходимости быть главными двигателями такого перехода. Князь М. С. Воронцовъ получилъ чрезъ нѣсколько недѣль, послѣ изданія указа, благодарственный рескриптъ за патріотическое стремленіе къ исполненію благой воли царя. Изъ 126.400 помѣщиковъ вообще, или изъ числа 21.400 помѣщиковъ, имѣвшихъ каждый болѣе ста душъ крестьянъ въ своемъ владѣніи, только одинъ десятокъ послѣдовалъ примѣру

Воронцова. Намѣреніе Николая было слѣдствіемъ не минутнаго увлеченія,—нѣтъ, онъ имѣлъ убѣжденіе въ пользѣ этого предпріятія, онъ по крайней мѣрѣ имѣлъ сильное желаніе уничтожить крѣпостное состояніе; я докажу это фактически. Чрезъ годъ, увидѣвъ свои надежды обманутыми, государь издалъ въ 1843 году 3-го апрѣля другой указъ, по коему крестьянамъ заложенныхъ дворянскихъ имѣній въ опекунскомъ совѣтѣ и просрочившихъ уплату долга дозволялось выкупить эти имѣнія и владѣть ими на правахъ собственниковъ. Послѣ этой побочной попытки оказался недостатокъ энергіи въ государѣ, весьма энергическомъ. Подъ самымъ ничтожнымъ, даже ложнымъ предлогомъ,—будто бы крестьяне не имѣли средствъ выкупить просроченныя имѣнія,—онъ самъ уничтожилъ чрезъ два года свой второй указъ, а первый его указъ остался въ печати въ архивахъ, какъ памятникъ безсилія сильнѣйшаго изъ самодержцевъ.

Чтобы послѣ не прервать нити моего повѣствованія, присовокупляю тутъ нѣкоторыя обстоятельства моей жизни во время послѣдняго моего пребыванія на родинѣ. Въ теченіе восьми лѣтъ я не продолжалъ записокъ моихъ, даже не перечитывалъ ихъ. Появленіе исторіи Англіи Маколея возбудило во мнѣ желаніе заняться переводомъ: трудъ этотъ доставлялъ мнѣ отдыхъ и покой во время смутной и печальной эпохи крымской войны. Въ 1853 году я сильно страдалъ грудью, кашель не унимался, тѣлесныя силы ослабѣвали и, предвидя приближающійся конецъ, желалъ пріобщиться Св. таинъ, не дома у себя, а въ церкви, въ сообществѣ христіанъ. Церковь была близка отъ меня, въ Нарвѣ, но я не имѣлъ въѣзда туда, потому что городъ этотъ причисленъ къ Петербургской губерніи. На страстной недѣлѣ, въ великую пятницу, рѣшился ѣхать въ Вайворскую приходскую церковь въ самую страшную распутицу. Въ церкви было холоднѣе и сырѣе, чѣмъ на дворѣ; холодъ пробился въ плитняковыя стѣны, и кашель донималъ меня невыносимо. Когда я, сбросивъ шубу, подошелъ къ алтарю и принялъ причастіе, то съ той минуты кашель совершенно отсталъ, и я возвратился домой здоровый. Медики объяснили это наступившимъ моментомъ кризиса. Между тѣмъ своячениця моя, М. В. Вольховская, постоянный другъ нашъ, проводила эту зиму въ Петербургѣ, узнала о моей болѣзни и довѣрчиво обратилась къ князю А. А. Суворову, который исходатайствовалъ для меня высочайшее разрѣшеніе—побывать въ городѣ Нарвѣ для посѣщенія церкви. Въ праздникъ Вознесенія я навѣстилъ нарвскую церковь, въ которой молился, бывъ ученикомъ городского училища. Тотъ же былъ алтарь, тѣ же органы, тѣ же скамьи, но поколѣніе прихожанъ совершенно новое отъ 1811 до 1853 года. Изъ моихъ прежнихъ знакомыхъ засталъ не больше десяти человѣкъ. На обратномъ пути князя Суворова ожидалъ я его на станціи Вайвары, чтобы благодарить за ходатайство. Чрезъ два года онъ воспользовался еще удобнымъ случаемъ, чтобы освободить меня отъ полицейскаго надзора.

Графъ А. А. Суворовъ-Рымникскій князь Италійскій былъ удаленъ на Кавказъ послѣ 14 декабря. Не громкое имя, не блескъ дѣяній и славы дѣда, но личныя качества и разительная прямота и искренность невольно обратили на него вниманіе императора. Я уже упомянулъ о царскомъ допросѣ,—и неудивительно, что онъ былъ выдвинутъ государемъ и пользовался особенною его довѣренностью; онъ же привезъ Николаю I вѣсть о взятіи Эривани и о взятіи Варшавы. До назначенія его генералъ-губернаторомъ прибалтійскихъ губерній, гдѣ онъ тотчасъ остановилъ волненіе, ропотъ, неудовольствіе общее, имѣлъ онъ случаи доказать свою правдивость неподкуп-

ную; а именно: при открытіи ужасныхъ злоупотребленій въ кавказской резервной дивизіи,—и еще когда въ Костромѣ, по поводу поврежденія памятника, мѣстныя власти при производствѣ слѣдствія, неистовствовали и употребляли пытки. Письменное донесеніе Суворова по этому дѣлу было такъ основательно, что государь велѣлъ его напечатать въ газетахъ. Когда онъ изъ Риги назначенъ былъ въ ту же должность въ Петербургъ, то популярность его достигла высокой степени: она произошла не отъ его искательства, а отъ искренности и прямоты его характера, за что царедворцы другого полета его не любили, а А. Ф. Орловъ называлъ его прямоту восторженностью университетскою. Въ 1853 году, по просьбѣ Суворова, былъ возвращенъ изъ изгнанія престарѣлый товарищъ мой В. К. Тизенгаузенъ. Въ Читѣ мы прозвали его «doyen d'âge» потому что лѣтами былъ онъ старше всѣхъ. Въ отечественную войну 1812 года командовалъ онъ полкомъ, находился въ корпусѣ князя Воронцова, остававшемся временно во Франціи послѣ заключенія мира. Потомъ командовалъ Полтавскимъ полкомъ, былъ арестованъ послѣ 14 декабря, какъ членъ тайнаго общества, былъ осужденъ и сосланъ. Несмотря на старость свою, онъ необыкновенно бодро переносилъ всѣ лишенія, и весело понесъ со мною первую носилку песку въ Читѣ, гдѣ мы на казенной работѣ завалили чертову могилу. Супруга его, урожденная Болтонъ, жила въ Нарвѣ и не могла слѣдовать за мужемъ съ тремя малолѣтними дѣтьми. Два сына его въ 1852 году получили позволеніе навѣстить старца-отца въ Ялуторовскѣ; просили Суворова исходатайствовать отцу возвращеніе на родину и имѣли утѣшеніе быть съ нимъ послѣдніе годы его жизни. Старикъ скончался въ нѣдрахъ своего семейства въ 1857 году безъ болѣзни, отъ аневризма, на рукахъ доброй жены и единственной любимой дочери своей. Каждый четвергъ навѣщалъ я старика: заставалъ у него шурина его А. Р. Болтона, примѣрнаго родственника, обезпечившаго всѣ нужды семейства сестры своей и постоянно помогавшаго всѣмъ нуждающимся въ цѣломъ городѣ, безъ различія сословія, племени и вѣроисповѣданія. Еще заставалъ у него артиллерійскаго полковника Бухольца и генерала К. Тизенгаузена, родного брата нашего В. К., и вчетверомъ игрывали въ бостонъ и въ ералашъ. Генералъ былъ десять лѣтъ адъютантомъ у Аракчеева и сообщалъ мнѣ много занимательныхъ случаевъ о сильномъ временщикѣ. По вторникамъ старцы навѣщали меня въ Солдинѣ, когда погода и дорога допускали. Я уже сказалъ, что всѣхъ болѣе, всѣхъ родственнѣе и милѣе дѣлили съ нами наше уединеніе—сестрица М. В. Вольховская и дочь ея Инна. Читатели мои ихъ помнятъ. Насъ связали тогда не одни узы родства и дружбы, но сочувствіе ко всему возвышенному—отъ вѣры святой до исполненія обязанностей, отъ отечества до крестьянской усадьбы. Кромѣ родныхъ имѣлъ утѣшеніе видѣть у себя образцовыхъ моихъ товарищей М. М. Нарышкина и М. А. Назимова, съ добрѣйшими ихъ супругами. Съ этими товарищами дѣлилъ я испытанія жизни затворнической, изгнаннической, поселенческой и солдатской въ Сибири и на Кавказѣ. Вездѣ, при всѣхъ внѣшнихъ измѣненіяхъ, сохраняли они чистоту любящей души. Они до послѣдняго біенія моего сердца, займутъ въ немъ самое нѣжное мѣсто.

Глава девятнадцатая.

Обращеніе. — Національность. — Сепаратизмъ.

Обращеніе 1841—45 г. — Вопросъ о національности. — Отголоски изъ прибалтійскихъ губерній противъ укора въ сепаратизмѣ. — Кто русскій нѣмецъ? — Привилегіи дворянства. — Введеніе русскаго языка.

При возвращеніи моемъ на родину со времени выѣзда моего въ 1811 году изъ родительскаго дома, протекла жизнь цѣлаго поколѣнія и нельзя было не удивляться полезному и быстрому успѣху во всѣхъ отношеніяхъ, отъ высшаго до низшаго сословія. Была увѣренность, что подобное развитіе, несмотря на непредвидѣнныя препятствія, шагнетъ впередъ безостановочно по всѣмъ частямъ и вѣтвямъ административныхъ, образовательныхъ и земельныхъ учрежденій, какъ вдругъ и совершенно нежданно разразился переходъ значительной части латышей и эстовъ въ Лифляндіи изъ евангелическо-лютеранскаго вѣроисповѣданія въ греко-россійское. Недавно было столько напечатано объ этомъ предметѣ отъ господъ Юрія Самарина до Ширрена и Гарлеса, что внимательному читателю нетрудно будетъ извлечь для себя довольно ясное понятіе объ этомъ обращеніи. Въ сороковыхъ годахъ были назначены новый генералъ-губернаторъ Головинъ на мѣсто барона Палена и новый архіепископъ Филаретъ на мѣсто предшественника своего Иринарха. Печать молчала о начатомъ перекрещеніи въ Ригѣ, но когда понадобилось двинуть нѣсколько сотенъ казаковъ въ Лифляндію, то устная молва о причинахъ и дѣйствіяхъ разнеслась быстрѣе печатной.

Первоначальная причина осталась почти незамѣченною; по крайней мѣрѣ мало о ней упоминаютъ, хотя въ ней таится главное начало перехода изъ одной церкви въ другую. Правительство нисколько не скрывало своей цѣли къ объединенію церквей, но только выпустило изъ виду главныя условія единства. Духовенство оставило безъ вниманія наставленія апостола Павла къ коринѳянамъ въ 1-омъ посланіи, главу 1, стихи 12 и 13, или увлеклось упованіемъ, что наступило уже время быть церкви единой и пастырю единому. Тутъ представился другой предлогъ мѣстный, Балтійскій: мѣстное греко-россійское духовенство и гражданская власть воспользовались неудовольствіями и жалобами нѣсколькихъ семействъ латышей изъ прозелитовъ гернгутеровъ или моравскихъ братій. Проповѣдники гернгутеры по-

селились въ первой четверти нашего столѣтія въ Балтійскомъ краю; въ Эстляндіи дѣйствовали Фишеръ и Керстенъ—первый поселился близъ Пейпуса, второй ближе къ центру между Везенбергомъ и Вейсенштейномъ—и пріобрѣли себѣ скромною жизнью, старательною проповѣдью обширный кругъ слушателей и ревностнѣйшихъ учениковъ. Прозелиты эти горько жаловались на пасторовъ евангелическо-лютеранской церкви, которые строго выговаривали и строго взыскивали за то, что они посѣщали молельни моравскихъ братій, слушали миссіонеровъ и учителей самозванцевъ изъ среды своей и почти никогда не приходили въ свою церковь. По этому обстоятельству уменьшилось вліяніе пасторовъ. Но главнымъ слѣдствіемъ было возбужденіе непріязни и недоброжелательства между пасторами и членами гернгутерскаго братства: послѣдніе полагали, что переходъ въ православную церковь, не попрепятствуетъ имъ посѣщать свои молельни, гдѣ они привыкли пѣть псалмы по цѣлымъ часамъ, и слушать толкованія библіи отъ любимыхъ своихъ ораторовъ, говорившихъ по вдохновенію, не всегда изъ священнаго писанія, но также изъ политическихъ катехизисовъ.

Нѣсколько тысячъ вѣроотступниковъ бросили свою церковь, свои родственныя связи, прежнихъ своихъ единовѣрцевъ, не получивъ возмездія земными благами. Два года спустя послѣ обращенія, при исполненіи церковныхъ требъ, на похоронахъ, на свадьбахъ, на крестинахъ, потребовали съ нихъ столько формальностей и воздаяній, что новообращенные стали жаловаться. Духъ обращенія въ православіе уже повѣялъ и на Эстляндію, коснулся ея предѣловъ, но эсты были научены происками въ Лифляндіи, здраво разсудили, что даровой земли не получатъ, потому что православные русскіе, не только даровой земли не имѣли, но находились еще въ крѣпостномъ состояніи, такъ за что же наградить чухонцевъ? — Близъ границы Эстляндіи, близъ Дерпта, жилъ тогда старшій братъ мой Владиміръ, старый отставной конно-артиллеристъ 1812 года, бѣшеной батареи Маркова; онъ видѣлъ всѣ приготовленія за Дерптомъ и походную церковь, валовое крещеніе и смутныя движенія народа и созвалъ крестьянъ своего помѣстья на сходку. Нѣсколькими словами далъ онъ рѣшительный отпоръ волненію, сказавъ имъ: «Подождите, если дадутъ землю даромъ и славу и блаженство перекрещенцамъ, то я первый перейду, а вы уже тогда за мной!» Это подѣйствовало на нихъ сильнѣе проповѣди и убѣжденій.

Въ то время императоръ Николай находился въ Палермо у больной императрицы. Эстляндское дворянство вступилось за своихъ единовѣрцевъ, ходатайствовало за сохраненіе свободы совѣсти. Государь отвѣтилъ изъ Палермо, что это обращеніе начато безъ его вѣдома, и дальнѣйшее дѣйствіе по этому дѣлу было прекращено. Все утихло и успокоилось, когда генералъ-губернаторъ Головинъ и епископъ Филаретъ были смѣщены.

Первый періодъ обращенія латышей и эстовъ въ Лифляндіи начался при преосвященномъ Иринархѣ и кончился въ октябрѣ 1841 года. Иринархъ свидѣтельствовалъ, что большинство изъ латышей и эстовъ лифляндскихъ просилось перейти въ церковь греко-русскую — въ надеждѣ получить за это какія-то не существующія земли. Что сперва они просили только хлѣба, переселенія, перевода въ православіе, но наконецъ стали требовать себѣ помѣщичьей земли. Тогда императоръ Николай I, бывъ въ Варшавѣ, отправилъ въ Лифляндію двухъ флигель-адъютантовъ своихъ, Бутурлина и князя Урусова для дознаній. Рапорты ихъ мнѣ неизвѣстны, знаю только,

что послѣ этого Иринарху запрещено было принимать крестьянъ-латышей, желавшихъ перейти въ православіе, и что епископъ приказалъ имъ обратиться не къ нему въ Ригу, а въ Псковъ къ епископу псковскому.

Оглашеніе о невозбранности перехода въ церковь православную происходило въ августѣ 1842 года при преосвященномъ Филаретѣ, который послѣ перемѣщенъ былъ въ Харьковъ и еще позднѣе въ Черниговъ.

Въ царствованіе императора Николая I считалось $^1/_9$ — $^1/_{10}$ всего населенія въ числѣ обращенныхъ латышей и эстовъ лифляндскихъ. Но также скоро, какъ совершилось обращеніе цѣлыми массами, безъ всякихъ приготовленій предварительныхъ и обученій, также скоро началось обратное движеніе въ прежнюю церковь, и также въ массахъ, только въ скромныхъ размѣрахъ. Новообращенцы, когда увидѣли строгость духовенства противъ отдѣльныхъ лицъ, изъявившихъ желаніе возвратиться въ свою прежнюю церковь; когда увидѣли, что насильственно крестили дѣтей, которыхъ родители желали оставить въ церкви евангелической, что чрезъ полицію вытребовали молодыхъ людей, остававшихся въ прежней церкви, но которыхъ родители приняли другое вѣроисповѣданіе; когда увидѣли, что чрезъ полицію вызывали обращенцевъ къ причащенію Св. тайнъ, и грозили розгами за неисполненіе христіанскихъ обязанностей, — то равнодушіе къ новой церкви обратилось въ явную ненависть противъ церкви и противъ ея служителей. Наскоро устроенные храмы опустѣли и началась явная борьба между греко-русскимъ духовенствомъ и большинствомъ сельскихъ прихожанъ.

Для дополненія этого событія, я долженъ здѣсь коснуться дальнѣйшихъ мѣръ по этому дѣлу, отъ 1855 до 1865 года, чтобы не прервать печатнаго повѣствованія.

По восшествіи на престолъ императора Александра II, при увеличеніи политической свободы, дарованной крестьянству, эти движенія и стремленія къ обратному возвращенію въ прежнюю церковь стали гораздо гласнѣе и упорнѣе. Тщетны были угрозы православнаго духовенства и отказы лютеранскихъ пасторовъ — новообращенцы фактически не принадлежали ни къ какой церкви. Священники требовали письменныхъ обязательствъ предъ сочетаніемъ брака и исполненія законовъ новаго вѣроисповѣданія отъ новыхъ православныхъ латышей; пасторы не смѣли вѣнчать при смѣшанныхъ бракахъ, потому что вѣнчаніе ихъ признавалось недѣйствительнымъ, и такимъ образомъ оставался одинъ только исходъ для желавшихъ вступить въ законный бракъ — наложничество. Такъ, они или совсѣмъ не пріобщались Св. тайнъ, или пріобщались тайно, подъ чужимъ именемъ, въ церкви лютеранской. Цѣлое поколѣніе, исключенное изъ церковнаго сообщества, предоставленное самому себѣ, выростаетъ безъ всякой опоры нравственной и духовной.

Императоръ, получивъ донесеніе объ этихъ движеніяхъ и смутахъ, отправилъ для разслѣдованія дѣлъ на мѣстѣ флигель-адъютанта графа Бобринскаго, который объявилъ, «что изъ всѣхъ просителей только 10 или 15 человѣкъ изъявили желаніе остаться православными, а что всѣ вообще просили только объ улучшеніи матеріальнаго ихъ быта».

Безъ сомнѣнія, всѣ согласятся, что худо доискиваться такой цѣли или гнаться за такимъ дѣломъ, которое явно противорѣчитъ духу истиннаго христіанства. И въ Россіи есть голоса, требующіе свободы совѣсти. Не только правительство, но и публицисты партіи національной, между ними преимущественно И. С. Аксаковъ, несмотря

на свою ревность къ православію, высказывали, что это принудительное состояніе новообращенцевъ не согласуется съ достоинствомъ церкви, и что притѣсненіе совѣсти, несовмѣстно ни съ честью Россіи, ни съ честью и достоинствомъ православной церкви.

Донесеніе графа произвело сильное впечатлѣніе, однако нельзя было рѣшиться на отмѣненіе закона, запрещающаго переходъ изъ православной церкви въ иновѣрческую. Не только идея о свободѣ совѣсти и о равноправности всѣхъ вѣроисповѣданій была еще нова и только боязливо была произносима даже во время господства либеральныхъ идей—но и время, весною 1865 года, не благопріятствовало осуществленію идеи, потому что подавленное возстаніе польско-литовское возбудило національное чувство, которое стало еще обидчивѣе и ревнивѣе; а къ тому еще вражда московской партіи противъ прибалтійскихъ губерній достигла тогда высшей степени.

Въ 1869 году англійскій парламентъ, по поводу ирландскаго церковнаго биля, доказалъ всю тщетность дѣйствій и законовъ противъ вѣротерпимости или противъ свободы совѣсти.

Каждый вѣкъ имѣетъ свое особенное стремленіе или свой любимый предметъ, коимъ онъ занимается преимущественно предъ всѣми обычными государственными и житейскими дѣлами. Этотъ главный, любимый предметъ получаетъ особенное свое названіе: въ началѣ XIX столѣтія много толковали о французской революціи, бывшей въ концѣ прошедшаго вѣка; потомъ всѣ умы заняты были основаніемъ гигантской первой французской имперій,—послѣ: заключеніемъ тройственнаго священнаго союза государей,—затѣмъ заговорили о различныхъ конституціяхъ. Кромѣ вопросовъ политическихъ, задаваемы были вопросы религіозные и общественные: начались споры о супернатурализмѣ, о раціонализмѣ, сенъ-симонизмѣ, соціализмѣ, коммунизмѣ, нигилизмѣ; но всего громче и чаще стали произносить новое слово и проводить новую идею о *національности*.

Слово это nationalité вывезено было изъ Германіи во Францію г-жею Сталь.

Боастъ (Boiste) включилъ это слово въ словарь французскій съ 1823 года.

Г-жа Сталь разумѣла подъ словомъ nationalité только «народность» такъ называемыхъ нѣмецкихъ турнеровъ (гимнастиковъ) или буршеншафтъ (товарищество студентовъ), ненавистниковъ французовъ, какъ-то: Яна, Арнта и другихъ.

Г-нъ Кошю (Cochut) утверждаетъ, что слово «національность» появилось въ дипломатическомъ словарѣ со времени февральской революціи, когда въ конституціи республики отъ 4-го ноября 1848 года сказано было: «Французская республика уважаетъ всѣ чужія національности, также какъ она требуетъ того же и для своей національности».

Наполеонъ III въ 1859 году произнесъ новую формулу: «національный принципъ», когда предложена была корона Ломбардіи Виктору Эмануилу отъ имени народнаго права, проистекающаго изъ принципа національности.

Съ 1864 года этотъ принципъ сдѣлался общимъ достояніемъ.

Бюше (Buchet) объясняетъ, что національность возрождается, когда населеніе государства обращаетъ всѣ силы свои къ общей цѣли.

John Stuart Mill (Джонъ Стевартъ Миль) опредѣляетъ, что національность обусловливается общностью политическихъ событій и имѣніемъ національной исторіи.

Принцъ Наполеонъ въ своей рѣчи въ Аякчіо, въ іюнѣ 1865 года, задаетъ во-

просъ: «что такое національность?» и отвѣчаетъ самъ: «это соединеніе условій происхожденія расы, географическаго положенія, исторіи, нравовъ, религіи, интересовъ; условіе національности заключается въ томъ, чтобы она была основана на волѣ тѣхъ, которые требуютъ имѣть право на національность».

По мнѣнію г-на Кошю, ни одно изъ вышеприведенныхъ опредѣленій не вѣрно, потому что «національность есть не что нибудь оконченное, не принципъ признанный, не фактъ совершившійся, а только нѣчто желающее и старающееся сдѣлаться принципомъ».

Весьма занимательно отношеніе Гердера къ стремленіямъ, господствующимъ въ наше время—къ національностямъ. Его сочиненіе «Голоса народовъ» достаточно показываетъ, что онъ главный возбудитель этого вопроса, что онъ оживилъ вкусъ къ народной поэзіи, къ простодушнымъ народнымъ нравамъ, обычаямъ, пѣснямъ и положилъ основаніе къ изученіямъ національныхъ особенностей. Но съ другой стороны онъ, со всѣми первенствующими умами своего вѣка, принадлежитъ къ космополитизму, къ вселенскому гражданству, которому всѣ новѣйшія толкованія о національностяхъ показались бы ребяческими, а отчасти и вредными, если выказываютъ хоть малѣйшую непріязнь къ образованности. Одинъ изъ новѣйшихъ германскихъ профессоровъ исторіи опредѣляетъ слово *національность* единымъ словомъ Borniertheit, не въ смыслѣ ограниченности умственной, но въ смыслѣ загораживанія, отдѣльности, замкнутости, когда нація изъ своего круга не выходитъ, предпочитаетъ свое посредственное, даже худое, всему хорошему чужому, имѣя въ виду или онѣмечить, или обрусить, или офранцузить, или англизировать, между тѣмъ какъ каждой націи слѣдовало бы только стремиться къ тому, чтобы себя и другихъ очеловѣчить, гуманизировать.

Каждая энтографическая особность не можетъ имѣть особеннаго политическаго устройства. Слово національность не можетъ быть принято за одно и то же со словомъ расы, происхожденія родового племени. Развѣ эльзасцы и лотарингцы не германскаго происхожденія, развѣ корсиканцы не итальянскаго происхожденія, и при всемъ томъ, кто усомнится, чтобы граждане Страсбурга, Нанси и Аякчіо не были французы?—Что ни единство языка, ни единство исповѣданія религіи не составляютъ необходимыхъ условій національности, въ томъ имѣемъ ясное и полное доказательство въ трехязычной и трехвѣрующей Швейцаріи. Въ Сѣверной Америкѣ есть особности и различія всякаго рода и безъ числа, однако тамъ есть сильнѣйшая и плотнѣйшая американская національность. Если мы до крайности станемъ разбирать этотъ принципъ, то не останется ни единаго европейскаго государства, которое не пришлось бы раздѣлить и разрывать, и тогда всякая прочность государства стала бы невозможною.

По возбужденію этихъ темныхъ и запутанныхъ понятій о національности, часть русской прессы стала обвинять жителей прибалтійскихъ губерній въ стремленіяхъ къ сепаратизму и заподозрѣвать ихъ въ измѣнѣ. Латыши и эсты во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ языка своего, уже давно германизированы. Германцы уже двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ были основательно романизированы; на этихъ переходахъ и преобразованіяхъ основывается европеизмъ, а не на расахъ, то есть не на происхожденіи родовыхъ племенъ. Съ 1710 года никто изъ обитателей прибалтійскихъ губерній не думалъ отдѣлиться, а, напротивъ того, дружно и со славою вмѣстѣ съ русскими, каждый отстаивалъ русскіе интересы.

Первый отголосокъ изъ прибалтійскихъ губерній на укоръ въ стремленіи къ сепаратизму. Въ русской прессѣ послышались голоса, существенно разнствующіе отъ возгласа «Московскихъ Вѣдомостей»; въ томъ числѣ въ газетѣ «Инвалидъ»— двѣ примѣчательныя статьи о балтійскомъ вопросѣ хотѣли доказать, «что прибалтійскія губерніи хотя и представляютъ остатокъ истлѣвающихъ, аристократическихъ учрежденій, самаго узкаго придерживанія къ привилегіямъ и самаго рѣшительнаго сопротивленія противъ всякаго прогресса своевременнаго,— но тамъ нѣтъ ничего такого, что могло бы согласоваться съ толкомъ о сепаратизмѣ; почему могутъ совершенно успокаиваться сердца, взволнованныя «Московскими Вѣдомостями». Другая Русская газета, перепечатавшая эти статьи, разъяснила ихъ въ томъ смыслѣ, что прибалтійскія губерніи только потому такъ крѣпко придерживаются къ Россіи, что будь онѣ въ связи съ другимъ европейскимъ государствомъ, то не могли бы въ такой степени сохранить свое бытовое существованіе, въ какой имъ это возможно было подъ скипетромъ Россіи. Рижская газета приняла на себя трудъ подвергнуть основательной критикѣ изображеніе, составленное «Инвалидомъ» о нашихъ положеніяхъ прибалтійскихъ. Рижская газета попала на истину, и умѣла держаться правильной середины, въ чемъ свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что ни крайніе консерваторы, ни крайніе прогрессисты, между обитателями прибалтійскими, не были довольны этимъ возраженіемъ.

Кромѣ «Инвалида», еще «Голосъ» дерзнулъ отозваться противъ укора «Московскихъ Вѣдомостей» въ сеператизмѣ. Говоримъ—дерзнулъ, потому что при настоящемъ настроеніи русской публики, конечно, нужна къ тому нѣкоторая смѣлость, газета, не выказывающая своего патріотизма посредствомъ непріязни ко всѣмъ мѣстнымъ особымъ учрежденіямъ, рискуетъ, можетъ статься, потерять своихъ подписчиковъ. Изъ относящихся къ этому предмету опредѣленій «Голоса» преимущественно намъ понравились два: первое—«что «Московскія Вѣдомости» глядятъ на всѣ политическіе предметы сквозь очки польскаго вопроса»; второе: «что «Московскія Вѣдомости» походятъ въ своихъ мнѣніяхъ на человѣка, который вздумалъ бы разбить всѣ глиняные горшки у себя дома и во всѣхъ другихъ хозяйствахъ, чтобы изъ собранныхъ осколковъ составить новую мѣшанину и изъ оной выжигать новую посуду, всю одинаковой формы, между тѣмъ, какъ было бы гораздо благоразумнѣе взять новую глину и изъ нея составить и выжигать сперва для своего дома такую отличную посуду, что сосѣди сами начали бы заводиться ею у себя для своихъ хозяйствъ. Конечно, можно достигнуть уравниванія различныхъ частей страны, но только не путемъ разрушенія, опустошенія и насилія».

Но все это еще не важно или ничего не значитъ. «Московскія Вѣдомости» продолжаютъ возглашать, и снова тиснули мощныя статейки своего ученія объ уравниваніи, нивеллированіи весьма убѣдительнымъ образомъ для своей публики. Мнѣніе и ученіе «Московскихъ Вѣдомостей» можно изложить вкратцѣ слѣдующимъ образомъ: «Россія уже достигла своихъ естественныхъ и необходимыхъ предѣловъ и теперь вся задача ея состоитъ въ томъ, чтобы внутри этихъ предѣловъ повсемѣстно господствовали одинъ и тотъ же законъ, одинъ и тотъ же порядокъ, а для этого надобно отбросить «туманныя» опредѣленія вѣнскаго конгресса относительно Польши; надобно отбросить государственное устройство Финляндіи, надобно отбросить «уложеніе», дарованное императоромъ Николаемъ для прибалтійскихъ губерній, со всѣми

законными основаніями этого «уложенія»; надобно отбросить всѣ еще существующія особыя учрежденія отдѣльныхъ частей государства». «Московскія Вѣдомости» при этомъ мало заботятся о различномъ содержаніи и о различныхъ историческихъ основахъ отдѣльныхъ особыхъ учрежденій въ одной или въ другой части государства. «Московскія Вѣдомости» провозглашаютъ только единство—единство все равно какое—единство и равенство in abstracto! Съ этимъ возглашеніемъ удалось имъ затронуть чувствительный нервъ русскаго народа, и намъ кажется, что, вслѣдствіе возбужденной страсти, большая часть читателей «Московскихъ Вѣдомостей» поняла ихъ наставленія не въ томъ смыслѣ, въ какомъ господа редакторы хотѣли имъ разъяснить свои наставленія. Это можно вывести именно изъ слѣдующихъ соображеній: «Московскія Вѣдомости» желаютъ единства и равенства учрежденій; онѣ неоднократно и положительно объясняли, что можно допустить различіе языка и религіи, особенно въ Россіи, гдѣ въ этомъ отношеніи всегда и вездѣ имѣется однородное ядро населенія, съ такимъ положительнымъ большинствомъ. Мы даже думаемъ, что «Московскія Вѣдомости» не прочь отъ возстановленія равноправности всѣхъ религій въ государствѣ, съ условіемъ, чтобы эта равноправность имѣла бы силу не какъ особое учрежденіе какой либо губерніи или области, но какъ общій для всѣхъ законъ государственный; намъ кажется только весьма вѣроятнымъ, что часть публики, выслушавъ главную тему о единствѣ и равенствѣ въ государствѣ, не согласится съ условіями въ пользу вѣротерпимости и гуманности. Пусть господа редакторы остерегутся вызывать такихъ духовъ, которыхъ они послѣ не будутъ въ силахъ отгонять. Даже если мы оставимъ въ сторонѣ это обстоятельство и только ограничимся областью политическихъ учрежденій, то и тутъ мы должны опасаться, что дѣйствіе «Московскихъ Вѣдомостей» переступило за грань, которую предположили себѣ господа редакторы. Можетъ быть, они совсѣмъ не того мнѣнія, чтобы желанное единство достигнуто было однимъ ударомъ, но чтобы вообще и по возможности подвигались по этому направленію, и ни подъ какимъ видомъ не дозволить, чтобы хоть единый шагъ былъ сдѣланъ по направленію противоположному. Но «Московскія Вѣдомости» никогда не говорили своимъ читателямъ, что слишкомъ быстрымъ стремленіемъ къ единству можно кое-что и испортить,—что въ тѣхъ случаяхъ, когда особыя земскія учрежденія въ одной части государства заслуживаютъ отличительнаго преимущества, по дознаннымъ достоинствамъ, то уравниваніе и соединеніе всѣхъ частей къ единству достигается движеніемъ впередъ всего населенія, всей главной арміи, а не отступленіемъ передового войска или обращеніемъ вспять всего, что относится до цѣли движенія.

Единство и недѣлимость—величіе и могущество русскаго государства! Хорошо такъ, и мы курляндцы, лифляндцы и эстляндцы навѣрно будемъ послѣдними изъ тѣхъ, которые вздумали бы усомниться въ manifest destiny, въ великомъ предназначеніи Россіи,—или вздумали бы отклониться отъ солидарности съ ея трудомъ и съ ея честью, потому что мы славимся искони тѣмъ, что во всѣхъ дѣяніяхъ войны и мира цѣлой страны мы не переставали участвовать и содѣйствовать. Дѣйствительная спорная точка между «Моск. Вѣд». и нами можетъ заключаться только въ вопросѣ о значеніи *государственныхъ основныхъ договоровъ*, и въ средствѣ — какъ рѣшить ихъ? И мы также знаемъ, что ничего нѣтъ вѣчнаго въ мірѣ и что всемірная исторія, составляющая всемірный судъ, признаетъ и святость государственныхъ догово-

ровъ только cum grano salis. Но тутъ всего важнѣе для насъ вопросъ, будетъ ли историческое право промѣнено на лучшее или на худшее право? И еще сверхъ того, будетъ ли этотъ обмѣнъ совершаемъ съ соблюденіемъ законныхъ формъ или инымъ какимъ образомъ? Но для поясненія дѣла мы предлагаемъ «Моск. Вѣд.» слѣдующую гипотезу. Пусть онѣ предположатъ, что по непредвидѣннымъ всемірнымъ событіямъ внезапно—дунайскія княжества, или Галиція, или Восточная Пруссія, найдутъ себя въ необходимости и въ такомъ положеніи, что предложатъ Россіи присоединиться къ ней, съ условіемъ, чтобы это состоялось не въ видѣ совершеннаго слиянія или покоренія, но на основаніи менѣе суровомъ и болѣе государственномъ. Что отвѣтили бы на это «Моск. Вѣд.»? Возможно отвѣтить только трояким образомъ; или онѣ скажутъ: «мы имѣемъ свои естественныя необходимыя границы, мы въ васъ не нуждаемся»; или онѣ скажутъ: «мы васъ принимаемъ, мы считаемъ васъ, даже въ неплотной формѣ государственнаго союза, за приращеніе нашего могущества, и мы готовы держать заключенный съ вами договоръ, и никогда не измѣнять его безъ вашей доброй воли»; или, наконецъ, онѣ скажутъ: «мы васъ принимаемъ, но, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, если мы найдемъ, что вы состоите внутри нашихъ естественныхъ и необходимыхъ границъ, то ваши учрежденія должны быть уравниваемы съ нашими». Въ самомъ дѣлѣ, намъ любопытно было бы знать, какой отвѣтъ дали бы «Моск. Вѣд.» въ пользу величія, могущества и чести Россіи?

Кто знакомъ со всѣми различными ученіями и взглядами русскихъ, тотъ не только съ обще-русской точки зрѣнія, но и съ частно-прибалтійской, сличая и сравнивая всѣ эти различныя ученія между собою, охотно отдастъ преимущество ученію «Моск. Вѣд.» Это ученіе не опирается на исключительно только энтографической точкѣ, которая оставляетъ совершенно въ сторонѣ государство и всѣ главныя политическія условія и принимаетъ за принципъ всѣхъ своихъ выводовъ только расу, то есть кровь славянскую; оно не ненавидитъ всѣхъ нѣмцевъ гуртомъ и объявляетъ, что знаетъ между ними много «истинныхъ сыновъ Россіи»; но оно и либерально относительно различій языка и религіи. Это ученіе есть основаніе, на коемъ можно вступать въ соглашеніе. Мы въ настоящемъ дѣлѣ только одного требуемъ отъ «Моск. Вѣд.», чтобы онѣ судили насъ не по одному только своему отвлеченному закону о государственномъ единствѣ и сепаратизмѣ, но чтобы онѣ глубже и точнѣе вникнули въ сущность и значеніе, особенно въ историческое законное основаніе нашихъ учрежденій. Что эти учрежденія въ высшей степени нуждаются въ исправленіяхъ и въ преобразованіи, и что, при сравниваніи ихъ съ различными частями русскаго закона, не всегда найдется лучшее по эту сторону Чудскаго озера, — въ этомъ мы уже давно сознались. Но мы утверждаемъ, во-первыхъ, что въ прибалтійскихъ губерніяхъ, отъ сильно развитаго въ нихъ принципа самоуправленія, все еще обрѣтается значительное превосходство, которое не должно быть уничтожено самовольно, насильственно; а во-вторыхъ, мы думаемъ, что «Моск. Вѣд.», вслѣдствіе изложеннаго нами разсужденія, вспомнятъ, что кромѣ причинъ патріотической цѣли, отъ коей и мы не прочь, есть другая причина не менѣе важная, на которую должно обратить вниманіе, а именно на законность, на право [1]).

---

[1]) Смотри „Рижскую Газету“ и „Балтійскій Ежемѣсячный Журналъ“ 1864 и 1865 г.

Другой отголосокъ изъ прибалтійскихъ губерній. «Нѣсколько мѣсяцевъ уже сряду часть русской прессы, преимущественно «Моск. Вѣд.», выставили прибалтійскія губерніи мишенью своихъ нападковъ, стараясь обвинить ихъ въ сепаратистскихъ направленіяхъ и заподозрить ихъ преданность престолу и отечеству».

«Мы не были готовы къ такимъ нападкамъ. Мы въ самомъ дѣлѣ считали себя вѣрными сынами преимущественно; никто никогда не сомнѣвался въ нашей преданности; мы дрались за Россію во всѣхъ ея битвахъ, и наша кровь искупала всѣ славныя побѣды нашего знамени; при всѣхъ внутреннихъ смутахъ государства мы всегда находились между первыми въ передовыхъ рядахъ, чтобы отстоять единство государства, и насъ нынѣ обвиняютъ безъ всякой видимой причины въ стремленіяхъ, совершенно противоположныхъ отъ тѣхъ, коихъ мы постоянно всегда держались.

«Мы должны признаться, что мы сначала не умѣли найтись въ выдуманной на насъ роли. Въ такихъ обстоятельствахъ защищеніе становится задачею трудною и неблагодарною, потому что уже одна попытка къ тому можетъ быть перетолкована, какъ будто мѣтко попали въ насъ нападки. Такимъ образомъ, мы сначала переносили ихъ спокойно, въ надеждѣ, что скоро отстанутъ отъ нихъ, какъ отъ безполезнаго расточенія времени, и что въ русской прессѣ навѣрно раздадутся энергическіе голоса съ протестомъ противъ вымышленныхъ на насъ обвиненій. Хотя послѣднее обстоятельство и сбылось, однако не въ той мѣрѣ, не въ той силѣ, какъ мы того ожидали, а что касается до нападковъ, то они были продолжаемы еще съ вящшею злобою.

«Одна изъ статей «Моск. Вѣд.» превосходитъ все, что до сего времени сказано было въ этомъ отношеніи. Она, размалевавъ насъ, какими мы, по фантазіи «Моск. Вѣд.», могли бы и должны были бы сдѣлаться, отнимаетъ у насъ всякую способность быть вообще хорошими и честными слугами государства, и кончаетъ тѣмъ, что считаетъ все положеніе наше въ государствѣ за двусмысленное.

«Мы донынѣ, хотя происхожденія германскаго, но въ государственномъ отношеніи считали себя за дѣйствительныхъ русскихъ и полноправныхъ съ ними гражданъ; теперь научаютъ насъ иному, говорятъ: что мы иноземцы, вторгнувшіеся пришельцы, которые на всякій случай могутъ быть терпимы; что мы племя безъ отечества, люди безъ родины.

«Такіе отзывы могли бы глубоко уязвить насъ и обидѣть, и лишить насъ отраднаго чувства, съ коимъ мы всегда готовы служить нашему отечеству, если бы мы не имѣли твердаго убѣжденія, что мы долголѣтнею общею борьбою, какъ равно и общимъ трудомъ ко благу всего государства, пріобрѣли себѣ полноправность на землѣ русской. Это убѣжденіе поддерживаетъ насъ и даетъ намъ надежду, что непріязненное противъ насъ направленіе нѣкоторыхъ русскихъ газетъ есть только преходящій потокъ духа времени, который скоро очиститъ мѣсто лучшему уразумѣнію.

«Спрашивается: чего же хотятъ обвиненія противъ вымышленнаго сепаратизма? Предостеречь ли въ самомъ дѣлѣ Россію отъ опасности, или они выдуманы только изъ зависти и непріязни къ намъ, чтобы постепенно возжигать русское національное чувство противъ насъ, чтобы отчуждать насъ отъ нашего отечества и современемъ вести насъ дѣйствительно къ тому, къ чему теперь стараются запо-

дозрить и заклеймить насъ. Можно было бъ этому повѣрить, если бы мы не имѣли дѣла съ такимъ органомъ печати, каковы «Моск. Вѣд.», и съ почтенными ихъ редакторами, съ людьми, которые во время внутреннихъ и внѣшнихъ нападеній, умѣли гласу народному придать слова, призвавшія всѣхъ русскихъ и всѣ племена нашего отечества на защиту его, и въ такое время, когда и мы стеклись вокругъ престола и были готовы жертвовать имуществомъ и жизнью, — въ такое время, когда, если мы не ошибаемся, и господа редакторы воздавали полную справедливость нашимъ патріотическимъ чувствамъ и дѣйствіямъ. О такихъ мужахъ должно имѣть сознаніе, что они желаютъ истиннаго блага отечеству, не только *желаютъ* этого, потому что, какъ намъ кажется, эти нападки могутъ произвести совершенно противное тому, чего желаютъ господа редакторы.

«Мы не думаемъ, чтобы они могли споспѣшествовать благу по избранному ими пути взволнованія и травли огромнаго большинства населенія противъ незначительнаго меньшинства. Напротивъ того, они могутъ вызвать только ненависть съ одной стороны и отчужденіе съ другой стороны.

«Мы держимся крѣпко нашего евангелическо-лютеранскаго вѣроисповѣданія; каждый русскій патріотъ намъ не поставитъ этого въ укоръ, потому что кто почитаетъ свою вѣру, тотъ почититъ и истинную религіозность каждаго иновѣрующаго.

«Мы держимся крѣпко нашего языка —это справедливо; и мы держимся его съ нѣкоторою гордостью. Если мы когда нибудь унизимся до такой степени, что станемъ стыдиться нашего языка, тогда наступитъ срокъ, когда съ полною справедливостью можно будетъ заподозрѣвать наши намѣренія и презирать наши услуги.

Мы, наконецъ, держимся нашихъ земскихъ учрежденій, нашихъ бытовыхъ обычаевъ, нашего права, также и небольшой доли самоуправленія, которое еще имѣемъ и которое доставляетъ намъ больше внутренней свободы, нежели сколько до сихъ поръ имѣли прочія губерніи Россіи; говорю до сихъ поръ, потому что съ введеніемъ новыхъ земскихъ учрежденій почти изгладится это преимущество.

«Вотъ въ чемъ главнѣйше заключается нашъ мнимый сепаратизмъ—въ придерживаніи дарованнаго намъ хотя въ малой долѣ права самоуправленія въ дѣлахъ земскихъ, права, которое «Московскія Вѣдомости» выхваляютъ какъ превосходное и полезное преимущество. Маленькія особенности нашихъ учрежденій мало вредятъ совокупности монархіи, какъ, напримѣръ: по праву наслѣдія мы руководствуемся статьями римскаго и любскаго права; мы имѣемъ чаще земскія собранія, нежели какъ это дозволено въ прочихъ губерніяхъ. Все это не можетъ споспѣшествовать сепаратизму; напротивъ того, именно терпимость къ такимъ обычаямъ и правамъ, перешедшимъ къ намъ по преданію, еще болѣе скрѣпитъ связь между нами и остальными частями государства.

«Однако, «Московскія Вѣдомости» допускаютъ, въ № 254 1864 г., что онѣ ничего не могутъ сказать противъ насъ, пока мы останемся такими, какими были донынѣ; что онѣ считаютъ дворянство нашихъ губерній за сословіе, вѣрнопреданное престолу и отечеству (надѣемся, что онѣ не думали исключить остальныя группы нашего населенія), что онѣ ничего не имѣютъ сказать противъ нашихъ нынѣшнихъ учрежденій и готовы намъ оставить ихъ.

«Въ такомъ случаѣ, этимъ прекращается всякое различіе въ мнѣніяхъ между нами; чего же мы требуемъ большаго, сравнительно съ тѣмъ, что мы имѣемъ те-

перь? Мы при этомъ останемся преданными и довольными подданными, какими и прежде были, и останемся нераздѣльною частью нашего отечества.

«Теперь спрашивается: противъ чего же ратуютъ «Московскія Вѣдомости»?— Противъ призрака, созданнаго ими же, чтобы потомъ сразить его. Выходитъ, что если бы мы не были такими, какъ мы есть, то были бы вредны для государства; но мы хотимъ оставаться такими, какими мы были до сихъ поръ,—вѣрными русскими гражданами, преданными нашему монарху и готовыми отдать нашему отечеству и достояніе наше, и жизнь нашу.

«Если печатно говорено было иногда о сліяніи и единеніи прибалтійскихъ губерній, то это относилось только къ желанію императора Николая, по коему само правительство желало придать болѣе единообразія въ различныхъ учрежденіяхъ по тремъ губерніямъ. Между нами иные думали этимъ угодить правительству, устраняя затрудненія въ администраціи и въ судопроизводствѣ отъ различія учрежденій во всѣхъ трехъ губерніяхъ. Намъ самимъ такое единеніе или сліяніе, на помянутыхъ основаніяхъ, причинило бы различныя неудобства. Впрочемъ, русской прессѣ не слѣдовало обратить такого вниманія на газетныя статьи, потому что въ этихъ статьяхъ часто развиваемы были такія утопіи, что невозможно было принимать ихъ за выраженіе русскаго народа. Стоитъ только напомнить о томъ, что напечатано и защищаемо было въ 1862 году.

«Мы также не придали бы столько важности газетнымъ статьямъ, если бы онѣ не принадлежали такому уважаемому органу печати и если бы мы не опасались, что, посредствомъ этихъ статей, русскій народъ вовлеченъ будетъ въ заблужденіе и повѣритъ, что мы предаемся сепаратизму. По нашему мнѣнію, подобныя статьи могутъ только возбуждать страсти и озлобить народъ русскій и, наконецъ, и между нами можетъ вселиться чувство отчужденія, которое не принесетъ никакой пользы ни прибалтійскимъ губерніямъ, ни всему государству.

«Однако, какъ бы то ни было, мы съ полною довѣренностью полагаемся на здравый смыслъ русскаго народа; въ основномъ его характерѣ всегда преобладала терпимость къ иномыслящимъ и къ иновѣрующимъ даже въ такое время, когда во всей остальной Европѣ господствовало противоположное правило. Мы полагаемся на справедливость и правдолюбіе народа, который не допуститъ, чтобы слабое меньшинство, до сихъ поръ постоянно и вѣрно служившее русскому государству, было бы притѣсняемо только за то, что оно принадлежитъ къ другому племени. Мы полагаемся и на русскую прессу, что она уважитъ наши мнѣнія» [1]).

Третій отголосокъ по этому предмету. «Московскія Вѣдомости» опасаются, что три губерніи сольются въ единую и составится государство въ государствѣ, коего элементы будутъ вредны и опасны всему государству русскому. Не касаясь этого проекта соединенія, мы должны признаться, что при этомъ опасеніи со стороны «Московскихъ Вѣдомостей» мы не могли удержаться отъ невольной улыбки, потому что онѣ въ той же статьѣ своей только что назвали насъ исчезающимъ призракомъ въ сравненіи съ русскою націей. Мы радуемся, что «Московскія Вѣдомости» признаютъ вѣрнопреданность нашего балтійскаго дворянства; мы только жалѣемъ,

---

[1]) Смотри „Ревельскую Газету“ 15 декабря 1864 года № 291—въ приложеніи.

*

что какое нибудь письмо [1]), какая нибудь газетная статья могутъ поколебать довѣренность «Московскихъ Вѣдомостей» къ этой вѣрноопреданности. Прибалтійскія губерніи очень хорошо знаютъ, что дворянство ихъ, какъ и сословіе гражданъ, сообща и отдѣльно, часто имѣли случай и счастье посвящать съ успѣхомъ свою силу на пользу русскаго государства. Они всегда вмѣняли себѣ въ обязанность служить отечеству и всегда исполняли эту обязанность такъ совѣстливо, что никогда ни въ чемъ не обнаруживался ни малѣйшій поводъ къ сепаратизму. Пусть «Московскія Вѣдомости» только тогда обвинятъ насъ, когда увидятъ на самомъ дѣлѣ, что прибалтійскія губерніи перестаютъ посвящать свои силы и способности на пользу Россіи. До тѣхъ поръ мы просимъ ихъ перелистывать въ лѣтописяхъ русской исторіи, въ именныхъ спискахъ мужей заслуженныхъ, и довѣдаться изъ лѣтописей и списковъ о той связи, которая соединяетъ и сливаетъ прибалтійскія губерніи и труды ихъ съ русскимъ государствомъ и съ русскою націей».

Безнаказанно нельзя забыть навсегда, что царство свѣта и ума зиждется только тамъ, гдѣ люди научились исполнять все по справедливости и сносить свободу. Жизнь нельзя въ одно и то же время задушить и воскресить. Прибалтійскія губерніи сами для себя ничего не требуютъ кромѣ того, чего требуетъ законъ природы и законъ разума: онѣ не хотятъ живьемъ заживо изгнить. Безумна та мудрость, которая для спасенія тѣла вздумала бы связать здоровые члены его: когда члены умрутъ, то умретъ и тѣло. Для насъ изъ сказаннаго выводится поученіе, что мы должны исполнять нашу обязанность и выжидать конца. Мы не гоняемся за призраками, мы не нуждаемся въ ребяческихъ символахъ. Мы хотимъ пользы себѣ и государству. Праздныя толкованія и несправедливые укоры не могутъ служить намъ указаніями въ жизни. Уловкамъ и искушеніямъ міра можетъ противостоять только твердый умъ, который не собьется съ пути и, наконецъ, добудетъ себѣ пониманіе, уваженіе и свободу [2]).

Вопросъ о сліяніи національностей, о единствѣ государства еще далеко не рѣшенъ окончательно. Увидимъ, къ чему поведутъ стремленія къ единству итальянскому, къ единству нѣмецкому, къ единству славянскому. Но можно сказать положительно, что всѣ эти стремленія непремѣнно будутъ содѣйствовать ко благу всѣхъ народовъ, всѣхъ племенъ, потому что всѣ преграды различныхъ религій, національностей, сословій должны рушиться, какъ развалины прошедшаго времени, а изъ развалинъ взойдетъ новый вѣкъ, новое общество, духъ чисто христіанскій, не допускающій различій, льготъ и привилегій, но соединяющій все въ единое семейство, въ одно общее добро.

Нужно какъ возможно правильнѣе опредѣлить слово «національность» и слово «единство». Иной употребляетъ слово *національность* тамъ, гдѣ слѣдуетъ разумѣть только союзъ политическій или связь государственную; другой поясняетъ, что слово нѣмецъ есть наименованіе не этнографическое, а политическое: но названіе *нѣмецъ*

---

[1]) „Письмо курляндца изъ Бельгіи“ было переведено и напечатано въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ безъ разъясненія особенныхъ обстоятельствъ и событій 1861—1862 гг., по поводу коихъ оно было написано, то-есть не обращая вниманія на тогдашнія странности и выходки нѣкоторыхъ русскихъ мыслителей, противъ коихъ обороняется это фантастическое письмо. Такое средство содѣйствовало къ дальнѣйшему распространенію враждебнаго расположенія русской публики.

[2]) Смотри „Дерптскій Дневной Листокъ“ 1864 года, № 130.

также мало имѣетъ значенія политическаго, какъ и названіе *славянинъ*. Какъ будто этнографическія названія зависятъ отъ произвола человѣка или отъ политическаго каприза!

Мнѣ не случалось слышать или читать о голландскомъ англичанинѣ, о французскомъ итальянцѣ; зато часто печатаютъ въ русскихъ журналахъ и газетахъ о русскихъ нѣмцахъ и о нѣмецкихъ русскихъ. Подъ названіемъ русскихъ нѣмцевъ журналы разумѣютъ дворянъ прибалтійскихъ губерній. Эти губерніи составляютъ нераздѣльную часть Россіи. Заслуги этихъ дворянъ записаны въ русской исторіи и часто возбуждали соревнованіе, даже зависть великорусскихъ дворянъ, писателей и слугъ государственныхъ, которые съ недавняго времени стали укорять своихъ прибалтійскихъ соотечественниковъ и требовать, чтобы ихъ во всемъ уравняли съ ними, несмотря на то, что они имѣютъ особое вѣроисповѣданіе, особыя привилегіи сословныя и земскія, кои торжественнымъ образомъ были утверждены всѣми государями Россіи и свято соблюдаемы донынѣ.

Въ царствованіе Александра I и Николая I часто довѣряемы были важнѣйшія должности по военной и по гражданской части уроженцамъ прибалтійскихъ губерній. Зналъ я между ними въ двадцатыхъ годахъ нѣсколько генераловъ, вродѣ тѣхъ, которые позже Николаемъ I прозваны были *дубинами*: они были гораздо глупѣе генераловъ изъ православныхъ, но солдаты уважали и любили этихъ начальниковъ изъ такъ называемыхъ нѣмцевъ гораздо больше за ихъ аккуратность, трезвость и щегольство; а высшее начальство вполнѣ полагалось на ихъ честность, усердіе и постоянство или выдержку. Тогда стали именовать прибалтійскихъ соотечественниковъ—русскими нѣмцами, и А. Герценъ, со свойственною его слогу мѣткостью и ѣдкостью, такъ легко и глубоко врѣзывающимися въ память слушателей или читателей, выразился о нихъ, «что ихъ отечество въ канцеляріи и казармѣ, а совѣсть ихъ въ Зимнемъ дворцѣ,—что они слуги государевы, а не государства,—что они отдѣляютъ въ своей привязанности особу государя отъ отечества». Какъ будто бы въ монархіи любовь къ государю раздѣльна отъ любви къ отечеству? Къ этой любви, при воспитаніи балтійскаго юношества, съ раннихъ лѣтъ присоединяется чувство долга и чести. Эта любовь, это исполненіе долга выказываются гораздо блистательнѣе, когда балтійскіе русскіе исправляютъ служебныя должности не въ глазахъ государя, а на оконечности дальнѣйшихъ окраинъ имперіи.

Каждому иностранцу, прожившему пять лѣтъ въ Американскихъ Штатахъ или въ одномъ изъ европейскихъ государствъ, даютъ полное право гражданства и его именуютъ по имени новаго его отечества. Пять поколѣній прибалтійскихъ дворянъ родились и жили въ Россіи, служили ей вѣрой и правдой и, по испытаніи ихъ вѣрности въ продолженіе 160 лѣтъ, ихъ все называютъ нѣмцами, иностранцами, наравнѣ съ тѣми пришельцами, которые переселяются изъ-за границы только временно, для заработковъ. Такая несправедливость заставила одного изъ славнѣйшихъ сыновъ Россіи высказаться съ чувствомъ глубокаго оскорбленія:—«чего бы я ни сдѣлалъ въ отечественную войну, и въ Турціи, и при взятіи Варшавы, а все въ Россіи называютъ меня нѣмцемъ!».

Между всѣми гражданами обширнѣйшей имперіи немыслимо, чтобы могло существовать совершенное единство происхожденія, племени, вѣры, языка, нравовъ: здѣсь возможно всяческое различіе, даже самое явное, но безъ вреда для государствен-

наго единства. Такъ, при всей особенности происхожденія племеннаго и нравовъ и вѣроисповѣданія, прибалтійскіе дворяне никогда не забывали, что они съ 1710 года принадлежатъ къ единому русскому государству. Московская этнографическая выставка въ 1867 году представила намъ картину многочисленныхъ народныхъ группъ или племенъ, совершенно различныхъ по своему наружному виду, по степени образованности, по языку, по нравамъ и обычаямъ, по религіи,—однако принадлежащихъ всѣ къ единому государству, посвящающихъ единому государству свою силу и свою вѣрную службу. Славянскіе гости изображали собою совершенную противоположность: они были представители единаго, многочисленнѣйшаго народнаго племени, расторгнутаго на части судьбою и бѣдою. Они собрались только для того, чтобы, вопреки своего отчужденія или раздѣленія, вспомнить общее свое племенное происхожденіе и родство свое.

Мнѣ остается еще упомянуть о дворянскихъ привилегіяхъ въ Эстляндіи. Я не былъ въ рыцарской залѣ, въ дворянскомъ собраніи въ Ревелѣ, съ 1825 года 4-го марта, когда предводитель, баронъ О. Ф. Розенъ, по исправленіи двухъ трехлѣтій своей должности, сдалъ ее Павлу Бенкендорфу. Съ того дня минуло 45 лѣтъ. Зала та же, но размѣщеніе и убранство другія, въ новомъ вкусѣ, съ большимъ удобствомъ для отобранія голосовъ по уѣздамъ. Портретъ Петра Великаго во весь ростъ, все тотъ же, и шесть мраморныхъ плитъ—четыре бѣлыхъ и двѣ черныхъ—каждая въ сажень слишкомъ вышины, придѣланныхъ къ стѣнамъ, съ именами дворянъ эстляндскихъ, сражавшихся и убитыхъ въ сраженіяхъ 1812 года,—и плиты все тѣ же. Предъ окончаніемъ начатаго мною изображенія моей родины, считаю умѣстнымъ описать дѣйствія дворянскаго собранія 1867 года: вѣроятно, въ моей долголѣтней жизни болѣе не случится присутствовать и голосовать въ такомъ собраніи мужей опытныхъ.

12 сентября 1867 года, послѣ молебствія въ храмѣ, открыто было засѣданіе въ 11 часовъ. Присутствовавшихъ дворянъ съ правомъ голоса было больше трехсотъ человѣкъ. Начались выборы на различныя вакантныя должности, и представлены были гости, испросившіе дозволенія присутствовать въ засѣданіяхъ; послѣ чего объявлены были предметы, предстоявшіе обсужденію и рѣшенію собранія. Невольно я пораженъ былъ невозмутимымъ спокойствіемъ, сдержанностью и личнымъ достоинствомъ, съ какими держалъ себя каждый членъ многочисленнаго собранія: я не слышалъ ни одной неумѣстной шутки, ни единаго пустого слова или замѣчанія посторонняго.

Начали разсуждать о допущеніи свободнаго владѣнія эстляндскими дворянскими имѣніями. По закону такія имѣнія могли быть во владѣніи исключительно имматрикулированныхъ рыцарей, дворянъ, записанныхъ или включенныхъ въ эстляндскую дворянскую родословную книгу. Первый говорилъ ландратъ фонъ-Цурмюленъ: рѣчь его была примѣчательная, тщательно обдуманная; онъ началъ указаніемъ на различные виды землевладѣнія во всѣхъ государствахъ, постепенно дошелъ до владѣнія въ Эстляндіи и заключилъ тѣмъ, что несовременно и несправедливо было бы поддержать такое мѣстное преимущество для отдѣльной корпораціи, которая пользуется правомъ пріобрѣтать земли и владѣть ими повсемѣстно, не уступая того же права своимъ согражданамъ другихъ губерній. Онъ говорилъ долго, убѣдительно, рѣчь его была вродѣ рѣчи Гизо—логичная, спокойная; всѣ слушали внимательно, тѣмъ болѣе, что ораторъ говорилъ не очень громко. За нимъ въ томъ же духѣ говорилъ родной

братъ его, касаясь мѣстности и необходимости слѣдовать прогрессу. Потомъ выступилъ баронъ Густавъ Унгернъ Штернбергъ. Соглашаясь съ требованіемъ времени уничтожить такую исключительную привилегію, онъ желалъ только, чтобы правомъ владѣнія такими помѣстьями не пользовались люди не-христіанскаго вѣроисповѣданія. Рѣчь свою разнообразилъ и оживилъ онъ остротами, предложеніями и изображеніями новаго быта съ новыми людьми. За нимъ депутатъ баронъ Майдель развилъ свое мнѣніе съ оживленіемъ и громкою ясностью, что надѣется на общее улучшеніе и на удовлетворительный успѣхъ. Предводитель наконецъ изложилъ сущность всѣхъ высказанныхъ мнѣній, предложилъ приступить къ голосованію вопроса: «согласны ли отказаться отъ привилегіи исключительнаго права владѣнія дворянскими имѣніями и признать право владѣнія за лицами всѣхъ сословій христіанскихъ вѣроисповѣданій?» Членамъ каждаго уѣзда по очереди подносили урну, въ которую каждый опускалъ билетъ съ печатнымъ словомъ «да» или «нѣтъ». Во всѣхъ уѣздахъ оказалось единодушное «да»! Такимъ образомъ, дворянство рѣшило добровольно отказаться отъ послѣдней изъ важныхъ своихъ сословныхъ привилегій, не смѣшивая съ ними общихъ земскихъ привилегій. Во всемъ господствовало то же важное спокойствіе, безъ шума, безъ увлеченій, безъ сожалѣній, и такъ же спокойно и важно принялись тотчасъ разбирать вопросъ по рекрутскимъ наборамъ: правильно ли, что по прежнему порядку освобождаемы были отъ выниманія жребія всѣ крестьяне-хозяева?—Оказалось злоупотребленіе, а именно: каждый хозяинъ, когда старшему сыну наступалъ срокъ къ выниманію жребія, то подъ различными предлогами отказывался отъ правъ хозяина, передавая права сыну; когда же очередь доходила до второго или третьяго сына, то старшій передавалъ хозяйство младшему, и такимъ образомъ во многихъ семействахъ обходили всѣ очереди рекрутства; эта несправедливость была отмѣнена. Послѣ этого представили на разсмотрѣніе и обсужденіе новый порядокъ судоустройства, новые судебные уставы 20 ноября 1864 года. Находили неумѣстнымъ и несправедливымъ, что съѣздъ мировыхъ судей, принимающій апелляціи на рѣшенія участковаго мирового судьи, состоитъ изъ такихъ же участковыхъ мировыхъ судей своего уѣзда, хотя судья, на котораго подана жалоба, не имѣетъ по этому дѣлу права голоса, а только присутствуетъ, какъ посторонній слушатель. Положено было оставаться при прежнемъ судопроизводствѣ по весьма уважительнымъ причинамъ: всѣ сословія были совершенно довольны своимъ судомъ, подкуповъ никогда не водилось, взятокъ не давали и не брали никогда, судъ даровой, ничего не стоитъ ни земству, ни государству, а платятъ только пошлины гербовыя и нотаріальныя.

Въ пятницу 15-го было продолженіе разбора проекта новаго судоустройства и о введеніи русскаго языка во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, какъ языка офиціальнаго, и во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. Я ожидалъ самыхъ громкихъ словопреній, и ошибся совершенно. Лишь только предводитель предложилъ вопросъ о введеніи русскаго языка, первый просилъ слово баронъ Икскуль и, обратясь ко всему собранію, сдѣлалъ предложеніе: просить барона Палена, какъ представителя собранія, чтобъ онъ по этому вопросу вступилъ въ предварительное сношеніе съ предводителями лифляндскаго и курляндскаго дворянства и, по общемъ разсмотрѣніи, передалъ бы дѣло въ комитетъ выборныхъ депутатовъ. Предложеніе было принято единодушно полнымъ собраніемъ; всѣ встали съ мѣстъ и засѣданіе было закрыто. Въ этотъ день дворянство дало роскошный обѣдъ въ своемъ клубѣ почтеннымъ гостямъ изъ сосѣднихъ губерній, прибывшимъ для присутствованія въ собраніяхъ.

Въ субботу 16 сентября собраніе было занято слушаніемъ протоколовъ и потомъ торжественно закрыто и распущено. Признаюсь, что я во всю ночь съ пятницы на субботу не могъ уснуть: разыгралось тщеславіе эстляндца. Во всѣхъ предпріятіяхъ патріотическихъ и важныхъ всегда Эстляндія шла впереди. Когда сѣверныя войны отодвигали границы сѣверныхъ государствъ, то Эстляндія не выждала рѣшеній сосѣдей въ Лифляндіи и Курляндіи, передавшихся Польшѣ, а одна рѣшилась остаться въ подданствѣ прежняго господства шведскихъ королей. Когда возникла идея объ освобожденіи крестьянъ прибалтійскихъ, то Эстляндія не спрашивала мнѣнія сосѣдей, а сама рѣшила освобожденіе за годъ раньше Лифляндіи, и за два года раньше Курляндіи. Когда пришлось отдѣлить красною чертою, на планахъ, крестьянскія земли отъ помѣщичьихъ, то она не спрашивала совѣта у другихъ, а провела границы и назначила эти земли въ вѣчное пользованіе крестьянъ, съ дозволеніемъ пріобрѣсти ихъ въ собственность. Въ годину войнъ внѣшнихъ и внутреннихъ она безъ предварительныхъ совѣщаній съ сосѣдями, приносила вовремя посильныя жертвы. Въ смутную эпоху обращенія христіанъ изъ одного христіанскаго вѣроисповѣданія въ другое, эстляндскіе дворяне остановили на лифляндской границѣ соблазнъ и страшныя волненія, своимъ мужественнымъ заступничествомъ за легковѣрныхъ и обманувшихся своихъ единовѣрцевъ. Когда члены дворянства лифляндскаго и курляндскаго искали службы преимущественно въ канцеляріяхъ посольствъ и министерствъ, то эстляндскіе дворяне, при самомъ скудномъ жалованьи, терли лямку въ строю, и были надежнѣйшими заступниками солдата и защитниками отечества. Нисколько не уменьшая высокія достоинства и великія заслуги дворянъ лифляндскихъ и курляндскихъ, я изложилъ только главныя причины, по коимъ я желалъ, чтобы собраніе дворянъ въ 1867 году само рѣшило заданный вопросъ, безъ предварительныхъ совѣщаній съ сосѣдями, и отвѣтило бы прямо, безъ всякихъ околичностей: мы не прочь учиться русскому языку, дайте намъ только хорошихъ учителей. Большая часть нашихъ дѣтей живутъ и служатъ въ Россіи; но мы здѣсь, не выходящіе за предѣлы губерніи, не имѣемъ учителей русскихъ ни для гимназій, ни для пансіоновъ, ни для народныхъ школъ. Законъ положительный § 21 прибалтійскихъ узаконеній даетъ намъ право вести наши общественныя дѣла земскія и судопроизводство на нѣмецкомъ языкѣ; богослуженіе наше на нѣмецкомъ языкѣ; какъ же препятствовать дѣтямъ учиться на томъ языкѣ, съ помощью коего они научились мыслить и понимать? и каковы были бы администрація и судъ, если бы вдругъ стали производить дѣла на языкѣ, мало знакомомъ горожанину и совершенно неизвѣстномъ крестьянамъ? Для нашихъ сношеній съ жителями Великороссіи мы рады усвоить себѣ русскій языкъ, но дайте хорошихъ учителей. Что мы нисколько не пренебрегаемъ русскимъ языкомъ, это доказано тѣмъ, что прибалтійскія губерніи дали Россіи лучшаго учителя, не только русскаго, но и церковно-славянскаго языка въ лицѣ Востокова, или Остенэке, уроженца изъ Пернау. Вѣроятно, по его грамматикѣ научилась писать большая часть русскихъ писателей тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ и понынѣ.

Что же касается земскихъ учрежденій и новаго судоустройства въ Россіи, то утверждаю, что они гораздо либеральнѣе и лучше, чѣмъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ; но эти учрежденія еще не усвоены народомъ, еще не укоренились въ убѣжденіяхъ народа; дайте имъ перейти съ бумаги, съ теоріи въ дѣйствительность и въ практику, отъ пониманія судей въ пониманіе подсудимыхъ, и хоть тридцатилѣт-

нюю давность, или опытъ одного лишь поколѣнія, и мы тотчасъ примемъ ихъ и усвоимъ себѣ съ радостью и съ благодарностью. Пока не отнимайте у насъ того, что служило въ пользу, что давно уже испытано, что доставляло намъ средства бездоимочно выполнять всѣ наши обязанности къ земству и къ государству; мы ссылаемся на то, что выдержано и доказано столѣтіемъ, а не днями.

Вообще надо быть менѣе взыскательнымъ къ иноплеменнымъ соотечественникамъ. Никто не отниметъ отъ англичанина, что онъ сильнѣйшимъ образомъ дорожитъ своею національностью и готовъ на смерть заступиться за еврея, за пасифико, за индѣйца, вступившихъ въ англійское подданство; однако онъ не обижался, когда въ прежней французской части Канады языкъ французскій былъ языкомъ офиціальнымъ въ судахъ и въ присутственныхъ мѣстахъ, или когда на Мальтѣ господствовалъ языкъ итальянскій, или на Гелголандѣ—языкъ нѣмецкій!—Голландецъ также не обижался когда въ Луксембургѣ офиціальнымъ языкомъ былъ французскій!—Французъ также не обижается когда въ Эльзасѣ, въ Лотарингіи слышится нѣмецкая рѣчь! И дворянинъ эстляндскій и лифляндскій не сердится за то, что въ деревняхъ вокругъ него господствуетъ не языкъ нѣмецкій, а эстонскій и латышскій. Дайте татарамъ говорить по-татарски, грузинамъ по-грузински, прибалтійскимъ русскимъ по-нѣмецки, по-эстонски, по-латышски, пока они по своимъ сношеніямъ и связямъ съ жителями великорусскихъ губерній, не убѣдятся, что все русское гораздо лучше и полезнѣе, чѣмъ грузинское и нѣмецкое, тогда они всѣ охотно научатся говорить и писать порусски; тогда дерптскій университетъ, рижская политехническая гимназія, ревельская рыцарская школа и прочія учебныя заведенія высшія, дадутъ намъ сотню Востоковыхъ, какъ донынѣ доставляли намъ сотни полезныхъ ученыхъ въ различныхъ наукахъ; начиная отъ Пироговыхъ до медиковъ и аптекарей, отъ юристовъ до адвокатовъ, отъ богослововъ до педагоговъ, отъ естествоиспытателей до астрономовъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Глава двадцатая.

Тридцатилѣтіе Россіи отъ 1825 до 1855 года.

Война съ Персіей.—Съ Турціей.—Усмиреніе поляковъ.—Хункіаръ-Скилесси.—Спасеніе Австріи.—Кавказская война.—Финансы.—Законодательство.—Дѣятельность государя.—Начало Крымской войны.—Кончина Николая I.—Система управленія.—Отзывъ современниковъ.—Окончательный выводъ.

„Не тотъ отчизны вѣрный сынъ,
Не тотъ въ странѣ самодержавья
Царю полезный гражданинъ,
Кто рабъ презрѣннаго тщеславья!
Пусть будетъ мужъ совѣта онъ
И мученикъ позорной казни,
Стоять за правду и законъ,
Какъ Долгорукій, безъ боязни.
. . . .
Пусть удивляетъ . . . но когда
Онъ все творитъ то изъ тщеславья,
Бѣда несчастному, бѣда —
нъ сынъ не славы, а безславья!

К. Рылѣевъ.

Трудно описать современныя событія, когда вѣрныя данныя о важнѣйшихъ совершившихся дѣлахъ хранятся еще до поры до времени въ архивахъ туземныхъ и иноземныхъ и въ сундукахъ частныхъ лицъ. Для яснаго взгляда на важнѣйшія событія въ Россіи со второй половины нашего вѣка считаю нелишнимъ взглянуть сперва на событія, предшествовавшія новѣйшимъ великимъ преобразованіямъ.

Изслѣдованія о тайныхъ обществахъ, заговорахъ, возстаніяхъ раскрыли все состояніе государства повсемѣстно, во всѣхъ видахъ, и гораздо подробнѣе, нежели какъ это возможно было дознать государю и министрамъ его—иными средствами. Правительство не воспользовалось этими указаніями, а только еще сильнѣе стало питать подозрѣніе къ тайнымъ обществамъ и ненависть къ либерализму до такой степени, что шалости школьнаго юношества, непринужденная бесѣда молодежи безпрестанно страшили его видѣніями заговоровъ и отвлекали вниманіе отъ дѣлъ важнѣйшихъ. Шпіонство развилось до крайности: родные боялись родныхъ, любовникъ подозрѣвалъ свою любовницу, другъ не вѣрилъ другу. Тридцатилѣтнее правленіе представляло возможность воспитать для отечества совершенно новое поколѣніе, слугъ способныхъ и свѣдущихъ. Все воспитаніе въ цѣломъ государствѣ получило покрой военный,—даже въ университетахъ, въ училищахъ гражданскихъ и духовныхъ. Цензура была строжайшая; иностранныя книги по точнымъ наукамъ были

дозволены; но сочиненія по части политики, философіи, религіи, исторіи, политической экономіи, правовѣдѣнія допускаемы были съ величайшею разборчивостью. Въ университетахъ закрыли кафедры философіи, и вмѣсто нея преподавали психологію и логику. Иностранцамъ запрещено было преподавать науки въ Россіи; русскимъ юношамъ запрещено было учиться въ иностранныхъ университетахъ; своихъ преподавателей русскихъ было очень мало; гдѣ же было образоваться и научиться? Развѣ только въ кадетскихъ корпусахъ!

Зато войска имѣли слишкомъ милліонъ, да какая выправка солдатъ! какая выѣздка коней! Ученія и движенія приводили зрителя въ удивленіе, по точности и по быстротѣ, по знанію воинскаго устава. Чрезъ нѣсколько лѣтъ милліонное войско было увеличено сотнями тысячъ безсрочно отпускныхъ солдатъ и кантонистовъ. Такое войско дѣйствительно наводило страхъ на весь міръ. Тридцатилѣтіе началось войною и кончилось войною.

Первая война въ царствованіе Николая I началась весною 1827 года за пограничный споръ съ Персіей. Геройское наше кавказское войско, подъ предводительствомъ И. Ф. Паскевича и неутомимыхъ его сотрудниковъ—начальника штаба Д. Е. Сакена, авангарднаго генерала Бурцова, оберквартирмейстра В. Д. Вольховскаго, шло отъ побѣды къ побѣдѣ до Эривани. Россія пріобрѣла ханства эриванское и нахичеванское и 20 милліоновъ рублей серебромъ контрибуціи.

Въ томъ же году, флотъ нашъ, съ графомъ Гейденомъ и Михаиломъ Лазаревымъ, помогъ уничтожить турецкій флотъ подъ Наваринымъ и содѣйствовалъ къ освобожденію и возстановленію части Греціи.

Вторая сухопутная война началась въ 1828 году съ Турціей за нарушеніе аккерманской конвенціи и по лондонскому трактату о грекахъ. Крѣпости Браиловъ, Силистрія, Рущукъ, Варна, Шумла стоили бездну трудовъ и пропасть солдатъ, сраженныхъ не врагомъ, а болѣзнями. Съ другой стороны, въ азіатской Турціи наши кавказскіе воины покрыли себя славою взятіемъ Карса, Ахалцыха, Ахалкалаки, Баязеда и Арзрума. Въ 1829 году Дибичъ двинулся черезъ Балканы, разбилъ визиря Решида подъ Кулевчи, пробрался въ долины Румеліи и занялъ Адріанополь. Тутъ кончилась война турецкая, по мнѣнію однихъ—отъ великодушія Николая I, по мнѣнію другихъ—отъ его благоразумія. Война эта стоила намъ до 200 тысячъ солдатъ, выбывшихъ изъ строя, а въ Адріанополь вступили 15 тысячъ, годныхъ еще дѣйствовать. Выдвинутые пикеты наши къ Константинополю видѣли чернѣющійся лѣсъ изъ мачтъ англійскихъ кораблей въ Дарданеллахъ. Мы остались победителями, даровали независимость Молдавіи, Валахіи и Сербіи, содѣйствовали къ возстановленію Греціи и получили важныя торговыя преимущества на сушѣ и на моряхъ оттоманскихъ и удержали за собою Анапу, Поти, Ахалкалаки и Ахалцыхъ.

Въ 1830 году, въ ноябрѣ, вспыхнуло въ Варшавѣ возстаніе поляковъ. Исходъ дѣла не подлежалъ никакому сомнѣнію. Худыя только распоряженія, худое продовольствіе арміи, холера—затянули дѣйствія огромной арміи на восемь мѣсяцевъ. Дибичъ былъ смѣненъ Паскевичемъ, Варшаву взялъ Толь штурмомъ. Въ средствахъ усмиренія и примиренія находятъ ошибки; вмѣсто того, чтобы наказать однихъ только зачинщиковъ и явно возставшихъ съ оружіемъ въ рукахъ, разослали заподозрѣнныхъ недовольныхъ по всей Россіи, и заставили многихъ искать убѣжища по всей Европѣ. Одни изъ нихъ подстрекали русскихъ къ новымъ идеямъ, внушали неудовольствіе въ

полкахъ, въ городахъ, въ селеніяхъ и въ школахъ; другіе возбуждали жалость и участіе во всей Европѣ къ судьбѣ выходцевъ, изгнанниковъ, лишенныхъ отцовскаго наслѣдія. Польшею между тѣмъ управляла не дарованная ей конституція, не правильная администрація, по власть полицейская,—оттого вспыхнуло новое возстаніе. Эти совершившіяся событія заставили безыменнаго французскаго писателя выразиться такъ: — «Россія должна держать Польшу живьемъ въ могилѣ и поставить на эту могилу сто тысячъ солдатъ сторожей, чтобы препятствовать ей выходъ изъ могилы». Къ прежней ненависти пристала новая сильнѣйшая — за преслѣдованіе церкви и языка, такъ что впереди опять безпокойство, опять усмиреніе, и все помѣха для Россіи въ собственномъ ея устройствѣ.

Въ 1833 году поплыла наша эскадра съ войскомъ изъ Севастополя въ Босфоръ на помощь султану противъ паши египетскаго. Н. Н. Муравьевъ начальствовалъ отрядомъ въ 13 тысячъ войска, расположеннаго имъ у Хункіаръ Скилесси, съ удивительнымъ знаніемъ тактика, умѣющаго пользоваться мѣстностью. Николай I спасъ султана, который договоромъ обязался запереть Босфоръ и Дарданеллы для военныхъ судовъ всѣхъ иностранныхъ державъ. Крымская война показала всю ничтожность этого трактата. Вся помощь, оказанная султану, гонителю восточныхъ христіанъ, причинила намъ величайшій вредъ: единовѣрцы упрекали насъ въ Турціи, Франція сдружилась съ Англіей и приготовила намъ крымскую войну. Еще съ 1830 года стояли мы напрасно за права французскаго престолонаслѣдія, потому что послѣ 1848 года пришлось признать еще другую династію, и послѣдствія этой политики отзываются еще донынѣ.

Слишкомъ 17 лѣтъ не было войны въ Европѣ, какъ вдругъ въ 1848 г. потрясены были всѣ престолы, кромѣ русскаго. Одна только Россія хранила спокойствіе могильное. Непостижимо, что побудило Николая I вмѣшиваться въ дѣла Австріи. Славянъ западныхъ нечего было опасаться, потому что одни нѣмцы, итальянцы и венгерцы открыто возстали, и только славяне также открыто всупились за Австрію. Русскіе солдаты подъ командою Панютина и Лидерса быстро справились съ венгерцами, а за рыцарскую услужливость Николая I габсбургскій домъ воздалъ ему ужаснымъ вѣроломствомъ. Когда въ новый годъ 1855 г. одинъ изъ генераловъ нашихъ, пользовавшихся его довѣренностью, высказалъ свою надежду, что Австрія можетъ еще одуматься, пристать на нашу сторону, тогда война приметъ иной оборотъ или кончится хорошимъ миромъ, то императоръ сказалъ ему:—«нѣтъ, нельзя на это надѣяться; вы не знаете, что австрійское правительство мнѣ заклятый и смертельный врагъ!»

Еще была война безпрестанная, не прекращавшаяся въ теченіе слишкомъ полвѣка—война на Кавказѣ. Въ 1826 году по наговорамъ, по подозрѣнію въ принятіи участія въ замыслахъ тайнаго общества, смѣнили Ермолова, потому что,—какъ писалъ историкъ Устряловъ въ историческомъ обозрѣніи царствованія Николая I, въ 1847 году на стр. 35-ой,—«Ермоловъ донесъ императору, что не чувствуетъ въ себѣ силы начальствовать войсками въ подобное время, и просилъ присылки довѣреннаго лица».—Ермоловъ самъ опровергнулъ эту ложь. Сперва подосланъ былъ къ нему Дибичъ для развѣдыванія, а потомъ Ермоловъ былъ отставленъ отъ службы и мѣсто его занялъ Паскевичъ. Войны персидская и турецкая помѣшали Паскевичу покорить Кавказъ.

Съ 1828 года въ кавказскихъ племенахъ обнаружился религiозный и политическiй переворотъ. Мюридизмъ, фантастическое отродiе Ислама, сталъ распространяться между всѣми племенами лѣваго фланга. Мулла Магометъ разлилъ мюридизмъ по всему Дагестану, гдѣ любимымъ сподвижникомъ его былъ Кази Мулла.— По смерти Кази Муллы на завалахъ въ Гимрахъ мюридизмъ загнанъ былъ въ горы, гдѣ Гамзатъ-Бекъ въ три года соединилъ всѣ племена подъ одну власть духовную. По умерщвленiи Гамзатъ-Бека душою мюридизма сталъ Шамиль, также сподвижникъ и соученикъ Муллы Магомета и врагъ самый грозный и опасный.

По Адрiанапольскому трактату утвержденъ былъ за Россiей восточный берегъ Чернаго моря. Для поддержанiя тамъ нашей власти надобно было покорить черкесскiя племена, почему съ 1832 до 1839 года главныя силы кавказскаго корпуса, состоявшаго во все это время подъ начальствомъ барона Г. В. Розена, обращены были съ восточной части горъ противъ западной, со стороны Кубани и Чернаго моря. Военныя эти дѣйствiя предписаны были самимъ императоромъ, назначившимъ мѣста на картѣ и даже срокъ семилѣтнiй для окончательнаго покоренiя. Но тутъ скрывалась важная ошибка, потому что завоеванiе западнаго Кавказа не составляло главнаго условiя покоренiя. Событiя 1854 года ясно доказали ошибочность мысли ограждать наше владѣнiе со стороны Чернаго моря. Мюридизмъ между тѣмъ усиливался въ Лезгистанѣ и заставилъ въ 1839 году перенести войну опять съ западной стороны на восточную. По распоряженiю изъ Петербурга, П. Х. Граббе взялъ приступомъ Ахульго, резиденцiю Шамиля. Шамиль бѣжалъ въ Шатой, и вскорѣ вся Чечня, до того времени нейтральная, признала власть Имама. Тогда отдѣльныя экспедицiи въ горы оказались безполезными. Ермоловъ дѣйствовалъ противъ разъединенныхъ горцевъ; баронъ Розенъ также; но долженъ былъ сверхъ того бороться съ ужаснѣйшимъ врагомъ— съ фанатизмомъ, и кромѣ того былъ еще связанъ предписанiями военнаго министра. При начальствованiи на Кавказѣ Головина и Нейдгардта, горцы отняли у насъ Аварiю, Койсубу, взяли девять укрѣпленiй, такъ что во всемъ Дагестанѣ остались за нами только Темирханъ-Шура и укрѣпленiе низовое. Эти обстоятельства заставили императора Николая I назначить туда главнокомандующимъ князя Воронцова, неохотно согласившагося принять эту должность. Но его переименовали въ намѣстники, удвоили, даже утроили его армiю, и Воронцовъ началъ дѣйствовать уже не по прежнему порядку, не частными отрядами, а по своей системѣ: онъ взялъ Сальту, Дагро, резиденцiю Шамиля, какъ вдругъ неожиданная война крымская отторгла главную силу кавказской армiи, состоявшей слишкомъ изъ 200 тысячъ солдатъ, и поглощенной вдругъ раздѣленiями на отдѣльные отряды, по случаю начавшейся внѣшней войны. Устарѣвшiй Воронцовъ смѣненъ былъ Муравьевымъ, Н. Н., котораго вся дѣятельность способность обращены были войною на азiатскую Турцiю, а не на Кавказъ; народъ прозвалъ его Карскимъ за взятiе Карса, за единственную побѣду въ эту несчастную войну. Н. Н. Муравьевъ былъ долго въ опалѣ послѣ вознесенскихъ маневровъ, лишенъ званiя генералъ-адъютанта и вышелъ въ отставку. Въ 1848 году былъ принятъ на службу, командовалъ гренадерскимъ корпусомъ, назначенъ снова генералъ-адъютантомъ и удостоенъ довѣренностью царя; онъ составляетъ рѣдкое исключенiе, зато имѣлъ множество отличныхъ достоинствъ; жаль, что не умѣли употреблять его во-время и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ былъ бы полезнѣе.

По окончанiи крымской войны на мѣсто Н. Н. Муравьева назначенъ былъ

князь А. И. Барятинскій, который рѣшительными мѣрами взялъ Гунибъ, взялъ въ плѣнъ знаменитаго Шамиля и покорилъ всю восточную часть Кавказа въ 1859 году. Князъ Барятинскій по причинѣ болѣзни сдалъ свою должность намѣстника великому князю Михаилу Николаевичу, который въ 1864 году покорилъ весь остальной Кавказъ и положилъ конецъ продолжительной и упорной войнѣ съ племенами Кавказа. Справедливость велитъ еще назвать здѣсь генераловъ графа Евдокимова и барона Врангеля, которые, каждый по своему, содѣйствовали въ послѣднее время къ прекращенію войны, изведшей много храбрецовъ и много денегъ въ теченіе слишкомъ полустолѣтія.

Война кавказская еще ожидаетъ своего историка. Геройскихъ, чудныхъ подвиговъ и великихъ русскихъ витязей кавказскихъ множество [1]).

Отъ усмиренія Польши до усмиренія Венгріи вся Европа наслаждалась миромъ, къ чему всѣхъ болѣе способствовалъ король французскій Людовикъ-Филиппъ. Въ этотъ длинный промежутокъ времени императоръ Николай I заботился о приведеніи въ порядокъ нашихъ дѣлъ финансовыхъ, устроилъ кладовыя въ Петропавловской крѣпости для запасовъ звонкой монеты и слитковъ, составлявшихъ размѣнный фондъ новыхъ кредитныхъ билетовъ. Графъ Канкринъ усердно содѣйствовалъ его намѣреніямъ, предвидѣлъ возможность скораго устройства нашихъ финансовъ изъ обильныхъ нашихъ источниковъ, еще сокрытыхъ; но на бѣду въ мирное время, смотры калишскій и вознесенскій,—на послѣднемъ было сосредоточено слишкомъ 70 тысячъ одной конницы,—стоили расходовъ войны; потомъ вмѣшательство въ дѣла Австріи и Венгріи и, наконецъ, послѣдняя война крымская отнимали надежду на приведеніе нашего кредитнаго безпорядка въ порядокъ.

Изъ офиціальныхъ отчетовъ министерства финансовъ оказывается, что въ началѣ нашего столѣтія государственный долгъ нашъ составлялъ 85 милліоновъ рублей серебромъ. Впослѣдствіи, по поводу отечественной войны въ 1812 году, долгъ нашъ увеличенъ былъ выпускомъ ассигнацій до 267 милліоновъ руб. сер., такъ что весь долгъ составлялъ къ 1825 году всего 352 мил. руб. сер.

Въ 1831 году введены были у насъ серіи, приносящія проценты и погашающія долгъ въ восемь лѣтъ, посредствомъ обмѣна.

1839 годъ составляетъ эпоху въ исторіи финансовой системы. Манифестомъ 1-го іюля введена была новая монетная единица—рубль серебряный; запрещенъ былъ лажъ и учреждена депозитная касса, которая во всякое время вымanивала депозитные билеты на звонкую монету. Вмѣстѣ съ депозитными билетами ходили еще старинныя ассигнаціи, коихъ $3^1/_2$ рубля равнялись одному рублю серебромъ.

Съ 1-го іюня 1843 года появились новые кредитные билеты, вытѣснившіе и депозитные и старинныя ассигнаціи.— Ассигнаціи упадали въ цѣнности; я помню хорошо то время, когда рубль ассигнаціонный или рубль мѣдный, или рубль серебряный имѣли всѣ одинаковую цѣну; иногда ассигнаціонный или бумажный рубль ходилъ дороже серебрянаго. Когда надлежало отправить деньги по почтѣ или брать съ собою значительныя суммы на ярмарки, платежи срочные, тогда много и охотно платили 20% за промѣнъ.—Послѣ 1812 года ассигнаціи сильно стали упадать въ курсѣ, такъ что рубль ассигнаціонный шелъ въ 25 копѣекъ мелкаго серебра, а за рубль

[1]) Смотри „60 лѣтъ кавказской войны“ Р. Фадеева, 1860 г.

серебряный давали 3 рубля 50 копѣекъ ассигнаціями или мѣдными. Такимъ образомъ, государство не могло избѣгнуть банкротства, а частныя лица, купившія имѣнія по оцѣнкѣ на серебро, когда рубль серебряный и ассигнаціонный были равноцѣнны, разорились, когда пришлось имъ платить, а рубль ихъ принимаемъ былъ только въ 28 копѣекъ. Здравый умъ требовалъ, чтобы государство отказалось отъ обязательства выкупить ассигнаціи по ихъ нарицательной цѣнѣ. Кредиторы, потерявшіе большую часть своихъ капиталовъ, были невѣдомы; отъ нихъ переходили ассигнаціи изъ рукъ въ руки, все понижаясь въ цѣнности, и этому невѣдомому безчисленному классу людей пришлось сносить всѣ издержки отечественной войны, такъ что посредствомъ этихъ утратъ пало на потомковъ приращеніе долга государственнаго не въ 670 милл., а только въ 267 милл.

Въ первые годы сумма кредитныхъ билетовъ превышала немногимъ сумму депозитныхъ билетовъ и старинныхъ ассигнацій, изъятыхъ изъ курса въ теченіе пяти лѣтъ. Съ тѣхъ поръ безпрестанно увеличивалась сумма выпускаемыхъ кредитныхъ билетовъ и уменьшался размѣнный фондъ, особенно въ 1853 году.

Въ	концѣ	1828	года	весь	долгъ	составлялъ	373	милліона	рублей
»	»	1838	»	»	»	»	530	»	»
»	»	1848	»	»	»	»	722	»	»
»	»	1856	»	»	»	»	1520	»	»

М. М. Сперанскому, еще въ началѣ царствованія Николая I, поручено было составить сводъ законовъ, а послѣ смерти его поручено было Д. Н. Блудову составить новое уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, — что было послѣднимъ окончено къ 15-му августу 1845 года. Сводъ законовъ наполняетъ слишкомъ сорокъ пять огромныхъ томовъ, заключающихъ въ себѣ слишкомъ тридцать тысячъ актовъ со временъ царя Алексѣя Михайловича. Изъ нихъ составлено было систематическое исправленіе и издано въ двадцати томахъ, заключающихъ слишкомъ двадцать тысячъ актовъ.

Главное вниманіе императора Николая I обращено было на армію и на флотъ: онъ увеличилъ число кадетскихъ корпусовъ, основалъ военную академію, улучшилъ по возможности образованіе лицъ духовныхъ—улучшеніемъ семинарій.

Почтенный историкъ нашъ М. Устряловъ въ 1847 году написалъ историческое обозрѣніе царствованія Николая I. Утверждаютъ, что книжка эта написана по желанію самого *государя*, что онъ самъ дѣлалъ поправки на первыхъ страницахъ о вступленіи своемъ на престолъ, что мысль къ описанію своего царствованія, при жизни своей, была внушена появленіемъ сочиненія Н. И. Тургенева—«La Russie et les Russe, 3 tomes, Bruxelles, 1842»—описавшаго состояніе Россіи, нисколько не касаясь личности *государя*, но показавшаго Россію при громадныхъ средствахъ, съ огромною арміей, подъ неограниченною властью одного лица, —а все въ состояніи не только неудовлетворительномъ, но даже слабомъ и жалкомъ. Современный историкъ Николая I, имѣвъ его же своимъ цензоромъ, не могъ писать иначе, какъ написалъ, —а именно: все шло хорошо и прекрасно, и въ арміи, и во флотѣ, и по управленію гражданскому, и промыслы, и образованіе народное, и торговля, и судоустройство. Всѣмъ извѣстно, въ какомъ порядкѣ, въ какой силѣ досталась Россія его преемнику. Когда императору доносили о какомъ либо злоупотребленіи, то съ негодова-

ніемъ восклицалъ онъ: «какъ могло это случиться въ благоустроенномъ моемъ государствѣ!» Дѣйствительно, онъ лично старался и трудился сверхъ силъ человѣческихъ; онъ до возможности сосредоточивалъ управленіе: по всѣмъ отраслямъ администраціи имѣлъ онъ отдѣльныя, собственныя свои канцеляріи. Входилъ въ мельчайшія подробности, мучилъ себя, и тѣмъ упускалъ изъ виду дѣла важнѣйшія. Ему хотѣлось подражать Петру Великому,—быть первымъ работникомъ въ Россіи, но съ тою разницею, что онъ хотѣлъ всѣхъ учить по-своему, а тотъ учился у другихъ. Онъ высоко цѣнилъ безкорыстіе,—но ни въ какое царствованіе его предшественниковъ не бывало такого наглаго и значительнаго лихоимства, какъ въ его царствованіе, между тѣмъ какъ онъ строго каралъ всѣхъ изобличенныхъ взяточниковъ. Причина увеличенія этой заразы заключается, вѣроятно, въ возрастаніи при немъ роскоши и въ изобрѣтательности удобствъ жизни. Укажу для сравненія на дворецъ Александра I на Каменномъ острову или на домъ его въ Таганрогѣ, въ коемъ онъ скончался, и на какую нибудь дачу русскаго вельможи или богатаго купца—и вы будете поражены разницею, какъ было тогда и какъ теперь, начиная отъ лѣстницъ до гостиной и цвѣтника. Все поклонялось модной роскоши,—а для нея надо было наживать много. Всѣ хватались за акціи золотыхъ пріисковъ, за паи виннаго откупа, за акціи застрахованій, за серіи; брали и крали—и все поглощалось роскошью. Помните, какъ онъ вышелъ изъ себя, когда узналъ о расхищеніи инвалиднаго капитала Политковскимъ? но это дѣло стало гласнымъ, равно какъ и злоупотребленія въ кавказской резервной дивизіи,—а то, что оставалось втайнѣ и невидимо,—отъ сената до уѣзднаго суда,—такъ Боже упаси! Въ минуту скорби своей при мысли о безчестности и безсовѣстности должностныхъ лицъ излилъ онъ свою горечь сыну своему цесаревичу, сказавъ:—«въ Россіи только два человѣка не воруютъ,—это я и ты!»

Среди правительственныхъ заботъ и трудовъ, при постоянныхъ желаніяхъ—возвеличить славу отечества, но слѣдуя ложной системѣ, покрылъ онъ весь горизонтъ политическаго міра мрачными тучами. Уже въ 1852 году начались переговоры между Россіей и Франціей по поводу ключа Іерусалимскаго храма—быть ли ему въ рукахъ христіанъ православныхъ восточныхъ или западныхъ? Турція признавала права Франціи по этому предмету, вслѣдствіе давно существовавшаго порядка; императоръ Николай требовалъ первенства этого права для церкви греко-русской. Въ началѣ 1853 года посланъ былъ князь Меньшиковъ въ Константинополь, съ требованіемъ для русскаго императора права покровительства надъ всѣми его единовѣрцами, находящимися въ подданствѣ Турціи—они составляли населеніе въ 13 милліоновъ греко-славянъ. Подобное покровительство походило бы почти на покореніе. Это обстоятельство заставило Англію разузнать дѣло, что ей совершенно удалось чрезъ англійскаго посла въ Россіи, лорда Сеймура. Англія узнала тайныя намѣренія, что тутъ дѣло было не въ ключѣ храма, но въ покореніи или въ раздѣлѣ Оттоманской Порты. Между тѣмъ Франція уже сообщила Англіи требованія Меньшикова, объявившаго султану, что если Оттоманская Порта не согласится признать за Россіей право протекторства, то русская армія перейдетъ Прутъ и займетъ Дунайскія княжества. И въ самомъ дѣлѣ, переправа чрезъ Прутъ была совершена арміей, подъ начальствомъ князя Горчакова, и началась извѣстная крымская война и осада Севастополя.

Кромѣ этой мѣстной войны за Дунаемъ и въ Крыму, повсюду, гдѣ только море касалось нашихъ предѣловъ, тамъ непріятель блокировалъ наши гавани: на

Восточномъ океанѣ—въ Камчаткѣ, на Бѣломъ морѣ—въ Архангельскѣ и въ Соловецкѣ, на Черномъ морѣ—повсемѣстно, на Азовскомъ—въ Таганрогѣ, на Балтійскомъ, въ виду Ревеля, стояли 70 военныхъ кораблей и грозили Петербургу, и два года держали въ бездѣйствіи сильнѣйшую армію, лучшіе наши корпуса—гвардейскій и гренадерскій.

Императоръ, удвоивъ число своихъ войскъ, выпустивъ несмѣтное количество кредитныхъ билетовъ, прибѣгнулъ къ народному ополченію. Онъ надѣялся на полки свои, надѣялся на ратниковъ, но забылъ, что изъ крѣпостныхъ людей поступала большая часть солдатъ и ратниковъ, и что тридцать лѣтъ сряду только и твердили офицерамъ: «Не извольте разсуждать, слушайте старшаго!» Ратники собрались скоро, но для нихъ тоже нужны были способные офицеры и оружіе. Войска съ запасами и снарядами тѣснились въ мѣшокъ Таврическаго полуострова; народъ твердилъ и вѣрилъ, что наши легіоны закидаютъ непріятеля шапками,—этому вѣрилъ и Николай I, и бояре, и духовенство, и купечество. Но непріятель не допускалъ къ себѣ нашихъ дотолѣ неотразимыхъ штыковъ,—онъ издали отражалъ нашихъ солдатъ усовершенствованнымъ оружіемъ. Отъ нашихъ военачальниковъ депеши извѣщали только о неудачахъ и потеряхъ. Можно себѣ представить, какую ужасную борьбу выдерживалъ главный виновникъ войны. Въ началѣ февраля 1855 г. атлетическое тѣлосложеніе государя, здоровье крѣпкое стало измѣняться. Чувствуя себя нездоровымъ, выѣзжалъ каждый день, чтобы на площади или въ манежѣ проститься съ командами, выступавшими въ походъ. Доктора уговаривали поберечь себя, онъ имъ отвѣчалъ: «Какъ же мнѣ не проститься съ тѣми, которые идутъ, чтобы положить жизнь свою за меня!» Когда Мандъ объявилъ, что часы жизни сочтены, онъ съ твердостью принялъ послѣднее утѣшеніе христіанина, простился, припоминалъ, благодарилъ, но ни слова не сказалъ о народѣ, о государствѣ. И что было сказать, когда, послѣ тридцатилѣтняго царствованія, оставилъ Россію въ неустройствѣ, въ великой бѣдѣ, въ неуплатимыхъ долгахъ, и самъ уже ничего не въ силахъ былъ исправить! Императоръ Николай I скончался 18 февраля 1855 года.

Императоръ Николай I отъ природы былъ одаренъ щедро какъ наружнымъ видомъ, такъ и умственными способностями. Нельзя сомнѣваться въ рѣшимости и храбрости его. Въ характерѣ имѣлъ онъ много энергіи и силы самообладанія, чѣмъ онъ часто побѣждалъ свою врожденную вспыльчивость. Онъ не искалъ ничьей любви; онъ довольствовался внушеніемъ страха, и устрашенный имъ всегда находилъ у него милость или снисхожденіе. Самонадѣянность, саумоувѣренность, качества сносныя, иногда даже полезныя въ частномъ человѣкѣ, становятся недостаткомъ въ государѣ, особенно въ самодержавномъ. Николай I не слушалъ никого, не терпѣлъ совѣтовъ, да и не совѣтовался. Слугъ имѣлъ онъ покорныхъ и усердныхъ; они льстили ему, даже прославляли его ошибки по начинаніямъ войны венгерской и крымской,—какъ же было тутъ воздержаться отъ самоувѣренности!

Исходныя точки системы правленія были явно выставлены и высказаны положительно. Главныя условія эти заключались, по убѣжденію государя, въ единствѣ вѣроисповѣданія, въ единствѣ языка и въ многочисленной, хорошо устроенной арміи. Изъ этихъ условій единство вѣроисповѣданія не можетъ состояться до соединенія всѣхъ церквей въ единую церковь; христіане стараются о томъ уже слишкомъ восемнадцать столѣтій, и много еще уйдетъ времени, пока совершится обѣтованіе, что

будетъ единъ пастырь и едино стадо. Различіе въ вѣроисповѣданіяхъ началось уже при апостолахъ, въ первые годы христіанства. Апостолъ Павелъ, нѣсколько лѣтъ только по вознесеніи Христа, долженъ былъ проповѣдывать противъ расщепленія вѣрующихъ христіанъ, говорившихъ между собою:—я Павловъ,—я Аполлосовъ,—я Кифовъ. Исторія указываетъ намъ, что эти расщепленія въ церкви или различныя вѣроисповѣданія производили споры и несогласія въ церкви, но съ другой стороны порождали больше соревнованія къ церкви, очищали вѣрованіе, поддерживали и подновляли жизнь духовную, давали ей больше силы и, по крайней мѣрѣ, не допускали жалкаго безмолвнаго равнодушія къ церкви. Мы видимъ еще нынѣ въ Англіи множество религіозныхъ сектъ и церковныхъ партій; между тѣмъ нѣтъ страны, въ коей столько дорожили бы *религіей*, какъ въ Англіи, гдѣ стараются о распространеніи истиннаго христіанства не только у себя дома, но и въ цѣломъ мірѣ, и гдѣ церковь почитается самымъ благоговѣйнымъ образомъ. Мы видимъ еще въ Америкѣ множество сектъ, не только обитающихъ по всему государству, но и въ отдѣльныхъ городахъ и большихъ мѣстечкахъ по нѣсколько расколовъ; но всѣ эти расколы составляютъ части христіанской церкви; имъ нужно было сперва отдѣлиться, подвизаться, спорить, очищаться, и, по мѣрѣ приближенія всѣхъ расколовъ къ истинѣ Божественной, сольются всѣ въ единую Христову церковь и будетъ религія едина. Католики не допускаютъ никакихъ расколовъ, никакихъ религіозныхъ умозрѣній; они проповѣдуютъ всѣ одно и то же — слѣпое вѣрованіе въ уставы церкви и въ непогрѣшимость римскаго папы,—у нихъ есть единство. Но развѣ эта церковь исключительна предъ всѣми прочими въ духѣ евангельскомъ? развѣ одни только католики живутъ по-христіански и могутъ служить всѣмъ намъ примѣромъ? — развѣ ихъ только церковь можетъ служить примѣромъ для всѣхъ церквей и возбудить желаніе стремиться къ подобному единству?—Правительство увлеклось наружными формами, предположивъ, что причисленіемъ двухъ милліоновъ католиковъ къ церкви православной, можно совершить внутреннее обращеніе духовное и остановить навсегда свободу совѣсти. Епископъ литовскій составилъ актъ, прокуроръ представилъ актъ синоду, синодъ—правительству на утвержденіе, и думали, что совершилось дѣло апостольское и вмѣстѣ съ тѣмъ объединеніе народа. Тогда же нѣсколько десятковъ тысячъ лютеранъ, латышей и эстовъ были присообщены къ русской церкви. По счету статистики, увеличилось число православныхъ, но при этомъ смѣшаны были понятія о религіи и о вѣроисповѣданіи. Вѣроисповѣданія приводили къ враждѣ, къ матеріализму, къ фанатизму, а религія никогда не будетъ въ разладѣ съ истиною. Религія и государство могутъ существовать въ совершенномъ и прочномъ согласіи, пока не вздумаютъ поработить другъ друга; а вражда между вѣроисповѣданіями вызываетъ борьбу и сумятицу между теократіей и іерархіею свѣтскою. Мы всегда готовы терпѣть идолопоклонника, язычника, магометанина, исполнителя закона Моисеева, а не терпимъ иновѣрца, вѣрующаго въ Іисуса Христа на своемъ языкѣ, по своему обряду.

Второе условіе благоустройства въ государствѣ правительство полагало въ единствѣ языка. Государь лично старался о томъ: очень хорошо и правильно и мѣтко выражался на русскомъ языкѣ. При дворѣ своемъ говорилъ по-русски; былъ недоволенъ, когда русскій писалъ ему прошеніе на французскомъ языкѣ. Въ Польшѣ требовалъ, чтобы тамъ въ училищахъ непремѣнно преподавали русскій языкъ, чтобы

искавшій производства въ первый чинъ, выдержалъ экзаменъ въ русскомъ языкѣ. Онъ предписалъ, чтобы черезъ четыре года въ дерптскомъ университетѣ все было преподаваемо на русскомъ языкѣ, чтобы во всѣхъ трехъ прибалтійскихъ губерніяхъ всѣ гражданскія и судебныя дѣла производимы были на русскомъ языкѣ. Генералъ-губернаторъ черезъ каждые четыре года получалъ замѣчанія и выговоры за неуспѣшныя дѣйствія свои по распространенію русскаго языка и просилъ новой отсрочки на новые четыре года. Не худо было бы имѣть единый общій языкъ на цѣломъ свѣтѣ, какъ и одну монету, одни вѣсы, одну мѣру и проч. Но невозможность эта доказана съ вавилонскаго столпотворенія. Одинъ и тотъ же языкъ, господствующій въ народѣ, имѣетъ множество мѣстныхъ нарѣчій, невсегда понятныхъ во всѣхъ сопредѣльныхъ округахъ,—и, кромѣ того, какъ теперь разстаться съ сокровищами классическими на языкахъ греческомъ и латинскомъ, на языкахъ французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ? Слѣдовало бы все это замѣнить для насъ русскими профессорами, учителями, наставниками и русскими книгами. Профессора наши оканчивали прежде свое образованіе въ чужеземныхъ университетахъ, такъ было и при немъ; но философію, исторію, правовѣдѣніе преподавали не спеціально, такъ могли ли наши университеты и нашъ институтъ педагогическій доставлять свѣдущихъ профессоровъ и учителей? Соотвѣтствовали ли этому наши русскія книги? Учебники и руководства названы въ программѣ для преподаванія въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Исторію грековъ и римлянъ повелѣно было преподавать какъ можно сокращеннѣе, а исторію Финикіи и Ассиріи—какъ можно пространнѣе. Лишь только преемникъ Николая смягчилъ цензуру и допустилъ немного гласности, и вдругъ нахлынули писатели и стали употреблять новыя слова русскія, какихъ не бывало въ прежнихъ словаряхъ, и съ каждымъ днемъ съ тѣхъ поръ языкъ видимо обогащается и очищается. У всѣхъ народовъ есть различныя нарѣчія, различные языки, между ними одинъ господствующій. Американцы не слабѣе, не глупѣе оттого, что граждане у нихъ говорятъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Англичане не слабѣе и не бѣднѣе оттого, что въ народѣ говорятъ и по-англійски, и по-шотландски, и по-ирландски. Обдуманнымъ и преднамѣреннымъ оцѣпленіемъ отъ вліянія запада хотѣли охранять русскую народность, русскій языкъ, русскіе нравы, русскую церковь; но русскіе уже давно и до того выглядѣли и отвѣдали, что было полезнѣе и лучше другихъ народовъ; они познали, что бѣда грозитъ народу, застоявшемуся и отстающему отъ другихъ народовъ. Чѣмъ больше правительство ставило преградъ между Россіей и чужими краями, тѣмъ болѣе отставали мы и не принимали тѣхъ нововведеній и изобрѣтеній, кои облегчаютъ сношенія между народами, для взаимной ихъ пользы и общаго благосостоянія, и кои въ самое краткое время, въ одинъ только годъ, должны были поразить насъ самихъ у себя же дома!

Третье, главное условіе благоустройства государства правительство полагало въ многочисленной сильной арміи. Россія имѣла милліонъ постояннаго войска. Хотя содержаніе войска, сравнительно съ войсками другихъ государствъ, стоило въ Россіи дешевле, однако войско наше поглощало почти всѣ доходы государства и было тяготительно для всѣхъ обывателей городскихъ и сельскихъ, по повинностямъ постойнымъ при стоянкахъ и по повинностямъ земскимъ при передвиженіяхъ. Государь самъ ничего не жалѣлъ для войска: оно, по его мнѣнію, составляло вѣрнѣйшую защиту и охрану предѣловъ и чести, и спокойствія государства и служило ему

любимѣйшимъ занятіемъ внѣ кабинета. Но это же войско въ первую турецкую войну при немъ пострадало отъ недостатка госпитальнаго устройства. При усмиреніи возстанія поляковъ оказался недостатокъ, когда казна не могла питать войну и начальство долго не могло рѣшиться на выдачу продовольственныхъ суммъ. Въ войнѣ противъ возстанія венгровъ было всего довольно, зато меньше двадцатой части арміи сражалось за границей, въ странѣ обильной, и недолго. Наконецъ, въ послѣднюю турецкую войну или несчастную крымскую, хотя не было недостатка, по огромнымъ отпущеннымъ суммамъ, но и не было порядка въ соблюденіи казеннаго интереса. Боевое войско въ Севастополѣ не нуждалось. Въ бою на открытыхъ поляхъ, отъ Альминскаго до Чернорѣченскаго, не имѣли мы успѣховъ, между тѣмъ какъ никто не можетъ укорять русскихъ солдатъ въ недостаткѣ храбрости и мужества. Отчего же такая неудача? такой жалкій конецъ войны?—Русскій солдатъ славнѣйшій изъ солдатъ всего міра: онъ свято исполняетъ правила своей церкви, онъ преданъ своему государю, онъ послушенъ своему начальству, не прихотливъ въ пищѣ, неутомимъ въ походѣ, а главное дѣло—онъ никогда не унываетъ!—Но вооруженіе его было самое недостаточное: ружья съ дребезжащими замками и скобками отъ тимпистыхъ ружейныхъ пріемовъ, давали промахи, когда непріятельскіе нарѣзные штуцера попадали мѣтко и вырывали богатырей изъ нашихъ рядовъ и издали не допускали молодецкихъ натисковъ со штыкомъ суворовскимъ. Въ войнѣ чрезвычайно важны бываютъ распоряженія хорошихъ главныхъ начальниковъ; уже въ 1812 году Кутузовъ, имѣвъ славныхъ дивизіонныхъ начальниковъ, однако, жаловался и на нихъ, что лучшіе его планы не удавались вполнѣ отъ несмышлености начальниковъ, когда требовалось, чтобы они изъ разныхъ мѣстъ прибыли къ назначенному пункту, въ назначенный часъ, для совокупныхъ дѣйствій. Когда князь Меньшиковъ долженъ былъ отступить послѣ альминскаго дѣла,—а отступленіе послѣ сильнаго пораженія рѣдко совершается въ порядкѣ,—то начальникъ всей его артиллеріи, храбрый и опытный генералъ Л. С. Кишинскій, спросилъ у главнокомандующаго, по какому направленію отступить съ артиллеріей? и получилъ въ отвѣтъ — «куда хотите!» — Хорошо, что генералъ благополучно вывелъ артиллерію. Николай I основалъ военную академію, но у него лучшій экзерцирмейстръ считался лучшимъ генераломъ. Армія въ такомъ составѣ, какъ бы она ни была многочисленна, не можетъ быть вѣрнымъ оплотомъ, или составить одно изъ условій благоустройства государства. Армія многочисленная въ мирное время поведетъ государство непремѣнно къ банкротству, какъ уже давно и правильно предсказалъ это умный англичанинъ Ричардъ Кобденъ.

Государь, къ величайшей бѣдѣ своей и всей Россіи, не имѣлъ друга, который остановилъ бы его при ошибочныхъ предпріятіяхъ и при упущеніи важнѣйшихъ уроковъ изъ исторіи царствованій Филиппа II и Людовика XIV. Онъ иногда самъ примѣчалъ свои ошибки: доказательствомъ тому служитъ, что однажды съ горечью замѣтилъ онъ патріоту Н. С. Мордвинову—что у него нѣтъ Долгорукихъ, какъ имѣлъ ихъ Петръ Великій. Оскорбившійся патріотъ, осторожный и скромный, передалъ друзьямъ своимъ, что Долгорукихъ у насъ довольно, но они выказываются Петру, который слушалъ Лефорта, Гордона, Миниха, Шереметева, Долгорукаго, Меньшикова, а подъ часъ и русскаго мужика, и голландскаго матроса. Онъ только не слушалъ чернецовъ властолюбивыхъ и ненавидѣвшихъ просвѣщеніе. Петръ Великій обдуманно отмѣнилъ санъ патріарха.

У насъ все истекаетъ изъ воли одного человѣка, государя самодержавнаго; государь этотъ, будь онъ Траянъ, будь онъ Калигула, вѣрно заботится о своихъ подданныхъ, если не изъ любви къ отечеству и къ человѣчеству, то, по крайней мѣрѣ, для славы современной, для славы въ потомствѣ. Отчего же полезные указы его не достигаютъ цѣли?—Оттого, что есть люди, которые находятъ свои выгоды въ несправедливостяхъ и притѣсненіяхъ. Ни дубина Петра, ни ласки Екатерины, ни желанія Александра, ни угрозы Николая, не извели злоупотребленій.

Всѣ образованные современники Николая I называютъ его единогласно—самовластителемъ. Кажется, что онъ сгубилъ свою славу, бывъ подавленъ тяжестью власти неограниченной. Несмотря на все это, много и премного людей всѣхъ сословій и состояній благословляютъ память его и прославляютъ царствованіе его, а именно: всѣ, которые нажили себѣ капиталы и помѣстья, получили пенсіи, чины и ордена, и всѣ, которые въ своихъ помѣстьяхъ, и въ казенныхъ селеніяхъ, въ городахъ, самовластвовали также энергически безотчетно.

Николаю I принадлежитъ слава украшеній Петербурга и Петергофа, построеніе двухъ монументальныхъ мостовъ на Невѣ и на Днѣпрѣ, основаніе университета Св. Владиміра въ Кіевѣ, военной академіи, училища правовѣдѣнія, института технологическаго, институтовъ для дѣвицъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Николай I искренно желалъ благоденствія для отечества; но онъ ошибался въ главной цѣли и въ выборѣ средствъ, такъ что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ становился представителемъ другого вѣка, преемникомъ того царя, который твердилъ:—«намъ не прилично заводить то, чего у насъ еще не бывало»!

Подробная исторія царствованія Николая I воздастъ ему должное въ концѣ нашего вѣка и навѣрно найдетъ для него извиненіе или снисхожденіе въ необыкновенно быстромъ пробужденіи умовъ въ Европѣ, отъ 1825 до 1855 года, когда Россія дремала непробудно подъ убаюкиваніемъ и подъ стражею Николая I.

Глава двадцать первая.

Послѣдніе годы крѣпостного состоянія

Бомбардированіе нарвской гавани.—Англійскій флотъ подъ Ревелемъ.—1-я конно-артиллерійская батарея.—Николаевская желѣзная дорога.—Шоссе. - Болѣзнь сына.—Переселеніе въ Малороссію.—П. С. Бобрищевъ-Пушкинъ.—Новая жизнь.—Торговля шерстью.—Сельское хозяйство.—Климатъ.—Нововведенія.—Манифестъ 26 августа 1856 года.—Начало важнѣйшаго преобразованія въ Россіи.—Губернскіе комитеты.—Отданіе помѣщичьей власти.

Въ началѣ 1855 года, когда гавани балтійскія освободились отъ льдинъ, рано утромъ разбудили меня пушечные выстрѣлы. Предполагая, что нарвскій комендантъ повѣряетъ исправность крѣпостной артиллеріи, хотѣлъ опять заснуть, но сила зарядовъ, число ударовъ, повторенные выстрѣлы черезъ каждую минуту заставили меня спѣшить на крыльцо, откуда увидѣлъ, что въ деревнѣ крестьяне взобрались на крыши своихъ домовъ и смотрѣли по направленію къ устью Наровы. Выстрѣлы стали учащаться, воздухъ колебался какъ во время бури... Тутъ дѣло разъяснилось, что ядра и бомбы разсѣкали воздухъ. Въ пять минутъ лошади были запряжены въ кабріолетъ, и я поскакалъ въ сопровожденіи конюха. Въ городѣ сказали мнѣ, что англичане атакуютъ нарвскую гавань. Мнѣ оставалось еще ѣхать шесть верстъ по сыпучему песку. Стрѣльба прекратилась, когда я подъѣхалъ къ спиртовому заводу Фалькмана. До взморья надо было ѣхать еще двѣ версты. По Наровѣ плыли канонерскія лодки; капитанъ Штакельбергъ съ берега давалъ имъ сигналы; солдаты въ лодкахъ, въ полномъ вооруженіи, готовы были высадиться въ случаѣ десанта англичанъ. На поворотѣ дороги, въ одной верстѣ отъ берега моря, вдругъ показалась на морѣ чудовищная высокая домина, а по бокамъ ея фрегаты: то былъ англійскій трехдечный военный корабль эскадры адмирала Сеймура. Меня встрѣтилъ у батареи нашъ артиллерійскій генералъ Далеръ, получившій сильную контузію; онъ указалъ мнѣ молодого артиллерійскаго офицера, недавно выпущеннаго изъ корпуса, который передалъ мнѣ подробности сраженія. Берегъ усѣянъ былъ ядрами трехъ различныхъ калибровъ и бомбами; на платформѣ нашего земляного и дерноваго бастіона лежали убитые унтеръ-офицеръ и рядовой; одинъ изъ лафетовъ обрызганъ былъ кровью. Канонировъ смѣняли три раза. Военный исполинскій корабль стрѣлялъ на такомъ дальнемъ разстояніи отъ берега, что не могъ прицѣльно попадать въ батарею: только осыпалъ весь берегъ ядрами; наконецъ, адмиралъ отрядилъ фрегатъ, чтобы тотъ стрѣлялъ во флангъ батареи; тогда начальникъ купе-

ческой гавани, нарвскій гражданинъ Кохъ съ находчивостью воина посовѣтовалъ и помогъ поворотить два орудія, по направленію отплывшаго фрегата, и такъ ловко попалъ въ него, что тотъ немедленно воротился къ адмиралу. Императоръ наградилъ мѣщанина чиномъ и золотой медалью, какой до того времени не бывало, съ надписью за храбрость на георгіевской лентѣ для ношенія на шеѣ. Англійскій адмиралъ снялся съ якоря и уплылъ, потерявъ напрасно множество снарядовъ, кои по годности калибра были свезены въ арсеналъ, а негодные были собраны любопытными зрителями и унесены домой, какъ малороссы на своихъ бакшахъ убираютъ дыни и арбузы. Подобныя атаки были повторяемы по всему прибрежію отъ Нарвы до Ревеля, въ Изенгофѣ, въ Кундѣ, гдѣ сожгли нѣсколько домовъ, но нигдѣ не отважились на высадку. Донесеніе адмирала объ атакѣ нарвской гавани было напечатано во всѣхъ иностранныхъ газетахъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ поѣхалъ я въ Ревель. Подъѣзжая къ городу, приказалъ остановиться на Лаксбергѣ, не для наслажденія чуднымъ видомъ на городъ, на окрестности и на взморье, но чтобы съ досадою и съ грустью посмотрѣть на островъ Наргенъ, гдѣ на берегу, среди зелени, травъ и кустарниковъ, раскинуты были бѣлыя палатки для солдатъ и для больныхъ англичанъ, а за островомъ въ параллель къ городу, въ семи верстахъ отъ Ревеля, растянута была линія англійскаго военнаго флота въ семьдесятъ кораблей съ десантнымъ войскомъ. Флотъ этотъ и войско, безъ передвиженія, безъ боя, держали въ бездѣйствіи лучшую русскую армію отъ Петербурга до Либавы. Въ Ревель сперва назначенъ былъ главнымъ начальникомъ генералъ-адъютантъ графъ Бергъ, который держалъ гарнизонъ въ безпрестанной готовности къ отбою непріятельскаго нападенія; каждый вечеръ, до пробитія зари, офицеры и солдаты укладывали свои ранцы и готовились на ночь къ бою. Въ концѣ 1854 года графъ Бергъ смѣненъ былъ генералъ-адъютантомъ П. Х. Граббе; дивизіей 3-ей гвардейской командовалъ усердный и благородный баронъ П. И. Корфъ. 9 мая 1855 г. въ Николинъ день пріѣхалъ я въ Ревель и поспѣшилъ къ генералу Граббе, который тогда занималъ екатеринтальскій дворецъ, гдѣ многочисленная публика прогуливалась и слушала военную музыку. Нечаянно попалъ я въ кругъ прежнихъ сослуживцевъ, тогда уже дивизіонныхъ и бригадныхъ начальниковъ, изъ которыхъ одни вмѣстѣ со мною были въ корпусѣ, другіе служили со мной въ гвардіи. Всѣ обрадовались, что увидѣли меня на волѣ, весело вспоминали былое время юности, какъ вдругъ весь генералитетъ поднялъ руки къ козырькамъ и вытянулся,—я оглянулся—въ эту минуту генералъ Граббе взялъ меня подъ руку и повелъ меня къ зеленой садовой скамейкѣ, гдѣ мы сѣли вдвоемъ и бесѣдовали съ полчаса. Проходящіе не поняли этого знакомства и этой внимательности, пока генералъ не объяснилъ на другой день предводителю дворянства, разсказавъ ему, гдѣ и какъ мы встрѣтились подъ арестомъ въ Зимнемъ дворцѣ, и какъ я требовалъ для него отъ полковника Микулина хоть одного снопа соломы для отдохновенія. Войско наше было бодро и готово къ бою; главный начальникъ напрасно не тревожилъ никого. Когда пикеты изъ казаковъ или башкирцевъ рапортовали о приближеніи непріятельскихъ судовъ и лодокъ къ берегу, то, не давъ сигнала къ тревогѣ, разсылалъ онъ напередъ для развѣдыванія своихъ надежныхъ ординарцевъ, и каждый разъ оказывалось, что плавали наши прибрежные жители и рыбаки, а эскадра стояла все лѣто не для безполезнаго взятія Ревеля, а для демонстраціи, для удержанія въ бездѣйствіи до двухъ

сотъ тысячъ отличнѣйшаго войска нашего, растянутаго отъ Петербурга по всему балтійскому прибрежію, съ отдѣльными главнокомандующими въ Петербургѣ, въ Кронштадтѣ, въ Гельсингфорсѣ, въ Ревелѣ и въ Ригѣ.

Получивъ подорожную, поѣхалъ на другой день въ Ригу, чтобы благодарить князя Суворова за всѣ его ходатайства для облегченія и освобожденія моего и многихъ изъ моихъ товарищей. Отъ него же получилъ позволеніе навѣстить двухъ сыновей моихъ, стоявшихъ съ конно-артиллерійской батареей въ 40 верстахъ отъ Риги, близъ станціи Олай, въ крестьянскомъ отдѣльномъ дворѣ близъ мызы Петергофъ. Пріѣздъ мой былъ совершенно неожиданный: я не могъ предупредить сыновей, потому что самъ не зналъ—получу ли дозволеніе ѣхать,—все было на военномъ положеніи. Неожиданность и радость свиданія были обоюдны. Сыновья мои занимали половину крестьянскаго дома, довольно просторную комнату, въ другой половинѣ обитало все семейство хозяина. Въ Курляндіи нѣтъ селъ и деревень, а все отдѣльныя крестьянскія фермы, въ разстояніи больше или меньше полуверсты одна отъ другой, съ отдѣльнымъ выгономъ и водопоемъ; каждый хозяинъ или фермеръ живетъ отдѣльно и въ довольствѣ. Я пріѣхалъ къ Троицыну дню, провелъ праздникъ у батарейнаго командира, опытнаго артиллериста и славнаго ѣздока, Ник. Фил. Добрышина, познакомился съ товарищами дѣтей моихъ и навѣстилъ каждаго въ отдѣльныхъ ихъ стоянкахъ. Въ Духовъ день поѣхалъ въ Митаву, а въ третій день имѣлъ удовольствіе видѣть въ строю сыновей моихъ на конно-артиллерійскомъ ученьи, гдѣ быстрота движеній при занятіи позиціи была изумительна и ловкость ѣздоковъ доходила до невѣроятности. Батарейный командиръ и капитанъ Н. Ст. Веревкинъ въ особенности были увѣрены въ своемъ дѣлѣ и отличались красотою посадки на конѣ и знаніемъ службы. Общество офицеровъ въ батареѣ составляетъ отдѣльное семейство; издавна, со временъ Екатерины, было заведено, что офицеры ежедневно собирались у командира къ обѣду: они имѣли случай короче познакомиться и перенять все хорошее другъ у друга, сообщать свои мысли, подѣлиться чтеніемъ. Самый характерный и образованный изъ нихъ, невольно имѣлъ полезное вліяніе на другихъ. Эти отдѣльныя стоянки артиллеристовъ, поневолѣ замкнутыхъ въ небольшомъ кругу пяти или шести офицеровъ, придаютъ имъ особенный складъ, особенный смыслъ, сравнительно съ многолюдными обществами пѣхотныхъ и кавалерійскихъ полковъ. Такихъ особняковъ находимъ мы и во флотѣ, гдѣ также, по роду службы, пять или шесть офицеровъ съ докторомъ и съ ботаникомъ, живутъ по цѣлымъ мѣсяцамъ на одномъ кораблѣ и, поневолѣ должны сообщаться между собою, облегчить и украшать свое затворничество посреди океана и учиться другъ у друга. Въ прежнее время, до императора Николая, жизнь въ батареѣ походила на жизнь въ родной семьѣ. Всѣ офицеры каждый день во время стоянки или похода собирались обѣдать у батарейнаго командира. Нынѣ эти близкія, какъ бы обязательныя отношенія въ дружбѣ и въ службѣ вывелись почти совершенно. Командиръ расчитываетъ доходы, во всякое время выставляетъ себя какъ начальникъ, а не какъ сослуживецъ; офицеръ въ такомъ случаѣ избѣгаетъ сближенія съ нимъ и сохраняетъ независимость въ своемъ одиночествѣ или съ выборнымъ товарищемъ, и оттого устраиваются враждебныя партіи. Изъ офицеровъ 1-й конной батареи понравился мнѣ по образованности своей Сем. Н. Воробьевъ; самый усердный и услужливый былъ А. О. Штаденъ, который чрезъ десять лѣтъ навѣстилъ меня въ Украйнѣ проѣздомъ на Кавказъ. Сыновья мои заслужили себѣ общее уваженіе

всѣхъ товарищей; они проводили меня до Риги, откуда я поѣхалъ въ Дерптъ. Во время перепряжки на станціи, извозчикъ городской повезъ меня къ Вышгороду, гдѣ я не могъ довольноналюбоваться прелестью сада и видами на весь городъ съ окрестностями, на скромную рѣчку, и наслышаться восхитительнаго пѣнія сотни голосовъ, раздававшихся стройно въ университетскомъ саду.

Дома ожидала меня вѣсть печальная о болѣзни старшаго сына моего Евгенія, который, бывъ уволенъ отъ военной службы, три года управлялъ имѣніемъ матери въ харьковской губерніи въ изюмскомъ уѣздѣ. Болѣзнь была нервная и продолжительная. Чрезъ князя Суворова получилъ я позволеніе ѣхать въ Украйну, но съ запрещеніемъ въѣзда въ обѣ столицы. Но какъ миновать Петербургъ и Москву?—сказано было съ запрещеніемъ въѣзда туда. Такъ что же долго задумываться! была возможность объѣзжать, но потерялъ бы нѣсколько дней; рѣшилъ, что проѣздъ не въѣздъ—сѣлъ въ почтовую карету въ Нарвѣ и поѣхалъ прямо въ Петербургъ, съ которымъ простился навѣки тридцать лѣтъ тому назадъ. Станціи отъ Нарвы до Петербурга все тѣ же прежнія. Влѣво отъ Кипени видны были новыя поселенія колонистовъ, дома ихъ съ красными крышами тянутся длинными рядами, какъ развернутый строй полковъ. Въ Красномъ селѣ все было ново, глазъ не отыскалъ прежней фабрикантской слободки; повсюду новыя красивыя постройки, небывалыя посаженныя рощи, и если бы не старый знакомый Дудергофъ, то не узналъ бы прежней лагерной мѣстности. Въ контору дилижансовъ пріѣхалъ въ 10 часовъ утра. Тутъ повѣяло все новизною: услужливая, вѣжливая, опрятно одѣтая прислуга вынесла мой чемоданъ, предложила карету и проводила къ Смольному на желѣзную дорогу. Я заглядывалъ и заходилъ туда и сюда, по заламъ не встрѣтилъ ни одного знакомаго лица ни между дорожными, ни между провожающими, какъ вдругъ съ боку раздался громкій голосъ: «А. Е., тебя ли вижу? вотъ гдѣ Богъ привелъ встрѣтиться! Сядемъ рядомъ въ одинъ вагонъ!»—голосъ былъ дружный А. И. Крутова; онъ ѣхалъ только до Торбина, гдѣ не въ далекомъ разстояніи отъ станціи имѣлъ деревеньку или дачу. Чрезъ пять минутъ раздались звонки, потомъ свистокъ, и въ первый разъ катила меня чугунка по 30-ти и по 40 верстъ въ часъ; такъ же быстро шелъ нашъ разговоръ и чрезъ четыре часа мы должны были разстаться.

Николаевская желѣзная дорога была чудо какъ хороша: ни тряски, ни качки, ни толчка, какъ будто сидишь на мѣстѣ, и легко повѣрить разсказамъ попутчиковъ, какъ курьеръ, ѣхавшій изъ Тифлиса, пересѣвъ въ Москвѣ изъ тѣлеги въ вагонъ, задремалъ сладко и вдругъ закричалъ: «пошелъ!» — ему показалось, что курьерская тройка или остановилась, или двигалась шагомъ, такъ было ему спокойно, между тѣмъ какъ пары несли его не по 20-ти верстъ въ часъ, а по сорока. Попутчики его поняли въ чемъ дѣло, и долго смѣялись. Особенно поражаютъ путешественника роскошь и капитальность построекъ на главныхъ станціяхъ изъ числа 36-ти въ Вишерской, Бологовской, Спировской, Тверской и Клинской. Дорога тянется на 640 верстъ по мѣстностямъ необитаемымъ, ожидающимъ новыхъ поселеній; глазъ скучаетъ при видѣ однихъ пустошей и болотъ петербургскихъ и новгородскихъ; зато отрадно видѣть среди пустыни красивую и со вкусомъ устроенную русскую селитьбу Кокорева, гдѣ со вкусомъ и съ прилежаніемъ, на мѣстѣ болотныхъ кочекъ и бѣдныхъ кустарниковъ, разведены опрятные садики, роскошные луга, шоссейныя дорожки и устроены щегольскія избы. Вдали и вблизи отъ дороги видны древніе Новгородъ

и Тверь; вправо и влѣво отъ пути мелькають колокольни купола сельскихъ церквей и напоминаетъ страну обитаемую.

Не имѣвъ права остановиться въ Москвѣ и узнавъ, что почтовая карета отправится въ Харьковъ чрезъ два дня, я взялъ билетъ на проѣздъ по вольной почтѣ Студинскаго, послѣ Никитина, и чрезъ часъ ѣхалъ на перекладныхъ телѣжкахъ по хорошему шоссе. За Тулой восхищался устройствомъ новыхъ почтовыхъ станцій: полы паркетные, зеркала, диваны и креслы изъ карельской березы съ пружинными тюфяками, съ подушками зеленаго сафьяна; амбразуры оконъ подъ бѣлый мраморъ, часы исправные, термометры неразбитые, во всемъ опрятность и удобство. Прислужники, солдаты дорожной команды, большею частью семитическаго племени, подавали самоваръ вычищенный, чайный приборъ чистый, стаканъ хрустальный,—просто глазамъ не вѣрилъ. Вошедъ въ первую комнату, оставилъ калоши у дверей, солдатъ пріятно улыбнулся, и когда я замѣтилъ вслухъ, что все хорошо и чисто, то онъ съ печальнымъ видомъ склонилъ голову на бокъ и отвѣтилъ: «Не всѣ проѣзжающіе оставляютъ калоши у дверей, другой съ грязными сапогами и въ шпорахъ прямо ложится на диванъ, и такъ все перегадитъ въ одинъ часъ, что въ день не смоешь и не вытрешь всей грязи и всѣхъ пятенъ». Онъ былъ правъ: когда я чрезъ десять лѣтъ опятъ ѣхалъ по этой дорогѣ, то бѣлый мраморъ оконницъ походилъ на смазанную глину, зеленый сафьянъ былъ изодранъ, полы не выказывали слѣда паркета, столы шатались,—такимъ образомъ не время уничтожаетъ постройки и убранства, а нерадѣніе, неопрятность проѣзжающихъ, безпечность надзирателей и прислуги, когда никто не думаетъ о ремонтной суммѣ для своевременнаго поддержанія хорошаго заведенія. Странно, что во всѣхъ государствахъ почтовое вѣдомство доставляетъ значительный доходъ государственный, какъ почтовая гоньба, такъ и отправки корреспонденцій, вещей и денегъ; а у насъ такъ правительство каждогодно приплачиваетъ на содержаніе почтъ,—вѣроятно, отъ излишней предусмотрительности и отъ желанія имѣть все въ своихъ рукахъ, подъ своею опекою. Мѣстами обгонялъ я ратниковъ: всѣхъ веселѣе шли тульскіе подъ начальствомъ кн. Голицына. Одинъ изъ офицеровъ ратниковъ, отставной артиллеристъ, потчивалъ меня виномъ въ Бѣлгородѣ; у стѣнки стояла батарея опорожненныхъ бутылокъ, онъ все божился, что кутитъ на свои собственныя деньги, а не на дворянскія, не по найму.

Отъ Харькова до Изюма 122 версты, отъ Изюма до Каменки 7 верстъ. Изюмскій ямщикъ изъ цыганъ везъ меня въ полдень 22 августа по прямой, не столбовой дорогѣ, чрезъ Луки, по дубовой рощѣ, по берегу Донца. У крутого спуска вдругъ представилась чудная панорама: большое село съ каменною церковью о пяти куполахъ, три усадьбы помѣщичьи: одинъ господскій домъ подъ зеленою крышею, другою подъ красною, третій подъ тростниковою; 400 выбѣленныхъ хатъ, окруженныхъ садами; налѣво Донецъ и лѣса, направо рѣчка Каменка съ мельницами водяными. Кажись рай, какъ бы тутъ не жить и наслаждаться и благодарить Бога!—да! мѣстность, дѣйствительно, хороша! но все было изуродовано крѣпостнымъ состояніемъ. Больного сына обнялъ; онъ былъ на ногахъ, но очень слабъ; невѣстка поднесла годового младенца, внука Вячеслава, котораго прозвали сокращенно Славой, славянскимъ ура! чрезъ часъ поѣхалъ къ шурину И. В. Малиновскому; засталъ его съ новымъ семействомъ отъ второго брака: съ двумя сыновьями и тремя дочерьми—

все картиночки, одна лучше другой; всѣхъ милѣе и радушнѣе встрѣтили меня хозяйка и дочь ея Софья. Прекраснѣйшимъ ребенкомъ былъ годовой сынъ Сергѣй, со взглядомъ неземнымъ; чрезъ годъ онъ вернулся въ свой міръ родной, гдѣ нѣтъ болѣзни, нѣтъ смущеній и печали. Цѣль моей поѣздки и все дѣло, до того времени не совсѣмъ ясное, объяснилось скоро: сынъ мой былъ такъ разстроенъ нервными припадками, что лишился употребленія ногъ, страдалъ біеніемъ сердца и объявилъ положительно, что не видитъ возможности уладить съ хозяйствомъ и съ сосѣдствомъ, которое, по наущенію и наговорамъ лукавыхъ рабовъ, не давало ему покою. Недаромъ поговорка: «не купи себѣ дома или деревню, но купи себѣ сосѣда». Часто курица, гусь, или собака служатъ предлогомъ непріязни. Встарину сосѣдъ сосѣда выживалъ колокольнымъ звономъ или медвѣжьимъ ревомъ, повторявшимися въ ту минуту, когда сосѣдъ засыпалъ послѣ сытной трапезы, и не дававшими ему покоя. Одно только было совершенно ясно, что сыну моему не было возможности оставаться управляющимъ или арендаторомъ имѣнія. Онъ еще до моего пріѣзда началъ строить себѣ новый домъ и усадьбу въ имѣніи жены своей. Назначить или отыскать другого управляющаго значило только портить дѣло еще хуже; я рѣшилъ, что переберусь съ семействомъ въ Каменку. 31-го августа пустился я въ обратный путь, и узналъ дорогою отъ проѣзжающихъ о паденіи Севастополя.

Огромнѣйшія жертвы, принесенныя въ эту несчастную войну, не могли оставаться безъ возмездія. Выказалась сила сильнѣе пушечной и штыковой; пришлось подумать о строѣ не баталіонномъ или полковомъ, а государственномъ.

Человѣкъ не всегда можетъ располагать мѣстомъ своего жительства или покоя по своему желанію; есть сотни случаевъ и обстоятельствъ совершенно непредвидѣнныхъ и неотвратимыхъ, кои влекутъ его далеко отъ родины и отъ родныхъ, и заставляютъ промѣнять вѣрное и извѣстное на неизвѣстное. Такъ въ 1856 году апрѣля 23 я долженъ былъ перебраться въ Украйну съ женою и дочерью. Въ Москвѣ отдыхали два дня и заѣхали въ село Высокое, близъ Тулы, къ старымъ друзьямъ, товарищамъ сибирскимъ, къ Нарышкинымъ, гдѣ застали П. С. Пушкина. Свиданіе съ ними, наслажденіе быть съ ними и дѣлиться мыслями и чувствами было прервано опасною болѣзнью жены моей. Осторожный и опытный докторъ Раевскій изъ Тулы помогъ ей скоро, такъ что чрезъ недѣлю могли продолжать путешествіе.

Въ Высокомъ было послѣднее свиданіе мое съ Павломъ Сергѣевичемъ Бобрищевымъ-Пушкинымъ, о которомъ я упоминалъ нѣсколько разъ. Безспорно, принадлежитъ онъ къ весьма замѣчательнымъ личностямъ. Онъ воспитывался и учился въ извѣстномъ училищѣ колонновожатыхъ генерала Николая Муравьева въ Москвѣ; поступилъ въ офицеры генеральнаго штаба по квартирмейстерской части въ штабъ 2-ой арміи гр. Витгенштейна. Очень естественно, что, вращаясь въ обществѣ образованныхъ людей въ главномъ штабѣ въ Тульчинѣ, присталъ онъ съ пламенною душою къ тѣмъ лицамъ, которыя думали о высшей цѣли и мечтали о благѣ отечества; такимъ образомъ по своимъ чувствамъ и правиламъ перешелъ онъ изъ явныхъ либераловъ въ тайные члены тайнаго политическаго общества. Въ читинскомъ острогѣ жилъ я съ нимъ четыре года; въ петровской тюрьмѣ еще два года. Въ Читѣ, на другой годъ заточенія замѣтилъ я въ немъ разительную перемѣну физическую: онъ потерялъ сонъ, аппетитъ, лицомъ сталъ блѣдный, желтый, только черные глаза блистали жизнью. Вскорѣ дѣло разъяснилось: онъ боролся самъ съ собою, со своими сомнѣніями, при-

шелъ въ разладъ съ религіозными убѣжденіями, жадно читалъ книги святыхъ отцовъ первыхъ столѣтій христіанства, вздыхалъ, плакалъ и не внималъ утѣшеніямъ отъ друзей и товарищей. Я всячески упрашивалъ его, увѣрялъ, что истинная и полная вѣра дается не нами, не книгами, но молитвою и самимъ Господомъ Спасителемъ; но онъ самъ все это зналъ лучше меня, а все унывалъ и мучилъ себя. Наконецъ, онъ побѣдилъ и вышелъ изъ борьбы не фанатикомъ, а вполнѣ христіаниномъ, исполненнымъ любви къ Богу и къ ближнимъ. Хорошій математикъ, восторженный поэтъ, столяръ и портной самоучка, онъ всячески старался быть полезнымъ внутри и внѣ острога. Онъ былъ всѣмъ доволенъ, услужливъ для всѣхъ, всегда спокоенъ и терпѣливъ, былъ снисходителенъ къ другимъ и только строгъ къ самому себѣ. Такъ переродился человѣкъ и такимъ онъ дожилъ свой срокъ въ тюрьмѣ, такимъ прожилъ онъ десять лѣтъ въ Тобольскѣ, благодѣтельствуя бѣдныхъ посредствомъ выручки за безпрерывные труды свои то въ пользу города, то въ пользу частныхъ лицъ. Онъ содержалъ и берегъ несчастнаго брата своего умалишеннаго, о которомъ писалъ я въ 9-ой главѣ. Подъ старость страдалъ онъ каменною болѣзнью, переносилъ безропотно тягчайшія боли, спокойно готовился къ смерти и умеръ въ Москвѣ въ домѣ сердобольнаго друга всѣхъ товарищей-изгнанниковъ, Натальи Дмитріевны Пущиной, бывшей вдовы М. А. Фонвизина, въ 1865 году февраля 13-го и похороненъ въ Ваганьковскомъ погостѣ.—Жалкій братъ его Николай Сергѣевичъ, мой сосѣдъ въ Кронверкской куртинѣ, пережилъ его и не вѣритъ смерти ни брата и никого изъ христіанъ православныхъ. И теперь, когда переписываю эти строки, онъ недавно стоялъ у могилы другого брата своего, Александра, видѣлъ, какъ опускали гробъ его и какъ зарыли, а все твердитъ, что не умеръ, а только переселился къ антиподамъ въ Америку.

17-го мая при закатѣ солнца пріѣхали мы въ Каменку. Сестрица Марья Васильевна опередила насъ нѣсколькими часами и приняла и встрѣтила насъ съ любовью въ обширномъ, удобномъ и красивомъ домѣ своемъ. Дочь ея, Инна,—нынѣ замужемъ за горнымъ инженеромъ А. А. Носовымъ, который учеными и прилежными разысканіями каменноугольныхъ пластовъ по Задонецкому бассейну доставитъ топливо всему южному краю на нѣсколько столѣтій,—Инна, отъ перваго шагу нашего въ домъ, до послѣдняго шагу изъ дому, была всегда преисполнена нѣжнѣйшею внимательностью ко всѣмъ членамъ моего семейства. Когда не могла лично отклонить непріятности при столкновеніяхъ по хозяйству и за крестьянъ, то видимо сочувствовала намъ, и взглядомъ, и словомъ умѣла успокоить и заставляла забывать внѣшнюю бестолковую тревогу поддержаніемъ внутренняго мира въ святилищѣ дома. На другой день моего пріѣзда началъ я принимать хозяйство отъ сына. Всѣ документы письменные относительно строеній и всей движимой собственности показали, что сынъ мой принялъ отъ дяди все полностью, но въ три года произошли перемѣны и недочеты, оттого что въ послѣдній годъ управленія онъ, по случаю болѣзни, ни во что не могъ входить самъ и довѣрялъ дѣла другимъ. Сыну я оставилъ въ полное распоряженіе усадьбу, въ которой онъ жилъ, но ему такъ опостылѣла Каменка, что онъ чрезъ три недѣли переѣхалъ съ семействомъ въ свою новую селитьбу, въ Марьянскъ, въ Брещинскій хуторъ, гдѣ я навѣстилъ его лѣтомъ, засталъ его здоровымъ и довольнымъ въ занятіяхъ по устройству новой усадьбы. Перечисленные на имя жены его крестьяне и дворовые люди по купчимъ крѣпостямъ, составленнымъ на особыхъ правахъ, помѣщались

тѣсно въ четырехъ хатахъ. Теперь тамъ въ деревнѣ двѣ улицы и отдѣльный фермеръ Романъ, а хуторъ переименованъ крестьянами въ Барановку. Все устроено и перестроено изъ лѣсу Чернещинскаго, а сосѣди по этому лѣсу, видя ежегодный вывозъ бревенъ и дровъ, предполагали воровство со стороны лѣсного сторожа или недосмотръ управляющаго. 20 мая принялся за новое хозяйство; посѣвы были окончены. Бывшіе должностные люди: атаманъ, писарь, токовой, или амбарщикъ, были всѣ переселены въ Марьянскъ, и пришлось начать хозяйство съ новыми лицами, но на прежній ладъ, пока не выкажутся и люди, и климатъ, и почва. Три дня, съ утра до вечера, присутствовалъ при стрижкѣ овецъ, записывалъ и отмѣчалъ вѣсъ каждаго руна, означалъ штемпелемъ лучшихъ матокъ. Видно, что шуринъ мой старался улучшать породу, не жалѣлъ денегъ на покупку племенныхъ барановъ и матокъ; я принялъ смѣсь весьма тонкорунныхъ овецъ испанскихъ, саксонскихъ и бергамскихъ, но шерсть была невыгодна по слишкомъ легкому вѣсу.

Шерсть отвезли на Троицкую ярмарку въ Харьковъ, гдѣ засѣдаетъ дирекція шерстяной компаніи или акціонеровъ. Если такого рода компанія или дирекція не соотвѣтствуетъ цѣли или желаніямъ большинства овцеводовъ, то придется завести современемъ учрежденіе комиссіонерства, состоящаго изъ одного комиссіонера и шести выборныхъ повѣренныхъ, избираемыхъ большинствомъ голосовъ всѣхъ овцеводовъ на четыре года. Комиссіонерство дѣйствуетъ по предварительномъ совѣщаніи, доставляетъ предварительныя свѣдѣнія о требованіяхъ и о цѣнахъ на шерсть и приступаетъ къ операціи послѣ общаго совѣщанія въ началѣ каждой ярмарки. Комиссіонерство подвергается ревизіямъ, отчетамъ и провѣркамъ и получаетъ жалованье изъ вырученныхъ суммъ проданной шерсти.

Если продажа шерсти посредствомъ комиссіонерства не будетъ соотвѣтствовать выгодамъ овцеводовъ и улучшенію овцеводства, то придется испытать.

Учрежденіе аукціоннаго отдѣленія, которое, съ аукціонеромъ и съ выборными членами, сбываетъ съ публичнаго торга съ молотка, партію за партіей, по порядку рядовъ, въ какомъ свалена шерсть на площади; но непремѣнно въ присутствіи хозяина шерсти или его уполномоченнаго, который не лишается права оставить шерсть за собою послѣднею надбавкою цѣны.

Нынѣ торговля шерстью на Троицкой ярмаркѣ начала уменьшаться съ того времени, какъ въ Изюмѣ И. П. Извѣковъ увеличилъ свою мойку и отправляетъ мытую шерсть прямо въ Москву. Въ Славянскѣ также мѣстное купечество закупаетъ шерсть для отправки или въ Москву, или въ южные порты. Таблица указываетъ на возвышеніе цѣнъ съ 1848 года. По круглому счету овца даетъ чистаго дохода не болѣе 1 руб. 20 коп. въ годъ, за исключеніемъ овцеводствъ, въ коихъ, какъ у г-дъ Мерцалова, Котляревскаго, Абазы, доходу получается не столько отъ шерсти, сколько отъ продажи племенныхъ барановъ, баранчиковъ, матокъ и ягнятъ, гдѣ доходу получается въ годъ до 10 рублей съ головы, потому что баранъ каждый продается отъ 100 до 300 рублей, а матка по 10 рублей и болѣе.

Цѣна шерсти на харьковскихъ ярмаркахъ.

ГОДЪ.	ПЕРЕГОННАЯ ШЕРСТЬ. отъ			до		ГРЯЗНАЯ ШЕРСТЬ. отъ			до	
	руб.	коп.	съ пуда.	руб.	коп.	руб.	коп.	съ пуда.	руб.	коп.
1848	6	—		7	25	4	—		5	—
1849	7	—		10	—	4	50		6	—
1850	8	50		11	—	5	—		6	—
1851	9	—		12	—	5	50		6	75
1852	9	50		12	50	5	50		7	—
1853	10	—		13	—	6	—		7	50
1854	9	50		13	60	6	—		7	50
1855	11	50		14	—	6	—		8	50
1856	13	—		20	—	8	—		10	—
1857	14	—		20	—	8	—		10	—
1858	14	—		16	—	6	—		8	—
1859	14	50		17	—	7	50		8	50
1860	14	50		17	25	8	—		10	—
1861	11	50		15	75	8	50		9	25
1862	12	—		15	50	7	—		9	—
1863	13	—		16	—	6	10		8	—
1864	14	90		16	75	7	—		9	—
1865	14	50		16	—	7	—		9	50
1866	14	—		18	—	7	—		9	—
1867	14	—		19	—	8	—		10	—

Климатъ въ Украйнѣ измѣнился совершенно, съ первой четверти текущаго столѣтія. Старожилы помнятъ хорошо превосходнѣйшіе сады фруктовые, съ нѣжнѣйшими плодами,—зиму самую мягкую, сиротскую, кратковременную. Сѣномъ запасались много что на два съ половиною мѣсяца, скотъ и лошади почти круглый годъ довольствовались подножнымъ кормомъ. Дешевизна на хлѣбъ и съѣстные припасы была почти баснословная. Четверть пшеницы покупали за 2 рубля ассиг., ржи—за 1 рубль, овса—за 60 коп.; за индѣйку платили 15 коп., за гуся 10 коп., за курицу 5 коп. Въ Малороссіи стояла конница; разсказы военныхъ о жизни въ Украйнѣ объ избыткѣ во всемъ, отъ борща и ветчины до галушекъ, сырниковъ, ватрушекъ, — отъ грушъ и сливъ до дынь и арбузовъ,—отъ варенухи до двадцати родовъ различныхъ наливокъ,—отъ дубовыхъ вѣковыхъ рощъ и душистыхъ кустарниковъ до ароматныхъ травъ вышиною въ ростъ человѣка,—отъ черноокихъ красавицъ до смуглолицыхъ

красавцевъ, — всѣ эти разсказы не вполнѣ соотвѣтствуютъ нынѣшней дѣйствительности. Отчего такая перемѣна въ такое краткое время?—Мы видимъ въ хладной Сибири, на полуденныхъ склонахъ горъ, цѣлые лѣса дикихъ абрикосовъ и персиковъ,—въ ледяныхъ тундрахъ енисейскихъ, въ лѣсахъ Якутской области еще понынѣ находятъ кости и части остововъ прежняго мамонта и животныхъ и звѣрей, водящихся нынѣ только въ жаркихъ полосахъ южной Азіи и въ Африкѣ. Это измѣненіе климата совершалось постепенно тысячелѣтіями и вѣками, не отъ географическаго положенія мѣстностей, а отъ измѣняющагося наклоненія оси земного шара и вращенія его. Видимое измѣненіе, совершившееся въ Украйнѣ, такъ сказать, на нашихъ глазахъ, приписываю уничтоженію богатыхъ лѣсовъ, заслонявшихъ югъ Россіи отъ сѣвера. Эти исчезнувшіе, истребленные лѣса служили перегородкою или стѣною противъ сѣверныхъ вѣтровъ и притягательнымъ проводникомъ дождевыхъ облаковъ и вообще влаги.—Старинная транспортная дорога *Муравскій шляхъ* дѣлитъ Украйну на двѣ части: на сѣверо-западную и юго-восточную, или на днѣпровскую и донскую. Вся поверхность страны представляетъ волнообразную равнину, перерѣзанную незначительными возвышенностями на правомъ берегу рѣкъ и ручьевъ. Украйна имѣетъ еще лѣса хвойные въ сѣверной части, а южнѣе—лѣса лиственные. Климатъ теперь вообще непостояненъ: лѣтомъ нестерпимый жаръ мѣняется внезапно холодомъ отъ сѣвернаго вѣтра; зимою морозы достигаютъ 26°, а потомъ вдругъ подуетъ южный вѣтеръ и приноситъ дождь и оттепель, а на третій день опять за 20° морозу. Засуха лѣтомъ бываетъ страшная, она начинается восточными вѣтрами, кои извѣстны здѣсь подъ именемъ суховѣевъ; потомъ наступаетъ жаръ, который окончательно сушитъ поля и луга, убиваетъ растительность и уничтожаетъ труды земледѣльца. Зато небо украинское почти постоянно бываетъ ясное; какой бы ни былъ дождь или туманъ весной или осенью, но не проходитъ дня, чтобы солнце не выглянуло хоть на часокъ; не такъ, какъ въ моей родинѣ или въ Англіи, гдѣ по цѣлымъ недѣлямъ сряду не видать солнца. А ночи украинскія лѣтомъ чудны и несравненны: на темномъ небѣ яркія звѣзды, а на землѣ темно, тепло, душисто,—такъ темно, что въ двухъ шагахъ не различишь друга отъ недруга, и взоръ невольно обращается къ звѣздному небу. Въ сѣверной и средней Россіи заря утренняя и вечерняя продолжается цѣлый часъ и болѣе, до восхода и заката солнца; на югѣ же быстро смѣняются яркій свѣтъ и глубокій мракъ.

Большая помѣха, а можетъ быть и главная, для успѣшнаго хода въ хозяйствѣ, представляется въ недобросовѣстности крѣпостного работника: рабомъ онъ родится, научается всему отъ раба, повинуется только изъ страха; а какъ нѣтъ возможности хозяину стоять вездѣ съ поднятою палкою или за всякое ослушаніе прибѣгать къ посредству полиціи, то хозяйство ползетъ или переваливается, какъ пень черезъ колоду. При такихъ условіяхъ, въ стремленіи владѣльцевъ, съ одной стороны, и при нравственномъ упадкѣ работника, съ другой стороны, нечего было и думать о введеніи раціональнаго, правильнаго хозяйства. Я раздѣлилъ поля на десятины, поставилъ мѣловыя плиты на углахъ четырехдесятинныхъ участковъ, провелъ борозды, составилъ полевые планы для каждаго лана или клина,—и въ томъ же году растащили плиты, перепахали и искривили борозды, такъ что раздѣленіе полей въ натурѣ осталось только на бумагѣ и требовало каждогодно новыхъ измѣреній цѣпью. Какъ засухи стращали недостаткомъ сѣна на зиму, то началъ высѣвать искусственныя

травы—люцерну и эспарцетъ; и то и другое всходили отлично, не боялись засухи; но не было возможности защитить эти искусственные луга отъ безпечной или злостной потравы крестьянскимъ скотомъ. Обычаемъ было введено, что на косовицу работники выходили не пѣшіе съ косою, но, даже при разстояніи полверсты, пріѣзжали на волахъ въ повозкахъ, привязывали сзади гулевой скотъ, чтобы прокормить его не свѣжею отавою, а пустить его прямо на мягкую глубокую мураву, пока работники усаживались позавтракать и поточить свои косы. То же товторялось вечеромъ предъ возвращеніемъ въ село; тогда еще подкладывалъ себѣ въ повозку травы или сѣна, чтобы было мягче ему сидѣть, и подъ этимъ предлогомъ могъ себѣ присвоить въ продолженіе всей уборки нѣсколько копенъ сѣна. Введенъ былъ обычай давать косарямъ по три стакана водки ежедневно на каждаго косаря; впрочемъ, эта щедрость не разоряла помѣщика оттого, что пріохотила работника къ употребленію горѣлки и заставляла его въ праздникъ щедро вознаградить щедрость помѣщика исправною выпивкою въ помѣщичьихъ питейныхъ заведеніяхъ. Въ четыре года удалось мнѣ вывести этотъ мѣстный обычай, доказавъ имъ другими льготами, что нововведеніе это сдѣлано не изъ скупости. Надо сказать, что крестьянинъ много портилъ помѣщику не изъ одной только злобы или мести, а просто по безпечности и лѣни своей, потому что точно такимъ же образомъ, какъ онъ травилъ покосъ и поле помѣщика и ломалъ ось его во время возовицы, такъ травилъ онъ и собственный свой хлѣбъ даже въ скирдахъ у себя дома своими свиньями и гусями и ломалъ свою ось въ собственныхъ воротахъ своего двора. Онъ въ такомъ случаѣ сваливалъ все на бѣса и утѣшалъ себя мыслью, что баринъ могъ бы его разорить гораздо хуже на барщинѣ и безъ барщины, которая выполнялась подъ конецъ очень худо и съ большими натяжками и взысканіями. Какая же могла быть честь у крѣпостного, когда его можно было бить и кологить сколько угодно, когда, въ случаѣ покражи, не ограничивались однимъ тѣлеснымъ наказаніемъ вора, но унижали его всячески: по улицамъ съ торжественною процессіей водили человѣка съ привязаннымъ на шею колесомъ или снопомъ, или сапогомъ, или штофомъ, смотря по предмету воровства. Подобными пристыженіями думали исправить человѣка, и только больше ожесточали его и отнимали послѣдній остатокъ врожденной стыдливости. Время раскрыло всю дикость такого обращенія въ полной наготѣ: безнравственность требовала улучшенія въ обращеніи съ крестьянами.

Полеводство въ Украйнѣ въ это время было повсемѣстно трехпольное, съ крѣпостнымъ или даровымъ трудомъ. Если урожаи были слабы, если умолотъ давала только второе или третье зерно, или по одной или по двѣ четверти съ десятины сверхъ сѣмянъ, то сотни десятинъ давали сотни четвертей хлѣба и тысячи возовъ соломы на кормъ рогатаго скота и овецъ. Крупно- и средне-помѣстные владѣльцы, не имѣвшіе долговъ ни частныхъ, ни казенныхъ, выжидали возвышенія цѣнъ и, при сильныхъ урожаяхъ и паденіи цѣнъ, сохраняли хлѣбъ свой въ скирдахъ, закупали зерно отъ посторонныхъ земледѣльцевъ, засыпали свои амбары, а въ годъ неурожайный или голодный получали 100% прибыли. Извѣстны имена расчетливыхъ хозяевъ, которые такимъ образомъ въ двадцать лѣтъ нажили себѣ имѣнія и капиталы. Украинскій черноземъ заслужилъ и сохранилъ свою славу, потому что хотя онъ и не даетъ по-прежнему урожая отъ самъ-двадцати, а нынѣ только отъ самъ-трехъ до самъ-шести, но все на той же почвѣ, которая отъ начала міра не получила ни золотника искус-

ственнаго или животнаго удобренія. Пашутъ подъ посѣвъ одинъ только разъ, сѣютъ на одномъ и томъ же полѣ по нѣсколько лѣтъ сряду, и все оно даетъ хлѣба, даже обильно, когда дождь поливаетъ во время. Малорусскій плугъ хорошъ, но требуетъ трехъ паръ воловъ; бороны деревянныя и очень плохія: не пробораниваютъ пашню, а только заволакиваютъ,—а земля все-таки произрастаетъ; однимъ словомъ, земледѣліе въ младенчествѣ, нѣтъ сушиленъ для зерна, нѣтъ хорошихъ земледѣльческихъ орудій; но при всемъ томъ для помѣщика земледѣліе составляло богатство, потому что работа была даровая. Какъ хочешь паши, какъ хочешь сѣй, коси и молоти, а все получай чистый доходъ безъ хлопотъ и заботъ. Для хозяина свѣдущаго такое хозяйство не могло быть удовлетворительнымъ. При вѣрнѣйшихъ его расчетахъ и нарядахъ онъ все болѣе и болѣе находилъ препятствій и упущеній. Наряды на работы годъ за годомъ выполняемы были все хуже да хуже.

Крѣпостной работникъ сталъ отлѣниваться и отговариваться болѣзнью воловъ или лошади, переломившеюся осью, сломанною телѣгою, разбившеюся косою, перервавшеюся веревкою и т. д. Урочныя работы совершаемы были неисправно: пахарь нарочно не допашетъ пяти послѣднихъ бороздъ, отговариваясь усталостью воловъ; работникъ не доволочитъ десятины, не довезетъ двухъ копенъ, не докоситъ трехъ рядовъ. не домолотитъ 15-ти сноповъ арнаутки,—и вотъ, на завтра, опять нарядъ съ ариѳметическою точностью, и опять недоработки, недоимки въ рабочихъ дняхъ,—и поле пестритъ, и расчетъ не выходитъ, и записывай долговые дни, которые изъ года въ годъ достигаютъ такой численности, что лучше не записывать. Крестьянинъ продаетъ воловъ подъ разными предлогами, помѣщикъ даритъ ему воловъ изъ своего стада, въ противномъ случаѣ имѣетъ однимъ пѣшимъ работникомъ больше и долженъ пропитать его семейство. Оттого щедрые подарки волами и лошадьми имѣли не всегда поводомъ патріархальную заботливость или любовь къ ближнему, но просто любовь къ своему карману и кошельку: иначе пришлось бы кормить половину селенія. Крѣпостной работникъ зналъ это хорошо, и какъ бы хитеръ ни былъ господинъ его, но онъ былъ лукавѣе его. Куда ему было спѣшить? для кого было ему стараться?—законъ обезпечивалъ его панскимъ хлѣбомъ насущнымъ, на одежду ему надобилось немного, а если удалось ему скопить копейку ремесломъ или промысломъ, то онъ пряталъ ее такъ глубоко и такъ далеко, чтобы не знали о томъ ни панъ, ни начальники. Вотъ отчего онъ сберегалъ свои тѣлесныя силы и почиталъ праздники, самъ выдумывалъ такихъ праздниковъ, какихъ не бывало ни въ святцахъ, ни въ календарѣ: полу-Петра, полу-Павла, двойного Ивана, тройного Николу, Акакія и Палѣя и много другихъ. Въ эти дни онъ наслаждался вдвойнѣ, ничего не дѣлая, глазѣя то на землю, то на небо, и радовался тихомолкомъ, когда въ эти дни въ полѣ у пана сыпался хлѣбъ неубранный. Эти злорадство, лѣность, лукавство составляютъ не принадлежности его характера или природы, но слѣдствія порабощенія, которое поставило его въ безусловную зависимость отъ милости, отъ причудъ и отъ произвола помѣщика. Странно и безполезно было бы толковать ему о честности, безкорыстіи и добродѣтели, когда онъ въ проповѣдникахъ нравственности ясно видѣлъ, что они требуютъ того, чего сами никогда не исполняютъ. Послушаніе и страхъ стали исчезать постепенно, по мѣрѣ, какъ законъ запретилъ дать ему безъ суда по пятисотъ ударовъ палкою или розгами; непослушаніе конторѣ помѣщичьей показалось ему независимостью. Управляющіе, приказчики, атаманы стали потише, палки ихъ стращали только воловъ, и вообще съ пяти-

десятыхъ годовъ панщина стала отбываться все слабѣе, все неохотнѣе, и сколько ни сочиняли урочныхъ положеній, а работы пошли вяло, нерадиво. Силою и повиновеніемъ хвалился еще помѣщикъ-дантистъ или помѣщикъ, безпрестанно обращавшійся къ заступничеству земскаго суда и станового пристава, который грозилъ станомъ и ссылкою.

Малороссіяне въ образѣ жизни, въ привычкахъ, въ одеждѣ, въ нравахъ различествуютъ съ великороссами. Они, по климату, медленнѣе, хотя терпѣливы въ работѣ; они настойчивы, хитры и лукавы до-нельзя, обдумываютъ тамъ, гдѣ ярославецъ махнетъ рукой и дѣйствуетъ по первому влеченію. Они добродушны, задумчивы; въ увеселеніяхъ ихъ нѣтъ удальства, развѣ только въ невѣроятной степени выпивки горѣлки; кружка водки нипочемъ, и глаза не затмитъ, и не только мужчины, но и женщины и дѣти не морщатся отъ водки. Въ напѣвахъ малороссіянъ много мелодіи и гармоніи, голоса ихъ превосходны, но пѣсни ихъ, восхитительныя для слуха, не веселятъ сердца; все кажется, что они о чемъ-то тоскуютъ, грустятъ; пляска ихъ не выказываетъ граціозныхъ тѣлодвиженій, но соблюденіе такта, когда они неистово выбиваютъ ногами трепака. Наружность ихъ красивая, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, глаза очень хороши, только будничная одежда женщинъ безобразна. Народъ вообще живетъ опрятно, хотя въ баню не ходитъ; пищу готовятъ для себя дважды въ день, свинина замѣняетъ говядину, сало замѣняетъ масло и сыръ; къ концу лѣта у нихъ вдоволь арбузовъ, дынь и меду. Скотоводство ограничивается рогатымъ скотомъ и овцами; по цѣлымъ деревнямъ не увидите ни одной лошади; волъ терпѣливъ, довольствуется худшимъ кормомъ, соломою, а когда становится негоднымъ въ работу, то все еще получаютъ за него хорошія деньги отъ гуртовщиковъ, которые закупаютъ ихъ на откармливаніе и на убой. Какъ большая часть православныхъ крестьянъ всей Россіи, они также сами выдѣлываютъ все для домашняго обихода; но къ женскому полу они внимательнѣе великороссовъ: они сберегаютъ женщину отъ тяжелыхъ работъ, женщины у нихъ не косятъ, не молотятъ. Впрочемъ, они охотники сберегать и собственныя свои силы, когда природа даетъ имъ средства къ жизни почти даромъ, безъ труда; житель сѣвера долженъ втрое больше трудиться на скудной почвѣ своей. Много встрѣчалъ еще крестьянъ крѣпостныхъ въ Украйнѣ и вообще въ Малороссіи, которые родились свободными, работали только на себя, платили подати въ казну, пока императрицѣ Екатеринѣ II и императору Павлу не заблагоразсудилось дарить ихъ сотнями и тысячами своимъ царедворцамъ и любимцамъ за услуги и заслуги. Счастливы были тѣ изъ подаренныхъ, которые перешли подъ власть благонамѣренныхъ помѣщиковъ и такихъ же наслѣдниковъ и управляющихъ; при такомъ условіи перемѣна зависимости могла для нихъ быть сносною, а дѣти и внуки могли привыкать къ быту новому, потому что прежняго не испытали, а только знали о немъ по разсказамъ. Каково же было положеніе тѣхъ, которые, бывъ вольными, стали крѣпостными и поступили подъ власть господина безтолковаго, несправедливаго и безчеловѣчнаго! Въ Каменкѣ я засталъ еще домохозяевъ 60 лѣтъ отроду, которые до 20-лѣтняго возраста были свободными землепашцами. Они не имѣли причины жаловаться, но будущность ихъ все-таки зависѣла отъ своеволія или отъ причудъ помѣщика. Украйна славный край! обитаетъ въ ней народъ способный и умный, хотя смѣшанный изъ переселенцевъ и бѣглыхъ, но живущій подъ страхомъ Божіимъ и чающій богатыхъ милостей.

Въ рабочее время вставалъ я рано; часто бывалъ на полѣ и на косовицѣ раньше

работниковъ. По утрамъ выѣзжалъ верхомъ и каждый день снова любовался мѣстностью, которая, по своей природѣ и красотѣ, совершенно уничтожала мрачныя впечатлѣнія отъ непріятностей людскихъ. Послѣ полудня, въ жаръ, выѣзжалъ на бѣговыхъ дрожкахъ. Отъ кратковременнаго сна, отъ мѣловой пыли такъ разболѣлись глаза, что не зналъ, чѣмъ унять воспаленіе. Постился, сидѣлъ въ темной комнатѣ, прикладывалъ примочки свѣжей воды, то сырую говядину, нарѣзанную на тонкіе ломтики, а все напрасно. Тогда обратился къ врачу изюмской окружной лечебницы Каликсту Николаевичу Коверскому, изъ харьковскаго университета, любимому помощнику извѣстнаго оператора Ванцетти. Коверскій совѣстливо и успѣшно лечилъ обоихъ моихъ старшихъ сыновей; видна была готовность его помочь и мнѣ. Онъ велѣлъ открыть ставни, подвелъ меня къ окну, приподнялъ пальцами вѣку верхнюю и опустилъ нижнюю и, осмотрѣвъ все внимательно, объявилъ, что никакой нѣтъ опасности, что чрезъ два дня глаза будутъ здоровы и тогда могу выѣзжать. Изъ аптеки принесли мнѣ мазь бѣловатую, коей не больше горошинки закладывалъ за нижнюю вѣку, послѣ чего ощущалъ сильнѣйшую жгучую боль, которая унялась отъ обильно текшей слезы. Мазь эту употреблялъ я два раза въ день, и, дѣйствительно, въ два дня воспаленіе было снято какъ рукою. Этотъ молодой докторъ отличался искусствомъ и прилежаніемъ; слѣдилъ постоянно за успѣхами науки, не жалѣлъ себя, пріобрѣлъ довѣренность и славу въ околодкѣ и честно скопилъ въ девять лѣтъ 18 тысячъ рублей серебромъ. Возвращая здоровье другимъ, онъ не могъ возвратить его самому себѣ: онъ страдалъ чахоткою и предвидѣлъ свою послѣднюю минуту. Память о немъ сохранится надолго въ Изюмѣ и окрестностяхъ. Всегда съ удовольствіемъ вспоминаю аптекаря этой больницы А. И. Боруцкаго, мужа образованнаго и достойнаго занять мѣсто повыше въ кругу пошире. Въ семействѣ его проводилъ я часы самые пріятные.

3-го сентября изюмскій купецъ Т. К. Жевержеевъ первый прислалъ мнѣ манифестъ Александра II, изданный въ день коронованія въ Москвѣ. Въ тотъ же день по почтѣ получилъ экземпляръ манифеста прямо изъ Москвы отъ достойнѣйшаго и внимательнаго родственника, барона Константина Николаевича Корфа.

Въ числѣ многихъ благодѣяній общихъ, оказанныхъ народу, государь вспомнилъ и политическихъ преступниковъ, сосланныхъ въ Сибирь въ 1826 году. Онъ всѣхъ возвратилъ на родину, всѣмъ возвратилъ права родового потомственнаго дворянства, всѣмъ возвратилъ титулы княжескій, графскій и баронскій съ нисходящимъ потомствомъ и для дѣтей, родившихся въ Сибири. Только для 1-го разряда изъ ссыльныхъ было сдѣлано исключеніе, состоявшее въ томъ, что титуломъ князя и графа предоставлено было пользоваться только дѣтямъ, а не отцамъ, что заставило И. И. Пущина замѣтить о нашемъ Евгеніи Оболенскомъ,—котораго послѣ по мѣсту жительства въ Калугѣ, обыкновенно называлъ «Евгеніемъ Калужскимъ»,—что онъ творитъ чудеса: не будучи княземъ, производитъ на свѣтъ князей. Возвратились въ 1856 году изъ Сибири: С. П. Трубецкой, Е. П. Оболенскій, М. И. Муравьевъ-Апостолъ, И. И. Пущинъ, С. Г. Волконскій, И. Д. Якушкинъ, П. Н. Свистуновъ, Н. В. Басаргинъ, И. А. Анненковъ, В. Н. Соловьевъ, А. И. Быстрицкій, В. И. Штейнгель, Г. С. Батенковъ, Д. А. Щепинъ-Ростовскій и Люблинскій—всѣхъ 15 товарищей; изъ нихъ остались въ живыхъ къ 1-му январю 1870 года только четверо. По собственному желанію и по семейнымъ обстоятельствамъ, остались въ Сибири десять товарищей: А. В. Поджіо, В. А. Бесчасный, И. В. Кирѣевъ, И. И. Горбачевскій, П. И. Фален-

бергъ, М. А. Бестужевъ, М. К. Кюхельбекеръ, А. А. Крюковъ, А. Ф. Фроловъ, Д. И. Завалишинъ; изъ нихъ семь человѣкъ вернулись къ 1861 году. Охотно остался бы тамъ Д. И. Завалишинъ, если бы его снова не сослали обратно изъ Читы въ Москву, чтобы удалить его изъ забайкальской страны, гдѣ высшія власти иркутскія не жаловали его за вѣрный и правильный взглядъ его на амурскую колонизацію. М. А. Бестужевъ 3-й, лишившись жены въ Селенгинскѣ и, почти одновременно, старшей дочери своей въ институтѣ петербургскомъ, оставшись съ малолѣтними сыномъ и съ дочерью, вернулся съ ними въ 1867 году, и поселился въ Москвѣ у трехъ сестеръ своихъ, которыя дѣлили изгнаніе съ братьями, когда братья поступили на поселеніе въ Селенгинскъ. До сегодня одинъ только изъ всѣхъ моихъ товарищей, И. И. Горбачевскій, остался добровольно въ Сибири, за Байкаломъ, въ томъ петровскомъ желѣзноиъ заводѣ, гдѣ построена была тюрьма наша, недавно сгорѣвшая. Если Ив. Ив. Горбачевскому суждено еще долго тамъ прожить въ одиночествѣ, до безпомощнаго старчества,—ему теперь подъ семьдесятъ лѣтъ,—то отъ имени товарищей прошу соотчича избавить его отъ крайнихъ нуждъ: родственники его бѣдны, самъ онъ помощи просить не станетъ [1]).

Въ томъ же 1856 году, 16 октября, заложилъ я каменный фундаментъ къ новому дому въ урочищѣ Викнинѣ, въ присутствіи каменскихъ родныхъ. Я закладывалъ фундаментъ въ третій разъ, я строилъ уже третій домъ въ моей жизни: въ Сибири, въ Эстляндіи, въ Украйнѣ. Никто не можетъ опредѣлить заранѣе, гдѣ придется жить и умереть!

Въ 1857 году въ сочельникъ возвратился я домой, во время мятели, послѣ осмотра чернещинскаго лѣса; выѣхавъ изъ лѣсу, заблудился на равнинѣ, между селомъ Ивановскимъ и Глинскимъ, и доѣхалъ только къ 10 часамъ вечера. Дочь моя Инна встрѣтила меня радостно и объявила, что получены нѣсколько номеровъ «Сѣверной Пчелы» съ важною новостью, но не объяснила съ какою.—Я подарилъ ей эту новость вмѣсто подарка съ Рождественскаго дерева, которое у насъ въ домѣ убиралось и освѣщалось только въ первый день праздника. Наканунѣ же, въ сочельникъ, во всей Малороссіи этотъ обычай не водился, а вмѣсто убранства дерева стлали сѣно на столъ для упоминанія яслей, уставляли блюда съ вареною пшеницею — эмблему безсмертія—и съ узваромъ, съ вареными плодами. Въ газетахъ, въ «Сѣверной Пчелѣ» 1857 года въ № 277-мъ прочелъ я съ невыразимымъ восторгомъ царскіе рескрипты отъ 20-го ноября 1857 г. генералъ-губернатору виленскому и отъ 5 декабря генералъ-губернатору петербургскому о приступленіи къ выборамъ членовъ губернскихъ комитетовъ для обсужденія проектовъ объ улучшеніи быта крестьянъ. Изъ каждаго слова рескриптовъ и предначертаній повѣяло новой жизнью, новымъ временемъ. Дворяне-землевладѣльцы читали эти рескрипты съ вѣроподданническою покорностью; крестьянство, на всѣ разсказы и обѣщанія постороннихъ лицъ, отозвалось въ своихъ сельскихъ кружкахъ: «поживемъ и увидимъ!»—Черезъ три дня я уже сидѣлъ въ кибиткѣ и ѣхалъ въ Москву, въ Петербургъ и въ Ревель.

Новый 1858 годъ встрѣтилъ я въ Тулѣ. 2 января пріѣхалъ въ Москву, гдѣ въ тотъ же день собрано было дворянство для выбора своихъ уполномоченныхъ въ губернскій комитетъ по улучшенію быта крестьянъ. 3-го поѣхалъ въ Бронницы,

---

[1]) Скончался 20 февраля 1869 года въ петровскомъ заводѣ, въ мѣстѣ ссылки.

гдѣ въ двухъ верстахъ оттуда, въ Марьинѣ, жилъ товарищъ мой И. И. Пущинъ, тогда женатый на вдовѣ нашего М. А. Фонвизина, скончавшагося въ 1854 году и похороненнаго возлѣ родного брата своего Ив. А. близъ церкви, гдѣ навѣстилъ могилу ихъ. У Пущина засталъ въ гостяхъ Нарышкина съ женою, Е. П. Оболенскаго, П. Н. Свистунова. Съ ними провелъ я сердечные часы и дни; вмѣстѣ возвратились въ Москву, гдѣ имѣлъ наслажденіе видѣться съ С. Г. Волконскимъ, съ Н. В. Басаргинымъ, А. Н. Сутгофомъ, С. И. Кривцовымъ и познакомиться съ С. Н. Бибиковою, которую въ петровской тюрьмѣ оставилъ двухлѣтнимъ ребенкомъ и увидѣлъ теперь матерью четырехъ молодцовъ-сыновей; не суждено было родителямъ ея, Никитѣ Мих. Муравьеву и Александрѣ Григорьевнѣ, дожить до этой радости. Свиданіе со всѣми было самое утѣшительное, открылась новая будущность, провидѣлось начало къ осуществленію давно задуманныхъ и желанныхъ улучшеній, о коихъ тайное общество помышляло такъ искренно и что составляло задушевную цѣль его основанія. 17-го остановился въ Твери, у младшаго брата моего, и навѣстилъ товарища М. И. Муравьева-Апостола, который, послѣ кончины В. К. Тизенгаузена, прозваннаго по старости своей «le doyeu d'âge», занялъ его мѣсто по лѣтамъ. Въ бытность мою въ Твери дворяне начали собираться на выборы; особенною дѣятельностью отличался предводитель Унковскій. Наконецъ, прибывъ въ Петербургъ, узналъ, что выборы окончены и что губернскіе комитеты скоро примутся за работу. Въ Ревелѣ окончилъ дѣла свои въ одну недѣлю и поспѣшилъ обратно, чтобы избѣгнуть затрудненій отъ распутицы на югѣ. Повсемѣстно говоръ былъ общій объ одномъ главномъ предметѣ: о предстоявшемъ преобразованіи. Народъ выжидалъ терпѣливо и выслушивалъ молчаливо... Помѣщики расходились въ своихъ сужденіяхъ, составляли всевозможныя предположенія и совершенно различныя предложенія. На обратномъ пути провелъ я еще нѣсколько дней въ Москвѣ. На почтовой станціи близъ Орла встрѣтилъ М. И. Пущина, ѣхавшаго изъ деревни сестры своей, Е. И. Набоковой. Въ Курскѣ полили дожди и размыли дорогу. Въ Харьковѣ явился архіепископу Филарету, назначенному послѣ въ черниговскую епархію; у него засталъ помѣщика Романовскаго и игумена святогорскаго монастыря Арсенія, въ одно время со мною возвратившагося изъ Петербурга; разговоръ былъ общій о важныхъ перемѣнахъ и объ освобожденіи крестьянъ. Они были того мнѣнія, что изъ четырехъ насъ присутствовавшихъ никто не доживетъ до освобожденія крестьянъ. Двое изъ собесѣдниковъ, помѣщикъ и игуменъ, отгадали, потому что скончались отъ болѣзни въ 1860 году; но всѣ трое ошиблись въ продолжительности времени: черезъ три года все было рѣшено. Въ 1858 году начали трудиться губернскіе комитеты. Повсемѣстно на приготовительныхъ уѣздныхъ собраніяхъ изъявлено было желаніе—получить указанія на все, что могло содѣйствовать улучшенію быта крестьянъ; члену харьковскаго комитета, избранному дворянствомъ изюмскаго уѣзда, А. Ф. Бантышу, мною представлена была по этому случаю докладная записка.

По окончаніи трудовъ редакціонной комиссіи и во время разсмотрѣнія ихъ въ главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу всѣ сословія оставались въ какомъ-то безмолвномъ ожиданіи. Всѣ надѣялись или на улучшеніе, или на примѣры и на опыты былого времени—на похороны всѣхъ задуманныхъ преобразованій. Дворянство, участвовавшее на выборахъ въ члены губернскихъ комитетовъ, готовилось къ жертвоприношеніямъ, а дальновидные изъ дворянъ сознавались, что они на выборахъ

присутствовали кахъ бы при отпѣваніи помѣщичьей власти и помѣщичьихъ привилегій. Еще въ послѣдніе дни существованія крѣпостного права были случаи очень обыкновенные и многочисленные, выказавшіе все безобразіе власти помѣщика и всю безпомощность крѣпостного человѣка. Упоминаю о нихъ именно для тѣхъ лицъ, которыя жалѣютъ объ уничтоженіи старыхъ порядковъ, вызываютъ ихъ изъ гроба, какъ будто бы не знаютъ, что хуже и гаже ихъ ничего быть не могло. Также строго и жестоко, какъ наказывали за воровство мѣшка муки, за срубленное дерево, также снисходительно прощали вору, укравшему на тысячи рублей. Конечно, всякое воровство преступно и требуетъ наказанія, но есть же разность степеней воровства, и тѣмъ болѣе что въ той же мѣстности или въ томъ же селѣ сотни воровъ были помилованы по прихоти или по милости помѣщика, точно также, какъ другіе были сосланы въ Сибирь также по милости и по прихоти его. Начальство, судъ, помѣщикъ не видѣли въ этомъ дѣлѣ никакой несправедливости: это составляло еженедѣльное ихъ занятіе. Помѣщикъ самодовольно ублажалъ свою совѣсть, сваливая весь грѣхъ на рѣшеніе суда. Судъ защищалъ себя сводомъ законовъ, отыскиваніемъ и примѣненіемъ статьи закона, а въ дѣйствительности выходило, что по примѣненію статей закона оправдывали виновнаго и обвиняли невиннаго. Помѣщикъ оправдывался законностью своего требованія, утверждалъ, что онъ совершенно въ сторонѣ, что передалъ дѣло суду, что дѣло произведено было формально и законнымъ порядкомъ; но онъ не зналъ или не хотѣлъ знать, что всякая *законная* сдѣлка не есть вмѣстѣ съ тѣмъ и сдѣлка *нравственная* или *справедливая*.

Глава двадцать вторая.

Освобожденіе крестьянъ 19 февраля 1861 г.

Начало закрѣпощенія крестьянъ.—Крѣпостное право.—Попытки къ освобожденію.—Начало освобожденія.—Рескрипты. — Губернскіе комитеты. — Дворянство Нижегородской губерніи. — Главный комитетъ по крестьянскому дѣлу.—Редакціонная комиссія.—Манифестъ 19 февраля 1861 года.—Записка министра Ланскаго.

Когда въ западной Европѣ въ концѣ XVI вѣка начали освобождать крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, тогда въ Россіи совершился переворотъ обратный, по коему земледѣльцы, искони свободные, стали вдругъ людьми крѣпостными. Въ Россіи, какъ водилось и вездѣ, жили люди вольные и невольные или обязанные. Въ законахъ, изданныхъ наслѣдниками Ярослава Великаго, упоминается о смерди, о слугахъ, о чернорабочихъ. Въ то время славяне, норманны и варяги составляли одинъ народъ; славяне не были покорены или побѣждены норманнами, и земледѣльцы не были прикрѣплены къ землѣ, а платили подати за пользованіе землею. По введеніи христіанства земледѣльцы стали именоваться крестьянами, а во время монгольскаго ига называли ихъ чернью, черными людьми, но не крѣпостными и не рабами.

Историки доказываютъ изъ лѣтописей, что въ Россіи крестьяне-земледѣльцы пользовались во всѣ времена гражданскою свободою, хотя безъ права собственности на землю; они могли переходить съ мѣста на мѣсто, отъ одного владѣльца къ другому. Не было крѣпостныхъ людей, но были холопы изъ военноплѣнниковъ и изъ людей кабальныхъ, вступавшихъ въ услуженіе къ владѣльцу по кабалѣ, по контракту, по условію, и эти кабальные, на срокъ условія, становились собственностью своего господина.

Царь Борисъ Годуновъ, получивъ жалобы отъ владѣльцевъ—бояръ и дѣтей боярскихъ, что крестьяне покидаютъ земли не для перехода къ другому владѣльцу, но чтобы переселиться въ новыя завоеванныя страны: въ Казань и въ Астрахань, что земледѣліе оттого приходитъ въ упадокъ и затрудняется сборъ податей. Царь Борисъ, видя, съ другой стороны, всю запутанность отъ непосредственныхъ правительственныхъ сношеній съ крестьянами, желалъ имѣть во владѣльцахъ исполнителей царскихъ указовъ, уполномоченныхъ полицейскихъ. Разумѣется, что владѣльцы умѣли употребить въ свою пользу подобную довѣренность царскую. По этимъ главнымъ причинамъ царь Борисъ запретилъ въ 1593 и 1597 годахъ свободный переходъ крестьянъ отъ

владѣльца къ владѣльцу, съ одного мѣста на другое, и этимъ указомъ прикрѣпилъ ихъ къ мѣсту жительства и подчинилъ ихъ власти тѣхъ владѣльцевъ, у которыхъ они жили во время обнародованія указа. Бѣглыхъ было безъ числа, безпорядки увеличивались, также разбои, смуты, угрозы лжецарей-самозванцевъ, общее неудовольствіе, ропотъ владѣльцевъ и крестьянъ,—все это заставило царя Бориса издать другой указъ 21 ноября 1601 года, въ коемъ объявилъ, что прежніе указы его о выходѣ крестьянъ имѣютъ только временную силу, что позволяется крестьянамъ, проживавшимъ у дѣтей боярскихъ, возвратиться въ прежніе дворы и переходить отъ одного владѣльца къ другому, съ нимъ равноправному, но только въ назначенный срокъ и изъ каждой мѣстности не болѣе какъ по два человѣка въ каждый разъ; а крестьянамъ казеннымъ, монастырскимъ, бояръ думныхъ и московскаго округа велѣно было оставаться на мѣстѣ. Эти исключенія, это колебаніе въ такомъ важномъ правительственномъ дѣйствіи имѣли большое вліяніе на печальную участь Годунова.

Царь Василій Шуйскій утвердилъ закрѣпощеніе крестьянъ указомъ 1607 года, коимъ наложилъ строжайшее наказаніе тому, кто дастъ убѣжище бѣглому крестьянину.

Закрѣпощеніе, начатое царемъ Борисомъ Годуновымъ, мѣрою полицейскою, относительно только крестьянъ-земледѣльцевъ, было скрѣплено и распространено Петромъ Великимъ мѣрою правительственною, когда, для удобнѣйшаго исчисленія подушной подати, онъ повелѣлъ составить ревизскія сказки или народную перепись. Тогда холопы были записаны въ ревизію вмѣстѣ съ крестьянами, по мѣсту жительства владѣльца или господина, который сталъ обращаться съ крестьянами, какъ со своими холопами, со своими слугами кабальными, совершенно произвольно. Холопій приказъ повѣрявшій списки и разбиравшій спорныя дѣла холоповъ, былъ закрытъ въ 1704 году, а въ ревизскихъ сказкахъ въ 1719 и 1723 крестьяне-земледѣльцы и холопы-слуги кабальные были слиты вмѣстѣ,—всѣ они стали крѣпостными рабами мѣстнаго своего владѣльца или господина. Въ ревизіи нельзя было отличить одинъ родъ или классъ крѣпостныхъ людей отъ другого рода; позднѣе были они отдѣлены въ ревизскихъ сказкахъ на два класса крѣпостныхъ людей: на *крестьянъ* и *дворовыхъ*.

Въ новѣйшее время Екатерина II, по уму своему, по своимъ сношеніямъ и перепискамъ съ философами, съ вольнодумцами, понимала всю несправедливость закрѣпощенія крестьянъ и желала освободить ихъ. Она доказала свое желаніе указами 1765 и 1767 годовъ; въ первомъ она желала приготовить переходъ постепенный, во второмъ она созвала выборныхъ представителей всей имперіи, для составленія комиссіи или собранія, которому хотѣла поручить, согласно со статьями 22-й и 23-й, изданіе и соблюденіе законовъ. Но, по вліянію своихъ любимцевъ и вельможъ и по прекращеніи бунта Пугачева въ 1774 году, Екатерина II не только не могла освободить крѣпостныхъ, но, напротивъ того, щедрою раздачею помѣстій съ крестьянами она значительно увеличила число рабовъ, когда указомъ 1783 года, по примѣру Годунова, закрѣпостила крестьянъ и дворовыхъ въ Малороссіи болѣе четырехъ милліоновъ людей. Рабство, введенное во всей Россіи, развилось и утвердилось повсемѣстно одинаковымъ образомъ. Права помѣщиковъ и зависимость крестьянъ были во всей Россіи совершенно одинаковы, разнствовали только степени злоупотребленія власти помѣщиковъ. Взаимныя отношенія господъ и рабовъ въ Россіи не походили на

отношенія владѣльцевъ и рабовъ въ западной Европѣ, гдѣ эти отношенія выработались и проистекали изъ правъ феодальныхъ. Въ Россіи все это совершалось по волѣ правительства, изъ его видовъ, а не изъ народной жизни.

Императоръ Павелъ I также увеличилъ число крѣпостныхъ людей, раздавъ въ собственность своимъ любимцамъ земли, населенныя крестьянами государственными, которые до того времени не принадлежали помѣщику, а зависѣли только отъ казеннаго вѣдомства. Власть помѣщика надъ своими крѣпостными не знала границъ, почему императоръ Павелъ доставилъ имъ по крайней мѣрѣ облегченіе указомъ, запретившимъ помѣщику употреблять крестьянъ въ свою работу больше трехъ дней въ недѣлю; до этого указа у многихъ господъ крестьяне имѣли для себя только день воскресный.

Мнѣ случалось встрѣчать помѣщиковъ, утверждавшихъ, по своему убѣжденію, что крѣпостное право имѣло свои хорошія стороны, а именно: что крестьянинъ крѣпостной жилъ безъ заботъ, помѣщикъ обязанъ былъ кормить его, поддерживать все его хозяйство, все его семейство, платить за него подати. Если счастье такихъ крестьянъ зависѣло отъ такихъ условій, то, безъ сомнѣнія, откармливаемыхъ поросятъ и телятъ можно почитать еще счастливѣе ихъ. Эти крѣпостники защищали закрѣпощеніе крестьянъ, какъ мѣру полезную, потому что государство не знало людей безъ крова и безъ хлѣба, и что хлѣбопашество производимо было на большихъ пространствахъ. Но, спрашивается, для кого трудился человѣкъ крѣпостной? увеличивалось-ли его благосостояніе? Не говорю о помѣщикахъ благонамѣренныхъ—у нихъ крестьяне были большею частью на оброкѣ и жили какъ люди свободные, имѣя лучшими своими заступниками и ходатаями своихъ же господъ-помѣщиковъ. Большая же часть крестьянъ, безъ всякой собственности, въ темнотѣ, въ нуждѣ, дышала хуже откармливаемыхъ телятъ и поросятъ, становились бременемъ для господина своего. Спросите у помѣщика, каково ему было, когда въ годъ неурожайный ватага голодныхъ рабовъ осаждала его крыльцо или будила его подъ окномъ его спальни, требуя хлѣба и замѣны скота, павшаго вслѣдствіе изнуряющихъ работъ и голода? Что касается замѣчанія, будто бы хлѣбопашество можетъ быть производимо въ большихъ размѣрахъ только крѣпостнымъ трудомъ на большихъ пространствахъ земель помѣщичьихъ, то достаточно будетъ возразить указаніемъ сравнительной производительности руками крѣпостныхъ людей и руками людей свободныхъ: отъ 1775-го до 1785 года Данія и Норвегія и нѣмецкія провинціи нуждались болѣе чѣмъ въ 100.000 тоннъ ржи и 27.000 тоннъ ячменя; въ 1788 г. состоялось освобожденіе крестьянъ, въ 1816 датскія провинціи отпустили заграницу болѣе 900.000 тоннъ хлѣба, а отъ 1821 до 1830 года отпустили за границу до двухъ милліоновъ тоннъ хлѣба. Соотвѣтственно съ этою производительностью возвысилась и цѣнность земли въ три раза противъ стоимости ея въ концѣ прошедшаго столѣтія [1]).

Императоръ Александръ I сердечно желалъ освобожденія крестьянъ, доказавъ это сочиненіемъ манифеста ко дню коронованія своего. А. А. Монаковъ, секретарь Трощинскаго, переписывалъ на бѣло указъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Этому указу не было дано ходу, потому что большинство совѣтчиковъ боялось этого; только баронъ П. А. Строгановъ раздѣлялъ убѣжденіе государя, остальные же, Н. Н. Новосильцевъ, князь А. Чарторыйскій, графъ В. П. Кочубей

---

[1]) Очерки изъ исторіи крестьянства А. Скребницкаго 1867.

были противъ освобожденія; такъ послѣ нихъ и Державинъ, даже и Карамзинъ [1]). Желаніе Александра I выразилось еще указомъ 1803 года объ учрежденіи вольныхъ хлѣбопашцевъ. Но, увидѣвъ самое ничтожное содѣйствіе своимъ благимъ намѣреніямъ со стороны дворянства великорусскаго, государь обратился къ жителямъ окраинъ Россіи. Въ герцогствѣ варшавскомъ съ 1807 года статутомъ объявлено было уничтоженіе крѣпостного состоянія. Узаконеніе Наполеона (Code Napoleon) признало вольными всѣхъ крестьянъ царства польскаго. Въ Литвѣ въ 1818 году повелѣно было всѣмъ помѣщикамъ переложить барщину крестьянъ по инвентаріямъ, по разсчету количества земли, находившейся въ пользованіи крестьянъ; но это нововведеніе было измѣнено впослѣдствіи, въ царствованіе Николая I. Зато Александръ I съ восторгомъ сочувствовалъ и содѣйствовалъ къ освобожденію крестьянъ прибалтискихъ губерній, гдѣ дѣло совершилось безъ всякихъ потрясеній. Государь постоянно занимался любимымъ предметомъ—освобожденіемъ крестьянъ во всей Россіи; онъ съ радостью принималъ докладныя записки и проекты; были сдѣланы нѣкоторыя ограниченія власти помѣщика. Но все это великое дѣло уснуло: окружавшее дворянство умѣло представить государю неодолимыя препятствія, стращать заговорами, ядомъ и возстаніями, и рабство оставалось неизмѣннымъ. Тайное общество Союза Благоденствія, особенно дальновидящій членъ его Н. И. Тургеневъ, всячески старались исполнить благое намѣреніе государя, но все ограничивалось только освобоженіемъ отдѣльныхъ лицъ изъ крестьянъ и дворовыхъ людей, а освобожденію цѣлыхъ общинъ противопоставлены были всяческія преграды отъ административныхъ и судебныхъ властей.

Императоръ Николай I, въ началѣ своего царствованія, не обнаруживалъ желанія освободить крестьянъ; напротивъ того, манифестъ его отъ 12 мая 1826 года объявилъ, что молва объ освобожденіи крестьянъ государственныхъ отъ платежа податей, а помѣщичьихъ и дворовыхъ отъ повиновенія господамъ своимъ, есть только ложь, выдуманная и распространяемая людьми злонамѣренными, чтобы пользоваться для собственныхъ своихъ выгодъ глупостью и легковѣріемъ мужиковъ. Выше мною описано, какъ чрезъ шестнадцать лѣтъ пробудилось желаніе и стараніе государя къ уничтоженію крѣпостной зависимости, и я указалъ по этому случаю на безсиліе одного изъ самыхъ энергическихъ и сильнѣйшихъ государей всей Европы. Дѣйствительное намѣреніе Николая I явствуетъ изъ указа 2 апрѣля 1842 года, коимъ онъ полагалъ возможнымъ устроить начало освобожденія; указъ этотъ, какъ и другой, изданный въ подтвержденіе перваго, остался на бумагѣ мертвою буквою въ теченіе остальныхъ тридцати лѣтъ его царствованія; онъ послѣ этихъ неудачъ уже болѣе не затрагивалъ этого важнѣйшаго вопроса.

Слава освобожденія 22-хъ милліоновъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости принадлежитъ безспорно императору Александру II; начинаніе и выполненіе совершились на нашихъ глазахъ, несмотря на всѣ затрудненія отъ внѣшнихъ сопротивленій и препятствій, о коихъ упомяну ниже. При такомъ великомъ и важномъ переворотѣ надлежало предварительно рѣшить два вопроса: 1) своевременно ли будетъ теперь же приступить къ дѣлу? и 2) какъ совершить его? На первый вопросъ классъ привилегированный—помѣщики, отвѣчали отрицательно;

---

[1]) „Русскій Архивъ“ № 12, 1867 г., смотри Ѳ. Н. Фортунатова.

они еще на столѣтія находили освобожденіе несвоевременнымъ, и окладывали бы это до общаго народнаго возстанія или до всемірнаго потопа. Рѣшеніе второго вопроса не могло быть дѣломъ одного правительства, которое, съ мудрою предусмотрительностью, требовало содѣйствія главныхъ, въ этомъ дѣлѣ заинтересованныхъ лицъ. Освобожденіе крестьянъ вызвано не однимъ только человѣколюбіемъ и чувствомъ уваженія къ человѣку, но также необходимостью, потому что прежнія отношенія помѣщиковъ къ своимъ крѣпостнымъ людямъ оказывались несостоятельными во всѣхъ видахъ нравственныхъ, политическихъ и экономическихъ. Мѣра полицейская, частью мѣра политическая въ царствованіе Бориса Годунова, требовала запрещенія перехода крестьянъ-земледѣльцевъ; эта цѣль для пользы государства была достигнута въ свое время, тогда, по минованіи въ ней надобности, слѣдовало бы правительству отмѣнить запрещеніе перехода крестьянъ другою мѣрою государственною, для государственной же пользы. Но теперь, по прошествіи почти трехъ столѣтій со времени закрѣпощенія крестьянъ и по причинѣ развивавшихся оттого узаконеній, не было возможности уничтожить это зло однимъ указомъ или актомъ правительства. Н. И. Тургеневъ, постояннѣйшій подвижникъ освобожденія крестьянъ, полагалъ рѣшить это дѣло однимъ указомъ царскимъ, какъ дѣло это было затѣяно однимъ указомъ Бориса Годунова, и предоставить крестьянамъ ихъ усадьбы и необходимое количество земли безъ всякаго выкупа или безъ вознагражденія помѣщику[1]); это было бы скоро, легко и неубыточно для казны государственной; такая мѣра можетъ быть была бы сносна и выносима для тѣхъ помѣщиковъ, которые, со временъ Годунова или, по крайней мѣрѣ, въ теченіе столѣтія, по наслѣдству изъ рода въ родъ владѣли своими помѣстьями; но что сказала бы на это большая часть владѣльцевъ, купившихъ недавно свои помѣстья за наличныя деньги?

Первый изъ вышеозначенныхъ вопросовъ: пора ли начать освобожденіе?— былъ рѣшенъ со стороны правительства самимъ государемъ лично—что пора. Но другой вопросъ: какъ совершить освобожденіе крестьянъ?—представлялъ тѣмъ больше затрудненій, что не могли найти готовыхъ руководствъ и примѣровъ, кои соотвѣтствовали бы нашимъ укоренившимся порядкамъ и безпорядкамъ. Въ самой Россіи, въ трехъ прибалтійскихъ губерніяхъ, благополучно совершено было освожденіе крѣпостныхъ людей, рабовъ, безъ всякихъ потрясеній и безъ ущерба, но тутъ крестьяне получили только личную свободу, безъ земли, отчего оставались въ нѣкоторой зависимости отъ владѣльца земли, или подвергались участи бездомнаго работника, или увеличивали собою число пролетаріевъ. Такое освобожденіе не годилось для 22 милліоновъ русскихъ рабовъ. Правительство очень предусмотрительно обратилось ко всѣмъ ученѣйшимъ знатокамъ по этому дѣлу во всей Европѣ для полученія вѣрнѣйшихъ и лучшихъ указаній. Всѣ мнѣнія и опыты по этому предмету не могли служить руководствомъ, потому что нельзя было приноровить ихъ къ Россіи, находившейся въ исключительномъ положеніи.

Во Франціи законодательство постановило въ 1789 году, что всѣ *личныя* повинности крестьянъ къ помѣщикамъ, возникшія отъ правъ феодальныхъ, уничтожаются безъ всякаго вознагражденія или возмездія; но всѣ *земельныя* повинности крестьянъ, пользующихся землею помѣщика, будутъ отмѣнены посредствомъ вozна-

---

[1]) Смотри „Journal des Debats“, Mercredi 31 Mars 1858.

гражденія. До конца прошедшаго столѣтія не знали другого рода освобожденія, какъ только личнаго.

Въ Пруссіи въ 1807 году принялись также за личное освобожденіе крестьянъ безъ надѣла земли; но въ 1811 году тамъ сознались въ недостаткахъ такого рода освобожденія и постановили освободить крестьянъ съ землею на слѣдующихъ основаніяхъ. Крестьянъ раздѣлили на два разряда: на крестьянъ, *наслѣдственно* пользовавшихся господскою землею, и на крестьянъ, пользовавшихся ею *временно*; первые изъ нихъ обязаны были возвратить помѣщикамъ одну *треть* земли, занимаемой ими, а послѣдніе обязаны были возвратить *половину* земли, ими занимаемой; затѣмъ они освобождались отъ всѣхъ повинностей помѣщику и становились собственниками остальной части земли, бывшей въ ихъ пользованіи. Сверхъ того, законъ дозволялъ крестьянамъ оставить за собою эту остальную *треть* и остальную *половину*, но съ тѣмъ, чтобы они за эти остальныя части заплатили владѣльцамъ деньгами по обоюдно добровольному соглашенію. Эта послѣдняя мѣра оказалась совершенно благодѣтельною, и съ тѣхъ поръ всѣми признано было, что всего лучше и выгоднѣе было освободить крестьянъ съ землею.

Австрія послѣдовала примѣру Пруссіи съ нѣкоторыми измѣненіями: всѣ годовыя повинности крестьянъ переложены были на деньги, годовую сумму помножили на 20, произведеніе это составляло весь выкупъ или вознагражденіе помѣщику за землю и за работу. Этотъ выкупъ, или вознагражденіе, дѣлили на три части, первую часть платили крестьяне, другую часть платило правительство, а третья часть приходилась на самого помѣщика, какъ его доля въ жертвоприношеніи по такому великому и славному дѣлу народному. Впослѣдствіи повышеніе цѣнности земли вполнѣ удовлетворило обѣ стороны.

Въ Россіи, гдѣ не только земля составляла собственность помѣщика, но и крестьянинъ, обитавшій на этой землѣ, гдѣ при покупкахъ имѣній считали не число десятинъ земли, но число душъ по ревизскимъ сказкамъ, гдѣ изъ банка занимали деньгу подъ залогъ не земли и угодій, а опредѣленнаго числа душъ крестьянскихъ, гдѣ крестьянинъ и дѣти его и все его имущество принадлежали помѣщику, гдѣ крестьянинъ лишенъ былъ всѣхъ правъ гражданскихъ,—въ Россіи для мирнаго исхода полнаго освобожденія крестьянъ съ достаточнымъ количествомъ земли, необходимо было доставить вознагражденіе за землю и за работы, иначе вышло бы нарушеніе права собственности, скрѣпленной закономъ и вѣками. По этимъ соображеніямъ уже 2 января 1857 года, по высочайшему повелѣнію, учрежденъ былъ особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ великаго князя Константина для предварительныхъ обсужденій о мѣрахъ къ улучшенію быта крестьянъ.

Въ губерніяхъ Ковенской, Виленской и Гродненской были созваны особые комитеты, изъ предводителей дворянства и выборныхъ помѣщиковъ, для разсмотрѣнія и исправленія существовавшихъ тогда инвентарныхъ правилъ и обязательныхъ издѣльныхъ повинностей. Эти комитеты по начальству сообщили министру внутреннихъ дѣлъ о своихъ намѣреніяхъ улучшить бытъ крестьянъ означенныхъ трехъ губерній. Александръ II, одобривъ вполнѣ намѣренія и предложенія этихъ предводителей и представителей дворянства, издалъ въ 1857 г., 20 ноября, въ Царскомъ Селѣ, высочайшій рескриптъ на имя виленскаго генералъ-губернатора В. И. Назимова о разрѣшеніи дворянскому сословію этихъ трехъ губерній приступить теперь же къ со-

ставленію проектовъ, на основаніи коихъ предположенія комитетовъ могутъ быть приведены въ дѣйствіе, но не иначе, какъ постепенно, дабы не нарушить существующаго нынѣ хозяйственнаго устройства помѣщичьихъ имѣній. Въ этомъ рескриптѣ повелѣно было въ каждой изъ трехъ губерній открыть немедленно по одному пріуготовительному комитету, а по окончаніи ихъ работъ созвать для всѣхъ трехъ губерній вмѣстѣ одну общую комиссію въ Вильнѣ.

Министръ Сергѣй Степановичъ Ланской въ своемъ отношеніи къ генералъ-губернатору В. И. Назимову отъ 21 ноября, разъясняя намѣренія правительства, излагаетъ сущность всего дѣла; такъ, между прочимъ, сказано: «желаніе, выраженное комитетами для улучшенія участи крестьянъ, состоитъ въ томъ, чтобы, освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, чтобы они сначала состояли въ переходномъ состояніи, пока правительство не признаетъ ихъ вольными людьми». Переходное состояніе должно продолжаться не долѣе двѣнадцати лѣтъ и т. д. Тутъ въ первый разъ читаемъ въ офиціальной бумагѣ напечатанной примѣчательныя и знаменательныя слова: освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Затѣмъ 5 декабря 1857 года данъ былъ высочайшій рескриптъ на имя с.-петербургскаго генералъ-губернатора.

Отъ того же 5 декабря, за № 41, воспослѣдовало отношеніе министра къ с.-петербургскому военному генералъ-губернатору, въ коемъ увѣдомляетъ, что имѣлъ счастье докладывать государю составленные дворянами Ямбургскаго и Петергофскаго уѣздовъ проекты положеній для помѣщичьихъ крестьянъ и предначертанія по тому же предмету собранія предводителей и депутатовъ дворянства всей С.-Петербургской губерніи.

Въ дополненіе къ правиламъ, изложеннымъ въ рескриптѣ, относительно состава и порядка дѣйствій учреждаемаго по настоящему предмету въ С.-Петербургѣ губернскаго комитета, государь высочайше повелѣть соизволилъ: сообщить подробную инструкцію, подписанную министромъ С. С. Ланскимъ, скрѣпленную товарищемъ министра А. Левшинымъ.

Такіе циркуляры были посланы министромъ ко всѣмъ начальникамъ губерній для руководства. Инструкціи эти, ясныя и подробныя, доказываютъ, что правительство заранѣе обдумало такое важное и сложное дѣло во всѣхъ различныхъ его видахъ и условіяхъ [1]).

Нижегородское дворянство, бывъ созвано для выборовъ очередныхъ, постановило: «1857 года, декабря 17-го дня, дворянство Нижегородской губерніи, въ губернскомъ собраніи своемъ, по выслушаніи высочайшихъ рескриптовъ, данныхъ виленскому и с.-петербургскому генералъ-губернаторамъ, по предмету устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ въ губерніяхъ Виленской, Ковенской, Гродненской и С.-Петербургской, съ благоговѣніемъ и глубокою признательностью усмотрѣло изъ нихъ то высокое довѣріе, которое государь императоръ изволилъ оказать дворянству тѣхъ губерній. Всегда стремясь содѣйствовать высокимъ и благимъ начертаніямъ возлюбленнаго своего монарха, дворянство Нижегородской губерніи изъявило единодушное желаніе: принести его императорскому величеству полную готовность

---

[1]) Смотри высочайшій рескриптъ на имя петербургскаго генералъ-губернатора отъ 5 декабря 1857 года и циркуляры министра Ланского отъ того же числа и года.

исполнить его священную волю, на основаніяхъ, какія его величеству благоугодно будетъ указать». Подписали сто сорокъ восемь помѣщиковъ.

По докладѣ министромъ сего постановленія государь 24 декабря отвѣтилъ высочайшимъ рескриптомъ на имя нижегородскаго военнаго губернатора генералъ-маіора Александра Николаевича Муравьева: «Поручаю вамъ объявить совершенное мое удовольствіе за новое доказательство всегдашней готовности нижегородскаго дворянства содѣйствовать исполненію намѣреній правительства, устремляемыхъ къ благу общему. Мнѣ въ особенности было пріятно видѣть, что оно первое поспѣшило воспользоваться случаемъ дать примѣръ сей готовности изъявленіемъ усерднаго желанія способствовать зависящими отъ него средствами успѣху предпринимаемаго нынѣ важнаго и, какъ можно, при благословеніи Всевышняго, надѣяться, равно полезнаго для всѣхъ въ государствѣ сословій».

«Александръ».

Въ С.-Петербургѣ, 24 декабря 1857 года.

Такимъ же образомъ высочайшими рескриптами отъ 16 января 1858 года открытъ губернскій комитетъ московскаго дворянства, а отъ 5 апрѣля того же года— комитеты Екатеринославской, Тамбовской, Полтавской, Харьковской, Пензенской губерній, и затѣмъ во всѣхъ остальныхъ губерніяхъ, на тѣхъ же главныхъ началахъ, кои указаны были дворянству вышеназванныхъ губерній.

Января 3 дня 1858 года, государь императоръ, въ непосредственномъ своемъ вѣдѣніи и подъ своимъ предсѣдательствомъ, учредилъ особый комитетъ для разсмотрѣнія постановленій и предположеній о крѣпостномъ состояніи. Комитетъ этотъ названъ былъ главнымъ комитетомъ по крестьянскому дѣлу. Въ составъ этого комитета назначены были: предсѣдатель государственнаго совѣта, князь Орловъ, съ тѣмъ, чтобы онъ заступалъ мѣсто предсѣдателя въ комитетѣ, когда его величество не изволитъ предсѣдательствовать.

Члены государственнаго совѣта: его императорское высочество Константинъ Николаевичъ; дѣйствительные тайные совѣтники: графъ Блудовъ, князь Гагаринъ, С. Ланской, графъ Панинъ; генералъ-адъютанты: князь Долгоруковъ, К. Чевкинъ; генералъ-отъ-инфантеріи М. Н. Муравьевъ; дѣйствительный тайный совѣтникъ А. Княжевичъ; генералъ-адъютантъ Я. Ростовцевъ; производитель дѣлъ по комитету—тайный совѣтникъ Бутковъ. Въ помощь производителя дѣлъ назначенъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Жуковскій.

Комитетъ сей по высочайшему повелѣнію составилъ подробную программу занятій губернскихъ комитетовъ, учрежденныхъ изъ дворянъ-помѣщиковъ для улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Главная обязанность, возложенная на губернскіе комитеты, заключалась: 1) въ изысканіи способовъ къ улучшенію быта крестьянъ и 2) въ начертаніи общаго о томъ положенія.

Занятія губернскихъ комитетовъ раздѣлены были на три періода:

1-ый періодъ занятій—изысканіе способовъ къ улучшенію быта крестьянъ и начертаніе проекта положенія; всѣ работы перваго періода и предварительныя и окончательныя продолжаются не больше шести мѣсяцевъ.

2-ой періодъ занятій—приведеніе въ дѣйствіе положенія, комитетомъ составленнаго, когда оно удостоится высочайшаго утвержденія.

3-ій періодъ занятій—начертаніе сельскаго устава, опредѣляющаго всѣ подробности крестьянскаго быта, или представленіе необходимыхъ для сего матеріаловъ.

Для перваго періода занятій дана была подробнѣйшая программа въ десяти главахъ по пунктамъ.

Въ главный комитетъ представлены были для соображенія множество проектовъ и записокъ, въ томъ числѣ и отъ Я. И. Ростовцева по крестьянскому дѣлу, написанныя имъ записки въ августѣ и въ сентябрѣ 1858 года изъ Висбадена, Карлсруэ и Дрездена.

Главный комитетъ имѣлъ первыя свои засѣданія въ присутствіи государя: 19-го, 24-го и 29-го ноября 1858 года. Всѣ проекты поступали на окончательное обсужденіе общаго собранія государственнаго совѣта.

Въ началѣ 1861 года оконченный трудъ редакціонной комиссіи поступилъ въ главный комитетъ, гдѣ, по болѣзни князя Орлова, предсѣдательствовалъ великій князь Константинъ Николаевичъ. Проектъ былъ разсмотрѣнъ и переданъ на усмотрѣніе государственнаго совѣта и на утвержденіе императора. Января 28 дня государь лично предсѣдательствовалъ въ совѣтѣ; засѣданіе продолжалось слишкомъ семь часовъ и, по настоянію государя, положено было окончить все до 19 февраля,—дня вступленія его на престолъ. Извѣстно, что совѣщанія и пренія въ главномъ комитетѣ и въ государственномъ совѣтѣ бывали очень оживленны и бурны. Всѣхъ тверже и рѣшительнѣе отстаивалъ и дѣйствовалъ великій князь Константинъ и сильно опровергалъ мнѣнія князя Орлова, полагавшаго, что слѣдуетъ поддерживать права дворянства и зависимость крестьянъ и что, иначе, Россія перестанетъ быть Россіей. Князь Орловъ, послѣ тяжкаго недуга, окончилъ жизнь свою 9 мая 1861 года, дожилъ до осуществленія прежнихъ своихъ убѣжденій, кои онъ питалъ до 1825 года. Въ государственномъ совѣтѣ мѣсто князя Орлова занялъ графъ Блудовъ, который предсѣдательствовалъ такъ искусно и повелъ дѣло такъ успѣшно, что изъ числа 42-хъ голосовавшихъ только шесть членовъ положили шары черные. Февраля 13-го было послѣднее засѣданіе по этому дѣлу, а февраля 19-го государемъ подписанъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ. Въ этой статьѣ я опередилъ повѣствованіе на два года, чтобы не обратиться снова къ дѣйствіямъ главнаго комитета, и перехожу къ дѣйствіямъ редакціонной комиссіи.

По высочайшему повелѣнію отъ 17 февраля 1859 г. назначено было составить редакціонную комиссію подъ предсѣдательствомъ генералъ адъютанта Я. И. Ростовцева. Управляющими дѣлами комиссіи были: дѣйствительный статскій совѣтникъ И. Д. Жуковскій и коллежскій совѣтникъ Соловьевъ. Членами комиссіи назначены были: П. Булгаковъ, А. Гирсъ, Н. Калачовъ, Н. Милютинъ, П. Семеновъ, В. Булыгинъ, С. Жуковскій, М. Любощинскій, Н. Семеновъ и Я. Соловьевъ. Приглашены были къ принятію участія въ трудахъ комиссіи въ качествѣ экспертовъ: В. Апраксинъ, И. Арапетовъ, Г. Галагинъ, князь Б. Голицынъ, князь С. Голицынъ, А. Желтухинъ, Н. Желѣзновъ, Ю. Самаринъ, В. Тарновскій, А. Татариновъ, князь В. Черкасскій, Н. Шишковъ, графъ П. Шуваловъ.

Редакціонная комиссія открыла свои засѣданія 4-го марта 1859 года въ залѣ Меньшикова въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ. Предсѣдатель комиссіи, Я. И. Ростовцевъ, въ рѣчи своей упомянулъ, что въ этой залѣ собрана была первая ассамблея Петра Великаго, создавшаго въ Россіи *общество*, призванное имъ къ жизни, а редакціонной

комиссіи, по повелѣнію Александра II, выпало на долю, по предначертанію государя, призвать къ новой жизни цѣлый *народъ*.

Работы комиссіи были громадны: сюда поступали всѣ проекты и свѣдѣнія изъ всѣхъ губернскихъ комитетовъ, кои дружно и прилежно начали свои труды въ 1858 г. и окончили ихъ въ 1859 году. Редакціонная комиссія, по разсмотрѣніи этихъ проектовъ, доставляла ихъ въ главный комитетъ.

Работы редакціонной комиссіи раздѣлены были на три отдѣленія или части: на юридическую, административную и хозяйственную.

При окончательной обработкѣ всѣхъ вообще положеній приняты были въ соображеніе всѣ полезныя предложенія и мнѣнія губернскихъ комитетовъ.

Наконецъ, по мѣрѣ, какъ губернскіе комитеты представляли свои проекты, то, по предложенію Ростовцева, созваны были въ редакціонную комиссію депутаты или уполномоченные отъ каждаго губернскаго комитета по два члена: одного по избранію большинства, другого по избранію меньшинства, которые могли бы доставить комиссіи всѣ необходимыя разъясненія по различнымъ мѣстностямъ. Правительство не хотѣло, чтобы депутаты прибыли всѣ вдругъ; кромѣ того, изъ всѣхъ губернскихъ комитетовъ только восемь окончили свои занятія въ предназначенный шестимѣсячный срокъ; остальные болѣе или менѣе опаздывали, а потому сперва вызваны были депутаты изъ 19-ти комитетовъ изъ губерній средней и южной Россіи, окончившихъ главный свой трудъ съ тѣмъ, что когда они будутъ распущены, то вызвать депутатовъ изъ остальныхъ губернскихъ комитетовъ.

Это созваніе возбудило различныя надежды: кто видѣлъ въ этомъ созваніи начало боярской думы, кто начало конституціоннаго правленія съ народнымъ представительствомъ. Между тѣмъ, пылкое ожиданіе депутатовъ при слабомъ изъявленіи самоотверженія показалось опаснымъ; нужно было противопоставить имъ много осторожности, чтобы не перейти на путь революціонный, и вслѣдствіе этого запрещено было имъ совѣщаться въ общихъ засѣданіяхъ, а редакціонная комиссія приглашала депутатовъ только по-одиночкѣ въ случаѣ необходимости, чтобы выслушать особое ихъ мнѣніе. Обнаружилось большое неудовольствіе. Четыре депутата, въ томъ числѣ Харьковской губерніи, Д. А. Хрущовъ, Тверской и Ярославской, просили письменно о дарованіи конституціи для всей имперіи; имъ данъ былъ отвѣтъ, что для этого время еще не наступило.

Депутаты, не бывъ допускаемы въ общее засѣданіе комиссіи, стали собираться у предводителя дворянства Петербургской губерніи, у графа Петра Павловича Шувалова, имѣли въ его домѣ частыя продолжительныя, иногда и шумныя и бурныя засѣданія и тамъ составляли адресы и записки. Они требовали, чтобы имъ дозволено было принимать участіе въ трудахъ комиссіи или чтобы ихъ уволили домой. Государь, узнавъ объ этихъ толкахъ, созвалъ депутатовъ въ Царское Село 4-го сентября, гдѣ, въ присутствіи Ростовцева, объявилъ имъ, что ему извѣстны всѣ ихъ мнѣнія, что не всѣ эти мнѣнія соотвѣтствуютъ высочайшимъ предположеніямъ, но что всѣ эти мнѣнія доставлены будутъ въ главный комитетъ по крестьянскому дѣлу на окончательное разсмотрѣніе. Государь успокаивалъ ихъ относительно жертвоприношеній со стороны дворянства, обѣщалъ имъ помочь, объявилъ, что жертвованіямъ положены будутъ предѣлы, и надѣется, что они оправдаютъ его довѣренность не словами, а дѣломъ. Несмотря на все это, безпокойства продолжались и увеличивались отъ того, что депу-

таты первой очереди оставались въ Петербургѣ девять мѣсяцевъ въ совершенной праздности; а когда они вернулись въ свои губерніи, то перенесли и туда свое неудовольствіе, которое возрасло еще болѣе, когда, при открывшихся очередныхъ собраніяхъ дворянства для выборовъ, предписано было министромъ внутреннихъ дѣлъ, во время собраній, не касаться крестьянскаго вопроса.

Наступилъ 1860 годъ. Февраля 6-го скончался Я. И. Ростовцевъ, заболѣвшій въ октябрѣ отъ напряженности въ работахъ, и на одрѣ смертномъ перечитывавшій свои послѣдніе доклады редакціонной комиссіи и просившій государя порѣшить вопросъ крестьянскій. Мѣсто Ростовцева заступилъ министръ юстиціи графъ Викторъ Панинъ. Прибыли въ Петербургъ депутаты изъ остальныхъ 24-хъ губернскихъ комитетовъ, большею частью западныхъ губерній. Государь принялъ ихъ 21-го февраля, благодарилъ дворянство трехъ литовскихъ губерній за хорошій примѣръ ихъ и сочувствіе къ общему благу государства, изложилъ имъ, какъ близко его сердцу это святое дѣло, и что онъ увѣренъ, что они также смотрятъ на это дѣло; увѣщевалъ ихъ быть единодушными въ виду общаго блага и, изложивъ имъ еще разъ сущность этого блага, сказалъ имъ въ заключеніе: — «отъ васъ, господа, зависитъ помочь намъ въ рѣшеніи дѣла; Богъ помощь вамъ!»—Потомъ государь обратился къ новому председателю, указалъ ему на прибывшихъ депутатовъ, какъ на важнѣйшихъ его сутрудниковъ, и поручилъ ему окончить трудъ безотлагательно. Такъ окончилась аудіенція, данная представителямъ дворянства императоромъ-преобразователемъ. Она принесла плоды хорошіе: комиссія прилежно работала пять недѣль и представила основаніе, указавшее на возможность соглашенія. Въ концѣ апрѣля депутаты представили свое заключеніе: они, также какъ и депутаты первой очереди, соглашались вполнѣ въ необходимости освобожденія крестьянъ; но просили, чтобы имъ дозволено было самимъ исполненіе дѣла, и на основаніяхъ, разнствующихъ отъ предложеній правительства. Они просили для этого разсрочки на два года, чтобы заключить добровольныя сдѣлки съ крестьянами своими. По прошествіи этихъ двухъ лѣтъ, правительству предоставить рѣшеніе участи крестьянъ, не заключившихъ никакой сдѣлки съ помѣщикомъ, назначить имъ количество десятинъ земли, за которую, по оцѣнкѣ въ каждой губерніи по мѣстностямъ, установленная цѣна будетъ уплачена правительствомъ срочными облигаціями, и затѣмъ крестьяне уже будутъ совершенно независимы отъ помѣщика.

Государь передалъ проектъ этотъ редакціонной комиссіи на окончательное разсмотрѣніе, такъ что дѣло уже не могло затянуться. Нѣкоторые члены комиссіи, увидѣвъ, что мнѣнія менѣе либеральныя берутъ верхъ надъ ихъ мнѣніями, удалились изъ ревизіонной комиссіи, въ томъ числѣ Н. Милютинъ. Комиссія окончила свой трудъ и была распущена въ концѣ 1860 года.

Всякое преобразованіе, всякое новое дѣло, сопряженное съ трудностями, не можетъ быть названо непрактичною утопіей; съ подобнымъ воззрѣніемъ легко было бы откладывать и отмѣнять всякое полезное преобразованіе. Только равнодушіе къ улучшенію общественнаго порядка, только робость и лѣность выдумали слово—непрактичная утопія,—а опытъ доказываетъ, что вѣра въ возможность выполненія того, что признано справедливымъ, ведетъ къ исполненію задуманнаго предпріятія.

При предназначенномъ преобразованіи встрѣтилось главное затрудненіе въ томъ, что у насъ всѣ сословія чуждались другъ друга, не было никакой естественной

связи между ними. При дворѣ первенствовали военное дворянство и зависимое чиновничество; высшее дворянство было чуждо народу по своимъ привилегіямъ и по образу жизни; оно подражало французскому маркизу или англійскому лорду, и поэтому и по незнанію языка своего народа оно не могло сблизиться съ народомъ.

Чиновничество также было чуждо народу и составляло другую перегородку; зависимость чиновниковъ отъ двора, отъ правительства, отдѣляли его отъ народа.

Ученые составляли совершенно особенный классъ, особенный міръ, не имѣвшій ничего общаго съ жизнью государственною и съ жизнью народною.

Купечество находилось въ совершенномъ подчиненіи двору и дворянству, и по мѣрѣ какъ купецъ унижался предъ ними, онъ важничалъ предъ крестьянами. Вообще, между сословіями господствовала совершенная рознь, совершенное различіе правъ, преимуществъ сословныхъ и полное разъединеніе.

Средняго сословія у насъ и не водилось по причинѣ крѣпостного состоянія. Откуда было взять вольныхъ цеховыхъ ремесленниковъ въ городахъ и для чего было заводить ихъ, когда помѣщики имѣли своихъ крѣпостныхъ музыкантовъ, актеровъ, живописцевъ и балетмейстровъ; о каретникахъ, столярахъ, кузнецахъ и говорить нечего. Въ столицахъ обучались крѣпостные люди искусствамъ и ремесламъ, чтобы потомъ заглохнуть въ деревнѣ, въ степи—для забавы помѣщика-барина, который за грубость или неугожденіе продавалъ артиста другому помѣщику-барину.

Въ засѣданіяхъ членовъ главнаго комитета, редакціонной комиссіи и губернскихъ комитетовъ мы слышали разногласіе мнѣній; мы видѣли, какъ колебался исходъ освобожденія крестьянъ, съ одной стороны, отъ лицъ, желавшихъ поддерживать крѣпостное право, съ другой стороны, отъ лицъ, требовавшихъ не только освобожденія крестьянъ, но также измѣненія въ государственномъ правленіи. Когда послѣдніе говорили первымъ, что закрѣпощеніе крестьянъ было слѣдствіемъ насильственнаго завладѣнія, то первые отвѣчали послѣднимъ еще смѣлѣе: развѣ у насъ водилось только одно это насильственное завладѣніе или похищеніе власти?—на этомъ основаніи мы можемъ требовать возстановленія боярской думы. Оппозиція была не только въ комитетахъ, но и повсемѣстно, хотя нѣмая, но опасная: она ухватилась за бюрократію и указала своимъ уполномоченнымъ держаться крѣпко всѣхъ частныхъ и мелкихъ подробностей, кои, затрудняя исполненіе, могли бы задерживать, опрокинуть и остановить все дѣло. Какъ мнѣнія были также раздѣлены въ главномъ комитетѣ, то онъ уже началъ впадать въ бездѣйствіе отъ проволочекъ бюрократіи, и дѣло могло бы уснуть надолго, если бы рѣшимость и смѣлость великаго князя Константина не разбудили бы сонливыхъ и не дали бы порядочнаго толчка. Въ это время охлажденія къ общему дѣлу, Александръ II предпринялъ путешествіе по Россіи съ твердымъ намѣреніемъ побѣдить всякое препятствіе. Въ городахъ принималъ онъ дворянство, укорялъ его въ эгоизмѣ; въ Москвѣ сказалъ онъ ясно дворянамъ, что въ этотъ разъ не можетъ благодарить ихъ, что они его не поняли; что вотъ уже два года, какъ объявлено было о необходимости отмѣнить крѣпостное состояніе, и что лучше, если перемѣны будутъ начаты и окончены сверху, а не снизу, и т. д.

Наступилъ достославный 1861 годъ. Первые два мѣсяца прошли въ тихомъ ожиданіи и въ разнородныхъ надеждахъ. Были люди, которые, основываясь на данныхъ прошедшаго времени, надѣялись, что все это уснетъ и забудется, какъ

дѣлалось съ указомъ 1842 года о проектѣ образованія срочно-обязанныхъ крестьянъ. Были люди, которые искренно желали скорѣйшаго преобразованія и были готовы на жертвоприношенія. Толки высказывались осторожно, одни только крестьяне выжидали безмолвно. Вдругъ въ мартѣ мѣсяцѣ, съ быстротою молніи, разнеслась вѣсть о царскомъ великомъ манифестѣ 19 февраля 1861 года, обнародованномъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ 5 марта, въ Харьковѣ 10-го, въ Изюмѣ 14 марта. Этимъ манифестомъ уничтожено было крѣпостное состояніе 22 милліоновъ человѣкъ—цѣлой трети всего населенія имперіи.

Въ село Большую Каменку пріѣхалъ земскій исправникъ съ манифестомъ прямо въ церковь, гдѣ ожидалъ его весь сельскій приходъ. По отслуженіи благодарственнаго молебствія священникъ прочелъ съ амвона всемилостивѣйшій манифестъ. Народъ слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ и крестился, когда царское слово касалось надежды и упованія на помощь Божію, для исхода великаго, но труднаго и сложнаго дѣла. Послѣ священника въ другой разъ прочтенъ былъ манифестъ исправникомъ. Народъ слушалъ съ тѣмъ же благоговѣніемъ и вниманіемъ, какъ слушалъ священника. Когда вышли изъ церкви, народъ еще толпился въ оградѣ, осѣняя себя крестомъ. Народъ разошелся по домамъ; во весь день ни единой души не было въ кабакѣ; крестьяне свято чтили великое событіе, не бывъ еще въ состояніи опомниться и обнять разумомъ всю важность перемѣны. Съ такимъ же чувствомъ благоговѣнія встрѣченъ былъ манифестъ съ объявленіемъ свободы во всѣхъ селахъ цѣлой Россіи. Народъ повсюду выказывалъ свою радость и благодарность у подножія алтарей и предъ домашними иконами. На слѣдующій день съ восторгомъ выпили за здравіе царя-освободителя Александра II, и пошли разспросы и толки съ возрастающимъ любопытствомъ, по мѣрѣ того, какъ по слухамъ и по чтенію знакомились со статьями общаго новаго положенія. День объявленія манифеста 19 февраля былъ днемъ возрожденія и пробужденія мертвыхъ: умолкла вражда, непріятели помирились, обиды были забыты, вчерашній рабъ или крѣпостной встрѣчался, какъ ближній, какъ вольный, всѣ поздравляли и обнимали другъ друга.

Прилагаю изъ записокъ министра С. Ланского взглядъ на положеніе крестьянскаго вопроса въ августѣ 1859 года.

Всѣ губернскіе комитеты кончили свои работы въ полтора года, начавъ по появленіи первыхъ трехъ рескриптовъ объ уничтоженіи крѣпостной зависимости, по литовскимъ, по Петербургской и по Нижегородской губерніямъ.

На предварительное соглашеніе дворянъ всѣхъ прочихъ губерній потребовалось 11 мѣсяцевъ, съ ноября 1857 по октябрь 1858 года.

Первое извѣстіе о предположенной реформѣ возбудило въ большинствѣ помѣщиковъ безотчетный страхъ.

Считали реформу примѣнимою лишь къ однѣмъ западнымъ губерніямъ и невозможною въ остальныхъ полосахъ Россіи. Примѣръ петербургскихъ и нижегородскихъ дворянъ не могъ дать рѣшительнаго оборота дѣлу; ожидали отзыва Москвы.

Мало-по-малу опасенія разсѣялись, начали присылать адресы о желаніи приступить къ устройству крестьянскаго быта. Въ десяти губерніяхъ адресы были представлены за подписью 217 предводителей и депутатовъ по уполномочію еди-

ногласному отъ 25.204 помѣщиковъ. Въ остальныхъ губерніяхъ адресы подписаны 18.548 дворянами.

Вслѣдствіе адресовъ состоялись высочайшіе рескрипты, для всѣхъ губерній.

Съ полученіемъ рескриптовъ были выбраны члены и открыты комитеты:
въ 1-ой половинѣ 1858 года 8 комит. начин. съ петерб. 14 января
во 2-ой » » » 35 » и виленская общ. комиссія
въ началѣ » » 5 остальн. и кіевск. общ. 19 апрѣля.

Всѣхъ 48 губернскихъ комитетовъ. Обсуждали вопросъ объ уничтоженіи крѣпостной зависимости

Всѣхъ участвовавшихъ членовъ было до 1,377, изъ нихъ едва $^1/_{10}$ доля занималась предложеннымъ предметомъ; остальные покорялись вліянію вождей.

Большинство старалось оттянуть рѣшеніе вопроса и спорило о мелочахъ.

7 комитетовъ окончили занятія въ концѣ 1858 года.

37 комитетовъ кончили въ 1-ую половину 1859 года; калужскій—въ іюлѣ.

Вообще въ проектахъ нѣтъ безпристрастнаго соблюденія интересовъ обоихъ сословій; нѣтъ даже яснаго пониманія выгодъ помѣщиковъ; нѣтъ примѣнимости къ мѣстнымъ условіямъ крестьянскаго быта въ надѣлѣ и повинностяхъ. Зато предстояла и задача трудная комитетамъ: не только устроить хозяйственныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, но также обсудить вопросъ крестьянскій съ юридической и административной точки зрѣнія.

Вотъ общій обзоръ комитетскихъ положеній:

1-ое мнѣніе—комитетовъ, кои мало оказывали сочувствія къ освобожденію крестьянъ; всего сильнѣе выразилось удержаніе помѣщичьихъ правъ въ комитетахъ воронежскомъ, костромскомъ, курскомъ, тамбовскомъ, тульскомъ рязанскомъ, московскомъ, владимирскомъ, симбирскомъ, вологодскомъ и новгородскомъ. Они старались остановить движеніе и пугали бунтами. Въ одной изъ такихъ безымянныхъ записокъ авторъ подъ литерою А, доказываетъ, что въ освобожденіи крестьянъ таится глубоко задуманный планъ демократической революціи въ Россіи. Увидѣвъ неудачу, они стали домогаться выкупа сперва за личность крестьянъ, потомъ сохранить барщинный трудъ. Воронежскій комитетъ даже не хочетъ употребить слово *надѣлъ*, а называетъ его *наймомъ*. Ярославскій соглашается на выкупъ, но съ тѣмъ, чтобы получить отъ правительства по 270 рублей за каждую ревизскую душу. Они видѣли въ реформѣ выгодную операцію.

2-ое мнѣніе защищаетъ *сословный интересъ*, желаетъ создать поземельную аристократію, стоитъ за вотчинное право, желаетъ ввести феодальную собственность. Поборники этого направленія нашли сочувствіе въ особахъ, приближенныхъ къ государю, и въ членахъ главнаго комитета. Вопросъ о *вотчинныхъ правахъ* возбужденъ былъ въ петербургскомъ комитетѣ, а изъ него перешелъ въ другіе.

3-ье мнѣніе тѣхъ, которые желали полнаго уничтоженія крѣпостного права, и составляютъ далеко не большинство, но значительную часть русскаго дворянства. Къ нимъ принадлежитъ большинство тверской губерніи, харьковской губерніи и кіевской губерніи и меньшинство многихъ комитетовъ, въ особенности самарскаго, тульскаго, рязанскаго, владимірскаго и симбирскаго. Единогласно защищаютъ отмѣну помѣщичьей власти и выкупъ на условіяхъ умѣренныхъ.

Лица первыхъ двухъ мнѣній желали измѣнить направленіе правительства; но,

съ другой стороны, между крестьянствомъ ходятъ толки, что государь желаетъ освобожденія, но что дворяне мѣшаютъ дѣлу.

При обнародованіи первыхъ мѣръ правительства не упомянуто о выкупѣ. Комитеты нижегородскій, ковенскій, виленскій и тверской, а за ними и другіе сами вошли въ обсужденіе сего предмета, какъ лучшаго исхода для крестьянскаго вопроса.

Надлежитъ немедленно даровать крестьянамъ гражданскія права, улучшить полицейскія учрежденія.

Открыть новыя учрежденія для разбора споровъ и недоразумѣній и облегчить повинности.

Дворянамъ предоставить первенство въ мѣстной администраціи, участіе въ выборахъ для обоихъ сословій.

Относительно прибытія избранныхъ комитетами членовъ я долженъ объявить, что большинство изъ нихъ принадлежитъ къ приверженцамъ двухъ первыхъ мнѣній, объясненныхъ въ этой запискѣ. Посему стремленіе къ образованію партій должно быть положительно устранено. Эти избранные члены вызываются «для представленія правительству тѣхъ свѣдѣній и объясненій, кои оно признаетъ нужнымъ имѣть—согласно съ высочайшимъ вашего величества повелѣніямъ. Правительству полезно имѣть отъ нихъ отзывы, не о коренныхъ началахъ, не о развитіи ихъ, а единственно только о примѣненіи проектированныхъ общихъ правилъ къ особеннымъ условіямъ каждой мѣстности.

Уничтоженіе крѣпостного права есть дѣло уже рѣшенное и перемѣнѣ подлежать не можетъ. Дѣло подданныхъ осуществить царское слово съ такою же любовью, съ какою оно произнесено вашимъ величествомъ для блага современниковъ и потомства».

Глава двадцать третья.

Введеніе въ дѣйствіе новыхъ положеній о крестьянахъ и дворовыхъ.

Указы.—Губернскія присутствія.—Мировыя посредники.—Открытіе волостныхъ правленій и судовъ.—Уставныя грамоты.—Проѣздъ императрицы.—Выкупъ.—Уменьшеніе участковъ.—Выборы гласныхъ. — Земство. — Обязательный выкупъ. — Присоединеніе крестьянъ государственныхъ и южныхъ поселеній.—4 апрѣля 1866 года.—Мировыя учрежденія вообще.—Новый судъ.

Того же 19 февраля данъ былъ указъ сенату объ учрежденіи главнаго комитета для устройства сельскаго состоянія.

Другой указъ отъ того же 19-го февраля объ открытіи губернскихъ присутствій для введенія новыхъ положеній, указъ отъ 5 марта объ улучшеніи быта крестьянъ государственныхъ и удѣльныхъ. Указъ отъ 8 марта объ устройствѣ людей, приписанныхъ къ горнымъ и солянымъ заводамъ и промысламъ и горнозаводскихъ людей вѣдомства императорскаго кабинета. Указъ отъ 16 марта объ устройствѣ быта крестьянъ, работающихъ на помѣщичьихъ фабрикахъ или поссессіонныхъ.

Нѣсколько дней спустя послѣ объявленія манифеста всѣ помѣщики и крестьянскія общества получили по экземпляру новыхъ законоположеній, заключающихъ въ себѣ правила для различныхъ частей имперіи въ числѣ 5 положеній общихъ, 4 мѣстныхъ и 8 дополнительныхъ. Подраздѣленія эти были необходимы въ такой обширной имперіи, какъ Россія, населенная различными племенами, въ различныхъ полосахъ земного шара, стоящими пока на различныхъ ступеняхъ образованности.

Съ жадностью бросились всѣ грамотные на чтеніе новыхъ узаконеній, но не всѣ одинаково поняли смыслъ статей; такъ, въ правилахъ о приведеніи въ дѣйствіе положеній отъ статьи 5-ой до 11-ой повелѣно было немедленно вводить нѣкоторыя облегченія *до составленія уставныхъ грамотъ.* Поэтому приказано было приказчику объявить въ субботу при новомъ нарядѣ, что съ понедѣльника назначать женщинъ на работу только на два дня въ недѣлю, вмѣсто прежней трехдневной барщины, и прочесть крестьянамъ всѣ милости и облегченія, изложенныя въ указанныхъ статьяхъ отъ 5-ой до 11-ой.

Между тѣмъ другой помѣщикъ послѣ заутрени объявилъ, что женщины и парубки закономъ уволены отъ работы, не обративъ вниманія на ст. 12-ую, по коей неотмѣненныя повинности должны быть сполна отбываемы крестьянами въ пользу помѣщика безъ малѣйшаго упущенія; но какъ у насъ надѣлъ земли по душамъ, а не по тягламъ, то парубкамъ слѣдовало работать по-прежнему *до утвержденія уставной грамоты*. Между тѣмъ это пониманіе закона, это ложное толкованіе съ быстротою электрическаго тока пробѣжало до крайнихъ предѣловъ уѣзда, затруднило работы въ апрѣлѣ и маѣ, причинило значительные убытки помѣщикамъ во время уборки сѣна и хлѣба. Дѣлать было нечего: начать искъ—смутило бы людей неграмотныхъ, а какъ срокъ составленія уставныхъ грамотъ назначенъ былъ годовой, то годомъ раньше или позже лишиться части дарового труда, не разоряло владѣльца крупнопомѣстнаго, но составляло значительную потерю для владѣльцевъ среднихъ и мелкихъ. Подобныхъ недоразумѣній было довольно, пока не открыты были уѣздные мировые съѣзды, на коихъ всѣ спорные пункты или дѣла были или тотчасъ рѣшаемы съѣздомъ, или представляемы на рѣшеніе губернскаго присутствія.

Губернскіе временные *комитеты*, учрежденные для приготовительныхъ мѣръ и проектовъ по улучшенію быта крестьянъ, были переименованы и преобразованы въ губернскія по крестьянскимъ дѣламъ *присутствія*. Первымъ дѣломъ въ первомъ засѣданіи было опредѣленіе обязанностей губернскаго присутствія—составленіе урочныхъ положеній, пособіе увольняемымъ дворовымъ людямъ, составленіе формы для уставной грамоты, форма увольнительныхъ актовъ, распредѣленіе по уѣздамъ частныхъ землемѣровъ, образованіе и открытіе мировыхъ учрежденій и сельскихъ и волостныхъ правленій, волостныхъ судовъ,—повсемѣстно не позднѣе какъ чрезъ три мѣсяца по утвержденіи расписанія волостей.

Въ Харьковской губерніи присутствіе открыто было въ слѣдующемъ составѣ: предсѣдатель—начальникъ губерніи свиты его императорскаго величества генералъ А. П. Ахматовъ. Члены: губернскій предводитель статскій совѣтникъ А. Н. Бахметевъ, управляющій палатой государственныхъ имуществъ статскій совѣтникъ М. А. Мартыновъ, предсѣдатель казенной палаты дѣйствительный статскій совѣтникъ баронъ М. К. Розенъ, губернскій прокуроръ статскій совѣтникъ Эпаминондъ Осиповичъ Флуки. Изъ дворянъ-помѣщиковъ Пимонъ П. Лялинъ, Н. Кузьмичъ Гарцевичъ, статскій совѣтникъ Е. Ст. Гордѣенко, Д. А. Хрущовъ, секретарь присутствія А. Дороѳѣевичъ Янковичъ.

Всѣ работали совѣстливо и усердно. Особенно были они завалены работой и дѣлами, когда, по открытіи дѣйствій мировыхъ посредниковъ, потекли въ присутствіе запросы о предметахъ, не затронутыхъ новыми положеніями, потомъ уставныя грамоты, потомъ выкупные договоры. Все это подвергнуто было строжайшей повѣркѣ. Въ первый годъ общаго преобразованія назначенъ былъ новый начальникъ губерніи графъ А. К. Сиверсъ, на мѣсто начинателя реформы по губерніи генерала А. П. Ахматова, получившаго высшую должность оберъ-прокурора святѣйшаго синода. Чрезъ три года не оставалось въ присутствіи никого изъ вышепоименованныхъ лицъ, открывшихъ первое засѣданіе: кто изъ нихъ перемѣщенъ былъ въ другую должность, кто выступилъ по очереднымъ выборамъ, кто вышелъ въ отставку. Одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ былъ Пименъ Петровичъ Лялинъ, занимавшійся повѣркою разсчетовъ выкупныхъ сдѣлокъ. Дмитрій Александровичъ Хрущовъ былъ, въ числѣ депу-

татовъ отъ харьковскаго комитета, посланъ въ редакціонную комиссію, гдѣ онъ, за подписью четырехъ членовъ, представилъ докладную записку о пользѣ и необходимости общаго представительства отъ всей Россіи. Предсѣдатель губернскаго присутствія, гражданскій губернаторъ графъ А. К. Сиверсъ отличался знаніемъ своего дѣла до совершенства, какъ по крестьянскому дѣлу, такъ и по управленію гражданскому, въ чемъ имѣлъ опытность и практичность, усвоенныя имъ съ первыхъ лѣтъ своей службы при ревизіи Сибири, подъ начальствомъ графа Толстого.

22-го марта 1861 года изданъ былъ указъ объ избраніи и утвержденіи сенатомъ мировыхъ посредниковъ. Это новое учрежденіе составляло одну изъ главныхъ заботъ правительства. Императоръ выразился по этому случаю, «что отъ удачнаго выбора посредниковъ зависитъ успѣхъ преобразованія и улучшенія быта крестьянъ, не на словахъ только и на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ. Главное назначеніе посредника—быть *примирителемъ и судьею интересовъ обоихъ сословій*; въ этихъ видахъ пригласить въ посредники такихъ лицъ, которыя *извѣстны несомнѣннымъ сочувствіемъ къ преобразованію и хорошимъ обращеніемъ съ крестьянами*».

Приступлено было къ составленію именныхъ списковъ и къ выборамъ по статьямъ 13-ой и 14-ой положенія о губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ. На первые три года избраніе изъ списковъ предоставлено было начальникамъ губерній по совѣщанію съ губернскимъ и уѣздными предводителями дворянства. Такимъ образомъ, имѣлъ я честь быть утвержденнымъ въ должности мирового посредника въ Изюмскомъ уѣздѣ. Пространство земли въ уѣздѣ занимало до 6,123 квадратныхъ верстъ, жителей было 132,741.

Первоначальный составъ изюмскаго мирового съѣзда былъ слѣдующій. Предсѣдатель дворянства А. А. Антоновъ. Мировые посредники 1-го участка Ф. М. Коваленскій, 2-го участка баронъ А. Е. Розенъ, 3-го участка Н. А. Языковъ, 4-го участка В. Н. Науменко, 5-го участка А. С. Левшинъ, 6-го участка Н. М. Станкевичъ. Присутствующимъ членомъ отъ правительства былъ полковникъ Григорій Григорьевичъ Коваленскій. Секретаремъ мирового съѣзда А. Р. Грабовскій. Кандидаты мировыхъ посредниковъ были: П. К. Шабельскій, А. Т. Щербина, князь А. Л. Шаховской, Е. К. Грейфъ, Н. А. Щербачевъ, И. А. Антоновъ и Н. Н. Науменко. Первое засѣданіе было открыто 22-го іюня и продолжалось два дня. Занялись распредѣленіемъ мировыхъ участковъ и волостей, предварительнымъ совѣщаніемъ объ устройствѣ волостныхъ правленій и судовъ, о выборахъ и утвержденіяхъ новыхъ должностныхъ лицъ по крестьянскому управленію. Постановлено было нашему съѣзду собираться 10-го числа каждаго мѣсяца. Задача была совершенно новая и не легкая, если принять въ соображеніе, что освобожденіе состоялось въ 44 губерніяхъ одновременно и къ сроку для 22 милліоновъ крестьянъ обоего пола, въ 111-ти тысячахъ крупныхъ и среднихъ помѣстьяхъ и 20-ти тысячахъ имѣніяхъ мелкопомѣстныхъ.

Для введенія новаго положенія дѣйствовали на мѣстахъ 44 губернскихъ присутствія, 404 уѣздныхъ мировыхъ съѣзда, 1,714 мировыхъ посредниковъ. Ограничиваюсь общими выводами и распоряженіями. Для желающихъ ознакомиться съ нѣкоторыми частностями мировой дѣятельности, указываю на слѣдующую главу, въ коей помѣщены рѣшенія отдѣльныхъ вопросовъ и извлеченія изъ годовыхъ отчетовъ въ теченіе шестилѣтняго исполненія должности мирового посредника.

Мировые посредники начали свои дѣйствія въ концѣ іюня, въ такое время,

когда крестьяне всѣ заняты были покосами, а потому назначеніе сходки въ будни оторвало бы ихъ отъ важнаго срочнаго труда. До окончанія уборки сѣна и хлѣба оставалось мировымъ посредникамъ возможность созывать на сходки цѣлыя общества только по днямъ воскреснымъ и праздничнымъ. На другой же день послѣ нашего перваго съѣзда увѣдомилъ циркулярно всѣхъ помѣщиковъ, владѣльцевъ и крестьянъ 2-го участка, что, по статьѣ 36-ой положенія о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, назначаю въ селѣ Большой Каменкѣ участковое присутствіе по четвергамъ каждой недѣли, отъ 8-ми часовъ утра до 4-хъ пополудни для принятія и рѣшенія дѣлъ, дабы каждый могъ навѣрно знать, когда и гдѣ непремѣнно можетъ застать мирового посредника; но при постоянныхъ разъѣздахъ по волостямъ и отдѣльнымъ обществамъ, случалось часто принимать жалобы и на дорогѣ. Посѣтителей въ назначенное еженедѣльное присутствіе было довольно, особенно изъ дворовыхъ людей. Помѣщикъ имѣлъ право прислать вмѣсто себя уполномоченнаго; всего труднѣе было, когда приходилось при допросахъ обращаться къ владѣльцу и бывшему его крѣпостному, въ присутствіи посторонних просителей и любопытныхъ зрителей; тутъ явно выказывалось разъединеніе сословій. Но были и блистательныя исключенія; такъ, дворовый человѣкъ поручика Н. И. Тушина представилъ жалобу и при допросахъ самъ показалъ, что помѣщикъ обходился съ нимъ хорошо, что дворовые его люди постоянно питались изъ общаго его семейнаго горшка и не знали никакой обиды. Чѣмъ больше было слушателей, тѣмъ лучше было пояснить имъ статьи общаго положенія и тѣмъ легче знакомились люди съ законами, передавая толкованіе своимъ сосѣдямъ-односельчанамъ.

Къ 22 іюля были во 2 участкѣ открыты всѣ волостныя правленія и окончены всѣ выборы крестьянскихъ должностныхъ лицъ и судей. Все это совершаемо было по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, по предварительнымъ назначеніямъ, такъ что народъ могъ собираться безъ потери времени къ опредѣленному часу. Приступали къ выборамъ каждый разъ божественною службою въ щедро освѣщенной церкви; молебны были отслужены съ колѣнопреклоненіемъ; народъ молился усердно, старцы же со слезами, у иныхъ спиралось дыханіе отъ избытка чувствъ и ожиданій. Священникъ произносилъ краткое наставленіе о важности выборовъ. Особенно краснорѣчиво выразился священникъ Никаноръ Черниковъ въ волости Ольховаго Рога, убѣждая крестьянъ выбирать людей надежныхъ, не отклоняться отъ общественной должности, указывая на мирового посредника, что ни болѣзнь, ни глубокая старость не удержали его отъ обязанности служить обществу, и, примѣняясь къ званію, пожелалъ мнѣ успѣха и окончилъ рѣчь изреченіемъ Господа Спасителя: «блаженны миротворцы, ибо сынами Божіими нарекутся!» По выходѣ изъ церкви собирались на улицѣ предъ домомъ волостного правленія, гдѣ, послѣ привѣтствія и поясненія народу, приступалъ къ выборамъ и къ присягѣ. По новизнѣ дѣла не вездѣ умѣли выбрать лучшихъ людей способнѣйшихъ, или эти лучшіе люди умѣли на первый разъ отклониться отъ принятія должностей, повторяя съ практическою опытностью: «подождемъ и увидимъ!» или «поживемъ и узнаемъ!» Помѣщики отстранялись сами отъ вмѣшательства или черезчуръ много и крѣпко чванились вотчинною полиціей, а потому вредили себѣ и обществу. Помѣщики, понимавшіе вполнѣ всю важность переворота и новыхъ законоположеній, содѣйствовали мнѣ чрезвычайно полезно, благонамѣренно, особенно въ волостяхъ Комаровской, Чепельской и Кунянской. Не позволяю себѣ

назвать такихъ трехъ помѣщиковъ и одного управляющаго; они сами себя узнаютъ, знаютъ ихъ и крестьяне, назову только одного изъ нихъ, скончавшагося 12 января 1863 года по заключеніи выкупного договора—генерала Николая Павловича Пулло, который мудрыми и правдивыми совѣтами имѣлъ самое благодѣтельное вліяніе на волостное начальство. По открытіи волостныхъ правленій, навѣщалъ я обязательныя засѣданія волостныхъ судовъ, кои безъ особенно важныхъ случаевъ собирались чрезъ каждыя двѣ недѣли по воскресеньямъ. При послѣдовавшихъ новыхъ выборахъ судьи были избраны весьма удовлетворительно и доказывали ясно всю способность народа къ пониманію новыхъ порядковъ. Порицатели и хулители нападали на судей крестьянскихъ за пьянство и укоряли, что они все рѣшаютъ могорычами, попойками, что въ эти дни подъ лавками волостного правленія можно было найти напоенныхъ или упившихся добросовѣстныхъ. Знаю, что въ волостномъ правленіи строжайше наблюдаемо было, чтобы тамъ не держали и туда не приносили водку. Если же истецъ и отвѣтчикъ угащивали другъ друга и судей въ шинкѣ или у себя дома, послѣ примиренія или послѣ рѣшенія, то это извинительно, пока народъ находитъ высшее наслажденіе и даже почетъ въ употребленіи водки; какъ будто судьямъ англійскимъ, французскимъ и прусскимъ запрещено пить вино и портеръ и пиво, лишь бы не пьянствовали и не пропивали бы разума и смысла закона. Въ годовыхъ отчетахъ повторялъ я мое убѣжденіе въ необходимости и въ пользѣ поддерживать силу и значеніе волостныхъ судовъ. Самое трудное дѣло было найти трезвыхъ и знающихъ писарей, чтобы, при безграмотности старшинъ и судей, имѣть честное и отчетливое письмоводство.

2-ой мировой участокъ тянулся въ длину отъ села Крючковъ до Изюма на 40 верстъ, а въ ширину отъ села Ольховаго Рога чрезъ Бугаевку до села Комаровки, отъ Донца до Оскола на 50 верстъ. Это пространство заключало въ себѣ 6 волостей, 121 помѣстье крупное и мелкое и столько же помѣщиковъ и отдѣльныхъ деревень и хуторовъ. Послѣ объѣзда по волостямъ мировой посредникъ навѣстилъ каждое крестьянское общество, а при введеніи уставныхъ грамотъ—каждаго помѣщика. Въ первый годъ работа продолжалась барщинная; то помѣщикъ, то крестьяне подавали жалобы, кои приходилось частенько рѣшать на мѣстѣ. Изъ одного помѣстья получалъ я трижды увѣдомленія, что люди явно бунтуютъ; при изслѣдованіи оказалось, что одинъ изъ дворовыхъ потребовалъ жалованья по статьѣ 15-ой о дворовыхъ людяхъ. Вообще, въ первый годъ поступало всего болѣе жалобъ отъ дворовыхъ: въ присутствіи госпожи и сельскаго общества, при составленіи уставной грамоты, обратилась ко мнѣ пожилая дворовая женщина съ жалобою, что госпожа все журитъ и бранитъ ее и безъ замѣчаній не даетъ ей пройти по комнатѣ. На вопросъ мой, сколько лѣтъ она находится при дворѣ—она отвѣтила:—«Лѣтъ сорокъ». Какъ же съ тобою обходились до сего дня?—«Да все такъ же».—«Такъ ты могла бы привыкнуть»,—замѣтилъ старшина; она сама засмѣялась, усмѣхнулись всѣ присутствовавшіе. Вдругъ явилась обидчивость, честолюбіе, и при малѣйшемъ замѣчаніи прислугѣ она напоминала господамъ, что настало *новое время*. Съ 19-го февраля 1863 года всѣ дворовые были освобождены отъ обязательныхъ отношеній къ своимъ прежнимъ помѣщикамъ. Съ этого дня начались новые споры за неисполненіе взаимныхъ договоровъ и за жалованье. На цѣлыя общества получалъ жалобы отъ помѣщиковъ, что крестьяне не повинуются нарядамъ, поздно выходятъ на работу,

рано возвращаются домой; при разборѣ такихъ жалобъ приходилось собирать сходы цѣлыхъ обществъ. При одномъ изъ такихъ собраній, разсмѣшило всѣхъ простодушное оправданіе старика, который, выслушавъ мой выговоръ и стращаніе, что подвергну все общество законному взысканію, отвѣтилъ совершенно спокойно: «Мы выходимъ на барщину, какъ всегда и прежде выходили, но теперь господа-помѣщики больно рано стали вставать». Вообще, народъ не выходилъ изъ законнаго повиновенія, а гдѣ это случалось въ частныхъ случаяхъ отъ недоразумѣнія помѣщика или отъ глупости неграмотныхъ крестьянъ, тамъ все было улажено мгновенно изъясненіемъ новаго закона, съ которымъ и тѣ и другіе еще не довольно ознакомились. Дружно и скоро выстроены были дома для волостныхъ правленій съ необходимыми пристройками; охотно выходили на работы общественныя; только неохотно разстегивали кошельки при денежныхъ раскладкахъ, не изъ скупости, но по мѣстнымъ затрудненіямъ въ добываніи заработковъ, какъ мною изложено было во всѣхъ годовыхъ отчетахъ.

Самая гигантская работа представилась въ составленіи уставныхъ грамотъ, для коихъ получили образцы изъ губернскаго присутствія. Законъ предписалъ главныя условія въ мѣстныхъ положеніяхъ, но законъ не могъ предвидѣть всѣхъ обстоятельствъ и не могъ предписать основаній при соглашеніяхъ. Тутъ долженъ засвидѣтельствовать честное содѣйствіе помѣщиковъ и заявить о полной ихъ готовности къ добровольнымъ сдѣлкамъ по надѣламъ землею. При спорахъ о недоброкачественности земель, о неправильномъ измѣреніи бывали переговоры чрезчуръ забавные. Въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ крестьянская земля пахотная не прирѣзана къ усадебной осѣдлости, тамъ это сдѣлано не изъ корыстолюбивыхъ видовъ помѣщика, но по необходимымъ условіямъ мѣстности. Въ спорныхъ случаяхъ приходилось обходить межи крестьянской земли въ сопровожденіи цѣлаго общества и на мѣстѣ доказать неправильность притязаній крестьянъ. Всего болѣе содѣйствовала исправному исходу распредѣленія надѣловъ земельныхъ довѣренность крестьянъ къ личности мирового посредника. Землемѣрамъ предстояла пропасть работы: у части помѣщиковъ не было никакихъ плановъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ пришлось мнѣ самому пройти съ цѣпью и съ эккеромъ, отсрочить составленіе плана до предстоящаго выкупа земель. Всѣ черновыя уставныя грамоты и уставныя описи были составлены и написаны мировымъ посредникомъ собственноручно: изъ нихъ одинъ экземпляръ былъ отправляемъ въ губернское присутствіе, другой вручался помѣщику, третій—крестьянскому старостѣ, черновой остался у мирового посредника. Писаніе, повѣрки, исчисленіе рабочихъ дней лѣтнихъ и зимнихъ полугодій требовали много времени. Губернское присутствіе не пропускало ни одной ошибки, ни въ формѣ изложенія, ни въ исчисленіи дней и оброка. Разстояніе при разъѣздахъ не позволяло мнѣ каждый день возвращаться домой; при составленіи уставныхъ грамотъ и послѣ того выкупныхъ договоровъ приходилось отлучаться на шесть дней сряду, вернуться къ присутственному дню въ четвергъ и на другой день ѣхать опять туда, откуда выѣхалъ въ среду. Приходилось ночевать гдѣ попало, въ волости и въ хатѣ, но большею частью у помѣщиковъ, гдѣ всегда былъ ласково принятъ. Въ теченіе всѣхъ шести лѣтъ моей должности пользовался гостепріимствомъ всего чаще и охотнѣе въ Чепелѣ, въ Макаровкѣ, въ Нескучномъ или Сподобовкѣ и въ Комаровкѣ,—въ этихъ домахъ я бывалъ какъ дома.

9-го августа 1861 года назначенъ былъ проѣздъ императрицы чрезъ Изюмъ въ Святогорскій монастырь. Государыня ѣхала на зиму въ Ливадію, на южный берегъ Крыма, государь провожалъ и на этотъ день остался въ Чугуевѣ для осмотра войскъ. Заранѣе были мною вызваны волостные старшины, чтобы при удобномъ случаѣ представить ихъ; съ ними ожидалъ я прибытія поѣзда у теплянской почтовой станціи, гдѣ собрались жители окрестныхъ помѣстій и деревень. Впереди на курьерской тройкѣ мчался губернскій почтмейстеръ Мензенкамфъ, старецъ съ раненою головою, служившій въ 1809 году въ гродненскомъ гусарскомъ полку Кульнева, подъ командой майора К. Ф. Лидерса и, бывъ тогда корнетомъ, участвовалъ въ достопамятномъ переходѣ по льду Финскаго залива на Кваркенъ. Отъ него узналъ я, что императрица ѣдетъ въ первой каретѣ съ великою княжною Маріей Александровной. Карета, за нею поѣздъ, остановилась у крыльца почтовой станціи; съ той стороны, гдѣ я стоялъ, стекло дверцевъ кареты было поднято; я обошелъ на другую сторону, гдѣ стекло было опущено только на два пальца,—поклонился и отступилъ три шага назадъ; въ это мгновеніе стекло было опущено, я представился, какъ мировой посредникъ, и просилъ позволенія представить ея величеству новыхъ волостныхъ старшинъ освобожденныхъ крестьянъ. Императрица ласково изъявила свое согласіе. По данному мною знаку прибѣжали старшины и одинъ изъ нихъ, Степанъ Федченко, отъ имени товарищей и крестьянъ сказалъ торжественно: «Поздравляемъ ваше величество съ пріѣздомъ, желаемъ здравія и всякаго благополучія и просимъ доложить царю нашему, что всѣ мы благодаримъ за великую милость его, за дарованную намъ волю!»—Императрица разспрашивала ихъ, какихъ они волостей? здравствуютъ ли люди въ деревняхъ? благословилъ ли ихъ Господь урожаемъ? потомъ обратилась съ вопросомъ ко мнѣ: не слишкомъ ли тягостна новая должность для моихъ преклонныхъ лѣтъ?—«Ваше величество! во мнѣ таится сила и стремленіе 120-ти товарищей, которые желали содѣйствовать къ освобожденію крестьянъ, но были сосланы послѣ 14 декабря и не дожили; остальные были освобождены въ день коронаціи государя, супруга вашего, а я и со мною бывшіе на поселеніи въ Курганѣ возвращены изъ Сибири по ходатайству его же, когда онъ былъ цесаревичемъ, наслѣдникомъ престола. Съ того дня постоянно супругъ вашего величества ходатайствовалъ за меня, за дѣтей моихъ, за товарищей; я не имѣлъ случая благодарить его лично, теперь васъ прошу убѣдительнѣйшимъ образомъ поцѣловать его въ сердце и благодарить его за меня и за моихъ товарищей». Императрица была видимо растрогана и сказала мнѣ внятнымъ и сочувствующимъ голосомъ:—«Непремѣнно и съ большимъ удовольствіемъ исполню вашу просьбу». Все это продолжалось не больше семи минутъ, пока перестегивали перемѣнныхъ лошадей. Поѣзду данъ былъ знакъ тронуться, я поклонился,—грянуло ура! и, при славнѣйшей дорогѣ отъ установившейся хорошей погоды, покатилъ длинный рядъ экипажей одинъ за другимъ. На другой день, на почтовой дорогѣ, нагналъ меня нашъ губернаторъ, благонамѣренный и образованный А. П. Ахматовъ, ѣхавшій обратно изъ Святогорска въ Харьковъ, и сдѣлалъ мнѣ строгое замѣчаніе за то, что я, не спросивъ его разрѣшенія, представилъ императрицѣ волостныхъ старшинъ; но я объяснилъ ему, что не зналъ, что онъ находился въ свитѣ и сидѣлъ въ каретѣ графа Шувалова, что я полагалъ его въ Харьковѣ, что не могъ иначе поступить, и что буду въ отчаяніи, если императрица недовольна моею встрѣчею. «Напротивъ того,—возразилъ онъ,—ея величество въ восхищеніи отъ ва-

шей искренности». Въ слѣдующемъ 1862 году это подтвердилось вполнѣ: когда императрица ѣхала обратно, не чрезъ Изюмъ, а чрезъ Полтаву и Харьковъ, то приказала новому нашему губернатору графу А. К. Сиверсу объявить мнѣ, что она слово въ слово исполнила мою просьбу. Возможно ли было имѣть лучшаго посредника, ходатая предъ государемъ, какъ любящую его и любимую имъ супругу! Трудно по-одиночкѣ приблизиться къ государю, занятому общими дѣлами, окруженному сотнями и тысячами людей, и передать ему личную благодарность, выразить личныя чувства. Такая выходка всегда бываетъ перетолкована глазѣющими свидѣтелями и принята за страсть выказаться предъ другими или выслужиться, или выпрашивать себѣ милости; а кромѣ того удачная такая попытка всегда еще возбуждаетъ зависть, какъ будто выраженіе благодарности всегда нераздѣльно съ честолюбивыми видами.

Въ 1862 году, по введеніи уставныхъ грамотъ и описей, принялись за выкупные договоры; всѣ условія были объясняемы каждому обществу, но въ народѣ оказывалась нерѣшимость, боязнь; обыкновенно крестьяне отговаривались неимѣніемъ средствъ, и что они подождутъ, чтобы видѣть, что сдѣлаютъ сосѣди. Для всѣхъ обществъ письменно и циркулярно доставилъ я сравнительный расчетъ всѣхъ трехъ родовъ повинностей: издѣльной, оброчной и выкупной. Издѣльная повинность оказалась самою дорогою и убыточною для крестьянъ, оброчная равнялась выкупной, по годовымъ взносамъ, но съ тою разницею, что оброчная не освобождала ихъ отъ обязательныхъ отношеній къ помѣщику и могла продолжаться вѣчно, между тѣмъ какъ выкупная повинность тотчасъ освобождала ихъ отъ обязательствъ частныхъ, давала имъ преимущества собственниковъ; а кто не былъ въ состояніи выплатить всю сумму, тотъ вносилъ ее въ сроки въ казначейство въ теченіе 49 лѣтъ. Поясненія эти и расчеты были имъ читаны волостнымъ писаремъ по воскресеньямъ и при каждомъ сходѣ волостномъ.

Въ іюлѣ новый губернаторъ графъ Сиверсъ объѣхалъ всѣ волости всей губерніи. Собравшимся сходамъ крестьянъ изложилъ онъ ясно все оказанное благодѣяніе освобожденіемъ ихъ отъ крѣпостной зависимости, требовалъ отъ нихъ точнаго исполненія новыхъ узаконеній и, указавъ на мирового посредника, прибавилъ: вотъ кто объяснитъ вамъ все, къ нему обращайтесь во всѣхъ вашихъ недоумѣніяхъ. Къ осени этого 1862 года пошли кривые толки, клонившіеся къ возбужденію недовѣрія и неповиновенія въ крестьянахъ. Разглашатели смутъ распространяли ложные слухи о даровой землѣ и золотыхъ грамотахъ, а люди грамотные твердили глухо: «что-то будетъ? что-то будетъ?»—Однако здравый смыслъ народа бралъ верхъ надъ искушеніями. Я далъ имъ слово, что все до нихъ касающееся, каждый указъ царскій будутъ имъ свято мною сообщаемы безотлагательно. Въ такихъ случаяхъ дружный и общій отвѣтъ ихъ: «мы вамъ вѣримъ!»—составлялъ для меня лучшую награду за всѣ труды и безпокойства. Могу засвидѣтельствовать по чистой правдѣ, что мировые посредники заслужили такую довѣренность, отдавъ себя и жизнь свою общественному дѣлу. Дѣйствія ихъ были бы еще успѣшнѣе и полезнѣе, если бы не пришлось имъ бороться съ реакціями или сопротивленіями вольными и невольными, отъ нихъ не зависѣвшими. Земская полиція завистливо смотрѣла на вліяніе посредниковъ. Губернское присутствіе, въ засѣданіи своемъ отъ 12 декабря 1862 года, совѣщалось о сліяніи должности мировыхъ посредниковъ съ должностью предстоявшаго учрежденія мировыхъ судей, смотри журналъ харьковскаго губернскаго присутствія 1862 года № 25 статью XXX:

и подало свое мнѣніе о возможности упраздненія должности мировыхъ посредниковъ, съ тѣмъ, чтобы возложить ихъ обязанности частью на участковыхъ судей, частью на земскую полицію. По этому проекту упраздненія московская газета «День» напечатала очень тонкое и дѣльное замѣчаніе. Разумѣется, проектъ былъ устраненъ, но не менѣе того уже стали говорить, что становые пристава замѣнятъ посредниковъ, отчего волостныя правленія приходили въ недоумѣніе, а недоброжелатели пѣли вѣчную память всему мировому учрежденію. Тогда же вступили въ новую должность судебные слѣдователи; дѣйствія ихъ оказались весьма полезными, потому что они ограничивали произволъ полиціи. Различныя домогательства также выказывали нѣкоторую реакцію, противодѣйствіе, но очень застѣнчивое; оно умолкло съ польскимъ возстаніемъ, которое въ сущности было большою помѣхою для развитія внутренняго устройства самоуправленія, по случаю матеріальныхъ расходовъ, кои лучше пригодились бы на образованіе народное.

Съ воцареніемъ Александра II прекратились рекрутскіе наборы въ продолженіе семи лѣтъ. Крестьянскія общества отдохнули послѣ крымской войны, не лишались полезныхъ земледѣльцевъ, какъ вдругъ польское возстаніе потребовало двухъ наборовъ въ 1863 году по 15-ти рекрутъ съ каждой тысячи крестьянъ. Наборы производимы были по новому порядку съ большими облегченіями. Очередные списки были мною провѣрены въ присутствіи полныхъ сходовъ. Мировой посредникъ присутствовалъ при окончательной пріемкѣ рекрутъ своего участка, никакихъ не было прижимокъ и подкуповъ, вводили очередныхъ въ сорочкахъ, по осмотрѣ не кричали по-прежнему—лобъ! не брили затылковъ. Матери, жены и сестры не выли, не плакали по-прежнему; срокъ службы былъ значительно уменьшенъ, обращеніе и обученіе въ полкахъ стало человѣколюбивѣе, обходилось безъ тѣлесныхъ наказаній.

Помню, какъ изъ Комаровской волости деревни Голубова Яра стоялъ на очереди Сергѣй Климентьевъ Волкъ, 23-хъ лѣтъ отъ роду, имѣвшій жену и трехъ дѣтей; за нимъ весело и бодро шелъ подставной ему родной братъ Гавріила, съ поклономъ объявилъ, что желаетъ идти въ солдаты за брата. Повѣрка списковъ и метрическое свидѣтельство показали, что ему еще нѣтъ 20-ти лѣтъ, недоставало шести недѣль до срока: стряпчій объявилъ, что нельзя его принять. Невыразима была печаль Сергѣя, неотступно просился Гавріила. Я шепнулъ военному пріемщику, что, будь тутъ министръ, онъ разрѣшилъ бы пріемъ. Посмотрите, какой молодецъ, какой здоровый и сильный, не успѣетъ дойти до депо, какъ минетъ ему 20 лѣтъ. Военный пріемщикъ, штабсъ-капитанъ А. Гр. Нимшадзевъ, рѣшилъ дѣло; законъ дозволялъ ему принять это дѣло на личную свою отвѣтственность. Молодца подвели подъ мѣрку, раздался голосъ унтеръ-офицера: — «5 вершковъ $^{7}/_{8}$». — Предсѣдатель С. М. Горпинченко продиктовалъ слово — «годенъ!» — Гавріила поблагодарилъ съ радостнымъ лицомъ, а на Сергѣя освобожденнаго нашелъ такой столбнякъ во время переговоровъ, что онъ опомниться не могъ,—его вывели на волю.

Съ наступленіемъ 1864 года минулъ трехгодичный срокъ службы первымъ мировымъ посредникамъ. По высочайшему повелѣнію были они оставлены въ должности еще на годъ; только смотря по ходу успѣшности выкупныхъ договоровъ, по устройству самоуправленія въ волостяхъ, предписано было уменьшить число участковъ, присоединить волости упраздненныхъ участковъ къ участкамъ остающихся въ должности посредниковъ. Такимъ образомъ, въ Изюмскомъ уѣздѣ упразднены были 5-ый и 6-ой

участки Н. Н. Науменко и Н. А. Щербачева. Къ моему участку причислены были двѣ волости—Дмитревская и Княже-Лиманская, что растянуло мой участокъ отъ Чепеля еще на 40 верстъ до Мечебѣлова, до границъ Екатеринославской губерніи, и кромѣ дѣлъ увеличило разъѣзды, оттого, что участокъ мой съ сѣверной и съ западной стороны окаймленъ былъ границами трехъ уѣздовъ: Купянскаго, Зміевскаго и Павлоградскаго. Начались новые очередные выборы всѣхъ сельскихъ должностныхъ лицъ на новое трехлѣтіе. Новые выборы оказались гораздо лучше первыхъ; изъ бывшихъ волостныхъ старшинъ въ восьми волостяхъ избраны были двое на слѣдующее трехлѣтіе: Степанъ Федченко и Никифоръ Ткаченко.

Въ томъ же 1864 году изданъ былъ манифестъ о *земскихъ собраніяхъ*. По этой важной мѣрѣ относительно народнаго хозяйства и внутренняго устройства созванъ былъ 5-го марта 1865 года экстренный мировой съѣздъ, на коемъ распредѣлены были мѣстности для выбора *гласныхъ* полными волостными сходами. На долю моего участка досталось распорядиться и созвать сходы въ городѣ Изюмѣ и въ селѣ Савинцахъ. 13 марта, по отслуженіи молебствія въ церкви села Савинецъ, при огромномъ стеченіи народа, избраны были гласные и составлены всѣ списки; къ вечеру сдѣлалась такая оттепель, что люди съ трудомъ могли перебираться чрезъ рѣки и ручьи. 16 марта, также съ молитвою въ храмѣ на Пескахъ въ Изюмѣ, состоялись выборы въ гласные, при стеченіи многихъ горожанъ и поселянъ. Каждое новое учрежденіе возбуждало любопытство и ожиданіе народа: надо было объяснить ему цѣль и назначеніе земскихъ собраній и управъ. Всѣ 14 статей были мною объяснены отдѣльно. Выборы были удовлетворены.

Реформа безостановочно двигалась впередъ съ лучшими приготовленіями къ дарованію еще большихъ правъ и съ надеждами, что права эти будутъ обезпечены въ будущности, вопреки всѣмъ возможнымъ случайностямъ и перемѣнамъ. Это условіе возбудило нѣкоторое сомнѣніе по случаю введенія земскихъ учрежденій и побудило московское дворянство представить извѣстный всѣмъ адресъ царю.

По числу оконченныхъ выкупныхъ сдѣлокъ Харьковская губернія занимаетъ первое мѣсто во всей Россіи. Составленіе выкупныхъ договоровъ принадлежитъ къ разряду египетскихъ работъ мировыхъ посредниковъ, потому что каждое слово, каждая цифра написана ихъ рукою. Объявленіе, приговоръ, договоръ, актъ, условіе, приложеніе копіи съ уставной грамоты,—все это за скрѣпою было отправляемо въ губернское присутствіе въ двухъ экземплярахъ; сверхъ того выдаваемы были копіи съ этихъ бумагъ помѣщику и особо крестьянскому обществу. Каждый выкупной договоръ, листахъ на двадцати, былъ доставляемъ по почтѣ въ Харьковъ, оттуда, по тщательной повѣркѣ, въ главное выкупное учрежденіе въ Петербургѣ. Изъ всѣхъ уставныхъ грамотъ и выкупныхъ договоровъ во 2-мъ участкѣ, только единый былъ составленъ и написанъ самимъ помѣщикомъ, отставнымъ ротмистромъ А. Ег. Григорьевымъ; мнѣ стоило только легкаго труда прочесть, провѣрить и подписать. У него въ Сподобовкѣ, въ скромномъ хуторѣ Нескучномъ, наслаждался я оживленною и умною бесѣдою по ходу всѣхъ преобразованій; милая супруга его Е. А., урожденная Бутовичъ, умѣла заслужить отъ крѣпостныхъ людей прозваніе «славной душевной нашей барыни». Составленіе всѣхъ уставныхъ грамотъ и выкупныхъ сдѣлокъ состоялось во 2-мъ участкѣ по добровольнымъ соглашеніямъ. Помѣщики сами предлагали земли на выкупъ, а гдѣ этого не было, тамъ крестьянскія общества неотступно сами просились на выкупъ.

Обязательныхъ выкупныхъ сдѣлокъ было у меня всего десять. Эти сдѣлки были ясамы выгодныя для крестьянъ, потому что они получили въ подарокъ всю пятую часть всей выкупной суммы. Эти выкупы совершаемы были по закону безъ согласія крестьянъ и оттого назывались обязательными. Но изъ этихъ обществъ одна часть изъявила свою благодарность, отвѣтила даже предложеніемъ небольшого возмездія, исправляя нѣкоторыя работы въ счетъ дополнительнаго, подареннаго платежа. Другая же часть крестьянъ, при обязательныхъ выкупахъ, обнаруживала явное неудовольствіе, и хотя была не бѣднѣе сосѣднихъ крестьянъ, исправно и своевременно вносившихъ платежи и помѣщику и въ казначейство, но допускала большія недоимки и явно роптала. Такъ случилось во 2-мъ участкѣ съ крестьянами села Богуславска. Никакія убѣжденія и указанія на законность такихъ сдѣлокъ по положенію о выкупѣ не могли переубѣдить ихъ, хотя между ними я зналъ много хорошихъ, разумныхъ хозяевъ и достаточныхъ. По закону назначилъ опись и продажу имущества для покрытія накопившейся недоимки. Въ слѣдующій срокъ повторилось то же самое упорное уклоненіе отъ исполненія закона, пока не были переубѣждены временнымъ отдѣленіемъ и полиціей. Съ тѣхъ поръ это общество отличается примѣрною исправностью во взносахъ всѣхъ обязательныхъ платежей. Произведенное слѣдствіе доказало, что они были введены въ заблужденіе однимъ изъ отставныхъ чиновниковъ и подстрекаемы примѣромъ крестьянъ Стараго и Новаго Мерчека, той же помѣщицы, гдѣ состоялся такой же обязательный выкупъ, и гдѣ явное ихъ сопротивленіе и неповиновеніе прекращено было лично губернаторомъ.

Относительно выкупныхъ ссудъ,—выдаваемыхъ помѣщикамъ за уступленныя земли, частью банковыми 5% билетами, частью выкупными свидѣтельствами непрерывной $5^1/_2$ % ренты,—долженъ упомянуть здѣсь, что возбуждаемы были безпокойства при паденіи биржевыхъ курсовъ; но слѣдуетъ сообразить, что хотя билеты и свидѣтельства упали на 20%, все же по оцѣнкѣ земли въ Харьковской губерніи, смотря по величинѣ надѣла, отъ 2-хъ до 4-хъ десятинъ на душу, выдано правительствомъ отъ 30-ти до $37^1/_2$ рублей за каждую десятину. Если билеты и свидѣтельства упали бы еще даже на 30%, то въ такомъ случаѣ все же приходится за десятину отъ 20-ти до 25-ти рублей, что донынѣ превышаетъ обыкновенную цѣнность при вольной продажѣ.

Владѣльцы же мелкопомѣстные получали все сполна отъ правительства, безъ вычета 5-той части выкупной суммы, слѣдовательно, смотря по величинѣ надѣла за каждую десятину отъ $37^1/_2$ рублей до 47 руб. 16 копѣекъ.

Сентября 10-го дня 1865 года состоялось первое собраніе изюмскихъ *гласныхъ* въ числѣ 70-ти членовъ. Они приступили къ выбору членовъ изюмской земской *уѣздной управы*; были выбраны: въ предсѣдатели В. Я. Курносовъ; въ члены изъ дворянъ Я. Н. Абаза и П. А. Пештичъ, изъ купцовъ М. И. Лашинъ и М. Ев. Гуськовъ. Въ тотъ же день выбрали изъ среды своей губернскихъ гласныхъ, которые съѣхались въ декабрѣ въ Харьковъ, гдѣ для *губернской земской управы* избрали въ предсѣдатели А. Ф. Бантыша, а въ члены Г. П. Данилевскаго, В. И. Бекарюкова, Н. Ф. Матушинскаго, И. И. Рерберга. По окончаніи выборовъ обѣ управы, губернская и уѣздная, начали свой новый весьма сложный, трудъ собраніемъ достовѣрныхъ свѣдѣній статистическихъ, оцѣнкою имуществъ, раскладкою денежныхъ сборовъ, уравненіемъ повинностей. Запасныхъ капиталовъ почти никакихъ не было на-лицо Между тѣмъ мировые посредники оставались въ своихъ должно-

*

стяхъ еще на шестой годъ, потому что были еще заняты выкупами, и назначено было присоединить къ ихъ участкамъ волости крестьянъ государственныхъ и бывшихъ южныхъ поселеній, что и было совершено нами въ 1866 году со введеніемъ у нихъ общихъ новыхъ узаконеній. Мѣстное устройство этихъ селеній требовало ломки нашихъ участковъ и волостей. По этимъ соображеніямъ были сданы изъ 2-го участка въ 3-ій три волости: Княже-Лиманская, Дмитревская и Чепельская—въ количествѣ 2.000 душъ и приняты волости бывшихъ государственныхъ крестьянъ—Изюмская, Цареборисовская, Савинская, Крючковская, въ числѣ 12.000 душъ. Каждый мировой участокъ состоялъ изъ 20.000 слишкомъ человѣкъ мужского пола. Изъ годовыхъ отчетовъ моихъ можно видѣть, что государственные крестьяне на четверть столѣтія опередили въ самоуправленіи крестьянъ бывшихъ крѣпостныхъ. Въ присоединенныхъ новыхъ волостяхъ пришлось ввести только новые суды волостные и уменьшить страшное сложное книговодство. 10-го числа каждаго мѣсяца бывали наши уѣздные мировые съѣзды, на коихъ набиралось дѣлъ довольно при рекрутскихъ наборахъ, при нововведеніяхъ и при заключеніи выкупныхъ договоровъ. Апелляціи на рѣшенія мировыхъ посредниковъ были чрезвычайно рѣдки, потому что каждый дѣйствовалъ по смыслу и по духу закона. Наши засѣданія, въ теченіе всѣхъ шести лѣтъ сряду бытности моей въ должности, въ коихъ я имѣлъ удовольствіе засѣдать, все обходилось разсудительно, спокойно, безъ колкостей, безъ личностей. Составъ мирового съѣзда измѣнялся нѣсколько разъ, по сроку должности предводителя дворянства, бывшаго вмѣстѣ и предсѣдателемъ мирового съѣзда.

Коснувшись всего, что относится до современной исторіи моего отечества, не могу не упомянуть о покушеніи 4 апрѣля 1866 года на жизнь Александра II, освободителя крестьянъ, преобразователя Россіи и личнаго моего и моихъ соизгнанниковъ благодѣтеля. Меня никто не укоритъ въ намѣреніи льстить, потому что я ничего не ищу и ничего не доискиваюсь для себя.

Чего бы ни говорили въ Россіи и ни писали за границей о характерѣ Александра II, но достовѣрно то, что при важныхъ государственныхъ вопросахъ онъ оказывалъ энергію съ разумною снисходительностью, а потому достигъ успѣховъ, какихъ не достигалъ прежде него никто изъ самодержцевъ въ Россіи, даже не исключая Петра Великаго.

Первымъ великимъ дѣломъ его было уничтоженіе крѣпостного права; вторымъ — судебная реформа, гласность судопроизводства, судъ присяжныхъ. Онъ сперва спокойно встрѣтилъ оппозицію дворянства, духовенства, панславянизма, старовѣровъ-раскольниковъ. Польское возстаніе въ 1863 году, въ самый разгаръ введенія въ дѣйствіе нашихъ новыхъ положеній, не могло остановить хода и развитія реформъ, но только увеличило наши денежные расходы и остановило общую производительность въ государствѣ. Все двигалось впередъ безустанно къ улучшеніямъ, съ твердою надеждою на главнаго освободителя и преобразователя, съ упованіемъ на несомнѣнный успѣхъ въ достиженіи главной цѣли,—какъ вдругъ 4 апрѣля 1866 года сдѣлано было покушеніе на жизнь царя. Провидѣніе отклонило выстрѣлъ пистолетный. Газеты и говоръ уличный считали злодѣя сперва за поляка, послѣ за нѣмца: никто вѣрить не хотѣлъ, чтобы рука русскаго спустила курокъ пистолета на благодѣтеля русскаго народа. Государь въ рескриптѣ къ

преосвященному Филарету выразился: «глубоко вѣрую, что благое провидѣніе охранитъ дни мои, доколѣ они будутъ нужны дорогой мнѣ Россіи!» Въ рескриптѣ отъ 13 мая, на имя князя Гагарина, государь, между прочимъ, коснулся «корня зла, указаннаго слѣдственною комиссіею — зародышей вредныхъ лжеученій — посягательствъ на религіозныя вѣрованія, на основы семейной жизни, на права собственности, на покорность закону, на уваженіе къ установленнымъ властямъ». Богъ единъ судья надъ всѣми подобными слѣдственными комиссіями. Предсѣдатель комиссіи графъ М. Н. Муравьевъ скончался безъ болѣзни 29 августа 1866 года. Чрезъ четыре дня послѣ этого, 3-го сентября, казненъ былъ Каракозовъ, а 24 сентября объявленъ приговоръ суда тридцати четыремъ лицамъ, обвинявшимся въ государственныхъ преступленіяхъ. Изслѣдованія Муравьева показали, что Каракозовъ былъ исполнительною рукою общества, состоявшаго изъ молодыхъ людей, большею частью несовершеннолѣтнихъ юношей 17-ти лѣтъ [1]). Покушеніе 4 апрѣля становится однимъ изъ самыхъ примѣчательныхъ и загадочныхъ событій въ исторіи Россіи, потому что русскій покусился на жизнь такого царя, который,—принявъ изъ рукъ отца бразды правленія въ государствѣ, разстроенномъ до крайности, напропалую, внѣшними и внутренними дѣлами, — не переставалъ благодѣтельствовать народу и каждогодно дарить отечество такими гражданскими учрежденіями, какія доставались западной Европѣ только послѣ вѣковыхъ трудовъ и упорной, кровопролитнѣйшей борьбы. Такая несообразность обстоятельствъ заставляетъ думать, что преступникъ былъ орудіемъ партіи, введенной въ заблужденіе лицами, которыя, подъ маскою *революціонеровъ*, скрывали *реакціонеровъ*, т. е. которыя, подъ видомъ двигателей къ народной свободѣ, желали вернуться къ прежнимъ злоупотребленіямъ, къ прежнему произволу и самовластію надъ народомъ. Я указалъ выше, какимъ образомъ и какими средствами останавливали Александра I и Николая I отъ исполненія задуманныхъ ими полезныхъ реформъ. Время покажетъ, могло ли злодѣйское покушеніе 4 апрѣля измѣнить рѣшимость государя, могло ли оно остановить его на пути реформъ.

Изслѣдованіе Муравьева пугнуло нигилизмомъ, оно объявило, что нигилисты занялись народнымъ образованіемъ; изъ этого вывели заключеніе, что преступленіе 4-го апрѣля слѣдуетъ приписать просвѣщенію, и что должно измѣнить законы о печати, устроить тайный надзоръ и учредить особую опеку надъ умственною жизнью народа. Но нигилизмъ уже въ 1866 году рухнулся самъ собою, получивъ ударъ отъ И. С. Тургенева посредствомъ его Базарова. Нигилизмъ не могъ устоять противъ здравой философіи, какъ и соціализмъ и коммунизмъ не могутъ устоять противъ науки политической экономіи. Коренныя правила, извлеченныя изъ опытовъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, твердятъ намъ, что недуги въ народной жизни происходятъ отъ недостатка образованія. Гдѣ народное образованіе недостаточно, тамъ терпятъ и земледѣліе и промышленность. Гдѣ умственная и нравственная жизнь народа въ пренебреженіи, тамъ въ упадкѣ и матеріальное благосостояніе народа. А потому реакція, тайная опека не могутъ вести къ добру. Должно остановить, наказать нарушителя порядка. Учрежденія, не трогать, не закрывать этого полезнаго учрежденія [2]). Взыщите съ представителя народа, но не наказывайте за него весь народъ; взыщите съ редактора

[1]) Смотри „Петербургскія Акад. Вѣд.“, 3-го и 4-го августа 1866 года, №№ 173 и 174; и 25-го сентября 1866 года № 215.

[2]) Смотри „Петербургскія Акад. Вѣд.“, 18-го января 1867 г., № 17.

газеты за злоупотребленіе слова, но не отнимайте свободу высказаться. Дайте народу практически научиться самоуправленію, и дайте ему средства къ нравственному образованію, тогда навѣрно избавите отечество отъ опасности, а народъ отъ умственной смерти, и не будетъ никакого повода къ революціямъ.

Обширность и сложность круга дѣйствій всѣхъ членовъ мировыхъ учрежденій выставлены на видъ въ положеніи о губернскихъ и уѣздныхъ мировыхъ учрежденіяхъ и въ положеніи о введеніи въ дѣйствіе новыхъ узаконеній. Несмотря на громадность работъ, вдругъ повсемѣстно оказалась неутомимая дѣятельность, полное самоотверженіе, увлекательная прилипчивая восторженность къ новому дѣлу,—ссылаюсь на всѣ губернскія присутствія и на всѣхъ мировыхъ посредниковъ, и утверждаю, что въ первые два года дѣло двигалось успѣшно и быстро отъ общаго содѣйствія, отъ согласнаго стремленія къ одной цѣли всѣхъ различныхъ правительственныхъ властей и всѣхъ частныхъ лицъ. Совсѣмъ не то было только въ тѣхъ уѣздахъ, въ коихъ полиція дѣйствовала по старымъ порядкамъ, въ коихъ часть помѣщиковъ искала защиты также по старымъ порядкамъ, въ коихъ полиція, помня и зная только относящіяся до нея статьи свода законовъ изданія 1857 года, не знала статей новыхъ положеній, высочайшихъ повелѣній, циркуляровъ дѣятельнаго и полезнаго министра Валуева, изданныхъ по крестьянскому дѣлу послѣ 19 февраля 1861 года. Когда помѣщики обращались къ полиціи съ жалобами на потраву, то полицейское управленіе писало на этой же бумагѣ по старинной привычкѣ:—«постановлено: объявленіе это поручить становому приставу». Становой въ разъѣздахъ, наконецъ возвратившись въ становую квартиру, пересылаетъ эту бумагу мировому посреднику чрезъ три или четыре недѣли, когда уже нѣтъ никакой возможности провѣрить и оцѣнить потраву чрезъ ближайшее сельское начальство. Не легче ли и короче было бы полицейскому управленію просто не принимать жалобъ, не подлежащихъ рѣшенію полиціи? Такъ случалось, какъ видимъ изъ донесеній мировыхъ учрежденій, не по одной только части потравы, но и по другимъ дѣламъ, нисколько не подлежащимъ разбору полиціи; напримѣръ, во всемъ относящемся до волостныхъ правленій, до волостныхъ начальниковъ и въ особенности волостныхъ писарей. Становые пристава, по старой привычкѣ, обходились съ волостными начальниками какъ дантисты, такъ что, по представленію мировыхъ посредниковъ, воспослѣдовало высочайшее повелѣніе отъ 5-го апрѣля 1865 года, по коему, до введенія мировыхъ судей, виновный въ оскорбленіи должностныхъ лицъ волостного и сельскаго управленій подвергался заключенію въ тюрьмѣ отъ трехъ мѣсяцевъ до года, а за оскорбленіе словами—аресту отъ семи дней до трехъ мѣсяцевъ. Гдѣ мировой посредникъ настаивалъ на точное и немедленное исполненіе закона, тамъ называли его дерзкимъ и требовательнымъ строже губернаторовъ, или краснымъ, или дѣйствующимъ только въ пользу крестьянъ. Гдѣ мировой посредникъ снисходилъ къ исполнительной власти или дѣйствовалъ съ нею по преданіямъ старины, тамъ и дѣла поневолѣ шли старымъ порядкомъ, и называли его крѣпостникомъ или угодникомъ помѣщика. Вотъ одна изъ причинъ, останавливавшихъ иногда правильный ходъ новаго дѣла. Польское возстаніе 1863 года, пробудившее духъ народа, доказавшее снова любовь и преданность его царю и отечеству, отнимало время отъ успѣшнаго ровнаго движенія крестьянскаго дѣла по рекрутскимъ наборамъ и денежнымъ сборамъ; добавочные оклады отнимали копейку отъ основанія народныхъ сельскихъ школъ. Земскія управы составляли свои раскладки и необходи-

мые сборы, и если эмпирики утверждали, что налоги содѣлываютъ народъ трудолюбивѣе, промышленнѣе и умѣреннѣе или трезвѣе, то они забывали, что этотъ народъ долго находился въ крѣпостномъ состояніи, былъ бѣденъ и не умѣлъ и не успѣлъ запастись; слѣдовательно, надобно было дать ему больше времени и средствъ, чтобы поправиться. Я не пишу похвальнаго слова мировымъ учрежденіямъ,—каждый безпристрастный наблюдатель оцѣнитъ ихъ дѣятельность,—но не могу упустить случая, чтобы не возразить на замѣчанія печати и на тѣ сужденія, кои я слышалъ въ 1865 и 1867 годахъ проѣздомъ за границу и обратно по двѣнадцати губерніямъ Россіи, отъ Харькова до Вержболова, будто бы мировые посредники охладѣли, устали, не такъ уже дѣйствуютъ ретиво и рѣшительно, какъ прежде. Но надо помнить, что въ теченіе шести лѣтъ издано по крестьянскому дѣлу новыхъ повелѣній до 700, въ томъ числѣ разрѣшено главнымъ комитетомъ до 300, а остальныя, кромѣ циркуляровъ—министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Какъ сначала все хорошее приписывали стараніямъ мирового посредника, такъ послѣ взваливали на него всѣ упущенія и невзгоды по общественному устройству. Въ вагонѣ на желѣзной дорогѣ важный ревизоръ губерніи разсказывалъ, что мировые посредники тамъ отводили крестьянамъ земли безъ водопоя, и теперь въ большихъ хлопотахъ по разверстанію земель. Водопой составляетъ главное, особое условіе уставной грамоты; губернское присутствіе не утвердило бы грамоты, въ коей не былъ бы означенъ водопой; а что касается до разверстанія полей и угодій, то это зависѣло только отъ владѣльца и крестьянъ по взаимному соглашенію, а мировой посредникъ въ этомъ случаѣ только совѣтчикъ и исполнитель по утвержденію акта. Вообще, я долженъ замѣтить, что 65-ая статья мѣстнаго положенія для губерній великорусскихъ о разсрочкѣ разверстаній земель затрудняла во многихъ мѣстностяхъ окончательный надѣлъ землею и прекращеніе обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщику, потому что, при малѣйшемъ спорѣ, оставляли надѣлъ прежній и надѣялись уладить разверстаніе въ теченіе шести лѣтъ. Но въ подобныхъ случаяхъ совершенно отстраняли выкупъ; могли ли крестьяне согласиться на выкупъ земель и угодій, когда они не знали навѣрно, какія земли имъ отведены будутъ? Въ этой продолжительной разсрочкѣ разверстанія вижу одну изъ главныхъ причинъ, почему въ нѣсколькихъ губерніяхъ выкупныя сдѣлки затянулись, и численностью отстали отъ другихъ губерній, въ коихъ уставныя грамоты были ясны, точны и окончательны во всѣхъ условіяхъ. Надо и то еще сказать, что одинъ отдѣльный случай въ уѣздѣ не можетъ быть выставленъ какъ общее упущеніе во всѣхъ уѣздахъ цѣлой губерніи, какъ и ошибка одного посредника не можетъ быть приписана всѣмъ посредникамъ. Вновь поступившіе мировые посредники не хуже прежнихъ, первоначальныхъ, но тормазы для нихъ другіе, требованія другія; изъ нихъ сдѣлали теперь сборщиковъ податей, къ нимъ обращаются не съ прежнею должною внимательностью, они перестаютъ быть вводителями и блюстителями новаго порядка, они не одни распоряжаются въ волостныхъ правленіяхъ,—однимъ словомъ, близокъ часъ упраздненія ихъ должности; они свое дѣло сдѣлали, мировые судьи могутъ ихъ замѣнить.

Въ 1867 году, не бывъ въ состояніи выдерживать переѣзды такъ часто, какъ предпринималъ ихъ по ревизіи волостей въ теченіе шести лѣтъ, окончивъ введеніе въ дѣйствіе новыхъ узаконеній и съ часу на часъ ожидая открытія новыхъ мировыхъ судовъ, просилъ я увольненія отъ должности чрезъ новаго нашего губернатора,

П. П. Дурнова. Мѣсто мое осталось незамѣненнымъ, потому что товарищи-сотрудники мои согласились составить три участка изъ четырехъ; такимъ образомъ, упраздненіе моего участка доставило сбереженіе земскихъ расходовъ, а всякое сбереженіе очень важно въ такое время, когда слѣдуетъ дорожить каждою копейкою мірскою.

Изложивъ крестьянскую реформу въ главныхъ ея основаніяхъ, я долженъ еще указать, что, при введеніи новаго порядка, не было никакихъ со стороны правительства пристрастныхъ видовъ въ пользу того или другого сословія; это доказывается дополнительными постановленіями, изданными послѣ 19 февраля 1861 года, въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ, въ пользу помѣщиковъ 149, въ пользу крестьянъ 121; если численный перевѣсъ на сторонѣ помѣщиковъ, то справедливость требовала озаботиться о томъ, чтобы пожертвованія ихъ не превышали мѣру, указанную закономъ. Притомъ постановленія въ пользу одного сословія не клонились къ ущербу другого. Если одной сторонѣ давались льготы, то не на счетъ другой стороны, а на счетъ правительства: помѣщикамъ оказаны воспособленія по прежнимъ займамъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ, недоимкамъ и казеннымъ взысканіямъ, выданы денежныя пособія мелкопомѣстнымъ владѣльцамъ. Крестьянамъ зато даны пособія по случаю пожаровъ, сложены рекрутскія долговыя доли, облегчены формальности въ паспортной и рекрутской повинностяхъ. Всѣхъ постановленій, заключающихъ въ себѣ таковыя льготы и пособія какъ помѣщикамъ, такъ равно и крестьянамъ, 161; въ томъ числѣ высочайшихъ повелѣній 109, министерскихъ распоряженій 40, а циркуляровъ 12. Вообще, съ изданія положеній крестьянамъ не дано лишнихъ льготъ на счетъ помѣщиковъ и не отобрано у крестьянъ ни одного изъ правъ, имъ дарованныхъ новыми положеніями[1]).

Не знаю примѣра въ исторіи другихъ государствъ, гдѣ можно было бы исчислить столько важныхъ и великихъ преобразованій въ такое краткое время, вызванныхъ и совершившихся, какъ въ Россіи.

1861	года	февраля 19	— освобожденіе крестьянъ.
1862	»	сентября 29	— назначеніе судебныхъ слѣдователей.
1863	»	января 1	— отмѣна откупной системы.
»	»	» 14	— передача цензуры въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ.
»	»	апрѣля 17	— измѣненіе системы наказаній.
1864	»	января 1	— о земскихъ учрежденіяхъ.
»	»	февраля 19	— устройство крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ.
»	»	іюля 14	— о народныхъ училищахъ.
»	»	ноября 20	— новые судебные уставы.
1865	»	апрѣля 6	новыя узаконенія по дѣламъ печати.
»	»	сентября 1	новыя узаконенія по дѣламъ печати.
1866	»	мая 17	— открытіе новыхъ судовъ петербургской и московской палаты.
1867	»	ноября	— открытіе харьковской судебной палаты.

Объемъ моей книги не позволяетъ мнѣ распространяться или даже указывать на важныя преобразованія и сбереженія во всѣхъ министерствахъ. Сбереженіе было бы гораздо значительнѣе, если бы не было польскаго возстанія, замѣны ста-

[1]) Смотри офиціальные отчеты министра внутреннихъ дѣлъ Валуева.

рыхъ пушекъ и ружей новыми, новаго изобрѣтенія, и увеличенія постоянныхъ армій во всѣхъ государствахъ, вопреки предостереженіямъ Ричарда Кобдена, доказавшаго, что эти милліонныя арміи поведутъ непремѣнно къ банкротству государственному. Всѣхъ труднѣе, сложнѣе и важнѣе были дѣла и обязанности министерства внутреннихъ дѣлъ по освобожденію крестьянъ; началъ министръ Ланской, дожившій до изданія манифеста 19-го февраля 1861 года и скончавшійся въ январѣ 1862 г. Огромнѣйшій трудъ при введеніи новыхъ узаконеній принадлежитъ безспорно Валуеву.

Одна реформа гналась за другою, и нельзя было иначе, потому что освобожденіе крестьянъ требовало безотлагательно судебной реформы, иначе, при прежнемъ судоустройствѣ, могло все идти на старый ладъ. Реформа по земству чрезвычайно важна, никто не усомнится въ великомъ назначеніи ея, но народомъ, обществомъ и печатью она была встрѣчена не только безъ восторженности, но даже равнодушно: или ожидали чего нибудь большаго, или не сознавали, что она должна служить пробою или приготовленіемъ къ самодѣятельности общества. Земство должно вести къ сближенію и къ сліянію всѣхъ сословій; но мы видимъ, что до сегодня дворянскіе гласные только ораторствуютъ, городскіе гласные почти отреклись отъ земскаго дѣла, крестьянскіе гласные безъ голоса, не говорятъ, но кажется, что поняли свое дѣло. Въ послѣднюю поѣздку мою на сѣверъ и на западъ Россіи имѣлъ я случай убѣдиться, что въ земствѣ какое-то охлажденіе, какъ будто въ два года гласные и члены управъ могли надорваться или утомиться. Правда, что управы имѣли огромный трудъ привести въ извѣстность общественные капиталы приказовъ общественнаго призрѣнія, народнаго продовольствія, благотворительныхъ заведеній, больницъ и проч. Онѣ нашли въ сундукахъ отчеты безъ денегъ, наводили справки, критиковали былое время, но всѣ давно уже знали, каково было это время. И вмѣсто того, чтобы вести земское дѣло по существующимъ новымъ средствамъ, теряли время въ спорахъ съ губернскими властями. Управы губернскія и уѣздныя какъ будто не довольно ясно поняли свои взаимныя дѣйствія; первыя начальствуютъ, послѣднія только исполняютъ предписанія и въ такой зависимости, что хоть провались потолокъ больницы, свались перила моста, прорвись гребля, перерѣжь промоина дорогу,—она не приступитъ къ исправленію, не получивъ разрѣшенія отъ губернской управы, такъ что обѣ вмѣстѣ могутъ составить самое плохое губернское правленіе. Однако, надобно вспомнить, что, при введеніи земскихъ учрежденій, управамъ поручены были важныя преобразованія по народному хозяйству, по народному образованію, по развитію торговли, по народному продовольствію, по взиманію сборовъ государственныхъ и земскихъ для губерніи и для уѣзда; но не могли имъ дать готовыхъ положеній или инструкцій для дѣйствія ихъ, какія были даны для освобожденія крестьянъ и для новаго судоустройства. Но дѣло сдѣлано, время выиграно; пусть общество научается вести дѣла по земству; эта школа также необходимо нужна, какъ школа приходская, народная. Земскія собранія гласныхъ съ выборными управами должны показать намъ—подвигаемся ли мы впередъ? лучше ли все или хуже? Они скажутъ: подождите, на все это нужно время; и если управа въ однѣхъ губерніяхъ ошибется, то управа въ другихъ губерніяхъ можетъ все поправить.

Въ 1866 году открыты были новые суды мировые и общіе въ петербург-

скомъ и московскомъ судебныхъ округахъ. Эта реформа совершенно своевременна; она даетъ намъ судъ скорый, правый и милостивый, потому и была встрѣчена съ особеннымъ сочувствіемъ и уже успѣла доказать свое полезное вліяніе на нравственность народа. Отъ судей участковыхъ мировыхъ зависитъ упрочить народное довѣріе.

8-го декабря 1867 года присутствовалъ я при открытіи изюмскаго окружного суда и при присягѣ мировыхъ судей участковыхъ и почетныхъ. Въ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» подробно описано торжество и празднество и произнесенныя рѣчи. Нѣтъ сомнѣнія, что гласность судопроизводства остается донынѣ главною основою для всего новаго созданія, какъ земскія учрежденія остаются школою практической общественной дѣятельности. Съ открытіемъ новыхъ судилищъ исчезла прежняя юридическая практика и множество старинныхъ злоупотребленій. Есть люди, которые опасаются, что въ новые суды заберутся судьи со старыми порядками и внесутъ туда свои привычки и замашки; но эти господа, толкующіе все въ худую сторону, забываютъ, что при гласности судопроизводства, при рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ присяжными, при устности обвиненія и при устности защиты, каждый изъ насъ имѣетъ случай надзора за ходомъ правосудія. Народъ самъ избираетъ большую часть своихъ судей и поэтому становится главнымъ судьею. Судьи не могутъ отдѣлиться отъ народа или чуждаться его въ видѣ враждебнаго чиновничества. Народъ признаетъ всю благодать скораго и праваго суда. Изъ всѣхъ великихъ преобразованій, состоявшихся съ 19 февраля 1861 года, считаю реформу судебную однимъ изъ важнѣйшихъ, потому что освобожденіе крестьянъ относится къ третьей части народа и требуетъ полстолѣтія времени, чтобы закончить выкупъ земельной собственности. Учрежденія земскія хотя относятся до всѣхъ сословій, до всѣхъ жителей государства, но управы еще не успѣли ознакомиться со всѣми средствами, источниками и нуждами каждаго уѣзда отдѣльно и всей губерніи совокупно съ цѣлымъ государствомъ. Между тѣмъ, новая судебная реформа приступаетъ къ своимъ дѣйствіямъ равно для всѣхъ сословій; она не ограничивается ни временемъ, ни мѣстностью, имѣетъ свои непоколебимыя начала. Желаю изюмскому и каждому окружному суду, чтобы каждый истецъ, защищающій свою честь или неприкосновенность своей собственности,—по преданію о потсдамскомъ мельникѣ или изъ Санъ-Суси, котораго хотѣли понудить къ продажѣ своей мельницы для округленія королевскаго парка,— могъ бы сказать, по примѣру этого мельника: «Развѣ у насъ въ городѣ или въ деревнѣ нѣтъ судей? Они защитятъ меня!».

19 марта 1868 г. имѣлъ я счастье и наслажденіе присутствовать въ первомъ засѣданіи изюмскаго окружного суда съ присяжными засѣдателями, по уголовному дѣлу, по воровству со взломомъ. Размѣщеніе и убранство залы засѣданія во всемъ соотвѣтствовало важности своего назначенія; публика слушала со вниманіемъ, помощникъ прокурора говорилъ превосходно, объясняя обвинительные пункты. Въ числѣ избранныхъ по жребію двѣнадцати присяжныхъ были 4 изъ дворянъ, 2 изъ купцовъ, 6 изъ крестьянъ; я былъ ими выбранъ въ старшины и, по совѣщаніи въ отдѣльной комнатѣ, представилъ рѣшеніе присяжныхъ предсѣдателю суда, Н. Н. Кишенскому, для произнесенія приговора суда. Въ тотъ день засѣдали члены суда: И. Н. Науменко и Ольденборгеръ, прокуроръ Браилка и помощникъ его Лущинскій.

Всѣ выше названныя мною полезныя и великія преобразованія, всѣ новыя уза-

коненія, всѣ дарованныя права не поведутъ ко благу государства, если народу не дано будетъ образованіе, ведущее къ истинной религіи, къ нравственности, безъ которой невозможно ожидать отъ народа ничего истинно хорошаго, прочнаго и славнаго. Уже семнадцать столѣтій тому назадъ писалъ славнѣйшій римскій историкъ: «хорошіе нравы лучше и дороже хорошихъ законовъ!». Мы убѣждаемся въ истинѣ, что хорошіе нравы поведутъ къ хорошимъ законамъ и что лучшіе законы мертвы при худыхъ нравахъ, когда разсматриваемъ жизнь и состояніе народовъ, преуспѣвающихъ въ своемъ образованіи нравственномъ, а потому главною обязанностью правительствъ становится воспитаніе низшихъ классовъ народа, чему должны содѣйствовать всѣ благомыслящіе граждане. Истинная любовь къ народу состоитъ не въ томъ, чтобы мутить и соблазнять его безначаліемъ, развивать въ немъ потребности, коихъ невозможно удовлетворить, возбуждать въ немъ любимыя его склонности и страсти, — нѣтъ!—любя народъ, дайте ему нравственное воспитаніе, безъ коего лучшія права, величайшая свобода останутся мечтою призрачною. Съ этимъ твердымъ убѣжденіемъ обращаюсь къ духовнымъ наставникамъ, къ народнымъ учителямъ изъ мірянъ, ко всѣмъ учебнымъ заведеніямъ, на которыхъ преимущественно возложенъ полезнѣйшій трудъ— народное образованіе: научайте не однимъ только словомъ, но и примѣромъ, и посвящайте силы ваши на служеніе меньшимъ и бѣднѣйшимъ изъ братій, какъ повелѣлъ намъ божественный Наставникъ и Господь.

Современники воздадутъ вамъ за славный трудъ вашъ, какъ теперь цѣлыя націи признаютъ по справедливости, что слава побѣдъ принадлежитъ не всегда солдатамъ исключительно, не полководцамъ, не нарѣзнымъ орудіямъ или игольчатымъ ружьямъ, но преимущественно народнымъ учителямъ и наставникамъ, образовавшимъ этихъ солдатъ и военачальниковъ-патріотовъ.

Глава двадцать четвертая.

Примѣчанія бывшаго мирового посредника относительно новыхъ порядковъ.

Сужденія и толки въ печати и въ народѣ. — О мировыхъ посредникахъ. — О народныхъ и приходскихъ училищахъ. — О прекращеніи вотчинной полиціи. — О разсрочкѣ выкупныхъ платежей. — О запасныхъ мірскихъ хлѣбныхъ магазинахъ. — О рекрутскихъ наборахъ. — О домогательствахъ уѣздныхъ полицейскихъ управленій. — Быстрое возвышеніе цѣнности земли. — Различіе мнѣній о состоявшихся реформахъ.

Сужденія и толки при началѣ введенія въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ и выкупныхъ сдѣлокъ.

Въ ближайшей волости отъ города, изъ 11 крестьянскихъ обществъ крупнопомѣстныхъ имѣній, согласились 8 перейти на выкупъ. Замѣчательно, что въ одномъ изъ этихъ имѣній, зачисленныхъ въ разрядъ поступающихъ на выкупъ, помѣщикъ въ письменномъ условіи назначилъ срокъ: «когда онъ продастъ лѣсъ, смежный съ надѣломъ земельнымъ». Крестьяне на эту неопредѣленность срока изъявили свое нетерпѣніе и неудовольствіе до такой степени, что помѣщикъ на другой же день просилъ содѣйствія мирового посредника для приведенія ихъ въ должное повиновеніе. Съ такимъ начинаніемъ можно было надѣяться на самое успѣшное продолженіе дѣла, какъ для помѣщиковъ, такъ и для крестьянъ, но вышло совершенно противное. Послѣ Покрова дня замѣтны были на мірскихъ сходкахъ нерѣшимость, недовѣрчивость, боязнь безъ всякихъ основательныхъ причинъ. Уполномоченные отъ крестьянскихъ обществъ говорили откровеннѣе, что находятъ причины несоглашеній въ круговой порукѣ, въ продолжительномъ срокѣ выкупа и вообще въ глупости и упрямствѣ большинства.

30 ноября мною разослана была повѣстка по всѣмъ волостямъ съ поясненіемъ всѣхъ законныхъ условій барщины, оброка, выкупа; въ приложенной таблицѣ наглядно были объяснены всѣ выводы и выгоды всѣхъ трехъ родовъ повинностей. Сельскія начальства доносили, что повѣстка читается въ волостныхъ правленіяхъ при сходкахъ, что народъ понимаетъ и соглашается. Но на лицахъ крестьянъ было написано совсѣмъ другое: въ три мѣсяца они одумались и остались на издѣльной повинности.

То же самое затрудненіе отозвалось повсемѣстно отъ Невы и Волги до Урала,

отъ моря Бѣлаго до Чернаго, какъ видно было изъ донесеній мировыхъ учрежденій и изъ газетъ и журналовъ. Съ одной стороны, винятъ въ замедленіи дѣла однихъ только помѣщиковъ и, въ память римскаго полководца Фабія Медлителя, прозвали такихъ помѣщиковъ—кунктаторами. Другая часть гласности обвиняла этихъ кунктаторовъ въ утайкѣ надежды, что замедленіемъ можетъ опрокинуться все начатое дѣло и стать все по-старому. Такого рода обвиненіе не стоитъ опроверженія; лучше полагать, что дѣйствительная причина замедленія заключалась въ напрасныхъ ожиданіяхъ помѣщиковъ на добровольныя соглашенія съ крестьянами. Еще третья часть печатной гласности утверждала, что замедленіе въ составленіи уставныхъ грамотъ и невозможность въ соглашеніяхъ падаетъ исключительно на однихъ крестьянъ, которые, относительно надѣла земли и оброка и выкупа, основываются на своемъ правѣ историческомъ, періодическомъ и бытовомъ.

Право, странно, когда видишь, какъ люди истинно образованные, благонамѣренные, заносятся такъ далеко и такъ высоко, что съ высоты надоблачной невольно все земное покрыто для нихъ туманомъ. Масса народа, или, правильнѣе сказать, масса земледѣльцевъ-крестьянъ, съ которыми мировой посредникъ имѣетъ дѣло каждый день, ничего рѣшительно не знала о правѣ историческомъ, періодическомъ, бытовомъ. Масса крестьянъ еще худо и слабо понимала, что такое «уставная грамота», что такое «общее положеніе», что такое «мѣстное положеніе». Масса крестьянъ не знала другого звона колокола, кромѣ колокола своей приходской церкви. Масса народа не знала другой будущности, кромѣ субботняго наряда на работы будущей недѣли. Масса крестьянъ ни въ какія отвлеченности не пускается, но зато она до совершенства понимаетъ и разбираетъ хозяйственные распорядки или вопросъ экономическій. Тутъ представлялась первая причина замедленія и затрудненія въ добровольныхъ соглашеніяхъ.

Уполномоченные отъ крестьянскихъ обществъ высказывали, что при надѣлѣ землею, даже высшаго размѣра, по 4 десятины на душу, не вездѣ хватитъ пастбища на лѣто, корму на зиму; что при существующемъ надѣлѣ этотъ недостатокъ будетъ еще ощутительнѣе, а въ большей части уставныхъ грамотъ назначается существующій надѣлъ. Всѣ помѣщики хорошо знаютъ, какъ трудно опредѣлить въ точности существующій надѣлъ. Можно математически вѣрно исчислить до квадратнаго вершка, сколько было у крестьянъ земли подъ озимою, подъ яровымъ хлѣбомъ, подъ паромъ, сколько сверхъ того, подъ гречкою, подъ просомъ и проч., но никто опредѣлить не можетъ, какимъ количествомъ десятинъ пользовались крестьяне, когда весною пускали свой скотъ по господскимъ лугамъ до Юрьева дня, и по господскому пару или толокѣ, а осенью по господскимъ отавамъ и жнивамъ! Сверхъ того, они говорили еще, что, кромѣ податей, съ нихъ требуютъ на жалованье старшинѣ, писарю и оспопрививателю и на мірскія и земскія раскладки. Вторая причина замедленія и несоглашенія со стороны крестьянъ на добровольныя сдѣлки заключалась въ новизнѣ преобразованія. Просвѣщенный человѣкъ какъ и неучъ равно жмутся при всякомъ устроеніи новаго порядка. Мудрено ли, что наши временно обязанные крестьяне задумывались или, не думая ни о чемъ, выжидали и выслушивали думы своихъ голосистыхъ, полуграмотныхъ ключниковъ, писцовъ, лакеевъ, мельниковъ и цѣловальниковъ? Причину эту можно еще лучше выяснить чистосердечно, если скажемъ, что по всей русской землѣ часть дворянства и часть крестьянства еще не успѣли отстать отъ стараго порядка и пристать къ новому порядку. Третья причина кроется въ таин-

ственномъ распространеніи ложныхъ толкованій и ложныхъ слуховъ, то о новой волѣ, то о сбавкѣ оброка, то о даровой землѣ,—что помѣщики подарятъ пятую часть выкупной суммы, а царь подаритъ остальную, такъ и будетъ даровая, и т. д.

Закрыть уста всѣмъ пустомелямъ? Это невозможно; одного выдадутъ, накажутъ, а завтра вмѣсто одного явятся двое и десятеро хуже. Передать народу убѣжденіе правильное? На это понадобится много времени, жизнь поколѣнія и больше! Мы видѣли, какъ губернаторы, разъѣзжая по своимъ губерніямъ, какъ мировой посредникъ, разъѣзжая по своимъ участкамъ, для утвержденія истины словъ своихъ, клялись и крестились въ томъ, что не будетъ другой новой воли; а крестьянинъ слушалъ, кланялся въ поясъ и... не вѣрилъ. Чтобы при такомъ настроеніи духа подвинуться впередъ, поставить твердое начало для времени переходнаго, успокоить нетерпѣніе, умѣрить ожиданія—было только единое средство: неукоснительное выполненіе закона со стороны вотчинника и со стороны крестьянина. Дворянство уважаетъ законъ, читаетъ его, понимаетъ его; крестьянство уважаетъ законъ безсознательно, повинуется ему безъ пониманія закона: вотъ откуда проистекаютъ противорѣчія. Крестьяне понимаютъ статьи закона, дающія имъ преимущества и льготы; но знать не хотятъ о преимуществахъ, предоставленныхъ тѣмъ же закономъ вотчинникамъ. Всѣ мировыя учрежденія, отъ главнаго комитета и министра до губернскихъ присутствій и уѣздныхъ съѣздовъ и посредниковъ, всѣ черпаютъ изъ одного и того же источника—изъ новыхъ положеній о крестьянахъ; но иной черпаетъ ведромъ, иной кружкою, иной всплескиваетъ черпая, и если смыслъ статьи при этомъ не замутится, то можетъ легко подвергаться перетолкованіямъ. Мы читали, какъ мировой посредникъ столичный переписывался съ мировымъ посредникомъ земскимъ объ увольненіи молодого крестьянина изъ общества крестьянскаго, чтобы вступить по способностямъ своимъ въ архитектурное отдѣленіе академіи художествъ; какъ общество запрашивало за это 3.000 рублей, потомъ 2.000 рублей и кончилось тѣмъ, что во время переписокъ прошелъ срокъ пріемнаго экзамена, и молодой крестьянинъ потерялъ годъ, а можетъ статься и все свое назначеніе. Между тѣмъ, это не могло бы случиться, если бы одинъ изъ этихъ мировыхъ посредниковъ или одинъ членъ изъ крестьянскаго общества знали бы 140 статью мѣстнаго положенія.

По новизнѣ преобразованій мы должны быть снисходительны къ новымъ волостнымъ правленіямъ и волостнымъ судамъ. Въ безграмотныхъ судьяхъ нечего искать законовѣдовъ и правовѣдовъ; но вы найдете въ нихъ сокровище здраваго ума, изъ числа рѣшеній ихъ вы найдете много превосходныхъ и очень немного безтолковыхъ.

Почти во всѣхъ крестьянскихъ обществахъ, въ коихъ мірской сходъ не могъ рѣшиться въ выборѣ поземельной повинности, твердили всѣ одно и то же: «какъ всѣ другія рѣшатъ, такъ и мы!» или еще неопредѣленнѣе: «будемъ ждать жданнаго часу!» — такъ что царь, проѣздомъ по Полтавской губерніи въ 1862 году, сказалъ собраннымъ старшинамъ: «До меня доходятъ слухи, что вы ожидаете другой воли; никакой другой воли не будетъ, какъ та, которую я вамъ далъ!»

Къ пояснительной повѣсткѣ приложена была таблица съ поясненіемъ.

Сравнительная таблица трехъ родовъ поземельной повинности.

БАРЩИНА.	ОБРОКЪ.	ВЫКУПЪ.
По надѣлу земли въ 4 десятины каждый надѣлъ отрабатываетъ въ теченіе цѣлаго года: мужскихъ дней . . . . . 40 женскихъ » . . . . . 30 Примѣрно оцѣнить круглымъ числомъ мужской день въ 30 к., а женскій день въ 15 к., то въ годъ за каждый надѣлъ мужскіе дни обойдутся въ 12 р., а женскіе въ 4 руб. 50 к.; итого ежегодно по 16 р. 50 к., а въ 49 лѣтъ эта барщина станетъ каждому надѣлу не меньше 808 р. 50 к.	По надѣлу въ 4 дес. каждый надѣлъ платитъ въ годъ оброку 9 р., что составитъ въ теченіе 49 лѣтъ, всего 441 р.	По надѣлу въ 4 дес. каждый надѣлъ платитъ въ годъ за выкупъ 7 р. 20 к. въ казну, что составитъ въ 49 лѣтъ 352 р. 80 к. Сверхъ того, дополнительный платежъ помѣщику единовременно 30 р., съ коихъ 6% составитъ 1 р. 80 к. въ годъ, что, съ приложеніемъ 7 р. 20 к. выкупа въ казну, составитъ также 9 р. въ годъ; а въ теченіе 49 лѣтъ составитъ, какъ и оброкъ, 441 р.

Сравните числа и увидите, что выгоднѣе. Выкупъ и оброкъ обходится въ годъ одинаково, но главное дѣло въ томъ, что при выкупѣ вся земля крестьянскаго надѣла чрезъ 49 лѣтъ будетъ собственностью крестьянскою, а при оброкѣ по прошествіи 49 лѣтъ изъ надѣленной земли ничего не пріобрѣтается въ собственность, какъ при наймѣ квартиры или луга, или поля, или мельницы: хоть плати за нихъ сто лѣтъ сряду, гораздо больше ихъ стоимости, а все домъ и лугъ, и поле, и мельница не твои собственные; вотъ почему всего выгоднѣе выкупъ и всего разорительнѣе барщина, если примемъ въ расчетъ стоимость косы, топора, лемеха, плуга, повозки, бороны, веревки и проч.

Значеніе и самостоятельность мировыхъ посредниковъ.

Въ одномъ изъ циркуляровъ дѣятельнаго и свѣдущаго министра Валуева въ концѣ 1862 года, выражено желаніе его, чтобы на мировыхъ съѣздахъ присутствовали и члены крестьянскихъ обществъ. По тѣснотѣ помѣщенія нашего съѣзда предложилъ я начать первое такое засѣданіе въ присутствіи волостныхъ старшинъ, а на слѣдующихъ съѣздахъ, дабы по дальному разстоянію волостей не отклонять старшинъ отъ должности, въ продолженіе нѣсколькихъ дней съ разъѣздами, чтобы являлись на съѣздъ изъ каждой волости по одному выборному члену волостного схода. Но дѣло это какъ-то не клеилось: первыя наши засѣданія были въ дворянскомъ домѣ, сословные предразсудки могли быть главною причиною помѣхи, часть дворянъ съ предразсудками видѣли въ этомъ нарушеніе дворянской привилегіи, а крестьяне подавно затруднялись входить въ домъ, гдѣ не находили себѣ равныхъ, а только прежнихъ своихъ господъ и начальниковъ. По этому поводу нашъ съѣздъ нанялъ частный домъ; но крестьяне приходили только по дѣламъ, а не для присутствованія при совѣщаніяхъ

и рѣшеніяхъ вопросовъ. Гласное судопроизводство и выборы и собранія гласныхъ исподволь помогаютъ сближенію сословій.

Другое желаніе министра состояло въ томъ, чтобы дѣятельность мировыхъ посредниковъ не ослабѣвала. Какъ изъявленіе всякаго желанія ищетъ исполненія того, чего еще нѣтъ, то должно предположить, что въ самомъ дѣлѣ иной изъ мировыхъ посредниковъ или угомился, или надорвался, или потерялъ терпѣніе. По этому случаю, для оправданія мировыхъ посредниковъ, считаю нужнымъ повторить, что самостоятельность и свобода нашихъ дѣйствій ограничивались только закономъ, а не бюрократическою іерархіей, что мы не подходили ни къ какому бюрократическому разряду, что намъ вмѣнено было въ обязанность руководствоваться, сверхъ положительныхъ печатныхъ законовъ, мѣстными народными обычаями и преданіями или правомъ неписаннымъ. По этому послѣднему обстоятельству иныя дѣйствія наши невольно могутъ показаться противозаконными самому опытному и умному прокурору, судьѣ и стряпчему и привести насъ въ затруднительное положеніе отписываться въ такое время, когда нѣтъ у насъ ни единаго досужаго часу. Къ величайшему счастью, всѣ наши дѣйствія гласны—въ присутственный ли день еженедѣльный мирового посредника, на волостныхъ ли или на мірскихъ сходахъ. Между тѣмъ говорятъ, что мы люди, дѣйствующіе безъ контроля! А развѣ гласность нашихъ рѣшеній въ присутствіи нѣсколькихъ сотъ людей не контроль? развѣ уѣздный мировой съѣздъ не контроль? развѣ губернское присутствіе не контроль? Мы имѣемъ честь дѣйствовать преимущественно чрезъ посредство сельскихъ управленій, а главная забота наша должна заключаться въ полномъ развиваніи самоуправленія. Это самоуправленіе крестьянскихъ обществъ есть то, о чемъ твердитъ намъ каждая строка новаго положенія и каждый прошедшій годъ нашей исторіи: оно непремѣнно полезно обоимъ сословіямъ—и дворянству и крестьянству,—потому что охраняетъ и защищаетъ права обоихъ классовъ или сословій. Какъ благонадежнѣйшею опорою бываетъ опора самостоятельная, то, въ системѣ мировыхъ учрежденій, сельскія управленія непремѣнно должны быть самостоятельны. Нашу самостоятельность, нашу независимость, то есть мировыхъ посредниковъ, несмотря на переходное состояніе нашего учрежденія, можемъ мы сохранить и поддержать, если не поддадимся ни силѣ бюрократіи, ни силѣ классной или сословной. Прошу припоминать каждый день, что личность наша должна исчезать совершенно, пока на мировыхъ учрежденіяхъ лежитъ не одинъ вопросъ крестьянскихъ усадебъ и надѣловъ, но рѣшительно всѣ перемѣны въ администраціи и въ распространеніи самоуправленія, — говорю не о томъ самоуправленіи, при коемъ господствуетъ или произволъ, или благоусмотрѣніе, или злоусмотрѣніе мирового посредника, а о самоуправленіи, основанномъ исключительно на законности. Тутъ кстати упомянуть, что изъ числа моихъ товарищей-соизгнанниковъ пять человѣкъ удостоились счастья принять участіе въ приведеніи въ дѣйствіе положеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, были членами губернскихъ присутствій: П. Н. Свистуновъ—въ Калугѣ, С. И. Кривцовъ—въ Орлѣ, М. И. Пущинъ—въ Минскѣ, М. А. Назимовъ—въ Псковѣ (онъ же былъ предсѣдателемъ губернской земской управы, и понынѣ еще почетный мировой судья). Я имѣлъ честь быть мировымъ посредникомъ въ продолженіе шести лѣтъ сряду. Не включаю въ это число товарища моего И. А. Анненкова, хотя и онъ

содѣйствовалъ, какъ предсѣдатель мирового съѣзда въ Нижнемъ-Новгородѣ, но по занимаемой имъ прежде должности предводителя уѣзднаго дворянства.

О народныхъ и приходскихъ училищахъ.

Изъ обнародованныхъ объявленій въ большей части губерній видно распространеніе грамотности, къ чему способствуетъ, особенно въ великорусскихъ губерніяхъ, достаточное число уже грамотныхъ мѣщанъ, крестьянъ и бывшихъ дворовыхъ.

Циркуляры министра внутреннихъ дѣлъ по этому предмету и циркуляръ харьковскаго губернатора показываютъ ясно, что правительство поощряло устройство сельскихъ школъ и обращало особенное на это вниманіе.

Въ нашей мѣстности между крестьянами грамотность почти не существуетъ, мы имѣемъ крайній недостатокъ въ хорошихъ преподавателяхъ и въ хорошихъ волостныхъ писаряхъ.

Священники приходскіе, дьяконы и дьячки слишкомъ заняты священнодѣйствіемъ и разъѣздами съ требами по различнымъ обществамъ, составляющимъ волость и отстоящимъ одно отъ другого на 8 верстъ и болѣе, такъ что имъ невозможно употребить постоянно опредѣленное число часовъ для ежедневнаго преподаванія. Достаточно будетъ и то, если приходскій священникъ, для пользы духовной паствы своей, не откажется преподавать законъ Божій въ сельскихъ школахъ разъ или два раза въ недѣлю.

Волостные писаря, по сложности переписки и отчетныхъ вѣдомостей, также не могутъ назначить постоянныхъ ежедневныхъ часовъ для преподаванія, и, кромѣ того, важнѣйшая причина заключается еще въ томъ, что *не каждый грамотный способенъ обучать грамотѣ.*

Для устраненія всѣхъ этихъ затрудненій и недостатковъ, еще въ 1861 году сдѣлано было весьма полезное предложеніе профессоромъ харьковскаго университета Н. Н. Бекетовымъ—«приготовить народныхъ учителей въ Харьковѣ и для этой цѣли отправить туда изъ каждой волости по одному уже грамотному лѣтъ 17-ти юношѣ, гдѣ, подъ надзоромъ профессора и другихъ свѣдущихъ учителей, они научились бы въ теченіе двухъ лѣтъ, какъ лучше и легче обучать чтенію и письму, ариѳметикѣ, начальнымъ основаніямъ исторіи, географіи и сельскаго хозяйства».

Полезное и народное предложеніе Н. Н. Бекетова не было приведено въ дѣйствіе, вѣроятно, по многочисленности (190) волостей Харьковской губерніи, что затруднило бы помѣщеніе такого числа юношей, доставленіе имъ занятій въ большомъ городѣ во время досужихъ часовъ отъ ученія и надзоръ за ихъ поведеніемъ, а можетъ статься вслѣдствіе безтолковости въ устройствѣ и ходѣ воскресныхъ школъ, открывавшихся въ то время съ лихорадочною дѣятельностью, безъ обдуманной цѣли, безъ выдержки. Удостовѣрившись убѣжденіемъ и опытомъ, что *безъ знающаго, свѣдущаго учителя школа съ пользою существовать не можетъ,* просилъ я мировой съѣздъ содѣйствовать осуществленію такого полезнаго дѣла самымъ близкимъ, быстрымъ, несложнымъ образомъ, не требующимъ большихъ издержекъ, а именно: просить начальство уѣзднаго училища принять на себя трудъ приготовленія такихъ сельскихъ учителей изъ знающихъ грамоту, которые были бы способны обучать только *чтенію, письму и практическому счетоводству.*

Для достиженія этой цѣли принять изъ каждой волости охотника къ этой должности, благонравнаго и уже грамотнаго человѣка, а за неимѣніемъ охотника— по выбору волостного схода по одному грамотному изъ числа крестьянъ или изъ бывшихъ дворовыхъ, не моложе 20-ти лѣтъ, женатаго или отставного солдата.

Съ 15-го сентября до 15 іюня каждая изъ 32-хъ волостей вноситъ за каждаго приготовляющагося въ учителя по пяти рублей въ мѣсяцъ, изъ нихъ три рубля на его содержаніе и два рубля на обученіе. Это составитъ для волости въ 500 душъ на каждую по одной копейкѣ въ мѣсяцъ и по девяти копеекъ за годовой курсъ.

Деньги эти, по приговору обществъ, собираются по мірскимъ раскладкамъ.

По усмотрѣнію начальства училищнаго, каждый оказавшій способность въ умѣніи преподавать по новому облегченному способу тотчасъ возвращается въ свою волость, гдѣ открываетъ сельскую школу. Неокончившій курса увольняется отъ 15-го іюня до 15-го сентября въ свое общество, для помощи роднымъ въ полевыхъ работахъ, и возвращается къ 15-му сентября въ училище для окончанія курса.

Волость на полномъ сходѣ опредѣляетъ жалованье учителю деньгами, зерномъ по условію.

Для сбереженія крестьянской трудовой копейки постановить, чтобы каждый приготовляющійся къ должности сельскаго учителя непремѣнно научился бы въ то же время оспопрививанію, что уменьшитъ расходы обществъ и улучшитъ содержаніе учителя.

Къ обученію въ сельской школѣ допускаются всѣ возрасты, мужского пола отдѣльно отъ женскаго.

Законъ Божій преподается приходскимъ священникомъ.

На возраженія къ моему предложенію, могущія относиться до преимущественнаго обученія славянскому и малорусскому языку, я долженъ замѣтить, что, сознавая всю великую важность, пользу и красоту языковъ славянскаго и малорусскаго, признаю безспорно необходимымъ начать съ великорусской грамоты, потому что всѣ законы наши, всѣ предписанія и распоряженія, отъ высшихъ правительственныхъ мѣстъ до губернскихъ и уѣздныхъ и волостныхъ, и всѣ донесенія и всѣ отвѣты отъ низшихъ къ высшимъ мѣстамъ печатаются и пишутся на русскомъ языкѣ, равно какъ и всѣ учебныя руководства.

Собственный мой опытъ при обученіи 14-ти крестьянскихъ юношей-малороссовъ чтенію и письму на великорусскомъ языкѣ доказалъ мнѣ вполнѣ, что, при указаніи моимъ ученикамъ значенія титловъ въ славянскихъ книгахъ священнаго писанія, они въ двѣ недѣли превосходно читали по-славянски. Относительно же книгъ малорусскихъ замѣчу только, что онѣ печатаются одинаковыми литерами съ книгами великорусскими. Въ сельскихъ школахъ Законъ Божій преподается сельскимъ приходскимъ духовенствомъ; каждый приходскій священникъ не откажется указывать чтецу русской книги, какъ читать книгу славянскую или церковную.

Съ перваго взгляда видно, что предложеніе мое заключаетъ въ себѣ не проектъ педагогики или народнаго образованія, требующаго другого рода программы и вѣковыхъ трудовъ, а только средство къ скорому и надежному распростра-

ченію грамотности, въ коей представляется явная необходимость съ 19 февраля 1861 года, съ того дня, когда народу даны были права. Необходимость эта всего лучше извѣстна мировому посреднику, бывавшему тысячу разъ свидѣтелемъ неловкаго и жалкаго положенія весьма умныхъ, расторопныхъ, но безграмотныхъ сельскихъ начальниковъ, когда они слушали чтеніе бумаги офиціальной или отчетъ прихода и расхода общественныхъ денегъ и не были въ состояніи провѣрить написанную бумагу. Кромѣ того, хорошо извѣстны и другія причины этой необходимости, не въ смыслѣ политическомъ или научномъ, а просто экономическомъ и административномъ.

Само собою разумѣется, что надо учить чтенію по новой системѣ Золотова, или еще новѣйшей, вмѣстѣ чтенію и письму. Въ нѣскольких волостяхъ обучали чтенію по славянской азбукѣ, и мальчики, какъ только дошли до складовъ, то разбѣжались и болѣе въ школу не возвратились. И въ самомъ дѣлѣ: если трудно пояснить мыслящему ученику, что склады буквъ *б* и *а* будутъ не *беа*, а *ба*, то какъ вы поясните ему, что сліяніе двухъ буквъ славянскихъ *буки* и *азъ* должно произносить *ба* и т. д.

О прекращеніи вотчинной полиціи.

Относительно попечительства помѣщиковъ въ сельскихъ обществахъ, въ тѣхъ имѣніяхъ, въ коихъ разрѣшенъ выкупъ крестьянской земли, возбужденъ былъ вопросъ слѣдующаго содержанія: «въ какой силѣ должны оставаться въ такихъ имѣніяхъ статьи VI главы общаго положенія отъ 148-ой до 163-ей включительно?»

Глава VI общаго положенія не можетъ быть примѣнима къ крестьянскимъ обществамъ, которыя выкупили свои усадьбы съ поземельнымъ надѣломъ, потому что:

а) Ст. 148-ая означенной главы допускаетъ попечительство помѣщика только въ обществѣ крестьянъ, на землѣ его поселенныхъ;

б) Ст. 149-ая допускаетъ надзоръ помѣщика на пространствѣ принадлежащаго ему имѣнія.

в) Слѣдующія затѣмъ статьи примѣняются къ двумъ изложеннымъ выше условіямъ, то есть къ обществамъ, водворенным на собственной землѣ помѣщика.

Попечительство помѣщика вообще или вмѣшательство его въ распорядки крестьянскихъ обществъ, выкупившихъ свои усадьбы и земли, не допускается. Мы видимъ это ясно изъ предварительнаго доклада редакціонной комиссіи административнаго отдѣленія № 8-го, въ коемъ сказано слово въ слово: «Упрочить за крестьянскими обществами независимое распоряженіе внутренними дѣлами своими, сохранивъ за ними неприкосновеннымъ право имѣть начальниками людей, изъ среды своей избранныхъ. Въ этомъ упроченіи независимости и силы сельскихъ учрежденій заключается, въ случаѣ выкупа съ содѣйствіемъ казны, гарантія и для правительства въ исправномъ поступленіи тѣхъ платежей, въ которыхъ оно приметъ на себя поручительство предъ помѣщиками».

Помѣстивъ слова доклада съ тою цѣлью, чтобы пояснить главную мысль законодателя относительно попечительства или вмѣшательства помѣщика, представляю въ подтвержденіе этой мысли слѣдующія статьи изъ положеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости:

1) Въ высочайшемъ манифестѣ отъ 19 февраля 1861 года, въ 7-мъ пунктѣ, опредѣлено: «помѣщикамъ сохранить наблюденіе за порядкомъ въ ихъ имѣніяхъ,

съ правомъ суда и расправы, впредь до образованія волостей и открытія волостныхъ судовъ».

2) Въ указѣ правительствующему сенату отъ 19-го февраля 1861 года постановлено въ пунктѣ 12-омъ: «со времени вступленія въ должность волостныхъ должностныхъ лицъ установленная закономъ обязанность суда и расправы слагается съ владѣльцевъ и предоставляется по принадлежности волостнымъ судамъ и управленіямъ, на точномъ основаніи правилъ, постановленныхъ общимъ о крестьянахъ положеніемъ».

3) Въ общемъ положеніи, въ ст. 9-ой, въ пунктѣ 3-мъ, предписано: «по введеніи въ дѣйствіе настоящаго положенія, слагается съ помѣщика обязанность ходатайствовать за крестьянъ по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ».

4) Въ общемъ положеніи въ ст. 18-ой повелѣно: «помѣщику, впредь до прекращенія обязательныхъ къ нему отношеній крестьянъ, на его землѣ водворенныхъ, предоставляется вотчинная полиція и попечительство надъ обществомъ сихъ крестьянъ, на основаніи статей 148-ой—163-ей сего положенія».

Эта статья закона хотя ясно и положительно отвѣчаетъ на возбужденный вопросъ, и тѣмъ положительнѣе, что въ ней именно упоминается изъ VI главы общаго положенія о всѣхъ статьяхъ отъ 148-ой до 163-ой *включительно*, однако полезно будетъ указать еще на другія статьи закона, подтверждающія ту же мысль, что вмѣшательство помѣщика въ распорядкахъ крестьянскихъ обществъ—собственниковъ не допускается закономъ.

5) Въ правилахъ о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе положенія о крестьянахъ въ ст. 14-ой упоминается о вотчинной полиціи, съ указаніемъ опять на статьи отъ 148-ой до 163-ей общ. полож., какъ о мѣрѣ переходной, и относится только до обществъ, водворенныхъ на землѣ помѣщика, а не до крестьянъ-собственниковъ, не до лицъ другихъ сословій, купившихъ часть имѣнія помѣщика.

6) Въ ст. 37-ой положенія о выкупѣ сказано: «по утвержденіи правительствомъ выкупной сдѣлки, всѣ обязательныя поземельныя отношенія между помѣщиками и крестьянами прекращаются, и послѣдніе поступаютъ въ разрядъ крестьянъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ, подъ наименованіемъ крестьянъ-собственниковъ».

7) Кромѣ того, въ упомянутой нами VI главѣ общаго положенія о вотчинной полиціи въ ст. 162-ой сказано: «помѣщикъ сносится съ сельскимъ обществомъ чрезъ посредство избраннаго симъ обществомъ старосты».

Слѣдовательно, не съ мірскими сходами, не съ волостнымъ правленіемъ, не съ волостнымъ сходомъ, не съ волостнымъ судомъ, въ коемъ законъ воспрещаетъ старшинѣ и старостамъ не только вмѣшиваться въ дѣла, но даже присутствовать при обсужденіи дѣлъ. Смотри ст. 104-ую общ. полож.

Изложивъ сущность вопроса по статьямъ положеній о крестьянахъ *юридически*, считаю нелишнимъ рѣшить этотъ вопросъ и *фактически*. Тутъ долженъ указать на одно обстоятельство, доказывающее невозможность и явный вредъ попечительства помѣщика, а именно: ст. 163-ья общ. полож. о вотчинной полиціи дозволяетъ помѣщику, по его усмотрѣнію, передавать права свои, вполнѣ или съ ограниченіями и по законнымъ довѣренностямъ, всѣмъ тѣмъ лицамъ, которымъ общими законами не воспрещается управленіе имѣніями. Выходитъ поэтому, что общество не обезпечено въ попечительствѣ даже самаго лучшаго и самаго благомыслящаго помѣщика, кото-

рый по сотнѣ обстоятельствъ и причинъ можетъ передать свои права другому лицу; тогда, кромѣ помѣщиковъ, еще управляющіе или арендаторы, становясь какими-то деревенскими надзирателями, попечителями или полицеймейстерами, проложили бы широкую дорогу къ придиркамъ и неудовольствіямъ всякаго рода.

Попечительство и вообще вмѣшательство помѣщика или управляющаго его по довѣренности могло быть допускаемо только съ единственнымъ условіемъ: если мы признаемъ за всѣми помѣщиками и за всѣми управляющими въ одинаковой степени знаніе новыхъ законовъ и непогрѣшимость во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ. Если изъ ста помѣщиковъ или изъ ста управляющихъ найдется только пять неспособныхъ, то этого обстоятельства уже достаточно, чтобы безусловно отвергнуть всякое попечительство. На это можно возразить, что имѣнія такихъ неспособныхъ можно отдать въ опеку. Отдавайте имѣнія, въ коихъ не прекращены обязательныя отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ; но не слѣдуетъ вмѣшиваться въ дѣла семейныя и общественныя крестьянъ: они лучше насъ понимаютъ свои выгоды, они научились этому не въ два года изъ положеній 19-го февраля: они еще во время крѣпостного состоянія доказали свое умѣнье распоряжаться своими собственными дѣлами—говорю о нѣсколькихъ милліонахъ крестьянъ оброчныхъ, видавшихъ развѣ только портреты своихъ помѣщиковъ, но никогда не слышавшихъ ихъ голоса.

Намъ извѣстно, что редакціонная комиссія въ докладѣ административнаго отдѣленія № 8-го помѣстила въ послѣднемъ пунктѣ слѣдующее: «помѣщику принадлежитъ попечительство надъ школами, богадѣльнями и прочими благотворительными заведеніями, состоящими *въ сельскихъ обществахъ, водворенныхъ въ его имѣніи*». Эта статья не вошла въ составъ положенія о крестьянахъ. Прошу замѣтить, что тутъ ясно сказано *въ сельскихъ обществахъ, водворенныхъ въ его имѣніи*, слѣдовательно, еще не выкупившихъ усадебъ съ землею и подлежащихъ еще вотчинной полиціи по VI главѣ общ. полож. Почему же не допущено попечительство помѣщика по такимъ полезнымъ учрежденіямъ въ обществахъ, водворенныхъ на землѣ помѣщика?

Отвѣтъ очень простъ: потому, чтобы помѣщикъ или его управляющій нисколько и ни въ чемъ не вмѣшивались въ крестьянское управленіе, чтобы они не путали крестьянскихъ дѣлъ общественныхъ, не входили бы съ предложеніями о раскладкахъ на школы и больницы; однимъ словомъ, чтобы не было никакого вмѣшательства посторонняго. По этой причинѣ въ общемъ положеніи ст. 58-ой п. 8-го возлагаетъ надзоръ надъ богадѣльнями на сельскаго старосту, а ст. 84-ая, п. 9-ый на волостного старшину. Совѣщанія о благоустройствѣ крестьянъ подлежатъ вѣдѣнію сельскаго схода по ст. 51-ой, п. 8-му. Благочиніе, порядокъ и безопасность охраняется старостою по ст. 60-ой п. 1-му, и старшиною по ст. 83-ой п. 2-му. О попечительствѣ помѣщика по этимъ предметамъ не сказано ни слова.

Въ заключеніе подтверждаю, что статья 18-ая общаго положенія опредѣляетъ все основаніе и все значеніе VI главы отъ ст. 148-ой до 163-ей включительно, и ни подъ какимъ видомъ не допускаетъ вотчинной полиціи или попечительства помѣщика въ крестьянскихъ обществахъ, выкупившихъ свои усадьбы съ полевымъ надѣломъ.

О разсрочкѣ выкупныхъ платежей.

При повторяющихся неурожаяхъ хлѣба, травы, въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, и при незначительныхъ мѣстныхъ заработкахъ, могутъ произойти недоимки въ

казенныхъ податяхъ и по выкупнымъ обязательствамъ, кои потребуютъ разсрочки, вопреки всѣмъ мѣрамъ взысканія, предписаннаго закономъ.

Въ такихъ случаяхъ, рѣдкихъ, но неизбѣжныхъ, полагаю, что разсрочка на полгода или на одинъ годъ не принесетъ облегченія должнику отдѣльному или цѣлому обществу, а только скорѣе разоритъ ихъ.

Разсрочки годовой недоимки на остальные годы погашенія выкупной ссуды составятъ съ каждаго надѣла, соразмѣрно съ величиною его—отъ двухъ до четырехъ десятинъ, надбавку къ ежегоднымъ платежамъ отъ 27 до 40 копеекъ, что не тягостно и не разорительно для крестьянъ, но затруднитъ правительство въ удовлетвореніи процентами за выкупныя облигаціи, тѣмъ болѣе, что неурожаи могутъ повторяться нѣсколько разъ въ теченіе 49-ти лѣтъ до окончательнаго погашенія долга.

Въ крайнихъ случаяхъ, когда нѣтъ никакихъ заработковъ, можно допустить разсрочку по приговору несостоятельнаго общества на три года, съ тѣмъ, чтобы пополненіе недоимки началось съ того года, въ который для нуждающагося общества прекратится дополнительный платежъ помѣщику, потому что съ такого означеннаго года останется у каждаго крестьянина, соразмѣрно съ величиною поземельнаго надѣла, излишекъ отъ 2 до 4 рублей сравнительно съ числомъ рублей, кои онъ донынѣ выплачивалъ или отрабатывалъ помѣщику за пятую часть выкупной суммы.

Въ обществахъ, получившихъ въ даръ дополнительный платежъ, или выкупившихъ свои надѣлы по требованію помѣщика, съ уступкою дополнительнаго платежа, не допускается разсрочка безъ особенной важной причины, потому что они сравнительно съ другими обществами имѣютъ меньше платежей.

Какъ въ нуждающихся обществахъ не всѣ члены оныхъ несостоятельны, и какъ не слѣдуетъ общею порукою безусловно отягощать исправныхъ плательщиковъ на счетъ неисправныхъ, то отъ первыхъ принимать платежи и сдавать въ казначейство, а съ послѣдними поступать по ст. 129-ой положенія о выкупѣ.

Мѣстность, не доставляющая достаточныхъ и выгодныхъ заработковъ, куда можно отправить несостоятельныхъ должниковъ, нуждается въ устройствѣ полезныхъ общественныхъ работъ по губерніи, по уѣзду, на кои найдется рабочая сила по указанію губернской и уѣздной земской управы. Для большей производительности намъ нужны теперь не академіи земледѣльческія, не институты технологическіе, не агрономы иностранные, а нужны удобные пути сообщеній для удобнаго сбыта произведеній, хотя сырыхъ на первое время кои дадутъ крестьянину средства къ исправному выполненію выкупныхъ обязательствъ.

Въ самыхъ крайнихъ случаяхъ: совершеннаго неурожая, падежа скота, эпидеміи, можно годовой долгъ по выкупнымъ платежамъ продлить на пятидесятый годъ и дольше: казна свое получитъ, должникъ охотно доплатитъ, потому что за него въ промежутокъ времени, дѣдъ и отецъ уже выплатили почти весь выкупъ. Круговая порука пока затрудняетъ исправныхъ и имущихъ крестьянъ; но законъ указываетъ какимъ образомъ они сами могутъ обезпечить себя въ теченіе года, а именно: дать должникамъ заработки у себя въ полѣ, на сѣнокосахъ, или въ мастерской. До сихъ поръ кредиторы или заимодавцы не желали прибѣгать къ этому средству, а можетъ быть сельскія начальства не довольно тщательно наблюдали за точнымъ исполненіемъ закона, относительно недоимокъ во взносахъ обязательныхъ платежей. Съ другой стороны сознаю необходимость—ни подъ какимъ видомъ не увеличивать ни государ-

ственныхъ налоговъ, ни земскихъ денежныхъ сборовъ, пока мѣстные источники и средства не доставятъ крестьянамъ больше заработковъ, иначе число несостоятельныхъ плательщиковъ, нынѣ составляющее только десятую часть населенія, можетъ дойти до половины и до общей бѣдности.

О запасныхъ мірскихъ хлѣбныхъ магазинахъ.

Состояніе мірскихъ запасныхъ магазиновъ въ дѣйствительности нисколько не соотвѣтствуетъ требованіямъ закона и цѣли учрежденія.

Что по общественнымъ приговорамъ разрѣшается ссуда нуждающимся крестьянамъ изъ магазина, и что крестьянинъ всегда готовъ брать гдѣ даютъ въ долгъ,— въ этомъ нѣтъ еще вреда, потому что все общество отвѣчаетъ за пополненіе, и выданный хлѣбъ съ 1861 года будетъ возвращенъ должникомъ или обществомъ.

Но какъ поступить съ долгами, накопившимися до 1861 г.?—Главный недостатокъ въ состояніи хлѣбныхъ магазиновъ, заключается въ неполномъ ихъ составѣ. Не только не приходится на ревизскую или надѣленную землею душу, на каждую по одной четверти ржи и по получетверти ячменя, но въ общемъ разсчетѣ имѣется на лицо только половина установленнаго закономъ запаса.

Недостающее количество хлѣба состоитъ или въ долгу за помѣщикомъ, или въ спорныхъ отзывахъ, по коимъ помѣщикъ объясняетъ: 1) что недостающее количество хлѣба роздано было крестьянамъ же въ долгъ изъ магазина, и 2) что во время крымской войны былъ взятъ хлѣбъ изъ магазина и въ сухаряхъ отправленъ въ Севастополь. По пункту 1-му помѣщикъ обязанъ пополнить, потому что закономъ обязанъ былъ кормить крестьянъ во время голода и неурожая; по пункту 2-му выдача хлѣба составляла добровольное пожертвованіе изъ любви къ Отечеству.

За исключеніемъ немногихъ случаевъ, помѣщики признаютъ свой долгъ крестьянскимъ магазинамъ, по письменнымъ доказательствамъ, что хлѣбъ былъ ими взятъ для охраненія его отъ порчи и затхлости, и проданъ или употребленъ на винокуренныхъ заводахъ. Однако долгъ этотъ не уплаченъ по сіе время, по причинѣ неимѣнія хлѣба въ наличности и неурожая послѣднихъ двухъ лѣтъ сряду, и по случаю перехода нѣсколькихъ имѣній въ руки другихъ владѣльцевъ.

Признавая въ полной мѣрѣ всю важность и необходимость въ поддержаніи крестьянскихъ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, при общинномъ пользованіи и владѣніи землею, нахожу настоятельною надобностью принять справедливыя мѣры ка пополненію магазиновъ, и привести ихъ въ исполненіе на самомъ дѣлѣ, а не нъ бумагѣ, какъ до сего времени водилось.

По сему предмету, въ коемъ заключаетса не только защита и облегченіе отъ нужды и голода крестьянъ въ неурожайный годъ, но также и основаніе крестьянскихъ капиталовъ въ годы урожайные, предлагаю въ дополненіе къ средствамъ, изложеннымъ во всѣхъ годовыхъ моихъ отчетахъ, приступить безотлагательно къ ликвидаціи, къ окончательному разсчему; для сего:

1) Во всѣхъ тѣхъ обществахъ крестьянъ собственниковъ, которые еще не уплатили помѣщику всего дополнительнаго платежа, дозволить изъ сего платежа вычесть цѣнность недостающаго хлѣба.

2) Если общество не согласится въ цѣнѣ съ помѣщикомъ или управляющимъ, то предоставить рѣшеніе спора Уѣздной Земской Управѣ.

3) Во всѣхъ обществахъ крестьянъ оброчныхъ и издѣльныхъ и собственниковъ,

уплатившихъ уже дополнительный платежъ, или которымъ подаренъ дополнительный платежъ, проситъ отъ помѣщика письменнаго обязательства въ срочной засылкѣ или уплаты всего магазиннаго долга.

4) Для облегченія помѣщиковъ, находящихся въ весьма стѣснительныхъ обстоятельствахъ отъ послѣднихъ неурожаевъ и отъ перехода съ дарового крѣпостного труда къ вольнонаемному, дозволить имъ заключать съ обществами крестьянъ договоры, по коимъ уступаютъ имъ на опредѣленное число лѣтъ опредѣленное число десятинъ пахотной земли, соразмѣрно съ количествомъ долга—въ безплатное пользованіе для пополненія магазиннаго долга, посредствомъ мірскихъ запашекъ. Эти договоры должны быть также утверждены уѣздною земскою управою.

5) Для назначенія количества десятинъ, сколько помѣщику придется уступить изъ собственной земли своей временно, *на два года,* въ пользованіе крестьянъ, для пополненія своего магазиннаго долга, можно означить примѣрно норму для долга въ 100 четвертей ржи и 50 четвертей ячменя. Если принять въ разсчетъ среднiй урожай, то крестьянское общество по слѣдующей таблицѣ получитъ возвратъ долга въ два года, и сверхъ того за свои сѣмена и за свой трудъ достаточное вознагражденіе зерномъ и соломою.

Долгъ помѣщика въ мірской запасный хлѣбный магазинъ.		Число десятинъ, которое придется уступить на два года сряду для мірской запашки.
РОЖЬ.	ЯЧМЕНЬ.	
четверти.	четверти.	
100	50	60
90	45	54
80	40	48
70	35	42
60	30	36
50	25	30
40	20	24
30	15	18
20	10	12
10	5	6

Расчетъ этотъ совершенно безобидный и даже выгодный для помѣщика, потому что, отдавая въ наймы 60 десятинъ на 2 года по 4 рубля за десятину, онъ получилъ бы доходу 240 рублей; но долгъ его въ 100 четвертей ржи и 50 четвертей ячменя, если считать уплату деньгами или зерномъ, составитъ по меньшей мѣрѣ 400 рублей.

Также нахожу этотъ расчетъ безобиднымъ для крестьянъ, потому что, кромѣ пополненія своихъ магазиновъ, они, за вычетомъ сѣмянъ, въ первый годъ получатъ 120 четвертей ржи, а во второй годъ, за вычетомъ сѣмянъ, 120 четвертей ячменя.

Затѣмъ, за исключеніемъ ста четвертей ржи и пятидесяти четвертей ячменя, поступающихъ въ крестьянскій запасный магазинъ, останется у нихъ въ вознагражденіе труда 20 четвертей ржи, 70 четвертей ячменя, 300 возовъ ржаной соломы, 300 возовъ ячменной соломы, что составитъ деньгами слишкомъ 600 рублей, или за воздѣланіе и уборку каждой десятины по 5-ти рублей въ годъ.

Вопросъ о долгахъ въ запасные магазины былъ затронутъ въ различныхъ мѣстностяхъ, но не рѣшенъ, и не вижу, въ чемъ разнится обязательство платить долги денежные отъ долговъ хлѣбомъ, шерстью, лѣсомъ и прочимъ. Нельзя сказать крестьянамъ: платите помѣщику свой долгъ къ сроку, а помѣщикъ вамъ заплатитъ свой долгъ, когда ему вздумается. Напротивъ того, если помѣщикъ выполнилъ свое обязательство къ крестьянскому обществу, то легче и правильнѣе будетъ понудить и общество къ исправному платежу долга помѣщику. Нѣтъ возможности причислить вопросъ о мірскихъ магазинахъ къ жалобамъ за прежнее время въ смыслѣ статьи 58-ой правилъ о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе положеній о крестьянахъ. Повторяю, что при участковомъ или подворномъ владѣніи землею запасные магазины хлѣбные безполезны и не нужны, потому что каждый отдѣльный собственникъ лучше всего обезпечиваетъ самъ себя *но при общинномъ пользованіи крестьянъ землей запасные магазины составляютъ настоятельную необходимость.* При измѣнчивомъ урожаѣ хлѣба слѣдуетъ допускать засыпку тѣмъ родомъ зерна, какого больше и лучше уродилось, принимая его въ расчетъ съ существующими сравнительными цѣнами на рожь и ячмень. Запасный магазинъ есть тотъ же запасный капиталъ,—слѣдуетъ имѣть только правильный контроль, иначе общество при первой нуждѣ въ деньгахъ продастъ свои запасы, и магазины опустѣютъ. У бывшихъ государственныхъ крестьянъ они находились въ блестящемъ состояніи, и, кромѣ полнаго количества зерна, имѣли значительный денежный капиталъ отъ запаснаго хлѣба.

О рекрутскихъ наборахъ.

1) Надзоръ за производствомъ набора рекрутъ по правиламъ рекрутскаго устава нахожу довольно удовлетворительнымъ.

2) Составленіе, повѣрку, исправленіе, утвержденіе очередныхъ, жеребьевыхъ списковъ предоставить волостнымъ сходамъ, на отвѣтственность волостныхъ правленій.

а) Такіе списки представить исключительно только въ мѣстное рекрутское присутствіе, когда встрѣтится надобность разобрать жалобу на рѣшеніе волостного схода по рекрутскому набору.

б) Достаточно имѣть одного лекаря въ присутствіи для освидѣтельствованія здоровья.

в) По упраздненіи мировыхъ учрежденій, дозволить присутствовать во время набора, въ качествѣ члена присутствія, вмѣсто мирового посредника, одному изъ выборныхъ уѣздныхъ гласныхъ изъ сословія крестьянъ, по выбору уѣзднаго собранія гласныхъ.

г) По статьѣ 358 пункту 3-му примѣчанія къ оному, дозволить мѣщанамъ и крестьянамъ всѣхъ различныхъ наименованій нанимать въ рекруты бывшихъ дворовыхъ людей, а также наравнѣ съ ними пользующихся льготами крестьянъ безземельныхъ и крестьянъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, уволенныхъ по 9-ой статьѣ положенія о мелкопомѣстныхъ, и сдавать ихъ прямо и окончательно въ уѣздномъ ре-

крутскомъ присутствіи, безъ посредства казенной палаты, на томъ основаніи, что отправка нанимателя съ нанимающимся въ губернскій городъ сопряжена съ потерею времени и съ безполезными расходами.

3) Разрѣшить безпрепятственный наемъ охотниковъ въ рекруты и пріемъ ихъ въ уѣздномъ рекрутскомъ присутствіи, безъ посредства казенной палаты, между мѣщанами и крестьянами всѣхъ различныхъ наименованій по всему уѣзду. Это увеличитъ число охотниковъ безъ малѣйшаго ущерба обществамъ, потому что по закону никто изъ общества не можетъ наниматься въ рекруты безъ согласія на то своего общества, а повѣрка личности нанимающагося охотника и законныхъ препятствій къ этому находится въ рукахъ и на отвѣтственности волостныхъ правленій.

4) Укрывающихся отъ набора не было никого въ продолженіе послѣднихъ пяти наборовъ.

5) Въ счетъ будущихъ наборовъ сданъ одинъ рекрутъ отъ отдѣльнаго семейства крестьянъ-собственниковъ.

6) Во 2-омъ мировомъ участкѣ водится донынѣ система очередная, при рекрутскихъ наборахъ. По статьѣ 194-ой общаго положенія предоставленъ обществамъ выборъ системы или по порядку очередному, или по порядку жеребьевому. Общества въ скоромъ времени могутъ удостовѣриться въ выгодахъ и невыгодохъ той и другой системы. Главное неудобство, встрѣчающееся:

а) при порядкѣ жеребьевомъ заключается въ раздѣленіи семействъ;

б) при порядкѣ очередномъ заключается неудобство въ сложности состава общества изъ жителей нѣсколькихъ деревень и въ спорахъ, не разрѣшаемыхъ ни закономъ, ни рекрутскимъ уставомъ, а только общественнымъ приговоромъ, по часто повторяющемуся обстоятельству; когда, напримѣръ, въ такомъ сложномъ составномъ обществѣ на очереди десять 8-мидушныхъ семействъ, то какое изъ нихъ поставить на очередь первымъ, вторымъ, послѣднимъ? Еще неудобство въ правильномъ и точномъ исчисленіи долей недобора и перебора отдѣльно по каждой деревенькѣ, состоящей изъ пяти или шести дворовъ. Еще неудобство другого рода состоитъ въ томъ, что по этой системѣ попадается много рекрутъ изъ числа женатыхъ.

Для такихъ сложныхъ волостей и составныхъ обществъ крестьянъ слѣдуетъ производить наборы проще и правильнѣе, вообще способомъ, легко примѣнимымъ ко всѣмъ обществамъ по всему государству, съ тѣмъ, чтобы систему жеребьеваго порядка сдѣлать обязательною для всѣхъ участковъ повсемѣстно на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Высочайшій манифестъ назначаетъ число рекрутъ отъ каждой тысячи населенія мужского пола.

2) Военный министръ опредѣляетъ возрастъ рекрута и рекрутское депо въ каждой губерніи.

3) Казенная палата сообщаетъ всѣмъ волостнымъ правленіямъ, сколько слѣдуетъ сдать рекрутовъ изъ волости по числу жителей, и какая дробь или доля рекрутъ останется за волостью въ недоборѣ или въ переборѣ къ слѣдующему набору.

4) Волостныя правленія, по предварительномъ совѣщаніи волостного схода, самостоятельно приступаютъ къ набору и къ отдачѣ рекрутъ, прямо въ ближайшее рекрутское депо, съ письменнымъ приговоромъ схода.

5) Освобождаются отъ призыва къ жребію на основаніи рекрутскаго устава отъ статьи 905-ой до 909-ой.

6) Затѣмъ всѣ по возрасту подходящіе къ жеребію вынимаютъ номера два раза: въ первый разъ они подходятъ по порядку, какъ они записаны были въ ревизскихъ сказкахъ,—эти номера, вынутые въ первый разъ, опредѣляютъ очередь, по коей они должны подходить къ урнѣ; во второй разъ вынутые номера, запечатанные, опредѣляютъ отдачу въ рекруты.

7) Сверхъ опредѣленнаго числа рекрутскихъ номеровъ имѣть еще половинное число номеровъ, сравнительно съ полнымъ числомъ рекрутъ—для подставныхъ; на случай негодности рекрута, замѣняетъ его первый подставной по порядку номеровъ.

При послѣднихъ наборахъ поступили въ рекруты люди, имѣвшіе отъ 22-хъ до 30-ти лѣтъ отроду. Хотя такая разница въ лѣтахъ даетъ просторный выборъ и большой излишекъ противъ назначеннаго числа рекрутъ, но также представляетъ важный недостатокъ, заслуживающій быть отмѣненнымъ, а именно:

а) Семьянинъ 30-ти лѣтъ отроду въ теченіе 8-ми лѣтъ съ безпокойствомъ выжидаетъ ежегодно своей очереди.

б) Родители, не зная напередъ, когда очередь дойдетъ до сына, и желая скорѣе имѣть работницу, женятъ сына 18-ти лѣтъ, отчего у насъ большая часть, половина рекрутъ—все женатые.

в) Женатые рекруты оставляютъ женъ и дѣтей на попечительство или родныхъ, или обществъ,—и тѣ и другіе тяготятся ими.

Если же при слѣдующихъ, предстоящихъ наборахъ принято будетъ за правило вызывать на службу военную по жеребьевому порядку, напримѣръ:

въ	1871	году	изъ	родившихся	въ	1849 году
»	1872	»	»	»	»	1850 »

и такъ далѣе, смотря по требованію укомплектованія арміи, причемъ предоставить каждой волости, въ коей не оказалось бы достаточнаго числа способныхъ рекрутъ опредѣленнаго выше возраста, замѣнить ихъ по жеребью изъ родившихся въ предшествовавшемъ 1848-мъ или 1847-мъ году,—то такою системою набора устранились бы не только всѣ вышеупомянутыя затрудненія и недостатки, но оказалась бы существенная польза государству, обществу и арміи, именно:

а) Родители не стали бы женить сыновей своихъ до достиженія ими 22-хъ лѣтъ отроду.

б) Порода людей не стала бы мельчать и ослабѣвать, какъ теперь видимъ.

в) Армія состояла бы изъ холостыхъ солдатъ, а впослѣдствіи, чрезъ 25 лѣтъ, изъ людей крѣпкихъ и сильнѣе нынѣшнихъ.

г) Семейства и общества не были бы обременяемы заботами о содержаніи солдатки и воспитаніи дѣтей ея.

д) Семьянинъ 24-хъ лѣтъ отроду, съ полной увѣренностью, что очередь его прошла, занялся бы прилежнѣе хозяйствомъ и промысломъ.

Тутъ не упоминаю о непредвидѣнныхъ случаяхъ войны, требующихъ усиленнаго набора рекрутъ, потому что всѣмъ извѣстно по опыту и на дѣлѣ, что за царя и за отечество народъ охотно идетъ хоть поголовно. Въ рядахъ нашихъ войскъ 1812 года становились въ строй рядомъ люди трехъ поколѣній: отецъ, сынъ и внукъ.

Кстати свидѣтельствую, что состоявшіеся шесть послѣднихъ рекрутскихъ наборовъ доказали способности и успѣхи волостныхъ правленій и волостныхъ сходовъ по крестьянскому самоуправленію. Въ подтвержденіе моего замѣчанія служитъ общее мнѣніе всѣхъ крестьянъ о легкости и быстротѣ набора, и частное изумленіе прежнихъ атамановъ при сравниваніи нынѣшнихъ наборовъ съ прежними до 1855 года.

О домогательствахъ уѣздныхъ полицейскихъ управленій.

Нѣсколько уѣздныхъ полицейскихъ управленій, на основаніи статей 2516-ой и 2768-ой II тома 1-ой части, обратились къ мировымъ съѣздамъ и просили сдѣлать распоряженіе:

1-ое: «чтобы въ селеніяхъ, гдѣ имѣются полицейскіе сотскіе, были выбраны въ подчиненность имъ десятскіе, и какъ тѣхъ, такъ и другихъ отъ исполненія ихъ обязанностей никто изъ сельскихъ и волостныхъ начальниковъ не отвлекалъ, такъ какъ сотскіе и десятскіе выбираются и назначаются единственно для исполненія приказаній полицейскаго управленія, становыхъ и особыхъ возлагаемыхъ на нихъ обязанностей».

2-ое: «возложить на непремѣнную обязанность писарей, чтобы они полицейскимъ сотскимъ и десятскимъ прочитывали получаемыя ими предписанія и писали отвѣтныя донесенія въ полученіи пакетовъ и, при неграмотности ихъ, выдавали расписки».

Такого рода предложенія и исполненіе оныхъ нахожу не только не соотвѣтствующими новому положенію о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, но и несогласными съ новымъ положеніемъ и положительно тягостными для крестьянскихъ обществъ.

Упомянутыя статьи свода законовъ, на кои ссылаются уѣздныя полицейскія управленія, составлялись во время крѣпостного состоянія, когда сотскіе и десятскіе были нужнѣе для помѣщика и для полиціи, чѣмъ для крестьянина. Помѣщикъ зато отъ себя назначалъ сотскому и десятскому заступныхъ и освобождалъ ихъ отъ барщины и отъ всѣхъ повинностей; крестьянскія общества тогда не имѣли своего управленія и своихъ выборныхъ начальниковъ.

Въ новомъ положеніи только въ единой статьѣ, и то въ примѣчаніи, упоминается о сотскомъ. О десятскомъ же нигдѣ помину нѣтъ, и очень справедливо и послѣдовательно, оттого что въ общемъ положеніи, въ статьяхъ 60-ой, 63-ей и 85-ой, ясно сказано, что волостные старшины и сельскіе старосты обязаны исполнять безпрекословно всѣ *законныя* требованія земской полиціи. Ст. 83-я указываетъ точно и подробно всѣ полицейскія обязанности волостного старшины и вполнѣ уничтожаетъ надобность въ сотскихъ.

Можетъ статься, что на время переходнаго состоянія сотскіе, пока еще нужны по старой памяти и по старой привычкѣ; но обязать общества уволить сотскихъ и десятскихъ и семейства ихъ отъ работъ или повинностей было бы крайне несправедливо, если сообразимъ, что старшины и старосты, судьи и сборщики податей, имѣющіе гораздо болѣе дѣла и отвѣтственности, служатъ обществамъ безвозмездно. Сверхъ того, такая мѣра была бы разорительна для крестьянъ. По статьѣ 124 общаго положенія, «всѣ назначаемыя по выбору должностныя лица, на время ихъ службы, увольняются лично отъ всякихъ натуральныхъ повинностей, которыя за нихъ принимаетъ на себя общество», т. е. не отъ повинности за надѣлъ землею, потому что издѣльная повинность не есть повинность натуральная, и притомъ увольняются лица

должностныя только лично, а не семейства ихъ, о чемъ домогаются полицейскія управленія. Если же кто вздумаетъ причислить издѣльную повинность къ числу повинностей натуральныхъ, то и въ такомъ случаѣ не пришлось бы увольнять отъ работъ сотскаго и десятскаго, потому что большая часть крестьянъ на выкупѣ и на оброкѣ.

Къ тому еще во многихъ селеніяхъ сотскій получаетъ приказанія отъ станового пристава много что два раза въ мѣсяцъ,—за что же уволить его и семейство его отъ повинности, когда старшина и староста каждый день впопыхахъ по обязанностямъ въ волости и въ обществѣ, а отъ повинности не освобождаются?

Кромѣ того, приказанія и порученія полиціи не всегда относятся до крестьянъ,—за что же чужими дѣлами обременять однихъ крестьянъ? Напримѣръ, становой приставъ пишетъ по полицейскому дѣлу помѣщику, купцу, фабриканту, арендатору-мѣщанину, за что же обязать крестьянъ въ передачѣ этихъ бумагъ и еще волостного писаря въ отвѣтныхъ донесеніяхъ по дѣламъ, нисколько не касающимся до волостного правленія? Нахожу, что и нѣтъ никакой необходимости въ этомъ ни полицейскому управленію, ни становому приставу, который одинъ отъ себя выпускаетъ бумагъ до 12.000 номеровъ въ годъ и больше. Предположимъ изъ оныхъ 6.000 предписаній отъ себя, такъ остаются 6.000 отзывовъ на жалобы, прошенія, засвидѣтельствованія и проч., и проч. Съ доставляющими эти бумаги онъ можетъ отправить еженедѣльно по 120 пакетовъ! Никакое министерство не имѣетъ столько разсыльныхъ, которыхъ путь невольно ведетъ къ ближайшей волости или деревнѣ. Слѣдственно, и въ этомъ отношеніи не можетъ быть никакой остановки становому приставу, и онъ не нуждается въ десятскихъ, конныхъ или пѣшихъ, для разсылки приказаній. Если сотскій въ отлучкѣ или на работѣ, когда получается пакетъ изъ полиціи, то староста въ селеніи распорядится, а въ волостномъ правленіи во всякое время общественныхъ должностныхъ довольно.

Относительно другого домогательства уѣздныхъ полицейскихъ управленій—«о возложеніи на волостныхъ писарей въ непремѣнную обязанность, чтобы они прочитывали предписанія и писали отвѣтныя донесенія», не касающіяся дѣлъ волостныхъ и крестьянскихъ, нахожу также невозможнымъ къ обязательному выполненію, потому что волость нанимаетъ писаря для себя и для своихъ дѣлъ. Статьи 90, 91 и 93 общаго положенія подробно излагаютъ кругъ дѣйствій писаря, по коему ему довольно дѣлъ по волости, и онъ съ трудомъ можетъ справиться одинъ. Если же обязать его отписываться съ полиціей по дѣламъ, нисколько не касающимся волости и крестьянскихъ обществъ, то придется заводить по два и по три и болѣе писарей въ каждой волости, какъ, напримѣръ, завелось въ волостяхъ государственныхъ крестьянъ, и опять прибѣгать къ новымъ раскладкамъ и къ старымъ заплаткамъ. Сверхъ этого неудобства представится случай, съ одной стороны, писарю отговариваться отъ исполненія главной своей обязанности выполненіемъ побочнаго порученія, а съ другой стороны представится случай полиціи вмѣшиваться въ общественное управленіе крестьянъ и смѣщать писарей самыхъ исправныхъ по дѣлу крестьянскому, подъ предлогомъ неисправнаго выполненія порученій полицейскаго, между тѣмъ какъ послѣднее обстоятельство могло случиться именно въ тѣ дни, когда писарь по должности находился въ уѣздномъ казначействѣ или въ почтовой конторѣ, или въ одномъ изъ двадцати обществъ своей волости.

Короче сказать: полицейскія управленія просятъ о томъ, чтобы было по старому

порядку, между тѣмъ оно само получило новое преобразованіе, новый составъ, который долженъ соотвѣтствовать новому порядку по новому устройству. Всѣ предписанія правительства и новые законы отстраняютъ вмѣшательство полиціи въ общественное управленіе крестьянъ. Всѣ распоряженія всѣхъ министерствъ, признавая гражданскую полноправность крестьянъ, содѣйствуютъ ихъ самоуправленію. Еще недавно, по указу правительствующаго сената отъ 3 сентября 1863 года, наблюденіе за точнымъ исполненіемъ правилъ, установленныхъ для производства торговли и промысловъ, возлагается въ селеніяхъ на волостныя правленія. Въ каждомъ селеніи старшина и староста суть блюстители порядка и облечены полицейскою властью. Уѣздное полицейское управленіе нынѣ имѣетъ для исполненія всѣхъ законныхъ своихъ требованій не единаго сотскаго безграмотнаго, но цѣлое устроенное волостное и сельское правленіе.

Быстрое возвышеніе цѣнности земли.

Весь ходъ крестьянскаго дѣла, по значительному преобразованію въ теченіе первыхъ шести лѣтъ, былъ не только вполнѣ удовлетворительный, но и изумительный по громадности новыхъ учрежденій и по быстротѣ введенія оныхъ въ дѣйствіе. Преобразованіе это вызвало и обнаружило нужды и ущербъ одной части дворянскихъ и крестьянскихъ землевладѣльцевъ, что было естественно и неизбѣжно по новизнѣ учрежденій, по переходному состоянію, и можетъ быть вознаграждаемо съ выгодами для обѣихъ сторонъ только съ теченіемъ времени, съ улучшеніемъ путей сообщеній, съ увеличеніемъ промышленности и съ возвышеніемъ цѣнности земли. Это послѣднее условіе уже показало свое мощное дѣйствіе въ огромномъ размѣрѣ въ продолженіе послѣднихъ шести лѣтъ: арендная плата за землю пахотную возвысилась отъ 1 рубля до 3 рублей 50 копеекъ за десятину—на 250%.

Безбѣдно живутъ и исправно платятъ подати тѣ крестьянскія общества, кои отъ сосѣднихъ помѣщиковъ или арендуютъ земли, или получаютъ работы съ копны хлѣба и сѣна; неопровержимымъ тому доказательствомъ служатъ цѣлыя волости, особенно Комаровская. Въ бѣдности и не въ состоятельности по казеннымъ платежамъ перебиваются съ нуждою тѣ общества, кои, вмѣсто аренды и заработковъ съ копны, нанимаются за долги на поденную уборку хлѣба и сѣна по низкой цѣнѣ и подесятинно съ безобразными неустойками, на что въ волостныхъ правленіяхъ заключаются хотя условія законныя, но диктованныя крайнею нуждою должниковъ, забравшихъ деньги впередъ. Ожидаю важнаго облегченія для крестьянъ-собственниковъ, когда прекратится для нихъ дополнительный платежъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ вся эта пятая часть выкупной суммы будетъ уплачена; а съ уплаченными въ казну за ссуду выходитъ, что слишкомъ $^1/_4$ часть надѣльной земли уже откуплена.

Различныя мнѣнія о новѣйшихъ преобразованіяхъ.

Кругъ преобразованій въ Россіи такъ обширенъ, что сразу не обнимешь взоромъ, почему люди осторожные часто жалѣли, что все вводилось по различнымъ частямъ такъ скоро, что невозможно было вводить каждую часть съ потребною основательностью. На это нетрудно отвѣтить, что прежнее устройство было такое хилое и жалкое, что оно требовало всесторонней передѣлки всѣхъ частей одновременно и безотлагательно.

Какъ въ Россіи, такъ и въ чужихъ краяхъ слышны были голоса, порицавшіе слишкомъ быстрый переходъ отъ стараго порядка къ новому, и особенно осуждали общинное владѣніе землею. Тутъ они явно ошиблись въ обоихъ случаяхъ и про-

тиворѣчили себѣ: необходимость требовала реформъ, и какъ въ Россіи водилось у крестьянъ общинное *пользованіе* землею, то правительство, именно, чтобы не вдругъ все опрокинуть и чтобы уважить общинное или, по характеру русскаго народа, артельное хозяйственное управленіе, дозволило имъ перейти и къ общинному *владѣнію* землею. Общинное владѣніе не есть обязательное, принудительное или неизмѣнное. Напротивъ того, для незнакомыхъ съ новыми положеніями по этой части укажу изъ общаго положенія на статьи 36 и 37, по коимъ каждый членъ крестьянскаго общества можетъ требовать выдѣла участка земли въ *личную собственность* и только въ продолженіе первыхъ 9 лѣтъ участки эти не могутъ быть отчуждаемы посторороннимъ лицамъ или членамъ другого сельскаго общества.

Въ положеніи о выкупѣ статьи 162 и 163 разрѣшаютъ по согласію $^2/_3$ голосовъ на сходѣ, что общество можетъ раздѣлить пріобрѣтенныя земли на подворные участки въ *личную собственность.*

Ст. 165: если желающій пріобрѣсти участокъ въ *личную собственность* внесетъ выкупную ссуду, то общество обязано выдѣлить его.

Ст. 169 пунктъ 2, по истеченіи первыхъ 9 лѣтъ, допускаетъ члену продать *участокъ личный* чужому или постороннему, если этотъ послѣдній внесетъ выкупъ за этотъ участокъ.

Ст. 170: до погашенія выкупной ссуды пріобрѣтенная сельскимъ обществомъ или *отдѣльнымъ* крестьянскимъ дворомъ земля не можетъ быть представлена въ залогъ по обязательству съ казною или съ частнымъ лицомъ.

Ст. 172—179 дозволяютъ собственникамъ общинныхъ земель и *частныхъ* переходить въ другія общества и сословія какъ домохозяину цѣлаго двора, такъ и *отдѣльному члену* семейства.

Слѣдственно, въ мѣстностяхъ, гдѣ крестьянамъ общинное владѣніе землею покажется невыгоднымъ или стѣснительнымъ, тамъ предусмотрѣны случаи закономъ и указаны всѣ средства къ переходу изъ владѣнія общиннаго во владѣніе *частное* или *личное.*

Съ другой стороны, раздаются жалобы на неудовлетворительность волостныхъ правленій, по причинѣ недостаточнаго развитія крестьянъ, и доказываютъ, что нельзя обойтись безъ дворянскаго попечительства. Тутъ явное незнаніе важнаго факта, что еще во время крѣпостного состоянія милліоны помѣщичьихъ крестьянъ имѣли свое мірское правленіе; что милліоны государственныхъ крестьянъ управлялись безъ помощи дворянъ, своими выборными волостными головами; что полтора милліона сибиряковъ управлялись сами безъ дворянъ. Какъ же послѣ этого увѣрять, что крестьяне неспособны управлять собою, что имъ нуженъ надзоръ помѣщика? Нынѣ, по новымъ положеніямъ, волостныя правленія получили гораздо болѣе важное значеніе: они имѣютъ право скрѣплять сдѣлки и обязательства на сумму до 300 рублей. Эти записи и копіи съ нихъ въ случаѣ спора имѣютъ силу судебнаго доказательства. Пока крестьянину рѣдко встрѣтится сдѣлка свыше 300 рублей, онъ можетъ совершить дѣло въ своей волости, въ присутствіи односельцевъ и свидѣтелей своего волостного начальства, имъ же самимъ избраннаго. Каждый совершеннолѣтній крестьянинъ имѣетъ право голоса и право выбора своихъ ближайшихъ начальниковъ, представителей и судей.

Еще съ третьей стороны стараются очернить наши волостные суды. Читайте

о важномъ ихъ значеніи по статьямъ 96, 98, 99 общаго положенія и дайте имъ время все примѣнить; они сами постараются выбирать хорошихъ судей для себя, только не мѣшайте имъ, не сбивайте ихъ съ толку и дайте имъ время. Давно ли, когда у нихъ не было никакого суда кромѣ произвола помѣщика и приказчика?

Слѣдуетъ всѣми мѣрами поддерживать силу волостныхъ судовъ. Они не причиняютъ никакихъ расходовъ ни государству, ни земству, ни обществу. Волостной судъ окончательно рѣшаетъ споры и тяжбы цѣною до ста рублей; волостное правленіе свидѣтельствуетъ и скрѣпляетъ сдѣлки и обязательства на суммы до 300 рублей, поэтому почти всѣ крестьянскія сдѣлки и тяжбы могутъ быть окончательно рѣшены въ своемъ волостномъ судѣ, гдѣ никто лучше крестьянина-судьи не можетъ знать обстоятельствъ своего брата-крестьянина и односельца; онъ умышленно не покривитъ душою, зная, что обвиненный имъ можетъ чрезъ годъ самъ быть судьею и судить бывшаго судью своего; а сверхъ того гласность, присутствіе свидѣтелей и наблюденіе постороннихъ дѣйствуютъ и на крестьянина.

Есть еще лица, хорошо изучившія событія прошедшаго времени въ другихъ государствахъ и полагающія, что каждое отставшее государство должно двигаться впередъ испытаннымъ пробитымъ путемъ, по стопамъ Англіи, Германіи, Франціи и проч. Оборони Боже отъ такого пути, потому что пришлось бы Россіи начать съ крестовыхъ походовъ, съ рыцарства, съ феодальной системы, съ религіозныхъ войнъ и пройти по неурядицамъ между дворянами и горожанами съ крестьянами, испытать господство аристократіи родовой и аристократіи банковой или биржевой, и борьбу властей и крутыхъ переворотовъ. Благо, что уроки даны и пережиты, не вызывайте ихъ обратно. Дайте народу уразумѣть новыя права свои и пользоваться ими.

Еще слышимъ съ различныхъ сторонъ порицателей выкупной системы крестьянскихъ земель. Но дѣло уже рѣшено и начато; во многихъ мѣстахъ оно подвигается хорошо. Зато земельная собственность достается имъ не дарственнымъ образомъ, но они покупаютъ ее на собственныя свои деньги: дѣдъ и отецъ внесутъ главную часть выкупа, а сыну или внуку немного достанется доплатить, и тогда собственность будетъ неотъемлемая: во всѣхъ казначействахъ находятся свидѣтельства крестьянскихъ денежныхъ взносовъ сполна, и уже никто послѣ этого не отниметъ у нихъ земли.

По разсчету во всѣхъ крестьянскихъ обществахъ, заключившихъ выкупные договоры съ 1862 года и уплатившихъ помѣщику пятую часть выкупа, уже выкуплена слишкомъ четвертая часть всей надѣленной земли. Безъ сомнѣнія, сначала крестьянамъ трудно платить, если сообразимъ, что у нихъ нѣтъ запасныхъ капиталовъ, что почти половина членовъ крестьянскаго общества принадлежитъ къ числу непроизводящихъ—по старчеству, по младенчеству, по болѣзненности, по рекрутству — то, конечно, приходится очень трудно производящему работнику платить за себя и за непроизводящаго, особенно въ первое время, когда онъ долженъ также платить помѣщику дополнительный платежъ. Между тѣмъ, годъ за годомъ устройство желѣзныхъ дорогъ, открытіе каменноугольныхъ пластовъ и подземныхъ богатствъ, частная заводская и фабричная дѣятельность открываютъ новыя работы.

Кто внимательно вникнетъ во всѣ права, данныя русскому народу съ 1861 года, тотъ найдетъ, что Россія получила много такихъ правъ, какихъ еще не имѣютъ народы въ государствахъ образованныхъ; дайте только сроку, чтобы права эти съ печатнаго указа перешли въ умъ и въ сердце народа. Порицатели новыхъ порядковъ упускаютъ изъ виду, что совершенно невозможно, чтобы во столько же времени, сколько нужно на составленіе и на обнародованіе закона, возможно было и переродить человѣка и тотчасъ пріучить его къ новой жизни. Не перекраивайте, не перешивайте, не сбивайте съ толку: дайте людямъ спокойно примѣривать и приноровиться,—они скоро познаютъ всю цѣнность новыхъ правъ, за кои нельзя платить довольно дорого тому, кто за десять лѣтъ назадъ охотно предлагалъ тысячу рублей за личную свою свободу безъ земельной собственности.

Остается желать только одного, чтобы новыя дарованныя права были какъ можно скорѣе скрѣплены и обезпечены такимъ образомъ, чтобы впредь никакой *Борисъ Годуновъ* или *Василій Шуйскій*, или *Петръ Великій* не могли отнять ихъ или самовольно измѣнять ихъ, чтобы каждый русскій былъ совершенно увѣренъ въ ненарушимости гражданскихъ правъ своихъ и въ законности пріобрѣтенной земельной собственности.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ и его участіе въ тайномъ обществѣ 1816—1821 гг. [1]).

Объ этой замѣчательной личности, прочитавъ въ первой книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за январь 1874 года статьи полковника Д. А. Кропотова, подъ заглавіемъ: «Изъ біографіи графа Мих. Ник. Муравьева» — нашелъ я обмолвки и неправильные выводы касательно тайнаго общества вообще и участія, принятаго графомъ М. Н. Муравьевымъ въ основаніи и устройствѣ общества отъ 1816 до 1821 гг., что вызвало меня приступить тотчасъ къ возраженіямъ. Но различныя обстоятельства помѣшали мнѣ вовремя это исполнить, что теперь, когда со всѣхъ сторонъ умножаются дополненія и разъясненія по сему предмету, представляютъ мнѣ удобный случай обратиться опять къ печати, чтобы выставить неправильныя нареканія.

Выше означенный эпизодъ времени отъ 1816 до 1821 года для нѣкоторыхъ лицъ чрезвычайно щекотливъ. Названная книга—«Изъ библіографіи графа М. Н. Муравьева»—напомнила мнѣ книгу Ег. П. Ковалевскаго — «графъ Блудовъ и его время». Авторъ, желая въ ней отстранить или стереть обвиненіе Николая Ивановича Тургенева, только усилилъ и скрѣпилъ заслуженный укоръ; истинныхъ заслугъ и достоинствъ ни у кого отнять нельзя; ихъ было множество у составителя «донесенія слѣдственной комиссіи» (впослѣдствіи графа) Д. Н. Блудова; но при всѣхъ добродѣтеляхъ грѣшокъ все-таки остается грѣшкомъ, сколько бы ни старались оправдать или разукрасить, особенно когда отъ него пострадали другіе.

Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, пробывъ три года членомъ тайнаго общества, достигнувъ извѣстности какъ отличнѣйшій офицеръ, получивъ значительное прибавочное жалованье и чинъ подполковника, пренебрегъ всѣми ласковыми отговариваніями высшихъ своихъ начальниковъ и вышелъ въ отставку въ концѣ 1820 г. послѣ происшествія въ л.-гв. Семеновскомъ полку. Въ это время послѣдовали его примѣру много членовъ тайнаго общества изъ гвардіи: кто перешелъ на службу въ армейскіе полки, кто вышелъ въ отставку подъ предлогомъ болѣзни или по домашнимъ обстоятельствамъ, только чтобы удалиться изъ центровъ «Тайнаго общества». Молодые офицеры въ оберъ-офицерскихъ эполетахъ, съ огромнымъ запасомъ тогдашняго либерализма и филантропическихъ и космополитическихъ идей, дослужившись до штабъ-офицерскихъ эполетъ и до вакансіи въ отдѣльные начальники, въ полковые командиры и, наконецъ, убѣдившись, что Пав. Ив. Пестель и сообщники его не шутятъ и

---

[1]) Этотъ очеркъ напечатанъ въ „Русской Старинѣ“, томъ XLI, 1884, январь, стр. 61—70.

не забавляются голословными совѣщаніями на съѣздахъ и сходкахъ, а весьма серьезно увлеклись дѣломъ общества, — часть изъ нихъ умудрилась и послѣдовала примѣру М. Н. Муравьева.

Авторъ книги «Изъ біографіи М. Н. Муравьева» нѣсколько разъ недоумѣваетъ и тщетно ищетъ объясненій къ дѣйствительнымъ побужденіямъ къ основанію «Тайнаго общества» и къ вооруженному возстанію. Тутъ два вопроса о разнородныхъ предметахъ; на первый вопросъ всѣхъ лучше могъ бы отвѣтить самъ М. Н. Муравьевъ, на второй уже отвѣтилъ Кондр. Өедор. Рылѣевъ (смотри Записки декабриста, изд. 1870 г.).

На замѣчаніе автора, въ началѣ его 32 страницы, скажу только, что жестокосердіе Аракчеева побудило Рылѣева уже въ 1819 году написать и перевести элегію «Временщикъ» и что вредныя дѣйствія Матицкаго и Рунича подробно описаны барономъ Влад. Ив. Штейнгелемъ въ письмѣ его къ императору Николаю I, изъ Петропавловской крѣпости, отъ 11-го января 1826 года. Проекты названныхъ ученыхъ представлены были въ 1819 и 1821 гг., нѣсколько лѣтъ спустя послѣ основанія Тайнаго общества, слѣдственно не могли служить поводомъ къ основанію Тайнаго общества, но, напротивъ того, содѣйствовали къ поддержанію его, и, несмотря на выходъ многихъ членовъ, общество замѣтно все возростало до 1825 года.

Авторъ на страницѣ 35-й сообщаетъ, что на квартирѣ князя Серг. Петр. Трубецкого и Серг. Ив. Муравьева-Апостола собирались будущіе декабристы. Замѣчу только, что изъ нихъ Трубецкой, пять Муравьевыхъ, Якушкинъ и князь Шаховской были въ 1816 году членами Тайнаго общества, слѣдственно за четыре года до происшествія въ л.-гв. Семеновскомъ полку, которое не могло быть причиною основанія Тайнаго общества; оно уже раньше было основано, и, напротивъ того, послужило поводомъ къ охлажденію и удаленію многихъ членовъ. На той же страницѣ во второй выноскѣ сказано, что князь Ил. Вас. Васильчиковъ получилъ отъ одного лица сообщеніе для донесенія государю о существованіи обширнаго тайнаго политическаго общества. Это обстоятельство, — равно какъ и высочайшее замѣчаніе генералу С. Гр. Волконскому послѣ смотра, особенно же доносъ управляющаго канцеляріей комитета 15 августа о раненыхъ воинахъ, Грибовскаго, генералъ-адъютанту и начальнику гвардейскаго корпуса И. В. Васильчикову, — много содѣйствовало къ выходу изъ Тайнаго общества.

На 42-й страницѣ авторъ спрашиваетъ: «не имѣло ли вліяніе на учрежденіе Тайнаго общества возстановленіе Царства Польскаго?» — Безъ всякаго сомнѣнія, оно имѣло громадное вліяніе; кто же отказался бы отъ подобныхъ правъ и преимуществъ?

Далѣе, на 44-й страницѣ авторъ продолжаетъ: — «изъ декабристовъ Кондратій Рылѣевъ, въ думѣ своей «Иванъ Сусанинъ» и въ небольшомъ отрывкѣ изъ поэмы «Исповѣдь Наливайки», осмѣлился идти противъ общаго теченія, насколько тогда было возможно». Тутъ авторъ «Изъ біографіи» упустилъ изъ виду, что дума и отрывокъ поэмы были написаны гораздо прежде переговоровъ, возникшихъ въ Тайномъ обществѣ по польскому вопросу и начавшихся только въ 1825 году съ делегатами, имѣвшими инструкціи отъ Патріотическаго варшавскаго общества. Переговоры эти были прекращены въ томъ же 1825 году, и рѣшено было опять съѣхаться въ Кіевѣ въ 1826 году во время контрактовъ.

Дѣло о тогдашнемъ польскомъ вопросѣ запутано въ новѣйшее время не только

одною частью нашихъ журналовъ и газетъ, но и нѣсколькими бывшими членами Тайнаго общества, которые совершенно забыли, что въ 1825 году Царство Польское, конгрессовка, имѣла тогда свой отдѣльный сеймъ, свою армію, свои финансы, своихъ министровъ,—однимъ словомъ, было вполнѣ автономно. Для разъясненія противоположныхъ мнѣній достаточно будетъ только припомнить, что Польша 1825 года была не Польша 1831 и 1836 годовъ.

На страницѣ 46-й замѣчено въ выноскѣ:—«въ позднѣйшихъ запискахъ декабристовъ, изданныхъ въ шестидесятыхъ годахъ, встрѣчается совсѣмъ иной, болѣе зрѣлый выходъ» и прибавлено—«время умудряетъ». Затѣмъ приводится въ примѣръ бесѣда Никиты Муравьева съ однимъ пріѣзжающимъ о полномъ невѣжествѣ членовъ Тайнаго общества, не знавшихъ даже первыхъ основаній политическихъ наукъ. Что касается подготовки членовъ для политической дѣятельности, то кажется, что достаточно подготовлены были Пестель, Тургеневъ, Юшневскій, Батенковъ, Корниловичъ, фонъ-деръ-Бриггенъ, А. Н. Муравьевъ, М. Н. Муравьевъ, Никита Муравьевъ, Матв. Ив. и братъ его Серг. Ив. Муравьевы-Апостолы, М. Ф. Орловъ, С. Г. Волконскій, С. Петр. Трубецкой, М. Ф. Митковъ, Ив. Дм. Якушкинъ и другіе. Въ особенности тѣ изъ членовъ, которые вышли изъ Тайнаго общества и потомъ на дѣлѣ, на практикѣ доказали вскорѣ послѣ 1825 года свои знанія, способности, подготовку административную. Профессора политическихъ наукъ, ученые писатели по части политической экономіи полезны въ университетахъ, но вообще въ заговорщики не годятся, да и гдѣ же набрать ихъ для Тайнаго общества въ слишкомъ 600 человѣкъ, все однихъ профессоровъ политическихъ наукъ; да и во всей Европѣ не найдется и сотой части такихъ ученыхъ. Большинство или масса членовъ Тайнаго общества никогда и не думала, не мечтало быть законодателями, представителями, администраторами; они приняли на себя работы саперовъ, піонеровъ, мостовщиковъ. Тутъ вспомнился невольно отвѣтъ Вас. Ив. Давыдова слѣдственной комиссіи, докучавшей ему допросами о Тугендбундѣ—«я не членъ Тугендбунда, а просто бунта».

На страницѣ 47-й авторъ спрашиваетъ нетерпѣливо: «гдѣ же наконецъ слѣдуетъ искать дѣйствительныхъ причинъ основанія Тайныхъ обществъ?» На этотъ вопросъ все же самъ М. Н. Муравьевъ, какъ членъ и основатель Тайнаго общества, долженъ былъ отвѣтить всего положительнѣе, и могъ дать отвѣтъ самый ясный и утвердительный, когда, вскорѣ послѣ казни и ссылки своихъ прежнихъ товарищей, былъ губернаторомъ въ трехъ губерніяхъ различныхъ полосъ Россіи; слѣдовательно, тогдашніе внутренніе безпорядки были ему видны и осязательны. Нѣкоторыя другія причины основанія Тайнаго общества изложены въ «Запискахъ декабриста» 1870 г. Здѣсь въ замѣткѣ повторю только опредѣленіе Наполеона I:—«Une armée hors des frontièrs c'est l'état qui voyage!»—Наша армія провела слишкомъ два года въ чужихъ краяхъ, и цѣлый корпусъ кн. М. С. Воронцова три года стоялъ во франціи,—офицеры наглядѣлись и наслышались вдоволь. Еще долженъ напомнить, что основаніе тайныхъ политическихъ обществъ было тогда эпидеміей во всей Европѣ, какъ теперь стачки и союзы соціальные у раздавателей и принимателей работъ, у рабочихъ артелей, у кредитныхъ и акціонерныхъ обществъ, по банкамъ, фабрикамъ и желѣзнымъ дорогамъ.

На 48-й страницѣ читаемъ краснорѣчивый укоръ, что «декабристы забыли завѣщаніе господина Великаго-Новгорода!!»—А мнѣ, напротивъ того, кажется, что они слишкомъ хорошо помнили главный пунктъ завѣщанія, о коемъ упоминаетъ даже

историкъ Карамзинъ. На той же страницѣ еще другое ошибочное нареканіе, что «эксцентрическій способъ исправленія нашихъ гражданскихъ неустройствъ былъ пущенъ въ ходъ преимущественно тѣми изъ декабристовъ, которые воспитывались не въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ и подъ руководствомъ иноземныхъ наставниковъ». Противъ этой замѣтки скажу, что Пестель воспитывался въ пажескомъ корпусѣ, Юшневскій въ московскомъ университетѣ, Норовъ въ пажескомъ корпусѣ; Корниловичъ въ одесскомъ ришельевскомъ лицеѣ, фонъ-деръ-Бриггенъ въ училищѣ Св. Петра въ Петербургѣ, Батенковъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, баронъ Штейнгель въ морскомъ корпусѣ, Минковъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, Никита Муравьевъ въ московскомъ университетѣ, Александръ и Михаилъ Николаевичи Муравьевы въ Москвѣ въ отцовскомъ училищѣ колонновожатыхъ, Матвѣй и Сергѣй Ивановичи Муравьевы-Апостолы въ училищѣ путей сообщеній генерала Бетанкура, Якушкинъ въ московскомъ университетѣ, Фонвизинъ въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ...

На страницѣ 60 читаемъ: «Мысль объ освобожденіи крестьянъ не была у декабристовъ плодомъ наблюденія дѣйствительной жизни, но случайностью, навѣянною извнѣ». Тутъ представляется или грубая ошибка, или полное невѣдѣніе автора, извлекшаго свои главныя показанія изъ донесенія слѣдственной комиссіи. При всѣхъ сходкахъ и съѣздахъ членовъ Тайнаго общества, Николай Ив. Тургеневъ такъ настойчиво требовалъ эмансипаціи, такъ обстоятельно излагалъ необходимость и различныя средства къ тому, что даже наскучилъ своими проектами. Сверхъ того, хорошо извѣстно и дознано, что объ этомъ освобожденіи уже давно прежде основанія Тайнаго общества, думали въ Россіи передовые люди екатерининскихъ временъ. Въ царствованіе Александра I крестьяне прибалтійскихъ губерній были освобождены изъ крѣпостной зависимости, когда крѣпостные люди еще водились въ Виртембергѣ, въ Мекленбургѣ, въ Лузаціи, въ Гогенцоллеръ-Зигмарингенѣ. Вопросъ этотъ былъ не тайный; тотъ же Ник. Ив. Тургеневъ по этому дѣлу подавалъ свои проекты Александру I, и только Александръ II совершилъ то, чего, на основаніи доказанныхъ и искреннихъ желаній Екатерины II, Александра I и Николая I не умѣли и не могли исполнить.

Кажется, что уже довольно ясно засвидѣтельствовано было, почему это важное дѣло пропущено въ донесеніи слѣдственной комиссіи, и если бы авторъ сочиненія «Изъ біографіи М. Н. Муравьева» не указалъ на посторонніе источники, то я воздержался бы отъ всякаго возраженія, потому что уже давнымъ-давно опредѣлено значеніе и невѣрность названнаго донесенія всѣми людьми свѣдущими, уважающими истину.

Все, что напечатано отъ 61 до 65 страницы противъ характера и противъ дѣйствій П. И. Пестеля, почерпнуто изъ мутныхъ источниковъ. На стран. 63 изобличается двуличіе и вѣроломство Пестеля не фактическими его дѣйствіями, но предположеніями, какъ поступилъ бы онъ со всѣми заговорщиками-убійцами для отклоненія себя и друзей своихъ отъ всякаго подозрѣнія въ гнусномъ злодѣйствѣ. Это укоризненное обвиненіе или подозрѣніе такъ грязно, такъ низко и такъ лживо, что я смѣло могу поручиться, что самъ составитель слѣдственной комиссіи этому не повѣрилъ. Мнѣ нетрудно нѣсколькими словами уничтожить такое злословіе, такъ что не останется никакого заподозрѣнія; мнѣ стоитъ только обратиться къ читателямъ безпристрастнымъ: — допустимъ, что Пестель въ самомъ дѣлѣ былъ такой безсовѣстный, подлый и коварный злодѣй, то сознайтесь, что онъ не былъ такъ глупъ, чтобы кому бы то ни было высказать такое злодѣйское намѣреніе.

Къ числу низкихъ обвиненій принадлежитъ и другая клевета—о жестокомъ обращеніи Пестеля съ солдатами. Въ вятскомъ пѣхотномъ полку его долго служилъ маіоръ Гноевой, дядя бывшаго товарища министра внутреннихъ дѣлъ Тройницкаго. Маіоръ этотъ вовсе не раздѣлялъ политическихъ мнѣній своего полкового командира. Въ многолѣтней службѣ своей пріобрѣлъ онъ много опытности, пережилъ много полковыхъ командировъ и отзывался о Пестелѣ, какъ о начальникѣ справедливомъ, который обходился съ солдатами, какъ нынѣ въ новѣйшее время съ ними обходятся. Если вы въ донесеніи слѣдственной комиссіи не найдете правды по этимъ обвиненіямъ, то невольно сознайтесь, что въ такомъ важномъ актѣ, какъ донесеніе слѣдственной комиссіи, нельзя же обвинять подсудимаго за тайныя его мысли, за его предположенія, и вы, при нѣкоторой проницательности, легко узнаете тѣхъ друзей и пріятелей, которые взваливали всю бѣду и отвѣтственность на Пестеля, чтобы уменьшить свою виновность. Если за всѣми указаніями остается у кого хоть малѣйшее еще сомнѣніе на счетъ личности Пестеля, тому укажу на послѣдній день жизни главнаго его предателя, которому суждено было опровергнуть клевету самымъ разительнымъ образомъ и запечатлѣть ее своею кровью. Смотри «Русскій Вѣстникъ» 1872 года за іюль мѣсяцъ: «Очерки Кавказа и послѣдній день жизни полкового командира, полковника Майбороды».

Недоразумѣнія или несогласія между Никитою Муравьевымъ и Пестелемъ имѣли совсѣмъ другія начала. Вожаки двухъ отдѣльныхъ частей единаго тайнаго общества, по коимъ одинъ неустанно и ретиво рвался впередъ, а другой—осторожно и нерѣшительно замедлялъ и тормозилъ движеніе, они естественнымъ образомъ не могли сойтись въ выборѣ средствъ къ успѣшному единовременному общему дѣйствію. Въ продолженіе восьми лѣтъ, проведенныхъ въ мѣстахъ забайкальскихъ заточеній, въ Читѣ и въ Петровскѣ, гдѣ мы такъ широко пользовались единственною намъ предоставленною свободою живого слова, какъ ни въ какомъ парламентѣ европейскомъ, я никогда не слыхалъ ни единаго слова презрительнаго и унизительнаго противъ Пестеля и Н. И. Тургенева. Въ донесеніи слѣдственной комиссіи все взваливали на Пестеля, также и на Никиту Муравьева; были сдѣланы ложныя показанія противъ Н. И. Тургенева, какъ объяснилось послѣ приговора суда. Я видѣлъ почти всѣхъ, имѣвшихъ очныя ставки съ Пестелемъ, и никто не упрекнулъ его въ вѣроломствѣ. На первомъ допросѣ онъ отперся отъ всего, по данному обѣщанію своимъ предъ послѣднимъ выѣздомъ своимъ въ Тульчинъ, сказавъ Зайкину и Бобрищеву-Пушкину 1-му: «спрячьте мою «Русскую Правду», а я ничего не открою». Когда же въ слѣдственной комиссіи нахлынули чистосердечныя показанія, вынужденныя признанія, раскаянія, разоблаченія частныхъ и дружескихъ бесѣдъ, даже грезы и пугалища темничныхъ сновидѣній; когда съ больной головы сваливали все на здоровую, тогда Пестеля почти ежедневно, даже по нѣскольку разъ въ день, водили къ допросамъ и на очныя ставки, тогда раскаяніе многихъ подсудимыхъ и физическія страданія и желаніе освободиться выдавали за истину несбыточныя предположенія, о коихъ упомянуто выше.

Отъ страницъ 63 до 81 Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ выставленъ ангеломъ-хранителемъ, всячески подвизающимся за спасеніе старшаго брата своего Александра и всѣхъ увлеченныхъ имъ несчастныхъ жертвъ легкомыслія и невѣдѣнія. Авторъ книги «Изъ біографіи Михаила Николаевича Муравьева» ясно намъ указываетъ на

заговоръ его противъ заговора. На сторонѣ оппозиціи Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ занимаетъ хотя и не первое мѣсто, но довольно видное по первому основанію Тайнаго общества, занявшись переводомъ устава Тугендбунда. Первое и главное мѣсто въ оппозиціи принадлежитъ основателю Тайнаго общества, старшему родному брату его, Александру, который, усомнившись въ своемъ предпріятіи, перемѣнилъ свой образъ мыслей и откровенно прервалъ всѣ свои сношенія съ Тайнымъ обществомъ двумя годами прежде брата своего, Михаила Николаевича.

Выходъ изъ Тайнаго общества былъ совершенно свободный; вышли очень много членовъ, особенно изъ болѣе зрѣлыхъ и болѣе въ чинахъ и орденахъ, особенно въ 1821 году, по примѣру Михаила Өедоровича Орлова, князя Долгорукова, Граббе, Ө. Н. Глинки, и сверхъ того много такихъ членовъ, которые даже не были ни арестованы, ни допрашиваемы, короче сказать—всѣ добровольно удалившіеся и уже больше никогда не принимавшіе участія въ совѣщаніяхъ. Къ числу удалившихся принадлежалъ осторожный Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ.

На страницѣ 65-ой есть указаніе на письмо генералъ-адъютанта Павла Христофоровича Граббе, напечатанное въ «Русской Старинѣ», изд. 1872 года. Тутъ я долженъ высказаться напрямикъ, что я многими доказательствами убѣжденъ въ полной правдивости Павла Христіановича Граббе; въ такой же степени я убѣжденъ въ правдивости Якушкина, братьевъ Фонвизиныхъ и Бурцева. Разногласіе показаній могло произойти отъ неясности изложенія по этому обстоятельству: условія Михаила Федоровича Орлова, о коихъ писалъ Иванъ Дмитріевичъ Якушкинъ, могли быть заявлены не формально, не въ полномъ собраніи всѣхъ членовъ съѣзда, иначе Павелъ Христофоровичъ Граббе слышалъ бы ихъ; но предложенныя условія еще до открытія засѣданія были сообщены Якушкину и Фонвизинымъ, почему, при прощаніи Орлова съ послѣдними, онъ указалъ не на собраніе членовъ, а только на Якушкина, и прибавилъ: «вотъ кто никогда не проститъ мнѣ моего проступка!» Предложенныя условія были до крайности революціонныя, и какъ они были отвергнуты, то послужили ему предлогомъ къ выходу изъ Тайнаго общества.

Но какъ личность Орлова заманила многихъ къ поступленію въ Тайное общество, то послѣ рѣшеній судебныхъ приговоровъ одно очень важное лицо сказало своимъ приближеннымъ: «Орлова слѣдовало бы повѣсить перваго!» Всѣ прочіе члены, покинувшіе Тайное общество, не имѣли никакой надобности объясниться или прибѣгнуть къ проискамъ для побудительныхъ причинъ своего выхода; они вступили въ общество, они отстранились, вышли изъ него, они не были изъ числа основателей.

Не знаю для чего, по словамъ автора «Изъ біографіи Михаила Николаевича Муравьева», упоминается о почтенномъ А. М. Бакунинѣ,—«что въ его кабинетѣ выработался планъ похода противъ Пестеля»,—развѣ для того, чтобы составить заговоръ противъ заговора.

Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ имѣлъ такой умъ положительный, математическій, что онъ въ этомъ дѣлѣ самъ былъ для себя лучшимъ совѣтчикомъ, а въ случаѣ неожиданной развязки или безвыходнаго положенія, онъ все еще могъ руководствоваться своими правилами, или обратиться къ все разрѣшающему въ то время графу Алексѣю Андреевичу Аракчееву. Хорошо помню, какъ члены, не вышедшіе изъ Тайнаго общества въ походѣ 1821 и 1822 гг. въ Минскѣ, въ Вильнѣ и въ Бѣ-

шенковицахъ напѣвали пѣсенку, которою поминали бывшихъ своихъ товарищей себѣ на умѣ и устрашившихся новаго оборота дѣйствій.

Въ заключеніе остается мнѣ благодарить Д. А. Кропотова (нынѣ, впрочемъ, уже покойнаго), автора статьи «Изъ біографіи Михаила Николаевича Муравьева», за доставленный мнѣ случай пояснить затемненные эпизоды давно прошедшаго времени. Надо воздать справедливость и Михаилу Николаевичу Муравьеву, что онъ послѣ вторичнаго заговора противъ Пестеля дѣйствовалъ всегда прямо и, бывъ назначенъ губернаторомъ въ Гродно, выказалъ себя начистоту предъ созваннымъ дворянствомъ: suum cuique!—Что же касается его рѣшительныхъ мѣръ, какъ усмирителя возставшихъ малолюдныхъ бандъ или ватагъ бунтовщиковъ 1863 года, то на его автобіографію слѣдуетъ выжидать разбора свѣдѣній о подстрекавшихъ его внутреннихъ сторонникахъ, такъ равно и свидѣтельство усмиренныхъ мятежниковъ.

Въ майской книжкѣ «Русской Старины» появилось слѣдующее дополненіе къ этой статьѣ.

«Къ моей статьѣ въ «Русской Старинѣ», изд. 1884 года, январь, «Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ», прошу прибавить нѣсколько строчекъ въ защиту Павла Ивановича Пестеля.

Прочтите записки графа Павла Дмитріевича Киселева, Парижъ, 1883 г., бывшаго намѣстника Молдавіи и Валахіи, министра государственныхъ имуществъ, наконецъ, посла въ Парижѣ.

Безъ умиленія, безъ особаго чувства невозможно прочесть его воспоминанія о вечерахъ, проведенныхъ имъ въ имѣніи Тульчинѣ, Подольской губерніи, въ сообществѣ Пестеля, Юшневскаго, Сергѣя Ивановича Муравьева-Апостола, Бурцева и другихъ, когда онъ былъ тамъ только начальникомъ штаба 2-ой арміи князя Витгенштейна.

Марта 9 дня, 1884 года. Викнина.

II.

Разсказъ П. И. Фаленберга.

Мы печатаемъ разсказъ П. И. Фаленберга такъ, какъ онъ, по плану Розена, долженъ былъ войти въ его „Записки". Записки Фаленберга были помѣщены въ „Русской Старинѣ" (т. XXXVIII 1883, іюнь, стр. 573 и слѣд.), съ слѣдующимъ письмомъ и предисловіемъ Розена.

Викнина. 29-го сентября 1882 г.

«Достойно уважаемый Михаилъ Ивановичъ! Въ полезной «Русской Старинѣ» вашей за сентябрь мѣсяцъ, изд. 1882-го года, на стр. 626, по вопросу о лѣтахъ Петра Ив. Фаленберга, могу засвидѣтельствовать, что сынъ его Ѳедоръ Петровичъ правильно показалъ, что отецъ его скончался въ 1873 г., имѣвъ 82 года отъ роду.

Я имѣлъ въ рукахъ весьма занимательную подлинную статью П. Ив. Фаленберга въ 33 страницы большого формата, съ позволеніемъ напечатать ее; она не могла быть помѣщена въ моихъ запискахъ въ Лейпцигѣ въ 1870 г., потому что я получилъ ее въ 1872 г. Прилагаю здѣсь подлинное его письмо ко мнѣ. Если сынъ его напечаталъ эту статью въ «Рус. Арх.» (изд. 1877 г., книга III, стр. 92),—то имѣлъ полное право наслѣдственное, но я сомнѣваюсь, чтобы онъ напечаталъ безъ пропусковъ. Подлинникъ этой статьи возвращенъ мнѣ по желанію автора, но копію, мною лично снятую, передалъ я Н. А. Некрасову для напечатанія въ «Отеч. Зап.» со всѣми моими дополненіями и новыми прибавленіями; но эпизодъ изъ жизни П. И. Фаленберга не явился въ печати въ «Отечеств. Запискахъ». Я не нахожу ни малѣйшей причины къ этому—развѣ только потому, что въ этой статьѣ упоминаются личности,—Чернышевъ, Левашевъ, Бенкендорфъ, Раевскій и многіе др.,—но совершенно безобидно.

Вѣроятно, по такой же причинѣ отвергли не менѣе занимательную статью мою изъ записокъ Мих. Ив. Пущина II; въ ней упоминается Ив. Ѳед. Паскевичъ и много дѣйствователей кавказскихъ, все фактически и безобидно.

Лучшимъ и справедливѣйшимъ цензоромъ моихъ записокъ, очерковъ и статей имѣлъ я въ моемъ главномъ благодѣтелѣ, въ лицѣ императора Александра II, сказавшаго при многихъ свидѣтеляхъ:

— «Знаю, что Розенъ никогда не напишетъ и не напечатаетъ ничего вреднаго!»

Глубоко уважающій васъ баронъ *Андрей Розенъ*».

Вотъ въ переводѣ выдержка изъ письма Петра Ив. Фаленберга къ барону Андрею Евгеніевичу Розену на нѣмецкомъ языкѣ:

Бѣлгородъ, 22 сентября 1872 г.

«Послѣднія два письма, дорогой старый другъ Андрей Евгеніевичъ, отъ 14 и 18 сего мѣсяца, я получилъ и спѣшу отвѣтить:

Въ первомъ письмѣ вы изъявляете желаніе помѣстить въ новомъ изданіи вашихъ «Записокъ» эпизодъ моего осужденія и ареста въ крѣпости; на что даю вамъ полное мое согласіе.

Хотя мой манускриптъ назначенъ былъ только, какъ наслѣдство, моимъ дѣтямъ, но какъ при строгости печати подобныя истины были нетерпимы, то манускриптъ мой тлѣлъ втайнѣ, а теперь, когда время и обстоятельства повернули къ лучшему, то истина можетъ выступить на дневной свѣтъ!»

Когда мои «Записки» были напечатаны отрывками на нѣмецкомъ языкѣ въ 1869 году подъ заглавіемъ—Aus den Memorien eines Russischen Decabristen—и русскій подлинникъ уже поступилъ въ печать, то получилъ я ниже помѣщенный манускриптъ отъ товарища и соизгнанника моего, Петра Ивановича Фаленберга, умершаго въ 1873 году 13-го февраля, въ Бѣлгородѣ, Курской губерніи, и похороненнаго въ Харьковѣ.

Рукопись эта заключаетъ въ себѣ поучительныя указанія и примѣръ ложнаго самообвиненія, который можетъ послужить новымъ предостереженіемъ, какъ осторожно и предусмотрительно должны поступать судьи. Рукопись эту сообщаю слово въ слово, и читатель самъ выведетъ свое заключеніе.

Баронъ *А. Е. Розенъ.*

Викнина. 13-го іюля 1870 г.

Въ 1822 году, въ одинъ лѣтній день, полковникъ свиты его величества Фаленбергъ, съ адъютантомъ главнокомандующаго второю арміею, княземъ Барятинскимъ, послѣ дружескаго завтрака у послѣдняго, отправились изъ Тульчина въ учебный баталіонъ, стоявшій лагеремъ за нѣсколько верстъ отъ главной квартиры. Обоимъ нужно было посѣтить командира того баталіона подполковника Аврамова. Дорогою завязался разговоръ о безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ по военной части, и склонился на несправедливости, притѣсненія и самоуправіе вообще. Разсуждая объ этомъ, они легко вывели заключеніе, что источникъ всего зла скрывается въ неограниченномъ правленіи, въ которомъ самовластіе выше всякаго закона. Фаленбергъ, недавно испытавшій примѣръ неправосудія по процессу своего отца, въ благородномъ негодованіи, съ откровенностью воина, обнаружилъ образъ своихъ мыслей. Сопутникъ его тотчасъ замѣтилъ, что онъ не изъ числа безусловныхъ поклонниковъ власти и видитъ вещи въ настоящемъ ихъ видѣ; а потому, какъ бы ухватясь за этотъ порывъ благородной души, не замедлилъ объявить ему, что есть люди, которые, совершенно раздѣляя эти чувства, соединились между собою тѣсными узами единомыслія и составили тайное общество.

«Какая же цѣль этого общества?»,—спросилъ Фаленбергъ.

«Избавить отечество отъ порабощенія»,—отвѣчалъ Барятинскій,—«и ввести правленіе конституціонное».

«Но Россія далеко еще не готова къ принятію такого правленія»,—замѣтилъ Фаленбергъ.

«Правда»,—сказалъ Барятинскій,—«и потому-то въ планѣ общества принято правиломъ, прежде всего распространять просвѣщеніе и свободомысліе; а между тѣмъ, отыскивая повсюду людей съ благороднымъ духомъ и независимымъ характеромъ, безпрестанно ими усиливаться; когда же общество будетъ такъ сильно, что голосъ его не сможетъ быть неуваженъ, потребовать отъ государя настоятельно конституціи такой же, какъ въ Англіи».

«Прекрасно! О, если бы то сбылось!»—воскликнулъ Фаленбергъ съ восторгомъ.

«Знай же»,—сказалъ Барятинскій,—«я членъ этого общества, и могу принять тебя сей же часъ. Хочешь ли быть нашимъ собратомъ? Фаленбергъ нѣсколько призадумался, но вскорѣ спросилъ въ свою очередь: «Но изъ кого состоитъ это общество? по крайней мѣрѣ я желалъ бы знать хоть нѣкоторыхъ членовъ». Помолчавъ немного, Барятинскій отвѣчалъ: «Я не долженъ говорить: наши правила это запрещаютъ; но тебѣ, какъ человѣку благородному, въ которомъ я увѣренъ, могу наименовать двухъ общихъ нашихъ знакомыхъ Пестеля и Юшневскаго». Уважая обоихъ, какъ по уму, такъ и по душевнымъ качествамъ, Фаленбергъ не замедлилъ отвѣчать: «Какъ скоро такъ, охотно радъ!» Барятинскій крѣпко пожалъ ему руку —и такимъ образомъ совершился пріемъ Фаленберга въ Тайное общество.

Послѣ этого Барятинскій объявилъ неофиту, что, по правиламъ общества, онъ обязанъ знать только того, кто его принялъ, и ни съ кѣмъ другимъ о дѣлахъ общества не говорить, хотя бы навѣрное зналъ, что говоритъ съ членомъ; самъ же не иначе можетъ принимать въ члены, какъ давъ напередъ знать ему и получивъ его согласіе.

Окончивъ свои дѣла въ учебномъ баталіонѣ, Фаленбергъ возвратился домой и, размышляя о нечаянномъ вступленіи своемъ въ общество, облеченное тайною, заключилъ, что это родъ нѣкотораго масонства, и какъ объявленная ему цѣль, составляющая благо отечества, была согласна съ благороднымъ образомъ его мыслей, то онъ не только полагалъ, что сдѣлалъ ужасное преступленіе, но даже и не подозрѣвалъ, чтобы тутъ могло таиться что-либо предосудительное или опасное для его спокойствія и чести.

Однажды, при свиданіи съ полковникомъ Пестелемъ, Фаленбергъ сдѣлалъ ему нескромный вопросъ объ успѣхахъ общества. Пестель смѣшался, отвѣчалъ невнятно и съ примѣтною уклончивостью. Этого было достаточно, чтобы вспомнить о нарушеніи правила и прекратить разговоръ. При первой послѣ того встрѣчѣ, Барятинскій попенялъ ему за нескромность и, увѣряя, что получилъ нагоняй отъ Пестеля, просилъ впредь быть осторожнѣе,

Послѣ смотра второй арміи, бывшаго въ 1823 году, Фаленбергъ взялъ отпускъ и уѣхалъ въ Воронежскую губернію. Здѣсь проведя почти весь 24 годъ, онъ познакомился съ семействомъ Раевскихъ, и отличивъ въ немъ дѣвушку по сердцу, вознамѣрился жениться. Чтобы исходатайствовать дозволеніе, въ іюлѣ онъ пріѣхалъ въ Тульчинъ и, пробывъ тутъ весь августъ, опять уѣхалъ въ Воронежъ. Женившись въ 1825 году, онъ оставался въ домѣ тестя своего до іюня мѣсяца. Когда наконецъ онъ собрался съ своею женою въ обратный путь, родители, какъ водится по русскому обычаю, затеплили передъ образами свѣчи, велѣли всѣмъ сѣсть; потомъ вставъ помо-

лились Богу и благословили свою дочь. При этомъ случаѣ растроганная мать, вручая ее мужу, сказала со слезами: «не покинь ее».

«Да оставитъ меня Богъ, если я ее оставлю»,—отвѣчалъ Фаленбергъ отъ полноты стѣсненнаго сердца, поднявъ руку и возведя глаза къ небу.

Едва Фаленбергъ успѣлъ возвратиться въ Тульчинъ, какъ молодая впала въ жестокую болѣзнь. Находясь безотлучно при ней, онъ выходилъ изъ дома только по необходимымъ обязанностямъ службы. Его не посѣщалъ никто кромѣ врача, пользовавшаго больную. Это былъ дивизіонный докторъ Шлегель, находившійся тогда при главной квартирѣ.

Такимъ образомъ, во все время, съ его пріѣзда до полученія извѣстія о кончинѣ императора Александра, Фаленбергъ только три раза имѣлъ случай видѣться съ Барятинскимъ и то, такъ сказать, урывками. Въ первое свиданіе Барятинскій успѣлъ ему сказать, что къ Тайному обществу присоединилось другое такое же, но не объяснилъ, какое именно. Во второе, онъ его увѣдомилъ, будто бы вся гвардія на сторонѣ общества. Въ третье и послѣднее Барятинскій сказалъ ему, что генералъ графъ Витте желаетъ вступить въ общество и грозитъ открыть его, если не будетъ принятъ. Всѣ сіи извѣщенія сдѣланы были такъ слегка, что Фаленбергъ, занятый единственно болѣзнью любезной своей жены, не имѣлъ ни времени, ни желанія—ни разспрашивать о нихъ въ подробности, ни заниматься ими серьезно.

Наступило время розысковъ и арестовъ по доносу двухъ предателей—Майбороды и Шервута. Пестеля арестовали 14 декабря, въ тотъ самый день, когда на сѣверѣ въ первый разъ потекла ручьями кровь за свободу и права человѣчества. Барятинскій въ это время нарочно отправился съ бумагами въ главную квартиру генерала Сабанѣева, который начальствовалъ корпусомъ войскъ въ Бессарабіи.

Вскорѣ послѣ того, докторъ Шлегель принесъ къ Фаленбергу полученное при газетахъ объявленіе правительства о происшествіи 14-го числа и объ открытіи Тайнаго общества. Въ этомъ объявленіи сгоряча было сказано, что это толпа злонамѣренныхъ злодѣевъ, съ гнусными лицами, извергов, посягавшихъ на цареубійство и на истребленіе всей императорской фамиліи.

Прочитавъ это, Фаленбергъ содрогнулся: ему не приходило даже на мысль, чтобы въ обществѣ, къ которому онъ принадлежалъ, впрочемъ, по одному сорвавшемуся съ языка слову, могло быть замышляемо что-либо подобное. Онъ чувствовалъ въ совѣсти, что не могъ участвовать въ такомъ намѣреніи, и не согласился бы принадлежать къ обществу, если бы ему дѣйствительно открыто было что нибудь похожее. И такъ онъ оставался покоенъ, полагая, что Барятинскій одинъ знаетъ о немъ, и конечно умолчитъ, какъ о человѣкѣ, который не принималъ ни въ чемъ никакого участія и даже не зналъ ничего существующаго по обществу.

Вышло однакожъ иначе. Января 11-го докторъ Шлегель вошелъ къ нему въ примѣтномъ смущеніи. Послѣ первыхъ привѣтствій, устремивъ на него значительный взоръ, онъ сказалъ: «ну, одного изъ насъ также увезутъ».

«Васъ!»—прервалъ Фаленбергъ съ видомъ шутки,—«быть не можетъ, мы васъ не отпустимъ ни за что, всѣми силами ухватимся за васъ и конечно отстоимъ».

«А когда такъ»,—промолвилъ Шлегель, схватя его за руку и дружески пожимая ее,—«то вамъ ужъ придется ѣхать».

Тутъ, какъ громомъ пораженный—Фаленбергъ почувствовалъ всю жестокость удара.

Извѣстный добротою сердца, графъ Витгенштейнъ, съ огорченіемъ взиравшій на арестованіе многихъ достойныхъ людей изъ самаго штаба своего, сдѣлалъ для Фаленберга все, что могъ. Онъ велѣлъ дать ему четыре дня на приготовленіе жены къ сей ужасной разлукѣ. Соображаясь съ чувствами главнаго начальника, и дежурный генералъ, пришедшій арестовать его, согласился не вводить въ домъ часовыхъ; но удовольствовался приставить одного къ воротамъ, чтобы не возбудить въ больной подозрѣнія.

Положеніе Фаленберга было самое затруднительное. Объявить женѣ истину—значило свести ее преждевременно въ гробъ, быть ея убійцею. Оставалось одно—обмануть ее. Итакъ, онъ рѣшился объявить ей, что получилъ повелѣніе немедленно ѣхать въ Бессарабію, по дѣламъ особенной важности, которыя, впрочемъ, никакъ долѣе трехъ недѣль его тамъ не задержатъ. Онъ присовокупилъ обѣщаніе писать къ ней какъ можно чаще. Сколь ни огорчило это больную, но, повидимому, она великодушно рѣшилась покориться необходимости, умоляла только не замедлить. Желая поддержать ее въ этомъ заблужденіи, Фаленбергъ приготовилъ нѣсколько писемъ изъ разныхъ мѣстъ Бессарабіи, отъ разныхъ чиселъ и просилъ доктора Шлегеля доставлять ихъ женѣ, какъ бы полученныя съ почты.

Для препровожденія его въ С.-Петербургъ назначенъ былъ адьютантъ главнокомандующаго, полковникъ Горленко. Отправляясь съ нимъ 15 числа января, Фаленбергъ просилъ пріятеля своего штабъ-лекаря Вольфа, чтобы онъ, съ своей стороны, не оставлялъ также навѣщать больную, ни мало не подозрѣвая, что Вольфъ, какъ членъ общества, вскорѣ самъ послѣдуетъ за нимъ. Радушно обѣщая исполнить его желаніе, и, между тѣмъ, прощаясь съ нимъ, Вольфъ въ утѣшеніе его успѣлъ только сказать, что ему бояться нечего, не надобно только быть откровеннымъ.

Легко можно представить, какія мысли терзали дорогою невиннаго Фаленберга. Ужасное положеніе жены не выходило изъ его воображенія. Невозможность надолго поддерживать обманъ казалось ему убійственнымъ для нея. Самая клятва, данная имъ ея матери не оставлять ее, тяготѣла надъ его душою. Вдали представлялся одинъ мракъ и неизвѣстность. Не зная ничего объ арестѣ Барятинскаго, онъ не могъ постичь, кто, кромѣ него, въ состояніи былъ показать, что онъ принадлежалъ къ обществу, и въ чемъ именно состояло это показаніе. Между тѣмъ, какъ онъ томился однѣми догадками, предположеніями и ожиданіями, изрѣдка обращался къ спутнику, до Петербурга оставалось уже не далеко. Приближаясь къ столицѣ, они слышали на станціяхъ разсказы одни другихъ ужаснѣе, одни другихъ нелѣпѣе. Разсказывали имъ, между прочимъ, что съ арестованными и посаженными въ крѣпость поступаютъ съ неслыханною жестокостью, что многихъ уже разстрѣляли и т. п. Слыша это, Фаленбергъ рѣшился быть крайне осторожнымъ и скромнымъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, и прямо во дворецъ, его посадили тотчасъ на дворцовую гауптвахту, на которой онъ провелъ цѣлую ночь. На другой день, 24-го января, его повели въ эрмитажъ къ генералъ-адъютанту Левашеву, который принялъ его вѣжливо и, по предварительномъ увѣщаніи къ откровенности, какъ единственному средству заслужить милосердіе государя, предложилъ ему нѣсколько вопросовъ о принадлежаніи къ обществу. Фаленбергъ съ твердостью отвѣчалъ, что онъ ничего о Тайномъ обществѣ не зналъ и ни въ чемъ не участвовалъ. Генералъ Левашевъ записалъ его слова, далъ ему подписать и снятый такимъ образомъ допросъ понесъ къ государю, оставивъ его подъ присмотромъ фельдъегеря. Возвратясь, гене-

ралъ ему сказалъ, что его велѣно отправить въ главный штабъ, гдѣ онъ будетъ содержаться до дальнѣйшаго раскрытія дѣла. Отпуская его потомъ, генералъ Левашевъ, какъ бы припомнивъ нѣчто, спросилъ: «Знакомъ ли онъ съ княземъ Барятинскимъ?» Фаленбергъ отвѣчалъ, что знаетъ его, какъ адъютанта главнокомандующаго, но что особеннаго знакомства съ нимъ не имѣетъ. Генералъ удовлетворился отвѣтомъ, фельдъегерь отвезъ Фаленберга въ главный штабъ, гдѣ его помѣстили въ одну комнату съ полковникомъ Канчеяловымъ, тоже арестованнымъ [1]).

Въ общемъ несчастіи люди скоро знакомятся, еще скорѣе дѣлаются искренними. Канчеяловъ разсказалъ Фаленбергу все, что зналъ о настоящемъ ходѣ дѣла. Между прочимъ, въ примѣръ вниманія къ искренности, онъ представилъ ему двухъ братьевъ Раевскихъ, которые также сидѣли прежде въ штабѣ, даже въ той же самой комнатѣ, а потомъ въ крѣпости, гдѣ содержались очень строго, и хотя по обществу замѣшаны, но за одно чистосердечное во всемъ признаніе выпущены. Фаленбергъ, коего душа подавлена была горестью и мысли заняты единственно оставленною въ тяжкой болѣзни женою, не въ состояніи былъ тогда сообразить, что Раевскіе дѣти заслуженнаго генерала, по отличной славѣ, пріобрѣтенной имъ въ Отечественную войну 1812 года, пользовавшагося особеннымъ уваженіемъ, слѣдовательно; такіе люди, которыхъ не легко, или по крайней мѣрѣ, не благовидно было бы подвергнуть такъ называемой строгости законовъ [2]).

Итакъ, не мудрено, что послѣ этого разсказа полковника Канчеялова ему въ первый разъ представилась идея откровенности, и онъ ухватился за нее, какъ за единственное средство вырваться скорѣе изъ неволи и возвратиться къ больной и, можетъ быть, отчаявшейся женѣ. Эта идея подстрекалась догадкою: что бы могъ значить вопросъ генерала Левашева о знакомствѣ его съ княземъ Барятинскимъ. Не открылъ ли онъ о принятіи его въ общество? Въ такомъ случаѣ увидятъ явно, что онъ не искрененъ, и что въ немъ нѣтъ чистосердечнаго признанія; слѣдовательно, не отпустятъ, продержатъ Богъ знаетъ до коихъ поръ, и что тогда станется съ бѣдною женою! Въ такихъ и тому подобныхъ мысляхъ терялся Фаленбергъ, когда, находившійся при дежурномъ генералѣ гвардіи, капитанъ Жуковскій объявилъ ему за весьма хорошій признакъ, что ему велѣно возвратить его вещи. Здѣсь опять мелькнула надежда скораго освобожденія; мысль объ откровенности замолкла, и такъ протекло семь мучительныхъ дней. Можетъ быть, дѣйствительно, день, два еще, и онъ былъ бы свободенъ, былъ бы счастливъ, летѣлъ бы къ предмету всѣхъ мыслей и желаній; но злая судьба расположила иначе. Къ нимъ неожиданно явился полковникъ Раевскій, одинъ изъ упомянутыхъ братьевъ. Онъ пришелъ повидаться съ Канчеяловымъ, съ которымъ служилъ въ полку. Отошедъ съ нимъ въ сторону, они проговорили съ полчаса времени довольно тихо. Узнавъ, повидимому, отъ Канчеялова, что товарищъ его называется Фаленбергъ, Раевскій подошелъ къ нему и отрекомендовался какъ свойственникъ, потому что приходился двоюроднымъ братомъ его женѣ, и предложилъ свои услуги Фаленбергу. Такое нечаянное знакомство съ человѣкомъ довольно близкимъ, котораго до сихъ поръ онъ зналъ только по слуху, Фаленбергу

---

[1]) Канчеяловъ и умеръ подъ арестомъ.

[2]) Генералъ князь Лопухинъ, графъ (Луп) Витгенштейнъ, князь Долгорукій и портупей-юнкеръ князь Италійскій, графъ Суворовъ-Рымникскій принадлежали также къ Обществу, но это осталось въ глубокой тайнѣ отъ публики. Впрочемъ, Раевскій и безъ того уже много понесъ огорченій: брата его родного по матери и зятя нисколько не пощадили.

было довольно пріятно; впрочемъ, онъ отклонилъ услуги и сказалъ, что ему одно только нужно—возвратиться, какъ можно скорѣе, домой. Раевскій въ порывѣ самодовольствія, свойственнаго человѣку, который только что вырвался самъ изъ западни, далъ совѣтъ показать откровенно все, что знаетъ, какъ бы то важно ни было, и вдобавокъ промолвилъ: «Vraiment, un poltron qui ne dira pas la verité». Послѣ сихъ словъ распрощался и вышелъ.

Случалось ли вамъ видѣть, когда птичка, нечаянно вылетѣвшая изъ клѣтки, сдѣлавъ нѣсколько круговъ по комнатѣ и увѣрившись въ своей свободѣ, начнетъ порхать съ одной клѣтки на другую, и какъ бы дразнить собою другихъ затворницъ? Видѣли ли, какъ сіи бѣдняжки начинаютъ тогда биться въ своихъ проволочныхъ темницахъ; какъ клюютъ носиками то въ то стекло, то въ другое; какъ порываются просунуть головку въ каждую щелку; однимъ словомъ, какъ сильно выражаютъ онѣ оживленное желаніе свободы?

Точно въ такомъ расположеніи къ ней остался Фаленбергъ, по выходѣ полковника Раевскаго. Желаніе ускорить свое освобожденіе овладѣло имъ совершенно. Образъ милой супруги, лежащей на смертномъ одрѣ, рѣзко представлялся его воображенію. Ему казалось, что слышитъ укоризны въ нарушеніи обѣщанія, даннаго при отъѣздѣ, и клятвѣ, имъ произнесенной. Всѣ чувства его взволновались, мысли затемнились—и, несчастный, онъ рѣшился быть самъ себѣ злодѣемъ—быть своимъ обвинителемъ!..

Въ тотъ же вечеръ онъ написалъ къ генералу Левашеву и просилъ свиданія съ нимъ. По отправленіи сего рокового письма, онъ сдѣлалъ себѣ вопросъ: но что я скажу? При разстроенномъ состояніи души слѣдующее разсужденіе представилось само собою. Чтобы быть тотчасъ свободнымъ, требуется чистосердечное признаніе; но какъ сдѣлать, чтобы они убѣдились въ этомъ чистосердечіи? Безъ сомнѣнія, чѣмъ важнѣе будетъ мое признаніе, тѣмъ болѣе они увидятъ, что я совершенно откровененъ. На этомъ гибельномъ выводѣ остановились его мысли; онъ положилъ показать на себя, будто бы по обществу извѣстно ему то, о чемъ въ первый разъ узналъ онъ отъ самого правительства—изъ печатнаго объявленія, доставленнаго ему докторомъ Шлегелемъ. Посягнувъ такимъ образомъ на собственную свою честь и безопасность, онъ успокоился и ожидалъ только, когда его позовутъ на это новаго рода самоубійство.

На другой же день, 2-го февраля, его потребовали во дворецъ. Явясь къ генералу Левашеву, Фаленбергъ объявилъ, что желаетъ чистосердечно признаться во всемъ. Генералъ, похваливъ такое благое намѣреніе, сѣлъ записывать его слова. Фаленбергъ открылъ ему, что онъ принадлежалъ къ обществу и принятъ княземъ Барятинскимъ, отъ котораго слышалъ, что цѣлью общества была распространять просвѣщеніе, стараться умножать число своихъ членовъ и, когда сдѣлалось бы довольно сильно, требовать отъ государя конституціи...

«Ну, а если бы государь не согласился дать ее?»—прервалъ генералъ.

«Предполагали просить тогда уже, когда трудно бы было не уважить требованія общества».

«Но, если бы государь и тогда не уважилъ?»

«Въ такомъ случаѣ полагали необходимымъ лишить его жизни и даже истребить всю царскую фамилію».

Когда Фаленбергъ произнесъ эти несчастныя слова, генералъ примѣтно измѣ-

нился въ лицѣ, посмотрѣлъ на него, пожалъ плечами и записалъ роковое: «зналъ о цареубійствѣ». Спросивъ потомъ: «не имѣетъ ли еще что либо показать», и получивъ отрицательный отвѣтъ, генералъ далъ ему прочитать написанное и потомъ велѣлъ подписать чинъ, имя и фамилію. Когда, такимъ образомъ, Фаленбергъ подписалъ, не вѣдая того, свое осужденіе, генералъ сказалъ ему, что онъ покажетъ это государю. Позвалъ фельдъегеря, приказалъ ему остаться съ нимъ и вышелъ.

Если бы генералъ на это время вспомнилъ воинскій регламентъ преобразователя Россіи, который, опередивъ вѣкомъ своихъ современниковъ и выше всего ставя на судѣ непогрѣшимость, сказалъ: «мало собственнаго признанія, надобно, чтобы оно подтвердилось еще всѣми обстоятельствами»; если бы онъ только потрудился сдѣлать нѣсколько вопросовъ въ поясненіе подробностей, онъ увидѣлъ бы ясно, что невинный несчастливецъ, убитый горестью, безпощадно лжетъ на себя, и спасъ бы, можетъ быть, жертву минутнаго ослѣпленія. Но можно ли у насъ отъ военнаго генерала требовать познанія законовъ, тѣмъ менѣе приложенія ихъ къ оправданію невинности, тогда еще, какъ надобны были жертвы для мщенія разгнѣванному повелителю!..

Генералъ вскорѣ возвратился и объявилъ несчастному, вмѣсто ожиданнаго прощенія и свободы, повелѣніе отправить его въ крѣпость, тутъ же отдалъ его фельдъегерю съ запискою къ коменданту.

Не дерзнемъ изображать состояніе души Фаленберга въ ту минуту, когда его перевезли чрезъ Неву и ввезли въ ворота, надъ которыми, казалось ему, видѣлъ онъ Дантову надпись:

Lasciate ogni speranza voi ch'entrate [1]).

Скажемъ одно, что комендантъ, принимая его, посмотрѣлъ на него съ холодно-мрачнымъ равнодушіемъ, какъ человѣкъ, привыкшій ежедневно видѣть новыя жертвы. Сказавъ отрывисто: «я получилъ высочайшее повелѣніе содержать васъ въ крѣпости и содержать хорошо», онъ откланялся, предоставя арестанта плацъ-маіору, который тотчасъ же отвелъ его въ назначенный номеръ каземата.

Здѣсь арестанта заставили раздѣться, обыскали платье, ощупали подъ мышками, нарядили въ затрапезный халатъ и, послѣ этой унизительной и несносной операціи, оставили горести и отчаянію. По выходѣ плацъ-маіора съ ассистентомъ своимъ, унтеръ-офицеромъ, слухъ невиннаго несчастливца въ первый разъ ознакомился съ ужаснымъ, потрясающимъ душу звукомъ тяжкихъ тюремныхъ запоровъ и замковъ, послѣ коего все замолкло, какъ бы нарочно, чтобы впечатлѣніе, произведенное симъ звукомъ, сдѣлать разительнѣе.

Представьте человѣка благороднаго, благовоспитаннаго, служившаго въ почтеннѣйшей части войскъ и служившаго съ честью,—человѣка, который во всю службу свою не давалъ начальству повода даже и къ малѣйшему замѣчанію, и который въ свое время не снесъ бы взгляда оскорбительнаго, теперь, по неизвѣстному извѣту, лишеннаго свободы, доведеннаго до самообвиненія и, по одному произволу неограниченой власти, ввергнутаго подъ мрачные своды смрадной тюрьмы; будете ли спрашивать, что онъ долженъ былъ чувствовать; мое перо можетъ удовлетворить вашему любопытству, не исказя истины.

Оставленный самому себѣ, узникъ бросился на представившійся ему одръ. Время

[1]) Оставьте всякую надежду, вы, сюда входящіе.

*

золъ придавило его. Удрученному душевными потрясеніями, наконецъ предсталъ небесный благодѣтель несчастныхъ—сонъ. Послѣ нѣкотораго успокоенія необыкновенный шорохъ разбудилъ его. Встревоженный, онъ слышитъ скрипъ сапоговъ: нѣкто, казалось, подходитъ къ его дверямъ. Ему представилось потомъ, что онъ явственно слышалъ слова, произнесенныя протяжнымъ голосомъ: «Первая ночь жизни». На другой день въ то же время послышался тотъ же скрипъ сапоговъ, и тотъ же голосъ повторилъ: «Вторая ночь жизни». На третій вечеръ онъ услышалъ: «Третья ночь жизни». На четвертый день, когда, мучимый неизвѣстностью, онъ терялся въ своихъ догадкахъ и соображеніяхъ, двери темницы растворились и къ нему вошелъ видный, рослый, лѣпообразный священникъ, съ наперстнымъ золотымъ крестомъ и съ орденомъ на груди. Двери за нимъ затворились, и онъ, подходя къ узнику, обратилъ къ нему слово: «Сынъ мой»,—сказалъ онъ,—«Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ посѣщалъ темницы и я, служитель вѣры, пришелъ утѣшить скорбящаго въ заточеніи, подать спасительный совѣтъ погибающему. Юный монархъ нашъ съ прискорбіемъ взираетъ на столь многія жертвы и не ищетъ обвиненія; онъ хочетъ только, чтобы чистосердечнымъ разсказаніемъ вы дали ему случай къ милосердію и облегченію вашей участи.

Изумленный Фаленбергъ нѣсколько разъ порывался прервать рѣчь священника, но онъ продолжалъ тѣмъ же ровнымъ, сострадательнымъ тономъ, подкрѣпляя слова свои покорною слезою. Всякому другому, нетрудно было бы отгадать, что это не языкъ сердца, чувствительнаго къ несчастіямъ ближняго, но хорошо затверженныя общія мѣста, произнесенныя должностнымъ увѣщателемъ; Фаленбергъ, однакожъ расчувствовался до глубины души, отвѣчалъ кротко, что слишкомъ ужъ былъ искрененъ и, можетъ быть, болѣе, нежели сколько было бы должно. Священникъ, повторивъ еще нѣсколько утѣшительныхъ фразъ и заключивъ увѣреніемъ, что можетъ несомнѣнно надѣяться на милосердіе государя, вышелъ. Въ тотъ же вечеръ знакомый уже голосъ повторилъ: «Четвертая и послѣдняя ночь жизни».

Услышавъ эти слова и сообразивъ съ посѣщеніемъ священника, несчастный узникъ заключилъ, что будетъ разстрѣлянъ. Душа его возвысилась, и онъ готовился безтрепетно встрѣтить смерть. На другой день подъ вечеръ онъ былъ еще въ этихъ мысляхъ, какъ пришли ему сказать, что его требуютъ въ комитетъ; потомъ принесли его платье и велѣли одѣться: «А! конецъ!»—сказалъ самъ себѣ Фаленбергъ и предался совершенно судьбѣ своей. Вскорѣ пришелъ за нимъ плацъ-маіоръ, завѣсилъ ему лицо бѣлымъ платкомъ и, ведя за руку, вывелъ его на дворъ, посадилъ въ сани и повезъ. Переѣздъ былъ весьма недальній. Сани остановились, и плацъ-маіоръ, пособивъ ему самъ выйти изъ саней, взвелъ его на крыльцо, ввелъ потомъ въ освѣщенныя комнаты и, когда позволилъ ему открыться, онъ увидѣлъ себя въ углу за ширмами, въ довольно просторной залѣ, въ которой нѣсколько человѣкъ разговаривали вполголоса, а другіе расхаживали, побрякивая шпорами. Ему было сказано, чтобы онъ тутъ дожидался.

Мучительно было это ожиданіе, но наконецъ ему сказали: «пожалуйте!» Накинули опять на лицо платокъ, провели чрезъ нѣсколько комнатъ и, когда остановили, онъ услышалъ повелительный голосъ: «Снимите платокъ». Снялъ и увидѣлъ предъ собою большой присутственный столъ, покрытый краснымъ сукномъ, со многими разставленными на немъ въ два ряда свѣчами и разложенными бумагами, обставленный креслами—и за этимъ столомъ сидѣлъ одинъ только генералъ-адъютантъ Чернышевъ.

Избоченясь на креслахъ, закинувъ голову назадъ и принявъ надменно-злобный видъ, генералъ началъ такъ: «Милостивый государь. Вы въ первомъ своемъ показанiи генералу Левашеву заперлись въ томъ, что принадлежали къ обществу, а потомъ ему же показали, что не только были членомъ общества, но еще знали о злоумышленiи на цареубiйство. Этого недостаточно, милостивый государь! Вы должны теперь показать всю истину, открыть во всей подробности, что именно и отъ кого вы знали? Комитету извѣстно уже все: онъ желаетъ только видѣть вашу искренность и чистосердечное признанiе». Фаленбергъ отвѣчалъ, что онъ не знаетъ ничего болѣе, кромѣ того, что уже имъ показано.

«Какъ, милостивый государь!»—сказалъ генералъ, возвыся голосъ,—вы хотите увѣрить, что вы ничего не знали? Я вамъ представлю двадцать свидѣтелей, которые убѣдятъ васъ и тогда уже не надѣйтесь на милость: вамъ не будетъ никакой пощады». Фаленбергъ горько улыбнулся и посмотрѣлъ на Чернышева такъ, что наглость его не могла не придти въ замѣшательство: онъ увидѣлъ, что понимаютъ его ложь.

«Какъ, милостивый государь! Вы еще смѣетесь!»—вскричалъ онъ съ нѣкоторымъ азартомъ.

«Я не смѣюсь»,—сказалъ съ равнодушiемъ Фаленбергъ,—«но не могъ не улыбнуться тому, что ваше превосходительство стращаете меня свидѣтельствомъ двадцати человѣкъ, когда я увѣренъ, что, кромѣ князя Барятинскаго, никто свидѣтельствовать противъ меня не можетъ».

Генералъ невольно смѣшался болѣе прежняго. «Хорошо, сударь!»—прервалъ онъ смягченнымъ голосомъ, мы увидимъ! завтра доставятся вамъ вопросные пункты, извольте отвѣчать на нихъ. «Теперь подите».—Онъ позвонилъ. Вошелъ аудиторъ, накинулъ опять платокъ, вывелъ въ залъ, сдалъ плацъ-маiору, а этотъ, тѣмъ же порядкомъ, отвезъ въ казематъ.

Увидѣвъ, что ложное обвиненiе самого себя послужило не къ освобожденiю, а къ промедленiю только дѣла, и что самая ожиданная смерть, которая окончила бы всѣ мученiя, не такъ еще близка, Фаленбергъ на другой же день потребовалъ бумаги и написалъ письмо къ генералу Левашеву, гдѣ увѣрялъ его, что о покушенiи на жизнь государя и всей царской фамилiи никогда отъ князя Барятинскаго не слыхалъ и не зналъ, но показалъ на себя ложно, думая тѣмъ скорѣе освободиться, заслужа доказательствомъ искренности прощенiе. Фаленбергъ чувствовалъ необходимость объяснить, откуда же онъ теперь знаетъ, что общество имѣло это намѣренiе, но простое соображенiе, что докторъ Шлегель можетъ въ такомъ случаѣ показаться подозрительнымъ, что его арестуютъ, увезутъ въ Петербургъ, и жена останется безъ врача, его удержало и онъ умолчалъ объ этомъ. При письмѣ къ генералу Левашеву онъ написалъ другое къ женѣ, въ которомъ открывалъ уже ей все съ нимъ случившееся и прощался съ нею навсегда. Первое письмо не произвело никакого дѣйствiя, а второе гораздо уже послѣ было ему возвращено съ замѣчанiемъ, что не позволяется ничего писать, кромѣ, что живъ и здоровъ, а гдѣ онъ и что съ нимъ дѣлается—это государственная тайна! тайна, столь ужасная для невинныхъ!

Въ тотъ же день дѣйствительно принесли Фаленбергу запросные пункты, которыхъ было болѣе двадцати. Отвѣты его состояли большею частью въ «нѣтъ» и «не знаю». Онъ ожидалъ, что его потребуютъ еще къ личному допросу, или что скоро чѣмъ нибудь докончатъ рѣшенiе его судьбы; но дни, недѣли, мѣсяцы проходили, а никто его не спрашивалъ. Казалось, его забыли вовсе.

Душевныя и умственныя силы Фаленберга пришли въ разстройство; имъ овладѣли подозрительность и опасеніе: въ каждомъ человѣческомъ образѣ онъ видѣлъ себѣ врага, предателя или злодѣя. Въ томъ отдѣленіи казематовъ, гдѣ онъ былъ заключенъ, царствовала совершенная тишина; двое только изъ сосѣдей его часто пѣли и насвистывали дуэты. Это были—какъ послѣ объяснилось—молодые моряки, два брата Бѣляевы. Убитый горестью Фаленбергъ думалъ: «поютъ! свищутъ!.. Не можетъ быть, чтобы это были такіе же несчастные, какъ я. Вѣрно это шпіоны!.. Но отъ меня не много узнаютъ; буду нѣмъ какъ рыба»,—и дѣйствительно осудилъ себя на молчаніе. Услышавъ нечаянно, что плацъ-адъютантъ, приходившій ежедневно спрашивать его о здоровьи, прозывается Трусовъ, Фаленбергъ вспомнилъ роковыя слова Раевскаго:—Poltron qui ne dira pas—и вывелъ заключеніе, что это недаромъ; вѣроятно, хотятъ шиканировать, напоминая о трусости. На полученномъ изъ комитета пакетѣ онъ замѣтилъ отмѣтку карандашомъ: «Нев. 16», и тотчасъ заключилъ, что сдѣланы разряды, и онъ въ числѣ невинныхъ, хотя видѣлъ Неву въ окошко, и не мудрено было догадаться, что отмѣтка значила въ Невскій куртинъ № 16.

Такъ протекло время до мая. Терпѣніе Фаленберга истощилось. Горесть и отчаяніе внушили ему мысль опять подтвердить, что онъ зналъ о цареубійствѣ и требовать очной ставки съ княземъ Барятинскимъ. Онъ думалъ ускорить этимъ рѣшеніе своей участи. Написалъ въ комитетъ, но его не требовали. Онъ сталъ докучать чрезъ плацъ-маіора и плацъ-адъютанта, прося ихъ ежедневно доложить комитету, чтобы дали ему очную ставку. Долго еще и это не дѣйствовало. Наконецъ удовлетворили его желанію, потребовали въ комитетъ. Прежде нежели допустили его къ очной ставкѣ, приказали аудитору отвести его въ смежную комнату, и позвали напередъ князя Барятинскаго. Фаленбергъ слышалъ, какъ горячился онъ, защищая его и утверждая, что ничего ему не говорилъ и что Фаленбергъ не могъ ничего знать о намѣреніяхъ общества. Велѣли войти самому Фаленбергу и заставили уличать своего противника. Можно легко представить удивленіе Барятинскаго, когда онъ услышалъ, что Фаленбергъ самъ, на свою пагубу, началъ его убѣждать, чтобы подтвердить сдѣланное имъ показаніе, увѣряя, и съ жаромъ, что дѣйствительно слышалъ отъ него о намѣреніи посягнуть на цареубійство. Князь Барятинскій долго упорствовалъ, утверждалъ, что не говорилъ ему ничего подобнаго, старался даже значительными взорами дать ему почувствовать, чтобы онъ образумился; но когда Фаленбергъ съ примѣтнымъ огорченіемъ сказалъ ему: «Чтожъ, развѣ вы хотите выставить меня лжецомъ?», Барятинскій взглянулъ на него съ сожалѣніемъ и досадою, повелъ плечами и, оборотясь къ комитету, сказалъ: «Можетъ быть; вѣроятно, я забылъ». Для комитета было этого достаточно. Генералъ Чернышевъ тотчасъ подалъ Фаленбергу бумагу, велѣлъ подписать ее, и его отпустили.

Послѣ этого реестрованія на собственную свою погибель, Фаленбергъ писалъ къ великому князю Михаилу Павловичу и просилъ о ходатайствѣ у государя, во уваженіе своего чистосердечія. Писалъ потомъ къ самому государю, описывалъ положеніе своей жены, упоминалъ о клятвѣ, имъ данной, и испрашивалъ помилованія за искреннее признаніе,—все тщетно, несчастный жестоко обманулся!

Въ іюнѣ мѣсяцѣ позвали его еще разъ въ комитетъ и повели въ домъ коменданта, не наблюдая уже прежнихъ обрядовъ. Когда отворили ему дверь въ присутствіе, онъ увидѣлъ за небольшимъ столомъ совсѣмъ новыя лица, кромѣ генералъ-адъютанта Бенкендорфа. Одинъ изъ сихъ присутствующихъ показалъ ему его отвѣты

и спросилъ только: «Вы ли это писали?» По утвердительномъ отвѣтѣ, дали подписать заготовленную подписку и отпустили. Фаленбергъ не понималъ, что все это значитъ; и такъ прошелъ еще почти мѣсяцъ мучительной неизвѣстности.

Наконецъ, 12 числа іюля, поутру, онъ еще разъ услышалъ: «Пожалуйте въ комитетъ». Когда его привели въ комендантскій домъ, съ изумленіемъ увидѣлъ онъ, что туда собирали всѣхъ его товарищей, которые радовались, обнимались, цѣловались точно такъ, какъ бы избавились отъ гибели. Тутъ въ первый разъ Фаленбергъ узналъ, что не въ комитетъ уже ведутъ ихъ, но въ верховный уголовный судъ—и... для выслушанія только сентенціи!

Въ числѣ такъ уже называемыхъ государственныхъ преступниковъ 4-го разряда, Фаленбергъ введенъ былъ въ присутствіе. Онъ увидѣлъ множество первыхъ государственныхъ чиновниковъ въ полномъ наружномъ блескѣ, членовъ государственнаго совѣта, сенаторовъ, военныхъ генераловъ, митрополитовъ и архіереевъ, сидящихъ вокругъ огромнаго, широкимъ покоемъ расположеннаго стола, зеленымъ сукномъ накрытаго, и, въ срединѣ, малорослаго министра юстиціи, за особымъ пультомъ, едва примѣтнаго, со свиткомъ въ рукѣ, какъ бы дирижера оркестра, готовящагося разыграть ораторію: «Осужденіе невинныхъ». По данному имъ знаку оберъ-секретарь, стоящій впереди небольшого особаго стола, началъ читать приговоръ и, въ концѣ, особенно торжественнымъ голосомъ произнесъ: лишить чиновъ, дворянства и сослать въ каторжную работу на пятнадцать лѣтъ. Затѣмъ сдѣлалъ ловкій пируэтъ, взялъ со стола другую бумагу и прочелъ тѣмъ же тономъ конфирмацію, изъ коей узнали, что государь императоръ по высочайшему милосердію своему время ссылки сбавилъ на двѣнадцать лѣтъ. При выходѣ изъ присутствія въ другія противоположныя двери, увидѣли приготовленныхъ: священника, доктора и фельдшера; но пособіе этихъ врачей души и тѣла оказалось ненужнымъ... Не отчаяніе, не ослабленіе силъ обнаружилось въ осужденныхъ, но возвышенность духа и еще другое чувство, даже неосторожно въ нѣкоторыхъ, предъ самими еще судьями, выразившееся... Совѣсть судей должна была растолковать имъ это чувство, исторія передаетъ его потомству.

На другой день, 13-го іюля, съ разсвѣтомъ, всѣхъ вывели на экзекуцію и совершили ее украдкою отъ народа. И здѣсь осужденные показали то же присутствіе духа, то же самоотверженіе при видѣ висѣлицы, на коей должны были погибнуть пятеро изъ нихъ. Лишенные имени, обезчещенные, оборванные, обруганные [1]), они шли назадъ, шумя и смѣясь надъ безобразіемъ новыхъ своихъ костюмовъ. Удовольствіе свиданія и возможности передавать свои мысли и ощущенія другъ другу, превышало всякое другое чувство. На будущее никто не успѣлъ еще обратить своего вниманія. Еще наканунѣ, тотчасъ послѣ сентенціи, всѣхъ перемѣстили въ другія отдѣленія и номера казематовъ. Фаленберга отвели въ такъ называемый Алексѣевскій равелинъ, куда, до того, сажали единственно секретныхъ, которыхъ заживо погребаютъ и о которыхъ въ Россіи никто не смѣетъ спрашивать.

Спустя нѣсколько дней, Фаленбергъ потребовалъ пастора, желая пріобщиться

---

[1]) Слово это надобно принимать въ литературномъ смыслѣ; дѣйствительно, нѣкоторые генералы, распоряжавшіеся экзекуціею, въ порывѣ, конечно, благороднаго усердія своего къ престолу, не стыдились оскорблять несчастныхъ ругательствомъ, тогда какъ видѣли ихъ окруженными тройнымъ рядомъ штыковъ, называя ихъ подлецами и мерзавцами. Оставляется судить каждому: кому болѣе приличествовали тогда эти наименованія.

Святыхъ Тайнъ. Къ нему явился ученѣйшій пасторъ Рейнботъ, сочинитель прекраснаго катехизиса лютеранскаго исповѣданія. Принявъ изъ рукъ его Святые Дары, Фаленбергъ, со всею откровенностью, подробно разсказалъ ему всю свою исторію и объяснилъ причины, почему вынужденъ былъ ложно обвинять себя. Рейнботъ слушалъ съ примѣтнымъ участіемъ, изъявлялъ безпрестанно знаки крайняго удивленія и, по окончаніи, какъ бы невольно, воскликнулъ: «Неужели это правда?» «Помилуйте»,—сказалъ Фаленбергъ,—«я христіанинъ, и сейчасъ только принялъ тѣло моего Спасителя, могу ли въ эту минуту прибѣгать ко лжи?». «Das ist schrecklich!»—вскричалъ пасторъ,—«но»—примолвилъ, пожавъ плечами,—«пособить уже нечѣмъ!»... Вскорѣ, посмотрѣвъ на часы, онъ раскланялся и вышелъ.

Служитель вѣры Того, кто крестною смертью пострадалъ за грѣшный родъ человѣческій, не осмѣлился и помыслить возвысить голосъ свой въ защиту невинности! До такой степени страхъ прогнѣвить деспота подавляетъ всякое благородное чувство, претитъ исполненію самыхъ священнѣйшихъ обязанностей![1])

---

[1]) Записки П. И. Фаленберга напечатаны также и въ книгѣ проф., Шимана: „Die Ermordung Pauls und die Thronbesteigung Nikolaus I“ (Berlin, 1902). Мы перепечатываемъ отсюда текстъ Записокъ, какъ болѣе и полнѣе подробный, по сравненію съ текстомъ „Русской Старины“.

III.

Мелкія историческія замѣтки.

1.

Николай Николаевичъ Раевскій [1]).

Г. Редакторъ! Въ «Русской Старинѣ», изд. 1873 года, т. VII, стр. 122, помѣщена «Замѣтка», въ коей умершаго товарища моего, Михаила Александровича Бестужева, несправедливо укоряютъ въ безпамятности или въ сдѣланной имъ погрѣшности.

Вполнѣ уважая побудительныя причины С. Н. Раевской, изъ любви къ родному брату, и столько же уважая свободу ея мнѣній относительно названной ею «грустной эпохи», объявляю, по совѣсти, ради истины, что М. А. Бестужевъ, въ этомъ случаѣ, показалъ сущую правду. Ссылаясь на «Записки декабриста», изданныя въ Лейпцигѣ 1870 г., (нашего изданія стр. 80 и 228) на собственное признаніе высокоуважаемаго Н. Н. Раевскаго и еще на живого свидѣтеля, встрѣтившаго его въ Петербургѣ, въ домѣ генеральнаго штаба, гдѣ Н. Н. Раевскій, только что помилованный и прощенный императоромъ Николаемъ I, навѣстилъ арестованнаго своего полкового командира, полковника Кончеялова, и сообщилъ, что онъ освобожденъ изъ уваженія къ отцу, знамени-

---

[1]) Эта замѣтка („Русск. Стар." 1873, т. VII, стр. 379) вызвана слѣдующимъ сообщеніемъ дочери Н. Н. Раевскаго, С. Н. Раевской, напечатаннымъ въ „Русск. Стар." 1873, т. VII стр. 122.

„Въ запискахъ М. А. Бестужева („Русская Старина", изд. 1870 г., т. I, стр. 257) находятся слѣдующія строки: „Генералъ Раевскій, бывшій членъ тайнаго общества и прощенный за чистосердечное раскаяніе, проживалъ, какъ начальникъ отряда, въ Тифлисѣ. Наполнилъ свой штабъ большею частію изъ декабристовъ и ссыльныхъ офицеровъ. Прочихъ, не бывшихъ въ его штабѣ, онъ ласково принималъ въ своемъ домѣ. Флотскій офицеръ фон.-Д. подалъ въ Петербургѣ доносъ, въ которомъ представилъ Раевскаго, какъ измѣнника. Раевскому былъ присланъ строжайшій выговоръ".

Здѣсь память измѣнила М. А. Бестужеву и онъ сдѣлалъ погрѣшности: „Братъ мой, Николай Николаевичъ Раевскій (то же могу сказать и про брата Александра Николаевича Раевскаго) никогда не принадлежалъ къ какому нибудь тайному политическому обществу, не былъ судимъ слѣдственной комиссіей, не нуждался чистосердечнымъ раскаяніемъ заслуживать прощеніе, не наполнялъ свой штабъ декабристами и не получалъ изъ Петербурга строжайшаго выговора, хотя и человѣколюбиво обращался съ ссыльными офицерами, которые находились въ его полку. Въ всемъ этомъ можно удостовѣриться по архиву нижегородскаго драгунскаго полка. Странная и, къ сожалѣнію, нерѣдко встрѣчающаяся неточность въ статьяхъ дѣятельныхъ членовъ тайнаго общества и современныхъ разсказчиковъ объ этой грустной эпохѣ".

Ноября 24 дня 1872.

тому герою Бородинскаго погрома; въ порывѣ благодарности и самодовольствія онъ прибавилъ: «un poltron qui ne dira pas tout ce qu'il sait!».

Что же касается до оправдательныхъ уличеній или удостовѣреній, находящихся въ архивѣ нижегородскаго драгунскаго полка, то замѣчу только, что подобныя дѣла и упомянутый выговоръ не были помѣщаемы въ полковыхъ канцелярскихъ бумагахъ, а передавались прямо отъ военнаго министра, или отъ начальника главнаго штаба, корпусному командиру—тогда барону Гр. Влад. Розену, и были сообщаемы подлежащему лицу, съ предостереженіемъ или съ обычною головомойкою, какъ выражались въ то давнопрошедшее время.

Въ заключеніе, остается мнѣ теперь добавить только, что Н. Н. Раевскій отличался прямотою и откровенностью характера; и будь онъ въ живыхъ, то отвѣчаю за него, что онъ непремѣнно самъ избавилъ бы меня отъ этого протеста, невольно вызваннаго и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимаго.

Прошу васъ, Михаилъ Ивановичъ, въ слѣдующей книгѣ «Русской Старины» помѣстить мои строки, ради истины, и принять увѣреніе и проч. Баронъ Андрей Розенъ.

Викнина, близъ г. Изюма, 19-го января 1873 г.

2

Елена Александровна Бестужева [1]).

1792—1874.

Не стало Елены Александровны Бестужевой! Она скончалась 2-го января 1874 г. въ Москвѣ, послѣ многотрудной и достопамятной жизни. Преклонность лѣтъ ея видна изъ того, что она сама обучила грамотѣ второго брата своего, Александра Александровича Бестужева Марлинскаго. Въ 1826 году, послѣ осужденія и ссылки четырехъ братьевъ и удаленія на Кавказъ пятаго младшаго брата, она оставалася главною опорою матери и сосланныхъ братьевъ. Когда мать скончалась, а братья Николай и Михаилъ, въ 1839 г., поступили изъ Петровской Забайкальской тюрьмы на поселеніе, то Елена Александровна Бестужева, выпросивъ позволеніе раздѣлить съ ними жизнь изгнанниковъ, переселилась съ двумя сестрами Ольгою и Маріей въ Селенгинскъ.

По смерти старшаго брата Николая, въ 1855 году, когда братъ ея Михаилъ сдѣлался семьяниномъ, то по коронаціи императора Александра II, освободителя крѣпостныхъ людей и политическихъ изгнанниковъ, сестры возвратились въ Москву, куда въ 1867 году прибылъ овдовѣвшій братъ съ двумя сиротками. Въ Москвѣ жили они всѣ вмѣстѣ въ отдаленномъ углу Хамовнической части, на Бережкахъ, у Благовѣщенья.

---

[1]) „Русск. Стар.“ 1874, т. IX, стр. 577—578.

Елена Бестужева, для переѣзда въ Сибирь съ двумя сестрами и для поддержанія небольшого хозяйства двухъ братьевъ, продала деревеньку отцовскую, свято берегла небольшой капиталъ, собранный изъ литературныхъ трудовъ Александра Бестужева Марлинскаго, и остатокъ своихъ силъ посвящала на воспитаніе сиротъ третьяго брата своего, Михаила, скончавшагося въ Москвѣ въ 1871 году. Наши славныя жены, слѣдовавшія за мужьями въ Сибирь по любви, по чувствамъ долга, по связывающимъ узамъ супружества, совершили подвигъ, потому что отъ нихъ зависѣло оставаться въ кругу родныхъ и не подвергать себя горькимъ и тяжкимъ лишеніямъ всякаго рода. Три сестры Бестужевыхъ и сестра К. П. Торсона, Екатерина Петровна, совершенно добровольно рѣшились облегчить участь братьевъ своихъ и подчиниться всѣмъ неизбѣжнымъ страданіямъ печальной жизни изгнанниковъ. Съ одной стороны, привязанность женъ къ мужьямъ, съ другой—сестеръ къ братьямъ, въ обоихъ случаяхъ самоотверженіе равно велико. Въ ту страну манили ихъ не климатъ, не золотые пріиски, не нѣга съ развлеченіями, но любовь христіанская, любовь добраго сердца.

Въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, въ каждый проѣздъ черезъ Москву, навѣщалъ я сестеръ Бестужевыхъ и лично могъ насмотрѣться на печальную картину отживающей старости со всѣми нераздѣльными съ нею недугами—истощеніе тѣлесныхъ силъ, ослабленіе зрѣнія, тугость слуха, исчезновеніе памяти; но стоило только коснуться памяти отшедшихъ пяти братьевъ, или будущности сиротъ брата Михаила—Маріи 13-ти лѣтъ, находящейся въ московскомъ институтѣ, и Александра 11-ти лѣтъ,—то на мгновеніе оживлялся полуугасшій взоръ, и внятно, и разумно высказывалась забота о круглыхъ сиротахъ [1]).

Краткимъ моимъ некрологомъ желаю обратить вниманіе благородныхъ соотечественниковъ на этихъ круглыхъ сиротъ. Не вымаливаю милостыни или подаяній,—дѣло не въ насущномъ хлѣбѣ, этого у нихъ достанетъ по предусмотрительной заботливости Елены Бестужевой, но обращаюсь съ просьбою къ тѣмъ изъ соотчичей, которые прочтутъ эти строчки, и по своему вліянію или званію, или по занимаемой должности, могутъ помѣстить мальчика Александра Бестужева въ воспитательное учебное заведеніе и замолвить о немъ доброе слово. Теперь сирота учится въ гимназіи, живетъ въ Москвѣ, на Бережкахъ, близъ церкви Благовѣщенской, у своихъ тетушекъ, которыя, по своей болѣзненности и сердобольной нѣжности, поневолѣ избалуютъ хорошаго, способнаго мальчика.

Надѣюсь, что никто изъ восьми пережившихъ товарищей,—кому, быть можетъ, извѣстны мои особенныя сношенія съ Бестужевыми и съ Торсономъ въ Читѣ и въ Петровскомъ,—не упрекнетъ меня въ опрометчивости по выраженной мною просьбѣ за единственную отрасль нашихъ пяти Бестужевыхъ. Присмотръ за воспитаніемъ мальчика со стороны товарищей, которые уже сами близки къ могилѣ, былъ бы очень ненадеженъ.

Викнина, 30-го января 1874 г.

---

[1]) Мы получили извѣстіе отъ О. А. Бестужевой, что Марія Бестужева (13-ти лѣтъ) на-дняхъ скончалась отъ скоротечной чахотки. Ред. «Русск. Стар.».

3.

Иванъ Александровичъ Анненковъ [1]).

† 27-го января 1878 г.

27-го января 1878 г. смерть исторгла еще одного изъ очень небольшого кружка оставшихся декабристовъ: Иванъ Александровичъ Анненковъ скончался въ Нижнемъ Новгородѣ, на 77-мъ году жизни.

Анненковъ началъ свою военную службу въ Кавалергардскомъ полку, въ которомъ, какъ равно въ генеральномъ штабѣ по квартирмейстерской части, служили преимущественно молодые люди съ высшимъ свѣтскимъ образованіемъ, и оттого, больше чѣмъ изъ другихъ полковъ, вступали въ миролюбивый и благонамѣренный *Союзъ Благоденствія*. 14-го декабря 1825 года онъ, со своимъ взводомъ лейбъ-эскадрона, на Адмиралтейской площади прикрывалъ другія бригады полковника Нестеровскаго; это обстоятельство всего яснѣе свидѣтельствуетъ, что онъ не былъ заявленнымъ революціонеромъ.

Анненковъ обращалъ на себя особенное вниманіе своею стройностью и красивою наружностью, силою Геркулеса — одною рукой съ легкостью подымалъ тяжесть до трехъ пудовъ, былъ пловцомъ неутомимымъ и отличнымъ ѣздокомъ; въ этой ловкости и силѣ могъ съ нимъ равняться только другой товарищъ—Иванъ Семеновичъ Повало-Швейковскій, который въ 1814 г., въ чинѣ маіора, первый съ своимъ баталіономъ вступилъ въ Парижъ, въ авангардѣ гвардіи.

Въ первый разъ я встрѣтился съ И. А. Анненковымъ 17-го декабря 1825 г. на кавалергардской гауптвахтѣ, гдѣ онъ занималъ караулъ, а я былъ его арестантомъ; это не помѣшало тому, что 10-го іюля 1826 г., по приговору верховнаго уголовнаго суда, онъ сосланъ былъ въ каторгу на двадцать лѣтъ, а я только на десять. По природѣ своей онъ былъ тихъ, молчаливъ, мало сообщителенъ, и крайне сосредоточеннаго характера. Причины строгаго надъ нимъ приговора суда изложены мною подробно въ «Запискахъ Декабриста», въ VI-й и VII-й главахъ.—Въ первый день моего ареста на кавалергардской гауптвахтѣ, прибѣжалъ молодой офицеръ къ штабъ-ротмистру Тимковскому, караульному офицеру и съ торжествомъ возгласилъ «ну, слава Богу, весь нашъ grand genre къ ч....». Привожу это ничтожное обстоятельство для свидѣтельства,—къ какому разряду людей однополчанинъ причислялъ своего сослуживца, но только не къ числу людей безпокойныхъ.

Въ 1828 году имѣлъ Анненковъ особенное счастье въ Читѣ, куда, по высочайшему соизволенію, пріѣхала къ нему, еще прежде въ Петербургѣ съ нимъ обрученная невѣста, Прасковья Егоровна Поль, и сочеталась съ нимъ законнымъ бракомъ въ Читинской церкви. Такое же счастье было удѣломъ другого товарища — Василія Петровича Ивашева. — Анненковъ былъ совершенно счастливъ въ супружествѣ и въ Читѣ, и въ Петровскомъ, и на поселеніи, и по возвращеніи на родину [2]).

Съ нами дѣлилъ онъ тюремную жизнь съ твердостью; безъ сомнѣнія, что различныя лишенія многихъ удобствъ житейскихъ были для него ощутительнѣе, чѣмъ для многихъ другихъ товарищей, оттого что съ дѣтства жилъ онъ въ роскоши и дол-

---

¹) Русск. Стар. 1878 т XXII стр. 525—526.

²) Супруга И. А. Анненкова была одна изъ достойнѣйшихъ. можно сказать, идеальныхъ по нравственнымъ ея качествамъ женщинъ.—Она скончалась въ Нижнемъ Новгородѣ.

женъ былъ лишиться богатаго наслѣдства. Въ 1856 году, Государь Императоръ милостивымъ манифестомъ возвратилъ политическихъ изгнанниковъ на родину, съ правами родового потомственнаго дворянства, въ томъ числѣ и Анненкова. Наслѣдовавшіе значительное его состояніе имущественное уступили ему столько, что онъ могъ прилично содержать себя и свое семейство. Съ 1861 г. занималъ онъ мѣсто нижегородскаго уѣзднаго предводителя дворянства, нѣсколько трехлѣтій сряду, пока здоровье его не разстроилось совершенно, послѣ кончины любимой и добрѣйшей супруги и отъ недуговъ старческихъ. Онъ былъ заботливымъ отцомъ семейства и былъ счастливъ взаимною любовью своихъ дѣтей.

Послѣ кончины И. А. Анненкова осталось *восемь* лицъ изъ такъ называемыхъ *декабристовъ*. Вотъ они:

Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ	85 лѣтъ.
Николай Александровичъ Загорѣцкій	81 года.
Михаилъ Александровичъ Назимовъ	78 лѣтъ.
Баронъ Андрей Евгеніевичъ Розенъ	78 »
Петръ Николаевичъ Свистуновъ	76 »
Александръ Петровичъ Бѣляевъ	76 »
Дмитрій Иринарховичъ Завалишинъ	76 »
Александръ Филипповичъ Фроловъ	76 »

Викнина, 12 февраля 1878 г.

4.

Декабристы [1]).

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1880 года помѣщены интересныя воспоминанія товарища моего Александра Петровича *Бѣляева*. На первой страницѣ, вмѣсто предисловія, напечатано между прочимъ:—«въ воспоминаніяхъ этихъ читатель также увидитъ, какъ люди съ прекрасными чувствами и стремленіями, мгновенно вступившіе на политическое поприще и также мгновенно, хотя и не безслѣдно исчезнувшіе, могли сознательно усвоить и принять коварное іезуитское правило—цѣль освящаетъ средства».

Я зналъ А. П. Бѣляева коротко и хорошо, уважалъ и любилъ его какъ истинно честнаго и добраго человѣка. Прочитавъ первую страницу, я былъ повергнутъ въ совершенное недоумѣніе.

Не упрекая стараго товарища, для уничтоженія несправедливаго нареканія, столь неосторожно имъ брошеннаго, ограничусь печатнымъ засвидѣтельствованіемъ двухъ весьма компетентныхъ личностей, бывшихъ въ тѣсной связи между собою въ молодости, послѣ въ непримиримой враждѣ, и принадлежавшихъ къ совершенно противоположнымъ лагерямъ, что, однако, не помѣшало обоимъ сознаться, что декабристы не усвоили себѣ іезуитскаго принципа: называю Николая Ивановича *Тургенева* и Дмитрія Николаевича *Блудова*. Первый изъ нихъ писалъ:—«Касательно показаній одного изъ обвиняемыхъ, что на совѣщаніяхъ неоднократно было признаваемо, что никогда цѣль не можетъ оправдывать средствъ,—трудно уяснить себѣ умѣстность подобнаго показанія, потому что, кажется, и не было вопроса о какихъ-бы то ни было

[1]) Русск. Стар. 1881 г. т. XX, стр. 452.

средствахъ». Но слова эти называютъ мнѣ того, кто ихъ произнесъ: то былъ генералъ-маіоръ Михаилъ Александровичъ *Фонвизинъ*; я зналъ его и питалъ къ нему глубочайшее уваженіе. То былъ человѣкъ честный, чистый, мужъ добродѣтельный въ полномъ смыслѣ слова. Выраженіе упомянутое было у него обыденное, оно согласовалось съ прямымъ его характеромъ. Вѣроятно, что въ показаніяхъ предъ судомъ, онъ ссылался на свое любимое правило, видя себя обвиненнымъ въ такихъ преступленіяхъ, о коихъ никогда даже не помышлялъ.—Редакторъ донесенія слѣдств. ком., Дмитрій Николаевичъ *Блудовъ*, не могъ совершенно устранить слова, сколько нибудь оправдывающія, или, по крайней мѣрѣ, смягчающія виновность подсудимаго, и помѣстилъ ихъ въ своемъ донесеніи, но такъ, что они потеряли главное свое значеніе».—Помѣщаю здѣсь подлинныя слова Н. И. Тургенева изъ его сочиненія: «La Russie et les Russes par N. Tourgueneff. Memoires d'un proscrit. Bruxelles. Tome I, page 194:

— «Quant à ce qu'ajoute un des accusés, que «l'on reconnut à plus d'une reprise gue jamais le but ne pourrait justifier les moyens», on ne peut bien saisir l'à-propos d'une pareille déclaration, car il ne paraît pas qu'il ait été question de moyens d'aucune espèce. Mais ces seules paroles me disent quel est celui qui les a prononcées: c'est le général-major Vonwisin, que j'ai connu et pour qui je professais la plus grande estime. C'était un homme loyal, pur, un homme vertueux dans toutela force du terme. Ces paroles lui etaient familières; elles allaient si bien à son caractère honnête! il est probable que, dans ses déclarations devant la justice, il invoqua son principe favori en se voyant accusé de forfaits dont l'idée a dû toujours être si eloignée de lui. Le rapporteur, n'osant pas écarter tout-à-fait des paroles qui pouvaient être justificatives ou du moins atténuantes, les a placées de maniére à ce gu'elles perdissent toute leur valeur» [1]).

Урочище Викнино,
декабря 14 дня 1880 года.

---

[1]) А. П. Бѣляевъ отвѣтилъ за замѣчаніе А. Е. Розена слѣдующимъ сообщеніемъ:

«Въ предисловіи къ моимъ „Воспоминаніямъ я сказалъ о моихъ товарищахъ декабристахъ, что и они усвоили іезуитское правило, что цѣль оправдываетъ средства, не объяснивъ при этомъ, что въ средствахъ къ достиженію цѣли это общество, и между нимъ я самъ, допускало одно открытое возстаніе, въ которомъ они и себя приносили въ жертву. Но святымъ долгомъ считаю заявить, что такъ называемые декабристы всегда гнушались всѣми низкими средствами, какъ-то: убійствами изъ-за угла, поджогами и грабежами, которые въ новѣйшее время возведены въ принципъ нынѣшними революціонерами нигилистами, отрицающими Бога, церковь, священныя семейныя узы и все святое и возвышенное. Хотя я, по своимъ христіанскимъ убѣжденіямъ, считаю и всякій насильственный переворотъ въ государствѣ преступнымъ, какъ противный божественному закону, и пагубнымъ, но все же, по совѣсти, долженъ засвидѣтельствовать, что общество (декабристовъ), котораго членовъ я хорошо зналъ, хотя и допускало насильственный переворотъ въ тѣ времена, когда все было порабощено и задушено, но и при этомъ заблужденіи своемъ, считало неприкосновеннымъ все святое, признаваемое и уважаемое человѣкомъ, какъ разумнымъ и нравственнымъ существомъ.

Если по слѣдствію, тогда произведенному, и выказались нѣкоторыя слова моментальнаго увлеченія и раздраженія, то они и остались пустыми словами. Доказательствомъ этому служитъ *А. И. Якубовичъ*, болѣе всѣхъ кричавшій, а 14 декабря онъ самъ подошелъ къ покойному государю, говорилъ съ нимъ лицомъ къ лицу, но не имѣлъ и мысли поднять на него руку. Великій князь Михаилъ Павловичъ подъѣзжалъ къ нашему (гвардейскому) экипажу, но тогда же сами-же мятежники отбили пистолетъ, направленный на него однимъ фанатикомъ.

Если 14 числа благороднѣйшими жертвами своего долга пали нашъ герой и гордость Россіи *Милорадовичъ* и другіе, жертвой, принесенной убійственной идеѣ, то и его умоляли отъѣхать, прежде нежели Каховскій выстрѣлитъ, въ томъ сознаніи, что такой человѣкъ какъ Милорадовичъ своимъ вліяніемъ могъ сокрушить все возстаніе».

Москва.
Декабря 14 дня 1880.

5.

Кн. А. И. Одоевскій. Краткій біографическій очеркъ [1]).

Князь Александръ Ивановичъ Одоевскій родился въ 1803 году и получилъ образованіе въ родительскомъ домѣ. На 22-мъ году жизни, въ чинѣ корнета конной гвардіи, былъ онъ арестованъ за принятіе участія въ возстаніи 14-го декабря 1825 года, посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, осужденъ въ каторжную работу на 15 лѣтъ, отправленъ, въ 1827 году, въ Читинскій острогъ, а оттуда черезъ четыре года въ петровскую тюрьму, за Байкаломъ же.

По случаю рожденія Великаго Князя Михаила Николаевича въ 1832 году, былъ онъ по Высочайшему повелѣнію освобожденъ отъ каторги и поселенъ въ Тельмѣ, близъ Иркутска. Послѣ смѣны генералъ-губернатора Восточной Сибири А. С. Лавинскаго, просилъ онъ о перемѣщеніи въ западную Сибирь, въ Курганъ; но какъ въ этомъ городѣ тогда уже было шесть поселенныхъ декабристовъ, то перевели его въ сосѣдній городъ, въ Ишимъ.

Въ 1836 году написалъ онъ примѣчательное посланіе къ отцу; оно было графомъ Бенкендорфомъ представлено государю и такъ понравилось, что повелѣно было перевести Сибирскаго поселенца изъ Ишима пустыннаго, рядовымъ солдатомъ на Кавказъ, для выслуги.

Въ 1839 году, находясь въ военной экспедиціи на восточномъ берегу Чернаго моря, заболѣлъ онъ эпидимическою горячкою, и 15 августа, въ присутствіи Н. А. Загорѣцкаго и К. Евс. Игельстрома, товарищей читинскихъ, отдалъ Богу послѣдній вздохъ безпредѣльной любви.

Кругъ его жизни былъ до крайности стѣсненъ сперва холодною и сырою каменною стѣною въ Петропавловской крѣпости, потомъ бревенчатою оградою высокаго частокола въ Читѣ, затѣмъ Петровскою тюрьмою за Байкаломъ, послѣ того на поселеніи безвыѣзднымъ пребываніемъ въ уѣздномъ городкѣ и, наконецъ, въ солдатскомъ строю въ храбромъ нижегородскомъ драгунскомъ полку.

Съ такимъ формулярнымъ спискомъ какихъ можно было ожидать занимательныхъ или важныхъ дѣлъ? Однако, кромѣ исторіи или повѣствованія о великихъ событіяхъ, есть исторія сердца, достигающая широкихъ размѣровъ въ самой тѣсной темницѣ, а сердце Одоевскаго было обильнѣйшимъ источникомъ чистѣйшей любви; оттого онъ всегда и вездѣ сохранялъ духъ бодрый, веселый и снисходительный къ слабостямъ своихъ ближнихъ. Онъ былъ хорошо образованъ, щедро одаренъ превосходной памятью, съ положительнымъ дарованіемъ поэзіи. Въ первой своей молодости, въ привольной еще жизни, былъ онъ другомъ А. С. Грибоѣдова и пользовался особеннымъ уваженіемъ многихъ современныхъ литераторовъ молодыхъ кружковъ.

А. И. Одоевскій былъ въ высшей степени нравственный человѣкъ, какъ до ссылки, такъ равно и на поселеніи и во время солдатской жизни: онъ былъ христіанинъ безъ ханжества, безъ фарисейства, съ философскими воззрѣніями Канта и Фихте. Въ частной дружеской бесѣдѣ любимымъ предметомъ его были разсужденія о безсмертіи души отдѣльнаго лица и о безсмертіи общемъ всего

---

[1]) Напечатанъ въ книгѣ «Полное собраніе стихотвореній кн. А. И. Одоевскаго». Собралъ баронъ А. Е. Розенъ. Спб., 1883.

рода человѣческаго. Страстно любилъ онъ родину, народъ и свободу въ высокомъ смыслѣ общаго блага и порядка.

Въ читинской нашей домашней академіи имѣлъ онъ случай выказать свое образцовое знаніе русской словесности. Въ долгіе зимніе вечера, для развлеченія и поученія, нѣсколько товарищей-спеціалистовъ согласились читать лекціи: Никита Муравьевъ—стратегіи и тактики, Ф. Б. Вольфъ—химіи и физики, П. С. Бобрищевъ-Пушкинъ—прикладной и высшей математики, А. О. Корниловичъ и П. А. Мухановъ—русской исторіи, А. И. Одоевскій—русской словесности, К. П. Торсонъ—астрономіи; мнѣ пришлось пояснить личное освобожденіе крестьянъ прибалтійскихъ губерній изъ крѣпостной зависимости, безъ надѣловъ земли, безъ всякихъ выкупныхъ договоровъ, но съ общимъ правомъ пріобрѣтенія земельной собственности по обоюднымъ соглашеніямъ.

А. И. Одоевскому, въ очередной день, слѣдовало читать о русской литературѣ: онъ сѣлъ въ углу съ тетрадью въ рукахъ, началъ съ разбора пѣсни о походѣ Игоря, продолжалъ нѣсколько вечеровъ и довелъ лекціи до состоянія русской словесности въ 1825 году. Окончивъ послѣднюю лекцію, онъ бросилъ тетрадь на кровать, и мы увидѣли, что она была бѣлая, безъ замѣтокъ, безъ чиселъ хронологическихъ, и что онъ все читалъ на память. Упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ не какъ о подвигѣ или о желаніи выказаться, но, напротивъ того, какъ о доказательствѣ, до какой степени онъ избѣгалъ всякихъ писаній; можетъ быть, онъ держалъ пустую тетрадь въ рукахъ для контенанса; въ первую лекцію, воспламенившись вдохновеніемъ, онъ изрѣдка краснѣлъ, какъ бывало съ нимъ при сочиненіи рифмованныхъ экспромптовъ; въ числѣ слушателей были любопытные, желавшіе научиться, но были и знатоки предмета, нисколько не слабѣе его.

Въ моихъ «Запискахъ», напечатанныхъ въ Лейпцигѣ, описалъ я, какъ одинъ часъ въ недѣлю онъ занимался со мною преподаваніемъ правилъ отечественнаго языка, написанныхъ имъ собственною рукою, между тѣмъ, какъ онъ съ полнымъ отрицаніемъ самолюбія никогда не писалъ своихъ стиховъ, но охотно диктовалъ ихъ, кромѣ колыбельной пѣсни сыну моему Кондратію, и другой пѣсни для сына моего Евгенія, и эпилога посвященнаго мнѣ: «Послѣдняя надежда». Велика была его радость, когда въ ошибкѣ мною употребленнаго слова я указывалъ на академическое правило, а онъ опровергая его, повторялъ торжественнно: «Логика выше и важнѣе всякой академіи!».

Въ этомъ собраніи его стихотвореній помѣщаю посланіе М. Ю. Лермонтова «Памяти А. И. Одоевскаго», потому что оно имѣетъ великое достоинство въ описаніи характера одного изъ добрѣйшихъ и честнѣйшихъ моихъ товарищей. Оно превосходно изображаетъ чистоту его души, спокойствіе духа, скорбь не о своихъ страданіяхъ, но о страданіяхъ человѣка. Можетъ быть, онъ даже любилъ свое страданіе въ христіанскомъ духѣ, въ преданности общему лѣлу.

Весьма жаль, что нѣтъ вѣрнаго портрета его; въ то время не было фотографіи. Нарисованный портретъ Н. А. Бестужевымъ 1-мъ, акварельный, похожъ по складу лица, но выраженіе и глаза не похожи: Они какъ то прищурены, а его взглядъ былъ открытый, живой, умный. Роста былъ средняго, походка была непринужденная, голосъ пріятный, рѣчь плавная, живая, смѣхъ былъ звучный, веселый и сердечный.

Краткость этого біографическаго очерка вызвана силой обстоятельствъ и жизнью изгнанника, безъ всякой надежды на земныя радости и безъ личнаго участвованія въ общихъ дѣлахъ, между тѣмъ, какъ въ немъ были положительные задатки къ славѣ и пользѣ отечества.

Викнино
2-го октября 1881 г.

IV.

Частное мнѣніе Эстляндскаго помѣщика по дѣлу общественному [1]).

8 января 1869 года.

Не входя ни въ какія разсужденія о причинахъ безпокойствъ и передвиженій крестьянъ Эстляндской губерніи, позволю себѣ изложить главныя средства, съ помощью коихъ власть имѣющіе могли бы приступить къ безотлагательному устраненію этихъ безпокойствъ.

1) Для всѣхъ сословій въ губерніи утвердить свободу совѣсти, вѣроисповѣданій.

2) Для всѣхъ сословій въ губерніи утвердить права собственности.

3) Для всѣхъ сословій въ губерніи ввести общее судопроизводство, утвержденное во всей Имперіи, что поведетъ не только къ слiянію всѣхъ сословій въ губерніи, но также къ скрѣпленію связи губерніи съ государствомъ.

Нахожу настоящее состояніе крестьянскихъ волостныхъ судовъ недовольно удовлетворительнымъ по недостаточному развитію волостныхъ судей, по отсутствію надлежащаго контроля за ихъ рѣшеніями со стороны высшихъ судебныхъ инстанцій, по неимѣнію необходимой опоры отъ полицейской власти при исполненіи судейскихъ приговоровъ; такъ что законъ остается мертвою буквою и служитъ не защитою, но, напротивъ, увеличеніемъ безпорядка и неудовольствія. Главное вниманіе должно быть обращено на большинство населенія, на крестьянъ, преимущественно на устройство волостей и на волостныя правленія.

4) Положить какъ можно скорѣе конецъ недоумѣніямъ и ложнымъ ожиданіямъ крестьянъ Эстляндскихъ, надѣющихся получить даровую землю или отъ помѣщика, или отъ казны, въ странахъ имъ невѣдомыхъ.

Примѣненіе общаго положенія о выкупѣ во всей Россіи къ крестьянамъ Эстляндской губерніи считаю неудобнымъ, потому что Эсты никогда не имѣли своего общиннаго управленія или общинной собственности, не знали предпріятій промышленныхъ артелями, не знали общей поруки цѣлаго общества за отдѣльнаго члена своего; а напротивъ того, они всегда дорожили личною собственностью,

---

[1]) Эта записка, написанная барономъ Розеномъ 8 января 1869 года, была представлена, по порученію автора, его племянникомъ бар. Корфомъ 6 марта того же года Эстляндскому губернатору Галкину-Врасскому. Послѣднимъ напечатана въ „Русскомъ Архивѣ“ (1885 г. кн. 4.).

участковымъ или отдѣльнымъ своимъ хозяйствомъ. Кромѣ выставленныхъ причинъ, есть еще непреоборимое къ тому препятствіе, а именно: во всѣхъ балтійскихъ губерніяхъ одна часть крестьянъ уже пріобрѣла часть крестьянской земли добровольною сдѣлкою съ помѣщиками, и эти купчія крѣпости, утвержденныя законнымъ порядкомъ, не могутъ быть уничтожены. Затѣмъ остается предоставить крестьянамъ право выкупить по добровольнымъ сдѣлкамъ земли, уже отмежеванныя отъ помѣщичьихъ земель, въ постоянное пользованіе крестьянъ и отмѣченныя красною чертою на землемѣрскихъ планахъ, кои находятся для храненія въ окружныхъ судахъ. Дабы батраки или бобыли не оставались совершенно бездомными, безъ земли, то для этого нуждающагося разряда крестьянъ выпросить у правительства выкупную ссуду на пріобрѣтеніе для нихъ остальной части крестьянской земли и предоставить имъ самимъ распорядиться пріобрѣтенною землею по общинному или участковому порядку, какъ большинство найдетъ это удобнѣе для себя. Тогда окончательно прекратится всякое обязательное отношеніе между помѣщиками и крестьянами. Въ случаѣ несостоятельности этого разряда крестьянъ правительство имѣетъ въ этой выкупленной землѣ вѣрный залогъ за выданную ссуду.

5) Введеніе русскаго языка, какъ общаго языка государственнаго, оказалось донынѣ затруднительнымъ, потому что вводили его предписаніями, не имѣя достаточнаго числа свѣдущихъ учителей для высшихъ сословій и безъ народныхъ школъ для крестьянъ. Желѣзная дорога, сношенія служебныя, торговыя, промышленныя съ обѣими столицами и со внутренними губерніями сильно потребуютъ знанія Русскаго языка и легко отстранятъ всѣ затрудненія, проистекающія изъ трехъязычія въ губерніи.

6) Правительство можетъ положиться вполнѣ на вѣрноподданство и на честность дворянства Эстляндскаго, не Нѣмецкаго не Шведскаго, но съ 1710 г.— Русскаго. Что касается до привилегій дворянства, какъ особой касты со временъ древнѣйшаго рыцарства, то эти привилегіи, несообразныя съ общею пользою государственною, не согласующіяся съ духомъ времени, исчезаютъ сами собою, какъ уже исчезли по частямъ, по опредѣленію самого дворянства, признавшаго въ общихъ своихъ собраніяхъ, что эти привилегіи нынѣ, по уничтоженіи крѣпостного состоянія во всей Россіи и по введеніи новыхъ положеній, уже не соотвѣтствуютъ старинному своему назначенію.

Эстляндскій помѣщикъ баронъ *Андрей Розенъ*.

V

Отчетъ дѣйствій мирового посредника харьковской губерніи, изюмскаго уѣзда, 2-го участка, барона А. Е. Розена, за первый годъ приведенія въ дѣйствіе положеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, представленный устно губернскому присутствію 3 апрѣля и уѣздному мировому съѣзду 18 апрѣля[1]).

Имѣю честь представить въ краткихъ словахъ:

1) состояніе крестьянскаго дѣла во 2-мъ участкѣ изюмскаго уѣзда;

2) выводъ изъ мнѣній нашей печатной и устной гласности по крестьянскому дѣлу и причины замедленія;

3) средства и мѣры, необходимыя для дальнѣйшаго успѣшнаго и мирнаго исхода нашего общаго дѣла.

Дѣйствія мои по уставнымъ грамотамъ начались въ ближайшей волости отъ города Изюма, въ Комаровской. Въ ней изъ 11 великопомѣстныхъ имѣній 8 согласились на выкупъ. Замѣчательно, что въ одномъ изъ этихъ имѣній, зачисленныхъ въ разрядъ выкупа, помѣщикъ постановилъ условіемъ срока: «когда онъ продастъ лѣсъ, смежный съ крестьянскимъ надѣломъ»; крестьяне на эту неопредѣлительность срока изъявили свое нетерпѣніе и свое неудовольствіе до такой степени, что помѣщикъ на другой же день потребовалъ моего содѣйствія для приведенія ихъ въ повиновеніе.

Съ такимъ начинаніемъ могъ я надѣяться на самое успѣшное продолженіе дѣла какъ для помѣщиковъ, такъ и для крестьянъ, но вышло совершенно противное. Послѣ Покрова дня замѣчалъ я на мірскихъ сходкахъ нерѣшимость, недовѣрчивость, боязнь, безъ всякаго изъявленія основательныхъ причинъ. Уполномоченные отъ крестьянскихъ обществъ говорили откровеннѣе, что находятъ причину несоглашеній въ круговой порукѣ при всѣхъ различныхъ родахъ повинности, въ продолжительномъ срокѣ выкупа и вообще въ глупости, въ тупости, въ упрямствѣ большинства.

На нѣсколько недѣль остановилъ я мои дѣйствія по уставнымъ грамотамъ и 30 ноября разослалъ общую повѣстку по всѣмъ волостямъ съ изложеніемъ трехъ условій—барщины, оброка, выкупа—и въ таблицахъ осязательно представилъ имъ сравнительныя выгоды этихъ условій. Сельскія начальства доносили мнѣ, что повѣстка эта читается каждое воскресенье въ волостяхъ, а въ будни въ шинкахъ, что народъ понимаетъ и соглашается на выкупъ. Но на лицахъ крестьянъ читалъ я совсѣмъ другое. Уполномоченные села Богуславска просились на выкупъ, но въ грамотѣ помѣщицы не было согласія на выкупъ; когда я исходатайствовалъ ея согласіе и получилъ его письменно въ самыхъ выгодныхъ для крестьянъ выраженіяхъ, то въ промежуткѣ вре-

---

[1]) Напечатанъ въ „Русской Мысли" 1885 кн. 9.

*

мени въ два мѣсяца крестьяне одумались, остались на издѣльной повинности. То же самое повторилось и въ другихъ крестьянскихъ обществахъ. Все это происходило въ тѣсномъ углу 2-го участка.

Но то же самое затрудненіе отозвалось повсемѣстно отъ Невы и Волги до Урала, отъ моря Бѣлаго до Чернаго, какъ видно изъ донесеній мировыхъ учрежденій и изъ нашихъ періодическихъ журналовъ и газетъ. Съ одной стороны, винятъ въ замедленіи дѣла однихъ только владѣльцевъ кунктаторовъ. Другая часть гласности винитъ кунктаторовъ въ питаніи надежды, что замедленіемъ можетъ опрокинуться все начатое дѣло и стать все по старому; такое обвиненіе такъ невозможно въ исполненіи, что не стоитъ никакого опроверженія; лучше полагать, что дѣйствительная причина замедленія заключалась въ напрасныхъ ожиданіяхъ вотчинниковъ на добровольныя соглашенія съ крестьянами. Еще другая часть печатной гласности утверждаетъ, что замедленіе въ составленіи уставныхъ грамотъ и невозможность въ добровольныхъ соглашеніяхъ падаетъ исключительно на однихъ крестьянъ, которые относительно надѣла земли и оброка и пріобрѣтенія земли въ собственность основываются на своемъ правѣ историческомъ, юридическомъ, бытовомъ. Право, жалко, когда люди истинно-образованные, отчизнолюбцы, благонамѣренные и пламенные, заносятся такъ далеко и такъ высоко, что съ высоты надоблачной невольно все земное покрыто для нихъ туманомъ. Масса народа или, правильнѣе сказать, масса земледѣльцевъ-крестьянъ, съ которыми мы имѣетъ дѣло каждый, рѣшительно ничего не знаетъ о правѣ историческомъ, юридическомъ, бытовомъ. Масса крестьянъ еще не понимаетъ, что такое уставная грамота. Масса крестьянъ не знаетъ другого звона колокола, кромѣ колокола своей приходской церкви. Масса крестьянъ не знаетъ другой будущности, кромѣ субботняго наряда на работы слѣдующей недѣли. Масса крестьянъ ни въ какія отвлеченности не пускается; но зато она до совершенства понимаетъ и разбираетъ свои хозяйственные распорядки или вопросъ экономическій. Тутъ представляется первая причина замедленія и затрудненія въ добровольныхъ соглашеніяхъ

Уполномоченные отъ крестьянскихъ обществъ высказываютъ, что при надѣлѣ землею даже высшаго размѣра не вездѣ хватитъ пастбища на лѣто, не хватитъ корму на зиму; что при существующемъ надѣлѣ этотъ недостатокъ будетъ еще ощутительнѣе, а въ большей части уставныхъ грамотъ назначается существующій надѣлъ. Всѣ помѣщики знаютъ гораздо лучше меня, какъ трудно опредѣлить въ точности существующій надѣлъ. Математически вѣрно можно исчислить до квадратнаго вершка, сколько было у крестьянъ земли подъ озимью, подъ яровымъ хлѣбомъ, подъ паромъ или толокою, сколько, сверхъ того, подъ гречкою, подъ просомъ, смотря по мѣстнымъ обычаямъ при раздачѣ земли; но никто опредѣлить не можетъ въ точности, какимъ количествомъ десятинъ пользовались крестьяне, когда весною пускали свой скотъ по господскимъ лугамъ и толокамъ до Юрьева дня, а осенью по господскимъ насѣкомымъ и жнивамъ. Возражаю уполномоченнымъ: вы можете легко заработать и нанимать у своего помѣщика и у сосѣдняго сколько понадобится на пастбище и на сѣно. Они отвѣчаютъ: «а если панъ не дастъ, далеко нанимать не приходится; гдѣ намъ гнать туда рабочую скотину»? Далѣе говорятъ они: «лѣсу дароваго не дается никому, ни на хату, ни на повозку, ни на земледѣльческія орудія; сверхъ работы, или оброка, или выкупа, плати подать, плати жалованье сельскому начальству, волостному и сельскому писарю, оспопрививателю, плати на мірскія и земскія нужды и еще отвѣчай за другихъ по круговой порукѣ». Требуйте у крестьянина головы его, онъ ее наклонитъ; требуйте по

мірской раскладкѣ копѣйку на оспопрививателя, онъ морщится и переминается съ ноги на ногу. Однако, въ рѣдкихъ случаяхъ приходилось мнѣ разувѣрять ихъ возгласомъ: что же, хотите опять закрѣпоститься попрежнему? Тогда единодушный оживленный отвѣтъ—«не дай Богъ»!—успокаивалъ недоумѣніе. На всякій случай время убѣдитъ ихъ въ необходимости расходовъ, а опытъ научитъ, какъ производить и какъ зарабатывать деньгу.

Вторую причину замедленія и несоглашенія со стороны крестьянъ на добровольныя сдѣлки нахожу въ новизнѣ преобразованія. Просвѣщенный мужъ и неучъ равно жмутся при всякомъ устроеніи новаго порядка. Мудрено ли, что наши временно-обязанные или задумываются, или не думая ни о чемъ, выжидаютъ и выслушиваютъ думы своихъ голосистыхъ собратій, полуграмотныхъ и за несправность смѣщенныхъ ключниковъ, писцовъ, лакеевъ, мирошниковъ и шинкарей. Эту причину могу выразить яснѣе, если въ силу моей должности, какъ мировой посредникъ между двумя сословіями, скажу чистосердечно, что по всей русской землѣ часть дворянства и часть крестьянства еще не успѣла или не умѣла отстать отъ стараго порядка и пристать къ новому порядку.

Третью причину нахожу въ таинственномъ распространеніи ложныхъ толкованій и ложныхъ слуховъ то о новой волѣ, то о сбавкѣ оброка, то о даровой землѣ, что помѣщики подарятъ $^1/_5$ часть выкупной суммы, а государь подаритъ остальную, такъ и будетъ даровая, и т. д.

Перехожу къ главному вопросу: какъ преобороть и устранить всѣ эти затрудненія и недоумѣнія? Закрыть уста всѣмъ пустомелямъ?—невозможно; одного выдадутъ, накажутъ, а завтра на одного явятся двое и десятеро хуже. Уговаривать народъ и передать народу убѣжденіе правильное?—на это понадобится много времени, на то пройдетъ жизнь многихъ поколѣній. Мы видѣли, какъ губернаторы, разъѣзжая по своимъ губерніямъ, какъ мировые, разъѣзжая по своимъ участкамъ, крестились и клялись для утвержденія истины словъ своихъ въ томъ, что не будетъ другой новой воли, а Грицко слушалъ, кланялся въ поясъ и не вѣрилъ. Чтобы при такомъ настроеніи духа подвинуться впередъ, поставить твердое начало на это время переходное, успокоить нетерпѣніе, умѣрить ожиданія, нахожу одно средство; оно вѣрно, потому что ему сочувствуетъ все крестьянство, ему сочувствуетъ все дворянство, его поддерживаетъ правительство всѣми силами; это средство—неукоснительное исполненіе закона со стороны вотчинника и со стороны крестьянина. Дворянство наше уважаетъ законъ, читаетъ его, понимаетъ его; крестьянство наше уважаетъ законъ обязательно, повинуется ему безъ пониманія закона,—вотъ откуда проистекаютъ противорѣчія крестьянъ при исполненіи закона; хочется ему повиноваться, и не знаетъ, какъ ему повиноваться, какъ исполнить его. Крестьяне начинаютъ понимать статьи закона, дающія имъ преимущества и льготы, но ничего не знаютъ или знать не хотятъ о преимуществахъ, предоставленныхъ тѣмъ же закономъ вотчинникамъ. Всѣ мировыя учрежденія, отъ министра и комитета до губернскихъ присутствій и уѣздныхъ мировыхъ съѣздовъ и посредниковъ,—всѣ черпаютъ изъ одного и того же источника, изъ положеній о крестьянахъ, но иной черпаетъ ведромъ, иной кружкою, иной всплескиваетъ, черпая, и если смыслъ статьи не искажается, то можетъ подвергаться пересудамъ и перетолкованіямъ. Мы читали, какъ посредникъ столичный переписывался съ посредникомъ земскимъ объ увольненіи молодаго крестьянина изъ крестьянскаго общества, чтобы вступить по способностямъ своимъ въ архитектурное отдѣленіе акаде-

міи художествъ, какъ общество запрашивало сперва 3,000 рублей, потомъ 2,000 рублей, и кончилось тѣмъ, что во время переписокъ прошелъ срокъ пріемнаго экзамена и молодой крестьянинъ потерялъ годъ, а, можетъ статься, все свое назначеніе. Это не могло бы случиться, если бы одинъ изъ посредниковъ или одинъ изъ крестьянскаго общества зналъ бы 140 ст. мѣстнаго положенія.

При такомъ состояніи и пониманіи общаго дѣла, на обязанности мироваго посредника лежитъ необходимость разъяснить крестьянству только самое нужное на первое время для введенія уставныхъ грамотъ и осязательно показать ему просторный выборъ между закономъ предложенными условіями. Нерѣшимость его исчезнетъ, когда оно узнаетъ, что ему предоставленъ выборъ между шестью родами различной повинности, что если оно при выборѣ одного условія ошиблось въ своихъ разсчетахъ, то въ положенный срокъ можетъ перейти къ другому условію:

1) крестьяне безъ согласія вотчинниковъ могутъ выкупать свою усадебную осѣдлость;

2) они безъ согласія вотчинника могутъ перейти на оброкъ, заявивъ о томъ за годъ впередъ;

3) они безъ согласія вотчинника могутъ оставаться на издѣльной повинности;

4) они безъ согласія вотчинника, смотря по многолюдности и состоятельности своего общества, могутъ дѣлиться на оброчниковъ и на работниковъ, причемъ законъ допускаетъ въ одномъ деревенскомъ обществѣ двѣ поруки, отдѣльно для работниковъ, нисколько не раздѣляя единства сельскаго управленія;

5) они съ согласія вотчинника могутъ съ оброка проситься опять на издѣльную повинность на трехгодичные сроки;

6) они съ согласія вотчинника и съ помощью отъ правительства могутъ выкупить всю землю крестьянскаго надѣла въ вѣчную собственность, чѣмъ окончательно прекратится обязательное отношеніе крестьянина къ прежнему своему владѣльцу.

Вполнѣ уважая и сознавая права каждаго владѣльца, сожалѣю невольно, когда въ уставной грамотѣ не нахожу его согласія на выкупъ. Сожалѣю потому, что въ выкупѣ вижу кратчайшую развязку нашего узловатаго дѣла. Отказъ владѣльца на выкупъ принимается крестьянскимъ обществомъ не какъ рѣшеніе по праву, но какъ нежеланіе предоставить обществу пользоваться выгодами выкупа, какъ на перегражденіе или раздѣленіе между смежными обществами, изъ коихъ одни перейдутъ въ разрядъ собственниковъ, другіе останутся на оброкѣ или на издѣльной повинности.

Законъ ясно и подробно опредѣляетъ образъ дѣйствій мироваго посредника по уставной грамотѣ. Тутъ главное дѣло заключается въ предварительныхъ объясненіяхъ съ уполномоченными отъ крестьянъ; съ ними я радъ говорить до завтра, обходить съ ними надѣлъ полевой земли, если находятъ часть неудобною; но на мірскомъ сходѣ, который чрезъ своихъ уполномоченныхъ уже знаетъ, въ чемъ дѣло, я только читаю и объясняю каждую статью уставной грамоты и спрашиваю у всего общества: желаетъ ли оно на выкупъ?—оно не соглашается. Спрашиваю: желаетъ ли оно на оброкъ?—оно не соглашается. Тутъ считаю дѣло рѣшеннымъ по закону: третьяго вопроса объ издѣльной повинности нечего предлагать, онъ разрѣшается закономъ; иначе мы должны допустить, что они могутъ отказаться отъ всѣхъ предложенныхъ условій, тогда уничтожается все положеніе. Я не знаю ихъ денежныхъ средствъ и потому не могу ихъ уговаривать на оброкъ или на выкупъ; но они знаютъ, что нисколько не связываютъ себя работою на время продолжительное; тотъ же законъ даетъ имъ право поправить

свое первое ошибочное рѣшеніе, а въ назначенный срокъ могутъ перейти къ другому условію, выгодному для нихъ. Слѣдовательно, въ утвержденіи и въ веденіи уставныхъ грамотъ не представляется особенной трудности ни для вотчинника, ни для крестьянина, развѣ только при рукоприкладствѣ къ повѣрочному акту. Новое положеніе для крестьянъ написано для всей Руси и невозможно было изъ общаго предписанія исключить мѣстности людей безграмотныхъ. Боязнь къ рукоприкладству родилась у насъ не съ уставными грамотами, а съиздавна приняла свое начало въ слѣдственныхъ дѣлахъ и допросахъ, когда по дѣлу писали одно, а читали подсудимому другое, что обнаруживалось каждый разъ при рѣшеніи приговора.

Но трудность неимовѣрная заключается въ устройствѣ и въ поддержаніи хорошаго общественнаго управленія, несмотря на то, что мы имѣемъ всевозможную поддержку отъ губернскаго присутствія, отъ земской полиціи, отъ благодѣйствующихъ владѣльцевъ. Что же касается явнаго вмѣшательства господъ владѣльцевъ въ общинномъ управленіи крестьянъ, то, сколько бы ни было оно благонамѣренно и благородно, но признаю такое вмѣшательство безусловно вреднымъ. Оно возбуждаетъ ревность въ юныхъ, не окрѣпившихся крестьянскихъ обществахъ, оно возрождаетъ заподозрѣніе къ должностнымъ выборнымъ лицамъ, оно раздваиваетъ общество на сторонниковъ помѣщика и на сторонниковъ крестьянъ, оно отнимаетъ самостоятельность и значеніе волостнаго и сельскаго правленія, оно раздуваетъ ложное понятіе крестьянства о дворянствѣ.

Были у меня примѣры, что общество смѣняло волостнаго писаря за то только, что онъ часто хаживалъ въ помѣщичью контору.

По новизнѣ нашихъ преобразованій мы должны быть снисходительны къ нашимъ новымъ волостнымъ судамъ. Въ безграмотныхъ судьяхъ нечего искать законовѣдовъ и правовѣдовъ, но вы найдете въ нихъ сокровище здраваго ума, въ числѣ рѣшеній ихъ вы найдете много превосходныхъ и не много безтолковыхъ.

Въ заключеніе желалъ бы рѣшить вопросы: соотвѣтствуютъ ли мировыя учрежденія своему назначенію, оправдываютъ ли они общія ожиданія? На эти вопросы пусть отвѣтятъ не мировые посредники. Безпристрастному наблюдателю скажу только, что со времени дѣйствій мировыхъ не было рѣшеній оружіемъ. Изъ дѣйствій 1,700 мировыхъ выставлено одно на осужденіе по важничанью со становымъ приставомъ за поставныхъ земскихъ лошадей. Затрудненіе новыхъ тружениковъ по крестьянскому дѣлу заключается не въ одной только новизнѣ дѣла, но также въ первоначальномъ порядкѣ ихъ назначенія,—въ согласованіи не только двухъ несогласнымъ сторонъ, но и не очень жалующихъ другъ друга, и совершенно разнородныхъ по образованію и по состоянію,—въ столкновеніяхъ съ полиціями и съ судами, съ бюрократіей, имѣющими свой взглядъ и свою закоренившуюся формалистику. Сотрудникамъ желаю терпѣнія, какъ можно больше терпѣнія; о доброй волѣ, о великой цѣли говорить не зачѣмъ, онѣ на виду у всѣхъ. Наше главное дѣло не столько громить за ничтожную недоимку въ рабочихъ дняхъ, за мотки и пасьмы, сколько предотвратить всякое важное упущеніе, всякое начало къ большимъ безпорядкамъ, могущимъ вредить вмѣстѣ и дворянству, и крестьянству и преградить дальнѣйшій мирный ходъ общаго дѣла.

Богъ въ помощь всѣмъ подвизающимся на русское благо общее, а не сословное, отдѣльное!

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ

въ «Запискахъ декабриста».

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Часть третья.

Приложенія.

